Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Ящикъ И Шкафъ 5
Полка 2 № 5

МОНГОЛІЯ и МОНГОЛЫ.

Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг.

А. Позднѣевымъ.

ТОМЪ I.

Дневникъ и маршрутъ 1892 года.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

12606

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ Н Шкафъ 5
Полка 9 № 5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, П. П. Семенова . . . . . IX—XVI

Предисловіе автора . . . . . XVII—XXX

I. Отъ Кяхты до Урги . . . . . 1—62

Выѣздъ въ Монголію. — Торговля хлѣбомъ въ Кяхтинскомъ маймачѣнѣ. — Долина Кяхты со стороны Монголіи и ея населеніе. — Переправа черезъ Орхо̀нъ. — Эксплуатація поемныхъ луговъ Орхо̀на хошӯнами. — Ловля рыбы русскими въ Монголіи. — Военныя игры монголовъ. — Бо̄мскія пашни. — Долбнъ-даба̄ и видъ на Селенгу. — Жилище мѣстнаго шамана. — Прибытіе къ хошӯнному хўрэ̄ню и управленію Цэ-цзасака̀. — Мой визитъ къ тусалакчѝ и обозрѣніе хўрэ̄ня. — Почтовыя станціи въ хошӯнѣ Цэ-цзасака̀. — Свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи этого хошӯна. — **Аму̀ръ-Баясхуланту̀**: его исторія. — Наружный и внутренній видъ императорскаго монастыря. — Каменописный памятникъ. — Монастырскіе а̀ймаки. — Хура̀лы и цанѝтъ. — Средства содержанія монастыря. — Особыя учрежденія при монастырѣ. — Китайская торговля. — Характеристика ламъ. — Ихъ отношеніе къ моимъ изслѣдованіямъ. — Ямуньскій бичэ̄чи. — Слѣдованіе по долинѣ р. Ибэ̀на. — Переправа черезъ Орхо̀нъ. — Свѣдѣнія о пути отъ Дархѝнъ хѝта до Эрдэнѝ-цзӯ. — Переѣздъ въ долину р. Хары̀ и добываніе солодковаго корня китайцами. — Гробница ламы. — Хлѣбопашество въ долинѣ р. Хара̀. — Выѣздъ на почтовый кяхтинско-ургинскій трактъ. — Ноѝнъ-ӯла. — Основаніе ки-

*

тайскихъ земледѣльческихъ колоній. — Табуны ургинскаго хутухты. — Кочевья Мандорвà гýна. — Прибытіе въ Ургу.

II. Урга или Дā-хýрѣ . . . . . 63—149

Различныя наименованія Урги.—Ея первоначальная исторія и перекочевки. — Постепенное возвышеніе Урги какъ административнаго центра. — Ургинскій маймачэ̀нъ и исторія ургинскихъ торговыхъ поселеній, — Мѣстоположеніе Урги и гора Хāнъ-ӯла. — Населеніе Хýрѣня. — Хýрѣньскіе àймаки ихъ происхожденіе и значеніе. — Аймà чныя кумирни и ихъ устройство. — Цокчѝнъ. — Дачѝнъ калбà инъ сýмэ̀ и тріумфальныя воротъ хутухты. — Кумирни лекарей, астрологовъ и пр. — Кумирня Абатà я. — Кумирня Мà йдари. — Ямунь шанцзотбы̀. — Внѣшній видъ хýрѣнскихъулицъ. — Хýрѣньскій рынокъ. — Пекинскія лавки и ихъ бытъ. — Лавки шань-си'скихъ китайцевъ.— Ургинскія ремесленныя и промышленныя заведенія.—Нищіе.— Полицейская часть въ хурѣни. — Ургинскія трущобы. — Гà нданъ.— Маймачэ̀нъ. — Его мѣстоположеніе и раздѣленіе. — Улицы Маймачэ̀на. — Типы китайскихъ лавокъ. — Гостинницы. — Лѣсная торговля. — Жилища Монголовъ. — Китайское кладбище. — Управленіе маймачэ̀на. — Цзаха̀-дэ̄рэ. — Ямуни ургинскихъ амбà ней. — Хорбны. — Новая ургинская крѣпость. — Русское консульство. — Учрежденіе штата при мѣстной православной церкви и необходимость врача.

III. Отъ Урги до Улāсутà я . . . . . 149—239

Переправа черезъ р. Тблу и долина этой рѣки. — Монголъ-охотникъ. — Обученіе почтовыхъ лошадей. — Разказы о нападеніи на Халху хой-хойцевъ. — Посѣщеніе богдохāнскихъ табуновъ. — Образчикъ содержанія монгольскихъ управленій. — Переѣздъ по гобíйскимъ станціямъ. — Сà йръ-усý. — Дальнѣйшіе виды въ Гоби. — Станція Дэ̄рэнъ. — Онгíйнъ. — Вступленіе въ районъ 20 халхаскихъ станцій. — Горида̀. — Таца̀— Шаргальчжýтъ. — Тýй. — Хошӯнное вспомоществованіе почтосодержателямъ. — Разказы о золотыхъ розсыпяхъ на станціи Ологбй. — Свѣдѣніе о русскихъ торговцахъ. — Ӯта и Байдарѝкъ. — Долина Шарà усý и памятники древности. — Могильникъ у ст. Дāганъ-дэ̄ль. — Долговыя обязательства у почтосодержателей. — Дӯтуйнъ хýрѣ. — Пріѣздъ въ Улāсутà й.

IV. Улāсутà й . . . . . 239—280

Историческія свѣдѣнія объ этомъ городѣ. — Современное населеніе улāсутà йской крѣпости. — Крѣпостные ямуни

или мѣста управленія. — Кумирни и другія зданія. — Помѣщенія центральнаго управленія монголовъ. — Улясутайскій маймачэнъ. — Дяни. — Лавки пекинскихъ и хухуй-хотоскихъ торговцевъ. — Торговля монголовъ. — Общественныя зданія Маймачэна. — Маймачэнскія окрестности. — Торговые пути изъ Улясутая.

V. Отъ Улясутая до Кобдо . . . . . 280—303

Окрестности Улясутая и Эбугэнъ-хурѣ. — Дорога по берегамъ Богдойнъ-гола и Цзабхана. — Встрѣча съ поѣздомъ амбаня. — Разказы цзалана о земельномъ спорѣ киргизовъ съ урянхаями. — Переправа черезъ Цзабханъ. — Озеро Багануръ и пески Элэсунъ-дабана. — Временная перекочевка станцій Чжиргаланту и Цзахаа-булукъ. — Образчикъ уплаты арендныхъ денегъ почтосодержателямъ. — Земледѣліе въ долинѣ Цзэргэ. — Озеро Хараа-усу. — Прибытіе въ Кобдо.

VI. Кобдо . . . . . 303—337

Историческія свѣдѣнія о началѣ и перекочевкѣ этого города. — Кобдоская крѣпость. — Жилище амбаня и ямуни. — Инородческое училище въ Кобдо. — Пакгаузы и кумирня Гэссэра. — Колодецъ дракона. — Кобдоскій маймачэнъ. — Средства для поддержанія порядка и чистоты на городскихъ улицахъ. — Китайскія торговыя фирмы въ Кобдо. — Хошунная торговля китайцевъ. — Мелочные торговцы Кобдо. — Маймачэнскія кумирни. — Монастырь Шараа-сумэ и его каменописный памятникъ. — Мѣстные гэгэны и празднества.

VII. Отъ Кобдо до Урги . . . . . 338—480

Выѣздъ изъ города и легенды о старомъ Кобдо. — Кобдоскія пашни. — Переправа черезъ р. Кобдо. — Сѣверные берега Хараа-усу. — Встрѣча съ цзалановъ кобдоскихъ пашень. — Соленое оз. Дзэрэнъ. — Теченіе р. Цзабханъ. — Свѣдѣнія о китайцахъ на Убсаа-нурѣ. — Кунгуй. — Разказы цзангина о состояніи карауловъ пограничныхъ съ Россіею. — Монгольскіе бродяги. — Древніе могильники на Дуланъ-дабанѣ. — Свѣдѣнія объ алтайскихъ урянхаяхъ. — Пребываніе въ Улясутаѣ. — Монгольскіе извозчики. — Слѣдованіе по долинѣ Цзагасутая. — Разказы Бальчжина о злоупотребленіяхъ монголовъ казенными табунами. — Прибытіе въ хурѣнь Илагухсанъ, хутухты. — Исторія возвышенія хубилгановъ Илагухсанъ-хутухты. — Его монастырь. — Рѣка Идэръ и монастырь Ханбо

гэгэ̀на. — Слѣдованіе долинами р.р. Тэкшѝ и Хочжӯла. — Свѣдѣнія о бухя̄-ёртѳ̄.—Прибытіе въ хӱрѣ̄нь Дала̀й-ва̀на.—Хошунное управленіе дала̀й-ва̀на и его монастырь. — Слѣдованіе по долинамъ оз. Тэрхѝйнъ цага̀нъ и рр. Гичжигинѝйнъ и Чулӯту. — Переправа черезъ Хану̀й. — Свѣдѣнія о ставкѣ и хощӯнѣ Са̀йтъ ва̀на.—**Цзаѝнъ хӱрѣ̄ и ея гэгэ̀ны**—Исторія Цзаѝнъ-гэгэ̀новъ и настоящій хубилга̀нъ его.—Дэ̀дў-хӱрѣ̄ Цзаѝнъ-гэгэ̀на и ея окрестности. — Содержаніе монастыря и шабина̀ры хутухты̀. — Долговыя обязательства вѣдомства Цзаѝнъ-гэгэ̀на. — Переѣздъ въ Эрдэнѝ-цзў'скій монастырь. — Монгольскіе пріемыши. — **Эрдэнѝ-цзӯ**. Историческія свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ. — Надписи на субурга̀нахъ. — Современное состояніе монастыря. — Замѣтки о мѣстной торговлѣ. — Переѣздъ въ Барӯнъ-хӱрѣ̄. — Современное состояніе этого монастыря. — Выѣздъ въ Ургу. — Курьезная уплата штрафа. — Слѣдованіе по долинѣ Хугэнэ̀-тарна̀. — Образчикъ чествованія монголами каменописной надписи и свѣдѣнія о Цага̀нъ ба̀йшинѣ. — Слѣдованіе по долинѣ Борохчѝнъ. — Чѝнъ-тологѝйскіе памятники. — Монгольскіе конокрады. — Прибытіе на То̄лу. — Путь отъ Цэгэ̀йнъ до Урги.

VIII. Хубилганы Чжэбцў̀нъ-дамба̀-хутухты̀. 480—582

Неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній о личности Чжэбцзў̀нъ-дамба̀-хутухты̀. — Его первые хубилганы по вѣрованіямъ ламаитовъ. — Чудесныя знаменія предшествовавшія рожденію перваго халхаскаго хубилга̀на. — Рожденіе Ўндур̆ъ гэгэ̀на и его дѣтство. — Соображеніе о причинахъ побудившимъ Дала̀й-ламў объявить сына Тӱшѣтў-ха̄нова хубилга̀номъ Чжэбцзў̀нъ-дамбы̀. — Легенды о второмъ путешествіи Ўндур̆ъ-гэгэ̀на въ Тибетъ. — Участіе хутухты̀ въ подданствѣ халхасовъ Китаю. — Легенды объ отношеніяхъ Ка̀нси къ хутухтѣ и о послѣдующей жизни Ўндур̆ъ-гэгэ̀на. — Предзнаменованія при рожденіи 2-го халха̀скаго хубилга̀на Чжэбцзў̀нъ-дамба̀-хутухты̀, его рожденіе и дѣтство. — Пріемъ въ Пекинѣ. — Легенды о послѣдующей жизни хутухты̀. — Приношеніе Донко̀ръ-маньчжў̀шри и увеличеніе числа шабина̀ровъ. — Учрежденіе должности шанцзотбы̀. — Участіе 2-го хубилга̀на въ политикѣ. — Смерть и постепенное ограниченіе китайцами свѣтскаго значенія хутухты̀. — Возрожденіе 3-го хубилга̀на въ Тибетѣ и недовольство этимъ халхасовъ. — Пріѣздъ его въ Монголію. — Легенды о жизни 3-го хутухты̀. — Избраніе 4-го хубилга̀на и милости къ нему богдоха̀на. — Свѣдѣнія о жизни 4-го хутухты̀ и его дѣятельность на пользу ламаизма. — Пятый хубилга̀нъ и измѣненіе взглядовъ китайцевъ на хутухту̀. —

Столкновеніе съ китайскими торговцами, перенесеніе Урги и судебное дѣло хутухты въ Пекинѣ. — 6-й хубилга̀нъ и несчастное призваніе его въ Халху̀. — Седьмой хубилга̀нъ и вліяніе на него халхасовъ. — Цэцэ̀нъ-ха̀нъ Артасѝдда. — Кончина 7-го хутухты и избраніе 8-го хубилга̀на. — Пріѣздъ его въ Ургу и измѣненіе отношеній къ нему амба̀ней. — Разгульная жизнь хутухты. — Общія замѣчанія о жизни хутухты: Порядокъ ихъ избранія. — Приглашеніе въ Монголію и примѣрные расходы халхасовъ на этотъ предметъ. — Поѣздки за хутухто̀ю въ Тибетъ. — Пріѣздъ гэгэ̀на въ Ургу, возведеніе его на каѳедру и текстъ жалуемой ему высочайшей грамоты. — Отношенія къ ургѝнскому хутухтѣ русскихъ подданныхъ: калмыковъ и бурятъ. — Поклоненія гэгэ̀ну. — Доходы и богатства Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты. — Смерть хутухты и его мощи. — Мое посѣщеніе монастыря Дамба̀-доржѝ и каменописный памятникъ этого монастыря.

IX. Отъ Урги до Калгана . . . . . 582—644

Торговые тракты между Ургою и Калганомъ. — Русскій мостъ черезъ р. То̄лу. — Условія нашего движенія и характеристика верблюда. — Свѣдѣнія о монастыряхъ Донко̀ръ-маньчжу̀шри. — Встрѣча русскихъ каравановъ. — Историческій очеркъ русскаго и европейскаго почтоваго движенія по Монголіи. — Попытки Си-чана учредить новый почтовый трактъ въ Монголіи. — Гора Сансà̀ръ и монастырь Чо̀й-ра. — Вопросъ о правѣ русскихъ на погребеніе своихъ умершихъ въ монгольской степи. — Долина Бичжиту̀. — Порядокъ нашего зимняго движенія. — Свѣдѣнія о хошӯнѣ бывшаго цзасака̀ Цзамья̀нъ-хорло̀. — Посѣщеніе цзала̀на мэргэ̀нъ-ва̀новскаго хошӯна и слухи о Мэргэ̀нъ-ва̀нѣ. — Станція Йэхэ-ӯдэ и учрежденіе на ней русскаго торговаго агента. — Встрѣча каравана О-вана. — Минералогическія богатства горъ Ша̄цзага̀йту. — Учрежденіе опредѣленнаго тракта для слѣдованія посольствъ ургинскаго хутухты. — Озеро Ѣрэ̄нъ-дабасу̀ и добыча соли изъ онаго. — Страшные холода въ Го̀би. — Отводъ запасныхъ пастбищъ для богдоха̄нскихъ стадъ. — Стада богдоха̄нскихъ овецъ. — Монголъ-строитель княжескихъ дворцовъ. — Особенности чахарскихъ поселеній. — Цага̀нъ-балгасу̀нъ. — Поселокъ Боро̀-цэ̄чжи. — Пореѣздъ черезъ калганскій хребетъ.

X. Калганъ . . . . . 644—674

Современныя названія этого города. — Янь-бо̄-шаньское ущелье.—Новая православная церковь въ Калганѣ. — Жилища

русскихъ. — Па-ганъ-цзы. — Великая стѣна и калганскія ворота. — Калганскій маймачѣнъ. — Главная улица Шанъ-пу. — Свѣдѣнія о калганской таможнѣ. — Калганскій лагерь маньчжурскихъ войскъ. — Фирмы калганскихъ торговцевъ солью. — Ся-пу. — Китайскія фирмы, торгующія въ Монголіи. — Ся-пу'скія кумирни. — Мѣстныя банковыя учрежденія. — Русская почтовая контора въ Калганѣ. — Проживающіе въ Калганѣ русскіе коммиссіонеры по переотправкѣ чаевъ.

Алфавитный указатель именъ предметныхъ и личныхъ . . 675—683

Алфавитный указатель именъ географическихъ. . . . . 684—696

Съ самаго начала второй половины полувѣковаго своего существованія Императорское Русское Географическое Общество напрягало всѣ свои силы на изслѣдованіе Внутренней Азіи, разумѣя подъ этимъ терминомъ почти всю застѣнную часть Китайской Имперіи, сѣверную и ближайшую къ намъ часть которой составляетъ Монголія. Цѣлый рядъ снаряженныхъ Обществомъ ученыхъ экспедицій отважно проложилъ себѣ путь въ самые недоступные и малоизвѣстные уголки необъятнаго пространства застѣннаго Китая и вывезъ о нихъ цѣлую массу свѣдѣній, входящихъ въ обширный циклъ географическихъ наукъ. Но, конечно, отважные путешественники, покрывшіе цѣлою сѣтью своихъ маршрутовъ всю поверхность Внутренней Азіи, совершенно справедливо смотрѣли, какъ это ясно высказалъ славнѣйшій изъ нашихъ путешественниковъ Н. М. Пржевальскій, на свои изслѣдованія только какъ на научныя рекогносцировки, за которыми должны были слѣдовать болѣе детальныя работы лицъ, спеціально подготовленныхъ къ изученію тѣхъ или другихъ отраслей обширнаго цикла географическихъ наукъ. При этомъ весьма понятно, что всякій отважный путешественникъ, проникающій впервые въ неизслѣдованную страну, можетъ, кромѣ общаго ея географическаго обзора, дать о ней только тѣ свѣдѣнія, которыя соотвѣтствуютъ кругу его общихъ и спеціальныхъ познаній, а о всемъ томъ, что выходитъ изъ предѣловъ его занятій и компетентности, можетъ дать только свѣдѣнія отрывочныя, способствующія, на ряду съ разрѣшенными путешественникомъ вопросами, возбудить еще множество новыхъ, имъ неразрѣшенныхъ. Но именно это возбужденіе новыхъ вопросовъ какъ нельзя болѣе способствуетъ успѣху географической науки, такъ какъ оно привлекаетъ къ ихъ разрѣшенію цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей.

Такъ, отсутствіе въ изслѣдованіяхъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго геологическихъ данныхъ и недостаточность этихъ данныхъ вынудили Географическое Общество при снаряженіи экспедиціи Пѣвцова ввести въ составъ ея горнаго инженера Богдановича, а въ составъ послѣдней экспеди-

ціи Потанина горнаго инженера Обручева, въ значительной мѣрѣ выполнившихъ пробѣлы нашихъ знаній о Внутренней Азіи въ этой области географіи. Такъ, открытіе экспедиціями братьевъ Грумъ-Гржимайло и Пѣвцова обширной котловины у подножія Тянь-шаня, лежащей ниже уровня океана, вызвало устройство въ этой котловинѣ метеорологической станціи, дѣйствовавшей тамъ въ теченіе полутора года и пополнившей въ значительной мѣрѣ наши свѣдѣнія о климатѣ Внутренней Азіи.

Несмотря однакоже на случайныя колебанія, зависѣвшія отъ того, что Географическое Общество, при всей своей предпріимчивости, всегда снаряжало свои экспедиціи лишь по почину самихъ изслѣдователей, только регулируя ихъ дѣятельность съ цѣлью извлечь изъ нея наибольшую пользу для науки, развитіе нашихъ свѣдѣній о Внутренней Азіи шло довольно послѣдовательно. Оно начиналось съ маршрутныхъ съемокъ и опредѣленія астрономическихъ пунктовъ, дающихъ картографическій кадръ всякому географическому изслѣдованію, далѣе переходило на измѣреніе высотъ и изслѣдованіе орографіи страны, на изслѣдованія геогностическія, опредѣляющія строеніе земной коры, далѣе на изслѣдованія поверхностнаго слоя земной поверхности, т. е. ея почвы а также ея орошенія, т. е. знакомство съ гидрографіей страны, затѣмъ всѣхъ климатическихъ условій и обусловленнаго ими органическаго ея покрова, т. е. флоры страны, а затѣмъ и ея фауны. Только послѣ такого всесторонняго знакомства съ физическою географіею страны очередь могла дойти и до изученія обитающаго на ней человѣка, антропологическихъ, этнографическихъ и бытовыхъ его особенностей, а также его экономическаго положенія и наконецъ вліянія природы страны на ея обитателей и его обратнаго уже культурнаго вліянія на природу.

Должно сознаться, что все, что было сдѣлано въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ отношеніи изслѣдованій этнографическихъ и экономическихъ, экспедиціями Общества, представляется еще далеко недостаточнымъ. Это объясняется весьма многими причинами. Во-первыхъ, наши экспедиціи, взявшія, если можно такъ выразиться, съ бою выговоренное еще въ 1858 г. Тянь-цзинскимъ договоромъ право путешествовать по Китаю, но еще до экспедиціи Н. М. Пржевальскаго 1871 г. почти не осуществлявшееся, не любили двигаться по большимъ торнымъ путямъ, проложеннымъ торговыми сношеніями, а также посѣщать крупные центры населенія. Они просто обходили ихъ, опасаясь столкновеній съ населеніемъ и китайскими властями и вообще обращали гораздо болѣе вниманія на изслѣдованіе природы страны, чѣмъ населенія, въ ней обитающаго. Но и при всемъ томъ, при встрѣчѣ своей съ людьми и общеніи съ ними, наши любо-

знательные путешественники вносили въ свои дневники все, что узнавали о нихъ и отъ нихъ. Но главнымъ препятствіемъ къ изученію населенія страны, какъ извѣстно, служитъ недостаточное знакомство съ туземными языками, безъ котораго изученіе историческихъ ея памятниковъ, административныхъ и юридическихъ отношеній ея жителей и ихъ религіозныхъ вѣрованій почти невозможно, да и самое знакомство съ экономическимъ ихъ положеніемъ можетъ быть только поверхностнымъ, не будучи провѣрено обстоятельными распросами. Такимъ образомъ самые существенные пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ о застѣнномъ Китаѣ заключались въ недостаточности свѣдѣній этнографическихъ и экономическихъ о его населеніи.

О пополненіи этихъ данныхъ, впрочемъ, уже давно заботилось Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Не довольствуясь тѣми нерѣдко весьма обстоятельными свѣдѣніями, которыя оно получало отъ своихъ консуловъ, постоянно пребывающихъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ пунктахъ застѣннаго Китая, оно снаряжало и нѣкоторыя самостоятельныя экспедиціи съ этою цѣлью. Такъ, въ 1874—1875 г., по иниціативѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, была снаряжена экспедиція Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго, долженствовавшая изслѣдовать весь торговый путь отъ Ханькоу до Семипалатинска. Экспедиція эта, не коснувшаяся, впрочемъ, Монголіи, исполнила до нѣкоторой степени свою задачу, т. е. изслѣдовала весь указанный ей путь, но собрала весьма мало этнографическихъ и экономическихъ свѣдѣній о встрѣченномъ ею на этомъ пути населеніи, опять-таки вслѣдствіе незнакомства членовъ экспедиціи съ туземными языками.

И самому Географическому Обществу очень рѣдко удавалось ввести въ составъ своихъ экспедицій лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными нарѣчіями и притомъ обладающихъ достаточно высокимъ образовательнымъ цензомъ. Изъ такихъ лицъ принимали однако же участіе въ экспедиціяхъ Общества: знатоки тюркскихъ нарѣчій, академикъ В. В. Радловъ и Н. Ѳ. Катановъ, извѣстный своей обширной ученостью, оріенталистъ, архимандритъ Палладій и лучшій изъ нашихъ монголистовъ, профессоръ А. М. Позднѣевъ. Послѣдній, принявъ въ 1876 г. участіе въ экспедиціи Г. Н. Потанина, пробылъ даже цѣлыхъ три года въ Монголіи, но и этого времени, по его собственному сознанію, было едва достаточно, чтобы овладѣть только главнымъ средствомъ изученія Монголіи — монгольскими нарѣчіями, но еще не самымъ знаніемъ страны и ея населенія.

Со времени перваго пребыванія А. М. Позднѣева въ Монголіи прошло 14 лѣтъ, и занимая каѳедру монгольскаго языка въ С.-П.-б. университетѣ, А. М. Позднѣевъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію о недостаточности нашихъ свѣдѣній о Монголіи. Къ счастью, въ 1892 году Мини-

стерство Иностранныхъ Дѣлъ предложило А. М. Позднѣеву предпринять новое путешествіе въ Монголію съ цѣлью разносторонняго изученія населенія Монголіи, какъ въ этнографическомъ, т. е. бытовомъ, юридическомъ, религіозномъ отношеніи, такъ и въ современномъ экономическомъ, посѣщая при этомъ главные торговые пути и самые крупные центры населенія.

Трудно было найти лицо, болѣе подходящее къ такой задачѣ какъ Алексѣй Матвѣевичъ Позднѣевъ.

* А. М. Позднѣевъ изъ родовыхъ дворянъ Орловской губерніи и сынъ протоіерея г. Орла, первоначальное образованіе свое получилъ въ Орловской духовной семинаріи, а засимъ, въ 1872 году, по выдержаніи испытаній въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ и въ Московскомъ Университетѣ, поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго Университета. Немедленно по окончаніи курса на этомъ факультетѣ А. М. съ 26-го Апрѣля 1876 г. вошелъ въ составъ снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ экспедиціи въ Монголію, будучи командированъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ Монголію для изученія быта монголовъ и усовершенствованія себя въ спеціальныхъ занятіяхъ монгольскимъ языкомъ. Ближайшимъ результатомъ этой командировки собственно для Университета было пріобрѣтеніе университетскою библіотекою разнаго рода монгольскихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій всего 972 тома (бэнь-цзы) подъ 157 заглавіями. Коллекція эта остается еще доселѣ неописанною къ полномъ своемъ составѣ и разобрана только въ частяхъ, но она, несомнѣнно представляетъ большой научный интересъ особливо по образцамъ исторической и свѣтской литературы, свидѣтельствующимъ, что наши понятія о литературѣ монголовъ, какъ о проникнутой ультра-буддійскимъ направленіемъ, нельзя почитать безусловно вѣрными. По возвращеніи изъ помянутой командировки А. М. былъ причисленъ къ Университету для приготовленія къ профессорскому званію и 25-го Января 1881 г. защитилъ свою диссертацію на степень магистра монгольской словесности, а со 2-го Марта того же года утвержденъ штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ монгольской словесности. Въ 1883 г. А. М., по представленіи диссертаціи «Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ-эрихэ съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636—1736 гг.», былъ удостоенъ степени доктора монгольской словесности. Въ слѣдующемъ 1884 г. онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ, а въ 1886 г. ординарнымъ. Какъ профессоръ университета А. М. первый открылъ въ Россіи курсъ чтеній по Исторіи литературы монгольскихъ нарѣчій, преподаваніе же монгольскаго языка было оживлено имъ введеніемъ въ курсъ чтенія оффиціальныхъ бумагъ гражданскаго и уголовнаго дѣлопроизводства монголовъ, при подробномъ изложеніи какъ особенностей современнаго оффиціальнаго монгольскаго языка, сложившагося подъ вліяніемъ на жизнь монголовъ Китая, такъ и при объясненіяхъ административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія этой страны. Изъ посторонихъ занятій А. М. помимо участія его въ ученыхъ трудахъ Императорскаго Географическаго, Императорскаго Археологическаго и наконецъ, Историческаго и Юридическаго при С.-Петербургскомъ Университетѣ ученыхъ обществъ, по званію члена оныхъ, надлежитъ отмѣтить еще, что съ 1881 года онъ редактировалъ изданія Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества въ Лондонѣ на монгольскомъ, калмыцкомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Въ 1887 г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ съ Высочайшаго соизволенія было поручено А. М. разработать основанія, по которымъ должно быть произведено преобразованіе учебнаго дѣла въ калмыцкой степи Астраханской губерніи и, во исполненіе этого порученія, имъ былъ составленъ проектъ объ устройствѣ училищной части у калмыковъ.

Въ Университетѣ А. М. съ 1888 года состоялъ секретаремъ факультета Восточныхъ

---

* Извлечено изъ Записки С.-Петербургскаго Университета о жизни и трудахъ профессора А. М. Позднѣева.

языковъ, а въ 1889 г. ему, помимо занятій по каѳедрѣ монгольской словесности, было поручено еще преподаваніе маньчжурскаго языка. Эти обязанности секретаря факультета и преподавателя маньчжурской словесности онъ несъ на себѣ до Апрѣля мѣсяца 1892 года, когда Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, командировало его снова въ Монголію для изслѣдованія административнаго строя и положенія Монголіи, а равно изученія нашихъ торговыхъ отношеній къ Китаю. Изъ этой командировки А. М. возвратился только къ 1-му Октября 1893 г., причемъ для С.-Петербургскаго Университета имъ была снова собрана большая коллекція рукописныхъ и печатныхъ китайскихъ, монгольскихъ и маньчжурскихъ сочиненій, всего 727 томовъ (бэнь) подъ 138 заглавіями, а для своихъ практическихъ занятій со студентами А. М. собралъ рѣдкую коллекцію ламайскихъ кумировъ и другихъ принадлежностей ламайскаго культа.

Появившіяся въ печати работы А. М. могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы:

А) Отдѣльно изданные труды:

1) Ургинскіе хутухты. — Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта. Спб., 1879 г. 84 стр. 8⁰.

2) Города Сѣверной Монголіи. Спб., 1880 г. II + 114 стр. 8⁰.

3) Образцы народной поэзіи монгольскихъ племенъ. Выпускъ 1-й Народныя пѣсни монголовъ. Спб., 1880 г. + 346 стр. 8⁰. (Магистерская диссертація).

4) О древнемъ китайско-монгольскомъ историческомъ памятникѣ «Юань-чао-ми-ши». «Спб., 1882 г. 22 стр. 8⁰. Съ литографированною таблицею.

5) Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую Академію Наукъ Винокуровымъ. Спб., 1881 г. 14 стр. 8⁰.

6) Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ» съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. — Спб., 1883 г. XXXVIII + 421 стр. 8⁰. (Докторская диссертація).

7) Астраханскіе калмыки и ихъ отношеніе къ Россіи до начала нынѣшняго столѣтія. Спб., 1886 г. 32 стр. 8⁰.

8) Объ отношеніяхъ Европейцевъ къ Китаю. (Рѣчь, произнесенная на актѣ С.-Петербургскаго Университета). Спб., 1887 г. 38 стр. 8⁰.

9) Новый завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Часть 1-я. Св. Четвероевангеліе въ переводѣ съ Греческаго языка на калмыцкій. — Изданіе Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества. Спб., 1887 г. 586 стр. 8⁰.

10) Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Спб., 1887 г. XVI + 492 стр. 8⁰.

11) Житіе Алексія человѣка Божія въ переводѣ на Бурятскій языкъ. Изданіе Св. Синода. Спб., 1889 г. 24 стр. ⁰.

12) Краткая Священная Исторія на калмыцкомъ языкѣ. Изданіе Министерства Госуд. Имуществъ. Спб., 1891 г. 48 стр. 8⁰.

13) Монголо-Бурятскій переводчикъ. Спб., 1891 г. XVII + 108 стр. 16⁰.

14) Калмыцкія народныя сказки, собранныя въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губерніи и изданныя въ подлинномъ калмыцкомъ текстѣ. Спб., 1892 г. 150 стр. 8⁰.

15) Калмыцкая Хрестоматія для чтенія въ старшихъ классахъ калмыцкихъ народныхъ школъ. Изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ. Спб., 1892 г. 172 стр. 8⁰.

Б) Статьи въ повременныхъ изданіяхъ.

а) *въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*:

16) Рецензія на сочиненіе прот. Орлова: «Грамматика Монголо-Бурятскаго языка». 1879 г. Ч. CCVI отд. 2. 37 стр. 8⁰.

17) Рецензія на сочиненіе доктора Пясецкаго: «Путешествіе по Китаю» (1881 г. Іюнь. 30 стр.).

18) Рецензія на сочиненіе Н. М. Пржевальскаго: «Третье путешествіе въ Центральной Азіи: изъ Зайсана, черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки». (Апрѣль 1884 г. 35 стр.).

19) Рецензія на сочиненіе: Tám tu king ou le livre des phrases de trois caracterès avec le grand commentaire du Vu'ong tân thäng Trad. par Abel de Michels. (1884 г. Іюнь).

20) Рецензія на сочиненіе: E. A. von Friede: Lao-tsés Tao-të king. (1884 г. Октябрь).

21) По поводу рецензіи Н. И. Веселовскаго на сочиненіе: «Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ эрихэ». 1884 г. Декабрь).

22) Рецензія на сочиненіе М. В. Пѣвцова: Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Китая.. (1885 г. Мартъ 36 стр.).

23) По поводу рецензіи И. П. Минаева на сочиненіе: «Очерки быта буддійскихъ монастырей».

б) *въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества*:

24) Китайская пайцза, найденная въ Минусинскомъ краѣ въ 1884 г. (1885 г. Т. I, вып. I).

25) Китайская пушка, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ. (1886 г. Т. I, вып. II).

26) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «Первый періодъ китайской исторіи до Цинь-ши-хуанъ-ди» (ibid.).

27) Къ исторіи развитія буддизма въ Забайкальскомъ краѣ. (Т. II, вып. III, стр. 169—188).

28) Китайскія зеркала найденныя въ Кульджѣ (ibid.).

29) Рецензія на сочиненіе: «Калмыцко-русскій словарь, составленный по приказанію Главнаго Попечителя». (Т. I, вып. II).

30) Рецензія на сочиненіе Іером. Николая (Адоратскаго): «Исторія Пекинской Духов. Миссіи». (Т. III, вып. I и II).

31) Рецензія на сочиненіе В. Андріевича: «Очеркъ исторіи Забайкалья съ древнѣйшихъ временъ до 1762 г.» (ibid.).

32) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «Принципы жизни Китая».

33) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Китайцевъ» (ibid.).

34) «Каменописный памятникъ подчиненія Маньчжурами Кореи». (Т. V, вып. I).

в) *Въ Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества*:

35) Къ Исторіи Зюнгарскихъ калмыковъ. (Зап. по отд. Этнографіи 1887 г. Т. X, вып. 2-й, 25 стр. + VI).

36) Рецензія на сочиненіе П. А. Дмитревскаго: «Записки Кигоро о Кореѣ». (Отчетъ за 1885 г.).

37) Замѣчанія къ дорожнымъ замѣткамъ на пути по Монголіи Архим. Палладія 1847 г. (Зап. по Общ. Географіи. Т. XXII, вып. 1-й. 1892 г. 114 стр.

г) *Въ Восточномъ Обозрѣніи*:

38) О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. (1882 г., №№ 5-й и 6-й).

39) Рецензія на статью: M. Camille Imbault Huart'a «La mort d'une imperatrice régente en Chine». (1882 г., № 9).

40) Рецензія на сочиненіе г. Верна: «Современная Японія». (1882 г., № 35—36).

41) Нѣсколько словъ объ Астраханскихъ Калмыкахъ. (1883 г., №№ 46—48).

42) Распространеніе англичанами Св. Писанія въ Сибири и Средней Азіи. (1884 г., № 10-й).

43) Рецензія на статью: «Über Rubruks Reise von 1253—1255» von Franz Max Schmidh. (1886 г., № 24).

д) *Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ*:

44) О русской торговлѣ въ Монголіи. (Сибирь, 1879 г., № 8).

45) Рецензія на сочиненіе доктора Пясецкаго: «Неудачная экспедиція въ Китай». Вѣстн. Европы, 1881 г., кн. IV.

46) Къ вопросу о бытѣ Калмыковъ. Эхо, 1885 г., № 1450.

47) Карта Собственнаго Китая З. Л. Матусовскаго. (1885 г., Новое Время, № 3256).

48) Китайскія газеты о Россіи. (1886 г. Новое Время, №№ 3600, 3602, 3612, 3630, 3642, 3665, 3704, 3775.

49) «Китай». (1887 г. Русскій Инвалидъ, №№ 224, 235, 239, 241, 247, 252, 254, 266, 268).

50) Калмыцкіе хурулы и ихъ утвари. (Публичная лекція въ Засѣданіи Астраханскаго Отдѣленія Миссіонерскаго Общества). Астр. Епарх. Вѣд., 1887 г., № 16.

В) **Сочиненія и статьи, печатанныя на правахъ рукописей:**

51) Военныя и техническія школы въ Тяньцзинѣ. (Изданіе Военно-учебнаго комитета главнаго штаба въ Сборн. матеріаловъ по Азіи. 1888 г., вып. XXXI.

52) Долонъ-нуръ (ibid.).

53) О преобразованіи учебной части у калмыковъ Астраханской губерніи. (Изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ). 1889 г., in fol. 98 стр.

Г) **Литографированыя изданія:**

54) Памятники исторической литературы Астраханскихъ калмыковъ. Спб., 1885 г. 130 стр. 8⁰.

55) Калмыцкія народныя сказки. Спб., 1886 г. 91 стр. 8⁰.

56) Оффиціальныя бумаги монгольскаго гражданскаго и уголовнаго дѣлопроизводства. 1883 г. 56 стр.

57) Житіе св. благовѣрнаго князя Владиміра въ переводѣ на калмыцкій языкъ. (Въ память 900 лѣтія крещенія Руси). Изданіе Главнаго управленія калмыцкимъ народомъ. Астрахань, 1888 г. — II + 86. 8⁰.

Послѣ 1893 г. А. М. было напечатано:

58) Новый завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа (т. II, Дѣянія и посланія Св. Апостоловъ), въ переводѣ съ греческаго на калмыцкій языкъ. — Изданіе Великобританскаго Библейскаго Общества. Спб., 1894 г. (688 стр.).

Въ Журналѣ М. Н. Просв.

59) «Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на калмыцкомъ языкѣ».

Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ.

60) Новая православная русская церковь въ Калганѣ.

61) О послѣднемъ китайскомъ возстаніи въ юго-восточной Монголіи и о причинахъ противухристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще.

Въ Восточныхъ Замѣткахъ.

62) Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ.

Въ Запискахъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общества.

63) Вторая серія Калмыцкихъ сказокъ. (Подлинный текстъ съ переводомъ).

64) «Пять китайскихъ печатей».

Въ Извѣстіяхъ И. Р. Географ. Общества.

65) Поѣздка по Монголіи 1892—93 г.

66) 24 статьи въ Энциклопедическомъ словарѣ Эфрона.

67) Ламайскіе кумиры или изображенія божествъ. (Каталогъ коллекціи для Нижегородской Выставки).

68) Лекціи по исторіи монгольской литературы, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1895—96 акад. году. (Спб., 1896 г. Литографиров. изданіе студентовъ. 240 стр.).

Уже одинъ этотъ перечень трудовъ А. М. Позднѣева достаточно удостовѣрялъ, что при полномъ знаніи разговорнаго и литературнаго монгольскаго языка, А. М. соединялъ въ себѣ и обширныя эрудиціонныя

познанія по монгольской исторіи и литературѣ, и предварительное всестороннее, хотя бы, по собственному скромному его признанію, и бѣглое знакомство съ Монголіею во время 3-лѣтняго въ ней пребыванія. Но самою лучшею подготовкою А. М. Позднѣева было, конечно, то, что онъ, читая въ университетѣ въ теченіе болѣе десятка лѣтъ лекціи о Монголіи, изучилъ во всѣхъ деталяхъ всѣ пробѣлы въ имѣвшихся о Монголіи знаніяхъ и выработалъ для себя цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣты на которые не находилъ въ существующихъ и созданныхъ работами всѣхъ до него трудившихся, источникахъ. Такой подготовки не имѣлъ ни одинъ изъ путешественниковъ по Монголіи, а потому нѣтъ сомнѣнія, что матерьялы, собранные А. М. Позднѣевымъ во время путешествія его въ 1892 и 1893 г., представляются неоцѣнимыми.

Достойнымъ и полезнѣйшимъ спутникомъ не легкаго путешествія А. М. Позднѣева была супруга его Ольга Константиновна — одна изъ тѣхъ выдающихся русскихъ женщинъ, которая, не смотря на тяжелыя, условія путешествія, въ особенности при ея нѣжномъ воспитаніи (она воспитывалась въ Смольномъ институтѣ), рѣшилась претерпѣвать лишенія и опасности для того, чтобы совершить свой подвигъ любви и самоотверженія. Нужно ли говорить, что своимъ участіемъ въ трудахъ экспедиціи Ольга Константиновна во многомъ содѣйствовала успѣшному сбору матерьяловъ во время путешествія.

Полувѣковой опытъ Совѣта Имп. Русск. Геогр. Общества давно уже доказалъ ему, что самый трудный моментъ для путешественника и изслѣдователя наступаетъ не тогда, когда онъ, оживленный предпринятою имъ задачею, совершаетъ свое путешествіе или изслѣдованіе и когда, рядомъ съ препятствіями, онъ встрѣчаетъ съ разныхъ сторонъ сочувствіе, поддержку и покровительство. Критическій моментъ наступаетъ чаще всего для путешественника и изслѣдователя тогда, когда онъ принимается за тяжелый и кропотливый трудъ разработки собранныхъ имъ матерьяловъ, средства на изданіе которыхъ у насъ гораздо труднѣе находятся, чѣмъ средства на ученыя экспедиціи и поѣздки.

Вотъ почему Совѣтъ Имп. Р. Г. О., не колеблясь, счелъ своимъ долгомъ принять на себя изданіе 6 томовъ почтеннаго труда дѣйств. члена Общества А. М. Позднѣева (седьмой томъ будетъ изданъ Академіею наукъ), который достойнымъ образомъ восполняетъ самый существенный изъ пробѣловъ въ обширномъ циклѣ изслѣдованій Внутренней Азіи, совершавшихся въ послѣднее 25-лѣтіе подъ стягомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

П. Семеновъ.

А. М. Позднѣевъ и его спутники по поѣздкѣ въ Монголію 1892 – 93 г.

Фотогелія В. Кличенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 2-2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая въ теченіе 20 лѣтъ Монголію какъ по произведеннымъ въ ней европейскимъ изслѣдованіямъ, такъ и по бывшимъ доселѣ доступными намъ оригинальнымъ памятникамъ монгольской литературы, я давно уже сознавалъ недостаточность нашихъ знаній о монголахъ, а призванный сообщать студентамъ С.-Петербургскаго Университета свѣдѣнія о Монголіи и подготовлять ихъ для грядущей дѣятельности Россіи въ этой странѣ, я не рѣдко чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ сознаніемъ неопредѣленности и сомнительности излагаемыхъ мною данныхъ. Правда, подготовляясь къ профессорскому званію, я и самъ прожилъ $3^1/_2$ года въ Монголіи; но кто не скажетъ, что этотъ срокъ черезъ чуръ кратковременъ для того чтобы усвоить малоизслѣдованный языкъ на практикѣ и осмыслить его теорію, — познать хоть мало мальски особенности его нарѣчій, — подготовиться для работъ по литературѣ, исторіи и археологіи, — познакомиться съ религіею народа въ ея догматическомъ, нравственномъ и обрядовомъ отношеніяхъ, — узнать административное устройство Монголіи, — пріобрѣсти свѣдѣнія по политической географіи страны, — изучить бытъ, обычаи и потребности монголовъ, — уяснить себѣ какъ дѣйствительное такъ и возможное отношеніе этого народа къ нашему отечеству и наоборотъ. Стоитъ только подумать, какая масса вопросовъ входитъ въ каждый изъ этихъ отдѣловъ знанія, чтобы придти къ заключенію, что въ помянутый короткій срокъ при всемъ стараніи можно пріобрѣсти только нѣкоторые отрывки познанія, а не основательные отвѣты на вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, возмемъ хотя бы самыя выдающіяся жизненныя явленія: административное устройство Монголіи и экономическій бытъ монголовъ. Весьма вѣроятно, что въ моемъ сознаніи полнѣе и точнѣе чѣмъ у другихъ установилось, что Монголія дѣлится на хошўны, управляемые цзасаками, что послѣдніе со-

ставляютъ собою сеймы, дѣятельность которыхъ контролируется китайскими амбанями; всецѣло окрѣпла въ памяти номенклатура цѣлаго ряда другихъ чиновъ: тусалахчи, цзахирахчи, цзангинъ, хундуй и проч. Но стоило поставить вопросъ, что такое тусалахчи, какія въ точности его обязанности, какова именно его компетенція, какое въ дѣйствительности его значеніе, въ какомъ отношеніи и поскольку можетъ онъ быть полезенъ русскому чиновнику и русскому дѣлу? И положительно говорю, я не имѣлъ у себя на это отвѣта также точно, какъ и до сей минуты мы лишены возможности пріобрѣсти объ этомъ какія-либо свѣдѣнія въ нашей литературѣ, помимо моихъ же замѣтокъ, изданныхъ Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба въ составленномъ г. Баторскимъ очеркѣ «Монголія». Въ вопросахъ объ экономическомъ бытѣ Монголіи у насъ царитъ совершенно таже призрачность знаній, выражаемыхъ лишь общими фразами: «Монголія *разоряется* нынѣшнимъ китайскимъ управленіемъ»; «монголы *отягощены* податями»; «монголы въ *неоплатномъ* долгу у китайскихъ банкировъ», ибо «платятъ *громадные* проценты». Однако, что же значитъ эта фраза «отягощены» податями, сколько именно и какъ уплачиваютъ монголы? Какія это подати, какъ они раскладываются, взимаются и на какой предметъ они расходуются? Что такое «неоплатный» долгъ и какіе это «громадные» проценты? Еще безотраднѣе представляется вопросъ о религіи монголовъ, имѣющей, по общему признанію, такое могущественное вліяніе на весь строй жизни монгольскаго народа, что не зная этой религіи, нельзя понять и монгольской жизни; съ другой стороны исповѣдуемый монголами буддизмъ важенъ для насъ еще и потому, что входящіе въ составъ Россіи буряты, калмыки и нѣкоторые другіе инородцы исповѣдуютъ тоже ученіе. А между тѣмъ, мы имѣемъ по этому предмету только краткіе очерки обрядоваго ученія и никакихъ данныхъ къ познанію особенностей его догматическихъ доктринъ. Для многихъ такое заявленіе покажется страннымъ, въ виду массы изслѣдованій по буддизму, произведенныхъ не только европейскими учеными, но даже и русскими, напр. въ трудахъ профессоровъ Васильева, Минаева и др. Но дѣло въ томъ, что англичане и французы, работая надъ изученіемъ буддизма съ научною и практическою цѣлями, имѣютъ свое дѣло на крайнемъ юго-востокѣ Азіи, въ Индіи и Китаѣ. Изучаемый ими буддизмъ есть собственно «сакъямуніанство» и «махаяна», т. е. буддизмъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ, по вѣрованіямъ исповѣдниковъ его, явился онъ изъ устъ самаго будды Сакъямуни и первыхъ толкователей его доктринъ. Изученіе этого буддизма, какъ одной изъ древнѣйшихъ философскихъ системъ, безспорно представляетъ высокій интересъ въ наукѣ, почему онъ обращалъ на себя вниманіе и нашихъ спе-

ціалистовъ по изученію Индіи и Китая. Но въ исповѣданіи монголовъ, равно какъ и нашихъ инородцевъ, является иной буддизмъ, — буддизмъ, реформированный Цзонхавою и именуемый собственно ламаизмомъ. Этотъ послѣдній буддизмъ не изслѣдованъ ни въ русской, ни въ европейской литературахъ, хотя онъ положительно долженъ составить собою самостоятельный предметъ изслѣдованія, ибо ученія Будды и Цзонхавы исходили не только изъ различныхъ, а даже противоположныхъ основъ, оттого доктрины ихъ установились на совершенно различныхъ началахъ и въ развитіи своемъ достигли того, что конечныя цѣли одного вѣроученія почти совершенно игнорируются другимъ. Наши оріенталисты относились однако же къ ламаизму съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая его какъ бы недостойнымъ вниманія и называя «новѣйшимъ извращеніемъ» буддизма, оттого-то ламаизмъ оставался и доселѣ еще остается не изслѣдованнымъ. Много лѣтъ существуютъ у насъ и духовныя миссіи, и особые миссіонерскіе курсы при академіяхъ и семинаріяхъ; но профессора и преподаватели этихъ курсовъ, вмѣсто самостоятельныхъ изслѣдованій по предмету, который они призваны были преподавать, предпочитали довольствоваться переводами трудовъ англійскихъ и французскихъ ученыхъ; таковъ курсъ профессора Казанской Духовной Академіи В. В. Миротворцева, обнародованный имъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1871 года, таковы же «Записки по ученію о буддизмѣ», читанныя преподавателемъ Иркутской Духовной Семинаріи о. Подгорбунскимъ въ 1892 г. и др. Лекціи эти могли, конечно, представляться интересными слушателямъ, но съ дѣйствительностью, которую встрѣчаемъ мы въ вѣроисповѣданіи монголовъ и нашихъ инородцевъ, они не могутъ знакомить нисколько. Понятно послѣ того, что и этотъ отдѣлъ знаній требуетъ у насъ положительной разработки, если хотимъ мы познать духовные идеалы монголовъ и дѣйствительныя религіозныя основы, на которыхъ зиждется ихъ жизнь. Впрочемъ, вопросъ объ основахъ того или другаго жизненнаго явленія возможенъ лишь тогда, когда сдѣлаются извѣстными самыя эти явленія, а между тѣмъ я едва ли погрѣшу, если стану утверждать, что мы не имѣемъ у себя и въ контурахъ картины монгольской жизни: у насъ нѣтъ почти никакого представленія о домашней и общественной обстановкѣ монгольскаго быта, о свойственныхъ монголамъ занятіяхъ, забавахъ, обычаяхъ и жизненныхъ порядкахъ, объ усвоенныхъ этимъ народомъ повѣрьяхъ и предразсудкахъ, которые естественно должны обусловливать собою какъ частную жизнь каждой отдѣльной особи, такъ и взаимныя отношенія различныхъ классовъ монгольской общины. Удивительно ли при этомъ, что наши ученые не могутъ съ пониманіемъ прочитать ни монголь-

ской лѣтописи, ни историческаго документа, ни тѣмъ больше такихъ бытовыхъ литературныхъ произведеній монголовъ, какъ сказки, пѣсни, пословицы, поговорки, загадки и пр. О томъ, сколько теряемъ мы при такомъ незнакомствѣ съ бытомъ въ дѣлѣ практическихъ, торговыхъ и жизненныхъ сношеній трудно и говорить. Извѣстно, что для правильной постановки хотя бы коммерческаго дѣла, нужно знать не контуры, а именно детали жизни, нужно знать, чѣмъ именно можемъ мы быть полезными монголамъ и что можемъ получить отъ нихъ; нужно соображать всѣ многоразличныя условія, обезпечивающія выгоды того или другого предпріятія. Итакъ, на какой бы отдѣлъ знаній не обратили мы свое вниманіе, повсюду представятся намъ не ясные образы дѣйствительности, а лишь смутныя очертанія предметовъ, какъ будто наблюдаемыхъ съ высоты птичьяго полета.

Въ концѣ 1891 г., г. почетный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, предположивъ издать составленныя покойнымъ о. архимандритомъ Палладіемъ «Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи 1847 г.», обратился ко мнѣ съ просьбою просмотрѣть и, если возможно, дополнить эту работу. Неоднократныя и разностороннія бесѣды мои по сему предмету съ барономъ Ѳеодоромъ Романовичемъ, при которыхъ нерѣдко присутствовалъ еще тогдашній дѣлопроизводитель китайскаго отдѣленія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, М. Г. Ждановъ, вполнѣ выяснили недостаточность нашихъ знаній объ этой странѣ, граничащей съ Россіею на пространствѣ свыше 3000 верстъ и поставили цѣлыя сотни вопросовъ. Потребность пріобрѣсти хоть какіе-либо отвѣты на эти вопросы чувствовалась съ такою осязательностью, что мнѣ тутъ же былъ поставленъ вопросъ, не хочу ли я проѣхать по Монголіи и, на сколько возможно, пополнить недостатокъ нашихъ свѣдѣній объ этой странѣ? Нѣтъ нужды говорить, что измученный неудовлетворенностью своихъ знаній, я принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Результатомъ сего было то, что живо заинтересовавшійся поставленными вопросами М. Г. Ждановъ немедленно же составилъ особую записку о необходимости подробнаго и тщательнаго изученія Монголіи въ историческомъ, этнографическомъ, административномъ и торговомъ отношеніяхъ, рекомендовавъ меня какъ человѣка, готоваго исполнить эту задачу. Помянутая записка, по представленіи ея г. Директору Азіятскаго Департамента, графу Д. А. Капнисту, слѣдуя обычнымъ порядкомъ дѣлопроизводства, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1892 г. удостоилась Высочайшаго одобренія и командировка моя состоялась.

Отправляя меня въ Монголію, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ

полагало, что программою при исполненіи возложеннаго на меня порученія должны служить тѣ же самые вопросы, которые я самъ намѣчалъ въ своихъ запискахъ и бесѣдахъ. «Ваша опытность въ изслѣдованіяхъ быта кочевниковъ, ваше знакомство съ Монголіею, гдѣ вы уже прежде провели продолжительное время», писалъ мнѣ г. Управляющій Министерствомъ, «вселяютъ въ насъ увѣренность, что вы съумѣете съ успѣхомъ выполнить свое изслѣдованіе названной страны».

Путь, который я намѣчалъ себѣ для поѣздки, былъ: отъ Петербурга черезъ Сибирь до Кяхты, а далѣе по Монголіи: ставка Цэ-цзасакà, монастырь Амӯръ-баясхулантӯ, Ургa, Хадāсунъ, Эрдэнѝ-цзӯ, Барӯнъ-хӯрѣ, Цзаѝнъ-хӯрѣ, Улясутàй, Кобдò, Улāнъ-комъ, Улясутàй, Сàиръ-усӯ, Ургa, Калганъ, Хӯхӯ-хотò, Калганъ, Пекинъ, Си-фынъ-коу, Жэ-хо, Долōнъ-нӯръ и отсюда прямо къ сѣверу на русскую границу у Кулусутàевскаго караула; еще далѣе на Читу, Иркутскъ, Томскъ, Нижній-Новгородъ и Петербургъ. Срокъ пребыванія моего въ командировкѣ опредѣлялся министерствомъ «около полутора года».

Относительно средствъ, издержанныхъ мною на эту поѣздку, длившуюся $1^1/_2$ года и исчисляемую въ общемъ пространствомъ около 22 тыс. верстъ, мною былъ представленъ подробный отчетъ Министерству, здѣсь же я скажу только кратко, что израсходовано мною было всего 8795 р. 78 к., а получено въ пособіе отъ Министерства 7369 р. 81 коп.; перерасходъ 1425 р. 57 к. былъ возмѣщенъ мною, конечно, изъ собственныхъ моихъ средствъ [1]).

Основною задачею моей поѣздки въ Монголію было произвести изслѣдованія, а за симъ на основаніи ихъ составить возможно полное, систематическое описаніе быта этой страны и ея населенія. Мое вниманіе посему должно было привлекать прежде всего выясненіе тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя коренятся въ условіяхъ подданства монголовъ Китаю, а за симъ изученіе уже выработавшагося при совокупности всѣхъ воздѣйствующихъ причинъ общественнаго строя монгольской жизни. Такимъ образомъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени уяснить себѣ современныя права и обязанности монгольскихъ сословій, формы ихъ военно-родовыхъ союзовъ, поземельныя отношенія, усвоенныя различными монгольскими поколѣніями, политико-экономическій бытъ монголовъ, ихъ гражданское и

1) Независимо отъ сего С.-Петербургскій университетъ назначилъ мнѣ, съ опредѣленною цѣлью пріобрѣтенія учебныхъ пособій, 1350 р. Деньги эти были израсходованы мною согласно назначенію и подробное описаніе вывезенныхъ мною памятниковъ литературы, буддійскаго культа и археологіи будетъ представлено мною, по спеціальности предмета изслѣдованія, въ IV т. настоящаго труда. Часть моихъ буддійскихъ коллекцій представляется нынѣ на Всероссійской Выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

уголовное право, религію, ихъ хозяйственную культуру, обычаи, нравы, отношенія къ иностранцамъ вообще и къ русскимъ въ частности; не малую долю своего времени я посвятилъ наконецъ и на выясненіе вопросовъ о развитіи русской торговли въ Монголіи. Сообразно такимъ задачамъ и бывшимъ въ моемъ распоряженіи средствамъ изученія, самый способъ своихъ изслѣдованій я призналъ необходимымъ раздѣлить на двѣ части. Въ дорогѣ я изо-дня въ день велъ возможно полные дневники, стараясь представить въ нихъ не только описаніе пройденныхъ пространствъ, но записывать также всѣ удававшіяся мнѣ наблюденія частныхъ событій, всѣ свои встрѣчи, разговоры и проч. Въ городахъ и другого рода правительственныхъ центрахъ, равно какъ и въ большихъ монастыряхъ, я дневниковъ уже не велъ, а сосредоточивалъ свои занятія на теоретическихъ изслѣдованіяхъ страны, подъ руководствомъ мѣстныхъ знатоковъ и при пособіи разнаго рода письменныхъ памятниковъ. Мнѣ казалось, что другимъ способомъ вести изслѣдованія Монголіи едва ли и возможно съ надлежащею пользою для дѣла. Степные, хошӯнные монголы, и это не только простолюдины а даже стоящіе у кормила правленія князья, почти не имѣютъ понятія объ общественномъ бытѣ и экономическомъ состояніи Монголіи вообще: они прекрасно могутъ объяснить вамъ положеніе своего хошӯна, разказать обо всѣхъ хорошихъ и дурныхъ сторонахъ его быта; но уже относительно своего сосѣдняго хошӯна они знаютъ только то, что непосредственно касается ихъ собственныхъ интересовъ, ко всему же остальному пытливость ихъ остается совершенно пассивной. Такимъ образомъ всѣ ихъ разказы могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ познанію частностей монгольской жизни, за всѣмъ тѣмъ сообщаемыя ими свѣдѣнія никакъ не могутъ быть распространяемы на всю Монголію и являться матеріаломъ для общихъ заключеній о порядкахъ и бытѣ у монголовъ. Пріобрѣсти данныя къ познанію общей жизни Монголіи можно только посѣтивъ всѣ органы центральныхъ монгольскихъ управленій и, конечно, имѣя при томъ знакомство среди лицъ, вѣдающихъ дѣла администраціи. При наличности этого послѣдняго условія, вы всегда и повсюду найдете трехъ,-четырехъ свѣдущихъ чиновниковъ, которые, по вашему приглашенію, будутъ заниматься съ вами, объясняя всѣ постановленія и порядки относительно гражданской жизни монголовъ, будутъ, по желанію, доставлять вамъ и читать съ вами тексты этихъ постановленій, наконецъ разрѣшатъ вамъ и заниматься въ архивахъ ихъ управленій. Тоже самое нужно сказать и касательно дѣла изслѣдованій религіи. Въ каждомъ изъ большихъ монастырей Монголіи всегда имѣется нѣсколько десятковъ ученыхъ и истинно преданныхъ своему дѣлу ламъ, которые съ любовью преподадутъ вамъ все догматическое, нравственное и

обрядовое ученіе ламаизма, отдадутъ въ ваше пользованіе не только всю свою библіотеку, но будутъ добывать вамъ и другія потребныя книги, словомъ, будутъ заниматься съ вами тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше сами вы обнаружите ревности къ дѣлу ознакомленія съ ихъ вѣроученіемъ. Конечно, всѣ святыни и тайники монастырской общины не могутъ открыться передъ вами сразу, но познакомившись съ вами, ламы не будутъ имѣть для васъ уже ничего запретнаго. Такимъ образомъ въ дѣлѣ изслѣдованія Монголіи главное значеніе имѣетъ время, потребное не только для основательности изслѣдованія, но еще больше для составленія знакомства съ людьми, которые могутъ открыть вамъ матеріалы для изслѣдованій. По этой-то причинѣ слабѣйшую часть моихъ изысканій представятъ собою свѣдѣнія этнографическія. Усвоить себѣ картину жизни монголовъ, изучить обстановку ихъ домашняго и общественнаго быта, составить понятіе объ особенностяхъ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ общества у этого народа, изслѣдовать свойственные имъ занятія и забавы, обычаи и жизненные порядки, собрать народныя повѣрья и предразсудки, словомъ уяснить себѣ внѣшній и внутренній бытъ монгольскаго народа съ возможно полнымъ разсмотрѣніемъ того, какимъ образомъ и почему принялъ этотъ бытъ тѣ или другія формы—было одною изъ главныхъ задачъ, которыя я преслѣдовалъ во время своей поѣздки по Монголіи; но тутъ-то по преимуществу и требуется время. И это понятно. Составить себѣ истинный взглядъ на семейныя и общественныя отношенія даже одного какого-либо человѣка—значитъ проникнуть въ тайникъ его души: нужно, чтобы самъ человѣкъ, не скрываясь, выражалъ передъ вами свои убѣжденія, свои привычки, свои вѣрованія и чаянія, а со многими ли можно сойтись путешественнику-иностранцу до такой степени откровенности? Правда, мои прежнія знакомства сослужили мнѣ въ этомъ случаѣ по истинѣ тройную службу; но тогда на смѣну этой трудности явилась другая, заключающаяся въ самомъ матеріалѣ, въ количествѣ его содержанія, въ массѣ вопросовъ, въ сложности и разнообразіи отвѣтовъ на эти вопросы. Вотъ почему мое собраніе этнографическихъ свѣдѣній о Монголіи представляется мнѣ далеко несовершеннымъ и почитается мною одною каплею изъ моря житейскаго быта монголовъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня при обнародованіи этихъ свѣдѣній служитъ сознаніе, лаконически выраженное фразою древнихъ: quod potui — feci.

Разработавъ и сгруппировавъ собранныя мною свѣдѣнія по всѣмъ вышеозначеннымъ отдѣламъ, я предположилъ издать ихъ нынѣ въ семи отдѣльныхъ томахъ. Изъ числа ихъ

Томъ I представляетъ собою дневникъ, веденный мною въ 1892-мъ

году. Онъ заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, подробный маршрутъ моей поѣздки съ описаніемъ наиболѣе выдающихся посѣщенныхъ мною пунктовъ, а во-вторыхъ, тѣ изъ моихъ личныхъ наблюденій и замѣтокъ, которыя, по частности описываемыхъ ими явленій, не могли найти для себя мѣста въ систематическомъ описаніи Монголіи. Это тѣ, такъ сказать paralipomena моего изслѣдованія Монголіи и монголовъ, которыя могутъ служить хорошею иллюстраціею къ общему описанію, хотя и не могли найти для себя мѣста въ немъ именно въ силу своей частности. Сюда же внесены и нѣкоторыя историческія замѣчанія, невольно приходившія мнѣ въ голову и заносившіяся на мною въ дневникъ при поясненіи встрѣчавшихся явленій монгольской жизни. Сообразно посѣщеннымъ мною въ 1892 году мѣстностямъ, весь этотъ томъ описываетъ главнымъ образомъ Сѣверную Монголію, или Халху.

Томъ II-й заключаетъ въ себѣ такой же дневникъ за 1893 годъ и съ подобнымъ же изложеніемъ наблюденій въ южной и юго-восточной Монголіи.

Въ обоихъ означенныхъ томахъ я старался представить передъ читателемъ каждый день моей поѣздки во всемъ многоразличіи его наблюденій. Отъ этнографіи здѣсь придется переноситься въ область археологіи, далѣе можетъ представиться или фактъ юридическій, или относящійся до религіи, общественнаго и частнаго быта, народнаго хозяйства, промышленности, торговли и т. п. Каждое событіе описывается здѣсь именно въ той частной формѣ, въ какой предстало оно въ данномъ случаѣ передъ моими глазами и всѣ они слѣдуютъ здѣсь безъ всякаго порядка, связываемыя единственно хронологическою послѣдовательностью моихъ личныхъ наблюденій. Чтеніе этихъ первыхъ двухъ томовъ можетъ показаться затруднительнымъ, съ одной стороны вслѣдствіе внесенія мною въ текстъ ихъ чисто монгольскихъ техническихъ словъ и терминовъ, а съ другой — и самые факты могутъ быть не вполнѣ удобопонятны при незнакомствѣ съ общимъ бытомъ и строемъ Монголіи. Но я не могъ и не считалъ полезнымъ избѣгать того и другого по той причинѣ, что замѣна монгольскихъ терминовъ подходящими русскими словами лишила бы повѣствованіе должной точности выраженій, что же касается присоединенія объясненій на факты, то таковое, безполезно увеличивъ размѣръ книги, все же не было бы цѣльнымъ, такъ какъ правильный взглядъ на фактъ возможенъ лишь при знаніи всѣхъ, совокупно дѣйствовавшихъ и породившихъ его причинъ. Я надѣюсь, что дѣло станетъ вполнѣ яснымъ само собою, когда читатель познакомится съ послѣдующими за дневниками частями моего труда, заключающими въ себѣ систематическое описаніе монгольскаго быта, составленное мною уже

по изслѣдованіямъ, обосновывающимся главнымъ образомъ на письменныхъ памятникахъ. Такимъ образомъ

Томъ III-й представитъ собою очерки административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія въ этой странѣ, съ выясненіемъ военнаго и политико-экономическаго состоянія монголовъ въ настоящее время; а

Томъ IV-й будетъ описывать ламаизмъ въ Монголіи, съ изложеніемъ его догматическаго и нравственнаго вѣроученія, быта и обрядовъ.

Оба эти тома составляютъ собою по преимуществу результаты моихъ занятій въ архивахъ различныхъ монгольскихъ управленій, а равно въ монастырскихъ библіотекахъ и школахъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ спеціалистовъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ знанія. Другихъ средствъ для пріобрѣтенія свѣдѣній объ общемъ состояніи Монголіи въ помянутыхъ отношеніяхъ, особливо при томъ незначительномъ времени, которое я имѣлъ въ своемъ распоряженіи, я не могъ примѣнить къ дѣлу. Извѣстно, напримѣръ, что для управленія Монголіей китайское правительство въ 1818 г. издало особыя законоположенія, переведенныя на русскій языкъ г. Липовцевымъ; но за періодъ 75 лѣтъ, протекшихъ со времени обнародованія этихъ законоположеній, въ нихъ можно сказать не осталось почти ни одной статьи, на которую бы не было получено измѣненій, дополненій, разъясненій, ограниченій и проч., кореннымъ образомъ измѣняющихъ ихъ смыслъ. Никакихъ сборниковъ этихъ новыхъ, нынѣ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій правительства ни китайцами, ни монголами никогда не издавалось и пріобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ этомъ можно только у монгольскихъ юристовъ, которыхъ я и приглашалъ для занятій съ собою. Съ другой стороны мы знаемъ, что монгольскія законоположенія Дайцѝновъ обнимаютъ своимъ содержаніемъ только вопросы объ отношеніяхъ монголовъ къ правящей династіи, да уголовныя постановленія; никакихъ предписаній относительно внутренней жизни хошӯновъ эти законоположенія въ себѣ не заключаютъ, такъ какъ китайцы, подчинивъ себѣ монголовъ, предоставили имъ жить по ихъ обычаямъ и съ своей стороны не предначертывали для сего никакихъ правилъ. Вотъ почему въ китайскихъ законоположеніяхъ мы не найдемъ никакихъ установленій, напримѣръ, о размежеваніи хошӯнныхъ земель, или пользованіи ими, о податяхъ и натуральныхъ повинностяхъ, объ ихъ раскладкѣ, сборѣ, расходованіи и проч. и проч. Все это обосновывается у монголовъ уже не на писанномъ, а на обычномъ правѣ, средствомъ для познанія котораго являются опять-таки только показанія монгольскихъ юристовъ. Сидя въ томъ или другомъ архивѣ съ ямуньскими бичэ̄чинами и имѣя у себя опредѣленную программу вопросовъ, я безъ осо-

беннаго труда могъ производить свои изслѣдованія. Чтобы уяснить себѣ, напримѣръ, положеніе о натуральныхъ повинностяхъ монголовъ, я просилъ показать мнѣ вѣдомость объ отбываніи ихъ, а заручившись этимъ документомъ и изучая его, пріобрѣталъ понятіе не только обо всѣхъ статьяхъ обложенія, но и о порядкахъ раскладки, способахъ исполненія вѣдомости и пр. Если объясненія моихъ наставниковъ казались мнѣ сомнительными и невѣроятными, я просилъ, чтобы они подтвердили мнѣ свои толкованія документами и тогда изъ архивныхъ сундуковъ доставалось новое дѣло, разъяснявшее мой вопросъ. Совершенно также велъ я и изслѣдованія ламаизма. Изучая, напримѣръ, ламайскій катехизисъ, для составленія себѣ понятія объ общемъ курсѣ ламайскаго вѣроученія, я прослушивалъ отъ ламъ толкованія лаконически выраженныхъ здѣсь доктринъ; но при этомъ мы естественно обращались къ цѣлой сотнѣ сочиненій самыхъ различныхъ вѣроучителей буддизма, спеціально толковавшихъ о томъ или другомъ вопросѣ. Книги были подъ рукою, а ламы-спеціалисты безъ труда находили мнѣ въ нихъ потребные тексты. Такимъ же порядкомъ производились изслѣдованія и относительно обрядоваго ученія. Отправляешься въ кумирню и слушаешь устныя объясненія на каждый предметъ ея утвари, требуя подтвержденій письменными свидѣтельствами отцовъ ламайскаго вѣроученія.

Томъ V-й моего труда излагаетъ свѣдѣнія этнографическія, пріобрѣтенныя частію путемъ личныхъ наблюденій, а частію распросами и изученіемъ народной литературы: пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч.

Въ томѣ VI я сгруппировалъ свои замѣтки о китайской и русской торговлѣ въ Монголіи, съ приложеніемъ свѣдѣній по исторіи развитія торговли собственно русской.

Наконецъ VII томъ посвященъ мною историческому изслѣдованію обо всѣхъ владѣтельныхъ княжескихъ домахъ Монголіи, возвысившихся собственно въ періодъ подданства монголовъ маньчжурамъ и играющихъ роль именно въ настоящую пору въ Монголіи. Матеріаломъ къ составленію этого изслѣдованія послужили періодически составляемые китайскимъ правительствомъ послужные списки каждаго изъ этихъ княжескихъ домовъ. Изданіе этого труда моего было благосклонно принято на себя Императорскою Академіей Наукъ.

Таковы будутъ въ печати результаты моей поѣздки, если только хватитъ моей жизни на то, чтобы издать ихъ. Въ трудѣ этомъ читатели повстрѣчаютъ нѣкоторые факты, о которыхъ я уже разказывалъ, возвратившись изъ своего перваго путешествія: въ описаніи городовъ приходится, напримѣръ, повторять хронологическія указанія объ ихъ построеніи, или

передвиженіяхъ, приходится описывать однѣ и тѣ же зданія; но съ одной стороны никто не станетъ противорѣчить тому, что мои настоящіе трактаты являются во многомъ полнѣе и основательнѣе первыхъ, а во вторыхъ я не могъ не повторять прежде говореннаго потому, что рѣшительно всѣ мои работы, явившіяся результатомъ первой моей поѣздки, вышли нынѣ изъ продажи, и, не повторяй я прежде говореннаго, мои студенты снова остались бы безъ пособія къ пріобрѣтенію необходимыхъ для нихъ познаній.

Обращаюсь къ дальнѣйшей исторіи своей поѣздки. Явившаяся прямымъ послѣдствіемъ ясно сознаваемой недостаточности нашихъ знаній о Монголіи и необходимости восполнить этотъ недостатокъ, она тѣмъ не менѣе возбудила собою неудовольствіе въ нѣкоторомъ, близко соприкасающемся съ Востокомъ кружкѣ русскихъ дѣятелей. Едва успѣло состояться Высочайшее повелѣніе о моей командировкѣ, какъ въ № 81-мъ «Гражданина», подъ рубрикою «Дневникъ 21 марта 1892 г.» появилась яростная статья, авторъ которой прямо заявлялъ, что онъ хочетъ «если не бить въ набатъ, то все же звонить въ колокольчикъ». Онъ возмущается и не хочетъ вѣрить слухамъ о моей командировкѣ. «Понятны», говоритъ онъ, «занятія исподоволь въ Забайкальѣ для разносторонняго изученія смежныхъ владѣній; понятны безшумныя и невидимыя для глаза поѣздки свѣдущихъ людей туда же, для собиранія полезныхъ указаній и данныхъ; но всякій Knalleffect въ этомъ направленіи, — да еще при нежеланіи высшихъ мѣстныхъ властей, чтобы базисомъ дѣйствій служила наша окраина и наши инородцы,—по меньшей мѣрѣ не своевременъ». Еще далѣе правительству нашему предсказывалось, что посылка полусановнаго лица, несомнѣнно, породитъ недоразумѣнія, результатомъ коихъ возникнутъ усложенія въ дѣлахъ, имѣющія окончиться, какъ всегда, не въ нашу пользу. Вслѣдъ за этой статьей о моей поѣздкѣ распускались и другіе, также отчасти проникшіе въ печать слухи: говорили, что я ѣду съ цѣлью распространять христіанство среди бурятъ,—крестить ургинскаго хутухту,—наконецъ, получить мѣсто генеральнаго консула. Надъ всѣмъ этимъ можно было, конечно, посмѣяться тогда также точно, какъ и теперь: но въ ту пору мнѣ было не до смѣха. Я хорошо понималъ, что слухи о моемъ намѣреніи крестить и распространять христіанство могутъ значительно подорвать успѣхъ моихъ изслѣдованій, ибо они вселятъ ко мнѣ подозрительность у бурятъ, а черезъ нихъ и у монголовъ, по крайней мѣрѣ живущихъ по границѣ съ Россіею; съ другой стороны, всякій ли могъ понять, какъ это человѣкъ, вполнѣ самостоятельный, достаточно обезпеченный, могущій жить совершенно спокойно, вдругъ ѣдетъ въ пустыни Монголіи только за тѣмъ, чтобы пріобрѣтать знанія? Подозрѣніе объ исканіи мною консульскаго мѣста могло родиться при этомъ очень легко, особливо

у людей, для которыхъ консульское мѣсто составляетъ всѣ desiderata. Именно въ такихъ соображеніяхъ меня не только смущали, а прямо заставляли опасаться за успѣхъ моей поѣздки всѣ эти газетныя статьи и слухи. Опасенія мои до извѣстной степени и оправдались, почему въ концѣ концовъ я могу сказать, что въ выполненіи своихъ изслѣдованій я всецѣло обязанъ покровительству нашего посланника въ Пекинѣ графа Артура Павловича Кассини, и если въ моихъ работахъ будетъ найдено что-либо цѣнное, то за пріобрѣтеніе этого цѣннаго надлежитъ прежде всего быть признательнымъ графу А. П. Кассини. Глухіе слухи о командированіи въ Монголію «петербурскаго генерала» приходилось слышать и мнѣ въ проѣздъ по бурятскимъ кочевьямъ, а въ Ургѣ мѣстный консулъ прямо сообщилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, моя поѣздка возбуждаетъ подозрительность и недовольство китайско-монгольскаго правительства. На этомъ основаніи я съ одной стороны долженъ былъ, во-первыхъ, измѣнить нѣсколько маршрутъ своей поѣздки, а во-вторыхъ, въ передній путь свой къ Улясутаю и Кобдо, по совѣту того же консула, вовсе не посѣщалъ кочевьевъ монгольскихъ князей, что лишило меня не малаго количества данныхъ. Только пріѣхавъ во второй разъ въ Улясутай, я началъ вести свои изслѣдованія такъ, какъ надлежало вести ихъ съ самаго начала.

Выѣхавъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ своею женою 7-го апрѣля 1892 года, я началъ свои изслѣдованія Монголіи собственно на пространствѣ между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Не имѣя въ виду посѣщать кочевья Сойотовъ и Урянхаевъ, я по дорогѣ постоянно останавливался здѣсь въ селахъ и старался находить лицъ, ходившихъ на торговлю въ Монголію со стороны Минусинскаго и Усинскаго округовъ, а равно разыскивать лоцмановъ, проводившихъ плоты въ вершинахъ Енисея. Разговоры съ этими людьми въ извѣстной степени уяснили мнѣ какъ состояніе нашей торговли между Урянхаями и Сойотами, такъ и тотъ водный путь, по которому ведется эта торговля и который, несомнѣнно, будетъ имѣть значеніе для нашихъ сношеній съ этою частью Монголіи въ будущемъ.

11 Іюня я прибылъ въ Верхнеудинскъ, откуда началъ совершать экскурсіи въ кочевья бурятъ, ведущихъ сношенія съ Монголіею. Тоже самое я дѣлалъ изъ Селенгинска, въ который переѣхалъ 18 іюня и наконецъ 23-го того же мѣсяца прибылъ въ Кяхту. Здѣсь первымъ моимъ дѣломъ было отыскать себѣ человѣка для прислуживанія въ дорогѣ и, по счастью, на другой же день мнѣ удалось нанять для этой цѣли иркутскаго мѣщанина Ивана Ѳедоровича Ѳедорова, съ уплатою ему по 500 р. въ годъ, или по 41 р. 66 к. въ мѣсяцъ, конечно со всѣми моими расходами по его содержанію и проѣзду. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти. Съ дѣтства

онъ обучался сапожному ремеслу, а засимъ служилъ въ фотографіяхъ въ Иркутскѣ и въ Кяхтѣ, гдѣ и научился фотографскимъ работамъ; еще далѣе онъ проживалъ года два въ Ургѣ, при складѣ купца Воробьева, гдѣ также занимался фотографіею, благодаря чему пріобрѣлъ много знакомыхъ монголовъ, монгольскихъ князей, ламъ и даже познакомился съ ургинскимъ хутухтою, проживая у него по цѣлымъ недѣлямъ. Пріобрѣтеніе такого человѣка было для меня истиннымъ счастіемъ и единственно встрѣча съ нимъ дала мнѣ возможность рѣшиться на проявленіе въ Монголіи своихъ негативовъ, такъ какъ у одного меня для этого рѣшительно не хватило бы времени. Единственнымъ прискорбіемъ моимъ было то, что Иванъ Ѳедоровичъ былъ очень слабъ въ монгольскомъ языкѣ; впрочемъ, какъ русскій смѣтливый, предупредительный и ласковый человѣкъ, онъ умѣлъ какъ-то такъ обходиться съ монголами, что всѣ съ удовольствіемъ останавливались передъ нимъ, съ улыбкою выслушивали его безсвязныя полуслова и слѣдили за его мимикой, а въ результатѣ всякое дѣло, за которое брался Иванъ Ѳедоровичъ, было непремѣнно выполнено какъ слѣдуетъ. За весь мой путь это былъ для меня самый вѣрный и полезный товарищъ и я съ благодарностью записываю теперь его имя, сожалѣя, что я ничѣмъ не могъ вознаградить его, помимо причитавшагося ему по разсчету жалованья, всего 546 р. 92 к.

По исполненіи этого, самаго важнаго дѣла въ теченіе дальнѣйшихъ трехъ дней завершились мои окончательные сборы по поѣздкѣ въ Монголію, результаты коей теперь представляются читателямъ.

Въ заключеніе я считаю долгомъ принести мою глубочайшую признательность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ исполненію моей поѣздки. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ, конечно, центральному управленію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по иниціативѣ и на средства коего и состоялась главнымъ образомъ эта поѣздка, доведенная до конца, благодаря высокому покровительству нашего посланника въ Пекинѣ, графа А. П. Кассини. Свидѣтельствую мою сердечную признательность и бывшему моему слушателю, а нынѣ коммисару Китайскихъ портовъ В. Ю. Гроту, много помогавшему мнѣ въ Пекинѣ, какъ въ дѣлѣ ознакомленія съ городомъ, такъ и по части пріобрѣтенія памятниковъ монгольской литературы и буддійскихъ коллекцій. Искренно благодарю наконецъ всѣхъ русскихъ торговцевъ въ Китаѣ, встрѣчавшихъ меня съ отмѣннымъ радушіемъ, заботившихся облегчить мнѣ физическую тяжесть поѣздки и всеусердно помогавшихъ мнѣ въ пріобрѣтеніи всякаго рода знаній. Особливо почитаю себя обязаннымъ въ этомъ отношеніи М. Д. Батуеву (въ Калганѣ), А. Д. Васеневу (въ Улясутаѣ) и Н. Ѳ. Грязнухину (въ Ургѣ). Почти съ дѣтскаго воз-

раста проживая въ предѣлахъ Китая, эти люди прекрасно ознакомились съ характеромъ страны и ея обитателей, а равно составили себѣ обширное знакомство съ туземцами. Благодаря ихъ рекомендаціи, я былъ своимъ человѣкомъ у многихъ, необходимыхъ мнѣ чиновниковъ изъ монголовъ и китайцевъ, не говоря уже о томъ, что, зорко слѣдя за интересами дня, они давали мнѣ возможность скорѣе пріобрѣтать себѣ руководителей, выгоднѣе совершать покупки, нанимать подводы и проч. и проч. Словомъ, мнѣ трудно даже и сказать, насколько меньше были бы достигнутые мою результаты, если бы я не встрѣтилъ этого добраго участія русскихъ людей: при всей ревности къ пріобрѣтенію знаній, мнѣ, безъ ихъ помощи, несомнѣнно, много разъ приходилось бы отступать отъ закрытыхъ дверей, за которыми таился предметъ познанія. Наконецъ послѣднюю и высшую дань своей благодарности я долженъ принести ученому Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который предпринялъ опубликованіе моихъ трудовъ въ печати.

А. Позднѣевъ.

ДНЕВНИКЪ

1892 г.

I. Отъ Кяхты до Урги.

27-е Іюня. Суббота.

Наконецъ сегодня мы вступили въ предѣлы Монголіи. Первымъ наиболѣе продолжительнымъ пунктомъ моей остановки здѣсь должна быть Ургà, поэтому-то до сказаннаго города-монастыря я и предположилъ нанять себѣ подводы въ Кяхтѣ. Сношенія кяхтинцевъ съ Ургою такъ обыкновенны, что какъ въ Троицкосавскѣ, такъ и въ Кяхтѣ имѣется не мало русскихъ извозчиковъ, которые берутся за доставку русскихъ пассажировъ отъ Кяхты до Урги. Въ удобномъ, запряженномъ тройкою лошадей тарантасѣ, и подъ звуками русскихъ поддужныхъ колокольчиковъ, они довозятъ путника до этой религіозной столицы Монголіи въ 5 дней, взимая съ него за такой провозъ уже годами установившуюся плату, — 50 р. с. Ѣдутъ они всегда по одному и тому же ургинско-кяхтинскому тракту, служащему вмѣстѣ съ симъ и русской караванной, торговой дорогой, соединяющей Ургу съ Кяхтою. Для меня этотъ избитый и неоднократно уже описанный путь[1]) не представлялъ особеннаго интереса: мнѣ хотѣлось, съ одной стороны, проѣхать мѣстами менѣе для насъ знакомыми и посмотрѣть на жизнь и отношенія къ намъ пограничныхъ монголовъ, а съ другой —

1) У Іакинфа, Записки о Монголіи. С.-Петербуръ, 1828 г.; Тимковскаго, Путешествіе въ Китай черезъ Монголію. С.-Петербургъ, 1824 г.; Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. С.-Петербургъ, 1853 г.; Пясецкаго, Путешествіе по Китаю. С.-Петербургъ, 1882 г.; Гаупта, Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу-Иркутскъ. 1858 г.; Палладія, Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. С.-Петербургъ, 1892 г.

посѣтить одну̀ изъ первыхъ святынь Халхѝ — монастырь Аму̀ръ-баясхуланту̀. Въ такой путь не взялся бы везти меня уже ни одинъ изъ русскихъ, такъ сказать, присяжныхъ извозчиковъ, а потому я нанялъ себѣ двухъ бурятъ: они обязывались доставить мнѣ четыре лошади, запряженныя въ три телѣги; дорога наша опредѣленно не обозначалась, но мы должны были посѣтить ставку перваго, пограничнаго съ Россіею хошӯна Цэ-цзасака̀ и монастырь Аму̀ръ-баясхуланту̀, а засимъ выѣхать на ургинскій трактъ тамъ, гдѣ это окажется удобнѣе; съ своей стороны я обязывался провести въ этомъ пути не свыше 12 дней и уплатить своимъ извозчикамъ 70 серебряныхъ, или 77 кредитныхъ рублей, выдавая имъ при этомъ во все время пути и потребное содержаніе.

Сегодня мы встали и начали свои окончательные сборы и укладку вещей въ телѣги въ четыре часа утра, но только къ семи всему было найдено, по возможности, удобное мѣсто въ телѣгахъ, багажъ закрытъ, увязанъ и приготовленъ въ путь. Оставалось только запрягать и ѣхать. Мои буряты попросили у меня позволенія выпить «послѣдній чай» съ своими родственниками и я разрѣшилъ имъ это. Тѣмъ временемъ мы съ женою отправились въ Троицкосавскій соборъ, отслужили молебенъ, а когда возвратились домой, лошади были уже запряжены. Сѣли и двинулись въ дорогу, напутствуемые добрыми пожеланіями квартирной хозяйки. Было 8 ч. 25 минутъ утра. День не обѣщалъ быть особенно жаркимъ: въ 9 часовъ утра термометръ показывалъ + 19° R. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ четырехъ телѣгъ. Впереди поѣхали двѣ телѣги, нагруженныя нашими вещами, за ними парная телѣга, въ которой помѣщался я съ женою, и наконецъ одноколка дочери нашего извозчика, которая воспользовалась нашею поѣздкою, чтобы, подъ покровительствомъ отца, съ меньшею опасностью проѣхать на поклоненіе въ Ургу и притомъ посѣтить еще Аму̀ръ-баясхуланту̀. Монастырь этотъ буряты посѣщаютъ сравнительно рѣдко, хотя благоговѣютъ передъ его святынею. Ѣзда на лошадяхъ шагомъ почитается равняющеюся 4, или $4^1/_2$ верстамъ въ часъ и справедливость этого подтвердилась для насъ, ибо отъ Троицкосавска до Маймачэна мы ѣхали ровно часъ. Въ Маймачэнъ теперь не вступали, а объѣхали его съ юго-восточной стороны по такъ называемой «караванской» улицѣ. Такое названіе дано ей именно потому, что по ней проходятъ всѣ караваны, приходящіе въ Маймачэнъ. На юго-западномъ концѣ этой улицы построена сторожка, въ которой мѣстное китайское начальство повѣряетъ билеты пріѣзжающихъ китайцевъ, и безъ предъявленія оныхъ въ Маймачэнъ не можетъ быть пропущенъ ни одинъ торговый поѣздъ. У этой сторожки мы повстрѣчали теперь караванъ до 30 верблюдовъ, нагруженныхъ зерновымъ хлѣбомъ, доставленнымъ съ Орхона, въ

лавку Юнъ-шоу-гунъ. Надлежитъ замѣтить, что въ кяхтинскомъ Маймачэнѣ имѣется болѣе 70 лавокъ, занимающихся хлѣбной торговлей, главнѣйшими же изъ нихъ считаются Юнъ-шоу-гунъ, Юнъ-шоу-сянъ и Юнъ-фа-куй. Всѣ онѣ покупаютъ преимущественно пшеницу, для приготовленія изъ нея крупчатки. Основными поставщиками этого рода зерна являются русскіе крестьяне; что же касается количества китайской хлѣбной торговли въ Маймачэнѣ, то каждая изъ трехъ помянутыхъ фирмъ покупаетъ обычно отъ 20, до 30 тысячъ пудовъ въ годъ, а остальные, болѣе мелкіе китайскіе торговцы—тысячъ по 8, 5, 3 и даже по тысячѣ пудовъ годъ; въ сложности однако, какъ говорятъ китайцы, отъ русскихъ поступаетъ къ нимъ пшеницы отъ 250 до 300 тыс. пудовъ въ годъ. Впрочемъ, изъ числа помянутаго количества китайскихъ лавокъ, занимающихся хлѣбной торговлей спеціально нѣтъ ни одной: всѣ онѣ торгуютъ разными китайскими товарами, производство же крупчатки является у нихъ какъ бы уже второстепеннымъ, придаточнымъ промысломъ. Крупчатка приготовляется при посредствѣ конныхъ мельницъ, почему такія большія лавки, какъ Юнъ-шоу-гунъ, содержатъ у себя много лошадей и рабочихъ. На каждаго работника полагается три лошади и съ ними онъ перемолываетъ на крупчатку въ день отъ 5 до 7 пуд. По разсчету, стоимость приготовленія крупчатки обходится въ общемъ около 40 коп. за пудъ, но лѣтомъ этотъ расходъ высчитывается нѣсколько дешевле, потому что лошади днемъ угоняются въ степь для подножнаго корма, работа же производится ночью. Крупчатка китайская очень плохаго качества и лучшая стоитъ не выше 3-го сорта русскаго приготовленія; идетъ она частію для мѣстнаго потребленія среди китайцевъ и близко живущихъ монголовъ, а частію покупается русскими жителями Троицкосавска и Кяхты, въ виду ея дешевизны противъ таковой же русскаго приготовленія. Впрочемъ, болѣе крупныя фирмы отправляютъ свою крупчатку и еще въ Ургу, а также производятъ ею торговлю въ окрестныхъ монгольскихъ хошӯнахъ. Проѣхавъ сторожку и миновавъ такимъ образомъ Маймачэнъ, мы вступили въ пригородную часть, занятую домами и землями маймачэнскихъ огородниковъ. Помимо этихъ послѣднихъ здѣсь находится также до 60 дворовъ, занятыхъ харчевнями и бѣдными лавченками, въ которыхъ привитаютъ главнымъ образомъ пріѣзжающіе на маймачэнскій базаръ монголы. Пригородъ Маймачэна располагается по легкому склону къ рѣкѣ Кяхтѣ, которую мы переѣхали вбродъ. Правый берегъ этой рѣченки также не высокъ, какъ и лѣвый. Поднявшись на него, мы увидали отдѣленіе кяхтинско-ургинскаго почтоваго тракта, который отсюда принимаетъ болѣе южное направленіе къ Бӯринской станціи; между тѣмъ какъ наша дорога уклонилась сильнѣе къ западу. Версты двѣ ѣхали по кяхтинскому

ширѣ [1]) и спустились съ него къ маленькому и мутному протоку Кяхты. За нимъ дорога пошла уже по ровной степи, съ песчаной солонцеватой почвой, на которой ростутъ только отдѣльные кустики хараганы. Природа вообще крайне печальна, и только окружающіе виды доставляютъ здѣсь нѣкоторое развлеченіе путнику. Прямо на югъ возвышаются горы Ибицѝхъ-ӯла, дальнѣйшимъ протяженіемъ которыхъ на юго-западъ являются горы Дэльгэ̀ръ-хāнъ, а еще дальше ихъ, почти на востокѣ отъ насъ, виднѣлась стоящая особнякомъ высокая Дулāнъ-хāнъ, по южной сторонѣ которой протекаетъ р. Ирō. Къ сѣверу отъ долины тянутся также невысокія горы, по самой же долинѣ проходитъ въ направленіи на юго-западъ до десятка отдѣльныхъ путей, по одному изъ которыхъ ѣхали мы, и которые вообще носятъ названіе лугорскихъ дорогъ. Собственно они представляютъ собою одну торговую дорогу, соединяющую Ургу и Кяхту, обиліе же колей зависитъ частію отъ того, что пути эти выбиваются проѣзжающими телѣгами, а частію отъ того, что одни изъ нихъ, располагающіеся повыше, по скату сѣверныхъ горъ, представляются въ весеннее и осеннее время гораздо суше, чѣмъ проложенные внизу долины. Въ настоящую пору товары идутъ по самой срединѣ долины и идутъ въ достаточномъ изобиліи, такъ что на пространствѣ первыхъ шести верстъ мы повстрѣчали четыре каравана, приблизительно по 50 запряженныхъ быками телѣгъ въ каждомъ. Вообще можно сказать, что движеніе здѣсь въ направленіи къ Кяхтѣ очень большое: постоянно встрѣчаются то цѣлыя группы монгольскихъ всадниковъ, то отдѣльные путники; за то постоянно кочующаго населенія почти не видно. Первые а́или, или группы кибитокъ, мы повстрѣчали только на Тӧгӧскӧ̀ль булу́кѣ, къ которому прибыли въ 11 ч. 10 мин. и который, слѣдовательно, отстоитъ отъ Маймачэна верстъ на 6—7. Заѣхавъ въ одинъ изъ а́илей, состоявшій изъ 8 юртъ, я нашелъ, что всѣ эти юрты заняты монголками, содержанками китайскихъ маймачэнскихъ купцовъ, такъ какъ жить ближе къ Маймачэну, или въ самомъ Маймачэнѣ имъ воспрещается. По монгольски они живутъ очень зажиточно: прекрасныя, крѣпкія юрты какъ снаружи, такъ и внутри покрыты бѣлыми войлоками; въ красномъ углу разставлены богатые бурха̀ны и жертвенники передъ оными; повсюду обиліе ковровъ и олбӧ̀ковъ [2]), все обличаетъ зажиточность. На таганѣ въ каждой юртѣ кипятилось по громадному котлу сливокъ, для выдѣлыванія ӯрмэ [3]), по стѣнамъ висѣли куски мяса,—это уже положительная роскошь. Въ обстановкѣ юртъ сказывалась какая-то странная смѣсь. Двери, вмѣсто створчатыхъ монголь-

1) Монгольское названіе для плоскихъ, столообразныхъ возвышенностей.
2) Квадратная четырехугольная подушка для сидѣнія. Подробности см. въ т. V-мъ.
3) Жареныя молочныя пѣнки.

скихъ, были китайскія, одностворчатыя, въ верхнихъ филенкахъ украшенныя рѣзьбою и заклеенныя бумагою; на притолкахъ юрты были также, по обычаю китайцевъ, наклеены продолговатые листки красной бумаги съ начертанными на нихъ іероглифами; въ то же время таганъ замѣнялся здѣсь русскою желѣзною печью, съ трубою, сдѣланною изъ листоваго желѣза. Переправившись черезъ Тӧгӧскӧль булӯкъ и проѣхавъ еще версты четыре по описанной долинѣ, которая, нѣсколько оживилась здѣсь присутствіемъ полевыхъ астръ и мышинаго горошка, мы миновали одинъ изъ поворотовъ лугорской дороги къ югу, продолжая сами дальнѣйшій путь свой въ направленіи къ З.Ю.З. Отсюда долина начала представлять довольно значительную покатость къ р. Бӯра-гӧлъ, почва-же ея стала исключительно солончаковой. Вскорѣ мы узнали, что принятая нами дорожная колея была для насъ неправильною: мы черезъ чуръ уклонялись по ней къ югу, тогда какъ намъ слѣдовало ѣхать почти у самыхъ сѣверныхъ горъ. Исправляя ошибку, мы круто повернули на сѣверъ и достигли своей дороги. Въ 1 ч. 15 м. дня доѣхали до такъ называемыхъ кяхтинцами «первыхъ» песковъ, носящихъ у монголовъ наименованіе «Цзӯнъ модонӑй элэсӯ», что значитъ «пески сотни деревьевъ». Такое имя дано имъ, безъ сомнѣнія, потому, что на этихъ пескахъ въ самомъ дѣлѣ ростетъ нѣсколько десятковъ отдѣльно стоящихъ сосенъ. Цзӯнъ модонӑй элэсӯ тянутся не больше какъ на версту, но они глубоки, сыпучи и трудны для проѣзда. За этими песками идетъ кочковатый промежутокъ съ сильнымъ наклономъ къ Бӯра-гӧлу. А далѣе снова пески, именуемые монголами «Баӑнъ элэсӯ». Эти пески значительно меньше первыхъ, и, проѣхавъ ихъ, мы остановились, чтобы дать вздохнуть своимъ лошадямъ, въ долинѣ между горами Йэхэ обӧ и Будалӑнъ ӯла, при небольшомъ озерѣ, или вѣрнѣе болотѣ и вытекающемъ изъ него ручейкѣ. Такихъ болотъ въ долинѣ Бӯра гӧла и параллельно теченію этой рѣки—масса. Вода въ нихъ непріятна на вкусъ и сильно отдаетъ землею, а прилежащія къ нимъ мѣста представляютъ собою сплошную трясину, переправляться черезъ которую можно только въ извѣстныхъ мѣстахъ, иначе трясина эта втягиваетъ въ себя неосторожнаго путника и погибель его неизбѣжна.

Мѣста, по которымъ мы ѣхали до сихъ поръ, представляютъ собою земли, отведенныя въ пользованіе служилыхъ людей бӯринскаго караула; онѣ протягиваются почти отъ самаго Маймачэна, по правому берегу Бӯры, между тѣмъ какъ долины, лежащія по лѣвому берегу этой рѣки, состоятъ въ пользованіи тѣхъ данниковъ Цэ-цзасакӑ, которые состоятъ въ отрядѣ «Цзӯнъ цэрӣкъ»[1]) кяхтинскаго цзаргучея. Солдаты бӯринскаго караула,

1) Военная сотня. Подробности о ней см. въ т. III-мъ.

равно какъ и состоящія при ономъ 20 семей хамчжилга[1]) хлѣбопашествомъ не занимаются, а сѣно косятъ по Селенгѣ, ниже впаденія въ нее Орхона. Цзӯнъ цэрикъ, напротивъ, имѣютъ у себя много пашенъ, засѣвая главнымъ образомъ просо.

Оставивъ мѣсто стоянки въ $4^1/_2$ часа пополудни, мы въ $5^1/_4$ часовъ добрались до дугӯна Ганданъ-дашй-линъ, принадлежащаго обитателямъ бӯринскаго караула. Ламы не живутъ при этой кумирнѣ постоянно, а собираются сюда для совершенія служеній только 4 раза въ годъ. Кумирня снаружи очень бѣдна. Вошедши въ ея ограду, я повстрѣчалъ здѣсь лишь одного ламу, сторожа кумирни, который занимался въ своей юртѣ столярнымъ мастерствомъ и распѣвалъ какую-то молитву на тибетскомъ языкѣ. По распросамъ оказалось, что онъ выдѣлывалъ доски для ганчжӯра, который обитатели бӯринскаго караула недавно пріобрѣли своей кумирнѣ, выписавъ его изъ Тибета, черезъ посредство ургинскихъ ламъ. Отсюда верстахъ въ 4-хъ къ западу мы переправились черезъ Бӯру, русло которой не превышаетъ здѣсь двухъ саженей и въѣхали въ роскошный лугъ, приведшій насъ версты черезъ двѣ къ берегамъ Орхона. Орхонъ имѣетъ здѣсь около 50 саженей въ ширину. Правый берегъ его обрывистъ, лѣвый нѣсколько удобнѣе для подъема. Переправа черезъ рѣку совершается на батахъ, или большихъ, широкихъ лодкахъ. Мы надѣялись, перебравшись на лѣвый берегъ Орхона, проѣхать еще не менѣе 10 верстъ; но на переправѣ вырвалась и убѣжала моя верховая лошадь. Одинъ изъ проводниковъ бурятъ отправился ловить ее, хотя, повидимому, безуспѣшно. Прождавъ его до 9 ч. вечера, мы рѣшили ночевать тутъ же, на лѣвомъ берегу Орхона, около стоявшей неподалеку отъ рѣки юрты.

28-е Іюня, Воскресенье.

9 ч. + 18°; 12 ч. + 20°, 3 ч. + 22°, 6 ч. + 19°, 9 ч. + 12°.

Урочище, на которомъ мы ночевали, носитъ названіе Далан-амаулӯмъ. Ночь была проведена нами вполнѣ спокойно, только комары, въ изобиліи привитавшіе въ прибрежномъ тростникѣ, не давали намъ спать. По утру мы увидали себя стоявшими на широкомъ, поемномъ лугу Орхона, тянущемся вплоть до Селенги, впаденіе въ которую Орхона находилось не далѣе какъ верстахъ въ 4-хъ отъ нашей стоянки и представляло живописное мѣстечко, съ полого спускающимися къ рѣкѣ склонами горъ. Лошадь наша еще не была приведена и мы обречены были на невольную стоянку. Часовъ въ $5^1/_2$ утра юрта, близъ которой мы стояли, собралась кочевать. Въ 7 ч. мы сняли фотографическій снимокъ съ этой кочевки и, кажется, нѣсколько

1) Приписныхъ, вспомогательныхъ дворовъ. Подробности о «хамчжилга» въ т. III-мъ.

опоздали, ибо въ пору снимка юрта была уже разобрана и уложена въ телѣгу; оставались не убранными только сундуки и другія принадлежности юрты. Когда и это было собрано, старикъ домохозяинъ надоилъ молока своихъ козъ и совершилъ во всѣ стороны кропленіе въ честь Сабдàка[1]), покровителя урочища; засимъ весь поѣздъ двинулся для переправы на противоположный берегъ Орхона. Это была кочевка съ зимника на лѣтникъ; кочевка, конечно, очень поздняя, но здѣшніе бѣдняки монголы вообще кочуютъ рѣдко, во-первыхъ потому, что кочевать имъ, по неимѣнію подводъ, очень трудно, а во-вторыхъ потому, что, при крайней ограниченности ихъ скотоводства, община не стѣсняетъ ихъ кочевкою и, разсчитывая, что они не вытравятъ много травы, разрѣшаетъ имъ проводить время даже на поемныхъ лугахъ до тѣхъ поръ, пока эти луга не будутъ раздѣлены на участки и сданы съ аукціона отдѣльнымъ личностямъ для сѣнокосовъ. Теперь именно наступало это время. Пока мы пили свой утренній чай, къ намъ подъѣзжало шесть—семь человѣкъ монголовъ, направлявшихся на такой аукціонъ, имѣвшій совершиться по опредѣленію хошӯннаго начальства въ продолженіе четырехъ дней, начиная съ нынѣшняго числа. Для производства аукціона хошӯнный ямунь высылаетъ своего бичэ̄чи, который, смотря по количеству явившихся претендентовъ на аренду луговъ и выгодамъ хошӯна, или сдаетъ весь лугъ въ одни руки, или дѣлитъ его на извѣстное число участковъ. Деньги, выручаемыя за такое арендованіе поемныхъ луговъ, идутъ въ пользу хошӯна. Наговорившись съ этими монголами, я, въ ожиданіи привода лошади, отправился на берегъ Орхòна къ переправѣ, которая была буквально заставлена возами сѣна, отправляемаго монголами для продажи въ Кяхту. Здѣсь прежде всего мы сдѣлали фотографическій снимокъ переправы, а засимъ изъ разговоровъ съ монголами я узналъ, что перевозъ этотъ содержится по опредѣленію хошӯннаго начальства и отбывается мѣстными монголами, какъ хошӯнная повинность. Содержатели обязаны перевозить безплатно всѣхъ, ѣдущихъ по казенной надобности, а равно и всѣхъ ближайшихъ монголовъ; никакой платы ни отъ хошӯна, ни отъ мѣстнаго общества они не получаютъ; имъ предоставляется только право взимать за перевозъ плату съ китайскихъ торговцевъ и ихъ товаровъ, а также и съ отдаленныхъ монголовъ. Опредѣленной таксы при этомъ не полагается: перевозчики назначаютъ цѣну по собственному произволу, соображая свой трудъ и достатокъ переправляющагося, при чемъ, конечно, имѣютъ значеніе и симпатіи ихъ къ той, или другой личности. Обычно съ китайскихъ торговцевъ они берутъ: за перевозъ 100 овецъ 5 р. с., за те-

1) Геній — хранитель мѣстности, культъ коего собственно шаманскій.

лѣгу съ лошадью отъ 30 до 50 коп., за верховую лошадь 10 коп. Та же сумма была уплачена и нами, только за верховую лошадь съ насъ взяли 5 коп., такъ что намъ пришлось заплатить всего 1 р. 45 к.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра привели наконецъ нашу лошадь; она убѣжала по лѣвому берегу р. Бӯры до урочища Тучжà. Въ $11^1/_4$ двинулись въ путь пересѣкать поемный лугъ Орхона. Травы необычайно высоки и сочны; пѣшехода онѣ закрываютъ мѣстами почти до бедра. Версты черезъ 2 добрались

Нашъ караванъ въ долинѣ р. Орхона.

до протоки Орхона, которая, впрочемъ, не имѣетъ особаго названія. Здѣсь повстрѣчали мы русскихъ мѣщанъ изъ Троицкосавска, пріѣхавшихъ для ловли рыбы, въ числѣ 4 человѣкъ, на трехъ подводахъ, съ своими сѣтями и лодкою. Въ двѣ тони они поймали въ этой ничтожной протокѣ около пяти пудовъ карасей, окуней и щукъ. На Орхонѣ они не остановились, такъ какъ нашли тамъ уже человѣкъ 30 русскихъ, которые, воспользовавшись двумя праздниками подъ рядъ, 28 и 29 Іюня, пріѣхали на рѣку еще прежде ихъ съ тою же цѣлью. Несмотря на указанную и, по нашимъ понятіямъ, очень удачную добычу, ловцы были еще не довольны и намѣревались переѣхать дальше отсюда версты за три, на р. Цзаланъ. Вообще всѣ мѣста, по которымъ мы ѣхали до сего времени, хорошо извѣстны кяхтинскому населенію, которое считаетъ ихъ какъ бы своими и преспокойно отправляется сюда для всякаго рода охоты, особливо для рыбной ловли. Нѣсколько восточнѣе кяхтинцы заходятъ еще дальше отъ границы и съ тою же безцеремон-

ностью ловятъ рыбу на устьяхъ Ирō-гōла, Шарà-гōла и Хара-гōла. Одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь ловцовъ по этому случаю разказалъ, что въ сентябрѣ прошлаго года онъ съ товарищемъ отправился на устье Хары̀, и въ теченіе мѣсяца они добыли до полутораста пудовъ рыбы, въ томъ числѣ 94 таймени, фунтовъ по 30 каждую. Никакой платы за это монголамъ они не даютъ и позволенія ни отъ кого не спрашиваютъ: чтобы пользоваться этими благами не требуется ничего больше, какъ только жить въ мирѣ съ мѣстнымъ населеніемъ, которое рыбы не ѣстъ, цѣны ей не знаетъ, а потому равнодушно смотритъ на расхищеніе своихъ богатствъ. Пожелавъ ловцамъ удачной добычи, мы пересѣкли протоку Орхона, оказавшуюся глубиною не свыше 10—12 вершковъ и двинулись далѣе по широкой, болотистой долинѣ р. Селенги. По дорогѣ попадается масса трясинъ, въ которыхъ раза три увязали наши телѣги. Только за р. Цзалàномъ почва стала нѣсколько тверже. Отсюда начались кочевья монголовъ, принадлежащихъ Ильдэнгìинъ сумȳну хошȳна Цэ-цзасакà. Часа въ 4 пополудни мы увидали въ сторонѣ отъ дороги а́иль въ 12 юртъ; это было управленіе Ильдэнгìинъ сумȳна, т. е. здѣсь кочевалъ его цзангȉнъ съ прикомандированнымъ къ нему писаремъ. Повсюду попадались намъ большія стада быковъ и табуны лошадей, скотъ же въ большинствѣ случаевъ былъ рослый и тучный. Монголы, видимо, благодушествовали, довольные теплымъ лѣтнимъ днемъ и обиліемъ молочной пищи. Изъ юртъ слышались пѣсни. Въ урочищѣ Гангà я замѣтилъ необычную кучку народа и подъѣхалъ къ ней; оказалось, что всѣ мужчины а́иля, въ числѣ 10 человѣкъ, были заняты однимъ изъ воинскихъ упражненій «сȳръ харбухȳ», которое составляетъ пріятное развлеченіе взрослыхъ монголовъ. Это — стрѣльба изъ лука въ сȳръ, — цѣль, состоящую изъ деревянныхъ столбиковъ, на подобіе кеглей и устанавливаемую шагахъ во ста отъ стрѣляющаго. Ничего серіознаго такія упражненія, конечно, не представляютъ: правда, онѣ, несомнѣнно, пріучаютъ монголовъ къ ловкости владѣть лукомъ; но производится все это именно въ видѣ забавы, вяло, апатично, даже безъ видимаго задора и желанія отличиться. Большинство стрѣлъ оказывалось не долетавшими до цѣли, удачный же выстрѣлъ вызывалъ равнодушно и уныло распѣваемый мактāлъ, — хвалебный гимнъ, исполненіе котораго совершалось какъ бы по традиціи, или заказу. Дорога наша тянулась почти прямо на западъ. Она была очень торною по той причинѣ, что являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовою дорогою, соединявшею кяхтинскій Маймачэнъ со ставкою Цэ-цзасакà. Всякія распоряженія и командировки отъ маймачэнскаго цзаргучѐя въ означенный хошȳнъ идутъ по этой дорогѣ. Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ мы доѣхали до небольшой гряды горъ, тянущихся по южной сторонѣ долины рѣки Се-

ленги и носящихъ названіе Хонгильту́ ӯла, за которыми еще далѣе на западъ потянулись горы Чжиргалантӯ. Въ этой южной части долины Селенги населенія лѣтомъ почти не бываетъ на протяженіи приблизительно верстъ 12, и недостатокъ воды служитъ естественною для сего причиною. Еще далѣе, у западной окраины горъ Чжиргалантӯ, находится уже и вода, но мѣстные монголы засѣваютъ здѣсь просо и откочевываютъ отъ этихъ полей изъ опасенія ихъ потравы. Миновавъ эти пашни, мы остановились на ночлегъ на берегу р. Селенги, между горами Чжиргалантӯ и Селенгійнъ бӧмъ. Селенга дѣлаетъ здѣсь довольно крутой поворотъ къ югу и какъ бы запираетъ на западѣ долину, по которой до сего времени лежалъ нашъ путь. Часовъ въ 9 вечера ютящіеся по берегамъ Селенги журавли подняли страшный крикъ и мѣстные монголы приняли это за предвѣстіе дождя тѣмъ болѣе, что съ юго-востока показывались не большія тучки, а онѣ, говорятъ, всегда приносятъ съ собою дождь.

29-е Іюня. Понедѣльникъ.

Въ 9 ч. утра + 12°; 12 ч. дня + 14°; 9 ч. вечера + 13°.

Дѣйствительно, не прошло, вѣроятно, и двухъ часовъ, какъ началъ накрапывать порядочный дождикъ. Я проснулся въ $12^1/_4$ часовъ, будучи разбуженъ своими заботливыми бурятами, которые закрывали нашу убогую телѣгу, накидывая на нее ма́йханъ, или полотняную палатку, чтобы хотя немного защитить насъ отъ дождя. Мелкій дождикъ съ перерывами шелъ всю ночь. Въ 6 часовъ утра термометръ показывалъ только + 10°, въ 9 часовъ онъ поднялся до 12 и такъ прошелъ весь день сѣренькимъ и неприглядным. Мы двинулись въ путь ровно въ 8 часовъ утра и не болѣе, какъ минутъ черезъ 15 подъѣхали къ пашнямъ, которыя обработываютъ здѣсь китайцы, выходцы изъ кяхтинскаго Маймачэна. Пашни эти тянутся въ длину непрерывною полосою верстъ на пять, а въ ширину занимаютъ пространство съ версту. Называются онѣ отъ имени прилежащей горы «Бӧмыйнъ тарӑ» т. е. Бомскія пашни. Земли подъ пашни арендуются китайцами прямо въ хошӯнномъ управленіи Цэ-цзасакà за годовую плату, 8 мѣстъ толстаго кирпичнаго чая, при чемъ князь вмѣстѣ съ отдачею земель, обязуется имѣть и общую ихъ охрану, для чего наряжаетъ изъ хошӯна нѣсколько семей монголовъ, которые должны кочевать неподалеку отъ пашень и воспрещать какъ поселенія здѣсь монголовъ, такъ и остановку въ этихъ мѣстахъ каравановъ. Собственно, арендаторами являются два китайца, которые несутъ на себѣ всю отвѣтственность по разсчетамъ и могущимъ возникнуть дѣламъ; но на самыхъ пашняхъ китайцевъ проживаетъ не менѣе 20 человѣкъ, являющихся уже въ видѣ хлѣбопашцевъ-работниковъ. Пашни проходятъ у самой дороги; за ними, ближе къ горамъ

расположена и китайская заимка, являющаяся въ видѣ десятка бѣдныхъ, глинобитныхъ ба̀йшиновъ. Засѣянными мы видѣли здѣсь ячмень, овесъ и пшеницу, ближе къ ба̀йшинамъ попадался горохъ; говорятъ, что засѣвается еще и просо, но мы не видали его зелени. По пашнямъ проведено множество мелкихъ канавъ, являющихся развѣтвленіемъ одной магистральной, проведенной отъ Селенги. Саженяхъ въ 300 отъ конца пашень Селенга подходитъ къ самымъ горамъ, образующимъ здѣсь почти отвѣсный утесъ (бо̄мъ); дорога посему уклоняется на югъ и направляется къ пересѣченію сѣверныхъ отроговъ горнаго хребта Бурӯнъ нурӯ. Такое пересѣченіе совершается переѣздомъ черезъ «семь переваловъ», отчего и вся эта мѣстность носитъ названіе «Долбнъ даба̄». Мы подъѣхали къ этимъ переваламъ и начали подниматься на первый изъ нихъ въ $9^1/_4$ часовъ. Онъ оказался состоящимъ изъ шести пригорковъ, спускающихся чрезвычайно круто, оттого и въ общемъ долженъ быть признанъ труднымъ для подъема. Только благодаря сѣренькому дню наши лошади сравнительно безъ особенной усталости поднялись на него. По подъемѣ на первые два пригорка открывается великолѣпный видъ на долину Селенги. Въ западной своей части она течетъ здѣсь шестью извилистыми протоками, образуя множество острововъ самыхъ причудливыхъ формъ и поросшихъ чащами ракитника и ивы; далѣе къ востоку число протоковъ сокращается и наконецъ вся рѣка вступаетъ въ широкую долину и соединяется въ одну ровную, почти прямую ленту, по мѣстамъ блестящую своими струями, а чаще скрывающуюся отъ глазъ, такъ что направленіе ея можно прослѣдить только по высокимъ горамъ, у подножія которыхъ она течетъ, да по густой аллеѣ ракитника, которымъ поросли ея берега. Красота вида слабѣетъ развѣ только отъ того, что все здѣсь пустынно и глазъ не встрѣчаетъ ни жилищъ человѣка, ни даже пасущагося скота. Еще далѣе вверхъ по перевалу этотъ видъ уже скрывается за другими горами; но тогда здѣсь невольно увлекаешься окружающей природой. Всѣ горы поросли густою травою и нерѣдко представляютъ собою роскошный коверъ изъ цвѣтовъ: полевыя астры, ярко красная сарана, сиреневыя и бѣлыя ромашки, медовники, шиповникъ, впрочемъ, уже значительно отцвѣтшій, мышиный горошекъ, шаральчжа̀ почти сплошь устилаютъ мѣста по дорогѣ. На ряду съ этимъ въ травѣ оказалась такая масса кобылки, что, идя по травѣ, все время являешься какъ бы окруженнымъ желтою волною этихъ скачущихъ насѣкомыхъ. Взобравшись на первый перевалъ, мы нашли здѣсь устроенное изъ груды камней «обо̄», почти сплошь увѣшанное лоскутками разноцвѣтныхъ матерій и забросанное палочками, древесными вѣтками, кусочками арга̀ла и тому подобными приношеніями проѣзжающихъ. Нашъ старикъ бурятъ, какъ человѣкъ уже

облагороженно религіозный, не ограничился ни однимъ изъ такихъ приношеній: онъ имѣлъ при себѣ цѣлую связочку клочковъ, съ изображеніемъ хій морѝ[1]), которыя и закладывалъ онъ подъ камешки какъ этого, такъ и встрѣчавшихся намъ впослѣдствіи обо̄новъ. Съ вершины перваго перевала нашъ путь уклонился на ЮЮЗ. Второй перевалъ, къ которому подошли мы въ 10 ч. 50 м., былъ такъ же высокъ какъ и первый, но онъ оказался болѣе пологимъ и длиннымъ, а потому и болѣе удобнымъ для ѣзды; третій имѣлъ у себя очень невысокій подъемъ, но чрезвычайно крутой спускъ; четвертый и пятый представляли собою ничто иное, какъ высокіе и пологіе увалы, удобно и легко переѣзжаемые въ телѣгахъ. Здѣсь повстрѣчали мы 10 человѣкъ хоринскихъ бурятъ, ѣздившихъ на поклоненіе къ Ӱндӱръ-гэгэ̀ну, въ монастырь Амӱръ-баясхулантӱ. Трое изъ нихъ были верхами, въ одной телѣгѣ сидѣло двое стариковъ, мужъ съ женою, а въ остальныхъ двухъ, повидимому, жены и дѣти всадниковъ. Помимо этихъ бурятъ мы за весь день не видали въ пути ни одного человѣка. То же безлюдье было на шестомъ перевалѣ, отъ котораго дорога круто повернула на СЗ, въ направленіи къ седьмому перевалу, болѣе высокому, чѣмъ четыре его предшественника, но такому же, какъ они, пологому. Только на вершинѣ этого перевала въ 2 ч. 35 м. пополудни мы повстрѣчали первый пасшійся на вершинѣ горы скотъ, а, спустившись съ этого перевала, ровно въ 3 часа добрались до перваго а́иля. Аиль оказался совершенно пустыннымъ: въ 3-хъ его юртахъ даже были заперты на замокъ двери, въ четвертой сторожилъ юрту глухой и дряхлый старикъ, а въ пятой нашлась дѣвочка лѣтъ 11, возившаяся съ ребенкомъ, которому было едва ли не меньше года. Говорить со старикомъ не было ни какой возможности, а отъ дѣвочки я узналъ, что всѣ обитатели этого а́иля уѣхали на свадьбу, празднующуюся въ одномъ изъ сосѣднихъ а́илей, верстъ за 10—12. Юрта, въ которой жила дѣвочка, была очень бѣдна и показалась мнѣ отличною отъ всѣхъ прочихъ, вслѣдствіе развѣвавшагося на ней флага. По распросу, оказалось, что она принадлежала шаману, и шаманомъ этимъ былъ старшій братъ дѣвочки, мужчина лѣтъ 30. Изъ числа необходимыхъ принадлежностей шаманскаго культа въ юртѣ не было почти ничего, только на лѣвой сторонѣ юрты, на небольшой полочкѣ, привязанной къ ха̄на[2]), я увидалъ стоящими мѣдное литое изображеніе га́риди и точеную изъ дерева хій-морѝ, да наряду съ ними была привѣшана уродливая маска, на столько засаленная и загрязненная, что только хорошо присмотрѣвшись, можно было различить, что когда-то, встарину,

1) По буквальному переводу «воздушная лошадь», приносящая счастіе.
2) Рѣшеткамъ, составляющимъ стѣны юрты.

она была выкрашена въ ярко красный цвѣтъ [1]). Дѣвочка разказала мнѣ между прочимъ, что, направляясь прямо по той дорогѣ, по которой мы ѣхали доселѣ, мы пріѣхали бы въ Амӯръ-баясхулантӯ; если же мы хотимъ заѣхать въ хӯрэ̄нь Цэ-цзасакà, то должны двинуться отсюда по пади, тянущейся прямо на сѣверъ и упирающейся въ долину р. Селенги. Падь эта оказалась носящею названіе Сӯчжи. Спускаясь по ней все ниже и ниже, мы съ половины ея начали встрѣчать пашни монголовъ, засѣянныя просомъ. У самаго выхода въ долину Селенги почва дѣлается песчаною, и тѣмъ не менѣе кругомъ все поросло кустарникомъ, между которымъ попадалось много дикихъ яблонь. Въ 7 часовъ вечера мы выѣхали въ самую долину рѣки и черезъ полчаса остановились на правомъ берегу Селенги, у переправы черезъ оную, почти прямо противъ хӯрэ̄ня Цэ-цзасакà. Селенга въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 35 сажень.

30-е Іюня. Вторникъ.

9 ч. утра + 14°; 12 ч. дня + 18°, 9 ч. вечера + 12°.

Дневали, оставаясь на мѣстѣ вчерашней остановки близъ хӯрэ̄ня Цэ-цзасакà. Собственно давать теперь такое названіе этому хӯрэ̄ню не возможно, ибо Цэ-цзасàкъ, полное имя котораго было Цэрэ́нъ-дондòбъ, скончался въ Декабрѣ прошлаго года и въ настоящую пору преемникомъ его управленія считается внукъ его, имѣющій теперь отъ роду только 15 лѣтъ. Въ слѣдующемъ году онъ будетъ утвержденъ въ своемъ званіи богдоханомъ и тогда сдѣлается извѣстнымъ его имя; въ настоящую же пору оно, конечно, извѣстно всѣмъ правителямъ хошӯна и приближеннымъ князя, но, по принятому обычаю, не обнародуется во всеобщее свѣдѣніе, да и самъ народъ, усвоившій себѣ этотъ обычай и свято хранящій его, не старается узнать этого имени. Такимъ образомъ съ слѣдующаго года настоящій хошӯнъ и хӯрэ̄нь должны будутъ измѣнить свое названіе. За отсутствіемъ князя, до времени утвержденія его, верховное управленіе хошӯномъ сосредоточивается въ рукахъ двухъ тусалакчѝ. Мы встали, по обычаю, въ 5 часовъ утра и пока пили чай, все время слушали дикіе крики какого-то монгола, пріѣхавшаго на перевозъ и вызывавшаго перевозчиковъ, чтобы переправиться на противоположную сторону рѣки. Кричалъ онъ не менѣе часа но, очевидно, перевозчики, привыкнувъ къ такимъ крикамъ, не торопились проснуться и удовлетворить желаніе просителя. Безъ усиленно настоятельной нужды монголы не умѣютъ просыпаться рано и любятъ понѣжить себя утреннимъ сномъ. Зная это, я только въ 9 часовъ утра выѣхалъ

1) Впослѣдствіи изъ разговоровъ съ монголами я узналъ, что прежде здѣсь было много шамановъ; но Цэ-цзасакъ страшно не любилъ ихъ и теперь во всемъ хошунѣ осталось не болѣе трехъ человѣкъ, да и тѣ, говорятъ, плохіе.

со своего стана съ цѣлью посѣтить хўрэ̄нь и тамагў, или хошўнное управленіе Цэ-цзасакà. Переправа черезъ Селенгу находится подъ горою, именуемою Обо̀ту и совершается здѣсь на небольшомъ баркасѣ, который мѣстные монголы устраиваютъ ежегодно по два раза въ годъ, для чего приглашаютъ нашихъ бурятъ, кочующихъ по Чжидѣ. Сосновое дерево для постройки заготовляютъ сами монголы, буряты же только выдѣлываютъ изъ него доски и строятъ самый баркасъ. Обыкновенно ихъ пріѣзжаетъ 4, 5 человѣкъ и проживаетъ здѣсь отъ 8 до 10 дней; содержаніе во время работы идетъ на половину монгольское, плата же за постройку настоящаго баркаса была 60 р. с. Въ три мѣсяца баркасъ дѣлается уже негоднымъ для употребленія и требуетъ или капитальнаго ремонта, или же вовсе бросается. Перевозъ, по обычаю, албà̀нный (казенный) и для отправленія этой повинности назначается двѣ ӧркӯ [1]) монголовъ съ двумя причисляющимися къ нимъ хамчжилгà. Проѣхавъ черезъ хўрэ̄нь и узнавъ, что завѣдующій имъ да-ламà уѣхалъ куда-то въ степь, я направился въ тамагў, чтобы посѣтить тусалакчѝ, надѣясь, что да-ламà успѣетъ возвратиться ко времени моего обратнаго проѣзда.

Тамагà, т. е. печать, или мѣсто гдѣ хранится печать, каковымъ именемъ обозначается хошўнное управленіе, находится приблизительно верстахъ въ трехъ отъ хўрэ̄ня. По дорогѣ намъ попалось десятка три юртъ, принадлежавшихъ служащимъ при тамагѣ монголамъ. Самая тамагà заключаетъ въ себѣ только два зданія: во первыхъ, огражденный частоколомъ деревянный бà̀йшинъ, служащій архивомъ и складочнымъ мѣстомъ для разнаго рода припасовъ, и, во вторыхъ, войлочную юрту, собственно и отправляющую назначеніе какъ зала для присутствія, такъ и помѣщенія канцеляріи; здѣсь-то и принималъ меня тусалакчѝ. Юрта оказалась довольно обширной, но какъ всякое присутственное мѣсто имѣла казенную обстановку. Прямо противъ двери на трехъ, четырехъ ширдыкà̀хъ [2]) и одномъ, покрытою дабою, но уже поистершемся отъ времени олбò̀кѣ сидѣлъ тусалакчѝ; по стѣнамъ юрты были разставлены сундуки для храненія бумагъ, а впереди ихъ были протянуты въ два ряда положенные ширдыкѝ, на которыхъ возсѣдало служащее при этомъ ямунѣ чиновничество. Меня посадили на первомъ изъ такихъ мѣстъ, положивъ предварительно такой же олбò̀къ, на какомъ сидѣлъ и тусалакчѝ. Тусалакчѝ Хо̄лой оказался здоровымъ человѣкомъ, лѣтъ подъ 40, съ довольно серіознымъ лицемъ. Онъ назначенъ на свою должность только годъ тому назадъ и лишь осенью прошлаго года возвратился изъ Пекина, послѣ обычнаго представленія богдохану. Какъ и у всякаго молодаго и

1) Оркӯ = семья, или юрта.

2) Продолговатые войлоки, простеганные узорами и употребляемые для сѣдалища.

малоопытнаго чиновника въ его обращеніи со мною проглядывала сначала нерѣшительность и какъ бы робость; онъ, очевидно, боялся принять меня не такъ, какъ слѣдуетъ: либо не оказать должнаго почтенія мнѣ, либо унизить себя, сказать что-либо лишнее, или показаться не знающимъ своего положенія и должныхъ отношеній. Присутствіе въ юртѣ разнаго рода чиновъ хошӯннаго правленія также замѣтно стѣсняло его, оттого въ своихъ разговорахъ онъ оказался крайне осторожнымъ. Живо бесѣдуя со мною о хошӯнныхъ монастыряхъ и хутухтàхъ, онъ совершенно замыкался какъ скоро вопросъ касался его личнаго дѣла, говорилъ въ общемъ, что обязанности тусалакчѝ очень обширны и что онъ, просидѣвъ уже изъ своей очереди $1^1/_2$ мѣсяца, ждетъ не дождется, когда пройдутъ еще 15 дней и очередь его пребыванія въ я́мунѣ окончится. Два мѣсяца предстоявшаго пребыванія дома были, по его словамъ, счастіемъ. Я понялъ, что какъ всякій монголъ, онъ не можетъ отвѣчать на интересовавшіе вопросы прямо, не зная меня и, главное, въ присутствіи толпы; оттого старался теперь познакомить его только съ собою: вспоминалъ старое изъ своихъ путешествій по Монголіи, распрашивалъ о хошӯнахъ и нѣкоторыхъ лицахъ. То обстоятельство, что у насъ нашлось нѣсколько общихъ знакомыхъ ламъ и та́йчжіевъ, сразу сблизило насъ, и разговоръ пошелъ замѣтно оживленнѣе. Что касается ихъ собственнаго хошӯна, то тусалакчѝ между прочимъ разказалъ мнѣ; что населеніе его составляется изъ четырехъ сумо̀новъ, при которыхъ числится 600 семей латниковъ такъ называемыхъ «дансата̀й», т. е. внесенныхъ въ государственные списки; но помимо сего это населеніе раздѣляется еще на 10 ба̀ковъ, изъ числа коихъ онъ назвалъ Бархӯнъ хамчжилга̀, 2) Цзӯнъ хамчжилга̀, 3) Ламаха̀йнъ шабѝ 4) Тайчжина̀ръ, 5) Бархӯнъ табѝнъ, 6) Цзӯнъ табѝнъ. Каждый изъ четырехъ утвержденныхъ сумо̀новъ управляется цзангѝномъ; а каждый изъ 10 баковъ «хо̀ндо̀емъ», за исключеніемъ тайчжина̀ровъ, управляемыхъ хунъ-та́йчжіемъ (тӯрӯлу̀нъ даруга̀) и ламаха̀йнъ шабѝ, управляемыхъ даргою̀. Помимо сего на земляхъ хошӯна Цэ-цзаса̀ка кочуютъ шабина̀ры принадлежащихъ этому хошӯну хуто̀хтъ: «Ному́нъ ха̄на», и Дара̀ эхэ́. Шабинары ихъ, управляются шанцзотба̀ми въ имѣющемся при каждомъ изъ нихъ ямунѣ и, по крайней мѣрѣ въ хозяйственномъ отношеніи, общему управленію хошӯна не подлежатъ вовсе. Кочевья ихъ располагаются главнымъ образомъ вблизи тѣхъ хутухтѝнскихъ монастырей, къ которымъ они приписаны. Главнѣйшими монастырями хошӯна являются: 1) Нинчжѝ-дольбѝ, или монастырь Цэ-цзаса̀ка, 2) Аму̀ръ баясхулантӯ, 3) Ному̀нъ-ха̄най хитъ, именуемый еще У̀рӯшиэ̄лѝ сойокчѝ сӯмэ́ и находящійся къ западу отъ хӯрэ̄ня Цэ-цзасака̀, также точно на берегу р. Селенги, у горы Дабху̀ръ-

хāнъ-ӯла 4) Дарà эхэйнъ (дархӣнъ) хитъ. Помимо сего есть еще нѣсколько малыхъ дугӯновъ, при которыхъ ламы не живутъ постоянно.

Китайцы являются въ этомъ хошӯнѣ, какъ выходцы изъ Кяхты, занимающіеся торговлею, или хлѣбопашествомъ. Главнѣйшія пашни ихъ находятся на правомъ берегу Селенги, въ урочищахъ: Тольбй, Усӯнъ-сэ̄рь, Бӧмъ и Хӯйтӯнъ-шарà, а на лѣвомъ — въ урочищѣ Тійрикъ.

Распростившись съ тусалакчй, я обошелъ ямунь и въ это время увидалъ особый приборъ, именуемый Мӯхӯлэ̀ [illegible]. Это деревянный ящикъ, имѣющій нѣкоторое подобіе нашего гроба и замѣняющій собою у мѣстныхъ монголовъ домъ предварительнаго заключенія, острогъ и вообще всякую тюрьму. Устраивается мӯхӯлэ̀ обыкновенно изъ сосновыхъ досокъ, въ 1 вершокъ толщиною и составляется собственно изъ четырехъ частей. Во первыхъ, четыре доски, образующія боковыя стѣны ящика, длиною въ два аршина каждая; во вторыхъ, четыре такія же поперечныя доски, со стороны головы и ногъ заключеннаго, длиною по 15 вершковъ каждая; въ третьихъ, двѣ доски, образующія дно юрты, длиною также въ два аршина и наконецъ, въ четвертыхъ, двѣ доски для крышки ящика такой же длины. Боковыя доски имѣютъ у себя выемки, въ которыя вставляются шипы поперечныхъ и закрѣпляются деревянными клиньями. Дно прикрѣпляется къ ящику пластинами полосоваго желѣза, между же собою доски его скрѣплены тремя шпонками. Въ передней части этихъ досокъ дна, продѣлано отверстіе для спуска нечистотъ заключеннаго; въ двухъ верхнихъ доскахъ крышки также вырѣзано два полукружія, которыя въ соединеніи образуютъ кругъ въ $4\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ для вставливанія шеи заключеннаго. Сюда мѣстное начальство сажаетъ своихъ преступниковъ и послѣдніе просиживаютъ въ этого рода тюрьмахъ иногда 3 и 4 мѣсяца.

Вернувшись къ своей телѣгѣ, я засталъ здѣсь та́йчжи 4 ст. и узналъ, что тусалакчй назначилъ его для моей почетной охраны и сопровожденія меня до дому. По дорогѣ въ хӯрэ̄нь мой провожатый разъяснилъ мнѣ, что онъ получилъ свою степень съ утвержденія богдохāна и что въ ихъ хошӯнѣ почти всѣ та́йчжи, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, испрашиваютъ себѣ такое утвержденіе, такъ какъ безъ онаго они не могутъ ни носить шарика, ни воспользоваться другими правами, соединяющимися съ ихъ происхожденіемъ. Если какой-либо та́йчжи, прежде своего совершенолѣтія приметъ званіе то́йна, то онъ точно также долженъ ходатайствовать о своемъ утвержденіи. Правда, ему не даютъ шарика, но зато онъ получаетъ такъ называемый «джàбъ», т. е. свидѣтельство о своемъ та́йчжискомъ происхожденіи; если бы впослѣдствіи ему пришлось оставить духовное званіе, то это свидѣтельство прямо даетъ ему всѣ права та́йчжія.

Подъѣхавъ къ хўрѣ, я узналъ, что да-ламà еще не возвратился, и мнѣ пришлось ходить по хўрѣню уже одному. Толпа низшихъ ламъ тотчасъ же окружила меня, но отъ нихъ я не могъ узнать многаго. Исторія монастыря, его святыни, достопримѣчательности и богатства, все это было имъ совершенно не извѣстно. Они могли только сообщить мнѣ, что хўрѣнь этотъ раздѣляется на десять áймаковъ и имѣетъ всего 22 кумирни. Постоянно живущихъ при немъ ламъ считается не болѣе 300 человѣкъ, всего же числится до 1000, которые, однако, по большей части живутъ въ степи и приходятъ въ хўрѣнь только 4 раза въ годъ, въ дни великихъ хураловъ. Въ хўрѣни существуетъ ученіе цанйта, но состоящіе въ этомъ áймакѣ [1]) ламы имѣютъ только званіе гэбшй, для полученія же высшихъ степеней, габчжў и др., должны отправляться въ Ургў. При хурулѣ живетъ одинъ хубилгàнъ, именуемый Ламахàй. Это перерожденіе одного халхаскаго ламы, существующее нынѣ уже во второмъ своемъ видѣ. Ламахàй имѣетъ своихъ шабинàровъ, число которыхъ, впрочемъ, весьма не велико.

По дорогѣ къ мѣсту своей стоянки, бесѣдуя съ провожавшимъ меня тáйчжіемъ, я узналъ, что онъ состоитъ при тамагѣ ради отправленія почтовой службы. Почтовая станція при тамагѣ назначается для отправки командируемыхъ по казенной надобности чиновниковъ и казенныхъ пакетовъ въ ближайшій хошўнъ. Сообразно сему главнѣйшая гоньба совершается здѣсь, во первыхъ, по направленію къ Кяхтѣ и во вторыхъ, въ хошўнъ Барўнъ цзасакà, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ хошўнъ Урчжàнъцзасакà. До Кяхты считается здѣсь 4 станціи: 1) Кяхта, 2) Орхонъ, 3) урочище Гангà и 4) урочище Монсонàй: До хўрѣни и тамаги Барўнъ цзасакà также 4 станціи. На каждую изъ такихъ станцій назначается для отбыванія почтовой повинности 8 семей хошўнныхъ монголовъ, къ которымъ присоединяются еще 8 хамчжилгà. Первые — люди состоятельные, имѣющіе у себя достаточное число лошадей для почтовой гоньбы и скота для удовлетворенія содержанія ѣдущихъ чиновниковъ; вторые — совершенно бѣдные и отправляютъ свою повинность, служа у первыхъ въ качествѣ кучеровъ, посыльныхъ, или проводниковъ въ дорогѣ.

Вечеромъ, часовъ въ шесть, жена вмѣстѣ съ Ив. Θед. отправилась на берегъ Селенги ловить удочкою рыбу. Сначала эта ловля была неудачна: одна большая таймень и двѣ щуки то срывались у нихъ съ удочки, то перекусывали лесу. Они перемѣнили послѣднюю на болѣе толстую и вскорѣ достали щуку въ 8 фун. вѣсомъ и засимъ окуня, въ 3 фунта. Этого было достаточно для ухи на ужинъ, а потому и ловля была прекращена, тѣмъ

1) Отдѣленіи монастыря.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

12606

больше что ко мнѣ пріѣхалъ тусалакчѝ, которому я дѣлалъ визитъ утромъ и, слѣдовательно, женѣ нужно было заняться угощеніемъ и хозяйствомъ.

Тусалакчѝ пріѣхалъ ко мнѣ въ 7 ч. въ сопровожденіи двухъ бичэ̄чи, или письмоводителей. Чтобы послѣдніе не мѣшали нашимъ бесѣдамъ, я приказалъ своимъ бурятамъ взять ихъ къ себѣ и угостить ихъ, а самъ остался одинъ съ тусалакчѝ. Меня интересовало главнымъ образомъ положеніе хошӯна и по этому поводу тусалакчѝ сообщилъ мнѣ очень многое, хотя рѣчь его была въ сущности сплошною жалобою на современное состояніе дѣлъ.

Положеніе нашего хошӯна, говорилъ онъ, очень жалкое. Много лѣтъ уже изъ года въ годъ идутъ у насъ то засухи и неурожаи травъ въ лѣтнее время, то страшные снѣга и холода зимою: масса скота погибла и жители дошли до крайняго положенія бѣдности. Года четыре, пять тому назадъ (т. е. съ 1886, 1887 гг.) мы не только не были уже въ состояніи отправлять возлагаемыхъ на насъ податей, или выплачивать долги, сдѣланные китайцамъ, но многіе изъ тàйчжіевъ и податныхъ нашего хошӯна умерли съ голоду, а еще бо̀льшее число ушло за границы хошӯна и начало промышлять разбоями, или разбрелось и разсѣялось, собирая по другимъ мѣстамъ милостыню. Покойный цзасà̀къ Цэрэ̀нъ-дондо̀бъ и его тусалакчѝ ровно ничего не могли сдѣлать для удержанія этихъ людей, и будетъ правильно сказать, что они только носили имя начальства, значеніе же цзасачества и хошӯна упало тогда до самой низкой степени. Обезсиленные они обращались къ сейму князей, выясняя свое положеніе и прося сеймъ или разложить приходящіяся съ нашего хошӯна подати на другіе хошӯны, или помочь намъ, выхлопотавъ сокращеніе суммы нашихъ долговъ китайцамъ, или наконецъ походатайствовать о разсрочкѣ въ уплатѣ этихъ долговъ. Цзасà̀къ Цэрэ̀нъ-дондо̀бъ просилъ даже о томъ, чтобы назначили на его мѣсто другаго цзасака, который былъ бы помоложе и поспособнѣе его, а потому могъ бы лучше его сдерживать народъ, управлять имъ и подыскивать ему средства къ жизни. На все это у сеймовыхъ правителей былъ постоянно одинъ отвѣтъ, что всѣ хошӯны ха̄нъ-ӯласкаго сейма одинаково находятся въ томъ же состояніи крайней бѣдности и раскладывать подати, причитающіяся съ цэрэ̀нъ-дондо̀бова хошӯна, не на кого, а потому они рекомендовали Цэрэ̀нъ-дондо̀бу и его тусалакчіямъ *какъ-нибудь*, возможными мѣрами, поддерживать народъ и взыскивать съ него требуемые въ казну взносы. Одновременно съ симъ, по опредѣленію начальства, возникали новые налоги, дѣлались новыя раскладки, поступали новыя требованія, и все это требовалось строго, подъ опасеніемъ штрафа за невысылку. Мѣстные правители наши старались поддерживать и умирять свой народъ, изворачивались на

разные манеры, но что могли они сдѣлать, если тайчжи и данники не только что платить подати, а даже и самихъ себя не были въ состоянiи прокармливать, умирали и разбѣгались?! А послы между тѣмъ каждую недѣлю ѣдутъ то съ той, то съ другой стороны и требуютъ или уплаты податей, или погашенiя долга. Въ хошӯнномъ управленiи мы, въ свою очередь, должны были увеличить число разсыльныхъ, чтобы откомандировывать ихъ въ разные концы, обыскивать жилища податныхъ; но что и обыскивать? Пріѣдутъ, — ничего нѣтъ, кромѣ черной юрты, разбитаго, дыряваго котла, да кое-какого тряпья и лохмотьевъ. Мы отбирали и это, продавали, превращали въ деньги и мало-мало выплачивали подати, хотя и знали, что этимъ путемъ мы уже буквально низводимъ въ концъ свой народъ. Нашъ хошӯнъ уже съ давнихъ временъ находился въ стѣсненномъ положенiи, и большая часть его податныхъ людей всегда искала себѣ средства къ жизни по карауламъ, на почтовыхъ станцiяхъ, у шабинцевъ и у китайцевъ, нанимаясь къ нимъ на работы и ухаживая за ихъ скотомъ; были люди, которые дѣлали небольшiя запашки и сѣяли хлѣбъ, другiе занимались вырываніемъ солодковаго и другихъ земныхъ корней. Но въ ближайшiе годы постоянныя засухи, неурожай и болѣзни привели его въ страшную бѣдность. Теперь за нами числится долгу по уплатѣ въ находящiйся при сеймовомъ старшинѣ чжисанъ болѣе 1000 ланъ; на провьянтъ солдатамъ и на разныя казенныя потребности 1300 слишкомъ кирпичей чая; въ кобдоскiе казенные табуны нужно отправить 8 лошадей и 1 верблюда; въ Ургу должно доставить 9 лошадей въ счетъ табуна, состоящаго для отправленiя казенной службы при амбаняхъ и сеймовомъ управленiи (ᠲᠦᠷᠢᠮᠡᠨ ᠤ ᠮᠥᠷᠡᠨ); наши сумӯнные отправляютъ службу такъ далеко, что ихъ найдете даже на 20 халхаскихъ станцiяхъ (на калганско-улясутайскомъ трактѣ); мы выставляемъ цѣликомъ всю сотню солдатъ, состоящихъ при кяхтинскомъ цзаргучеѣ; по карауламъ, станцiямъ и въ число цакда отъ насъ должно выставляться около 130 юртъ; арендной платы по различнымъ хошӯнамъ, отбывающимъ повинность вмѣсто этихъ юртъ, мы должны вносить болѣе 10,000 ланъ; въ казначейство ургинскаго-хутухтӹ должны 60 лошадей; отъ насъ требуютъ приготовить новое оружiе для солдатъ нашего хошӯна; мы обязаны послать на смѣну старымъ новыхъ латниковъ на алтайскiе караулы; въ прошломъ году съ насъ требовали подводы для возвращающихся китайскихъ войскъ, теперь возложили поставку дровъ для китайскихъ солдатъ въ Ургѣ на 180 слишкомъ чаевъ; китайскимъ купцамъ, проживающимъ въ Пекинѣ, Ургѣ, Улясутаѣ и Кяхтѣ: Тӯмэнъ-чжиргалу, Буянтӯ, Да-шэнъ-куй, Гунцӯку, Дашӣ и различнымъ мелкимъ китайскимъ торговцамъ, число которыхъ свыше 70, а также монголамъ мы должны,

взятыхъ подъ проценты, и это исключительно на казенные потребности, денегъ свыше 100,000 ланъ; по разнымъ хошӯнамъ своего аймака за нами числится больше 10,000 ланъ, образовавшихся главнымъ образомъ въ силу раскладки и уравненія суммъ, израсходованныхъ на казенныя же надобности; теперь мы дошли уже до того, что если снять со всѣхъ насъ послѣдній халатъ и оставить голыми, такъ и то нельзя удовлетворить всего того, что съ насъ требуется.

Въ доказательство того, что все сказанное справедливо, тусалакчи показалъ мнѣ отпускъ оффиціальной бумаги, свидѣтельствующій, что именно въ этомъ смыслѣ доставлено у нихъ теперь заявленіе о состояніи хошӯна въ канцелярію ургинскихъ амбаней и въ сеймовое управленіе. Въ заключеніе тусалакчи просилъ меня: не буду ли я настолько добръ, чтобы попросить русское начальство назначить снова по границѣ тѣ же цѣны на хлѣбъ, которыя стояли прежде.

Чтобы сдѣлать эту просьбу удобопонятной, я долженъ сказать, что люди наиболѣе состоятельные изъ хошӯна Цэрэнъ-дондоба, занимавшіеся хлѣбопашествомъ и прежде, теперь увеличили свои запашки иногда въ три и четыре раза, такъ что лѣтомъ они теперь, можно сказать, даже не кочуютъ, а живутъ на своихъ пашняхъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому переходу изъ пастушескаго быта въ земледѣльческій были для цэрэнъ-дондобовцевъ падежи скота, почти изъ года въ годъ повторявшіеся, начиная съ 1880 г. Падежи эти были настолько сильны, что въ хошӯнѣ Цэрэнъ-дондоба, равно какъ и во всей полосѣ отъ Кяхты до Урги, не осталось теперь ни одного сарлыка [1]). Въ соотвѣтствіе этому несчастію въ Монголіи, почти въ тѣ же годы, въ нашемъ Забайкальи и мѣстахъ, прилежащихъ Кяхтѣ, случились неурожаи, при которыхъ цѣна на хлѣбъ возросла до двухъ р. с. за пудъ. Русскіе хлѣботорговцы начали закупать хлѣбъ въ Монголіи, а одинъ изъ нихъ, именно купецъ И. Ф. Голдобинъ, желая возбудить у монголовъ большій интересъ къ хлѣбопашеству, началъ еще въ 1884 г. выдавать имъ вмѣсто обычной оптовой платы 1 р. 20 к. за пудъ, по 1 р. 60 к. Въ результатѣ амбары г. Голдобина были полны хлѣба, а монголы взялись за выгодное для нихъ воздѣлываніе полей, отъ котораго не отстаютъ и теперь, хотя помянутыя необычайныя цѣны для нихъ уже и прекратились. Памятуя, однако, старыя выгоды, тусалакчи и просилъ, нельзя ли снова назначить цѣны на хлѣбъ. Конечно, я отвѣчалъ ему, что цѣны на товаръ стоятъ у насъ не въ волѣ начальства и что это чисто дѣло торговцевъ.

---

1) Тибетскій быкъ Bos gruniens.

Въ 9 ч. тусалакчи уѣхалъ отъ меня и мы разстались друзьями.

1-е Іюля. Среда.

4 ч. утра + 5°; 9 ч. + 22° (на солнцѣ); 12 ч. + 29° (на солнцѣ); 3 ч. + 23; 9 ч. + 10°.

Съ утра повторилась вчерашняя исторія криковъ на перевозѣ. Мы оставили свою стоянку въ 7 ч. 30 мин. и двинулись назадъ тою же дорогою, по долинѣ р. Селенги, до горъ, именуемыхъ Асамъ эльчжинэй. Въ долинѣ можно было замѣтить теперь массу бурундуковъ и еврашекъ. Достигнувъ извѣстной уже намъ пади Сучжи, мы начали подниматься по ней обратно, только на этотъ разъ уже другой стороною пади къ перевалу, именуемому Цэгэйнъ даба. Послѣдній представляетъ собою пологую возвышенность и мало-по-малу уклоняется на западъ, имѣя такимъ образомъ ЗЮЗ. направленіе. По дорогѣ снова замѣчено было не мало засѣянныхъ пашень, но еще болѣе оставленныхъ годъ, или два тому назадъ; мѣста не распаханныя опять начали представлять собою пестрый коверъ различныхъ цвѣтовъ, между которыми, какъ новость для насъ, попадались гвоздика и желтенькая львиная пасть. На вершинѣ Цэгэйнъ даба оказался песчаннымъ, а спускъ съ него такимъ же пологимъ какъ и подъемъ. Изъ пади, въ которую мы теперь спустились, видно было прямо на сѣверъ теченіе Селенги и три пади въ горахъ, окаймляющихъ лѣвый берегъ ея. Во всѣхъ этихъ падяхъ ясно различались квадратныя поля зеленыхъ посѣвовъ, а срединная изъ нихъ, самая большая, именуемая Ӱгомӱръ, была почти сплошь засѣяна. Неподалеку отсюда намъ повстрѣчался молоденькій лама, лѣтъ 19—20-ти, изъ хӱрѣня Цэ-цзасака; онъ ѣздилъ на побывку домой и теперь снова возвращался въ хӱрѣнь, везя съ собою на парѣ быковъ два куля хлѣба, который засѣваютъ и обработываютъ его отецъ и старшіе братья. Въ 9 ч. 45 м. дорога наша повернула прямо на сѣверъ и мы, повидимому, выѣхали на старый путь, который оставили, чтобы побывать въ хӱрѣни Цэ-цзасака. Отсюда мы все еще продолжали спускаться и въ 10 ч. 20 минутъ снова выѣхали въ долину р. Селенги въ урочищѣ, именуемомъ «ӱхэръ чулӱ», т. е. «Быкъ-камень». Такое свое названіе урочище получило отъ высокаго скалистаго утеса, обрывисто спускающагося въ рѣку и находящагося прямо противъ той пади, по которой лежала наша дорога. Къ востоку отсюда мы снова увидали хӱрѣнь Цэ-цзасака, находившійся отъ насъ не далѣе, какъ на разстояніи 6—7 верстъ. Долина Селенги въ этомъ мѣстѣ имѣетъ ширины около 2-хъ верстъ и представляется чрезвычайно однообразной: ближе къ горамъ были видны кое-гдѣ небольшія пашни; но въ большей своей части она представляется широкимъ лугомъ, по коему тамъ и сямъ раскинуты квадратныя загороди,

устроенныя изъ тростника. Это указывало на существованіе здѣсь монгольскихъ зимниковъ. Въ настоящую пору населеніе по Селенгѣ было очень не велико, и въ теченіе трехъ часовъ намъ встрѣтился лишь одинъ лама, который оказался для насъ очень полезенъ, ибо разказалъ намъ дорогу. По его указаніямъ, миновавъ падь и гору, именуемую Цантàйнъ-адàкъ, мы должны были доѣхать до горы Эрдэни-обо̀, засимъ повернуть къ югу и ѣхать далѣе по пади, называющейся То̀лбійнъ-амà, слѣдуя вверхъ по теченію рѣки То̀льби. Повернувъ въ эту послѣднюю падь, мы нашли здѣсь прекрасную торную дорогу, которую, по словамъ того же монгола, прокладываютъ главнымъ образомъ наши буряты, не рѣдко ѣздящіе лѣтомъ на поклоненіе въ Амӯръ-баясхулантӯ, переходя границу у Боцо̀йскаго караула. Мѣстное населеніе монголовъ занимается здѣсь земледѣліемъ, а зимою перевозкою чая и товаровъ отъ Урги до Кяхты. Ровно въ 12 ч. дня мы вступили въ То̀льбійскую падь. Она оказалась почти сплошь разработанною подъ пашни, на которыхъ были посѣяны главнымъ образомъ ячмень и просо. Нѣсколько выше мы встрѣтили небольшой поселокъ китайцевъ, всего въ три фанзы. Монголовъ въ этихъ мѣстахъ не было совершенно, и кочевки ихъ здѣсь строго воспрещены хошӯннымъ начальствомъ, во избѣжаніе потравы скотомъ посѣвовъ. Только въ 2 часа дня, у высокаго и чрезвычайно правильнаго холма, Са́нту, намъ попался а́иль; но, зашедши въ него, я повстрѣчалъ его хозяина занимавшимся плотничьимъ ремесломъ. Помимо убогаго вида его юрты, самое занятіе его обличало въ немъ крайняго бѣдняка, ибо внѣ этого условія монголъ никогда не возмется ни за какую работу. Противъ этой долины Са́нту, по словамъ столяра, на лѣвомъ берегу Селенги находится хӯрэ̄нь Номӯнъ-хāна, лишь недавно возвратившагося изъ русскихъ предѣловъ, гдѣ онъ, по приглашенію бурятскаго Ханбо̄-ламы, прожилъ довольно значительное время въ монастырѣ сего послѣдняго. Въ долинѣ Са́нту опять таки разработано не мало земли, при чемъ намъ попалось второе поселеніе китайцевъ, уже въ 5 фанзъ. Пашни здѣсь, однако, не исключительно китайскія, но равнымъ образомъ и монгольскія. Канавами ни китайскія, ни монгольскія пашни не снабжены и орошаются исключительно падающими дождями. Такія пашни продолжаются по То̀льбійской долинѣ до того мѣста, гдѣ съ восточной стороны она окаймляется горнымъ мысомъ, именуемымъ Ханхары̀йнъ хошӯ, а съ западной—горою, называемой Мого̀й ӯла. У этихъ мѣстъ мы встрѣтили три отдѣльныхъ поселка китайцевъ, заключавшихъ въ себѣ отъ 3 до 5 фанзъ. На мысѣ Ханхары̀йнъ хошӯ построена небольшая кумирня, въ тибетскомъ вкусѣ, принадлежащая лично Цэ-цзасакӯ. Разказываютъ, что построена она была нѣкіимъ Дарѝ-сорѐнъ, гэлӯномъ монастыря Амӯръ баясхулантӯ,

не далѣе, какъ года три или четыре тому назадъ, т. е. въ 1888—1889 гг., но за симъ, не будучи въ силахъ содержать этой кумирни, Дарѝ-сорѐнъ подарилъ ее Цэ-цзасакѹ̀. Здѣсь до нѣкоторой степени можно считать границу его владѣній собственно съ СЗ стороны, и отсюда начинается такъ называемый Захальчжѝнъ-хошѹ̄, или нейтральныя, пограничныя хошѹ̄нныя земли. Дѣло въ томъ, что у рѣки Бургултàя, впадающей въ Селенгу съ правой стороны, проходитъ граница хошѹ̄на цинь-вáна тѹ̈шѣтѹ̈ хāновскаго áймака. Пространство отъ береговъ этой рѣки, Бургултàй, до горы Могòй ѹ̄ла считается пограничнымъ для хошѹ̄на Цэ-цзасакà съ хошѹ̄номъ цинь-вáновскимъ и на такого рода земляхъ могутъ кочевать уже смѣшанно данники обоихъ хошѹ̄новъ. Поднимаясь еще далѣе по Тóльбійской пади, мы достигли до урочища Тóльбійнъ эхѝнъ, т. е. истоки Тóльби, и въ 7 ч. 15 мин. вечера остановились здѣсь для ночлега.

2-е іюля. Четвергъ.

4 ч. утра + 8°; 9 ч. утра + 12°, 12 ч. дня + 20°; 5 ч. + 22° 9 ч.

Выѣхали въ $6^1/_2$ часовъ утра и мало-по-малу начали подниматься на перевалъ, густо покрытый лиственичнымъ лѣсомъ, въ которомъ по мѣстамъ попадались еще береза и осина. Перевалъ этотъ ведетъ непосредственно къ хѝту [1]) Амѹ̀ръ-баясхулантѹ̀, а потому зовется «Хидыйнъ-даба». У самаго подъема дорога дѣлаетъ крутой поворотъ и вмѣсто южнаго принимаетъ западное направленіе. Небо было сильно заволочено тучами, когда мы подъѣхали къ самому подъему, и этому обстоятельству съ нашей стороны нельзя было не порадоваться тѣмъ больше, что лошади наши были не сильны, а переѣздъ довольно крутой и тяжелый. Правда, для придачи большей отлогости, дорога по нему проведена зигзагами; но это мало облегчаетъ путь, ибо встрѣчающіеся безъ числа по дорогѣ камни и корни деревьевъ дѣлаютъ движеніе повозокъ и въ повозкахъ почти невыносимымъ. Всѣ мои спутники шли теперь пѣшкомъ и по дорогѣ собирали грибы: шампиньоны, масленники и абабки, впрочемъ, едва ли ни единственные представители здѣсь этого рода растительности. Только къ 9-ти часамъ утра мы поднялись на перевалъ и засимъ въ одинъ часъ спустились съ него по пади, именуемой Байнъ-булѹ̀къ, гораздо болѣе пологой, главное же, не столь каменистой и совершенно лишенной древесной растительности, а слѣдовательно, раскинувшихся по землѣ древесныхъ кореньевъ. Въ 10 часовъ утра мы прибыли въ хитъ Амѹ̀ръ-баясхулантѹ̀. Въ 12 часовъ небо, слегка прояснившееся, снова покрылось тучами и пошелъ небольшой дождикъ; но вслѣдъ за симъ показалось солнце и въ воздухѣ стало просто

1) Хѝтъ = скитъ, монастырь.

душно. Въ тотъ же день я отправилъ одного изъ своихъ бурятъ съ хадаками къ ханбо-ламѣ и да-гэскую съ изъявленіемъ имъ своего привѣтствія и желанія познакомиться. Оба они прислали мнѣ свои хадаки съ просьбою пожаловать. Визиты къ этимъ лицамъ носили обычный характеръ: угощеніе чаемъ, айракомъ и сластями; разговоръ о моемъ путешествіи и наконецъ нѣсколько моихъ вопросовъ о состояніи хита. — Вотъ все, что было въ этихъ визитахъ. О личностяхъ ханбо-ламы и да-гэскуя можно сказать только то, что весьма научные въ дѣлѣ буддизма, они являются крайне необразованными по нашему, не зная не только исторіи страны, но даже своего монастыря.

Амуръ-баясхуланту хитъ.

Монастырь Амуръ-баясхуланту представляетъ собою одну изъ главнѣйшихъ святынь въ сѣверной Халхѣ. Онъ располагается при рѣкѣ Ибэнъ-голъ, или, лучше сказать, при одной изъ протоковъ этой рѣки, именуемой Номту-горихонъ, у подножія южной стороны горы Буруунъ-ханъ.

Время основанія Амуръ-баясхуланту относится къ періоду смерти Ундуръ-гэгэна. Монголы говорятъ, что монастырь этотъ строился въ періодъ царствованія трехъ бодохановъ, и такое пониманіе если и не совсѣмъ точно, то все-таки имѣетъ свой raison d'être. Дѣло въ томъ, что по смерти перваго монгольскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, случившейся въ 1723 году, царствовавшій тогда въ Китаѣ императоръ Канси, особливо любившій Ундуръ-гэгэна, издалъ высочайшій рескриптъ, коимъ повелѣвалось отпустить изъ государственнаго казначейства суммы и построить на нихъ особый монастырь, который долженъ былъ служить усыпальницею Ундуръ-гэгэна. Въ періодъ царствованія Юнъ-чжэна этотъ монастырь окончательно отстроился, въ царствованіе же Цянь-луна въ него, въ 1779 году, были перенесены останки Ундуръ-гэгэна, ранѣе чего монастырю былъ пожалованъ императоромъ такъ называемый «гэрэльту-хошо чулу», т. е. камень съ вырѣзанною на немъ надписью, заключающею въ себѣ частію похвалу умершему халхаскому гэгэну, частію обстоятельства построенія кумирни и наконецъ свидѣтельство о пожалованіи этому монастырю имени Амуръ-баясхуланту, каковое пожалованіе во всегдашнемъ обычаѣ китайскаго правительства. Сами монголы, по своему обычаю, не преминули украсить происхожденіе этого названія легендою. Разказываютъ, что богдоханъ, опредѣливъ построить монастырь Амуръ-баясхуланту, командировалъ сюда знатоковъ счастливыхъ примѣтъ (шиньчжэчи), для выбора мѣста. Знатоки эти, слѣдуя вверхъ по теченію Ибэна, дошли до горы Буруунъ-ханъ и у подножія ея встрѣтили играющихъ мальчика и дѣвочку. Спрошенные

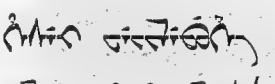
объ именахъ, эти мальчикъ и дѣвочка отвѣчали, что перваго изъ нихъ звали Амӯръ, а вторую, Баясхулантӯ. Такое совпаденіе, на ряду съ особенностями мѣстности, почти убѣдило изслѣдователей въ счастливыхъ примѣтахъ этого пространства: они довели о немъ до свѣдѣнія богдохāна и послѣдній, опредѣлилъ построить здѣсь монастырь, съ именемъ Амӯръ-баясхулантӯ. По преданіямъ мѣстныхъ ламъ, по отлогости горъ Бӯрӯнъ-хāнъ до времени построенія монастыря было много отдѣльныхъ пригорковъ и бугровъ; всѣ они были срыты, площадь земли уровнена и на ней воздвигнутъ былъ хӯрē.

Въ настоящую пору Амӯръ-баясхулантӯ хитъ можно представить себѣ состоящимъ изъ трехъ частей, изъ коихъ срединную составятъ собственно зданія императорскихъ кумирень, обнесенныя каменною оградою, а двѣ боковыя значительно длиннѣйшія первой и не имѣющія оградъ, будутъ уже обоснованными на добровольныя приношенія монголовъ.

Подходя къ монастырю со стороны его главнаго входа, на югѣ, прежде всего встрѣчается, по общему обычаю

Общій видъ монастыря Амуръ-баясхулантy.

китайцевъ, «щитъ», именуемый монголами «пайлӯръ», или небольшая стѣна, устроенная изъ обоженнаго кирпича, оштукатуренная, окрашенная въ красную краску и имѣющая всреди нѣ лѣпное украшеніе цвѣтовъ, сдѣланное изъ глазированной глины. По бокамъ этой ограды находятся два такихъ же столба со вдѣланною въ нихъ деревянною доскою, на которой остались еще слѣды нижеслѣдующей надписи: т. е. «многочисленные ваны, цзасакй, тáйчжи и ниже, даже до простолюдиновъ, должны здѣсь сходить съ лошадей». Предписаніе это исполняется на столько строго, что не только монгольскіе князья, а даже ургинскій хутухтӯ, при своемъ посѣщеніи Амӯръ-баясхулантӯ, сходятъ здѣсь съ лошадей и далѣе идутъ пѣшкомъ вплоть до монастырскихъ воротъ, что составитъ приблизительно саженей 25 или 30. Пространство отъ щита до главныхъ монастырскихъ воротъ представляетъ собою обширную квадратную площадь, огражденную подвижными рогатками, чтобы на нее не могъ входить скотъ. Зданія, находящіяся за императорской оградой, располагаются по тремъ уступамъ горной покатости и, сообразно сему, самая ограда монастыря съ внѣшней стороны представляется въ трехъ своихъ частяхъ постоянно возвышающеюся какъ бы тремя порогами. Ограда сдѣлана изъ обоженнаго кирпича, оштукатурена и окрашена въ желто-красную краску; кровля же стѣнъ ограды покрыта черепицею свѣтло коричневаго, или даже кофейнаго цвѣта. Въ оградѣ этой для прохода внутрь имѣется трое воротъ: главныя изъ нихъ, находящіяся на южной сторонѣ кумирни, снабжены по бокамъ двумя калитками, а подъ кровлею имѣютъ пожалованную монастырю богдохāномъ «бянь-э (扁 額)», или обдѣланную въ золотую рамку дощечку, голубаго цвѣта, на которой золотыми буквами находится на языкахъ маньчжурскомъ, монгольскомъ и китайскомъ нижеслѣдующая надпись:



敕 建 慶 寧 寺

т. е. «построенный по высочайшему повелѣнію монастырь Амӯръ-баясхулантӯ».

Внутри ограды императорскаго монастыря, съ сѣвера на югъ, располагается четыре отдѣльныхъ двора, съ построенными въ нихъ зданіями, главнѣйшими изъ которыхъ считаются слѣдующія:

На первомъ дворѣ, посреди самаго двора и прямо противъ главныхъ воротъ находится такъ называемое «тамагàйнъ сӯмэ». Это отдѣленіе мона-

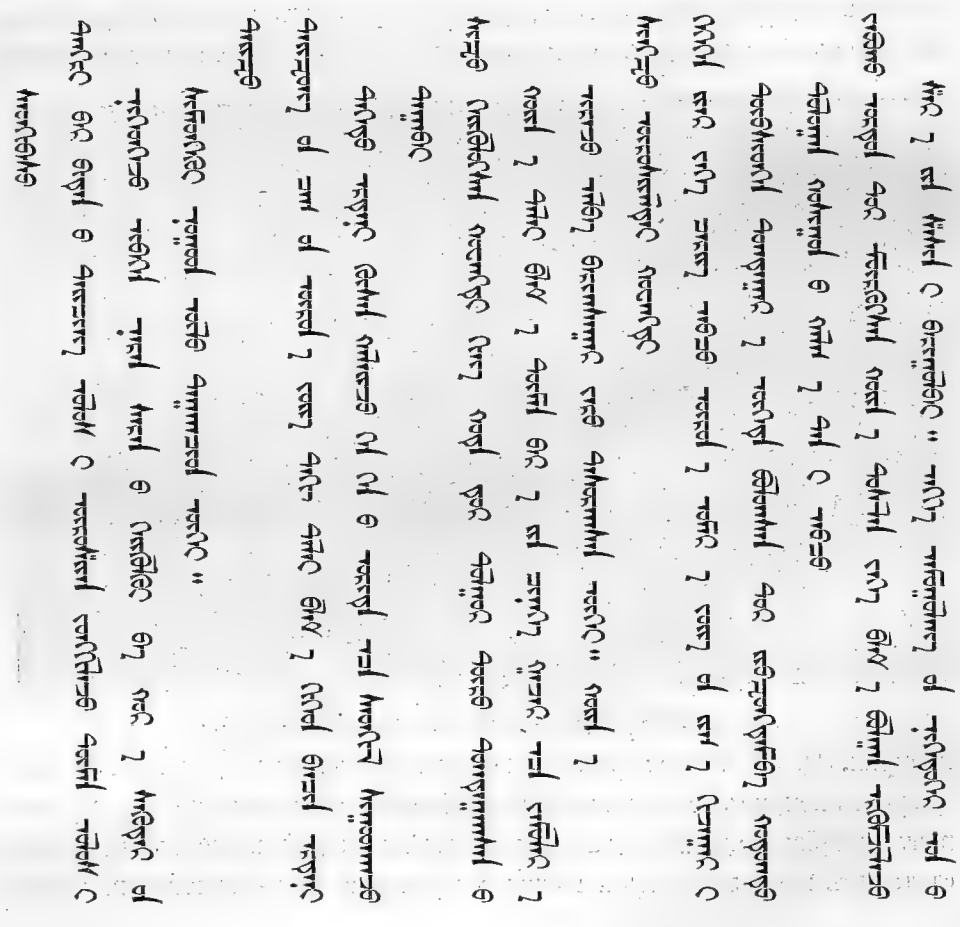
стыря можно назвать чисто китайскимъ, такъ какъ основные предметы поклоненія въ этой кумирнѣ составляютъ, во-первыхъ, эцзэнӯ сӯльдэ, а во-вторыхъ, такъ называемая монголами «тамага̀», или дощечка, пожалованная богдохāномъ монастырю и имѣющая точно такую же форму, какую имѣетъ дощечка, прибитая надъ воротами, только здѣсь она стоитъ на особо изготовленномъ для нея поставцѣ. Передъ входомъ въ это сӯмэ стоятъ двѣ высокія жерди, называемыя «абурга̀-мāни», а по бокамъ его два кіоска, изъ коихъ одинъ на правой сторонѣ заключаетъ въ себѣ пожалованный императоромъ монастырю колоколъ, а другой, на лѣвой сторонѣ, — било, называемое монголами «хэнгэргэ̀». Оба эти предмета назначены для созыванія, посредствомъ издаваемыхъ ими звуковъ, ламъ къ совершенію хура̀ловъ. Къ сѣверу отъ «тамага̀йнъ сӯмэ̀» находится зданіе вторыхъ монастырскихъ воротъ, внутри которыхъ стоятъ кумиры четырехъ Маха-ра̀чжа. Эти ворота, также какъ и первыя, бываютъ закрыты въ теченіе цѣлаго года. Онѣ приводятъ во второй дворъ, разбитый боковыми, такими же каменными, какъ и ограда монастыря, стѣнами на три отдѣленія. Поднявшись отъ вышеописанныхъ воротъ по лѣстницѣ въ пять порожковъ, вступаешь на площадку, на которой находится главная монастырская

Богдоханская кумирня монастыря Амуръ-баясхуланту.

кумирня. Зданіе ея воздвигнуто на высокомъ каменномъ фундаментѣ, образующемъ вокругъ всей кумирни портики, на которые ведутъ съ трехъ сторонъ кумирни лѣстницы въ 12 порожковъ. Самое зданіе кумирни деревянное, съ такимъ же мезониномъ и покрыто черепицею ярко-коричневаго цвѣта.

Портики поддерживаются такими же деревянными колоннами, въ числѣ восьми на каждой сторонѣ кумирни, съ еще четырьмя отдѣльными, болѣе массивными колоннами по угламъ зданія. Кровля этихъ портиковъ также деревянная, украшена рѣзьбою, выкрашена въ разноцвѣтныя краски и по мѣстамъ отдѣлана живописными изображеніями драконовъ и другихъ миѳологическихъ животныхъ Китая. На самой кровлѣ сўмэ, по общему обычаю китайцевъ, также стоятъ лѣпныя изображенія миѳологическихъ животныхъ. Это главное зданіе монастыря именуется цокчѝномъ и назначено для общаго служенія всѣхъ ламъ монастыря.

Передъ цокчинской кумирней находятся два деревянныхъ кіоска, которые называются у монголовъ «ту-пунàй сўмэ». Въ стѣнахъ этихъ кіосковъ хранятся два камня, на которыхъ вырѣзана пожалованная богдоханомъ монастырю надпись, съ достаточною точностью объясняющая всѣ обстоятельства постройки монастыря. Въ монгольской лѣтописи Эрдэнѝйнъ эрихэ̀ мы имѣемъ сохраненною точную копію этой надписи, которую я представляю здѣсь въ текстѣ и переводѣ.



ومن الأمثلة على ذلك ما يحدث في الأسواق حيث يتم تحديد الأسعار بناءً على العرض والطلب. فإذا زاد الطلب على سلعة معينة ارتفع سعرها، وإذا زاد العرض انخفض سعرها. وهذا ما يسمى بآلية السوق.

وقد أشار العلماء إلى أن هذه الآلية تعمل بشكل جيد في كثير من الحالات، ولكنها قد تؤدي إلى نتائج غير مرغوبة في حالات أخرى. فعلى سبيل المثال، قد يؤدي ارتفاع الأسعار إلى حرمان الفقراء من الحصول على السلع الضرورية. لذلك فإن تدخل الدولة في بعض الأحيان يكون ضروريا لتحقيق العدالة.

ومن الأمثلة على تدخل الدولة ما يسمى بالتسعير الجبري، حيث تحدد الدولة أسعارا معينة لبعض السلع. وقد اختلف العلماء في جواز هذا التسعير، فمنهم من أجازه في حالات الضرورة، ومنهم من منعه مطلقا. والراجح أنه يجوز إذا كان فيه مصلحة للناس ولم يؤد إلى مفسدة أكبر.

ومن الأمثلة على ذلك ما حدث في بعض البلدان من تحديد أسعار بعض المواد الغذائية في أوقات الأزمات، فإن هذا التحديد يعد من التسعير الجبري الذي اختلف العلماء في حكمه.

ومن الأمثلة على ذلك ما يحدث في الأسواق حيث يتم تحديد الأسعار بناءً على العرض والطلب. فإذا زاد الطلب على سلعة معينة ارتفع سعرها، وإذا زاد العرض انخفض سعرها. وهذا ما يسمى بآلية السوق.

Въ переводѣ это значитъ:

«Какъ подумаю я, небо, милостиво созидая нашу дайцинскую династію, благотворно объединило (подъ ея властью) тьмы народовъ, такъ что все, освѣщаемое солнцемъ и луною, и орошаемое дождями и росою покорствуетъ ей. Во времена Тàй-цзу и Тàй-цзуна обитающіе на западѣ Далàй лама и Баньчэнь-эрдэнѝ, стремясь къ высшему совершенству и предупреждая другъ друга въ намѣреніяхъ, изъявили свою покорность. Послѣ того какъ Ши-цзу, свѣтоносный хуанъ-ди (= Шунь-чжи), обосновалъ свое твердое правленіе въ столицѣ, Далàй-лама изъ-за десятка тысячъ поприщъ пріѣхалъ, чтобы имѣть аудіенцію при дворѣ, и (съ тѣхъ поръ) представленіе имъ дани не прекращалось. Впослѣдствіи, когда Шэнъ-цзу, милосердый хуанъ-ди (=Канъ-си), лично, принявъ великую армію, отправился на умиротвореніе сѣверныхъ границъ, Чжэбцзýнъ-дамба хутухтý, взявъ халхасовъ семи хошýновъ, пришелъ на поклонъ въ походномъ дворцѣ; (богдохáнъ) пожаловалъ его въ званіе «нарочито великаго ламы» и поручилъ его управленію желтую вѣру. Зимою 61-го года правленія Канъ-си онъ прибылъ на аудіенцію и въ слѣдующемъ за симъ году скончался въ столицѣ. Царственный родитель мой, Шэнъ-цзунъ, основательный хуанъ-ди (= Юнъ-чжэнъ), командировалъ чиновниковъ и, подъ присмотромъ и охраною ихъ, доставилъ (останки) его назадъ, къ его народу и почетно удостоилъ его милостей и церемоніальныхъ почестей. Въ 5-мъ году пра-

вленія Юнъ-чжэна (богдохāнъ), высочайшимъ указомъ, командировалъ сановниковъ, отпустилъ изъ государственнаго казначейства 100,000 ланъ серебра и приказалъ въ мѣстности монастыря, въ которомъ проживалъ онъ (Чжэбцзўнъ-дамбà хутухтў) изначала, построить большую обитель, собрать хувараàковъ, поручить имъ объясненіе нòмовъ, служеніе молебствій и устроить все согласно порядкамъ, принятымъ въ западной сторонѣ Далàй-ламы и Баньчэнь-эрдэнѝ. Въ 1-мъ году правленія Цянь-луна обитель была отдѣлана, и я, опредѣливъ монастырю имя «Амўръ-баясхулантў», пожаловалъ ему собственноручную надпись, назвавъ его «основою добродѣтели міровъ, имѣющихъ число песчинокъ р. Ганга». Соизволяя за симъ на просьбы чиновниковъ, завѣдывавшихъ дѣломъ постройки, я повелѣлъ воздвигнуть обелискъ и, выгравировавъ надпись, отмѣтить ею всѣ обстоятельства этого дѣла. Какъ подумаю я,—всѣмъ людямъ, порожденнымъ небомъ, присуще одно вѣчное, истинное свойство. Это истинное свойство не знаетъ богатыхъ и бѣдныхъ, не дѣлаетъ различія по внѣшнему виду и наружности, не полагаетъ дѣленія въ странахъ и мѣстностяхъ. Поступая согласно его отличительнымъ велѣніямъ, управлять—просто; оно же составляетъ и основу, на которой великіе государи построили свое ученіе. Желтая вѣра распространена въ сѣверныхъ странахъ; всѣ аймаки, не разбирая высшихъ и низшихъ, стремятся (къ ней) и нѣтъ никого, кто не исповѣдывалъ бы ее съ истиннымъ благоговѣніемъ. Сущность ея ученія представляетъ основы того, какъ исправлять дурные пороки и послѣдовать благимъ добродѣтелямъ. Если теперь монгольскія общины желаютъ изучать священное ученіе, предаваться созерцаніямъ и съ вѣрою вступить на истинный путь Будды, то для нихъ совершенно легко и полагать намѣренія, и поощрять другъ друга къ благимъ добродѣтелямъ. Остается только, чтобы каждый человѣкъ относился съ сочувствіемъ и возвышался въ добродѣтеляхъ. Кто не скажетъ, что это составляетъ самую насущную необходимость для вѣчной непрерывности того, чтобы всѣ мои дѣти, обитающіе за границами и великою стѣною, полагали въ основу свой дѣятельности соревнованіе въ добродѣтеляхъ и почитали наиглавнѣйшимъ миръ и спокойствіе вселенной, равно какъ и то, чтобы внутреннее и внѣшнее населеніе (имперіи пользовалось) довольствіемъ, радостями, благодѣяніями и милостями? Мои царственные предки милостиво осыпали своими ласками заграничные аймаки и доставляли благоденствіе всѣмъ странамъ; оттого тьмы народовъ сдѣлались вполнѣ счастливыми, населеніе увеличивается и всякаго рода произведенія являются въ изобиліи и достаткѣ. Настоятели этой кумирни должны увѣщавать и руководить всѣхъ одушевленныхъ существъ, благовѣствовать имъ объ истинныхъ свойствахъ,

побуждать ихъ единомысленно стремиться къ просвѣщенію и благоустройству, дабы всѣ отдѣльныя личности и семьи пользовались бы миромъ и спокойствіемъ и наслаждались бы святостью и блаженствомъ. Только въ такомъ случаѣ окажутся они достойно оцѣнившими высокія намѣренія, по которымъ царственный родитель мой доставлялъ свои милости и благодѣянія всѣмъ аймакамъ.

Правленія Цянь-луна 2-го года, (1737 г.) 1-й лѣтней луны, 7-го числа».

Сверхъ сего надъ дверями кіоска правой стороны, на деревянной доскѣ наклеена выписка изъ трактатовъ, заключенныхъ между Россіею и Китаемъ, въ которой во всеобщее свѣдѣніе обнародуется свобода русскихъ разъѣздовъ въ предѣлахъ Монголіи. Помимо этихъ трехъ зданій въ срединномъ отдѣленіи второго двора не находится никакихъ построекъ; только по срединѣ и въ углахъ сѣверной стѣны его располагаются три небольшія калитки, черезъ которыя можно проходить на третій монастырскій дворъ. Въ среднюю изъ этихъ калитокъ проходитъ только гэгэнъ въ пору своего посѣщенія монастыря, для прохода же всѣхъ прочихъ ламъ и поклонниковъ назначаются двѣ боковыя калитки.

Въ боковыхъ отдѣленіяхъ втораго двора, какъ уже было сказано выше, устроены ворота восточныя и западныя, чрезъ которыя обычно ходятъ къ кумирнямъ всѣ посѣтители оныхъ. Съ среднею, цокчѝнскою частью втораго двора боковыя отдѣленія онаго соединяются посредствомъ небольшихъ калитокъ. Въ обоихъ этихъ отдѣленіяхъ богдоха̀нскихъ построекъ уже не имѣется, а находятся храмовыя зданія, воздвигнутыя монголами на собственный счетъ и примѣнительно къ потребностямъ исповѣдуемой ими желтой вѣры. Такъ на восточномъ дворѣ, у сѣверной стѣны онаго, стоятъ кумирни: 1) Чжу̀дъ и 2) Манба̀, передъ дверями которыхъ стоятъ четыре хӯрдэ̀, для вращанія ихъ благочестивыми поклонниками; въ южной части того же отдѣленія въ настоящее время строится новый, большой храмъ цанѝта. Въ западномъ отдѣленіи стоятъ: 1) на самомъ югѣ кумирня такъ называемаго 80-ти саженнаго Ма̀йдари, хотя въ дѣйствительности величина этого бурхана не превышаетъ здѣсь 60 маховыхъ саженей; 2) нѣсколько сѣвернѣе его кумирня для служенія цанѝта и наконецъ у самой сѣверной стѣны расположена 3) кумирня «Гӯрӯ̀мъ» съ чествуемыми въ ней 10 докшѝтами.

Третій дворъ внутри императорской ограды почитается самою основною святынею Аму̀ръ-баясхулантӯ. Здѣсь находится пять отдѣльныхъ кумирень. Срединною изъ нихъ является кумирня «Цзу», т. е. изображенія будды Сакъямӯни; по правую сторону ея располагаются, во-первыхъ, увѣнчанная золотымъ ганчжиромъ кумирня, въ которой хранятся «шарѝль» или

останки Ўндўръ гэгэ̀на, и во-вторыхъ кумирня Аю̄ши; а по лѣвую сторону во первыхъ кумирня, въ которой находится шарѝль 4-го хубилгана Чжэбцзўнъ-дамбы̀ и во-вторыхъ кумирня Ма́нлы.

Четвертый и самый сѣверный дворъ является до нѣкоторой степени какъ бы служебнымъ. Въ немъ, какъ и на третьемъ дворѣ, имѣется пять зданій, при чемъ средину занимаетъ такъ называемый Лабра̀нъ, или ба̀йшинъ, съ оригинальною бѣлою черепичною крышею, въ которомъ останавливается Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухтў въ періодъ своего посѣщенія монастыря; по правую сторону отъ Лабра̀на стоитъ, во-первыхъ, такъ называемый Цага̀нъ-дугўнъ, въ которомъ находится кумиръ Ўндўръ-гэгэ̀на и гдѣ въ періодъ посѣщенія хубилганами Чжэбцзўнъ-дамбы̀ монастыря Амўръ-баясхуланту̀ имъ подносятъ данышѝкъ халхаскіе нойны; а во-вторыхъ, кумирня Ма́йдари; по лѣвую сторону Лабра̀на расположены, во-первыхъ, кумирня въ часть 4-го гэгэ̀на, а во-вторыхъ, такъ называемый шўтэ̄нэй сўмэ̀, главнымъ бурханомъ коего является кумиръ Сэчжўнъ, по преданію, полученный Абата̀й-ха̄номъ отъ Дала̀й-ламы̀ и перенесенный изъ Эрдэнѝ-цзў въ Амўръ-баясхуланту̀ вскорѣ послѣ построенія этого монастыря и перенесенія въ оный шарѝла Ўндўръ гэгэ̀на.

Внѣ императорской ограды, по обѣимъ сторонамъ ея, располагаются жилища ламъ монастыря Амўръ-баясхуланту̀ и особые, такъ сказать, общинные сўмэ̀, къ которымъ эти ламы причисляются. Такихъ ламскихъ общинъ, именуемыхъ «а́ймаками», въ Амўръ-баясхуланту̀ считается шесть и самыми большими изъ нихъ являются а́ймаки: а) Дашѝ-чо́йкоръ-линъ и б) Санга̀й, въ каждомъ изъ которыхъ числится отъ 500, до 600 ламъ. Въ остальныхъ а́ймакахъ, носящихъ названіе: в) Цзо̄га̀й, г) Дэджѝтъ-линъ, д) Пунцўкъ-линъ и е) Шўтэ̄нэй, считается въ каждомъ отъ 250 до 300 ламъ. Такимъ образомъ общее число ламъ Амўръ-баясхуланту̀ можно полагать въ 2000, или нѣсколько болѣе. По происхожденію своему почти всѣ они принадлежатъ къ вѣдомству шабина̀ровъ ургинскаго хутухты̀, но есть въ средѣ ихъ и пришедшіе изъ хошӯновъ не только восточныхъ, но и западныхъ а́ймаковъ. Жилища этихъ ламъ располагаются въ самомъ монастырѣ уже по монастырскимъ а́ймакамъ; каждый селится близъ своего аймачнаго дугўна, и въ общемъ составѣ монастыря эти шесть а́ймаковъ образуютъ, такъ сказать, шесть отдѣльныхъ кварталовъ, съ множествомъ мелкихъ улицъ и переулковъ. По крайней мѣрѣ четверть ламскаго населенія имѣетъ собственные домы, стереотипную форму коихъ представляетъ небольшой, огороженный частоколомъ изъ лиственичныхъ бревенъ дворъ, съ узкими, двустворчатыми и окрашенными въ красную краску воротами. Внутри этого двора, обыкновенно на самомъ заднемъ планѣ, устраивается одинъ или два неболь-

шихъ глинобитныхъ ба́йшина, въ которыхъ ламы проживаютъ лѣтомъ; по бокамъ ограды дѣлаются навѣсы для склада подъ ними дворовой утвари, а по срединѣ двора ставится одна, двѣ или три юрты, въ которыхъ ламы живутъ уже безсмѣнно и лѣтомъ, и зимою. Всѣ эти постройки ламы обыкновенно воздвигаютъ сами, заготовляя лѣсъ въ близлежащихъ горахъ и получая глину изъ окрестностей монастыря. Обычная стоимость устройства такого жилища колеблется между 6 и 8 хӯнцзами[1]) чая, т. е. между 100 и 135 р. с.; но за послѣднее время цѣны на помѣщенія здѣсь начинаютъ значительно возвышаться и причиною сего является незначительность мѣста для построекъ. Дѣло въ томъ, что долина, на которой располагается Амӯръ-баясхулантӯ, представляетъ только очень узкую полосу вполнѣ удобную для построекъ: съ сѣвера здѣсь возвышаются горы Бӯрӯнъ ха̄нъ, отроги которыхъ, окаймляя монастырь съ востока, образуютъ пригорки, совершенно непригодные для устройства на нихъ жилищъ; оттого расширить монастырь къ востоку возможно не иначе, какъ только срывъ эти пригорки. На западной сторонѣ монастыря залегаетъ болотистая долина Ибэна и его протоковъ, селиться на которой также невозможно вслѣдствіе чрезвычайной сырости почвы. Такимъ образомъ монастырю предстоитъ разростаться только въ южную сторону, въ каковомъ направленіи и увеличивается, дѣйствительно, число его зданій. Содержаніе пищею и одеждою ламы имѣютъ собственное, частію получая его отъ своихъ, живущихъ въ степи родственниковъ, а частію заработывая его отъ приходящихъ богомольцевъ. Съ этою цѣлью они даютъ имъ помѣщеніе въ своихъ дворахъ, доставляютъ имъ воду и топливо, торгуютъ хадака̀ми, безъ поднесенія которыхъ бурха̀намъ у монголовъ почти не бываетъ поклоненій и проч.; наконецъ нѣкоторое подспорье въ пріобрѣтеніи жизненныхъ средствъ доставляютъ ламамъ и доходы, получаемые ими отъ раздѣла приношеній поклонниковъ, во время совершенія ламами служеній, или хура̀ловъ.

Этихъ хура̀ловъ въ монастырѣ Амӯръ-баясхулантӯ отправляется не особенно много. Въ айма̀чныхъ дугӯнахъ служеніе совершается даже не каждый день; для ежедневнаго же служенія назначены, во-первыхъ, два цанѝтскихъ хура̀ла: одинъ изъ нихъ начинается часовъ въ 7 утра и оканчивается къ 11-ти, другой начинается часа въ 4 пополудни и оканчивается къ 6-ти вечера. Помимо сего въ періодъ утренняго цанѝтскаго хура̀ла отправляется еще 3) Эмчӣйнъ-хура̀лъ въ кумирнѣ Ма̀нлы, 4) Цзурха̀йнъ-хура̀лъ, 5) Йога̀йнъ-хура̀лъ 6) Чжудыйнъ-хура̀лъ, 7) Ламрѝмъ и 8) совершаемый

1) Хунцза — усвоенное сибиряками китайское названіе цибика чая; не менѣе рѣдко цибикъ чая называется еще у нихъ «мѣстомъ» чая.

всѣми монастырскими ламами цокчѝнскій хурàлъ. Отдѣльно отъ этихъ хурàловъ отправляется еще часовъ въ 5 утра и между 8-ми и 9-ю часами вечера такъ называемая чжисà, т. е. принесеніе жертвъ передъ останками покоящихся въ монастырѣ Ўндўръ-гэгэ̀на и 4-го хубилгà на ургинскаго хутухты̀. Для совершенія этихъ служеній назначается по очередно 5 избранныхъ и наиболѣе почетныхъ ламъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе низшіе обитатели монастыря даже не имѣютъ права приближаться къ этой святынѣ и ограничиваются поклоненіемъ ей передъ дверями кумирни, въ которой она находится.

Служеніе цанѝта началось въ Амўръ-баясхулантў съ 1763 года, но донынѣ обучавшіеся здѣсь ламы состояли только въ разрядѣ гэбшѝ, т. е. учениковъ цанѝта и для полученія хотя бы первой ученой степени, габчжў, должны были отправляться въ Ургу. Въ настоящемъ 1892 году монастырь Амўръ-баясхулантў получилъ въ этомъ отношеніи важное повышеніе, будучи отличенъ правомъ самому возвышать цанѝтскихъ учениковъ до степени габчжў. Съ этою цѣлью въ 1-й лѣтней лунѣ изъ Урги былъ командированъ въ Амўръ-баясхулантў ургинскій цорчжѝ лама̀: въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ преподавалъ здѣсь высшую догматику ламаизма, велъ диспуты со здѣшними цанѝтскими ламами и въ концѣ концовъ призналъ четырехъ изъ нихъ достойными степени габчжў. Такимъ образомъ съ нынѣшняго года здѣсь образовалась своя конференція ламъ, имѣющихъ первую ученую степень цанѝта, которая съ слѣдующаго года начнетъ уже свою, самостоятельную дѣятельность касательно возведенія изучающихъ цанѝтъ ламъ въ степень габчжў, хотя утвержденіе ихъ въ этой степени будетъ, по общему правилу, принадлежать Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухтѣ.

Изъ числа годовыхъ хурàловъ церемонія круговращенія Ма́йдари совершается въ Амўръ-баясхулантў 15 числа послѣдней лѣтней луны, а цàмъ 27 числа того же мѣсяца. Тотъ и другой хурàлы отправляются здѣсь съ большими церемоніями и Амўръ-баясхулантўскіе ламы, хотя и сознаютъ, что ургинскій цàмъ превосходитъ ихній по количеству пляшущихъ масокъ, однако и свой ставятъ не ниже по той причинѣ, что какъ цàмъ, такъ и церемонія Ма́йдари обставляются у нихъ 108 чимэ̀ками[1]), среди коихъ играетъ роль и несомая впереди дощечка, пожалованная монастырю богдохà номъ, чего нѣтъ при церемоніи Ма́йдари и цàмѣ ургинскихъ.

Геніевъ хранителей Амўръ-баясхулантўскій монастырь чествуетъ два, во-первыхъ, Чжамсарà на, почитаемаго геніемъ хранителемъ (сакўсу)

1) Буквально «украшеніями», которыя вродѣ нашихъ хоругвей выносятся при религіозныхъ церемоніяхъ. Побродности объ этомъ изложены въ т. IV-мъ.

Ўндўръ-гэгэ̀на и всѣхъ вообще монастырей его, а во 2-хъ, Хла̀му избраннаго спеціально покровителемъ Амўръ-баясхулантў.

Значительное число избранныхъ хура̀ловъ, служеніе цанѝта, а особливо учрежденіе монастыря богдоха̄номъ и нахожденіе въ немъ выдающихся святынь ставятъ Амўръ-баясхулантў очень высоко во мнѣніи халхасовъ. Хубилга̀ны Чжэбцзўнъ-дамба́ хутухты по мѣрѣ возможности постоянно посѣщаютъ этотъ монастырь. Такъ седьмой хутухтў посѣщалъ его два раза съ большими церемоніями; настоящій гэгэ̀нъ церемоніально и съ разрѣшенія пекинскаго правительства ѣздилъ въ Амўръ-баясхулантў только одинъ разъ, въ 1889 г.; но за то, склонный къ эксцентричностямъ, онъ въ 1890 г. два раза пріѣзжалъ въ Амўръ-баясхулантў, не сносясь съ Пекиномъ и не спрашивая разрѣшенія начальства. Эти поѣздки онъ совершалъ въ обществѣ всего шести приближенныхъ чиновниковъ, проживалъ въ Амўръ-баясхулантў въ оба раза всего по два дня, при чемъ не отправлялъ здѣсь никакихъ служеній. Само собою разумѣется, что для молодаго гэгэ̀на поѣздки эти были не болѣе какъ развлеченіемъ; но ламы разказываютъ о нихъ съ набожною таинственностью, указывая, что божественный духъ гэгэ̀на влечется къ Амўръ-баясхулантўскимъ святынямъ. Съ тѣмъ же благоговѣніемъ къ Амўръ-баясхулантў относятся и всѣ вообще халхасы, а равно и наши буряты-буддисты, оттого, побывавъ на поклоненіи у живаго хутухты̀ въ Ургѣ, они довольно часто отправляются въ Амўръ-баясхулантў для поклоненія шарѝлу Ўндўръ гэгэ̀на. Поклоненія эти доставляютъ не малые доходы монастырю, почему въ общемъ можно сказать, что онъ имѣетъ у себя весьма значительныя средства.

Средства эти составляются во первыхъ изъ принадлежащихъ монастырю стадъ. По отзывамъ мѣстныхъ ламъ, общее казначейство монастыря имѣетъ у себя до 100 верблюдовъ, болѣе 2000 лошадей, до 3000 быковъ и свыше 5000 овецъ. Скотъ этотъ монастырское казначейство не содержитъ въ своихъ отдѣльныхъ стадахъ и табунахъ, а раздаетъ на храненіе различнымъ богатымъ монголамъ, въ количествѣ отъ 50 до 100 головъ въ однѣ руки. Платы за такое храненіе скота не полагается; но принявшій скотъ на храненіе можетъ производить на немъ свои работы, при чемъ заработанная скотомъ плата одною своею половиною доставляется монастырю, а другая половина идетъ въ пользу скотохранителя. Такимъ образомъ масса быковъ, принадлежащихъ монастырю Амўръ-баясхулантў, перевозитъ русскіе и китайскіе чаи отъ Урги до Кяхты и обратно русскіе товары изъ Кяхты въ Ургу. Верблюдовъ для этой цѣли не употребляютъ, да и вообще монастырскій са̀нъ содержитъ ихъ, какъ и повсюду въ прилежащихъ хошўнахъ, очень мало, больше изъ тщеславія о томъ, чтобы его достояніе

исчислялось всѣми четырьмя родами скота. Лошади идутъ главнѣйше на продажу, а овцы частію употребляются на пищу ламъ въ дни великихъ хураловъ, а частію служатъ для выдѣлки изъ ихъ шерсти войлоковъ, веревокъ, тесемъ и проч.

Помимо этого скота, принадлежащаго общему монастырскому сану, въ Амуръ-баясхулантуй имѣетъ еще свой скотъ и каждый монастырскій аймакъ въ отдѣльности. Количество этого скота, конечно, не велико, но въ общемъ онъ все же составляетъ почтенную цифру: самый бѣдный аймакъ, Цзогай, имѣетъ, напримѣръ, у себя не больше 100 головъ лошадей, такого же количества быковъ и до 200 овецъ, за то самый богатый аймакъ Чойнкоръ-линъ считаетъ у себя не менѣе 250 лошадей и около 1500 овецъ; такимъ образомъ въ итогѣ сумма аймачнаго скота не только равняется, но, можетъ быть, даже превосходитъ обще-монастырскую.

Другой источникъ доходовъ составляютъ принадлежащія монастырю Амуръ-баясхулантуй земли. Объяснить происхожденіе этихъ земель, какъ монастырской собственности, вообще представляется довольно труднымъ, такъ какъ у монголовъ существуетъ только общественное пользованіе землями; тѣмъ не менѣе въ самомъ монастырѣ мнѣ удалось найти нѣкоторые документы, уясняющіе сказанный вопросъ. Документы эти суть одно попавшее въ мои руки монастырское, судное дѣло. Сущность его заключается въ томъ, что лѣтъ 20 тому назадъ Цэ-цзасакъ и Урчжанъ-цзасакъ, въ видѣ особаго пожертвованія монастырю, предоставили его пользованію пахатныя земли въ своихъ хошунахъ, первый по р. Ибэну, а второй по р. Бургултаю, каковое обстоятельство и было отмѣчено въ приходо-расходныхъ книгахъ шабинскаго вѣдомства. Но въ 9-е лѣто правленія настоящаго богдохана, т. е. въ 1884 г., Цэ-цзасакъ вздумалъ возвратить себѣ эти земли назадъ и сдалъ пашни въ урочищѣ Усунъ сэръ въ арендное содержаніе двумъ китайцамъ, съ годовою платою за нихъ въ 5 цибиковъ кирпичнаго чая. Ламы предъявили по этому поводу искъ, поведшій за собою слѣдствіе и судбище, окончившееся въ пользу шабинскаго вѣдомства, потому что Цэ-цзасаку приказано было возвратить земли монастырю. Тогда Цэ-цзасакъ, очевидно, желая затруднить дѣло, возбудилъ новый вопросъ о томъ, чьему вѣдѣнію, разслѣдованію и рѣшенію должны подлежать всякаго рода судныя дѣла и тяжбы, могущія возникнуть на этихъ земляхъ. Ламы отстояли и этотъ вопросъ, выхлопотавъ рѣшеніе, по коему все это передавалось въ руки шабинскаго вѣдомства. Такимъ образомъ земли эти явились какъ бы навсегда и всецѣло закрѣпленными за шабинарами и состоящими въ ихъ непосредственномъ вѣдѣніи.

Своими землями монастырь Амӯръ-баясхулантӯ пользуется двояко: онъ или сдаетъ ихъ въ аренду китайцамъ, или же обработываетъ ихъ собственными средствами. Первый изъ этихъ способовъ пользованія особливо практиковался въ старое время и тогда, при заключеніи арендныхъ сдѣлокъ, у монастырскихъ ламъ не существовало даже никакой опредѣленной мѣры земли: китаецъ высматривалъ и спималъ ту или другую горную падь, на которой могъ распахивать неопредѣленное количество земли, могъ распахивать 100 и болѣе десятинъ, лишь бы только на это хватило его рабочей силы; и за такую падь онъ платилъ монастырю отъ 8 до 10 цибиковъ чая. Но впослѣдствіи монголы и сами поняли значеніе и цѣнность пахатныхъ земель и установили на нихъ уже опредѣленную мѣру, низшую единицу которой составляетъ лукъ для стрѣльбы. Земля вымѣривается лукомъ по дугѣ онаго, т. е. отъ одного края дуги до другаго и въ этомъ размѣрѣ лукъ почти равняется маховой сажени, только немного превосходя ее. Пространство въ 20 квадратныхъ луковъ сдается за 10 чаевъ. Другой способъ пользованія землями, т. е. собственная обработка земель монастыремъ, развился особливо за послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда главное казначейство монастыря Чжэбцзӯнъ дамбà хутухты привлекло къ обработкѣ земли своихъ шабинàровъ и составило даже особый отòкъ[1]), повинность котораго именно и состояла въ обработкѣ земли. Урожай съ пашень, обработываемыхъ шабинàрами, цѣликомъ доставляется монастырю, и это даетъ ему значительно бòльшія средства къ существованію, чѣмъ отдача земель въ аренду. Уразумѣвъ это, ламы начали теперь уже вытѣснять китайцевъ изъ степи, и въ настоящую пору ихъ не осталось, говорятъ, на монастырскихъ земляхъ даже и одной трети. По этому поводу въ мои руки попало два интересныхъ документа отъ 9-й луны минувшаго 1891 г. Въ первомъ изъ нихъ цзáйсанъ-даргà ибэнскихъ пашень, Лубсàнъ дорджӣ, докладывалъ, что въ различныхъ урочищахъ по р. Ибэну осталось только двѣ заимки китайцевъ, изъ числа тѣхъ, которые прежде имѣли свидѣтельства на право посѣва пашень и, кромѣ того, здѣсь же проживаетъ три китайца, выѣхавшіе въ степь на стодневный срокъ. Во второмъ документѣ даргà бургултáйскихъ пашень докладывалъ, что въ разныхъ мѣстахъ по теченію р. Бургултàя осталось 6 заимокъ китайцевъ (изъ числа 18), а сверхъ того по Бургултàю же проживаютъ три китайца, выѣхавшіе на стодневный срокъ. Наконецъ въ урочищѣ Чжинтӯ находится четыре

1) Встарину словомъ «отòкъ» обозначались у монголовъ небольшія родовыя орды, кочевавшія въ одномъ мѣстѣ; нынѣ это слово уже утратило родовое значеніе и стало обозначать, притомъ исключительно въ шабинскомъ вѣдомствѣ, просто небольшую общину, объединенную подъ одной административной властью. Подробности объ этомъ въ т. III-мъ.

заимки китайцевъ, въ которыхъ живутъ они домами и которые сообщили даргѣ, что они предъявляли свой 100-дневный паспортъ въ хошӯнѣ цзасакà Лубсàнъ-сайдӯба.

Къ монастырю Амӯръ-баясхулантӯ необходимо причислить еще нѣсколько зданій и учрежденій, стоящихъ отдѣльно отъ монастырскихъ построекъ. Таковыми являются:

1) Отдѣленіе шанцзотбѝнскаго я́муня, въ которомъ разсматриваются самыя мелкія дѣла, возникающія у шабинàровъ, кочевья которыхъ прилежатъ монастырю Амӯръ-баясхулантӯ. Первенствующимъ членомъ этого отдѣленія является да-гэскӯй, онъ же и шанцзотбà хита Амӯръ-баясхулантӯ; за симъ въ званіи членовъ этого я́муня почитаются два донйра, шесть цзáйсановъ изъ ламъ и одинъ цзáйсанъ изъ свѣтскихъ лицъ, который, собственно, и рѣшаетъ постоянно дѣла въ тамгѣ, между тѣмъ какъ ламы являются къ засѣданіямъ, только въ исключительно важныхъ случаяхъ. Зданія этого учрежденія находятся на сѣверо-западной сторонѣ монастыря и состоятъ изъ одного бáйшина и двухъ юртъ.

2) На южной сторонѣ монастыря, въ разстояніи приблизительно полуверсты отъ него, находится такъ называемая «амбасы́йнъ хӯрѣ». Это сложенная изъ сырцеваго кирпича ограда, внутри которой находится нынѣ пустынный и поросшій травою дворъ, по которому проходитъ только нѣсколько дорожекъ, протоптанныхъ живущими здѣсь въ жалкой юртѣ сторожемъ и его семьею. Назначеніе этой ограды состоитъ собственно въ помѣщеніи за стѣнами ея ургинскихъ амбàней, которые могутъ пріѣзжать въ монастырь, сопровождая Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухтӯ, если бы послѣднему захотѣлось посѣтить Амӯръ-баясхулантӯ. Впрочемъ, такія сопровожденія хутухты́ амба́нями относятся ко временамъ давно минувшимъ; въ настоящую же пору въ Халхѣ если не унизилось значеніе хутухты́, то настолько возвысилось значеніе амба́ней, что они уже не ѣздятъ провожать его, а посылаютъ взамѣнъ себя какихъ-либо своихъ приближенныхъ. Эти командированные, впрочемъ, также останавливаются въ «амбасы́йнъ хӯрѣ» и, на время ихъ пріѣзда, для нихъ такъ же, какъ встарину для самихъ амба́ней, выставляется нѣсколько юртъ, въ которыхъ и проживаютъ они все время своего пребыванія въ монастырѣ.

3) Еще южнѣе «амбасы́йнъ хӯрѣ», въ разстояніи уже около версты отъ монастыря, располагаются юрты торгующихъ въ Амӯръ-баясхулантӯ китайцевъ. Всѣхъ китайскихъ торговцевъ здѣсь четыре, которые и содержатъ четыре лавки, помѣщающіяся въ четырехъ отдѣльныхъ юртахъ. Основные предметы продажи ихъ составляютъ русскія произведенія, а именно, изъ числа мануфактурныхъ товаровъ: солдатское сукно, плисъ,

преимущественно черный, цвѣтная бязь, цвѣтной ластикъ и миткаль; изъ кожевенныхъ: юфть и сафьянъ, китайскаго же производства продаются только готовые сапоги, но въ весьма ограниченномъ количествѣ; изъ металлическихъ произведеній продаются также русскіе: топоры, гвозди, пилы, подпилки, проволока мѣдная и желѣзная, буравчики, чаши, ведра, жесть въ листахъ, а также желѣзо какъ листовое, такъ и полосовое; изъ отдѣла суровскихъ товаровъ: разнаго рода пуговицы, наперстки, карандаши, спичечницы, ножницы, очки и пр. Китайскихъ произведеній мнѣ пришлось видѣть здѣсь очень мало: дабу̀, трубки, табакерки и шарики для чиновничьихъ шляпъ, вотъ и всѣ основные китайскіе товары, если исключить, конечно, самый важный продуктъ—чай. Съ такого рода товарами каждая изъ четырехъ китайскихъ лавокъ ведетъ свою торговлю не только въ Амӯръ-баясхулантӯ, но и предпринимаетъ еще мелкіе разъѣзды по окрестностямъ, заходя въ хошӯны Урчжа̀нъ цзасака̀, Да-цинъ-ва́на, Барӯнъ Согу́на и др. Торговля почти исключительно мѣновая, и главный предметъ вымѣна составляютъ скотъ и продукты скотоводства, особливо шерсть и кожи. По собственному признанію этихъ торговцевъ, они въ прошломъ 1891 г. вывезли изъ своихъ складовъ въ Амӯръ-баясхулантӯ до 11,000 кожъ, и продали ихъ въ Кяхтѣ русскимъ купцамъ на сумму 35,000 р. Въ обмѣнъ на товаръ хорошая воловья кожа пріобрѣтается здѣсь, въ степи, среднимъ числомъ за 1 р. 80 к. и за 2 р. Вымѣнянный скотъ гонится частію въ Китай, но больше опять-таки въ предѣлы Россіи, гдѣ его покупаютъ главнѣйше на Ленскіе золотые пріиски. По дальнѣйшимъ разказамъ этихъ китайцевъ выяснилось, что всѣ они торгуютъ компаніями и компаньены ихъ содержатъ свои лавки по различнымъ монастырямъ хошӯна Да-цинъ-ва́на, а нѣкоторые заходятъ даже къ урянхаямъ. Всѣ свои товары они покупаютъ преимущественно на Верхнеудинской ярмаркѣ, а частію въ Иркутскѣ и Ирбити.

Въ монастырѣ Амӯръ-баясхулантӯ мы пробыли двое сутокъ, т. е. 2-е и 3-е число Іюня, въ теченіе каковаго времени мною и были собраны настоящія свѣдѣнія объ этомъ монгольскомъ монастырѣ-городѣ, ибо значительность даже постояннаго населенія его, не говоря уже о пришломъ, даетъ ему полное право на названіе городка. Само собою разумѣется, что свѣдѣнія эти собирались путемъ распросовъ и разнаго рода сношеній. Бесѣды мои, конечно, начались прежде всего съ хозяевами нашей квартиры, каковыми оказались, во-первыхъ, гэскӯй лама̀ а́ймака Цзӧга̀й, а во-вторыхъ, гэлӯнъ того же а̀ймака. Такое явленіе, т. е. что однимъ домомъ владѣютъ два хозяина, представляется въ Амӯръ-баясхулантӯ довольно заурядным. Лама, не будучи въ состояніи единолично пріобрѣсти, или построить себѣ

жилище, обыкновенно входитъ въ компанію съ такимъ же ламою, въ большинствѣ случаевъ своимъ родственникомъ, и вмѣстѣ они покупаютъ, или строятъ себѣ жилище: сначала живутъ въ одной юртѣ, потомъ пріобрѣтаютъ другую, засимъ послѣдовательно строятъ себѣ ба́йшины и наконецъ по времени обзаводятся полнымъ хозяйствомъ. Что касается нашихъ хозяевъ, то они также были между собою въ какомъ-то дальнемъ родствѣ и жили въ одномъ домѣ, или лучше сказать, на одномъ дворѣ уже лѣтъ 30-ть. Теперь каждый изъ нихъ имѣлъ свою юрту и свой ба́йшинъ, при каждомъ жили въ видѣ прислужниковъ маленькіе хувара̀ки, въ будущемъ несомнѣнно имѣющіе быть такими же ламами и, можетъ быть, пріобрѣсти также совмѣстно этотъ дворъ. Въ ученомъ отношеніи это были люди далеко не книжные. Конечно, они сполна знали потребный имъ кругъ хура̀ловъ, но дальше этого свѣдѣнія ихъ не простирались, да и по всему было видно, что это были люди, поглощенные заботами о насущномъ кускѣ хлѣба. Таковы же были и постоянно приходившіе къ нимъ знакомые. Близорукость и невнимательность къ окружающему у этихъ людей доходитъ просто до смѣшнаго. Во время моего перваго визита хозяину гэскӯю, къ нему пришелъ старый и, очевидно, почтенный лама, потому что хозяинъ пытался даже уступить ему свое мѣсто. Послѣ обычныхъ вопросовъ, изъ которыхъ мнѣ выяснилось, что этотъ гость — лама живетъ въ Амӯръ-баясхулантӯ уже болѣе 40 лѣтъ, я продолжалъ разговоръ со своимъ хозяиномъ о состояніи монастыря и спросилъ его, сколько внутри императорской ограды всѣхъ кумирень? Къ удивленію, мой гэскӯй сталъ втупикъ при этомъ вопросѣ и отвѣчалъ, что не знаетъ; потомъ самъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ старшему и, когда тотъ оказался также незнающимъ, добродушно замѣтилъ: «вѣдь вотъ, сколько лѣтъ живемъ, а не знаемъ; да намъ это какъ-то ни къ чему!» Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ стариковъ-ламъ, подумавъ, могъ бы пересчитать въ отдѣльности всѣ храмы на каждомъ дворѣ и дойти до общаго числа; но обстоятельство это служитъ лучшимъ примѣромъ того, какъ мало обращаютъ монголы вниманія на обыденные предметы и какъ вообще слаба у нихъ способность обобщеній.

Гораздо больше свѣдѣній могъ я получить отъ младшаго брата этого гэскӯя, также ламы гэлӯна, имѣвшаго около 30 лѣтъ отъ роду; но человѣка больнаго и потому удаляющагося отъ обыденной ламской жизни. Съ нимъ обошелъ я весь монастырь, онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія и о здѣшнихъ монастырскихъ зданіяхъ, порядкахъ, особенностяхъ и проч. Прогулка и осмотръ монастырскихъ кумирень въ первый же день пріѣзда заняли время не менѣе трехъ часовъ, такъ что домой мы прибыли часовъ въ 8-мъ вечера. Здѣсь меня посѣтило нѣсколько ламъ, при-

шедшихъ посмотрѣть на русскихъ, жена же моя жаловалась, что ее все время положительно осаждали монголы. Правда, осада эта была не особенно тяжелой: подойдутъ люди къ двери — стоятъ, или сядутъ на корточки и смотрятъ; всякое движеніе и дѣйствіе вызываетъ съ ихъ стороны замѣчанія о томъ, что именно дѣлается; всякій новый предметъ вызываетъ удивленіе своими формами и догадки о томъ, на что этотъ предметъ пригоденъ. Въ числѣ ламъ, пришедшихъ ко мнѣ, было много странниковъ изъ разныхъ частей Монголіи: здѣсь были монголы рѣшительно всѣхъ халхаскихъ аймаковъ и очевидно было, что Амуръ-баясхулантуй, во мнѣніи монголовъ, является большою святынею. Въ бесѣдахъ со здѣшними ламами разговоръ невольно склонился на обыденную жизнь, при чемъ большинство горько жаловалось на бѣдственное положеніе Халхи и, не скрывая, выражало свое недовольство китайскимъ правительствомъ и его поборами. Зима 1891—1892 г. была очень тяжелою для Монголіи: масса скота погибло отъ холодовъ и шургановъ[1]), народъ значительно обѣднѣлъ и несмотря на то, по приказанію амбаней, не дальше какъ въ маѣ мѣсяцѣ было собрано даже съ шабинаровъ по 200 лошадей съ отока, въ видахъ пополненія ханскихъ сурковъ, также подвергшихся значительному сокращенію отъ падежа. Всего этотъ сборъ съ шабинскаго вѣдомства исчислился въ 14,400 головъ лошадей. 3-го числа, имѣя въ виду заняться фотографическою снимкою монастыря и его главнѣйшихъ достопримѣчательностей, я долженъ былъ напередъ сего испросить разрѣшеніе мѣстнаго монастырскаго начальства и съ этою цѣлью по утру, въ $6\frac{1}{4}$ часовъ, отправился съ визитомъ къ ханбо-ламѣ, полагая, что у него, какъ у главнѣйшаго начальника монастыря, можно получить прямое разрѣшеніе. Ханбо-лама, какъ и обыкновенно начальствующіе въ степныхъ монастыряхъ, въ лѣтнее время не живетъ въ самомъ Амуръ-баясхалунтуй, а переселяется изъ него въ степь, на вольный воздухъ; оттого къ его юртамъ я пріѣхалъ только къ 7 часамъ. Къ удивленію моему, на предложенный мною вопросъ о фотографіи, ханбо-лама отвѣчалъ, что самъ онъ лично ничего не имѣетъ противъ снимковъ, но не можетъ разрѣшить мнѣ этого. «Какъ ханбо-лама», пояснилъ онъ, «я вѣдаю дѣла чистоты вѣры, ученія и хураловъ; но все что касается внѣшности монастыря вѣдаетъ да-гэскуй; поэтому вы просите разрѣшенія у него». Поблагодаривъ ханбо-ламу за любезность, я отправился къ да-гэскую и послѣ короткой бесѣды предложилъ ему тотъ же вопросъ. Этотъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать мнѣ разрѣшенія, тѣмъ не менѣе я могу снимать, препятствовать онъ мнѣ не будетъ, но и знать

1) Снѣжныхъ бурь.

объ этомъ не будетъ; «дѣлайте, какъ хотите, только не входите внутрь кумирень». Поблагодаривъ и этого, я отправился домой, оставилъ свою лошадь, а самъ уже часовъ въ 10 утра пошелъ въ императорское отдѣленіе монастыря, чтобы предварительно посмотрѣть на все, достойное здѣсь замѣчанія. Почти во всѣхъ кумирняхъ совершались хурàлы и надъ всѣмъ дворомъ стоялъ гулъ ламскихъ чтеній. Въ самомъ монастырѣ въ сущности рѣшительно все оказалось устроеннымъ по типу обыкновенныхъ императорскихъ монастырей. Особенно интересными являлись только главная монастырская кумирня (цокчѝнъ), да два кіоска, въ которыхъ заключены были пожалованные богдоханомъ монастырю камни съ вырѣзанными на нихъ надписями на языкахъ монгольскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и китайскомъ. Текстъ и содержаніе этихъ надписей были хорошо мнѣ извѣстны, такъ какъ они цѣликомъ переписаны въ монгольской лѣтописи Эрдэнѝйнъ-эрихэ; тѣмъ не менѣе мнѣ все-таки хотѣлось взглянуть на эти камни и если возможно снять ихъ фотографіею и эстампажемъ; къ сожалѣнію, кіоски оказались закрытыми на замокъ и проникнуть въ ихъ средину было невозможно. Обходя вокругъ кіоска, я замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ китайская бумага, замѣняющая стекло въ оконной рамѣ, была прорвана. Посмотрѣвъ въ скважину, я увидалъ монгольскій текстъ памятника, разобранныя мною части котораго оказались, конечно, вполнѣ согласными со спискомъ его въ лѣтописи; но этотъ лѣтописный снимокъ едва ли не должно будетъ признать теперь единственнымъ монгольскимъ памятникомъ самыхъ надписей. Послѣднія, очевидно, были и поначалу выбиты на камнѣ черезчуръ мелко и шрифтомъ для камня очень дробнымъ; въ теченіе же сотни лѣтъ все это еще больше повытерлось и повывѣтрилось, такъ что больше половины надписи теперь уже рѣшительно не можетъ быть прочитано. О снимкѣ такого памятника эстампажемъ нечего было и думать. Разсчитывая, что китайскій и тибетскій тексты могли лучше сохранить свои формы, я направился къ другому кіоску, чтобы посмотрѣть на нихъ; но этотъ второй кіоскъ оказался также замкнутымъ и притомъ даже оконная бумага была у него повсюду въ сохранности. Обходя этотъ кіоскъ, я замѣтилъ по правую сторону отъ дверей его, почти подъ самою крышей, прибитую доску, а на ней наклеенною какую-то рукопись. Прочитать текстъ ея цѣликомъ я не могъ, ибо на это не хватало моего зрѣнія, на одной же изъ нижнихъ строкъ я, болѣе по догадкѣ, прочиталъ: [illegible], т. е. «согласно тому, какъ приговорили амбàни»; кромѣ того довольно легко можно было прочитать болѣе крупно начертанную послѣднюю строку, на которой значилась дата бумаги: 9-й годъ правленія настоящаго богдохāна. Я спросилъ у бывшаго здѣсь ламы, что это за надпись и онъ,

ни мало не затрудняясь, объявилъ мнѣ, что здѣсь изложена исторія монастыря. Заинтригованный этою драгоцѣнностью, я внутренно порѣшилъ, что это, вѣроятно, или распоряженіе о какой-нибудь перестройкѣ, или пожалованіе монастырю какихъ-нибудь преимуществъ, а засимъ опредѣлилъ, во что бы то ни стало, списать текстъ этой надписи. Раздумывая, какимъ образомъ исполнить это, я шелъ по двору и вдругъ повстрѣчался съ да-гэскўемъ. Предложивъ ему тотъ же вопросъ относительно содержанія надписи и получивъ одинаковый отвѣтъ, что въ рукописи находится исторія монастыря, я обратился къ да-гэскўю съ просьбою, нельзя ли списать эту надпись, обѣщая щедрую награду писцу; но, къ удивленію моему, да-гэскўй, такъ любезно не пожелавшій знать, что я буду фотографировать, на этотъ разъ рѣшительно замѣтилъ, что разрѣшить мнѣ переписку императорскихъ и амба́ньскихъ приказовъ онъ рѣшительно не можетъ. Приходилось теперь, скрѣпя сердце, или обратиться къ подкупу, или списывать самому. Съ такими невеселыми мыслями возвратился я на квартиру, чтобы обождать окончанія ламами хура̀ловъ и засимъ идти фотографировать. На эту работу отправился я съ своимъ Ив. Ѳеодоровичемъ въ $12\frac{1}{2}$ часовъ, захвативъ съ собою и бинокль, чтобы при помощи его прочитать интересовавшую меня рукопись. Но что же оказалось?! Это была простая выписка статей изъ послѣднихъ договоровъ между Россіею и Китаемъ, которыми узаконялась свобода русской торговли по всѣмъ мѣстамъ Монголіи. По полученіи текста этихъ договоровъ ургинскими амба́нями, послѣдніе нашли необходимымъ выписать соотвѣтствующія статьи и разослать ихъ по всѣмъ выдающимся мѣстамъ, чтобы такимъ образомъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Согласно этому приговору, Ли-фань-юань разрѣшилъ амба̀намъ эту публикацію, и вотъ разрѣшеніе всей волновавшей меня загадки. И горько, и смѣшно было такое невѣжество монголовъ, дѣлавшихъ изъ этого объявленія тайну и воображавшихъ, что текстъ бумаги заключаетъ въ себѣ непремѣнно какую-то исторію монастыря. И передъ этимъ объявленіемъ, какъ передъ святынею, совершаютъ свои круговращенія благочестивые поклонники, ему приносятъ жертвы, на него смотрятъ, какъ на нѣчто божественное. Въ какое заблужденіе могли бы ввести они своими разказами путешественника, не знающаго монгольской грамоты?!

Снимокъ главной кумирни въ императорской оградѣ удалось намъ произвести почти спокойно и безъ всякой помѣхи ламъ; но едва вышли мы изъ воротъ императорской ограды, чтобы снять общій видъ зданій, находящихся за этою оградой, какъ толпа ламъ начала возрастать мало-по-малу и вскорѣ ихъ собралось не менѣе 200 человѣкъ, каждый изъ которыхъ непремѣнно хотѣлъ посмотрѣть на аппаратъ и становился передъ объекти-

вомъ, заграждая собою видъ монастыря. Приходилось удовлетворить сначала общему любопытству, а потомъ увѣщавать стать въ сторону и не мѣшать дѣлу. Это было такъ не легко, что два общихъ вида монастыря мы могли окончить только къ 5 часамъ вечера и засимъ возвратились домой.

Здѣсь, едва успѣлъ я пообѣдать, какъ ко мнѣ явился братъ моего хозяина, который сообщилъ мнѣ, что со мною желаетъ познакомиться нѣкій Йондо̀нъ бичэ̄чи, секретарь здѣшняго я́муня; само собою разумѣется, я приказалъ просить его. Бичэ̄чи, или я̀муньскій секретарь, оказался весьма элегантнымъ и довольно развитымъ, или по крайней мѣрѣ пообтершимся ламою, прежде служившимъ въ ургинскомъ я́мунѣ шанцзотбы̀, а лѣтъ семь тому назадъ удалившимся въ Аму̀ръ-баясхуланту̀ и нынѣ проживающимъ въ этомъ монастырѣ, получивъ назначеніе я́муньскаго секретаря. Разговоръ съ этимъ ламою коснулся у насъ политики. Йондо̀нъ бичэ̄чи таинственно спрашивалъ меня, не слыхалъ ли я чего о Донби́-чжанца̀нѣ и при этомъ пояснилъ мнѣ, что осенью прошлаго года по Монголіи проѣхалъ нѣкій знаменитый лама съ этимъ именемъ, имѣвшій отъ роду лѣтъ 30—40. Онъ въѣхалъ въ Монголію черезъ Дзиндзиликскій караулъ, проѣхалъ черезъ Улясутай, отсюда направился по почтовымъ станціямъ въ Ургу и засимъ также по почтовымъ станціямъ проѣхалъ до Кяхты. Онъ говорилъ монголамъ, что онъ внукъ Амурсаны̀. Послѣдній якобы имѣлъ у себя сына по имени Тэму̀рсану, а отъ этого послѣдняго родился онъ, вышеупомянутый Донби́-чжанца̀нъ. Еще далѣе онъ разславлялъ повсюду, что онъ освободитъ монголовъ изъ-подъ власти Китая и съ этою цѣлью скоро придетъ съ сѣвера со своими войсками. Бичэ̄чи убѣдительно просилъ меня не скрывать отъ него, и хотя бы по секрету, сказать, не видалъ ли я, чтобы двигались такія войска, или по крайней мѣрѣ не слыхалъ ли, чтобы они готовились къ походу. Я отвѣчалъ бичэ̄чи, что не слыхалъ ничего подобнаго, да, соображая хронологически обстоятельства, сомнѣваюсь, чтобы это въ самомъ дѣлѣ былъ внукъ Амурсаны̀, ибо трудно представить, чтобы Амурсана̀, умершій еще въ 1755 году, имѣлъ бы у себя 30 лѣтняго внука. Йондо̀нъ бичэ̄чи слушалъ меня внимательно, но съ оттѣнкомъ какого-то сомнѣнія и грусти, изъ дальнѣйшей же бесѣды мнѣ стало вполнѣ яснымъ, что какъ самъ онъ, такъ и всѣ монголы до настоящей поры непреложно вѣрятъ и въ дѣйствительность личности этого внука Амурсаны̀ и въ справедливость всего имъ сказаннаго, какъ непреложный же аргументъ для доказательства истинности того и другого указываютъ, что лама этотъ имѣлъ у себя шапку, на которой вмѣсто шарика былъ прикрѣпленъ золотой очѝръ. Возражать противъ такого аргумента я, конечно, не могъ и по крайней мѣрѣ съ часъ слушалъ разказы о томъ, какъ въ проѣздъ Донби́-чжанца̀на по

почтовымъ станціямъ народъ, съ затаенными страхомъ и надеждою, повсюду встрѣчалъ его, дѣлалъ передъ нимъ самыя усердныя поклоненія и приносилъ ему богатыя жертвы; другіе разказывали при этомъ, что и самъ Донбй-чжанцàнъ разсыпалъ золото особливо бѣднымъ монголамъ; вообще легендарныхъ повѣствованій было безъ конца. По нѣкоторымъ подробностямъ этого разказа я догадался, что рѣчь монгола шла о нѣкоемъ проходимцѣ, русскомъ калмыкѣ Малодербетовскаго улуса Астраханской губерніи, который, по прибытіи въ Ургу, былъ арестованъ ургинскимъ консульствомъ и, послѣ допроса, этаннымъ порядкомъ препровожденъ въ предѣлы Россіи. Послѣднее обстоятельство если и не было извѣстно народу, то въ свою пору значительно способствовало успокоенію невольной тревоги мѣстныхъ китайско-монгольскихъ властей.

Меня послѣ всѣхъ этихъ разказовъ занималъ одинъ вопросъ, что именно способствовало успѣхамъ Донбй-чжанцàна, и, подводя послѣдовательно разговоръ на эту тему, я вскорѣ убѣдился, что основною причиною сего является глухое недовольство народа своимъ правительствомъ, подчасъ даже ненависть къ нему и наконецъ хотя пассивное, но жадное желаніе избавиться отъ того жизненнаго гнета, которымъ китайцы обставили жизнь монголовъ. Къ удивленію, я услыхалъ здѣсь недовольство народа даже собственными монгольскими князьями, многіе изъ которыхъ, какъ говорили мнѣ, при своихъ поѣздкахъ ко двбру, заражаются китайскимъ духомъ, тяготѣютъ къ Китаю, обираютъ народъ и, что самое ужасное для монгола, даже оскорбляютъ вѣру. Притворно удивляясь, я указывалъ на примѣры благотворительности князей монастырямъ, но мои рѣчи вызывали только покачиванія головою; наконецъ, разгорячившійся бичэ̄чи вскрикнулъ: «да что вы говорите мнѣ, я сейчасъ покажу вамъ дѣло, изъ котораго вы увидите, какіе наши князья благотворители»! Сердце мое радовалось, ибо архивъ для меня открывался и, чтобы не утратить возможности познакомиться съ нимъ, я, когда бичэ̄чи уходилъ домой, сказалъ ему, что пошлю вмѣстѣ съ нимъ человѣка за обѣщанными бумагами. Бичэ̄чи не много смутился, но не отступилъ отъ даннаго слова и, взявъ съ собою моего младшаго хозяина, немедленно прислалъ мнѣ связку бумагъ, заключавшихъ въ себѣ выше изложенное уже мною судное дѣло Цэ-цзасàка. Просмотрѣвъ его, я часовъ въ 8 вечера самъ отправился къ бичэ̄чи, чтобы отплатить ему визитъ и отнести присланныя бумаги. Бичэ̄чи встрѣтилъ меня радушно, спросилъ у меня, узналъ ли я теперь характеръ ихъ нойòновъ, и при этомъ сказалъ: «да, ваши нойòны совсѣмъ не то, что наши! Буряты разказывали о васъ, что вы русскій амбáнь; а вы вотъ ѣдете, какъ простой человѣкъ и со всѣми разговариваете. Въ прошломъ году даже вашъ наслѣдникъ престола объѣхалъ

свое царство и видѣлъ довольство и страданія своихъ людей; а наши-то никогда не увидятъ, да и не услышатъ о народныхъ бѣдствіяхъ»! Я сказалъ, что совершенно съ нимъ согласенъ и былъ очень радъ, что могъ почитать монгольскія бумаги, что я люблю читать, и просилъ его дать мнѣ еще что-либо; бичэ̄чи взялъ первое лежавшее у него дѣло и передалъ мнѣ для просмотра. Въ это время въ монастырѣ раздались звуки раковины, возвѣстившей принесеніе вечернихъ жертвъ передъ шарѝломъ Ӱндӱръ-гэгэна. Въ Амӱръ-баясхулантӱ такая пора почитается наступленіемъ ночи, и мой бичэ̄чи объявилъ мнѣ, что онъ, какъ дежурный, долженъ идти сегодня въ ямунь. По порядкамъ, заведеннымъ въ здѣшнемъ ямунѣ, въ зданіи онаго ежедневно ночуютъ для охраны одинъ нирба̀ (казначей монастыря) и одинъ изъ служащихъ при ямунѣ бичэ̄чи; помимо низшихъ прислужниковъ ямуня. Такое дежурство распредѣляется по очереди между шестью нирба̀ми и тремя бичэ̄чинами, при чемъ первымъ приходится дежурить поперемѣнно одну ночь, а вторымъ по двѣ ночи. Я распрощался съ бичэ̄чи и возвратился домой, гдѣ получилъ непріятнѣйшее извѣстіе отъ своего фотографа. Въ мое отсутствіе онъ началъ проявлять снимки, при чемъ оказалось, что пластинка, на которой снимали мы главную императорскую кумирню, вѣроятно, какимъ-то образомъ подпала вліянію свѣта и рисунокъ на ней явился никуда не годнымъ. Это было непріятно не только потому, что задерживало насъ въ Амӱръ-баясхулантӱ, но еще болѣе потому, что мѣстные ламы, очевидно, очень ревниво относятся къ охраненію своей, собственно основанной императоромъ, святыни и слѣдовательно всякое излишнее соприкосновеніе съ нею могло дѣйствовать на нихъ удручающимъ образомъ.

4-е Іюля. Суббота.

5 ч. +13°; 9 ч. +14°; 12 ч. +19°; 6 ч. +13°; 9 ч. +11°.

Съ ранняго утра небо покрылось свинцовыми облаками и время отъ времени моросилъ мелкій, но частый дождикъ. Надежды на то, чтобы небо прочистилось и намъ удалось съ удобствомъ исполнить фотографическій снимокъ цокчѝнскаго дугӱна было очень мало. Въ 7 часовъ утра ламы снова начали свои хура̀лы и намъ приходилось опять ждать до 11-ти час. Тѣмъ временемъ я просмотрѣлъ данныя мнѣ вчера бичэ̄чиномъ бумаги, которыя оказались содержащими въ себѣ разнаго рода доклады по дѣламъ, принадлежащихъ Амӱръ-баясхулантӱ пашень. Въ 11 ч. 45 м. два новыхъ снимка императорской кумирни были исполнены и въ 12 ч. 30 минутъ мы распростились съ своими хозяевами и двинулись въ путь. Дорога наша шла теперь въ направленіи къ югу, по довольно узкой долинѣ Ибэ̄нъ-го̄ла. Миновавъ амба̀ньскій хаша̄ и юрты торгующихъ китайцевъ, взглянувъ снова въ падь Байнъ булӱкъ, по которой мы ѣхали къ Амӱръ-баясхулантӱ,

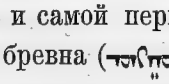
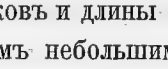
мы въ 1 ч. 10 м. добрались до горы Хӱчжійнъ-хӱтӱль, высоко возвышающейся на западной сторонѣ долины Ибэнъ-гӧла. На самой долинѣ здѣсь располагается до 15 юртъ шабинаровъ, обязанныхъ повинностью приготовлять а́йракъ для монастырскихъ ламъ. Ибэнъ течетъ въ высшей степени извилисто по своей долинѣ. Переправившись черезъ рѣку почти непосредственно за юртами айракчи́н'овъ, или кумысниковъ, мы продолжали путь по долинѣ рѣки, которая отсюда постепенно, но значительно понижается и почва ея изъ хрящеватой сдѣлалась страшно болотистою. Весь путь проходитъ по болотнымъ кочкамъ и рытвинамъ, наполненнымъ водою. Весьма вѣроятно, что обиліе здѣсь влаги усилилось отъ постоянно падавшаго сегодня дождя; но несомнѣнно, что и всегда здѣсь не мало воды, потому что живущіе въ этихъ мѣстахъ монголы, очевидно, избѣгаютъ кочевья по долинѣ и располагаютъ свои юрты не иначе какъ по скатамъ горъ. Въ 2 ч. достигли до сонки Будала́нъ, у которой попался намъ первый Хиргизы́нъ-чулӯ, какъ зовутъ здѣшніе монголы кэрэксӱры, а за симъ они продолжались почти непрерывно по долинѣ Ибэна, такъ что за нынѣшній день мы насчитали всего 84 могилы, но, конечено, не замѣтили ихъ всѣхъ. Надписей и изображеній на могильныхъ камняхъ не было найдено никакихъ. По типу попадались больше продолговатые четырехугольники (Радловъ. Табл. I, № 7); засимъ круглые курганы съ круглыми оградами (Радловъ. Табл. II, № 2) и наконецъ три круглыя могилы съ квадратными оградами и четырьмя насыпями по угламъ. Нѣкоторыя могилы оказались раскопанными. Очевидно, что встарину въ долинѣ Ибэна было такое же густое населеніе, какимъ является оно и теперь. Чуть ни на каждой верстѣ тамъ и сямъ виднѣлись намъ юрты монголовъ съ громаднѣйшими стадами скота: табуны лошадей и стада быковъ по 200, 300 головъ были не рѣдкостью, а овцы встрѣчались пасущимися въ массахъ по 1000 головъ. Болотистая почва Ибэна образуетъ тучныя пастьбища и травы произрастаютъ здѣсь въ изобиліи. Въ теченіе 45 минутъ отъ 2 ч. до 2 ч. 45 м. мы переѣхали Ибэнъ три раза. По дорогѣ встрѣтили и перегнали нѣсколько ламъ-бадарчи́новъ, идущихъ съ дулдӱями то на поклоненіе въ монастырь, то изъ монастыря; не смотря на дождь, они движутся бодро и громко распѣваютъ тибетскія молитвы. Черезъ часъ мы миновали выступающій отъ западныхъ горъ и на половину пересѣкающій долину Хӱрдӱ-тологӧй, отъ котораго въ 4 ч. 15 м. доѣхали до горы Аргала́ъ, на правой сторонѣ Ибэна. Отсюда долина Ибэна расширяется и дѣлается почти вчетверо больше. По подножію горы Аргала, въ урочищѣ Аргалы́йнъ ӱцзӱръ, намъ повстрѣчалось не менѣе 25 хиргизъ-хӱровъ и снова весьма значительныя поселенія монголовъ. Всѣ эти монголы, начиная отъ монастыря Амӱръ-баясхулантӱ,

кажутся ведущими обширное скотоводство; но въ дѣйствительности пасущійся около юртъ ихъ скотъ принадлежитъ монастырю Амӯръ-баясхулантӯ, сами же они являются лишь пастухами, не рѣдко отбывающими свою повинность даже по неволѣ, такъ какъ всѣ они принадлежатъ шабинскому вѣдомству. Грунтъ земли въ Аргалы̀инъ ӱцзӯрѣ дѣлается нѣсколько тверже, но верстъ на пять дальше, за падью Цзубчійнъ-тала̀, снова начинаются болотныя кочки. Словомъ, дорога нынѣшняго дня была положительно не выносимой для колесной ѣзды. Отъ горы Баѝнъ-ӯла, тянущейся приблизительно версты на три, дорога круто поворачиваетъ на ЮВ. Здѣсь повстрѣчали мы четыре семьи тункинскихъ бурятъ, ѣздившихъ на поклоненіе въ Ургу, а теперь возвращающихся домой и вознамѣрившихся по дорогѣ посѣтить Амӯръ-баясхулантӯ. Поднявшись на отлогую боковину Баѝнъ ӯлы, мы остановились здѣсь на ночлегъ въ 7 ч. 30 м. Остановка эта была, впрочемъ, почти невольной: поднимаясь на пригорокъ, наши лошади чего-то испугались и понесли; старикъ-бурятъ упалъ съ козелъ сначала на оглобли, а потомъ попалъ между колесъ и въ этомъ положеніи его тащило саженей сто. Несчастный разбился страшно, но еще болѣе испугался, да и сами мы, когда лошади были остановлены, не думали уже видѣть его живымъ. Дѣло обошлось однако настолько благополучно, что онъ не сломалъ даже ни одной кости, а только страшно ободралъ себѣ ноги и вытянулъ жилы на рукахъ. Ѣхать дальше послѣ такого казуса было немыслимо.

5-е Іюля. Воскресенье.

5 ч. +11°; 9 ч. +15½°; 12 ч. +20°; 6 ч. +14°; 9 ч. +13°.

Всю ночь шелъ мелкій и частый дождикъ; телѣга, въ которой мы спали, скоро протекла и намъ пришлось спасаться отъ дождя больше подъ шубами. Поднявшись въ 5 ч. утра, мы съ грустью увидали вчерашнее, заволоченное тучами небо и снова теряли надежду, чтобы день прояснился. Въ 8 ч. 30 м. двинувшись отъ горы Баѝнъ по нѣсколько возвышенной отлогости горъ, мы нашли здѣсь довольно сносную дорогу: она проходитъ по хрящеватому грунту, а потому не особенно поддается дождю и не дѣлается отъ него особенно грязной; къ тому же дорога оказалась значительно исправленной, по крайней мѣрѣ съ нея были собраны всѣ большіе камни и сложены въ груды по обѣимъ сторонамъ дорожной колеи; производилось это исправленіе года три тому назадъ, во время поѣздки Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты изъ Урги въ Амӯръ-баясхулантӯ. По отлогимъ подножіямъ горъ, располагавшихся влѣво отъ дороги, намъ начало снова попадаться множество хѝргизъ-хӯровъ, и у одного изъ пригорковъ мы насчитали 28 могилъ. Верстъ на 7 далѣе, у горы Борѝ бургасӯ, дорога расширилась, и вдали, за бѣло-туманной полосой, довольно ясно обозначились

силуэты Орхонскихъ горъ. Въ долинѣ, слѣдующей за этою горою Борò бургасỳ, попадаются небольшія пашни мѣстныхъ жителей. Посѣвы ихъ очень не велики, что, какъ узналъ я впослѣдствіи, происходитъ отъ незначительности падающей здѣсь влаги. Въ 10 ч. утра мы прибыли на урочище Хỳрэ̀нъ-ба́йшинъ, отъ котораго начинаются уже обширныя пашни, засѣянныя ячменемъ и принадлежащія китайцамъ; здѣсь же находится и китайская заимка въ четыре фа̀нзы. Отъ нея по правому берегу Ибэ̀нъ го̄ла тянется довольно длинный, но невысокій хребетъ, называемый Шохò́йнъ нурỳ, съ окончаніемъ котораго мѣстность вплоть до Орхона носитъ названіе Ибэнгѝйнъ ада̀къ. Въ самомъ началѣ, т. е. въ сѣверной части, этого урочища находится небольшое деревянное зданіе кумирни, именуемой Таря̄чѝйнъ сỳмэ̀ на томъ основаніи, что кумирня эта построена и принадлежитъ гэгэ̀новскому отò́ку тарячин'овъ, которые кочуютъ въ этихъ мѣстахъ, хотя и смѣшанно съ двумя другими отò́ками, а именно, отò́комъ даргѝ цза́йсана Лубса̀на и отò́комъ, именуемымъ То́йнъ. Всѣ эти отò́ки занимаются хлѣбопашествомъ, только первые два отò́ка, — тарячи и цза́йсана Лубса̀на, — работаютъ непосредственно для казначейства Чжэбцзỳнъ-дамба̀-хутухты, а послѣдній отò́къ, То́йнъ, доставляетъ выработанный урожай хлѣба въ монастырь Амỳръ-баясхуланту̀. Близъ Тарячѝйнъ сỳмэ̀ находится еще особый хаша̄нъ, въ которомъ хлѣбопашцы казначейства Чжэбцзỳнъ-дамба̀-хутухты хранятъ свои полевыя орудія. За пашнями тарячиновъ слѣдуютъ непосредственно пашни китайцевъ, которые, впрочемъ, расположили свои поля и заимки, всего въ числѣ одиннадцати фанзъ, ближе къ Орхону; тѣмъ не менѣе канавы, проведенныя по этимъ пашнямъ, равно какъ и по пашнямъ тарячиновъ, заимствуютъ свою воду отъ р. Ибэ̀на. Въ 12 ч. 10 м. мы прибыли на берегъ Орхона въ урочище Дала̀нъ ама̀ улỳмъ, къ перевозу, который оказался уже чисто монгольскимъ и самой первобытной формы. Два или три продолбленныхъ сосновыхъ бревна (), имѣющихъ въ діаметрѣ отъ 10 до 12 вершковъ и длины 4 сажени, связываются между собою по двумъ своимъ концамъ небольшими бревнами «холбо̄» () и составляютъ плотъ, который монголы зовутъ общимъ именемъ «онгоцò». Помимо выдолбленной средины каждое бревно имѣетъ еще у себя: а) на кормѣ, по двѣ выдолбленныхъ ступни () предназначаемыхъ для удобства и большей устойчивости стоящихъ здѣсь кормчихъ; б) по двѣ диры въ мѣстахъ взаимнаго соединенія бревенъ съ холбо̄, которыя именно и привязываются къ бревнамъ при посредствѣ этихъ диръ; и наконецъ в) по одной дирѣ на носу, назначаемой для укрѣпленія веревки, которою плотъ привязывается къ берегу. Встрѣтившіеся намъ здѣсь монголы были также примитивны,

какъ и ихъ плотъ: совершенно нагіе и не имѣя у себя на тѣлѣ ничего кромѣ опоясаній, они съ удивленіемъ разсматривали нашу убогую, четырехколесную телѣгу и какъ на нѣкоторое чудо смотрѣли на вертящуюся на шкворнѣ въ разныя стороны ось. Очевидно, они никогда не видывали самыхъ простѣйшихъ принадлежностей русскаго быта—и это на разстояніи какихъ-нибудь 185 верстъ отъ границы Россіи. Объяснилось подобное невѣжество однако очень легко: дѣло въ томъ, что перевозчики эти принадлежали къ числу самыхъ бѣднѣйшихъ обитателей хошӯна и, несмотря на свой 30 и даже 40-лѣтній возрастъ, ни одинъ изъ нихъ никогда не выѣзжалъ изъ своего кочевья дальше Амӯръ-баясхуланту. Запросили они съ

Переправа черезъ р. Орхонъ въ ур. Далàнъ амà улӯмъ.

насъ за перевозъ четырехъ телѣгъ восемь рублей серебромъ, но потомъ согласились перевезти за три рубля. Установка телѣгъ и перевозъ ихъ вызвали невозможный крикъ и содомъ. Плотъ не поднималъ болѣе одной телѣги и такимъ образомъ приходилось переѣзжать рѣку всего восемь разъ. Для большей скорости послали еще за такимъ же плотомъ, который стоялъ нѣсколько ниже по рѣкѣ, но пока привели его, мы успѣли уже переправить двѣ телѣги. Пригнанный плотъ былъ привязанъ засимъ къ первому и на образовавшійся такимъ образомъ большой плотъ въ 5 бревенъ оказалось возможнымъ поставить уже двѣ телѣги; эту-то послѣднюю переправу мы и сняли фотографіею. Лошади были перегнаны вплавь. Такимъ

образомъ мы провозились на берегу 3½ часа и только въ 3 ч. 40 м. могли двинуться дальше. Теперь намъ предстояло еще переѣхать вбродъ одну протоку Орхона. Тѣ же монголы проводили насъ до мѣста переправы, оказавшагося верстахъ въ 1½ кверху, у самаго отдѣленія этой протоки отъ главнаго русла рѣки. Бродъ былъ не глубокій и не захватывалъ телѣгъ выше колесной ступицы. Отъ этого брода дорога наша приняла ВЮВ направленіе. Поднявшись на невысокій увалъ, мы вступили въ урочище Байрту, которымъ начинается привольная и широкая монгольская степь. Къ югу отсюда высоко поднималась надъ нами величественная гора Ўнигэтў, а на востокъ изъ-за небольшихъ горъ и пригорковъ виднѣлась высокая и одиноко стоящая гора Сáйханъ. У этой послѣдней горы намъ предстояло ночевать, ибо отъ Орхона до худукà горы Сáйханъ не имѣется никакой воды; а отъ этого послѣдняго также нѣтъ воды вплоть до р. Хары̀, на разстояніи приблизительно 35—40 верстъ. Мѣста, по которымъ мы теперь ѣхали къ горѣ Сáйханъ, обладали богатѣйшею степною растительностью: преизобиловалъ сочный кипецъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ степь сильно изрыта норками оготонò (Lagomys ogotona); людей здѣсь лѣтомъ не встрѣчается за недостаткомъ воды, впрочемъ, судя по тому, что по дорогѣ мы не видали ни одного хашāна, монголы едва ли кочуютъ здѣсь и зимою. Въ 6 ч. 30 м. дорога круто повернула почти прямо на востокъ, а въ 7 ч. 30 м. мы добрались до горы Сáйханъ, у южнаго подножія которой нашли худу̀къ, очень грязный вслѣдствіе нападавшаго дождя и небольшой ключикъ, изъ котораго намъ пришлось брать воду для своего потребленія. Ночью проявленный снимокъ переправы Орхона указалъ на неособенно утѣшительный результатъ этого снимка.

6-е Іюля. Понедѣльникъ.

5 ч. +12°; 9 ч. +13½°; 12 ч. +18°; 3 ч. +18°; 6 ч. +14°; 9 ч. +11°.

Двинулись въ путь въ 7 ч. утра, по направленію къ ЮВ. Дорога проходила, по старому, тучными пастбищами и сохраняла за собою прежній характеръ постоянныхъ спусковъ и подъемовъ съ одного увала на другой. Окружающая мѣстность такъ же необитаема. Въ 7 ч. 50 м. доѣхали до раздѣленія дорогъ, ведущихъ изъ Амўръ-баясхуланту̀: къ ЮЗ направилась дорога на Эрдэнѝ-цзў; прямо на СВ — лежала дорога въ Дархāнъ-хѝтъ, отстоявшій отъ насъ не болѣе какъ верстъ на 10 и ясно виднѣвшійся глазамъ; нашъ путь, въ Ургу, тянулся на ЮВ. Бесѣдуя съ подъѣхавшими къ намъ здѣсь монгольскими всадниками, я могъ распросить у нихъ про дорогу къ Эрдэнѝ-цзў. По словамъ ихъ, путь отъ Дархāнъ-хѝта до Эрдэнѝ-цзў проходится въ 7—8 дней. Отъ перевала Сáйханъ, по которому мы

теперь ѣхали, дорога въ Эрдэни-цзӯ направляется по безводной степи до колодца Байнъ-далай и засимъ, слѣдуя между горами Шархова̀-ӯла и Бўргў-бўхэ̀, достигаетъ рѣчушки Шара̀-усу̀. Послѣдняя имѣетъ теченіе на югъ и въ лѣтнее время часто пересыхаетъ, весною же она представляетъ собою тотъ интересъ, что у устьевъ своихъ имѣетъ два русла и иной годъ несетъ свои воды въ озеро Бўридy̆-нӯръ, а иногда направляется къ другому озеру, носящему имя Хӧхӧ̆-цэгэ̀ль. Далѣе дорога идетъ на ручей Хӧхӧ̆-бэрѝ-усу̀, неподалеку отъ котораго, на югѣ, проходитъ граница хошӯна цинь-ва́на и далѣе начинается хошӯнъ Со-гу̀на. Еще далѣе слѣдуетъ рѣчка Тосу́йнъ-усу̀, впадающая въ То̄лу неподалеку отъ хребта Дабху̀ръ-ӯла, въ которомъ лежатъ Доло̄нъ-даба̄ или «семь переваловъ» дороги, соединяющей хӯрѣнь-цинь-вана съ Ургою. Переправившись черезъ То̄лу, путники слѣдуютъ вверхъ по р. Хару̀хѣ, минуя горы Цзагацàкъ-ӯла, Хўхэ̀-добо̄, Торгонтў-ӯла и т. д. до станціи Хада̄сунъ, на маломъ почтовомъ ургинско-улясутайскомъ трактѣ. Отсюда по этому тракту до Угэ̀й-нӯра, отстоящаго въ одномъ днѣ пути отъ Эрдэни-цзӯ. Утро продолжало оставаться сѣренькимъ и въ воздухѣ было сыро. Въ 10 ч. 25 м. почва вдругъ измѣнилась въ сыпуче-песчаную и на ней повстрѣчали мы маленькій лѣсокъ сосновыхъ деревьевъ, тянувшійся приблизительно на полверсты. Мѣстность эта носитъ названіе Дурсу̀-нарасу̀. Въ падяхъ, образуемыхъ окружающими ее пригорками, виднѣлось множество плетней съ собраннымъ аргаломъ; это указывало на существованіе здѣсь монгольскихъ зимниковъ. По выѣздѣ изъ этой рощицы намъ показалась въ направленіи къ В высокая Номгонъ-ӯла, у южнаго подножія которой течетъ р. Хара̄ (Хара-Нор). Отсюда черезъ два маленькихъ увала мы въ 11 ч. 15 м. достигли до урочища Мангы̆рту, которое по нашей дорогѣ тянется вплоть до береговъ р. Хары и почитается пограничнымъ для хошӯновъ Цэ-цзасака̀ и Ба̄туръ-цзасака̀. Въ этомъ урочищѣ намъ попался навстрѣчу монголъ. Онъ ѣхалъ на двухъ, запряженныхъ быками телѣгахъ и отъ него-то узнали мы названія окружающихъ мѣстностей. Съ урочища Мангы̆рту передъ нами въ довольно ясномъ очертаніи выступили по направленію къ ЮВ горы Шубўтай и Ўнигэтў, а нѣсколько восточнѣе ихъ Ӯ хўтўль и Байнъ-хангай. Далѣе мы повстрѣчали трехъ китайцевъ, ѣхавшихъ въ хошӯнъ Цэ-цзасака̀, для добыванія солодковаго корня. По словамъ ихъ, корень этотъ произрастаетъ почти по всѣмъ урочищамъ хошӯновъ: Ба̄туръ цзасака̀, Цэ-цзасака̀ и Шўхўръ-цзасака̀, добываніемъ же его занимаются преимущественно китайцы. Съ этою цѣлью они приходятъ изъ Калгана артелями въ 10, 15 и 20 человѣкъ, имѣя при себѣ каждая отъ 20 до 40 телѣгъ, запряженныхъ быками. Съ хошӯнами они заключаютъ условія и уплачиваютъ за право

выкапыванія корня отъ 5 до 8 ящиковъ чая. Опредѣленныхъ мѣстностей при этомъ не указывается; китайцы имѣютъ право ходить по всему хошӯну и заурочивается только время, обыкновенно отъ конца 4-й до половины 9 луны, да приэтомъ китайцамъ возбраняется еще нанимать себѣ въ помощь монголовъ. Помимо калганскихъ китайцевъ добываніемъ солодковаго корня занимаются еще и нѣкоторые ургинскіе торговцы. Съ хошӯнами они заключаютъ свои условія совершеннно тѣхъ же основаніяхъ, для отправки же корня во внутренній Китай пользуются обратными ямщиками, приходящими въ Ургу съ чайнымъ грузомъ. За провозъ до Калгана въ различные годы уплачивается отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ ланъ серебра съ вьюка, вѣсомъ въ 250 гиновъ. О цѣнахъ, существующихъ для солодковаго корня на рынкахъ внутренняго Китая китайцы эти не могли мнѣ сказать ничего опредѣленнаго, употребляется же онъ какъ лекарственное средство, способствующее пониженію температуры въ тѣлѣ; на этомъ основаніи его даютъ при простудахъ, горячкѣ, чаще же всего имъ пользуютъ женщинъ во время родовъ. Слѣдуя далѣе по урочищу Мангӣрту, мы къ 1-му часу дня доѣхали до горъ Улāнъ-ӯла, лежащихъ на правой сторонѣ дороги. По подножію ихъ располагаются небольшія пашни монголовъ, на которыхъ засѣваютъ они ячмень и просо. Влѣво отъ дороги намъ тутъ же показался на вершинѣ горы стоящимъ какой-то бàйшинъ, а подъ горою двѣ юрты монголовъ. Подъѣхавъ къ нимъ, я узналъ, что бàйшинъ этотъ представляетъ собою гробницу нѣкоего славнаго своею ученостью ламы, происходившаго по рожденію изъ этого урочища, жившаго въ ургинскомъ гàданѣ, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ и похороненнаго на мѣстѣ своей родины. Со времени этого погребенія къ гробницѣ его были приставлены для охраны двѣ вышеозначенныя юрты и въ охраненіи ея состоитъ ихъ повинность. Могилу эту съ тѣхъ поръ никто изъ ургинскаго начальства и ламъ не посѣщалъ рѣшительно никогда и развѣ какой благочестивый пилигримъ изрѣдка заѣзжаетъ сюда для поклоненія. Обѣ семьи горько жаловались мнѣ на свою участь въ томъ отношеніи, что они осуждены жить далеко отъ воды: дѣйствительно, воду они принуждены брать изъ Хары̀ и возятъ ее приблизительно верстъ за пять въ «усунàй абдàрахъ». Спускаясь съ отлогостей Улāнъ-ӯлы, мы издали увидали прекрасный русскій тарантасъ, запряженный тройкою лошадей и окруженный свитою въ 8 человѣкъ. Оказалось, что это ѣхалъ ширѣтӯ-ламà бурятскаго Кичингӯевскаго дацàна; онъ былъ на поклоненіи въ Ургѣ и теперь намѣревался еще посѣтить Амӯръ-баясхулантӯ. Въ 2 ч. 10 м. мы выѣхали на долину р. Хары̀, противъ невысокаго горнаго хребта, именуемаго Бӯхӯнъ-нурӯ и находящагося на правомъ берегу Хары̀. Здѣсь повстрѣчался намъ монгольскій охотникъ, вооружен-

ный кремневымъ ружьемъ и отправлявшійся на добычу въ горы. По разказамъ его, охота здѣсь плохая: можно получить только цзэ̄рэновъ (antilope gutturosa), тарбага̀новъ (arctomys bobac), да изрѣдка гӧрӧ̄сӱ̆ (aegoceros sibiricus); изюбрей же вовсе не водится. Достигнувъ береговъ р. Хары̀, мы въ 2 ч. 40 м. остановились противъ горы Эрхэтӱ̆, дать вздохнуть своимъ лошадямъ. На этомъ привалѣ подъѣзжали къ намъ пять человѣкъ гэгэ̀новскихъ «тӧ̄чи». Всѣ они были ламы и ѣхали изъ Урги на шабѝнскихъ подводахъ, для повѣрки и счета гэгэ̀новскихъ табуновъ.

Поднявшись съ мѣста стоянки, мы продолжали путь по долинѣ р. Хара̄. Добравшись до знакомой рѣки и приближаясь къ мѣстамъ своего постояннаго проѣзда, буряты наши повеселѣли, начали понукать лошадей и объявили, что отсюда мы кое-гдѣ поѣдемъ и трусцою. Такимъ образомъ отъ береговъ Хары̀ наше движеніе можно будетъ исчислять въ общемъ около $5^1/_2$ верстъ въ часъ. Рѣка Хара̄ необычайно извилиста въ своемъ теченіи, оттого дорога не идетъ по ея берегамъ, а держится въ сторонѣ, слѣдуя прямому направленію. По дорогѣ встрѣтили обозъ въ 123 быка, везшій на телѣгахъ чай въ Кяхту; по разказамъ возчиковъ, обозъ своротилъ съ своего надлежащаго пути и дѣлаетъ крюкъ верстъ въ 15 по той причинѣ, что хозяину быковъ понадобилось заѣхать къ своимъ знакомымъ. По мѣрѣ приближенія къ горѣ Байнъ-ула̄нъ, иначе называемой Байнъ-хангà̀емъ, начали попадаться пашни китайцевъ, а вслѣдъ за ними показались и ихъ заимки. По разказамъ мѣстныхъ монголовъ, въ долинѣ р. Хары̀ вообще проживаетъ очень большое число китайскихъ земледѣльцевъ и сѣютъ они исключительно пшеницу, арендуя земли у монгольскихъ хошӯновъ. Сами китайцы занимаются обработкою земли мало и всѣ полевыя работы исполняютъ у нихъ монголы. Рабочіе нанимаются съ осени и плата имъ вышлачивается всегда впередъ, въ теченіе зимы, товарами, чаемъ, виномъ и пр., лѣтомъ же монголы постоянно проживаютъ на пашняхъ и отработываютъ долгъ, накопившійся въ теченіе зимы. Миновавъ вышеназванную гору Байнъ-ула̄нъ и проѣзжая находившуюся къ сѣверу отъ насъ, на той сторонѣ Хары̀ падь Манхата̀йнъ-даба̄, мы увидали вдали высокій и лѣсистый Манхата̀й. За этою Манхата̀йскою падью слѣдуетъ по тому же правому берегу Хары̀ гора Ула̄нъ-хаирха̀нъ, противъ которой мы и остановились на ночлегъ, получая воду изъ магистральной канавы, проведенной китайцами на ихъ пашни. Подъѣзжавшіе къ намъ на мѣсто нашей остановки монголы много восхваляли русскихъ за ихъ заботы объ исправленіи путей между Кяхтою и Ургою, а Манхата̀йнъ даба̄ былъ основнымъ поводомъ для такой хвалы. Когда то страшный перевалъ этотъ обходится теперь по западной сторонѣ новою и совершенно ровною дорогой,

на разработку которой русскими употреблено было не мало усилій въ 1890 году.

7-е Іюля. Вторникъ.

6 ч. +11°; 9 ч. +19°; 12 ч. +24°; 3 ч. +22°; 6 ч. +18°; 9 ч. +10°.

Мѣсто нашего нынѣшняго ночлега на лѣвомъ берегу Хары было почти въ томъ пунктѣ, гдѣ дорога, направляющаяся изъ Урги въ Амуръ-баясхулантуй, отдѣляется отъ такъ называемаго «лугорскаго», ургинско-кяхтинскаго тракта, или дороги китайскихъ торговцевъ съ Россіею. Послѣдняя поворачиваетъ отъ этого пункта на сѣверъ и, по переправѣ черезъ р. Харуй, обогнувъ гору Уланъ-хаирханъ, уклоняется въ Манхатайскую падь. Русскіе торговые караваны ходятъ также этимъ путемъ, почему, въ видахъ большаго удобства сообщенія, кяхтинское купечество завело здѣсь русскій перевозъ на паромѣ и содержало его, сдавая съ подряда, какъ и перевозъ на р. Иро, кяхтинскому мѣщанину Жданову. Теперь монголы сообщили мнѣ, что этого перевоза не имѣется, такъ что переправа черезъ Харуй осталась только на казенномъ ургинско-кяхтинскомъ почтовомъ трактѣ, что будетъ верстъ на пять—шесть выше настоящаго пункта. Эта казенная переправа никогда не уничтожается, ибо монголы отбываютъ ее какъ натуральную повинность, переправляя ѣдущихъ на долбленыхъ батахъ, подобныхъ тому, какой видѣли мы на Орхонѣ. Итакъ мы вступили теперь на лугорскій трактъ. Направляясь отсюда прямо къ востоку, трактъ этотъ вскорѣ же оставляетъ Харуй. Послѣдняя, будучи стѣсняема мысомъ невысокаго отрога горы Сэргэхчи ула, уклоняется отсюда на сѣверо-востокъ. Переваливъ этотъ отрогъ по отлогому и довольно легкому для ѣзды перевалу, дорога направляется падью, именуемою, отъ имени прилежащей къ ней горы, Байнъ-цоктуй. Падь отличается своими сыпучими песками и чрезвычайно трудна для переѣзда, такъ что благодаря лишь большимъ дождямъ, шедшимъ здѣсь цѣлыхъ три дня передъ нашимъ проѣздомъ, мы миновали эту падь сравнительно безъ особенныхъ трудностей, хотя обычно она представляется одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Ища лучшаго пути, караваны проложили по этой пади массу дорогъ, но всѣ они по своимъ качествамъ совершенно одинаковы и въ существѣ дѣла нимало не облегчаютъ переѣзда. Лишь по приближеніи къ подъему пески исчезаютъ, и засимъ слѣдуетъ пологій, но длинный перевалъ, именуемый Таширъ-дабаномъ. Спускъ съ него по пади Таширыйнъ даба приводитъ въ долину, гдѣ лугорская дорога соединяется съ ортонскою, т. е. казенною почтовою дорогою отъ Урги до кяхтинскаго Маймачэна. Здѣсь повстрѣчали мы обширныя пашни гэгэновскаго казначейства, къ обработкѣ которыхъ

приставлено до 40 семей, или юртъ шабинàровъ. Было очень жарко и въ 1 ч. дня мы, достигнувъ р. Борō, должны были остановиться здѣсь, чтобы дать вздохнуть своимъ лошадямъ. Къ тому же мы не имѣли у себя мяса и намъ необходимо было пріобрѣсти барана. Такъ какъ мясо обыкновенно портилось у насъ въ два дня, то мы всегда пріобрѣтали себѣ небольшія туши и здѣсь намъ удалось купить барана, правда, маленькаго, одногодовалаго, но необычайно дешево: съ насъ взяли только два рубля серебромъ, помимо, конечно, всегда оставляемыхъ хозяину кожи, головы, ногъ и кишекъ, въ награду за приготовленіе туши. Возня съ бараномъ отняла довольно много времени и мы не ранѣе какъ въ $3^1/_2$ часа могли двинуться дальше. Спустившись отсюда въ долину Хоримтȳ, на которой находится и казенная почтовая станція, мы увидали здѣсь въ сторонѣ отъ дороги большое движеніе: человѣкъ 50 монголовъ ставили юрты, устроивали коновязи, скакали туда и сюда на лошадяхъ и водили верблюдовъ, страшно пугавшихъ нашихъ лошадей. Оказалось, что всю эту тревогу надѣлалъ ургинскій цорчжѝ-ламà, выѣхавшій (послѣ извѣстнаго уже намъ учительства цанѝту) изъ Амȳръ-баясхуланту̀ дней за 5 до нашего прибытія туда и еще не успѣвшій доѣхать до этихъ мѣстъ, а долженствовавшій пріѣхать на берега Борō только завтра. Влѣво отсюда, т. е. въ СВ углу долины, открывается видъ на величественную Ноѝнъ-ȳлу, пересѣкающую долину Хоримтȳ и уходящую далѣе къ югу. Гора эта замѣчательна какъ запретная для охоты мѣстныхъ монголовъ, почему вокругъ ея стоитъ нѣсколько семей, на обязанности которыхъ лежитъ охранять Ноѝнъ-ȳлу; стражники эти именуются «цакдā». Нѣсколько сѣвернѣе Ноѝнъ-ȳлы, въ пади извѣстной подъ названіемъ Цзȳнъ-модò, находятся большія пашни китайцевъ, которые устроили здѣсь и два бáйшина для своего проживанія. Землю они снимаютъ въ тамагѣ Бāтуръ-цзасакà, уплачивая деньги исключительно въ пользу цзасакà. Земля арендуется безъ всякой мѣры: китайцы снимаютъ прямо всю горную падь, а засимъ количество посѣва разнообразится ими по усмотрѣнію; обыкновенно, впрочемъ, они высѣваютъ не менѣе 150 мѣшковъ разнаго рода зеренъ. Къ западу отъ станціи Хоримтȳ тотъ же Бāтуръ-цзасàкъ отдаетъ еще китайцамъ гору Чжиргалантȳ, пользуясь лѣсами которой эти китайцы занимаются плотничьимъ и столярнымъ ремеслами: выдѣлываютъ доски, телѣги, жгутъ уголь и проч. Подъѣхавшій къ намъ здѣсь цзангѝнъ хошȳна Бāтуръ-цзасакà подробно и обстоятельно разказалъ намъ, что земледѣліе въ ихъ хошȳнѣ, равно какъ и въ сопредѣльныхъ ему вѣдомствахъ цинь-вана тȳшѣтȳ хановскаго áймака, Цэ-цзасакà, Со-гуна, Урчжанъ-цзасакà и частію Магуна развилось особенно не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Въ ту пору, и

именно въ 1881 г., въ Ургу былъ назначенъ маньчжурскимъ амба́немъ Си-чанъ, который немедленно по прибытіи въ Ургу составилъ особый проектъ объ основаніи и развитіи земледѣльческихъ колоній въ Халхѣ, по рѣкамъ Харѣ, Ирō, Орхо̀ну и Хэрӯлэ̀ну. Китайцы, давно уже знавшіе всѣ наиболѣе плодородныя мѣста, поспѣшили воспользоваться этимъ проектомъ немедленно по его обнародованіи и открыли свои заимки въ очень многихъ урочищахъ и прежде всего по всему Орхону съ его притоками: Уртӯ-гōлъ, Мого̀й, Усӯнъ-сэ̄рь, Ачӯту, Хангà̀лъ, Буха́йнъ-гōлъ, Чингӣль и др. по Селенгѣ, съ притоками ея: Цолхо̀ръ-гōлъ, Хандага̀йту, Дарцокта̀й-усӯ, Ингӣтъ, Нара̀нъ-усӯ и др.; по Харѣ и притокамъ ея: Байнъ-гōлу, Тӯнкэ̀ль-гōлу, на которомъ располагается ставка Ба̄туръ-цзасака̀, Номтӯ-була̀ку, Кя̀ктуйнъ-гōлу и др. Впрочемъ, первое поселеніе здѣсь китайцевъ было весьма несчастливо. Дѣло въ томъ, что по обстоятельствамъ тогдашняго военнаго положенія Халхи, Си-чанъ привелъ съ собою отрядъ китайскихъ войскъ, въ 1000 человѣкъ. Между тѣмъ пекинское правительство отказало въ выдачѣ содержанія этимъ войскамъ и предоставило амба̀ню содержать ихъ на мѣстныя средства. Си-чанъ обложилъ всѣ эти нововозникшія колоніи китайцевъ сборомъ по $2^1/_2$ ланы съ каждой обработанной десятины, съ обязательствомъ произвести эту уплату хлѣбомъ. Въ ту пору съ одной только Хары было вывезено 12,000 пудовъ пшеницы, а на перевозку ихъ потребовалось 2000 быковъ. Когда въ слѣдующемъ 1882 году прошли слухи о такомъ же налогѣ, то многіе китайцы, не дожидаясь жатвы, бросили свои поля и разбѣжались. Только послѣ перемѣщенія Си-чана изъ Урги они возвратились и теперь осѣли, повидимому, прочно, хотя многія изъ насиженныхъ ими мѣстъ теперь обрабатываются уже монголами. Въ долинѣ Хоримтӯ мы встрѣтили сравнительно очень небольшое населеніе и притомъ очень незначительное число скота. Мнѣ было понятно, что здѣсь, какъ и вообще при проѣзжихъ дорогахъ, должно было проживать населеніе небогатое и почти не занимающееся скотоводствомъ; но тотъ промыселъ монголовъ, который мы здѣсь встрѣтили, былъ просто поразительнымъ. Мы нашли здѣсь столяровъ, которые доставали себѣ пропитаніе, исключительно выдѣлывая оси и колеса русскаго образца, необходимыя возчикамъ, а къ довершенію удивленія намъ попался даже монголъ, ѣдущій въ русской телѣгѣ, одноколкой и съ дугой. Почва долины Хоримтӯ болотистая. Съ юга долина заграждается высокою горою, именуемою Обōту, и чтобы обогнуть эту гору, дорога постепенно уклоняется сначала къ западу, а обогнувъ, тотчасъ же поворачиваетъ на востокъ и засимъ направляется снова на югъ, къ перевалу Гурунцзатӯ-даба̄. Перевалъ не особенно трудный, но довольно длинный. Спустившись съ него въ падь

Гурунцзатӯ-худӯкъ, мы нашли здѣсь четыре а́иля монголовъ и всѣ они занимались плотничьимъ ремесломъ. Отсюда въ 7 ч. 25 м. мы начали подниматься на пологій и длиннѣйшій перевалъ Учжиктӯ и успѣли взобраться на его вершину только въ 9 ч. вечера. Спускъ съ него не великъ и приводитъ въ падь Сӯцзӯктӯ, въ которой мы и остановились для ночлега среди полной темноты ночи.

8-е Іюля. Среда.

5 ч. +14°; 9 ч. +18°; 12 ч. +24°; 6 ч. +14°; 9 ч. +10½°.

Поутру можно было осмотрѣться и видѣть, что падь Сӯцзӯктӯ, ограничиваемая съ запада горами Учжиктӯ, на сѣверѣ запирается горою Ноинъ-ӯла. Подошедшіе бѣдняки сообщили, что къ западу отсюда, у оз. Борӧ-нӯръ находятся обширныя пашни, принадлежащія въ большей части казначейству Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты, а въ меньшей — ургинскому а̀ймаку Санга̀й. Дорога изъ пади Сӯцзӯктӯ направляется прямо на югъ и выходитъ въ широкую долину, на которой мы нашли массу шампиньоновъ: поля были усѣяны ихъ бѣлыми головками какъ цвѣтами. Отсюда начали подниматься на высокій и наполовину поросшій лѣсомъ Нарасутӯ даба̄, подъемъ на который длиненъ и извилистъ, а спускъ, какъ и у большинства здѣшнихъ перевалъ незначительный. Съ половины его и по всей отлогости вплоть до начала долины урочище носитъ названіе Аяга̀-шанага̀, что значитъ «чашка и ковшъ». Такое названіе урочище получило отъ двухъ озеръ, довольно значительной величины, изъ которыхъ первое, совершенно круглое, походитъ на чашку, а второе имѣетъ нѣкоторое, хотя и довольно отдаленное сходство съ ковшемъ. Помимо этихъ двухъ, по скату горы, можно было замѣтить и еще четыре озерка меньшей величины. Почва здѣсь исключительно гуджѝрная. Встрѣченное нами населеніе все заключалось въ 4-хъ юртахъ и всѣ хозяева ихъ оказались плотниками, почти не имѣющими скота и живущими исключительно заработкомъ. Близъ юрты каждаго изъ нихъ стояло по нѣсколько десятковъ колесъ, осей и все это было заготовлено къ зимнему времени и порѣ движенія чаевъ въ русскіе предѣлы. Несмотря на помянутую бѣдность окрестнаго населенія, мы встрѣтили здѣсь громадныя табуны лошадей и стада быковъ. Скотъ этотъ оказался принадлежащимъ ургинскому хутухтѣ и былъ пригнанъ въ это урочище, какъ на гуджирное мѣсто, произрастающими на которомъ мелкими травами монголы почитаютъ необходимымъ кормить своихъ лошадей, полагая, что на такихъ мѣстахъ они отъѣдаются и жирѣютъ гораздо скорѣе. Спустившись съ отлогостей Аяга̀-шанага̀, мы вступили въ долину Хунца̀лъ, дающую свое названіе располагающейся на ней казенной почтовой станціи. Здѣсь мы снова повстрѣчали три юрты плотниковъ. Отсюда вновь послѣдовалъ такой же

подъемъ со спускомъ, по которому опять-таки располагаются озера. Безъ сомнѣнія, такое сходство этихъ двухъ мѣстностей послужило основаніемъ для ихъ одинаковаго названія. Послѣдній перевалъ извѣстенъ у монголовъ также подъ именемъ Аягà-шанагà и только при крайней необходимости различить мѣстность, они первый изъ вышеупомянутыхъ переваловъ называютъ Нарасутӯйнъ аягà-шанагá, а второй «Бургултàйнъ аягá-шанагá», отъ имени рѣчки Бургултàя, къ которой приводитъ спускъ съ этого перевала. По вершинѣ Бургултàйнъ аягà-шанагà проходитъ граница хошӯновъ Бāтуръ цзасакà и Ма-гӯна. Достигнувъ берега Бургалтàя, мы снова повстрѣчали здѣсь монголовъ, суетившихся надъ постройкою юртъ для проѣзда ургинскаго цорчжѝ-ламы и неподалеку отъ нихъ остановились на полдникъ. Противъ мѣста нашей остановки находилось также двѣ юрты плотниковъ и двѣ юрты монголовъ, промышлявшихъ продажею сѣна. Лѣтомъ они косятъ и заготовляютъ сѣно въ долинѣ Бургултàя, на зиму складываютъ его въ особые сарайчики, устраиваемые изъ плетня, а зимою продаютъ извозчикамъ чая. Обычная цѣна сѣна — малый кирпичъ чая, или 30 коп., за два бōлта, или снопа, всего фунтовъ въ 10 вѣсомъ. До сего времени съ утра дулъ страшный вѣтеръ.

Въ 2 ч. 25 м. мы оставили мѣсто своей стоянки и, проѣхавъ долину Бургултàя, въ 3 ч. 30 м. начали подниматься на довольно пологій перевалъ, именуемый Олинтӯ-дабā. Перевалъ этотъ вслѣдствіе своей пологости не особенно труденъ для переѣзда, за то слѣдующій непосредственно за нимъ новый дабāнъ настолько устрашилъ своею крутизною нашихъ проводниковъ, что они рѣшили объѣхать его. Этотъ послѣдній перевалъ носитъ названіе Нарѝнскаго. Чтобы объѣхать его, мы уклонились къ западу и перебрались черезъ Нарѝнскій хребетъ верстахъ въ $3^1/_2$ отъ дороги. Въ означенномъ мѣстѣ перевалъ представилъ собою не болѣе какъ подъемъ на невысокую горную гриву. По ту сторону хребта мы вступили въ долину р. Нарѝнъ и, чтобы попасть снова на дорогу, должны были повернуть теперь къ востоку. Разказываютъ, что обыкновенно эта падь отличается богатствомъ кормовыхъ травъ, но въ настоящемъ году ростъ этихъ травъ былъ очень плохой. Такъ какъ урочище это является едва ли не самымъ лучшимъ въ хошӯнѣ, то на немъ живетъ и здѣшній хошӯнный цзасàкъ именуемый Ма-гӯномъ, или болѣе полно Мандорвà гӯномъ. Кочевье его довольно бѣдное: оно заключало въ себѣ не больше десяти юртъ, среди которыхъ юрту цзасакà было легко отличить по красной оторочкѣ, окаймлявшей ӧркō; около юртъ ходило до 1000 головъ овецъ, головъ 300 лошадей и такое же количество быковъ,—все это, конечно, сравнительно очень мало для такого человѣка, какъ хошӯнный-цзасàкъ. Выѣхавъ снова на дорогу, мы поднялись на увалъ, изъ-

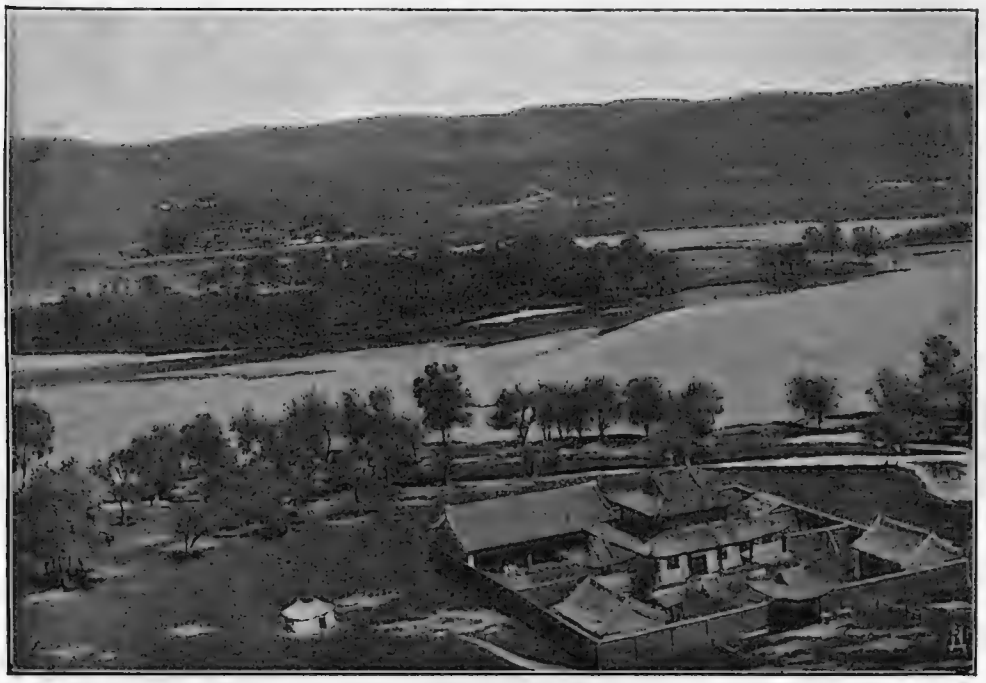
за котораго выглядывала гора Хусутӯ-ӱндӱръ, а нѣсколько далѣе къ востоку высокая и покрытая лѣсомъ гора Чингильтӯ. Пологій и длинный спускъ съ этого увала привелъ насъ въ широкую долину р. Кӯй, именуемую Кӯй мáндалъ. Такое названіе долина получаетъ отъ трехъ небольшихъ горъ, по своимъ формамъ имѣющихъ нѣкоторое сходство съ мáндаломъ, или блюдомъ, на которомъ буддисты приносятъ жертвы своимъ божествамъ. Долина Кӯй мáндалъ извѣстна во всей Монголіи, потому что на ней черезъ каждые три года совершается торжество «Долōнъ хошӯнай нāдамъ», привлекающее къ себѣ дѣйствительно монголовъ со всѣхъ халхаскихъ хошӯновъ. Въ обычное время долина эта если не богата населеніемъ, то обильна проѣзжающимъ людомъ, ибо она служитъ мѣстомъ, на которомъ сходятся всѣ дороги, ведущія въ Ургу съ сѣвера. Чтобы не пріѣхать въ Ургу позднею ночью, мы въ 7 ч. вечера остановились на ночлегъ на южномъ концѣ этой долины, почтй у самаго перевала Тологóйту даба̄, перевала, почитаемаго самымъ крутымъ, но за то и представляющимъ къ Ургѣ самую ближайшую дорогу.

9-е Іюля. Четвергъ.

5 ч. +11°; 9 ч. +14°; 12 ч. +20°; 3 ч. +22°; 6 ч. +15°; 9 ч. +12°.

Встали, по обычаю, въ 4 ч. утра; но, подчищаясь и прибираясь по случаю пріѣзда въ Ургу, провозились на мѣстѣ остановки до 7 ч. 15 м. Всего пути осталось не болѣе 18 верстъ. Немедленно съ мѣста стоянки мы начали подниматься на Тологòйту-даба̄. Я, по обычаю, пошелъ пѣшкомъ, а какъ обозъ нашъ поднимался черезчуръ тихо, то ко мнѣ вскорѣ присоединилась и жена. Тологòйту-даба̄ очень крутъ для подъема съ сѣверной стороны, въ настоящую же пору движеніе по нему затруднялось еще тѣмъ, что дорога, отъ дождей, стала очень скользкою. Сѣверная сторона Тологòйту даба̄ мѣстами поросла лѣсомъ; вершина его украшена столообразнымъ обō и составляетъ границу для хошӯновъ Ма-гӯна къ сѣверу и Пунъбэйсэ къ югу. Подъемъ и спускъ съ перевала заняли у насъ времени 2 ч. и 10 м.; но еще прежде сего уже предстала передъ нами ургинская долина р. Тōлы. Повсюду были раскиданы здѣсь юрты и мáйханы, или холщевыя палатки богомольцевъ, прибывшихъ на поклоненіе гэгэ̀ну. Въ 10 ч. 30 м. миновали старую разрушенную ургинскую крѣпость, построенную еще во времена ожидавшагося нашествія на Ургу дунганей въ 1870 г.; нынѣ отъ этой крѣпости уцѣлѣли лишь остатки стѣнъ, когда-то построенныхъ изъ сырцеваго кирпича, да внутри ихъ видны груды глины, образовавшіяся изъ прежде стоявшихъ здѣсь глинобитныхъ ба̀йшиновъ. Окрестные виды долины р. Тōлы поражаютъ своею картинностью и безспорно самые красивые во всей этой долинѣ. Верстахъ въ двухъ вправо отъ дороги течетъ рѣка Тōла, разбиваясь на множество

мелкихъ протоковъ и образуя массу островковъ, индѣ густо поросшихъ деревьями, а чаще представляющихъ роскошный лугъ, усѣянный самыми яркими цвѣтами. Замѣчательно полное отсутствіе здѣсь какихъ либо кустарниковъ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего является и отсутствіе комаровъ, равно какъ и всякаго другаго рода мошекъ. Такія благопріятныя условія мѣстности побудили ургинскихъ ламъ построить здѣсь лѣтній дворецъ для своего хутухты. Онъ виднѣлся намъ теперь издалека и въ туманѣ, высоко поднимая изъ за окружающей его бѣлой ограды раззолоченныя крыши своихъ кумиренно-подобныхъ зданій. Ближе къ дорогѣ виднѣлась кумирня «Шарà-сӱмэ», иначе называемая «Пандѝтайнъ дугӯномъ». Это



Лѣтній дворецъ хутухты и кумирня Шара сӱмэ.

небольшая кумирня, посвященная Пàдма-самбавѣ, научившему буддистовъ умиротворять геніевъ земли. Ламы при этой кумирнѣ не живутъ постоянно и хурàлы совершаются въ ней очень рѣдко; тѣмъ не менѣе здѣсь ежегодно отправляется даже и гэгэновское служеніе, а бываетъ это обыкновенно въ день осенняго чествованія Хāнъ-ӯлы. Въ ту пору какъ ламы приносятъ жертвы на вершинѣ горы, гэгэнъ совершаетъ тоже служеніе въ Шарà сӱмэ. Вскорѣ миновали Гàнданъ, проѣхали черезъ ургинскіе базары, располагающіеся на южномъ концѣ города, миновали амбàньскій ямунь, острогъ, новопостроенную крѣпость, и наконецъ ровно въ 1 ч. дня въѣхали въ ворота ургинскаго консульства.

II. Ургà или Да-хӱрē.

Ургà или Да-хӱрē, главный городъ сѣверной Монголіи или Халхи, лежитъ почти подъ 48° с. ш., при сліяніи рѣкъ Тōлы и Сэльби, въ 300 верстахъ къ югу отъ русскаго пограничнаго города Троицкосавска и еще болѣе извѣстной у насъ Кяхты. Монгольское слово «Ӧргō», означающее буквально «дворецъ», «ставка важнаго лица» и измѣненное русскими въ «Урга», почти неизвѣстно монголамъ какъ имя этого города; оно употребляется въ этомъ значеніи только европейцами, а изъ среды монголовъ его знаютъ развѣ только тѣ, которые входятъ въ постоянныя сношенія съ русскими. Безъ сомнѣнія, однако, русскіе не сами дали Ургѣ это названіе, и весьма естественно, что монголы встарину звали этотъ городъ-монастырь «Ӧргō», въ отличіе его, какъ мѣстопребыванія хутухты, отъ всѣхъ другихъ монастырей Монголіи. Въ настоящее время сами монголы чаще всего называютъ Ургу ея офиціальнымъ именемъ «Да хӱрē», или «Йэхэ́ хӱрē», то есть, большой курѣнь, въ просторѣчіи же зовутъ «Богдò хӱрē» или святой курѣнь, а иногда просто «хӱрē, подъ каковымъ словомъ разумѣютъ они вообще собраніе зданій, расположенныхъ кругомъ, а въ частности—всякій монастырь, безъ сомнѣнія, на томъ основаніи, что кельи живущихъ въ монастырѣ монаховъ, по закону, должны окружать его кумирни, какъ онѣ дѣйствительно и устроиваются. Нѣкоторые изъ китайскихъ авторовъ, понимая слово хӱрē въ смыслѣ «ограда», полагаютъ, что Урга получила такое названіе отъ желтой деревянной изгороди, составляющей отличительную принадлежность дворца Чжэбцзӱнъ-дамбà хутухты; но мы не можемъ принять этого мнѣнія, такъ какъ исторически извѣстно, что Урга носила названіе «хурē» еще задолго до того времени, когда хутухтѣ было пожаловано помянутое отличіе. Какъ всякій монастырь, Урга имѣетъ еще собственное имя: «б'Рай-бунъ-гэчжи-линъ», или болѣе полно: «б'Рай-бунъ-гэчжи-ганданъ-шатъ-дубъ-линъ». Это послѣднее имя неизвѣстно въ употребленіи не только у русскихъ, но и среди монголовъ; даже многіе живущіе въ Ургѣ ламы не знаютъ его.

Въ силу своего двойственнаго значенія, Урга въ настоящую пору можетъ быть разсматриваема двоякимъ образомъ; съ одной стороны, этотъ городъ представляется мѣстомъ, въ которомъ съ давнихъ поръ велась и ведется донынѣ торговля между русскими, китайцами и монголами, и въ этомъ отношеніи происхожденіе Урги относится едва ли еще не къ XVII в.; съ другой — Урга представляется религіознымъ и отчасти правительственнымъ центромъ Монголіи, и это значеніе Урга получила лишь въ весьма недавнее время; такъ что исторію ея за этотъ періодъ можно узнавать

какъ по преданіямъ, такъ и по письменнымъ памятникамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ монголовъ, хотя ни тѣ, ни другіе и не говорятъ о времени ея первоначальнаго построенія.

Древнѣйшее сказаніе объ Ургѣ мы находимъ въ лѣтописи «Эрдэнійнъ эрихэ» подъ 1649 годомъ. Сказаніе это гласитъ, что въ означенномъ году Ўндўръ гэгэнъ, то есть, первый перерожденецъ Чжэбцзўнъ дамба̀ хутухты въ Монголіи, возвратившись изъ Тибета, по примѣру древняго Цзамьянъ цорчжи, который устроилъ семь дацановъ въ б'Рай-бунѣ, учредилъ въ номўнъ Йэхэ хўрэ̄, б'Рай-бунъ-гэчжи-линъ, семь аймаковъ: 1) Амдўна̀ръ, 2) Чжиса̀, 3) Сангà̀й, 4) Цзо̄гà̀й, 5) Хўхэнъ ноя̀нъ, 6) Дархà̀нъ эмчѝ и 7) Ўрлю̄дъ. Это самое первое сказаніе объ Ургѣ. Изъ него, какъ видно, мы можемъ вывести только, что въ 1649 году монастырь былъ раздѣленъ на семь отдѣльныхъ частей, а изъ преданій можемъ добавить къ сему, что это дѣленіе имѣло въ основѣ какъ удобство администраціи, такъ и опредѣленіе ламскихъ занятій. Преданіе говоритъ, что а́ймакъ Амдўна̀ръ получилъ свое имя отъ того, что ламы, вошедшіе въ составъ его, принадлежали по происхожденію къ странѣ Амдò и въ то время пришли вмѣстѣ съ Ўндўръ гэгэномъ изъ Тибета съ цѣлью быть именно просвѣтителями и наставниками народа, такъ какъ амдòсцы были извѣстны своею ученостью; что Чжиса̀, Сангà̀й и Цзо̄гà̀й были назначены исключительно для гэгэна, и что ламы, причисленные къ этимъ а́ймакамъ, обязаны были или служить по очереди при личности гэгэ̀на и наблюдать за порядкомъ въ городѣ (чжиса̀), или хранить и завѣдывать казной и кладовыми монастыря (сангà̀й), или приготовлять и заботиться о столѣ какъ самого гэгэна, такъ и всей братіи, имѣющей обыкновенно общую трапезу во время богослуженій (цзо̄гà̀й). Аймаки: Хўхэнъ ноя̀нъ и Дархà̀нъ эмчѝ получили свои имена отъ сотрудниковъ устроявшаго монастырь гэгэна, которые построили на собственный счетъ аймачные дугà̀ны (кумирни) и сдѣлали вклады на содержаніе духовенства. Что же касается Ўрлю̄дскаго а́ймака, то происхожденіе его имени осталось для меня неизвѣстнымъ. Можно думать, что Урга съ этого времени сдѣлалась резиденціей Ўндўръ гэгэна, потому что до времени путешествія въ Тибетъ онъ жилъ въ урочищѣ Ширэ̄тў̄-цагà̀нъ нўръ, гдѣ, по словамъ монголовъ, ихъ кочевой монастырь никогда не имѣлъ своего мѣстопребыванія. Впрочемъ, и съ этого времени Урга не была постоянною резиденціей гэгэна; хубилгà̀нъ Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты̀, по всей вѣроятности, проводилъ здѣсь только извѣстную часть года, какъ это было въ обычаѣ всѣхъ гэгэновъ, когда ихъ право разъѣзда по Монголіи не было ограничено постановленіями пекинскаго правительства. Такимъ образомъ по біографіи Чжанчжà̀ хутухты̀ мы узнаемъ, что, когда Чжанчжà̀ хутухтў

ѣздилъ въ Монголію въ 1673 году, онъ нашелъ Ӱндӱръ гэгэна въ хӱрѣни Бэльчѝр'скомъ [1]). Исторически извѣстно также, что Галда̀нъ Бошокту̀, при нападеніи на Халху, засталъ Ӱндӱръ гэгэна живущимъ въ Эрдэнѝ-цзӯ, а во время войнъ Галдана хубилга̀нъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты жилъ постоянно въ юго-восточной Монголіи. Что это переселеніе его на юго-востокъ не было сполна въ зависимости отъ обстоятельствъ смутъ и войны, это подтверждается тѣмъ, что даже послѣ 1696 года, когда халхаскіе князья, также скрывавшіеся на юго-востокѣ отъ чжунгарскихъ шаекъ, возвратились въ свои кочевья, Ӱндӱръ гэгэнъ оставался тамъ и жилъ попеременно то въ Жэ-хэ, то въ Долӧнъ нӱрѣ, то въ Пекинѣ.

Съ 1719 года въ лѣтописи Эрдэнѝйнъ эрихэ̀ начинаются извѣстія о постоянныхъ перекочевкахъ Хӱрѣня съ одного мѣста на другое; такъ, въ 1719 году Хӱрѣнь основывается въ Дага̀нъ дэ̄ль; въ 1720 году на Сэ̄рѣ [2]); въ 1722 году на Тамѝр'ѣ; въ 1723 г. съ Ханга̀я его перенесли сначала въ Чжиргалантӯ, а потомъ въ Ибэ̀нъ [3]); подъ 1729 г. записано извѣстіе, что Большой Хӱрѣнь, находившійся въ Хучжиртӯ-була̀къ, построили сначала въ Чжиргалантӯ, а потомъ перенесли въ Бургалта̀й; въ 1731 году онъ основывается на Сонӧрѣ; въ 1733 г. на Тэрэлчжѝ [4]); въ 1735 на Улясута̀ѣ; въ 1736 на Ма̀ндалѣ; въ 1740 на Хунца̀лѣ; въ 1742 на Удэлэгэ̀; въ 1743 на Ӱкӧмӱрѣ; въ 1747 на Сэ̀льби; въ 1756 на Улясута̀ѣ; въ 1762 снова на Сэ̀льби; въ 1773 г. на Кӯй-ма́ндалѣ; наконецъ въ 1779 г. былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому испрашивалось разрѣшеніе о томъ, чтобы Большой Хӱрѣнь изъ урочища Кӯй-ма́ндалъ перенести на р. Сэ̀льби, къ сѣверному берегу р. Тӧлы и поставить неподалеку отъ монастыря Шачжѝни-бадарагӯлухчи сӱмэ̀. Такъ какъ на докладъ этотъ послѣдовало высочайшее соизволеніе богдохана, то Хӱрѣнь и былъ переведенъ на это, занимаемое имъ и до настоящей поры мѣсто.

Несмотря на такія частыя передвиженія, которыя по общеевропейскому понятію должны были бы возбудить предположеніе, что Ургa во все это время, попрежнему, оставалась незначительнымъ монастыремъ съ

---

1) Чжанчжа хутухт. намт.-Чиндаманійнъ эрихэ, т. I-й, стр. 105.

2) Такъ называется мѣстность въ вершинахъ р. Хара, къ сѣверу отъ Урги. Говорятъ, что тамъ и до сего времени уцѣлѣли развалины китайскихъ построекъ.

3) Мѣстность Амуръ-баясхуланту.

4) Отъ Урги вверхъ по Толѣ, на разстояніи 45 верстъ; при впаденіи рѣки Тэрэльчжи съ западной стороны въ Толу. Остатки города донынѣ сохранились и представляютъ на разстояніи двухъ верстъ непрерывный рядъ неглубокихъ рвовъ и невысокихъ холмовъ, образовавшихся изъ грудъ сырцеваго кирпича. Преданіе говоритъ, что выросшій рядъ деревьевъ далъ поводъ ламамъ заключить, что въ этомъ мѣстѣ впослѣдствіи будутъ битвы и пройдутъ строи солдатъ.

небольшимъ сравнительно числомъ монаховъ, — она въ дѣйствительности постоянно пріобрѣтала все больше и больше значенія, а вмѣстѣ съ симъ, конечно, и увеличивалась въ своихъ размѣрахъ. Хотя Ӱндӱръ гэгэнъ имѣлъ въ ней только временное мѣстопребываніе, а большую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни провелъ на юго-востокѣ Монголіи, тѣмъ не менѣе Урга, ко времени его кончины, заняла первое мѣсто въ ряду монастырей Монголіи. Второй хубилганъ Чжэбцзӱнъ-дамба хутухты, родившійся также въ Монголіи, былъ возведенъ на каѳедру въ 1729 году и резиденціей его была прежде всего Урга. Только безпорядки въ Халхѣ, происшедшіе вслѣдствіе возмущенія большаго Цэрэнъ-дондоба въ 1732 году, заставили хутухту переселиться въ Долонъ-нӱръ, гдѣ и жилъ онъ до окончанія военныхъ дѣйствій въ 1741 году, то-есть, почти девять лѣтъ; но за то съ этихъ поръ Урга дѣлается уже постояннымъ мѣстопребываніемъ гэгэна. Само собою разумѣется, что при этомъ въ ней увеличивалось число монашествующихъ. Этому увеличенію способствовало еще и то обстоятельство, что, сдѣлавшись религіознымъ центромъ для всего населенія Монголіи, она вскорѣ сдѣлалась и центромъ просвѣщенія для монгольскихъ ламъ. Въ 1756 г. гэгэнъ учредилъ здѣсь первое въ Халхѣ высшее духовное училище, носящее названіе цанита; прослушавшіе курсъ его и выдержавшіе установленныя испытанія получали здѣсь различныя ученыя степени, утвержденіе въ которыхъ исключительно принадлежало гэгэну. Такимъ образомъ въ Ургу начали стекаться ламы со всѣхъ концовъ монгольскаго міра и, безъ сомнѣнія, многіе изъ приходящихъ не только оставались здѣсь на долгое время, но и поселялись на постоянное жительство.

Не меньшую услугу возвышенію значенія Урги оказало и китайское правительство, хотя оно, можетъ быть, и нисколько не заботилось объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ то время. Ясно сознавая возможность вліянія гэгэна на всю Халху, китайцы по справедливости могли опасаться его и естественно должны были стремиться къ ограниченію его могущества. Впрочемъ, какъ и всегда въ сношеніяхъ съ монголами, они шли къ этой цѣли постепеннымъ, но неуклоннымъ и твердымъ шагомъ. Прежде всего имъ нужно было удалить гэгэна отъ непосредственнаго столкновенія съ народомъ и его жизнью, и съ этою цѣлью они, подъ предлогомъ святости гэгэна и опасенія унизить достоинство его, отбираютъ у него дѣла по управленію его шабинарами (крѣпостными хутухты); но, соблюдая постепенность, они отдаютъ это управленіе въ руки избраннаго изъ числа тѣхъ же шабинаровъ. Итакъ, въ 1754 году въ Хӱрэни учреждается впервые присутственное мѣсто для разбора шабинскихъ дѣлъ, а управленіе ими возлагается на «шанцзотбӱ», и на должность эту назначается лама, Сундубъ-

дорчжѝ съ титуломъ Сэцэ̀нъ-тѝйнъ. Но это, какъ я сказалъ, было сдѣлано едва ли не для того только, чтобы переходъ управленія шабинàрами изъ-подъ власти гэгэ̀на былъ менѣе замѣтенъ. Маньчжурамъ въ ту пору нужно было раздробленіе власти у монголовъ, они хотѣли поставить на каждый отдѣлъ управленія нѣсколько начальниковъ для того, чтобы послѣдніе всегда взаимно ограничивали другъ друга и въ результатѣ прибѣгали къ самому же маньчжурскому правительству для рѣшенія дѣла. Смерть втораго гэгэ̀на черезъ четыре года послѣ учрежденія званія шанцзотбы̀ дала первый къ этому поводъ. Въ 1758 г., 7-го числа послѣдняго весенняго мѣсяца состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе хуа̀нди: «Халхаскій Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ лама̀ перемѣнилъ одѣяніе (скончался). Хотя въ Хýрэ̄ни для надзора за ученіемъ и богослуженіями и находится шанцзотба̀ Сундýбъ-дорчжѝ, тѣмъ не менѣе для управленія всѣми низшими шабинàрами недостаточно одного только человѣка; посему повелѣвается вызвать халхаскаго тусалакчѝ-цзянь цзюня, Санцза̀й-дорчжѝ, и пусть онъ, присматривая за Хýрэ̄немъ, хорошенько управляетъ сообща хутухтѝнскими шабина́рами, равно предоставляется ему рѣшать и пограничныя дѣла русскія». Такимъ образомъ въ Хýрэ̄ни появился монгольскій амба̀нь (высшій правитель). Но прошло еще три года и для управленія Хýрэ̄немъ и шабинàрами уже оказалось недостаточнымъ и двухъ человѣкъ: 22-го числа средняго зимняго мѣсяца 1761 года въ Ургу былъ назначенъ для той же цѣли второй амба̀нь, и уже изъ маньчжуровъ, по имени Номохо̀нь. Онъ считался однако ниже монгольскаго амба̀ня, хотя, вѣроятно, имѣлъ гораздо большее значеніе и вліяніе при пекинскомъ дворѣ. Учрежденіе амба̀ней прежде всего имѣло на Ургинскій монастырь то благодѣтельное вліяніе, что съ этихъ поръ онъ не могъ уже совершенно по произволу ламъ и такъ часто мѣнять свое мѣстопребываніе, какъ это было до сего времени. Установившаяся съ этой поры осѣдлость, безъ сомнѣнія, способствовала улучшенію внѣшняго вида Урги и ея расширенію. Въ 1809 году для цанѝта были построены здѣсь два большіе дуга̀на, а обучавшіеся цанѝту ламы составили своими жилищами отдѣльную часть города, нынѣ носящую названіе Га́нданъ. Но этого еще мало и пребываніе высшихъ властей вскорѣ дало Ургѣ главенство надъ всею сѣверо-восточною Халхою слѣдующимъ образомъ: хотя первоначальное учрежденіе амба̀ней въ Ургѣ было мотивировано только необходимостью присматривать за Хýрэ̄немъ и управлять шабинàрами, тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, для этой цѣли едва ли нужны были три отдѣльныя присутственныя мѣста съ цѣлымъ роемъ засѣдателей, секретарей, писцевъ и проч., и само собою разумѣется, что при этомъ назначеніи дѣятельность амба̀ней и подвѣдомыхъ имъ я́муней (присутствен-

ныхъ мѣстъ) была черезчуръ ограничена. Маньчжурскій дворъ хорошо сознавалъ это и вскорѣ расширилъ кругъ ихъ обязанностей за предѣлы завѣдыванія мѣстопребываніемъ хутухты и его данниковъ. Въ 1786 г. въ Пекинѣ состоялось опредѣленіе, утверждавшее за ургинскими амбанями право окончательнаго рѣшенія дѣлъ по управленію аймаками Тушэту-хановскимъ и Сэцэнъ-хановскимъ, принадлежавшее до сего времени одному улясутайскому цзянь-цзюню (генералъ-губернатору). Событіе это окончательно возвысило Ургу: она сдѣлалась для Монголіи центромъ религіознымъ, разсадникомъ просвѣщенія и средоточіемъ высшей гражданской власти для большей половины Халхи.

Если въ Ургѣ и до сего времени велась постоянная торговля между китайцами и монголами, то понятно, что эта торговая дѣятельность приняла еще большіе размѣры съ тѣхъ поръ, какъ въ Ургу начали стекаться не одни только поклонники гэгэна, но, по обязанностямъ суда и администраціи, стали привлекаться монголы всѣхъ классовъ и состояній. Китайскіе торговцы основали теперь въ Ургѣ свое постоянное мѣстопребываніе и отправлялись за Великую стѣну развѣ только для того, чтобы привезти новые товары. Такъ какъ по буддійской каноникѣ при самыхъ монастыряхъ невозможно устройство лавокъ, то торговцы должны были поселиться въ 10-ти ли (5 верстахъ) отъ Хурэня, и изъ этихъ первоначальныхъ поселеній ихъ въ настоящее время возникъ къ востоку отъ монастырскихъ зданій цѣлый городъ, превосходящій по величинѣ самый Большой Хурэнь и носящій китайское имя Маймачэнъ, то-есть «торговый городъ». Но разстояніе 10-ти ли было черезчуръ велико: имъ затруднялись какъ китайцы, такъ и еще болѣе сами ламы, почему, вѣроятно, въ началѣ они смотрѣли сквозь пальцы, можетъ быть, даже въ глубинѣ души и были очень довольны, когда нѣсколько китайскихъ лавокъ построились только на разстояніи какихъ-нибудь $1^1/_2$ верстъ на западной сторонѣ Хурэня. Говорятъ еще, что первымъ изъ построившихся въ этомъ мѣстѣ былъ коммиссіонеръ (тунъ-ши) самого гэгэна, и это весьма естественно, такъ какъ коммиссіонеру гэгэна, легче чѣмъ кому-либо другому было обойти постановленія монастырскихъ правилъ. Какъ бы то ни было, однако это отступленіе, допущенное ламами въ отношеніи двухъ или трехъ лавокъ, не прошло для нихъ безнаказанно: вслѣдъ за коммиссіонеромъ гэгэна построились здѣсь другіе китайскіе торговцы и въ періодъ 5-го вида Чжэбцзунъ-дамбы (1815—1842 г.) китайскія поселенія возросли здѣсь до такого числа, что лавки почти уже примыкали къ Хурэню. Только теперь ламайское духовенство начало требовать удаленія китайцевъ и принесло свои жалобы амбанямъ и даже въ Пекинъ. Само собою разумѣется, что

ни маньчжурскій амбàнь въ Хўрḕни, ни еще болѣе пекинское правительство никогда и не думали объ удовлетвореніи просьбъ монголовъ, особливо по искамъ съ китайцевъ; чиновничество маньчжуровъ заботилось въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, только о томъ, чтобы продлить дѣло и высосать съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ все, что́ только было возможно. Время уходило; китайцы, можетъ быть, заручившись словомъ своего начальства, продолжали торговать и жить у самаго Хўрḕня, а монголы терпѣливо ожидали рѣшенія дѣла, принося по временамъ взятки то тому, то другому изъ рѣшающихъ ихъ тяжбу. Вдругъ новое обстоятельство совершенно открыло имъ глаза на дѣло. Обстоятельствомъ этимъ было построеніе новой китайской лавки. Ламы увидѣли теперь, что ни просьбы, ни подарки ихъ не имѣли никакого значенія и въ порывѣ негодованія сдѣлали новый докладъ въ Пекинъ, въ которомъ излагали, что Хўрḕнь долго застоялся на своемъ мѣстѣ, что занимаемое имъ пространство имѣетъ влажную почву, и что по этому самому отъ сырости въ Хўрḕни очень многіе болѣютъ и даже умираютъ. На основаніи этихъ причинъ они просили у богдыха̄на позволенія перекочевать имъ на новое мѣсто. Въ высочайшемъ приказѣ по поводу этого доклада, данномъ 5-го числа 5-й луны 1836 г., говорилось, что «ради блага жителей гэгэ̀ну дозволяется перенести свой Хўрḕнь и поставить его на сѣверномъ берегу То̄лы»[1]). Согласно этому позволенію, ламы въ тотъ же годъ, собравъ свои кумирни и имущество, перекочевали на разстояніе приблизительно около 8-ми ли отъ китайскихъ лавокъ къ западу и построили Хўрḕнь невдалекѣ отъ береговъ То̄лы. Для жилища гэгэ̀на избранъ былъ Га́данъ и здѣсь построился дворецъ его, существующій и до сего времени, хотя уже и не какъ дворецъ, а какъ сўмэ̀, въ которомъ, впрочемъ, никогда не совершается хура̀ловъ. Дѣлали ли китайцы умышленно, или они просто считали невыгоднымъ для себя безцѣльное содержаніе лавокъ въ двухъ мѣстахъ, но большинство ихъ дворовъ также перекочевало въ Маймачэ̀нъ, и только нѣкоторые изъ торговцевъ оставили при Хўрḕнѣ, на торговой площади, свои мелкія лавченки. Такимъ образомъ, разстояніе между ламскимъ и торговымъ городомъ въ одинъ годъ возросло до 20-ти ли.

Это былъ періодъ борьбы китайцевъ съ монголами и, какъ увидимъ дальше, побѣда осталась на сторонѣ китайцевъ. Несомнѣнно, что ламы стѣснялись дальностью разстоянія торговаго города, а переселеніе китайцевъ въ Маймачэ̀нъ оставило имъ прежнее пепелище открытымъ. Къ этимъ обстоятельствамъ прибавилось еще и то, что шестой гэгэ̀нъ едва прожилъ

1) Эрденійн. эрихэ. Гл. 35.

40 дней въ новоустроенномъ городѣ, какъ съ нимъ случилась оспа и черезъ нѣсколько дней онъ скончался. Послѣднее совершенно убѣдило монголовъ, что на этомъ мѣстѣ оставаться больше невозможно; оно было признано несчастнымъ, и такимъ образомъ, простоявъ около шести лѣтъ на новомъ мѣстѣ, Хўрэнь перекочевалъ снова на устья Сэльби, свое старое мѣсто. Это перемѣщеніе совершилось въ то время, когда изъ Халхи послано было посольство за призваніемъ на Ургинскую каѳедру 7-го хубилгана Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты изъ Тибета, то-есть, въ годъ женщины, дерева и зайца, по лѣтосчисленію Монголовъ, или въ 1855 г. лѣтосчисленія христіанскаго. Едва только ламы установились съ своими храмами и жилищами, какъ къ западу отъ Хўрэня снова появились китайскія лавки, а лѣтъ черезъ пять послѣ того начали строиться здѣсь и русскіе, полагавшіе въ то время начало своей постоянной торговли въ Хўрэни. Прошло еще два-три года, и Ургa была почти сплошь окружена китайскими постройками. Ламамъ опять пришлось начинать протестъ противъ поселеній китайцевъ, хотя на этотъ разъ они не говорили уже о необходимости разстоянія 10-ти ли между Хўрэнемъ и торговыми домами, а просили только не стѣснять имъ путь, по которому обносится ежегодно вокругъ Хўрэня бурха̀нъ Ма̀йдари. Дѣло тянулось около двухъ лѣтъ и было покончено въ Пекинѣ тѣмъ, что построеннымъ лавкамъ дозволялось остаться, но на разстояніи одного аршина отъ нихъ проведена была межа, за которою не дозволялось занимать ни одной пяди. Для надсмотра за китайцами поставлено было въ непремѣнную обязанность ургинскаго цзаргучэя (титулъ чиновника, завѣдующаго дѣлами торговцевъ) объѣзжать ежедневно по улицамъ и слѣдить, чтобы торговцы не занимали лишняго мѣста постройками; кромѣ того, онъ однажды въ годъ долженъ былъ измѣрять пространство, занятое каждою китайскою лавкой, и такимъ образомъ осязательно убѣждаться, что захвата земли произведено не было. Вѣсть о приближеніи дунганъ въ 1870 г. заставила многихъ китайцевъ удалиться изъ Урги, и это обстоятельство значительно уменьшило число китайскихъ дворовъ на восточной и южной сторонахъ Хўрэня, такъ что до установленной черты, за которую не могли переходить китайскія постройки, они доходили только на западной сторонѣ монастырскихъ зданій. Но съ усмиреніемъ дунганскаго возстанія все опять пошло по старому и, несмотря на то, что цзаргучэй совершалъ свои ежедневные осмотры и ежегодныя измѣренія, въ 1873 г. въ ламскомъ городѣ снова выросла цѣлая торговая улица. По этому случаю Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухту и сеймовые старшины 4-хъ а̀ймаковъ, въ 13-мъ г. правленія Тунъ-чжи (1874), прямо отъ своего имени представили докладъ богдоха̄ну, въ которомъ выясняли, что «вновь по-

строенные китайцами дома и лавки, по истинѣ, стѣсняютъ пространство для движенія церемоніи Мàйдари особливо же въ этомъ отношеніи являются помѣхою зданія фирмъ: Вань-шэнъ-хао, Тянь-дэ-тунъ, Юань-цзюй-юй, Лунъ-чанъ-юй, Чанъ-синъ-хао, Вань-тунъ-хао, Чэнъ-юй-шоу и другіе, а равно и постройки русскихъ купцевъ». Ли-фань-юань, на разсмотрѣніе коего было передано все это дѣло, опредѣлилъ тогда поручить ургинскимъ амбàнямъ разрушить лавки семи поименованныхъ фирмъ, какъ неправильно занявшихъ мѣсто, по которому должна слѣдовать церемонія Мáйдари. Это опредѣленіе было аппробовано богдохāномъ и засимъ передано къ немедленному исполненію ургинскимъ амбàнямъ. Послѣдніе исполнили его тотчасъ и, по возможности, буквально; т. е. они распорядились о снесеніи семи поименованныхъ лавокъ, тѣ же, которыя не были поименованы, остались существовать по старому, равно какъ и русскія лавки, удалить которыя было, конечно, невозможно, безъ особыхъ сношеній съ русскимъ правительствомъ. Монголы, увидавъ исполненіе своей просьбы лишь на половину, снова обратились въ Пекинъ и просили довести дѣло до конца приказомъ снести какъ эти оставшіяся, китайскія, такъ и русскія лавки; словомъ, привести площадь въ то положеніе, которое было указано имѣть ей въ года правленія Сянь-фына. Прошло два года, пока въ отвѣтъ на эту просьбу изъ Пекина была получена ургинскими амбàнями бумага, но не рѣшавшая дѣло, а только сообщавшая, что, согласно высочайшему повелѣнію богдохāна, Ли-фань-юань требуетъ отъ ургинскихъ амбàней объясненія, имѣются ли дѣйствительно какія-либо препятствія къ снесенію китайскихъ и русскихъ лавокъ и къ какимъ именно рѣшеніямъ приходятъ мѣстныя ургинскія власти по вопросу объ удаленіи лавокъ собственно русскихъ? Китайцы вполнѣ основательно, конечно, увидали въ этой бумагѣ поворотъ дѣла въ свою пользу и поспѣшили осуществить ее на дѣлѣ: Лѣтомъ 1877 года, во время моего перваго пребыванія въ Ургѣ, мѣста прежде снесенныхъ зданій были застроены снова и въ большинствѣ лавками тѣхъ же фирмъ, которыя только что были снесены; изъ русскихъ торговцевъ рядомъ съ ними построилъ тогда свою лавку съ прилежащими къ ней пристройками г. Цинковъ. Въ порывахъ гнѣва ламы послали тогда новую просьбу въ Пекинъ, а при устныхъ бесѣдахъ только и говорили, что они оставятъ Ургу и что гэгэнъ переселится куда-либо въ другой монастырь, если ихъ просьба не будетъ уважена. Несмотря на это комичное бряцаніе оружіемъ, которое, безъ сомнѣнія, было извѣстно и въ Пекинѣ, отвѣтъ на помянутое искательство ламъ былъ полученъ отъ Ли-фань-юаня только черезъ шесть лѣтъ, т. е. въ 10-мъ году правленія Гуанъ-сюй (1883), изъ содержанія же его мы узнаемъ, что за все это время, ургин-

скіе амбàни не собрались еще отвѣтить на вопросы, поставленные имъ въ 1876 году, а потому Ли-фань-юань и предлагалъ амбàнямъ восполнить этотъ недостатокъ. Послѣ этой бумаги дѣло снова замолкаетъ на пять лѣтъ, пока халхаскіе князья на сеймѣ 1888 г. не порѣшили повторить въ Пекинъ свою просьбу о перенесеніи на другое мѣсто китайскихъ и русскихъ лавокъ. Новый отвѣтъ Ли-фань-юаня на эту просьбу заключалъ въ себѣ почти дословное повтореніе бумаги 1883 года, т. е. Ли-фань-юань требовалъ отъ ургинскихъ амбàней не представленныхъ ими отвѣтовъ на вопросы, предложенные еще въ 1876 г. Правившій въ ту пору въ Ургѣ маньчжурскій амбàнь Ань-дэ лично не раздѣлялъ искательства халхаскихъ князей и, рѣшившись подвинуть это дѣло, представилъ свое заключеніе въ Пекинъ, въ которомъ говорилъ, что, по его личному мнѣнію, существующее пространство для движенія вокругъ Хўрэ̄ня церемоніи Мáйдари вполнѣ достаточно, а между тѣмъ перенесеніе китайскихъ лавокъ принесло бы большіе убытки ихъ владѣльцамъ, что, при сравнительно плохой торговлѣ, можетъ послужить къ ихъ окончательному разоренію. Съ другой стороны, ему извѣстно, что русскіе торговцы поступятся выгодами своей дѣятельности при Хўрэ̄нѣ и согласятся на перенесеніе своихъ лавокъ въ другое мѣсто только въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, отъ Хўрэ̄ня будутъ удалены всѣ безъ исключенія китайскія лавки, а во вторыхъ имъ уплачено будетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее понесеннымъ отъ переселенія убыткамъ. На этомъ пока и остановилось дѣло объ измѣненіи плана современнаго расположенія отдѣльныхъ частей города Урги. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ этотъ черезъ нѣсколько лѣтъ поднимется снова, ибо чиновники богдохàна давно уже прозрѣли въ немъ нѣкоторый источникъ для своихъ доходовъ; но придавать такому возникновенію какое-либо значеніе, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія, рѣшительно не возможно.

Итакъ Урга въ настоящее время является расположенною по р. Сэ̀льби. Въ общемъ, мѣстность ея представляетъ собою котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, выходъ изъ которыхъ образуется на востокѣ и западѣ узкою долиною рѣки Тōлы. Понятно, что способная доставить ургинскому населенію выгоду въ смыслѣ защиты отъ вѣтровъ, мѣстность эта не представляетъ собою особыхъ удобствъ для монголовъ, въ стратегическомъ отношеніи, ибо, расположившись въ двухъ означенныхъ проходахъ, непріятель можетъ держать все населеніе долины какъ бы въ западнѣ, лишеннымъ продовольствія и не имѣющимъ удобнаго выхода. Городъ состоитъ собственно изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1) Хўрэ̄ня, Урги, или монастыря, въ которомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе Чжэб-

цзўнъ-дамба̀; 2) Га̀ндана, или той отдѣльной части, гдѣ находятся кумирни цанѝта, и гдѣ живутъ ламы, изучающіе высшій курсъ буддійской догматики; и 3) Маймачэ̀на, или торговаго города. Всѣ эти три части города расположены на правой сторонѣ рѣки Тӧлы, верстахъ въ 3-хъ отъ береговъ ея, рѣка же Сэ̀льби, протекая съ сѣвера на югъ чрезъ самую средину Хўрэ̄ня, оставляетъ въ сторонѣ другія части города. Мѣстность Урги имѣетъ видъ продолговатой равнины, тянущейся съ сѣвера на югъ въ различныхъ мѣстахъ на пространство отъ 6 до 13 верстъ, а съ востока на западъ верстъ на 30, или, можетъ быть, нѣсколько болѣе. Площадь эта со всѣхъ сторонъ ограничена горами: на югъ величественною Богдо̀-ӯлою, иначе называемою Ха̄нъ-ӯла, на востокъ горами Ба̀инъ-хўтўль, на сѣверъ горами Чингильтў-ӯла и Дала̄нъ-дабхўръ, посреди которыхъ проходитъ ущелье, не носящее у монголовъ никакого имени и называемое просто Хўндўй, и горами Ба̀инъ цзўрўхэ̀, а на западъ горами Сангі̀йнъ-ӯла, почти примыкающими къ Богдо̀-ӯлѣ и въ юго-западной оконечности долины отдѣленными отъ нея только русломъ рѣки Тӧлы.

Общій видъ Урги (хўрѣня) съ западной стороны.

Первое мѣсто между этими горами занимаетъ Богдо̀-ӯла; высота ея

надъ уровнемъ моря была опредѣлена г. Фритше въ 5,412 футовъ, въ длину же она тянется почти прямо съ востока на западъ на пространствѣ около 30 верстъ. Сообразно общему названію горы Богдо̀-ӯла, что значитъ «святая гора», и отдѣльныя части ея носятъ также высокія названія; такъ, изъ числа трехъ падей, замѣчательныхъ по величинѣ и уваженію къ нимъ монголовъ, одна называется Йэхэ̀-тэнгрійнъ-ама̀, то-есть, «большая небесная падь»; другая — Бага̀-тэнгрійнъ-ама̀, «малая небесная падь»; третья — Цза́йсанъ-ама̀ «падь-правитель». Вся гора, отъ подошвы и до вершины, по обѣимъ сторонамъ своимъ густо поросла хвойнымъ лѣсомъ и въ этомъ отношеніи замѣчательна потому, что составляетъ предѣлъ лѣсовъ въ Монголіи: къ югу отъ нея уже не встрѣчается деревьевъ. Богдо̀-ӯла издревле почитается монголами: на ней не можетъ быть ни сдѣлано порубки лѣса, ни раскопана земля, ни даже произведена облава, или охота на дичь, во множествѣ живущую въ ея дѣвственномъ лѣсѣ. Еще недавно монголы разказывали, что, по принятому у нихъ жизненному обычаю, въ виду Богдо̀-ӯлы не можетъ быть совершено казни преступниковъ, и дѣйствительно, всѣхъ осужденныхъ на смерть преступниковъ прежде отправляли обыкновенно изъ Хӯрэ̄ня въ Долō̄нъ-нӯръ, или Ка́лганъ, но на сколько вѣрны были такія увѣренія, сказать трудно, ибо въ Хӯрэ̄ни не могло быть производимо казней и вслѣдствіе того еще, что онъ представляетъ собою мѣстопребываніе хутухты. Такимъ образомъ, имѣла ли въ этомъ дѣлѣ значеніе Ха̄нъ-ӯла или хутухтӯ — рѣшить трудно. Но за послѣднее время эта традиція о невозможности совершенія казни въ Ургѣ должна отойти въ область преданій. Въ 1890 году на русскомъ ульхунскомъ караулѣ было совершено преступленіе, при коемъ двумя монголами была вырѣзана, съ цѣлью ограбленія, цѣлая семья русскаго казака, въ числѣ семи человѣкъ. Преступники были розысканы, пойманы, судимы и приговорены къ смертной казни чрезъ отрубленіе головъ. Казнь, по мѣсту суда, должна была совершиться въ Ургѣ. Говорятъ, ламы хлопотали объ отмѣнѣ такого опредѣленія, но богдоханское правительство не уважило ихъ просьбы и все, чего могли добиться ламы, это то, что мѣстные ургинскіе амба̀ни распорядились о производствѣ казни въ узкой пади рѣчки Улятай, отстоящей отъ Урги верстъ на семь и окруженной такими высокими горными отрогами, что изъ-за нихъ не видно ни Ха̄нъ-ӯлы, ни Хӯрэ̄ня, съ находящимся въ немъ дворцомъ хутухты. Обыкновенно за причину, лежащую въ основѣ чествованія Ха̄нъ-ӯлы, принимаютъ общеразвитое въ средѣ монголовъ уваженіе къ горамъ, особливо высокимъ, или чѣмъ-либо выдающимся изъ среды другихъ, полагая въ этомъ чествованіи остатокъ сохранившихся шаманскихъ вѣрованій; но мнѣ пришлось въ бесѣдахъ съ монголами

узнать совершенно другое повѣрье ихъ, относящееся въ Хāнъ-ӯлѣ, справедливость котораго подтвердилась для меня потомъ и письменнымъ памятникомъ. Въ 9-й лунѣ 1778-го г. изъ Урги сдѣланъ былъ въ Пекинъ докладъ на высочайшее имя, въ которомъ говорилось, что «находящаяся къ югу отъ Хӯрēня Хāнъ-ӯла, по преданію, называется Хāнъ-ӯлою вслѣдствіе того, что при подошвѣ ея родился Чингѝсъ-хāнъ»; въ томъ же докладѣ излагалось далѣе, что всѣ халхасы со временъ дѣда Ӱндӯръ-гэгэ̀на, то-есть Абата̀я, ежегодно приносятъ ей жертвы, и въ концѣ ургинское чиновничество просило императора разрѣшить изъ чествованія ея сдѣлать гражданскій праздникъ, а на жертву присылать отъ двора подарки. Само собою разумѣется, что китайцы не повѣрили этой баснѣ, такъ какъ они знали изъ историческихъ памятниковъ, что мѣсторожденіе Чингѝса было вовсе не у подошвы Хāнъ-ӯлы; тѣмъ не менѣе резолюція на этомъ докладѣ была слѣдующая: «Чествованіе Хāпъ-ӯлы — хорошее дѣло; а посему, согласно докладу Санцза̀й-дорчжѝ (собственное имя монгольскаго амба̀ня въ Ургѣ), поручить подлежащему министерству ежегодно весною и осенью посылать курительныя свѣчи и шелковыя матеріи въ узаконенной мѣрѣ съ предписаніемъ Санцза̀й-дорчжѝ, чтобъ онъ приносилъ жертвы въ присутствіи ва̀новъ, гӯновъ и цзасако̀въ монгольскихъ». Съ тѣхъ поръ жертвоприношенія Хāнъ-ӯлѣ совершаются ежегодно два раза до настоящаго времени, дни же принесенія жертвъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, опредѣляются ламами астрологами, или цзурха̀йчіями. Должно замѣтить однако, что Хāнъ-ӯлу чествуютъ только а̀ймаки Тӯшēтӯ-хāновскій и Сэцэ̀нъ-хāновскій, два другіе, то-есть Са̀йнъ-ноѝновскій и Цзасактӯ-хāновскій, освободились отъ этого обязательства по особому докладу императору, представленному въ 1780-мъ году отъ улѧсута̀йскаго цзя̀нь-цзюна и хэбэ̀й-амба̀ней. Кромѣ Хāнъ-ӯлы, жители каждой отдѣльной части Урги имѣютъ свою чествуемую ими гору. Таковыми горами являются: для хӯрēньскихъ ламъ — Чингильтӯ-ӯла, для Маймачэ̀на — Баѝнъ-цзӯрӯхэ̀. На каждой изъ нихъ воздвигнуто почти со времени основанія города Обō, которому приносятся жертвы. Празднество это, носящее у монголовъ имя «Обō-тахихӯ», совершается хӯрēньскими ламами во второмъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, а жителями Маймачэ̀на въ третьемъ.

Обращаясь теперь къ описанію быта отдѣльныхъ частей города, каковыми онѣ представляются въ настоящее время, я долженъ прежде всего сказать, что точное опредѣленіе народонаселенія какой-либо изъ этихъ частей положительно невозможно. Не говоря уже о Маймачэ̀нѣ, гдѣ число жителей постоянно колеблется по временамъ года, вслѣдствіе прилива и отлива какъ торгующихъ китайцевъ, такъ и покупателей монголовъ, даже

въ Хӯрэ̄ни, гдѣ населеніе кажется болѣе осѣдлымъ, узнать точное число ламъ положительно невозможно. Сами монголы, на вопросъ о количествѣ ургинскихъ ламъ, обыкновенно отвѣчаютъ «тӯмэ̀нъ лама̀», то-есть, 10000 ламъ, или еще болѣе подходяще, «тьма ламъ». Я также могу повторить, что число это темное, хотя оно, несомнѣнно, превышаетъ 10,000. Въ прошлую мою поѣздку по Монголіи 1876—1879 гг., въ мои руки попалъ одинъ оффиціальный документъ, а именно, приходо-расходный реестръ казначея (нирбы̀) цокчѝнской кумирни, куда въ извѣстные годовые праздники собираются для совершенія хура̀ловъ всѣ ургинскіе ламы, при чемъ на долю этихъ ламъ по сказанному реестру отпускается изъ цокчѝнскихъ магазиновъ чай, мука, масло и проч. Въ реестрѣ этомъ опредѣлялось количество ламъ въ полномъ ихъ составѣ и сообразно дѣленію ихъ на а̀ймаки. Зная теперь о существованіи такого рода документовъ, я попробовалъ поискать ихъ и въ настоящую поѣздку, при чемъ трудъ мой не пропалъ даромъ. Отъ того же цокчѝнскаго нирбы̀ я получилъ теперь новый такой же списокъ, выданный лишь ему въ 1889 г. Разсмотрѣніе и сличеніе этого списка со старымъ не только указало мнѣ, приблизительное число ламъ въ Ургѣ, но еще и засвидѣтельствовало, что ламское населеніе Урги постепенно увеличивается, хотя и не особенно значительно. Вотъ какъ опредѣлялось и опредѣляется число ургинскихъ ламъ по этимъ обоимъ спискамъ:

№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ.		№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ.	
		По старому списку.	По новому списку.			По старому списку.	По новому списку.
1	Амдӯна̀ръ. . . .	600	600	11	Дархà̀нъ эмчѝ. .	400	400
2	Махамаѝ	500	550	12	Эрхѝнъ то́йнъ. .	400	700
3	Чжиса̀.	500	500	13	Ванга̀й.	600	500
4	Санга̀й.	1000	1100	14	Эрдэнѝ хубилга̀нъ.	400	450
5	Номчѝ	300	400	15	Барга̀й.	300	200
6	Цзо̄га̀й	1000	1000	16	Гатдублѝнъ. . .	600	450
7	Дуга̀ръ	500	500	17	Бандѝта.	300	400
8	Мэргэ̀нъ ханбо̄.	400	350	18	Цзамьянъ сунга̀	600	600
9	Бицзэѝ.	300	400	19	Мэргэ̀нъ номӯнъ ха̄нъ. .	300	350
10	Хӯхэнъ ноянъ.	300	300	20	Ламана̀ръ. . . .	300	250
	Итого . . .	5400	5700		Итого . . .	4200	4300

№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ. По старому списку.	Число ламъ. По новому списку.	№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ. По старому списку.	Число ламъ. По новому списку.
21	Ӱрлю̄дъ	400	450	25	Дӧйнхор-лӣнъ .	400	350
22	Шӱтэ̄нъ.	1000	1000	26	Цэцэ̀нъ тӧйнъ. .	600	650
23	Дӧндублѝнъ. . .	300	300	27	Чжида̀ръ	300	300
24	Та́йсум-лӣнъ . .	300	400	28	Дашѝ-лӣнъ . . .	—	400
	Итого . . .	2000	2150		Всего . . .	12,900	13,850

Принимая во вниманіе, что ургинскіе а̀ймаки не имѣютъ опредѣленныхъ штатовъ и что ламы зачисляются въ тотъ или другой а̀ймакъ по произволу, мы можемъ сказать, что круглота показанныхъ чиселъ есть одно изъ самыхъ вѣрныхъ доказательствъ неточности ихъ по обоимъ представляемымъ спискамъ. Правда, назначеніе этихъ реестровъ заставляетъ предполагать скорѣе увеличеніе по нимъ числа ламъ, чѣмъ уменьшеніе его, за всѣмъ тѣмъ число ургинскихъ ламъ въ общемъ растетъ несомнѣнно. Списокъ, попавшій въ мои руки въ 1876 г. и опредѣлявшій число а̀ймаковъ въ 27, а ламъ суммою 12,900, былъ составленъ и утвержденъ ургинскимъ ханбо̄ еще въ годъ призванія бывшаго гэгэ̀на, 1855-й; съ тѣхъ поръ число это возрастало и осенью 1877 г. въ Ургѣ образовался новый, 28-й а̀ймакъ, Дашѝ-лӣнъ, въ составъ котораго вошло еще 300 ламъ; такимъ образомъ въ 1877 г. ургинскихъ ламъ было уже не 12,900, а 13,200. По новому списку 1889 г. означенное число увеличилось еще на 650 человѣкъ противъ стараго, а въ средѣ ургинскихъ ламъ уже ходили слухи что а̀ймакъ Санга̀й долженъ скоро раздѣлиться и одною своею частью образовать новый, 29-й аймакъ Урги.

Итакъ Хӱре̄нь раздѣляется въ настоящее время на 28 аймаковъ. Выше было уже отчасти указано первоначальное назначеніе этихъ дѣленій; но въ настоящую пору сказанное назначеніе совершенно потерялось, и а̀ймаки составляютъ теперь ни что иное, какъ участки, на которые раздѣляется монастырь для удобства администраціи. Ламы каждаго а̀ймака составляютъ какъ-бы отдѣльный приходъ, всѣ они живутъ въ одномъ мѣстѣ, и дома ихъ располагаются вокругъ ихъ аймачной кумирни. Въ представленной таблицѣ а́ймаки поставлены въ томъ порядкѣ, какой они занимаютъ въ общемъ хӱре̄ньскомъ кругѣ, при чемъ самый первый, Амдӯна̀ръ, составляетъ сѣверную оконечность перпендикуляра этого круга, второй, Махамая̀, лежитъ къ востоку отъ него, третій еще далѣе на востокъ, и такъ

далѣе. Въ самой срединѣ Хӱрэ̄ня или круга, составляемаго а̀ймаками, находятся, во-первыхъ, дворецъ гэгэ̀на, во-вторыхъ кумирни, назначенныя для общественнаго служенія всѣхъ ламъ, живущихъ въ Ургѣ, и, наконецъ, въ-третьихъ, кумирни, въ которыхъ совершается служеніе ламъ, принадлежащихъ различнымъ а̀ймакамъ, но соединенныхъ между собою единствомъ своей спеціальности и своихъ знаній. Къ первымъ кумирнямъ принадлежатъ Цокчѝнъ и Дачѝнъ-Галбы̀йнъ сӱмэ̀, а ко вторымъ — Цзурха̀йнъ-сӱмэ̀, или кумирня астрономовъ, Чжӯды̀йнъ-сӱмэ̀, или кумирня изучающихъ тарнистическія системы буддизма, Эмчѝйнъ-сӱмэ̀, или кумирня лекарей, и Ма́нлайнъ-сӱмэ̀ — вторая кумирня лекарей. Кромѣ того, въ срединѣ Хӱрэ̄ня находится самая большая изъ ургинскихъ кумирень — Ма́йдари и такъ называемая «Барӯнъ-ӧргӧ̄», или кумирня Абата̀й-ха̄на.

Я не могу указать времени происхожденія каждаго изъ а̀ймаковъ, но несомнѣнно, что образовались они постепенно и въ большинствѣ случаевъ путемъ раздѣленія одного а̀ймака на два. Дѣленіе это обыкновенно совершалось въ то время, когда въ какомъ-либо изъ а̀ймаковъ число ламъ возростало до такого количества, что за̀ ними уже трудно было смотрѣть одному цорчжѝ (настоятелю), и въ то же время а́ймакъ этотъ обладалъ такими средствами, что могъ построить дугӯнъ, или кумирню и отдѣлить часть своего имущества для обезпеченія этой кумирни и отдѣляемаго къ ней духовенства. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ ламамъ рѣдко можно было встрѣчать препятствія, такъ какъ монголы всегда были и до сего времени суть такіе ревностные жертвователи на всякаго рода святыни, что стоило только собраться духовенству для того, чтобъ у нихъ и былъ построенъ дугӯнъ, и было обезпечено его содержаніе. Въ числѣ 27 хӱрэ̄ньскихъ а̀ймаковъ шесть образовано совершенно вновь именно такимъ образомъ, то-есть, на спеціальныя средства благотворителей. Само собою разумѣется, что жертвователи на тотъ или другой а̀ймакъ становились извѣстными его духовенству и впослѣдствіи составляли какъ-бы приходъ его. Монголъ, пожертвовавшій на созиданіе или обновленіе кумирни, пріѣзжая въ Ургу, останавливался у ламъ того а̀ймака, на который онъ жертвовалъ; сюда же онъ отдавалъ и своего сына, если посвящалъ его въ ламы и поселялъ въ Хӱрэ̄ни на житье, сюда же онъ и завѣщавалъ своему потомству приносить жертвы на будущее время; съ другой стороны, сами ламы при нуждахъ обращались къ своимъ благотворителямъ. Такимъ образомъ можно сказать, что вся Халха въ отношеніи Хӱрэ̄ня раздѣляется на 28 частей, и у монгола, кочующаго по берегамъ Буянтӯ у Кобдо̀, нерѣдко можно узнать — къ какому а̀ймаку онъ принадлежитъ въ Хӱрэ̄ни.

Аймачные дугӯны въ Ургѣ не только не отличаются своими богат-

ствами и чистотой, а напротивъ, кажутся очень бѣдными и грязными; но они замѣчательны по своему устройству, которое, несмотря на довольно большое количество осмотрѣнныхъ мною ламайскихъ кумирень въ Монголіи, мнѣ пришлось увидѣть въ первый разъ только въ Ургѣ, да и потомъ я встрѣтилъ его только въ двухъ кумирняхъ славнаго Эрдэни Цзӯ, да еще въ такъ называемой Цзӯнъ хӯрэ̄, на р. Кэрӯлэнѣ. Дѣло въ томъ, что кумирни здѣсь, противъ всеобщаго обыкновенія, раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ первая назначается спеціально для служенія ламъ и называется «Хурулы̀йнъ-сӯмэ̀», по буквальному значенію «храмъ богослуженій», а вторая представляетъ собою нѣчто въ родѣ алтаря и носитъ имя «Шӯтэ̄нэй-ӧргӧ̄», что значитъ «обиталище святыни». Хурулы̀йнъ-сӯмэ̀ составляетъ обыкновенная монгольская юрта, величина которой доходитъ отъ 5 до 8 саженей въ діаметрѣ. Снаружи она покрывается на зиму двойнымъ войлокомъ, а лѣтомъ только полотномъ, но на этихъ покрышкахъ столько заштопаннаго, заплатаннаго и дыряваго, что кумирни монгольской столицы по внѣшнему виду едва ли не хуже самой бѣдной юрты степняка-монгола, и уже, конечно, не могутъ быть сравниваемы съ одинокими степными дугӯнами. Входъ въ хурулы̀йнъ-сӯмэ̀ всегда обращенъ на югъ, и отъ него къ противоположной сѣверной сторонѣ проходитъ два ряда колоннъ, раздѣляющихъ всю юрту на три части: средина назначается для прохода, а боковыя части, отъ колоннъ до стѣнъ юрты, сплошь установлены низенькими, длинными скамьями, составляющими сѣдалище ламъ во время совершенія ими хура̀ловъ. Бурха̀новъ (то-есть, кумировъ) въ хурулы̀йнъ-сӯмэ̀ очень мало, обыкновенно три и никогда не больше семи. Они ставятся на столахъ у стѣны, противоположной входу, подъ высокимъ балдахиномъ изъ шелковой матеріи. Предъ бурха̀нами, по обычаю, стоятъ семь жертвенныхъ чашечекъ (долӧ̄нъ цӯтӯцэ̀), восемь драгоцѣнныхъ жертвъ (на́йманъ тахѝль) и неугасимая лампада. Этимъ ограничивается вся святыня, находящаяся въ хурулы̀йнъ-сӯмэ̀. Священныя изображенія встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ кумирняхъ на колоннахъ хурулы̀йнъ-сӯмэ̀, которыя иногда бываютъ просто покрашены красною краскою, а иногда и украшены рисунками; кромѣ того, въ трехъ аймачныхъ дугӯнахъ они обтянуты бархатными коврами, на которыхъ вытканы изображенія ламайскихъ бурха̀новъ.

Балдахинъ, подъ сѣнію котораго стоятъ бурха̀ны хурулы̀йнъ-сӯмэ̀, скрываетъ отъ глаза дверь, ведущую изъ этой части кумирни во второе и главное отдѣленіе ея, которое можетъ сравниться съ алтаремъ и которое сами монголы называютъ шӯтэ̄нэй ӧргӧ̄. Шӯтэ̄нэй ӧргӧ̄ во всѣхъ а̀ймакахъ представляетъ собою снаружи четыреугольное, деревянное зданіе съ крышею китайской архитектуры и утвержденною на ней вызолоченною бумба̀ (ваза),

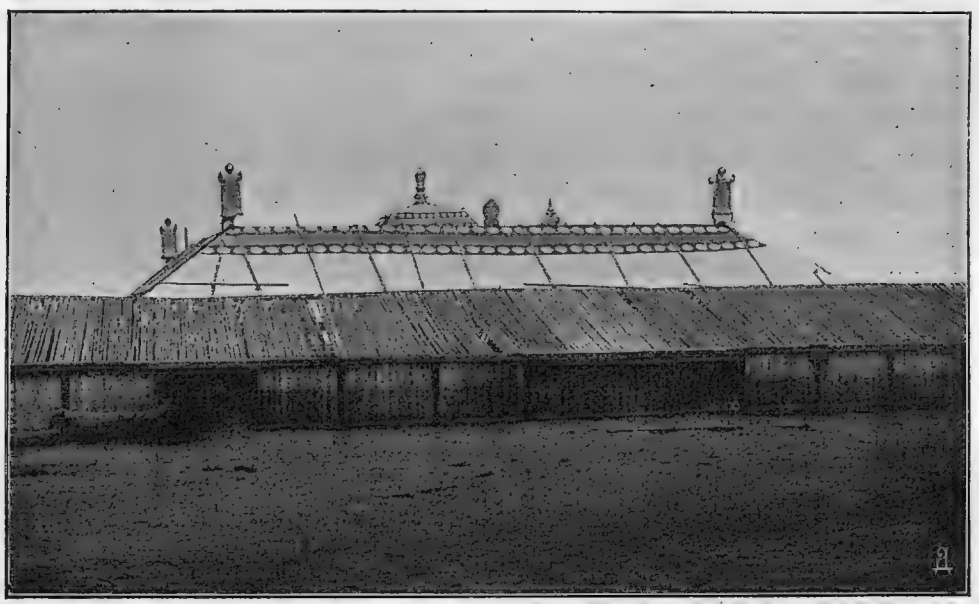
называемою здѣсь ганчжѝръ; въ двухъ àймакахъ, Сангàй и Цзōгàй, шӳтэ̄нэй ӧргō двухъ-этажныя, хотя это можно замѣтить только снаружи. Впрочемъ, и вообще шӳтэ̄нэй ӧргō, представляющееся извнѣ гораздо болѣе высокимъ и обширнымъ чѣмъ хурулы̀йнъ-сӳмэ̀, внутри кажется необычайно тѣснымъ, ибо вышина его скрадывается сѣнію балдахиновъ надъ бурхàнами и навѣшанными хадакàми, этими необходимыми приношеніями ревнителей вѣры, а величина — неуютною установкою находящихся въ кумирнѣ предметовъ. Посреди зданія стоятъ массивные бурхàны, оставляя невидимою для глаза заднюю половину его; ближе къ двери передъ бурхàнами разставлены столы съ жертвами и украшеніями: они заграждаютъ эту переднюю половину кумирни на столько, что по ней едва можно дѣлать два шага отъ входа. Съ боковъ и позади бурхàновъ все зданіе страшно загромождено шкафами, сундуками, этажерками для книгъ, лампадъ, сосудовъ, одѣяній и прочихъ принадлежностей ламайскаго культа. Входъ въ шӳтэ̄нэй ӧргō бываетъ закрытъ въ теченіе всего года не только для простолюдиновъ, но и для ламъ; въ него входитъ только тахѝльчи, или тотъ лама, на обязанности котораго лежитъ зажиганіе лампадъ и постановленіе жертвъ передъ бурхàнами, да ежедневно, мѣняясь по очереди, входятъ сюда два ламы, избранные для чтенія въ шӳтэ̄нэй ӧргō тѣхъ самыхъ молитвъ, изъ которыхъ состоитъ богослуженіе, отправляемое въ извѣстный день соборомъ ламъ въ хурулы̀йнъ сӳмэ̀. Только одинъ день въ году — 9-го числа перваго лѣтняго мѣсяца — отворены бываютъ двери этого святилища, и тогда въ него дозволяется входить уже всѣмъ и ламамъ, и харà, то-есть, чернымъ, — не посвященнымъ въ духовное званіе, да и не только ламаитамъ, но и иновѣрнымъ. Въ этотъ же день со всѣхъ бурхàновъ снимаются покровы, и они представляются лицомъ къ лицу предъ взорами благочестивыхъ поклонниковъ и любопытныхъ.

Всѣ аймà̀чные дугàны обнесены оградами, или лучше сказать, частоколами изъ сплошь поставленныхъ бревенъ. Во дворъ ихъ ведутъ, какъ и въ обыкновенныхъ дворахъ, ворота и калитки, устроиваемыя всегда на южную сторону. У воротъ каждой кумирни, подъ навѣсомъ, устроено нѣсколько лавочекъ и вѣшалокъ: это мѣсто для аукціонной продажи имуществъ, пожертвованныхъ монголами въ пользу кумирень и духовенства.

Изъ числа кумирень, назначенныхъ для общественнаго служенія, первое мѣсто занимаетъ Цокчѝнъ, который въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть приравненъ къ нашимъ каѳедральнымъ соборамъ, потому что въ немъ находится каѳедра ургинскаго хутухты̀, и въ то же время онъ служитъ именно соборомъ для служенія ламъ всѣхъ а́ймаковъ.

Цокчѝнъ не имѣетъ самостоятельнаго штата духовенства и ежедневное богослуженіе совершается въ немъ малолѣтними ламами (то-есть со-

стоящими въ возрастѣ отъ 8 до 18 лѣтъ) отъ 9 до 11 часовъ утра. Вѣроятно, этотъ-то хурàлъ и былъ принятъ однимъ изъ нашихъ туристовъ за ургинскую школу [1]). Общее собраніе духовенства въ Цокчѝнѣ бываетъ только четыре раза въ годъ, именно: a) въ день Новаго года; b) праздникъ Чо́йнкоръ ду́йчинъ, съ которымъ соединяется въ Ургѣ и чтеніе Ганьчжу̀ра, для чего назначается здѣсь три дня, именно съ 9-го по 12-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца; c) праздникъ Ма́йдари — въ третьемъ или четвертомъ мѣсяцахъ, и d) при поднесеніи гэгэ̀ну даньшѝка (жертвы). Цокчѝнъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ ургинскихъ кумирень по своей архитектурѣ и біографія У̀ндэ̀ръ-гэгэ̀на увѣряетъ насъ, что планъ этой кумирни составленъ былъ самимъ гэгэ̀номъ, при чемъ имъ сдѣ-



Ургинскій цокчѝнъ.

лано завѣщаніе о томъ, какъ расширять ее, когда въ томъ будетъ необходимость [2]). Имѣя это свидѣтельство въ письменномъ памятникѣ, мы легко можемъ судить, какова была кумирня въ первое время своего существованія и насколько расширена она впослѣдствіи. Старинная кумирня представляла собою квадратное четыреугольное зданіе, дощатыя стѣны

1) *Вѣстникъ Европы*, кн. IV, стр. 273; 1874 г.

2) Халха Монголунъ орон-ду анъха бурхану ш꞉ччинъ эхи олохсанъ, баса Чжибцзунъ дамба хутухтуйн-турул-тухэ («Повѣствованіе о томъ, какимъ образомъ въ Халхѣ полу́чила начало буддійская вѣра и о перерожденіяхъ Чжэбцзунъ дамба хутухты»), стр. 18. Эта рукопись пріобрѣтена мною въ Ургѣ и доставлена въ библіотеку С.-Петербургскаго университета.

коего не превышали 4 аршинъ въ вышину и были покрыты такою же четыреугольною, весьма пологою, окрашенною въ бѣлую краску, а по вершинѣ обрамленною краснымъ съ черными полосами и бѣлыми кружками бордюромъ. Крыша эта вѣнчалась особымъ, четыреугольнымъ же и нѣсколько съуживающимся кверху куполомъ. Таковою, несомнѣнно, была встарину цокчѝнская кумирня въ Ургѣ до времени своего расширенія, и въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только старинныя слѣды зданія, сохранившіеся послѣ его расширенія, но равно и уцѣлѣвшія въ этой формѣ цокчѝнскія кумирни монастырей Барӯнъ-хӯрѣ, Цзӯнъ-хӯрѣ и др., устроенныя по одному и тому же составленному Ӱндӯръ-гэгэ̀номъ плану. Что касается ургинскаго цокчѝна, то намъ извѣстно, что несмотря на постоянныя перекочевки Хӯрѣня, зданіе его всегда устраивалось изъ дерева. Освѣщеніе кумирни всегда было и до нынѣ совершается только черезъ четыре окна, прорѣзанныя въ куполѣ. Внутри кумирни съ самаго начала ея существованія всегда ставилось 108 поддерживающихъ крышу колоннъ, между которыми были устанавливаемы ламскія сѣдалища (чжабда̀нъ). Въ настоящее время старинный четырехугольникъ кумирни, согласно завѣщанію Ӱндӯръ гэгэ̀на, уже увеличенъ, но пристройка сдѣлана такимъ образомъ, что старая кумирня осталась совершенно не измѣненною; вокругъ нея сдѣлано было родъ галлереи съ высокою крышею въ два ската на обѣ стороны пристройки, а потомъ разобраны были стѣны старой кумирни, такъ что старая крыша его и одна половина крыши вновь пристроенной части остались поддерживаемыми только на столбахъ, поставленныхъ Ӱндӯръ гэгэ̀номъ. Снаружи въ Цокчѝнъ ведутъ трое широкихъ створчатыхъ дверей, изъ которыхъ среднія отличаются отъ боковыхъ своей вышиной и назначены только для прохода хутухты̀. Что касается внутренности кумирни, то она въ настоящее время не богата и нисколько почти не отличается отъ аймà̀чныхъ хурулы̀йнъ сӱмэ̀: тѣ же дыравые, деревянные полы, тѣ же голыя, низенькія скамьи для служащихъ ламъ, которыми установлено почти все пространство кумирни за исключеніемъ узкаго прохода въ срединѣ, тянущагося между двумя рядами колоннъ къ сѣверной стѣнѣ его. Проходъ этотъ, впрочемъ, приводитъ здѣсь не къ жертвенному столу, на которомъ поставляются въ обыкновенныхъ хурулы̀йнъ сӱмэ̀ жертвы и бурха̀ны, а къ сѣдалищу гэгэ̀на, которое устроено совершенно на образецъ нашихъ архіерейскихъ каѳедръ на горнемъ мѣстѣ, съ тою только разницею, что сѣдалище гэгэ̀на вмѣсто кресла состоитъ изъ пяти тонкихъ подушекъ (олбо̀къ), положенныхъ на столѣ, устроенномъ на головахъ четырехъ львовъ, а мѣсто спинки замѣняетъ въ этомъ сѣдалищѣ такая же подушка, обдѣланная въ деревянную вызолоченную рамку (тӱшилгэ̀). Бурха̀ны цок-

чѝнской кумирни расположены на сѣверной сторонѣ въ обѣ стороны отъ каѳедры гэгэ̀на: они стоятъ здѣсь въ деревянныхъ шкафахъ, дверцы которыхъ въ обыкновенные дни бываютъ закрыты. Вслѣдствіе этого отсутствія всякаго рода блеска Цокчѝнъ при всегдашнемъ богослуженіи представляется едва ли не самымъ бѣднымъ изъ всѣхъ имѣющихся въ Хӯрэ̄ни кумирень. Впрочемъ, и вообще онъ замѣчателенъ развѣ только потому, что содержитъ въ себѣ много вещей, почитаемыхъ монголами за древность; такъ, здѣсь хранятся олбо̀къ-тӯшилгэ̀ (кресло) Ӱндӯръ-гэгэ̀на, его шапка и посохъ, бурха̀ны, по преданію, имъ собственноручно сдѣланные, книги, принесенныя имъ изъ Тибета, и проч.

Относительно Цокчѝна есть еще одно слово Ӱндӯръ-гэгэ̀на, извѣстное почти всѣмъ хӯрэ̄ньскимъ ламамъ, но заимствуемое мною для большей вѣрности изъ его біографіи, уже не разъ мною упомянутой. Разказываютъ, что Ӱндӯръ-гэгэ̀нъ, основавъ Цокчѝнъ, опредѣлилъ его на общее служеніе всѣмъ ламамъ Хӯрэ̄ня; поэтому, хотя при Цокчѝнѣ и не было утверждено отдѣльной ламской общины, однако въ немъ былъ установленъ гэбкӯй, то-есть, блюститель порядка при богослуженіяхъ, или благочинный. Въ наставленіяхъ Ӱндӯръ-гэгэ̀нъ завѣщалъ поставленному имъ гэбкӯю вызывать тишину ударомъ палки по колоннамъ. «Но», сказалъ онъ, — «нельзя ударять тебѣ четыре первыя колонны, идущія отъ горняго мѣста». Гэбкӯй пожелалъ освѣдомиться, почему дано было такое ограниченіе и гэгэ̀нъ объяснилъ его такъ: «Двѣ колонны, стоящія по сторонамъ у горняго мѣста, — мои; слѣдующія двѣ — хамбо̄ ламы и номӯнъ-ха̄на. Кромѣ насъ трехъ, все прочее духовенство управляется твоимъ посохомъ». Эти слова гэгэ̀на служатъ и до сего времени основаніемъ для мѣстничества въ іерархіи хӯрэ̄ньскихъ ламъ. Сѣдалища хӯрэ̄ньскаго хамбо̄ и номӯнъ-ха̄на поставляются въ Цокчѝнѣ за первымъ рядомъ колоннъ, идущихъ отъ горняго мѣста, а гэбкӯй Цокчѝна по старшинству іерархіи занимаетъ четвертое мѣсто въ Хӯрэ̄ни. Кромѣ сего, при Цокчѝнѣ полагается два унза̀та (канонарха), имѣющіе титулъ «эрдэнѝ-чиндаманѝ». О происхожденіи этого титула преданіе говоритъ, что когда Ӱндӯръ-гэгэ̀нъ спрашивалъ у Банчэ̀нь эрдэнѝ напѣва для устроеннаго имъ монастыря, послѣдній приказалъ ему прислать на обученіе молодыхъ людей. Гэгэ̀нъ, прибывъ въ Монголію, послалъ въ Тибетъ двухъ мальчиковъ, которые въ періодъ проживанія въ Тибетѣ видѣли сонъ, будто бы проглотили раковину и бӯрэ̄. Голосъ ихъ сдѣлался подобнымъ этимъ инструментамъ, и они, возвратившись въ Монголію, первые получили титулъ эрдэнѝ-чиндаманѝ, который и остался за цокчѝнскими унза̀тами (канонархами) до сего времени. Особымъ почетомъ пользуется еще старшій изъ цокчѝнскихъ барабанщиковъ, титулуемый

«Тōха́йнъ-хубѝ хэнгэргэ́чи». О происхожденіи этого титула разказываютъ также, что во времена Ӱндӱ́ръ-гэгэ́на былъ въ цокчѝнѣ барабанщикъ Тōха̀й, въ которомъ гэгэ́нъ прозрѣлъ чо́йчжона, затворяющаго для умирающихъ монголовъ двери ада и направляющаго ихъ къ высшимъ перерожденіямъ. Однажды этотъ Тōха̀й въ теченіе цѣлаго хура́ла билъ въ барабанъ не въ тактъ и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе гэгэ́на. Гэгэ́ну это понравилось, онъ приказалъ Тōха̀ю выдать лишнюю часть доходовъ и въ память этого Тōха̀я учредить навсегда при Цокчѝнѣ особую должность старшаго барабанщика съ титуломъ: «Тōха̀йнъ-хубѝ хэнгэргэ́чи».

Для извѣщенія ламъ о времени собранія въ Цокчѝнъ въ дни ихъ общественныхъ хура́ловъ, съ восточной стороны кумирни устроенъ деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, саженей семь въ вышину, съ пристроенною къ нему деревянною же лѣстницею. Помостъ этотъ носитъ названіе «бӱ́рэйнъ шата̀», то-есть, помостъ, или «лѣстница трубы», заимствованное отъ прямаго назначенія призывать съ него къ богослуженію звуками громадной трубы — ӱхэ́ръ бӱ́рэ, бишкӱ́ра, или небольшой трубы и раковины — лаба̀й, нерѣдко называемой также «дӱ́нъ бӱ́рэ», раковинная труба. Для такого благовѣста на бӱ́рэйнъ шата̀ всходятъ обыкновенно два ламы съ трубами и трубятъ попеременно, въ каждую изъ четырехъ сторонъ свѣта по трижды. Каждый изъ аймачныхъ дугӱ́новъ имѣетъ также свою бӱ́рэйнъ шата̀, которая также устрояется по юго-восточную сторону хурулы́йнъ сӱ́мэ. По формѣ аймачные бӱ́рэйнъ шата̀ совершенно одинаковы съ цокчѝнскою, но они рѣдко превышаютъ вышину двухъ саженей и обыкновенно едва видны изъ-за ограды, окружающей кумиренный дворъ, посреди котораго они воздвигнуты.

При Цокчѝнѣ имѣются еще кладовыя (са̀нъ), въ которыхъ хранятся предметы всякаго рода, необходимые для служенія. Цокчѝнскій са̀нъ считается самымъ богатымъ послѣ гэгэнскаго: одежды, книги и предметы церковной утвари считаютъ въ немъ десяткомъ тысячъ; кромѣ того, въ этихъ же кладовыхъ хранится и все необходимое для общественныхъ трапезъ, устрояемыхъ ламамъ при хура́лахъ. Для приготовленія пищи у Цокчѝна есть своя кухня, которая состоитъ изъ большого двора, посреди котораго вкопано въ землю до десятка мѣдныхъ и чугунныхъ котловъ такъ, что внизу ихъ можно подкладывать дрова и такимъ образомъ производить въ котлахъ варку чая и пищи. Каждый изъ такихъ котловъ вмѣщаетъ въ себѣ отъ 250 до 300 ведеръ воды. Котлы эти были дѣланы китайскими и тибетскими мастерами, о чемъ свидѣтельствуютъ отлитыя на каждомъ изъ нихъ надписи. Кромѣ имени мастера, въ надписяхъ извѣщается еще — на какія суммы отлитъ котелъ и въ какое время, почему я и

узналъ, что всѣ они принадлежатъ къ послѣднему пятидесятилѣтію и были отливаемы ламами постепенно на суммы, пожертвованныя тѣмъ или другимъ изъ халхаскихъ правителей. На ряду съ этими котлами во дворѣ всегда бываетъ раскинуто нѣсколько холщевыхъ палатокъ (ма́йханъ), въ которыхъ скрываются повара отъ солнечнаго зноя и дождя во время варки пищи, для жилища же ихъ въ сѣверо-восточномъ углу двора построенъ крѣпкій деревянный ба̀йшинъ, въ родѣ сарая. На ряду съ нимъ помѣщается еще полуразрушенная, деревянная же закутка, о которой я упоминаю какъ объ имѣющей ближайшее отношеніе къ цокчѝнской кухнѣ и, несмотря на свой жалкій видъ, пользующейся великимъ уваженіемъ хӯрѣньскихъ ламъ. Дѣло въ томъ, что въ ней передъ бурха̀нами, въ особомъ

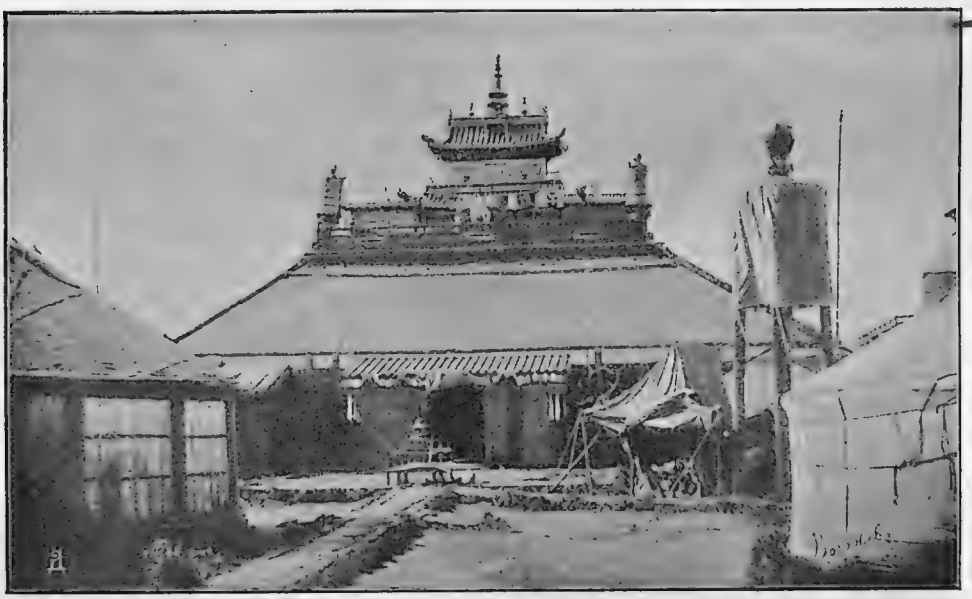
Ламская кухня при Цокчинѣ.

серебряномъ домбо̀ хранится такъ называемая «богдо̀йнъ ма́нцза» или вареный чай, по преданію, привезенный Ӱндӯръ гэгэ̀номъ изъ Тибета. Разказываютъ, что въ пору своего чудеснаго семидневнаго путешествія въ Тибетъ, Ӱндӯръ гэгэ̀нъ выѣхалъ однажды на сѣверную сторону горы Бра́йбунскаго монастыря и, увидавъ тамъ небольшой хѝтъ, послалъ въ него своего прислужника съ словами: «Я, хубилганъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты, въ семь дней прибылъ сюда изъ Халхи, соблаговолите послать мнѣ чашку вашей ма́нцзы». Гэбкӯй тамошняго цокчѝна, повидимому, не особенно обратилъ вниманіе на такую рекомендацію и категорически отвѣтилъ: «пусть хутухтӯ пріѣдетъ и пьетъ, а выносить ма́нцзу онъ не позволитъ». Гэгэ̀нъ

обидѣлся и самъ не поѣхалъ, а послалъ въ хѝтъ одного изъ своихъ шабѝнцевъ, чтобы онъ, выпросивъ мáнцзу себѣ для питья, тайкомъ принесъ ее гэгэ̀ну. Когда мáнцза была принесена, гэгэ̀нъ объявилъ, что чай этой мáнцзы сваренъ на водѣ рѣки Гà нга, и заправленъ молокомъ бѣлой львицы. Онъ привезъ этотъ чай въ Ургу и, выливъ его въ мáнцзу цокчѝнскаго хурýла, завѣщалъ, чтобы мà нцза эта велась во вѣки вѣковъ, непрерывно. Съ тѣхъ поръ цокчѝнскіе повары, при варкѣ мáнцзы, всегда отливаютъ изъ нея первое домбò и ставятъ въ помянутой закуткѣ, или, какъ говорятъ они, «гэгэ̀нэй мáнзайнъ бáйшин'ѣ», передъ бурхà нами, а при слѣдующей варкѣ выливаютъ старую мáнцзу въ новую и такимъ образомъ въ ургинскомъ цокчѝнѣ поддерживается непрерывное преемство тибетской мáнцзы.

Вторая кумирня, о которой также говорятъ какъ о назначенной для общественнаго служенія ламъ, носитъ къ просторѣчіи монголовъ названіе «дачѝнъ калбà йнъ сýмэ̀» и помѣщается теперь во дворѣ хутухтинскаго дворца. Время первоначальнаго основанія этой кумирни относится къ 4-му лѣту правленія Цянь-луна, соотвѣтствующему нашему 1739 г. Въ ту пору второй монгольскій хубилгà нъ Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты, назначивъ Вандòкъ цорчжѝ ламу учителемъ, основалъ въ Ургѣ училище для изученія тарнистѝческихъ системъ, а для служенія тарнистѝческихъ хурáловъ соорудилъ особый дацáнъ, которому и далъ названіе дачинъ-ган-линъ чжурмэтъ-дорчжи пубаралъ. Въ 1807 г., уже при четвертомъ хубилгà нѣ, кумирня эта, продолжавшая служить училищемъ «дóйнкора» и называвшаяся въ ту пору «Дачинъ-калба-гунду-кабчжи-пубаралъ, была расширена и въ ней помимо дòйнкора начали служить и многіе другіе хурáлы. Въ 1809 г., при томъ же гэгэ̀нѣ, мезонинъ этого дацà на (въ которомъ также помѣщалась кумирня), а равно и крыша его были сплошь вызолочены, причемъ во дворѣ этой кумирни впервые поставилъ свою юрту Чжэбцзýнъ дамбà хутухтý. Съ тѣхъ поръ хубилгà ны ургинскаго хутухты въ зимнее время постоянно проживаютъ около дачѝнъ калбà йнъ сýмэ̀, почему кумирня эта давно уже явилась и является до нынѣ внутри желтой гэгэ̀новской ограды, изъ-за заборовъ которой виднѣются лишь ея вызолоченные мезонинъ и крыша. Обстоятельство это значительно подкупаетъ зрителя въ пользу внѣшняго вида кумирни и она представляется ему безспорно самымъ красивымъ изъ ургинскихъ зданій. Очень многіе, не зная подробностей и вида дачѝнъ калбà йнъ сýмэ̀ за гэгэ̀новской оградой, принимаютъ эту кумирню за самый дворецъ ургинскаго хутухты; но это не правильно, ибо гэгэ̀нъ живетъ только около этой кумирни и помѣщается въ двухъ юртахъ, изъ коихъ одна деревянная, крытая войлокомъ, а другая сплошь войлочная. Сопровождавшій меня въ этой поѣздкѣ И. Ѳ. Ѳедоровъ,

проживая прежде въ Ургѣ у купца Воробьева, сдѣлалъ фотографическій снимокъ этой кумирни съ прилежащими къ ней гэгэновскими юртами, и разсмотрѣніе этого снимка показываетъ, что въ кумирнѣ только и была красива верхняя часть ея, нижній же этажъ представлялъ собою самое обыкновенное для Урги деревянное зданіе. Въ ночь съ 15-го на 16-е Января 1892 г. кумирня дачѝнъ калба́йнъ сӱмэ̀ вмѣстѣ съ юртами и службами гэгэ̀на сгорѣли почти до основанія, о чемъ въ свою пору было возвѣщено и въ нашихъ газетахъ, гдѣ говорилось еще, что монголами были понесены отъ этого пожара «громадные» убытки, что на ряду съ дворцомъ хутухты погибла его библіотека, гдѣ хранилась масса рѣдкихъ старинныхъ книгъ



Дачинъ калбайнъ сӱмэ и юрты хутухты.

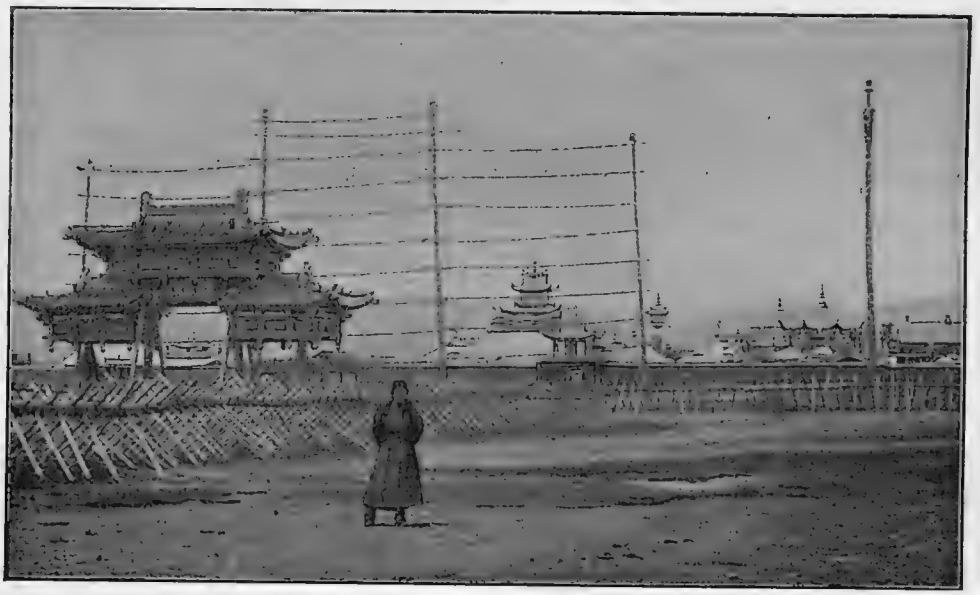
и всякаго рода историческихъ документовъ. Все это однако совершенно несправедливо и, очевидно, корреспондентъ, сообщавшій это извѣстіе, писалъ свои свѣдѣнія a priori, не зная, что гэгэ̀новская библіотека и всякаго рода историческіе документы хранятся вовсе не во дворцѣ хутухты̀, а въ его казначействѣ, или са́нѣ, да въ шанцзотби́нскомъ я̀мунѣ, которые совершенно не пострадали отъ пожара. Убытокъ отъ истребленія кумирни былъ конечно значительный, но до признанія его «громадны̀мъ» — опять-таки довольно далеко. Прибывъ въ Ургу въ Іюлѣ 1892 г., я нашелъ что, юрты гэгэ̀на были уже вновь совершенно окончены постройкою, а кумирня «дачѝнъ калба́йнъ сӱмэ̀» еще строилась, причемъ планъ и фасадъ ея остался совершенно такой же, какой былъ и до пожара, только мезонинъ былъ

сдѣланъ теперь двуяруснымъ да, вмѣсто прежнихъ китайскихъ оконъ, заклеенныхъ бумагою, вставлены русскія стекла, пожертвованныя хутухтѣ нашими бурятами. Всѣ деревянныя части мезонина и крыша его снова вызолочены и теперь буквально горятъ на солнцѣ, вмѣстѣ съ ганчжѝромъ и чжанцанàми, имѣющими форму хўрдэ и стоящими по четыремъ угламъ кумиренной кровли. Куполъ дацáна, по старому, увѣшанъ вокругъ маленькими колокольчиками, нѣжные и серебристые звуки которыхъ почти безпрерывно слышатся по Хўрэ̄ню, такъ какъ язычки ихъ приводятся въ движеніе малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра. Внутренность кумирни еще не была отдѣлана; но въ 1892 году казначействомъ гэгэ̀на уже было ассигновано на первый разъ 6000 ланъ серебра и снаряжалась особая коммиссія ламъ для покупки бурхàновъ въ Пекинѣ и Долбнъ-нўрѣ. По окончаніи постройки, кумирнѣ, конечно, будетъ преподанъ «рабнàй», или освященіе, а засимъ, относительно совершенія хурáловъ, въ ней будутъ введены старые порядки. По этимъ порядкамъ ежедневное служеніе отправляется въ дачѝнъ калбáйнъ сўмэ̀ тибетскими ламами, которые приходятъ изъ Тибета въ Монголію вмѣстѣ съ гэгэ̀номъ, живутъ вблизи гэгэ̀нскаго дворца и составляютъ какъ бы его придворный штатъ тѣлохранителей. Общественные хурàлы въ дачѝнъ калбáйнъ сўмэ̀ совершались доселѣ очень рѣдко, даже и не ежегодно. Хўрэ̄ньскіе ламы собирались здѣсь только въ тѣ дни установленныхъ общественныхъ хурàловъ, когда гэгэ̀нъ, по болѣзни, не могъ выйти въ Цокчѝнъ: кромѣ того иногда совершалось здѣсь утреннее служеніе въ день круговращенія Мáйдари. Наконецъ въ дачѝнъ калбàйнъ сўмэ̀, какъ въ дворцовую кумирню ургинскаго хутухты, всегда собираются всѣ хўрэ̄ньскіе ламы по кончинѣ гэгэ̀на, останки котораго, до времени погребенія, выносятся также въ эту кумирню.

Кумирня Дачѝнъ калбàйнъ сўмэ̀, какъ было уже замѣчено выше, располагается теперь за желтой оградой гэгэ̀новскаго двора. На южной сторонѣ этой ограды искони устроена была громадная, огороженная рогатками, площадь, назначенная для совершенія на ней поклоненій монгольскаго простонародья гэгэ̀ну. Нынѣ, посреди этой площади воздвигнуты еще такъ называемыя «янъ-пай», или деревянныя тріумфальныя ворота, нимало не пострадавшія отъ пожара 1892 года. Построены они были въ 1883 году, въ честь настоящаго восьмого хубилгàна Чжэбцзўнъ-дамбà хутухты на суммы, пожалованныя съ этою цѣлью китайскимъ богдохā номъ. По формѣ своей ворота эти представляютъ собою зданіе до 6-ти сажен. шириною и 4-хъ сажен. высоты. Построенные на четырехъ основныхъ столбахъ, они образуютъ собою три пролета, покрытые массивной и изукрашенной рѣзьбою китайской крышей. Надъ воротами прикрѣплена особая дощечка съ мон-

гольскими надписями: ᠬᠡᠪᠲᠡᠭᠡᠨ ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠵᠢᠷᠭᠤᠭᠠᠯᠲᠤ ᠪᠠᠶᠢᠷᠯᠠᠯ т. е. «съ желаніемъ радостно доставить удовольствіе»; а по бокамъ, на лѣвой сторонѣ: ᠭᠤᠷᠪᠠᠨ ᠵᠢᠯ ᠶᠢᠨ ᠡᠬᠢᠨ ᠰᠡᠷᠭᠦᠭᠡᠨ ᠤ ᠠᠷᠪᠠᠨ ᠨᠢᠭᠡᠳᠦᠭᠡᠷ ᠰᠠᠷ ᠠ » т. е. «10-й годъ правленія Гуанъ-сюй, послѣдняя осенняя луна»; и на правой: ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠵᠢᠷᠭᠤᠭᠠᠯᠲᠤ ᠴᠢᠵᠡ ᠵᠦᠩᠨᠡᠢ ᠬᠤᠪᠢᠯᠭᠠᠭᠠᠨ ᠤ ᠨᠠᠢᠮᠠᠳᠤᠭᠠᠷ ᠬᠣᠶᠠᠷ ᠳᠤᠭᠠᠷ ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠵᠢᠷᠭᠤᠭᠠᠯᠲᠤ т. е. «Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухтѣ восьмаго колѣна (или, что то же, — перерожденія)».

Къ третьему отдѣлу ургинскихъ кумирень я отношу тѣ, которыя не могутъ быть названы ни частными кумирнями, потому что онѣ не принадлежатъ одному какому-либо а̀ймаку, ни общественными, потому что въ нихъ не бываетъ хура̀ловъ общихъ всѣмъ ламамъ. Такихъ кумирень въ Ургѣ четыре: Эмчѝйнъ даца̀нъ (храмъ лекарей), Ма̀нлайнъ сўмэ̀ (кумирня



Наружный видъ желтой ограды, площадь поклоненій и тріумфальныя гэгэновскія ворота.

бурха̀на Ма̀нлы), Цзурха̀йнъ сўмэ̀ (кумирня астрологовъ) и Чжудыйнъ сўмэ̀ (кумирня, въ которой совершается служеніе исключительно по тарнистѝческимъ, то-есть, волшебнымъ книгамъ). Кумирни эти, какъ показываютъ и самыя имена ихъ, назначены для служеній, совершаемыхъ людьми, спеціально посвятившими себя изученію извѣстной науки. Такимъ образомъ, въ кумирнѣ бурха̀на Ма̀нлы, или, по-монгольски, Оточѝ бурха̀на, который почитается покровителемъ врачеванія и медицины, равно какъ въ Эмчѝйнъ даца̀нѣ для отправленія хура̀ловъ ежедневно собираются ламы-лекаря со всѣхъ хўрѣньскихъ а̀ймаковъ, при томъ съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ служатъ только возрастные, а во второмъ собираются и малолѣтки, ибо, кромѣ

отправленія хурàловъ, они читаютъ и изучаютъ здѣсь еще и свои медицинскія книги. Таковъ же и дацàнъ цзурхàйчіевъ, или астрологовъ. Внѣшній видъ этихъ кумирень одинаковъ съ шӱтэнэй ӧргӧ аймàчныхъ дугӯновъ, то-есть постройка ихъ деревянная и одноэтажная; что же касается внутренности кумирень, то онѣ отличаются отъ аймàчныхъ дацàновъ тѣмъ, что не имѣютъ отдѣльнаго шӱтэнэй ӧргӧ, а только одно хурульйнъ сӱмэ, у сѣверной стѣны котораго, какъ въ Цокчйнѣ, стоятъ изображенія бурхàновъ. Идолы, поставляемые въ этихъ кумирняхъ, составляютъ по преимуществу изображенія тѣхъ божествъ, которыя какимъ-либо образомъ извѣстны покровительствомъ спеціальности, преслѣдуемой ламами. Основаніе этихъ кумирень принадлежитъ къ различнымъ періодамъ. Эмчìйнъ сӱмэ, по біографіи ургинскихъ хутухтъ, построенъ во времена третьяго гэгэна, именно въ 1760 году [1]); лѣтопись Эрдэнìйнъ эрихэ добавляетъ, что первымъ настоятелемъ его былъ лама, вызванный изъ Тибета и имѣвшій титулъ «эрдэнй-эмчй» [2]), то-есть, драгоцѣннаго врача. Служеніе бурхàна Мáнлы впервые получило свое начало, по сказаніямъ ургинскихъ лѣтописей, въ 1805 г. [3]), а устное преданіе говоритъ, что къ этому же времени относится и построеніе кумирни Мáнлайнъ сӱмэ. Храмъ астрологовъ, или Цзурхàйнъ сӱмэ, по той же лѣтописи, построенъ четвертымъ гэгэномъ въ годъ черноватой курицы, что̀ соотвѣтствуетъ нашему 1789 году; сказаніе это подтверждается также и лѣтописью Эрдэнìйнъ эрихэ [4]).

Къ кумирнямъ, въ которыхъ богослуженія бываютъ совершаемы особливо для сего назначенными ламами, въ Ургѣ принадлежатъ двѣ: это, во-первыхъ — Барӯнъ ӧргӧ, или кумирня Абатàй хāна, перваго распространителя ламаизма въ Монголіи и искоренителя шаманства, и во-вторыхъ — кумирня Мáйдари. Барӯнъ ӧргӧ, или кумирня Абатàя, по своему внѣшнему виду и обстановкѣ еще въ первую мою поѣздку по Монголіи не могла уже быть названа кумирнею, такъ какъ въ ней заключалось черезъ-чуръ мало принадлежностей ламайскаго культа: бурхàновъ въ ней уже тогда было только три, а ламскихъ сѣдалищъ не было вовсе; однимъ словомъ, въ Барӯнъ ӧргӧ все обличало обыкновенную жилую юрту, чѣмъ, говорятъ, она и была въ древности. По преданію, это та самая юрта, въ которой жилъ Абатàй хāнъ; при внукѣ Абатàя, Ӱндӱръ гэгэнѣ, она была якобы перевезена изъ Эрдэнй цзӯскаго монастыря въ Ургӯ, причемъ въ Эрдэнй цзӯ

---

1) Чжибцзунъ дамба хутухтуинъ цацзы, л. 11-й.

2) Эрдэнìйнъ эрихэ, листъ 61.

3) Сказанія о дѣяніяхъ пяти ургинскихъ гэгэновъ, лѣтопись, пріобрѣтенная мною въ Эрдэни цзу и рукопись которой хранится у меня.

4) Эрдэнìйнъ эрихэ, л. 74-й.

остался будто бы только нижній помостъ, на которомъ утверждалась эта юрта до того времени. Перенеся юрту Абатàя въ Ургу, Ӱндӯръ гэгэнъ совершилъ надъ нею освященіе, преподаваемое ламайскимъ храмамъ, и такимъ образомъ она обратилась въ кумирню и получила названіе сӯмэ. Съ тѣхъ поръ Барӯнъ ӧргӧ кочевала вмѣстѣ съ Ургою до настоящаго времени. Съ внѣшней стороны юрта Абатàя только поразительна по своей величинѣ, такъ что стоящія на ряду съ нею обычныя юрты монголовъ кажутся предъ нею просто игрушкой. Говорятъ, что въ юртѣ Абатàя помѣщается 300 человѣкъ. Осматривая внутренность ея въ 1877 году, я находилъ ее почти совершенно пустою, но собранные въ ней, хотя немногочисленные, памятники старины дѣлали въ ту пору изъ нея нѣкоторый

Кумирня Абатая.

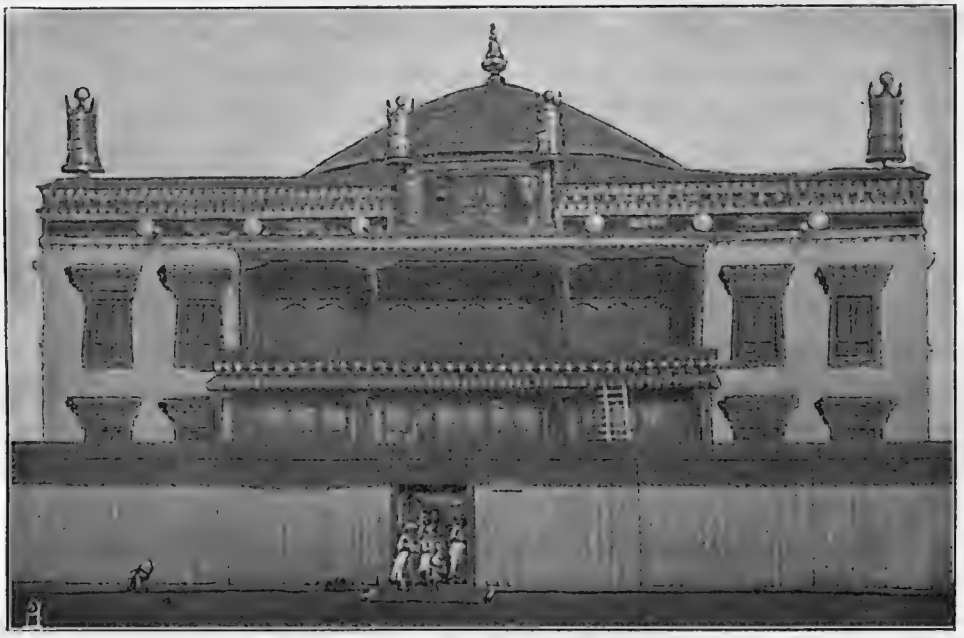
музеумъ монгольскихъ древностей. Такъ, у сѣверной стѣны ея, позади бурхановъ стояло совершенное подобіе нашего стариннаго кресла, которое называли сѣдалищемъ Абатàя, а по бокамъ его разставлены были фигуры, изображающія древнихъ богатырей, сподвижниковъ Абатàя. Простые чурбаны, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина и даже необтесанные въ форму человѣческаго тѣла, съ придѣланными руками составляли туловище, голова котораго по безобразію превосходила самыхъ ужасныхъ буддійскихъ бурхàновъ. Лицо окрашенное въ красную краску, оскаленные зубы, громадные выпученные глаза, высоко поднятыя брови, — всегдашній признакъ и выраженіе того, что́ разумѣютъ монголы подъ понятіемъ дошхинъ (грозный) — находили здѣсь полное свое примѣненіе. Чурбаны были одѣты въ хуя̀къ (пан-

цырь) и дӯлга (шлемъ), сдѣланные изъ стали и украшенные золотомъ. Монголы особливо почитали этихъ богатырей и каждый, войдя въ юрту, считалъ долгомъ прежде всего приложиться лбомъ къ ихъ плечамъ, въ надеждѣ получить черезъ это хоть часть ихъ богатырской силы. По стѣнамъ юрты были развѣшаны и разставлены принадлежности брани, какъ-то: луки, стрѣлы, щиты, сабли и проч. Хуралы совершались въ Барӯнъ ӧргӧ ежедневно двадцатью особливо назначенными для сего ламами, которые не причислялись ни къ одному изъ ургинскихъ аймаковъ и жили на содержаніи Тӱшѣтӱ хана, оставшагося теперь старшимъ изъ потомковъ Абатая. На счетъ Тӱшѣтӱ хана же, со временемъ третьяго гэгэна, содержится и вся кумирня Абатая. Въ настоящую пору Барӯнъ ӧргӧ оказалась еще пустыннѣе. Во время пожара въ январѣ 1892 г. ламы бросились спасать хранившуюся здѣсь старину: кресло Абатая и фигуры богатырей они перенесли въ лѣтній дворецъ хутухты и съ той поры предметы эти такъ и оставались тамъ до іюля 1892 г., когда я осматривалъ эту древность. Вся юрта оказалась полуистрепанною, полуприкрытою; очевидно, она находится въ какомъ-то забвеніи. Изъ бурхановъ, находившихся въ этой кумирнѣ, первое мѣсто занималъ здѣсь, по старому, Чжамсаранъ, которому притомъ доселѣ три раза въ мѣсяцъ совершается здѣсь особенное торжественное жертвоприношеніе. Причиной этого чествованія монголы выставляютъ обыкновенно въ своихъ разказахъ чудесное обстоятельство, случившееся во времена втораго гэгэна. Разказываютъ, что однажды гэгэнъ вышелъ изъ своего дворца и въ это время сверкнула молніеносная стрѣла и упала какъ разъ около гэгэна. «Гдѣ же ты былъ, Чжамсаранъ»? вскричалъ въ испугѣ гэгэнъ, разсерженный на своего божественнаго хранителя, но Чжамсаранъ показался ему изъ Барӯнъ ӧргӧ, и гэгэнъ кротко замѣтилъ, что если бы не было здѣсь Чжамсарана, было бы очень плохо. Съ тѣхъ поръ онъ повелѣлъ приносить въ Барӯнъ ӧргӧ постоянныя жертвы Чжамсарану, что соблюдается и донынѣ. Помимо сего въ Барӯнъ ӧргӧ всегда совершается особое торжественное жертвоприношеніе, именуемое «Чжамсарангійнъ данърѧкъ», въ ту пору, когда въ дворцовой кумирнѣ гэгэна отправляется хангалъ. Наконецъ въ ночь подъ первое число Цаганъ сара, или новаго года, въ Хӱрѣнь пріѣзжаетъ одинъ изъ хя (адъютантовъ) Тӱшѣтӱ хана, который приноситъ Барӯнъ ӧргӧ, отъ лица Тӱшѣтӱ хана, жертву Абатаю. Въ это время кумирня обращается въ простой домъ, въ которомъ пьютъ чай, ѣдятъ и отправляютъ всякія принадлежности пира; на этомъ торжествѣ, вѣроятно, слѣдуя обычаю древнихъ временъ Абатая, для очага никогда не употребляютъ желѣзнаго тӱлга (очага) и всегда устраиваютъ его изъ трехъ камней.

Кумирня Ма́йдари есть самое большое и высокое изъ хӯрѣньскихъ зданій. Годъ, въ который основана эта кумирня и отлитъ бурханъ, неизвѣстенъ мнѣ въ точности, потому что онъ не записанъ въ лѣтописяхъ, а сами монголы показывали мнѣ его такъ разнорѣчиво, что на истину ихъ указаній положиться рѣшительно невозможно. Я скажу только, что годъ этотъ принадлежитъ къ числу очень близкихъ къ нашимъ днямъ, ибо достовѣрно, что время сооруженія какъ кумирни, такъ и бурха̀на, относится къ періоду пребыванія въ Ургѣ пятаго ургинскаго хутухты̀, жившаго отъ 1815 года по 1842 годъ. Для болѣе точнаго опредѣленія года, эти двадцать семь лѣтъ мы можемъ сократить еще одиннадцатью годами на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, пятый гэгэ̀нъ былъ призванъ на ургинскую каѳедру въ 1820 году, и слѣдовательно, до сего времени храма Ма́йдари не существовало; во-вторыхъ, за шесть лѣтъ до смерти пятаго гэгэ̀на, а именно въ 1836 году, Урга была перенесена съ Сэ̀льби на То̄лу, причемъ кумирня Ма́йдари, уже построенная, была оставлена одинокимъ зданіемъ на долинѣ Сэ̀льби; отъ того періодъ для опредѣленія времени, въ которое построена кумирня Ма́йдари, сокращается въ шестнадцать лѣтъ, то-есть отъ 1820 г. по 1836 годъ.

Бурха̀нъ Ма́йдари, по своей величинѣ и симметричности, можетъ быть почитаемъ поистинѣ однимъ изъ образцовыхъ произведеній китайскаго искусства. Идолъ представленъ возсѣдающимъ на львиномъ престолѣ, и величина его въ этомъ видѣ отъ ступни до вершины головы равняется 40 монгольскимъ «тохо̀й», что̀ составитъ на нашу мѣру приблизительно семь саженей и два аршина. Бурха̀нъ отлитъ изъ желтой мѣди и густо покрытъ позолотою. Толщина стѣнокъ его болѣе вершка, а пустое пространство въ срединѣ, какъ и во всякомъ бурха̀нѣ, наполнено листами, исписанными молитвами; кромѣ сего, въ немъ хранится частица мощей Цзонкавы̀. Суммы для отлитія бурхана были собраны со всей Монголіи, и количество ихъ монголы опять-таки опредѣляютъ словами: «тӯмэ̀нъ ланъ», то-есть, они говорятъ такое число, которое всегда является у нихъ съ представленіемъ чего-либо очень большаго. Вѣсъ идола, говорятъ, равняется 11,000 китайскихъ пудовъ. Ма́йдари былъ отлитъ въ Долбо̄нъ-нӯрѣ, въ мастерскихъ китайца, монгольское имя котораго было Аюши-тунчжа̀нъ. Лавка этого китайца, торгующая литыми бурханами, донынѣ находится какъ въ Долбо̄нъ-нӯрѣ, такъ и въ Хӯрэ̄ни, но въ ней живутъ все новые люди, отъ которыхъ я не могъ узнать ничего положительно ни о времени производства, ни о величинѣ, или вѣсѣ бурхана. Идолъ составленъ изъ семи отдѣльныхъ частей (голова, грудь, двѣ руки, нижняя часть туловища, двѣ ноги) и по частямъ перевезенъ былъ изъ Долбо̄нъ-нӯра въ Ургу. Здѣсь

для него была построена отдѣльная деревянная кумирня, но съ перваго же года построенія она постоянно разрушалась и исправленіе ея занимало у монголовъ каждое лѣто. Какъ и всегда, ламы приписывали эту непрочность постройки чудесному обстоятельству: по ихъ понятіямъ, Ма́йдари или не хотѣлъ жить въ этой кумирнѣ, или здѣсь было нѣчто препятствующее. Снаряжено было посольство въ Тибетъ, чтобы испросить объясненій у Баньчэ̀нь-богдо̀, и послѣдній подтвердилъ первую догадку, именно сказалъ, что Ма́йдари не желаетъ жить въ кумирнѣ китайской архитектуры, и что для него нужно построить новую кумирню тибетской архитектуры, при чемъ онъ самъ будто бы начертилъ планъ и фасадъ зданія. Такимъ



Кумирня Ма́йдари.

образомъ, нужно было создать новую кумирню, и она дѣйствительно была построена во времена уже седьмого ургинскаго хутухты. Архитектура этой новой кумирни, стоящей и донынѣ, совершенно тибетская. Постройка ея деревянная и стѣны сложены изъ отдѣльныхъ брусьевъ. Такъ какъ построеніе кумирни было современно окончанію постройки въ Ургѣ дома русскаго консульства, то монголы захотѣли, по примѣру русскихъ, покрыть свою кумирню желѣзомъ, что̀ и дѣйствительно сдѣлали, хотя весьма непрочно, потому что работа эта была совершена неучеными китайскими мастеровыми, которые не умѣли даже и загнуть желѣзныхъ листовъ, а прибивали ихъ, какъ они были куплены, къ стропиламъ.

Внутренность кумирни Ма́йдари, несмотря на величину ея, представляется, какъ и всякое шӱтэ̄нэй ӧргӧ̄, чрезвычайно тѣсною. Главнѣйше это зависитъ, конечно, отъ массы самого Ма́йдари, стоящаго посреди кумирни. За нимъ у сѣверной стѣны стоятъ пять также массивныхъ бурха̀новъ, хотя величина ихъ и совершенно уничтожается громадою Ма́йдари. По стѣнамъ восточной и западной въ шкафахъ расположены литые идолы 10000 буддъ, которые якобы были отлиты четвертымъ ургинскимъ гэгэ̀номъ въ 1799 г., ради очищенія грѣха императора Цзя-цина, казнившаго при своемъ вступленіи на престолъ вельможу Ха-юна. Обстоятельство это находится въ лѣтописяхъ, но дѣйствительно ли это тѣ самые бурха̀ны — сказать, конечно, трудно. Надъ шкафами 10000 бурха̀новъ устроены хоры, и на нихъ уложены Ганьчжӱръ и Даньчжӱръ, происхожденіе которыхъ осталось для меня неизвѣстнымъ.

Кумирня Ма́йдари не имѣетъ отдѣльнаго хурулы̀йнъ-сӱмэ̀, и богослуженія совершаются въ ней въ самомъ шӱтэ̄нэй ӧргӧ̄. Для каждодневныхъ хура̀ловъ назначено здѣсь, какъ и въ кумирнѣ Абата̀я, 20 ламъ, которые также не причисляются ни къ одному изъ а́ймаковъ и содержатся на счетъ гэгэ̀на.

Помимо вышеисчисленныхъ кумирень на центральной площади ургинскаго хӱрэ̄ня можно отмѣтить еще слѣдующія зданія. Какъ разъ противъ сѣверной стѣны кумирни Ма́йдари помѣщается единственное находящееся въ Хӱрэ̄ни присутственное мѣсто. Это — я́мунь шанцзотбы̀, являющагося нынѣ не только главны́мъ правителемъ Хӱрэ̄ня, но и сосредоточивающимъ у себя высшее управленіе всѣмъ вѣдомствомъ Чжэбцзӱнъ-дамба̀-хутухты̀. По своему внѣшнему виду учрежденіе это ничѣмъ не отличается отъ другихъ ламскихъ построекъ, подобно всѣмъ имъ представляя окруженный бревенчатымъ частоколомъ хашанъ, съ красными воротами; но узнать его очень не трудно, съ одной стороны потому что въ теченіе почти цѣлаго дня у воротъ его всегда толпится масса народа, а съ другой — потому что прямо противъ воротъ его располагается судная юрта и у этого мѣста управы также всегда можно видѣть преступниковъ, сидящихъ близъ я́муня закованными въ цѣпи, или съ надѣтыми на шею тяжелыми досками тӱнкэ̀. Ворота я́муня въ теченіе цѣлаго дня бываютъ открытыми, а потому, стоя у нихъ, всегда можно видѣть какъ производится экзекуція въ монгольскихъ судахъ и слышать стоны пытаемыхъ и наказуемыхъ подсудимыхъ. Такъ какъ шанцзотба̀, являясь высшимъ правителемъ шабина̀ровъ, въ то же время состоитъ и главны́мъ казначеемъ хутухти́нскихъ имуществъ, то я́мунь его раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, а съ внѣшней стороны на четыре двора. Въ первомъ дворѣ, какъ уже было сказано, располагается управле-

ніе шабинàрами, во второмъ — хозяйственное управленіе собственно Урги и хутухтѝнскаго дворца, въ третьемъ живетъ самъ шанзотбà и находится его личная канцелярія, а въ четвертомъ (Борò öргō) — управленіе всѣми имуществами шабѝнскаго вѣдомства и особливо скотомъ и пашнями. На восточной сторонѣ кумирни Мáйдари, а равно и прямо противъ дворца гэгэ́на находится хашāнъ ургинскаго ханбō номӯнъ хāна, верховнаго правителя Хӯрēня собственно въ дѣлахъ вѣры. Хашāнъ этотъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что во дворѣ его посажено нѣсколько деревьевъ. Всѣ вѣтви ихъ увѣшаны квадратными клочками краснаго, желтаго, бѣлаго и синяго миткаля, съ начертанными на нихъ словами молитвъ и мáни; такіе же клочки прикрѣплены еще и къ веревкамъ, протянутымъ надъ заборомъ и все это развѣвается и колышется на вѣтрѣ, автоматично творя молитвы за обитателя хашāна. На западной сторонѣ кумирни Мàйдари, параллельно двору ханбō, находится ургинская «бāрыйнъ хашā», или дворъ типографіи. Здѣсь имѣется особый бáйшинъ для храненія въ немъ деревянныхъ досокъ съ вырѣзанными на нихъ ксилографическими типами печатаемыхъ сочиненій и большая юрта, въ которой производится самое печатаніе. Ургинская типографія въ настоящую пору весьма незначительна: монгольскихъ сочиненій, конечно, исключительно религіознаго содержанія, въ ней печатается не свыше двадцати и при томъ все это мелкія брошуры: нѣсколько большее число, приблизительно брошуръ до пятидесяти, издается тибетскихъ, главная же масса выходящихъ отсюда книгъ составляется изъ ламайскихъ богослужебныхъ сочиненій. Встарину на типографское дѣло въ Ургѣ обращалось больше вниманія. При четвертомъ хубилга́нѣ здѣсь начали вырѣзать доски для тибетскаго ганьчжӯра, при чемъ было вырѣзано такихъ досокъ всего на 72 тома (изъ 108 томовъ полнаго собранія ганьчжура); но со смертію четвертаго хубилга́на дѣло это прекратилось и ганьчжӯръ въ Ургѣ остается до сихъ поръ неоконченнымъ; мало того, очень многія изъ приготовленныхъ досокъ въ настоящее время уже утратились и поломались, другія избились при употребленіи, такъ что ургинскій ганьчжӯръ можно считать почти не существующимъ, хотя бѣдные халхаскіе монастыри все же пріобрѣтаютъ его, дополняя недостающее рукописью.

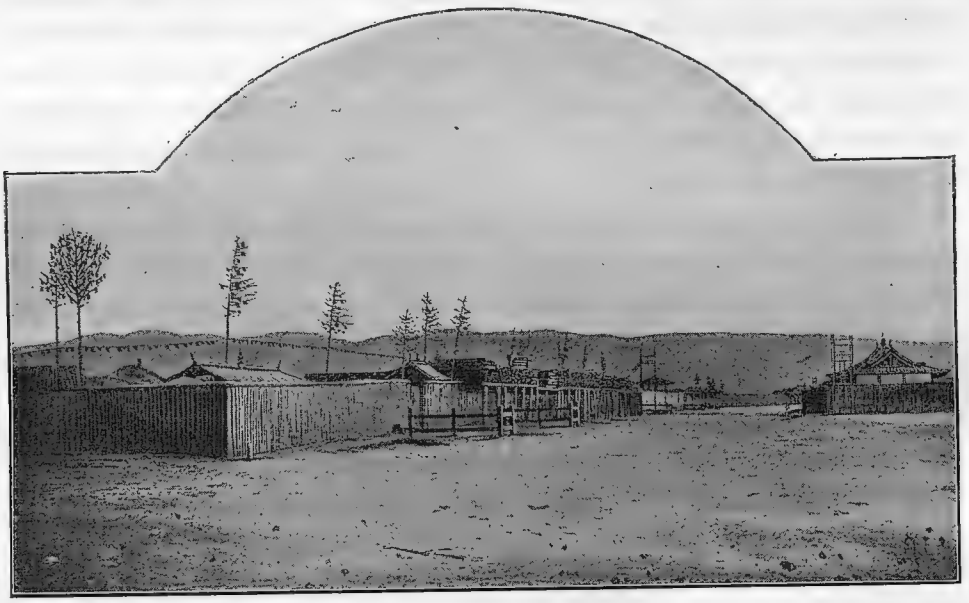
Отъ этихъ частныхъ описаній переходя къ общему изложенію быта Хӯрēня, прежде всего должно замѣтить, что населеніе его въ настощее время состоитъ исключительно изъ ламъ. Китайскія лавки и жилища торговцевъ, всегда помѣщавшіяся около Хӯрēня, никогда не имѣли своего постояннаго мѣстопребыванія въ срединѣ его и эта отдѣльность китайскихъ поселеній относилась не только ко времени существованія Хӯрēня на Сэльби и Тōлѣ, но и къ болѣе раннему періоду. Слѣды Хӯрēня, кочевавшаго въ

мѣстности Сэ̄рь въ 1720 г., сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ, что и въ то время китайскіе торгаши жили отдѣльно отъ ламскаго города, хотя и не въ далекомъ отъ него разстояніи. Что же касается монголовъ, то мы имѣемъ основаніе думать, что они жили внутри Хӱрэ̄ня. Такъ, въ 1763 г., 12-го числа четвертой луны былъ данъ въ Пекинѣ высочайшій указъ, вызванный докладомъ ургинскихъ амба̀ней и рѣшающій различные вопросы относительно жизни гэгэ̀на и Урги. Въ приказѣ этомъ, между прочимъ, говорилось: «Невозможно, чтобы въ Хӱрэ̄ни, гдѣ живетъ хутухтӯ, жили совмѣстно мужчины и женщины, а посему должно воспретить проживаніе женщинъ въ Хӱрэ̄ни, о чемъ и сообщается къ исполненію амба̀ню Санцза̀йдорчжѝ». На сколько исполненъ былъ этотъ приказъ, неизвѣстно, но въ настоящее время населеніе Хӱрэ̄ня, какъ уже было сказано, чисто ламское. Правда, почти въ каждомъ ламскомъ дворѣ непремѣнно имѣется старуха— «шибаганца̀» (монахиня), на обязанности которой лежитъ варить чай, готовить пищу и исполнять немногочисленныя работы въ ла́мскихъ жилищахъ, но этихъ старухъ едва ли даже можно считать за населеніе: онѣ являются безличными личностями.

Внѣшній видъ Хӱрэ̄ня для европейца долженъ показаться очень непривлекательнымъ. Онъ расположенъ кру̀гомъ, пересѣкаемымъ крестообразно двумя широкими улицами (хӱрэ̄нэй ӯдэ), сходящимися въ самомъ центрѣ Хӱрэ̄ня и образующими широкую площадь, на которой стоятъ только что описанныя, не аймà чныя кумирни Хӱрэ̄ня, дворецъ гэгэ̀на, я́мунь шанцзотбы̀ и принадлежащія къ нимъ зданія. Вокругъ площади расположены аймà чные дугу̀ны и жилища числящихся при нихъ ламъ. Все это пространство испещрено мелкими улицами, переулками и закоулками (гутумчжѝ), въ которыхъ подъ-часъ не только невозможно проѣхать одному экипажу, но и съ трудомъ могутъ разойтись три человѣка. По общему обычаю азіятовъ, ламы не строятъ своихъ домовъ на улицу и, въѣхавъ въ Хӱрэ̄нь, нельзя видѣть ничего, кромѣ заборовъ (хаша̄) и воротъ (ӯдэ). Заборы, ради защиты отъ воровъ, устраиваются всегда очень высокіе, изъ стоячихъ бревенъ лиственницы, а небольшія створчатыя ворота всегда окрашены въ красную краску, увѣнчаны дощечкою съ вырѣзаннымъ «омъ», къ которой прикрѣплено еще сверху вѣтряное хӱрдэ. Чтобъ еще труднѣе было перелѣзать черезъ заборы, богатые пристраиваютъ къ нимъ внутри двора навѣсы, а на верху этихъ навѣсовъ складываютъ дрова, такъ что ограда сажени въ три съ половиною въ вышину въ Ургѣ вовсе не можетъ быть почитаема рѣдкостью. Надъ заборами важныхъ чиновныхъ лицъ протягиваются еще веревки, къ которымъ прикрѣпляются квадратные четыреугольные клочки шелковыхъ и бумажныхъ матерій съ начертанными на

нихъ священными изреченіями и словами молитвъ; назначеніе ихъ то же, что̀ и вѣтрянаго хӯрдэ. По обѣимъ сторонамъ воротъ въ каждомъ домѣ, для привязи лошадей пріѣзжающихъ, вкопаны невысокіе деревянные столбы. Таковъ наружный видъ всѣхъ ургинскихъ улицъ. Внутри хашà, по обыкновенію, стоятъ двѣ монгольскія юрты: это зимнее жилище ламы и его кухня; если лама богатъ, то, кромѣ того, онъ строитъ еще деревянный домъ (ба́йшинъ), гдѣ проводитъ лѣто. Къ зимнему жилищу — войлочной юртѣ — въ Ургѣ у всѣхъ придѣлываютъ для защиты отъ вѣтра деревянныя сѣни (кӯцзӯбчи).

При такомъ населеніи и бытѣ Хӯрэ̄ня естественно, что на улицахъ его почти не видно никакой жизни. Монголы-богомольцы, переходя изъ



Хамбинская улица въ Хӯрэ̄ни (Хӯрэ̄нэй ӯдэ).

одной кумирни въ другую, бродятъ по улицамъ Хӯрэ̄ня развѣ до 11 ч. утра, то-есть до того времени, пока еще не кончились службы въ кумирняхъ и не затворились ворота дворца гэгэ̀на, раздающаго по утрамъ свои благословенія, а за симъ всѣ поклонники или сидятъ въ юртахъ своихъ знакомыхъ ламъ, или же проводятъ цѣлый день свой на торговой площади за Хӯрэ̄немъ. Здѣсь же проводитъ свой вѣчный досугъ и большинство ламъ. Такимъ образомъ улицы Хӯрэ̄ня въ теченіе большей части дня такъ бываютъ пустынны, что можно проѣхать черезъ весь Хӯрэ̄нь и встрѣтить только пять, шесть человѣкъ, несмотря на сравнительно большую массу населенія. Значительная кучка народа всегда толпится у я́муня шанц-

зотбы, но за исключеніемъ сего повстрѣчать гдѣ-нибудь народъ почти невозможно: жители Хўрѣня весь свой день проводятъ на рынкѣ.

Хўрѣнскій рынокъ находится на западной сторонѣ Хўрѣня и ламскихъ жилищъ. Прежде онъ былъ расположенъ собственно въ степи, за ламскимъ городомъ, но съ половины 60-хъ годовъ рыночную площадь начали мало-по-малу окружать, съ западной стороны ея, постройки китайскихъ и русскихъ лавокъ, и, умножаясь съ каждымъ годомъ, они уже къ концу 1870-хъ гг. окружили ее со всѣхъ сторонъ и сами по себѣ составляли добрую половину Хўрѣня, въ настоящую же пору эта часть города разрослась ещу больше. Въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ здѣсь образовалось восемь новыхъ улицъ и все это сплошь занято домами торговцевъ, захватывающими теперь почти все пространство отъ Хўрѣня до Гáндана. Въ народномъ языкѣ монголовъ разсматриваемая часть Хўрѣня называется «дамнўрчинъ», каковое названіе происходитъ отъ глагола «дамнахў», что значитъ «нести на плечахъ». Не трудно догадаться, что въ этомъ названіи кроется историческая подкладка, ясно изображающая былое хўрѣньскаго рынка, ту пору, когда сюда сходились для торговли лишь мелочные продавцы, приносившіе свои товары на плечахъ и ежедневно удалявшіеся въ Маймачэнъ при закатѣ солнца. Теперь все это давно уже отошло въ область преданій. Памятникомъ когда-то бывшей здѣсь разносной торговли осталась только четыреугольная площадь, которую человѣкъ, незнакомый съ дѣломъ какъ должно, легко можетъ почесть за средину собственнаго Хўрѣня, такъ какъ она одною своею стороною соприкасается именно ламскимъ постройкамъ. Лицемъ къ площади обращены въ настоящее время прежде всего всѣ постройки русскихъ купцовъ, торгующихъ, проживающихъ, или имѣющихъ свою собственность въ Ургѣ. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ домъ компаніи Коковина и Басова, лучшее и единственное двухъэтажное зданіе въ торговой части Хўрѣня; далѣе за нимъ будутъ слѣдовать дома кяхтинскихъ мѣщанъ М. Н. Лушникова, К. Р. Огородникова, купца Н. Н. Шулынгина, кяхтинскаго мѣщанина Л. А. Березина, компаніи Батуевыхъ и наконецъ неживущаго нынѣ въ Ургѣ купца А. И. Воробьева. Къ сожалѣнію, должно сказать, что внѣшній видъ хўрѣньскаго рынка много утратилъ за послѣднее пятнадцатилѣтіе и это именно вслѣдствіе того, что число русскихъ лавокъ сократилось на площади почти вдвое. Такъ Воробьевъ, Березинъ и Шулынгинъ прекратили свою торговлю вовсе; Батуевы имѣютъ лишь во дворѣ незначительный складъ товаровъ, которые служатъ имъ исключительно при разсчетахъ съ монголами, доставщиками чая; остается слѣдовательно фирма Коковина и Басова, да торговцы Лушниковъ и Огородниковъ, которые только и имѣютъ

свои открытыя лавки, производя изъ нихъ розничную продажу товаровъ. Взамѣнъ сократившихся трехъ русскихъ лавокъ здѣсь вдесятеро, если не больше, возросло число лавокъ китайскихъ, положеніе которыхъ такъ измѣнилось, что ихъ необходимо теперь разсматривать совершенно отдѣльно отъ ургинскаго Маймачэна, служившаго прежде центромъ китайской торговли въ Ургѣ.

Наилучшими по обстановкѣ и богатству лавками въ Хўрѣни являются лавки пекинскихъ торговцевъ. Таковы лавки: Жэнь-хо-и 義和人 монгольское имя «Байнъ мўнкў»; Вань-шэнъ-цзинъ 京盛萬 Лунъ-шунь-юй 玉順隆 Хэнъ-хо-и 義和恆 Жэнь-хо-хо 厚和人 Вань-тай-хао 號泰萬 Тунъ-синъ-и 義興通 Дунъ-фу-ю 有富東 монгольское имя «Баиртў», Тунъ-хо-хао 號和通 Лунъ-хо-юй 玉和隆 Лунъ-чанъ-юй 玉昌隆 монгольское имя «Бэчжинъ-бату», Фу-лай-хао 號來福 Лунъ-синъ-хао 號興龍 монгольское имя «Бэчжинъ-аюши, Чанъ-синъ-хо 厚興長 Ма-шэнъ-хао 號生 Фу-кунъ-чай, И-фынъ-хао 號豐義 Вань-тунъ-хао 號通萬 Юнъ-цзюй-гунъ 公聚永 Чанъ-дэ-тай 泰德長 Тянь-цзюй-дэ 德聚天 Цзюй-фынъ-хэнъ 恆豐聚 Сѣ-хо-гунъ 公和協 монгольское имя «Хэ-шиктў», Цюань-цзюй-дэ 德聚全 Гунь-лань-чай 桂 Фу-кунъ-чай и другія; всего на хўрѣньскомъ рынкѣ имѣется до 35 пекинскихъ лавокъ. Въ pendant съ ними могутъ быть поставлены только очень не многіе торговые дома шаньсійцевъ, каковы: Куанъ-чэнъ-тай 泰全廣 Да-шэ-ми (монгольское имя «Дашй-дондокъ), И-хэ-цзунъ и проч. По общему обычаю китайцевъ, ни одна изъ перечисленныхъ пекинскихъ лавокъ не имѣетъ своимъ хозяиномъ одного какого-либо купца, но всѣ онѣ принадлежатъ отдѣльнымъ торговымъ компаніямъ, причемъ собственно хозяева лавокъ никогда почти и не живутъ въ Хўрѣни. Несмотря на относительный внѣшній блескъ, всѣ эти лавки въ существѣ дѣла не имѣютъ за собою ничего солиднаго и въ самомъ Пекинѣ торговцы ихъ принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ къ тому среднему и даже низшему классу коммерсантовъ, которые ведутъ свои дѣла за Ань-динъ-мыньскими воротами. Намѣреваясь открыть свою торговлю въ Монголіи и въ частности въ Ургѣ, эти торговцы еще въ Пекинѣ составляютъ компанію, получаютъ въ кредитъ деньги или товаръ у какого-нибудь богача (цай-цзу) и съ этими товарами ѣдутъ въ Ургу для открытія торговли, стараясь придать здѣсь своимъ лавкамъ прежде всего внѣшній блескъ, который выражается между прочимъ и въ относительной чистотѣ, отличающей собою именно пекинскія лавки. Самыя зданія пекинскихъ лавокъ устраиваются, конечно, по одному общему образцу китайскихъ торговыхъ заведеній, подробное описаніе расположенія

и фасада которыхъ будетъ представлено нѣсколько ниже, въ трактатѣ о спеціально торговой части Урги, — Маймачэнѣ, теперь же я скажу только, что никогда и ни у кого изъ ургинскихъ торговцевъ не бываетъ такой наружной отдѣлки, такой рѣзьбы, такого мелкаго рисунка и такихъ яркихъ красокъ на воротахъ и окнахъ, какія встрѣчаются въ зданіяхъ пекинскихъ лавокъ. Вывѣски ихъ, также всегда изящныя и хитроумныя, пишутся непремѣнно на двухъ языкахъ,—китайскомъ и монгольскомъ; но на китайскомъ, не извѣстномъ монголамъ, они изображаютъ только три іероглифа своей фамиліи, на монгольскомъ же качества лавки описываются нѣсколько подробнѣе. Вотъ для примѣра текстъ одной изъ такихъ вывѣсокъ: ᠪᠠᠢᠵᠢᠨ ᠪᠠᠭᠠ ᠨᠢ ᠪᠣᠮᠪᠠ ᠬᠣᠲᠠ ᠤᠨ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠪᠠᠢᠵᠢᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠰᠠ

Вся эта, сравнительно опрятная и изящная обстановка невольно подкупаетъ въ пользу пекинской лавки всякаго покупателя, начиная съ европейца и оканчивая монголомъ. При счастливомъ ходѣ дѣлъ, компанія, получая въ Монголіи хорошіе барыши, скоро богатѣетъ и становится на ноги; но нерѣдко также бываетъ и то, что она черезъ пять, шесть лѣтъ торговли закрываетъ свои ворота отъ кредиторовъ и объявляетъ себя несостоятельной. Замѣчательно однако, что даже за день до объявленія своей несостоятельности пекинская лавка всегда удерживаетъ свой обычный лоскъ и ее можно легко отличить, напримѣръ, отъ шаньсійской по обстановкѣ, богатству и составу товаровъ. Изъ произведеній Собственнаго Китая въ каждой пекинской лавкѣ всегда можно найти лучшія шелковыя ткани: канфы, гарнитуры и легкія матеріи, въ родѣ фанцзы, дурдýновъ (янъ-чжоу), чи-цюй-чоу и проч. Шерстяной и бумажный товаръ въ пекинскихъ лавкахъ преимущественно европейскаго производства. Помимо того здѣсь всегда изобиліе выдѣлываемыхъ въ Пекинѣ принадлежностей монгольскаго быта по всѣмъ сторонамъ народной жизни, начиная съ религіозной и общественной и оканчивая домашнею обстановкой и богатой княжеской юрты, и самой бѣдной кухни. Такимъ образомъ здѣсь продаются всѣ сорты религіозныхъ музыкальныхъ инструментовъ; различныя принадлежности жертвъ и жертвенные сосуды; всѣ роды шапокъ и привѣсокъ ламайскихъ жрецовъ и проч.; монгольскіе князья находятъ здѣсь для себя всѣ роды шариковъ и другихъ внѣшнихъ отличій своего ранга, покупаютъ всѣ необходимыя для нихъ канцелярскія принадлежности, для своей домашней обстановки они пріобрѣтаютъ здѣсь вазы, служащія къ украшенію комнатъ, фонари, картины, статуетки и т. п. различныя бездѣлушки. Послѣдній отдѣлъ всегда бываетъ особливо богатъ въ пекинскихъ лавкахъ, потому что составъ его не ограничивается однимъ пекинскимъ, но пополняется еще и европейскимъ производствомъ: европейскіе часы, барометры, термометры, вазы, статуетки, шкатулочки, диковинныя игрушки съ машинками и безъ оныхъ, — все это можно повстрѣчать если не во всѣхъ, то въ весьма многихъ пекинскихъ лавкахъ. Для степнаго монгола-бѣдняка здѣсь есть: донбò, деревянныя, фарфоровыя и каменныя чашки, или шāцзаны, разнаго рода ковши и ложки, рабочіе инструменты и пр.

Генеральное полученіе товаровъ пекинскими лавками въ Хўрѣни бываетъ два раза въ годъ — весною и осенью, мелочными же партіями они приходятъ неопредѣленно, по два, по три и даже до десяти разъ въ годъ, что обусловливается уже богатствомъ лавки и особо усвоенными у пекинскихъ торговцевъ порядками жизни и образомъ веденія дѣла.

Надлежитъ замѣтить, что пекинскія лавки обыкновенно содержатъ у

себя очень много прислуги. Самая незначительная лавка имѣетъ у себя пять, шесть человѣкъ приказчиковъ, богатыя же фирмы содержатъ по сорока, пятидесяти и даже до восьмидесяти человѣкъ. Приказчики пріѣзжаютъ обыкновенно мальчиками лѣтъ 10-ти, 12-ти и первоначально служатъ безъ жалованья; года черезъ четыре или пять имъ назначается содержаніе, но во все это время приказчикъ не считается еще лицомъ довѣреннымъ: онъ слуга, работникъ и отъ него требуется работа безъ всякихъ льготъ и отдыховъ; домой, на родину, онъ можетъ поѣхать только тогда, когда возьмутъ его въ качествѣ работника, въ противномъ случаѣ, пожелавъ ѣхать домой, онъ долженъ получить полный разсчетъ. Прослуживъ нѣкоторое время на жалованьи, приказчикъ, конечно, заслужившій довѣріе, принимается фирмою въ компанію и начинаетъ получать опредѣленный %, низшею единицею котораго считается 1 *ли* съ каждаго лана валоваго дохода, т. е. $^1/_{1000}$ % со всего проданнаго товара. Съ этой поры бывшій приказчикъ, какъ компаньонъ и до нѣкоторой степени хозяинъ фирмы, получаетъ право ѣздить домой на свиданіе съ родственниками въ такой, впрочемъ, мѣрѣ: получающій отъ одного до пяти *ли* % имѣетъ право на поѣздку черезъ три года; получающій свыше 5 *ли* пользуется правомъ поѣздки черезъ два года; наконецъ получающіе 10 *ли*, или 1 фынъ, уже могутъ жить прямо на родинѣ и обязаны пріѣзжать въ Ургу лишь по очереди, срокомъ не болѣе какъ на одинъ годъ. Отъ ихъ воли и желанія зависитъ, конечно, жить въ Ургѣ болѣе долгое время, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ право ѣздить въ Китай ежегодно. Многіе изъ такихъ заслуженныхъ компаньоновъ не пріѣзжаютъ даже вовсе въ Ургу, ведутъ особое дѣло въ Пекинѣ и только получаютъ своихъ 10 *ли* % отъ ургинской торговли. Этотъ обычный порядокъ обусловливаетъ собою еще и то ярко бросающееся въ глаза обстоятельство, что въ ургинскихъ лавкахъ изъ Пекина никогда не встрѣчается пожилыхъ торговцевъ, — самые старшіе изъ нихъ 40, 45 и не болѣе 50 лѣтъ. Такъ какъ богатыя пекинскія лавки имѣютъ у себя много приказчиковъ въ разрядѣ компаньоновъ, то понятно, что такого рода поѣздки встрѣчаются у нихъ по пяти, шести разъ въ годъ и при каждомъ возвращеніи приказчикъ-компаньонъ везетъ въ свою лавку новые товары; отсюда то и происходитъ неопредѣленное число полученія товаровъ пекинскими лавками.

Фирмы, успѣшно ведущія свои дѣла въ Ургѣ, обыкновенно заботятся о томъ, чтобы имѣть у себя нѣсколько лавокъ. Такъ фирма Жэнь-хо-и имѣетъ въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ хўрѣньскаго рынка 4 лавки; фирмы Дунъ-фу-ю, Лунъ-хо-юй, Синъ-хо-гунъ, Жэнь-хо-хо, Фу-лай-дунъ и др. по двѣ лавки и т. д. Дѣлается это, конечно, въ разсчетѣ

на то, чтобы имѣть большее число оборотовъ, ибо монголъ, не купившій нужнаго ему товара въ одной лавкѣ, идетъ и покупаетъ въ другой, или въ третьей, совершенно не подозрѣвая, что лавки эти принадлежатъ одной и той же компаніи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа монголовъ только очень не многіе и при томъ мѣстные жители посвящены въ эту тайну китайцевъ, тѣмъ болѣе, что для вящшаго сокрытія ея китайцы даже и лавкамъ этимъ даютъ различныя названія. Пекинскія лавки никогда не бываютъ извѣстны у монголовъ подъ ихъ китайскимъ именемъ, — монголы даютъ имъ свое прозвище и это обстоятельство значительно облегчаетъ для китайцевъ возможность достигать помянутой цѣли. Такъ старѣйшая и наиболѣе обширная лавка Жэнь-хо-и извѣстна у монголовъ подъ именемъ лавки Баѝнъ-мӯнкӯ, а вторая лавка той же фирмы, находящаяся не болѣе какъ въ 200 шагахъ отъ первой, называется лавкою Буѝнъ-дэльгэ̀ра, третья — лавкою Мишѝка и т. д.

Менѣе состоятельныя пекинскія лавки помѣщаются теперь уже не на площади, а въ переулкахъ; они не имѣютъ собственныхъ домовъ и торгуютъ въ наемныхъ ба̀йшинахъ. Лавки ихъ въ такихъ случаяхъ выходятъ прямо на улицу и въ большинствѣ совершенно открытыя. Товары у нихъ тѣ же самые, только въ меньшемъ количествѣ. Съ другой стороны, въ этихъ лавкахъ можно находить прекрасныя вещи пекинскаго издѣлія, какихъ не найдешь, пожалуй, и въ богатыхъ лавкахъ: такъ, напримѣръ, здѣсь попадаются старинныя вещи изъ фалани, дорогія вазы и статуетки, можетъ быть, случайно купленныя этими торговцами на пекинскомъ толкучемъ рынкѣ и вывезенныя въ Ургу.

Изъ числа хӯрэ̄ньскихъ лавокъ, принадлежащихъ шаньсійскимъ купцамъ, богатыя представляютъ собою ничто иное, какъ отдѣленія для розничной продажи лао-сирскихъ торговыхъ домовъ и складовъ, находящихся въ ургинскомъ Маймачэ̀нѣ. Менѣе богатыя и наконецъ вовсе мелочныя лавки торгующихъ на хӯрэ̄ньскомъ рынкѣ шаньсійцевъ пріобрѣтаютъ даже всѣ свои товары изъ ургинскаго Маймачэ̀на. По внѣшности дѣятельность этихъ мелочныхъ лавокъ кажется самою обширною и всегда полны онѣ покупателей. На серебро, или чай онѣ не торгуютъ почти вовсе, но въ обмѣнъ на свой товаръ принимаютъ отъ монголовъ рѣшительно все: и шерсть, и волосъ, и овчину, и войлока, словомъ, всевозможныя произведенія монгольской степи. Все это засимъ каждое утро переправляется ими изъ Хӯрэ̄ня въ Маймачэ̀нъ, къ тамошнимъ оптовымъ торговцамъ, въ уплату за взятый въ долгъ товаръ. Каждый день поэтому можно видѣть сотни двуколесныхъ телѣгъ, запряженныхъ мулами, ослами и быками, которыя движутся изъ Хӯрэ̄ня въ Маймачэ̀нъ, будучи нагружены перечисленными

видами сырья. Особливо много пришлось мнѣ видѣть скотскихъ кожъ, которыя, по словамъ китайцевъ, развѣ $^1/_{10}$ частью идутъ въ Пекинъ, все же прочее количество ихъ направляется въ Кяхту. Разсматриваемыя лавки по преимуществу служили расширенію Хўрэ̄ня и ими же сполна заняты возникшія здѣсь за послѣднее 15-тилѣтіе восемь новыхъ боковыхъ улицъ.

Помимо этихъ мелочныхъ торговцевъ на боковыхъ улицахъ хўрэ̄ньскаго рынка помѣщаются:

1) Кондитерскія лавки, въ числѣ пяти, торгующія исключительно пряниками и сладкими хлѣбцами.

2) Двѣ свѣчныя лавки съ находящимися при нихъ мастерскими, въ которыхъ и выдѣлывается продаваемый въ этихъ лавкахъ товаръ, въ видѣ красныхъ и бѣлыхъ свѣчей.

3) Му-чжаны (木 匠), или столяры и плотники, общая сумма заведеній которыхъ въ Хўрэ̄ни свыше 40. Помѣщеніе ихъ всегда легко узнать, потому что дворы ихъ завалены досками и лѣсомъ. Работы производятся у нихъ ежедневно, ибо помимо исполненія заказовъ они приготовляютъ еще на продажу монгольскіе столики и скамеечки, ларчики для складыванія ламскихъ книгъ, небольшія шкатулки, сундуки, пепельницы для курительныхъ свѣчей и проч. Китайскіе столяры приходятъ въ Ургу преимущественно изъ Калгана. Въ Хўрэ̄ни, кажется, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ собственнаго дома, но всѣ они живутъ въ наемныхъ квартирахъ, уплачивая въ годъ за свое помѣщеніе отъ 8 до 12 мѣстъ кирпичнаго чая.

4) Тунъ-чжаны (銅 匠) — мѣдники и вообще занимающіеся обработкою металловъ имѣютъ здѣсь до 20 мастерскихъ. Главное и всегдашнее занятіе ихъ въ Ургѣ составляетъ приготовленіе бурха̀новъ, остальные же предметы они выдѣлываютъ только по заказу. Наибольшее число мѣдниковъ и бурханодѣловъ приходитъ въ Ургу изъ Долō̄нъ-нўра. Чеканимые ими бурха̀ны не отличаются красотою и изяществомъ отдѣлки, но цѣны на нихъ, говорятъ, значительно дороже пекинскихъ и долō̄нъ-нўрскихъ, въ чемъ я убѣжденъ былъ и собственнымъ опытомъ.

5) Живописцы, извѣстные подъ монгольскимъ названіемъ цзура̄чи, приходятъ въ Ургу главнымъ образомъ изъ провинціи Шань-си, особливо изъ У-тай'я и Инь-чжоу. Общее число мастерскихъ ихъ не превышаетъ семи, но и эти влачатъ свое существованіе крайне бѣдно. Исключеніе въ данномъ случаѣ представляютъ собою только тѣ ремесленники, которымъ удается принять на себя подрядъ въ гэгэ̀новскомъ казначействѣ. Трудъ ихъ въ данномъ случаѣ если и не оплачивается особенно дорого, то все-таки они имѣютъ постоянную работу по заказу: рисуютъ бурха̀новъ на полотнѣ, раскрашиваютъ и золотятъ бурха̀новъ приготовленныхъ изъ де-

рева, глины и папье-маше, наконецъ исполняютъ и всякаго рода другіе заказы по своей спеціальности. Квартиры у большинства цзурāчиновъ малы и грязны до невозможности; помѣщаются они обыкновенно гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ, никогда не занимая бāйшина свыше двухъ цзя̀новъ и уплачивая за такую квартиру около 10 чаевъ, т. е. приблизительно 3 р. въ мѣсяцъ.

6) Гутулчѝ, или сапожники, встрѣчаются изъ самыхъ различныхъ мѣстностей сѣвернаго Китая, начиная отъ Гань-чжоу, до Гу-бэй-коу включительно. Мастерскія ихъ также не велики и по внѣшнему виду едва ли не грязнѣе и бѣднѣе, чѣмъ у цзурāчиновъ. Собственныхъ лавокъ гутулчѝны у себя почти никогда не имѣютъ и выдѣлываемую обувь обыкновенно сбываютъ для продажи въ богатыя китайскія лавки. Кожу покупаютъ въ Маймачэ̀нѣ исключительно русскую и притомъ у мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ. Больше всего требуется кожа выдѣлки Иркутскихъ и Томскихъ кожевенныхъ заводовъ, изъ кяхтинскихъ же идетъ болѣе другихъ только выдѣлки завода Матренинскаго.

7) Нѣсколько богаче гутулчѝновъ живутъ эльдӯрчин'ы, т. е. мѣховщики, занимающіеся выдѣлкою кожъ, которыхъ въ настоящую пору считается 12 заведеній. По происхожденію всѣ они шаньсійцы, а по достатку люди, пожалуй, даже зажиточные, ибо каждый изъ нихъ ведетъ дѣло не менѣе какъ на 5—6 тысячъ рублей; но принимая во вниманіе, что оборотъ ихъ капитала совершается только однажды въ годъ, они не дозволяютъ себѣ ничего излишняго сравнительно съ другими ремесленниками. Главнѣйшій матеріалъ для своей обработки—бараньи и козьи кожи—они пріобрѣтаютъ тутъ же, въ Хӯрэ̄ни, отъ хӯрэ̄ньскихъ яргачѝновъ, или мясниковъ. Имѣя въ виду, что въ Хӯрэ̄ни ежедневно убивается не менѣе 200 барановъ и козъ, а иногда число потребляемыхъ въ день животныхъ бываетъ и свыше тысячи, легко понять, что кожъ здѣсь вполнѣ достаточно для 12 и даже болѣе заведеній. Каждый эльдӯрчинъ имѣетъ у себя подряженныхъ монголовъ-яргачѝновъ, которые только ему одному и сдаютъ кожи убиваемыхъ ими животныхъ. Каждое утро можно видѣть поэтому, какъ яргачѝны несутъ къ своимъ эльдӯрчинамъ цѣлыя связки кожъ. Сборъ кожъ производится эльдӯрчинами въ теченіе цѣлаго года, а выдѣлка ихъ только лѣтомъ. Такъ какъ ургинскія власти запрещаютъ китайцамъ портить воду р. Тӧлы, то вымочка кожъ, при выдѣлкѣ ихъ, производится только въ ручьяхъ и протокахъ. Кожи китайской выдѣлки считаются менѣе прочными и теплыми, чѣмъ монгольскаго дубленія, такъ какъ китайцы черезчуръ уже сильно выскабливаютъ мездру; но зато мѣха, обработанныя китайцами, несравненно мягче и нѣжнѣе монгольскихъ. Выдѣланныя кожи эльдӯрчины про-

дают, впрочемъ, въ весьма незначительномъ количествѣ въ ихъ натуральномъ видѣ; но гораздо чаще кроятъ ихъ и шьютъ изъ нихъ одѣяла и шубы. Зимою они выносятъ этотъ товаръ свой на базаръ, развѣшиваютъ его, ради удобства въ осмотрѣ, на жердяхъ и по заборамъ и выручаютъ отъ продажи весь капиталъ, затраченный лѣтомъ на пріобрѣтеніе и обработку кожъ.

Далѣе слѣдуютъ ремесленники, уже не имѣющіе у себя торговыхъ заведеній, таковы:

8) Портные (縫 裁) цай-фынъ, выговариваемое монголами «цай-пунъ», которые почти не живутъ въ Хўрѣни, а нанимаютъ себѣ помѣщенія главнымъ образомъ въ Маймачѣнѣ. Въ 1892 г. въ Хўрѣни проживало только два портныхъ; своихъ лавокъ они, какъ и сапожники, не имѣли и даже не сдавали своихъ произведеній въ китайскія лавки, а исполняли только заказы по приготовленію одежды для проживающихъ въ Хўрѣни китайцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ незначительнымъ спросомъ на мастеровыхъ этого рода, обусловливается и незначительность ихъ количества, хотя цѣны на портняжныя работы стоятъ здѣсь сравнительно очень высокія. Такъ за пошитье зимняго мѣховаго, или стеганнаго на ватѣ халата берутъ обыкновенно отъ 10 до 12 кирпичей чая, т. е. отъ 3 р. 50 к., до 4 р. 20 к., а за пошитье лѣтняго халата 8—9 кирпичей, т. е. 2 р. 80 к. и 3 р. 15 к.

9) Нѣсколько больше чѣмъ портныхъ, хотя также весьма незначительное количество въ Хўрѣни и парикмахеровъ, извѣстныхъ подъ монгольскимъ именемъ «ўсўчѝновъ». Открытыхъ заведеній они не имѣютъ, а отправляютъ свои обязанности или на своихъ квартирахъ, или еще обыкновеннѣе по мѣстожительству нуждающихся въ ихъ услугахъ. Китайскіе торговцы, всѣ безъ исключенія, имѣютъ у себя годовыхъ парикмахеровъ, которымъ помѣсячно уплачиваютъ заработанныя ими деньги. Впрочемъ, несмотря на этотъ годовой подрядъ и мѣсячную расплату, разсчетъ ведется все-таки задѣльно, по количеству исполненной работы. Обычныя условія таковы: парикмахеръ, нанявшись въ извѣстную фирму, или извѣстный домъ, обязанъ черезъ каждые пять дней перечесывать косы у всѣхъ принадлежащихъ этой фирмѣ, или этому дому китайцевъ, а помимо того лѣтомъ черезъ 15, а зимою черезъ 20 дней еще вымывать и подбривать голову въ подобающихъ мѣстахъ; уборка каждаго человѣка оцѣнивается при этомъ въ 6 шара-цаевъ за каждый разъ, между тѣмъ какъ при единичномъ уборѣ головы за подбриваніе и прическу берутъ не менѣе полукирпича чая, т. е. 15, или даже $17\frac{1}{2}$ коп.

10) Наконецъ самый низшій родъ ремесленниковъ въ Хўрѣни составляютъ дархàны, или кузнецы. Проживая въ самыхъ захолустьяхъ хўрѣньскаго рынка, они ежедневно выходятъ съ своими наковальнями на

торговую площадь и производятъ здѣсь всѣ потребныя работы: подковываютъ лошадей и быковъ, поправляютъ, а иногда и выдѣлываютъ новые таганы, топоры, тесла и тому подобныя желѣзныя вещи домашняго обихода.

Таковы современные составъ населенія и положеніе торговой части Хўрѣня. Что касается собственно рыночной площади, то она служитъ мѣстомъ для производства самой мелочной торговли. Протяженіе ея съ сѣвера на югъ около 320 саж., а съ востока на западъ около 60 саж. Ночью это пространство бываетъ совершенно пустынно, съ разсвѣтомъ же китайцы ежедневно разставляютъ здѣсь отъ 80 до 120 подвижныхъ войлочныхъ палатокъ (бўхэ̀къ), въ которыхъ продаютъ высылаемую имъ изъ большихъ лавокъ всякаго рода мелочь: чубуки, трубки, табакерки, игрушки, четки, кусочки матерій, чашки, зеркальца, пояски и проч. Предметы эти, конечно, можно встрѣтить и въ большихъ лавкахъ, но по, отзывамъ торгующихъ, въ этихъ войлочныхъ палаткахъ продается мелочныхъ товаровъ на гораздо большую сумму, чѣмъ въ главныхъ китайскихъ магазинахъ. Въ такихъ же бўхэ̀кахъ помѣщаются иногда со своимъ товаромъ мѣстные гутулчѝны и продаютъ готовую обувь minimum на 10% дешевле, чѣмъ можно пріобрѣсти ее въ лавкахъ. Что касается живущихъ въ Ургѣ монголовъ, то они ведутъ торговлю еще болѣе мелкую: они не торгуютъ даже въ палаткахъ, а или раскладываютъ прямо по землѣ, на дыравыхъ циновкахъ, или разносятъ на небольшихъ латкахъ старье и всякаго рода рухлядь, которыя скупаютъ въ Маймачэ̀нѣ и у хўрѣньскихъ ламъ. Старыя табакерки, пуговицы, обрѣзки кожи, вотъ предметъ ихъ постояннаго торга. Дѣломъ этимъ занимаются по большей части женщины бездомныя и неспособныя къ болѣе труднымъ работамъ. Спеціальность женской торговли составляютъ еще монгольскія, какъ мужскія, такъ и женскія шапки; торговля эта представляетъ, конечно, гораздо больше выгоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и болѣе трудная, потому что пошитье монгольской шапки требуетъ довольно много и умѣнья, и ловкости. Для степныхъ монголовъ главные предметы продажи въ Ургѣ представляютъ собою: женщинамъ — молоко и кумысъ, а мужчинамъ — скотъ, въ особенности лошади и бараны, какъ предметъ общей необходимости. Средняя цѣна на обыкновенную лошадь отъ 12 до 20 руб., смотря по времени года и потребностямъ покупателей; къ зимѣ скотъ всегда бываетъ дешевле, весною дороже, самое же дешевое время для пріобрѣтенія лошадей и крупнаго скота вообще — январь и февраль мѣсяцы. Что касается овецъ, то цѣна на нихъ стоитъ почти неизмѣнною въ теченіе цѣлаго года и, опредѣляясь достоинствомъ барана, колеблется между суммою 2-хъ и $3^1/_2$ руб. Количество при-

гоняемаго на продажу скота въ Ургѣ никогда не бываетъ большимъ и обычно на базарѣ встрѣчается десятка два лошадей да, небольшими группами, сотни полторы, или двѣ, барановъ; верблюды продаются лишь единицами но и то рѣдко. Основная причина этого лежитъ въ томъ, что Урга собственно не представляетъ собою скотскаго рынка, къ которому съѣзжались бы коммерсанты для покупки и продажи животныхъ, какъ это видимъ мы, напримѣръ, въ Долонъ-нӯрѣ, или Кӯкӯ-хото: окрестные монголы пригоняютъ сюда для продажи свой скотъ только по нуждѣ, отдѣльными единицами и идетъ этотъ скотъ опять-таки исключительно для удовлетворенія обыденныхъ мелкихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ годины неурожая травъ, или скотскихъ падежей, крупнаго скота на ургинской торговой

Хӯрѣньскій рынокъ.

площади иногда не бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ и такимъ образомъ смотрѣть на Ургу какъ на пунктъ удобный для покупки скота рѣшительно не возможно. Разказываютъ, что когда въ 1882 году, покойный Пржевальскій задумалъ сформировать въ Ургѣ свою экспедицію, то въ теченіе двухъ недѣль онъ не могъ найти здѣсь ни одного подходящаго верблюда: ему предлагались только изнуренные перевозкою чаевъ, требовавшіе продолжительнаго отдыха и корма, словомъ совершенно негодные для дальнѣйшей поѣздки. Если бы не случайность, давшая возможность нашему путешественнику, при содѣйствіи русскихъ купцовъ, захватить партію верблюдовъ и пригнать ее съ Орхона, изъ Эрдэнѝ-цзӯ, — ему пришлось бы

пробыть въ Ургѣ неопредѣленное время. За то и суммы, которыя израсходовалъ онъ на этотъ предметъ, были просто невѣроятными: онъ уплачивалъ отъ 40 до 45 ланъ ямбоваго, т. е. самаго чистаго серебра, что составляло тогда отъ 120 до 135 р. с. за каждую голову верблюда, которую обычно монголы легко отдали бы за 60—80 р., а при покупкѣ гуртомъ и того дешевле. Въ ту же пору быкъ, посредственныхъ вѣса и силы, стоящій обычно рублей 20, продавался за 40 р., а бараны держались въ цѣнѣ отъ 4-хъ до 6-ти руб. за голову, не свыше пуда вѣсомъ. Помимо скота монголы доставляютъ изъ степи дрова и сѣно. То и другое привозятъ они на двуколесныхъ арбахъ, запряженныхъ быками, иногда изъ-за пространства въ 50, 75 верстъ и также въ весьма незначительномъ количествѣ: ежедневно не болѣе какъ по 30—40 возовъ; дрова, не свыше полусотни полутора-аршинныхъ жердей, стоятъ рубля два, а сѣно зеленое, т. е. заготовленное съ осени, никогда не продается за пудъ дешевле 50 коп., хотя бываетъ и втрое дороже. Сходнѣе продается такъ называемая ветошь, или прошлогодняя трава, которую собираютъ монголы даже зимою по степи граблями и привозятъ въ Ургу, назначая здѣсь цѣну на нее въ размѣрѣ отъ 20 до 30 коп. за пудъ.

Особыхъ трактировъ и кабаковъ на хўрѣньскомъ рынкѣ не было до 1878 г. и до той поры готовое съѣстное продавалось лишь открыто, на самой торговой площади. Торговали съѣстнымъ исключительно китайскіе солдаты, которые устроивали на рынкѣ нѣчто на подобіе обжорныхъ рядовъ старинныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Кухни этого обжорнаго ряда устроивались у китайцевъ прямо на открытомъ воздухѣ; таганъ выставлялся на площади и огонь защищался развѣ только войлокомъ, развѣшаннымъ со стороны вѣтра; готовили и продавали здѣсь жареную баранину, пирожки съ мясомъ, пряженцы и пряники. Въ помянутомъ 1878 году, съ распространеніемъ близъ Хўрѣня торговой дѣятельности и увеличеніемъ вокругъ площади числа китайскихъ лавокъ, впервые устроилось здѣсь и нѣчто вродѣ гостинницы, въ которой каждому частному лицу можно было найти готовый обѣдъ, чай, спросить водки и т. п., вскорѣ здѣсь же начали останавливаться и пріѣзжающіе. Въ настоящую пору число такихъ гостинницъ возросло въ торговой части Хўрѣня до пяти. По объему двѣ изъ нихъ представляютъ собою цѣлыя подворья, заключающія въ себѣ каждое свыше 50 помѣщеній, или отдѣльныхъ комнатъ для пріѣзжающихъ, остальныя нѣсколько меньше. За всѣмъ тѣмъ хўрѣньскія гостинницы совершенно не походятъ на общіе всѣмъ монгольскимъ городамъ китайскіе «дяни». Пріѣзжающіе въ Ургу для торговли купцы не останавливаются въ нихъ почти никогда, а о продажѣ изъ нихъ товаровъ, какъ это существуетъ,

напримѣръ, въ Улясутаѣ и другихъ городахъ, нѣтъ и помина Въ хӯрѣньскихъ гостинницахъ проживаютъ на время пріѣзда въ Ургу мелкіе чиновники, коммерсанты, являющіеся въ городъ за какимъ-нибудь полученіемъ, или съ какою-нибудь тяжбою, наконецъ, даже ламы; такъ, во время моего пребыванія въ Ургѣ, въ одной изъ хӯрѣньскихъ гостинницъ жилъ долōнъ-нӯрскій нирба̀, пріѣзжавшій для сведенія своихъ счетовъ съ хутухтѝнскимъ казначействомъ и полученія отъ сеймоваго управленія содержанія ламъ, проживающихъ въ Долōнъ-нӯрскомъ Шара̀-сӯмэ̀. Надлежитъ замѣтить, что устройство и существованіе этихъ гостинницъ не повело за собою закрытія обжорнаго ряда на торговой площади: торговля съѣстнымъ остается на ней по старому и ведется, кажется, даже безъ малѣйшаго упадка; по крайней мѣрѣ вокругъ каждаго таганка, какъ прежде такъ и теперь, всегда можно встрѣтить группу въ пять шесть человѣкъ степняковъ-монголовъ, сидящихъ прямо на землѣ и закусывающихъ горячими пирожками. Къ довершенію описанія рынка нужно добавить, что неподалеку отъ этихъ злачныхъ мѣстъ обыкновенно сидятъ бродячіе бандуристы со скрипками, балалайками, лютнями и другими музыкальными инструментами, а слѣпцы и ламы-странники читаютъ молитвы, изрѣдка потрясая своими посохами съ колокольчиками (дулдӯй), на которые благочестивые слушатели навѣшиваютъ множество хадако̀въ.

Бродячихъ нищихъ въ Ургѣ теперь почти не видно; изрѣдка только можно встрѣтить какого-либо мальчишку или старуху, громко читающихъ у воротъ молитву и такимъ образомъ выпрашивающихъ себѣ подаяніе. Самымъ страшнымъ временемъ нищенства въ Ургѣ были, говорятъ, конецъ 1860-хъ и начало 1870-хъ г.г., когда вся Монголія посредственно или непосредственно испытала на себѣ разрушительную силу дунганскихъ возстаній и вслѣдъ затѣмъ подверглась еще болѣе разрушительнымъ физическимъ бѣдствіямъ; въ ту пору нищихъ въ Ургѣ было множество, и всѣ они жили исключительно на торговой площади. Разказываютъ, что площадь въ то время представляла чрезвычайно тяжелое зрѣлище: больными, полунагими валялись эти нищіе на голой землѣ или на какихъ-нибудь лохмотьяхъ и нерѣдко умирали здѣсь же, подъ открытымъ небомъ. Въ 1871 г. смертность ихъ была такъ сильна, что шабѝнскій ямунь возложилъ на одного нищаго же монгола обязанность смотрѣть за слабѣвшими больными, и, послѣ смерти ихъ немедленно вывозить ихъ за городъ. Въ награду за этотъ трудъ монголъ получалъ отъ ямуня содержаніе пищей и одеждой. Засимъ во второй половинѣ 1870-хъ г.г., во время моего перваго посѣщенія Урги, число нищихъ здѣсь было не велико, а въ началѣ 1880-хъ г., при посѣтившихъ Халху новыхъ физическихъ бѣдствіяхъ, оно возросло

снова. Нищіе этой поры были собственно бродяги и отличались еще особымъ характеромъ: въ числѣ ихъ было много людей, которые не удовлетворялись подаяніями во имя Будды, а безцеремонно промышляли воровствомъ, конокрадствомъ, даже поддѣлкою чайныхъ ассигнацій (тѣцзы), и еще чаще мелкимъ мошенничествомъ, причинявшимъ большой вредъ мѣстному населенію. Власти, не знавшія, какъ избавиться отъ этихъ бездомовниковъ, принимали противъ нихъ чрезвычайныя мѣры, въ родѣ облавъ, совершавшихся еженедѣльно, послѣ чего пойманные бродяги немедленно разсылались по хошӯнамъ, къ которымъ они принадлежали. Мѣра эта впрочемъ, не достигала своей цѣли и на половину, во-первыхъ, потому, что постоянно совершался наплывъ новыхъ скитальцевъ, а во-вторыхъ, и подвергшіеся высылкѣ по большей части возвращались назадъ черезъ самое непродолжительное время. Гораздо цѣлесообразнѣе была мѣра, принятая казначействомъ ургинскаго хутухты, которое прямо кормило здоровыхъ бѣдняковъ, заставляя ихъ исполнять кое-какіе работы, а для больныхъ устроило нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома, въ ЮЗ части дамнӯрчиновъ. Съ наступленіемъ 1884 г., когда благосостояніе Халхи нѣсколько поднялось, кормленіе это было прекращено, но память о немъ сохранилась и доселѣ въ томъ, что всѣ ургинскіе нищіе имѣютъ теперь свои логовища на этомъ

Ургинскіе нищіе.

мѣстѣ ихъ прежней кормежки. Ужасное зрѣлище представляетъ собою въ настоящее время этотъ уголъ, за юго-западной частью города. Среди грудъ

мусора и всякаго рода отбросовъ обосновали свое мѣстопребываніе эти несчастные: болѣе зажиточные и сильные изъ нихъ выпрашиваютъ себѣ въ милостыню, или собираютъ валяющіеся по степи, сучковатые, искривленные и никому негодные колья и устроиваютъ изъ нихъ шалаши, которые прикрываютъ то травою, то какимъ-либо тряпьемъ; а неимѣющіе вовсе силы лежатъ прямо на землѣ безъ крова, обнаженные и изможденные голодомъ. Сердобольныя шибаганцы набрасываютъ на нихъ лохмотья своихъ старыхъ шубъ и это составляетъ единственный покровъ для крайняго нищаго Урги, который, умирая, даже не бываетъ погребаемъ, а тутъ же, на мѣстѣ своей кончины, бываетъ съѣдаемъ собаками, на глазахъ у своихъ собратій, предвидящихъ для себя ту же участь.

Народъ на торговой площади начинаетъ появляться часовъ съ пяти утра и пробываетъ на ней до заката солнца, когда убираютъ войлочныя палатки и расходятся мелкіе торгаши. Для наблюденія за порядкомъ днемъ, и особливо ночью, на площади живутъ въ казенной будкѣ сторожа (манāчи) изъ китайцевъ, посылаемые изъ Маймачэ̀на цзаргучэ̀йскимъ я̀мунемъ. Число ихъ бываетъ весьма неопредѣленно и въ разное время колеблется между тремя и шестью, а въ большинствѣ случаевъ ихъ бываетъ четыре. Днемъ этихъ полицейскихъ почти не бываетъ видно: они сидятъ въ своей сторожкѣ и занимаются своими домашними дѣлами; при нуждѣ, за ними посылаютъ нарошнаго и только тогда являются они на мѣсто происшествія, но не въ качествѣ полисменовъ, а скорѣе въ видѣ судей низшей инстанціи. Ночью на обязанности ихъ лежитъ содержать ночныя стражи, число коихъ опредѣляется пятью. Въ виду однако того значенія, которое придаютъ себѣ эти чиновники полиціи, они успѣли достигнуть того, что сторожить ночью имъ не приходится и для охраны города хӯрēньскіе торговцы содержатъ еще особыхъ ночныхъ сторожей, выдавая имъ уже отъ себя содержаніе. Всѣхъ сторожей нанимается семь, изъ коихъ одинъ считается старшиною. На обязанности послѣдняго лежитъ собирать плату съ купцевъ и выдавать ее въ видѣ жалованья сторожамъ. Русскіе торговцы въ Ургѣ также участвуютъ въ этой уплатѣ, выдавая въ годъ по 15 чаевъ съ хашāна. Ночныя стражи, извѣстныя у монголовъ подъ китайскимъ именемъ «чжинъ», состоятъ въ томъ, что два полицейскихъ проходятъ по всѣмъ улицамъ ургинскаго рынка и, въ доказательство своей бдительности, ударяютъ въ гонгъ. Распредѣляются стражи въ Ургѣ такъ, что каждый обходъ совершается черезъ два часа: первая — въ 9 ч. вечера, вторая — въ 11 ч., третья — въ 1 ч. ночи, четвертая — въ 3 ч. и пятая — часовъ около 5-ти утра лѣтомъ и ровно въ пять часовъ зимою. Каждая стража отмѣчается соотвѣтственнымъ числомъ ударовъ въ гонгъ, количество коихъ нарощается послѣдовательно, въ такомъ

порядкѣ: первая стража имѣетъ одинъ ударъ — разъ; вторая — разъ, два; третья — разъ, разъ-два; четвертая: — разъ, разъ-два, разъ; пятая — разъ, разъ-два, разъ-два. Знать это необходимо на тотъ конецъ, что помимо стражи гонгомъ же дается знать жителямъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, совершающихся ночью. Если бы стража, совершая свой обходъ, натолкнулась на воровъ, для поимки которыхъ ей нужна помощь жителей, она начинаетъ ударять въ гонгъ часто и мѣрно; замѣтивъ пожаръ, — бьетъ непрерывно, мелкою дробью и т. д. Днемъ для охраны хўрѣньскаго рынка помимо этихъ цзаргучэ̀йскихъ стражниковъ отряжается еще изъ шабѝнскаго я́муня одинъ хя̄, на обязанности котораго также лежитъ смотрѣть за чистотою мѣстности, преслѣдовать всякаго рода драки и ловить воровъ. Но при всей этой кажущейся заботливости и распорядительности ургинской полиціи, трудно описать все то, что̀ дѣлается на улицахъ Хўрѣня и торговой площади. Чистоту ихъ достаточно можетъ характеризовать то, что монголы всѣхъ званій, возрастовъ и половъ не стѣсняются гдѣ бы то ни было отправленіемъ своихъ естественныхъ потребностей; да этого мало, монголъ, живущій въ Хўрѣни, считаетъ за невозможное выливать на своемъ дворѣ какія-либо нечистоты и тотчасъ выходитъ для этого на улицу. Несмотря однако на всю эту нечистоплотность монголовъ, въ Ургѣ сравнительно довольно чистый воздухъ, и вовсе нѣтъ ни той нечистоты, ни той вони, которая наполняетъ улицы городовъ китайскихъ. Этому обстоятельству способствуютъ, съ одной стороны, климатическія условія мѣстности, а еще болѣе, и — можно сказать — главнѣйшимъ образомъ, стаи голодныхъ собакъ, бродящихъ по Хўрѣню и пожирающихъ не только всякія нечистоты, но и трупы своихъ покончившихъ съ жизнью собратій. Безъ драки на площади положительно не проходитъ ни одинъ день, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко бываютъ и убійства. Однажды, во время пребыванія на площади, мнѣ пришлось видѣть слѣдующую сцену: одинъ лама купилъ у другаго «оркимчжѝ» (названіе одного ламскаго платья) за двухъ-чайную тѣцзы (кредитный билетъ, выдаваемый китайскими лавками). Вскорѣ продавецъ узналъ, что полученная имъ тѣцзы фальшивая и, отыскавъ тутъ же на площади купившаго у него оркимчжѝ ламу, началъ требовать перемѣны билета. Лама отказывался, говоря, что отданная имъ тѣцзы совершенно другая; но, по несчастью, нашлись свидѣтели лжи, которые такъ поколотили обманщика, что онъ черезъ четверть часа умеръ. Покойникъ былъ хўрѣньскій лама, и потому скоро пришли три аймà чные его товарища и потащили его домой. Бывшіе въ это время со мною русскіе торговцы въ Хўрѣни сомнѣвались въ обстоятельствѣ смерти и говорили, что есть много мошенниковъ, которые, послѣ того какъ поколотятъ ихъ, прикидываются убитыми, чтобъ

избѣжать дальнѣйшихъ преслѣдованій за свое мошенничество; но я въ данномъ случаѣ и не стану утверждать, что монголъ былъ убитъ дѣйствительно: дѣло только въ томъ, что фактъ убійства на торговой площади совершенно возможенъ. Я сказалъ, что тѣло ламы скоро было убрано въ виду того, что бываютъ убитые, или умершіе на улицахъ и площади, которые не имѣютъ въ Хўрѣни никого изъ близкихъ и тѣла ихъ валяются по цѣлымъ днямъ. Въ тотъ же день, когда было вышеописанное убійство ламы, на той же площади, часовъ въ семь утра скоропостижно умеръ какой-то бѣдный китаецъ. Пока искали кого-нибудь изъ его знакомыхъ или родичей, прошелъ цѣлый день. Какъ нарочно день былъ жаркій, лицо покойнаго совершенно почернѣло, кровь шла носомъ и ртомъ, — видно было, что началось полное разложеніе, и все это нисколько не понудило ургинскія власти убрать куда-нибудь трупъ. Только поздно вечеромъ явились родственники съ гробомъ; колѣнопреклоненно прочитали они надъ усопшимъ молитвы и потомъ положили его въ гробъ. Не знаю почему, этотъ гробъ не былъ увезенъ въ тотъ же вечеръ и его оставили на улицѣ до слѣдующаго утра.

Чтобы окончить рѣчь объ общественныхъ зданіяхъ Хўрѣня, мнѣ остается сказать, что здѣсь есть еще свои трущобы, которыя также могутъ быть признаны за общественныя, хотя и неоффиціальныя мѣста. Здѣсь можно найти, напримѣръ, нѣкоторое подобіе нашихъ домовъ терпимости, есть также и родъ харчевень, но все это отличествуетъ и отъ нашихъ и отъ китайскихъ учрежденій этого рода по своимъ началамъ и имѣетъ своеобразный характеръ, главнымъ образомъ въ силу своей неоффиціальности. Какъ дома терпимости, такъ и харчевни содержатся въ Ургѣ исключительно китайцами. Первыми промышляетъ самый бѣдный классъ китайскаго населенія рабочихъ-поденщиковъ, а вторыя устроиваютъ содержали мелочныхъ лавченокъ, продающихъ въ большинствѣ всякую рухлядь, а иногда и хорошія вещи подозрительнаго происхожденія. Въ своихъ домахъ терпимости китайцы не содержатъ публичныхъ женщинъ; они имѣютъ только помѣщенія, въ которыхъ отдѣльно могутъ провести время мужчина и женщина; засимъ хозяева доставятъ еще, пожалуй, гулякамъ вина и какой-нибудь закуски. По общему порядку, мужчина всегда отыскиваетъ себѣ женщину гдѣ-нибудь на площади и, уже уговорившись, идетъ съ нею въ этотъ домъ терпимости. Иногда, и конечно только для богатыхъ, самъ китаецъ содержатель дома отыскиваетъ женщинъ, но эти случаи рѣдки, хотя и, безъ сомнѣнія, выгодны для китайца, такъ какъ ему при этомъ перепадаетъ порядочный процентъ отъ избираемой, кромѣ условленной платы съ мужчины. Внѣшнему виду этихъ домовъ терпимости трудно даже дать названіе трущобы, такъ они тѣсны, темны, грязны и

отвратительны. Вся квартира содержателя ограничивается одною только комнатою, по китайскому обычаю, на половину занятою каномъ. Для приходящихъ устроивается помѣщеніе въ той же комнатѣ. Все оно состоитъ изъ кровати, которая со всѣхъ сторонъ, сплошь до потолка, забрана досками, такъ что представляетъ отдѣльную конуру, въ которую можно пролѣзть черезъ отверстіе аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною и въ 1 арш. шириною, закрываемое деревянною, дощатою же дверью. Грязный и изорванный войлокъ, скатанный съ одной стороны чтобы образовать изголовье, составляетъ все убранство постели. За пребываніе въ этой конурѣ платится $\frac{1}{2}$ кирпича чаю, т. е. отъ 30 до 35 коп. въ томъ случаѣ, если плату получаетъ женщина; но бываетъ, что какой-нибудь лама уговорится съ проституткой раздѣлить ложе безплатно, и тогда хозяинъ ничего не имѣетъ кромѣ выгоды, получаемой имъ отъ продажи вина. Обыкновенными посѣтителями этихъ учрежденій бываютъ: китайцы, живущіе еще въ званіи приказчиковъ въ большихъ китайскихъ лавкахъ; дѣти монгольскихъ чиновниковъ средняго класса и молодые ламы, живущіе при своихъ родственникахъ и учителяхъ. Что касается хўрэньскихъ харчевень, то, какъ я уже сказалъ, они помѣщаются въ мелкихъ лавченкахъ и виноторговляхъ, открывающихъ свои заднія двери для пріема гостей и производящихъ розничную продажу вина; здѣсь же можно и курить опіумъ; приказчики китайскихъ торговыхъ домовъ часто посѣщаютъ эти харчевни именно съ этою цѣлью, такъ какъ куреніе опіума дома имъ строго воспрещается хозяевами.

Вторая часть Урги, также съ ламскимъ населеніемъ, есть Га́нданъ. Онъ расположенъ къ западу отъ Хўрэня, на небольшомъ холмѣ, отдѣляющемъ площадь рѣки Сэльби отъ обширной и каменистой долины Чингильтўйнъ талà, тянущейся къ западу отъ этого холма вплоть до горъ Сангійнъ ўла и отстоитъ собственно отъ Хўрэня на $1\frac{1}{2}$ версты. Въ настоящее время, когда постройки китайскихъ лавокъ на западной сторонѣ Хўрэня умножились, они съ одной стороны почти соприкасаются ему, а съ другой не доходятъ до Га́ндана на разстояніе не болѣе 150 саженъ, такъ что если Хўрэнь считать не состоящимъ исключительно изъ ламскихъ жилищъ и кумирень, а причислять сюда рынокъ, то можно сказать, что Га́нданъ почти сливается съ Хўрэнемъ. Такъ какъ Га́нданъ былъ построенъ исключительно для изучающихъ высшій курсъ буддійскаго богословія, то исторія его тѣсно связывается съ судьбою въ Ургѣ цанѝта, подъ каковымъ именемъ извѣстно это изученіе. Служеніе цанѝта было введено въ Ургѣ тибетскими ламами, пришедшими въ періодъ втораго вида Чжэбцзўнъ дамбà хутухты́ въ Монголію, и во главѣ ихъ преданіе ставитъ мудраго Намчжàлъ-габчжў и Ринчѝнъ-дорчжѝ-габчжў. Указать точно годъ пришествія

этихъ лицъ, а слѣдовательно и начала служенія въ Ургѣ цанѝта невозможно, по причинѣ отсутствія на то письменныхъ свидѣтельствъ; но то же преданіе разказываетъ, что цанѝтъ, во время пребыванія Урги на Кӯймàндалѣ, то-есть, въ періодъ съ 1736 по 1740 годъ, былъ служимъ въ цокчѝнской кумирнѣ, и что ламы въ первое время не оставались для служенія цанѝта постоянно въ Ургѣ, а переходили съ мѣста на мѣсто и знакомили монголовъ съ своимъ нововведеніемъ. Такимъ образомъ существуетъ преданіе, что при второмъ гэгэнѣ цанѝтъ былъ совершаемъ въ Эрдэнѝ-цзӯ, и что, несмотря на кратковременное пребываніе его въ этомъ монастырѣ, число цанѝтскихъ ламъ увеличилось здѣсь десятью новыми лицами, изъявившими желаніе посвятить себя ученію высшей богословской науки; наконецъ, это преданіе гласитъ, что а́ймакъ цанѝтскихъ ламъ былъ окончательно утвержденъ гэгэномъ въ то время, когда число ихъ увеличилось до 50; это время для насъ уже положительно извѣстно, потому что мы находимъ о немъ письменное извѣстіе въ лѣтописи Эрдэнѝйнъ эрихэ. Подъ 1756 годомъ ея записано: «Чжэбцзӯнъ-дамбà лама основалъ въ Хӯрэ̄ни храмъ ученія цанѝта и постановилъ настоятелемъ его Донхòръ Маньчжӯшири ламӯ». Съ этихъ поръ число цанѝтскихъ ламъ постоянно увеличивалось въ Хӯрэ̄ни, но они все-таки жили въ общемъ хӯрэ̄ньскомъ кругѣ и существовали такимъ образомъ нераздѣльно въ средѣ другихъ а́ймаковъ до тѣхъ поръ, пока Хӯрэ̄нь дѣйствительно былъ городомъ ламскимъ. Но какъ скоро началось возвышеніе Урги, какъ скоро она сдѣлалась мѣстомъ правительственнымъ и торговымъ, ученые ламы начинаютъ тяготиться жизнью въ Хӯрэ̄ни и задумываютъ отдѣлиться отъ него. Свои просьбы объ этомъ они начинаютъ еще во времена третьяго гэгэна, хотя только четвертый удовлетворилъ ихъ желаніе, основавъ въ 1809 году Га́нданъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ онъ теперь. Кумирень цанѝта было основано двѣ: одна большая, а другая малая. Нынѣ обѣ онѣ совершенно сравнены, такъ какъ и малая была увеличена при пятомъ гэгэнѣ и сдѣлана одинаковою по величинѣ и архитектурѣ съ большою. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что вскорѣ послѣ того и самимъ хӯрэ̄ньскимъ ламамъ пришлось искать спасенія отъ натиска китайцевъ, и что чрезъ 37 лѣтъ послѣ того они со всѣмъ Хӯрэ̄немъ перекочевали на долину Чингильтӯ. Обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе на увеличеніе и расширеніе Га́ндана. Къ этому времени относится построеніе здѣсь дворца Чжэбцзӯнъ-дамбà ламы, перестройка цанѝтской кумирни, устройство нѣсколькихъ цанѝтскихъ дугӯновъ, въ числѣ которыхъ считается чжудзѝйнъ дугӯнъ и наконецъ первое раздѣленіе Га́ндана на а́ймаки, число которыхъ возросло здѣсь теперь до четырехъ: 1) Дашѝ чо́йнпилъ, 2) Гунгà-чо́й-линъ, 3) Бадмà-йо́га и 4) Лам-

римъ. Два гэгэ̀на, умершіе здѣсь въ короткій срокъ (первый въ 1842 г., а второй въ 1848 г.), доказали ламамъ невыгоды избраннаго ими мѣста, и они возвратились снова на Сэ̀льбу, оставивъ Га́нданъ опять единственно обиталищемъ ученыхъ, но въ то же время, говорятъ, опредѣлено было погребать здѣсь умершихъ ургинскихъ гэгэ̀новъ. Обстоятельствомъ, побудившимъ ламъ прійти къ такому рѣшенію, почитаютъ якобы желаніе самихъ гэгэ̀новъ имѣть свои усыпальницы въ этой части ургинскаго монастыря. Разказываютъ, что пятый гэгэнъ однажды въ бесѣдѣ съ ламами сказалъ имъ, что послѣ смерти онъ явится въ Га́нданѣ. Когда гэгэ̀нъ умеръ, ламы припомнили это слово и приписали желанію гэгэ̀на быть здѣсь погребеннымъ, а засимъ у нихъ составилось и положеніе погребать здѣсь хутухтъ

Ганданъ.

ургинскихъ. Такимъ образомъ къ гробницѣ пятаго хубилга̀на прибавилась уже теперь вторая, — седьмаго вида Чжебцзу̀нъ-дамба̀-хутухты̀, умершаго въ 1868 г. 19 лѣтъ отъ рожденія; но шестой гэгэ̀нъ былъ похороненъ въ монастырѣ Дамба̀-дорчжѝ.

Внѣшній видъ Га́ндана почти одинаковъ съ Хӱ̀рэ̄немъ: та же широкая четырехугольная площадь, въ срединѣ которой расположены двѣ большія кумирни цанѝта подобно тому, какъ въ Хӱ̀рэ̄ни кумирня Ма̀йдари и цокчѝнская; тотъ же внѣшній видъ дворца за желтою оградой, только онъ здѣсь гораздо менѣе обширенъ и по бокамъ его виднѣются изъ-за стѣны два новыя зданія, служащія кіосками, въ которыхъ покоятся мощи пятаго и

седьмаго гэгэ̀новъ. Въ прежнюю мою по̀ѣздку быть въ этихъ кіоскахъ мнѣ не пришлось, потому что меня не впустили въ нихъ сначала подъ предлогомъ ихъ перестройки внутри, а потомъ подъ предлогомъ неимѣнія отъ нихъ ключей, якобы хранившихся у самого хутухты; въ этотъ же разъ я и не добивался посѣтить эти кіоски, такъ какъ понятіе о нихъ можно имѣть совершенно полное, ибо всѣ онѣ устроиваются на одинъ ладъ, а мнѣ пришлось осмотрѣть два таковыхъ кіоска въ монастырѣ Дамба̀-дорчжѝ и описаніе ихъ будетъ представлено мною, когда придется говорить объ этомъ хѝтѣ (скитъ). Ламскія постройки въ Га́данѣ расположены также четыреугольникомъ, но ихъ замѣтно меньше на сторонѣ южной, гдѣ стоитъ дворецъ гэгэ̀на. Внѣшній видъ улицъ и внутренній — дворовъ совершенно хӯрэ̄нскій. По западной и сѣверной сторонамъ Га́ндана расположено 28 бѣлыхъ субурга̀новъ, построенныхъ благочестивыми поклонниками будды ради очищенія отъ грѣховъ и отогнанія всякаго рода бѣдъ и напастей; именъ этихъ строителей намъ не сохранили ни преданіе, ни надписи на самыхъ субурга̀нахъ, ни наконецъ лѣтописныя сказанія монголовъ объ Ургѣ, ея кумирняхъ и достопримѣчательностяхъ.

Третья часть Урги, какъ и Га́данъ, стоитъ совершенно отдѣльно отъ Хӯрэ̄ня и расположена къ востоку отъ него на разстояніи не меньшемъ пяти верстъ, почему и представляется совершенно самостоятельнымъ городомъ. Къ этому различенію ея отъ Хӯрэ̄ня способствуетъ еще и то, что она содержитъ въ себѣ совершенно другое населеніе, которое живетъ другими интересами и другою жизнью. Имя этой третьей и послѣдней части города китайское «Маймачэ̀нъ», что̀ въ переводѣ означаетъ — торговый городъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какое назначеніе имѣетъ эта часть въ общемъ составѣ города: самое ея имя свидѣтельствуетъ объ ея спеціальности. Ургинскій «Маймачэ̀нъ» лежитъ на той же самой продолговатой долинѣ, на которой расположены Хӯрэ̄нь и Га́данъ, только долина эта здѣсь имѣетъ другое имя — «То̄лайнъ тала̀», то-есть, долины рѣки То̄лы, протекающей верстахъ въ четырехъ отъ города. Со внѣ Маймачэ̀нъ представляетъ собою почти правильный четырехугольникъ; отдѣльной стѣны, окружающей его, нѣтъ, но заборы дворовъ, составляющихъ окраины во всѣхъ сторонахъ города, стоятъ такъ близко другъ къ другу и такъ соединены одинъ съ другимъ, что ихъ не трудно принять за одну общую стѣну вокругъ города. Во внутрь Маймачэ̀на со стороны Хӯрэ̄ня ведутъ три большія улицы, между собою параллельныя и снабженныя при въѣздѣ въ нихъ деревянными воротами, которыя, впрочемъ, никогда не затворяются, да и притомъ не всѣ имѣютъ двери. За этими воротами Маймачэ̀нъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, собственно торговая и населенная

китайцами, занимаетъ самую середину и составляетъ, такъ сказать, городской кремль, а вторая — монгольская — представляетъ собою какъ бы слободу, окружающую кремль со всѣхъ его четырехъ сторонъ. Отдѣльныхъ названій для этихъ двухъ частей города у монголовъ не существуетъ, и для болѣе точнаго опредѣленія мѣстности они употребляютъ только слова: для китайской части «доторо̀», а для монгольской: «гада̄», что̀ значитъ буквально «внутри» и «внѣ». Основаніемъ для такого различенія, безъ сомнѣнія, послужило то, что вокругъ торговой части Маймачэ̀на есть ограда частоколомъ, и такимъ образомъ слова «внутри» и «внѣ» достаточно ясно показываютъ, гдѣ находится мѣстность. Частоколъ Маймачэ̀на, отдѣляющій внутреннюю часть отъ внѣшней, — пригорода, имѣетъ семь воротъ: трое восточныхъ, трое западныхъ и однѣ южныя. Всѣ онѣ деревянныя и, по общему закону китайцевъ, запираются по закатѣ солнца, когда прекращается всякая торговля; такимъ образомъ, проникнуть ночью изъ одной части города въ другую невозможно.

Почва, на которой расположенъ Маймачэ̀нъ, ничѣмъ не отличается отъ общаго грунта Ургинской долины: вообще она глиниста и кое-гдѣ песчана, по мѣстамъ густо усѣяна камнями, но большею частью покрыта невысокою травою. Весною, при таяніи снѣговъ, у То̄лы образуются небольшія озера, которыя въ жаркое время высыхаютъ. Рѣка То̄ла, какъ выше было сказано, протекаетъ верстахъ въ четырехъ отъ Маймачэ̀на и служитъ иногда почти единственнымъ мѣстомъ, откуда его жители могутъ получать воду. Вскрытіе То̄лы совершается по большей части между 20-мъ — 30-мъ апрѣля, а замерзаетъ она около 25-го октября; разливы рѣки бываютъ въ концѣ іюля, или въ началѣ августа, при чемъ То̄ла, имѣющая лѣвый берегъ выше праваго, главнымъ образомъ выступаетъ на сторону Маймачэ̀на; за всѣмъ тѣмъ она никогда не заливаетъ его и вообще разливъ рѣки не приноситъ никакого вреда жителямъ. Кромѣ То̄лы, саженяхъ въ 100 отъ Маймачэ̀на протекаетъ съ сѣвера на югъ рѣчка Улятай, которая беретъ начало изъ ключа горы Улятай, находящейся къ сѣверозападу отъ города и впадаетъ въ То̄лу. На пространствѣ своего теченія Улятай питается и еще отъ нѣсколькихъ ключей, но послѣдніе такъ незначительны, что въ концѣ мая русло Улятая обыкновенно уже пересыхаетъ, при чемъ дѣлается совершенно яснымъ, что ключи, образующіе эту рѣчку, несутъ свою воду едва на разстояніи 150—200 саженей. Вотъ почему сказалъ я, что То̄ла бываетъ иногда почти единственнымъ мѣстомъ, откуда жители Маймачэ̀на берутъ воду, теперь же прибавлю еще, что китайцы обыкновенно возятъ ее на быкахъ, лошадяхъ и ослахъ, а монголы носятъ на своихъ плечахъ и, несмотря на всю трудность такой доставки, все-таки

еще не пришли къ сознанію необходимости существованія отдѣльныхъ ремесленниковъ — водовозовъ. Такимъ образомъ представляется весьма естественнымъ, что при такихъ условіяхъ почвы и орошенія ея, на всемъ протяженіи долины Урги нельзя увидѣть ни одного куста, ни одного дерева. Въ шести-семи верстахъ западнѣе отъ Маймачэна, то-есть, почти противъ Хўрѣня и еще нѣсколько западнѣе его, у самыхъ береговъ Тōлы и на островахъ, образуемыхъ ея протоками, ростутъ четыре рощи, заключающія въ себѣ по 20—30 деревьевъ тальника и лиственницы, но ихъ, во-первыхъ, трудно и причислять къ Маймачэнской долинѣ по дальности разстоянія, а во-вторыхъ, и это самое главное, онѣ въ настоящее время не ростутъ, а скорѣе медленно погибаютъ. Кочующіе здѣсь въ юртахъ монголы, такъ какъ имъ запрещено рубить деревья, придумали другой способъ истребленія ихъ: они надламываютъ суки и пользуются ими, когда послѣдніе засохнутъ. Такимъ образомъ погибло, вѣроятно, очень много растительности: ургинскіе ламы разказываютъ, что не далѣе какъ за 45—50 лѣтъ берега Тōлы совершенно скрывались въ одной продолговатой рощѣ, тянувшейся на востокъ за Маймачэнъ, а на западъ доходившей до Сангiйнъ ўла. Только горы, окружающія Ургу, покрыты лѣсами, состоящими изъ березы, ивняка, кедра, лиственницы, ели, сосны, орѣшника, яблони, черемухи и т. п., и это даетъ жителямъ возможность имѣть по довольно дешевымъ цѣнамъ отопленіе; что же касается строевого лѣса, то его можно доставать на горѣ Улāтай (при вершинѣ р. Улāтай), да и то въ довольно ограниченномъ количествѣ. Съ половины августа въ лѣсахъ находятъ довольно много ягодъ: голубица, черемуха, брусника, черника, малина и земляника лѣтомъ составляютъ довольно значительный предметъ сбыта монголокъ, при чемъ онѣ обыкновенно продаютъ эти ягоды въ небольшихъ ведрахъ, примѣрно фунтовъ въ 8—10, по цѣнѣ полкирпича чаю или 32½ коп. сер. Изъ царства животныхъ въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются изюбри, рога которыхъ высоко цѣнятся китайцами, какъ медицинское средство, и потому пріобрѣтаются ими по дорогой цѣнѣ (приблизительно по 100 и болѣе руб. сер.); дикія козы, кабаны и, въ огромномъ количествѣ, волки. Изъ пресмыкающихся много змѣй разныхъ породъ, но особенно гадюкъ (харà-цōхоръ-могàй). Монголы охотятся на всѣхъ исчисленныхъ животныхъ съ кремневыми ружьями, а иногда употребляютъ такіе же пистолеты.

Я сказалъ уже, что одну изъ частей Маймачэна населяютъ исключительно китайцы, а въ другой живутъ монголы, хотя и не исключительно, потому что въ послѣднее десятилѣтіе здѣсь уже не мало понастроилось китайскихъ домовъ и лавокъ, такъ что теперь въ Маймачэнскомъ пригородѣ монголы живутъ смѣшанно съ китайцами. Общее населеніе Майма-

чэ̀на полагаютъ до 5,000 душъ обоего пола, изъ коихъ около 1,800 душъ китайцевъ, а остальные монголы.

Улицы Маймачэ̀на въ большинствѣ нельзя назвать узкими; главныя изъ нихъ какъ въ китайской, такъ и въ монгольской части города, можно считать даже довольно широкими, но зато почти всѣ онѣ кривы и неправильны: одна изгибается въ полудугу, другая, широкая посединѣ, съуживается по краямъ, третья, начавшись широко на одномъ концѣ, съуживается на другомъ на столько, что едва даетъ возможность разъѣхаться двумъ телѣгамъ. При всемъ томъ въ Маймачэ̀нѣ нѣтъ ни одного такого узкаго переулка, въ которомъ нельзя бы было проѣхать, какъ это нерѣдко встрѣчается въ Хӯрэ̄ни, или Га́данѣ. Улицы въ Маймачэ̀нѣ не мощеныя,

Улица въ Маймачэ̀нѣ.

и оттого во время дождей, или въ періодъ таянія снѣга онѣ весьма грязны а лѣтомъ душатъ пылью несмотря на то, что китайцы весьма часто поливаютъ ихъ то помоями, то влажными остатками отъ вчерашней кухни, то наконецъ, своими собственными испражненіями, или даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ привозною водою. Съ цѣлью поливки улицъ, по китайской части города проведены небольшія канавы отъ р. Улятай, но большую часть лѣта они бываютъ сухи, какъ и сама рѣка Улятай, и наполняются водою только тогда, когда сами улицы не требуютъ поливки. Черезъ эти канавы, идущія по обѣимъ сторонамъ улицъ, противъ каждаго дома устроены мостки; то же самое и на переулкахъ, гдѣ канавы пересѣ-

каютъ улицы. За канавами вплоть до заборовъ дворовъ также по обѣимъ сторонамъ улицъ идутъ невысокіе глиняные тротуары шириною въ 3—4 аршина, отгороженные по главнымъ улицамъ отъ проѣзжей дороги столбиками, а въ двухъ переулкахъ обсаженные рѣдкими и тощими деревьями тальника.

Жилыхъ зданій, выходящихъ лицомъ на улицу, въ китайской части Маймачѣна, какъ и въ Хўрѣни, нѣтъ и оттого всѣ улицы города, за исключеніемъ нѣсколькихъ открытыхъ лавокъ, представляются снаружи состоящими изъ заборовъ и воротъ; калитокъ у воротъ китайцы не устроиваютъ,— вѣроятно потому, что, имѣя въ теченіе цѣлаго дня открытыми большія ворота, они не имѣютъ въ нихъ нужды.

Китайская часть Маймачѣна состоитъ исключительно изъ лавокъ, и богатыя изъ нихъ имѣютъ такую внѣшнюю форму: наружный заборъ ихъ на улицу, устроиваемый, какъ и въ Хўрѣни, изъ утвержденныхъ стоймя бревенъ лиственницы, обыкновенно обмазывается глиною, такъ что весь Маймачѣнъ представляется снаружи глинянымъ. Во дворъ, въ самую середину его, ведутъ широкія ворота, вереи которыхъ составляютъ иногда сложенные изъ кирпича и украшенные пиллястрами столбы, а чаще просто деревянные брусья, приставленные прямо къ глиняной оградѣ. Ворота устроиваются всегда съ навѣсомъ, крыша и карнизъ котораго обыкновенно раскрашиваются самыми яркими красками — красною, зеленою, синею и пр. Соединеніе этихъ цвѣтовъ дѣлаетъ навѣсъ надъ воротами чрезвычайно пестрымъ, но издали онъ кажется довольно красивымъ, особливо, если сверху украшенъ рѣзными или живописными золотыми изображеніями извивающихся змѣй, драконовъ или другими какими-либо картинами. На самыхъ воротахъ въ каждомъ домѣ непремѣнно наклеивается нѣсколько іероглифическихъ надписей, смѣняемыхъ ежегодно въ день новаго года и заключающихъ въ себѣ какія-либо изреченія благожеланій, выбранныя изъ классическихъ книгъ. У болѣе богатыхъ ворота, какъ и навѣсъ надъ ними, бываютъ крашеныя, и кромѣ наклеенныхъ надписей, украшаются еще изображеніями китайцевъ въ ихъ древнихъ костюмахъ, то-есть, въ точно такой формѣ, въ какой мы видимъ ихъ нарисованными на чайныхъ цибикахъ, или на китайскихъ вазахъ. Китайцы обыкновенно имѣютъ большія дворовыя мѣста, хотя этого и не видно съ перваго раза, и отъ воротъ во внутрь дворы ихъ иногда бываютъ такъ малы, что въ нихъ съ трудомъ поворачивается телѣга. Причиною этого представляется съ одной стороны то, что дворъ бываетъ загроможденъ различными принадлежностями лавки и дома, а съ другой — самое расположеніе построекъ. Почти у самыхъ воротъ, по большей части во всю ширину двора, тянется зданіе

или самой лавки, или ея складочныхъ магазиновъ. За этимъ главнымъ зданіемъ, виднымъ съ улицы, обыкновенно слѣдуетъ гораздо еще большая половина двора, въ которой помѣщаются кухни, службы, складочные амбары, и пр. Такимъ образомъ, вступивъ въ ворота китайской лавки, всегда видишь небольшой дворикъ, обстроенный съ трехъ сторонъ продолговатыми одноэтажными зданіями съ довольно узкими галлереями, иногда открытыми, а иногда поддерживаемыми съ боковъ колоннами, покрытыми сверху навѣсомъ общей крыши зданія. Оконечности крыши, образующія навѣсъ галлереи, украшаются также рѣзьбой и рисунками на подобіе того, какъ это устроивается надъ воротами. Въ лѣтнее время во многихъ лавкахъ на галлереяхъ устанавливаютъ цвѣты и растенія, насаженныя въ

Китайская лавка въ Маймачэнѣ.

банкахъ и ящикахъ, а иногда такіе же цвѣты устанавливаются на особыхъ поставцахъ и лѣсенкахъ посреди двора; все это придаетъ двору очень пріятный видъ, особливо послѣ однообразной и пустынной монгольской степи; зимою вмѣсто цвѣтовъ устанавливаютъ елки и другія хвойныя деревья, и такимъ образомъ китайская лавка является нѣкоторымъ образомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ садомъ. Отъ воротъ до лавки дворъ у болѣе состоятельныхъ фирмъ почти всегда бываетъ выстланъ деревянными досками и представляетъ собою довольно чистый полъ, а у небогатыхъ купцовъ къ лавкѣ ведетъ вымощенная досками дорожка, по которой и доходишь до дверей лавки. Двери эти почти никогда не бываютъ створча-

тыя, а прикрываются или завѣсою изъ обшитаго синимъ холстомъ войлока, или же имѣютъ одностворчатую дверь, въ нижней филенкѣ на глухо забитую деревомъ, а въ верхней открытую. Въ эту верхнюю филенку двери вставляются рамы, заклеенныя бумагою, для бо̀льшаго свѣта въ лавкѣ. Окна въ лавкѣ всегда располагаются съ одной стороны, выходящей на передній планъ; рамы ихъ состоятъ изъ палочекъ нѣсколько тоньше тѣхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ оконныхъ рамахъ, и расположенныхъ въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ: кругами, треугольниками, квадратами, осьмиугольниками и пр. Палочки украшаются рѣзьбой и раскрашиваются снаружи, а внутри заклеиваются бумагою, замѣняющею стекла. Такъ какъ бумага пропускаетъ сквозь себя очень мало свѣта, то китайцы принуждены бываютъ устроивать окна почти во всю стѣну, такъ что стѣны ихъ зданій, выходящія на дворъ, можно сказать, строятся съ этой стороны только на половину, а верхняя половина ихъ составляетъ окна; что касается крыши зданія, то она съ этой стороны держится на углахъ боковыхъ стѣнъ и на небольшомъ простѣнкѣ въ самой срединѣ зданія, то-есть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорублена дверь въ лавку. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ лавкахъ вставлены между бумагой и стекла, и при этомъ въ такомъ количествѣ, что еслибы всѣ эти стекла были соединены въ два окна средней величины, то, кажется, служили бы совершенно достаточнымъ освѣщеніемъ для лавки; но китайцы такъ привыкли къ своимъ громаднымъ, заклееннымъ бумагой окнамъ, что до сихъ поръ не думаютъ о возможности имѣть и бо̀льшее освѣщеніе и въ то же время, оставляя открытымъ меньшее пространство, избѣжать излишней стужи зимою. Можно предполагать, что при своихъ подчасъ черезчуръ уже неумѣстныхъ наклонностяхъ къ изящному, китайцы не знаютъ истиннаго свѣта, проходящаго чрезъ стекло, потому что никогда не пользуются имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если богатый китаецъ вставляетъ стекло въ раму своего окна, онъ почти никогда не оставитъ его чистымъ, а непремѣнно или налѣпитъ на него какую-нибудь картинку, или изукраситъ живописными изображеніями цвѣтовъ, животныхъ, сценъ изъ своего древняго народнаго быта и проч. Въ лавкахъ обыкновенно очень не много товаровъ, такъ какъ здѣшніе китайцы имѣютъ обычай хранить товары въ кладовыхъ и амбарахъ, въ лавкахъ же содержатъ только на показъ имѣющіеся у нихъ сорты матерій и прочихъ произведеній мануфактуры, по одному и много по два куска; кромѣ того, здѣсь у нихъ выставлены мелкія вещи и галантерейные товары, игрушки, мелкія принадлежности туалетовъ, колоніальные товары: конфекты, сахаръ, табакъ и проч. Все это стоитъ на полкахъ открытымъ, и развѣ только самыя дорогія вещи располагаются въ поставцахъ и шкафахъ за стекломъ.

Товарами занимаютъ обыкновенно двѣ стѣны, а на третьей иногда развѣшиваютъ продающееся готовое платье, если лавка торгуетъ и этимъ товаромъ, въ большинствѣ же случаевъ третья стѣна остается свободною и назначается мѣстомъ для пріема покупателей, остающихся подолгу въ лавкѣ. Съ этою цѣлью устроивается здѣсь канъ, или невысокая, но широкая лежанка, подогрѣваемая печью снизу. На канѣ, кромѣ покрывающихъ его войлоковъ и двухъ-трехъ олбдковъ (тонкая подушка, дѣлаемая обыкновенно четыреугольнымъ квадратомъ изъ двухъ или трехъ простеганныхъ войлоковъ и обшитая какою-либо матеріею) передъ столомъ, вышиной въ полъ-аршина, ничего не имѣется; передъ столомъ же всегда стоитъ жаровня съ теплящимися углями, зимою для обогрѣванія, а лѣтомъ для раскуриванія трубокъ. Здѣсь, впрочемъ, китайцы принимаютъ только покупателей второго разряда; богатые пользуются бдльшимъ почетомъ и приглашаются во второе, дальнѣйшее отдѣленіе лавки. Здѣсь тотъ же канъ, два-три табурета, на столахъ разставлены вѣсы, разложены торговыя книги и счеты; иногда, съ тѣми же принадлежностями всякой торговой конторы, стоитъ и нѣсколько шкафовъ. Товаровъ въ этой комнатѣ не бываетъ, и вмѣсто нихъ стѣны украшаются зеркалами, картинами, или продолговатыми листами, на которыхъ размашисто и красиво написаны изреченія изъ классическихъ книгъ. Таковою обыкновенно представляется богатая китайская лавка въ Хўрѣни и Маймачэнѣ. Всѣ онѣ устроиваются на одинъ манеръ и единственную разницу можно находить развѣ въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не выставляютъ на показъ товаровъ и имѣютъ у себя открытыми только конторы; въ такихъ лавкахъ все требуемое покупателями приносится изъ складочныхъ магазиновъ.

Лавки втораго разряда не столько отличаются отъ богатыхъ торговыхъ домовъ своими товарами, такъ какъ въ нихъ можно находить почти то же самое, сколько самымъ своимъ устройствомъ. Почти всѣ эти лавки не имѣютъ своихъ торговыхъ конторъ, какъ отдѣльныхъ помѣщеній, и оставляютъ очень не большіе склады. Такой порядокъ и устройство ихъ въ свою очередь обусловливается тѣмъ, что онѣ сами привозятъ изъ Китая, а равно и получаютъ на свое имя изъ-за Великой Стѣны весьма незначительное количество товаровъ, и при нуждѣ, берутъ ихъ изъ пекинскихъ лавокъ, торгующихъ тутъ же, въ Ургѣ. Лавки этого разряда принадлежатъ по большей части лаосѝрамъ, т. е. выходцамъ изъ западнаго Китая. Онѣ строятся лицомъ на улицу и вмѣсто дверей имѣютъ широкія пробоины, закладываемыя, когда лавка запирается, досками, въ количествѣ отъ 10-ти до 13-ти. Шагахъ въ двухъ отъ входа въ лавку располагается полóкъ (прилавокъ), за которымъ на полкахъ разложены товары; мелоч-

ныя вещи, каковы: тесьма, веревки, узды, украшенія сѣделъ и упряжи привѣшиваются къ потолку и т. д. Изъ лавки устроивается входъ въ комнату хозяина, здѣсь же помѣщается и его контора. Покупатели и посторонніе сюда почти никогда не заходятъ, какъ потому что это не пріемная, общественная комната, а нѣкоторымъ образомъ хозяйское жилое помѣщеніе, такъ и потому, что покупатели приходятъ сюда для покупокъ розничныхъ, а не оптовыхъ, и слѣдовательно рѣдко остаются въ лавкѣ долгое время: по большей части они оканчиваютъ дѣло у полка̀, то-есть, пройдя два шага отъ наружной двери.

Третій еще болѣе низшій разрядъ лавокъ похожъ по своему внѣшнему устройству на лавки второго разряда и разнится отъ нихъ преимущественно своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Какъ и во всякихъ другихъ мѣстахъ, въ этихъ мелочныхъ лавкахъ товары продаются самые обиходные и количество ихъ въ лавкѣ разнообразится также безконечно, какъ безконечно разнятся самыя личности торговцевъ, ихъ капиталы, довѣріе къ нимъ кредиторовъ, условія пріобрѣтенія товаровъ и потребные предметы сбыта. За внутреннею оградой Маймачэна, или собственно въ китайской части его, помѣщаются главнымъ образомъ лавки перваго разряда; второй и третій разряды наполняютъ монгольскую часть города, но и здѣсь лавки не смѣшиваются съ монгольскими жилищами, а группируются отдѣльно отъ нихъ, располагаясь вокругъ частокола китайскаго города. Такимъ образомъ, вышедъ за ворота китайской части Маймачэна и вступивъ въ монгольскую часть его, снова встрѣчаешь китайскія лавки, только расположенныя открыто. Онѣ дышатъ здѣсь большею жизнью, да и народу въ этихъ мѣстахъ всегда бываетъ больше, нежели въ китайской части.

Кромѣ лавокъ, здѣсь существуютъ и разносчики; на лоткахъ разложено продаваемое по вѣсу мясо, по частоколу развѣшаны гуси, утки, иногда зайцы, — избытокъ отъ охоты монголовъ, который привозятъ они для продажи въ городъ; монголки продаютъ здѣсь ягоды, масло и другіе предметы своего труда и хозяйства, а иныя сидятъ за продажею различныхъ поясковъ, нагрудниковъ, дѣтскихъ игрушекъ, шапокъ и проч. Должно замѣтить, впрочемъ, что особенная оживленность торговли и дѣятельности сосредоточивается, главнымъ образомъ, на западной части китайскаго Маймачэна, и притомъ только у среднихъ воротъ его частокола: въ другихъ мѣстахъ торговля идетъ та же самая, только гораздо тише. Мѣсто у среднихъ западныхъ воротъ можно было бы, пожалуй, назвать базаромъ, только здѣсь нѣтъ ни площади, ни другихъ принадлежностей базаровъ, хотя, правда, пространство, на которомъ здѣсь собираются торговцы, и

представляется нѣсколько шире одной улицы, потому что оно представляетъ соединеніе нѣсколькихъ улицъ у воротъ частокола Маймачэ̀на.

Кромѣ лавокъ, въ китайской части Маймачэ̀на имѣется еще двѣ гостинницы для пріѣзжающихъ (дянь), въ которыхъ останавливаются главнымъ образомъ китайцы, пріѣзжающіе въ Ургу на время, или бывающіе въ ней проѣздомъ. Проѣзжающій можетъ занять одну, двѣ, три, четыре комнаты, но всѣ онѣ никогда не могутъ составлять одной квартиры и будутъ совершенно отдѣльныя, съ отдѣльными ходами, ибо таково уже устройство китайскихъ зданій этого назначенія. Комната имѣетъ мѣру цзяня и ровно на половину занимается каномъ, устланнымъ войлоками и олбо̀ками; кромѣ того, въ ней стоятъ два-три стола и стула, на стѣнахъ развѣшаны картины, или рукописи, вотъ и все убранство комнатъ, однообразныхъ какъ двѣ капли воды. Каждая, гостинница въ Ургинскомъ Маймачэ̀нѣ имѣетъ 30 цзяней, и слѣдовательно 30 нумеровъ. Остановившіеся необходимо имѣютъ здѣсь и обѣдъ, и занявшій одинъ цзянь со столомъ платитъ одинъ кирпичъ чаю въ сутки (отъ 60—65 коп. сер. на наши деньги). Извозчиковъ въ Маймачэ̀нѣ нѣтъ, а равно не содержатъ ихъ и гостинницы; но частнымъ образомъ можно всегда достать для проѣзда и верховую лошадь, и китайскую телѣгу, нужно лишь заранѣе попросить объ этомъ хозяина гостинницы. Кабаковъ въ Маймачэ̀нѣ нѣтъ, а есть то, что̀ у насъ называютъ «бѣлой харчевней», т. е. мѣсто, гдѣ продается водка распивочно, и гдѣ въ то же время всегда можно достать нѣчто въ родѣ обѣда, пить чай и проч. Харчевни эти обыкновенно располагаются при небольшихъ лавочкахъ, въ которыхъ продаются самые мелкіе товары, табакъ, нѣчто въ родѣ хлѣба, пряниковъ и тому подобное. Черезъ лавку проходите въ помѣщеніе харчевни, состоящее изъ двухъ или трехъ комнатъ, по устройству подобныхъ комнатамъ въ гостинницахъ, и спрашиваете себѣ, что нужно. Цѣны существуютъ весьма умѣренныя, такъ: одинъ китайскій фунтъ жареной баранины стоитъ 16 к., пять яицъ 16 коп., двадцать пельменей 30 коп., тарелка супу изъ баранины 16 коп.; изъ спиртныхъ напитковъ продается дарасу̀нъ, бутылка — 18 к., а ½ бут. 10 коп.; ха́ньшинъ, бут. 60 коп., а ½ бут. 36 коп. Китайцы рѣдко посѣщаютъ эти заведенія, но за то монголы оставляютъ въ нихъ много денегъ, особливо когда разгоряченные виномъ они увлекаются всегда имѣющимися здѣсь красавицами. Такихъ харчевень въ Маймачэ̀нѣ считается до пятидесяти семи, и почти всѣ онѣ расположены во второй части города — монгольской.

Здѣсь же, въ южной и особливо въ юго-восточной части Маймачэ̀на сосредоточиваются ургинскіе лѣсные склады. Надлежитъ замѣтить, что торговля лѣсомъ представляетъ собою одну изъ довольно значительныхъ отра-

слей китайской промышленности въ Ургѣ, и въ ургинскомъ Маймачѣнѣ вмѣстѣ съ Хўрѣнемъ имѣется всего до 100 конторъ, занимающихся этою торговлею. Изъ числа ихъ 28 конторъ принадлежитъ калганскимъ торговцамъ, 36 хўхў хотòскимъ, одна контора изъ Бирў-хотò, а остальныя изъ Шань-си, или точнѣе Тянь-чжэна и Си-чэна. Собственно въ Маймачѣнѣ конторъ, ведущихъ вывозную торговлю лѣсомъ, считается свыше 30, большими же изъ нихъ, въ числѣ шести, почитаются тѣ, которыя сбываютъ лѣса ежегодно на сумму отъ 300 до 600 мѣстъ кирпичнаго чая, или, на сумму отъ 5,500 до 10,000 и даже 11,000 руб. сер.; остальные торгуютъ меньше и наконецъ до десятка складовъ имѣютъ годовой оборотъ не свыше 50—60 мѣстъ, т. е. на сумму 800—1000 сер. руб. Общая годовая сумма отпуска лѣса изъ Урги простирается до 100 тыс. руб. или немногимъ болѣе.

Лѣсъ заготовляется въ окрестностяхъ Урги и главнымъ образомъ къ сѣверу отъ нея, на пространствѣ верстъ 80; особенно важными въ этомъ отношеніи являются мѣстности: Бургултàй (60 верстъ отъ Урги), Кўй-мàндалъ (30 верстъ) Гўни-гурбў-ўртō (80 верстъ), Хандагàй (60 верстъ) и нѣкоторыя другія урочища въ хошўнахъ Пунъ-бэйсэ, Мандорвà-гўна, и особливо Лубсàнъ-дондòба, Дà-цинъ-вàна и Цзянь-цзюнь-вàна. Богатыя лѣсныя фирмы входятъ для сего въ сношенія съ хошўнами и арендуютъ въ хошўнныхъ управленіяхъ принадлежащіе онымъ и ростущіе по горамъ отдѣльные лѣсные участки, на срубъ; засимъ онѣ посылаютъ туда своихъ работниковъ китайцевъ же, въ помощь имъ нанимаютъ еще монголовъ, которые совокупными силами и изготовляютъ дерево на продажу. За работу по порубкѣ лѣса монгольскіе работники берутъ въ этихъ случаяхъ съ китайскихъ лавокъ, смотря по длинѣ и толщинѣ лѣса, отъ 10 до 20 шарацаевъ [1]) съ бревна. Менѣе состоятельныя фирмы пріобрѣтаютъ лѣсъ небольшими партіями отъ монголовъ, которые давно уже научились отъ китайцевъ заготовлять брусья въ потребной для нихъ формѣ и по принятой у нихъ мѣрѣ. Брусья эти всегда бываютъ одинаковой длины и ширины, а именно, длиною въ 7 китайскихъ чи [2]), шириною въ одинъ чи, толщина же бруса бываетъ различна и считается по такъ называемымъ клеймамъ. Каждое клеймо содержитъ въ себѣ, при объясненной выше длинѣ и ширинѣ, 2 китайскихъ цўня [3]). Въ брусѣ бываетъ отъ 5 до 9 клеймъ.

Продажа и отправка лѣса изъ Урги совершается почти въ теченіе всего года и до нѣкоторой степени только сокращается весною. Главнѣй-

1) Шарацай — номинальная денежная единица = $^1/_{30}$ большаго кирпича чая и оцѣниваемая русскими въ 2 коп.

2) Китайскій «чи» = 14,1 русск. дюйма.

3) Китайскій цунь = 1,41 русск. дюйма.

шій вывозъ направляется въ Хўхў-хотò, Ка́ланъ и отчасти въ Долбнъ-нўръ; перевозка совершается лѣтомъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками, а зимою во вьюкахъ, на верблюдахъ. Спеціальные караваны съ лѣсомъ изъ Урги, впрочемъ, снаряжаются очень рѣдко: его поднимаютъ и увозятъ отсюда обратные ямщики, привозящіе мануфактурные товары изъ Хўхў-хотò, чай изъ Ка́лгана и муку изъ Долбнъ-нўра. Конечно, первою заботою этихъ ямщиковъ бываетъ увезти болѣе удобную кладь, напримѣръ: кожи, шерсть, волосъ и другое сырье; не находя же этихъ продуктовъ, они, чтобы не гнать верблюдовъ, или телѣгъ обратно пустыми, берутъ и лѣсъ. Есть однако хўхў-хотò'скіе и фынъ-чжэн'скіе извозчики, которые еще у себя, на родинѣ, принимая подрядъ на доставку въ Ургу мануфактуры, въ то же время заключаютъ и условіе привезти обратно въ Хўхў-хотò лѣсъ. Количество такихъ извозчиковъ всегда имѣетъ рѣшающее значеніе для установки цѣны на доставку лѣса изъ Урги къ югу. Отправляется изъ Урги лѣсныхъ товаровъ ежегодно: въ Хўхў-хотò отъ 1000 до 1600 телѣгъ и до 2000 верблюдовъ; считая среднимъ числомъ на каждаго верблюда и телѣгу по 28 клеймъ, отъ 80,000 до 100,000 клеймъ; въ Ка́ланъ отъ 1000 до 1500 телѣгъ и отъ 2000 до 3500 верблюдовъ, т. е. отъ 90,000 до 140,000 клеймъ; въ Долбнъ-нўръ считаютъ вывозимымъ всего 15,000—20,000 клеймъ. Провозная цѣна для лѣса отъ Урги до Хўхў-хотò, по словамъ китайцевъ, въ разные годы колеблется въ размѣрѣ отъ 1 лана, до 1 лана 2 циновъ серебра за каждую телѣгу, или верблюда; до Ка́лгана — отъ 1 лана 3 цинъ, до 1 лана 8 цинъ за такія же подводы, что же касается Долбнъ-нўра, то, несмотря на то, что онъ отстоитъ отъ Урги на болѣе близкомъ пространствѣ чѣмъ Ка́ланъ, цѣна на провозъ въ него бываетъ одинакова съ калганскою. Обусловливается эта кажущаяся ненормальность тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Долбнъ-нўръ всегда бываетъ мало обратныхъ извозчиковъ, хотя нельзя не отмѣтить, что за послѣднее время число ихъ изъ года въ годъ все больше и больше возрастаетъ, въ силу увеличившейся доставки въ Ургу изъ Долбнъ-нўра и Бирў-хотò хлѣбныхъ продуктовъ.

Опредѣлить стоимость лѣса для самихъ ургинскихъ торговцевъ, особливо богатыхъ, арендующихъ лѣса у монголовъ на срубъ, — довольно трудно; плата опредѣляется монголами, смотря по размѣру участка, отъ 5 до 15 мѣстъ чая въ годъ, при чемъ участокъ измѣряется лишь приблизительно; разсчетъ производится по большей части также чаемъ, но бываютъ случаи, что китайцы уплачиваютъ и серебромъ, и товарами; менѣе состоятельныя фирмы пріобрѣтаютъ лѣсъ отъ монголовъ, по разсчету, отъ 12 до 14 шарацаевъ, т. е. отъ 24 до 28 коп., за клеймо. Послѣдній разсчетъ, ко-

нечно, нельзя признать вполнѣ правильнымъ, съ одной стороны потому, что китайцы оплачиваютъ бѣднякамъ монголамъ стоимость лѣса всегда товаромъ по разцѣнкѣ онаго для продажи; а съ другой, и еще болѣе потому, что заключая съ монголами условіе на доставку лѣса, китайцы обыкновенно задаютъ имъ товары впередъ, при чемъ, пользуясь нуждой кочевниковъ, искусственно повышаютъ цѣну своего товара и понижаютъ стоимость лѣса. Продавался въ 1892 г. въ Ургѣ лѣсъ на вывозъ съ китайскихъ складовъ по цѣнѣ 18 шарацаевъ, т. е. около 36 нашихъ копѣекъ, за клеймо.

Большая часть среднихъ и мало-состоятельныхъ фирмъ, торгующихъ лѣсомъ въ Маймачэнѣ, и рѣшительно всѣ лѣсовщики, ведущіе свое дѣло въ Хўрэни, помимо продажи лѣса брусьями, занимаются еще и разными деревянными подѣлками, каковы: телѣги, посуда, домашняя мебель, утварь и пр. Сбываютъ они все это преимущественно мѣстнымъ ургинскимъ, а также и степнымъ монголамъ, при чемъ уже ни одна изъ фирмъ не продаетъ въ городѣ разнаго рода деревянныхъ подѣлокъ на сумму менѣе 40 мѣстъ чая.

Лавки, производящія въ Ургѣ лѣсную торговлю, обжиганіемъ угля не занимаются; это дѣло сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ самихъ монголовъ, хотя въ Маймачэнѣ и есть двѣ — три артели китайцевъ, промышляющихъ изготовленіемъ и продажею угля, съ каковою цѣлью они снимаютъ лѣсные участки въ тѣхъ же хошўнахъ.

Жилища монголовъ отличаются отъ китайскихъ еще съ улицы. Заборы ихъ не обмазаны глиною и представляютъ собою частоколъ изъ бревенъ лиственницы; ворота, не имѣющія навѣса, какъ это всегда дѣлается у китайцевъ, у всѣхъ однообразно окрашены въ красную краску и, въ совершенную противоположность китайскимъ, никогда не бываютъ отворены. На телѣгахъ монголы никогда не ѣздятъ, а потому, собственно говоря, и не имѣютъ нужды въ воротахъ; они сами проходятъ, прогоняютъ свой скотъ и проводятъ своихъ верховыхъ лошадей черезъ широкія калитки, которыхъ не дѣлаютъ въ своихъ домахъ китайцы. За оградой у монголовъ всегда большой дворъ, но службъ на немъ они строятъ очень мало и большею частію всѣ надворныя постройки ограничиваются устройствомъ однихъ навѣсовъ у забора, подъ которыми стоятъ телѣги, если хозяинъ дома промышляетъ извозомъ, — нѣтъ, такъ здѣсь располагаются ящики, кадки и пр. Посреди двора стоитъ одна или двѣ юрты, точно такія же, какъ мы видѣли у хўрэнскихъ ламъ; въ нихъ проводятъ монголы зимнее время. За юртами выстроенъ байшинъ, въ которомъ живутъ лѣтомъ. У богатыхъ монголовъ бываетъ по два и по три байшина, но описывать ихъ нѣтъ нужды, потому что всѣ они построены на одинъ манеръ, какъ у китайцевъ, такъ и у монголовъ.

Переходя теперь къ общему описанію построекъ домовъ, я долженъ прежде всего сказать, что въ хӯрѣнскомъ Маймачѣнѣ дома деревянные. Постройки китайцевъ кажутся глиняными и снаружи можно ихъ принять за выстроенные изъ употребляемаго китайцами на устройство своихъ жилищъ не обожженнаго кирпича; но я говорилъ уже, что онѣ обмазываются только глиною поверхъ дерева, какъ въ предохраненіе послѣдняго отъ скораго гніенія, такъ и для большаго сохраненія тепла внутри зданія. Строевой лѣсъ для зданій рубится въ улятайскомъ лѣсу (при вершинѣ р. Улятай); но однако въ послѣднее время его тамъ стало очень мало, такъ что лѣсъ привозятъ изъ различныхъ мѣстностей къ сѣверо-западу отъ Урги. Для построекъ по преимуществу употребляется лиственница; изъ ея же бревенъ дѣлаются и крыши домовъ, а равно заборы и всякаго рода надворныя постройки. Монголы не обмазываютъ заборовъ глиною, но за то, какъ и китайцы, сполна штукатурятъ свои байшины, не исключая и крышъ. Благодаря глинистой почвѣ, на которой стоитъ Урга вообще, матеріала этого весьма достаточно въ Маймачѣнѣ: глина находится вездѣ и у самаго Маймачѣна можно встрѣтить ея копи; однако, лучшею почитается глина, добываемая изъ горъ Чингильтӯ, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ Маймачѣна. Изъ нея въ Ургѣ выдѣлываются горшки, кирпичи и черепица. Гончарное ремесло принадлежитъ однимъ китайцамъ, а монголы не принимаютъ рѣшительно никакого участія въ работахъ подобнаго рода. Кирпичи выдѣлываютъ въ четыреугольныхъ деревянныхъ формахъ на подобіе нашихъ, и обожженный онъ вѣситъ отъ 7 до 9 фунтовъ. Цѣна обожженнаго кирпича отъ 60 до 65 коп. за 25 штукъ; не обожженныхъ за ту же цѣну даютъ 200. Кирпичъ какъ обожженный, такъ и не обожженный, при постройкѣ домовъ употребляется только на устройство печей, одинаково какъ монголами, такъ и китайцами, хотя первые пользуются главнымъ образомъ сырцемъ, а вторые предпочитаютъ обожженный. Для крышъ нѣкоторые китайцы употребляютъ черепицу, но въ большинствѣ они устраиваютъ ихъ также изъ лиственичныхъ бревенъ. Вообще, постройка дома въ Ургѣ стоитъ не особенно дорого и главнѣйшее затрудненіе встрѣчается здѣсь въ недостаткѣ мастеровыхъ рукъ. Всѣхъ плотниковъ въ Ургѣ считается не болѣе тридцати человѣкъ. Большинство изъ нихъ китайцы, но нанимаютъ ихъ съ неохотою, потому что болѣе прочною считается работа монгольскихъ плотниковъ. Всѣ дома строятся по подряду и среднюю цѣну байшина въ три цзяня (обыкновенная величина монгольскаго дома), можно положить отъ 10 до 12 мѣстъ чаю, что̀ составитъ на наши деньги отъ 225 до 300 р. Само собою разумѣется, что не каждый монголъ строитъ свой домъ и большинство маймачѣнскихъ монголовъ живутъ на наемныхъ

квартирахъ. Въ наемъ отдаются юрты, и за одну изъ нихъ, безъ отопленія и освѣщенія, среднею платою, можно положить отъ 2 до 3 р. сер. въ мѣсяцъ. Какъ монголы, такъ и монголки, нанимаютъ обыкновенно юрты обществами въ два—три человѣка и такимъ образомъ плата за квартиру доходитъ у нихъ до цѣны нѣсколькихъ копѣекъ въ мѣсяцъ.

Содержаніе монголовъ въ Маймачѣнѣ, только благодаря крайней неприхотливости ихъ вкуса, обходится имъ не особенно дорого. Мука, мясо и чай — вотъ три продукта, которые представляютъ насущную потребность маймачѣнскихъ монголовъ, и продукты эти они получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: кирпичъ чаю въ $2\frac{1}{2}$ кит. фунта (цзузāнъ) отъ 60 до 65 коп.; крупчатка второго сорта, привозимая съ Селенги, изъ Кáлгана, Долōнъ-нӯра, или изъ Бирӯ-хотò, 9—11 коп. за китайскій фунтъ. Ржанаго хлѣба и муки въ Монголіи вообще не употребляютъ, а первый сортъ крупчатки привозится въ довольно незначительномъ количествѣ и китайскій фунтъ ея стоитъ 12—13 коп.; мясо скотское, продаваемое здѣсь вмѣстѣ съ костями, отъ 4 до 6 коп. за китайскій фунтъ. Китайцы, какъ болѣе привыкшіе къ изысканному столу, употребляютъ, въ видѣ приправы къ кушаньямъ, разнаго рода зелень, почему въ самомъ Маймачѣнѣ, на окраинахъ города, нѣкоторые изъ китайцевъ разводятъ небольшіе огороды, плоды которыхъ продаютъ здѣсь же, въ Маймачѣнѣ. Такимъ образомъ здѣсь получаютъ тыкву въ продажѣ — за штуку по полкирпича чая, или отъ 30—32 коп.; морковь, петрушку и редиску продаютъ на вѣсъ и даютъ на одинъ кирпичъ чаю до 25—27 китайскихъ фунтовъ; капусту китайскую продаютъ на кирпичъ чаю до 30 гиновъ; картофель на вѣсъ продается рѣдко, а обыкновенную мѣру, которою пріобрѣтается онъ монголами въ мелочной продажѣ, составляетъ маховая сажень положенныхъ въ рядъ плодовъ картофеля; это стоитъ 10 шара-цàевъ, или на наши деньги около 20 коп. Кромѣ того, разводятъ и продаютъ лукъ, чеснокъ и огурцы китайской породы, но послѣдніе въ самомъ незначительномъ количествѣ. Дома отапливаются, главнымъ образомъ, дровами лиственичными, сосновыми, а иногда и березовыми, но монголы предпочитаютъ дровамъ аргàлъ и истребляютъ его въ зиму въ количествѣ отъ 70 до 80 телѣгъ на каждую юрту.

Занятіемъ китайцевъ служитъ почти исключительно торговля, и только самая незначительная часть ихъ промышляетъ какимъ-либо ремесломъ [1]).

1) Подтвержденіе сказаннаго доказывается отношеніемъ торговыхъ мѣстъ къ общему числу домовъ въ городѣ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ прошлую поѣздку, но остающимся относительно вѣрными и теперь, на 374 двора, изъ которыхъ состоитъ Маймачѣнъ, приходится 124 лавки, 57 харчевень и 2 гостинницы, всего 183 торговыхъ мѣста, — иначе сказать: дворовъ, въ которыхъ не производится торговли, въ Маймачѣнѣ 191. Большинство изъ нихъ принадлежитъ монголамъ.

Товары въ китайскихъ лавкахъ можно находить какъ китайскіе, такъ и русскіе; послѣдніе пріобрѣтаются китайцами въ Кяхтѣ и на ярмаркахъ Верхнеудинской, Ирбитской и даже Нижегородской, а первые привозятъ изъ Пекина, Хўхў-хотò и Кàлгана. Этимъ же путемъ въ изобиліи доставляются въ Ургу европейскіе товары, или собственно произведенія англійской мануфактуры.

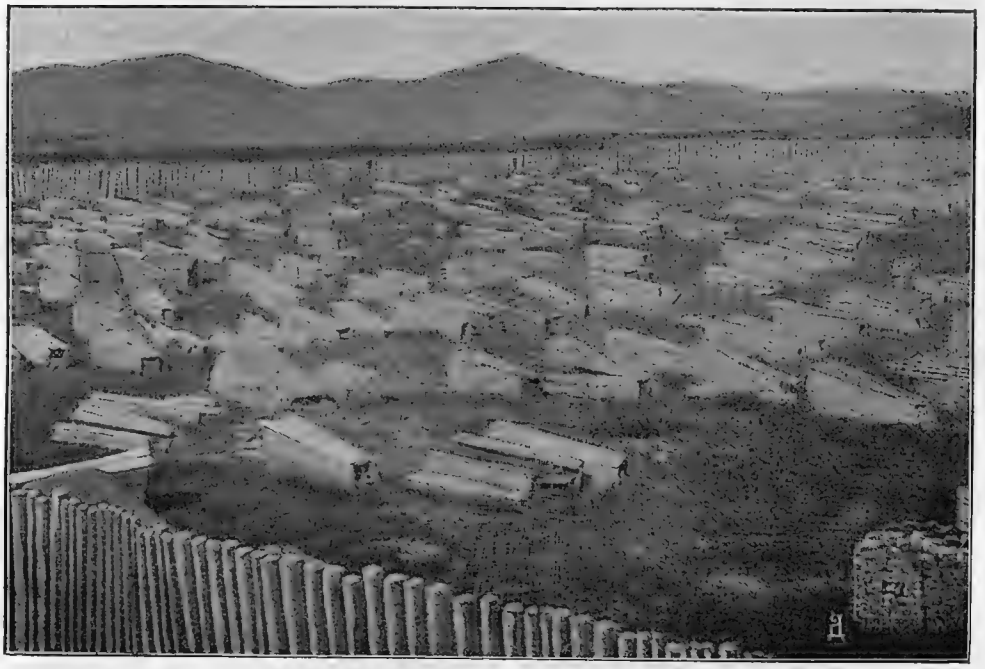
Что касается монголовъ, то они, живя въ Маймачѐнѣ, по преимуществу занимаются перевозкою товаровъ: чай и кожи они доставляютъ въ Кяхту, верблюжью и овечью шерсть и русскіе товары — въ Кàлганъ. Нанимаются они какъ у маймачѐнскихъ китайцевъ, такъ и проживающихъ въ Ургѣ русскихъ торговцевъ. Хозяйства въ Маймачѐнѣ монголы не имѣютъ, а оставляютъ весь свой скотъ на своихъ степныхъ пастбищахъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ маймачѐнскихъ монголовъ считаютъ свой скотъ тысячами, въ самомъ Маймачѐнѣ содержится едва ли болѣе ста головъ лошадей и не болѣе 5,000 овецъ; коровъ въ Маймачѐнъ приводятъ очень рѣдко, такъ какъ содержаніе коровъ дороже нежели содержаніе овецъ, да и выгоды, по понятіямъ монголовъ, овца приноситъ гораздо больше коровы. Масло — единственный продуктъ, который не можетъ доставить овца, — доставляется монголами изъ степи; молокомъ же они пользуются и отъ овецъ, имѣя, кромѣ того, отъ нихъ шерсть. Овцу стригутъ одинъ разъ въ годъ — осенью, и въ это время съ нея получаютъ отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фунта шерсти. Шерсть эта обыкновенно не сбывается, а идетъ на выдѣлку войлоковъ, которые такъ необходимы въ домашней жизни монголовъ. Выдѣлка войлоковъ, какъ и вообще приготовленіе всего необходимаго въ жизни, лежитъ исключительно на обязанности монголокъ. Овца приноситъ въ годъ одного ягненка и ягнится одинъ только разъ въ годъ. Болѣе бѣдные монголы содержатъ козъ, а китайцы разводятъ у себя только свиней, но и то въ самомъ незначительномъ количествѣ — не болѣе 30 штукъ во всемъ городѣ. Такая незначительность скотоводства въ городѣ обусловливается, конечно, главнымъ образомъ дороговизною содержанія животныхъ. Окрестности Урги представляютъ собою далеко не роскошное пастбище, а маймачѐнскіе монголы не привыкли заготовлять сѣно на зиму и содержатъ своихъ животныхъ на подножномъ корму въ теченіе цѣлаго года. Вотъ почему зимою, когда трава уже вся бываетъ вытравлена, монголы принуждены бываютъ покупать сѣно и дорого платить за этотъ продуктъ. Въ Маймачѐнъ сѣно привозятъ съ береговъ рѣкъ Хунцàла и Хары, находящихся верстахъ въ 60—70 къ сѣверу отъ Урги. Понятно, что при одномъ условіи дальняго пути оно не можетъ быть здѣсь дешево, и для монголовъ, которые привозятъ его сюда, составляетъ одну изъ наивыгод-

нѣйшихъ статей торговли; случаи, что одинъ пудъ сѣна доходитъ до цѣны двухъ кирпичей чаю, т. е., 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 коп., весьма не рѣдки. Конечно, монголы не лакомятъ своихъ животныхъ такимъ сѣномъ и покупаютъ для нихъ ветошь, или прошлогоднюю траву, собираемую зимою граблями, но и это стоитъ не особенно дешево; именно, возъ ветоши, пуда въ 4, также рѣдко продается дешевле двухъ кирпичей чаю. Вообще содержаніе лошади въ Маймачѣнѣ въ зимній мѣсяцъ, при томъ образѣ хозяйства, къ которому привыкли монголы, можетъ стоить никакъ не менѣе 10—12 руб., что̀ для монгола составляетъ весьма значительную сумму.

По вѣроисповѣданію жители Маймачѣна раздѣляются собственно на два разряда, даосовъ и буддистовъ: къ первымъ принадлежатъ исключительно китайцы, ко вторымъ — всѣ монголы и незначительное количество китайцевъ. Кромѣ того, въ Маймачѣнѣ живетъ до 20 монголовъ-шамановъ, хотя ихъ, собственно говоря, можно считать шаманистами на столько же, на сколько всякаго китайца можно считать даосомъ, буддистомъ и конфуціанцемъ. Всѣ ургинскіе шаманы въ то же время и буддисты, и яснѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что старуха-шаманка, съ которою пришлось мнѣ впервые познакомиться, была даже принявшею обѣты шибаганцы̀ (буддійская монахиня). Вообще должно сказать, что въ Хӯрэ̄ни шаманство существуетъ не какъ какое-либо вѣроисповѣданіе, а какъ кудесничество, какъ ворожба, которою промышляютъ частныя лица, желая какимъ бы то ни было образомъ увеличить свои средства къ жизни. Такимъ образомъ въ Маймачѣнѣ существуютъ только два вѣроисповѣданія, даоское и буддійское, и сообразно сему здѣсь устроены и кумирни. Всѣхъ кумирень въ Маймачѣнѣ четыре: три даоскихъ въ различныхъ мѣстахъ китайской части города и одна буддійская, построенная въ юго-западной сторонѣ части монгольской. Кромѣ исчисленныхъ общественныхъ зданій, въ Маймачѣнѣ есть еще театръ, находящійся противъ кумирни Гэсэ̀ра, почти въ самомъ центрѣ китайскаго Маймачѣна. Постоянной труппы, впрочемъ, въ ургинскомъ Маймачѣнѣ нѣтъ и актеры бываютъ только наѣздомъ изъ Ка̀лгана и Хӯхӯ-хото̀. Наѣзды эти случаются раза три, четыре въ годъ, и, конечно, производятъ большое движеніе въ Маймачѣнѣ.

Засимъ къ числу общественныхъ мѣстъ въ ургинскомъ Маймачѣнѣ можно причислить еще китайское кладбище. Находится оно на сѣверномъ концѣ Маймачѣна и представляетъ собою обширный плацъ, обнесенный оградою изъ стоящихъ лиственичныхъ бревенъ. Съ южной стороны этого плаца устроенъ ба́йшинъ съ прилегающими къ нему дворомъ и хозяйственными постройками; это помѣщеніе кладбищенскаго сторожа. Въ задней

сторонѣ его двора имѣются большія створчатыя ворота, которыя ведутъ на кладбище и черезъ которыя проносятъ погребаемыхъ здѣсь покойниковъ. Общее число могилъ на китайскомъ кладбищѣ сравнительно очень



Китайское кладбище въ Маймачэнѣ.

не велико: за свыше пятидесятилѣтній періодъ существованія кладбища здѣсь образовалось не болѣе 200 гробницъ. Извѣстенъ обычай, по которому китайскія семейства, владѣющія собственною землею, предпочитаютъ хоронить своихъ членовъ на этой послѣдней; и, согласно такому обычаю, большая часть умершихъ въ Ургѣ китайцевъ бываетъ увозима своими близкими на родину, въ застѣнный Китай, — въ Ургѣ остаются только люди совершенно бѣдные, а еще чаще бездомные одиночки. Для своихъ покойниковъ китайцы дѣлаютъ обыкновенно очень большіе гробы: не менѣе сажени въ длину и до аршина съ четвертью вышиною, употребляя притомъ доски толщиною не менѣе $2^1/_2$, а чаще въ 3 и даже 4 дюйма. Гробъ имѣетъ нѣкоторое подобіе нашего: онъ также бываетъ шире въ головахъ и уже въ ногахъ, причемъ доска у изголовья не рѣдко дѣлается выгнутою въ наружную сторону и всегда бываетъ выше, чѣмъ въ ногахъ; такимъ образомъ крышка гроба представляется всегда въ наклонномъ положеніи. Дѣлается эта крышка обыкновенно шире самаго гроба, съ шипами на нижней сторонѣ, которые плотно входятъ въ боковыя стѣнки гроба, на верхней же сторонѣ гробовая крышка бываетъ совершенно гладкою и не рѣдко даже

полируется. Устроивается все это такимъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы предохранить прахъ покойника отъ сырости и дать возможность дождевой водѣ съ удобствомъ скатываться съ гроба. Могилъ китайцы на своемъ кладбищѣ не имѣютъ и покойниковъ въ землю не закапываютъ, а заключивъ тѣло въ гробъ, ставятъ этотъ послѣдній на кладбищѣ прямо поверхъ земли, причемъ на изголовной доскѣ гроба надписывается имя и фамилія покойнаго, мѣсто его происхожденія, лѣта отъ рожденія и дата его смерти. Люди, болѣе состоятельные и усердные къ своимъ покойникамъ, дѣлаютъ еще иногда надъ поставленными поверхъ земли гробами футляры, имѣющіе видъ опрокинутыхъ надъ гробомъ деревянныхъ ящиковъ. Понятно, что при такомъ способѣ погребенія вонь на китайскомъ кладбищѣ бываетъ иногда просто невыносимою, да и по своему внѣшнему виду оно является весьма не привлекательнымъ. Изъ развалившихся отъ времени гробовъ видны кости, черепа, волосы и загрязненныя одежды покойниковъ; въ ямкахъ и образовавшихся отъ дождей лужахъ повсюду скопляется какая-то красновато-желтоватая жидкость, подернувшаяся саломъ, куда ни взглянешь, — вездѣ та же отвратительная нечистота и зловоніе.

Заведеній, устроенныхъ съ благотворительными цѣлями, какъ-то: больницъ, домовъ призрѣнія, богадѣленъ и прочаго, въ Маймачѣнѣ не существуетъ; при всемъ томъ здѣсь сравнительно мало видно нищихъ, ибо человѣколюбіе монголовъ призрѣваетъ у себя всѣхъ, кто ни появился бы въ ихъ юртѣ. Только больные сифилисомъ не находятъ у нихъ этого покровительства, а между тѣмъ они живутъ здѣсь въ очень большомъ количествѣ. Безбрачіе ламъ и одинокая безсемейная жизнь богатыхъ китайцевъ служатъ, безъ сомнѣнія, главнѣйшими причинами разврата женщинъ, обнаруживающагося у нихъ въ самыхъ раннихъ лѣтахъ и въ самыхъ крайнихъ размѣрахъ. Отцы и матери не только смотрятъ равнодушно на развратъ своихъ дочерей, но еще бываютъ причинами ихъ паденія, продавая ихъ за одно, много два мѣста чаю (16—32 руб.). Мужья безъ зазрѣнія совѣсти отпускаютъ своихъ женъ, лишь бы онѣ приносили домой плату. Само собою разумѣется, что при такой низкой степени нравственныхъ понятій и при томъ перевѣсѣ мужскаго населенія надъ женскимъ, который существуетъ въ Ургѣ, проявленіе сифилиса въ самыхъ крайнихъ размѣрахъ составляетъ естественное послѣдствіе обстоятельствъ. Заболѣвающіе сифилисомъ лѣчатся у ламъ и если успѣваютъ хоть немного поправиться, то уѣзжаютъ въ степь; если же не вылѣчиваются, то остаются совершенно безъ призрѣнія, еле таскаясь по улицамъ, или валяясь у заборовъ, на оконечностяхъ города. Здѣсь они умираютъ и по большей части здѣсь же грѣшное тѣло ихъ разрывается на куски собаками.

Для европейца это покажется необычайно страннымъ, и онъ непремѣнно спроситъ: смотритъ ли кто за этимъ городомъ, есть ли въ немъ какое-нибудь управленіе, какое-нибудь начальство? Отвѣчаемъ: есть начальство, есть и управленіе; оно обязано смотрѣть и за порядкомъ, но описанные случаи оно считаетъ совершенно въ порядкѣ вещей и въ своихъ я́муняхъ обсуждаетъ только дѣла о воровствахъ, грабежахъ, насиліяхъ, убійствахъ, подлогахъ и т. п. преступленіяхъ закона. Составляя одну изъ частей города Урги, Маймачэ̀нъ естественно находится подъ главнымъ управленіемъ ургинскихъ амба̀ней, но въ частности, гораздо бо̀льшимъ значеніемъ пользуется въ Маймачэ̀нѣ цзаргучэ̀й, который имѣетъ здѣсь свое мѣстопребываніе и свое отдѣльное присутственное мѣсто, извѣстное подъ именемъ цзаргучэ̀ева я́муня. Должность цзаргучэ̀я учреждена въ ургинскомъ Маймачэ̀нѣ съ 1742 года; она всегда занимается маньчжуромъ и, по закону, должна быть замѣщаема новымъ лицомъ черезъ каждые три года. На обязанности цзаргучэ̀я лежитъ блюсти за порядкомъ города; кромѣ того, ему же непосредственно подчинены всѣ подданные Китайской имперіи, какъ проживающіе по торговымъ дѣламъ въ Хӯрэ̄ни и Маймачэ̀нѣ, такъ и пребывающіе въ разъѣздахъ съ тою же цѣлью въ предѣлахъ тӯшэ̄тӯ ха̄новскаго и цэцэ̀нъ ха̄новскаго а́ймаковъ. Цзаргучэ̀й разслѣдываетъ всѣ дѣла по тяжбамъ монголовъ съ китайцами, но не имѣетъ полной самостоятельности въ рѣшеніи дѣлъ особливо важныхъ и обо всемъ обязанъ докладывать амба̀нямъ. Въ цзаргучэ̀евомъ я́мунѣ предсѣдательствуетъ онъ самъ, и кромѣ него нѣтъ никакихъ чиновниковъ, которые имѣли бы не только право постановленія какихъ бы то ни было рѣшеній, а даже права голоса. Такимъ образомъ цзаргучэ̀йскій я́мунь есть ничто иное, какъ канцелярія цзаргучэ̀я: онъ состоитъ изъ 15 писарей (бичэ̄чи), между которыми пять китайцевъ и десять монголовъ. Жалованья ни одинъ изъ этихъ писарей не получаетъ опредѣленною цифрою, но они пользуются доходами я́муня, состоящими изъ пошлинъ, которыя берутся съ китайцевъ за выдачу свидѣтельствъ на право производства торговли въ той или другой мѣстности. Свидѣтельства эти, получаемыя купцами изъ цзаргучэ̀ева я́муня, выдаются китайскимъ купцамъ на основаніи особыхъ постановленій, вѣдающаго инородцевъ министерства въ Пекинѣ. Высшая стоимость свидѣтельства опредѣляется въ $6^1/_2$ мѣстъ чая, т. е. ок. 100 р. с. Среднее число такихъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ изъ цзаргучэ̀ева я́муня, колеблется между 90 и 120, и, слѣдовательно, доходы я́муня можно опредѣлить тысячъ въ 15. Эти-то деньги и дѣлятъ между собою служащіе при цзаргучэ̀евомъ я́мунѣ. На эти же суммы содержатся еще и разсыльные, которыхъ при я́мунѣ имѣется всегда не меньше 80 человѣкъ. Самъ цзар-

гучэ̀й получаетъ отъ китайскаго правительства только 300 ланъ жалованья. Тѣмъ не менѣе, должность эта привлекаетъ къ себѣ весьма много соискателей, потому что считается чрезвычайно доходною: въ Пекинѣ ее почти никогда не продаютъ дешевле 5,000 ланъ серебра, т. е. 10,000 р.

Описанными частями Урги не исчерпывается все то, что̀ представляетъ собою этотъ городъ. Пространство между ламскимъ Хӱрэ̄немъ и Маймачэ̀номъ заключаетъ въ себѣ еще столько отдѣльныхъ зданій, что еслибы ихъ сгруппировать въ одно цѣлое, то они, безъ сомнѣнія, составили бы городъ ни чуть не меньше Хӱрэ̄ня и Маймачэ̀на. Прежде всего къ югу отъ хӱрэ̄ньской торговой площади находится особая торговая часть города, называемая «Цзаха̀-дэ̄рэ», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «на окраинѣ». Здѣсь, за дорогою Ма́йдари, располагается хӱрэ̄ньскій съѣстной рынокъ и проживаютъ торгующіе на немъ монголы, главнымъ образомъ мясники, или яргачѝны. Всѣ они стоятъ неподалеку отъ базара юртами, близъ которыхъ и убиваютъ покупаемыхъ ими для продажи животныхъ, послѣ чего кожи относятъ къ эльдӱ̄рчинамъ, а мясо разрѣзываютъ на куски и тащатъ на базаръ, раскладывая его здѣсь прямо на землѣ, или развѣшивая по заборамъ. Болѣе состоятельные изъ такихъ продавцовъ, убивающіе ежедневно по десятку и болѣе барановъ, вывозятъ мясо въ телѣгахъ и продаютъ его съ телѣгъ. Для русскихъ посѣтителей Урги слѣдуетъ, пожалуй, при этомъ замѣтить еще, что покупать мясо съ телѣгъ гораздо безопаснѣе, ибо здѣсь труднѣе встрѣтить дохлятину, чѣмъ у бѣдняковъ, развѣшивающихъ свой товаръ по заборамъ. Баранье мясо обыкновенно продается такими частями: передокъ, заключающій въ себѣ грудину съ двумя передними ногами, стоитъ отъ $2^1/_2$ до 4 чаевъ; задокъ — отъ 4-хъ до 6 чаевъ; одна передняя нога — отъ $1^1/_2$ до 2 чаевъ и одна задняя — отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ чаевъ. Скотское мясо, или говядина, продается не иначе какъ отдѣльно отъ костей, причемъ фунтъ мяса стоитъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ шарацэ̀евъ, или отъ 5 до 7 коп., а фунтъ костей отъ 2-хъ до $2^1/_2$ шарацэ̀евъ, или отъ 4-хъ до 5 коп. Здѣсь продаютъ и пригоняемыхъ въ городъ живыхъ барановъ и быковъ; цѣна на первыхъ колеблется отъ 10 до 16 чаевъ, а на вторыхъ отъ 30 до 50 чаевъ. Помимо мяса на томъ же рынкѣ продается мука, крупа, рисъ и другіе сорты жита. Торговлей этой занимаются хӱрэ̄ньскіе ламы, пріобрѣтающіе сказанный товаръ отъ китайцевъ и засимъ перепродающіе его монголамъ, конечно, съ надбавкою процента и съ уменьшеннымъ вѣсомъ. Замѣчательно, что при всемъ этомъ монголы все-таки предпочитаютъ покупать муку у ламъ на базарѣ, чѣмъ брать ее у китайскихъ торговцевъ въ лавкахъ.

Къ юго-востоку отъ «Цзаха̀-дэ̄рэ» находятся я́муни маньчжурскаго

и монгольскаго амбàней. Это также цѣлое отдѣленьице города, заключающее въ себѣ не менѣе 60 дворовъ (хашāновъ), расположенныхъ по двумъ улицамъ. Самую южную часть этой части города занимаетъ я́мунь. Громадный дворъ его, огороженный деревяннымъ частоколомъ, раздѣляется съ востока на западъ на три части, изъ коихъ въ срединной находится самое зданіе присутственнаго мѣста; въ боковой, западной, живутъ сторожа и прислужники, а боковая восточная назначается для содержанія въ ней преступниковъ, ожидающихъ своей очереди для допросовъ по производимымъ относительно ихъ дѣламъ. Здѣсь же находятся: ба́йшины, въ которыхъ сложены орудія пытокъ и наказаній; часть я́муньскаго архива и кладовыя съ я́муньскимъ имуществомъ. Въ улицахъ, находящихся позади я́муня располагаются дома служащихъ при я́мунѣ чиновниковъ и проживающихъ при нихъ родственниковъ. Самую восточную часть этого отдѣленія Хӯрēня занимаетъ острогъ, огороженный двумя высокими частоколами, бревна коихъ затесаны на верху въ видѣ острыхъ кольевъ. Внутренность его, не отличающаяся отъ другихъ учрежденій этого рода, будетъ описана мною въ другомъ мѣстѣ, теперь же я скажу только, что посѣщеніе острога здѣсь очень не трудно для каждаго, кто можетъ зайти къ сторожамъ, переговорить съ ними нѣсколько минутъ и засимъ попросить ихъ позволить подать милостыню заключеннымъ. Само собою разумѣется, при этомъ нужна подачка и проводнику-сторожу.

Часть города, противулежащая я́мунямъ и располагающаяся къ ЮЗ отъ «Цзаха̀-дэ̄рэ», называется «Хорбн'ами», т. е. «подворьями». Здѣсь помѣщаются подворья халхаскихъ цзасако̀въ, которые построили и содержатъ сказанныя подворья въ Ургѣ, на случай пріѣзда своего въ этотъ городъ для поклоненія хутухтѣ, на княжескій сеймъ, или, наконецъ, для очереднаго служенія въ сеймовомъ чжиса̀нѣ тӯшēтӯ ха̄новскаго а́ймака. Понятно отсюда, что зданія эти, будучи выстроены и поддерживаемы, пустуютъ иногда по 5 и 6 лѣтъ для того, чтобы быть занятыми на одинъ какой-нибудь мѣсяцъ. Постоянными обитателями этихъ хорбновъ являются только ихъ сторожа, да за послѣднее время ургинское начальство ввело еще въ обычай сдавать въ хорбны преступниковъ соотвѣствующаго хошӯна, для пересылки ихъ на родину. Всѣхъ подворій насчитывается теперь въ Ургѣ уже свыше 30 и ни одно изъ нихъ не состоитъ изъ одного дома, а непремѣнно заключаетъ въ себѣ три или четыре ба́йшина, обнесенные оградой, а иногда окруженные еще и небольшими садами. Изъ подворій, выдающихся по своимъ величинѣ и богатству постройки, особенно замѣчательны: 1) Са́йнъ-нойна́ и князей его а́ймака: 2) Да̀-цинъ-ва́на, 3) Ӧлӧтъ-бэ́йсэ, 4) Са́йтъ-ва́на, 5) Мэргэ̀нъ-цзасака̀, 6) Хошӯчи-бэ́йсэ, 7) Ильдэ̀нъ-бэ́йлэ, 8) Дала̀й-ва̀на и 9) Дӯргэчӣ-ва̀на;

тӯшӗтӯ хāновскаго а́ймака: 10) Харāгійнъ бāтуръ-цзасакà, 11) Гобійнъ тӯшӗ-гӯна, 12) Дòнъ-гӯна, 13) Уйцзанъ Тō-гӯна, и наконецъ 14) самаго Тӯшӗтӯ-хāна; цзасактӯ хāновскаго а́ймака: хотохòйтскихъ князей: 15) Михàнъ-гӯна, 16) Ни-гӯна и наконецъ 17) самаго Цзасактӯ хāна; цэцэнъ-хāновскаго а́ймака: 18) Ахàй гӯна. Нѣсколько далѣе къ востоку отдѣльно отъ нихъ стоитъ 19) подворье цзасакà тӯшӗтӯ хāновскаго а́ймака, О-вàна и наконецъ цѣлый рядъ зданій и построекъ Пунъ-бэ́йсэ, на земляхъ хошӯна коего расположена самая Ургa. Помимо ба́йшина, служащаго собственно жилищемъ Пунъ-бэ́йсэ, князь этотъ содержитъ еще въ Ургѣ и свое хошӯнное управленіе (тамагà), помѣщающееся также въ отдѣльномъ хашāнѣ; при тамагѣ этой имѣется свой хошӯнный острогъ (шорōнъ) и свой архивъ, также въ отдѣльныхъ зданіяхъ. На ряду со всѣмъ этимъ располагаются отдѣльные хашāны родственниковъ Пунъ-бэ́йсэ, таковы: хашāнъ его матери и хашāнъ его дяди Цэ́-гӯна, еще недавно бывшаго опекуномъ Пунъ-бэ́йсэ и правителемъ его хошӯна. Далѣе въ средѣ хорōновъ помѣщаются нѣкоторыя общественныя зданія, таковы, напримѣръ, чжисà стрѣлковъ, вызываемыхъ изъ различныхъ хошӯновъ на смотры; наконецъ, въ періодъ моего пребыванія въ Ургѣ здѣсь же помѣщалась и такъ называемая Дāгіинъ чжисà, т. е. аймà́чное управленіе чигӯлгану даргѝ тӯшӗтӯ-хāновскаго а́ймака.

Помимо вышеисчисленныхъ построекъ за юго-западнымъ угломъ Хӯрэ́ня не имѣется другихъ зданій; къ востоку же отъ Урги, приблизительно верстахъ въ $1^1/_2$ отъ нея, на пространствѣ между Хӯрэ́немъ и зданіями русскаго консульства, располагается теперь новое зданіе ургинской крѣпости, назначенное для проживанія въ ней китайскихъ войскъ и построенное только въ 1883 году. Въ ту пору Монголія совершенно неожиданно была объявлена на военномъ положеніи и для охраны Урги были командированы китайскія войска изъ Сюань-хуа-фу. Постройка этой крѣпости до настоящей поры памятна монголамъ, какъ тяжелый гнетъ китайскаго правительства. Въ тотъ страшный годъ по всей Монголіи сначала была засуха и неразлучная съ нею безкормица, а засимъ наступила суровая зима. Прилежащіе къ Ургѣ два восточные а́ймака Халхи должны были израсходовать болѣе 600,000 ланъ на обмундировку, вооруженіе и выставку затребованныхъ отъ нихъ войскъ и вдобавокъ еще прислуживать китайскимъ солдатамъ доставленіемъ имъ всякаго рода удобствъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимала постройка крѣпости. На сооруженіе ея китайцами было затребовано отъ монголовъ всего 2664 бревна, изготовленіе и доставка коихъ, по распоряженію хāнъ-ӯла'скаго сейма, были возложены на близлежащіе къ Ургѣ пять хошӯновъ, а именно: хошӯнъ На-бэ́йсэ (нынѣшній

Пунъ-бэ́йсэ) долженъ былъ доставить 666 бревенъ; хошӯнъ Цзя̀нь-цзюнь (О)-ва̀на — 607 бревенъ; хошӯнъ На́йданъ-гу̀на — 550 бревенъ; хошӯнъ Мандорва̀-гу̀на — 50 бревенъ и хошӯнъ въ званіи гу̀на цзасака̀ Цэрэ̀нъ-дорджѝ — 191 бревно. Изъ числа ихъ хошӯнъ Мандорва̀-гу̀на не исполнилъ назначеннаго ему требованія и доставка возложеннаго на него числа бревенъ была всецѣло исполнена хошӯномъ На́йданъ-гу̀на. Выставляя подводы для перевозки этого лѣса, тѣ же хошӯны должны были особо еще выслать 100 конныхъ человѣкъ, для постройки самой крѣпости. Кирпичъ и глина, требовавшіеся для обмазки зданій и устройства въ оныхъ 150 печей и лежанокъ, могли быть заготовляемы и получаемы съ пространства, отстоявшаго не менѣе какъ въ 10 верстахъ отъ лагеря. Нанимать подводы для доставки ихъ было не на что и негдѣ, да къ тому же китайская администрація и не привыкла къ подобнымъ наймамъ; поэтому всѣ приходящіе въ Ургу и отходящіе отсюда караваны на быкахъ, при визированіи своихъ паспортовъ, принуждались силою доставить потребные кирпичъ и глину въ данный срокъ для лагеря. Непривычный къ такимъ работамъ, особливо гобійскій, скотъ при этомъ безчеловѣчно уродовался и подчасъ дѣлался неспособнымъ къ дальнѣйшей работѣ по извозу. Когда дѣло постройки было довершено, китайское правительство опредѣлило уплатить монголамъ за означенные труды, по расчету, 5 фынъ за бревно; такимъ образомъ вся

Китайская крѣпость въ Ургѣ.

постройка крѣпости обошлась въ 130 ланъ, 2 цина, или, на наши деньги, серебряныхъ 260 руб. 40 коп.

Построенная въ формѣ квадратнаго четырехугольника съ одними воротами на южную сторону крѣпость эта имѣетъ въ окружности всего около 240 рус. саженей. Стѣны ея воздвигнуты по общему типу китайскихъ крѣпостныхъ построекъ въ Монголіи, по коему пространство между двумя частоколами изъ стоящихъ лиственичныхъ бревенъ утрамбовывается землею. Въ такомъ видѣ толщина этой стѣны достигаетъ двухъ аршинъ. Далѣе, наружный рядъ частокола продолженъ кверху укладкою на оный сырцеваго кирпича, опять-таки въ одинъ рядъ. Выложенная такимъ образомъ стѣна изъ сырцеваго кирпича имѣетъ значеніе бруствера, въ которомъ подѣланы амбразуры, въ числѣ 45 съ каждой стороны крѣпости; мерлоны, по обычаю, равняются двумъ амбразурнымъ отверстіямъ. Засимъ вся эта стѣна, какъ сырцево-кирпичная, такъ и деревянная — лиственичная, обмазана съ наружней, равно какъ и съ внутренней стороны глиною.

Ургинская крѣпость располагается у подножія широкаго бугра, посрединѣ коего стоятъ зданія русскаго консульства, и такое положеніе ея дѣлаетъ ее совершенно открытою. Съ вершины бугра можно до мельчайшихъ подробностей не только видѣть внутреннее расположеніе крѣпостныхъ зданій, но даже движеніе каждаго солдата на улицѣ. Проходъ въ крѣпость защищается обыкновенными деревянными двустворчатыми воротами, по своей прочности ничѣмъ не отличающимися отъ воротъ каждой лавки, или чайнаго склада. При входѣ въ крѣпость, внутри ея, первое мѣсто занимаютъ два глинобитные ба́йшина, въ которыхъ проживаютъ дежурные солдаты, назначаемые для караула; отъ этихъ двухъ ба́йшиновъ, протягиваясь съ юга на сѣверъ, построены одна противъ другой двѣ казармы для постояннаго жительства солдатъ. Пройдя по улицѣ, образуемой этими казармами, выходишь на небольшую площадь, посреди коей воздвигнутъ высокій столбъ, обыкновенно ставимый передъ я́мунями и жилищами амба̀ней. Далѣе, по сѣверную сторону площади, занимая то же положеніе, что и казармы, построено два ба́йшина, изъ коихъ въ одномъ, западномъ, находится крѣпостной я́мунь, а другой, восточный, занятъ квартирами офицеровъ. Ба́йшины эти упираются въ построенное поперекъ крѣпости и протягивающееся съ востока на западъ, длинное и такое же глинобитное зданіе, назначенное для помѣщенія завѣдывающаго крѣпостью амба̀ня. Этотъ амба̀ньскій домъ заключаетъ собою главную и единственную улицу въ крѣпости и остальныя зданія расположены въ ней уже по стѣнамъ, а именно: по восьми ба́йшиновъ, назначенныхъ для жилища солдатъ, у стѣнъ западной и восточной и два зданія у стѣны сѣверной. Первое изъ нихъ, находящееся по самой срединѣ сѣверной крѣпостной стѣны и совершенно противулежащее дому амба̀ня, представляетъ собою хлѣбный магазинъ. Это большой глино-

битный сарай съ однѣми воротами и безъ оконъ, въ крышѣ котораго, ради вентиляціи, сдѣлано два слуховыхъ окна. Другой такой же сарай, только значительно меньшій по объему и съ однимъ слуховымъ окномъ въ крышѣ, назначенъ для склада въ немъ оружія. Цейхаузъ этотъ, говорятъ, со времени доставки въ него оружія въ первый годъ по построеніи крѣпости, никогда не отворяется и ключъ отъ онаго хранится у амбаня. Понятно, что мнѣ также не удалось войти въ его средину и видѣть боевые склады, но въ бесѣдахъ своихъ съ офицерами я узналъ, что всѣхъ орудій было доставлено тогда 8. Дать точнаго описанія этихъ орудій разказчики мои не могли; однако, судя по приписываемой ими этимъ орудіямъ легкости, съ достаточною вѣроятностью можно предположить, что всѣ они 8-дюймовыя, заряжающіяся съ казенной части; опредѣлить какой системы эти орудія было также трудно, принимая однако во вниманіе устройство замка, отодвигающагося будто бы въ бокъ, надо думать, что принадлежатъ они системѣ Круппа. Лафетовъ при орудіяхъ доставлено не было, исключая одного образцоваго, по которому уже мѣстными, монгольскими плотниками были приготовлены остальные изъ сосноваго дерева; лафеты, судя по описанію, неподвижные. Одновременно съ симъ въ крѣпость были доставлены и хранящіеся въ томъ же цейхаузѣ 1000 ружей, въ смѣси, гладкоствольныя китайскія и нарѣзныя, неизвѣстно какой системы. Снарядовъ привезено было 50 небольшихъ ящиковъ и все это доселѣ, вотъ уже 9 лѣтъ, хранится нераскупореннымъ и сложеннымъ прямо на сырую землю.

Не болѣе какъ въ полуверстѣ къ востоку отъ этой крѣпости, посреди невысокаго холма, возвышаются зданія русскаго консульства, построенныя въ періодъ 1863—1865 гг. Прежде русское подворье находилось нѣсколько къ юго-западу отъ этого мѣста, въ средѣ подворій монгольскихъ князей. Время построенія этаго стараго подворья относится къ 1786 году, когда, по сказаніямъ лѣтописи «Эрдэнійнъ эрихэ», ургинскіе амбани представили всеподданнѣйшій докладъ богдохану, въ которомъ просили дозволить имъ построить шесть деревянныхъ зданій и обнести ихъ деревянною оградою «на подобіе тюремнаго острога» съ тѣмъ, чтобы они, амбани могли стеречь здѣсь русскихъ посланцевъ (ᠤᠷᠭᠠ ᠬᠣᠲᠠ ᠳᠤᠷᠳᠠᠭᠠ ᠠᠯᠪᠠᠨ ᠤᠨᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠯᠠᠰ ᠤᠨ ᠴᠡᠷᠢᠭ ᠤᠨ ᠠᠮᠠᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠢᠳᠠᠯ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠢᠳᠠᠯ ᠳᠤ ᠬᠠᠮᠤᠭ ᠢ ᠵᠠᠰᠠᠭᠠᠳ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠢᠳᠠᠯ ᠳᠤ ᠬᠠᠷᠤᠤᠯ ᠬᠢᠵᠤ ᠪᠤᠢ ᠵᠠᠯᠠᠭᠠᠨ

другаго было потрачено не мало силъ, времени и денегъ. Консульство состоитъ изъ одного большаго двухъ-этажнаго, деревяннаго и оштукатуреннаго дома, съ желѣзною крышею и двухъ флигелей при ономъ; къ главному зданію непосредственно пристроено еще небольшое одноэтажное зданіе домовой церкви, крыша коего украшена небольшою главою. Верхній этажъ

Русское консульство въ Ургѣ.

консульства цѣликомъ занятъ помѣщеніемъ консула, а въ нижнемъ этажѣ расположены квартиры: направо — секретаря и налѣво, на ряду съ церковью, — драгомана. Изъ числа флигелей въ лѣвомъ — помѣщается ургинская почтовая контора съ находящеюся при ней квартирою почтмейстера,— въ правомъ же предположено было устроить помѣщеніе для священника. Помимо сего во дворѣ консульства имѣлись еще отдѣльные домики: для псаломщика, для учениковъ ургинской школы, для помѣщенія казаковъ и для кухни. Всѣ эти зданія, несмотря на наружный довольно сносный видъ, пришли уже въ сильную ветхость, особливо флигели, въ которыхъ помѣщаются почтмейстеръ и священникъ. По восточную сторону консульскаго двора располагается русское кладбище, первоначальное устройство котораго, говорятъ, стоило не малыхъ хлопотъ русскому консульству. Дѣло въ томъ, что по ламскимъ уставамъ, погребеніе мертвыхъ не можетъ быть совершаемо въ мѣстности ближе 10 ли отъ жилища хутухтъ, русское же консульство отстоитъ всего на 6 ли отъ дворца Чжэбцзўнъ дамбà гэгэ̀на. Поэтому лишь только узнали монголы о погребеніи перваго русскаго у стѣнъ консульства, какъ сейчасъ же потребовали удаленія этого

трупа. На первый разъ консулъ увѣрилъ ихъ, что тѣло зарыто въ землю только на время, и что, по примѣру китайцевъ, родственники погребеннаго, безъ сомнѣнія, возьмутъ его на родину; такъ и замолкло это дѣло въ то время; теперь прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ прибавились десятки русскихъ могилъ, и монголы, привыкнувъ къ погребенію русскихъ, смотрятъ на это совершенно равнодушно, какъ бы забывъ о своихъ правилахъ. Слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что теперь о своемъ кладбищѣ забыли, кажется, и сами русскіе ургинцы. Лишенное ограды и присмотра, кладбище это попирается скотомъ, разрывается собаками и загрязнено невыразимо: вмѣсто могильныхъ насыпей на немъ существуютъ какія-то ямы, о крестахъ и памятникахъ нѣтъ и помина. Говорятъ, что надъ могилою здѣшняго миссіонера, о. Архипа Поликина, былъ поставленъ памятникъ съ чугунною доскою, а надъ могилами другихъ покойниковъ ставились камни и другіе знаки преданности; теперь все это раскрадено монголами, которые похищаютъ также и деревянные кресты съ могилъ, употребляя ихъ на топливо. Само собою разумѣется, можно было бы имѣть здѣсь и сторожа монгола, при уплатѣ ему въ мѣсяцъ рублей трехъ вознагражденія, но для этого нужна, конечно, настойчивая заботливость, а безъ нея — обыкновенно, поговорятъ, да и забудутъ; кладбище же продолжаетъ стоять въ своемъ неприглядномъ видѣ, являясь какъ бы живымъ укоромъ для русскихъ даже противъ грязныхъ китайцевъ. Нѣтъ нужды говорить, что времена теперь давно уже не прежнія и о придиркахъ монголовъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Встарину ламами выражалось, напримѣръ, требованіе, чтобы консульство сняло свой флагъ, потому что, развѣваясь на шпицѣ двухъ-этажнаго зданія, онъ оказывался выше, чѣмъ тахилы̀йнъ-модо̀ (шестъ, который ставятъ монголы предъ дверями храмовъ и жилищами высшихъ ламъ для поставленія на немъ жертвы или лампады), стоящее у дворца хутухты̀. Не знаю, чѣмъ мотивировался тогда отказъ русскихъ, но вѣрно то, что монголы остались и на этотъ разъ довольными, хоть и не удовлетворенными. Такихъ мелочныхъ требованій и придирокъ, въ различное время, было поначалу многое множество: заходило дѣло о ѣздѣ русскихъ на лошадяхъ по Хӯрэ̀ню, о выгонахъ для русскаго скота и проч. Всѣ свои требованія монголы представляли притомъ всегда съ такою горячностію и въ такой формѣ, что думалось, вотъ уже русскимъ и жить будетъ не возможно: негдѣ будетъ пасти скотъ, не откуда доставать сѣно, придется платить въ три-дорога̀ за отопленіе и т. д. Но ни чуть ни бывало: высказавъ свои требованія, монголы замолкали, а русскіе продолжали жить по старому, и, конечно, гораздо привольнѣе и удобнѣе монголовъ: доселѣ еще они, конечно за плату, косятъ себѣ сѣно съ монгольскихъ луговъ, заготовляютъ дрова

на зиму изъ монгольскихъ лѣсовъ, что же касается выгоновъ для скота въ лѣтнее время, то за нихъ не только ничего не платится, но выбравъ хорошенькое мѣстечко, русскіе не пускаютъ на него еще и самихъ же монголовъ. Все это, относится не къ одному только консульству, но и ко всѣмъ русскимъ, живущимъ въ Хўрэни; народонаселеніе же русское здѣсь, конечно, различествуетъ по количеству въ разное время года, хотя никогда не бываетъ менѣе ста душъ.

Подробныя свѣдѣнія о бытѣ и дѣятельности русскаго торговаго населенія въ Ургѣ будутъ представлены мною въ томѣ VI настоящаго труда, спеціально трактующемъ о русской торговлѣ и торговыхъ людяхъ въ Монголіи; теперь же я замѣчу только, что съ настоящаго 1892 года духовная жизнь русскихъ въ Ургѣ имѣетъ значительно восполниться, въ силу назначенія къ православной церкви ургинскаго консульства постояннаго штата духовенства. Потребность имѣть у себя православнаго священника сознавалась русскими еще въ пору моего перваго пріѣзда въ Ургу, въ 1876 году. Внимая просьбамъ своихъ, проживающихъ въ Хўрэни сородичей, чаеторговцы наши рѣшились установить на содержаніе причта при Ургинской церкви особый сборъ, по 1 коп. съ каждаго проходящаго черезъ Ургу цибика чая; денегъ этихъ ежегодно собиралось отъ 2500 до 3000 р. и тѣмъ не менѣе дѣло ограничивалось доселѣ только приглашеніемъ въ Ургу священника одинъ разъ въ годъ, обыкновенно, къ празднику Пасхи; во все остальное время русскіе оставались безъ всякаго удовлетворенія религіозныхъ потребностей: больные умирали безъ напутствованія ихъ св. причастіемъ, умершіе закапывались въ землю безъ погребенія, новорожденные ожидали по году св. крещенія и нерѣдко умирали безъ міропомазанія и причащенія и т. д. Въ настоящемъ 1892 г. Государственный Совѣтъ, согласно представленію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, утвердилъ штаты при ургинской церкви и такимъ образомъ прежнія лишенія въ сказанномъ отношеніи отошли для русскаго населенія въ Ургѣ въ область преданія.

Съ душевною радостью говорили со мною объ этой новости русскіе, ибо теперь у нихъ осталась, можно сказать, только одна неудовлетворенная потребность, это — имѣть у себя европейски образованнаго врача. Дѣйствительно, русская колонія въ Ургѣ, по количеству своего населенія, самая значительная во всемъ Китаѣ (въ одномъ консульствѣ проживаетъ обычно до 50 человѣкъ, а въ Ургѣ вообще ихъ всегда бываетъ болѣе ста), и тѣмъ не менѣе она совершенно лишена врачебной помощи. Въ случаѣ болѣзни, кромѣ ламъ обратиться не къ кому, изъ числа же этихъ послѣднихъ, если и многіе изучаютъ тибетскую медицину, то дѣйствительно знаю-

щихъ ее очень не много. Къ сказанному нужно прибавить еще, что лучшіе изъ тибетскихъ врачей весьма часто уѣзжаютъ, по приглашеніямъ, въ хошўны, такъ что ихъ не всегда и найдешь въ потребное время. Здѣсь замѣчаютъ также, что тибетская медицина (можетъ быть даже потому, что ея опытъ касается лишь закаленныхъ въ борьбѣ съ природою обитателей горныхъ и степныхъ пространствъ) не всегда пригодна для леченія русскаго человѣка. Лучшіе изъ тибетскихъ медиковъ сами признаютъ это обстоятельство и въ сомнительныхъ случаяхъ нерѣдко говорятъ: «нашему человѣку мы знали бы какое дать лекарство и какого ожидать отъ него дѣйствія; относительно же вашего — сказать этого не можемъ; приходится невольно поступать ощупью и съ осмотрительностью, опасаясь, какъ бы не надѣлать большого вреда». Иной разъ эти медики положительно отказываются давать свои лекарства, ссылаясь на непониманіе нашихъ болѣзней и въ этихъ случаяхъ окружающимъ остается только, скрѣпя сердце, смотрѣть какъ умираетъ человѣкъ, котораго, можетъ быть и не трудно было бы поднять съ постели. Особенно безпомощными являются дѣти и женщины, такъ какъ ни въ дѣтскихъ, ни въ женскихъ болѣзняхъ, ни еще болѣе въ акушерствѣ ламы уже ничего не понимаютъ. Въ 1884 г. управляющій консульствомъ г. Протасьевъ возбуждалъ ходатайство о назначеніи въ Ургу хотя какого-либо фельдшера опять-таки съ необходимою, хотя бы маленькою аптекою; но вопросъ этотъ остается не рѣшеннымъ до сего времени. Потребность во врачѣ здѣсь дѣйствительно общая и удовлетвореніе ея поистинѣ необходимо.

Изъ окрестностей Урги, какъ о мѣстности, имѣющей отношеніе къ городу, необходимо упомянуть еще о пади Хўндўй. Замѣчательна эта падь потому, что сюда монголы выносятъ своихъ мертвецовъ. Кладбищъ монголы не имѣютъ и зарываютъ тѣла своихъ покойниковъ очень рѣдко, — обыкновенный же способъ погребенія у нихъ весьма не многосложенъ: завернувъ трупъ въ какое-нибудь тряпье, они выносятъ его за городъ и кладутъ прямо поверхъ земли гдѣ-либо въ сторонѣ отъ дороги. Трупу впрочемъ не приходится лежать долго, и онъ не только никогда не заражаетъ здѣсь воздуха своимъ гніеніемъ, а даже едва ли бываетъ кѣмъ-либо видимъ: лишь только уходятъ погребатели, какъ изъ разныхъ норъ ущелья Хўндўй выходятъ собаки, разрываютъ и съѣдаютъ трупъ, не оставляя рѣшительно ничего, кромѣ бѣлыхъ косточекъ. Изъ оконъ второго этажа ургинскаго консульства часто можно видѣть эту сцену погребенія, но проходить около этого кладбища весьма не безопасно по причинѣ множества живущихъ здѣсь собакъ, уже привыкшихъ къ человѣческому мясу. Бывали случаи, что онѣ бросались на живыхъ и раздѣлывались съ ними точно также, какъ

и съ трупами. Русскіе въ Хӯрэ̄ни, говоря о монгольскомъ кладбищѣ и его собакахъ, никогда не преминутъ разказать, что въ 1871 г. здѣсь была заѣдена тѣми же собаками русская подданная бурятка. Собаки, напавъ на нее, стащили ее съ лошади, на которой ѣхала она верхомъ, и съѣли. Никто, конечно, не видалъ этого, только прибѣжавшая въ домъ консульства лошадь да найденныя клоки одежды свидѣтельствовали о несчастной участи, постигшей бурятку.

III. Отъ Урги до Улясутая.

24-е Іюля. Пятница.

Сегодня оставляю Ургу, чтобы посѣтить Западную Монголію вплоть до границъ ея у города Кобдо̀. Для проѣзда моего привели станціонныя подводы, въ числѣ двухъ верблюдовъ подъ вьюки и четырехъ лошадей для впряжки въ телѣгу. Русскій человѣкъ не можетъ и сказать иначе, какъ «впрягать» въ телѣгу; но монгольскую впряжку довольно трудно, пожалуй, и назвать впряжкой: на оконечности оглоблей телѣги навязываются ремни, къ другому концу которыхъ прикрѣпляется палка (дамнӯръ); два верховыхъ монгола подъѣзжаютъ съ боковъ къ телѣгѣ, кладутъ палку впереди себя на сѣдло и такимъ образомъ тащатъ телѣгу. Ради меньшаго утомленія лошадей и всадниковъ станціонные берутъ обыкновенно по двѣ и по три перемѣны коней. Распростившись съ женою и консульскими чиновниками, я въ 2 ч. 35 м. двинулся въ путь. Общее направленіе нашего пути должно быть теперь на ЮЗ, поэтому дорога тянется прямо на Хӯрэ̄нь и хотя не проходитъ по самому монастырю, однако идетъ мимо я́муня ургинскихъ амба̀ней, захватываетъ часть ургинскаго рынка и оставляетъ городъ у тріумфальныхъ воротъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты. Почти у самыхъ этихъ воротъ мы переѣхали мелководную теперь р. Сэльби, глубина которой едва ли превышала и $^1/_4$ аршина. За Сэльбой потянулись къ сѣверу отъ дороги зданія Га̀ндана, а на югъ у самаго берега Тӧлы виднѣлись бѣлыя зданія заимокъ гэгэ̀на. Дорога здѣсь чрезвычайно непріятна для колесной ѣзды, такъ какъ почва является повсюду усѣянной мелкой дресвой, а мѣстами къ ней примѣшиваются и камни довольно значительной величины, черезъ которые колеса телѣги перескакиваютъ съ неимовѣрною тряской. О какой-либо осторожности въ ѣздѣ не можетъ быть и рѣчи. Всадники, влекущіе телѣгу, сидя верхомъ, не имѣютъ понятія объ этой тряскѣ и, чувствуя себя совершенно спо-

койно, ѣдутъ, не разбирая придорожныхъ камней и кочекъ. Оставивъ вправо полуразрушившуюся теперь и покинутую солдатами ургинскую крѣпость постройки 1870 года, мы все ближе и ближе подъѣзжали къ берегамъ Тӯлы, текущей здѣсь почти у самаго подножія Богдò-ӯлы. Близъ мѣста переправы рѣка разбивается на три протоки, изъ которыхъ двѣ первыя переѣзжаются сравнительно довольно легко, такъ какъ глубина ихъ не превышаетъ 9-ти или 10-ти вершковъ, но главное русло рѣки, шириною саженей въ 40, трудно для переѣзда, особенно на пространствѣ самаго быстраго потока рѣки, располагающагося ближе къ лѣвому берегу. Потокъ этотъ выбиваетъ русло мѣстами на значительную глубину и, въ обходъ этихъ выбоинъ, рѣчной бродъ, достигнувъ средины рѣки, направляется вверхъ по ней приблизительно саженей на 30; напоръ воды въ эту пору настолько силенъ, что кажется, вотъ-вотъ перевернетъ онъ телѣгу. Случаи эти, впрочемъ, и весьма не рѣдки, такъ что не проходитъ года, чтобы въ Тӯлѣ не утонуло 3—4 китайца съ своими телѣгами. Перебравшись на лѣвый берегъ Тӯлы, мы поднялись на невысокій увалъ, съ котораго открылась намъ широкая, постепенно повышающаяся къ западу долина. Она поросла мелкою травкою, но въ общемъ представляется для глаза прекраснымъ зеленымъ лугомъ, видъ котораго оживляетъ душу послѣ монотонной и сѣрой долины Урги. Увалъ, какъ и долина Тӯлы, продолжаетъ еще здѣсь ограничиваться Богдò-ӯлою, глубокія пади которой, повсюду въ верхней половинѣ поросшія лѣсомъ, чрезвычайно разнообразны и красивы. Одна изъ такихъ падей, къ которой подъѣхали мы въ 4 ч. 20 м., называмая Билӯту амà, въ весеннее время даетъ начало широкому потоку, въ настоящую пору представляющему собою только сухое глубокое русло. Нѣтъ сомнѣнія, что въ разливъ этотъ потокъ несется съ страшною быстротою и силой, такъ какъ въ руслѣ его лежитъ не мало большихъ камней, нанесенныхъ его водами. Переѣхавъ его, мы въ 4 ч. 50 м. повернули на ЗЮЗ, а отъ одной изъ вершинъ Богдò-ӯлы, именуемой Богдòйнъ дунчжӣнъ-гарбӑ, дорога направляется совершенно на западъ и, спустившись съ увала, вступаетъ въ долину Соносхоланту̀, на которой располагается первая станція отъ Урги, на офиціальномъ языкѣ китайскаго правительства именуемая Босогà. У нѣкоторыхъ путешественниковъ можно встрѣтить ея имя Соносхоланту̀, но это, очевидно, заимствованное отъ наименованія урочища названіе является чисто народнымъ и принято лишь у монголовъ. Что касается самаго урочища Соносхоланту̀, то оно, въ свою очередь, получило свое названіе отъ имени невысокой горы, увѣнчанной обӧномъ и находящейся къ западу отъ станціонныхъ юртъ. Станція располагается на лѣвомъ берегу Тӯлы неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она, будучи стѣсняема горами Сонгинà-ӯла, дѣлаетъ крутой по-

воротъ къ сѣверу. Такимъ образомъ долина Соносхолантӯ ограничивается на сѣверѣ горами Сонгинà, на западѣ р. Тӧлою и горою Соносхолантӯ; на югѣ и востокѣ отрогами Хāнъ, или Богдò-ӯлы. Станцію содержатъ 12 юртъ монголовъ, изъ коихъ 11 принадлежатъ цэцэнъ хāновскому àймаку и 1 тӯшēтӯ хāновскому. Нѣкоторые живутъ на этой станціи уже въ третьемъ поколѣніи, для другихъ отбываніе почтовой повинности является совершенною новинкой, такъ какъ они живутъ на станціи лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Вблизи ӧртӧ никто изъ хошӯнныхъ, или шабинàровъ не кочуетъ, какъ и вообще по линіи дороги, и это потому, что прилежащія земли отведены для пользованія отбывающимъ станціонную службу; правда, строго установленной границы этихъ станціонныхъ земель не имѣется, тѣмъ не менѣе обычай установилъ въ общихъ чертахъ нѣкоторыя межи и окрестные жители соблюдаютъ ихъ крайне строго. Двинувшись съ станціи Босогà въ 5 ч. 50 м., мы вскорѣ же начали подниматься на невысокій перевалъ, именуемый Аюдсìйнъ хӯтӯль, изъ-за котораго вправо виднѣлся уже другой гораздо высшій перевалъ, по имени Бурхантӯйнъ-даба. Лѣтъ 15 тому назадъ этотъ перевалъ былъ чрезвычайно труднымъ для переѣзда, такъ какъ самъ по себѣ онъ значительно крутъ и притомъ дорога по нему идетъ косогоромъ. Теперь монголы проложили здѣсь новую дорогу и объѣзжаютъ этотъ трудный подъемъ по западной сторонѣ горы. Объѣздъ этотъ дѣлаетъ перевалъ болѣе пологимъ и, можно сказать, совершенно легкимъ для подъема; зато спускъ на южную сторону горы остался совершенно въ старомъ видѣ и представляется крайне неудобнымъ особливо потому, что дорога здѣсь идетъ косогоромъ: избрать здѣсь объѣздъ положительно не возможно, ибо дорога проходитъ ущельемъ. При выходѣ изъ этого ущелья открывается видъ на неширокую долину, ограничиваемую съ юга высокою горою Ӱлцзэйтӯ-хангàй, между тѣмъ какъ на сѣверъ долина эта уходитъ вдаль верстъ на 15 и даже 20, вплоть до горъ Сальхинтӯ ӯла. Обратившись назадъ, нельзя не замѣтить на южной сторонѣ Бурхантӯ хорошо отстроеннаго хашāна, въ стѣнахъ котораго находится два или три деревянныхъ зданія. Это такъ называемое «сӯри» станціи Босогà. Въ этихъ зданіяхъ станціонные хранятъ вещи, составляющія необходимую станціонную утварь. Съ долины сӯри представляется единственнымъ предметомъ, на которомъ невольно останавливается глазъ путника. Въ самой долинѣ мы обогнали нѣсколько монголовъ, ѣдущихъ изъ Урги, куда нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, отправлялись за покупками, а другіе на богомолье. Въ числѣ послѣднихъ мы встрѣтили почти цѣлый àиль, т. е. четыре семьи, ѣхавшіе на восьми верблюдахъ. Невысокій перевалъ Табунгстàйнъ хӯтӯль отдѣляетъ эту долину отъ долины Тӯргэнъ гӧла, обильной

травою и представляющей тучныя пастбища. Здѣсь пасутся большіе табуны лошадей, принадлежащихъ станціи Босогà; караулятъ ихъ нѣсколько семей монголовъ, родственниковъ почтосодержателей. Въ юртахъ ихъ довольно опрятности. Очаги замѣняются желѣзными печами, съ такими же желѣзными трубами. Къ ЮЗ отсюда виднѣется высокая гора Сумуя́, ближе которой, въ направленіи почти на югъ, располагается такъ называемый Бухэгíйнъ-дабā, состоящій собственно изъ одного высокаго подъема и засимъ изъ ряда небольшихъ уваловъ, съ промежуточными долинками. Долины эти въ большей своей части покрыты хорошею растительностью и удобны для пастьбы скота, но мѣстами встрѣчаются пространства, какъ бы покрытыя краснымъ пескомъ, на которыхъ травы уже не высоки и рѣдки. Къ станціи Бухэ̀къ мы прибыли въ 7 ч. 30 м. Она стоитъ на не обширной долинѣ, ограничиваемой съ СВ горами Сумуя́; съ сѣвера горами Сонгинà[1]), у южнаго подножія которыхъ течетъ Тōла; съ юга — горою Баясхулантȳ и съ запада небольшими увалами, названія которыхъ мнѣ не сказали. Въ урочищѣ этомъ три булȳка, или ключа: Хȳйтȳнъ булàкъ, Чжаргàлъ булàкъ и Цзамы́йнъ булàкъ. Вода во всѣхъ этихъ ключахъ, какъ говорили монголы, вкусная и чистая, самъ же я пилъ такую воду только изъ Хȳйтȳнъ булàка. По прибытіи на станцію я далъ везшимъ меня монголамъ три серебряныхъ рубля и всѣ они, неожиданно, повалились мнѣ въ ноги, прославляя мои милости. Станціонный цзангúнъ, встрѣтившій меня при самомъ пріѣздѣ, былъ тутъ же и при этомъ не преминулъ сдѣлать внушеніе своимъ хуя́камъ (латникамъ), чтобы и они старались получить такую же награду. Напившись чаю, я попросилъ цзангúна дать мнѣ ногу баранины для изготовленія ужина; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно заготовленія мнѣ мяса имъ ничего не было объявлено, а сами они безъ особенной нужды и въ виду лѣтняго времени мяса не держатъ. Меня нѣсколько удивило такое отношеніе монгольскаго цзургàна къ требованіямъ нашего консула, хотя, конечно, монголовъ судить строго въ этомъ случаѣ почти не возможно. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ цзангúномъ я узналъ, что все необходимое для жизни обитатели станціи Бȳхэ̀къ или получаютъ отъ своихъ стадъ, или же пріобрѣтаютъ покупкою въ Ургѣ. Въ народномъ языкѣ станція Бȳхэ̀къ нерѣдко называется Баясхулантȳ. На станціи, по обычаю, находится 12 семей станціонныхъ монголовъ и всѣ они принадлежатъ цэцэ̀нъ хāновскому àймаку. Станціонный сȳринъ находится къ сѣверу, въ направленіи къ Тōлѣ; въ немъ при нуждѣ ставится войлочный дугȳнъ и совершаются хурàлы. Обычно большой хурàлъ бываетъ здѣсь

1) Сонгина ȳла раздѣляется на три части:

или въ послѣдней лѣтней, или въ первой осенней лунѣ и въ эту пору сюда собирается до 100 ламъ. Помимо мѣстныхъ станціонныхъ, приходятъ еще окрестные шабинàры и наконецъ нѣсколько ламъ изъ ургинскаго Гàндана.

25-е Іюля. Суббота.

5 ч. +5°; 12 ч. +18°; 3 ч. +16°; 6 ч. +16°; 9 ч. +14°.

Вьюки наши отправились отсюда въ 5 ч. утра раздѣленными: одинъ на верблюдѣ, другой на телѣгѣ, запряженной лошадью; сами же мы выѣхали въ 7 ч. 30 м. и направились на ЮЮЗ. Вплоть до горы Баясхуланту̀, давшей свое имя и народному названію станціи, дорога идетъ по ровной поверхности, усѣянной мелкимъ щебнемъ и покрытой довольно густою травкой. Отъ горы дорога къ станціи Долōнъ раздѣляется: западный путь идетъ по горамъ и пересѣкаетъ довольно высокій перевалъ, именуемый Марцàйнъ даба̄, — по этой дорогѣ монголы ѣздятъ весною и въ періоды дурной погоды; восточный путь проходитъ все пространство до Долōна по долинѣ, по этому пути ѣхали мы въ настоящее время. Начиная отъ горы Баясхуланту̀, степь поросла цакилдàкомъ (iris sibirica) и купы этой травы дѣлаютъ дорогу тряскою. Вся долина въ ширину около 4 верстъ. Посреди нея были видны потоки нѣсколькихъ ключей и водныхъ скопленій, которые мои проводники называли мнѣ «цзамы̀йнъ худу̀ками», т. е. «придорожными ключами». Можетъ быть они врали, а можетъ быть это былъ потокъ одного ключа, тянущійся на значительное пространство, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что средина этой долины болотиста; оттого кочующіе здѣсь монголы всѣ ютятся съ своими юртами по склонамъ горъ, и принуждены привозить воду въ бочкахъ и кадкахъ. Еще далѣе по дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько глубокихъ ямъ, наполненныхъ водою; почва въ такихъ мѣстахъ обыкновенно солонцеватая. Только у отроговъ горы Долōна долина нѣсколько повышается; цакилдàкъ исчезаетъ, и степь снова дѣлается покрытою мелкимъ кипцомъ въ смѣси съ степною полынью. Мѣстами здѣсь попадаются большіе камни, и на нихъ сидятъ громадные тасъ-шубӯ (черные орлы). На станцію Долōнъ мы прибыли въ $10\frac{1}{4}$ ч. Она расположена въ углу долины, при подножіи Долōнъ ӯлы, находящейся на СВ отъ станціи и неподалеку отъ двухъ ключей, называемыхъ Бўридў. Сверхъ обыкновенія, насъ встрѣтило здѣсь очень мало народу и станція казалась совершенно безлюдной; изъ разговоровъ выяснилось, что все здѣшнее населеніе отправилось на богомолье. Дѣло въ томъ, что на Марцàйскомъ перевалѣ находится сӯринъ станціи Долōнъ, въ которомъ выстроенъ и дугàнъ долōнской станціи; въ этомъ дугàнѣ совершался теперь годовой хурàлъ, къ отправленію коего собралось до 70 ламъ. Они пришли сюда съ ближайшихъ станцій, изъ хита Донхòръ-маньчжўшри и Урги.

Понятно, что такое собраніе составляло сущій праздникъ для степняковъ; на станціи остались только старые, да малые; впрочемъ, изъ юрты нашего почтосодержателя и эти послѣдніе ушли собирать мангирсу (Allium senescens), во множествѣ растущій въ здѣшнихъ горахъ.

Станцію Долбнъ мы оставили въ 11 ч. 10 м. и двинулись въ направленіи на ЮЗ, по долбнской долинѣ, ограничиваемой съ востока горами Хўгэнэй нурў, а съ сѣверо-запада Марцайскими горами. Увалы, пересѣкающіе эту долину, были почти сплошь изрыты норами сурковъ, или по-монгольски, тарбагановъ, что несомнѣнно свидѣтельствовало объ изобиліи этихъ звѣрьковъ. Вскорѣ къ нашему поѣзду присоединился монгольскій охотникъ, выѣхавшій въ настоящую пору именно на охоту за тарбаганами. Онъ разказалъ мнѣ, что принадлежитъ къ числу хошўнныхъ податныхъ Пунъ-бэйсэ и живетъ, промышляя главнымъ образомъ охотою. Предметы охоты: осенью—цаганъ горбсў и дзэрэны, зимою къ этому присоединяются волки, которыхъ убиваетъ онъ почти исключительно ради шкуры, потому что мясо волчье на пищу не пригодно и изъ всей туши онъ беретъ только внутренности и желчь, употребляемые въ ламской медицинѣ, хотя эти послѣднія и не цѣнятся дорого, а продаются обыкновенно за два, три хадака. Что касается тарбагановъ, то мясо ихъ идетъ на пищу, а шкура на продажу. Въ лѣто иной разъ набирается до 200—300 шкурокъ, которыя или продаются заѣзжимъ китайцамъ, или же отправляются съ знакомыми извозчиками то въ Кяхту, то въ Калганъ. Въ Кяхтѣ шкурка тарбагана цѣнится въ 3—4 копѣйки, а въ Калганѣ китайцы даютъ за нее отъ 15 до 20 чжбсу (чеховъ). Повстрѣчавшійся намъ охотникъ былъ вооруженъ короткимъ кремневымъ ружьемъ, по общему обычаю монголовъ, устанавливаемымъ для стрѣльбы на подвижныя подставки. Скоро намъ пришлось увидѣть какъ искусство, такъ и результаты его охоты. Едва подъѣхали мы къ возвышенію Марцаньйнъ-гоцзогоръ, какъ охотникъ запримѣтилъ сурка, стоявшаго у своей норы и, подкравшись къ нему, выстрѣлилъ на разстояніи 55 шаговъ. Слѣды крови, оставшіеся у норы, указывали, что выстрѣлъ былъ удаченъ, тѣмъ не менѣе сурокъ скрылся въ нору и достать его оттуда, за недостаткомъ инструментовъ, оказывалось невозможнымъ. Запримѣтивъ мѣсто, охотникъ снова послѣдовалъ за нами и, не болѣе какъ черезъ ¼ часа, когда мы подъѣзжали къ Барчинайнъ-хўтўл'ю, ему снова попался сурокъ, котораго онъ убилъ наповалъ. Эта охота представляла собою прекраснѣйшую бытовую картину и я не преминулъ снять ее фотографіею. Оставивъ здѣсь охотника, который на нашихъ-глазахъ сдѣлалъ четыре выстрѣла совершенно безъ промаха, мы ускорили движеніе и, переваливъ черезъ Барчинайнъ-хўтўль, въѣхали въ небольшую долину, огра-

ничиваемую съ востока горою Барчинà, а на югѣ пересѣкаемую Ногōнъ-дабāн'омъ. Барчинà совершенно отличается отъ окружающихъ горъ своею высотою и отсутствіемъ растительности. Оголенные граниты стоятъ отвѣсно на ея верѝшинѣ и представляютъ собою неприступныя скалы. Въ совершенную противоположность этому, Ногōнъ-дабā покрытъ густою травою. Съ южной стороны его стекаетъ небольшой ключъ, который постепенно расширяется въ своемъ руслѣ по мѣрѣ пониженія мѣстности и наконецъ въ полуверстѣ отъ подошвы Ногōнъ-дабāна образуетъ собою порядочный бассейнъ, называемый Ногōнай-усỳ. Впрочемъ, вода Ногōнай-усỳ оказывается пригодною для питья только у самаго истока, далѣе, вслѣдствіе мелководья, она дѣлается теплою, а въ самомъ бассейнѣ портится и пріобрѣтаетъ солонцеватый вкусъ и дурной запахъ; — можно сказать, что въ этомъ мѣстѣ она является интересною только для журавлей, въ обиліи бродящихъ по берегамъ вышепомянутаго бассейна. Пройдя по лѣвому берегу озера, дорога круто поворачиваетъ сначала на востокъ, а потомъ на югъ, къ перевалу Борò-тологòй, на южной сторонѣ котораго находится почтовая станція Чжиргалантỳ.

Станція располагается на обширной равнинѣ, ограничиваемой съ сѣвера вышепомянутымъ переваломъ Борò-тологòй, съ запада, —холмами Чжиргалантỳ, на которыхъ усердные монголы воздвигли до 30 обō, на югѣ же, куда лежалъ нашъ путь, равнина эта уходитъ вдаль и лишь на горизонтѣ ограничивается какими то возвышенностями. При станціи располагается и ея сỳринъ, заключающій въ себѣ два бàйшина: первый изъ нихъ служитъ станціонной кумирней, во второмъ хранятся станціонныя юрты. Впрочемъ, названіе кумирни не подходитъ сполна къ этому первому бàйшину. Правда, въ немъ установлены всѣ бурхàны и принадлежности хурàловъ; живущіе при станціи ламы приносятъ здѣсь ежедневныя жертвы передъ бурхàнами и даже отправляютъ изрѣдка хурàлы; но въ дни великихъ и годовыхъ хурàловъ, когда ламъ собирается много, станціонные строятъ войлочный дугỳнъ передъ дверями этой кумирни. Постоянными остатками этого дугỳна являются четыре выкрашенныхъ красною краскою столба, на которыхъ утверждено громадное ӧрхō, или дымникъ юрты. Таковъ общій видъ чжиргалантỳ'скаго сỳрина.

Мы оставили эту станцію въ 2 ч. 20 минутъ и двинулись по долинѣ, въ направленіи на ЮЮЗ. Не болѣе какъ въ 10 мин. ѣзды намъ повстрѣчался ключъ, называемый Адагы̀йнъ булỳкъ, изъ котораго станціонные не берутъ однако воды, а только поятъ животныхъ. У ключа долина кочковата и поросла дэрэсỳномъ, но далѣе почва ея дѣлается красно-песчаною и усѣянною мельчайшими камешками. Верстахъ въ 4-хъ отъ станціи у под-

ножія столообразнаго холма, называемаго у монголовъ Ширэ̄, мое вниманіе привлекли четыре большіе камня: три изъ нихъ уже упали, а четвертый еще стоялъ, какъ могильный памятникъ. Камни были, очевидно, отесаны рукою человѣка, но никакихъ надписей и изображеній на нихъ не заключалось. Нѣсколько далѣе долина начинаетъ ограничиваться съ востока высокою горою Йэхэ̀ хаирха̀нъ, которой противулежатъ на западѣ длинные холмы Хӯрэ̀нъ хабтага̀й, противустоящіе также и горамъ Сӯчжи, тянущимся на восточной сторонѣ долины непосредственно за Йэхэ̀ хаирха̀номъ. Продолженіемъ Хӯрэ̀нъ хабтага̀я на западѣ является Цзӯнъ хабтага̀й, которому на востокѣ противулежатъ горы Хӯрэ̀нъ-ӯндӯръ. На югъ, какъ было уже сказано, долина эта простирается на большое разстояніе и только на половину пересѣкается двумя увалами Намъ-даба̄ и Ташига̀й. Дорога не направляется на эти увалы, а обходитъ ихъ съ восточной стороны, при чемъ оба эти объѣзда являются весьма каменистыми. Такимъ образомъ путь между станціями Чжиргалантӯ и Ӯндӯръ добо̄ является въ высшей степени однообразнымъ, хотя для меня онъ прошелъ крайне весело, благодаря чисто случайному обстоятельству. Никогда еще не было даваемо мнѣ такихъ прекрасныхъ лошадей, какъ со станціи Чжиргалантӯ. Быстрота движенія ихъ какъ будто веселила монголовъ и всѣ они были очень разговорчивы и любезны. Настала третья перемѣна лошадей, и въ эту очередь, очевидно, попала одна лошадь, никогда не ходившая подъ дамнӯромъ. Всѣ попытки сидѣвшаго на ней монгола остались безуспѣшны,— лошадь не входила подъ палку. Нашелся другой ула̄чи (подводчикъ), сѣвшій на нее, однако и усилія этого ѣздока остались безплодны. Ѣздокъ заключилъ, что если теперь же не вогнать эту лошадь подъ дамнӯръ, то она навсегда испорчена, а чтобы достигнуть цѣли, завязалъ ей глаза. Усѣвшись такимъ образомъ на слѣпую лошадь, онъ ловко положилъ на сѣдло дамнӯръ. Отъ непривычной тяжести животное нѣсколько отшатнулось въ сторону, но сильный ударъ ногайкой заставилъ его скакать по управленію поводьевъ. Проѣхавъ минутъ десять, ѣздокъ снялъ повязку съ глазъ лошади и несчастная тутъ только поняла, что она находится рядомъ со страшившею ее телѣгою. Вновь шарахнулась она въ сторону, но на этотъ разъ другой ула̄чи, скакавшій на ряду съ нею, не только преградилъ ей дорогу, но еще больше притиснулъ ее своею лошадью къ телѣгѣ. Еще 100—150 саженъ такого движенія и лошадь пошла совершенно хорошо, хотя, конечно, все время нужно было зорко слѣдить за ея движеніями. Такъ-то обучаютъ монголы своихъ лошадей.

Недоѣзжая съ версту до станціи Ӯндӯръ добо̄, мы наскакали на кочковатый солончакъ, и засимъ поднялись на небольшое возвышеніе, судя

по названію, кажущееся монголамъ «высокой грудой» (Ӱндӱръ-добо̄). На склонахъ этого возвышенія и по самому возвышенію стоитъ почтовая станція, на которую мы прибыли въ 4 ч. 35 мин.

Здѣсь мы должны были купить себѣ барана, чтобы приготовить пищу на день, или два. Покупка совершена была очень скоро: годовалый баранъ былъ пріобрѣтенъ за четыре чая (2 р. 40 к.), по обычаю, безъ кожи, головы, внутренностей и ногъ, за что хозяинъ изготовилъ намъ тушу. Мясо у хозяина барана, мясо у насъ — составило праздникъ для цѣлой станціи. Я пригласилъ къ своему ужину цзангіна, съ которымъ проговорилъ часовъ до 11 ночи. Словоохотливый старикъ, вспоминая старину, разказывалъ мнѣ, какъ сражался онъ съ хой-хòйцами, при послѣднемъ нападеніи ихъ на Халху, и вотъ что можно было вывести изъ его разказа.

Шайка, производившая послѣдній набѣгъ на Халху, состояла изъ китайцевъ-магометанъ и татаръ. Первоначально они собрались въ городахъ Цзянъ-цзинъ-фу и Гань-чжоу, гдѣ имѣли совѣщанія о томъ, какъ бы пограбить имъ Халху вообще и особливо Ургу, гдѣ представлялись имъ несмѣтныя богатства, надежду же на успѣхъ давали имъ съ одной стороны трусость монголовъ, а съ другой — бывшія удачи ихъ собратій. О совершившемся уже въ эту пору сборѣ монгольскихъ войскъ и расположеніи ихъ хой-хòйцы эти не имѣли тогда никакого понятія: они полагали, что стоитъ придти имъ въ Халху и добыча будетъ въ рукахъ, оттого большинство ихъ вышло пѣшими, едва вооруженными кто фитильнымъ или кремневымъ ружьемъ, кто копьемъ, мечемъ, или саблею. У горъ Гурбàнъ сàйханъ разбойники эти имѣли послѣдній общій станокъ и здѣсь именно рѣшили они прежде всего добыть себѣ лошадей. Съ этою цѣлью они раздѣлились на мелкія шайки и двинулись на грабежъ въ разныя стороны. Вскорѣ массы верблюдовъ и лошадей были пригнаны ими въ общій станъ, послѣ чего уже конными они двинулись въ Халху. Шли отдѣльными небольшими эшалонами и дорогою схватывали монголовъ, женщинъ и даже дѣтей, которыхъ заставляли то показывать дорогу, то прислуживать и вести вьючныхъ верблюдовъ, то наконецъ брали ихъ съ собою просто ради того, чтобы представить свой станъ пообширнѣе. Такимъ образомъ дошли они до р. Онгіна и здѣсь всѣхъ хой-хòйцевъ собралось до 600 человѣкъ, а съ монголами, женщинами и дѣтьми до 800 человѣкъ. Противъ нихъ были высланы: 1) шестисотенный отрядъ подъ начальствомъ цзахирахчѝ Бэхэ̀ очѝра; онъ выступилъ изъ Урги, направляясь прямо на югъ, по ургинско-калганскому тракту; 2) отрядъ въ 400 человѣкъ подъ начальствомъ князя Чимэ̀тъ гӯна, выступившій изъ Эрдэнѝ-цзӯ и, наконецъ, 3) чахарскій отрядъ,

состоявшій въ распоряженіи улясутайскаго цзянь-цзюня и имѣвшій свой лагерь неподалеку отъ Онгійна.

Когда было получено извѣстіе о нахожденіи хой-хойцевъ у Онгійна и намѣреніи ихъ двинуться на Ургу, то ургинскій маньчжурскій амбань сдѣлалъ такое распоряженіе: а) чахарамъ, которые ближе другихъ находились къ шайкѣ, пропустить главный отрядъ ея на сѣверъ, къ Ургѣ, а засимъ стать на дорогѣ и уничтожать остальныхъ разбойниковъ; б) Бэхэ очйру стараться тѣснить шайку къ Ургѣ и вступать съ нею въ сраженіе только въ самомъ крайнемъ случаѣ; в) Чимэтъ-гуну удерживать движеніе шайки въ стороны. Амбань, очевидно, хотѣлъ завлечь шайку подальше на сѣверъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію ея въ Китай и, по разбитіи ея гдѣ-либо около Урги, истребить засимъ остатки ея, во время ея обратнаго бѣгства; слава пораженія при этомъ, конечно, цѣликомъ осталась бы за нимъ. Съ р. Онгійна хой-хойцы двинулись на сѣверо-востокъ одною шайкою. Согласно распоряженію, чахарскій отрядъ не особенно искалъ встрѣчи съ нею и, въ сдѣланномъ только для вида нападеніи, убилъ нѣсколько человѣкъ, пропустивъ всю шайку на сѣверъ. Въ двухъ переходахъ отъ большаго калганско-улясутайскаго тракта халхаскій отрядъ Бэхэ очйра, въ которомъ состоялъ и мой разказчикъ цзангйнъ, зашелъ въ тылъ шайки и пошелъ по слѣдамъ ея. Отрядъ Чимэтъ гуна оставался восточнѣе. Вскорѣ такое расположеніе халхаскихъ войскъ сдѣлалось извѣстнымъ хой-хойцамъ; они сообразили, что попали въ засаду и хотѣли было уклониться на западъ, чтобы повернуть затѣмъ обратно на югъ. Въ свою очередь и Бэхэ очйръ ежедневно получалъ извѣстія о состояніи хой-хойскаго стана и, провѣдавъ о движеніяхъ шайки на западъ, рѣшилъ произвести на нее нападеніе. Въ 150 верстахъ отъ Урги, въ мѣстечкѣ Ухāширē шестисотенный отрядъ Бэхэ очйра догналъ шайку и вступилъ съ нею въ сраженіе. «Мятежники дрались отчаянно, да и наши нападали какъ львы», говорилъ цзангйнъ. — «Главное, у насъ было много боевыхъ запасовъ, а у разбойниковъ — очень мало: уже въ полдень мы увидали, что хой-хойцы начали стрѣлять кто камнями, кто кусочками мѣди, кто даже кусочками серебра. Къ вечеру хой-хойцы побѣжали, а мы начали собирать добычу. Убитыхъ разбойниковъ было болѣе 300 человѣкъ и оставили они больше 1000 верблюдовъ и 200 слишкомъ лошадей; наконецъ, осматривая поле сраженія, солдаты Бэхэ очйра собрали болѣе 300 ланъ серебра, которое разстрѣляли хой-хойцы. Въ тотъ же день Бэхэ очйръ послалъ донесеніе маньчжурскому амбаню, въ которомъ докладывалъ о своемъ славномъ дѣлѣ, а къ вечеру втораго дня получилъ уже отвѣтъ, въ коемъ амбань восхвалялъ храбрость Бэхэ очйра, сообщалъ, что онъ самъ

немедленно выступаетъ изъ Урги, чтобы окончательно поразить мятежниковъ и, наконецъ, приказывалъ Бэхэ очѝру преслѣдовать хой-хо̀йцевъ, но ни въ какомъ случаѣ не вступать съ ними въ сраженіе до прихода его, амба̀ня. Письмо оканчивалось обѣщаніемъ амба̀ня хлопотать передъ императоромъ о награжденіи Бэхэ очѝра титуломъ «ба̄тура» и о пожалованіи ему сверхъ того денежной награды.

Получивъ такой приказъ, Бэхэ очѝръ двинулся въ погоню за хой-хо̀йцами и догналъ ихъ во второй разъ въ урочищѣ Билю̄тайнъ чжиса̀, на растояніи верстъ 80-ти отъ мѣста бывшаго сраженія. Съ перваго взгляда было видно, что станъ хой-хо̀йцевъ сдѣлался значительно больше, а черезъ шпіоновъ было узнано, что за истекшіе три дня къ хой-хо̀йцамъ присоединилось до 100 человѣкъ съ награбленными верблюдами, лошадьми и вещами. Часть этихъ присоединившихся принадлежала къ тѣмъ, которые, скрывая награбленное, бѣжали на западъ съ мѣста сраженія въ Ухэ̄-ширэ̄; а часть была совершенно новыхъ людей, которые отстали отъ главнаго хой-хо̀йскаго отряда на Онгѝнѣ и двигались за нимъ сзади. Хой-хо̀йцы, несомнѣнно, были извѣщены о приближеніи погони за нѣсколько времени; оттого, когда отрядъ Бэхэ очѝра подошелъ къ ихъ стану, то станъ этотъ былъ уже укрѣпленъ. Разбойники огородились кругомъ верблюдами, лошадьми, вьюками, словомъ всѣмъ, что только было въ ихъ распоряженіи и чѣмъ можно было огородиться. Бэхэ очѝръ окружилъ ихъ. На другой день къ монгольскимъ войскамъ присоединился еще отрядъ Чимэ̀тъ-гу̀на и такимъ образомъ число монгольскихъ войскъ возросло до 900, или даже 1000 человѣкъ. Начальники монгольскихъ отрядовъ, имѣя вышепредставленное предписаніе ургинскаго амба̀ня, не смѣли производить нападенія и только старались о томъ, чтобы удержать хой-хо̀йцевъ на мѣстѣ до прихода амба̀ня. Въ теченіе трехъ дней хой-хо̀йцы постоянно высылали изъ своего стана людей съ очевидною цѣлью осмотрѣть ближайшія мѣста и изыскать средства къ освобожденію изъ засады, но часть этихъ соглядатаевъ была убиваема монголами, а часть захватываема въ плѣнъ. Отъ плѣнниковъ этихъ было узнано, что хой-хо̀йцы не имѣютъ у себя уже никакихъ запасовъ и питаются исключительно лошадинымъ мясомъ. Наконецъ, на третій день хой-хо̀йцы отправили къ Чимэ̀тъ-гу̀ну и Бэхэ-цзахирахчѝ своихъ парламентеровъ, которые предлагали халхаскимъ начальникамъ отдать рѣшительно все, лишь бы только дана была имъ пощада; но парламентеры эти были изрѣзаны на куски и замучены монголами до смерти въ глазахъ всего хой-хо̀йскаго стана. Хой-хо̀йцы плакали какъ малыя дѣти, видя такія страданія своихъ собратій.

Наконецъ, прибылъ отрядъ чахарскихъ войскъ подъ начальствомъ

чахарскаго амбàня, который, какъ старшій, принялъ теперь на себя распоряженіе всѣми отрядами. Монгольскіе военачальники представили чахарскому амбàню распоряженіе ургинскаго амбàня, и послѣдній, — говорилъ цзангѝнъ, — когда подали ему эту бумагу, затопалъ ногами и закричалъ, что ургинскій амбàнь хочетъ присвоить себѣ всю славу. Очевидцемъ этой бурной сцены былъ самъ цзангѝнъ, дальнѣйшее же онъ разказывалъ только какъ молву. Говорятъ, что въ эту самую ночь начальникъ хой-хòйской шайки съ однимъ только своимъ адъютантомъ отправился въ чахарскій лагерь для переговоровъ, а на другое утро къ чахарскому амбàню было отправлено три верблюда, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ. На другой день чахарскимъ амбàнемъ было объявлено, что хой-хòйцы назавтра намѣрены передать войскамъ богдохāна свое оружіе и сдаться на милость богдохāна; что при этой церемоніи должны присутствовать всѣ халхаскія войска, а потому онъ предлагаетъ имъ перекочевать лагеремъ къ чахарскимъ войскамъ. Къ вечеру приказаніе это было исполнено, а ночью вся шайка хой-хòйцевъ, имѣя для себя открытыми южную и западную стороны, съ шумомъ и криками бѣжала. Передъ своимъ бѣгствомъ хой-хòйцы перерѣзали всѣхъ захваченныхъ ими монголовъ, женщинъ и дѣтей числомъ до 80 человѣкъ; это дѣлали они, во-первыхъ, мстя за смерть своихъ парламентеровъ, во-вторыхъ, подозрѣвая этихъ монголовъ въ измѣнѣ и указаніи неправильныхъ дорогъ и, въ-третьихъ, наконецъ, почитая ихъ излишней обузой при своемъ движеніи. Монгольскія войска, услыхавшіе шумъ въ хой-хòйскомъ лагерѣ, немедленно отправились доложить чахарскому амбàню, но послѣдній принялъ докладъ только утромъ, когда хой-хòйцы успѣли уйти уже верстъ на 20. Получивъ докладъ, амбàнь приказалъ прежде всего осмотрѣть лагерь, потомъ заняться погребеніемъ избитыхъ съ оказаніемъ почестей тѣламъ ихъ, какъ пострадавшихъ за отечество и только на третій день разрѣшилъ преслѣдованіе хой-хòйцевъ.

Между тѣмъ хой-хòйцы ушли уже далеко. Они раздѣлились на двѣ партіи, и халхаскія войска, получивъ извѣщеніе объ этомъ, въ свою очередь, раздѣлились. Чимэ̀тъ-гӯнъ отправился восточнѣе и, перешедши калганско-улясутайскій трактъ, возвратился, совершенно не видавъ хой-хòйцевъ. Отрядъ Бэхэ̀ очѝра шелъ западнѣе. Онъ также не догналъ главной шайки, но постоянно настигалъ мелкіе эшалоны, при чемъ имъ было избито до 150 человѣкъ хой-хòйцевъ. При приближеніи преслѣдователей хой-хòйцы не останавливались и не защищались, но оставляли въ рукахъ монголовъ и своихъ убитыхъ, и отставшихъ въ бѣгствѣ, и даже вьюки, которые были захвачены ими, какъ болѣе цѣнные изъ лагеря при Билю̄таѣ. Достигнувъ р. Онгійна, солдаты Бэхэ̀ очѝра совершенно изнурились и

должны были прекратить свое преслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе съ этихъ поръ хой-хо̀йцы уже не вступали болѣе въ предѣлы Халхи. — Легъ спать въ 2 ч. 40 м. ночи.

26-ое Іюля. Воскресенье.

5 ч. +12°; 12 ч. +20°; 2 ч. +24°; 10 ч. +14°.

Станція Ӱндӱръ-добо̄ расположена на склонѣ невысокаго холма, именуемаго Ӱндӱръ-добо̄; свою воду она получаетъ изъ колодца, носящаго то же названіе; съ запада она ограничивается невысокими пригорками, именуемыми Ӱго̄мӱръ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ совершенно открыта. Почтосодержателями станціи являются 12 юртъ цэцэ̀нъ-хо̄новскаго а̀ймака со своими родственниками, всего до 45 семей. Мы оставили Ӱндӱръ-добо̄ въ 8 ч. 40 м. Дорога предлежала въ направленіи къ югу. Передъ нами залегала обширная степь, на которой, кажется, трудно было отличить какое-нибудь урочище. Дѣйствительно, сами монголы стѣсняются различать здѣсь мѣста и кое-гдѣ поставили обо̄, посредствомъ которыхъ и является только возможность опредѣлять пространство. Нечего говорить, что при такомъ недостаткѣ отличій, у нихъ является подмѣченнымъ и обозначеннымъ особымъ именемъ каждый пригорокъ, но таковыхъ здѣсь крайне мало. Въ 9 ч. 15 м. мы достигли небольшаго увала, именуемаго Боро̀ хошӯ. Общій наклонъ долины отсюда, очевидно, обозначается къ востоку; вдали показались юрты, въ которыхъ живутъ станціонные содержатели Ӱндӱръ-добо̄. За уваломъ Боро̀ хошӯ начинаются почти сплошныя розсыпи щебня, мѣстами на самыя незначительныя пространства (приблизительно въ 8—10 саженей), смѣняемыя гуджѝрами, на которыхъ обыкновенно скопляется дождевая вода. Въ 9 ч. 45 м. показался новый пригорокъ, именуемый Дзэ̀съ-нохо̀й; влѣво отъ него видны были 12 юртъ шабина̀ровъ Донхо̀ръ-маньчжушрѝ хутухты̀. Переваливъ черезъ этотъ пригорокъ, мы тотчасъ же поднялись на другой, называемый Бомботӯ; здѣсь считаютъ монголы половину станціонной дороги, хотя не вѣрно, такъ какъ вторая половина является въ дѣйствительности значительно короче. Однообразіе придорожныхъ видовъ здѣсь поразительно. Въ 10 ч. 15 м. къ западу ясно обрисовалась невысокая гора, Цага̀нъ-дэ̄ль, на которой рѣзко отличались какіе-то бѣлые камни. Они походили на могильные знаки и мнѣ захотѣлось посѣтить ихъ. Казавшійся близкимъ отъ дороги пригорокъ этотъ оказался стоящимъ отъ нея верстахъ въ 4-хъ, такъ что мнѣ потомъ съ трудомъ удалось догнать свой поѣздъ; но еще досаднѣе было то, что камни оказались простымъ сѣрякомъ, при солнечномъ освѣщеніи представлявшимся совершенно бѣлыми. Въ 10 ч. 45 м. прибыли на ст. Тала̀-була̀къ. Здѣсь 12 юртъ почтосодержателей, при которыхъ до 50 семей родственниковъ. Станціонный сӯринъ находится здѣсь же, при

станціи; его составляютъ два бàйшина для помѣщенія кумирень, одинъ для храненія хурýльныхъ принадлежностей и три бàйшина для храненія станціонныхъ припасовъ, каковыми являются: лучшія юрты (цагàнъ-эрѣнъгэ̀рь), ковры, олбòки, столы, чашки, донбò и пр. Воду станціонные обитатели получаютъ изъ худукà, такъ какъ находящіеся при станціи два ключа, Талà булàкъ и Дэльгэ̀ръ булàкъ, весьма незначительны. Станція находится посреди ровной степи и только къ востоку отсюда залегаетъ пологая возвышенность — Ӳнигэ̀тӳ.

Оставивъ станцію Талà булàкъ въ 11 ч. 25 м., мы продолжали путь по долинѣ къ югу вплоть до ограничивающаго эту долину увала, называемаго Ухā хӳтӳ̀лъ. Почва здѣсь на всемъ протяженіи къ слѣдующей станціи, т. е. какъ въ долинахъ, такъ и на увалахъ, такая же: она густо покрыта щебнемъ и съ крайне рѣдкою травою; новизною представляется лишь то, что вершины увало̀въ повсюду начинаютъ быть каменистыми и обнаруженные пласты дикаго камня придаютъ имъ странный дымчатый цвѣтъ. Такой видъ носятъ на себѣ лежащіе поочереди Шанхагы̀йнъ обōту, Цзамы̀йнъ тологò̀й, Шибэ̄тӳ, Улā̄нъ обōту и другіе увалы. У этого послѣдняго увала Улā̄нъ обōту, увѣнчаннаго дѣйствительно обō, станціонные считаютъ половину дороги между станціями, въ политическомъ же отношеніи Улā̄нъ обōту важенъ какъ пограничный пунктъ для хошӯновъ Далàй-чжонò̀нъ бэ̀йсэ и Тō гӯна, иначе называемаго Уйцзанъ гӯномъ. Въ 12 ч. 55 м. мы достигли глубокой впадины, посреди которой стоялъ большой бассейнъ съ водою. Это такъ называемый Хирàй нӯръ, или озеро Хирàй, хотя въ сущности озера здѣсь нѣтъ и вода его не выходитъ изъ земли, а скопляется вслѣдствіе дождей. Солончаковая почва долины дѣлаетъ эту воду горько-соленою, такъ что пить ее можетъ только скотъ, для людей же она вовсе не пригодна. Поднявшись отсюда на каменистый Хирàй-нӯрынъ урдӯ тологò̀й, мы спустились съ него въ долину, покрытую глубокимъ пескомъ; растительности здѣсь крайне мало и только быстрыя ящерицы, бѣгающія въ разныхъ направленіяхъ, развлекаютъ глазъ. Переваливъ еще одинъ увалъ, мы прибыли въ долину станціи Нарàнъ. Долина эта весьма обширна и протягивается къ югу. Воду станціонные получаютъ изъ худукà, но имѣется и ключъ, именуемый Нарàнъ булàкъ; замѣчательно, что ключъ этотъ имѣетъ хорошую воду и не замерзаетъ даже зимою. Всѣ почтосодержатели принадлежатъ цэцэ̀нъ-хāновскому àймаку. Сӯринъ ихъ находится отсюда къ СВ. На станціи Нарàнъ проживаетъ нынѣ нѣсколько семей шабинàровъ, три года тому назадъ подаренныхъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухтѣ.

Въ 3 ч. 40 м. мы отправились со станціи прямо на югъ пересѣкать долину Нарàна. Почва близъ самыхъ станціонныхъ юртъ гуджѝрная и, такъ

какъ на станціи только сегодня прошелъ сильный дождь, то на гуджѝрѣ образовалась довольно большая и вязкая грязь. По мѣрѣ удаленія на югъ, урочище начинаетъ подниматься, почва осушается и мало-по-малу снова переходитъ въ пространство, покрытое щебнемъ. Въ такихъ мѣстахъ мы впервые начали встрѣчать отсюда въ изобиліи хараганў. Поднявшись на увалъ, называемый Цзамы̀инъ-дэбсэ̀нъ, мы потеряли изъ виду станцію Нарà̀нъ и начали переѣзжать долины, отдѣляемыя одна отъ другой увалами. Ближайшій и болѣе высокій изъ этихъ уваловъ носитъ названіе Арў-усунà̀й хўтў̀ль; на южной сторонѣ его, у самой дороги, находится небольшой колодецъ, при которомъ ежегодно весною и осенью кочуютъ хошўнные люди Тō-гў̀на. Вслѣдъ за симъ дорога снова начинаетъ подниматься на увалъ, за которымъ слѣдуетъ спускъ во впадину, именуемую Бирўгыйнъ хонхо̀ръ; слѣдующая за нею лощина называется Бухà̀инъ хонхо̀ръ и еще далѣе Шибаганцà̀йнъ хонхо̀ръ. Урочища эти на всемъ своемъ протяженіи представляютъ прекрасную дорогу для колесной ѣзды, будучи усѣяны мельчайшею галькой, какъ дорожки въ нашихъ лучшихъ паркахъ. На западъ отсюда на самомъ горизонтѣ намъ виднѣлись горы Йэхэ̀ адāцакъ и Багà адāцакъ. Миновавъ падь Шибаганцà̀йнъ хонхо̀ръ, мы въ 5 ч. 50 мин. достигли до мѣста, гдѣ почтовый трактъ пересѣкается лўгорской дорогой, идущей изъ Калгана на СЗ. Она проходитъ по сѣверной сторонѣ горъ Багà-гадзары̀йнъ чулō, которыя въ неясныхъ очертаніяхъ были видны съ дороги въ направленіи къ западу. Отъ мѣста соединенія этихъ дорогъ начинается урочище, именуемое Хирà̀йнъ тўгў̀рѝкъ, составляющее предѣльный сѣверный пунктъ для кочевьевъ станціонныхъ людей слѣдующаго ōртōна Модо̀нъ. Въ лощинѣ здѣсь находится колодецъ. Далѣе слѣдуетъ небольшой увалъ, называемый Арў хōхṑ чулō. Въ 6 ч. 25 м. мы достигли каменистаго перевала Чулṑнай хѝръ; громадные обнаженные граниты его лежали на вершинѣ грядами и издали казались зубчатою стѣною крѣпости. Отсюда проѣхавъ столообразную возвышенность Дў̀рбэльчжѝнъ ухā, мы въ 6 ч. 40 м. прибыли на станцію Модо̀нъ. Станція эта находится въ не широкой долинѣ, будучи окружена горами, на В — Модо̀нъ-ṑла, на Ю — низкимъ хребтикомъ Улā̀нъ-дэ̀ль и на ЮЗ—возвышенностями Хадā̀нъ-хошō, за которыми далѣе на ЮЗ находится горько-соленое озеро, именуемое Хадā̀нъ-хошṑйнъ усў. Станціонную службу отправляютъ 12 юртъ цэцэ̀нъ-хā̀новскаго à̀ймака. Неподалеку отъ станціи находится двѣ хўрḕ, одна—покровителемъ которой является Ханбṑ-бакшѝ, жительствующій въ Ургѣ, а другая хўрḕ Чжасарà̀й хубилгà̀на. Въ прошломъ году въ этой послѣдней хўрḕ сгорѣлъ главный дугў̀нъ; но въ настоящемъ году его уже выстроили вновь. Лѣсъ для постройки былъ привезенъ изъ Урги, плотниками явились китайцы, къ

освященію же дугѹна Чжэбцзѹнъ-дамба̀-хутухтѹ пожертвовалъ въ него мѣдный бурха̀нъ Аюши, вѣсомъ въ 9 китайскихъ пудовъ.

27-ое Іюля. Понедѣльникъ.

5 ч. +12°; 12 ч. +24°; 3 ч. +23°.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра. Отъ станціи не болѣе какъ во 100 саженяхъ дорога начинаетъ подниматься на возвышенность Улāнъ-дэ̄ль, которая оказалась крайне каменистою: отдѣльные высокіе камни ея стоятъ какъ памятники на громадномъ кладбищѣ. Вообще дорога здѣсь, равно какъ и по спускѣ съ увала Улāнъ-дэ̄ль, замѣтно каменистѣе и растительности съ каждою новою долиною дѣлается все меньше и меньше. Поднявшись изъ Улāнъ-дэ̄ль'ской лощины на увалъ Хэрэмы̀нъ хошѹ̄, мы съ вершины его увидали въ направленіи къ востоку два озера, называемыхъ Хэрэ̀мъ нӯръ. Къ ЮЗ отъ этихъ озеръ протягивается, пересѣкая дорогу, широкая лощина съ гуджѝрною почвою, густо поросшею дэрэсѹ̀номъ. Изъ этой лощины мы поднялись на невысокій увалъ Ухā-хэрэ̀мъ, за которымъ послѣдовала долина, тянувшаяся для насъ на цѣлый часъ ѣзды: ровная и покрытая мельчайшей дресвой, она представляетъ собою прекрасный телѣжный путь, но, по своему безплодію и однообразію, крайне утомительна для путника. Только въ юго-западномъ концѣ ея мѣстность нѣсколько оживляется, по всей вѣроятности, благодаря большему присутствію здѣсь подземной влаги: здѣсь имѣется колодецъ Сӯчжи худѹ̀къ, а около него ютятся двѣ юрты родственниковъ почтосодержателей станціи Модо̀нъ. У самаго этого колодца начинается подъемъ на Дэрэнгі̀йнъ хӳтӯ̀ль, почитаемый половиною разстоянія между станціями, за которымъ слѣдуетъ долина Дэрэнгі̀йнъ-энгѝрь и новый подъемъ къ долинѣ Шаргалы̀инъ сӯчжи. Урочище это занимается юртами почтосодержателей ӧртӧ̄н'а Тӧ̄йримъ и протягивается постепенно, склоняясь далеко-далеко на западъ къ колодцу Эмтӯ̀, получившему за свою величину прозваніе озера (Эмтӯ̀ нӯръ). Переваливъ изъ Шаргалы̀йнъ сӯчжи черезъ невысокій каменистый кряжъ, мы въ 9 ч. 50 м. пріѣхали на станцію Тӧ̄йримъ. Она располагается въ ущельи, огражденномъ невысокими холмами, изъ которыхъ мѣстные монголы особливо чествуютъ два, стоящіе рядомъ на восточной сторонѣ станціи и называемые «хоѝръ-обӧ̄». Всѣ 12 юртъ здѣшнихъ почтосодержателей принадлежатъ а̀ймаку Цэцэ̀нъ-хāна. Неподалеку отъ станціи располагается хӳрē̄ хубилга̀на Чжасара̀й ламы, которая почитается дугѹ̀номъ для двухъ станцій — Тӧ̄йримъ и Боро̀ дагā.

Двинувшись отъ станціонныхъ юртъ въ 10 ч. 30 м., мы тотчасъ же спустились въ лощину, именуемую Тӧ̄йримъ и дающую свое имя и самой станціи. Въ лощинѣ этой вырытъ станціонный колодецъ, а на ряду съ нимъ, нѣсколько къ востоку, лежитъ значительная котловина съ гуджѝр-

нымъ дномъ. Котловина эта носитъ названіе Тӧйримъ нӯръ, хотя озера здѣсь нѣтъ и вода въ этой котловинѣ собирается исключительно дождевая. Непосредственно этому озеру соприкасается большая равнина, близъ озера усѣянная кочками и поросшая дэрэсӯномъ, но засимъ переходящая въ ровную и гладкую степь, покрытую щебнемъ. Долина эта пересѣкается гребнемъ Шарà-тӧйримы̀йнъ хòйту нурӯ, тянущимся съ СЗ на ЮВ, а засимъ та же долина называется далѣе уже Шарà-тӧйримы̀йнъ хонхòръ. Здѣсь имѣется большой колодецъ. Наклонная къ ЮЗ долина эта простирается далеко къ югу и кажется упирающеюся въ горы Хадàнъ зарā. Общаго названія она у себя не имѣетъ и только отдѣльныя части отличаются особыми названіями урочищъ: Хӯйтӯнъ булӯкъ, — отъ имени протекающаго здѣсь источника; Хайрхàнъ, — отъ имени лежащей къ востоку горы и Халцэ̀нъ, — отъ имени красновато-каменистаго холма, находящагося также къ востоку отъ дороги. Миновавъ эту долину, мы спустились въ лощину Борокчѝнъ гӧла, подъ каковымъ именемъ извѣстно гуджѝрное озеро, питающееся дождевою водою, а потому бывающее въ разное время различной величины, иногда же и совершенно пересыхающее. Въ настоящую пору мы пересѣкали западную окраину этого озера въ теченіе 20 минутъ, хотя ширина его въ мѣстѣ нашего переѣзда была едва ли больше версты, такъ сильно поросло это русло дэрэсӯномъ: телѣга буквально прыгала съ кочки на кочку, скатывалась назадъ, сползала въ сторону, словомъ, приходила во всевозможныя, неестественныя при ея движеніи положенія. Такъ добрались мы до станціи Борò дагā. Она стоитъ на довольно широкой и длинной долинѣ, протягивающейся главнѣйше съ запада на востокъ и окруженной незначительными увалами. Надъ всѣми этими возвышенностями господствуетъ въ сущности очень не высокая гора Борохчѝнъ, стоящая въ долинѣ, ближе къ сѣверо-восточной ея окраинѣ. При станціи имѣется два худукà, или колодца, тѣмъ не менѣе при насъ воду брали не изъ колодцевъ, а изъ дождевой лужи. Я узналъ объ этомъ совершенно случайно, когда мѣстный цзангѝнъ началъ угощать меня чаемъ и, въ отличіе его достоинствъ, сообщилъ, что вода у нихъ теперь прекрасная, — «изъ лужи только третьяго дня шедшаго дождя!» Станціонные люди всѣ принадлежатъ здѣсь àймаку Цэцэ̀нъ-хāна.

Въ разговорахъ съ цзангѝномъ я узналъ между прочимъ, что окрестныя мѣста, начиная отъ колодца Эмтӯ-нӯръ, лежащаго еще сѣвернѣе станціи Тӧйримъ, и далѣе до южныхъ границъ хошӯна Гобѝнъ тӯшэ̄-гӯна, служатъ пастьбищами казенныхъ стадъ, содержимыхъ ради нуждъ халхаскаго управленія и что въ настоящую пору не далѣе какъ въ 2 верстахъ отъ станціи Борò-дагā находится управленіе такими мѣстными сӯрӯками.

Разсчитывая собрать объ этомъ учрежденіи болѣе точныя свѣдѣнія, я тотчасъ попросилъ себѣ лошадь и, вмѣстѣ со станціоннымъ цзангйномъ отправился верхомъ познакомиться съ чинами этого управленія. Въ какіе нибудь 10 минутъ мы дорысили до кочевья сӱрӱгы̀йнъ тамагй, которое состояло всего изъ трехъ юртъ: въ одной изъ нихъ проживалъ очередной тусалакчй, въ другой — его секретарь (бичэ̄чи), а въ третьей помѣщалась канцелярія, хранились дѣла управленія и жили сторожа, отбывающіе вмѣстѣ съ симъ и обязанность разсыльныхъ. Тусалакчй мы не застали дома: онъ уѣхалъ къ Эмтӱ̆-нӯру посѣтить тамошнее отдѣленіе верблюжьихъ табуновъ; по этой причинѣ всѣ наши разговоры велись съ бичэ̄чиномъ, котораго мы застали за занятіями въ канцеляріи. Отъ него узнали мы прежде всего, что въ настоящую пору казенныхъ животныхъ осталось въ этихъ мѣстахъ очень не много, такъ какъ, по недостатку травъ, большая часть табуновъ и стадъ перегнаны въ кочевья Гобіинъ тӱшэ̄-гӯна, куда, вѣроятно, вскорѣ же придется кочевать и управленію. Послѣднее не имѣетъ у себя постояннаго штата, и лица, входящія въ составъ его, отбываютъ свои обязанности по трехмѣсячной очереди. Составъ его опредѣляется однимъ цзасакòмъ, или тусалакчй; однимъ состоящимъ при немъ бичэ̄чи; тремя цзангйнами, кочующими впрочемъ не при управленіи, а по отдѣльнымъ мѣстонахожденіямъ табуновъ; да 50 латниками въ званіи табунщиковъ и пастуховъ. Настоящій тусалакчй прибылъ сюда собственно для отбыванія лѣтней очереди, но засимъ, по предложенію сеймоваго начальства и по изъявленіи собственнаго согласія, оставленъ и на очередь трехъ осеннихъ мѣсяцевъ. Помимо этихъ постоянно смѣняющихся лицъ табуннаго управленія, при немъ имѣется еще особая должность цзахирахчй, на которую àймакъ назначаетъ лицъ уже не по очереди, а безсмѣнно. Этотъ цзахирахчй главнымъ образомъ и блюдетъ за стадами, зная состояніе ихъ до мельчайшихъ подробностей, тогда какъ очередные чиновники исправляютъ свои обязанности въ большинствѣ только формально и ограничиваются лишь обычной канцелярской перепиской. Въ настоящую пору въ здѣшнихъ табунахъ находилось: изъ хошӯна Тӱшэ̄тӱ̆-хāна, мериновъ 674, жеребцовъ и кобылицъ 52, верблюдовъ 187, быковъ 51 и овецъ 1112; а отъ цэцэ̀нъ-хāновскаго àймака, мериновъ 558, жеребцовъ и кобылицъ 43, верблюдовъ 56, быковъ 46 и овецъ 608; всего крупнаго и мелкаго скота около 3500 головъ. Табуны и стада эти никогда не кочуютъ вмѣстѣ, но, за недостаткомъ травъ, разбиваются на отдѣльныя парти головъ по 200, 300 и не болѣе 500. Засимъ бичэ̄чи разказалъ мнѣ нѣкоторыя изъ общихъ постановленій относительно управленія стадъ, которыя я почитаю за лучшее передать въ третьемъ томѣ настоящаго труда, при систематическомъ

изложеніи свѣдѣній о содержаніи казенныхъ табуновъ въ Монголіи, теперь же я разкажу лишь случай, весьма характеристичный для пониманія порядковъ халхаскаго управленія вообще и чрезвычайно озабочивавшій бичэ̄чи въ нашъ пріѣздъ, почему онъ и сбивалъ на него нѣсколько разъ свою рѣчь. Дѣло въ томъ, что, начиная вторую очередь своей службы, тусалакчѝ и бичэ̄чи, принадлежавшіе къ одному хошӯну, приводили въ порядокъ свои финансовыя дѣла и въ настоящую пору ихъ занималъ вопросъ о суммахъ, необходимыхъ на канцелярскія принадлежности управленія. «Мы съ тусалакчѝ» говорилъ бичэ̄чи, «назначены къ отправленію этой службы въ первый разъ и, пріѣхавъ сюда, не знали здѣшнихъ порядковъ. Каждому извѣстно, конечно, общее правило, что потребныя для канцеляріи бумага, кисти, тушь и киноварь выдаются изъ аймà̀чнаго чжисà̀на. По прибытіи сюда въ концѣ третьей луны настоящаго года, мы спрашивали у исправлявшаго передъ нами свою очередь тусалакчѝ Дашѝ-ринчѝна, какъ и откуда получать эти вещи и онъ сказалъ намъ на словахъ, будто существуетъ постановленіе, по которому необходимыя для канцеляріи бумага, кисти, тушь и киноварь пріобрѣтаются на суммы, выручаемыя отъ продажи сверхштатнаго скота, который находится на рукахъ у непремѣннаго цзахирахчѝ Гэндӯна. У этого Гэндӯна можно-де получить или овцу, или деньги, и на нихъ купить все нужное. Цзахирахчѝ Гэндӯнъ кочевалъ тогда со стадами далеко, въ хошӯнѣ Гобійнъ тӯшэ̄-гӯна; ѣхать къ нему было не возможно; поэтому мы, повѣривъ на слово сказанному, взяли въ долгъ у аймà̀чнаго тӯнши, китайскаго торговца, Далà̀й-насутӯ, 200 листовъ бумаги (мӯ-тоу) за 1 ланъ серебра, на 4 цина двѣ палочки туши, да на 5 циновъ 15 писчихъ кистей, а всего на 1 ланъ и 9 циновъ; теперь все это поисписали; на вторую очередь нуженъ свой расходъ; сообщаемъ объ этомъ цзахирахчѝ Гэндӯну, онъ же отвѣчаетъ намъ, что, при окончаніи весенней очереди, ему дѣйствительно было передано 4 сверхштатныхъ овцы, но когда вслѣдъ засимъ пріѣхалъ, для лѣтней повѣрки скота, командированный отъ àймака тусалакчѝ Дашѝ-ринчѝнъ съ находившимися при немъ низшими чиновниками, то они получили этихъ овецъ въ провьянтъ и съѣли ихъ. При лѣтней повѣркѣ скота, излишняго приплода не оказалось и теперь сверхштатныхъ овецъ, или какихъ либо другихъ животныхъ у него, Гэндӯна, не имѣется». Теперь являлся вопросъ, чѣмъ уплатить китайцу сдѣланный долгъ и на какія деньги купить снова бумаги, кистей, туши и киновари? Бичэ̄чи составлялъ по этому поводу бумагу въ аймà̀чный чжисà̀нъ, требуя его указаній, хотя не безосновательно полагалъ, что этихъ денегъ имъ не заплатятъ. «Хà̀йранъ мӯнъгӯ мнà̀й!» т. е. бѣдные наши денежки! восклицалъ онъ нѣсколько разъ и при этомъ ругался самымъ площаднымъ образомъ.

Отдохнувъ на станціи Борò дагā, мы оставили ее въ 3 ч. 30 мин. Путь нашъ лежалъ прямо на югъ. По ровной, дресвяной степи мы въ полчаса достигли невысокаго хребта Сэртэнъ, который отдѣляетъ Борохчѝнскую долину отъ долины Борò дагā, на которой собственно должна стоять станція. По сѣдловинѣ Сэртэна мы спустились въ долину Борò-дагā, въ сѣверной сторонѣ своей пересѣкаемую ложбиною потока Мӯнгӯтэй дабанай усӯ, текущаго лишь весною съ восточныхъ горъ. Отъ этого потока мы подъѣхали къ подножію холма Борò дагā, который китайцы почему-то окрестили именемъ Борò бӯрѝнъ, давъ то же самое названіе и станціи; названіе это однако же извѣстно только чиновникамъ, получающимъ пакеты китайскаго правительства и совершенно чуждо языку народа. Къ западу отъ Борò дагā, совершенно соприкасаясь съ нимъ своимъ подножіемъ, располагается другой, болѣе обширный и высокій холмъ, именуемый Зарā, который былъ видимъ намъ еще съ равнины Тōйрима. Что касается долины Борò дагā, то она тянется приблизительно верстъ на десять, ибо, при быстрой ѣздѣ, мы двигались по ней 50 минутъ. Къ ЮЗ она ограничивается плоскою возвышенностью Сэртэнгы̀йнъ ухā, за которою снова слѣдуетъ котловина, приводящая къ невысокому хребтику съ пятью выдающимися вершинами и потому получившему названіе Табӯнъ тологò̀й. Здѣсь считается половина дороги между станціями. Вторая половина этого пути, также точно исполненная лощинъ и уваловъ, отличается отъ первой нѣсколько большею каменистостью. Болѣе ровною для колесной ѣзды представляется здѣсь только долина Арула̀дъ, до которой мы доѣхали ровно въ 5 часовъ. Здѣсь находится худӯкъ и кочуютъ станціонные люди ӧртōпа Байнъ-хошӯ; за то переваливъ эту долину, дорога поднимается на увалъ Хадангы̀йнъ цӧхӧ̄, вершины котораго сплошь покрыты стоящими камнями. Таковою же представляется дорога и вплоть до станціи Байнъ-хошӯ, которой достигли мы въ 5 ч. 25 мин.

Станція эта располагается при подошвѣ крутаго, но не высокаго увала, Зарā, ограждающаго долину Байнъ-хошӯ съ ЮЗ; на ЮВ она уходитъ очень далеко и только на горизонтѣ видна ограничивающая ее цѣпь горъ, именуемыхъ Буинтӯ. Горы эти находятся близъ кочевья Уйцзанъ Тō гӯна и чествуются имъ какъ покровительствующіе его нутӯку; къ сѣверу отъ нихъ находится главная кумирня въ хошӯнѣ Уйцзанъ гӯна. Воду обитатели здѣшней станціи получаютъ изъ худука̀. Въ составъ содержателей входятъ 10 юртъ а̀ймака Цэцэнъ-хāна и 2 юрты тӯшѣтӯ хāновскихъ. Лица, слѣдующія въ Улясутай могутъ проѣзжать съ этой станціи прямо на станцію Шара̀-шубӯтай калганско-улясутайскаго тракта и такимъ образомъ сократить для себя цѣлыхъ пять переѣздовъ и станцій. Для сего

обыкновенно требуется выставить двѣ перемѣны лошадей въ урочищахъ Цагàнъ худýкъ и Цзодохò; впрочемъ, ѣхавшій за нѣсколько дней передъ симъ въ Улясутай Цэцэнъ-хāнъ ограничился одною выставкою, хотя, по словамъ почтосодержателей, онъ доставилъ имъ этимъ только бóльшую тягость, такъ какъ переѣзды были очень длинны.

Въ 6 ч. 10 м. мы оставили станцію Байнъ хошӯ и, не имѣя ни возможности, ни желанія ѣхать кратчайшей дорогой, двинулись по дорогѣ къ Сàйръ усý, на станцію Бильгúхъ. Такъ какъ путь нашъ лежалъ на ЮЗ, то мы тотчасъ же поднялись на увалъ Зарā. Съ вершины его передъ нами открылась громаднѣйшая, уходящая за горизонтъ степь, посреди которой какъ великанъ поднималась со своими утесистыми боками гора Бильгúхъ. Казалось, на всемъ этомъ пространствѣ рѣшительно не на чемъ было остановиться глазу и, однако, спустившись въ самую степь и пересѣкая ее, мы начали различать хотя и весьма не многочисленныя урочища. Первымъ изъ таковыхъ въ 6 ч. 35 м. было урочище Тӯгӯрúкъ усý; здѣсь имѣется колодецъ и пасутся станціонныя животныя. Еще далѣе степь различается уже при посредствѣ сторонних для нея предметовъ; такъ, на крайнемъ сѣверо-западномъ углу ея находится большая гора Хāнгà-ӯла; степь параллельно этой горѣ также носитъ названіе Хāнгà. Въ 7 ч. 10 м. мы достигли каменистыхъ холмовъ Зарā и проѣхали между этими холмами въ тѣснинахъ, покрытыхъ густымъ, сыпучимъ пескомъ. Къ 8 часамъ мы добрались до горы Бильгúхъ, блиставшей при послѣднихъ лучахъ заходившаго солнца своими разноцвѣтными камнями и слюдою. За горою послѣдовалъ большой солончакъ, отъ котораго мы углубились въ цѣпь холмовъ. Посреди ихъ въ узкой тѣснинѣ мы нашли расположенною станцію Бильгúхъ. Станція эта была для насъ прямымъ убѣжищемъ, ибо поднявшійся страшный вѣтеръ кругомъ осыпалъ насъ пескомъ и удручалъ невыразимо. На самой станціи я былъ вдвойнѣ вознагражденъ, нашедши здѣсь разговорчиваго и дѣльнаго цзангина, который посвятилъ меня въ очень многія тайны почтоваго вѣдомства въ Монголіи. Мы проговорили съ нимъ до половины 12-го часа ночи.

28-е Іюля. Вторникъ.

5 ч. +14°; 12 ч. +31°; 6½ ч. +19°; 7½ ч. +13°; 9 ч. +12°.

Станція Бильгúхъ находится въ урочищѣ Мушкà, заимствовавшемъ свое имя отъ мѣстнаго колодца. Близъ горы Бильгúхъ, гдѣ собственно полагается стоять этой станціи, здѣшніе почтосодержатели признали жить неудобнымъ, во-первыхъ потому, что тамъ плохая вода, а во-вторыхъ потому, что прилежащія горѣ Бильгúхъ гуджúрныя мѣста въ періодъ дождей дѣлаются очень влажными и вредно вліяютъ на здоровье. Обо всемъ этомъ

они уже лѣтъ двадцать тому назадъ доложили ургинскимъ амбàнямъ, которые и разрѣшили станціи стоять въ урочищѣ Мушкà. Станцію содержатъ 12 юртъ изъ àймака Цэцэнъ-хāна. Постояннаго дугýна они не имѣютъ, но однажды въ годъ къ нимъ собираются ламы для совершенія хурàловъ. За пять дней до нашего пріѣзда у нихъ былъ народный праздникъ чествованія обō горы Бильгѝхъ. Праздникъ справлялся на средства всѣхъ почтосодержателей, по раскладкѣ. Народу собралось станціонныхъ и изъ хошýновъ до 200 человѣкъ. По окончаніи религіозныхъ торжествъ, боролись борцы и были скачки лошадей. Первый борецъ и первая лошадь получали призъ по 6 чаевъ.

Въ 7 ч. 40 м. мы оставили станцію Бильгѝхъ и, выѣхавъ изъ холмовъ Мушкà, спустились въ долину, ограждаемую на западѣ горами Мōгу. Переваливъ засимъ по сѣдловинѣ двухъ, рядомъ стоящихъ холмовъ Холбōцагàнъ и непосредственно засимъ поднявшись на пологую возвышенность Хонхòръ-цагàнъ, мы спустились въ песчаную долину, покрытую дэрэсýномъ. На югѣ эта долина ограничивается увàломъ Харà-обō, отъ котораго начинается каменистое ущелье, идущее посреди невысокихъ горъ, по отлогостямъ которыхъ проходитъ дорога: тропинка ея то повышается, взбираясь на горную боковину, то понижается, спускаясь съ нея. Такихъ подъемовъ здѣсь семь, почему и мѣстность эта называется «долōнъ дабā» (семь переваловъ). Спустившись съ послѣдняго изъ этихъ переваловъ, мы нашли у подножія его станцію Сологòй, содержимую также цэцэнъ-хāновцами.

Трудно представить себѣ монотоннѣе, безотраднѣе и безжизненнѣе вида, открывающагося со станціи Сологòй. Передъ нами во всѣ стороны залегала сѣрая равнина, уходящая за горизонтъ; почва ея песчано-дресвяная; растительности почти никакой, только отдѣльные кустики дэрэсý, да хараганы, уныло выглядываютъ изъ-подъ каменьевъ. Равнину эту намъ предстояло теперь переѣхать и мы двинулись съ Сологòя въ 10 ч. 10 м. Степь эта называется Шибэгіинъ гòби. Посреди ея, въ направленіи къ востоку отъ дороги, есть колодецъ Тýгýрѝкъ усý, при которомъ, говорятъ, иногда кочуютъ станціонные монголы. Въ 11 ч. 30 м. намъ ясно обрисовался на югѣ рядъ желтыхъ холмовъ, а горизонтъ покрылся очертаніями синѣющихся горъ — Хабиргà. Желтые холмы эти оказались песчаными; они пересѣкаютъ степь съ СВ на ЮЗ. Почти на ряду съ ними возникаютъ другіе холмы, протягивающіеся съ СЗ на ЮВ; такимъ образомъ дорога входитъ здѣсь въ тѣснины и, обогнувъ песчаные холмы у мыса Шабактàй, проходитъ съ версту посреди вторыхъ холмовъ, пока не пересѣчется горами Цзамы̀йнъ хòхò обō. Съ вершины этихъ горъ намъ открылся

такой же безотрадный видъ на Тухӯмъ гòби, протягивающуюся въ наклонѣ къ ЮВ. Окружность гòби видна съ горъ верстъ на 100 и на всемъ этомъ пространствѣ ни одного человѣческаго жилища. Въ 12 ч. 25 м., пересѣкая эту степь, мы подъѣхали къ горнымъ возвышенностямъ, изъ среды которыхъ выдается одна, къ западу отъ дороги, именуемая Баѝнъ ӯла. Она чествуется почтосодержателями станціи Сӯчжи. Самая станція Сӯчжи располагается не болѣе какъ верстахъ въ четырехъ отъ этой горы, въ направленіи прямо на югъ; мы прибыли сюда въ 12 ч. 40 м.

Станція Сӯчжи является послѣднею изъ Бухя̄ ӧртӧн'овъ, находящихся въ завѣдываніи ургинскихъ амбàней. Далѣе, начиная отъ станціи Сàйръ усӯ, ургинско-калганскій трактъ соединяется съ трактомъ калганско-уля̄сутайскимъ и дорога въ Уля̄сутай дѣлается общею для двухъ городовъ. Со станціи Сӯчжи можно проѣхать въ Уля̄сутай и ближе, минуя Сàйръ усӯ и держа путь прямо на станцію Модòнъ, калганско-уля̄сутайскаго тракта. Къ моему удивленію, станціонный цзангѝнъ извѣстилъ меня здѣсь, что въ извѣщеніи о моей поѣздкѣ (цзàръ) было именно указано такое направленіе моего пути и что помянутое сообщеніе было сдѣлано по требованію консульства. Но лишить меня посѣщенія Сàйръ усӯ — значило лишить меня ознакомленія съ центральнымъ управленіемъ почтовыхъ учрежденій въ Монголіи; допустить этого я никакъ не могъ, а потому уже на свой страхъ приказалъ дать знать о моемъ пріѣздѣ сàйръ-усӯскому цзаргучэ̀ю, и засимъ везти себя въ Сàйръ усӯ. Конечно, въ Сàйръ усӯ могли непринять меня, могли не дать лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія подъ предлогомъ, что мнѣ указанъ другой путь; но я съ трудомъ предполагалъ это, во имя своихъ знакомствъ съ монголами, во имя всегдашней любезности китайцевъ въ такихъ пустыхъ дѣлахъ, какъ проѣздъ по станціи, наконецъ, у меня было на всякій случай и легальное основаніе, ибо ѣдущимъ чиновникамъ законъ прямо указываетъ путь на Сàйръ усӯ, а не самовольно измышленную монголами дорогу околицами. Съ такими-то, на всякій случай, основаніями и надеждами я двинулся на Сàйръ усӯ въ 2 ч. 45 м., пославъ напередъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ. Дорога наша лежала теперь на ЮЮЗ. Переваливъ отъ станціи черезъ каменистую гряду Харà чулӯ, вершина которой была усѣяна громадными валунами чернаго цвѣта, мы спустились въ долину, преграждаемую на ЮЗ другою такою же грядою, только съ камнями бѣлаго цвѣта, называемую Цзамы̀йнъ цахѝръ. Отъ этой послѣдней гряды, вплоть до станціи Сàйръ усӯ и даже далѣе ея, залегаетъ дресвяная равнина, совершенно однообразная по внѣшнему виду и различающаяся только названіемъ урочищъ. Ближе къ вышепомянутой грядѣ Цзамы̀йнъ цахѝръ лежитъ урочище Дэ̀нъ, за нимъ слѣдуетъ Дэрэ̀сӯ,

еще далѣе — Харагана̀ и, наконецъ, Са̀йръ усу̀, на которомъ стоитъ почтовая станція. Надежды мои не обманули меня: мнѣ была приготовлена такая прекрасная юрта, какой не видалъ я еще во всю дорогу; внутри стѣны ея были обтянуты матеріею, въ передней сторонѣ сдѣланъ ка̀нъ, въ юртѣ стояло два стола, словомъ, удобства были всѣ, какія только были въ распоряженіи монголовъ. Едва успѣлъ я расположиться въ юртѣ, какъ изъ цзаргучэ̀йскаго я̀муня ко мнѣ явился переводчикъ, который спросилъ меня отъ имени цзаргучэ̀я, намѣренъ ли я отправиться въ дальнѣйшій путь сегодня же, или буду ночевать; я отвѣчалъ, что переночую. Далѣе переводчикъ, уже какъ-бы отъ себя лично, спросилъ меня, намѣренъ-ли я посѣтить ихъ амба̀ня (такъ зовутъ они здѣсь цзаргучэ̀я), я отвѣчалъ, что посѣщу непремѣнно, такъ какъ законы приличія обязываютъ меня къ этому. Угостивъ переводчика чаемъ и поболтавъ съ нимъ о разныхъ вещахъ, я отпустилъ его. Не прошло однако и четверти часа, какъ ко мнѣ снова явился секретарь цзаргучэ̀я, который послѣ нѣсколькихъ обычныхъ словъ привѣтствія спросилъ, когда я пойду къ цзаргучэ̀ю; я отвѣчалъ, что очень усталъ въ дорогѣ и немного отдохну. Въ разговорѣ съ секретаремъ я узналъ, что цзаргучэ̀й имѣетъ чинъ только 5-го класса, а потому его не только можно было, но и слѣдовало подержать въ черномъ тѣлѣ. Съ уходомъ секретаря поднялся страшный вѣтеръ; минутъ черезъ пять на горизонтѣ съ ЗСЗ показалась страшная, черная, грозовая туча, засверкала молнія, загрохоталъ громъ, вдали ясно обозначился идущій дождь. Мнѣ захотѣлось замѣтить перемѣну температуры и я вышелъ посмотрѣть на термометръ; онъ показывалъ 19 градусовъ. Степь вся покрыта была песчаными столбами, поднятыми вихремъ, которые неслись почти въ прямомъ направленіи къ востоку. Вскорѣ буря налетѣла на нашу станцію, и мы едва были въ состояніи удерживать свою кибитку, повиснувъ на ея рѣшеткахъ. Черезъ полчаса пошелъ ливень, который продолжался минутъ 20 и вслѣдъ за симъ небо снова очистилось. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ термометръ показывалъ только 13 градусовъ и слѣдовательно температура въ одинъ часъ упала на 6 градусовъ. Едва окончился этотъ дождь, какъ ко мнѣ явился начальствующій въ здѣшнемъ сӯмэ да̄-гэскӯй, который повторилъ мнѣ вопросъ: когда пойду я къ цзаргучэ̀ю? Я отвѣчалъ, что, въ виду своей усталости и бывшаго дождя, не пойду сегодня, но прошу его передать цзаргучэ̀ю мою визитную карточку. Черезъ четверть часа секретарь, да̄-гэскӯй и цзангӣнъ, всѣ трое явились ко мнѣ съ визитной карточкой цзаргучэ̀я и заявили мнѣ отъ имени цзаргучэ̀я, во-первыхъ его привѣтствіе, во-вторыхъ сожалѣніе, что я такъ усталъ и наконецъ въ-третьихъ заявленіе, что цзаргучэ̀й, заботясь о моемъ спокойствіи въ дальнѣйшемъ пути, послалъ по своему

вѣдомству еще особый цзàръ (извѣщеніе) о болѣе удобномъ моемъ слѣдованіи. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что, согласно распоряженіямъ почтоваго вѣдомства китайскаго правительства, о каждомъ ѣдущемъ по почтовымъ станціямъ, цзàръ посылается не только съ мѣста отправленія ѣдущаго, но и со всѣхъ тѣхъ станцій, которыми начинается новый участокъ управленія. Прибывъ на станцію Сàйръ-усỳ, я вступилъ въ вѣдомство Сàйръ-усỳ'ской почтовой управы и такимъ образомъ цзàръ долженъ былъ быть посланнымъ по правиламъ; но цзаручэ̀ю, очевидно, хотѣлось выставить это передо мною какъ особенную для меня услугу, и, не подавая вида, я, конечно, могъ только благодарить его за эту любезность. По уходѣ посѣтителей, я, дѣйствительно, утомленный пятидневнымъ путемъ, едва могъ записать дневникъ и заснулъ какъ убитый.

29-е Іюля. Среда.

5 ч. +12°; 12 ч. +26°; 3 ч. +31°; 9 ч. +4°.

Проснувшись, я едва успѣлъ, часовъ около 6, приступить къ своему чаю, какъ ко мнѣ явился мой старый знакомый, Максàръ, мэ̀йрэнь Сартỳльскаго хошỳна. Въ пору моей первой поѣздки 1876 г., онъ состоялъ въ числѣ секретарей ямуня улясутàйскаго монгольскаго амбàня и переписывалъ мнѣ нѣсколько рукописей; теперь, оставивъ службу при ямунѣ, онъ возвратился въ свой хошỳнъ, получилъ въ немъ должность мэ̀йрэня, ходилъ уже съ синимъ прозрачнымъ шарикомъ, обозначающимъ чиновника 3-го класса, и былъ откомандированъ въ Сàйръ-усỳ на 3-хъ годичный срокъ, для высшаго завѣдыванія отдѣломъ хабсургà на трехъ станціяхъ; два года этой повинности уже было имъ отбыто, оставался третій и послѣдній. Встрѣтились мы съ нимъ какъ старые знакомые; воспоминанія о прежнихъ годахъ и прежнихъ дѣлахъ, сообщенія о настоящемъ положеніи, все это лилось въ непрерывномъ ряду разказовъ; поясненія непонятнаго для меня давались самыя прямыя, словомъ, я еле полусловами успѣвалъ записывать узнаваемыя для себя новости. Посмотрѣвъ на часы, я съ ужасомъ увидалъ, что уже 11 часовъ дня, а между тѣмъ я не былъ еще у цзаргучэ̀я. Едва позавтракавъ, я разстался съ Максàромъ и послалъ сказать къ цзаргучэ̀ю, что сейчасъ буду у него. Я отправился въ сопровожденіи Ивана Ѳеодоровича, переводчика и мѣстнаго цзангѝна. На полдорогѣ отъ своей юрты къ дому цзаргучэ̀я я былъ встрѣченъ цзаргучэ̀йскимъ секретаремъ; онъ, по обычаю, присѣлъ на одно колѣно, спросилъ о здоровьи и послѣдовалъ за мною. У дверей дома меня встрѣтилъ самъ цзаргучэ̀й: мы привѣтствовали другъ друга, съ нѣкіими препинаніями о первенствѣ вошли въ бàйшинъ и усѣлись на кàнѣ. Помѣщеніе цзаргучэ̀я представляетъ собою отдѣльный бàйшинъ изъ сырцеваго кирпича, съ такою же оградою и щитомъ передъ

воротами. Внутри зданіе бѣдно и довольно грязно. Оно раздѣляется на три комнаты: средняя, въ которую входятъ прямо со двора, составляетъ залъ и кабинетъ цзаргучэя; здѣсь же помѣщается у него и присутствіе, или по крайней мѣрѣ здѣсь вершитъ онъ свои дѣла. Въ сѣверной сторонѣ ея—канъ, на которомъ у самой стѣны поставецъ съ глиняными изображеніями боготворимыхъ китайцами конфуціанскихъ философовъ; далѣе—столъ; по бокамъ стола мѣста для сидѣнья, а въ углахъ кана цѣлая масса китайскихъ книгъ. У южной стѣны комнаты, близъ оконъ, два стола, на которыхъ уставлены различныя домашнія принадлежности. Боковыя двѣ комнаты, двери въ которыя были завѣшаны стеганными дабувыми драпировками синяго цвѣта, очевидно, были заняты семьею цзаргучэя, причемъ въ правой комнатѣ помѣщалась его жена, а въ лѣвой—дѣти. Все это легко поддавалось догадкѣ, такъ какъ любопытныя головы сами выдавали себя, постоянно высовываясь изъ-за занавѣсокъ. Цзаргучэй оказался человѣкомъ лѣтъ подъ 40. Онъ спросилъ меня, куда и за чемъ я ѣду, когда выѣхалъ и какъ намѣренъ возвратиться? Я указалъ главнѣйшіе пункты своего пути и сказалъ, что ѣду по дѣламъ русскихъ торговцевъ. Скоро, впрочемъ, я догадался, что цзаргучэй уже былъ предувѣдомленъ о моей личности Максаромъ, такъ какъ онъ поправилъ мой отвѣтъ и сказалъ, что онъ желаетъ знать, когда выѣхалъ я изъ Петербурга, а не изъ Урги. Мое черезчуръ медленное движеніе показалось, однако, цзаргучэю очень скорымъ, почему рѣчь перешла на желѣзныя дороги и европейскую жизнь. Цзаручэй досталъ одно изъ шанхайскихъ изданій, описывающихъ на китайскомъ языкѣ европейскую жизнь и снабженныхъ множествомъ иллюстрацій, гравированныхъ на мѣди прямо съ фотографій. Перелистывая рисунки, онъ спрашивалъ у меня ихъ значеніе и мое мнѣніе о вѣрности изображеннаго, при чемъ разговоръ естественно уклонился на вопросъ о пользѣ такихъ книжекъ. Я утверждалъ, что рисунки эти безусловно вѣрны, такъ какъ наши путешественники ѣздятъ съ фотографіями, дающими буквально непогрѣшимый рисунокъ. При этомъ я не преминулъ сказать, что и самъ, пріѣхавши въ Россію, опишу свою поѣздку; что я имѣю также и фотографію и былъ бы очень радъ, если бы цзаргучэй разрѣшилъ мнѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько снимковъ. Разрѣшеніе это было дано безъ всякаго затрудненія; мало того, цзаргучэй тотчасъ же распорядился, чтобы для меня открыли кумирни и проводили бы меня куда я хочу, помогли бы мнѣ нести фотографію и, если нужно, то привели бы лошадей. Я поблагодарилъ его и началъ прощаться, такъ какъ былъ уже второй часъ дня. Цзаргучэй проводилъ меня за ворота своего дома и здѣсь мы разстались.

Возвратившись домой, мы рѣшили тотчасъ же идти фотографи-

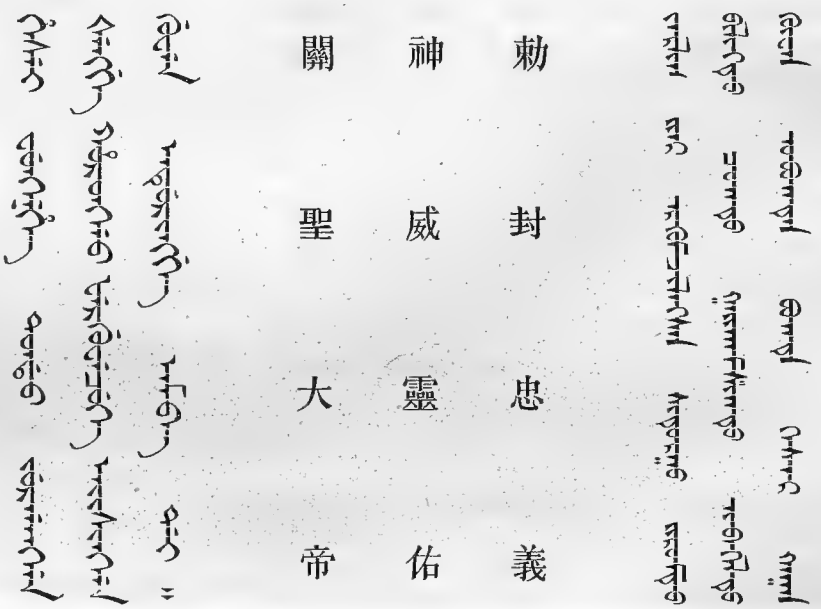
ровать. Мы сѣли на поданныхъ лошадей, монголъ, навьючивъ на себя фотографическій ящикъ и стативъ, взобрался на верблюда, и мы отправились.

Станція Сàйръ-усỳ располагается на громадной равнинѣ, ясно ограничиваемой горами только съ южной и западной сторонъ. На югѣ здѣсь высятся горы Сэрбэнъ-ӯла, Тахилāктỳ, иначе называемыя Нэмихэ̀ и Шубӯту; на западѣ, у горизонта, тянутся непрерывною цѣпью горы Шонгò-ӯла. Станціонныя зданія разбросаны по долинѣ четырьмя главнѣйшими участками. На самомъ югѣ, построена, за особой оградой китайская кумирня, въ честь боготворимаго маньчжурскою династіею Гуàнь-лō-ѣ; прямо на сѣверъ отъ нея, въ разстояніи саженей 200, вырытъ степной сàйръ-усỳ'скій колодецъ, а за нимъ, также саженяхъ въ 200, раскинулись станціонныя юрты монголовъ; еще далѣе къ сѣверу за ними выстроена монгольская буддійская кумирня, а на срединѣ разстоянія между этою послѣднею кумирнею и станціонными юртами стоитъ маленькое квадратное четырехугольное зданьице, сдѣланное изъ сырцеваго кирпича, которое мѣстные монголы называютъ субургàномъ; на западѣ, между станціонными юртами и китайской кумирней, но ближе къ первымъ располагается домъ цзаргучэ̀я и нѣсколько сѣвернѣе его два бàйшина, назначенные подъ помѣщеніе цзаргучэ̀йскаго я̀муня и квартиры состоящихъ при немъ чиновниковъ.

Общій видъ почтовой станціи Сàйръ-усỳ.

При такомъ расположеніи и составѣ, по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, будутъ интересными общій видъ станціи Сàйръ-усỳ и ея кумирни, почему эти-то

рисунки я и опредѣлилъ снять, хотя и не въ полнотѣ. Общій видъ не могъ быть снятъ вмѣстѣ съ китайской кумирней по той причинѣ, что зданіе этой послѣдней заграждало собою видъ на первыя, отойти же на болѣе далекое разстояніе было нельзя, такъ какъ при этомъ рисунокъ получился бы уже черезчуръ мелкимъ. Въ видахъ этого я рѣшился уже пожертвовать китайской кумирней въ общемъ видѣ и снять ее отдѣльно, а потомъ также отдѣльно представить общій видъ сàйръ-усỳ'ской станціи. Китайская кумирня въ Сàйръ-усỳ стоитъ совершенно особо отъ станціи на невысокомъ пригоркѣ. Она исполнена по всѣмъ правиламъ китайской архитектуры, хотя матеріалъ, изъ котораго выведены зданія, самый жалкій,—сырцевый кирпичъ. Кумирня обнесена оградой; передъ воротами щитъ и двѣ высокихъ мачты. Во дворѣ, по самой срединѣ онаго, стоитъ жертвенникъ для сожиганія курительныхъ свѣчъ, далѣе зданіе кумирни, а за нимъ нѣсколько кладовыхъ для склада станціоннаго и кумиреннаго имущества. Всѣ зданія, а въ томъ числѣ и кумирня, окрашены въ розовую, впрочемъ, уже повыцвѣтшую отъ времени, краску. Самое зданіе кумирни раздѣляется на три части, или три отдѣльныя комнаты, входъ въ которыя идетъ съ портиковъ кумирни. Надъ главными дверями прибита дощечка, на которой на трехъ языкахъ находится слѣдующая надпись:



Это значитъ: «Принадлежащій фамиліи Гуань, святой Гэсэ̀ръ-хāнъ, по высочайшему повелѣнію, возвеличенный (титулами) прямаго, честнаго, мудраго, величественнаго, чуднаго и спасительнаго». Помимо этой дощечки,

обозначающей своею надписью собственно личность чествуемаго въ кумирнѣ, по бокамъ ея, на главной стѣнѣ, а равно повсюду подъ кровлею портиковъ навѣшано еще до двадцати разноцвѣтныхъ дощечекъ (бянь-э), на которыхъ начертаны уже разныя изреченія изъ китайскихъ философовъ въ похвалу кумирнѣ. На стѣнахъ портиковъ рисованныя изображенія: на правой сторонѣ—лошади, а на лѣвой—льва. Внутри зданіе кумирни крайне бѣдно и тѣсно. Въ двухъ шагахъ отъ входа, съ потолка свѣшиваются два бумажныхъ фонаря, за ними нѣсколько изорванныхъ и грязныхъ хадакòвъ, которые совершенно скрываютъ отъ глазъ зрителя изображеніе Гуàнь-лō-ѣ, или Гэсэ̀ра. Послѣднее является здѣсь даже не въ формѣ кумира, а рисованное на полотнѣ. Передъ нимъ, по обычаю, стоитъ столъ; на послѣднемъ подсвѣчники съ красными восковыми свѣчами, курительныя свѣчи и ящичекъ для складыванія пепла отъ нихъ. Боковыя отдѣленія кумирни совершенно такія же по убранству и принадлежностямъ, только они еще тѣснѣе и грязнѣе средняго.

Сдѣлавъ фотографическіе снимки съ китайской кумирни и общаго вида станціи Сàйръ-усу̀, я направился въ монгольскую буддійскую кумирню, оказавшуюся хотя тоже не изъ богатыхъ, но уже несравненно достаточнѣе, а главное, чище и изящнѣе китайской. Оффиціальное имя этой кумирни у монголовъ «Гàнданъ-пунцу̀къ-лѝнъ». Съ наружной стороны она построена по правиламъ тибетской архитектуры, а внутри раздѣляется на два отдѣленія, изъ коихъ первое назначено для отправленія хураловъ, а второе дальнѣйшее есть собственно «шӱтэ̄нэй ӧргō», т. е. комната, въ которой собраны и хранятся литые бурха̀ны. Въ первомъ отдѣленіи литыхъ бурха̀новъ здѣсь нѣтъ, но все оно увѣшано по своимъ стѣнамъ рисованными изображеніями буддійскихъ святыхъ. На главномъ мѣстѣ вмѣсто бурха̀новъ располагается сѣдалище хубилга̀на; по бокамъ, сначала четыре кресла: для ханбō ламы̀, цорчжѝ, лóбуна и дā ламы̀, далѣе располагаются сѣдалища низшихъ ламъ, со стоящими передъ ними столиками, колокольчиками, цà̀нами и турецкими барабанами. Во второмъ отдѣленіи, гдѣ собраны литые бурха̀ны, послѣдніе являются интересными не со стороны своихъ формъ, ибо бурха̀ны эти самые обыкновенные, но это одна изъ богатѣйшихъ коллекцій для сужденія о выдѣлкѣ бурха̀новъ: въ сàйръ-усу̀'скомъ сӱмэ̀ есть кумиры привезенные изъ Хлассы, изъ Пекина, изъ Гумбу̀ма, изъ Долōнъ-нӯра и изъ Урги. И нужно сказать, что лучшая работа, кажется, вся гумбу̀мская и самая худшая долōнъ-нӯрская. Изъ Урги здѣсь имѣется прекраснѣйшій кумиръ 5-го Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты̀; бурха̀нъ этотъ, можно сказать, выдающійся по своей изящности. При кумирнѣ имѣется два Юма тибетскихъ и одинъ монгольскій; въ послѣднее время ламы начали выписывать

Ганьчжу̀ръ и покупаютъ его, за неимѣніемъ средствъ, по частямъ; нынѣ пріобрѣтено уже болѣе половины. Монастырь этотъ имѣетъ своего хубилга̀на, именно, Ра̀нчжамба-хубилга̀нъ ламу, который, впрочемъ, не живетъ здѣсь постоянно, такъ какъ при са̀йръ-усу̀'скомъ сӱмэ̀ и вообще нѣтъ постояннаго собранія ламъ. Обычно ихъ проживаетъ здѣсь пять или шесть человѣкъ, для которыхъ при кумирнѣ построено нѣсколько ба̀йшиновъ. Проѣзжая въ кумирню, я встрѣтилъ по дорогѣ старика, настоятеля ея, носящаго титулъ да̄-ламы̀, который пѣшкомъ шелъ на станцію посидѣть у знакомыхъ, въ самой же кумирнѣ меня привѣтствовалъ унцза̀тъ. Это истый лама, безконечно преданный своей кумирнѣ. Съ усердіемъ показывалъ онъ мнѣ свое сӱмэ̀, присутствовалъ при фотографическомъ снимкѣ его внутренности (собственно хурулы̀йнъ сӱмэ̀) и приводилъ въ порядокъ завернувшіеся ковры, чтобы рисунокъ вышелъ изящнѣе. Шӱтэ̄нэй ӧргӧ̄ оказалось снять не возможно, ибо это отдѣленіе черезчуръ узко и мрачно. Когда, по окончаніи снимка, я выходилъ изъ кумирни, тотъ же унцза̀тъ подошелъ ко мнѣ съ глубокою просьбой изслѣдовать здѣшнюю мѣстность для того, чтобы опредѣлить, есть ли поблизости кумирни вода, или нѣтъ? При этомъ унцза̀тъ пояснилъ мнѣ, что доселѣ ламы брали и берутъ свою воду изъ станціоннаго худука̀. Соленый вкусъ этой воды съ одной стороны, а съ другой — дальность разстоянія кумирни отъ колодца, побудили ихъ искать новую воду, близъ кумирни; изрыты были всѣ стороны въ восьми мѣстахъ, но воды не было найдено. Прибѣгнувъ прежде всего къ молитвамъ покровителю монастыря, Махага̀лѣ, ламы учредили по этому поводу передъ кумиромъ его вѣчную лампаду и снова начали копать, но опять ничего не нашли. Тогда было отправлено посольство въ Гумбу̀мъ и тамошніе хубилга̀ны разрѣшили ламамъ, что вода не показывается у нихъ оттого, что ее задерживаетъ злобный покровитель этой мѣстности, для укрощенія котораго надо построить субурга̀нъ. Это̀ именно то самое глинобитное зданьице, которое находится между сӱмэ̀ и юртами почтовой станціи. Постройка субурга̀на не принесла однако пользы и теперь унцза̀тъ обращался съ просьбою ко мнѣ; я отвѣчалъ ему, что не занимаюсь этимъ дѣломъ, а потому и не имѣю для сего никакихъ инструментовъ, и мы разстались.

Возвратившись на станцію, я былъ встрѣченъ здѣсь цзангѝномъ, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ, поѣду ли я сегодня дальше, или еще останусь ночевать. Такъ какъ слѣдующая станція, по словамъ цзангѝна, была очень не далеко, то я рѣшилъ проѣхать ее, и мы двинулись въ путь въ 6 ч. 15 м. вечера. Дорога наша, необозначенная, впрочемъ, никакою тропою, лежала теперь на ЗСЗ, т. е. намъ приходилось пересѣкать ту же са̀йръ-усу̀'скую долину, дѣлая уголъ. Долина эта и въ западной сто-

ронѣ своей носитъ тотъ же равнинный и пустынный видъ, и только проѣхавъ верстъ 8, уже въ семь часовъ вечера, мы спустились въ лощину Хулагàй-хонхòръ, оказавшуюся покрытою болѣе густою зеленью. Къ востоку отсюда имѣется маленькій колодецъ, именуемый Манàнъ, при которомъ кочуетъ, да и можетъ кочевать, только одна юрта хабсургà сàйръ-усȳ'ской станціи. Хулагàй-хонхоръ ограничивается на СЗ возвышенностью Харàцабà, спускъ съ которой приводитъ въ новую долину, мѣстами пестрѣющую бѣлесыми полосами и кругами безплоднаго гуджѝра. Обильно падавшіе въ теченіе нѣсколькихъ дней дожди образовали здѣсь множество лужъ, значительно затруднявшихъ наше движеніе. Тотъ же характеръ носитъ и находящееся за долиною ущелье Ӱхэ̀ръ-чулӯ, отъ котораго мы поднялись къ горамъ Модòнъ, продолжая дальнѣйшій путь до станціи по каменистому подножію этихъ горъ, при полной темнотѣ ночи. Прибыли на станцію въ 8 ч. 55 м.

30-е Іюля. Четвергъ.

5 ч. +11°; 7 ч. +14°; 12 ч. +23°; 9 ч. +13°.

Поутру можно было видѣть, что станція Модòнъ располагается въ небольшой котловинѣ, которая на Ю ограничивается горами Модòнъ, а на ЮЗ и Западѣ здѣсь возвышаются пятиглавые холмы, носящіе названіе Табȳнъ-харà. Съ сѣвера котловина эта запирается горою Тахилгàту обō, составляющею предметъ особаго чествованія всѣхъ, живущихъ на станціи. Своего особаго дугȳна станція Модòнъ не имѣетъ, и живущіе на ней ламы служатъ свои годовые хурàлы, вмѣстѣ съ почтосодержателями станціи Булȳкъ, въ такъ называемомъ Цагàнъ-хадàйнъ-сȳмэ̀. Для обычныхъ служеній у нихъ выставляется юрта и выстроенъ большой бѣлый субургàнъ, находящійся тутъ же, при станціи Модòнъ. Почтовую повинность здѣсь, по общему положенію, отбываютъ 18 юртъ харачѝновъ съ своими родственниками; въ помощь же имъ приданы еще 11 юртъ цакдā и 6 юртъ хабсургà. Изъ числа этихъ послѣднихъ двѣ юрты безсмѣнно назначаются всегда изъ хошȳна Тȳшēтȳ хāна, а четыре юрты смѣняются, чередуясь трехълѣтнимъ срокомъ, съ шабинàрами. Въ настоящее время двѣ изъ такихъ юртъ были назначены изъ хошȳна Барȳнъ Сō-гȳна тȳшēтȳ хāновскаго àймака, а другіе двѣ изъ хошȳна Балдàнъ-цзасакà сàйнъ ноѧновскаго àймака.

Въ дальнѣйшій путь мы двинулись въ 7 ч. утра. Общее направленіе дороги отсюда на ЗСЗ. Изъ котловины станціи Модòнъ путь этотъ входитъ въ ущелье, образуемое горами Богдò-ȳлайнъ-хошȳ и Дȳрбэльчжѝнъ-ȳла. Повсюду залегаетъ здѣсь глубокій щебень, но травы все же представляется какъ будто больше, чѣмъ въ долинѣ Сàйръ-усȳ. Дорога въ

ущельи извивается между холмами, слѣдуя по ихъ оконечностямъ и боковинамъ. Наконецъ горизонтъ началъ мало-по-малу расширяться и вдали, въ направленіи къ западу, показалась плоская гряда горъ, спускающаяся ближе къ дорогѣ краснымъ утесомъ, Байнъ-ӯла. Холмы, среди которыхъ мы пробирались, окончились покрытою черными сланцами грудою Харà-цӧхӧ̄ и отсюда началась большая и широкая долина Харà-цӧхӧ̄нӧй талà. Вдаль она уходила почти вплоть до горизонта, и отдѣльные холмы ея терялись въ этой свободной шири; только все еще казавшійся утесистымъ мысъ Байнъ-ӯла замѣтно возвышался надъ равниною. Нѣсколько южнѣе его, также къ западу отъ дороги, стоитъ одинокій пригорокъ Хуцà-тологӧ̀й, въ параллели котораго по дорогѣ залегаетъ безплодный солончакъ, а далѣе за нимъ та же долина получаетъ названіе Алтатӯ-талà. Здѣсь имѣется два колодца и кромѣ того въ дождливое время скопляется много лужъ, что даетъ возможность монголамъ въ такую именно пору кочевать въ этой мѣстности. Въ 8 часовъ утра мы добрались до горъ Алтатӯ-ӯла, ограничивающихъ эту равнину на сѣверѣ: горы крайне каменисты, и моя бѣдная телѣга скакала черезъ отдѣльные валуны изъ стороны въ сторону почти готовая разрушиться. Зато послѣдовавшая за этими горами ложбина Алтатӯйнъ-хонхӧ̀ръ оказалась превосходною для ѣзды. Ложбина эта сильно поросла низкою степною полынью, почему мои извозчики замѣтили, что не будь у нихъ этой долинки, они не могли бы выкармливать своихъ лошадей; здѣсь же животныя всегда очень быстро отъѣдаются, и вообще для мѣстнаго скота нѣтъ травы полезнѣе этой полыни. Каменистый Харӯлту обӧ̄ прервалъ эту прекрасную долинку, а за нимъ вновь протянулась ложбина Харӯлтуйнъ-хонхӧ̀ръ, на которой извозчики указали мнѣ кучу камней, сложенную для показанія половины дороги между станціями. Это было въ 8 ч. 40 мин. и только еще черезъ 10 минутъ мы поровнялись съ мысомъ Байнъ-ӯлы, которая казалась стоящею посрединѣ равнины, лишь только выѣхали мы изъ прилежащаго станціи Модӧ̀нъ ущелья. Здѣсь, издали казавшаяся утесистою и громадною, гора эта представилась очень не высокимъ и пологимъ бугромъ. Отъ мыса ея въ дальнѣйшемъ направленіи къ сѣверу монголы считаютъ начало такъ называемой Номгӧ̀нъ-гӧ̀би, заимствовавшей свое имя отъ колодца Номгӧ̀нъ, находящагося на востокъ отъ дороги. Степь эта значительно поросла травою, а изъ-за общей зелени кое-гдѣ проглядывали желтенькіе цвѣточки Хабисханà. Въ 9 ч. 30 м. мы достигли возвышенности Хивантӯ-ӯла, состоящей изъ цѣлаго ряда поперечныхъ, каменистыхъ холмовъ. Камни залегаютъ здѣсь громадными желтыми плитами, какъ будто покрытыми охрою. Дорога старается удержать свое обычное сѣверо-западное направленіе, но принуждена лавировать

между холмами вплоть до выхода въ долину Абдарантў (9 ч. 50 м.). Это — каменистая равнина, заканчивающаяся еще болѣе каменистою грядою Цагàнъ-хирà. Спустившись съ послѣдней мы пріѣхали на станцію Дàмъ-хабйрга, въ 10 ч. 25 мин.

Станція Дàмъ-хабйрга въ просторѣчіи называется *Булукъ*, по причинѣ рѣдко встрѣчающихся въ этихъ мѣстностяхъ, но находящагося здѣсь источника, именуемаго Сўчжи-булўкъ. Станціонные, по причинѣ незначительности этого ключа, не берутъ однако изъ него воду, а пользуются колодезною. Въ составъ ихъ, помимо 18 юртъ харачйновъ, входятъ 11 юртъ цакдā (10 юртъ Уйцзанъ Тō гўна и 1 юрта Гобіинъ тўшē гўна) и 6 юртъ хабсургà (всѣ принадлежатъ хошўну Гобіинъ тўшē гўна). При мнѣ здѣсь оказался большой разговоръ по поводу подготовлявшагося отъѣзда трехъ станціонныхъ домохозяевъ за покупкою буды (проса) и чая. Продукты эти они покупаютъ въ урочищѣ Чжиранъ-тологòйнъ-шиндй, находящемся въ хошўнѣ Мў-мингàнъ, къ СЗ отъ Хўхў-хотò и къ СВ отъ Бау-тоу. Въ мѣстности этой находится большое число поселковъ китайскихъ землепашцевъ. Поселки располагаются по 3, по 4 бàйшина, съ населеніемъ отъ 30 до 40 человѣкъ въ каждой деревушкѣ. Станціонные везутъ съ собою кожи и шерсть, какъ овечью такъ и верблюжью, оттуда же имѣютъ вывезти главнымъ образомъ чай, оцѣниваемый здѣсь въ одинъ ланъ серебра за три кирпича.

Станцію Дàмъ хабйрга мы оставили въ 12 ч. 10 м. и направились по долинѣ Цокцўлъ, наклоненной на сѣверо-западъ, въ направленіи нашего пути. Вскорѣ намъ показалась высокая, на вершинѣ своей лишенная всякой растительности и кажущаяся какъ бы лысою головою гора Халцзàнъ; однако прежде чѣмъ доѣхать до нея мы должны были пересѣчь нѣсколько невысокихъ увраловъ: Дабхўръ гўэ; Нарйнъ, Хэй и Хўхэ обōту. Въ 1 ч. 15 м. мы, по сѣдловинѣ хребта Харàмъ, перебрались въ новую долину, заимствовавшую свое имя отъ ограничивающей ее съ юга горы Тэгъ и изъ нея вступили въ рядъ холмовъ Улāнъ дэль. Къ сѣверу отсюда открывался прекрасный видъ на кумирню Цагàнъ хадàйнъ хўрē, которая, какъ уже было замѣчено выше, составляетъ молитвенное мѣсто для станцій Модòнъ и Булўкъ, пребываніе же въ этой хўрē Раньчжанбà хубилгàнъ ламы связываетъ ее еще и съ Сàйръ-усў'ской станціей. На западной окраинѣ этихъ холмовъ мы нашли станцію Шубўту, расположенную среди страшныхъ буераковъ и прибыли сюда въ 1 ч. и 40 м. пополудни.

Станція Шарà шубўту получила свое названіе отъ близъ лежащей горы, которая, впрочемъ, не видна изъ-за окружающихъ станціонныя юрты холмовъ. Холмы эти носятъ названіе Цōхō и каждый изъ нихъ предста-

вляетъ собою груды громадныхъ валуновъ, лежащихъ въ безпорядочныхъ и безформенныхъ массахъ. Въ направленіи къ ЮЗ отсюда видна уходящая за горизонтъ долина Тэгіинъ талà, посреди которой возвышается каменный массивъ Онцокту̀ ӯлы. Состоящіе на станціи цакдā принадлежатъ 4-мя юртами хошӯну Гобіинъ тӱшѣ-гӯна, 6-ю юртами хошӯну Уйцзанъ-гӯна и одною — хошӯну Пунцу̀къ бэ̀йсэ; изъ числа хабсургà двѣ юрты являются податными Гобіинъ тӱшѣ гӯна, а 4—Цзӯнъ Со̀ гӯна, иначе называемаго Дэ̀дъ-дā-гӯномъ. Вода на этой станціи получается также изъ колодца. Станція Шарà-шубӯту прямою проселочною дорогою на СВ соединяется со станціею Байнъ-хошӯ ургинско-калганскаго почтоваго тракта.

Въ 2 ч. 10 м. мы оставили эту станцію и съ холмовъ Цӧхӧ̄ спустились въ громадную степь Мурӯй го́би, у которой лишь на ЗСЗ виднѣлись берега, въ видѣ синѣющихся горъ Цагà нъ-ӯла; Ровно въ 3 часа мы подъѣхали къ пологой и издали какъ бы сливающейся въ одну общую долину возвышенности, вправо отъ которой находится гора Дунду̀ тэгъ. Гора и возвышенность эта не пересѣкаютъ Мурӯй го́би сполна, а только дѣлятъ ее на двѣ, впрочемъ, неравныя половины, южная и оставшаяся у насъ теперь назади часть которой называется Багà мурӯй го́би, а предлежавшая къ пути Йэхэ̀ мурӯй го́би. Половина дороги считается здѣсь при горномъ мысѣ Дзэ̀къ, лежащемъ къ западу отъ нашей тропинки; за нимъ поднимается высокая и каменистая гора Хӧхӧ̄ хошӯ, огибая которую дорога поворачиваетъ на сѣверъ и тянется по долинѣ, окаймленной съ востока горами Сэрюнъ ӯла. Прямо на горизонтѣ видна высокая цѣпь горъ Хулату̀. Слѣдуя по долинѣ Сэрюнъ ӯлы, мы въ 4 ч. 20 м. перевалили черезъ невысокій увалъ Улāнъ-дэ̀ль, за которымъ слѣдуетъ такъ называемая Алà къ талà, или пестрая степь, безъ сомнѣнія, окрещенная этимъ именемъ потому, что зеленыя равнины ея чередуются здѣсь съ безплодными солончаками и образуютъ въ самомъ дѣлѣ много пестроты. На одномъ изъ такихъ солончаковъ стоятъ юрты станціи Лӯсъ, къ которой мы подъѣхали въ 4 ч. 45 м. и остановились для ночлега.

31-е Іюля. Пятница.

5 ч. +12°; 10 ч. +11°; 12 ч. +14°; 9 ч. +5°.

Станція Лӯсъ располагается на обширной равнинѣ, только на западѣ рѣзко ограниченной незначительнымъ уваломъ, — Усунà й хо́йту улāнъ хошӯ; со стороны сѣверной и восточной почти открытой, а съ юга открытой совершенно. На восточной сторонѣ ея лежитъ черная каменистая скала, формою своею напоминающая китайское изображеніе дракона, Лӯсъ, каковое названіе и придано монголами этой скалѣ, а отъ нея перешло уже и на станцію. На станціи Лӯсъ живетъ второй цзалà нъ, завѣдывающій

сѣвернымъ участкомъ харачѝнскихъ станцій Сàйръ-усў'скаго вѣдомства. Я провелъ у него вчера цѣлый вечеръ и въ бесѣдахъ съ нимъ получилъ не мало свѣдѣній относительно станціоннаго управленія въ Монголіи. Цзалàнъ живетъ зажиточно и довольно чисто. Въ разговорахъ онъ выражалъ не особенное то довѣріе къ китайскому чиновничеству, а особливо къ своему цзаргучэ̀ю.

Въ составъ станціи Лӯсъ, помимо 18 харачѝнскихъ ӧрхӗ, входятъ а) 6 ӧрхӗ хабсургà: по двѣ юрты изъ хошӯновъ Пунцӯкъ бэ̀йсэ, Гобӏинъ тӯшӗ гӯна и Цзӯнъ Со гӯна и b) цакдӑ, въ количествѣ одной юрты изъ хошӯна Мэргэ̀нъ-вàна и 10 юртъ изъ хошӯна Гобӏинъ тӯшӗ гӯна. Воду всѣ эти станціонные получаютъ изъ худукà; въ общемъ эту воду можно назвать чистою и пріятною на вкусъ, но въ то же время она имѣетъ чрезвычайно затхлый запахъ. Утро было сѣрое и небо со всѣхъ сторонъ до горизонта было покрыто тучами.

Станцію Лӯсъ мы оставили въ 8 ч. утра и, направляя путь на СЗ, вскорѣ углубились въ тѣснины холмовъ Чулӯнъ хорӧту, которые окружаютъ дорогу будто каменные валы разрушенной крѣпости. Впереди возвышалась громадная Ӱнигэтӯ хадà, но прежде чѣмъ добраться до нея мы должны были перевалить нѣсколько невысокихъ бугорковъ, раздѣляемыхъ небольшими ложбинами. Растительности здѣсь замѣтно прибываетъ. Наконецъ дорога снова вступила въ средину холмовъ, составляющихъ отроги совершенно четыреугольнаго квадратнаго массива Ӱнигэтӯ; камни наиболѣе сѣверные, имѣютъ и наиболѣе мягкія очертанія. Извиваясь среди холмовъ, дорога при послѣднемъ поворотѣ, проходя между Ӱнигэтӯйнъ хӧйту холбӧ открываетъ прелестнѣйшій видъ къ СЗ. Залегающая въ этомъ направленіи степь представляется какъ будто глубоко лежащею подъ ногами и уходящею почти до горизонта. Такой видъ развѣ есть еще у Байкала, если смотрѣть на него съ вершины окружающихъ его горъ. Степь эта называется Шабартӯ тологӧйнъ хонхӧръ. Начавшійся вѣтеръ страшно билъ намъ въ лицо, а вслѣдъ за симъ дождь началъ падать мелкими каплями. Двигаясь по степи, мы сначала добрались до невысокой сопки Шабà̀ръ тологӧй, а въ 8 ч. 45 м. подъѣхали къ увалу Чжиргалантӯйнъ гӯвэ̄, дающему свое названіе, Чжиргалантӯ, и окружающей его мѣстности. Нѣсколько далѣе, и не болѣе какъ черезъ 10 м. ѣзды, мы добрались до каменистаго увала, который назвали мнѣ Гадзà̀ръ дундӯйнъ цӧхӗ, т. е. «каменистый увалъ половиннаго пути». Названіе это, очевидно, уже позднѣйшаго происхожденія и относится ко времени существованія здѣсь почтовой дороги; но теперь этого рода названія оффиціально и всецѣло утвердились за мѣстностями и почти между каждыми двумя станціями найдется «Гадза-

рьйнъ дундў», также точно какъ у насъ въ Астраханской губерніи «половинки» между казачьими станицами. Вышепомянутое цöхö образуется громадными гранитными валунами, проѣздъ по которымъ причиняетъ чрезвычайную тряску; та же тряска продолжается и въ долинѣ Хöхö ўндўръ, только здѣсь она происходитъ не отъ камней, а отъ кочекъ дэрэсўна, въ обиліи поросшаго по здѣшней долинѣ. Мѣста здѣсь чрезвычайно однообразны: равнина пересѣкается увалами сначала Мàйханъ тологòй'емъ, потомъ Хадàту тологòй'емъ и оба они покрыты на своихъ вершинахъ каменными глыбами коричневаго цвѣта. Отъ Хадàту тологòй'я равнина дѣлается песчаною и въ этомъ видѣ протягивается до подножія двухъ сплетшихся между собою холмовъ Холбö тологòй, обогнувъ которые по сѣверной сторонѣ, дорога вступаетъ въ падь Öбöльчжѝнъ хўндэ̀й. Къ западу падь ограничивается увалами Аргалы̀инъ улāнъ, переваливъ черезъ которые, мы прибыли на станцію Хирàй чжирѝмъ въ 10 ч. утра. Начался сильный вѣтеръ и частый, мелкій, совершенно осенній дождикъ. Чтобы обождать его, мы устроили себѣ на этой станціи ранній завтракъ, и время проведено было въ бесѣдахъ съ монголами.

Станція Хирàй чжирѝмъ считается теперь одною изъ самыхъ населенныхъ. Произошло это, конечно, въ силу совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Назначенные къ отправленію здѣсь службы харачѝны имѣютъ у себя большое количество родственниковъ, живущихъ, какъ и самые почтосодержатели, отдѣльными юртами; такимъ образомъ вмѣсто 18 штатныхъ, на чжирѝмской станціи имѣется до 100 харачѝнскихъ юртъ. Станціонные цакдā сполна принадлежатъ здѣсь хошўну Гобі̀инъ тўшѣ гўна; ихъ также вмѣсто 11-ти является свыше 40; наконецъ вмѣсто 6 юртъ хабсургà ихъ, также съ родственниками, считается 28 юртъ; словомъ всѣхъ причисляющихъ себя нынѣ къ станціи Чжирѝмъ имѣется до 175 семей, или юртъ. Такое скопленіе народа за послѣднее время производитъ недостатокъ земель и это тѣмъ больше, что живущіе здѣсь хабсургà принадлежатъ къ отдаленному хошўну, а потому не могутъ кочевать на своихъ хошўнныхъ земляхъ, а выпасываютъ свой скотъ на пастбищахъ, отведенныхъ для пользованія станціи. Только цакдā, принадлежащіе сосѣднему хошўну Тўшѣ-гўна, нѣсколько облегчаютъ это положеніе, отправляя, по крайней мѣрѣ своихъ родственниковъ, въ пограничныя со станціонными хошўнныя урочища.

Къ половинѣ второго часа пополудни дождь пересталъ и въ 2 ч. 10 м. мы отправились въ дальнѣйшій путь, на пересѣченіе равниннаго урочища Шанагàйнъ хöнду. На ЮВ отсюда виднѣлся массивный Дэльгэ̀ръ-хангàй, почитаемый однимъ изъ лучшихъ нутўковъ въ хошўнѣ Гобі̀йнъ тўшѣ-гўна.

Монголы любятъ эти горы и зовутъ ихъ изобильными, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ условія для выпасыванія всѣхъ сортовъ скота. Сѣверная сторона ихъ покрыта хангайскими травами, кипцомъ и полынью; въ долинахъ мѣстами залегаютъ солончаки; словомъ все благопріятствуетъ для утучнѣнія лошадей, быковъ и овецъ. Южная сторона Дэльгэръ хангая, напротивъ, совершенно гобійская и въ песчано солонцеватыхъ долинахъ его растетъ лишь дэрэсу, цзакъ и харагана, растенія не особенно нѣжныя, но любимыя верблюдами, а потому и верблюды въ Дэльгэръ-хангаѣ выростаютъ здоровые, большіе и жирные. На нашемъ пути равнина Шанагайнъ хонду пересѣклась возвышенностью Тэмэнь чжиримъ, которую проѣхали мы по сѣдловинѣ Чжиримыйнъ удэ. Отсюда передъ нами открылась обильная солончаками долина Гуджиртý, перешедшая потомъ въ травянистую степь Ширгисутýйнъ тала. Степь эта въ дальнѣйшемъ направленіи на ЮЗ значительно понижается почти отвѣснымъ уваломъ, такъ что на послѣдующую за нею равнину Сэрбэнъ можно смотрѣть какъ на громадную котловину. Увалъ этотъ носитъ названіе Булугінъ хýбо, т. е. «берегъ ключа», несомнѣнно, потому, что по спускѣ съ него, почти у самой дороги, лежитъ грязная и соленая лужа, называемая Хоту-булýкъ. Въ 3 ч. 15 м., двигаясь по равнинѣ Сэрбэнъ, мы увидали къ западу гору Дýлганту, близъ которой паслись большія стада, принадлежащія уже почтосодержателямъ станціи Мэнгэтý. Равнина здѣсь изобильна травою и кое-гдѣ поросла цѣлыми полосками сиреневой ромашки. Нѣсколько далѣе она пересѣкается уваломъ, тянущимся отъ невысокой горы Хашату тологой; у южнаго подножія этой горы стоитъ хýрѣ станціи Мэнгэтý, за которою мы проѣхали еще двѣ долины и два увала, именуемые Хохо тологой и Шобхуданъ-тологой. Отъ этого послѣдняго дорога поворачиваетъ на югъ къ станціи Мэнгэтý.

Мэнгэтý на оффиціальномъ языкѣ называется Дамъ-шакшýрга. То и другое имя этой станціи взято отъ прилежащихъ ортo колодцевъ, число которыхъ здѣсь восходитъ до 4-хъ, при этомъ китайцы, называя станцію Дамъ-шакшýрга, имѣли въ виду ближайшій къ станку колодезь, а сами монголы, называя ее Мэнгэтý, имѣли въ виду самый большой колодецъ.

Прямо на сѣверъ отъ этихъ колодцевъ, при горѣ Харагатýйнъ цзýнъ, находится граница хошýновъ Уйцзанъ гýна и Гобінъ тýшѣ гýна. Доселѣ, отъ параллели Сайръ-усý, станціонныя земли ограничивались на сѣверѣ кочевьями Уйцзанъ-гýна, а на югѣ кочевьями хошýна Гобінъ тýшѣ-гýна. У станціи Мэнгэтý земли сего послѣдняго, съ окончаніемъ владѣній Уйцзанъ-гýна, переходятъ и на сѣверную сторону дороги, выдаваясь сюда

клочкомъ верстъ на 40 шириною и начинаютъ ограничивать теперь станціонныя земли какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ.

Состоящіе при станціи Дамъ-шакшӯрга цакдā принадлежатъ 6-ю юртами хошӯну Гобіинъ-тӯшē-гӯна, 2-мя юртами хошӯну Тӯшētӯ-хāна, 2-мя юртами хошӯну Уйцзанъ-гӯна и одною юртою хошӯну Мэргэнъ-вàна. Изъ числа хабсургà три юрты хошӯна Гобіинъ-тӯшē-гӯна, 2 юрты Цзӯнъ-Согӯна и 1 юрта Уйцзанъ-гӯна.

Въ 4 ч. 30 м. мы оставили станцію Мэнгэтӯ и продолжали путь на СЗ, по долинѣ Гахàйнъ-тōйримъ, съ глинисто-солонцеватою почвою, покрытою кочками и дэрэсӯномъ. По мѣрѣ удаленія однако на СЗ солончаки дѣлаются все рѣже и рѣже и версты черезъ три, въ 4 ч. 45 м., дорога вступаетъ въ Цахюртӯйнъ-гòби, которая своею равнинностью и протяженіемъ напоминаетъ Тухӯмъ-гòби, только травы здѣсь гораздо изобильнѣе и вся степь кажется зеленою. Цахюртӯйнъ-гòби протягивается къ востоку и сюда же направленъ главный наклонъ ея. Въ 5 ч. 10 м. мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ степь эта пересѣкается горою Худà-ӯла, при чемъ за этимъ невысокимъ перевáломъ она получаетъ и другое названіе, заимствуя его отъ находящейся на сѣверной окраинѣ ея горы Добòкъ-ӯла. Съ половины разстоянія между станціями, до которой мы добрались въ 5 ч. 45 м., та же степь получаетъ названіе Тарбугà; здѣсь находится колодецъ, впрочемъ, съ незначительнымъ числомъ воды. Степь Тарбугàйнъ талà ограничивается высокимъ и каменистымъ уваломъ Тарбугàйнъ-хирàй, къ востоку отъ котораго въ лощинѣ раскинулось озеро, или вѣрнѣе лужа, Тарбугàйнъ-нӯръ съ дождевою водою, а неподалеку отъ него колодецъ Гурбӯнъ-гӯвэ̀. Далѣе дорога входитъ въ каменистые холмы Цабчирàй-цōхō, за которыми слѣдуетъ гуджѝрная лощина съ залегающими въ ней двумя глубокими руслами Цабчирàй-булӯка. Одно изъ этихъ руслъ, южное, было теперь сухимъ, по другому вода текла въ изобиліи, но пить ее оказывается невозможнымъ, ибо она является соленою, пропитываясь гуджѝромъ, заключающимся въ почвѣ. Поднявшись изъ этой ложбины, мы подъѣхали къ станціи Цабчѝръ въ 7 ч. вечера и остановились здѣсь для ночлега.

1-е Августа. Суббота.

5 ч. +7°; 12 ч. +15°; 3 ч. +14°; 9 ч. +6°.

Цакдā станціи Цабчѝръ составляются изъ хошӯнныхъ данниковъ въ числѣ 2-хъ юртъ Мэргэнъ-вàна, 4-хъ юртъ Ō-вàна, 2-хъ юртъ Гобіинъ-тӯшē-гӯна и 3-хъ юртъ Барӯнъ-Со-гӯна. Хабсургà всѣ безъ исключенія принадлежатъ хошӯну Гобіинъ-тӯшē-гӯна. Воду станціонные обитатели получаютъ изъ колодца, находящагося при сопкѣ Улāнъ-тологòй и отъ нея заимствовавшаго свое имя.

Съ утра подулъ сильный и холодный сѣверо-западный вѣтеръ. Оставивъ станцію въ 8 ч. утра, мы снова направились на СЗ, по кочковатой пади Маннàй-цохō, пролегающей между двумя каменистыми грядами того же имени, а миновавъ оную, вступили въ обширную долину Талбàй, наклоненную къ югу. Въ нижней части этой долины далеко назади отъ нашей дороги виднѣлось озеро, какъ пояснили мнѣ монголы, съ прѣсною и пригодною для питья водою. Долина Талбàй заключается невысокимъ увáломъ Талбàйнъ дэбсэ̀къ, за которымъ вновь послѣдовала долина съ такимъ же невысокимъ только каменистымъ увáломъ Хирàй-сонгō. Проѣзжая по этому увалу, мы повстрѣчали здѣсь китайца,—разсыльнаго изъ ямуня улясутàйскихъ амбàней; онъ везъ какой-то пакетъ къ сàйръ-усу̀'скому цзаргучэ̀ю. Его сопровождали три улáчина (подводчика); на полверсты далѣе повстрѣчался намъ еще и слуга того же разсыльнаго, тоже китаецъ, при которомъ состояло два провожатыхъ. Съ такимъ-то шикомъ, требуя себѣ 10 лошадей и 5 проводниковъ, разъѣзжаютъ по Монголіи простые китайскіе разсыльные, везущіе одинъ какой-нибудь пакетъ. Въ дальнѣйшемъ пути нашемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ долинъ, пересѣкаемыхъ увалами, таковы: долина и увалъ Бадаргà-тологòй, потомъ долина и увалъ Мангàтъ-ухā, неподалеку отъ котораго оканчиваются выдававшіяся на сѣверѣ клиномъ земли кочевьевъ Гобíйнъ тýшѣ-гýновскаго хошýна и отсюда земли этого хошýна снова начинаютъ ограничивать только южную оконечность станціонныхъ пастбищъ, на сѣверѣ же межа ихъ является сопредѣльною хошýну Тýшѣту-хáна. Въ кочевьяхъ его съ дороги ясно были видны къ сѣверу горы Хормоцàкъ и Оронцàкъ. А дорога наша между тѣмъ все ныряла по лощинамъ и увáламъ, которые отъ Мангàтъ-ухā являются въ такомъ порядкѣ: Пиндàнъ-тологòй, Одзòнъ-тологòй и Цзургāнъ-тологòй. Къ сѣверу отсюда лежитъ выдающаяся предъ другими по своей высотѣ гора Тýгýригíйнъ обō; дорога, протягиваясь у подножія мыса этой горы, минуетъ затѣмъ три каменистыхъ лощины и увала, составляющихъ одно урочище, называемое Шурýнъ-чулý. На сѣверномъ концѣ этого урочища располагается станція Тýгýрíкъ.

Óртō Тýгýрíкъ оффиціально называется Дàмъ-хашāту и является пограничнымъ пунктомъ, отъ котораго къ востоку протягиваются земли тýшѣтý хáновскаго хошýна, а къ западу земли хошýна Чжонòнъ-гýна, тýшѣтý-хáновскаго-àймака. Всего на станціи Тýгýрíкъ числится до 60 харачíнскихъ семей; что же касается цакдā, то изъ числа штатныхъ юртъ ихъ только одна принадлежитъ àймаку тýшѣтý-хáна и именно хошýну Уйцзанъ-гýна, остальные же цѣликомъ выходцы цэцэ̀нъ хáновскаго àймака и причисляются къ хошýнамъ 3 юрты — Далàй-чжонòнъ-бэ̀йсэ; 1 юрта

Хубчѝнъ-чжонòнъ-бэ̀йсэ; 2 юрты Хлā-бэ̀йсэ; 1 юрта Цзахàйнъ-чжӯнъ-вàна Дорчжи-палмо; одна юрта Хатагѝнъ-дàйчинъ-гӯна; одна юрта Донъ-дàйчинъ-цзасака; и одна юрта Дарà-талà-дàйчинъ-цзасакà. Все это люди, пришедшіе изъ очень дальнихъ мѣстъ, а потому живущіе здѣсь уже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи; хабсургà, напротивъ, принадлежатъ здѣсь самымъ ближайшимъ хошӯнамъ, а именно, 2 семьи Чжонòнъ-гӯна тӯшēтӯ-хāновскаго-àймака и 4 семьи Цэ̀-гӯна сàйнъ нойновскаго àймака.

Станцію Тӯгӯрѝкъ мы нашли въ сильномъ возбужденіи, ибо за вчерашній день и въ предшествовавшую ночь случилось здѣсь изъ ряда вонъ выходящее событіе. Дѣло въ томъ, что у одного изъ здѣшнихъ подводчиковъ, по имени Гуя̄-сэбэгӯта, былъ 20-лѣтній сынъ, Тэмӯръ-вачѝръ. Балованный и вздорный юноша этотъ вчера изъ-за чего-то сначала поссорился, а потомъ началъ драться съ своимъ отцемъ и билъ его съ такимъ ожесточеніемъ, что на крики старика сбѣжались сосѣди и едва могли удержать буяна, который, что называется, забылъ себя отъ злости. Его связали и посадили въ пустую юрту для проѣзжающихъ, а станціонный цзангѝнъ поручилъ одному изъ солдатъ-подводчиковъ сторожить его. Часа черезъ два юноша успокоился, но цзангѝнъ приказалъ подержать его «для срама» связаннымъ и въ заключеніи. Вечеромъ мать приносила узнику чаю, а пріѣхавшій къ нему въ гости 17-тилѣтній Бàнцза-рàкша, сынъ подводчика со станціи Бильгѝхъ, приходилъ къ своему товарищу, чтобы развлечь его разговоромъ и остался съ нимъ ночевать въ одной юртѣ. Часовъ въ 10-ть вечера, по обычаю, всѣ заснули; а сегодня, на зарѣ, вѣроятно, часа въ 3 ночи, латникъ, которому поручено было сторожить Тэмӯръ-вачѝра, заглянувъ въ его юрту, увидалъ ее пустою. Онъ думалъ, что заключенный ушелъ въ отцовскую юрту, но тамъ его не оказалось, равно какъ и его товарища. Поднялся шумъ по всей станціи. Вскорѣ отецъ Тэмӯръ-вачѝра открылъ, что въ его косякѣ не хватаетъ 4-хъ лошадей и 2-хъ верблюдовъ; а другой, пришедшій подводчикъ этой же станціи заявилъ, что у него пропала 18-тилѣтняя дочь его, Чилхӯтъ. Ясно было, что трое молодыхъ людей, похитивъ у отца 4-хъ лошадей и 2-хъ верблюдовъ, бѣжали неизвѣстно куда. Для трехъ лошадей они захватили съ собой три узды, три сѣдла и трое путъ; сами поверхъ обычнаго лѣтняго платья, одѣли еще тулупы и такъ уѣхали. Розыскъ бѣглецовъ въ ближайшихъ мѣстахъ, приблизительно верстъ на 20—30 отъ станціи, до сихъ поръ не далъ никакихъ результатовъ, хотя, изъ числа розыскивавшихъ 12 человѣкъ, 9 уже возвратились; подводчики, привезшіе со станціи Дзэ̄рэнъ встрѣченнаго мною писца уля̄сутàйскаго амбàня, также не могли дать никакихъ свѣдѣній о бѣглецахъ. Они какъ будто канули въ воду. При таковыхъ обстоятельствахъ цзан-

гѝнъ поджидалъ только возвращенія трехъ остальныхъ посланцевъ, а затѣмъ, говорилъ онъ, нужно поскорѣе извѣщать сàйръ-усу̀скаго цзаргучѐя, чтобы тотъ нарядилъ оффиціальные розыски по сосѣднимъ àймакамъ и хошӯнамъ.

Со станціи Тӯгӯрѝкъ мы выѣхали въ 11 ч. 10 м. и двигались далѣе по солончаковому тӧйриму (котловинѣ) вплоть до увала Цзэргэнэ-ухā, у подножія котораго, равно какъ и по обѣимъ сторонамъ самаго его, залегаетъ глубокій сыпучій песокъ. За переваломъ черезъ Цзэргэнэ-ухā открывается огромная, наклоненная къ ЮВ долина, въ направленіи же нашего пути на СЗ она кажется постепенно повышающеюся и этотъ подъемъ, сливаясь съ горизонтомъ, не оставляетъ глазу ровно ничего, чѣмъ можно было бы ограничить эту необъятную для зрѣнія равнину. Описываемая равнина носитъ названіе Бутà, т. е. «кусты» и дѣйствительно, вся она поросла кустарникомъ хараганы̀, что дѣлаетъ ее весьма неудобною для колесной ѣзды. Только въ 12 ч. 15 м. намъ показался на горизонтѣ увалъ Хондотӯ, но, прежде чѣмъ доѣхать до него, дорога проходитъ въ той же степи урочище Марцàкъ съ колодцемъ того же имени, при которомъ кочуетъ нѣсколько юртъ и пасутся большіе табуны верблюдовъ и лошадей, принадлежащихъ станціи Тӯгӯрѝкъ. Отъ этого урочища Марцàкъ долина получаетъ названіе Хондотӯ-талà и лишь проѣхавъ ее, мы добрались до вышеозначеннаго увала. На сѣверъ отъ него видны горы, Борò-ӱндӱръ, составляющія почти пограничный пунктъ для земель хошӯна Чжонòнъ-гӯна въ восточной сторонѣ онаго. Отсюда мы спустились въ лощину, заимствовавшую свое имя отъ послѣдующаго за нею перевала Цагàнъ-тэмӭтӯ. Лощина эта наклонна къ сѣверу и ограничивается съ этой стороны высокою горою Огоцòкъ-ӱла; къ западу отъ этихъ горъ лежитъ граница тӱшӭтӱ хāновскаго àймака съ Сàйнъ-ноѝновскимъ собственно по сѣверную сторону станціонныхъ земель, тогда какъ на югѣ эти земли все еще продолжаютъ быть смежными съ хошӯномъ Гобійнъ-тӱшӭ-гӯна, принадлежащимъ тӱшӭтӱ-хāновскому-àймаку. Миновавъ за симъ урочище Гӯнъ-худӱкъ, пересѣкши долину и увалъ Оликтӯ и проѣхавъ по тянущейся версты на двѣ плоской возвышенности Борò-ӱцзӱръ, мы въ 2 часа дня прибыли на станцію Дзӭрэнъ, еще издали, съ вершины Борò-ӱцзӱра, увидавъ здѣсь какое-то необычайное движеніе.

Станція Дзӭрэнъ располагается на обширной равнинѣ, протягивающейся съ В. на З съ постояннымъ наклономъ въ ту же сторону. Долина эта вообще имѣетъ солонцевато-глинистую почву, мѣстами образующую совершенно безплодные солончаки, а потому и находящіеся въ ней два колодца не отличаются особенною дòброкачественностью: вода въ нихъ хотя

и чистая, но нѣсколько солоноватая на вкусъ. Станцію составляютъ 52 юрты харачѝнскихъ (въ томъ числѣ 18 штатныхъ), а изъ 11 штатныхъ юртъ цакда̄ 6 принадлежатъ хошӯну Ильдэ̀нъ бэ̀йлэ сàйнъ-нойновскаго

Общій видъ почтовой станціи Дзэ̄рэнъ.

àймака и 5 хошӯну Уйцзанъ То̄ гӯна тӯшѣтӯ хāновскаго àймака. Что касается до хабсургà, то всѣ 6 юртъ ихъ искони принадлежатъ къ числу податныхъ Ильдэ̀нъ-бэ̀йлэ. Благодаря такой близости родныхъ кочевьевъ большинства почтосодержателей, они привыкли уже считать станціонныя земли нераздѣльными отъ хошӯнныхъ и кочуютъ безразлично на тѣхъ и другихъ; пастбища ихъ по этому самому весьма обширны и народъ на этой станціи вполнѣ благоденствуетъ. То движеніе, которое я замѣтилъ, подъѣзжая къ станціи, происходило здѣсь отъ двухъ причинъ. Первою и главнѣйшею изъ нихъ было то, что станціонный дугӯнъ праздновалъ въ этотъ день церемонію круговращенія Мàйдари и, конечно, я не преминулъ отправиться посмотрѣть ее, хотя въ эту пору она, очевидно, близилась къ концу, ибо колесница Мàйдари стояла уже на западной сторонѣ кумирни. Станціонный дугӯнъ устроенъ къ западу отъ станціи, въ разстояніи приблизительно двухъ верстъ отъ нея. Онъ заключаетъ въ себѣ семь отдѣльныхъ сӱмэ̀, изъ которыхъ три главные построены изъ дикаго гранита, съ черепичною кровлею и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ китайской архитектуры; остальные четыре сӱмэ̀ были сбиты изъ сырцеваго кирпича, покрыты глинобитною крышею, такою же оказалась и ограда вокругъ этого хӱрѣня. Что касается самой церемоніи Мàйдари, то, подобно тому какъ и въ на-

шихъ сельскихъ бѣдныхъ храмахъ, все здѣсь было мизерно сравнительно съ обстановкою этой церемоніи въ большихъ кумирняхъ, хотя въ существѣ дѣла обрядъ рѣшительно тотъ же. Кумиръ Мàйдари везется на высокой колесницѣ желтаго цвѣта, разрисованной по сторонамъ изображеніемъ 8 радіуснаго хўрдэ. Надъ колесницею установленъ небольшой шелковый шўкўръ, или зонтъ, по бокамъ укрѣплены чжалцàны; тѣ же разноцвѣтныя украшенія несутся по бокамъ телѣги, только въ качествѣ носильщиковъ являются здѣсь не ламы, а станціонные прихожане дугўна, безъ различія возраста и пола. Народу на церемоніи было приблизительно человѣкъ до 400. Я попробовалъ снять эту церемонію фотографіею, но едва только народъ увидалъ выставленный аппаратъ, какъ, оставивъ своего бурхàна, всею массою бросился ко мнѣ. Не трудно было предугадать, что первый мой снимокъ будетъ крайне неудовлетворителенъ, ибо на стеклѣ должна была получиться цѣлая масса движущихся фигуръ; поэтому давъ возможность большинству перебѣжать, я попросилъ только народъ хоть около меня стоять спокойно. Монголы стали и сами увѣщавать другъ друга не мѣшать дѣлу и тѣмъ не менѣе все-таки каждому хотѣлось заглянуть въ объективъ. Такъ и не удалось мнѣ снять эту церемонію какъ она является въ дѣйствительности, съ народомъ, только нѣсколько старѣйшихъ ламъ осталось сидѣть на мѣстѣ, отправляя свой хурàлъ; другіе, даже изъ числа ламъ, сложили свои инструменты и отправились на мою сторону.

Другую причину станціонныхъ волненій составлялъ остановившійся здѣсь съ утра большой почтовый транспортъ, направлявшійся въ Пекинъ, для доставленія ко двору богдохāна дани отъ монголо-татарскихъ поколѣній вѣдомства тарбагатàйскаго амбàня, или такъ называемыхъ «цагàнъ-адў». Извѣстно, что кочевые данники Китая собственно не несутъ на себѣ никакихъ общегосударственныхъ повинностей и, какъ бы въ доказательство своей зависимости, обязаны только ежегодно представлять ко двору богдохāна 8 бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда. Этотъ-то «бѣлый табўнъ» и доставлялъ настоящій транспортъ, хотя въ составъ его входило не девять, а гораздо болѣе ста самыхъ разномастныхъ животныхъ. На вопросъ, почему это такъ, монголы объяснили мнѣ, что помимо означенныхъ девяти животныхъ тарбагатàйскій амбàнь посылаетъ еще обыкновенно при этой оказіи больше сотни лошадей въ подарокъ своимъ пекинскимъ знакомымъ, сослуживцамъ, родственникамъ и пр. Въ числѣ сопровождающихъ этотъ транспортъ изъ Чугучака было всего 19 человѣкъ солдатъ, съ маньчжурскимъ чиновникомъ во главѣ. Для отправки ихъ на слѣдующую станцію, со стороны станціи Дзэрэнъ требовалось 19 верховыхъ лошадей, двѣ лошади подъ легкіе вьюки, 36 верховыхъ проводниковъ и 40 вьючныхъ

верблюдовъ, часть которыхъ имѣетъ везти багажъ сопровождающихъ транспортъ, а другая, большая часть, назначалась, по словамъ станціонныхъ, для доставки пшена, везомаго въ мѣшкахъ и предназначаемаго для корма лошадей. Меня крайне удивило, что степная монгольская лошадь можетъ ѣсть пшено; но на это возразили мнѣ, что такъ полагается по закону. На самой станціи для этихъ солдатъ было выставлено девять юртъ, и отпущено два барана и кирпичъ чаю, помимо молочныхъ продуктовъ. Между юртами ихъ дѣйствительно была сложена цѣлая груда кулей съ пшеномъ, тщательно укутанныхъ въ войлокъ заботливыми монголами.

Осматривая дзэ̄рэн'скій-хӯрэ̄, я обратилъ между прочимъ вниманіе на одинъ бàйшинъ, служившій, какъ сообщили мнѣ, станціонной кладовой. Цзангӣнъ отворилъ мнѣ двери ея, и въ числѣ наполнявшихъ эту кладовую предметовъ были: во-первыхъ, четыре большихъ сундука, въ которыхъ, по словамъ цзангӣна, были сложены ковры, шелковые олбòки, шелковыя обшивки (хӧшигӧ̀) казенныхъ станціонныхъ юртъ; шāцзаны, металлическія донбò и проч. принадлежности монгольскаго быта; отдѣльно отъ этого были порядкомъ сложены въ углу: три юрты, изукрашенныя красными и синими нашивками и наконецъ цѣлая четверть бàйшина была занята сваленными въ груду луками и стрѣлами. Это, какъ пояснилъ мнѣ цзангӣнъ, было оружіе станціонныхъ, съ которымъ они должны были являться на смотры, производимые имъ иногда пріѣзжающимъ высшимъ начальствомъ.

Со станціи Дзэ̄рэнъ мы выѣхали въ 5 ч. 15 мин. и направили свой путь по неширокой долинѣ, именуемой Цзадагàй хӯндӯй. Долина эта чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ съуживается все больше и больше и наконецъ переходитъ въ ущелье Мӯргӯцӯйнъ-хабчӣль, до котораго мы доѣхали въ 5 ч. 45 мин. и по которому двигались не болѣе 8 минутъ. За этимъ ущельемъ послѣдовала громадная, полого повышающаяся къ сѣверо-западу долина, или лучше, какъ говорятъ сибиряки, тянигусъ, Арӯ-бӧксӧ̀, не представлявшій впереди для глаза ровно ничего, помимо ровной и гладкой степи. Только въ 6 ч. 40 м. намъ показались холмы съ восточной стороны Табàкъ, а съ западной Дāганъ-дэ̄ль, отъ параллели которыхъ въ линіи дороги начинается долина Задагàйту, покрытая густымъ дэрэсӯномъ. Колесное движеніе здѣсь очень затруднительно вплоть до ограничивающаго Задагàйту на западѣ кряжа Борò-хӯтӯль, по сѣверной сторонѣ котораго станціонные считаютъ половину дороги. Отсюда пошелъ цѣлый рядъ тянигусовъ, на которые мы то поднимались, то опускались, чтобы подниматься снова, таковы тянигусы: Цалбӯръ, Ӯндӯръ-шилӣ, Дàмъ-шилӣ, Борò-ширэ̄, Мухӯръ-шилӣ и Борò-табцàнъ. Отъ этого послѣдняго возвышенія лощины,

залегающія между тянигусами, сдѣлались обширнѣе, и на нихъ ясно обрисовалась даже при вечернемъ сумракѣ солонцеватая почва; такова лощина Цзамы̀инъ-тӧйримъ, ограничиваемая съ сѣвера возвышенностью Эргицэ̀къ и лощина Шабарта̀йнъ-тӧйримъ, съ которой дорога поднимается на возвышенность Манитӳ. Спускаясь съ этой возвышенности, попадаешь въ кочковатую и болотистую долину Онгіинъ-гӧла, на которой, почти у самой рѣки располагается станція Онгійнъ. Мы прибыли на нее только въ 9 часовъ вечера.

2-е Августа. Воскресенье.

5 ч. +5°; 9 ч. +11½°; 12 ч. +13°; 6 ч. +9°; 9 ч. +4°.

Станція Онгійнъ располагается на берегу р. Онгійна, при высотахъ Онгійнъ обӧ. Составъ ея нельзя назвать особенно большимъ, ибо на всей этой станціи проживаетъ не болѣе 65 юртъ; изъ нихъ, въ числѣ 11 штатныхъ юртъ цакда̀, 7 юртъ принадлежатъ хошӯну Эрдэнѝ-ӳйцзанъ-гӯна, 3 юрты — Цэ̄-гӯна и 1 юрта — цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ цэцэ̀нъ-ха̄новскаго а̀ймака; что касается 6 юртъ хабсурга̀, то всѣ они принадлежатъ хошӯну Эрдэнѝ-ӳйцзанъ-гӯна. Станція Онгійнъ почитается са̀йръ-усу̀'скимъ почтовымъ начальствомъ въ числѣ уже удаленныхъ станковъ вѣдомства, оттого са̀йръ-усу̀'скій цзаргучэ̀й и цзала̀ны не бываютъ здѣсь болѣе двухъ разъ въ годъ; всякія исправленія на этой почтовой станціи возлагаются уже на мѣстное начальство и самихъ почтосодержателей. Внѣшнимъ образомъ это ярко бросается въ глаза тѣмъ, что, начиная съ Онгійна, станціонныя юрты, а равно и обстановка ихъ дѣлаются уже значительно хуже предшествовавшихъ; но съ другой стороны и самое содержаніе станціи здѣсь, несомнѣнно, обходится дешевле. Всѣ деревянныя произведенія, какъ-то: юрты, столы, скамьи и проч. здѣшніе почтосодержатели пріобрѣтаютъ въ сѣверныхъ ханга̀йскихъ хошӯнахъ са̀йнъ-нойновскаго а̀ймака, при чемъ полный деревянный остовъ наилучшей и большой юрты не превышаетъ для нихъ стоимости 15 ланъ серебра, уплачиваемыхъ товаромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря той же самостоятельности въ дѣлѣ ремонта и пополненія необходимыхъ станціонныхъ принадлежностей, на станціи Онгійнъ впервые встрѣчаются торгующіе китайцы. Они пріѣзжаютъ сюда изъ Пекина лѣтомъ, объѣзжаютъ харачѝнскія станціи къ сѣверу отъ Онгійна и уѣзжаютъ осенью. Кирпичъ чая продается ими по 5 цинъ; да̀лянбу, въ размѣрѣ потребнаго на одинъ халатъ, по 1 лану серебра; да̀бу, въ томъ же размѣрѣ — 8 цинъ; ци-цюй-чоу — 2 лана и 2 л. 5 цинъ, та и другая впрочемъ плохаго качества; донбӧ деревянная съ мѣдными обручами и украшеніями — по 1 л. 5 ц.; кромѣ того они привозятъ много мелкихъ предметовъ, какъ-то: трубки, табакерки, хадакѝ, мѣшечки для храненія табакерокъ,

табачные кисеты, столовые приборы, состоящіе изъ ножа, палочекъ и проч. Торговля эта ведется главнымъ образомъ на произведенія монгольской степи, при чемъ китайцы принимаютъ: верблюдовъ по цѣнѣ отъ 20 до 25 лапъ, уплачиваемыхъ товаромъ; овецъ — отъ 1, до 2 л. 5 ц., овечью шерсть по 5 фынъ за гинъ, уплачиваемыхъ опять-таки товаромъ же.

Станцію Онгійнъ мы оставили въ 8 ч. утра и направились къ переправѣ черезъ рѣку. Ширина Онгійна не превышаетъ здѣсь 30 саж., наибольшая же глубина его въ мѣстѣ брода 15 вершковъ. Теченіе рѣки очень быстрое и русло ея каменисто. Съ правой стороны берегъ рѣки у мѣста брода высокъ, а лѣвый берегъ пологій и представляетъ болотистую почву. Переправившись черезъ рѣку и обогнувъ гряду Онгійнъ обо, мы проѣхали нѣкоторое пространство по густо поросшей дэрэсу̀номъ котловинѣ, а засимъ поднялись на небольшую возвышенность и направили свой путь по долинѣ, покрытой щебнемъ и самою незначительною растительностью. Долина эта оказалась далеко протягивающеюся на СЗ. Къ сѣверу отъ нея видна была полоса горъ Бургулта̀йнъ нурӯ, принадлежащихъ хошӯну да̀йчинъ Цэ(рэ̀нъ дорджѝ) гу̀на, а нѣсколько далѣе ихъ — высокая гора Ӱлцзэйту̀ ӱндӱ̀ръ, составляющая кочевья податныхъ Эрдэнѝ-ӱйцзанъ-гу̀на; при этой горѣ находится ставка гу̀на и его главная хӱ̄рэ̄. Самая гора издали представлялась намъ въ видѣ громаднаго чернаго гроба, широкая часть котораго обращена на югъ, а узкая на сѣверъ. Дорога наша между тѣмъ представляла собою нѣчто, совершенно не поддающееся описанію. Кочки, образующіяся повсюду у кустовъ дэрэсу̀на, обильно разбросанные по долинѣ камни, доходящіе иногда высотою до $^3/_4$ аршина, масса ямъ, сухихъ и наполненныхъ водою, — все это дѣлаетъ здѣсь колесную дорогу рѣшительно непроѣзжаемою, такъ что я долженъ былъ ѣхать здѣсь уже верхомъ. Особливо ужаснымъ представляется урочище Дугу̀най бӯцапа̀й дэрэсу̀. Разговаривая съ сопровождавшими меня монголами, я невольно задалъ вопросъ, какимъ образомъ провозятъ они по этому пути военныя принадлежности улясута̀йскихъ солдатъ; при чемъ узналъ, что когда, лѣтъ семь тому назадъ, въ Улясута̀й были доставляемы изъ Китая новыя пушки, то ихъ, вмѣстѣ съ лафетами, вьючили на верблюдовъ. Нѣсколько лучше дорога стала только послѣ того, какъ мы поднялись въ долину Улаа̄нъ-чихѝ, получившую свое имя отъ сопки, находящейся въ южной сторонѣ ея и наконецъ путь нашъ совершенно исправился, когда мы добрались до равнины Сӯль, въ сѣверозападномъ углу которой, при ручьѣ Цзадага̀й, располагается станція Ӱнигэту̀.

Эту послѣднюю станцію мы оставили въ 11 ч. 40 м. и направились по возвышенности Халага̀йту, спускающейся въ сторону дороги шестью

увалами, образующими овраги. Дорога вьется по косогору, то спускаясь, то поднимаясь по этимъ оврагамъ, пока наконецъ не достигаетъ увала Холбо̄-улā̄нъ, за которымъ слѣдуетъ высокій Ӱлцэ̀й толого̀й. Отсюда начинается прелестная травянистая долина Цзамы̀инъ хобӯръ, во множествѣ покрытая цвѣтами и доставляющая невыразимое удовольствіе давно уже не видавшему такой растительности путнику. Для насъ это впечатлѣніе нѣсколько отравлялось тѣмъ, что день былъ вѣтряный и холодный, а изрѣдка при этомъ моросилъ еще мелкій, осенній дождикъ. Тотъ же характеръ растительности сохраняется и на слѣдующей долинѣ Шанда̀, въ которой располагается хӯрē почтовой станціи Хада̄ту. Монастырь этотъ заключаетъ въ себѣ три сӯмэ̀, построенныхъ изъ дерева и до 20 ба̀йшиновъ живущихъ при немъ хувара̀ковъ.

Спустившись за симъ въ долину Хӯрдӯни хо̄лой, мы увидали издали высокую и поросшую травою Хада̄ту ӯла, при которой долженъ бы стоять ӧрто̄ Хада̄ту; но въ настоящую пору онъ укочевалъ къ югу отсюда, приблизительно верстъ на 10, такъ что мы нашли его не менѣе какъ черезъ часъ времени въ ущельи горъ Бурхантӯ, при ключѣ Хорохо̀йту булӯкъ. Хада̄ту является послѣднею станціею харачѝновъ са̀йръ-усӯ'скаго вѣдомства, а такъ какъ мнѣ нужно было окончательно привести здѣсь въ порядокъ, а можетъ быть и пополнить собранныя свѣдѣнія о существующихъ па харачѝнскихъ ӧрто̄ способахъ управленія и отбыванія повинности, то я рѣшилъ остановиться здѣсь для ночлега, несмотря на то, что часы показывали только 2 ч. 30 м. Все остальное время больше проведено за этой работой.

3-е Августа. Понедѣльникъ.

5 ч. +1°; 9 ч. +12°; 12 ч. +16°; 6 ч. +11°; 9 ч. +½°.

Проснулся въ 3 ч. 50 м. утра буквально отъ непривычки къ холоду и, вышедши изъ юрты, увидалъ, что все окружающее было бѣло отъ густаго слоя инея. Станція Хада̄ту, какъ уже было замѣчено, въ лѣтнее время всегда располагается при ключѣ Хорохо̀йту булӯкъ: станціонныя юрты стоятъ въ узкой глубокой лощинѣ. Къ сѣверу отъ нихъ видны отроги высокой горы Хотонтӯ. Настоящимъ мѣстоположеніемъ своимъ станція совершенно противулежитъ границамъ хошӯновъ Эрдэнѝ-ӯйцзанъгӯна къ востоку и Са̀йнъ ноѝна къ западу.

Мы двинулись съ Хада̄ту въ 7 ч. 45 м. утра. Небо было сполна заволочено тучами, въ воздухѣ сыро и холодно какъ будто въ самую глубокую осень; нѣкоторые изъ моихъ проводниковъ-монголовъ одѣли шубы и мѣховыя шапки. Изъ станціонной лощины, испещренной рвами и бугорками, мы поднялись къ горамъ Хотонтӯ, которыя возвышаются надъ окружающею ихъ мѣстностью двумя вершинами, раздѣленными длинной сѣдло-

виной. У подножія этихъ горъ и по отлогостямъ ихъ разсыпано немало камней, тѣмъ не менѣе повсюду здѣсь масса травы и много цвѣтовъ. Дорога поначалу шла все ложбинками, образуемыми отъ волнообразныхъ горныхъ скатовъ, тянущихся частію отъ болѣе высокихъ горъ Хотонтӯ, а частію отъ болѣе низкихъ горъ Сэнчжитӯ, располагающихся на западъ отъ дороги. Этими ложбинами мы постепенно поднимались до вершины Хотонтӯйнъ даба, гдѣ глазамъ нашимъ совершенно неожиданно открылся прекраснѣйшій видъ на величественный кряжъ Хангайскихъ горъ. Изъ общаго чернаго массива этого кряжа особливо выдавались къ востоку гора Ашигату, а къ западу — Цаганъ-хайрханъ, обѣ горы, принадлежащія хошӯну Сайнъ-нойна. Съ помянутаго перевала мы въѣхали въ ущелье Хотонтӯ ӯлайнъ хабтагай, также точно усѣянное камнями, какъ и пройденныя ложбины, и только по выѣздѣ изъ этого ущелья дорога стала ровнѣе. Отсюда началась громаднѣйшая равнина, на которой глазу приходилось въ первое время останавливаться лишь на одиноко стоящемъ холмѣ Ганца-тологой. Къ 9-ти часамъ утра небо очистилось и горизонтъ значительно расширился. Миновавъ Ганца-тологой, мы увидали скрывавшіяся за нимъ и лежащія къ юго-востоку отъ дороги громадныя снѣжныя горы Богдо-ӯла: онѣ ясно стояли гораздо дальше хангайскаго кряжа, хотя, по словамъ монголовъ, находились въ томъ же сайнъ-нойновскомъ хошӯнѣ, въ стойбищахъ шабинаровъ Мэргэнъ-нойнъ-хутухтѣ. Издали снѣга Богдо-ӯлы казались большимъ бѣлымъ облакомъ, а потомъ начали ярко блистать на солнцѣ. Равнина, по которой мы ѣхали, носитъ здѣсь названіе Талайнъ-тологой, заимствуя это имя отъ невысокой сопки, представившейся намъ теперь нѣсколько вправо отъ дороги. У этой сопки дорога торно раздѣляется, при чемъ одинъ путь ведетъ на сѣверъ, къ зимнему кочевью слѣдующаго станка, а другой, по которому продолжали мы свое движеніе, къ его лѣтней стоянкѣ, находящейся, какъ оказалось впослѣдствіи, на той же долинѣ. Вообще равнина Талайнъ-тологой тянется на пространство не менѣе 40 верстъ и въ направленіи къ СЗ кажется упирающеюся въ горный кряжъ Хангая. Имѣя одно общее названіе, она раздѣляется отдѣльными именами и по частямъ. Такъ въ 9 ч. 40 м. мы доѣхали до ложбины Ӱхӯръ-чулӯ, получившей такое прозваніе отъ шести большихъ валуновъ, лежащихъ вправо отъ дороги. Часть долины, прилежащая этой неглубокой ложбинкѣ, называется также Ӱхӯръ чулӯ. Слѣдующая ложбина въ той же долинѣ заключаетъ въ себѣ озеро Гӯнъ-нӯръ. Эта ложбина сплошь покрыта кочками и дэрэсӯномъ, а потому крайне неудобна для колесной ѣзды. Озеро Гӯнъ-нӯръ имѣетъ около шести верстъ въ окружности; на южной сторонѣ его оказалась расположенною станція Хара-нидӯнъ.

На этой станціи я распрощался съ возчиками изъ харачѝновъ, ибо послѣдующія къ Улясутàю 20 станцій содержатся уже халхасами и состоятъ въ особомъ вѣдѣніи улясутàйскаго цзянь-цзюпя и его хэбэй амбàней, подъ ближайшимъ надзоромъ тàйчжіевъ, каждый изъ которыхъ вѣдаетъ 5 ёртō. Халхаскія станціи не имѣютъ у себя ни точно отмежеванныхъ земель для пастьбищъ, ни особаго отдѣла почтосодержателей—цакдā, а состоятъ только изъ 14 семей штатныхъ почтосодержателей, да изъ 7 юртъ хабсургà. Почтосодержатели эти принадлежатъ различнымъ хошўнамъ àймаковъ Цэцэнъ-хāна и Тўшēтў-хāна, но хабсургà являются только изъ двухъ хошўновъ: Сàйнъ-нойна и Эрдэнѝ-ўйцзанъ-гўна. Подобно харачѝнамъ, какъ почтосодержатели, такъ и хабсургà всегда имѣютъ здѣсь при себѣ особыя семьи — «бўли», и, несмотря на то, составъ халхаскихъ станцій представляется значительно меньшимъ харачѝнскихъ.

Станція Харà-нидўнъ, какъ можно видѣть и изъ предшествовавшаго разказа, располагается на громадной равнинѣ, въ котловинѣ озера Гўнъ-нўръ. Къ югу и юго-востоку отсюда еще видны были на горизонтѣ высокія Хотонтў-ўла, которыя переваливали мы отъ станціи Хадāту, а на сѣверъ намъ оставалось уже не далеко до вышепомянутаго Хангàйскаго кряжа. Въ лѣтнее время станція Харà-нидўнъ кочуетъ всегда на мѣстѣ своего настоящаго стойбища, зимою же она перемѣщается въ урочище Харà-нидўнъ, лежащее восточнѣе Гўнъ-нўра, при двухъ колодцахъ. Озеро Гўнъ-нўръ соленое и вода его не пригодна для употребленія людямъ, но животныя пьютъ ее безразлично съ водою изъ протекающей неподалеку рѣчки. На озерѣ мы нашли массу птицы: лебеди, сѣрые и бѣлые гуси, чирки, сѣрыя утки, турпàны (Vulpanser rutila) и безъ конца бекасовъ. Монголы сообщали мнѣ, что болѣе бѣдные изъ нихъ охотятся на эту птицу и употребляютъ ее въ пищу, но, вѣроятно, такая охота устроивается очень рѣдко, ибо птица здѣсь мало напугана и свободно подпускаетъ человѣка саженей на 40, покрайней мѣрѣ мы именно съ такого разстоянія убили здѣсь одного сѣраго гуся.

Мы оставили станцію Харà-нидўнъ въ 11 ч. 40 м. дня и направились по той же равнинѣ, которая отъ сѣвернаго берега озера Гўнъ-цагàнъ дѣлается каменистою и густо поросшею дэрэсўномъ. На разсматриваемомъ пространствѣ равнина эта носитъ названіе Гўнъ-бўридў и вскорѣ приводитъ къ рѣчкѣ Бўридўнэ̀й-гōлу. Послѣдняя имѣетъ до 10 саж. ширины, глубиною не болѣе полуаршина и течетъ на ЮЮЗ. Перебравшись черезъ Гўнъ-бўридў, мы опять-таки продолжали путь на сѣверо-западъ, по той же поросшей дэрэсўномъ равнинѣ, вплоть до предгорій Хангàйскаго кряжа, отдѣльная возвышенность котораго въ этомъ мѣстѣ называется Залā-толо-

ѳòй. У подножія южнаго ската этой возвышенности виднѣлось озеро Цагàнъ-нӯръ, протягивающееся узкою полосою съ востока на западъ. Пологіе склоны Залā-тологòя очень каменисты. Миновавъ ихъ, мы въ 12 ч. 15 м. повернули прямо на западъ и вступили въ долину Гориды̀йнъ-гōла, имѣющаго здѣсь теченіе съ сѣвера на югъ; вверхъ по этой долинѣ и потянулась теперь наша дорога. Черезъ 20 м. мы прибыли на станцію Горидà, отстоящую отъ лѣтняго кочевья Харà-нидӯна не болѣе какъ верстъ на 10.

Имѣя въ виду, что на нашихъ картахъ всѣ эти мѣстности изображаются черезчуръ неопредѣленно, я распросилъ монголовъ о теченіи этихъ рѣкъ и, по разказамъ ихъ, оказалось, что вышепомянутый Гӯнъ-бӯридӯнэ̀й-гōлъ, черезъ который переѣхали мы у станціи Харà-нидӯнъ, верстахъ въ 20 ниже этой переправы, сливается съ Гориды̀йнъ-гōломъ, а вмѣстѣ обѣ эти рѣки образуютъ такъ называемый Арагòйнъ-гōлъ, который исчезаетъ въ пескахъ, а не впадаетъ въ какое-то безымянное озеро, какъ это показывается на нашихъ картахъ. Такого озера въ дѣйствительности не существуетъ и мѣсто исчезновенія Арагòйнъ-гōла находится въ хошӯнѣ Сàйнъ-нойна; повсюду тамъ пссокъ и песчаныя горы. Та же невѣрность нашей картографіи замѣчается и далѣе: почтовый кàлгапско-улясутàйскій трактъ показывается у насъ пересѣкающимъ Гориды̀йнъ-гōлъ почти у самой станціи Горидà и засимъ оставляющимъ эту рѣку; между тѣмъ на дѣлѣ это оказывается совершенно иначе, какъ увидалъ я и лично при послѣдующемъ пути.

Со станціи Горидà мы выѣхали въ 1 ч. 10 м. дня и двинулись вверхъ по поросшей дэрэсӯномъ долинѣ этой рѣки, отличающейся также своею каменистостью. Долина эта неподалеку отъ станціи упирается въ гору Байнъ-улāнъ, при чемъ русло рѣки, будучи утѣсняемо предгоріями этой возвышенности, поворачиваетъ на западъ, а вмѣстѣ съ нимъ поворачиваетъ въ ту же сторону и дорога. Отсюда, продолжая слѣдовать по берегу Гориды̀, дорога вступаетъ въ горную падь и начинаетъ подниматься вверхъ, о-бокъ съ низпадающимъ по пади русломъ Гориды̀. Послѣднее индѣ представляется въ видѣ глубокой и узкой канавы, а мѣстами выравнивается и является широкимъ ложемъ, усѣяннымъ мелкою галькой. Самая падь окаймлена невысокими горами, надъ которыми господствуетъ гора Шакды̀йнъ-орòй; въ дальнѣйшемъ эта падь нѣсколько разъ пересѣкается поперечными увалами, изъ которыхъ труднымъ для ѣзды оказывается только одинъ, Хōхò обō, не высокій, но очень крутой. Переваливъ его, мы все поднимались вверхъ по пади Гориды̀, пока въ 3 ч. 25 м. ни увидали высокую сопку Бӯридӯнэ̀й-хӯрӯнъ-тологòй, окаймляющую съ сѣвера широкую болотистую равнину Бӯридӯ, обильную ключами, изъ которыхъ и беретъ

свое начало Горидà. Только здѣсь мы оставили теченіе Гориды̀йнъ-гӯла, русло котораго уклоняѐтся къ сѣверу, тогда какъ дорога продолжаетъ свое направленіе на западъ, къ перевалу Гангà-дабā. Спускъ съ этого перевала пологій, но каменистый: отдѣльные громадные камни стоятъ здѣсь какъ крѣпостныя развалины. Спустившись съ Гангà, мы вступили въ долину Шаргà̀йнъ-гӯла и прибыли на станцію Таца̀, гдѣ и остановились для ночлега.

4-е Августа. Вторникъ.

5 ч. +2°; 9 ч. +13°; 12 ч. +18°; 4 ч. +18°.

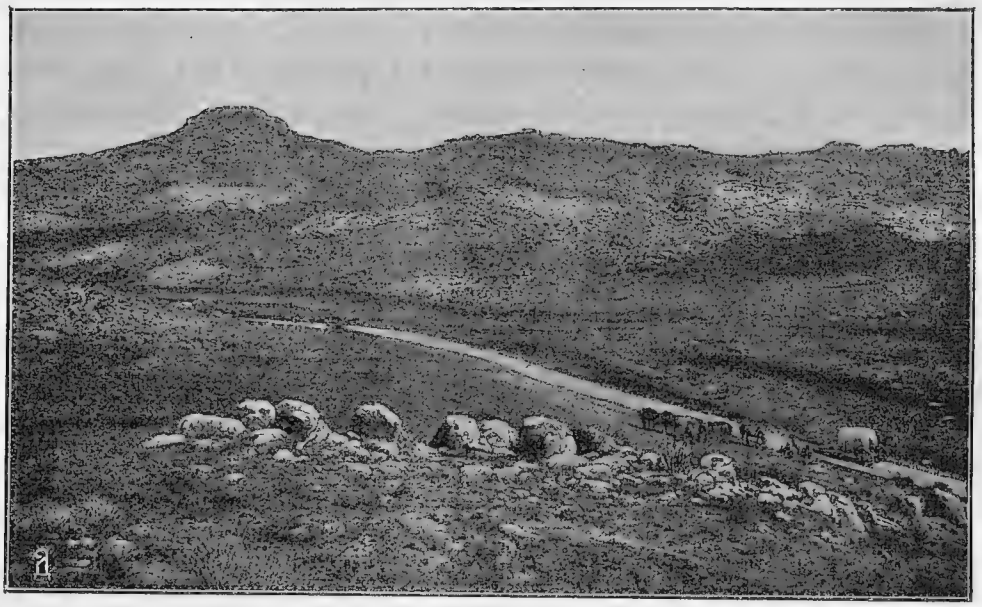
Мѣстоположеніе станціи Таца̀ отличается необыкновенною сыростью: рѣка Шаргà̀йнъ-гӯлъ течетъ здѣсь по широкой ложбинѣ, развѣтвляясь на множество маленькихъ ручьевъ, отсюда естественная влажность какъ въ почвѣ окружающей долины, такъ и въ воздухѣ. Спасаясь отъ этой сырости, почтосодержатели ставятъ свои юрты на высокомъ пригоркѣ; но за всѣмъ тѣмъ даже и лѣтомъ они ходятъ здѣсь по вечерамъ въ шубахъ, да и мнѣ ночью пришлось укрыться шубою же, такъ какъ сырость проникала черезъ шерстяное одѣяло. Почтосодержатели ст. Таца̀ принадлежатъ здѣсь различнымъ хошӯнамъ цэцэнъ-хā̀новскаго, тӯшѣтӯ-хā̀новскаго и сà̀йнъ-ноѝновскаго а̀ймаковъ; хабсургà же рѣшительно всѣ принадлежатъ здѣсь не только а̀ймаку, но даже и хошӯну Сà̀йнъ-ноѝна. Говорятъ, что въ числѣ здѣшнихъ хабсургà есть представители отъ каждаго ба̀ка сà̀йнъ-ноѝновскаго хошӯна, почему и узналъ я, что хошӯнъ этотъ раздѣляется на семь ба̀ковъ: 1) Хондогò, 2) Багà-бӯрӯ̀нъ, 3) Йэхэ̀ бӯрӯ̀нъ, 4) Цзӯни, 5) Гӧлъ, 6) Хамчжилгà и 7) Багà хамчжилгà. Послѣдніе два ба̀ка, говорятъ, образовались изъ приписныхъ семей та̀йчжіевъ, которые, не будучи въ состояніи, по своей бѣдности, содержать ихъ, передали ихъ въ распоряженіе хошӯна. Объ этомъ велъ я здѣсь пространную бесѣду.

Поутру мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и даже косвенною причиною безобразной по существу, но довольно обыкновенной на здѣшнихъ почтовыхъ станціяхъ сцены, рисующей отношенія проѣзжающихъ китайцевъ къ почтосодержателямъ. Дѣло въ томъ, что вчера, пріѣхавъ на станцію Таца̀, я былъ принятъ цзангѝномъ станціи въ самой большой станціонной юртѣ, отличавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ и бо̀льшею чистотою и бо̀льшимъ убранствомъ. Вечеромъ здѣсь было получено извѣщеніе, что завтра прибудетъ на эту станцію «цагà̀нъ-адӯ», отправляемое частію кобдо̀скимъ, а частію улясута̀йскимъ амба̀нями, а нѣсколько позднѣе на станцію прискакалъ китайскій солдатъ изъ состава сопровождающихъ адӯ, съ порученіемъ осмотрѣть и приготовить юрты для всего отряда конвоировъ. Пошумѣвъ по поводу того, что лучшая юрта была занята мною, онъ однако вскорѣ былъ успокоенъ угощеніями станціонныхъ и представленнымъ ими соображеніемъ,

что китайскій офицеръ долженъ пріѣхать къ полудню, а я уѣду утромъ, слѣдовательно юрта будетъ свободна. Итакъ, распорядившись лишь, чтобы съ десятокъ юртъ, назначаемыхъ для помѣщенія китайскаго конвоя, были перенесены въ одно мѣсто, онъ улегся спать. Но, на бѣду, въ эту ночь, вѣроятно, не поспалось китайскому офицеру и онъ прискакалъ на станцію часовъ въ семь утра. Колѣнопреклоненно встрѣтилъ его цзангйнъ и попросилъ во вторую юрту, а вчерашній солдатъ объяснилъ, что главная юрта занята мною. Гнѣву офицера не было конца: самыя ужасныя ругательства и удары нагайки посыпались на цзангйна и это продолжалось не менѣе получаса. Нужно замѣтить при этомъ, что цзангйнъ былъ заслуженый и имѣлъ у себя синій непрозрачный шарикъ, а китаецъ — простой бошкò. Избитый цзангйнъ тащилъ въ юрту, которую пришлось теперь занять офицеру, и ковры, и шелковыя подушки, — ничто не помогало: бошкò бушевалъ, не переставая, даже при моемъ отъѣздѣ, а провожавшій меня другой цзангйнъ, подмигивая глазомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ и не перестанетъ бушевать, пока не получитъ по этому случаю два или три цина серебра, т. е. около 75 копѣекъ по настоящему нашему курсу.

Выѣхавъ со станціи Таца̀ въ 8 часовъ утра, мы сначала поднялись къ возвышенности Байнъ-булу̀къ, а потомъ, поворотивъ на СЗ, начали спускаться къ рѣкѣ Таца̀-го̄лу по глубокой пади. Желтыя высоты стоятъ по обѣимъ сторонамъ этой пади и поразительно прекрасны своею массивностью и разнообразіемъ фигуръ. Сѣверныя изъ нихъ почти лишены всякой растительности, каменисты и утесисты, южныя, напротивъ, въ началѣ были покрыты травою, пологи и имѣли мягкія очертанія, но чѣмъ больше спускались мы книзу, тѣмъ и онѣ дѣлались дичѣе и суровѣе. На половинѣ своего протяженія падь эта пересѣкается отрогами Онгона̀й ху̀ту̀л'я, черезъ которые мы перевалили чтобы продолжать далѣе путь по той же пади, или лощинѣ. Мнѣ захотѣлось сохранить воспоминаніе объ этой живописной мѣстности, но должно признаться, что фотографія совершенно безсильна передать эти красоты, для которыхъ нужна именно кисть живописца. Разсматриваемая падь не имѣетъ одного общаго названія; ей усвояется нѣсколько частныхъ именъ, заимствованныхъ отъ прилежащихъ высотъ, таковы, Хӯра̀й, Ӱндӱ̄ръ ула̄нъ и пр. Отъ этой послѣдней возвышенности, падь дѣлается положительно утесистою и получаетъ названіе Хабцага̀й, а еще далѣе является уже просто въ видѣ корридора. Отсюда намъ представился вдали, на сѣверозападѣ, еще болѣе поразительный видъ на высокія Арцату̀ ӯла, возвышающіяся четырьмя отдѣльными кряжами одинъ выше другаго. И среди этихъ обнаженныхъ, дикихъ вершинъ самое полотно пади, по которому пролегала наша дорога, продолжала быть покрытымъ сочными и высокими травами,

со множествомъ цвѣтовъ, особливо сиреневой ромашки. Въ этомъ отношеніи вся окружающая мѣстность живо напоминаетъ собою наиболѣе глухія мѣста Селенги и Орхо̀на. По выѣздѣ изъ этой пади мы вступили въ долину



Утесы Хабцагай близъ станціи Таца̀.

р. Таца̀. На лѣвомъ берегу ея намъ пострѣчался древній памятникъ въ видѣ высокой поставленной сѣрой плиты, но безъ всякихъ изображеній. Таца̀ течетъ здѣсь двумя каменистыми рукавами, каждый изъ которыхъ былъ теперь шириною не болѣе 5 саженей, при глубинѣ, не превышающей 10 вершковъ; но самое русло рѣки никакъ не менѣе 30, или даже 35 саж. При большомъ паденіи и наклонѣ русла, Таца̀ бѣжитъ по нему, пѣнясь и разбивая свои воды о подводные камни. Въ административномъ отношеніи теченіе Тацы̀ является границею для земель хошӯновъ Са̀йнъ-нойна и Ламы̀инъ-гэгэ̀на: лѣвый берегъ принадлежитъ Са̀йнъ-нойну, а правый Ламы̀инъ-гэгэ̀ну. Въ нижнемъ теченіи Тацы̀ имѣются большія пашни, засѣваемыя хошӯнными людьми обоихъ показанныхъ владѣтелей. Р. Таца̀ на нашихъ ландкартахъ показывается впадающею въ оз. Цага̀нъ-нӯръ; но въ понятіяхъ монголовъ это не совсѣмъ вѣрно и, по словамъ ихъ, Таца̀, нѣсколько ниже пашень Ламы̀инъ-гэгэ̀на впадаетъ въ Тахѝнъ нуга̄йнъ го̄лъ, въ которомъ хотя и мало воды, но громадное русло, а потомъ уже о рѣкѣ Тахѝнъ нуга̄йнъ го̄лъ они говорятъ какъ о вливающейся въ оз. Цага̀нъ-нӯръ. Выбравшись на правый берегъ Тацы̀, дорога направляется по южному скату горъ Арца-ӯла. Здѣсь повстрѣчали мы древнее кладбище, въ составъ котораго входило 18 большихъ

могилъ, съ круглыми грудами камней по срединѣ и съ квадратными четыреугольными оградами изъ камней, расположенныхъ вокругъ каждой могилы въ два ряда. Кромѣ сего здѣсь было еще 6 малыхъ могилъ съ круглыми насыпями и круглыми же оградами въ одинъ рядъ камней. Отъ средняго кряжа Арцà-ӯлы дорога поворачиваетъ прямо къ западу и спускается въ ложбинку, по которой протекаетъ ручей Арцàйнъ-усӯ. Мы перебрались черезъ него и, засимъ, обогнувъ скалистый холмъ, Мáндалъ-тологòй, повоpотили снова на сѣверъ, въ падь Богочѝ. По этой пади дорога проходитъ какъ бы среди зеленаго луга и, поднявшись на пологій Богочѝ-хӯтӯль, снова спускается въ долину Хаирхàнъ-усӯ, отъ имени источника, вытекающаго со стоящей къ западу отъ дороги горы Хаирхàна. Здѣсь повстрѣчались намъ 11 юртъ шабинàровъ Ламы̀инъ-гэгэ̀на, скотъ которыхъ пасся какъ въ долинѣ Хаирхàнъ-усӯ, такъ и въ отдѣляющейся отъ оной по направленію къ СВ ложбинкѣ Нарѝнъ, поразительной по богатству травъ самаго нѣжно-зеленаго цвѣта и по мягкости очертаній. Ложбинка эта приводитъ къ урочищу Худӯкъ-уртӯ, на которомъ располагается и почтовая станція того же имени. Къ югу отсюда, верстахъ въ 30, по словамъ монголовъ, лежатъ развалины старинной китайской крѣпости, именуемой теперь Борò-хотò. Въ настоящую пору тамъ не осталось уже камня на камнѣ, можно узнать только, гдѣ были стѣны и гдѣ стояли зданія. Словамъ этимъ необходимо придать полную вѣру, особливо при сохранившихся свѣдѣніяхъ, что въ крѣпости этой китайскія войска проживали въ послѣдній разъ въ періодъ войнъ Давàци и Амурсаны̀, а съ другой стороны, принимая во вниманіе, что всѣ крѣпостныя постройки были глинобитныя и изъ сырцеваго кирпича. Въ періодъ существованія крѣпости здѣсь было, говорятъ, не только хлѣбопашество, но и разводились фруктовые сады (!?!). Мы прибыли на ст. Худӯкъ-уртӯ въ 12 ч. 10 м., хотя собственно въ движеніи было проведено нами не болѣе 2 ч. 20 м., остальное время ушло на фотографическія работы въ Хабцагàйскихъ утесахъ и въ разговорахъ о Борò-хотòнѣ.

Станція Худӯкъ-уртӯ находится на довольно широкой долинѣ, орошаемой небольшимъ ручьемъ Худӯкъ-уртӯ, составляющемся изъ множества мелкихъ ключей, стекающихъ съ вершинъ прилежащихъ горъ. Съ долины этой снова открывается превосходный видъ на снѣжную Богдò-ӯлу въ кочевьяхъ Мэргэ̀нъ-нойнъ хутухтӯ. Въ составъ станціи Худӯкъ-уртӯ входятъ 11 юртъ цэцэ̀нъ хāновскаго àймака и 3 юрты сàйнъ-нойновскаго; станціонные хабсургà всѣми семью юртами принадлежатъ хошӯну Сàйнъ-нойна.

Выѣхали въ 1 ч. дня. Дорога отъ станціи принимаетъ направленіе на западъ и вступаетъ въ равнину Шибэ̄, ограничиваемую на сѣверѣ

высокою и длинною горою Тахилга̀ обо̄, получившею такое имя потому, что она чествуется станціею Худу̀къ-уртӯ. У южной подошвы этой горы располагается шесть круглыхъ могилъ и одна громадная четыреугольная, огражденная по четыремъ сторонамъ рядомъ плитъ съ четырьмя высокими плитами по угламъ. Перевалъ черезъ горный кряжъ, тянущійся отъ Тахилга́ обо̄ къ западу, очень каменистый и изобилуетъ обнаженіями сѣраго гранита. Дорога спускается съ него въ лощину Манитӯ-хӯрӯнъ, получившую свое имя отъ стоящей въ южной сторонѣ лощины невысокой сопки Манитӯ. Проѣхавъ засимъ еще одну довольно широкую ложбину и поднявшись изъ нея на Эрдэни́-хӯтӯль, мы начали отсюда пересѣкать маленькія ложбинки Гушійнъ-цага̀нъ и Бӯлэ̀нъ-хошӯ, получающія свои имена отъ прилежащихъ къ нимъ съ сѣвера горъ. Съ южной стороны обѣ означенныя ложбинки на всемъ своемъ протяженіи ограничиваются горами Сэртэ̀нъ-ӯла, которыя тянутся и еще далѣе на сѣверъ, окаймляя съ юга и слѣдующую по дорогѣ лощину Хӯйсӯйнъ-хӯндэ̀й. Изъ этой послѣдней лощины дорога совершаетъ довольно крутой поворотъ къ сѣверу и пролегаетъ по доличѣ Дурсӯйнъ-тала̀ до горнаго кряжа, черезъ который переваливаютъ по Дурсӯйнъ дабаӣ и который тянется отъ высокой столообразной горы Дурсӯйнъ ӯла, кажущейся издали высокимъ квадратнымъ четыреугольникомъ. По спускѣ съ этого перевала мы вступили въ горную падь Сӯль-тологӧ́й, которая, протягиваясь къ сѣверу, постепенно расширяется, образуя у ограничивающихъ ее съ сѣвера горъ, Ха̄нъ обо̄, довольно обширную долину. Съ перевала черезъ эти послѣднія горы мы увидали долину рѣки Шаргальчжӯтъ, а у подножія сѣверной стороны этихъ горъ нашли расположенною станцію того же имени.

Станцію Шаргальчжӯтъ мы нашли въ полномъ безначаліи; не было ни цзангӣновъ, ни хӯндӯя, оставался только злосчастный бошкӧ̀, бѣгавшій изъ стороны въ сторону. Причиною такой смуты было то обстоятельство, что на станціи стоялъ поѣздъ чиновниковъ, сопровождавшихъ въ Пекинъ «цага̀нъ адӯ» илійскаго цзя̀нь-цзюня. Цзангӣны и хӯндӯй отправились въ ближайшіе а̀или, чтобы лично отобрать лучшихъ верблюдовъ подъ транспортировку поѣзда до слѣдующей станціи; бошкӧ̀ бѣгалъ, стараясь угодить китайцамъ. При моемъ пріѣздѣ онъ усиленно началъ хлопотать о приготовленіи для меня подводъ, можетъ быть, опасаясь, что я тоже останусь почевать и хлопотъ поэтому еще прибавится. Распросить что либо о состояніи станціи не было ни какой возможности. Я узналъ только, что здѣшніе хабсурга̀ тремя юртами принадлежатъ хошӯну Эрдэни́-ӯйцзанъ-гӯна, а четырьмя — хошӯну Балда̀нъ-цзасака̀; что же касается штатныхъ почтосодержателей, то мнѣ сказали, что всѣ 14 юртъ ихъ принадлежатъ хошӯну Цэцэ̀нъ-ха̄на, — но достовѣрно ли это, сказать положительно не рѣшаюсь.

Мы уѣхали со станціи въ 5 ч. 10 мин., а черезъ 5 минутъ были у берега Шаргальчжӯдыйнъ-гӧла. Русло послѣдняго имѣетъ здѣсь приблизительно саженей 40 ширины, но въ настоящую пору Шаргальчжӯтъ течетъ только двумя рукавами у самыхъ береговъ, причемъ ширина каждаго изъ нихъ не превышаетъ 6—7 саж. Долина праваго берега Шаргальчжӯта испещрена оврагами и сухими нынѣ руслами потоковъ, нѣсколько ровнѣе и глаже она дѣлается по мѣрѣ приближенія къ горамъ Бӯлэнъ, окаймляющимъ ее съ сѣвера. Черезъ эти горы мы проѣхали по глубокому ущелью и спустились изъ онаго въ долину ручья Бӯлэнъ, отъ котораго теперь осталось только сухое русло. Долина рѣчки Бӯлэна очень камениста и доставляетъ много безпокойства при колесной ѣздѣ; но еще непріятнѣе для меня было то, что проводники мои на дальнѣйшемъ протяженіи дороги оказались незнающими именъ мѣстности и потому мнѣ не было возможности отмѣтить здѣшнія урочища болѣе подробно. Въ общемъ дорога проходитъ здѣсь по шести каменистымъ долинамъ, ничемъ особливо не отличающимся отъ другихъ видѣнныхъ доселѣ долинъ. Всѣ онѣ отдѣляются одна отъ другой плоскими горами, состоящими изъ глинистаго и кремнистаго сланцевъ; названія болѣе выдающихся мѣстъ были уже потомъ узнаны и записаны мною на станціи Тӯй. Такъ третья долина отъ Бӯлэна, съ невысокимъ переваломъ, именуется Сэнчжӣ; за нею слѣдуетъ новая долина и перевалъ Хӧшӧту, называемые такъ отъ находящагося въ этой долинѣ четыреугольнаго хэрэксӯра, по обычаю, обставленнаго четырьмя плитами. Еще далѣе слѣдуетъ долина съ находящеюся на ней горою Байнъ цэӯрӯхэ, на которой воздвигнутъ субургàнъ; на южной сторонѣ этой горы находится, говорятъ, хӯрѣ Ламы̀инъ гэгэна. Перевалъ заканчивающій собою эту долину, именуется Бомботӯ; онъ представляетъ по своимъ боковинамъ массу скалистыхъ обпаженій, на половину вывѣтрившихся и потому являющихся въ самыхъ причудливыхъ формахъ На этомъ перевалѣ со мною случилось несчастіе: подъ дамнӯръ моей телѣги попала неученая лошадь; спускаясь съ горы, она помчала отъ непривычной тяжежести; дамнӯрчины бросили телѣгу, она упала, и я вылѣтѣлъ изъ нея при чемъ довольно сильно ушибъ голову. Слѣдующій за переваломъ Бомботӯ очень крутой, узкій и каменистый перевалъ Харà чулӯнай дабā замѣчателенъ какъ пограничная линія для кочевьевъ шабинàровъ Ламы̀инъ-гэгэна и податныхъ хошӯна Дàйцинъ-вàна; первые располагаются къ востоку отъ Харà чулӯнай дабā, а вторые къ западу. Перевалъ этотъ приводитъ въ долину р. Тӯй, на которой расположена и почтовая станція этого имени.

Почтосодержателями на станціи Тӯй являются монголы всѣхъ четырехъ àймаковъ; хабсургà же составляются изъ 2-хъ юртъ хошӯна Эрдэнӯйцзанъ-гӯна, 2-хъ юртъ—хошӯна сàйнъ-нойновскаго, 2-хъ юртъ—цэцэнъ-

ванóвскаго и 1-й юрты — дай-цинъ-ванóвскаго. Отъ станціи Тýй до Шаргальчжýта есть еще и другая, краткая дорога: она идетъ по горамъ и имѣетъ три большихъ перевала, именуемыхъ Гурбáнъ-угýлцза. По дорогѣ этой можно проѣзжать только верхомъ и ходить со вьюками. Я узналъ объ этомъ обстоятельствѣ только на станціи Тýй, ибо на ст. Шаргальчжýтъ, какъ извѣстно, станціоннымъ начальникамъ было не до разговоровъ со мною. Вышеупомянутая кратчайшая дорога между станціями была бы для меня еще интереснѣе потому, что съ нея можно было проѣхать на развалины такъ называемаго «Эбдэрхэ̀й хѝта». По словамъ монголовъ, это былъ старинный, монастырь Номýнъ-хáна. Нынѣ тамъ видно два отдѣла зданій. Первый, меньшій, представляетъ собою одну только большую кумирню, тибетской архитектуры, при которой якобы проживалъ самъ Номýнъ-хáнъ, а второй бóльшій, — являлся его монастыремъ, въ которомъ было нѣсколько дугáновъ. Никакихъ каменописныхъ памятниковъ въ Эбдэрхэ̀й хѝтѣ не имѣется. Оставленъ онъ Номýнъ-хáномъ лѣтъ болѣе 50 тому назадъ, когда по сосѣдству съ Номýнъ-хáномъ обосновалъ свою обитель болѣе могущественный Ламы̀инъ-гэгэ̀нъ. Послѣдній, говорятъ, прямо заявилъ Номýнъ-хáну, что двумъ хутухта̀мъ въ одномъ мѣстѣ жить не возможно тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ долженъ отправлять свое назначеніе. «Вы — владыка ученія (Номýнъ-хáнъ)», говорилъ Ламы̀инъ-гэгэ̀нъ, «должны проживать тамъ, гдѣ мало вѣрующихъ, чтобы сѣять между ними сѣмена вѣры и ученія; когда же ознакомятся они съ основами знанія, тогда ваше мѣсто долженъ заступать я, Ламы̀инъ-гэгэ̀нъ». Послѣ сего Номýнъ-хáнъ ушелъ къ Цзасактý-хáну.

Занявъ юрту хабсурга̀, принадлежащаго къ хошýну Да̀-цинъ-ва̀на, я узналъ отъ своего домохозяина, что кочевья Да̀-цинъ-ва̀на вообще очень не велики. Всего въ этомъ хошýнѣ числится теперь 70 латниковъ, всѣхъ же юртъ не свыше 200. Настоящій ва̀нъ, вступившій по смерти отца въ управленіе хошýномъ 11 лѣтъ тому назадъ, нынѣ боленъ. Въ Пекинъ пошло уже его прошеніе объ отставкѣ и о передачѣ хошýннаго управленія и званія цинъ-ва̀на младшему брату. Въ хошýнѣ этомъ имѣется два большихъ хѝта.

5-е Августа. Среда.

5 ч. +7°; 10 ч. +18°; 12 ч. +21°; 6 ч. +14°; 10 ч. +4½°

По утру, тупая боль въ затылкѣ и кровавыя ссадины на лбу сильно напоминали мнѣ о вчерашнемъ ушибѣ. Я думалъ, что успокою эту боль, полежавъ нѣсколько времени спокойно; но пролежалъ часъ совершенно безтолку, а время между тѣмъ уходило, и я рѣшилъ ѣхать. Мы двинулись со станціи въ 8 ч. 30 м. Дорога направляется теперь прямо на западъ и верстахъ въ двухъ отъ станціонныхъ юртъ переправляется черезъ р. Тýй.

Рѣка течетъ здѣсь широкимъ разливомъ и распадается на множество протоковъ: въ мѣстѣ нашей переправы мы переѣхали всего 15 рукавовъ. Паденіе рѣки довольно высокое и она образуетъ множество водопадовъ,

Видъ на долину Тӯйнъ гӧла съ холма Элэсӯтӯ хӯцзӯбчи.

мѣстами достигающихъ до 1 аршина высоты. Глубина рѣки въ мѣстѣ брода не выше $^{3}/_{4}$ аршина. Цвѣтъ воды синій. Русло крайне каменистое.

Отъ береговъ рѣки мы продолжали путь въ томъ же западномъ направленіи и, непосредственно по выѣздѣ изъ долины рѣки, вступили въ падь, образуемую горами Баӣнъ-ӱцзӯръ. Это было въ 9 ч. 55 м. утра и такое время можно, пожалуй, считать за время нашего выѣзда со станціи, потому что на берегу рѣки мы простояли 1 ч. 15 мин., занимаясь фотографическими работами. За горою Баӣнъ-ӱцзӯръ послѣдовало нѣкоторое уклоненіе дороги на ЮЗ и она переходитъ въ другую падь, именуемую Цзамы́йнъ хӯндӱй, Горы, окаймляющія эту падь, красныя, острокопечныя и состоятъ, кажется, изъ песчаника; но камней по дорогѣ здѣсь гораздо меньше, чему я былъ неизмѣримо радъ, такъ какъ всякій толчекъ отдавался теперь болью въ моей головѣ. Въ 10 ч. 50 м. поднявшись на пологую возвышенность, тянущуюся съ юга, отъ горы Худӱкъ ӯла, мы продолжали путь въ существѣ дѣла по той же пади, которая только носитъ здѣсь иное названіе — Булуктӯ. Отсюда ясно обозначился на горизонтѣ горный хребетъ Ӱбӱсӯтӯ нурӯ, у южнаго подножія котораго, по словамъ монголовъ, находится озеро Бӱридӱ нӯръ. Отсюда, повернувъ прямо на западъ, мы стали пересѣкать

лощины и увалы: Мэргэнэ̀й хӯтӯ̀ль, потомъ Нара́нъ и Обо̀ту хӯтӯ̀ль, спускъ съ котораго очень крутой на верху, дѣлается потомъ пологимъ, длиннымъ и каменистымъ. Онъ приводитъ въ лощину Чжибуртӯ́йнъ-хо̄лой, за которою слѣдуетъ подъемъ на Чжибуртӯ́-ӯла и новый спускъ по пади того же имени. Переваливъ за симъ два увала, Хара̀ чулӯ́гу и Бӯ́дӯнэ̀й хӯтӯ̀ль, мы съ вершины этого послѣдняго увидали долину рѣки Уртӯ́-хара̀. На ней располагается почтовая станція Уртӯ́-хара̀, къ которой подъѣхали мы въ 12 ч. 55 минутъ.

Станція Уртӯ́-хара̀ стоитъ въ лощинѣ, на склонѣ горы Асхамба̀; лощина эта орошается рѣчкою, или лучше сказать ручьемъ, Уртӯ́-хара̀, имѣющимъ весьма незначительное теченіе и въ той же долинѣ скрывающимся подъ землею. Станціонные почтосодержатели принадлежатъ здѣсь а̀ймакамъ Цэцэ̀нъ-ха̄на, Тӯшӗтӯ́ ха̄на и Са̀йнъ-ноѝна, хабсурга̀ же всѣ са̀йнъ-ноѝновцы и принадлежатъ ближайшимъ хошӯ́намъ Ма̀-цзасака̀, Дала̀й-гу̀на и Да̄цинъ-ва̀на. У всѣхъ этихъ почтосодержателей въ минуты нашего пріѣзда былъ совершенный праздникъ: всѣ они имѣли у себя радостныя лица, каждый похлопывалъ себя по ляжкамъ, ребята скакали на одной ножкѣ и разгорѣвшіяся личики ихъ свидѣтельствовали о чемъ-то необычайномъ. Причина этого волненія стала понятна для меня очень скоро. Все дѣло объяснялось небольшою группою рогатаго скота и овецъ, понуро стоявшихъ теперь посреди хото̀на. Въ минувшую зиму у трехъ здѣшнихъ почтосодержателей погибло до 40 коровъ и быковъ, а у четвертаго около 150 барановъ, такъ что у первыхъ едва осталось по одной коровѣ, а у по̄слѣдняго только 21 овца, и юрты эти съ прошлаго декабря пришли можно сказать въ полнѣйшее разстройство. Однохотонцамъ тяжело было смотрѣть на своихъ сосѣдей, бѣдствовавшихъ безъ рогатой скотины, а еще досаднѣе было, конечно, отбывать за нихъ повинность, не въ очередь доставляя проѣзжающимъ молоко, масло, сыръ и другіе молочные продукты; нечего и говорить, что еще тяжелѣе было для нихъ разставаться съ лишнимъ бараномъ. Чтобы привести дѣла этой станціи въ порядокъ, завѣдывавшій ею та̀йчжи черезъ посредство улясута̀йскаго цзя̀нь-цзюня обратился къ сеймовому управленію тӯшӗтӯ́ ха̄повскаго а̀ймака, чтобы оно помогло своимъ айма̀чнымъ въ исправномъ отбываніи почтовой службы; почему сеймъ предписалъ хошӯ́намъ, къ которымъ принадлежали эти пострадавшіе почтосодержатели, оказать имъ вспомоществованіе высылкою потребнаго количества скота. За какіе нибудь полчаса до нашего пріѣзда, животныя эти были пригнаны: потерявшіе рогатый скотъ получили по шести коровъ, а одинъ сверхъ того еще двухъ быковъ; лишившійся барановъ получилъ для себя 40 овецъ. Для кочевника скотовода, конечно, высшаго счастія и быть не

можетъ. Теперь вся станція, не исключая и ребятишекъ, ходила вокругъ этихъ животныхъ, щупая и осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, изучая мельчайшія подробности ихъ внѣшняго вида, чтобы потомъ не произошло никакихъ ошибокъ.

Мы оставили станцію Уртӯ-харà въ 2 ч. 45 м. и двинулись въ направленіи на СЗ, къ невысокому подъему Цагàнъ-хӯтӯль. Спускъ съ него приводитъ въ небольшую лощину, отъ которой дорога слѣдуетъ по отлогой боковинѣ горы Цзамы̀йнъ-хадà; мы прибыли къ этой горѣ въ 3 ч. 30 мин. и отсюда я началъ усиленно слѣдить время, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ смѣняется цѣлыхъ три хошӯна. Поднимаясь по боковинѣ Цзамы̀йнъ-хадà, мы взобрались на эту гору въ 3 ч. 40 мин. Вершина ея служитъ западною границею хошӯна Дā-цинъ-вàна и къ востоку отсюда начинается хошӯнъ Мà-цзасакà. Спустившись съ перевала Цзамы̀йнъ-хадà въ лощину, носящую имя послѣдующаго увала Тангàтъ-хӯтӯль, мы вступили въ падь Бомботӯйнъ-хӯндэ̀й и достигли средины ея въ 3 ч. 55 м.; здѣсь земли Мà-цзасакà уже оканчиваются и начинается хошӯнъ Далàй-гӯна. Такимъ образомъ въ одну четверть часа мы пересѣкли земли цѣлаго хошӯна. Надлежитъ замѣтить однако, что хошӯнъ Мà-цзасакà идетъ такою узкою полосою только на сѣверѣ, на югѣ же границы его расходятся и, по мѣрѣ приближенія къ гōби, онъ дѣлается все шире и шире. Сопровождавшіе меня монголы много говорили мнѣ о Мà-цзасакѣ по этому случаю, но разказы ихъ будутъ представлены мною въ другомъ мѣстѣ. По дорогѣ насъ окружала здѣсь богатѣйшая растительность: высокія, будто поемныя травы, изобиліе цвѣтовъ, даже грибы, все это, давно не виданное нашими глазами, предстало здѣсь на простанствѣ какого-нибудь десятка верстъ. Какъ общую особенность этой мѣстности нельзя еще не отмѣтить то, что всѣ лощинки и ложбинки имѣютъ здѣсь наклонъ на ЮЗ. Съ слѣдующаго перевала, у котораго считается половина дороги между станціями и который потому называется Гацзарбы̀йнъ-дундӯ-хӯтӯл'емъ, намъ показалось влѣво отъ дороги озеро Ологòй-нӯръ. Оно видно также изъ двухъ слѣдующихъ лощинъ и перевала Хӯтӯлы̀йнъ-бӯцà, а равно съ долины и перевала Халтàръ-дабā, имѣющаго очень крутой спускъ. Переваливъ за симъ Богочы̀йнъ-дабā, мы прибыли на станцію Ологòй въ 5 ч. 10 м. Дорога на всемъ протяженіи этого станка была прекраснѣйшая: самая мелкая галька, встрѣчающаяся по пути, не препятствуетъ здѣсь росту травъ и только норы сурковъ являются опасными для ѣзды. Головная боль не дозволила мнѣ проѣхать сегодня обычныхъ трехъ станцій и я остановился ночевать на Ологòѣ.

Станція Ологòй располагается на обширной и чрезвычайно живописной долинѣ, густо поросшей травою, обильной растеніемъ и ограничиваемой

горами: на сѣверѣ — Харагана̀, на востокѣ — Чжиргалантӯ, на югѣ — Богочѝ и на западѣ — Элэсӯтӯ-толого̀й. На нашихъ ландкартахъ въ разсматриваемыхъ мѣстахъ оказывается вообще довольно много недостатковъ, необходимо требующихъ работъ топографа, ибо, конечно, только произведя точную съемку, мы будемъ въ состояніи представить себѣ положеніе этихъ мѣстъ съ надлежащею полнотою, опредѣленностью и ясностью. Для меня лично, по разказамъ монголовъ, теченіе здѣшнихъ рѣкъ и рѣчекъ представилось въ такомъ видѣ. Нѣсколько восточнѣе хребта Ӱхӯкъ (= Ӱкэ̀къ) и на одной параллели съ нимъ находятся горы Чжиргалантӯ. Съ южной стороны этихъ горъ, получая свое начало̀ изъ ключей, текутъ двѣ рѣчки: восточная называется Чжиргалантӯ, а западная — Тэ̄лійнъ-голъ. Обѣ эти рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ собою рѣку Ологӧ̀й, которая, имѣя въ своемъ теченіи ЮЗ направленіе и принимая въ себя нѣсколько незначительныхъ притоковъ, сливается съ рѣкою Ӱхӯкъ и далѣе дѣлается извѣстною уже подъ именемъ этой рѣки, до новаго соединенія съ рѣкою Цага̄нъ-тӯрӯ̄нъ (а не «тэмӯръ», какъ значится у насъ на картахъ). Эта послѣдняя рѣка впадаетъ уже съ лѣвой стороны въ Байдарѝкъ.

Разказывая о теченіи здѣшнихъ рѣкъ, монголы сообщили мнѣ и о нахожденіи здѣсь во многихъ мѣстахъ золотыхъ розсыпей. Большинство ихъ встрѣчается въ горныхъ падяхъ и особливо много ихъ къ юго-востоку отъ Ологӧ̀йской станціи, въ хошӯнѣ Ма-гӯна. Сколько именно урочищъ, заключающихъ въ себѣ такія розсыпи, разказчики не могли мнѣ сказать, говорили только, что такихъ мѣстъ здѣсь очень много. Монголы занимаются иногда добываніемъ золота, но дѣлаютъ это тайкомъ и съ большою опасностью, такъ какъ китайское правительство воспрещаетъ эту разработку подъ страхомъ смертной казни. Мнѣ представляется однако, что содержаніе этихъ розсыпей должно быть все-таки очень порядочное, такъ какъ тутъ-же говорилось, что Ма̄-цзасà̀къ однажды въ три дня получилъ золота на 250 ланъ серебра, а извѣстно, что монголы работаютъ безъ всякихъ приспособленій.

Станція Ологӧ̀й получила свое названіе отъ прилежащаго къ ней съ юго-запада длиннаго и продолговатаго озера. Вода въ этомъ озерѣ горько соленая и непригодная для человѣка, ее пьютъ только животныя. На озерѣ много всякой дичи. Со станціи озеро это не видно, такъ какъ оно скрывается за горами Элэсӯтӯ. Какъ озеро оно не представляетъ собою, конечно, ничего особеннаго; но оно должно быть важно для халхасовъ по совершившимся на немъ событіямъ. Дѣло въ томъ, что въ эпоху войнъ Галда̀на, и именно въ 1688 году, здѣсь рѣшена была участь Халхи: отстаи-

вая свою независимость, халхаскіе Тӯшѣтӯ хāнъ и Сàйнъ-ноѝнъ дали осенью этого года сраженіе Галдàну при озерѣ Ологòѣ, бились три дня и, будучи разбиты, бѣжали отсюда на югъ и поддались Китаю. Современные халхасы еле помнятъ объ этомъ обстоятельствѣ: въ первый разъ я спросилъ о немъ у находившихся при мнѣ чиновныхъ и грамотныхъ монголовъ, изъ коихъ одинъ былъ тàйчжіемъ 4-й ст., а другой адъютантомъ (хя̄ со стекляннымъ шарикомъ) у покойнаго Тӯшѣтӯ хāновскаго цѝнъ-вàна и оба они оказались совершенными невѣждами, хотя жили на Ологòѣ уже лѣтъ по 12-ти; только потомъ ко мнѣ явился одинъ старый цзангѝнъ (прежде управлявшій Ологòйскою станціею, а нынѣ, по преклонности лѣтъ, вышедшій въ отставку и состоящій просто въ разрядѣ почтосодержателей), который разказалъ мнѣ, что слышалъ о происходившихъ здѣсь когда-то сраженіяхъ. Войска чжунгàровъ стояли на южной сторонѣ озера, а войска халхасовъ на сѣверной; донынѣ, говорилъ цзангѝнъ, сохранились даже слѣды расположенія этихъ войскъ. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на это мѣсто, но каковое же было мое удивленіе, когда цзангѝнъ указалъ мнѣ на круглые, безплодные солончаки и началъ пресеріозно увѣрять, что на этихъ мѣстахъ не растетъ трава именно потому, что она вытоптана бранными и боевыми конями.

Отъ событій историческихъ разговоръ нашъ снова перешелъ на современность. Халхасы твердо убѣждены, что русскіе должны прійти въ эти мѣста и овладѣть ими, равно какъ и всѣми халхасами. Но, выслушивая эти разказы, я гораздо больше порадовался другому, мирному и, повидимому, уже совершившемуся здѣсь нашему завоеванію. Тѣ же монголы разказывали далѣе, что вотъ уже пять лѣтъ, какъ и въ Ологòй, и на слѣдующую станцію Ӯта началъ ежегодно пріѣзжать изъ Улāсутàя русскій купецъ Игнатьевъ, для производства торговли. Караванъ его привозитъ съ собою всѣ основные предметы необходимости монгольской жизни и станціонные настолько привыкли теперь къ этой торговлѣ, что ожидаютъ пріѣзда Игнатьева, откладывая до него удовлетвореніе своихъ потребностей. Это было ясно видно изъ разговоровъ какъ ологòевцевъ, такъ и находившихся здѣсь двухъ монголовъ со станціи Ӯта. Нѣкоторое недовольство монголовъ проглядывало какъ будто въ томъ, что Игнатьевъ торгуетъ здѣсь почти исключительно на чай и серебро, принимая лишь самое незначительное число барановъ; но за всѣмъ тѣмъ кочевники, очевидно, довольны этимъ русскимъ торговцемъ и русскіе товары идутъ здѣсь ходко. Благодаря сказанному, въ настоящемъ году до Ологòя добрался и другой русскій торговецъ въ Улāсутàѣ, Мезенцевъ; по отзывамъ монголовъ, торговля у него шла слабѣе, хотя, кажется, исключительно потому, что чело-

вѣкъ онъ новый, для монгола же привычка является священнымъ условіемъ во всякомъ дѣлѣ.

6-е Августа. Четвергъ. Преображеніе.

5 ч. +3°; 9 ч. +14°; 12 ч. +15°; 6 ч. +11½°; 9 ч. +4°.

На Руси праздникъ, который съ малолѣтства привыкъ я встрѣчать молитвою. Вспомнилъ службу отца; вспомнилась другая, не менѣе успокоивавшая мою душу служба въ синодальной церкви о. А. И-ча; по ассоціаціи представленій, мысль перелетѣла къ уважаемому моему сотоварищу И. В. П—скому; за симъ припомнился и другой любезный сердцу товарищъ Н. И. В—скій. Послѣднему я, уѣзжая, обѣщалъ писать, но мыслимо ли исполнить здѣсь это? По истинѣ, некогда приготовить даже оффиціальныхъ писемъ въ министерство и посланнику: писать и сообщать имъ свѣдѣнія — значитъ утратить два, три часа и отнять это время отъ разговоровъ съ монголами, отъ пріобрѣтенія новыхъ знаній, отъ записей неизвѣстнаго, которыя рано или поздно все же придутъ на Русь: было бы только чему прійти?!

Мы оставили станцію Ологòй въ 7 ч. 5 м. Дорога направляется отсюда прямо на ЗЮЗ, по равнинѣ, на которой расположена станція. Почти у самыхъ станціонныхъ юртъ мы переѣхали въ бродъ рѣчку Ологòй, имѣющую въ этомъ мѣстѣ отъ 5 до 6 саженей ширины и не болѣе полуаршина глубины. По выѣздѣ на правый берегъ Ологòя дорога направляется на западъ и слѣдуетъ прямо вдоль хребта Хабиргà. Долина дѣлается здѣсь гуджѝрною, и отъ недавно падавшихъ дождей на ней образовалось множество лужъ. Нѣсколько далѣе къ западу, она превращается въ каменистую и чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ каменистѣе. Черезъ полчаса ѣзды мы достигли горъ Холбō; это двѣ горы, стоящія посреди долины и по странной случайности удивительно похожія одна на другую. Почти у самыхъ этихъ горъ течетъ значительная рѣчка, имѣющая не менѣе 15 саж. ширины и до 12 вершковъ глубины. Имя этой рѣки называли мнѣ различно и обусловливается сіе нижеслѣдующимъ обстоятельствомъ. Означенная рѣка составляется собственно изъ пяти мелкихъ рѣчекъ, стекающихъ съ ближайшихъ сѣверныхъ горъ. Имена этихъ рѣчекъ суть: Аршāнту, Агѝту, Ӧлӧтӯ, Цзолӧту и Хуримтӯ. По соединеніи, онѣ образуютъ одну рѣку, которой каждый изъ монголовъ усвояетъ названіе того источника ея, на которомъ онъ живетъ, или который ему болѣе извѣстенъ; впрочемъ, нельзя не сказать, что наиболѣе распространеннымъ для этой рѣки является названіе Хуримтӯ. Нѣсколько ниже, Хуримтӯ соединяется съ Ологòемъ, хотя съ дороги и невозможно видѣть пункта этого соединенія. Переправляясь черезъ три протоки р. Хуримтӯ, мы довольно отчетливо могли разсмотрѣть

расположенные вверхъ по рѣкѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ дороги, ставку и монастырь Далàй гӯна, а выбравшись на берегъ, проѣхали по южной сторонѣ горъ Холбо̄ и за симъ начали подниматься на пологій, но каменистый перевалъ Шанданàй хӯтӯль. У подножія этого перевала мы повстрѣчали имѣющую не менѣе версты въ окружности котловину, нынѣ наполненную дождевою водою. Невообразимая масса лебедей, гусей и утокъ собралась теперь въ этой лужѣ и европейцу она представилась бы скорѣе искусственнымъ птичникомъ, чѣмъ естественнымъ воднымъ резервуаромъ. Съ перевала Шанданàй мы спустились къ горному хребту Орултӯ; но, оставивъ эти горы влѣво, дорога поворачиваетъ прямо на сѣверъ, къ перевалу Ӯндӯръ-богочìйнъ-хӯтӯль. Спускъ съ него приводитъ въ долину Ӯта, которая въ параллели дороги пересѣкается невысокимъ увáломъ, совершенно имѣющимъ форму монгольскаго сѣдла и называемымъ «Эмэ̄ль толого̄йемъ». Отсюда вплоть до р. Ӯта долина дѣлается песчаною. Рѣка Ӯта, течетъ здѣсь тремя протоками, и самый большой изъ нихъ имѣетъ не менѣе 30—40 саж. ширины, глубина же рѣки вообще не превосходитъ 10 верш. На правомъ берегу рѣки мы нашли расположенною почтовую станцію Ӯта и подъѣхали къ ней въ 9 ч. 40 м. утра.

Почтосодержатели станціи Ӯта принадлежатъ àймакамъ цэцэ̀нъ-ха̄новскому, тӯшѣтӯ-ха̄новскому и сàйнъ-но̀йновскому, а хабсургà всѣ безъ исключенія суть податные хошӯна Далàй гӯна. По словамъ этихъ людей, р. Ӯта, черезъ которую мы теперь только что переѣхали, получила свое настоящее имя въ разсматриваемомъ пространствѣ исключительно съ офиціальнаго языка китайцевъ, начавшихъ называть такъ эту рѣку по имени находящагося на ней почтоваго станка, мѣстоположеніе коего опредѣлено уложеніями въ настоящей долинѣ, именуемой Ӯтӯ (широкая). По этой долинѣ Ӯтӯ протекаютъ двѣ рѣки, изъ коихъ одна, находящаяся въ восточной сторонѣ долины, черезъ которую мы переправились, собственно у монголовъ называется Цагàнъ-тӯрӯ̄тӯ, тогда какъ рѣка, находящаяся въ западной сторонѣ, носитъ названіе Байнъ-нӯрыйнъ-го̄лъ. Въ просторѣчіи эти рѣки называются еще иногда первая ӯрдӯ-го̄лъ (южная рѣка), а вторая — хо́йту-го̄лъ (сѣверная рѣка). Обѣ эти рѣки сливаютъ вмѣстѣ свои воды по выходѣ изъ долины въ располагающееся къ югу отсюда ущелье Ӯтӯ; въ томъ мѣстѣ и монголы зовутъ дѣйствительно эту рѣку Ӯтайнъ-го̄л'омъ.

Выѣхали со станціи Ӯта въ 11 ч. 10 м. и не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ станціонныхъ юртъ переправились черезъ Байнъ-нӯрыйнъ-го̄лъ, съ долины котораго дорога поднимается на Абдарантӯйнъ-тӧро̄чи-хӯтӯль. Спускъ съ этого невысокаго увала приводитъ въ лощину Хӧхӧ̄-сàйръ-нурӯ,

заимствовавшую свое имя отъ прилежащаго горнаго кряжа, но дорога не подходитъ прямо къ этимъ горамъ, а на нѣкоторомъ разстояніи послѣдуетъ за ними въ направленіи къ западу. Миновавъ эту лощину, мы начали пересѣкать долины и перевалы. Первымъ изъ таковыхъ представился намъ чрезвычайно каменистый Ӯндӯръ-хӯтӯль, у подножія котораго мы встрѣтили табунъ лошадей, головъ приблизительно въ 150, принадлежащій одному изъ почтосодержателей станціи Ӯта. Далѣе, въ 12 ч. 15 м. мы перевали черезъ Хуцà-тологòй; въ 12 ч. 40 м. черезъ Шуды́йнъ-дабā; въ 1 ч. 10 м. поднялись на пологій и длинный перевалъ Нарѝнъ-хамàръ; въ 1 ч. 25 м. достигли еще болѣе пологаго и не менѣе длиннаго перевала Йэхэ̀-дабā; въ 1 ч. 52 м. перевалили черезъ Хӧтӧ́йнъ-хӯтӯль. Горы, окружающія долины, на всемъ означенномъ разстояніи не высоки, съ мягкими очертаніями и покрыты мелкою растительностію; почва долинъ, по которымъ пролегаетъ дорога, представляетъ мельчайшій щебень и густо поросла кипцомъ, аржанцемъ и др. хангайскими травами. Мѣстами попадаются солончаки, но вообще число ихъ здѣсь весьма незначительно. Отъ вершины Хӧтӧ́йнъ-хӯтӯля начинается длиннѣйшій спускъ къ долинѣ Байдарѝка, по которому мы двигались 1 ч. 40 м. и слѣдовательно онъ тянется приблизительно верстъ на 20. Въ этой лощинѣ повстрѣчались намъ многочисленнѣйшія стада овецъ китайскихъ банкировъ фирмы Да-шэнъ-куй, которыя гнали они для продажи черезъ Хӯхӯ-хотò въ застѣнный Китай. Всего здѣсь было 20 отдѣльныхъ стадъ, по 1000 головъ въ каждомъ, какъ говорили намъ вообще пастухи; но если предположить, что въ нѣкоторыхъ гуртахъ было и менѣе 1000 головъ, то въ общемъ все же здѣсь было не менѣе 15—18 тысячъ барановъ. Гурты эти буквально заполонили собою всю падь. Пастухи ихъ, шаньсійцы, въ широчайшихъ соломенныхъ шляпахъ, синихъ, дàбувыхъ, на ватѣ стеганыхъ курткахъ, такихъ же стеганыхъ шальварахъ и въ длинныхъ плащахъ, съ высокими палками въ рукахъ, казались мнѣ какими-то ветхозавѣтными, библейскими пастырями. Спустившись къ р. Байдарѝку, мы переправились черезъ эту рѣку въ бродъ. Она течетъ здѣсь 11-ю небольшими рукавами, глубина коихъ ни разу не превысила 12 вершковъ. Паденіе ея нѣсколько менѣе, чѣмъ у р. Тӯй; но все же въ каменистомъ руслѣ ея есть водопады, достигающіе высоты 10 вершковъ. Рѣка Байдарѝкъ служитъ границею для кочевьевъ шабинàровъ Номӯнъ-хāна на лѣвой сторонѣ, а правымъ берегомъ ея начинаются земли хошӯна Дэ̀дъ-да-вàна, иначе называемаго Эрдэнѝ-вàномъ. Почти у самаго берега рѣки стоятъ юрты почтовой станціи, къ которымъ подъѣхали мы въ 3 ч. 40 м., находясь такимъ образомъ въ пути $4^1/_2$ часа. Разстояніе отъ ст. Ӯта до Байдарѝка нужно предположить такимъ образомъ никакъ не меньше 45 верстъ

и во всякомъ случаѣ эта станція является самою длиннѣйшею на всемъ пути между Ургою и Улясутàемъ.

Почтосодержателями ст. Байдарѝкъ являются монголы цэцэ̀нъ-хāновскаго и тўшѣтў̀-хановскаго àймаковъ, а хабсургà принадлежатъ хошўнамъ Дэ̀дъ-да-вàна и Чжонòнъ-гўна. Въ бесѣдахъ съ этими людьми мнѣ удалось узнать, что въ нижнемъ теченіи Байдарѝка находятся довольно значительныя земли, занятыя хлѣбными пашнями. Мѣста эти составляютъ частію нейтральную землю между хошўнами Дэ̀дъ-да-вàна, Далàй-гўна и Мà-цзасакà, а частію принадлежатъ кочевьямъ трехъ означенныхъ хошўновъ; вообще же на Байдарѝкѣ находятся пашни пяти нижеслѣдующихъ цзасакòвъ: 1) Дэ̀дъ-да-вàна, который засѣваетъ поля по правому берегу Байдарѝка. Пашни его не велики, такъ-какъ правый берегъ этой рѣки окаймленъ горами, и только узкія полосы земли удобны здѣсь для посѣва; всего Дэ̀дъ-да-вàномъ высѣвается не свыше 50 кулей; 2) Далàй-гўна, имѣющаго свои пахатныя земли на лѣвомъ берегу; посѣвы его самые значительные и ежегодный высѣвъ его не менѣе 250 кулей; 3) пашни Мà-цзасакà располагаются также по лѣвому берегу. Онѣ весьма незначительны и ни въ какомъ случаѣ не превосходятъ дэ̀дъ-да-вàновскихъ; почтосодержатели не могли сказать мнѣ далѣе, сѣялъ ли въ настоящемъ году Мà-цзасàкъ и вообще на своихъ поляхъ, такъ какъ непорядки въ его хошўнѣ могли попрепятствовать этому занятію. Помимо означенныхъ землевладѣльцевъ въ нижнемъ теченіи Байдарѝка, тамъ находятся еще пашни 4) Цэцэ̀нъ-вàна, хошўнъ котораго располагается хотя и вдали отъ Байдарѝка, однако ванъ искони вѣковъ арендуетъ здѣсь земли у Далàй-гўна и высѣваетъ на оныхъ до 50 кулей; наконецъ 5) на тѣхъ же основаніяхъ находятся здѣсь и пашни Дà-цинъ-вàна. Всѣ эти пашни орошаются посредствомъ поливки изъ проведенныхъ отъ Байдарѝка канавъ. Къ обработкѣ пашень каждый хошўнъ высылаетъ своихъ людей, которые отбываютъ эту работу какъ казенную натуральную повинность. Урожай пашень исчисляется обыкновенно въ самъ-десятъ.

Станція Байдарѝкъ, какъ можно думать, по словамъ монголовъ, составляетъ одно изъ такихъ урочищъ, въ которомъ имѣетъ болѣе продолжительную стоянку приказчикъ русскаго улясутàйскаго торговца, Игнатьева; по крайней мѣрѣ бесѣдовавшіе со мною почтосодержатели сообщали, что приказчикъ этотъ жилъ на станціи цѣлый мѣсяцъ. Торговля ведется здѣсь главнымъ образомъ на барановъ и пушнину, причемъ бараны и, изъ пушныхъ товаровъ, лисица и хорекъ принимаются прямо на лицо, а подъ шкуры сурка русскій торговецъ задаетъ товаръ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы потомъ получить эти шкуры въ Августѣ мѣсяцѣ и никакъ не позже начала Сентября.

Со станціи Байдарѝкъ мы двинулись въ направленіи къ СЗ, сначала по кочковатой и поросшей дэрэсу̀номъ долинѣ Байдарѝка, а потомъ поднялись изъ нея на невысокій увалъ, извѣстный подъ именемъ Адарантýйнъ-хўтўл'я. За нимъ послѣдовалъ болѣе высокій взволокъ Цагàнъ-дӧрӧчи, съ вершины коего начался спускъ въ долину р. Дзàка, а потомъ заблистали волны и самóй этой рѣки. Отъ вершины Цагàнъ-дӧрӧчи до береговъ рѣки не болѣе 8 или 9 верстъ. Весь этотъ путь совершается по ровной, слегка наклонной къ рѣкѣ поверхности, пересѣкаемой только однимъ уваломъ, черезъ который переѣзжаютъ по Багà-хэсэгійнъ-хўтўлю. Увалъ этотъ имѣетъ общій наклонъ къ югу и протягивается отъ горъ Дзáгійнъ-харà, окаймляющихъ долину Дзàка съ правой стороны дороги.

Станція Дзàкъ располагается на широкой равнинѣ почти у самаго берега рѣки. Равнина эта окружена съ юга горами Сэбэктý, съ запада — тянущимся по правую сторону рѣки горнымъ хребтомъ, не имѣющимъ общаго имени, хотя отдѣльныя вершины его носятъ названія Тэнгрìинъ-мухýръ, Улāнъ-тологòй и Цагàнъ-обóту — возвышенности, чествуемой станціею. Вдали на сѣверо-западъ видны горы Шарà-усутý, неподалеку отъ которыхъ располагается слѣдующая станція Хобýлъ. Въ числѣ почтосодержателей станціи Дзàкъ числятся 2 юрты тўшѣтў-хāновскаго àймака, 6 юртъ цэцэнъ-хāновскаго и 6 юртъ мѣстнаго хошўна; хамчжилгà всѣ принадлежатъ послѣднему хошўну. Изъ русскихъ постояннымъ торговцемъ на станціи Дзàкъ является Мезенцевъ, не имѣющій своей лавки въ Улāсутàѣ, но содержащій тамъ свой складъ. Говорятъ, что станція Дзàкъ представляетъ собою весьма выгодный торговый пунктъ, потому что здѣсь проживаетъ тàйчжи, завѣдующій пятью станціями, но дѣйствительно ли это такъ, можно сказать только поговоривъ съ купцами. Предметы вымѣна здѣсь на русскіе товары тѣ же, т. е. преимущественно сурокъ, а засимъ попадается лисица и хорекъ. Приказчикъ Мезенцева прожилъ на Дзàкѣ съ половины Мая, до второй половины Іюня.

7-е Августа. Пятница.

5 ч. +6°; 9 ч. +12°; 12 ч. +15°; 3 ч. +14°; 9 ч. +2°.

Выѣхали въ 7 ч. 45 м. утра и почти у самой станціи переправились черезъ рѣку Дзàкъ. Она течетъ здѣсь четырьмя протоками, изъ которыхъ главный имѣетъ до 6 саж. ширины и до 8 вершковъ глубины, а остальные не превышаютъ въ ширину 3-хъ,—4-хъ саженей. Отъ рѣки наша дорога протягивается по длиннѣйшей пади, ограничиваемой съ востока горами Цагàнъ-чулўту, а съ запада хребтомъ Цагàнъ-нурў, въ которомъ возвышается изъ среды другихъ и видима на далекое разстояніе сопка Харà-тологòй. Дорога вьется у подножія горъ Цагàнъ-чулўту. Въ 8 ч. 25 м.

мы достигли небольшой пади, соединяющейся съ падью рѣки Дзàка съ восточной стороны. Падь эта называется Хабангы̀йнъ-ясȳ и хотя разсѣкаетъ собою горы Цагàнъ-чулȳту на двѣ части, но не измѣняетъ ихъ названія. Въ 8 ч. 40 м. съ той же восточной стороны въ падь рѣки Дзàка выходитъ новая падь, именуемая Улàнъ-чжилгà, отъ которой горы Цагàнъ-чулȳту получаютъ новое названіе Бȳсȳнъ-ȳла. Горы эти имѣютъ уже болѣе западное направленіе и постепенно приближаются къ хребту Цагàнъ-нурȳ, впрочемъ, они не сходятся съ нимъ совершенно, будучи пересѣкаемы хребтомъ Шарà-усунàй-ȳла, который имѣетъ протяженіе съ сѣвера на югъ и замыкаетъ собою долину Дзàка. Черезъ этотъ послѣдній хребетъ мы перебрались по перевалу Чжиргалантȳйнъ-даба̄. Спускъ съ него приводитъ въ долину рѣчки Шарà-усȳ, при которой стоитъ станція Хобòлъ.

Станція Хобòлъ располагается на равнинѣ, покатой къ ЮВ и окруженной на ЮВ горами Шарà-усунàй-ȳла; на востокѣ — горнымъ кряжемъ Цагàнъ-чȳлȳ, изъ средины котораго возвышается гора Булугы̀йнъ-орòй и на сѣверѣ — горами Бомботȳ, черезъ которыя проходитъ сумȳнная почтовая дорога изъ Улясутàя въ Ургȳ, содержимая на счетъ а́ймака Тȳшэ̄тȳ-ха̄на.

Здѣшніе почтосодержатели встрѣтили меня какъ-то особенно радушно. Пока я пилъ чай, они сообщили мнѣ, что рѣка ихъ принадлежитъ уже системѣ Цзабхàна. Точнѣе, что Шарà-усȳ, принимая въ себя, невдалекѣ отъ станціи, рѣку Харà-усȳ, сливается потомъ съ Буянтȳ-го̄ломъ, а Буянтȳго̄лъ впадаетъ уже въ Цзабхàнъ. Далѣе они разказали мнѣ, что въ политическомъ отношеніи мѣстность станціи Хобòлъ важна въ томъ отношеніи, что составляетъ собою границу хошȳновъ: къ востоку Дэ̀дъ-да-вàна, а къ западу — Чжонòнъ-гȳна, который еще въ недавнее время, при старомъ князѣ, былъ извѣстенъ подъ именемъ цэцэ̀нъ-гȳновскаго. Повѣствуя о своемъ житьѣ-бытьѣ, они между прочимъ высказывали явное недовольство улясутàйскими китайскими торговцами и сообщили, что, несмотря на близость Улясутàя, они почти не ѣздятъ туда за товарами, такъ какъ тамошніе китайцы требуютъ за товаръ главнымъ образомъ деньги и черезчуръ низко цѣнятъ произведенія Монголіи. По этой-то причинѣ содержатели станціи Хобòлъ, при необходимости покупать чай, или буду, ѣздятъ въ Шинь-чжоу и Гань-чжоу, находящіеся къ западу отъ Алашàни и отстоящіе отъ Хобòла на 20 дней ходьбы вьючными верблюдами: на югѣ легко и по довольно высокимъ цѣнамъ принимается все, и шерсть, и мерлушка, и кожа рѣшительно всякаго животнаго. То же обстоятельство сближаетъ хобòл'цевъ и съ русскими купцами, которые если и не даютъ высокихъ цѣнъ на мѣстныя произведенія, за то сами пріѣзжаютъ на станцію и проживаютъ здѣсь довольно долгое время, такъ что успѣваютъ удовлетворить

не только всѣхъ станціонныхъ, но и окрестныхъ жителей. Изъ русскихъ здѣсь болѣе другихъ извѣстенъ купецъ Потаповъ.

Мы оставили станцію Хобдлъ въ 12 ч. 15 м. и направились на юго-западъ, по долинѣ рѣки Шара-усу̀, чтобы обогнуть горы, тянущіяся по ея правому берегу. Въ 12 ч. 40 м. дорога приближается къ мѣсту, гдѣ долина рѣки сильно стѣсняется горами: на лѣвой сторонѣ почти къ самому берегу подходятъ горы Цэнгэчжіинъ-улāнъ-ӱцзӯръ, а на правой сторонѣ такъ же близко подходятъ горы Байнъ-хошӯ. Стѣсненная этими горами, рѣка дѣлаетъ поворотъ прямо на западъ, а вмѣстѣ съ нею, обогнувъ мысъ Байнъ-хошӯ, направляется и дорога. Отсюда открывается долина, постепенно понижающаяся къ западу и называемая Тэмэ-хӱцзӯ, отъ имени двухъ, стоящихъ посреди ея горъ: Тэмэ-хӱцзӯ и Йэхэ-тэмэ-хӱцзӯ. Противъ первой изъ этихъ горъ мы впервые повстрѣчали стоящимъ древній могильный памятникъ «хōшō-чулӯ», вытесанный изъ сѣраго гранита и украшенный съ передней стороны орнаментомъ, состоящимъ изъ ломаныхъ и закругленныхъ линій. Мѣстные монголы, очевидно, чествуютъ этотъ камень, ибо почти весь онъ оказался увѣшаннымъ бараньими лопатками, нанизанными на веревочку; но съ другой стороны ему несомнѣнно не придается никакого религіознаго значенія, ибо при первой моей просьбѣ удалить эти лопатки, веревочки были развязаны и лопатки полетѣли на землю. Описываемый камень оказался вышиною въ 3 арш. 13 верш., шириною въ 12 вершк. а

Хōшō-чулӯ въ ур. Тэмэ-хуцзӯ.

толщиною въ 4½ верш. Фотографическій снимокъ представляетъ наилучшимъ образомъ изсѣченные на немъ орнаменты; послѣдніе находятся здѣсь только на одной передней сторонѣ, по боковымъ же, равно какъ на задней сторонахъ памятника никакихъ украшеній не имѣется помимо лишь обведеннаго вокругъ всего камня верхняго ободка, отдѣляющаго ясно изображенный здѣсь кружекъ отъ орнамента, украшающаго весь вообще памятникъ.

Продолжая путь отсюда еще далѣе на западъ по той же долинѣ Шарà-усỳ, мы наконецъ переправились черезъ эту рѣку и засимъ достигли до горы Гэдэгэръ-тологòй, возвышающейся на лѣвомъ берегу рѣки, по которому пролегала теперь наша дорога. Отсюда Шарà-усỳ снова поворачиваетъ на югъ и въ мѣстѣ этого поворота принимаетъ въ себя рѣку Харà-усỳ. Въ дальнѣйшемъ теченіи она подходитъ почти къ самымъ горамъ Гэдэгэръ; протоки ея мѣстами сливаются и въ такихъ пространствахъ она имѣетъ до 20 саж. шир. Дорога при этомъ всякій разъ жмется къ горѣ, проходитъ по косогорамъ и представляется крайне опасною. На станцію Бумбà мы пріѣхали въ 3 ч. 10 м.

Станція Бумбà располагается въ круглой долинѣ, ограничиваемой на югѣ горами Богонѝ; на сѣверѣ горами Уртỳ, получившими свое названіе отъ прилежащей имъ пади, тянущейся на далекое разстояніе; на западѣ уваломъ Чинъ-хỳтỳль, по направленію къ которому вилась теперь узенькою лентой наша дальнѣйшая дорога. Мы выѣхали въ 3 ч. 30 м. Миновавъ Чинъ-хỳтỳль, дорога спускается въ небольшую круглую долину рѣки Шарà-усỳ, съ которой открывается видъ къ западу на возвышающуюся передъ всѣми другими гору Билӯтỳ, иначе называемую Баѝнъ-хайрхàномъ, а къ востоку на противустоящую ей гору Ӱбӱръ чжиргалантỳ. Почти у подножія этой горы совершается новая переправа на правый берегъ Шарà-усỳ, отъ которой дорога слѣдуетъ по наклонной къ западу долинѣ этой рѣки. Окружающія эту долину возвышенности не отличаются ни высотою, ни красотою своего вида; изъ среды ихъ можно отмѣтить только гору Хабтагàй улāнъ, при которой, на лѣвомъ берегу рѣки, находится сумỳнная почтовая станція того же имени. На станціи этой отбываютъ повинность почтосодержатели трехъ отдѣльныхъ трактовъ: тӱшӗтỳ-хāновскаго и цэцэнъ-хāновскаго, соединяющихъ Улāсутàй съ Ургою и мѣстнаго хошӯна Чжонòнъ-гỳна, для разъѣздовъ во всѣ стороны хошӯна. На правой сторонѣ рѣки, этой горѣ Хабтагàй-улāнъ противулежитъ аршāнъ, или цѣлебный источникъ съ водою желѣзистаго свойства. Говорятъ, что къ нему стекается много монголовъ, чтòбы лѣчиться здѣсь отъ катарровъ желудка. Верстахъ въ 4-хъ отъ этого цѣлебнаго ключа дорога поворачиваетъ на сѣверъ и приближается къ долинѣ небольшой рѣчки Тỳргэнъ-гōла, впа-

дающей въ Шарà-усỳ. Рѣчушка эта, черезъ которую мы должны были переѣхать, имѣетъ не болѣе $2^1/_2$ саж. ширины и около 5—6 вершковъ глубины. На правомъ берегу ея близъ горы Тỳргэнъ мы нашли новый хӧшӗ-чулỳ, по своимъ формамъ весьма сходный съ видѣннымъ нами въ урочищѣ Тэмэ-хỳцэỳ. Камень сильно пострадалъ отъ времени и особливо въ верхней своей части оказался обитымъ и вывѣтрившимся. Я сдѣлалъ съ него фотографическій снимокъ, хотя время было уже довольно позднее и солнце скрывалось за окружающими горами. Настоящій хӧшӗ-чулỳ находится въ сторонѣ отъ дороги приблизительно саженяхъ во 100, или, пожалуй, нѣсколько менѣе и что удивило меня при этомъ, такъ это отношеніе къ нему монголовъ. Изъ числа 6-ти сопровождавшихъ меня улāчиновъ, четверо никогда не подъѣзжали къ этому памятнику, чтобы посмотрѣть на него, хотя, по обязанности почтовыхъ проводниковъ, они ѣздятъ по этой дорогѣ чуть не ежедневно. Въ общемъ тỳргэнъ-гӧл'скій памятникъ былъ ниже, тэмэ-хỳцэỳ'скаго и гораздо изукрашеннѣе его. Настоящій хӧшӗ-чулỳ былъ вышиною въ 2 арш. 8 вершковъ; шириною въ $7^1/_2$ вершковъ, а въ окружности имѣлъ 1 арш. 12 вершк. Изсѣченные на немъ орнаменты украшали не только его переднюю, обращенную на югъ, но и боковыя стороны и только сѣверная сторона была лишена рисунковъ. По типу этотъ хӧшӗ-чулỳ, оче-

Хӧшӗ чулỳ на Тỳргэнъ-гӧлѣ.

Боковая сторона того же памятника.

видно принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ «Оленныхъ камней», въ рисункахъ которыхъ наши археологи хотятъ видѣть «лежащихъ другъ на другѣ оленей»; думаю однако, что при всемъ богатствѣ фантазіи довольно трудно найти въ настоящихъ изваяніяхъ хотя бы одного оленя. Представляемыя фотографіи передней и боковой сторонъ памятника наглядно доказываютъ, что эти «оленные камни», вѣроятно не всегда изображали оленей, но представляли своими изсѣченными линіями и какія то другія украшенія. Положеніе камня не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что это памятникъ надгробный, ибо онъ прямо таки стоялъ на могильникѣ. Могильникъ его былъ четыреугольный, квадратный, имѣющій въ каждой изъ своихъ сторонъ по 2 арш. 4 вершка.

Продолжая за симъ путь по той же долинѣ Шара̀-усу̀, мы миновали гору Ялату̀, отъ которой рѣка, а вмѣстѣ съ нею и дорога дѣлаютъ крутой поворотъ на западъ. Черезъ 10 минутъ отъ этого поворота мы достигли станціонныхъ юртъ ӧртӧ̄ Ӱбӱ̆ръ-чжиргаланту̀.

Станція Ӱбӱ̆ръ-чжиргаланту̀ располагается въ ущельи рѣки Шара̀-усу̀, при горѣ Бургасу̀ ӯла. Въ составъ почтосодержателей входятъ здѣсь монголы тӱшӗтӱ̀ хāновскаго и цэцэ̀нъ хāновскаго а̀ймаковъ, хабсурга̀ же принадлежатъ хошӯнамъ Чжоно̀нъ гӯна и Хошӯчи бэ̀йсэ. Всѣ они, очевидно, были съ хорошимъ достаткомъ и тѣмъ не менѣе жаловались на судьбу,

пославшую имъ нынѣ ранніе холода: «придется скоро кочевать», говорили они. Замѣчаніе это навело насъ на другой разговоръ, изъ коего я узналъ, что всѣ станціи калганско-улясутайскаго тракта, начиная отъ Шурука, до Дзака включительно, ежегодно перекочевываютъ на зимнее время къ югу и располагаются приблизительно верстъ на 35 и даже на 40 южнѣе настоящаго тракта. Названія настоящей станціи Убуръ-чжиргаланту и слѣдующей Ару-чжиргаланту заимствованы отъ имени горъ, при которыхъ находятся именно ихъ зимнія кочевья. При станціи имѣется хурулъ, помѣщающійся въ войлочной юртѣ, тѣмъ не менѣе вокругъ него группируются всѣ станціонные ламы. О количествѣ ихъ можно судить по тому, что въ двадцати одной юртѣ штатныхъ почтосодержателей числится всего 38 ламъ. Вечеромъ ихъ собралось въ мою юрту человѣкъ 10, и когда, по поводу разговоровъ о холодахъ, я вышелъ посмотрѣть термометръ, одинъ изъ стариковъ выразилъ свое убѣжденіе, что холода стоятъ оттого, что люди хотятъ узнавать теперь волю неба. На эту тему онъ велъ рѣчь по крайней мѣрѣ минутъ 15 и, въ результатѣ, ламы ушли отъ меня съ значительно поколебленнымъ чувствомъ дружелюбія.

8-е Августа. Суббота.

5 ч. $+1\frac{1}{2}°$.

Сегодня утромъ въ $4\frac{1}{2}$ часа начали вьючить верблюдовъ, чтобы, по обычаю, отправить ихъ впередъ на слѣдующую станцію. Когда вьюки изготовились въ путь, было уже 5 часовъ и термометръ показывалъ $+1\frac{1}{2}°$. Восходящее солнце всегда сразу поднимаетъ здѣсь температуру и сегодня мнѣ захотѣлось прослѣдить это явленіе. Умывшись, я въ 5 ч. 30 м. вышелъ снова посмотрѣть на термометръ, но онъ оказался сломаннымъ: циферблатъ былъ наполовину поднятъ изъ своего металлическаго футляра, шарикъ съ ртутью отсутствовалъ вовсе, такъ что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ даже и поблизости, только трубка, прочно прикрѣпленная проволокой, была на своемъ мѣстѣ. Результатъ ли это простаго любопытства монголовъ, при которомъ они хотѣли посмотрѣть вещь, тащили и сломали ее, или сдѣлано это по фанатизму, вызванному вчерашнимъ замѣчаніемъ стараго гэбкуя? Возможно и то и другое, для меня же лично была невообразимо досадна такая потеря и это тѣмъ больше, что я не захватилъ съ собою другаго термометра. Конечно, можно считать это оплошностью съ моей стороны; но опять-таки трудно предвидѣть, чтобы вещь прочная и прекрасно укрѣпленная могла сломаться. Брать на все запасъ, значитъ до безконечности увеличивать свой багажъ, ибо нельзя и представить, что именно можетъ подвергнуться фанатизму, или любопытству, а засимъ и поломкѣ монголовъ. Единственною гарантіею безопасности отъ подобныхъ

случаевъ можетъ быть наказаніе, и не иное какъ денежный штрафъ. Обстоятельство это напомнило мнѣ разказъ о дѣлѣ, возникшемъ въ 1883 г. въ Ургѣ, разсмотрѣніе коего доходило чуть ли ни до Пекина. Въ ту пору въ Ургѣ стояли китайскіе солдаты, которые нерѣдко ловили сѣтями рыбу, а для сего отправлялись въ урочище Сангинàй-булȳкъ. Мѣстные ламы, увидавшіе въ этомъ, какъ и въ измѣреніи мною температуры, нарушеніе правилъ своихъ вѣрованій, рѣшили какъ-либо отвадить китайцевъ и одинъ изъ нихъ, выбравъ удобное время, перерѣзалъ на куски разложенную для просушки сѣть. Китайцы возбудили дѣло, которое окончилось тѣмъ, что вѣдомство Сангинàй-булàка уплатило потерпѣвшимъ 400 ланъ серебра, или на наши деньги 800 серебряныхъ рублей за одну сѣть. Съ тѣхъ поръ не только китайцы, но и русскіе свободно ловятъ рыбу въ р. Тȏлѣ и безбоязненно раскладываютъ на берегахъ ея свои сѣти, къ которымъ монголы боятся даже и подходить близко. Меня въ этомъ дѣлѣ больше всего интересовала причина поломки термометра, и, чтобы разъяснить ее, я послалъ за цзангȉномъ; посланный, возвратившись, отвѣчалъ, что цзангȉнъ уѣхалъ для производства слѣдствія по дѣлу на станцію Бомботȳ; я послалъ за хȳндȳемъ, — хȳндȳй уѣхалъ къ табунамъ въ полѣ; я послалъ за станціоннымъ бичэ̄чи, — его тоже нѣтъ дома и гдѣ онъ, — неизвѣстно. Теперь было уже очевидно, что всѣ эти лица скрывались отъ меня, а слѣдовательно дѣло здѣсь было преднамѣренное. Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, я призвалъ бошкȍ и сказалъ ему, что такъ какъ у меня случилось такое несчастіе, а разслѣдовать этого дѣла некому, то я прошу его удостовѣрить мнѣ запискою, что у меня на здѣшней станціи сломался термометръ и что виновнаго не могли найти по той причинѣ, что на станціи не было начальства: цзангȉ — уѣхалъ туда-то, хȳндȳй — туда-то и т. д. Въ отвѣтъ на эту просьбу бошкȍ отвѣчалъ согласіемъ и вышелъ изъ юрты, но не прошло и десяти минутъ, какъ ко мнѣ явились и цзангȉ, и хȳндȳй, и бичэ̄чи. Всѣ они прямо повалились мнѣ въ ноги и просили простить ихъ обманъ, обѣщая тотчасъ узнать, кто это сломалъ термометръ. Предстояли такимъ образомъ слѣдствіе, допросъ и судъ. Все это было интересно. Цзангȉ началъ съ того, кому была сдана на храненіе телѣга, къ которой былъ привинченъ термометръ. Оказалось, что сторожить телѣгу долженъ былъ именно лама, сдѣлавшій вчера помянутое замѣчаніе. Онъ приказалъ якобы присматривать за телѣгою своему работнику, тоже ламѣ, только молодому, парню лѣтъ 20-ти; но послѣдній будто бы не пошелъ караулить, а проспалъ спокойно дома. Молодой лама, напротивъ, говорилъ, что онъ и не слыхалъ ни одного слова отъ своего хозяина, а засимъ намекнулъ, что по уходѣ верблюдовъ при телѣгѣ именно остался старый лама, говоря, что на его обязанности лежитъ сторожить телѣгу. Но

едва былъ сдѣланъ этотъ намекъ, какъ цзангѝнъ приказалъ наказывать молодого ламу за ослушаніе приказанія хозяина. Бѣдняга повалился мнѣ въ поги, и я, видя въ чемъ дѣло и чѣмъ долженъ окончиться этотъ шемякинъ судъ, простилъ его. Термометръ былъ, несомнѣнно, сломанъ фанатикомъ ламою. Комедія эта отняла у насъ по крайней мѣрѣ часа два времени и я выѣхалъ со станціи Убу̀ръ-чжиргаланту̀ только въ 9 ч. 40 м..

Мы направились по тому же ущелью Шара̀ усуна̀й го̄ла и неболѣе какъ черезъ $^1/_4$ часа достигли примыкающей къ этому ущелью съ правой стороны пади Бургасу̀, въ которой расположенъ станціонный хуру̀лъ. Въ мѣстѣ присоединенія этой пади ущелье нѣсколько расширяется, но засимъ снова суживается приближающимися къ берегамъ Шара̀-усу̀ горами. Изъ среды этихъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися являются на лѣвой сторонѣ рѣки яркокрасная гора Яма̄ту̀, а на правой — гора Тэ̀ль. У подножія этой послѣдней я нашелъ прекрасно сохранившіеся типы мѣстныхъ древнихъ

Видъ могильниковъ въ долинѣ Шара̀-усу̀.

могилъ и рѣшилъ снять ихъ фотографіею. № 1-й изъ нихъ мало чѣмъ отличается отъ представленной В. В. Радловымъ таблицѣ II, подъ № 2-мъ; но здѣсь почти во всей своей неприкосновенности сохранились громадные камни, установленные по четыремъ странамъ свѣта. Величина могильнаго круга въ діаметрѣ равняется 11 саженямъ, срединная же груда камней имѣетъ діаметръ въ 4 саж. 8 вершковъ. Могила № 2-й является интересною въ томъ отношеніи, что въ общемъ кругѣ могильной

ограды находится здѣсь пять каменныхъ грудъ, величиною весьма немного уступающихъ грудѣ срединной. Такой типъ могилъ встрѣчался мнѣ на столько часто, что я не могу не поставить его особнякомъ. Дѣло въ томъ, что когда въ могильномъ кругѣ встрѣчается четыре груды камней по четыремъ странамъ свѣта, то весьма нетрудно предположить, что груды эти и насыпались именно съ цѣлью показанія сторонъ, замѣняя собою тѣ камни, которые являются въ могильникѣ № 1-й; но нахожденіе пятой груды въ ЮЗ углу очевидно или должно противорѣчить сказанному объясненію, или же ставить новый вопросъ о значеніи этой груды. Объемъ этого пятигруднаго могильника въ діаметрѣ 21 саж. 13 вершк., при величинѣ срединной груды въ 5 саж. Мѣстность этихъ могильниковъ необычайно красива. Сами они располагаются по склону небольшой зеленой пади горы Тэль, внизу вьется широкая рѣка, а на противоположной сторонѣ ея, также посреди пади, возвышается совершенно конусообразная зеленая гора Алтàнъ хадā-сунъ. Двинувшись отсюда далѣе внизъ по рѣкѣ, мы вскорѣ приблизились къ утесамъ Хаирхàнъ, почти отвѣсно стоящимъ надъ рѣкою. Движеніе происходитъ здѣсь по узкой тропинкѣ и весьма опасно. Изъ послѣдующей за симъ пади Харà бургасутȳ течетъ небольшой источникъ того же имени; мѣсто это почитается границею хошȳновъ Чжонòнъ-гȳна и Хошȳчи бэйсэ. Въ 20 мин. ѣзды отсюда обращаетъ на себя вниманіе своею высотою гора Ӧртӧдъ; у подножія ея мы также нашли 4 хэрэксȳра. Еще далѣе, отъ горы Цзабилгà, рѣка и дорога поворачиваютъ прямо на югъ и здѣсь же, почти у самаго этого поворота, располагается станція Арȳ-чжиргалантȳ.

Мѣсто лѣтней стоянки станціи Арȳ-чжиргалантȳ называется Ӱндӱръ-чжиргалантȳ, получая такое имя отъ горы, ограничивающей станціонную ложбинку съ сѣвера. Почтосодержатели здѣсь народъ крайне бѣдный, почему проѣзжающіе русскіе купцы, по ихъ словамъ, почти не останавливаются у нихъ. Здѣсь впервые повстрѣчалъ я китайскихъ торговцевъ, выѣхавшихъ въ степь за покупкою грибовъ. Продуктъ этотъ продается мѣстными монголами въ сушеномъ видѣ, связками (кэлэкэй) отъ 30 до 50 грибовъ. За сто такихъ связокъ китайцы платятъ одинъ кирпичъ чаю, или же выдавая на соотвѣтственную сумму инаго товара.

Въ 2 ч. 45 м. мы оставили Арȳ-чжиргалантȳ, чтобы продолжать дальнѣйшій путь по тому же ущелью Шарà усȳ и черезъ 12 мин. приблизились къ оригинальной горѣ Ихѝръ ӯла. Вся она усѣяна мельчайшими камешками и представляетъ собою какъ бы громаднѣйшую груду мелко разбитаго щебня. Отъ этой горы рѣка и дорога поворачиваютъ на западъ хотя и не надолго, ибо верстахъ въ четырехъ отсюда начинается длиннѣйшая падь Ӯ чулȳтайнъ амà, по которой рѣка и дорога снова дѣлаютъ пово-

ротъ къ югу. Въ этой пади, сильно наклоненной къ югу, находится хурӯлъ станціи Арӯ-чжиргалантӯ, являющійся въ видѣ юрты, обтянутой синею дабу и изукрашенной вышитыми изображеніями бѣлыхъ цвѣтовъ. У горъ Гасха хайрханъ, Шара-усӯ снова поворачиваетъ на западъ и, протекая по долинѣ не болѣе ½ версты, вливается въ Буянтӯ голъ. Уголъ, образуемый сліяніемъ этихъ рѣкъ, называется у монголовъ ӯлцзӯръ и въ настоящее время почти сплошь усѣянъ хэрэксӯрами, число коихъ восходитъ здѣсь до 60-ти. Въ числѣ ихъ мы нашли и прекрасные экземпляры еще особеннаго, хотя и довольно часто встрѣчающагося здѣсь вида могильниковъ. Обычная

Хэрэксӯръ въ урочищѣ Ӯлцзӯръ.

груда камней окружена у нихъ сплошною четыреугольною оградою изъ уставленныхъ ребромъ каменныхъ плитъ, а вокругъ этой четыреугольной ограды является другая, не сплошная, но состоящая изъ 40 малыхъ кружковъ, также устланныхъ поставленными ребромъ каменныии плитами. Величина каждаго изъ этихъ кружковъ равняется двумъ аршинамъ въ діаметрѣ. Длина каждой стороны четыреугольной ограды равняется 20 саженямъ, а ограда изъ кружковъ имѣетъ въ каждой сторонѣ 24 сажени. Другая такая же могила имѣетъ въ четыреугольной оградѣ 18½ саж. длины, а ограда ея, очерчиваемая кружками, длиною въ 23 саж. Помимо этихъ могилъ здѣсь есть еще нѣсколько камней, которые вросли въ землю. Производить раскопку ихъ я, конечно, не могъ; но въ верхней части ихъ ясно сохранились слѣды выбитыхъ круговъ, подобныхъ начертаннымъ на камняхъ, уже снятыхъ фотографіею.

Отъ мѣста сліянія этихъ рѣкъ дорога поворачиваетъ на СЗ и слѣдуетъ уже по долинѣ Буянту̀ го̄ла, а потомъ дѣлаетъ незначительный поворотъ прямо на сѣверъ. Съ точки этого поворота дѣлается ясно видною бѣлоснѣжная Отхо̀нъ-тэнгрѝ. Продолжая путь по той же долинѣ Буянту̀, мы прибыли на станцію Хучжирту̀. У самой станціи совершается въ бродъ переправа черезъ Буянту̀ го̄лъ, которая течетъ здѣсь шестью протоками. Главное русло этой рѣки имѣетъ въ ширину не менѣе 40 саженъ, глубиною же не превышаетъ 12 вершковъ.

Станція Хучжирту̀ находится на берегу Буянту̀ го̄ла, среди обширной равнины. Названіе свое она получила отъ рѣчки Хучжирту̀, текущей къ СВ отъ станціи. Въ составъ станціонныхъ почтосодержателей входятъ монголы всѣхъ а̀ймаковъ, хамчжилга̀ же составляются изъ хошӯнныхъ лицъ дала̀й вана̀ и хошӯчи бэ̀йсэ. На станціи былъ страшный содомъ и почти всѣ монголы ликовали. Сегодня они справляли у себя церемонію Ма̀йдари и теперь, переходя изъ одной юрты въ другую, распивали вино. Съ другой стороны, вечеромъ сегодня же прибылъ на станцію изъ Улясута̀я одинъ изъ станціонныхъ почтосодержателей и, сидя среди а̀иля, разказывалъ улясута̀йскія новости. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, монголы почти не посѣщали мою юрту и въ $9^1/_2$ часовъ я уже лежалъ въ своей постели.

9-е Августа. Воскресенье.

Сегодня поутру лишь только отправлены были вьючные верблюды, какъ ко мнѣ начали собираться монголы, при томъ, между прочими, и монголъ, пріѣхавшій вчера вечеромъ изъ Улясута̀я и вчера же утромъ выѣхавшій изъ этого города. Путь его не лежалъ по почтовому тракту, но онъ ѣхалъ краткою, такъ называемой «торговой» дорогой. Изъ Улясута̀я дорога эта идетъ вверхъ по Богдо̀йнъ-го̄лу до переваловъ Долбнъ-даба̄ (т. е. семь переваловъ); за вторымъ изъ этихъ переваловъ находится первая отъ Улясута̀я станція сумы̀нной почтовой дороги, — Босого̀; миновавъ семь переваловъ, дорога выходитъ на Ширэ̄гійнъ-го̄лъ и направляется вверхъ по Ширэ̄гійнъ-го̄лу верстъ на 15, послѣ чего рѣка остается влѣво отъ дороги, а сама дорога направляется въ глубокій логъ и поднимается по оному верстъ пять на перевалъ Хы̆ндулэ̀нъ даба̄. Спускъ съ этого перевала приводитъ въ долину рѣки Хучжирту̀, непосредственно соединяющейся съ Буянту̀-го̄лбмъ въ мѣстности, гдѣ расположена и станція Хучжирту̀.

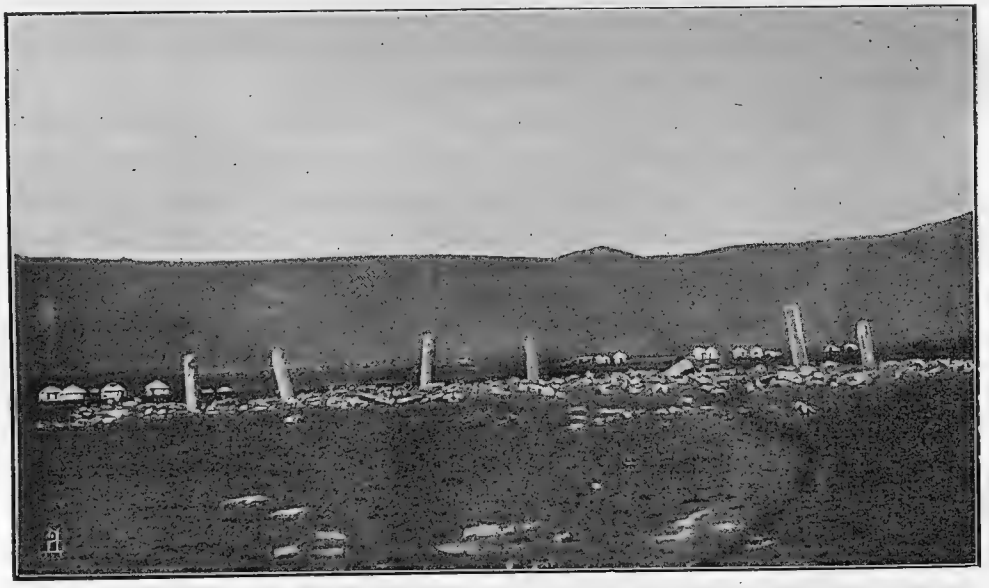
Разказывая о событіяхъ улясута̀йской жизни, монголъ этотъ сообщалъ между прочимъ и кое-какія подробности, рисующія дѣятельность русскихъ въ здѣшнемъ краѣ. Съ русскими всѣ эти монголы живутъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, которыя иногда омрачаются лишь распорядительностью посылаемыхъ приказчиковъ; такъ, въ настоящую поѣздку въ Улясута̀й этому

монголу пришлось разъяснить фактъ, одинаково послужившій причиною неудовольствія и для русскаго торговца Игнатьева, и для монгола. Дѣло въ томъ, что приказчикъ Игнатьева, торговавшій по почтовымъ станціямъ, возвращаясь изъ этой поѣздки, гналъ съ собою до 200 вымѣнянныхъ имъ на товары барановъ. На станціи Хучжиртў бесѣдовавшій со мною монголъ захотѣлъ пріобрѣсти ихъ. Такія покупки у станціонныхъ монголовъ встрѣчаются весьма часто: имѣя громадный расходъ на барановъ, выдаваемыхъ въ пищу проѣзжающимъ чиновникамъ и жалѣя своихъ, откормленныхъ животныхъ, особливо овецъ, приносящихъ приплодъ, монголы предпочитаютъ на ежедневные расходы именно покупать барановъ. Монголъ предлагалъ русскому приказчику за каждаго годовалаго барана серебромъ 5 цинъ и 5 ф., а приказчикъ, имѣя въ виду, что годовалый баранъ принимается отъ него хозяиномъ за 1 р. 50 к. сер., серебро же вѣсомъ въ 5 ц. и 5 ф., при томъ же пріемѣ, оцѣнивается только въ 1 р. $37^1/_2$ коп., не согласился на предлагаемую сдѣлку. Это, конечно, и весьма естественно, ибо, продавая 200 барановъ при означенныхъ условіяхъ, онъ терялъ передъ хозяиномъ цѣлыхъ 25 р. сер. Послать съ вопросомъ къ хозяину онъ не догадался, или не захотѣлъ, и пригналъ барановъ въ Улясутай. Такимъ образомъ монголъ остался безъ барановъ, а Игнатьеву въ Улясутаѣ пришлось продать тѣхъ же барановъ по 5 циновъ и, слѣдовательно, потерять на 200 баранахъ 25 р. с. Для обоихъ настоящій случай былъ непріятенъ и оба толковали объ этой мелочи цѣлый день; хотя, конечно, изъ такого рода мелочей слагается для нихъ и цѣлая жизнь.

Со станціи Хучжиртў мы выѣхали въ 7 ч. 35 м. утра. Дорога непосредственно по выѣздѣ оставляетъ долину Буянтў-гōла и направляется на западъ, къ долинѣ Хотхорантў, заимствовавшей свое имя отъ возвышенности, ограничивающей станціонную равнину съ запада. Отсюда мы вступили въ падь, Хучжиртў амà, замыкаемую на западѣ горами Асхатў. Горы, возвышающіяся по обѣимъ сторонамъ этой пади, не высоки, съ мягкими очертаніями и поросли травою; но самое полотно пади страшно каменисто и едва покрыто рѣдкою и мелкой полынью. Къ подъему на горы Асхатў мы подъѣхали въ 8 ч. 50 м.; самый подъемъ совершается здѣсь по пологому скату, а переваливаютъ черезъ эти горы по горной сѣдловинѣ Хўбўнэй дöрöльчжѝ, поднимающейся тремя отдѣльными увалами. Спускъ съ горъ Асхатў на сѣверо-западъ крайне незначительный и по крайней мѣрѣ втрое меньше подъема на нихъ съ юга. Почти непосредственно за нимъ является новый взволокъ на Ӱргўнъ-ширэгійнъ-хўтўль, изъ за котораго виднѣлась высокая и тянущаяся съ сѣвера на югъ гора Дāганъ-дэ̄ль. Гора эта открывается во всемъ своемъ величіи только по спускѣ съ Ӱргўнъ-ширэгіинъ-хўтўля въ долину

рѣки того же имени: здѣсь она возвышается громаднымъ массивомъ, сѣверная сторона коего покрыта густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Долина Ӱргӱнъ-ширэгіинъ-гӧла представляетъ собою покатость съ СЗ на ЮВ. Переправившись въ ЮВ углу ея черезъ Ширэгійнъ-гӧлъ, мы засимъ посреди долины пересѣкли другой, меньшій источникъ Нарӣнъ, а еще далѣе, къ сѣверу отъ него, среди безпорядочныхъ рытвинъ повстрѣчали сухое русло, именуемое Хӯрàй-нарӣнъ. Изъ пади этого русла мы выѣхали на круглую широкую лужайку, посреди коей располагалась почтовая станція Дāганъ-дэ̄ль, близъ ручья, именуемаго у монголовъ Тэ̄ліинъ-гӧл'омъ. Помянутая станціонная лужайка ограничивается на ЮВ горою Дāганъ-дэ̄ль, на ЮЗ горами Хайнӯкъ-тологòй, и на сѣверѣ горами Аршāнту, позади которыхъ, по словамъ монголовъ, находятся горячіе ключи, почитаемые за цѣлебный источникъ. Станціонные монголы принадлежатъ здѣсь àймакамъ Цэцэ̄нъ-хāна и Сàйнъ-ноìна, а хабсургà принадлежатъ хошӯну Джа-гӯна и Хошӯчи-бэ̄йсэ.

Шагахъ во ста отъ станціонныхъ юртъ располагается здѣсь одинъ хэрэксӯръ совершенно особенной и, кажется, не виданной еще формы, по крайней мѣрѣ со стороны комбинаціи составныхъ частей могильника. Въ срединѣ возвышенія изъ камней здѣсь стоятъ шесть воздвигнутыхъ плитъ; седьмая изъ нихъ, вѣроятно давно уже упала и въ настоящую пору бокомъ

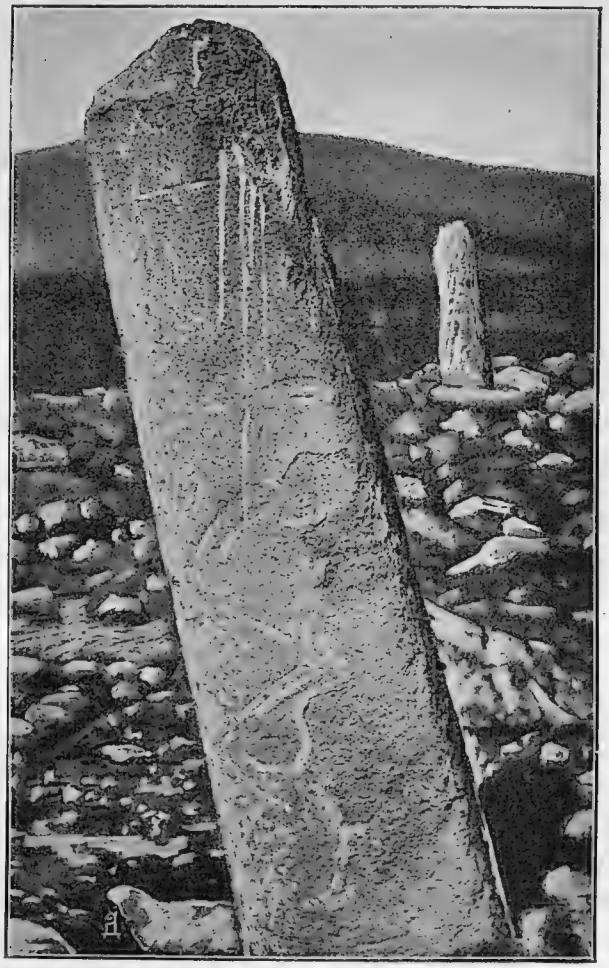


Общій видъ могильника у станціи Дāганъ-дэ̄ль.

вросла въ землю. Расположеніе могилы совершенно правильно по странамъ свѣта: Съ востока на западъ длина всей могилы 13 саж. и 1 арш.,

съ юга же на сѣверъ длина ея 18 саж. 2 арш. Главнѣйшею особенностью здѣсь являются именно камни. Они располагаются на могилѣ въ два ряда и притомъ такъ, что одинъ рядъ ближе къ ЮЗ сторонѣ могилы, а другой — къ сѣверо-восточной. Первый камень юго-западной стороны находится на разстояніи 1 сажени и ½ арш. отъ южной окраины могилы и въ 5 саженяхъ отъ западной. Въ настоящую пору онъ представляется крайне выѣтрившимся, тѣмъ не менѣе, при внимательномъ осмотрѣ, можно опредѣлить, что украшенія были выбиты у него только на сторонѣ обращенной къ югу и притомъ лишь въ нижней половинѣ камня; украшенія эти вообще весьма незначительны и не сложны и являются въ видѣ узкихъ одинарныхъ полосокъ, изображающихъ собою узоры. Вышина этого камня 2 арш. 9 вершк., ширина 8½ вершк., толщина, 6 вершк., а въ окружности весь камень имѣетъ 1 арш. и 11 вершковъ.

Второй камень юго-западной стороны могилы находится въ разстояніи 8 аршинъ отъ южной могильной окраины и опять-таки въ 5 саженяхъ отъ западной. Изсѣченныя на немъ украшенія гораздо сложнѣе и начинаются на верху, гдѣ оказывается изсѣченнымъ малый кружекъ, окаймленный сплошною одинарною линіею. Узоры на этомъ камнѣ выведены довольно ясно; они также находятся здѣсь только въ нижней половинѣ камня, но выгравированы уже двойными полосами; боковыхъ узоровъ на этомъ камнѣ нѣтъ.



Камень № 2-й юго-западной стороны.

Вышина камня 2 арш. 7 вершк., ширина 8½ вершк., толщина 4 вершк., а окружность 1 арш. 8 вершковъ.

Третій камень, повидимому, самый главный, находится въ разстояніи 5 саженей какъ отъ южнаго, такъ и отъ западнаго края могилы. Онъ представляется самымъ узорчатымъ изъ числа всѣхъ прочихъ могильныхъ камней. Въ верхней части его, въ самой срединѣ камня, изсѣченъ большой кругъ, а надъ нимъ, нѣсколько влѣво еще кругъ малый; отъ прочаго рисунка на камнѣ изображенія этихъ круговъ отдѣлены каймою въ двѣ сплошныхъ полосы, съ изсѣченными въ срединѣ этихъ полосъ ямочками. Таковою же представляется и нижняя оторочка этого камня. Узоры оказываются здѣсь со всѣхъ сторонъ камня, причемъ на южной сторонѣ особый узоръ, а на сторонахъ западной и восточной одинаковые. На сѣверной сторонѣ собственно узоровъ нѣтъ, по вверху камня ясно сохранились большой и малый круги съ отдѣляющей ихъ двойной оторочкой. Вышина этого камня 2 арш. 13 вершк., ширина — 9 вершк., толщина 5½ вершк., а окружность 1 арш. 10 вершк.

Камень № 3-й юго-западной стороны.

Четыре камня, находящіеся въ сѣверо-восточномъ углу могилы, расположены въ рядъ и всѣ одинаково стоятъ въ разстояніи 4-хъ саженей

отъ восточнаго края могилы; отъ сѣверной же стороны первый камень находится на разстояніи 13 арш. отъ края могилы. Камень этотъ также точно сильно подвергся вліянію вѣтра, но на немъ сполна уцѣлѣла верхушка, по которой можно судить, что здѣсь былъ изсѣченъ на верху большой кругъ оторочка коего состояла изъ однѣхъ только ямочекъ безъ ограниченія ихъ чертами. Высота этого камня 12 арш. 12 верш., ширина 9 вершк., толщина 5 вершк. и окружность 1 арш. 12 вершковъ.

Второй камень сѣверо-восточнаго угла находится на разстояніи 14 арш. отъ сѣвернаго края могилы и долженъ быть причисленъ къ наиболѣе сохранившимся. На верху его изсѣченъ большой кругъ, но безъ малаго; оторочка изъ однѣхъ ямочекъ, узоры же изсѣчены двойными полосами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, подобно третьему камню стороны юго-западной. Высота этого камня 3 арш. 6 в., ширина $9^1/_2$ в., толщина $7^1/_2$ в. и окружность 2 арш. 7 в. Въ рисункахъ всѣхъ этихъ памятниковъ, хотя они, очевидно, должны быть причислены къ типу «оленныхъ камней», также точно довольно трудно видѣть изображенія оленей.

Камень № 2-й сѣверо-восточной стороны.

Четвертый камень, находящійся совершенно въ сторонѣ отъ другихъ и на разстояніи 25 арш. отъ южнаго угла, такъ вывѣтрился, что на немъ рѣшительно не возможно ничего разобрать. Вышина его 2 арш. 12 вершк., ширина 10 вершк., толщина 4 вершка и окружность 1 арш. 10 вершк.

Станцію Дāганъ-дэ̄ль мы оставили въ 2 ч. пополудни. Дорога отъ нея направляется прямо на западъ, по пади Тэ̄лійнъ-гӧла. Падь эта, поросшая небольшою травою и довольно каменистая, заключается горами Ӧлӧтъ-тологӧй, отъ которыхъ дорога поворачиваетъ на ССЗ по пади, не имѣющей общаго названія, но различаемой частными именами, прилежащихъ ей горъ. Такъ, южная часть ея, окаймляемая горами Харà-чулӯ, носитъ это названіе, а сѣверная—именуется Улāнъ-хуцà. У подножія этой горы находятся курганы, отличающіеся необыкновенною высотою своихъ срединныхъ грудъ. Двуименная падь эта запирается издали кажущимися совершенно отвѣсными, горными массивами Цахàръ и Йэхэ̀-булӯкъ, у которыхъ стоитъ станція Тэмӯртӯ.

Станція эта располагается на небольшой равнинѣ, ограничиваемой съ запада горами Цахàръ и Йэхэ̀-булӯкъ, съ сѣвера—горами Унирту̀, съ юга—горою Агӧйтуйнъ-гэ̀рь, а съ востока—ущельемъ, по которому шла наша послѣдующая дорога. Воду станція получаетъ изъ небольшой рѣчки Дугунтӯйнъ-гӧлъ. Вмѣстѣ съ нами выѣхалъ съ этой станціи мѣстный хӯндӯй, Гӧнбо-чжàбъ. Онъ отправлялся въ Улāсутàй за полученіемъ денегъ, присужденныхъ ему по иску и надѣялся сегодня же къ ночи быть въ Улāсутàѣ, такъ какъ намѣревался ѣхать верхомъ, по кратчайшимъ тропинкамъ. Искъ Гӧнбо-чжàба, о которомъ онъ разказалъ мнѣ довольно подробно, представляется настолько интереснымъ, что я не могу не записать его. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году на здѣшней станціи проживала и отбывала почтовую повинность одна юрта тӯшӭтӯ хāновскаго àймака, состоявшая изъ отца и сына. Отца звали Лубсàномъ, сына Эринчѝномъ; оба они были ламы, женщины у себя не имѣли, а потому и хозяйство ихъ шло очень плохо. Станціонное начальство нѣсколько разъ обращалось въ управленіе тӯшӭтӯ хāновскаго àймака съ просьбою смѣнить эту юрту; но отвѣта на эту просьбу не было. Въ Іюлѣ прошлаго, 1891-го года, Лубсàнъ и Эринчѝнъ, застигнутые тяжелыми обстоятельствами, взяли въ долгъ у торгующаго въ Улāсутàѣ китайца Ӱлцзэйтӯ 10 ланъ серебра, съ платою по 5 фынъ % въ мѣсяцъ съ каждаго лана; а въ концѣ октября отъ сеймоваго старшины тӯшӭтӯ хāновскаго àймака была получена бумага, въ которой извѣщалось, что юртѣ Лубсàна дозволяется возвратиться на родину и что вмѣсто нея будетъ выслана для отбыванія повинностей другая. Едва только узналъ китаецъ объ этой новости, какъ тотчасъ же явился къ Лубсàну и потребовалъ отъ него уплаты долга. Лубсàнъ отвѣчалъ, что теперь отдать ему этого долга нечѣмъ, такъ какъ онъ рѣшительно не имѣетъ у себя продажныхъ животныхъ и весь его скотъ ограничивается необходимымъ для собственнаго переѣзда и перевозки во вьюкахъ имущества домой; но что въ ца-

гàнъ сарȳ, т. е. въ 1-й лунѣ 1892 года, онъ снова пріѣдетъ на станцію и тогда заплатитъ и долгъ, и %. Китаецъ согласился на эту отсрочку, хотя не иначе какъ за поручительствомъ кого-либо изъ другихъ станціонныхъ, а Лубсàнъ упросилъ этого хȳндȳя Гòнбо-чжàба быть поручителемъ въ его дѣлѣ. Настало новолѣтіе 1892 года; китаецъ явился на станцію за полученіемъ долга, а Лубсàна какъ не бывало. Китаецъ приставалъ теперь къ Гòнбо-чжàбу, который обратился съ вопросомъ къ управлявшему станціями тàйчжію, какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ? Тàйчжи отвѣчалъ, что нужно какъ нибудь покончить его, не доводя до свѣдѣнія китайскихъ властей и посовѣтовалъ Гòнбо-чжàбу развязаться съ китайцемъ, занявъ деньги у кого-либо изъ своихъ монголовъ. Всего требовалось теперь 13 ланъ, — 10 ланъ въ уплату дѣйствительнаго долга и 3 лана въ уплату накопившихся %. Разыскивая такую сумму, Гòнбо-чжàбъ наконецъ нашелъ ее у одного изъ прислужниковъ того же тàйчжія, который соглашался дать Гòнбо-чжàбу 13 ланъ для уплаты долга Лубсàна, но не иначе какъ съ гонораромъ по одному цȳну съ каждаго лàна въ мѣсяцъ, т. е. изъ за 10% мѣсячныхъ, или 120% годовыхъ. Гòнбо-чжàбъ взялъ деньги, расплатился съ китайцемъ и просилъ тàйчжія немедленно же сообщить объ этомъ управленію тȳшэ̄тȳ-хāновскаго àймака съ тѣмъ, чтобы оно позаботилось поскорѣе погасить этотъ долгъ. Àймàчное управленіе взглянуло однако на дѣло иначе. Оно подыскало изданное еще въ 51-мъ году правленія Цянь-лȳна (1787 года) постановленіе улясутàйскаго цзянь-цзюня, въ которомъ говорилось, что «если кто-либо изъ отбывающихъ натуральную повинность по очереди родовыхъ цзасаковъ, или низшихъ чиновниковъ займетъ у китайцевъ деньги, или возметъ въ долгъ товаровъ съ уплатою 5 фыновъ мѣсячныхъ процентовъ (вмѣсто законныхъ 3 фыновъ, т. е. 36% годовыхъ) и оформитъ такой долгъ законною росписью, то относительно такихъ виновныхъ, если будутъ они князья и цзасакѝ, дѣлать всеподданнѣйшіе доклады богдохāну для выраженія имъ выговоровъ и порицаній, а если — неродовитые чиновники, то подвергать ихъ строгому наказанію». Основываясь на такомъ постановленіи, àймàчное управленіе признавало все это дѣло незаконнымъ и ставило вопросъ, кто санкціонировалъ уплату мѣсячныхъ процентовъ съ каждой лàны не только въ количествѣ одного цȳна, а даже 5 фыновъ? Тàйчжи и хȳндȳй одинаково отвѣчали, что объ указанномъ постановленіи цзянь-цзюня они никогда и неслыхали, поступили же такимъ образомъ потому, что Лубсàнъ обѣщалъ отдать долгъ въ 1-й лунѣ и не явился, между тѣмъ китаецъ неотступно требовалъ денегъ, найти же ихъ на болѣе легкихъ условіяхъ было негдѣ. Сеймовое управленіе опредѣлило уплатить этотъ долгъ, но съ тѣмъ, чтобы излишніе противу закон-

ныхъ % были взысканы съ тàйчжія, который небрежно относился къ наблюденію за дѣятельностью ввѣренныхъ его управленію подчиненныхъ. Такимъ образомъ окончилось это дѣло, по которому въ возмѣщеніе взятыхъ въ іюлѣ прошлаго года 10 ланъ (20 сер. руб.) уплачивалось теперь 22 лана 1 цинъ (44 р. 20 к. с.).

Двинулись въ дальнѣйшій путь въ 4 ч. 10 м. Дорога направляется первоначально на сѣверо-западъ и проходитъ между двумя горными мысами, называемыми Тэмӱртӱ, дающими свое имя и станціи, отъ которой мы только что отъѣхали. Дорога здѣсь ровная и только мѣстами встрѣчаются на какихъ нибудь пять, шесть саженей каменистыя пространства. Отъ этихъ горъ Тэмӱртӱ дорога поворачиваетъ прямо на западъ, въ падь Йэхэ-цубурàй-амà, по обрывистому оврагу которой извивается рѣчка Тэмӱртӱйнъ гӧлъ. Верстахъ въ восьми ниже, падь эта измѣняетъ свое имя и называется Дāгатà, заимствуя такое названіе отъ прилежащаго ей въ южныхъ горахъ перевала, по которому проходитъ торговый путь, ведущій изъ Улāсутàя въ хӱрѣнь Нарӱ-баньчэ̀нь хутухтӹ. Наклонъ пади Дāгатà также на западъ; мѣстами она камениста и заключаетъ въ себѣ много хэрэксӱровъ. Минутахъ въ 15 ѣзды отъ Дāгатà находится большое каменистое и нынѣ совершенно сухое русло Сāріинъ гӧла. Переправившись черезъ него, мы продолжали свой путь внизъ по теченію рѣчки Тэмӱртӱ и наконецъ выѣхали изъ пади въ довольно обширную равнину, на которой и нашли станцію Шӱрӱкъ.

Станціонныя юрты располагаются при впаденіи рѣки Тэмӱртӱ въ Шӱрӱгійнъ гӧлъ. Послѣдній, по разказамъ монголовъ, беретъ начало изъ одной горы съ Улāсутàй гӧломъ: два ключа, находящіеся одинъ отъ другаго въ нѣсколькихъ саженяхъ, даютъ начало этимъ рѣкамъ, которыя потомъ расходятся по различнымъ падямъ и принимаютъ совершенно разное направленіе. На станцію Шӱрӱкъ назначены къ отправленію почтовой повинности монголы со всѣхъ халхаскихъ àймаковъ, но цэцэ̀нъ-хāновцы и тӱшѣтӱ хāновцы не живутъ здѣсь сами, а платятъ за себя «ацӧкъ». Это значитъ, что они нанимаютъ за себя мѣстныхъ монголовъ, причемъ условія этого найма сообщаются управленію улāсутàйскаго цзя̀нь-цзюнь и хэбэ̀й амбàней. Предшественникъ настоящаго цзя̀нь-цзюня сильно стѣснилъ было такой способъ отбыванія почтовой службы, сдѣлавъ распоряженіе, что, «ацӧкъ» долженъ быть расчитываемъ платою по 1-му лану въ день, или по 360 ланъ серебра въ годъ съ каждой отбывающей повинность юрты; но при нынѣшнемъ цзя̀нь-цзюнѣ постановленіе это не исполняется, почему и служба по найму увеличилась. Для отправленія почтовой службы монголы теперь заключаютъ полюбовныя сдѣлки и только о содержаніи ихъ доводятъ до свѣдѣнія цзя̀нь-цзюня, представляя въ его управленіе и деньги, слѣдующія

въ уплату отбывающимъ повинность. На станціи Шӯрӯ̀къ за двѣ юрты Цэцэ̀нъ-хāна и двѣ юрты Тӯшѣтӯ̀ хāна отбываетъ повинность мѣстный цзасà̀къ, хошӯчи-бэ̀йсэ. Онъ условился вести это дѣло, съ платою по 200 ланъ въ годъ съ каждой юрты; деньги беретъ, конечно, самъ; а службу отправляютъ за него, по его назначенію, его хошӯнные люди.

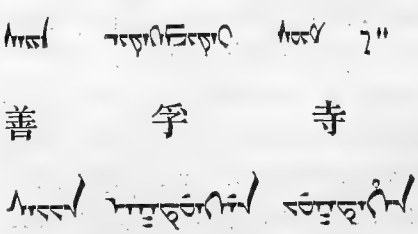
10-е Августа. Понедѣльникъ.

Выѣхали въ 8 ч. 25 минутъ и около 10 минутъ двигались вверхъ по долинѣ Шӯрӯ̀гійнъ гōла въ сѣверо-восточномъ направленіи. Долина эта съ песчанымъ грунтомъ и весьма каменистая, изобильно поросла хараганòю. Среди ея намъ попалось два низенькихъ и искривленныхъ тополя, видъ которыхъ, хотя и не казистый, насъ очень обрадовалъ. Минутъ черезъ 15 ѣзды мы увидали на правой сторонѣ рѣки довольно большой монастырь, называемый Агитӯ̀йнъ сӯмэ̀. Названіе это дано монастырю по мѣстности, такъ какъ онъ находится у подножія южной стороны Агитӯ̀йнъ дабāна, черезъ который проходитъ почтовая сумӯ̀нная дорога изъ Улясутà̀я въ Ургу. Въ Агитӯ̀йнъ сӯмэ̀ постояно проживаетъ не менѣе 100 ламъ, а въ дни торжественныхъ хурà̀ловъ ихъ собирается до 500 человѣкъ; тѣмъ не менѣе при этой кумирнѣ не живутъ китайцы, да и русскіе торговцы никогда не останавливаются въ ней, такъ какъ близость Улясутà̀я даетъ возможность здѣшнимъ обитателямъ пріобрѣтать все нужное въ этомъ городѣ. Въ 9 ч. 5 м. мы переѣхали на правую сторону Шӯрӯ̀гійнъ гōла; дно этой рѣки состоитъ изъ мелкой гальки; ширина ея едва ли болѣе 3-хъ саж., но переѣздъ значительно труденъ вслѣдствіе чрезвычайно быстраго теченія воды; за то вода эта чистая, свѣтлая и очень пріятная на вкусъ. Отъ береговъ Шӯрӯ̀гійнъ гōла мы начали подниматься на пологую возвышенность перевала.

На половинѣ этой горы находится другой, несравненно большій Агитӯ̀йнъ сӯмэ̀, монастырь, къ которому подъѣхали мы въ 9 ч. 30 м. Это такъ называемый Дӯтӯ̀йнъ-хӯрē (т. е. монастырь «заявленный»,—о которомъ доводилось до высочайшаго свѣдѣнія богдохāна). Дӯтӯ̀йнъ хӯрē представляетъ собою хошӯнный монастырь хошӯчи-бэ̀йсэ. Онъ построенъ назадъ тому болѣе ста лѣтъ и тогда же было доведено о немъ до свѣдѣнія богдохāна. Богдохāнъ пожаловалъ монастырю особое имя и опредѣлилъ штатъ постоянно живущихъ въ немъ ламъ, въ числѣ 80 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ сказанное число ламъ живетъ при монастырѣ постоянно, въ дни же великихъ хурà̀ловъ ихъ собирается здѣсь болѣе 1000 человѣкъ. Лѣтъ десять тому назадъ, Дӯтӯ̀йнъ-хӯрē славилось особенною торжественностью обстановки при церемоніи Мà̀йдари и въ ту пору къ нему стекались со всѣхъ сторонъ массы народа; но въ послѣдніе годы, когда Илагӯхсанъ хутухтӯ̀ основалъ свой новый монастырь въ хошӯнѣ Далà̀й бэ̀йсэ, онъ сдѣлалъ у себя

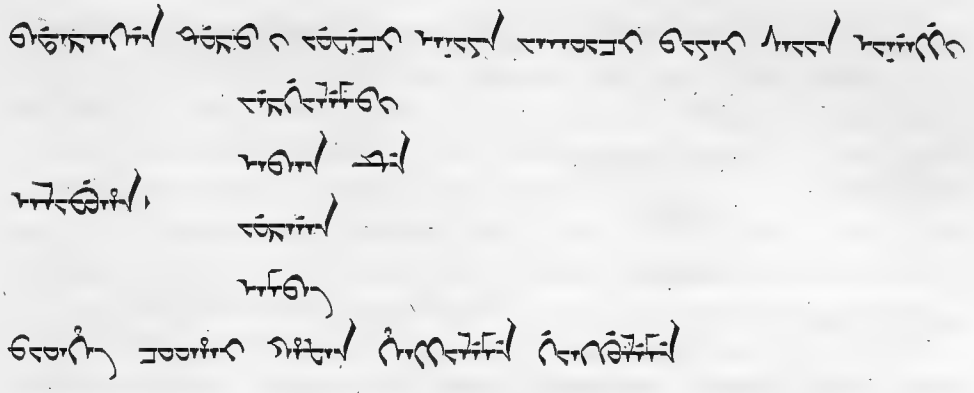
церемонію Мàйдари еще торжественнѣе, и народъ потому, почти оставивъ Дӯтӯйнъ-хӯрѣ, устремился къ Илагӯхсанъ гэгэ̀ну.

Въ пору моего проѣзда, ханбо̀ лама̀ Дӯтӯйнъ-хӯрѣ уѣзжалъ по какимъ-то дѣламъ въ Ургу, и живущіе при кумирнѣ ламы, какъ штатные, такъ и нештатные, разбрелись по степи, такъ что въ кумирнѣ оставалось только человѣкъ двадцать старыхъ да малыхъ. Поѣздки ламъ въ степь, на свиданіе съ родственниками, въ лѣтнее время составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ монастыряхъ, теперь же отсутствіе начальства усилило это явленіе. Я подъѣхалъ къ монастырю, бродилъ по нему болѣе получаса и не встрѣтилъ ни одного человѣка. Двѣ кумирни были совершенно открыты, повсюду лежала масса серебряныхъ принадлежностей буддійскаго культа, не говоря уже о литыхъ изъ бронзы и мѣди бурха̀нахъ, чинно стоявшихъ на своихъ мѣстахъ; было ясно, что ламы здѣсь не боятся воровъ. Монастырь раздѣляется на три двора, по обычаю всѣхъ императорскихъ кумирень, но всѣ зданія его если и обширны, то грязны и убоги, нося слѣды разрушенія. Главная кумирня находится на среднемъ дворѣ. Она построена изъ дерева, въ три яруса и окрашена въ темно-красный цвѣтъ. Пройти къ ней оказалось довольно трудно, такъ какъ лѣстницы и портики совсѣмъ перегнили. За всѣмъ тѣмъ надъ дверями этой кумирни красуется императорская дощечка, съ начертаніемъ золотыми буквами имени, пожалованнаго монастырю; оно обозначено на трехъ языкахъ, въ нижеслѣдующей формѣ:



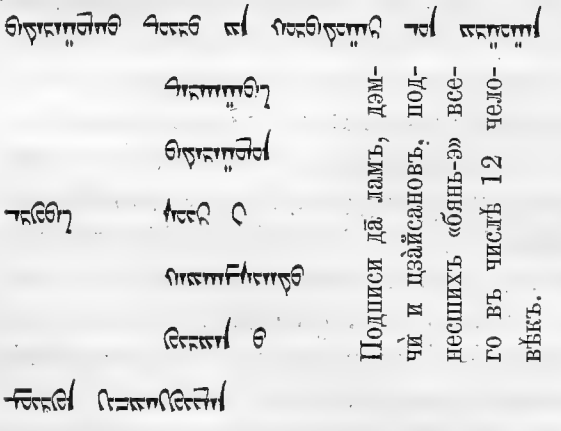
善 孚 寺

Это значитъ: «Благій и вѣрный храмъ». Надъ окнами южной стороны кумирни, а равно по бокамъ отъ входа въ кумирню, подъ стропилами портиковъ, по обычаю китайцевъ, подвѣшаны частныя «бянь-э̀», съ начертанными на нихъ изреченіями. Есть здѣсь надписи и китайскія, и маньчжурскія, и монгольскія; общее же число ихъ доходитъ до двадцати. Китайскія «бянь-э» принесены кумирнѣ главнымъ образомъ улясута̀йскими амба̀нями и битхэшѝ цзурга̀новъ; маньчжурскія—въ большинствѣ случаевъ тѣми же лицами, а монгольскія — мѣстными ламами и князьями. Вотъ образцы этихъ надписей:



Это значитъ: «Великая правота (этой обители) равна небу. — Поднесена, съ благоговѣйными поклоненіями, гражданскими и военными чинами въ счастливый день 8-й луны, 2-го года правленія Бадаранга-дòро» (1875 г.).

Монгольскія надписи имѣютъ ту же форму, но всѣ онѣ приносились въ даръ монастырю коллективно. Вотъ напримѣръ «бянь-э» поднесенная кумирнѣ мѣстными ламами:



Это значитъ: (Настоящая кумирня) «распространила удивительное величіе монастыря». — Поднесена съ усердными поклонами въ счастливый день 6-й луны, 3-го года правленія Бадарагӯлху тӱрӯ» (1876 г.).

Есть однако примѣры, что и монгольскіе ламы приносили дощечки на маньчжурскомъ языкѣ, хотя это относится лишь къ лицамъ высшаго управленія; такъ Нарӯ-баньчэ̀нь хутухтӯ, вмѣстѣ съ Эрхэ̀ цорчжìинъ хубилга̀номъ поднесли монастырю «бянь-э» съ такою надписью:

Это значитъ: «Правдивая природа подобна солнцу и лунѣ. — Поднесена сàинъ-нойновскаго àймака Нарȳ-баньчэнь хутуктою и хубилгàномъ Эркэ цорчжія въ счастливый день 4-й луны, 3-го года правленія Бадàранга дòро (1876 г.).

Внутренность этой кумирни мнѣ не удалось осмотрѣть, такъ какъ кумирня оказалась закрытою, а изъ ламъ при мнѣ ровно никого не было.

Верстахъ въ пяти отъ этого монастыря къ югу располагается ставка мѣстнаго хошȳннаго цзасакà, титулуемаго Хошȳчи бóйсэ, здѣсь же находится и его тамàга, или хошȳнное управленіе. Такимъ образомъ означенное урочище является средоточіемъ хошȳна какъ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Такое значеніе его, безсомнѣнія, было причиною того, что въ немъ поселились и китайскіе торговцы. Почти у самаго монастыря, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ южныхъ воротъ онаго, находится ихъ сбитый изъ глины хашȃнъ, внутри коего построено два глинобитныхъ же бàйшина и нѣсколько сараевъ. Китайцы эти пріѣзжаютъ изъ Пекина и живутъ здѣсь постоянно, отправляя на югъ, за Великую стѣну добытыя ими произведенія Монголіи, одинъ разъ въ годъ. Собственно торговля ихъ весьма незначительна и главнѣйшія выгоды получаются ими отъ исполненія мелкихъ банкирскихъ обязанностей въ хошȳнѣ.

Отъ Дȳтȳйнъ-хȳрэ̄ дорога направляется на СВ по пади Намшȉръ, а засимъ поворачиваетъ прямо на западъ и слѣдуетъ по каменистой пади Цагàнъ-булȳкъ. Въ этой пади расположена послѣдняя станція къ Улȑсутàю, — Хуà шорбȳту, или лучше сказать лѣтовка этой станціи, потому что на зиму она перекочевываетъ къ югу, въ урочище, отъ котораго получила свое имя и которое отстоитъ отъ пади Цагàнъ-булȳкъ на пространствѣ одной кочевки, т. е. верстахъ въ 20-ти.

Отъ Хуà-шорбȳту до Улȑсутàя считается только 15 верстъ, но дорога здѣсь очень трудная. Два труднѣйшихъ и неудобнѣйшихъ перевала залега-

ютъ на этомъ пространствѣ. Двинувшись прямо на сѣверъ, мы сразу же отъ станціи начали подниматься на такъ называемый Бичиктӯ даба̄. Такое названіе легко можетъ заинтересовать археолога Монголіи, которому покажется, что на этихъ горахъ гдѣ либо непремѣнно скрываются старинныя письмена, или надписи; но это не вѣрно, ибо перевалъ Бичиктӯ даба̄ получилъ свое названіе не отъ старинныхъ письменъ, а потому что черезъ него узаконено возить всякаго рода бумаги (бичѝкъ), отправляемыя въ Пекинъ и получаемыя изъ онаго. Сначала этотъ перевалъ идетъ на пространствѣ двухъ, или $2^1/_2$ верстъ довольно полого; но чѣмъ ближе къ вершинѣ, тѣмъ дѣлается круче. Спускъ съ него еще болѣе крутой, приводитъ въ падь Асхатӯ, въ которой живутъ Улясута̀йскіе плотники. Отсюда слѣдуетъ другой и еще болѣе крутой перевалъ, именуемый Хото̀йнъ-даба̄. Съ него спускаются въ долину рѣки Богдо̀инъ го̄ла, на правомъ берегу которой стоитъ Улясута̀йская крѣпость и состоящій при ней торговый городъ. У этой рѣки я поздоровался съ мѣстными русскими купцами, которые выѣхали встрѣтить меня. Въ Улясута̀й мы въѣхали такимъ образомъ большимъ поѣздомъ и, миновавъ торговый городъ, я остановился здѣсь на отведенной мнѣ, по приказанію цзя̀нь-цзюня, казенной квартирѣ, въ кумирнѣ.

IV. Улясута̀й.

Городъ Улясута̀й, хотя по количеству населенія и своей обширности занимаетъ второе мѣсто среди городовъ сѣверной Монголіи, но, составляя резиденцію цзя̀нь-цзюня, такъ-сказать — генералъ-губернатора всей Монголіи, онъ, по своему административному положенію, необходимо долженъ быть почитаемъ главнѣйшимъ халхаскимъ городомъ. По характеру своему Улясута̀й совершенно противоположенъ Ургѣ. Послѣдняя, будучи мѣстопребываніемъ верховнаго буддійскаго первосвященника монголовъ, есть ни что иное, какъ громадный монастырь; Улясута̀й, напротивъ, служитъ центральнымъ пунктомъ китайскаго управленія въ Монголіи и представляетъ собою главнымъ образомъ военную крѣпость, при чемъ какъ монгольскія, такъ и китайскія историческія сочиненія даютъ этому городу такое значеніе съ самаго ранняго времени, то-есть, изначала считаютъ его крѣпостью для поселенія охранныхъ гарнизоновъ маньчжурскаго войска. Въ китайскомъ сочиненіи Шэнъ-у-цзи, въ третьей цзюани, или книгѣ, находится такого рода замѣтка: «въ срединѣ (правленія) Цянь-лу̀на воздвиг-

нуты были города Улясутàй и Кобдò»; но средина царствованія Цянь-лўнова падаетъ на 1766—1767 годы, тогда какъ мы достовѣрно знаемъ, что оба эти города существовали значительно раньше этого времени: такимъ образомъ, помянутая замѣтка, очевидно, сообщаетъ или о перестройкѣ этихъ крѣпостей, или же о новомъ возведеніи ихъ. Подлинный годъ основанія Улясутàя до настоящаго времени остался мнѣ совершенно не извѣстенъ и мы съ достовѣрностью можемъ только утверждать, что Улясутàй, вмѣстѣ съ Кобдò, какъ военныя крѣпости, были построены въ періодъ борьбы маньчжурскаго дома и монголовъ съ ōлōтами, когда такихъ крѣпостей основано было китайцами много, — на Тэсѣ, на Орхòнѣ, на Байдарѝкѣ, на Тўѣ, на Тамѝрѣ, на Дзàкѣ и пр.[1]). Нѣкоторый свѣтъ на сказанный вопросъ пролили для меня въ настоящую мою поѣздку мои бесѣды съ ученымъ тусалакчѝ хошўна Эрдэнѝ-вàнова, котораго засталъ я состоящимъ на очередной службѣ въ Улясутàѣ. Онъ сообщилъ мнѣ преданіе монголовъ, по коему Улясутàйская крѣпость оказывается построенною позднѣе Кобдòской. Дѣло было якобы такъ: изъ многочисленныхъ крѣпостей, построенныхъ въ Западной Монголіи въ эпоху чжунгàрскихъ набѣговъ, въ первое время особенно возвысилась Кобдò, какъ ближайшій сторожевой постъ къ странѣ чжунгàровъ. Такъ какъ откомандировываемыя въ Кобдò войска не могли съ удобствомъ помѣщаться въ кобдòской крѣпости, то въ помощь ей вскорѣ была воздвигнута другая крѣпость, въ Цаганъ-сўлѣ; но и здѣсь, въ виду отвода плодородныхъ земель подъ пашни, недостаточной плодовитости остальной степи и полнаго отсутствія топлива, войска не могли прожить долго. Разыскивая болѣе удобныя стоянки, тогдашніе маньчжурскіе военачальники остановились на урочищѣ Алдàръ, раскинувшемся по рѣкѣ Буянтў, гдѣ располагается нынѣ первая станція улясутàйско-кобдòскаго почтоваго тракта. Сюда была переведена часть Цаганъ-сўль'скихъ войскъ, а для помѣщенія ихъ возведена была новая крѣпость, развалины которой находятся теперь верстахъ въ 25 къ зап. отъ Улясутàя, близъ монастыря, именуемаго Эбўгэнъ-хўрэ. Вскорѣ однако обнаружилось, что по причинамъ, дѣйствовавшимъ въ Цаганъ-сўлѣ, солдаты не могли оставаться долго и на Алдàрѣ. Въ біографіи Эрдэнѝ-вàна сохранился всеподданнѣйшій докладъ тогдашняго великаго цзянь-цзюня Халхи Си-бāо, отъ 10 г. правленія Юнъ-чжэна (1733 г.), въ которомъ Си-бāо испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія богдохāна перевести войска изъ мѣстности Алдàръ-тологòй и расположить ихъ близъ Улясутàй-ўла. Такъ какъ на это послѣдовало соизволеніе богдохāна, то въ томъ же году состоялось передвиженіе войскъ, которыя и по-

1) Эрдэнійнъ эрихэ, II, гл. 43-я, л. 95-й.

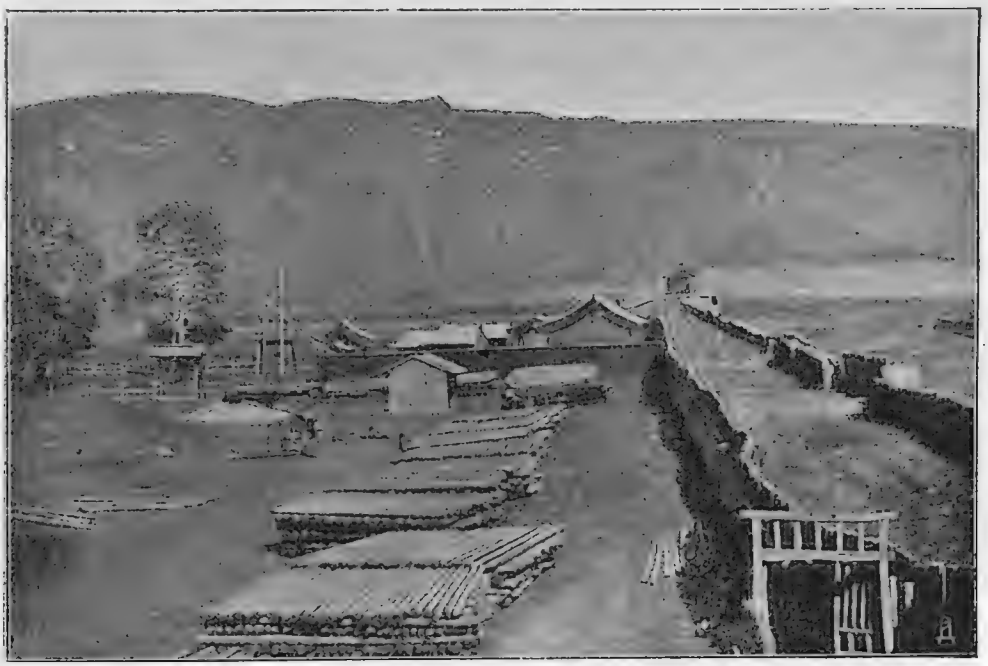
ложили первое основаніе Улясутайскому укрѣпленію. То же преданіе добавляетъ далѣе, что въ ту пору улясутайская крѣпость была значительно меньше настоящей; жили въ ней исключительно китайцы, тогда какъ маньчжуры и монголы кочевали въ юртахъ частію въ Алдарѣ, а частію по падямъ окружающихъ Улясутай горъ. Въ слѣдующемъ году въ Улясутаѣ были построены провіантскіе магазины, склады для храненія оружія и проч. Всѣ соотвѣтствующія статьи военнаго продовольствія были перевезены изъ Алдара и Цаганъ-сӯля, излишекъ же запасовъ этихъ крѣпостей былъ отправленъ въ Кобдо, который съ этого, 1734, года получилъ бо̀льшую самостоятельность въ управленіи, такъ какъ туда былъ командированъ для завѣдыванія дѣлами управленія тусалакчѝ цзя̀нь-цзюнь, э̀фу Цэрэ̀нъ, носившій титулъ «Эрдэнѝ-ва̀на». Съ этой поры улясутайская крѣпость оставалась безсмѣнно на своемъ мѣстѣ вплоть до настоящаго времени. Въ лѣтописи «Эрдэні̀нъ-эрихэ̀», подъ 6-мъ годомъ правленія Цянь-лу̀на (1741 г.) мы находимъ извѣстіе о перекочевкѣ улясутайской военной крѣпости на рѣку Тамѝръ (ᠲᠠᠮᠢᠷ ᠶᠢᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠣᠲᠠᠨ ᠤ ᠪᠠᠷᠠᠭᠤᠨ ᠲᠠᠯ ᠳᠤ ᠰᠡᠯᠡᠩᠭᠡ ᠶᠢᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ), но такое выраженіе, по словамъ толковавшаго мнѣ эти событія тусалакчѝ, не вполнѣ точно; ибо кочевала въ ту пору не крѣпость, а только находившееся въ крѣпости главное управленіе халха̀скихъ войскъ. Извѣстно, что въ Халхѣ съ 1-го года правленія Цянь-лу̀нова (1736) былъ объявленъ великимъ цзя̀нь-цзюнемъ э̀фу-Цэрэ̀нъ, родовыя кочевья коего располагались по Тамѝру. Въ 1741 г. э̀фу-Цэрэ̀нъ праздновалъ 60-ти лѣтній юбилей своей жизни; и вотъ, во вниманіе къ преклонности лѣтъ его, богдоха̀нъ разрѣшилъ ему, состоя великимъ цзя̀нь-цзюнемъ, проживать въ родовомъ его кочевьи, а для удобства управленія перевести главную канцелярію изъ Улясута̀я въ Тамѝрскую крѣпость. Переводъ этотъ, конечно, состоялся; главное военное управленіе de facto было сосредоточено при квартирѣ великаго цзя̀нь-цзюня, на Тамѝрѣ; но de jure оно продолжало все-таки называться улясутайскимъ и Улясутай продолжалъ оставаться, хотя и номинально только, главною халхаскою крѣпостью, въ которой сосредоточивалось высшее военное управленіе Халхи. Подобнымъ же образомъ должны быть истолковываемы и всѣ другія извѣстія о перекочевкѣ Улясута̀я, напримѣръ, на Байдарѝкъ, Дза̀къ и другія мѣста; все дѣло здѣсь лишь въ перекочевкѣ, по требованію обстоятельствъ, главнаго управленія улясутайскаго цзя̀нь-цзюня въ ту или другую крѣпость; между тѣмъ какъ улясута̀йскій городъ неизмѣнно оставался на своемъ мѣстѣ и почитался резиденціею цзя̀нь-цзюня.

Въ 1748 году Улясута̀йская крѣпость значительно расширилась, ибо сюда были стянуты войска со всѣхъ малыхъ крѣпостей, находившихся въ

западной Халхѣ, хотя эта сгруппированность войскъ продолжалась весьма недолго: не больше какъ черезъ четыре года, въ 1752 году, великій цзя̀нь-цзюнь Цэнгу̀нь-чжа̀бъ, при личномъ представленіи къ императору, докладывалъ о томъ, что «доставлять въ Улясута̀й изъ а̀ймаковъ продовольствіе для множества солдатъ весьма трудно, по причинѣ удаленности нѣкоторыхъ а̀ймаковъ отъ помянутой крѣпости; притомъ же разстоянія мѣстонахожденій войскъ, еслибъ послѣднія были возвращены на старыя мѣста (то-есть, размѣщены снова по мелкимъ крѣпостямъ), вовсе не такъ велики, чтобы имъ быть серьезною причиною для невозможности наблюденія надъ солдатами, или несвоевременнаго собранія войскъ въ потребное время». По докладу этому солдатъ повелѣвалось снова возвратить въ мѣста ихъ прежняго жительства, и Улясута̀й снова остался крѣпостью хотя и главною, но, вѣроятно, незначительно большею въ сравненіи съ другими. Все это было въ то время, когда великій цзя̀нь-цзюнь жилъ на рѣкѣ Тамѝрѣ, въ лѣтописи Эрдэні̀нъ эрихэ̀ подъ 1759 годомъ записанъ высочайшій приказъ о перекочевкѣ квартиры великаго цзя̀нь-цзюня и главнаго военнаго управленія Халхи съ Тамѝра на Улясута̀й въ слѣдующихъ словахъ: «Въ прежнихъ военныхъ крѣпостяхъ больше нѣтъ нужды; да и кромѣ того вслѣдствіе лишь преклонныхъ лѣтъ э̀фу Цэрэ̀на[1]), относясь къ дѣлу легко, мы учредили городъ на Тамѝрѣ военною крѣпостью; нынѣ, вслѣдствіе необходимости разслѣдованія дѣлъ объ Урянхахъ, должно перенести военную крѣпость на Улясута̀й». Такимъ образомъ съ 1759 года мѣстопребываніе великаго халха̀скаго цзя̀нь-цзюня и военная крѣпость перенесены были на рѣку Улясута̀й, и съ этой же поры начинаются постоянныя заботы цзя̀нь-цзюней какъ о приведеніи улясута̀йской крѣпости въ лучшій видъ, такъ и о расширеніи оной. Подъ 29-мъ годомъ правленія Цянь-лу̀на (1765 г.) въ лѣтописяхъ записанъ высочайшій докладъ амба̀ней, которымъ до свѣдѣнія императора было доведено, что Улясута̀йская крѣпость въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ развалилась и теперь представляется необходимымъ исправить ее. По этому докладу произведено было и исправленіе, но вѣроятно, оно было непрочно, ибо зимою того же года глиняныя стѣны Улясута̀я снова разрушились. Такъ какъ поправлять ихъ вновь было невозможно, то былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, чтобы вмѣсто стараго города, находившагося между рѣками Улясута̀емъ и Чжагасуту̀, по старому примѣру, по-

1) Эфу Цэрэ̀нъ былъ двоюроднымъ братомъ перваго са̀йнъ-ноѝна — Шамбы. Будучи ребенкомъ, онъ въ 30-мъ году правленія Канси (1691 г.) вмѣстѣ съ своею матерью прибылъ въ Пекинъ, гдѣ и былъ оставленъ императоромъ Канси при дворѣ на воспитаніе. Въ 45-мъ году (1706 г.) онъ былъ сдѣланъ хошо̀й э̀фу, за него была выдана княжна Чу̀нь-цюэ.

строить деревянный городъ; при семъ предполагалось увеличить вышину стѣнъ до одной двойной сажени и шести локтей, толщину до одной двойной сажени; вся окружность крѣпости исчислялась въ 500 двойныхъ саженей. Стѣны предполагалось устроить, поставивъ въ два ряда частоколъ, а средину между этими частоколами утрамбовать землею; съ восточной, западной и южной сторонъ поставить по одними воротамъ, съ сѣверной же стороны, такъ какъ она прилежитъ къ рѣкѣ, предположено было прокопать ровъ и пустить по канавамъ воду вокругъ города. Все это было исполнено, и этотъ видъ Улясутайская крѣпость сохраняетъ и до настоящаго времени,— только канавы, окружающія крѣпостныя стѣны, теперь уже засорились, и воды вокругъ города не имѣется. По всей вѣроятности, объ этомъ послѣднемъ возсооруженіи Улясутая и сообщаетъ намъ вышепредставленная замѣтка сочиненія Шэнъ-у-цзи.



Современный видъ стѣны Улясутайской крѣпости.

Съ 1780 года число проживающихъ въ Улясутаѣ должно было значительно сократиться. Въ этомъ году, соотвѣтствующемъ 44-му году правленія Цянь-луна, китайцами были изданы новыя узаконенія и правила относительно управленія Монголіи, которыя значительно измѣняли положеніе улясутайскаго цзянь-цзюня, а вмѣстѣ съ нимъ и самаго Улясутая. Должность улясутайскаго великаго цзянь-цзюня получила свое начало въ періодъ

маньчжуро-монгольскихъ войнъ съ чжунгарами, и великій цзянь-цзюнь имѣлъ тогда значеніе главнокомандующаго дѣйствующей арміи, въ составъ которой входили какъ монголы, такъ равно и маньчжуры съ китайцами. При такомъ значеніи должности, ее занимали рѣшительно всѣ цзянь-цзюни, начиная отъ перваго Фурданя, до Баобина включительно. Впослѣдствіи, по окончаніи войнъ на западѣ, должность великаго цзянь-цзюня должна была сама собою уничтожиться. Оставшійся главнымъ представителемъ маньчжурской власти у монголовъ былъ Эфу-Цэрэнъ, но онъ первоначально носилъ званіе тусалакчи цзянь-цзюня. На обязанности его лежало, вмѣстѣ съ хэбэй-амбанями и даргами четырехъ халхаскихъ сеймовъ, рѣшать не только важнѣйшія дѣла по Монголіи и границѣ, управлять ходомъ приготовленія войскъ въ четырехъ аймакахъ и наблюдать за станціями и караулами, но и вести дѣла меньшей важности, какъ-то: судить бѣглыхъ, разнаго рода преступниковъ, воровъ и пр.; словомъ, великій цзянь-цзюнь Цэрэнъ былъ главнѣйшимъ правителемъ Монголіи, которому докладывались всѣ, даже самыя мелочныя дѣла. Послѣдующіе преемники должности Цэрэна, сынъ и внукъ его Цэнгунь-чжабъ и Цэбдэнъ-чжабъ, находились въ томъ же самомъ положеніи и хотя носили титулы улясутайскихъ великихъ цзянь-цзюней, но эти титулы давались имъ китайскимъ правительствомъ или изъ уваженія къ памяти ихъ предка — Цэрэна, или за усердіе въ дѣлахъ. Послѣ Цэбдэнъ-чжаба, на должность улясутайскаго цзянь-цзюня впервые былъ назначенъ маньчжуръ по имени Хэтуринга-бату. Можно думать, что монголы того времени были не особенно довольны этимъ назначеніемъ, ибо при смѣнѣ этого Хэтуринга-бату, и именно въ 1780 году, Цянь-лунъ издалъ особый манифестъ, въ которомъ, какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе монголовъ, довольно сурово объяснялось, что должность цзянь-цзюня есть должность верховнаго правителя всей Монголіи, что она не только не наслѣдственна въ поколѣніи Цэньгунь-чжаба, но даже не должна быть непремѣнно занятою халхаскими нойнами, а потому на мѣсто Хэтуринга-бату на должность улясутайскаго цзянь-цзюня назначается Гинэгун, тоже изъ маньчжуровъ. За симъ, какъ бы въ укоръ монголамъ, изданы были помянутыя новыя положенія, которыми значеніе цзянь-цзюня еще болѣе возвышалось. По этимъ положеніямъ, цзянь-цзюнь, хэбэй-амбани и начальники халхаскихъ сеймовъ (даргй) судили дѣла каждый особо; цзянь-цзюню не докладывалось теперь, и онъ не судилъ всякую мелочь, но являлся только верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и надсмотрщикомъ за управленіемъ [1]). Такимъ

1) Шэнъ-у-цзи въ краткихъ словахъ слѣдующимъ образомъ выясняетъ всѣ преобразованія того времени и опредѣляетъ значеніе улясутайскаго цзянь цзюня: «Въ Улясутаѣ и

образомъ, со времени изданія этого положенія, когда хошӯнные цзахирахчи (правители) и начальники сеймовъ получили право имѣть свои отдѣльные суды, число являющихся въ Улясутаѣ преступниковъ, ихъ родственниковъ и пріѣзжающихъ ходатаевъ по разнаго рода дѣламъ должно было значительно сократиться. Черезъ семь лѣтъ послѣ сего, число правительственныхъ учрежденій въ Улясутаѣ еще уменьшилось вслѣдствіе уже извѣстнаго намъ изъ исторіи Урги перенесенія верховнаго управленія двумя восточными аймаками Халхи въ Ургу, а это, въ свою очередь, не могло пройти безъ вліянія какъ на количественное, такъ и на торговое состояніе города. Улясутаю приходилось постепенно падать.

Можно думать однако, что и въ этотъ минувшій періодъ господства Улясутая надъ всею Халхой, онъ былъ для нея не болѣе какъ правительственнымъ центромъ, къ которому душа монголовъ далеко не лежала такъ, какъ, напримѣръ, къ Ургѣ,—что монголы пріѣзжали сюда только по необходимости, жили здѣсь бездомными одиночками, какъ временные пришельцы, и что общественной жизни въ Улясутаѣ не было никакой. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что Улясутай, несмотря на извѣстную намъ религіозную ревность монголовъ, во все это время не имѣлъ у себя даже ни одной кумирни и о построеніи въ немъ первой кумирни мы узнаемъ изъ всеподданнѣйшаго доклада великаго цзянь-цзюня и хэбэй-амбаней, записаннаго въ лѣтописяхъ только подъ 1787 годомъ. Докладъ этотъ вкратцѣ содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Въ Улясутаѣ съ самаго начала его существованія не было построено отъ правительства кумирни; нынѣ, по желанію чиновниковъ и военныхъ людей, въ самой срединѣ крѣпости воздвигнута кумирня подъ названіемъ Гуань-ди. Если будетъ позволено, то рабы съ настоящаго времени будутъ ежегодно, по окончаніи разслѣдованія казенныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ очередными ванами, гунами, цзасаками и чиновниками, приносить жертвы весной и осенью, согласно постановленіямъ Срединнаго государства. Что же

Кобдо были посажены для управленія: завѣдывающій границею лѣвой стороны цзянь-цзюнь и цань-цзань да-чэн'и (ихъ три—одинъ въ Кобдо и два въ Улясутаѣ; въ число этихъ послѣднихъ одинъ выбирается изъ монгольскихъ родовыхъ князей); всѣ же сполна войска четырехъ халхаскихъ аймаковъ вѣдаются улясутайскимъ цзянь-цзюнемъ. Войска Дӯрбэтовъ, новыхъ Торгоутовъ и Хошутовъ вѣдаются илійскимъ цзянь-цзюнемъ; кукунорскія войска вѣдаются синиискимъ амбанемъ. Когда случатся дѣла, то цзянь-цзюнь и амбани дѣлаютъ доклады и распоряженія. Войска внутреннихъ (то-есть 49-ти) чжасаковъ вѣдаются аймачными ханами, ванами и т. д. Въ Улясутаѣ и Кобдо ежегодно взимается оцѣнная, караульная и военная повинности, а равно пашенные и пастбищные оброки по положенію о вышедшемъ въ походъ съ войскомъ сановникѣ. Въ Маньчжуріи, Кукухотонѣ и Или охранные цзянь-цзюни и вмѣстѣ съ тѣмъ правители приравнены сюда быть не могутъ, такъ какъ улясутайскій цзянь-цзюнь управляетъ 82-мя хошунами, четырьмя ханами, Урянхайцами и прочими многими племенами, живущими между Алтаемъ и Тянь-шанемъ и составляетъ *первой важности* постъ за Великой стѣною (Шень-у-цзи Цзюань, 3, л. 34-й).

касается расходовъ по предметамъ, необходимымъ при жертвоприношеніи, то они будутъ ассигноваться съ доведеніемъ до свѣдѣнія подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ» [1]). На докладъ этотъ послѣдовало высочайшее согласіе, и съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе въ Улясутàѣ принесеніе осеннихъ и весеннихъ жертвъ. Кумирня Гуань-ди существуетъ въ крѣпости и до сего времени. Монголы зовутъ ее кумирнею Гэсэ̀ра, и въ настоящее время она представляетъ собою древнѣйшее изъ крѣпостныхъ зданій. Въ періодъ нашествія дунганъ въ 1869 году она осталась единственнымъ неповрежденнымъ зданіемъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ построекъ. Такимъ образомъ, съ 1780 года положеніе Улясутàя окончательно утвердилось, и съ тѣхъ поръ онъ существуетъ неизмѣнно до настоящаго времени: Улясутàй служитъ городомъ, въ которомъ живетъ представитель китайской власти въ сѣверной Монголіи, и потому здѣсь сосредоточивается нѣкоторымъ образомъ управленіе всей Халхи; кромѣ того, онъ служитъ мѣстопребываніемъ амбàня, завѣдывающаго àймаками сàйнъ-нойновскимъ и цзасактȳ-хàновскимъ.

Главнѣйшее населеніе улясутàйской крѣпости всегда составляли жившіе здѣсь для охраны китайской власти и смѣнявшіеся по очередямъ солдаты, число которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, въ разное время доходило отъ 3,500 до 800 человѣкъ. Въ прошлую мою поѣздку по Монголіи въ 1876—79 гг., въ Улясутàѣ, еще отъ временъ дунганскаго возстанія, оставались командированныя тогда въ Монголію чахàрскія и солòнскія войска (около 800 человѣкъ); но уже въ концѣ 1879 года, они, въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, были выведены изъ Улясутàя и возвращены на родину, взамѣнъ же ихъ, для охраны улясутайской крѣпости, были собраны мѣстныя халхаскія войска. Въ свою пору мы говорили объ этой перемѣнѣ, какъ о долженствующей, несомнѣнно, повлечь за собою паденіе Улясутàя и даже всей окружной Халхи; такъ какъ чахàры и солòны, неоспоримо, привносили въ жизнь халхасовъ хотя бы нѣкоторую долю цивилизаціи: они дѣйствовали образовательно на завзятыхъ кочевниковъ сѣверной Монголіи и, до нѣкоторой степени, способствовали тому, чтобы самъ Улясутàй имѣлъ видъ дѣйствительно осѣдлаго города, а не скопища кочевыхъ кибитокъ. Многіе изъ привыкшихъ къ удобствамъ осѣдлой жизни чахàрскихъ и солòнскихъ солдатъ строили въ Улясутàѣ собственные дома; мало того, недовольствуясь тѣсною улясутàйскою крѣпостью, солòны построили тогда, на свои собственныя средства, даже свою особую крѣпость, глинобитныя стѣны которой съ полуразвалившимися бàйшинами доселѣ высятся еще верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ Улясутàя, въ долинѣ Чжига-

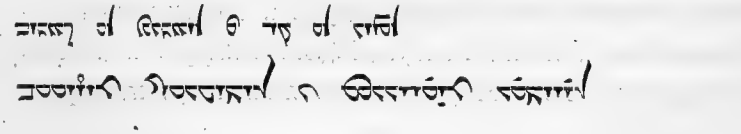
1) Эрдэнійн эрихэ, II, гл. 44, л. 133.

стӯйнъ-гӧла. На смѣну выведенныхъ чахаровъ и солоновъ, какъ уже было сказано, были вызваны халхаскія войска, первоначально въ количествѣ 400 латниковъ, но засимъ, въ 1880 г., по обстоятельствамъ тогдашняго объявленія Халхи на военномъ положеніи, число это было увеличено до 2,000 человѣкъ. Такое обиліе военнаго люда имѣло однако весьма мало значенія для Улясутая. Солдаты эти даже не жили въ крѣпости, а раскинулись отдѣльными кочевыми лагерями по горнымъ падямъ, на пространствѣ верстъ на 30 къ сѣверу Улясутая; что же касается крѣпости, то населеніе ея, помимо обычнаго служилаго при мѣстныхъ управленіяхъ люда, увеличилось тогда развѣ на 40—50 человѣкъ китайскихъ солдатъ, присланныхъ Ли-хунъ-чжаномъ изъ Тяньцзина, въ качествѣ инструкторовъ для монгольскихъ войскъ. Съ 1883 г. большая часть этихъ экстренно созванныхъ войскъ была распущена и въ Улясутаѣ было оставлено только 200 халхаскихъ латниковъ, но они также точно не поселились въ крѣпости, а постоянно кочуютъ и до настоящей поры въ окрестностяхъ Улясутая, лѣтомъ: по р.р. Ирӧ, Цубурӯ, Нарынъ, Чжагастӯ и др.; зимою,—къ западу отъ Эбӯгэнъ-хӯрѣ, по равнинѣ Ханай-худукъ до устья рѣки Усунъ-цзӯиль, т. е. удаляются отъ Улясутая верстъ на 70. Въ самой улясутайской крѣпости проживаетъ теперь самое незначительное число китайскихъ и маньчжурскихъ солдатъ, относящихъ свою службу при цзянь-цзюнѣ, въ званіи его ординарцевъ, и при мѣстныхъ управленіяхъ, въ званіи сторожей и старшихъ разсыльныхъ. Для доставленія этому населенію необходимыхъ жизненныхъ удобствъ при крѣпости издавна уже образовалась особая торговая слобода, носящая общее названіе маймачэна. Такимъ образомъ Улясутай раздѣляется на двѣ части: въ первой — собственно улясутайской крѣпости сосредоточены постоянныя присутственныя мѣста и живетъ часть китайскаго войска; вторая часть — улясутайскій маймачэнъ — находится отъ крѣпости на разстояніи версты и отдѣляется отъ нея теченіемъ рѣки Чжагастӯ-гӧла.

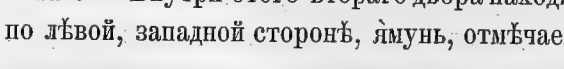
Улясутайская крѣпость стоитъ почти присліяніи рѣкъ Чжагастӯ-гӧла и Богдыйнъ-гӧла; послѣдняя рѣка встарину носила названіе Улясутайнъ-гӧла и на китайскихъ картахъ донынѣ рисуется еще съ этимъ именемъ; но въ дѣйствительности это имя теперь на столько забыто, что рѣдкіе монголы могутъ отвѣчать на вопросъ, которая изъ рѣкъ называлась Улясутай, и существовала ли здѣсь когда-либо такая рѣка. Почву, на которой стоитъ Улясутай, вѣрнѣе назвать песчаною, подъ нею же начинается мелкій камень, или, какъ говорятъ здѣсь русскіе, дресва. Послѣ вышепредставленной мною выписки изъ лѣтописи, могущей дать понятіе о внѣшнемъ видѣ и стѣнахъ Улясутайской крѣпости, я считаю излишнимъ повторять

снова описаніе ея наружности; дополню только, что частоколъ, образующій крѣпостныя стѣны, былъ исправленъ въ послѣдній разъ въ 1880 году, когда была исполнена перестройка и многихъ другихъ крѣпостныхъ зданій. Такимъ образомъ, посѣтивъ теперь улясутайскую крѣпость, я нашелъ здѣсь значительно измѣнившимися и улучшенными и зданія присутственныхъ мѣстъ, и жилища великаго цзянь-цзюня, и дворы амбаней, и нѣкоторыя кумирни. Всѣ эти перестройки были совершены благодаря иниціативѣ и самому дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ тогдашняго монгольскаго амбаня Далай-вана сайнъ-нойновскаго аймака. Внутри улясутайской крѣпости расположеніе всѣхъ этихъ зданій представляется намъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

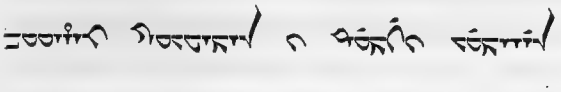
Вступивъ въ главныя, южныя крѣпостныя ворота, наблюдатель тотчасъ же видитъ себя на обширномъ, огороженномъ рогатками дворѣ, для выхода изъ котораго въ крѣпостныя улицы имѣется еще трое воротъ, впрочемъ, съ однѣми только вереями и безъ закрывающихся воротныхъ полотенъ. Первыя изъ этихъ воротъ, прямо противулежащія южнымъ крѣпостнымъ воротамъ, ведутъ во дворъ присутственныхъ мѣстъ и главной крѣпостной кумирни; вторыя, на лѣво, — во дворъ великаго цзянь-цзюня; третьи, на право, — во дворъ маньчжурскаго амбаня. Передъ каждыми изъ этихъ воротъ, по общему обычаю китайцевъ, находится деревянный щитъ, въ видѣ устроенной противъ воротъ стѣны, по длинѣ своей равняющейся ширинѣ самыхъ воротъ и находящейся въ растояніи не большемъ сажени отъ прохода въ ворота. Направляемся въ первыя ворота, ведущія къ присутственнымъ мѣстамъ. У самаго прохода въ нихъ въ четыреугольныхъ деревянныхъ поставцахъ висятъ по одну сторону—большая чугунная доска, а по другую—родъ турецкаго барабана. Назначеніе этихъ приборовъ состоитъ въ томъ, чтобы, по звукамъ ихъ, въ пору опасности, собирать военное населеніе крѣпости для ея защиты. Переступивъ за эти ворота и обогнувъ щитъ, входишь въ первый дворъ присутственныхъ мѣстъ, на которомъ вытянуты съ юга на сѣверъ продолговатыя одноэтажныя зданія, воздвигнутыя изъ дикаго кирпича, по правой — сторонѣ монгольскаго ямуня, а по лѣвой — крѣпостнаго казначейства. Первое изъ нихъ не отмѣчается никакой вывѣской, хотя въ былые годы, несомнѣнно, имѣло таковую; надъ дверями же втораго мы прочитали слѣдующую надпись на языкахъ монгольскомъ и маньчжурскомъ:



обѣ онѣ одинаково обозначаютъ: «казначейское управленіе военной крѣпости». Поднявшись на три порѣжка, съ этого двора вступаешь въ ворота, ведущія во второй дворъ. Эти ворота представляютъ собою уже цѣлое одноэтажное зданіе въ три цзя̀ня величиною, изъ коихъ срединный цзянь, открытый и проходной, представляетъ собою собственно ворота, а въ боковыхъ цзя̀няхъ располагаются складочные магазины. Мѣстонахожденіе здѣсь складовъ легко опредѣлить по вывѣскамъ, ибо надъ дверью съ правой стороны находится маньчжурская надпись , т. е. «кладовая для серебра», а надъ дверью съ лѣвой стороны: т. е. «кладовая для шелковыхъ матерій». Двери той и другой кладовой заперты громадными висячими китайскими замками, съ выгравированными на нихъ китайскими іероглифами 信年萬, т. е. «вѣрь десять тысячъ лѣтъ». — Внутри этого втораго двора находятся также два я̀муня, а именно, по лѣвой, западной сторонѣ, я̀мунь, отмѣчаемый вывѣскою



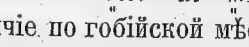
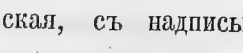
что значитъ: «внутреннее управленіе военной крѣпости», вывѣска же втораго я̀муня по правой, восточной сторонѣ, гласитъ, что это



т. е. «войсковое управленіе военной крѣпости». Внутреннее устройство зданій всѣхъ этихъ четырехъ управленій, за исключеніемъ лишь незначительнаго отличія, замѣчаемаго въ «доргѝ я̀мунѣ» (внутреннемъ управленіи), совершенно одинаково. Каждое зданіе обращено дверями и окнами во дворъ и, имѣя величину 4 цзя̀ней, раздѣляется внутри на четыре комнаты. Первая комната со входа назначается для дежурныхъ писцовъ. У противуположной входнымъ дверямъ стѣны этой комнаты расположенъ большой канъ, на которомъ стоитъ столъ съ постланными по бокамъ его олбо̀ками. Это мѣста дежурныхъ писарей. Здѣсь же, на особомъ столѣ, передъ каномъ, стоятъ заключенная въ ящикѣ подъ замкомъ и сверхъ того обвернутая еще кускомъ шелковой матеріи печать учрежденія, ящикъ для храненія киновари и чернильница для письма. По стѣнамъ развѣшаны тетради реестровъ для записи входящихъ и исходящихъ бумагъ, а на кану цѣлая груда бумагъ, находящихся въ данное время въ дѣлопроизводствѣ. Ком-

ната эта обыкновенно очень грязна и неприглядна. Вправо отсюда еще грязнѣе и неприглядиѣе комната для помѣщенія сторожей, а влѣво двѣ комнаты — одна для канцеляріи учрежденія, а другая представляетъ собою залъ для засѣданій главноначальствующихъ тѣмъ или другимъ учрежденіемъ. Комната, назначаемая для канцеляріи, убранствомъ совершенно походитъ на первую со входа комнату дежурныхъ, только въ ней не одинъ, а два кана, расположенные по стѣнамъ, сѣверной и южной; на одномъ изъ нихъ работаютъ два штатныхъ переводчика: одинъ — для перевода бумагъ на монгольскій языкъ съ языка китайскаго, а другой — съ маньчжурскаго и обратно; на другомъ канѣ назначается мѣсто для двухъ штатныхъ писарей. За этою канцеляріею слѣдуетъ третья и послѣдняя комната засѣданій высшаго начальства. Здѣсь, вмѣсто двухъ, — три кана, съ обстановкою того же рода, только болѣе изящною и чистою. Каны покрыты краснымъ сукномъ, олбоки тоже, при олбокахъ полагаются высокія четырехугольныя китайскія подушки; столы, вмѣсто просто крашенныхъ, сдѣланы лакированные и проч. Главный канъ, прямо противуположный входной двери, назначается повсюду для сѣдалища двухъ цзургановъ: одного китайскаго и одного монгольскаго; канъ съ лѣвой стороны составляетъ мѣсто для двухъ битхэши (секретарей) изъ китайцевъ, а на правой сторонѣ два мѣста назначаются для «аньтаха», т. е. гостей, каковыми считаются здѣсь всѣ чиновники, приглашаемые, по нуждѣ, изъ другихъ какихъ-либо учрежденій, для участія въ засѣданіяхъ того или другаго изъ ямуней. Относительно особенности въ устройствѣ помѣщенія дорги ямуня слѣдуетъ сказать, что эта особенность относится лишь до залы засѣданій. Въ этой залѣ, какъ и въ ямуняхъ цзургановъ, предсѣдатель и члены совѣта разсаживаются по тремъ стѣнамъ комнаты, но каны, съ ихъ обычнымъ убранствомъ, полагаются здѣсь только на двухъ боковыхъ сторонахъ, на главной же, противуположной входу сторонѣ ставится длинная, широкая, подвижная скамья, а передъ нею такой же широкій, прямой и длинный столъ, подобно тому какъ это бываетъ и въ нашихъ присутствіяхъ. Все это устлано краснымъ сукномъ и, можно сказать, блещетъ своею чистотою. Срединное мѣсто за этимъ столомъ принадлежитъ великому цзянь-цзюню, по правую руку его — мѣсто маньчжурскаго амбаня, а по лѣвую — монгольскаго. Скамья, на которой засѣдаютъ они, дѣлается подвижною на тотъ конецъ, что здѣсь случаются засѣданія въ присутствіи не только означенныхъ, но и постороннихъ членовъ, командируемыхъ для рѣшенія разнаго рода вопросовъ то пекинскимъ, то русскимъ правительствомъ. Въ такихъ случаяхъ подвижная скамья убирается и вмѣсто нея ставятся четыре кресла: пріѣзжающій обыкновенно садится по лѣвую руку великаго цзянь-цзюня, между нимъ и монгольскимъ амбанемъ. Это мѣсто занималъ здѣсь

нашъ второй драгоманъ пекинской миссіи, А. С. Ваховичъ, будучи командированъ для переговоровъ въ Монголію, въ 1888 г.; его же обыкновенно занимаетъ и ургинскій консулъ, нерѣдко посѣщающій Улясутàй для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ русскихъ съ монголами.

На сѣверной сторонѣ описываемаго второго двора присутственныхъ мѣстъ, подобно тому какъ это мы видѣли и на первомъ дворѣ, вытянутъ продолговатый съ востока на западъ, трехцзяньный бàйшинъ, съ широкимъ сквознымъ проходомъ черезъ него съ юга на сѣверъ. Зданіе это представляетъ собою также ворота. При входѣ въ нихъ, съ южной, наружной стороны установлены двѣ статуи «ши-цза, или тѣхъ животныхъ, съ которыми соединяется у китайцевъ понятіе о львѣ, а внутри самаго бàйшина, т. е. уже въ крытомъ проходѣ воротъ, стоятъ двѣ глиняныя фигуры богатырей, держащихъ въ поводу своихъ боевыхъ коней. Черезъ эти главныя ворота, или черезъ находящіяся по бокамъ ихъ калитки, посѣтители вступаютъ въ особый пустынный дворъ, на которомъ воздвигнута старѣйшая изъ улясутàйскихъ крѣпостныхъ кумирня Гэсэ̀ра, называемаго китайцами Гуань-ди. Кумирня эта построена, какъ и всѣ другія казенныя зданія, изъ сѣраго кирпича и является одноэтажной, хотя высота ея въ полтора раза превышаетъ всѣ остальные бàйшины. Громадные портики кумирни украшены множествомъ «бянь-э», принесенныхъ въ даръ кумирнѣ, по преимуществу, улясутàйскими цзя̀нь-цзюнями и хэбэ̀й-амбàнями. «Бянь-э», висящая надъ главными, срединными дверями гласитъ 極人世萬 т. е. «вѣчная основа человѣчества»; съ лѣвой стороны этой «бянь-э» виситъ другая, съ монгольскою надписью:  т. е. «распространила величіе по гобійской мѣстности», а съ правой стороны виситъ «бянь-э» маньчжурская, съ надписью:  указывающая также на то, что кумирня эта «распространила поразительное величіе» въ мѣстѣ своей постройки. Помимо другихъ подобныхъ «бянь-э», выражающихъ своими надписями похвалу кумирнѣ, есть здѣсь одна изъ «бянь-э», имѣющая уже историческое значеніе. Находящаяся на ней монгольская надпись, съ датою 1832 года нашего лѣтосчисленія, свидѣтельствуетъ, что кумирня Гэсэ̀ра со временя основанія ея до этого 1832 года ни разу не была исправляема и пришла въ большую ветхость, а потому въ 12-мъ году правленія Тўрў̀-гэрэ̀льтў̀ (Дао-гуана), соотвѣтствующемъ нашему 1832 году, она была исправлена на средства, пожертвованныя монгольскими князьями и ихъ данниками. Тутъ же значатся и имена главнѣйшихъ жертвователей, съ показаніемъ пожертвованной каждымъ изъ нихъ суммы. Надписи эти весьма характеристичны для сужденій объ оффиціальной благотворительности монголовъ и потому мы почитаемъ долгомъ

указать, что на дощечкѣ значатся пожертвовавшими: цзасактӯ хāнъ, чигӯлгану даргà сàйнъ-ноѝновскаго àймака и тусалакчѝ цзя̀нь-цзюни сàйнъ-ноѝновскаго и цэцэ̀нъ-хāновскаго àймаковъ—по 10 ланъ серебра; три или четыре цзасакà — по 5 ланъ; чиновники, засѣдающіе въ чжисà, собрали между собою всего 3 лана 5 циновъ; далѣе числятся тусалакчѝ, мэ̀йрэни и цзалàны разныхъ хошӯновъ, жертвовавшіе въ большинствѣ случаевъ по три ланы; Илагӯхсанъ-хутухтӯ пожертвовалъ 4 лана 5 циновъ; Чжалàханцза-хутухтӯ — 3 лана 5 циновъ; танну-урянхайскіе: мэ̀йрэнь — 2 лана 4 цина; а три, четыре ӯхэри-да, всѣ — по 2 лана; всего же по дощечкѣ значится собранным пожертвованій 73 ланы 8 цинъ, т. е. на наши деньги 147 р. 60 коп. серебромъ.

По внутреннему своему устройству, равно какъ и въ своемъ убранствѣ улāсутàйская крѣпостная кумирня Гэсэ̀ра не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и нечѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ китайскихъ капищъ. Въ срединѣ ея помѣщается только три бурхана: Гэсэ̀ръ-хāна, Эрлѝкъ-хāна и идолъ божества огня. Великій цзя̀нь-цзюнь и хэбэ̀й амба̀ни посѣщаютъ кумирню Гуà нь-ди ежемѣсячно по два раза, именно въ 1-е и 15-е число, для совершенія здѣсь поклоненій; кромѣ сего, какъ уже было сказано выше, здѣсь ежегодно приносятся жертвы весною, въ 1-й день новолѣтія и осенью, 1-го числа восьмой луны. Въ дни этихъ годовыхъ празднествъ, чествованіе Гэсэ̀ра бываетъ особливо торжественно. За нѣсколько дней изъ казенныхъ стадъ пригоняется большой быкъ, предназначаемый въ жертву Гэсэ̀ру, а для совершенія этого жертвоприношенія являются рѣшительно всѣ, состоящіе на государственной службѣ улāсутàйскіе чиновники, какъ китайцы и маньчжуры, такъ равно и монголы. Сборъ чиновниковъ для совершенія чествованія Гэсэ̀ра всегда назначается въ доргѝ я̀мунѣ, приблизительно около 3 часовъ ночи, и отсюда уже предшествуемое цзя̀нь-цзюнемъ и амба̀нями чиновничество направляется въ кумирню.

Въ прошлый мой пріѣздъ, во дворѣ этой кумирни содержались склады крѣпостнаго оружія и пороха, для чего здѣсь были устроены особые магазины каменной постройки, и погреба, вырытые внутри зданій тѣхъ же магазиновъ; но теперь эти склады оказались уже уничтоженными, или лучше сказать, переведенными въ другое мѣсто. Вмѣстѣ съ обновленіемъ кумирни Гуà нь-ди, которое было предпринято въ 1881 году по иниціативѣ бывшаго монгольскаго амба̀ня, дала̀й-вана сàйнъ-ноѝновскаго àймака, Гампѝлъ-дорчжѝ, въ улāсутàйской крѣпости начаты были постройкою и спеціальные магазины для склада оружія, пороха и всякаго рода другихъ боевыхъ принадлежностей. Для помѣщенія ихъ былъ отведенъ большой

участокъ земли, неподалеку отъ западныхъ воротъ крѣпости. Участокъ этотъ нынѣ огороженъ частоколомъ, за стѣнами котораго вытянуты длинныя одноэтажныя зданія изъ сырцеваго кирпича и въ нихъ опредѣлено было сосредоточить крѣпостные запасы рѣшительно всѣхъ сортовъ и видовъ. Такимъ образомъ здѣсь хранятся не только всѣ боевыя принадлежности крѣпости, но еще хлѣбъ, заготовляемый на пищу солдатамъ и проч. Разказываютъ, что въ 1881 году въ Улясутаѣ было получено изъ застѣннаго Китая и скорострѣльное оружіе; но сколько его и въ какомъ видѣ хранится оно въ настоящее время, — неизвѣстно.

Какъ истинный буддистъ, далàй-вàнъ, возводя постройки для ямуней, цейхаузовъ и пакхаузовъ, въ то же время не забылъ украсить улясутàйскую крѣпость и буддійскою кумирнею, поновивъ большое буддійское капище Маньчжỳшри, построенное на срединѣ сѣверной городской стѣны. О времени первоначальнаго основанія этой кумирни у меня нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, но достовѣрно, что она существовала въ Улясутàѣ еще въ года правленія Цянь-лỳна, по крайней мѣрѣ отъ 58 года этого правленія (1796 г.) мы имѣемъ на нее уже историческія указанія. Въ настоящую пору кумирня Маньчжỳшри не сохранила въ себѣ ничего стараго, такъ какъ при нашествіи дунганъ въ 1870 г. она была до основанія разрушена и сожжена мятежниками. Года черезъ два послѣ сего она вновь была окончена постройкою, и съ тѣхъ поръ съ наружной стороны она представляетъ собою обыкновенный бàйшинъ, обмазанный глиною, особенность же ея только та, что она возвышается надъ городскою стѣною, и къ дверямъ ея ведетъ высокая деревянная лѣстница. Внутренность кумирни Маньчжỳшри до настоящей поры почти пустая: недостатокъ средствъ при новомъ сооруженіи ея, побуждалъ въ 1876 году мѣстныхъ буддистовъ послать ламъ за сборомъ подаяній по всей Халхѣ, но, вѣроятно, эти сборы не дали особенно большихъ средствъ, почему во внутренности ея и не было произведено никакихъ улучшеній. Когда я въ 1879 г. посѣтилъ эту кумирню, въ ней имѣлось всего только три и даже не металлическихъ, а деревянныхъ бурхàна, изображавшихъ статуи Маньчжỳшри, Цагàнъ-дарà-эхэ̀ и Очѝръ-вàни. Стѣны также далеко не сполна были покрыты рисунками бурхàновъ, а вся библіотека капища состояла изъ большого Юма на монгольскомъ языкѣ; средняго Юма, или сочиненія Хорѝнъ-табỳнъ-мингатỳ, сочиненія Бàнза-рāкша и Сумбỳма Чжанчжà-хутухты на тибетскомъ языкѣ. Въ періодъ исправленій Далàй-вàна кумирня была заново облицована кирпичемъ, оштукатурена и окрашена какъ снаружи, такъ и внутри; утварь ея увеличена покупкою новыхъ предметовъ буддійскаго культа; кумиры пріобрѣтены металлическіе и т. д. Ламы при кумирнѣ Маньчжỳшри, кажется, ни-

когда не жили постоянно и, для совершенія хурàловъ, всегда собирались изъ различныхъ монастырей улясутàйской округи только два раза въ годъ, именно въ 6-й и 9-й лунахъ. То же самое продолжается и теперь съ тою только особенностью, что въ настоящую пору введено въ обычай, чтобы находящійся неподалеку отъ Улясутàя монастырь Эбўгэнъ-хўрэ̀ непремѣнно откомандировывалъ къ совершенію вышепомянутыхъ годовыхъ хурàловъ отъ 10 до 15 человѣкъ своихъ ламъ. Помимо сего какъ на особенность кумирни Маньчжўшри слѣдуетъ указать на то, что она назначена спеціальною кумирней для совершенія въ ней молебствій во всѣ высокоторжественные, такъ сказать, гражданскіе праздники, каковыми ежегодно является день рожденія богдохàна, а засимъ, по временамъ, и другія радостныя, или печальныя государственныя событія. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ торжественные хурàлы, по обычаю китайцевъ, совершаются въ теченіе трехъ дней. Къ совершенію ихъ вызывается, по установленію, 12 ламъ; для услуги при совершеніи хурàловъ и прислуживанія ламамъ, въ теченіе трехдневнаго проживанія ихъ при кумирнѣ, назначается пять латниковъ, изъ числа улясутàйскаго гарнизона (цакдà); для принесенія жертвоприношеній отпускается изъ казенныхъ стадъ 10 овецъ, мясо которыхъ должно служить при томъ и пищею для командированныхъ къ отправленію этой службы; для помѣщенія ихъ, по положенію, близъ кумирни Маньчжўшри, ставится одна большая юрта, отопленіе которой производится также на казенный счетъ, и на сей конецъ отпускается три воза дровъ. Отвѣтственность за полную исправность и благолѣпіе на этомъ религіозно-гражданскомъ торжествѣ всегда возлагается на гражданскихъ чиновниковъ, а потому для этой цѣли обыкновенно откомандировывается какой-нибудь изъ монгольскихъ цзасакòвъ. При совершеніи главнаго жертвоприношенія, въ самый день рожденія богдохàна, въ кумирнѣ обязательно присутствуетъ все служащее въ Улясутàѣ чиновничество, которое на этотъ разъ собирается въ ямунѣ монголъ-цзургàна, въ парадныхъ костюмахъ, между третьею и четвертою ночною стражею (т. е. между 1—3 часами ночи), а съ ударомъ гонга четвертой стражи отправляется въ кумирню предшествуемое цзянь-цзюнемъ и амбàнями.

Кромѣ этихъ двухъ большихъ кумирень, въ Улясутàйской крѣпости оказались теперь построенными и поновленными еще двѣ кумирни: одна въ честь богини Цагàнъ-дарà-эхэ̀, а другая въ честь Аюши. Кумирни эти бѣдны и совершенно пустынны: въ каждой изъ нихъ стоитъ по три глиняныхъ идола, въ ростъ обыкновеннаго человѣка, жертвенный столъ и кое-какіе деревянные сосуды. Хурàловъ въ этихъ кумирняхъ никогда не бываетъ, никто при нихъ не живетъ и охраняются онѣ настолько плохо, что двери

ихъ даже не заперты на замокъ, а просто сдерживаются желѣзной щеколдой; каждый, по желанію, входитъ сюда, помолится, посмотритъ и уходитъ, самъ запирая за собою двери. Если засимъ мы упомянемъ еще объ острогѣ, построенномъ въ Улясутайской крѣпости совершенно по общему типу монгольскихъ зданій этого рода, то тѣмъ и ограничиваются всѣ находящіяся здѣсь общественныя зданія. Въ проѣздъ мой черезъ Улясутай въ 1879 г., здѣсь было еще нѣсколько лавочекъ, открытыхъ чахарскими солдатами и торговавшихъ масломъ, свѣчами, бумагою, водкой, пряниками и др. мелочами; но, съ уходомъ чахарскихъ и солонскихъ войскъ, не только закрылись эти лавочки, а даже разрушились и глинобитные байшины, въ которыхъ прежде жили чахары. Вообще населеніе Улясутайской крѣпости въ настоящее время значительно сократилось, и жилые байшины сосредоточиваются главнѣйше въ южной половинѣ, близъ подворій великаго цзянь-цзюня и амбаней. Эти послѣднія устроены совершенно по одному плану и подворье цзянь-цзюня отличается только своею обширностью. Располагаются они на ряду съ ямунями и съ внѣшней стороны имѣютъ большое сходство съ ними. Передъ всѣми подворьями этихъ генераловъ устроены

Внутренній видъ Улясутайской крѣпости и подворья амбаней.

такіе же щиты и ворота, какъ въ ямуняхъ; внутри каждое подворье раздѣляется на три двора, при чемъ въ самомъ дальнемъ изъ нихъ помѣщается тотъ или другой генералъ, занимая какъ главное зданіе, служащее для него оффиціальной залой, такъ и боковыя пристройки, гдѣ собственно проходитъ обычная жизнь этихъ вельможъ.

Въ настоящую пору моего пребыванія въ Улясутàѣ стѣны Улясутàйской крѣпости, равно какъ ограды нѣкоторыхъ другихъ казенныхъ зданій и наконецъ устроенные по мѣстамъ мостки подлежали новому исправленію. Въ теченіе 10 лѣтъ, протекшихъ со времени перестройки крѣпостной стѣны, она во многихъ мѣстахъ уже сильно попортилась. Земля, насыпанная между двумя частоколами, образующими крѣпостную стѣну, осѣдая, повыперла вкопанные въ землю столбы и высыпалась наружу, образовавъ собою по мѣстамъ уже не стѣну, а скорѣе земляной валъ. Исправленіе такихъ мѣстъ должно было составить первую заботу начальства. Необходимый для сего лѣсъ былъ доставленъ монголами сосѣднихъ хошӯновъ еще въ прошломъ году и на нашемъ рисункѣ улясутàйской крѣпостной стѣны читатели увидятъ его разложеннымъ вокругъ всей стѣны небольшими грудами. Что касается рабочей силы, необходимой для производства работъ, то для выясненія пріобрѣтеній ея мы почитаемъ за лучшее представить переводъ оффиціальной бумаги, которую мы получили въ копіи изъ чжисàна, или очереднаго управленія, сàйнъ-ноѝновскаго àймака. Бумага эта составляетъ предписаніе цзя̀нь-цзюня чжисàну и отъ слова до слова гласитъ слѣдующее: «Нынѣ, для исправленія крѣпостной стѣны и мостовъ здѣшняго города, необходимо выставить солдатъ мѣстнаго гарнизона (מקום ץ של מדינו"); а посему, извѣщая о семъ вашъ чжисàнъ, предлагаю поручить тусалакчѝ мѣстнаго гарнизона откомандировать изъ числа гарнизонныхъ чиновъ и солдатъ одного цзангѝна и 15 латниковъ и, снабдивъ ихъ палатками и провіантомъ, обязать ихъ собраться въ нашемъ я̀мунѣ утромъ 8-го числа сего мѣсяца. Всякое замедленіе воспрещается.— Отправлено 7-го числа 7-й луны». — Нѣтъ нужды говорить, что солдаты должны произвести это исправленіе по обязанности отбыванія казенной службы и не получатъ за свой трудъ никакого вознагражденія.

Выступивъ изъ воротъ улясутайской крѣпости и направляясь въ торговую слободу Улясутàя, наблюдатель увидитъ тамъ и сямъ разбросанныя группы кочевыхъ юртъ; это будутъ все отдѣльныя центральныя управленія монголовъ. Первымъ изъ нихъ по степени своей важности будетъ «чжисà цзя̀нь-цзюня», или очередное управленіе халхаскихъ цзя̀нь-цзюней, изъ котораго расходятся всѣ главнѣйшія распоряженія по управленію Халхи, какъ исходящія изъ Пекина, такъ и отъ главнѣйшаго представителя пекинской власти въ Халхѣ, улясутàйскаго великаго цзя̀нь-цзюня. Далѣе будетъ слѣдовать «Албанӯ-мал'ӯнъ-чжисà», т. е. очередное управленіе казенными стадами, содержимыми халхаскимъ правительствомъ ради стратегическихъ и административныхъ цѣлей и выпасываемыми какъ вблизи Улясутàя, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Халхи. За нимъ по-

слѣдуютъ три отдѣльныя группы юртъ, носящія общее названіе «гурбӯнъ-аймагӯнъ-чжисà», т. е. очередное управленіе трехъ àймаковъ: тӯшӗтӯ-хāна, сàйнъ-нойна и цзасактӯ-хāна, каждый изъ которыхъ постоянно содержитъ въ Улясутàѣ представителей своей власти, главнымъ образомъ для разбора возникающихъ въ Улясутàѣ дѣлъ своихъ людей. Еще далѣе будетъ слѣдовать «цакдā-цэригӯнъ-чжисà», т. е. очередное управленіе улясутàйскаго гарнизона и наконецъ «цōхоръ-ōртōнэй-чжисà», т. е. очередное управленіе состоящимъ при канцеляріи улясутàйскаго цзянь-цзюня почтовымъ отдѣломъ. Такъ какъ трактатъ о внутреннемъ составѣ этихъ учрежденій, по составленному мною плану, долженъ войти въ III томъ настоящаго труда, то я ограничусь здѣсь лишь замѣткой, что съ внѣшней стороны всѣ эти учрежденія весьма походятъ другъ на друга: каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отъ трехъ до шести юртъ, служащихъ помѣщеніемъ, во-первыхъ, для канцеляріи учрежденія, во-вторыхъ, для ея архива и, въ-третьихъ, для самихъ служащихъ въ учрежденіи чиновниковъ.

Когда развилась при улясутàйской крѣпости торговля, или иначе, когда получилъ свое начало улясутàйскій маймачэнъ, на это мы не находимъ никакихъ указаній ни въ лѣтописяхъ монголо-китайскихъ, ни въ сказаніяхъ путешественниковъ; тѣмъ не менѣе, едва ли можно ошибиться, сказавъ просто на основаніи житейскихъ соображеній, что по времени своего существованія онъ ровестникъ самой Улясутàйской крѣпости. По своей обширности, торговый городъ въ Улясутàѣ за послѣднее 15-лѣтіе значительно увеличился, тѣмъ не менѣе онъ до настоящей поры не составитъ собою и половины ургинскаго. Снаружи городокъ не обнесенъ стѣнами, какъ это сдѣлано собственно въ торговой, китайской части ургинскаго маймачэна и подобно тому, какъ въ слободѣ ургинскаго маймачэна, ограды жилыхъ дворовъ походятъ здѣсь на наружныя стѣны города. Весь улясутàйскій маймачэнъ представляетъ собою группу домиковъ, численностью доходящихъ теперь, можетъ быть, до 180—200, и расположенныхъ по пяти улицамъ. Три изъ нихъ возникли лишь за послѣдніе годы и являются совершенно пустынными, представляя собою одни заборы; поэтому можно сказать, что городская жизнь сосредочивается здѣсь только на двухъ старыхъ улицахъ, почти сплошь занятыхъ торговыми помѣщеніями.

По своему положенію эти старыя улицы совершенно указываютъ своими концами страны свѣта и взаимно пересѣкаются крестъ на крестъ: главная улица тянется съ востока на западъ, второстепенная съ юга на сѣверъ. Внѣшнимъ своимъ видомъ онѣ довольно сходны между собою, являясь одинаково занятыми непрерывнымъ рядомъ торговыхъ помѣщеній: обѣ одинаково узки, одинаково не ровны, избиты, грязны, а въ пору дождей

одинаково непроходимы, такъ какъ грязь на нихъ растворяется на глубину по крайней мѣрѣ четверти аршина, а то и болѣе. Въ главную улицу май-

Улица въ Улясутайскомъ маймачѣнѣ.

мачѣна со стороны крѣпости, т. е. восточной, ведутъ деревянныя ворота; на западномъ концѣ ея такихъ воротъ не имѣется, за то въ самой срединѣ города находится ихъ трое, именно въ точкѣ взаимнаго пересѣченія улицъ: однѣ ведутъ съ востока на западъ, другія — съ юга на сѣверъ, третьи ворота построены на улицѣ, пересѣкающей городское пространство съ сѣвера на югъ и находятся не болѣе какъ въ саженяхъ 50 отъ помянутыхъ воротъ, стоящихъ на перекресткѣ улицъ.

Самыми обширными постройками въ маймачѣнѣ должно признать два, такъ называемыхъ «дя̀ня». Въ переводѣ съ китайскаго «дя́нь» означаетъ постоялый дворъ, и помянутыя зданія дѣйствительно имѣютъ значеніе постоялыхъ дворовъ, только существуютъ они на совершенно другихъ условіяхъ отъ нашихъ. Говорятъ, что улясута̀йскіе дя̀ни основаны по образцу заведеній подобнаго рода въ Хӯхӯ-хото̀ и что первоначально они и устроены были выходцами изъ этого послѣдняго города. Свѣдѣніе это весьма вѣроятно, ибо изъ двухъ существующихъ дя̀ней одинъ и донынѣ принадлежитъ компаніи хӯхӯ-хото̀скихъ торговцевъ-китайцевъ. До нашествія дунга̀нъ въ Улясута̀ѣ существовалъ одинъ только дя̀нь, на главной торговой у̀лицѣ города, въ подворьи, которое впослѣдствіи, въ періодъ 1870-хъ годовъ, было занято торговыми помѣщеніями русскихъ купцовъ. Дя̀нь этотъ принадлежалъ хӯхӯ-хото̀скому китайцу. Послѣ дунга̀нскаго погрома тотъ же ста-

рый содержатель дя̀ня, постоялаго двора, открылъ его снова, но на этотъ разъ уже компаніей изъ четырехъ торговцевъ, по происхожденію принадлежавшихъ также городу Хўхў-хотò. Компанія эта составилась на общихъ основаніяхъ китайскихъ торговыхъ обществъ; точнѣе, по ихъ условіямъ, вырученные проценты составляли нарощеніе общаго, нераздѣльнаго капитала, а по частямъ они должны были распредѣляться согласно суммѣ, внесенной каждымъ компаньономъ. При такомъ условіи распредѣленія дохода, годовая выручка ни къ одному изъ компаньоновъ не попадала въ руки вся, даже въ предѣлахъ его собственной доли. Составляя, какъ было сказано выше, нарощеніе общаго и, на срокъ заключенія контракта, нераздѣльнаго капитала, она оставалась въ общей кассѣ; при необходимости, она могла переходить наслѣдственно отъ отца къ сыну, внуку и т. д., но никогда не могла быть выдана на руки вся, въ виду могущаго быть отъ этого ущерба цѣлому обществу. Вкладчику-компаньону ежегодно выдавалось только пятьдесятъ ланъ серебра на содержаніе, да и то въ такомъ лишь случаѣ, если выручка, за исключеніемъ затратъ на необходимыя улучшенія и поправки, превышала сказанную сумму. Такимъ образомъ, предположимъ, что общественный капиталъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по веденію дѣла, давалъ чистаго барыша 600 ланъ, и что, пропорціонально взносу каждаго компаньона, эта выручка распредѣлялась на такія доли: для перваго 180 ланъ, для второго 160, для третьяго 140, для четвертаго 120. Ни одинъ изъ компаньоновъ этой доли своей не получалъ сполна, и каждому изъ нихъ выдавалось только 50 лапъ, остальныя же деньги составляли нарощеніе общаго капитала, а въ частности, капиталъ перваго увеличивался 130-ю ланами, второго 110-ю и т. д. Завѣдываніе дѣлами компаніи вели поочередно сами компаньоны, мѣняясь чрезъ каждые три года; при этихъ смѣнахъ обыкновенно происходилъ и общій счетъ оборотовъ, суммъ и имуществъ дя̀ня. Какъ постоялый дворъ, дя̀нь служилъ мѣстомъ остановки и продажи товаровъ для китайскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ на временную торговлю въ Улясута̀й изъ внутренняго Китая, Хўхў-хотò и Калгана. Главнѣйшіе товары, которые въ этихъ случаяхъ привозились китайцами, изъ Хўхў-хò то были: толстый кирпичный чай (мѣсто въ 39 кирпичей); столбовый чай; цвѣтныя: да̀лянбу, да̀бу и китайка; мука, рисъ, свиное мясо и рыба; изъ Калгана: кирпичный чай (въ 27 кирпичей мѣсто); да̀лянбу, да̀бу и блзь американскихъ издѣлій; вино разныхъ родовъ, какъ-то: ха̀ньшинъ, или шаоцзю, мэ̀й-гу-лю, у-чжа-пѝ, напитокъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ дарасу̀на, разные роды постнаго масла, курительный и нюхательный табакъ и пр. Пріѣзжая въ дя̀нь, китайскій купецъ получалъ здѣсь комнату съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; товары свои сдавалъ на руки хозяину

дѧня и въ то же время заключалъ съ нимъ условіе о томъ, самъ ли онъ, пріѣхавшій, будетъ продавать свои товары, или же поручаетъ это дѣло дѧню. Продажу товаровъ дѧнь принималъ на себя безмездно: иначе сказать, продавался ли товаръ самимъ пріѣхавшимъ купцомъ, или о распродажѣ ихъ заботился дѧнь, — хозяину дѧня, по обычаю, платилась одна и та же сумма: онъ получалъ два ѳына съ каждаго лана вырученнаго серебра; вотъ почему всякая продажа изъ дѧня, кѣмъ бы ни была она совершена, хозяиномъ ли товара, или содержателемъ дѧня, непремѣнно записывалась въ конторѣ постоялаго двора. Такимъ образомъ, платою двухъ ѳыновъ съ одного лана для пріѣхавшаго торговца окупались, во-первыхъ, квартира съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; во-вторыхъ, складъ товаровъ; въ-третьихъ, храненіе ихъ, и наконецъ, въ-четвертыхъ, по желанію, самая продажа ихъ. Сверхъ сего, пріѣзжавшій платилъ постоялому двору еще за свое содержаніе пищею, то-есть, за обѣдъ и ужинъ каждаго дня. Плата эта считалась за всѣ прожитые дни безъ вычета, полагая по четыре цѧна въ день; ею, однако, не окупались чай и все необходимое къ нему, — за все потребное по сему предмету полагалась особая плата. Такимъ образомъ, самая дешевая плата, повидимому, приходилась за складъ, храненіе и хлопоты по продажѣ товаровъ. Замѣтимъ при этомъ, что если пріѣзжавшій купецъ желалъ самъ продавать свои товары, то дѧнь обязывался въ счетъ тѣхъ же двухъ ѳыновъ съ лѧна какъ отвозить проданное, такъ и привозить пріобрѣтенное пріѣзжимъ иногороднымъ торговцемъ. Несмотря на такія выгодныя условія, изъ опыта оказывалось, что большинство пріѣзжавшихъ хозяевъ поручало продавать свои товары дѧню, и въ этомъ они находили главнымъ образомъ тотъ расчетъ, что товары ихъ распродавались скорѣе, убытковъ же отъ сего пріѣзжавшіе никакихъ потерпѣть не могли, ибо товары ни въ какомъ случаѣ не могли быть проданы ни выше, ни ниже цѣнъ, существовавшихъ въ каждое данное время на биржѣ. Распродажа товаровъ дѧнемъ совершалась скорѣе, потому что хозяинъ дѧня, какъ мѣстный житель, естественно былъ болѣе знакомъ съ людьми. Получивъ отъ пріѣхавшаго право продавать товары, онъ сбывалъ ихъ не только на деньги, но и отдавалъ въ долгъ знакомымъ мелочнымъ торговцамъ, имѣвшимъ кочевую торговлю по степи. Эти отпуски въ долгъ всегда совершались завѣдомо для пріѣхавшаго хозяина товаровъ, при чемъ поставлялся также срокъ уплаты, котораго послѣдній и обязанъ былъ дожидаться. Уплата за товаръ въ большинствѣ случаевъ производилась произведеніями монгольской страны, какъ-то: кожей коровьей и лошадиной, мерлушкой, овчиной, конскими хвостами, верблюжьей и овечьей шерстью, грибами и пр.; цѣны на все это получаемое сырье заусловливались, конечно, еще при сдачѣ мелкому торговцу въ долгъ

товаровъ. Въ случаѣ непредставленія рекомендованнымъ отъ дя̀ня кредиторомъ уплаты къ сроку, хозяева дя̀ня, какъ поручители, обязывались заплатить за все или чистымъ серебромъ, или товаромъ, по условію. Таковы основы, на которыхъ существовалъ первый торговый постоялый домъ въ Улясута̀ѣ. Какъ было уже сказано, въ городѣ ихъ существуетъ теперь два: первый — Ю-хунъ-дя̀нь, второй, образовавшійся годомъ послѣ него, носитъ прозваніе Ба̄туръ-дя̀ня. О послѣднемъ въ Улясута̀ѣ разказываютъ, что онъ основался на рýсскія деньги и это весьма правдоподобно. Обстоятельства были слѣдующія. Въ 1869 г. хозяинъ Ба̄туръ-дя̀ня жилъ въ Улясута̀ѣ. Сначала онъ былъ мелочнымъ торговцемъ, но потомъ проторговался и занялъ какую-то мелкую должность на государственной службѣ въ Улясута̀йской крѣпости. Въ маймачэ̀нѣ онъ имѣлъ свой домъ или, лучше сказать, подворье, которое и сдавалъ подъ квартиры и лавки русскимъ купцамъ, въ то время впервые пріѣхавшимъ въ Улясута̀й вмѣстѣ съ консуломъ Павлиновымъ. Когда дунга̀не разгромили Улясута̀йскую крѣпость, Павлиновъ, занимавшій квартиру въ срединѣ ея, перешелъ въ подворье русскихъ купцовъ и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ изъ Улясута̀я на семи верблюдахъ. При такомъ незначительномъ количествѣ подводъ, наши торговцы могли взять съ собою только серебро и необходимые дорожные припасы; что же касается товаровъ, которыхъ было на сумму свыше 30,000 руб. сер., то всѣ они были оставлены въ Улясута̀ѣ, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ. По выѣздѣ русскихъ, хозяинъ дома, который былъ ими занятъ, воспользовался покинутыми товарами и мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Пекинъ. Черезъ полгода онъ возвратился, поправилъ старыя зданія въ своемъ домѣ, построилъ новую ограду и открылъ нынѣ существующій Ба̄туръ-дя̀нь. Условія, на которыхъ останавливаются и ведутъ свои дѣла въ этомъ дя̀нѣ проѣзжающіе, тѣ же самыя, какія были приняты и въ торговомъ постояломъ дворѣ Ю-хунъ.

Этотъ Ба̄туръ-дя̀нь представляетъ собою въ настоящую пору безспорно самое богатое и самое обширное торговое учрежденіе въ Улясута̀ѣ. Постройками своими это подворье занимаетъ, можно сказать, весь сѣверо-восточный уголъ маймачэ̀на и въ общемъ представляетъ обширный кварталъ, обнесенный одною оградою. Вступивъ въ главныя, южныя ворота этой ограды, вы тотчасъ же видите передъ собою зданіе, вродѣ продолговатой четыреугольной бесѣдки, или, пожалуй, просто сарая, наружная, южная сторона коего совершенно открыта и представляетъ собою одинъ обширный навѣсъ. Въ глубинѣ этого помѣщенія, прямо передъ воротами, стоитъ кумиръ «ту-ди», который, кажется, лучше всего можетъ быть названъ ларомъ, такъ какъ «ту-ди» изображаетъ собою генія, покровителя того про-

странства, на которомъ стоитъ зданіе подворья. Для постановки этого кумира назначено собственно и все это зданіе, но какъ занимаемое зда-

Общій видъ внутренности Бāтуръ-дя̀ня.

ніемъ пространство весьма обширно, то подъ навѣсомъ его нерѣдко складываются и разные, привозимые въ дя̀нь товары, равно какъ домашняя и дворовая утварь дя̀ня. Этимъ стоящимъ прямо передъ воротами зданіемъ внутренность постоялаго двора раздѣляется на три части, при чемъ часть, соприкасающаяся самому зданію и находящаяся позади онаго, отведена подъ складъ имущества и различныя угодья экономіи дя̀ня, а съ противолежащихъ ей сторонъ выстроены совершенно отдѣльные дворики, отводимые подъ помѣщенія, отдаваемыя пріѣзжимъ купцамъ. Такихъ двориковъ во всемъ подворьи имѣется до 30 нумеровъ и въ общемъ они представляютъ собою какъ бы двѣ отдѣльныхъ улицы, проходящихъ по западной и восточной сторонамъ дя̀ня. Обращаясь къ описанію первой, срединной, собственно хозяйской части Бāтуръ-дя̀ня, мы должны сказать, что и она также точно раздѣляется на отдѣльные маленькіе дворы, въ которыхъ сосредоточены помѣщенія для всѣхъ статей гостинничнаго хозяйства. Такимъ образомъ на одномъ дворѣ мы видимъ здѣсь складъ дровъ и угля; на другомъ — телѣжный сарай, со множествомъ повозокъ самыхъ различныхъ типовъ; на третьемъ — складъ матеріаловъ, служащихъ для укупорки разнаго рода привозимыхъ и отправляемыхъ товаровъ; еще далѣе будутъ слѣдовать отдѣльные скотные дворы, для лошадей, муловъ и ословъ; особо отъ сего помѣщается кузница постоялаго двора и наконецъ цѣлые десятки двори-

ковъ, закоулковъ и сараевъ, заваленныхъ ящиками, корчагами, бочками и проч. Все это предметы, принадлежащіе экономіи постоялаго двора и необходимые въ его сложномъ хозяйствѣ. Особо отъ этихъ дворовъ, но въ одну линію съ ними располагаются еще жилища прислуги дя̀ня, которой экономія постоялаго двора содержитъ у себя очень много: одни говорили мнѣ — 80 человѣкъ, другіе — около 100.

Что касается двориковъ, отдаваемыхъ въ наемъ для помѣщенія пріѣзжающихъ, то всѣ они построены по одному образцу. Со стороны общаго двора дя̀ня они не имѣютъ у себя воротъ для проѣзда экипажей, а лишь двустворчатыя калитки на столько однако широкія, что въ нихъ можно пронести всякаго рода тюки и громоздкія вещи. Вступивъ въ такую калитку,

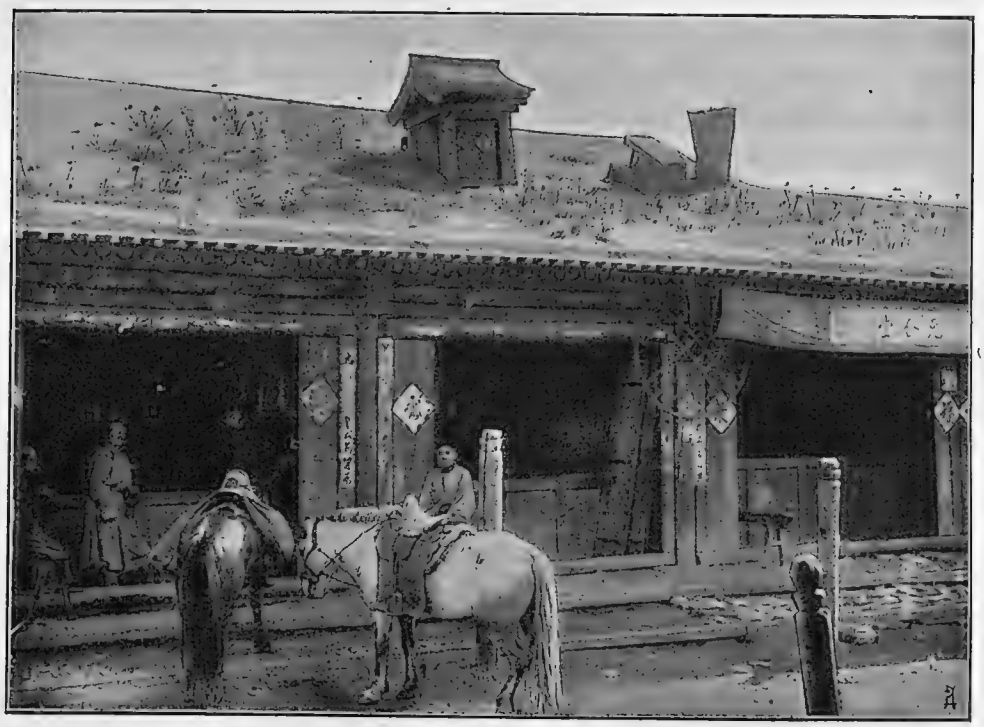
Наружный видъ квартиры въ улѝсутайскомъ дянѣ.

вы видите передъ собою совершенно отдѣльный дворикъ, длиною саженей въ двѣнадцать, а шириною сажени въ три, или нѣсколько болѣе. Въ глубинѣ его находится главное зданіе, обыкновенно въ три цзя̀ня. — Это помѣщеніе для пріѣзжаго торговца, всегда раздѣляющееся на три, рѣдко на двѣ комнаты, изъ коихъ одна представляетъ собою торговую контору, а другія являются жилыми. По бокамъ отъ этого зданія, протягиваясь по обѣимъ сторонамъ дворика, возвышаются еще двѣ постройки, изъ коихъ одна, направо, всегда представляетъ собою глинобитный сарай, а другая — налѣво, обыкновенный китайскій, жилой ба̀йшинъ. Если торговецъ пріѣзжаетъ съ большимъ количествомъ прислуги, онъ отводитъ часть этого

бàйшина подъ ея помѣщеніе, а еще чаще устроиваетъ здѣсь складъ привезенныхъ имъ китайскихъ товаровъ; сарай, напротивъ, назначается для ежедневной свалки въ немъ получаемыхъ въ обмѣнъ за проданный товаръ монгольскихъ произведеній, каковы: кожи, шерсть, овчины, конскіе хвосты и проч. Время отъ времени все это приводится въ порядокъ, сортируется, связывается въ тюки и подготовляется къ отправкѣ въ Китай. Такіе связанные тюки, напримѣръ, кожъ или шерсти, снова въ сарай уже не возвращаются, а хранятся гдѣ-нибудь въ углу, прямо на дворѣ, будучи прикрыты отъ дождя войлоками, или циновками. Впослѣдствіи я узналъ, что такого рода дворики могутъ снимать на время своего пребыванія въ Улясутàѣ и чиновники, почему не мало пожалѣлъ, что мнѣ не пришлось занять одного изъ такихъ помѣщеній, а поселиться въ казенной кумирнѣ, отведенной для меня цзянь-цзюнемъ. Жилъ бы я въ дянѣ среди народа, да и содержаніе здѣсь весьма не дорого: занимая полный дворъ, пришлось бы платить въ день не болѣе одного лана серебра, или двухъ серебряныхъ рублей со столомъ; между тѣмъ за квартиру въ кумирнѣ китайское чиновничество не полагаетъ никакой платы: приходится дѣлать подарки, стоящіе, конечно, вдвое дороже, и въ то же время чувствовать себя еще обязаннымъ за гостепріимство.

Послѣ дяней лучшія зданія въ Улясутàѣ принадлежатъ лавкамъ пекинскихъ купцовъ, которые и ведутъ болѣе крупную торговлю въ городѣ, хотя въ торговомъ дѣлѣ они здѣсь еще новички, ибо появились уже послѣ дунганскаго погрома. До нашествія хойхòйцевъ, пекинцы, говорятъ, не торговали въ Улясутàѣ и впервые пріѣхали сюда въ самый годъ дунганскаго нашествія, когда въ разоренный Улясутàй не успѣли еще возвратиться потерпѣвшіе здѣсь громадные убытки хўхў-хотòскіе торговцы. Первая пекинская лавка, потому ли, чтобы ей быть ближе къ покупателямъ, или потому, что на всѣхъ лежалъ еще страхъ набѣга дунганскихъ шаекъ, открыта была въ крѣпости и не ранѣе какъ только черезъ годъ она переселилась въ маймачэнъ. Вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ число пекинскихъ лавокъ, въ теченіе какихъ-нибудь полутора года, возросло въ Улясутàѣ до десяти. По пріѣздѣ въ городъ, пекинскіе купцы арендовали здѣсь мѣста у прежнихъ улясутàйскихъ землевладѣльцевъ и строили дома на свой счетъ, за чтò получали право торговать и жить въ этихъ домахъ безплатно въ теченіе отъ 5—7 лѣтъ; по окончаніи же этого срока, постройки, по условію, должны были принадлежать хозяину мѣста. Когда сроки эти миновались, число пекинскихъ лавокъ въ Улясутàѣ значительно сократилось. Въ маѣ 1879 года въ городѣ оставалось только четыре торговца изъ Пекина, всѣ прочіе оставили свою торговлю въ Улясутàѣ и частію разъѣхались по другимъ городамъ (преиму-

щественно уѣхали въ Цончжу, или Гучэнъ и Ургу), а частію измѣнили только городскую торговлю на хошӯнную и стали торговать, переѣзжая по степи съ одного мѣста на другое. Причиною такого очевиднаго упадка торговли въ Улясутàѣ было съ одной стороны уменьшеніе количества живущихъ здѣсь войскъ, а съ другой — и еще болѣе — обѣдненіе окружныхъ монголовъ вслѣдствіе дунганскихъ грабежей, поборовъ китайскаго правительства и періодически повторявшихся въ то время падежей скота. Въ настоящее время, съ уходомъ изъ Улясутàя чахàрскихъ и солòнскихъ солдатъ, торговля пекинцевъ еще болѣе упала и теперь въ Улясутàѣ остались болѣе видными только три пекинскихъ фирмы, которыя извѣстны здѣсь подъ монгольскими уличными названіями: а) Бэ̄чжинъ-батӯ, б) Кэшиктӯ и в) Байнъ-дорчжѝ. Первыя двѣ изъ этихъ фирмъ, имѣя въ городѣ розничную продажу товаровъ, торгуютъ и оптомъ; послѣдняя ведетъ главнымъ образомъ розничную торговлю въ городѣ и засимъ высылаетъ еще своихъ приказчиковъ въ степь, обосновавши свое главное мѣстопребываніе въ хошӯнѣ Дӯргэчѝ-вàна. Съ внѣшней стороны пекинскія лавки въ Улясутàѣ такъ



Внѣшній видъ пекинскихъ лавокъ въ Улясутàѣ.

бѣдны, какъ ни въ одномъ изъ другихъ городовъ Монголіи. Такихъ подворій, какія видѣли мы у нихъ въ Ургѣ, здѣсь не имѣетъ ни одна, и всѣ онѣ

ведутъ свое дѣло, по общему обычаю улясутайскихъ торговцевъ, изъ открытыхъ лавокъ, при которыхъ нѣтъ ни теплыхъ помѣщеній, ни особыхъ конторъ для пріема покупателей. Вся лавка состоитъ изъ одной комнаты, проходъ въ которую на ночь забирается досками. Словомъ, пекинскія лавки отличаются здѣсь отъ другихъ развѣ только своею большею опрятностью. Торгуютъ онѣ, главнымъ образомъ, шелковыми матеріями, каковы: канфы, гранитуры, фанзы, ци-цюй-чоу, мань-чоу и др., имѣютъ и бумажные товары—дальнбу, дабу, янь-дабу, американскую бязь и русскіе ситцы разныхъ цвѣтовъ; продаютъ готовое платье, халаты, курмы, или китайскія кофты съ рукавами, хантазцы, или кофты безъ рукавовъ, зимнія и лѣтнія шапки, сапоги и другія мелочныя принадлежности китайскихъ и монгольскихъ костюмовъ и обыденной жизни, какъ-то: шелковые кисеты, кошельки, мѣдныя и каменныя трубки, мундштуки каменные и стеклянные, такія же табакерки, фарфоровую посуду — блюда, тарелки, чашки и вазы, деревянныя блюда, чашки и пр. Всѣ эти товары пекинцы продаютъ, главнымъ образомъ, на серебро, но берутъ также овчину, мерлушку, козьи и коровьи кожи и другія произведенія Монголіи. Добытое такимъ образомъ сырье китайцы отправляютъ въ Пекинъ прямымъ путемъ, то-есть, по дорогѣ почтовыхъ станцій изъ Улясутая въ Пекинъ, на Саиръ-усу. Впрочемъ, этотъ путь избирается довольно рѣдко и гораздо чаще, особливо въ послѣднее время, сырье отправляется съ попутными ямщиками до Урги, а оттуда уже направляется на Калганъ. Путь этотъ если и совершается дольше, то во всякомъ случаѣ обходится для китайцевъ выгоднѣе, потому что почти всѣ пекинскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ, имѣютъ свои лавки и въ Ургѣ. Относительно объема и значенія торговли пекинскихъ лавокъ слѣдуетъ сказать, что если въ прошлую свою поѣздку мы замѣчали о невозможности здѣсь конкурренціи съ пекинцами русскихъ торговцевъ, то, при измѣнившихся съ начала 1880-хъ годовъ условіяхъ русской торговли, вскорѣ оказалось наоборотъ, что пекинцы не могутъ уже конкуррировать съ русскими. Благодаря широкой пріемкѣ всякаго монгольскаго сырья и всѣхъ видовъ монгольскаго скота въ обмѣнъ на русскія произведенія, наши мелочные торговцы довели дѣло до того, что во второй половинѣ 1880-хъ годовъ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ окружнаго населенія степи одѣвалось исключительно въ русскія бумажныя ткани. Къ сожалѣнію, слухи, иногда умышленно и сильно преувеличенные, о падежѣ скота въ Монголіи, начали вызывать собою со стороны русскаго правительства, изъ опасенія заразы, воспрещенія перегона монгольскаго скота въ предѣлы Россіи. Обстоятельство это, лишая нашихъ торговцевъ главнаго предмета ихъ обмѣна, породило собою колебаніе русскихъ успѣховъ, и въ результатѣ въ 1891-мъ

и 1892-мъ годахъ въ окрестностяхъ Улясутая снова возрасла продажа пекинцами американской дялянбы и другихъ бумажныхъ товаровъ европейскаго производства.

Богатыхъ лавокъ хухуй-хотоскихъ купцовъ и торговцевъ, пріезжающихъ изъ-за стѣны западнаго Китая, въ Улясутаѣ можно насчитывать до 12-ти. Опредѣлить относительную состоятельность ихъ для иностранца, конечно, очень трудно, чтобы не сказать невозможно совершенно; но главнѣйшими изъ этихъ фирмъ признаются: а) Хо-тай-хуй, ведущая въ Улясутаѣ главнымъ образомъ оптовую торговлю; далѣе будутъ слѣдовать б) Синъ-лунъ-хо; лавки, извѣстныя подъ монгольскимъ уличнымъ именемъ в) Битунъ-лосы, г) Байнъ-боо и д) Юань-хо-тапъ. Отъ управляющаго этой послѣдней фирмы я могъ получить болѣе положительныя свѣдѣнія о размѣрѣ ея торговли, достовѣрныя настолько, что онъ прямо развернулъ передо мною оконченную книгу счета оборотовъ за 1891 годъ и показалъ ихъ торговый итогъ, равнявшійся 30,107 ланамъ, т. е. около 60,214 серебряныхъ рублей. Съ наружной стороны хухуй-хотоскія лавки въ Улясутаѣ обыковенно еще бѣднѣе пекинскихъ, и торговля ихъ въ городѣ идетъ по внѣшнему виду значительно тише первыхъ; но за то почти всѣ эти лавки или посылаютъ своихъ приказчиковъ для разъѣздной торговли по степямъ, или же имѣютъ постоянную торговлю при какомъ-либо монастырѣ въ хошунѣ. Товары свои нѣкоторыя изъ нихъ привозятъ изъ Хухуй-хото, другія покупаютъ ихъ здѣсь же, въ улясутайскихъ дяняхъ (послѣдній способъ пріобрѣтенія товаровъ относится, конечно, къ менѣе состоятельнымъ). Тѣ, которые ѣздятъ для покупки товаровъ въ Хухуй-хото, по большей части, въ передній путь свой отвозятъ въ Китай собранныя ими при торговлѣ въ кочевьяхъ произведенія монгольскихъ степей, которыя я перечислялъ уже выше; кромѣ того, нѣкоторые хухуй-хотоскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ и степяхъ, занимаются еще и сборомъ скота вообще, а въ особенности барановъ. Подъ этотъ послѣдній продуктъ товары даютъ обыкновенно въ долгъ на годъ, приблизительно въ нашемъ іюнѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ собирать барановъ въ маѣ. Въ іюнѣ сборъ барановъ оканчивается и въ то же время ихъ отправляютъ въ Хухуй-хото и Калганъ, совершая короткіе и тихіе переходы. Рабочими при этихъ перегонахъ являются исключительно китайцы. Барановъ дѣлятъ на табуны въ 1000 головъ каждый, и на всякій такой табунъ полагается два пастуха. Если въ числѣ полученныхъ за долгъ барановъ попадаются овцы, то ихъ обыкновенно не гонятъ съ баранами на югъ, въ Китай, а оставляютъ здѣсь же въ степяхъ и сдаютъ для содержанія монголамъ, съ условіемъ дѣлить приплодъ пополамъ; другой платы за пастьбу и храненіе не полагается. Отъ монголовъ и урянхаевъ, кочующихъ

по Кемчику, хӯхӯ-хотòсцы пріобрѣтаютъ бѣлку, собирая всего до 30,000 шкуръ ея и оцѣнивая ее по разсчету отъ 7 до 8 фынъ за шкурку, при уплатѣ товаромъ. Торгующіе въ мѣстностяхъ по Улāнъ-кòму, въ окрестностяхъ озера Убсà и въ кочевьяхъ дӯрбэтовъ, кромѣ помянутыхъ продуктовъ, пріобрѣтаютъ еще отъ монголовъ такъ называемую здѣсь круглую пшеницу и ячмень въ зернѣ. Этотъ продуктъ китайцы обработываютъ тамъ же, на мѣстѣ, и затѣмъ привозятъ его на продажу въ Улāсутàй въ свои же лавки. Такимъ образомъ, хӯхӯ-хотòскіе торговцы Улāсутàя, ведущіе свое дѣло въ Улāнь-кòмѣ и у дӯрбэтовъ, обзавелись и тамъ своими домами, а также имѣютъ и мельницы (конныя). Особенную важность представляетъ здѣсь приготовленіе такъ называемой у монголовъ «болосòнъ гури́ль» (изготовленная мука), выдѣлываемой изъ ячменя. Зерна ячменя предварительно поджариваются, а затѣмъ ихъ перемолываютъ, отъ чего получается пережареная мука, которую монголы расходуютъ въ большомъ количествѣ какъ приправу къ чаю, а иногда кладутъ и въ бульонъ. У дӯрбэтовъ улāсутàйскіе торговцы пріобрѣтаютъ также значительное количество верблюдовъ и лошадей; тѣхъ и другихъ китайцы прогоняютъ для продажи тоже въ Хӯхӯ-хотò. Съ конца 1878 года хӯхӯ-хотòсцы начали привозить въ Улāсутàй сѣянную крупчатку и просяную муку изъ Цончжӯ. Подобные привозы до возстанія дунганъ совершались постоянно, и тогда мука стоила около трехъ фынъ за китайскій фунтъ; въ періодъ борьбы съ дунганами привозъ муки совершался, главнымъ образомъ, изъ Кяхты, и тогда цѣны ея возросли до 7 и 8 фынъ за тотъ же китайскій фунтъ. Въ началѣ 1879 г. мука стояла въ Улāсутàѣ въ цѣнѣ отъ $4^1/_2$ до 5 фынъ: пониженіе это произошло однако не столько вслѣдствіе привоза муки изъ Цончжӯ, сколько вслѣдствіе того, что прекратился вывозъ хлѣба изъ Улāсутàя въ военные лагери и уменьшилось количество китайскихъ войскъ въ западныхъ предѣлахъ великаго дайцинскаго государства. Обычная крупчатка лучшаго сорта продается въ настоящую пору у китайцевъ по 7 фынъ за гинъ, хотя по временамъ доходитъ и до 9 фынъ.

За симъ остаются мелочные торговцы, о которыхъ говорить почти нечего: лавки ихъ такъ ничтожны, что можно только удивляться, какимъ образомъ живетъ и пропитываетъ себя человѣкъ этою торговлею. Два, три пояска, два, три аршина дàбу, или аршинъ плису, развѣшанные на веревочкахъ подъ потолкомъ лавки, нѣсколько старыхъ гвоздей и обломковъ желѣза на прилавкѣ, изорванная узда, клочекъ ремня отъ повода — вотъ весь товаръ, на выручку съ котораго долженъ существовать торговецъ, да иногда еще и не одинъ, а съ сыновьями или братьями; а между тѣмъ за одну квартиру съ лавкой онъ платитъ около $1^1/_2$ лана въ мѣсяцъ, содер-

жаніе же въ Улясутаѣ едва ли кому можетъ обойтись дешевле трехъ ланъ.

Чтобы закончить за симъ разказъ объ улясутайской торговлѣ, нужно добавить нѣсколько словъ о торговлѣ проживающихъ здѣсь монголовъ. Они торгуютъ, главнымъ образомъ, мясомъ. Монголъ покупаетъ барана, разрѣзываетъ его на куски и продаетъ такъ, что мясо окупаетъ ему барана, а въ барышахъ у него остаются внутренности, голова, копыта и кожа. Такихъ торговцевъ въ Улясутаѣ множество, и видѣть ихъ на улицахъ можно съ ранняго утра и до поздней ночи. Мясо они развѣшиваютъ по оградамъ дворовъ, раскладываютъ на голой землѣ, носятъ на своихъ голыхъ плечахъ по улицѣ, вообще о чистотѣ продукта они въ этомъ случаѣ не заботятся. По временамъ можно видѣть привезеннымъ и разрѣзаннымъ на части быка — это уже конечно не убитый, а издохшій и иногда на нѣсколько саженей распускающій отъ себя довольно не ароматичный запахъ. Съ подобною торговлею монголы являются въ городъ обыкновенно изъ степи, такъ какъ въ самомъ Улясутаѣ ни быковъ, ни коровъ никто не содержитъ. Изъ степи привозятъ также и молоко; лѣтомъ бутылка его стоитъ около одного цѝна серебра, зимою же молоко продаютъ только замороженное — кругами. Кругъ, имѣющій въ поперечникѣ $\frac{1}{2}$ аршина, и вершка въ $1\frac{1}{2}$ толщиною, стоитъ приблизительно отъ 3-хъ—4-хъ цинъ. Лѣтомъ монголы разносятъ также для продажи кумысъ въ большихъ кувшинахъ, ведра по три; стѝитъ такое количество кумысу отъ 6-ти до 8-ми цѝновъ.

По обычаю всѣхъ вообще китайско-монгольскихъ городовъ, въ Улясутаѣ, на ряду съ лавками, живутъ и ремесленники, при чемъ лавка, занимаемая ими, обращается въ мастерскую. Всѣ ремесленники въ Улясутаѣ по происхожденію китайцы и пріѣзжаютъ большею частію изъ Хўхў-хотѝ съ исключительною цѣлью заниматься каждый своимъ ремесломъ. Впрочемъ, работы здѣсь особливо для кузнецовъ весьма мало, развѣ нужно будетъ для какого-нибудь китайца подковать лошадь на безшипную китайскую подкову, или спаять какую-либо испортившуюся вещь. Новыхъ издѣлій никакихъ не производится, вѣроятно, по недостатку матеріала для выдѣлки, такъ какъ желѣза и мѣди здѣсь нѣтъ, для всякаго же рода подѣлокъ кузнецы пріобрѣтаютъ и перековываютъ старье. Гораздо болѣе дѣятельности находятъ столяры и плотники: кромѣ домашней утвари и гробовъ для китайцевъ, они работаютъ еще для монголовъ двери къ юртамъ, кровати, кадушки, кувшины, извѣстные подъ именемъ хобўновъ и проч. Лѣсъ нѣкоторые изъ ремесленниковъ, болѣе бѣдные, покупаютъ, состоятельные же, то есть, имѣющіе у себя работниковъ, сами ѣздятъ для заготовленія матеріала верстъ за 40 отъ города; иные почти цѣлое лѣто проживаютъ такимъ

образомъ въ лѣсу и занимаются единственно заготовленіемъ матеріала, который потомъ обдѣлываютъ зимой и продаютъ въ городѣ. Для вывоза изъ лѣса приготовленныхъ плахъ и тёса нанимаютъ преимущественно монголовъ, такъ какъ китайцы вообще весьма мало занимаются перевозкою тяжестей. Эти же лѣсовщики приготовляютъ бревна и тёсъ на постройку домовъ, такъ что, обратившись къ нимъ, всякій желающій строить домъ, всегда можетъ получить все необходимое. Цѣны на матеріалъ при постройкѣ дома въ Улясутàѣ сравнительно довольно низки; такъ, восемь основныхъ столбовъ, употребляемыхъ при постройкѣ китайскаго бàйшина, продаются обыкновенно по три цѝна каждый (отъ 75 до 90 к.); столбы эти имѣютъ около 6 вершковъ въ отрубѣ и 7 аршинъ длины; по угламъ зданій ставятъ столбы такой же толщины, только длиною въ 4 аршина,— они стòятъ по два цѝна (50—60 к.) каждый; жерди, употребляемыя для стѣнъ, толщиною въ $1^1/_2$ вершка въ отрубѣ, продаются по 4 фы̀на. Тёсъ также разнообразится по цѣнѣ, а именно: тесина, имѣющая толщину одинъ вершокъ, а въ ширину отъ 7 до 8 вершковъ и длиною въ 3 аршина, стòитъ 2 цѝна (50—60 к.), а $^1/_2$ вершковая въ толщину съ вышепоказанною шириною и длиною — одинъ цинъ (25—30 к.). Лѣсъ для матицъ употребляется толщиною вершковъ въ 12-ть, длиною же бываетъ отъ 6 до 9 аршинъ, стоимость его простирается отъ двухъ до трехъ ланъ.

По обычаю, заведенному въ городѣ, всякій желающій строить домъ долженъ заготовить все необходимое, какъ-то: лѣсъ, тесъ, глину и проч., самая же постройка производится или по подряду китайскими плотниками за предварительно огуломъ условленную цѣну (обыкновенно не превышающую 60 ланъ и не нисходящую ниже 25), или же плотники нанимаются поденно (на своемъ содержаніи китайскій поденщикъ-плотникъ получаетъ по 4 цѝна въ день, а на хозяйскомъ по 3 цѝна). Монголы въ этихъ работахъ почти не участвуютъ, а если и нанимаются, то не исполняютъ ничего, кромѣ таскàнія воды и глины. Поденная плата такихъ работниковъ не превышаетъ 1 цина 5 фыновъ.

Дровъ на улясутàйскихъ лѣсныхъ складахъ никогда не продается и заготовкою ихъ китайцы совершенно не занимаются: это дѣло составляетъ спеціальность для заработка окрестныхъ монголовъ. Послѣдніе рубятъ лѣсъ на дрова главнымъ образомъ по горамъ, окаймляющимъ берега Богдòйнъ-гóла и привозятъ эти дрова въ запряженныхъ быками телѣжкахъ. Обычная плата за телѣжку дровъ — 3 цѝна, хотя въ иную пору она поднимается до 5 и даже 8 цѝновъ. Такая дороговизна бываетъ особливо зимою, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и заготовка дровъ дѣлается трудной. Принимая во вниманіе, что погонная сажень дровъ составляется здѣсь

не менѣе какъ изъ 5, или 6 телѣжекъ, нужно считать, что погонная сажень лиственичныхъ дровъ стоитъ въ Улясутàѣ отъ 3-хъ до 4-хъ и доходитъ до 9-ти и даже до 10-ти серебряныхъ рублей.

Казенныхъ и общественныхъ зданій въ улясутàйскомъ маймачэ̀нѣ имѣется только два, это, во-первыхъ, домъ полиціи, а во-вторыхъ, китайская кумирня. Домъ полиціи, въ просторѣчіи китайцевъ называемый «тѝнъ-цзы-я̀мынь», а у монголовъ тинкѝмъ (ᠲᠢᠩᠬᠢᠮ), содержится въ улясутàйскомъ маймачэ̀нѣ на средства, получаемыя отъ китайскихъ торговцевъ и именно, на содержаніе его расходуются всѣ суммы, собираемыя въ здѣшней торговой слободѣ въ видѣ поземельной подати съ находящихся здѣсь зданій. Въ тѝнъ-цзы-я̀мынѣ обыкновенно засѣдаютъ два чиновника, въ званіи «ба̄-цзун'овъ (把總), т. е. самаго низшаго офицерскаго чина, высылаемые изъ улясутàйскаго крѣпостнаго доргѝ-я̀муня, срокомъ на три мѣсяца. На обязанности ихъ лежитъ слѣдить за порядкомъ въ городѣ, судить мелкія мошенничества и проступки и ежедневно докладывать обо всемъ случившемся доргѝ-цзургà̀ну. Кромѣ сего, полицейскіе чиновники исполняютъ здѣсь обязанности таможенныхъ чиновниковъ: они осматриваютъ всякій приходящій въ Улясутàй товаръ и взимаютъ пошлины съ каждаго вьючнаго верблюда по два цина, какого бы сорта товаръ ни былъ; исключеніе дѣлается только для привозной муки и разныхъ сортовъ хлѣба, съ которыхъ пошлины не полагается. Наконецъ полиція, какъ уже было сказано выше, взимаетъ пошлины съ домовъ, занимаемыхъ китайцами: годовая плата ограничивается по закону тремя цинами съ каждаго занимаемаго цзя̀ня. Что касается кумирни, то она стоитъ на самой сѣверной окраинѣ города, въ улицѣ, пересѣкающей городъ съ сѣвера на югъ, и какъ прежде такъ и теперь представляетъ собою полуразрушившееся зданіе, съ наглухо забитыми главными воротами. Входъ во дворъ кумирни возможенъ только черезъ калитку; впрочемъ, китайцы и посѣщаютъ-то ее вообще очень рѣдко, совершая всякаго рода религіозныя церемоніи свои въ загородныхъ кумирняхъ, отстоящихъ отъ маймачэ̀на не болѣе какъ въ ½ верстѣ. Маймачэ̀нская кумирня посвящена Гэсэ̀ру и построена, какъ то видно изъ сохранившейся донынѣ надписи надъ ея воротами, въ 14-й годъ правленія Дао-гуана. Во время нашествія дунганей она сильно пострадала: все дорогое было изъ нея унесено мятежниками, статуи разбиты и поруганы, самое зда̀ніе кумирни во многихъ мѣстахъ повреждено. Съ тѣхъ поръ китайцы уже не посѣщаютъ этой кумирни, хотя и оправили нѣсколько ея внутренность. Остатки другой китайской кумирни, сожженной дунганами до основанія, были видны на восточной окраинѣ маймачэ̀на въ прошлое мое пребываніе въ Улясутàѣ, въ 1879 г.; послѣ пожара отъ нея уцѣлѣла только колокольня

и театральная сцена, и притомъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что китайцы порѣшили не поправлять этихъ остатковъ и не воздвигать здѣсь новаго зданія кумирни; нынѣ отъ всего этого не осталось и помина.

Нѣтъ нужды говорить, что далеко не всѣ уля̄сута̀йскіе жители имѣютъ собственные дома и мало того, по наведеннымъ мною справкамъ, оказалось, что болѣе половины торгующихъ здѣсь китайскихъ фирмъ также точно какъ и находящіеся въ Уля̄сута̀ѣ три дома русскихъ торговцевъ проживаютъ и ведутъ свое дѣло въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Болѣе состоятельные торговцы арендуютъ для себя обыкновенно цѣлыя подворья со всѣми находящимися на нихъ зданіями, другіе берутъ половину двора, нѣкоторые ограничиваются только однимъ изъ находящихся на дворѣ домовъ, бѣдные наконецъ довольствуются отдѣльными цзя̀нями, т. е. комнатами. Цѣна на всѣ эти виды квартиръ существуетъ, конечно, различная, смотря по мѣстонахожденію подворья и обширности онаго. Самая дорогая квартира, находящаяся на главной улицѣ, состоящая изъ цѣлаго подворья съ ба̀йшинами, всего въ 12 цзя̀ней, сараями и маленькими кладовушками, на сколько мнѣ пришлось узнать, сто̀итъ 200 ланъ. Болѣе обычный способъ найма представляетъ собою наемъ половины подворья, съ помѣщеніемъ въ 5 цзя̀ней и двумя, тремя сарайчиками. Такая квартира на главныхъ улицахъ сто̀итъ отъ 60 до 100 ланъ серебра. Условія найма въ большинствѣ долгосрочныя, на 4, на 6 и даже на 10 лѣтъ; при чемъ деньги нерѣдко выдаются домохозяину впередъ, за половину, а то и за весь срокъ заключеннаго контракта. Въ условіяхъ обыкновенно предусматриваются случаи исправленія помѣщеній. Обычай установилъ при этомъ взаимодѣйствіе какъ домохозяина, такъ и его квартиранта: со стороны хозяина при поправкахъ выдается по большей части матеріалъ для поправки, какъ-то: дерево, кирпичъ, глина, песокъ и проч., рабочихъ же почти всегда нанимаетъ за свой счетъ квартирантъ. Уплата поземельныхъ и другихъ опредѣленныхъ налоговъ производится также по условію, хотя въ большинствѣ это опять-таки падаетъ на квартиранта. Изъ числа проживавшихъ въ Уля̄сута̀ѣ русскихъ торговцевъ, Ѳ. И. Мининъ платилъ за свое помѣщеніе въ 5 цзя̀новъ, съ дворомъ и кое-какими постройками,—120 ланъ въ годъ; А. В. Васеневъ — за помѣщеніе, приблизительно того же объема, 60 ланъ, но онъ уплатилъ своему домохозяину такія деньги впередъ за четыре года; И. А. Игнатьевъ за квартиру, нѣсколько меньшую двухъ первыхъ, до настоящей поры уплачивалъ 40 ланъ въ годъ, но съ начала 1893 года арендная сумма и для него повышались до 60 ланъ. Засимъ, изъ числа русскихъ подданныхъ, въ мой проѣздъ черезъ Уля̄сута̀й, проживалъ еще одинъ татаринъ, приказчикъ г. Сафьянова; помѣщеніе его было уже несравненно хуже всѣхъ вышеисчисленныхъ, ограничи-

ваясь всего тремя цзянями, уплачивалъ же онъ за него по 40 ланъ въ годъ.

Описаніе маймачэна едва ли можно ограничить только этою частью города, сгруппированною въ двухъ улицахъ, ибо и оффиціально считаются городскими жителями, и видимо принадлежатъ къ городу также тѣ китайцы, которые живутъ по заимкамъ около Улясутая и занимаются здѣсь обработкою земли и посѣвомъ хлѣба. Общее число улясутайскихъ заимокъ простирается до десяти и всѣ онѣ раскинуты не болѣе какъ на разстояніи трехъ верстъ отъ города, по рѣкѣ Богдойнъ, отъ которой проведены канавы для поливки полей въ лѣтнее время. Земля, на которой находятся эти заимки, принадлежитъ городу и отдается мѣстнымъ чиновничествомъ въ аренду. Само собою разумѣется, что арендная плата различествуетъ, смотря по достоинству земли. Лучшая земля лежитъ по рѣкѣ Богдойнъ; далѣе отъ рѣки и ближе къ горамъ земля менѣе удобна, ибо болѣе камениста и песчана. Арендуются земли исключительно китайцами и въ большинствѣ случаевъ не однимъ лицомъ, а компаніями; обстоятельство это, на мой взглядъ, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что за хлѣбопашество берутся здѣсь только бѣдняки изъ китайцевъ. Земли на пашняхъ никогда не гуляютъ и не лежатъ подъ паромъ, — ихъ засѣваютъ каждый годъ, предварительно удобряя весною навозомъ, который собирается въ городѣ безъ всякой платы; лѣтомъ посѣвы необходимо требуютъ поливокъ. При такой постоянной дѣятельности, арендаторы по необходимости проживаютъ на своихъ заимкахъ и лѣто, и зиму; они имѣютъ здѣсь свои байшины и завели полное хозяйство. Посѣвы на пашняхъ бываютъ исключительно яровые, сѣютъ ячмень и пшеницу. Начало посѣвовъ обыкновенно падаетъ на послѣднія числа нашего апрѣля мѣсяца, уборка же хлѣбовъ начинается съ половины августа; пашутъ китайцы плугомъ, жнутъ короткими серпами, или лучше сказать, ручными косами. Въ прошлый разъ, при моемъ посѣщеніи заимки, слывущей за самую лучшую по доброкачественности почвы, хозяева ея разказывали, что они сѣютъ на своей землѣ исключительно пшеницу; посѣвъ ограничивается 10—11 мѣшками сѣмянъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ приблизительно 150 китайскихъ фунтовъ; въ результатѣ отъ такого посѣва получается среднимъ числомъ отъ 100—120 мѣшковъ муки такой же величины. Такая пашня, впрочемъ, единственная близъ Улясутая; какъ я сказалъ уже выше, чѣмъ дальше отъ рѣки, тѣмъ земля становится каменистѣе и безплоднѣе, такъ что, по разказамъ, на пашнѣ ближайшей къ горамъ, то-есть, самой худшей, засѣваютъ помянутой величины мѣшковъ до 80, а собираютъ не всегда свыше 400, хотя и никогда не меньше этой суммы. Соломы получаютъ китайцы обыкновенно очень

мало; на лучшей пашнѣ ея никогда не бываетъ болѣе десяти возовъ, что составитъ приблизительно пудовъ шестьдесятъ. Такое незначительное количество получаемой соломы зависитъ по преимуществу отъ того, что китайцы сильно избиваютъ ее при своемъ своеобразномъ молоченіи каменными гранеными столбами (столбы эти у китайцевъ никогда не превышаютъ аршина и трехъ четвертей длины). Солома идетъ главнымъ образомъ на кормъ лошадей, работающихъ здѣсь же, въ заимкахъ; въ продажѣ она существуетъ по 1 лану и 3 цина, или по 1 лану 2 цина за возъ помянутой величины.

Рабочими на пашняхъ являются по преимуществу китайцы, тѣмъ не менѣе арендаторы иногда нанимаютъ и монголовъ (безъ лошадей) обыкновенно на годичный срокъ. Рабочіе эти съ половины зимы начинаютъ собирать навозъ и потомъ складываютъ его въ кучи; въ концѣ марта они удобряютъ имъ землю, въ концѣ апрѣля пашутъ и производятъ посѣвъ, съ октября начинаютъ молотить и молоть хлѣбъ. Плата рабочимъ полагается отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 лапъ въ мѣсяцъ, на полномъ хозяйскомъ содержаніи, за исключеніемъ одежды.

Кромѣ пашень, при заимкахъ имѣются еще и огороды, на которыхъ сажаютъ капусту, брюкву, рѣдьку, картофель, рѣпу и проч. Благодаря уходу, урожаи на огородахъ бываютъ всегда очень хорошіе, такъ что получаемыхъ здѣсь огородныхъ растеній не только хватаетъ для самаго Улясутая, но всѣ помянутые виды ихъ, кромѣ того, въ соленомъ видѣ отвозятся еще и на продажу въ Баркуль и Гучэнъ. При караванахъ обыкновенно отправляются въ эти города сами хозяева въ качествѣ торговцевъ и на обратномъ пути привозятъ съ собою на продажу въ Улясутаѣ плоды юга, какъ-то: виноградъ, кишмишъ, жужубы, шепталу и проч.

Что касается мѣстныхъ огородныхъ произведеній, то всѣ улясутаевцы покупаютъ ихъ прямо на заимкахъ, по нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

Мѣшокъ картофеля, приблизительно въ три пуда — 1 ланъ 2 цина.
— моркови — въ полтора — —8 циновъ.
Рѣдька за одинъ гинъ . . . . . 2 фына.
Капуста — — . . . . . 2 фына.
Тыква за одинъ плодъ . . . . . 4 цина.
Брюква за одинъ гинъ. . . . . 2 фына.
Лукъ—пучекъ въ 50 головокъ . 3 цина.
Рѣдиска — — 10 — . . . 1 цинъ.
Арбузы, привозные изъ Баркюля, отъ 4 до 6 цѣновъ за штуку.

Огурцы въ Улясутаѣ не родятся совершенно и это до такой степени,

что, по разказамъ огородниковъ, они садили ихъ даже въ коробкахъ и за всѣмъ тѣмъ не получали никакихъ всходовъ.

Почти параллельно съ ближайшими къ городу пашнями и огородами, внѣ маймачѣна, находятся двѣ китайскія кумирни: первая изъ нихъ, называемая кумирнею Эрлѝкъ-хāна, едва ли не самая большая изъ всѣхъ кумирень, причисляемыхъ къ маймачѣну; при ней находится театръ и въ особомъ дворѣ китайское кладбище. Своихъ покойниковъ китайцы здѣсь, какъ и въ Ургѣ, не зарываютъ въ землю, но кладутъ ихъ въ большихъ гробахъ открыто, подъ навѣсами, во дворѣ кладбища. Поступаютъ они такимъ образомъ въ виду уже извѣстнаго намъ обычая, по которому родственники умершаго необходимо должны перевезти прахъ скончавшагося на чужой сторонѣ на его родину. Впрочемъ, пока извѣщаются и собираются эти родственники, проходитъ зачастую отъ пяти до восьми лѣтъ; однимъ словомъ, трупъ всегда успѣваетъ сгнить, пока его перевезутъ въ любезное отечество, за Великую стѣну; оттого-то на китайское кладбище можно взойти свободно развѣ только зимою, а лѣтомъ воздухъ здѣсь страшно заряженъ міазмами отъ разлагающихся останковъ. Тѣхъ бездомныхъ одиночекъ, о которыхъ уже положительно извѣстно, что они не будутъ перевезены на родину, хоронятъ на кладбищѣ, но ихъ опять-таки не закапываютъ въ могилы, а поставивъ гробъ поверхъ земли, устроиваютъ надъ нимъ своды изъ сырцеваго кирпича, которые затѣмъ обмазываютъ глиною. Расходы по сему предмету производятся изъ приношеній въ кумирню. Второе китайское капище посвящено Дарà-эхэ̀ и, не заключая въ себѣ ничего особеннаго какъ кумирня, отличается отъ прочихъ развѣ только тѣмъ, что служитъ постоянною квартирою для пріѣзжающихъ чиновниковъ. Въ теченіе 1871—1873 гг. оно было сдаваемо городомъ подъ лавки и помѣщеніе пріѣзжихъ въ Улясутàй русскихъ торговцевъ, а въ настоящій мой пріѣздъ въ этой кумирнѣ, по распоряженію цзянь-цзюня, было отведено помѣщеніе и для меня.

Наконецъ, еще далѣе заимокъ и кумирень отъ города проживаютъ двѣ компаніи китайскихъ купцовъ, извѣстныя подъ именами Да-шэнъ-куй и Тянь-и-дэ. Компаніи эти не ведутъ открыто никакой торговли, но дѣла ихъ идутъ едва ли не лучше всѣхъ улясутàйскихъ торговцевъ. У монголовъ та и другая компаній извѣстны подъ общимъ именемъ «тӯнши», что̀ означаетъ поручителя, плательщика; точнѣе, компаніи эти исполняютъ для монгольскихъ àймаковъ обязанности банкировъ. Такъ какъ о спеціальной дѣятельности этихъ полуоффиціальныхъ учрежденій, мы предполагаемъ говорить подробно въ III томѣ настоящаго труда, то здѣсь упомянемъ лишь, что обѣ эти фирмы съ внѣшней стороны кажутся богатыми потому, что

имѣютъ у себя обширныя и прекрасно устроенныя дачи, на которыхъ они занимаются хлѣбопашествомъ; но торговой и банкирской дѣятельности у нихъ совершенно не замѣтно, — такъ что, не зная заранѣе объ ихъ профессіи, можно подумать, что вы посѣтили просто благоустроенное имѣніе какого нибудь зажиточнаго и заботливаго фермера.

Улясутай, по опредѣленію Эляйса, находится на абсолютной высотѣ 5,736 фут., а по Пѣвцову—на высотѣ 5,810 фут. надъ уровнемъ моря. Онъ расположенъ въ долинѣ, довольно живописно окруженной горами, и имѣетъ также много картинныхъ видовъ въ своихъ окрестностяхъ, при чемъ послѣднимъ нельзя отказать и въ физическомъ богатствѣ. По горамъ, окружающимъ Улясутай, и особливо вверхъ по Богдойнъ-голу, въ изобиліи ростутъ лѣса, состоящіе преимущественно изъ лиственицы, но изрѣдка попадается и тополь, а за симъ много тальнику. Выше уже было отчасти говорено о пользѣ, которую извлекаютъ китайцы и монголы изъ этихъ лѣсовъ; къ сказанному можно еще прибавить во-первыхъ то, что строевой лѣсъ изъ Улясутая никуда не вывозится, во-вторыхъ, что на дрова монголы рубятъ только сухія деревья и въ-третьихъ, что изъ этихъ лѣсовъ добывается еще большое количество угля. Послѣдній идетъ на топливо у китайцевъ, такъ какъ обыкновенно въ домахъ ихъ уголь горитъ въ теченіе цѣлаго дня, въ высокихъ жаровняхъ, посреди комнаты. Самое большое количество угля расходуется у улясутайскаго цзянь-цзюня. Для доставленія угля въ его домъ, у него имѣется спеціально подряженныхъ двадцать-четыре человѣка изъ монголовъ, на жалованье которымъ ассигнуется китайскимъ правительствомъ 1,200 ланъ серебра. Угля, по положенію, они должны доставить въ годъ 7,500 мѣшковъ, вѣсомъ каждый въ 15 китайскихъ фунтовъ; но собственно говоря, угля выходитъ всегда болѣе обусловленнаго количества. Монголы, берущіе подрядъ на доставку этого угля, сами никогда не пережигаютъ его и уже отъ себя подряжаютъ другихъ доставлять по 10,000 мѣшковъ, а иногда и болѣе, при чемъ въ 1878 году существовала плата по 6 фынъ отъ мѣшка. У хэбэй-амбаня расходуется угля почти то же количество, но для доставки его правительствомъ назначается 20 человѣкъ, и на подрядъ ихъ отпускается 1,000 ланъ серебра. Въ обыкновенной продажѣ мѣшокъ угля въ 15 гиновъ стоитъ 5 фынъ. Жгутъ его монголы почти на мѣстѣ самой порубки лѣса, въ громадныхъ печахъ, вырываемыхъ по косогорамъ покрытыхъ лѣсомъ горъ. Смола и корье монголами не собираются и никуда не идутъ. Плодовыхъ деревьевъ въ лѣсахъ, окружающихъ Улясутай, нѣтъ никакихъ, но плодоносные кустарники въ обиліи ростутъ по горамъ. Черная смородина и превосходный крыжовникъ составляютъ здѣсь постоянное лакомство китайцевъ и монголовъ. Послѣдніе собираютъ эти

плоды и приносятъ въ Улясутай на продажу. Кромѣ того, монголы продаютъ еще много вереску, также обильно ростущаго въ окрестностяхъ Улясутая, широко растилаясь по землѣ. Монголы зовутъ его «арца» и употребляютъ какъ благовонную траву для куренія передъ бурханами. Собираніемъ грибовъ (преимущественно масленка) также занимаются, главнымъ образомъ, монголы и, высушивъ ихъ, продаютъ китайцамъ. Въ городскихъ лавкахъ цѣна сушеныхъ грибовъ въ разное время бываетъ отъ двухъ, до четырехъ съ половиною цѝновъ за китайскій фунтъ: не смотря на эту относительную дороговизну, о томъ, на сколько великъ здѣсь сборъ этого продукта, можно судить потому, что его хватаетъ не только на Улясутай, но въ 1877 году одною только изъ хўхў-хотòскихъ лавокъ было отправлено въ Хўхў-хотò и Пекинъ 40 верблюдовъ, вьюченныхъ этимъ товаромъ.

Монголы, живущіе въ Улясутаѣ, составляютъ самый бѣдный классъ. Живутъ они, какъ и въ степи, въ юртахъ, но скотоводства у себя никакого не имѣютъ, а занимаются женщины — проституціей, мужчины же услуженіемъ, мелочною торговлей и только немногіе промышляютъ какимъ-нибудь мастерствомъ, — преимущественно плотничествомъ и издѣліемъ серебряныхъ вещей. Замѣчательно, что монголы, причисляющіе себя къ проживающимъ въ Улясутаѣ и снискивающимъ себѣ пропитаніе городскими работами, стоятъ иногда въ дѣйствительности своими юртами верстахъ въ 10-ти и даже 15-ти отъ Улясутая. И нужно сказать, что это самый опасный элементъ городского населенія. Являясь въ городъ на поденныя работы, эти люди промышляютъ главнымъ образомъ воровствомъ, угоняя лошадей и уводя быковъ и верблюдовъ у зазѣвавшихся простаковъ. Удастся такому воришкѣ пріобрѣсти скотину, онъ, пригнавъ домой, тотчасъ же убиваетъ ее и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ мѣсяца на два пропитанія, а больше онъ и ни въ чемъ не нуждается. Заботясь объ удаленіи такого рода людей, улясутайскій цзянь-цзюнь постоянно дѣлаетъ распоряженія по чжисанамъ о производствѣ облавъ на подобныхъ монголовъ и о высылкѣ захваченныхъ въ ихъ родовые хошўны. За послѣднее время подобными предписаніями повелѣвалось производить облавы на пространствѣ 100 ли вокругъ города, а для производства облавъ періодически высылать людей изъ чжисановъ по три раза въ мѣсяцъ, или черезъ каждые 10 дней. Конечно, все это отправляется только формально, оттого количество бродягъ около Улясутая всегда очень большое. Изъ среды мирныхъ и честныхъ обывателей, проживающихъ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, почти каждый монголъ или занимался, или занимается соляннымъ дѣломъ, представляющимъ довольно значительную выгоду. Соль привозится въ Улясутай изъ двухъ озеръ: или изъ Дзэрэнъ-нўра, или изъ Дэбтэръ-нўра, по цѣнѣ же она

продается весьма различно. Монголы, привозя соль, продаютъ ее обыкновенно мѣшкомъ въ два пуда за одинъ кирпичъ чая; но бываютъ случаи, что подобнаго привоза нѣтъ, и тогда, пріобрѣтая ту же соль въ китайскихъ лавкахъ, можно заплатить кирпичъ чая за одинъ ковшикъ. Болѣе обыкновенную торговлю, какъ говорилось уже выше, монголы производятъ мясомъ въ розницу. Купленнаго за два чая барана убиваютъ и продаютъ заднюю половину туши за чай, и переднюю за чай, а въ барышахъ остаются внутренности и голова, служащія пищею для всей семьи торговца, да кожа, которую продаетъ онъ по цѣнѣ отъ 7 фыновъ, до 1-го цина. Менѣе часто можно встрѣчать улясутайскихъ монголовъ, торгующихъ продуктами степи, какъ-то — кожей, масломъ, дровами и проч. Это случается только въ тѣхъ случаяхъ, если пропырливому горожанину удастся захватить при въѣздѣ въ городъ простака изъ степи. Горожанинъ зазываетъ его въ свою юрту, угощаетъ чаемъ и берется продавать привезенное. Само собою разумѣется, что онъ пользуется барышами. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, монголы берутъ товары изъ китайскихъ лавокъ и разносятъ ихъ для продажи по домамъ; при этомъ они обязуются представить хозяину требуемую имъ цѣну, а полученный при продажѣ излишекъ, если только удастся заполучить его, оставляютъ себѣ. Менѣе смышленые и расторопные монголы за торговлю не берутся, а идутъ въ поденное услуженіе: рубятъ дрова, носятъ воду, собираютъ аргалъ, весною — обмазываютъ глиною байшины, стѣны заборовъ, крыши дворовъ и проч. Скотоводства, какъ я уже сказалъ, въ Улясутаѣ монголы не имѣютъ, да и вообще скота въ Улясутаѣ содержится весьма мало, что обусловливается, конечно, дороговизной его содержанія. Въ зимнее время лошадь съѣдаетъ въ сутки до 75 монгольскихъ сноповъ сѣна, что стоитъ около 75 к. с.; лѣтомъ лошадь обходится конечно дешевле, потому что ее можно выгонять въ степь, на подножный кормъ; за всѣмъ тѣмъ, такъ какъ городскіе выгоны назначаются здѣсь для пастьбищъ казенныхъ табуновъ, то для лошади въ Улясутаѣ даже и лѣтомъ необходимо имѣть кормъ на дому. Вотъ почему всѣ улясутайскіе обыватели не содержатъ скотъ при себѣ, а сдаютъ на пастьбу монголамъ; при этомъ платится въ мѣсяцъ: за верблюда $1^1/_2$ цина, за лошадь и быка по 1 цину, за барана и козу по 3 фына.

Упомянувъ о городскихъ выгонахъ для скота, считаю умѣстнымъ сказать, что они расположены къ сѣверу и западу отъ маймачэна, верстахъ въ двухъ отъ мѣста, гдѣ кончаются заимки, обработываемыя китайскими арендаторами; точнѣе, они начинаются именно отъ того мѣста, гдѣ р. Ирō принимаетъ западное направленіе, и тянутся далеко на западъ, почти вплоть до станціи Борхò, второй по почтовой дорогѣ изъ Улясутая въ Кобдò.

Одинъ изъ главныхъ торговыхъ путей изъ Улясутая идетъ на Калганъ; онъ направляется по почтовому тракту на Саиръ-усу и дальше по почтовой дорогѣ изъ Урги въ Калганъ. Провозъ по этому пути обходится до 12 ланъ съ верблюда и представляется, конечно, ближайшимъ; тѣмъ не менѣе китайцы рѣдко посылаютъ по нему свои товары и гораздо чаще отправляютъ ихъ на Ургу, съ попутными ямщиками, а оттуда уже товары отправляются въ Калганъ. Этотъ послѣдній путь хотя и длиннѣе, но выгоднѣе для китайцевъ прежде всего потому, что онъ обходится дешевле, а за симъ и потому, что почти всѣ улясутайскіе торговцы, отправляющіе свои товары въ Калганъ, имѣютъ въ Ургѣ свои главные склады. Получивъ собранное въ Улясутаѣ монгольское сырье, ургинскія китайскія фирмы всегда разсчитываютъ, выгоднѣе ли отправить его во внутренній Китай, или переслать на продажу русскимъ купцамъ въ Кяхту. Другой торговый путь — до Урги есть тотъ самый, по которому ѣздилъ изъ Урги въ Улясутай въ 1874 году бывшій секретарь Ургинскаго консульства г. Падеринъ, въ 1879 году — Пѣвцовъ; по этому же пути при первой моей поѣздкѣ въ Китай въ 1876—79 г.г. пришлось мнѣ проѣхать въ передній и обратный путь по сѣверной Монголіи и наконецъ часть этой дороги была пройдена мною теперь и будетъ описана ниже. Попутные ямщики за провозъ по этому пути товаровъ берутъ отъ 4-хъ до 6-ти ланъ съ вьючнаго верблюда или телѣги, запряженной быкомъ; вьюкъ въ томъ и въ другомъ случаѣ равняется 300 гиновъ вѣсу (около 11 нашихъ пудовъ). Нарошные ямщики на верблюдахъ въ Ургу нанимаются за цѣну отъ $7\frac{1}{2}$ до 9-ти ланъ серебра, а на быкахъ за 6 ланъ и 5 цинъ, или за 7-мь ланъ. Разность цѣны обусловливается главнѣйше срокомъ доставки. До Кяхты изъ Улясутая большею частію ѣздятъ на быкахъ. Дорога идетъ сначала по ургинскому тракту на Цзагасутаевскій даба (перевалъ) и Мэргэнъ хутуль, пересѣкаетъ Идэрыйнъ-голъ и Чулутайнъ-голъ при ихъ сліяніи; переваливъ черезъ Бухайнъ-даба, пересѣкаетъ р. Хануй, впадающую въ Селенгу и доходитъ до хурѣня Дай-цинь-вановскаго въ аймакѣ тушѣту-хана; отселѣ слѣдуетъ по берегамъ Селенги верстъ 50. Орхонъ переѣзжаютъ уже верстахъ въ 25 отъ Кяхты. Всего на быкахъ ѣздятъ отъ Улясутая до Кяхты въ 40, 50 дней; провозъ же съ телѣги стоитъ отъ 6 ланъ 5 цинъ, до 9-ти ланъ. До Кобдо плата съ вьючнаго верблюда отъ 3 ланъ 5 цинъ, до 5 ланъ; существуютъ двѣ дороги: первая почтовая, а вторая идетъ нѣсколько сѣвернѣе ея. До Баркюля платится съ вьючнаго 10 ланъ; до Цончжу — 15 ланъ: до Хухуту-хото ѣздятъ только на верблюдахъ монголы сайнъ-нойновскаго и тушѣту-хановскаго аймаковъ, при чемъ получаютъ плату за вьючнаго верблюда отъ 7 до 9 ланъ. Путь этотъ не былъ

извѣстенъ у насъ до 1878 года когда прошелъ изъ Улясутая въ Хуухуухото первый русскій торговый караванъ подъ начальствомъ мѣщанина Антропова. Выписки изъ дневника его, объясняющія положеніе улясутайско-хуухуухотоскаго тракта, были помѣщены г. Баторскимъ въ его «Опытѣ военно-статистическаго очерка Монголіи» и хотя по обнародованіи путешествія г. Пѣвцова онѣ значительно теряютъ свою цѣну, однако, все-таки весьма интересны, какъ записки человѣка торговаго и смотрящаго на вещи только со стороны своей спеціальности; притомъ же караванъ Антропова, слѣдуя по дорогѣ, проложенной торговыми караванами китайскихъ купцовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и расходился съ путемъ, пройденнымъ экспедиціей г. Пѣвцова.

V. Отъ Улясутая до Кобдо.

21-е Августа. Пятница.

Сегодня оставилъ Улясутай, проживъ въ ономъ десять дней. 19-го числа старшина торгующаго здѣсь русскаго купечества, Мининъ, заявилъ о моемъ предположеніи выѣхать сегодня въ Кобдо и амбани сдѣлали, согласно этому заявленію, распоряженіе о присылкѣ мнѣ почтовыхъ лошадей на мою улясутайскую квартиру, а по станціямъ послали особую повѣстку о моемъ проѣздѣ, которая составляла въ сущности буквальную переписку заявленій нашего консульства. Вотъ точный переводъ этого документа:

Бумага «Устрояющаго пограничныхъ» помощника цзянь-цзюня западной стороны и хэбэй амбаней.

Объявляется приказомъ тайчжіямъ, цзангинамъ и хундуямъ, завѣдывающимъ почтовыми станціями (отъ станціи Алдаръ до станціи Хара-усу).

Обстоятельство выдачи приказа для всѣхъ ихъ вмѣстѣ:

Для отправленія изъ Улясутая 12-го числа 7-й луны настоящаго года двухъ русскихъ людей, командированныхъ въ Кобдо, по дѣламъ службы, канцеляріею завѣдывающаго русскими дѣлами въ Ургѣ чиновника Шишмарева, предлагаемъ мы выдавать потребныя имъ двѣ лошади подъ сѣдло, три вьючныхъ верблюда, шесть верховыхъ проводниковъ для провоза телѣги и одну юрту; а сверхъ сего отправлять отъ каждой станціи особливыхъ чиновниковъ, и подъ присмотромъ ихъ доставить (означенныхъ людей) до мѣста».

Проживающіе въ Улясутаѣ русскіе торговцы собрались проводить меня и, напутствуемый ихъ добрыми пожеланіями, я двинулся въ путь въ 11 ч. 10 м. дня. Отъ Улясутая почтовая дорога въ Кобдо направляется внизъ по долинѣ рѣки Богдойнъ-гола. Вскорѣ миновали мы вышеописанныя заимки и пашни китайцевъ. Узкая, бѣлая тропа пути видиѣлась вдаль на значительное разстояніе, а кругомъ по степи близость города сильно сказывалась обиліемъ тамъ и сямъ разбросанныхъ юртъ: все это жилища мастеровыхъ монголовъ, мелкихъ монгольскихъ торгашей и проститутокъ. Слѣдуя по долинѣ Богдойнъ-гола, мы два раза переправились черезъ мелководный и каменистый Чигистуйнъ-голъ и въ послѣдній разъ почти у самаго мѣста впаденія его въ рѣку Богдо, гдѣ онъ все-таки имѣетъ не свыше $1^1/_2$ саж. ширины. Дорога почти на всемъ этомъ протяженіи ровная, усѣянная мелкими камнями. Долина, или лучше сказать широкое ущелье Богдойнъ-гола, окаймляется въ этихъ мѣстахъ высокими и скалистыми, но довольно однообразными горами. Въ 12 ч. 55 м. мы переѣхали вбродъ рѣку Ирэ, являющуюся нѣсколько пошире и поглубже Чигистуйнъ-гола. На правомъ берегу ея за новенькими, а потому ровными и чистенькими глинобитными стѣнами стоитъ такъ называемая въ просторѣчіи «Эбугэнъ-хуурэ», или «монастырь-старецъ». Монастырь этотъ располагается собственно на земляхъ хошуна Чжа-цзасака и о первоначальномъ построеніи его свѣдѣній никакихъ не имѣется; достовѣрно только, что такъ какъ въ Улясутаѣ искони не было построено ламайской обители, то «Эбугэнъ-хуурэ» также искони служилъ для молитвъ и удовлетворенія религіозныхъ потребностей проживающихъ въ Улясутаѣ монгольскихъ солдатъ съ ихъ семьями. Изъ послѣдующихъ и ближайшихъ къ намъ по времени событій монголы помнятъ только, что лѣтъ 40—50 тому назадъ здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе Илагуухсанъ гэгэнъ, нынѣ кочующій въ вершинахъ р. Идэра. Расширивъ и приведя въ должный порядокъ находившіяся здѣсь прежде кумирни, Илагуухсанъ гэгэнъ тогда же сдѣлалъ объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, который пожаловалъ этому монастырю названіе: ᠭᠠᠳᠠᠭᠤᠷᠤᠨ ᠬᠢᠶᠢᠳ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠴᠢ • «устрояющаго отдаленныхъ». Въ 5-мъ году правленія Тунъ-чжи (1867) Илагуухсанъ гэгэнъ получилъ собственныя земли на границѣ цзасакту хановскаго и сайнъ-нойновскаго аймаковъ, между р. Хучжиртуу и горою Тоно и перекочевалъ изъ «Эбугэнъ-хуурэ» на Идэръ. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ началъ постепенно упадать. При нашествіи на Улясутай дунганъ въ 1870 году, Эбугэнъ хуурэнь подвергся сильному разрушенію и отъ него остались только одна кумирня, да двѣ часовни, изъ коихъ одна хранила въ себѣ великую святыню монголовъ — мощи Ханбо-гэгэна. Въ 1872 г. Цаганъ-гэгэнъ чжунгарскій, выходецъ изъ Тибета, прибывъ къ Улясутаю со своими

войсками, поселился было сначала въ Эбӯгэнъ-хӯрѣ, но будучи больше воиномъ, чѣмъ жрецемъ, онъ вскорѣ соорудилъ близь Эбӯгэнъ-хӯрѣ крѣпость съ двойными, хотя и невысокими глиняными стѣнами, гдѣ и обосновалъ свое мѣстопребываніе. Проживъ здѣсь около двухъ лѣтъ, онъ ушелъ обратно въ Чжунгарію вмѣстѣ со своими войсками, а крѣпость, возведенная имъ, разрушилась. Стѣны ея, располагавшіяся верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ монастыря, въ пору моего проѣзда въ 1876 г. значительно возвышались еще надъ землею, теперь же отъ нихъ едва остались низенькіе валы. Что касается самаго монастыря Эбӯгэнъ-хӯрѣ, то онъ въ настоящій проѣздъ мой оказался для меня просто неузнаваемымъ. Въ 1882 году бывшій монгольскимъ амбанемъ въ Улясутаѣ Да-цинъ-ванъ тӯшэтӯ-ханновскаго аймака, имѣя въ виду удовлетворить какъ религіозную потребность монголовъ, такъ и необходимую для нихъ медицинскую помощь, подаваемую ламами, вздумалъ возстановить Эбӯгэнъ-хӯрѣ. Съ этою цѣлью имъ былъ сдѣланъ съ пасущихъ казенныя стада тӯмэтовъ, 200 солдатъ, прикомандированныхъ къ отнесенію службы въ Улясутаѣ, и съ 20 халхаскихъ станцій улясутайско-калганскаго тракта сборъ, въ количествѣ 10,000 ланъ серебра, и на эти средства произведено было обновленіе обители. Теперь въ ней имѣется 8 большихъ кумирень, построенныхъ изъ дерева; весь монастырь обнесенъ глинобитною оградою и за стѣнами ея постоянно проживаетъ до 200 ламъ, ежедневно отправляющихъ здѣсь свои хураалы. Ревностно заботившійся объ устройствѣ Эбӯгэнъ-хӯрѣ Да-цинъ-ванъ не былъ въ этомъ случаѣ безкорыстенъ: для управленія монастыремъ онъ вызвалъ ламъ исключительно изъ своего хошӯна, въ число же низшей братіи поступили мѣстные ламы. Монастырю этому онъ придавалъ засимъ высокое значеніе разсадника вѣры будды въ улясутайскомъ краѣ, а потому предписалъ находившимся въ его управленіи Таннӯ-урянхаямъ присылать сюда молодыхъ ламъ для обученія. Со смертію Да-цинъ-вана значеніе Эбӯгэнъ-хӯрѣ начало однако падать. Доселѣ въ немъ продолжаютъ еще жить и опредѣленные штатомъ 200 ламъ и урянхайскіе ученики; но скоро, говорятъ, все это будетъ распущено по домамъ. Отъ праваго берега р. Иро и отъ кумирни Эбӯгэнъ-хӯрѣ дорога проходитъ сначала по твердо-песчаному грунту, переходящему потомъ въ песчано-каменистый; нѣсколько далѣе начинаютъ попадаться солонцы, поросшіе дэрэсӯномъ и послѣдующая дорога на протяженіи свыше версты становится невыносимой отъ массы кочекъ и ухабинъ; за симъ, поднявшись на невысокій увалъ, мы прибыли на ст. Алдаръ въ 1 часъ 15 м. дня.

Станція Алдаръ есть единственная изъ станцій улясутайско-кобдоскаго тракта, на которой полагается 12 юртъ почтосодержателей. Послѣд-

нія въ полномъ своемъ составѣ являются принадлежащими здѣсь аймаку тӯшѣтӯ хāна, въ частности же здѣсь находятся 6 юртъ мэргэнъ-вановскаго хошӯна, 2 юрты изъ хошӯна Тӧ-ӱйцзанъ-гӯна, 2 юрты — О-вана, 1 юрта Да-цинъ-вана и 1 юрта Ва (нчѣкъ сорӧнъ) гӯпа. На станціи, по обычаю, вмѣстѣ съ почтосодержателями живутъ и ихъ бӯли, хотя въ весьма незначительномъ количествѣ, не болѣе одной, двухъ юртъ; за то при ней живетъ до 25 юртъ изъ мѣстнаго хошӯна, которые разсчитываютъ такъ или иначе найти себѣ заработокъ на станціи. Дѣйствительно, почтосодержатели нерѣдко нуждаются здѣсь въ подводчикахъ и нанимаютъ этихъ монголовъ, уплачивая имъ за проѣздъ въ ту или другую сторону по одному чаю.

Въ 2 ч. 10 м. мы оставили станцію Алдаръ, чтобы слѣдовать по той же долинѣ Богдӧйнъ-гӧла, продолжающей свое направленіе на ЮЗ. Дорога поначалу представляется ровною и гладкою, пролегая по небольшимъ увалamъ, полого спускающимся и возвышающимся въ долинѣ. Черезъ полчаса мы подъѣхали къ протягивающемуся съ СЗ хребту и мысу его Ӱлцзэй-хошӯ, отъ подножія которыхъ передъ нами открылся превосходный видъ на Богдӧйнъ-гӧлъ. Рѣка течетъ здѣсь множествомъ протоковъ и ложе ея разстилается саженей на 350—400; каждая изъ этихъ протоковъ въ отдѣльности поросла аллеею кустарниковъ и деревьевъ, и такой садъ необычайно радуетъ глазъ послѣ монотонной коричневатой степи. Наслажденіе отравляетъ только дорога, ибо какъ разъ у подножія Ӱлцзэй-хошӯ раскинулся неудобный для ѣзды солончакъ. Его смѣняетъ каменистый подъемъ на гору Цахӣръ-ӯла, который представляетъ сносный колесный путь лишь у самой вершины перевала, но за то крутизна подъема увеличивается здѣсь до невѣроятія: это — чуть ни совсѣмъ отвѣсный утесъ. Перевалъ этотъ называется Ӱдӱйнъ-даба. Спускъ съ него гораздо положе, — онъ приводитъ въ долину Ямāтӯ-хӱндӱй, раздѣляемую горами Хӧшигӧ-ӯла на двѣ части, сѣверную и южную. Дорога проложена по сѣверной сторонѣ долины и потому она какъ бы вовсе оставляетъ рѣку Богдӧ, которая направляетъ свое теченіе за горами Хӧшигӧ-ӯла, по южной сторонѣ долины. Въ 3 ч. 25 м. мы поднялись и достигли вершины Дӧрӧльчжійнъ-хӱтӱль, иначе называемаго Ямāтӯ-хӱтӱлемъ, который приводитъ въ равнину, извѣстную подъ общимъ именемъ Борхӧ-тала, но различаемую при томъ и частными названіями отъ именъ прилежащихъ ей съ сѣверной стороны горъ, тянущихся съ ВСВ на ЗЮЗ. Таковы горы: Ӧлӧ, Тэмэрцзэтӯ, Ямāтӯ и др.; на югѣ по этой долинѣ продолжаютъ еще тянуться горы Хӧшигӧ. Долина Борхӧ представляетъ собою ровную степь съ прекраснѣйшею дорогой. Съ окончаніемъ Хӧшигӧ-ӯла, казавшаяся раздвоившеюся долина снова соединяется въ одну, а у самой станціи Борхӧ дорога снова приближается къ берегамъ Богдӧйнъ-гӧла. На

всемъ пространствѣ отъ Дӧрӧльчжи хӳтӳля и до ст. Борхò мы видѣли непрерывные табуны лошадей и громадныя стада овецъ. Оказалось, что это были казенныя стада, согнанныя для провѣрки. На станцію Борхò мы прибыли въ 4 ч. 10 мин. Она стоитъ у самаго берега Богдòйнъ-гӧла на лѣвой сторонѣ котораго возвышается гора Борхò, дающая свое названіе всему ее окружающему. Всѣ станціонные принадлежатъ здѣсь одному àймаку Сàйнъ-нойна. Простоявъ на станціи до 5 ч., мы двинулись далѣе по долинѣ Богдòйнъ-гӧла и нужно сказать, что трудно подыскать что-либо однообразнѣе этой долины. Вся она имѣетъ твердый хрящеватый грунтъ, усыпана мелкими камешками и поросла рѣдкимъ кипцомъ. Мѣстами на нѣсколько саженей залягутъ бѣлые пески, но потомъ опять все пріобрѣтаетъ желтовато-коричневатый цвѣтъ. По правой сторонѣ дороги выдающимися горами являются: Халцзàнъ-буриктӳ, тянущійся на цѣлыхъ часъ съ четвертью ѣзды хребетъ Цагàнъ-нурӯ и наконецъ высокая красная гора Улӑнъ-хайрхàнъ, не подалеку отъ которой располагается станція Улӑнъ-худӳкъ, на которую прибыли мы въ 7 ч. 50 м. и остановились для ночлега.

Станція Улӑнъ-худӳкъ стоитъ на обширнѣйшей равнинѣ, по которой кое-гдѣ разбросаны отдѣльныя мелкія горки. Съ юга равнина эта ограничивается высокимъ кряжемъ песчаныхъ горъ, именуемыхъ «Монгòлъ-элэсӳ», у подножія которыхъ почти противъ станціонныхъ юртъ, но на разстояніи отъ нихъ верстахъ въ трехъ, происходитъ сліяніе Богдòйнъ-гӧла съ Цзабхàномъ. Теченіе Цзабхàна несравненно тише Богдòйнъ-гӧла; это не только видно на глазъ, но свидѣтельствуется еще и тѣмъ, что Богдòйнъ-гӧлъ замерзаетъ всегда дней на 20 позже Цзабхàна; послѣдняя рѣка, говорятъ, уже въ половинѣ Октября бываетъ покрыта льдомъ. Въ политическомъ отношеніи мѣста эти представляютъ собою границу для хошӯновъ на правыхъ берегахъ Богдòйнъ-гӧла и Цзабхàна — Сартӳлъ-гӳна, а по лѣвымъ берегамъ этихъ рѣкъ — Дàйчинъ тӳшӗ-гӳна цзасактӳ хӑновскаго àймака. Находясь въ отдаленіи отъ Цзабхàна, станція наша кочуетъ теперь при небольшомъ ключѣ, не имѣющемъ особаго названія и протекающемъ не свыше 3—4-хъ верстъ отъ береговъ этой рѣки. Почтосодержателями на ней являются 3 юрты отъ тӳшӗтӳ хӑновскаго àймака, 2 юрты сàйнъ-нойновскаго и 6 юртъ цзасактӳ хӑновскаго. При этихъ 11-ти штатныхъ юртахъ имѣются еще и ихъ бӳли, хотя число ихъ не велико, такъ что общее количество станціонныхъ юртъ не превосходитъ 35. Одинъ изъ такихъ бӳли былъ у насъ истопникомъ. По разказамъ его, онъ принадлежитъ хошӯну Бӑтуръ цзасакà цзасактӳ хӑновскаго àймака и не состоитъ ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ тому почтосодержателю, при которомъ числится бӳли, а только хошӯнное начальство откомандировало его для вспо-

моществованія къ отнесенію почтовой повинности: штатный почтосодержатель имѣетъ у себя до 300 лошадей, но не имѣетъ достаточнаго числа людей и вотъ его послали въ восполненіе этого недостатка. Во время отнесенія этой службы онъ освобождается отъ всякаго рода другихъ повинностей и подъ именемъ его прямо пишется, что онъ отбываетъ повинность натурою; сверхъ сего онъ получаетъ по $1\frac{1}{2}$ лаы въ годъ жалованья изъ числа штатной суммы, назначенной въ окладъ почтосодержателю.

22-е Августа. Суббота.

Двинулись въ путь ровно въ 7 часовъ и направились на СЗ, пересѣкать урочище Дэрэсӯ-хōлой, въ направленіи къ горамъ Цахѝръ-ӯла. Дорога проходитъ по солончакамъ, иногда смѣняющимся сыпучими песками. Обиліе кустовъ хараганы и дэрэсӯна дѣлаютъ это мѣсто почти не проѣзжаемымъ для телѣги. Ближе къ горамъ Цзӯнъ-цахѝръ лежитъ озеро Бӯридў-нӯръ, на которомъ мы повстрѣчали страшное изобиліе всякаго рода водяной птицы: гуси, лебеди, утки, турпаны, чирки, бекасы и проч. Подъема на гору монголы избѣгаютъ, а потому, приблизившись къ горамъ Цзӯнъ-цахѝръ, мы уклонились на югъ, къ берегу Цзабха̀нъ-гōла, съ цѣлью хотя въ нѣкоторой степени обогнуть гору; подъемъ при таковыхъ условіяхъ совершается по довольно крутому косогору, но онъ не опасенъ, такъ какъ песчаный грунтъ этого пространства исключаетъ для телѣги всякую возможность опрокинуться. Поднявшись на возвышенность Цзӯнъ-цахѝра, мы поѣхали спокойнѣе. Дорога здѣсь хотя проходитъ по такимъ же солонцеватымъ долинамъ, но она несравненно ровнѣе и лучше. Надлежитъ замѣтить однако, что въ рѣчи объ удобствахъ дороги для отдѣльнаго путешественника почти невозможно опредѣлить, дѣйствительно ли между станціями плохая дорога, или же ему только пришлось проѣхать по таковой. Монголъ не привыкъ и незнаетъ телѣжной ѣзды, оттого онъ не признаетъ ни торнаго пути, ни еще болѣе выбора дороги: разъ верховый конь его проходитъ спокойно, ему кажется, что также спокойно должна пройти и телѣга. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ, по какимъ-то необъяснимымъ соображеніямъ, мои улāчи забирались положительно въ непроѣздныя болота и кочки, хотя на разстояніи какихъ-либо ста саженей отъ нихъ находился совершенно ровный и удобный путь. Дальнѣйшій путь нашъ пролегалъ ровною, но глубоко песчаною степью. Посреди ея мы встрѣтили громадный поѣздъ ѣхавшаго изъ Кобдò въ Пекинъ маньчжурскаго амба̀ня. Остановившійся улāчи этого поѣзда разказалъ намъ, что амба̀нь очень сердитый. Ночевалъ онъ на станціи Багà цзэ̀съ, гдѣ, по положенію, съѣлъ девять барановъ, при чемъ двухъ велѣлъ заколоть, а за остальныхъ семь потребовалъ деньги, въ размѣрѣ 1 лана и 2 цинъ за каж-

даго барана. Подъ проѣздъ его станція должна была выставить 213 лошадей, 32 верблюда и 95 улāчиновъ. Сообщивъ эти новости, улāчи поскакалъ вслѣдъ за амбàнемъ, а мы продолжали свой путь и, недоѣзжая красноватаго холма Барӯнъ цахйръ, спустились къ рѣкѣ Цзабхàну, на берегу коей нашли станцію Йэхэ цзэсъ. Прибыли сюда въ 8 ч. 50 м.

Станція Йэхэ цзэсъ была теперь также печальна и пустынна, какъ и окружающая ее мѣстность. Рѣшительно всѣ улāчи уѣхали въ поѣздъ съ амбàнемъ и мнѣ пришлось получить здѣсь въ проводники только четыре человѣка, изъ коихъ двѣ были женщины, да и онѣ-то были уже не станціонные, а сосѣдніе станціи люди. Пока собирались эти импровизированные улāчи, я сидѣлъ совершенно одинъ и уныло смотрѣлъ на окружающія мѣста, печальнѣе коихъ едва ли и есть что на свѣтѣ. На песчаномъ берегу Цзабхàна раскинуто до десятка убогихъ юртъ; на лѣвомъ берегу, т. е. къ югу отъ станціи, высятся песчаныя и лишеныя растительности горы Монголъ элэсӯ, тянущіяся на все видимое пространство; кругомъ—къ сѣверу, западу и востоку также пески. Все уныло и безжизненно неизобразимо. Къ счастію, мои проводники, хотя и не обязанные везти меня, собрались очень скоро, и въ 9 ч. 30 м. все было уже готово. По выѣздѣ со станціи мы поднялись на высокій берегъ Цзабхàна и направились къ горѣ Барӯнъ-цахйръ, которая оказалась впрочемъ вовсе не такъ близкой, какъ представлялось это глазу: мы достигли ея подножій только въ 10 ч., правда, по весьма песчаной дорогѣ. Продолженіемъ этихъ горъ служитъ Цоктӯла, состоящая изъ какихъ-то бѣлыхъ камней. Черезъ $^1/_4$ часа мы спустились снова почти къ самому берегу Цзабхàна, который въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на двѣ протоки стоящимъ посреди его островомъ, именуемымъ Цагàнъ-арàлъ. Островъ этотъ густо поросъ тополями и представляетъ необычайный контрастъ съ безплодіемъ окружающей степи. Дорога отсюда начинаетъ проходить по солончакамъ и поростаетъ дэрэсӯномъ. По такой почвѣ мы доѣхали до горъ Харà-обōту, у которыхъ располагается станція Багà-цзэсъ. Станціонныя юрты стоятъ здѣсь, какъ и на предшествовавшей станціи, у берега Цзабхàна. Къ сѣверу отъ нихъ возвышаются горы Харà-обōту, на западѣ вдали виднѣются горы Дзӯрь, за которыми располагается слѣдующая станція, а на югѣ течетъ рѣка Цзабхàнъ съ окайляющими лѣвый берегъ ея песчаными горами Монголъ элэсӯ. На станціи шла оживленная дѣятельность по уборкѣ юртъ послѣ проѣзда здѣсь амбàня. Почтосодержатели, въ числѣ 2-хъ хозяевъ отъ цзасактӯ-хāновскаго, 2-хъ хозяевъ тӯшēтӯ-хāновскаго и 7 хозяевъ сайнъ-нойновскаго аймàка, вели разсчеты относительно найма улāчиновъ какъ между собою, такъ и съ самими этими улāчинами: положено было заплатить возчикамъ телѣги по

1 чаю, доставлявшимъ янгирцàки, или вьюки на лошадяхъ, — по ½ чая, а доставлявшимъ вьюки на верблюдахъ по ⅓ чая. Между прочими разговорами мнѣ сообщили, что въ юртѣ здѣсь лежалъ одинъ монгольскій цзалàнъ, упавшій съ лошади и разбившійся въ поѣздѣ амбàня, а потому испросившій себѣ разрѣшеніе не ѣхать далѣе. Я зашелъ въ юрту къ этому цзалàну и нашелъ его совершенно здоровымъ: паденіе съ лошади было не болѣе какъ хитрой уловкой цзалàна, чтобы не ѣхать далѣе. Цзалàнъ оказался человѣкомъ очень развитымъ и я съ удовольствіемъ провелъ съ нимъ цѣлый часъ въ бесѣдахъ объ амбàнѣ.

Амбàнь этотъ по имени Шакдýръ, или, какъ обыкновенно называли его здѣсь, Шā да́-жэнь, состоитъ собственно на службѣ въ Гиринѣ, а въ Кобдò былъ только временно командированъ для улаженія разнаго рода споровъ, возникшихъ между киргизами и урянхàями, живущими къ сѣверо-западу и западу отъ Кобдò. Основными задачами его командировки были, во-первыхъ, рѣшеніе земельнаго вопроса, или точнѣе — опредѣленіе мѣстъ кочевьевъ той и другой народности; а во-вторыхъ, указаніе границъ вѣдомства кобдòскаго и чугучàкскаго хэбэй амбàней. Дѣло это получило свое начало еще лѣтъ двадцать, или двадцать пять тому назадъ. Военныя дѣйствія и страшныя смуты, возбужденныя въ ту пору въ Илійскомъ и Тарбагатайскомъ районахъ дунгàнами и явившіеся результатомъ ихъ громадные поборы защитника китайской власти Цагàнъ-гэгэна побудили тогда нѣкоторые киргизскіе роды искать спокойной жизни на востокѣ; почему султаны этихъ родовъ, вошедши въ соглашеніе съ урянхàйскими правителями, получили отъ нихъ разрѣшеніе на перекочевку къ востоку и заняли урянхàйскія земли. Такимъ образомъ сюда переселились киргизскіе роды: Джантыкэй, Каракàсъ, Мòлху и Чирэучи, занявъ въ первое время мѣста по теченію р.р. Сумдайрыка, Крана, верховьямъ Харà ирцыс'а и проч. Вслѣдъ за симъ, въ періодъ около 1874 г., сюда же прибылъ возвратившійся изъ похода къ Улясутàю Цагàнъ-гэгэнъ, который задумалъ обосновать свой монастырь въ верховьяхъ Крана и началъ постройку Шарà-сýмэ, болѣе извѣстнаго у насъ подъ именемъ Тулты. Новые поборы Цагàнъ-гэгэна на постройку этого монастыря заставили опять стопать киргизовъ, а когда, вслѣдъ за симъ, къ Цагàнъ-гэгэну и вновь построенному имъ монастырю начали стекаться его вѣрные поклонники ōлōты-барлыки, то киргизы должны были перекочевывать съ верховьевъ Крана и удаляться къ востоку. Подвигаясь въ этомъ направленіи, они вскорѣ дошли до Дàинъ-кýля и приблизились къ Кобдò не болѣе какъ на разстояніе 30—40 верстъ; мѣста же по Крану и около Тулты были сплошь заняты сгруппировавшимися около Цагàнъ-гэгэна — ōлōтами, обыкновенно именуемыми у мѣстныхъ жи-

телей «Арбàнъ сумỳ ӧлӧтъ-барлы̀къ». Около 1882 и 1883 гг. вышепомянутые роды киргизовъ, желая упрочить за собою занятыя ими земли, возбудили прежде всего ходатайство передъ богдохàнскимъ правительствомъ о причисленіи ихъ къ кобдòскому округу, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе [1]), а засимъ представили просьбу объ отводѣ имъ опредѣленныхъ земель. Изъ Пекина было поручено уладить это дѣло кобдòскимъ амбàпямъ, почему послѣдніе поначалу прямо дали предписаніе урянхàйскимъ властямъ отдѣлить часть принадлежащихъ урянхàямъ земель подъ кочевья киргизовъ. Но урянхàи посмотрѣли на это дѣло иначе и не только не исполнили даннаго имъ предписанія, но, съ своей стороны, представили докладъ, въ которомъ выяснили, что если въ принадлежащихъ имъ кочевьяхъ и оказывался еще въ недавнее время нѣкоторый избытокъ земель, то въ настоящую пору они рѣшительно стѣснены въ своихъ пастьбищахъ. «Двадцать лѣтъ тому назадъ», писали они, «мы отдали свои земли подъ временныя кочевья киргизовъ, но послѣ сего въ нашихъ кочевьяхъ совершенно самовольно и уже безъ всякаго на то права помѣстились еще ӧлӧты-барлы̀ки чугучàкскаго вѣдомства; при такихъ условіяхъ мы не только не можемъ отвести теперь земель для киргизовъ, но должны еще обратиться съ просьбою о выселеніи принадлежащихъ иному округу ӧлӧтовъ-барлы̀ковъ. Далѣе урянхàи добавляли, что въ случаѣ выселенія ӧлӧтовъ они могутъ уступить *эту землю, на которой кочуютъ ӧлӧты,* киргизамъ. Кобдòскіе амбàпи, получивъ такую петицію, отнеслись къ амбàню чугучàкскому съ просьбою—убрать подлежащихъ его вѣдѣнію ӧлӧтовъ-барлы̀ковъ изъ предѣловъ кобдòскаго округа; въ отвѣтъ на что чугучàкскій амбàнь препроводилъ въ Кобдò свои замѣчанія, въ которыхъ, съ представленіемъ основательнѣйшихъ статистическихъ данныхъ, выяснялъ, что земли Тарбагатайскаго округа такъ незначительны, что на нихъ съ величайшимъ трудомъ размѣщаются въ данную пору и существующіе обитатели; кобдòскій же округъ, наоборотъ, раскидывается широко, доказательствомъ чего служитъ самое переселеніе въ единыя земли урянхàевъ цѣлыхъ двухъ народностей—киргизовъ и ӧлӧтовъ и совмѣстное проживаніе ихъ въ теченіе двухъ съ половиною десятковъ лѣтъ. Одновременно съ отправкою такихъ соображеній въ Кобдò, чугучàкскій амбàнь представилъ всеподданнѣйшій докладъ

1) До этой поры означенные роды киргизовъ, кажется, не причислялись ни къ какому вѣдомству, да едва ли почитали себя и дѣйствительными данниками Китая. Послѣ включенія ихъ въ составъ Кобдòскаго округа, султанамъ ихъ было немедленно объявлено распоряженіе отростить косы и вмѣстѣ съ симъ имъ были пожалованы, соотвѣтственные чину каждаго, шарики на шапки. Киргизы привинтили шарики и теперь щеголяютъ ими, отростить же косы отказались и до сихъ поръ ходятъ бритыми, въ своихъ тюбитейкахъ.

въ Пекинъ, въ которомъ, выяснивъ всѣ вышеизложенныя соображенія, ходатайствовалъ о закрѣпленіи за ӧлӧтами-барлы̀ками мѣста ихъ настоящихъ кочевокъ и о расширеніи соотвѣтственно сему границъ тарбагатайскаго округа до береговъ Чернаго Иртыша и западныхъ предгорій Алтайскаго хребта. Такимъ образомъ изъ одного вопроса возникло уже два, разобрать которые и былъ командированъ амба̀нь Шакдӳръ. Онъ прибылъ въ Кобдо̀ еще осенью прошлаго года, но, частію по причинѣ снѣжныхъ заносовъ въ алтайскихъ перевалахъ, а частію по другимъ обстоятельствамъ, не могъ въ ту же пору отправиться на мѣста незаконно занятыхъ кочевокъ и долженъ былъ прожить въ Кобдо̀ до апрѣля мѣсяца настоящаго года. Побывавъ на мѣстѣ и составивъ тамъ при участіи представителей отъ кобдо̀скаго и чугуча̀кскаго вѣдомствъ нѣсколько засѣданій, къ которымъ были приглашены и инородческіе правители, амба̀нь порѣшилъ: 1) районъ кобдо̀скаго и чугуча̀кскаго вѣдомствъ оставить тотъ же, безъ всякихъ измѣненій; 2) ӧлӧтамъ-барлы̀камъ объявить, что они должны переселиться съ занимаемыхъ ими мѣстъ на прежнія кочевки въ Эрѣнъ-хабирга̀ въ теченіе трехъ лѣтъ и, наконецъ, 3) обязать урянха̀евъ по очищеніи этихъ мѣстъ ӧлӧтами, предоставить оныя подъ кочевья киргизамъ кобдо̀скаго округа. Неизвѣстно, успѣютъ ли ӧлӧты выселиться въ теченіе трехлѣтняго срока, но, по словамъ цзала̀на, всѣ теперь уже предугадываютъ, что дѣло это должно вызвать новыя осложненія и новое судьбище по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Урянха̀и, какъ мы видѣли выше, обмолвились словомъ, что въ случаѣ удаленія ӧлӧтовъ-барлы̀ковъ, они передадутъ занимаемыя нынѣ этими послѣдними земли киргизамъ. Но извѣстно, что земли по Крану, Кабѣ и ихъ притокамъ, равно какъ и окрестности Тулты отличаются сравнительно съ другими отмѣннымъ плодородіемъ: многія мѣста здѣсь не только распахиваются, но и буквально представляются житницею края, доставляя ему значительныя богатства; простыя поля превращаются здѣсь земледѣльцемъ, и притомъ безъ особеннаго труда, въ плантаціи мака, дающія громадныя выгоды при общемъ распространеніи здѣсь куренія опіума въ средѣ китайцевъ. Все это отлично понимаютъ, конечно, киргизы, оттого они еще заранѣе начали хлопотать, чтобы въ опредѣленіи было указано *объ отдачѣ имъ*, согласно заявленію урянха̀евъ, *именно этихъ, занимаемыхъ ӧлӧтами,* земель; чтобы еще больше закрѣпить дѣло, они поднесли Ша̄-да́-жэн'ю взятку въ 2,000 ланъ серебра. Провѣдавъ объ этомъ и урянха̀и также легко поняли, что они сдѣлали промахъ и въ свою очередь начали хлопотать объ его недѣйствительности, хотя, повидимому, и безуспѣшно, ибо поднесенная ими взятка показалась Ша-да́-жэн'ю такъ мала, что вызвала только его замѣчаніе. Совершилось это та-

кимъ образомъ: для поѣздки Ша̄-да́-жэн'я къ берегамъ Чернаго Иртыша потребовалось, конечно, устройство экстренныхъ почтовыхъ станцій, каковое и было поручено урянха̀ямъ. Китайское правительство, опредѣлившее вознаградить этотъ чрезвычайный расходъ своихъ подданныхъ, назначило въ возмѣщеніе его 3,000 ланъ серебра, выславъ эти деньги въ Кобдо̀ для раздачи почтосодержателямъ. Кобдо̀скій амба̀нь, высчитавъ какіе-то расходы и штрафы, выдалъ урянха̀ямъ 2,100 ланъ, но при этомъ сказалъ, что такъ какъ Ша̄-да́-жэнь пріѣхалъ по ихъ же урянха̀йскому дѣлу, то имъ слѣдовало бы поднести ему 1,000 ланъ серебра, причемъ довольно недвусмысленно замѣтилъ, что Ша̄-да́-жэнь пригодится имъ и въ будущемъ. Урянха̀и послѣдовали совѣту амба̀ня, но когда явились они къ Ша̄-да́-жэню съ 1,000 ланъ, то тотъ прямо сказалъ имъ: «Трудясь для васъ, я пріѣхалъ изъ Гӣрин'я и живу здѣсь больше полугода; ужели это можно цѣнить 1,000 ланъ? Я убѣжденъ, что киргизы, и не получая вспомоществованія отъ правительства, оцѣнили бы мой трудъ вдвое выше»! Въ этомъ отвѣтѣ было все: и недовольство подаркомъ, и попрекъ полученіемъ вспомоществованія, и возвышеніе киргизовъ. Для урянха̀евъ былъ тяжелѣе всего этотъ попрекъ полученіемъ: бѣдняги изъ оставшихся у нихъ 1,100 ланъ должны были поднести въ подарокъ поздравившихъ ихъ съ полученіемъ: амба̀ню—200 ланъ, монголъ-цзурга̀ну—60 ланъ, такое же число раздать болѣе мелкимъ ямуньскимъ чиновникамъ и наконецъ пожертвовать 50 ланъ на предполагаемый къ постройкѣ въ Кобдо̀ храмъ Гэсэ̀ра; такимъ образомъ имъ пришлось увезти домой изъ 3,000 ланъ не много свыше 700.

Бесѣда съ цзала̀номъ заняла у меня довольно много времени, такъ что со станціи Бага̀-цзэ̀съ я выѣхалъ только въ 2 ч. 45 м. Дорога къ слѣдующей станціи идетъ сначала по берегу Цзабха̀на и представляется весьма песчаною; изрѣдка попадаются мѣста, покрытыя мелкою галькой, на нихъ растетъ мелкій кипецъ, но далѣе степь опять кажется безплодной. Въ 4 ч. 20 м. мы подъѣхали къ горамъ Дзӯрь. Они представляютъ собою громадные массивы, на которыхъ камни лежатъ то въ видѣ черныхъ пластовъ, то валунами. Подъемъ на эти горы однако не крутой и дорога по нему также песчана, какъ и въ предшествовавшей долинѣ. Съ вершины перевала черезъ эти горы, носящаго имя Цахӣръ, намъ открылся поразительный видъ на пески, называемые Боро̀ хошӯнай борольчжӣ. Это — буквально песчаное море, на которомъ какъ бы застыли всевозможныя формы волнъ вздымавшагося вѣтрами песка. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи снять съ этого мѣста фотографическій снимокъ, хотя надѣюсь, что и безъ него впечатлѣніе этихъ песковъ никогда не изгладится изъ моей памяти.

Позади песковъ, т. е. въ направленіи къ югу, возвышаются горы Сэ̄рьсэртэ̀нъ. Все это кочевья хошӯна Ба̄туръ-цзасака̀. Дальнѣйшій путь мы продолжали по берегу Цзабха̀на и прибыли на станцію Дзурь въ 5 ч. 35 м. Монголы, отправляющіе почтовую повинность на этой станціи, почти цѣлымъ своимъ составомъ принадлежатъ са̀йнъ-нойновскому а̀ймаку, и именно са̀йнъ-нойновцевъ имѣется здѣсь 10 штатныхъ юртъ и только одна юрта хошӯна цзасакту̀-ха̄новскаго. На станціи народа почти не было, все населеніе разъѣхалось на какой-то праздникъ. Имѣя въ виду, что во весь вечеръ мнѣ не пришлось бы сказать здѣсь ни слова, я рѣшилъ ѣхать ночевать на слѣдующую станцію; во время же краткой остановки здѣсь мнѣ пришлось вмѣсто бесѣдъ съ монголами, пока ула̄чи осѣдлывали своихъ лошадей, смотрѣть на совершавшійся перелетъ гусей. Стада ихъ летѣли на югъ связками по 80—100 штукъ, прямо на горы Хобу̀къ-сочжѝръ, снѣговыя вершины которыхъ ясно видны со становища Дзу̀рь, хотя самыя горы уже лежатъ ближе къ Баркулю, чѣмъ къ станціи Дзу̀рь, какъ увѣряли меня мѣстные монголы. Въ 6 ч. вечера все было готово къ отъѣзду и мы двинулись далѣе. Дорога снова потянулась для насъ по берегу Цзабха̀на: она была ровная, какъ полотно; правда, все это былъ песокъ, но смоченный недавнимъ дождемъ, онъ представлялъ собою прекрасный колесный путь. Вдали, на лѣвомъ берегу Цзабха̀на, виднѣлась гора Бугу̀ хаирха̀пъ. Ровно въ 7 ч. мы подъѣхали къ мѣсту настоящаго брода черезъ рѣку Цзабха̀нъ. Для обычныхъ путниковъ оно обозначено столбомъ, вкопаннымъ на берегу, а для проѣзжающихъ на почтовыхъ переправа совершается не иначе, какъ при посредствѣ усучѝновъ, которые знаютъ всѣ частности русла и помогаютъ переправѣ: они становятся между оглоблями и поддерживаютъ телѣгу, покрикивая возчикамъ, куда слѣдуетъ направлять движеніе. Ширина рѣки едва ли не превосходитъ здѣсь 40 саженей, глубина же ея въ мѣстѣ брода не превышаетъ 12 вершковъ. Саженяхъ во 100 отъ главнаго русла имѣется еще протока Цзабха̀на, черезъ которую, несмотря на ея незначительность, переправляютъ также усучѝны. По выѣздѣ изъ протоки дорога направляется вдоль лѣваго берега Цзабха̀на, имѣя съ одной стороны рѣку, а съ другой гряды сыпучихъ песковъ, почти лишенныхъ растительности. Миновавъ засимъ нѣсколько гуджѝрныхъ пространствъ, густо поросшихъ дэрэсу̀номъ, и проѣхавъ по сѣверной сторонѣ Бугу̀ хаирха̀на, мы прибыли на станцію Бугу̀ въ 8 ч. 20 м. вечера. Ночь наступила уже сполна, но она была такая ясная и лунная, какія рѣдко приходилось мнѣ видать въ своей жизни. На станціи въ числѣ отправляющихъ повинность оказалось опять 10 юртъ са̀йнъ-нойновскаго-а̀ймака и только одна а̀ймака Цзасакту-ха̄на.

23-е Августа. Воскресенье.

Юрта, въ которой мы ночевали, была выставлена ламою Лубсàнъ-гэлӯномъ, который живетъ на станціи съ двумя своими родными братьями и двумя племянниками. Всѣ эти пять человѣкъ — ламы, живутъ они на станціи въ двухъ юртахъ и не имѣютъ у себя ни одной женщины. Явленіе это не исключительное, но довольно обычное въ средѣ монголовъ. Лубсàнъ-гэлӯнъ съ своею семьею отправляетъ обязанности подводчика по найму, собственно же штатнымъ почтосодержателемъ является какой-то тàйчжи изъ хошӯна Сартӯлъ-гуна. Такихъ подводчиковъ тàйчжи этотъ содержитъ двухъ: онъ выдаетъ имъ двѣ юрты съ обстановкою для постановки оныхъ проѣзжающимъ; каждому подводчику выдаетъ по 30 лошадей и 5 верблюдовъ на отбываніе повинности и уплачиваетъ жалованья въ годъ по двѣ лошади, т. е. за двѣ наемныя юрты подводчиковъ, всего 4 лошади, стоющія не менѣе 40 ланъ серебра, тогда какъ самъ получаетъ казеннаго содержанія только 18 ланъ; понятно, какъ оплачиваетъ китайское правительство станціонную службу. Утромъ ко мнѣ явился лама лѣтъ 60-ти и просилъ лекарства для глазъ. У него оказался сильный катарръ. Я далъ ему имѣвшейся у меня свинцовой примочки, хотя и знаю, что безполезно, ибо первымъ условіемъ леченья здѣсь, конечно, должна быть чистота, а ея-то и не имѣется; сидѣнье въ дымной юртѣ передъ горящимъ очагомъ, постоянное смотрѣніе на огонь, все это должно способствовать усиленію болѣзни, а не исцѣленію ея.

Мы выѣхали въ 7 ч. утра. Дорога направляется на западъ, слѣдуя теченію рѣки Цзабхàна, такъ что съ правой стороны она окаймляется рѣкою, а съ лѣвой песчаными горами Чжиргалантӯ. На всемъ протяженіи этой станціи Цзабхàнъ течетъ, раздѣляясь на нѣсколько узенькихъ ручьевъ, катящихъ свои воды по широкому руслу рѣки. Окружающіе виды весьма унылы: глазъ останавливается лишь на стоящей на правомъ берегу рѣки Моритӯ-ӯла, да на синѣющихся вдали горахъ Цзусалàнъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ снѣжныя горы Барӯнъ-Алтай. Черезъ 35 минутъ ѣзды песчаныя горы мѣняютъ свое названіе, начинаютъ называться Борò-тологòй и подходятъ такъ близко къ берегу, что дорога принуждена бываетъ спускаться въ самое русло и проходитъ уже по водѣ р. Цзабхàна. Такія мѣста встрѣчаются нѣсколько разъ, такъ какъ пески то удаляются отъ берега, то снова приближаются къ нему. Въ мѣстахъ наибольшаго такого удаленія песковъ нерѣдко образуются солончаковыя долины, твердый грунтъ которыхъ является отдыхомъ для движенія. Въ 8 ч. 20 м. мы подъѣхали къ громадному песчаному холму Ингиртӯ-тологòй, равнымъ образомъ приближающемуся къ руслу рѣки и отвѣсно спускающемуся въ воду. Холмъ

этотъ приходится переваливать и переѣздъ черезъ него весьма труденъ. Станціонные считаютъ у этого холма половину дороги. Въ дальнѣйшемъ дорога, сохраняя за собою тотъ же характеръ, подходитъ наконецъ къ горамъ Цзусалàнъ, къ югу изъ-за которыхъ выглядываетъ снѣжный Алтай, или собственно гора Бомботӯ-хаирхàнъ, находящаяся въ кочевьяхъ Аюръ-гуна. Такъ какъ послѣдній въ настоящую пору состоитъ сеймовымъ старшиною цзасактӯ-хāновскаго àймака, то земли его называютъ еще Дāгійнъ-нутӯкъ. Отсюда, слѣдуя по песчанымъ возвышенностямъ, мы прибыли на ст. Аргалинтӯ въ 9 ч. 20 м.

Станція Аргалинтӯ стоитъ на высокомъ песчаномъ бугрѣ, на лѣвомъ берегу Цзабхàна. Здѣсь среди глубокихъ сыпучихъ песковъ находится искони вѣковъ ея лѣтняя кочевка, отчего и окрестныя горы получили свое названіе Цзусалàнъ, что значитъ «лѣтовка». Къ югу отсюда виднѣются высокія черныя горы, поднимающіяся на правомъ берегу Цзабхàна. Онѣ называются Бурӯлъ-ӯла и у подножія ихъ станція кочуетъ зимою. Въ административномъ отношеніи Аргалинтӯ имѣетъ то значеніе, что ею оканчивается управленіе кобдòскаго àмбаня, доходящее отъ Кобдò именно до ст. Аргалинтӯ. Мы такимъ образомъ на этой станціи вступили въ предѣлы кобдòскаго вѣдомства.

Оставивъ Аргалинтӯ въ 9 ч. 45 м., мы уже далѣе не слѣдовали за теченіемъ Цзабхàна. Рѣка направляется отсюда къ сѣверу, къ мѣсту своего впаденія въ оз. Аяръ-нӯръ, между тѣмъ какъ дорога продолжаетъ сохранять западное направленіе и даже съ нѣкоторымъ уклоненіемъ къ югу. Проходитъ она по небольшимъ песчанымъ долинамъ, то и дѣло переваливая черезъ невысокіе и пологіе увалы, таковы: Холбō (10 час.), Дэ̄ль (10 час. 10 мин.), Цзамы́йнъ-борò тологòй (10 час. 15 мин.) и наконецъ Цзамы́йнъ-дöрöльчжѝ (10 час. 55 мин.). Между двумя послѣдними увалами залегаетъ сравнительно большая песчано-каменистая долина, получившая свое названіе отъ горъ Аргалинтӯ-хаирхàнъ. Съ вершины Цзамы́йнъ-дöрöльчжѝ прямо на западъ виднѣются на горизонтѣ снѣжныя горы Чжиргалантӯ-ӯла, при которыхъ должна стоять четвертая отсюда станція; слѣдовательно, онѣ находятся отъ Цзамы́йнъ-дöрòльчжѝ приблизительно верстахъ въ 120-ти. Цзамы́йнъ-дöрöльчжѝ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ уваловъ этой станціи тѣмъ, что представляетъ собою плоскую возвышенность, по которой грядами залегаютъ еще увалы, на гребняхъ коихъ лежатъ плиты дикаго сланца. Въ 11 ч. 20 м. мы спустились съ дöрöльчжѝ въ песчаную долину Улāнъ-тологòйнъ талà, получившую свое имъ отъ холма, при которомъ считается половина дороги между станціями; мы добрались до него въ 11 ч. 40 мин. На сѣверѣ эта долина ограничивается горнымъ

кряжомъ Дӯрбэльчжѝнъ-ӯла, а на югъ уходитъ на далекое пространство. Двигаясь къ западу мы въ 12 ч. 30 м. поднялись изъ нея на Багà-нӯрыйнъ-дэ̄ль — не особенно высокій, но очень каменистый перевалъ, съ котораго передъ нами открылись синія воды Багà-нӯра. Спускъ съ этого перевала приводитъ въ песчаную долину, тянущуюся вплоть до озера, на берегу коего располагается ст. Багà-нӯръ. Мы прибыли къ ней въ 1 ч. 50 мин. дня.

Озеро Багà-нӯръ едва ли имѣетъ въ окружности свыше 20—25 верстъ. Вода въ немъ горько-соленая и совершенно непригодная къ употребленію; въ озерѣ водится рыба, достигающая, какъ говорятъ, величины 1 аршина, но виды ея остались мнѣ не извѣстными, такъ какъ мѣстные жители не ловятъ ее. Для питья всѣ станціонные берутъ воду изъ находящихся неподалеку отъ озера ключей, ибо колодцы, вырываемые въ почвѣ, равнымъ образомъ даютъ здѣсь горько-соленую воду и пользоваться ими также не возможно- Почтосодержатели принадлежатъ двумъ àймакамъ Сàйнъ-нойна и Цзасактӯ хāна, восточныхъ же àймаковъ не имѣется ни одной юрты. На станціи мнѣ повстрѣчался ученый китаецъ, возвращавшійся изъ какой-то командировки къ кобдòскому амбàню въ Пекинъ. Онъ похвастался мнѣ своею находкою на этой станціи, которая состояла въ монетѣ, такъ называемой «кай-юань-цянь». Монета эта мѣдная и, сколько мнѣ было извѣстно, отливалась во времена Танской династіи. Китаецъ объяснилъ мнѣ, что въ сочиненіи «Вэнь-сянь-тунъ-као» именно относительно этого типа монетъ говорится, будто въ 4-й годъ правленія императора Ву-дэ (621 г. по Р. Х.) отливали монету: «кай-юань-тунъ-бао», которая была пущена тогда въ обращеніе по десяти штукъ въ одной ланѣ. Надпись эта на монетѣ была сдѣлана директоромъ канцеляріи наслѣдника престола Оу-янъ-сюн'емъ (знаменитый того времени ученый) и выбитые на ней въ то время буквы были троякаго характера: па-фэнь-цзы, чжуанъ-цзы и ли-цзы. Особенность этой надписи состоитъ въ порядкѣ буквъ, которыя можно читать и крестъ на крестъ, т. е. сверху внизъ и справа налѣво; смыслъ въ томъ и другомъ случаѣ является одинъ и тотъ же, оттого монета эта въ просторѣчіи называется обыкновенно: «кай-тунъ-юань-бао. Слово въ слово надпись: «кай-юань-тунъ-бао» обозначаетъ — «первая общеупотребительная драгоцѣнность». Бòльшею частію на китайскихъ монетахъ отливается названіе царствованія, въ которое онѣ отлиты и единственно на этой монетѣ выбита вмѣсто того особая надпись, исключительно указывающая на значеніе монеты въ государствѣ.

Со станціи Багà-нӯръ мы выѣхали въ 3 ч. 30 мин. Дорога, обогнувъ сначала озеро по сѣверной сторонѣ, направляется засимъ по его восточному берегу, представляющему собою ровную степь, именуемую Багà-нӯрыйнъ-

сàиръ. Такое названіе, несомнѣнно, получила она отъ той песчано-дресвяной почвы, которая залегаетъ здѣсь на все видимое пространство. Растительность долины крайне скудная на сѣверномъ берегу, еще бѣднѣе на восточномъ и, наконецъ, вовсе исчезаетъ при приближеніи къ Элэсӯнъ-дабāну, или «песчаному перевалу». Мы подъѣхали и начали переѣзжать его въ 3 ч. 55 мин. Говорю «переѣзжать», а не «подниматься» на него, потому что «Элэсӯнъ-дабā» собственно представляетъ собою цѣлый рядъ песчаныхъ горъ. Эта монгольская Сахара, поистинѣ, полна ужаса. Сыпучій песокъ образовалъ здѣсь собою горы, саженей до 30 высотою. Дорога проходитъ по боковинамъ этихъ горъ и то спускается книзу, то поднимается высоко кверху, имѣя внизу такіе же песчаные рвы. Берега этихъ рвовъ то пологи, то стоятъ отвѣсными утесами, то наконецъ навѣянные вѣтромъ пески образуютъ надъ ними навѣсы, волнистые слои которыхъ Богъ-вѣсть на чемъ и какъ держатся. О трудности переѣзда по этимъ пескамъ нечего и говорить. Мою легонькую телѣжку нужно было тащить шести лошадямъ: двѣ изъ нихъ были обычно подъ дамнӯромъ; засимъ къ концамъ того же дамнӯра привязали еще пару веревокъ, которыя ловкіе улāчины пропустили себѣ подъ ноги, чтобы имѣть возможность тянуть съ бо̀льшей прочностью и силой, наконецъ еще одну пару веревокъ привязали къ оси телѣги и, протянувъ ихъ между оглоблями, также начали тащить за нихъ. Другого способа переправы здѣсь не знаютъ, да, правду сказать, и не мыслимо меньшее число лошадей. Пески Элэсӯнъ-дабāна тянутся на пространствѣ 8, или 9 верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи полнѣйшая мертвенность: нѣтъ ни одной твердой точки, ни одной былинки растенія: колеса все время засыпаются пескомъ, такъ что ихъ почти и невидно, увязая по ступицу въ песокъ, они придвиженіи покрываются еще песчанымъ дождемъ отъ песка, скатывающагося съ верхней ихъ части. Ужасно быть застигнутымъ бурею въ этихъ пескахъ; мѣстные монголы, впрочемъ, отлично опредѣляютъ время этихъ бурь и не рѣшаются ѣхать, если предвидятъ ихъ наступленіе. Изъ этой наитруднѣйшей части пути мы выѣхали въ 5 ч. 25 м. вечера и спустились къ восточному берегу Дургà-нӯра, дорога по которому, какъ бы въ совершенную противуположность миновавшей, твердая, ровная и гладкая какъ полотно. Мѣстами она усѣяна такой мелкой галькой, что походитъ на дорожки въ нашихъ паркахъ. Мы проѣхали южный берегъ Дургà во всю его длину и, поворотивъ на западный, нашли здѣсь среди высокихъ камышей расположенною станцію Дургà-нӯръ. Юрта для меня была выставлена здѣсь отдѣльно отъ станціи, среди степи. Монголы говорятъ, что они живутъ въ камышахъ, спасаясь отъ постоянно дующихъ вѣтровъ, для меня же они выставили юрту въ степи, чтобы, по возможности, удалить меня отъ

комаровъ, которыхъ здѣсь немало даже и въ эту, уже близкую къ осени пору.

24-е Августа. Понедѣльникъ.

Вчера, прибывъ на станцію почти въ полумракѣ, я не могъ хорошенько разсмотрѣть ея положеніе, сегодня же утромъ оказалось, что окружающая степь чрезвычайно печальна. Травы здѣсь чрезвычайно плохи и степь представляется почти лишенною растительности; только кусты бударганы возвышаются на ней рѣдкими кипами, доставляя мѣстнымъ жителямъ прекрасное топливо. Взамѣнъ сего природа, однако, обездолила ихъ водою. Озеро Дургà-нӯръ состоитъ собственно изъ двухъ водныхъ бассейновъ, соединенныхъ между собою узкимъ проливомъ. Въ мѣстномъ названіи собственно одинъ, и именно бо̀льшій бассейнъ, зовется Дургà-нӯромъ, тогда какъ другой, меньшій, называется Харà-нӯромъ. Оба эти бассейна имѣютъ горько-соленую воду, такъ что ее почти не пьютъ и животныя, люди же получаютъ воду изъ колодца, хотя и эта послѣдняя также солоновата, а по внѣшнему виду положительно напоминаетъ собою молочную сыворотку.

Со станціи Дургà мы выѣхали въ 7 часовъ утра. Дорога направляется по долинѣ оз. Дургà, носящей общее названіе Хӯрэнъ-талà; она представляетъ собою ровную и гладкую степь, съ твердымъ песчано-каменистымъ грунтомъ и постепеннымъ пологимъ повышеніемъ на СЗ. Вдали передъ нами высились горы Чжиргалантӯ, покрытыя снѣгомъ. Мѣстность близъ озера Дургà, на пространствѣ $1\frac{1}{2}$—2-хъ верстъ отъ береговъ его, густо поросла травою, но дальше, ближе къ нашей дорогѣ, она является опять-таки безплодной: кое-гдѣ попадается мелкій кипецъ, но онъ на столько рѣдокъ, что не можетъ служить пищею для животныхъ. Въ политическомъ отношеніи она составляетъ нутӯкъ кобдо̀скихъ тӯмэ̀товъ, который простирается здѣсь на югъ до снѣжныхъ горъ Дэрбѝ-хаирхàнъ, — онѣ видны съ нашей дороги. Вообще окрестныя урочища весьма пустынны, и это естественно, такъ какъ всѣхъ кобдо̀скихъ тӯмэ̀товъ полагается 40 юртъ; они стерегутъ скотъ, приходящій изъ Улясутàя. Долиною Хӯрэнъ-талà мы ѣхали до 9 ч. 10 м. Въ западномъ концѣ ея мѣстность принимаетъ холмистыя очертанія и между этими холмами извивается сухое русло рѣчки Бургасӯ, стекающей съ ближайшихъ южныхъ горъ Бомботӯ-ӯла. Здѣсь повстрѣчали мы большое стадо дзэ̄рэновъ, которое, испугавшись нашего поѣзда, стремглавъ бросилось бѣжать къ югу. Отъ русла Бургасӯ-гола дорога дѣлается каменистѣе, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пересѣкаетъ мелкія сухія русла небольшихъ ручьевъ; таковыхъ я насчиталъ восемь и всѣ они направляются къ Дургà-нӯру. На станцію Харагàна мы прибыли въ 10 ч. 15 м. Она располагается при извилистомъ ручьѣ

Хараганàйнъ-гōлъ, на столько незначительномъ, что станціонные обитатели даже не пользуются его водою, а получаютъ ее изъ колодца съ чрезвычайно мутною и солонцеватою влагою. Станціонныя юрты стояли теперь среди приземистыхъ увaловъ и бугровъ; только съ южной стороны ихъ горы казались нѣсколько выше и мѣстные жители за то дали имъ прозваніе Хараганàйнъ-Алтай. На западѣ, уже невдалекѣ, была видна южная оконечность горъ Чжиргалантỳ, на вершинахъ которыхъ, говорятъ, покоятся вѣчные снѣга; у этихъ горъ должна находиться и слѣдующая станція, носящая то же названіе Чжиргалантỳ. Намъ однако не пришлось ѣхать туда. На станціи Харагана̀ мы узнали, что послѣдующія станціи Чжиргалантỳ и Цзаха̀-булỳкъ, по случаю проѣзда двухъ амба̀ней (а именно Ша̄да̀-жэня, съ которымъ повстрѣчались мы по дорогѣ къ станціи Йэхэ̀-цзэсъ и вновь назначеннаго изъ Пекина кобдò̀скаго Банъ-бань да̄-чэня), передвинуты со своихъ мѣстъ къ югу. Поводомъ къ такому перемѣщенію послужило то обстоятельство, что станціи эти въ обычныхъ своихъ стоянкахъ представляются расположенными весьма неравномѣрно: между станціями Харагана̀ и Чжиргалантỳ считается 35 ли, между Чжиргалантỳ и Цзаха̀-булỳкомъ 75 ли и наконецъ между Цзаха̀-булỳкомъ и Хара̀-усỳ 120 ли; теперь всѣ эти станціи были поставлены почти на равномъ разстояніи одна̀ отъ другой; съ другой стороны настоящимъ расположеніемъ станцій совершенно обходились тѣ труднѣйшіе перевалы, которые залегаютъ между станціями Цзаха̀-булỳкъ и Хара̀-усỳ. Меня весьма заинтересовало, почему при такихъ важныхъ удобствахъ не сдѣлать бы этихъ случайныхъ выставокъ мѣстомъ постояннаго пребыванія станковъ; но въ разъясненіе этого я получилъ отвѣтъ, что поступить такъ рѣшительно невозможно по той причинѣ, что эти случайныя мѣста въ лѣтнее время изобилуютъ комарами до такой степени, что въ нихъ нельзя ни жить, ни пасти животныхъ; зимою, напротивъ, мѣста эти, будучи равнинными, чрезвычайно холодны и не представляютъ никакой защиты отъ постоянно дующихъ здѣсь вѣтровъ. Получивъ это разъясненіе, я несмотря на перспективу быть искусаннымъ комарами, тѣмъ не менѣе весьма порадовался, что мнѣ придется избѣжать труднаго переѣзда отъ Цзаха̀-булỳка къ Хара̀-усỳ и подъ этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ мы оставили станцію Харагана̀ въ 10 ч. 35 м. Отсюда я пріобрѣлъ себѣ новаго спутника вплоть до самаго города Кобдò̀. Это былъ монголъ цзасактỳ-хāновскаго àймака и хошỹна, по имени Цэбэ̀къ. Монголъ этотъ, имѣя у себя головъ 40 лошадей и до 150 барановъ, въ прошломъ году взялся отбывать подводную повинность на станціи Харагана̀ вмѣсто одной юрты изъ хошỹна бэ̀йлэ̀ сàйнъ-нойновскаго àймака, при уплатѣ за это хошỹномъ въ годъ, по четвертямъ года, всего 240 ланъ серебра. Прошлую зиму, вслѣдствіе обильно

выпавшихъ снѣговъ, Цэбэ̀къ потерялъ 12 лошадей; лѣтомъ дѣла со скотомъ пошли у него лучше, но обиліе проѣздовъ, особливо со стороны амба̀ней, требовали отъ него постояннаго найма лошадей у окрестныхъ монголовъ. Между тѣмъ хошӯнъ, уплативъ ему деньги за первую четверть года въ 1-й лунѣ, до сего времени не высылалъ еще за вторую, хотя, судя по времени, ему слѣдовало бы получить уже и за третью четверть. Цэбэ̀къ, черезъ посредство завѣдывающаго станціями заха-булӯкскаго цзангӣна, нѣсколько разъ обращался уже въ кобдо̀скій чжисā, чтобы учрежденіе это вытребовало деньги изъ хошӯна; ему извѣстно было далѣе, что чжисā три раза отправляло свои бумаги по этому поводу въ хошӯнъ, но отъ послѣдняго не было, что называется, «ни слуху, ни духу», или какъ говорилъ самъ Цэбэ̀къ: ᠬᠥᠭᠡᠷ ᠬᠦᠷᠡᠭ ᠲᠡᠭᠦᠯ ᠦᠬᠡᠢ. Списавшись съ писаремъ кобдо̀скаго чжисāна, Цэбэ̀къ получилъ теперь отъ него извѣстіе, что если онъ, Цэбэ̀къ, пріѣдетъ теперь въ Кобдо̀, то управляющій чжисāномъ — очередной цзасà̀къ — обѣщалъ, не спрашивая больше хошӯна, взять деньги у тӯшней и выдать ихъ Цэбэ̀ку съ тѣмъ, чтобы хошӯнъ имѣлъ бы дальнѣйшіе счеты за эти двѣ четверти года уже съ тӯшнами. Говорятъ, что такой ходъ дѣла довольно обыченъ въ управленіи Халхи, почему, надо думать, и Цэбэ̀къ ѣхалъ теперь въ Кобдо̀, какъ бы имѣя уже деньги въ карманѣ. Онъ принималъ заказы на покупки и обѣщалъ исполнить рѣшительно все и каждому, ни у кого не спрашивая денегъ, хотя и самъ при выѣздѣ изъ дома не имѣлъ ровно ничего. По дорогѣ равно какъ и въ Кобдо̀, до полученія денегъ, онъ разсчитывалъ прожить у гостепріимныхъ друзей, а засимъ не только со всѣми расплатиться, но и удовлетворить просьбы своихъ заказчиковъ.

Благодаря вышеуказанной перемѣнѣ станцій, мы, вмѣсто обычнаго движенія къ станціи Чжиргалантӯ на сѣверъ, вскорѣ приняли прямое направленіе на западъ и дорога наша, вмѣсто того чтобы слѣдовать по восточному склону горъ Чжиргалантӯ, повернула внутрь этихъ горъ, по пади, именуемой Янгирцагы́йнъ-хӯндӯй, а засимъ начала постепенно подниматься на Янгирцагы́йнъ хӯтӯль. По мѣрѣ повышенія и подъема почва дѣлается все болѣе глинистою, освобождается отъ камней и количество растительности увеличивается. Съ вершины перевала дорога поворачиваетъ на югъ и открывается безподобный видъ на вѣчно-снѣжный Ба̄тыръ-хаирха̀нъ; здѣсь же находится и граница между землями кобдо̀скихъ тӯмэ̀товъ и кочевьями цзахачѝновъ. Спускъ съ перевала совершается по пади Янгирцагы́йнъ-хӯтӯлѝ ӱбӱръ-хӯндӯй. Впачалѣ падь эта очень узка и густо поросла хараганю̀ю, бударганю̀ю и дэрэсӯномъ; ниже она расширяется и на половинѣ ея, близъ холоднаго и свѣтлаго ключа, — Хӯтӯль-усӯ, — мы встрѣтили небольшія пашни цзахачѝновъ. Воды этого ключа расходятся по ары-

камъ пашень, а ниже оныхъ соединяются вновь и образуютъ собою небольшой потокъ, носящій у монголовъ названіе ўбўръ-цзэргэйнъ-гōлъ. Спустившись въ долину, потокъ этотъ вливается въ горько-соленое озеро Цзэргэ-нўръ, располагающееся въ южной части долины Цзэргэ. Путь нашъ все время лежалъ по правому берегу этого потока и только у самой долины мы оставили его, направившись на сѣверъ, къ временной стоянкѣ станціи Чжиргаланту̀. Послѣднюю мы нашли расположенною на обширной равнинѣ, верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ озера Цзэргэ-нўръ, при ключѣ Цага̀нъ-нўрыйнъ заха̀-булу̀къ. Мы прибыли сюда въ 1 ч. 5 м. и незамѣтно пробыли здѣсь $1^3/_4$ часа, бесѣдуя со станціонными монголами и любуясь на величественную Цасуту̀ богдо̀, совершенно отчетливо видимую съ мѣста настоящей станціонной кочевки. Станціонные почтосодержатели всѣ принадлежатъ а̀ймаку Цзасакту̀-хāна. Они много разказывали мнѣ о мѣстныхъ цзахачѝнахъ, характеристикѣ этого народа, особенностяхъ его калмыцкаго нарѣчія и письма и проч.; засимъ рѣчь перешла на сартўловъ и на богатство ихъ гу̀на, искони почитаемаго имѣющимъ въ своемъ хошўнѣ 1,000 тайчжіевъ и 10,000 податныхъ (минга̀нъ тайчжита̀й, тўмэнъ албатута̀й); но свѣдѣнія обо всемъ этомъ читатели найдутъ въ моемъ Историко-географическомъ описаніи Монголіи.

Въ 2 ч. 50 м. мы снова сѣли на коней, чтобы продолжать свое движеніе въ направленіи къ западу. Почва долины Цзэргэ на всемъ протяженіи пути къ временной стоянкѣ слѣдующей станціи Цзаха̀-булу̀къ песчано-каменистая, поросшая цульхѝромъ (agriophillum) и дэрэсу̀номъ; общій видъ степи поразителенъ по своему однообразію. Въ 3 ч. 10 м. мы пересѣкли дорогу, тянущуюся изъ Гучэ̀на, а черезъ 40 м. отсюда достигли до значительныхъ пашень цзахачѝновъ. Засѣяна здѣсь, кажется, одна только пшеница и за полями, очевидно, много ухода: пространства ихъ окопаны широкими канавами, вездѣ стоятъ загороди и повсюду разставлены чучелы (манухàй), чтобы пугать птицъ. Поля исключительно поливныя и вода на нихъ струится по канавамъ, протянутымъ въ различныхъ направленіяхъ изъ протекающихъ къ западу отсюда рѣкъ Гурбу̀нъ-цэнкѝръ. Русло этихъ рѣкъ будетъ приблизительно верстахъ въ 10-ти отъ полей. Проведенная по необработаннымъ землямъ долины Цзэргэ вода этихъ канавъ также значительно оживляетъ мѣстность и обѣ стороны магистральной канавы весьма густо поросли кипцомъ, аржанцомъ и другими питательными травами. Въ 4 ч. 30 м. мы достигли до невысокаго и тянущагося съ С на Ю увала Ōши, отъ котораго долина дѣлается каменистою. Ōши смѣняется далѣе горами Цзахачѝнъ-ўла, до которыхъ доѣхали мы въ 5 ч. У западнаго склона этихъ горъ течетъ одинъ изъ Гурбу̀нъ-цэнкѝровъ, иначе назы-

ваемый Тӯгӯригы́инъ-го̄ломъ. Воды его сполна расходятся по пашнямъ. Отъ поворота его на юго-западъ начинаются солончаки и долина превращается въ кочковатую и поросшую дэрэсӯномъ. Характеръ мѣстности и дороги совершенно измѣняется, почему, вѣроятно, и монголы не считаютъ здѣсь уже долины Цзэргэ̀, а относятъ эти мѣста къ озеру Харà-усӯ и называютъ ихъ «Харà-усӯнàй эхѝнъ». Такою-то кочковатою равниной мы въ 6 ч. 10 м. доѣхали до станціи Захà-булӯкъ, стоящей теперь при колодцѣ Улā̄нъ-худӯкъ.

25-е Августа. Вторникъ.

Вчера, бесѣдуя съ мѣстныхъ цзангѝномъ, я узналъ, что на станціи Цзахà-булӯкъ почтосодержателями являются только монголы сàйнъ-нойновскаго и цзасактӯ-хā̄новскаго àймаковъ; цэцэ̀нъ-хā̄новцевъ же и тӯшѣтӯ-хā̄новцевъ, за отдаленностью ихъ кочевьевъ, сюда не назначаютъ вовсе. Впрочемъ, и сàинъ-нойновцы, выставляя ту же причину, весьма часто не являются сюда для отправленія службы, а нанимаютъ за себя мѣстныхъ жителей. На станціи Цзахà-булӯкъ сàйнъ-нойновскихъ юртъ полагается двѣ и ни одной изъ нихъ нѣтъ въ наличности, хошӯны же, долженствующіе выставить ихъ, представляютъ ацо̀къ, уплачивая по 36 лошадей и по 324 ланы серебра за каждую юрту. Нанимается для отправленія повинности простой монголъ, по имени Халтà̀ръ, изъ хошӯна сартӯльскаго гуна. Такая въ сущности непомѣрно высокая плата обусловливается трудностью разгона. Какъ я уже замѣтилъ выше, дорога, по которой мы теперь ѣхали, была временною; обыкновенный же разгонъ со станціи Цзахà-булӯкъ неимовѣрно труднѣе и особливо труденъ переѣздъ къ Харà-усӯ. Онъ тянется на 120 ли, при чемъ сначала, приблизительно на 30—35 ли, дорога сносна, ибо она проходитъ долиною, по твердому и усѣянному мелкой галькой грунту; но вслѣдъ засимъ начинается высокій перевалъ Нàмъ-даба̄, переѣздъ черезъ который въ самой легкой китайской телѣгѣ требуетъ не менѣе пяти, шести перемѣнъ лошадей. За переваломъ, опять приблизительно на 40 ли, дорога хорошая, по мѣрѣ же приближенія къ озеру Харà-усӯ она дѣлается хуже, проходитъ по топкимъ болотамъ и особливо неудобна близъ двухъ небольшихъ рѣчушекъ, съ солонцеватыми берегами. По самому берегу Харà-усӯ дорога лучше, но и здѣсь мягкій солонцеватый грунтъ мѣстности значительно тяжелъ для передвиженія. Правда, есть здѣсь и другая дорога, по которой отъ Цзахà-булӯка до Харà-усӯ считается только 85 ли; но залегающій на ней перевалъ Хӧхӧ̀-даба̄ не только не доступенъ для телѣжнаго проѣзда, а даже съ трудомъ проходится и вьючными; по этому-то станціонные почти никогда не возятъ черезъ него путниковъ, а развѣ доставляютъ пакеты, да и то въ хорошую погоду.

Со станціи Цзахà-булýкъ мы выѣхали въ 7 часовъ утра. Дорога направляется почти прямо на сѣверъ по той же долинѣ, покрытой гуджúромъ и кочками дэрэсýна, а потому очень неудобной для колесной ѣзды. Въ 8 ч. 35 м. мы взобрались на песчаный холмъ и дальнѣйшій путь версты на двѣ, до колодца Байнъ-худýкъ, проходилъ глубокими песками. У Байнъ-худýка (8 ч. 50 м.) стояло нѣсколько юртъ, принадлежащахъ цзахачúнамъ и здѣсь же проходитъ граница цзахачúнскаго хошýна. Черезъ 20 м. ѣзды отсюда мы повстрѣчали другой колодецъ Цзамúинъ-худýкъ, у котораго стояли уже юрты кобдóскихъ хадзарчúн'овъ. Отъ этого послѣдняго худýка начинается путь уже по твердо-песчаному хрящеватому грунту, покрытому мелкими камнями; но съ приближеніемъ къ пади озера Харà-усý, онъ снова дѣлается солончаковымъ и поросшимъ дэрэсýномъ. Видъ на самое озеро здѣсь не привлекательный. Въ общемъ, оно кажется имѣющимъ продолговатую форму, нѣсколько съуживающуюся къ юго-востоку. Южный берегъ его чрезвычайно болотистъ, такъ что отъ сплошного воднаго бассейна до материка, по крайней мѣрѣ версты на двѣ, на три, идетъ безпорядочный рядъ островковъ, между которыми болотная вода просвѣчиваетъ незначительными блестками, мѣстами покрываясь зарослями дэрэсýна. По берегамъ озера Харà-усý мы встрѣтили значительныя поселенія монголовъ, заключающіяся въ трехъ àиляхъ, а всего не менѣе 40 юртъ. На озерѣ масса дичи, особливо лебедей, утокъ и гусей. Послѣдніе до того не боятся здѣсь человѣка, что свободно расхаживаютъ цѣлыми стадами между юртами и при приближеніи нашего поѣзда, только давали ему дорогу, нѣсколько прибавляя своего шага, чтобы посторониться. О массѣ здѣсь дикой птицы лучше всего можетъ свидѣтельствовать слѣдующій комичный случай. Сопровождавшій меня г. Θедоровъ, человѣкъ весьма мало охотившійся и не имѣвшій съ собою ружья, задумалъ на Харà-усý попытать счастья и, взявъ маленькій револьверъ, бульдогъ, отправился къ озеру. Цѣлилъ въ гуся,— застрѣлилъ утку, хотя мясомъ ея не пришлось воспользоваться, такъ какъ утка была саженяхъ въ трехъ отъ берега, а дно озера илисто, грязно и топко. Прибыли на станцію Харà-усý въ 9 ч. 55 м.

Станціи ближайшія къ городамъ, говорятъ, всегда бываютъ менѣе исправны, и это сполна подтвердилось для насъ на Харà-усý. Мы не нашли здѣсь ни станціоннаго начальства, ни подводчиковъ, ни лошадей. Пока маленькіе дѣти отправились разыскивать все это по сосѣднимъ àилямъ, мы хотѣли напиться чаю, но и это не удалось. Вода въ озерѣ на столько солона, что ее не пьютъ и животныя; станціонные получаютъ воду изъ прилежащаго колодца, Цагàнъ-худýкъ; вода въ немъ оказалась также соленою и грязною, а главное — имѣла отвратительный запахъ застоявшагося гуд-

жѝра. Только въ $12\frac{1}{4}$ часовъ намъ приготовили подводы и мы могли тронуться далѣе. Почти весь путь отъ станціи Хара̀-усу̀ до Кобдо̀ представляетъ собою сплошной подъемъ и перевалъ черезъ горы, отдѣляющія долину Хара̀-усу̀ отъ долины Буинту̀-го̄ла. Въ началѣ подъемъ этотъ такъ пологъ, что замѣчаешь его лишь смотря издали, самая же дорога какъ будто проходитъ по ровному мѣсту въ глубокой пади, ограничиваемой слѣва горами, носящими общее названіе Ямату̀-ула̄нъ, а справа отдѣльными возвышенностями, каждой изъ которыхъ усвоено свое имя. Внизу, у самой станціи Хара̀-усу̀, падь эта кочковата и имѣетъ солонцеватую почву, густо поросшую дэрэсу̀номъ; далѣе она дѣлается каменистою и почти лишенною растительности. Изрѣдка встрѣчающіеся на ней солонцы продолжаютъ быть кочковатыми и такимъ образомъ приходится двигаться или по камнямъ, или по кочкамъ, что весьма неудобно для колеснаго экипажа. Такъ идетъ на всемъ протяженіи окаймляющихъ помянутую падь справа горъ, Чулӯнъ-обо̄, которыя мы миновали въ 1 ч. 10 м. За этими послѣдними каменистость уже уменьшается и почва мало-по-малу дѣлается хрящеватой; телѣжная ѣзда здѣсь спокойнѣе, но вмѣстѣ съ симъ начинается цѣлый рядъ ложбинокъ, отдѣляемыхъ одна отъ другой незначительными увалами. Въ 1 ч. 45 м. отъ урочища Шаргату̀-хо̄лой падь дѣлается у̀же, подъемъ къ перевалу становится замѣтнѣе, а отъ холмовъ Уха̀-обо̄ту (2 часа дня), гдѣ станціонные считаютъ половину дороги, путь снова становится каменистымъ, особливо несносенъ онъ у уваловъ, ограничивающихъ урочище Хӯрай-худу̀къ (2 ч. 20 м.). Отъ этого урочища начинаются уже крутые подъемы прежде всего на Тахилы́йнъ-даба̄, получившій свое имя отъ стоящаго на немъ обо̄, чествуемаго монголами. Обо̄ это лучше всего свидѣтельствуетъ, что монголы готовы пожертвовать всякими удобствами для своей религіи. Въ самомъ дѣлѣ, дорога проходитъ здѣсь по ложбинкѣ на столько узкой, что въ ней едва помѣщаются колеи телѣги и, несмотря на то, суевѣрные поклонники будды воздвигли здѣсь свое обо̄, которое захватило собою не только всю эту ложбинку, но и прилежащія къ ней стороны горы, такъ что объѣзжать это обо̄ приходится теперь страшнымъ косогоромъ. Конечно, путнику не трудно выйти изъ телѣги и пройти пѣшкомъ, но каково проходить здѣсь обозамъ съ кладью?! Въ 2 ч. 35 м. мы поднялись на Тахилы́йнъ-даба̄ и непосредственно же по спускѣ съ него, въ 2 ч. 50 м. начали взбираться на Цахѝръ-даба̄. Послѣдній поднимается тремя пологими уступами и былъ бы совершенно удобенъ для подъема, если бы не масса промоинъ, значительно портящихъ дорогу. Съ вершины третьяго уступа (3 ч. 15 м.), увѣнчаннаго, конечно, обо̄номъ, именуемымъ Са̀йханъ-обо̄, открывается великолѣпный видъ: назадъ, къ востоку, передъ вами залегаетъ

до самаго горизонта масса горушекъ и горъ, между которыми кое-гдѣ блестятъ воды озера Харà-усȳ; на западѣ видна обширная равнина, среди которой расположенъ городъ Кобдò. Съ вершины горы этотъ культурный уголокъ кажется просто какимъ-то раемъ. Среди бурой и совершенно оголенной степи вдругъ видите вы рядъ чистенькихъ и ровныхъ построекъ, кругомъ ростутъ высокія и зеленыя деревья, то тянущіяся аллеями, то представляющія собою цѣлыя купы. Нѣсколько шаговъ далѣе отъ обō и вы встрѣчаетесь съ первымъ китайскимъ сооруженіемъ города Кобдò. Это бревенчатыя ворота, съ двумя калитками по бокамъ, окрашенныя въ красную краску и увѣнчанныя надписями, начертанными на бѣлыхъ доскахъ выпуклыми іероглифами чернаго цвѣта. Подъѣзжая нѣсколько ближе, вы начинаете, смотря въ бинокль, различать на городскихъ огородахъ даже цвѣты самыхъ различныхъ и яркихъ колеровъ. И все это поражаетъ и необыкновенно радуетъ здѣсь рѣшительно каждаго. Ближе къ городу это очарованіе значительно проходитъ: цвѣты оказываются не казистымъ подсолнечникомъ, простымъ макомъ и др. огородными растеніями; однако и при такой дѣйствительности глазъ не налюбуется этимъ непривычнымъ для него зрѣлищемъ. Повсюду журчитъ свѣтлая вода, повсюду богатая растительность, порядокъ и чистота образцовые. Рѣшительно можно сказать, что Кобдò хотя и самый маленькій, но, несомнѣнно, самый симпатичный городокъ Сѣверной Монголіи, съ которымъ не могутъ сравниться ни Урга, ни еще больше Улясутàй.

VI. Кобдò.

Городъ Кобдò, по опредѣленію нашего путешественника Рафаилова, лежитъ подъ 48°05 сѣв. шир. и подъ 61°16,4 вост. дол. отъ Пулкова, высоту же его положенія надъ уровнемъ моря Потанинъ опредѣлялъ въ 4,260 фут., а другіе болѣе кругло высчитывали ее въ 4,400 фут. Относительно времени построенія Кобдò, въ Шэнъ-ву-цзи говорится весьма кратко, и первое сказаніе о немъ гласитъ слѣдующее: «Послѣ того какъ Кàнси разбилъ Галдàна и возвратилъ Халхѣ ея прежнія земли, мы раздвинулись до Алтàя и поставили войско въ Кобдò». Изъ этой замѣтки китайскаго сочиненія видно только одно, что Кобдò былъ основанъ послѣ пораженія войскъ Галдàна. Но по преданіямъ, которыя разказывалъ мнѣ настоящій кобдòскій амбàнь, г. Кобдò первоначально даже вовсе не имѣлъ

значенія военной крѣпости. Правда, по разбитіи войскъ Галдàна, Кàнси продолжалъ содержать свои войска на границахъ Халхи съ Чжунгаріею, но всѣ эти войска были расположены квартирами гораздо южнѣе Кобдò; что же касается собственно кобдòской мѣстности, то она была опредѣлена въ ту пору подъ пашни. Въ 56-мъ, или 57-мъ гг. правленія Кàнси (1716—1717 г.) тогдашній великій цзя̀нь-цзюнь Фурдàнь получилъ высочайшее повелѣніе набрать 1,000 человѣкъ изъ тӳмэ̀тскихъ солдатъ и обосновàть хлѣбопахатныя колоніи въ мѣстностяхъ, прилежащихъ р. Кобдò; когда эта обработка земель началась, то Фурдàнь и построилъ городокъ на р. Кобдò, ради собственно помѣщенія этихъ пахарей. Такимъ образомъ, по преданію этому, оказывается, что Кобдò первоначально построился около 1718 года; къ сожалѣнію, оно не говоритъ, гдѣ именно стоялъ въ ту пору этотъ городъ. По второму изданію монгольской лѣтописи Эрдэнìйнъ-эрихэ̀, построеніе Кобдò относится къ 1730 году, именно въ немъ говорится: «Въ 8-мъ году правленія Найралтӳ тӳба (Юнъ-чжэ̀на, — соотвѣтствующемъ 1730 году нашего лѣтосчисленія), въ лѣто бѣлой собаки, когда великія войска покорили страны на западѣ, повелѣно было, обозрѣвъ мѣстность по берегамъ р. Кобдò, построить здѣсь городъ и поселить въ немъ охранный гарнизонъ. Въ томъ же году положено было основаніе города, при чемъ необходимыя принадлежности и желѣзо вывозились изъ Халхи»[1]). Въ слѣдующемъ году, по сказанію той же лѣтописи, здѣсь поселились впервые китайскія войска подъ верховнымъ начальствомъ цзя̀нь-цзюня, имѣвшаго титулъ «разсѣявающаго величіе». Можно думать однако, что хотя первый кобдòскій цзя̀нь-цзюнь и именовался вышепомянутымъ громкимъ титуломъ, тѣмъ не менѣе постъ его не былъ самостоятельнымъ, и вся дѣятельность его была въ зависимости отъ великаго цзя̀нь-цзюня улясутàйскаго, стоявшаго вообще во главѣ китайскихъ войскъ, боровшихся съ чжунгàрами. Только съ 12-го года правленія Найралтӳ-тӳба кобдòскому цзя̀нь-цзюню было предоставлено нѣкоторое право самостоятельности въ дѣлахъ обороны, выступленія на войну и пр. По дальнѣйшимъ сказаніямъ лѣтописи видно, что охранныя войска, помѣщавшіяся въ Кобдò, не жили въ этой крѣпости постоянно, а мѣняли свое мѣстопребываніе, сообразуясь съ требованіемъ времени и обстоятельствъ; такъ напримѣръ, въ 1735 году они были переведены въ Цагàнъ-сӳль. Въ 27-мъ году правленія Ця̀нь-лӳна (1762 г.), по докладу улясутàйскаго цзя̀нь-цзюня и хэбэ̀й амбàней, состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Послѣ того какъ въ кобдòской мѣстности построили крѣпость и постановили тамъ резиденцію сановниковъ, старый городъ,

1) Эрдэнìйнъ-эрихэ̀, II, гл. 43, л. 95.

воздвигнутый на берегахъ рѣки Кобдо̀, въ періодъ войнъ разрушился и подвергался наводненію; посему повелѣвается: воздвигнуть городъ на восточной сторонѣ рѣки Буянту̀, неподалеку отъ берега, со стѣнами вышиною въ двойную маховую сажень слишкомъ, толщиною въ одну маховую сажень слишкомъ, а въ окружности въ 400 двойныхъ маховыхъ саженей; въ трехъ сторонахъ — восточной, западной и южной — устроить по однимъ воротамъ, а по угламъ дозорныя башни; внутри города построить домъ присутственныхъ мѣстъ для разслѣдованія дѣлъ верховными сановниками, домъ военнаго казначейства и домъ присутствія для разслѣдованія монгольскихъ дѣлъ, всего три присутственныхъ мѣста, а также зданія для помѣщенія амба̀ня, чиновниковъ, войскъ и провіантскихъ магазиновъ; за симъ постановить станціи для продолженія трехъ дорогъ, а именно: а) отъ карауловъ, поставленныхъ на Алта̀ѣ, б) отъ Гучэ̀на и в) отъ крѣпости Улясута̀йской. Въ то же время въ Кобдо̀ было назначено пребываніе тусалакчѝ цзя̀нь-цзюня чжунга̀рскаго (лѣвой, западной стороны), и ему было поручено верховное главенство въ рѣшеніи дѣлъ, относящихся до войскъ, казны и принадлежащихъ (кобдо̀скому округу) монголовъ». Для болѣе частнаго разслѣдованія этихъ дѣлъ повелѣвалось вызывать монгольскихъ чиновниковъ поочереди на годъ, и вновь построенный на р. Буянту̀ городъ именовать, какъ и старый, Кобдо̀. На правой сторонѣ рѣки Кобдо̀ повелѣвалось отвести мѣста для казенныхъ пашень, къ исполненію же работъ на пашняхъ было вызвано 400 семей халхаскихъ монголовъ, обязанныхъ военною службой и сто солдатскихъ семей китайцевъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени. Для завѣдыванія работающими на пашняхъ монголами были поставлены чиновники, которые должны были имѣть свое мѣстопребываніе въ Кобдо̀. Кромѣ того, здѣсь долженъ былъ проживать въ теченіе года, поочереди, одинъ изъ халха̀скихъ цзасако̀въ для управленія монголами и еще одинъ изъ та̀йчжіевъ призывался къ таковому же очередному занятію должности «цзахирахчѝ цзангѝна», на обязанности котораго было непосредственное высшее наблюденіе за содержащимися въ Кобдо̀ преступниками, бѣглыми и ворами. На удовлетвореніе нуждъ казенной службы въ Кобдо̀ было собрано съ монголовъ, кочующихъ на пространствѣ отъ Улясута̀я до Тарбагата̀я, 2000 лошадей и 1,000 верблюдовъ, а для работы на пашняхъ изъ тѣхъ же мѣстностей 872 быка. Завѣдываніе этимъ скотомъ возлагалось на чиновника, носившаго титулъ «тусалакчѝ-тўшимэ̀ль», а уходъ за скотомъ—на особливо приставленныхъ къ сему солдатъ. Въ 1766 году въ Кобдо̀ было учреждено новое высшее управленіе Дўрбэ̀тами, и чиновники, засѣдающіе въ этомъ управленіи, были раздѣлены на шесть очередей. Въ 1768 г. очереднымъ монгольскимъ цзасака̀мъ была

пожалована дощечка для обозначенія ихъ мѣстопребыванія, а труды ихъ повелѣно облегчить, прибавивъ для засѣданія въ ихъ ямунѣ одного помощника изъ тайчжіевъ, который долженъ былъ смѣняться по очереди. Привиллегія имѣть дощечку сохраняется присутственнымъ мѣстамъ очередныхъ халхаскихъ цзасаковъ до настоящаго времени, только дощечку эту они получаютъ теперь не отъ императора, а отъ хэбэй-амбаня, — первый примѣръ того былъ въ 1824 году. Начиная съ 1782 г. число кобдоскихъ пашень то увеличивалось, то уменьшалось, количество работающихъ на нихъ китайскихъ солдатъ то прибавлялось, то сокращалось и такъ вплоть до нашихъ дней, когда, согласно положенію 1808 года, на кобдоскихъ пашняхъ оставлено всего 224 китайскихъ латника при семи начальствующихъ. Кромѣ сего, для постояннаго пребыванія въ городѣ оставлено было 48 человѣкъ китайскихъ солдатъ, изъ принадлежащихъ къ зеленому знамени. Необходимость ихъ мотивировалась незначительностью солдатъ, какъ крѣпостной прислуги, въ Кобдо вообще, а потому этихъ оставленныхъ предполагалось употреблять на слѣдующія работы: въ караулъ при воротахъ города, при казначействахъ, складочныхъ и провіантскихъ магазинахъ и при тюрьмахъ; въ конвой, сопровождающій провіантъ до Улясутая; въ прислугу при караванахъ, привозящихъ казенный чай изъ Хухухото, а равно при табунахъ верблюдовъ, пригоняемыхъ изъ Гучэна (?), и наконецъ, какъ конвой, для сопровожденія преступниковъ. Въ 1838 году докладомъ изъ Улясутая великій цзянь-цзюнь и хэбэй-амбани испрашивали назначенія помощника кобдоскому амбаню по военнымъ дѣламъ; въ резолюціи императора хотя и упоминалось о томъ, что до сего времени существовалъ же кобдоскій амбань безъ помощника, однако, въ виду обширности края и удаленности его отъ Улясутая, дозволялось назначить особаго сановника съ званіемъ помощника амбаня (это настоящій — второй или младшій кобдоскій амбань). Съ 1838 г. составъ администраціи, живущей въ Кобдо, кажется, не измѣнялся, и должности начальствующихъ остались въ городѣ тѣ же самыя, очеркъ учрежденія которыхъ сейчасъ представленъ.

Какъ уже можно было видѣть, всѣ эти чиновныя лица живутъ въ Кобдо, или точнѣе сказать, въ Кобдоской крѣпости, потому что городъ Кобдо въ настоящее время состоитъ не изъ одной крѣпости, но еще и изъ маймачэна, подобно тому, какъ это мы уже видѣли въ Улясутаѣ. Впрочемъ, давая кобдоскому укрѣпленію названіе крѣпости, я придерживаюсь наименованія его въ лѣтописяхъ; собственно же говоря, окруженный стѣнами городъ Кобдо давно уже потерялъ это значеніе, потому что онъ не имѣетъ у себя самаго главнаго — гарнизона. По усмиреніи ӧлӧтскихъ возстаній

во второй половинѣ XVIII вѣка, китайскія войска были отведены за Великую стѣну и въ Кобдо оставалось такое незначительное количество ихъ, что ихъ не было достаточно и для выполненія обязанностей разсыльныхъ. При нападеніи Хойхойцевъ въ 1869—1870 гг., правда, въ Кобдо снова сосредоточивались китайскія войска; ихъ было въ ту пору даже такъ много, что самая крѣпость оказалась недостаточною и правительство должно было построить вторую, меньшую, въ полуверстѣ отъ главной крѣпости, на южномъ концѣ кобдоскаго маймачэна. Солдаты эти проживали въ Кобдо и послѣ набѣговъ Дунганъ на западную Монголію; остатки этихъ войскъ даже пришлось и мнѣ видѣть въ 1876 г., въ первый проѣздъ мой черезъ Кобдо; но теперь въ Кобдо, какъ и до наступленія Хойхойцевъ, уже вовсе нѣтъ гарнизона, отъ чего и кобдоская крѣпость на языкѣ монголовъ называется не «цэрэгійнъ-хўрѣ» (военный курѣнь) какъ, напримѣръ, Улясутайская, а просто «Сангійнъ-хото», что значитъ—казенный городъ.

Внѣшній видъ Сангійнъ-хото и описаніе стѣнъ его уже были представлены въ словахъ императорскаго указа, хотя тамъ не упомянуто только объ одномъ, что городъ еще окруженъ рвомъ, въ которомъ, однако, нѣтъ воды и чрезъ который противъ каждыхъ городскихъ воротъ построены узкіе деревянные мосты, для большей прочности обмазанные глиною. Южныя ворота крѣпости, по обычаю, почитаются главными и надъ проходомъ въ нихъ вдѣлана каменная плита, съ начертанными двумя іероглифами: Фу-инъ (滙 富). Говорятъ, это древнее названіе крѣпости. Какъ и въ крѣпости Улясутайской здѣсь у южныхъ воротъ сосредоточены главнѣйшія казенныя постройки, какъ-то: дома амбаней и ихъ присутственныя мѣста. Точнѣе, войдя въ южныя ворота крѣпости, вы вступаете на широкую площадь, на которой по лѣвую, западную сторону будетъ располагаться домъ главнаго амбаня (цань-цзань да-чэн'я), а на правой, восточной сторонѣ — домъ втораго амбаня (банъ-бань да-чэн'я). Такъ какъ должность банъ-бань да-чэн'я въ настоящее мое посѣщеніе г. Кобдо была вакантною и я не могъ посѣтить этого амбаня, то помѣщеніе его осталось для меня не извѣстнымъ въ своихъ подробностяхъ, но, кажется, оно представляетъ собою стереотипную копію съ дома главнаго амбаня, у котораго я былъ и который самъ лично показалъ мнѣ свое жилище до мельчайшихъ закоулковъ. Все подворье амбаня обнесено большою оградой изъ сырцеваго кирпича и раздѣляется на двѣ половины—восточную и западную. Амбань занимаетъ только одну западную половину, которая раздѣлена съ юга на сѣверъ на три двора. Первые два двора совершенно пустынны и отдѣляются одинъ отъ другаго только оградами, да воротами; единственнымъ назначеніемъ ихъ является, кажется, служить установленнымъ у китайцевъ этикетамъ. На первый изъ

дворовъ въѣзжаютъ чины штабъ и оберъ-офицерскаго званія и, оставляя здѣсь своихъ лошадей, идутъ далѣе пѣшкомъ вплоть до пріемныхъ покоевъ амбаня; на второй дворъ въѣзжаютъ лица генеральскаго чина, или титулованныя. Что касается меня, то, пользуясь своею принадлежностью къ великой державѣ и своимъ рангомъ, я проѣхалъ до воротъ третьяго двора, у которыхъ и встрѣтилъ меня амбань. На этомъ третьемъ дворѣ, по обычаю всѣхъ вообще китайцевъ, сосредоточены всѣ зданія жилища амбаня, каковыми являются прежде всего байшины налѣво отъ воротъ, построенные въ два ряда. Первый, наружный рядъ заключаетъ въ себѣ оффиціальные пріемные покои амбаня. Это—продолговатое, одноэтажное зданіе въ пять цзяней, изъ коихъ срединный цзянь представляетъ собою нѣчто вродѣ передней и устроенъ проходнымъ. Изъ него продѣланы двери въ двѣ боковыя пріемныя комнаты амбаня, величиною въ два цзяня каждая. Первая изъ нихъ, направо, такъ сказать,—дѣловой кабинетъ амбаня: здѣсь онъ принимаетъ доклады своихъ чиновниковъ, выслушиваетъ просителей, дѣлаетъ допросы важнѣйшимъ подсудимымъ и проч.; вторая комната, обычно находится на запорѣ и открывается только въ случаяхъ визита оффиціальныхъ гостей: здѣсь принимаетъ амбань проѣзжающихъ черезъ Кобдо китайскихъ и русскихъ сановныхъ людей, командируемыхъ изъ Пекина и другихъ городовъ чиновниковъ, важнѣйшихъ монгольскихъ князей и проч.; въ этой же комнатѣ амбань принималъ и меня. Все здѣсь носитъ характеръ строгой солидности: канъ обтянутъ краснымъ сукномъ, олбоки такіе же красные, суконные, лежатъ по обѣимъ сторонамъ низенькаго, деревяннаго, лакированнаго стола; по стѣнамъ узкіе и длинные столы, также покрытые краснымъ сукномъ, а съ боковъ ихъ—широкіе, четыреугольные табуреты; на стѣнахъ развѣшаны дуйцзы и этимъ ограничивается все убранство комнаты. Дѣловой кабинетъ амбаня по своей обстановкѣ совершенно такой же, только на канѣ здѣсь полагается не два, а одинъ олбокъ, собственно для амбаня; это служитъ также знакомъ, что никто изъ посѣтителей этой комнаты не можетъ сидѣть на канѣ, а долженъ занять какое-либо второстепенное мѣсто. На столѣ передъ сѣдалищемъ амбаня стоятъ чернильница съ тушью и вообще всѣ приборы для письма, а по бокамъ кана сложено нѣсколько томовъ законоположеній китайскаго правительства. Перешедши черезъ всю переднюю, или вышепомянутый проходной цзянь байшина, можно вступить въ небольшой дворикъ, шириною сажени въ $1\frac{1}{2}$, на которомъ стоитъ второй такой же пятицзяньный байшинъ; здѣсь сосредоточены внутренніе покои амбаня, въ которыхъ живетъ онъ постоянно, съ своими, часто мѣняемыми имъ женами. Съ этого дворика небольшая калитка ведетъ въ довольно обширный и широковѣтвистый садъ, находящійся при

домѣ амба̀ня и занимающій собою весь юго-западный уголъ крѣпости. Садъ этотъ всегда содержится въ большой чистотѣ и убирается обыкновенно арестованными за какую-нибудь провинность монголами.

Если амба̀нь послѣ оффиціальнаго пріема кого-либо изъ своихъ чиновныхъ посѣтителей нисходитъ съ нимъ до интимныхъ бесѣдъ, завтрака и обѣдовъ, то на сей конецъ у него имѣются другія пріемныя комнаты, помѣщающіяся въ ба̀йшинѣ на правой, восточной сторонѣ двора; такимъ образомъ для того, чтобы пройти въ оффиціальную столовую амба̀ня, нужно перейти черезъ весь дворъ. Обстановка этого помѣщенія, распланированнаго также точно какъ и первый пріемный ба̀йшинъ, только безъ проходныхъ сѣней, нѣсколько роскошнѣе и жизненнѣе. Олбо̀ки здѣсь обтянуты шелковымъ штофомъ, на ка̀нѣ, помимо олбо̀ковъ, лежатъ еще подушки, а по стѣнамъ, кромѣ дӯйцзъ, имѣются картины китайской акварели.

Сѣверная сторона двора амба̀ня занята также ба̀йшиномъ, но это уже не жилое помѣщеніе, а кладовая для храненія казеннаго крѣпостнаго оружія.

Восточное отдѣленіе обнесеннаго общею оградою амба̀ньскаго подворья занимается состоящею при амба̀нѣ челядью: нѣсколько загрязненныхъ ба̀йшиновъ построено здѣсь у стѣнъ ограды, средина же двора остается пустою и назначается для загона сюда лошадей, которыя, въ числѣ 80 головъ, ежемѣсячно пригоняются сюда изъ казенныхъ стадъ, для разъѣздовъ какъ самого амба̀ня, такъ и его прислужниковъ.

На ряду съ помѣщеніями амба̀ней, нѣсколько сѣвернѣе ихъ, находятся я̀муни, или мѣстныя присутственныя мѣста. Таковыхъ полагается здѣсь три: бӣнъ-бу, или чо̀охай-я̀мунь, завѣдывающій дѣлами китайскихъ солдатъ и вообще всѣхъ проживающихъ въ Кобдо̀ по дѣламъ службы китайцевъ; хӯ-бу, по-маньчжурски, бо̀йгони-я̀мунь, или кобдо̀ское казначейство; и ли-фань-юань, или монголъ-я̀мунь, въ которомъ сосредоточивается управленіе всѣхъ причисляющихся въ Кобдо̀ монголо-татарскихъ поколѣній, каковы: дӯрбэ̀ты, о̄ло̀ты, торгоӯты, минга̀ты, цзахачѝны, урянха̀и и киргизы. Позади каждаго изъ этихъ я̀муней, и слѣдовательно еще сѣвернѣе ихъ, располагаются жилища служащихъ при я̀мунѣ чиновниковъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются битхэшѝ, называемые у монголовъ обыкновенно «цзурга̀нами». По закону, эти битхэшѝ высылаются къ отправленію своей должности изъ пекинскаго ли-фань-юаня на срокъ трехъ лѣтъ, но теперь постановленіе это соблюдается только по отношенію къ битхэшѝ, завѣдывающему казначействомъ; что же касается чо̀охай-цзурга̀на и монголъ-цзурга̀на, то они нерѣдко просиживаютъ на своихъ мѣстахъ по нѣскольку трехлѣтій, вѣроятно, будучи совершенно забываемы пекинскимъ правительствомъ.

При учрежденіи кобдòскаго ли-фань-юаня, или инородческаго приказа, по положенію 1768 года, находится еще училище для приготовленія писарей, устроенное по расчету на 15 молодыхъ людей. Дѣти прибываютъ сюда, въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ, изъ хошӯновъ мингàтскаго и ӧлӧтскихъ и пробываютъ въ школѣ лѣтъ до 18—19-ти. Помѣщаются они въ казенныхъ юртахъ, на содержаніе же ихъ пищею и одеждою хошӯны высылаютъ по 18 ланъ (36 сер. руб.) въ годъ на каждаго. Дѣти обучаются въ школѣ маньчжурской и монгольской грамотѣ, начиная непремѣнно съ маньчжурской азбуки, а потомъ уже ознакомляются съ монгольской. Далѣе слѣдуетъ зазубриваніе словарей и переводы по сочиненіямъ «Эньдӯрингэ-тàцихянь» и «Сань-цзы-цзинъ», чтеніе маньчжурскаго «Сы-шу» и наконецъ законовъ, въ объемѣ исключительно уголовныхъ постановленій. Учителей въ школѣ полагается два, въ званіи цзангйновъ, командируемыхъ съ этою цѣлью отъ ӧлӧтскихъ и мингàтскаго хошӯновъ; они отбываютъ свои обязанности, исполняя мѣсячную очередь, и получаютъ за свой трудъ содержаніе, въ количествѣ 80 ланъ въ годъ.

Вышеописанными казенными учрежденіями занята вся южная половина крѣпости; въ сѣверной части ея, начиная отъ восточныхъ крѣпостныхъ воротъ, вся, собственно сѣверо-восточная, сторона города занята сплошь подъ помѣщеніе провіантскихъ магазиновъ, зданія коихъ въ свою очередь окружены особою стѣною изъ сырцеваго кирпича. Внутри этой ограды находится громадный и ровный дворъ, утрамбованный не только наподобіе нашихъ молотильныхъ токовъ, но еще обмазанный мокрою глиной, выровненный и даже выполированный ладонями монгольскихъ рукъ. Провіантскіе магазины представляютъ собою обыкновенные деревянные сараи, внутри которыхъ сдѣланы закрома для ссыпки хлѣба. Крыши магазиновъ деревянныя, двускатныя и обмазаны глиною, равно какъ и все зданіе; на верхушкахъ крышъ сдѣланы отверстія, родъ слуховыхъ оконъ, для пропуска воздуха и свѣта въ средину зданія. Всѣхъ таковыхъ сараевъ, или магазиновъ, числомъ до 45.

На ряду съ провіантскими магазинами, посреди самой крѣпости располагается небольшой плацъ, на сѣверной сторонѣ котораго, близъ сѣверной городской стѣны и на самой этой стѣнѣ устроена главнѣйшая въ крѣпости кумирня Гэсэ̀ра. Это едва ли ни самое красивое изъ крѣпостныхъ зданій, хотя снаружи рѣшительно ничто не можетъ намекнуть на эту красоту его. Подходя къ кумирнѣ, вы видите только ея обмазанную глиной ограду, да большія, устроенныя подъ навѣсомъ, ворота, по бокамъ которыхъ стоятъ вылѣпленныя изъ глины же уродливыя изображенія древнихъ китайскихъ богатырей. Пройдя черезъ эти ворота, или черезъ нахо-

дящіяся по бокамъ ихъ калитки во внутрь двора, вы сначала видите также не особенно живописно выглядывающую заднюю стѣну зданія принадлежащаго кумирнѣ театра, но обогнувъ это зданіе сбоку, поражаетесь красотою, простотою и вмѣстѣ какою-то уютностью окружающаго. Оглянувшись назадъ на открытую и пустую сцену театра, расположенную прямо напротивъ дверей кумирни, вы направляетесь потомъ по ровной, нѣсколько воз-

Кумирня Гэсэ̀ра въ Кобдо̀ской крѣпости.

вышенной надъ общимъ уровнемъ двора и усаженной по бокамъ тополями и цвѣтами дорожкѣ къ зданію кумирни. По сторонамъ идутъ бѣдненькія зданія китайскихъ ба̀йшиновъ, отводимыя подъ помѣщеніе въ нихъ пріѣзжающихъ артистовъ. Проходя черезъ трое, довольно эстетично изукрашенныхъ надписями воротъ, вы поднимаетесь по лѣстницѣ къ самой кумирнѣ, устроенной частію на городской стѣнѣ. Когда основана въ Кобдо̀ кумирня Гэсэ̀ра, объ этомъ я не имѣю положительныхъ свѣдѣній, но изъ китайской надписи, начертанной на двухъ желѣзныхъ аллебардахъ, стоящихъ у главныхъ дверей кумирни, мы узнаемъ, что аллебарды эти были приготовлены для кумирни 15-го числа 5-й луны 50-го года правленія Цянь-лу̀на, т. е. въ 1786 году; изъ другой китайской надписи на камнѣ, стоящемъ на портикѣ передъ дверями кумирни, видно, что она была возобновлена въ первомъ году царствованія Ту̀нъ-чжи, соотвѣтствующемъ

нашему 1862 году. Во время нападенія дунганъ, кумирня Гэсэ̀ра, равно какъ и самая кобдо̀ская крѣпость, не подверглась никакому бѣдствію, оттого, посѣтивъ Кобдо̀ въ 1876 г., я нашелъ и эту кумирню, и ея театральную сцену только состарѣвшимися и предполагаемыми къ перестройкѣ. Въ началѣ 1880 гг., ихъ, говорятъ, дѣйствительно слегка поправили, но теперь здѣсь снова все пришло уже въ ветхость и несомнѣнно требуетъ для себя самаго капитальнаго ремонта. Внутри кумирня отличается бѣдностью своей утвари, а изъ кумировъ только деревянная статуя Гэсэ̀ра представляется нѣсколько порядочною; статуи же богатырей, спутниковъ Гэсэ̀ра, сдѣланы изъ глины и особенно обветшали.

Къ западу отъ кумирни Гэсэ̀ра, занимая собою весь сѣверо-западный уголъ крѣпости, располагаются зданія кобдо̀скаго острога. Тюремный за̀мокъ въ Кобдо̀ можетъ по своему устройству служить типомъ постройки этихъ зданій въ монгольскихъ городахъ. Ограда тюремнаго за̀мка не отличается здѣсь отъ хашан'а (забора) обыкновеннаго дома; какъ у казеннаго зданія, она сдѣлана, пожалуй, нѣсколько выше, но это не мѣшаетъ ей быть даже хуже и менѣе прочною, нежели у богатыхъ китайскихъ торговцевъ. Частоколъ изъ бревенъ лиственницы, обмазанный глиною, — вотъ наружная стѣна тюремнаго за̀мка. Чтобы сдѣлать эту стѣну выше, на верху ея поставлена рѣшетка изъ тонкихъ прутьевъ. Вступивъ въ окруженный такими стѣнами дворъ за̀мка черезъ ворота, которыя, нужно замѣтить, въ теченіе всего дня, какъ и во всѣхъ частныхъ домахъ, отперты и затворяются только на ночь, находишь ба̀йшинъ, въ которомъ живутъ сторожа за̀мка; изъ дверей занимаемыхъ ими комнатъ и входъ къ заключеннымъ. Преступники содержатся въ подземельяхъ, освѣщаемыхъ окнами сверху, чрезъ которыя проходитъ и свѣжій воздухъ въ занимаемое ими помѣщеніе. Подземелье представляетъ собою большую четыреугольную комнату, которая съ двухъ сторонъ огорожена деревянною рѣшеткою. За этими рѣшетками сидятъ заключенные, пространство же между двумя рѣшетками назначается для прохода прислужниковъ и посѣтителей. Стѣны въ такихъ казематахъ земляныя.

Почти на ряду съ этимъ острогомъ, нѣсколько южнѣе его и ближе къ западнымъ крѣпостнымъ воротамъ, находится единственная въ Кобдо̀ магометанская мечеть. Зданіе ея, стоящее вряду домиковъ китайскихъ солдатъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ этихъ послѣднихъ. Это обычный, жилой, китайскій ба̀йшинъ, въ три цзя̀ня, построенный за глинобитными стѣнами и только наклеенная надъ воротами его, на небольшомъ листкѣ, какая-то полуистершаяся арабская надпись свидѣтельствуетъ о связи этого домика съ далекой родиной Магомета. Всѣхъ магометанъ въ

Кобдо̀ считается до 150 человѣкъ; они имѣютъ своего ахуна изъ числа солдатъ здѣшняго гарнизона, но къ отправленію какихъ-либо общественныхъ религіозныхъ обрядовъ почти никогда не собираются и мечеть ихъ, говорятъ, иногда пустуетъ цѣлыми годами.

Воду обитателей Сангійнъ-хото̀ получаютъ изъ колодцевъ, вырытыхъ во дворахъ; но лучшею почитается вода изъ такъ-называемаго святаго колодца, или аршāна. Колодецъ этотъ находится въ сѣверо-западной части города; глубина его не превышаетъ $1\frac{1}{2}$, или 2-хъ аршинъ отъ уровня земной поверхности и на всемъ этомъ пространствѣ стѣны его выложены камнемъ, а поверхъ земли онъ обдѣланъ въ небольшой срубъ, съ крышкою и навѣсомъ. Передъ колодцемъ сдѣлана часовня, въ которой стоитъ кумиръ, представляющій собою сидящаго сѣдаго старца. Китайская надпись сбоку этого кумира гласитъ: «въ этомъ колодцѣ живетъ царь воды и владыка драконовъ». Всѣ эти постройки обнесены съ трехъ сторонъ стѣнами изъ сырцеваго кирпича, а съ четвертой, южной стороны, вмѣсто такой стѣны устроены деревянныя ворота, надъ которыми красуется китайская надпись: 泉井王龍, т. е. «ключевой колодезь царя драконовъ».

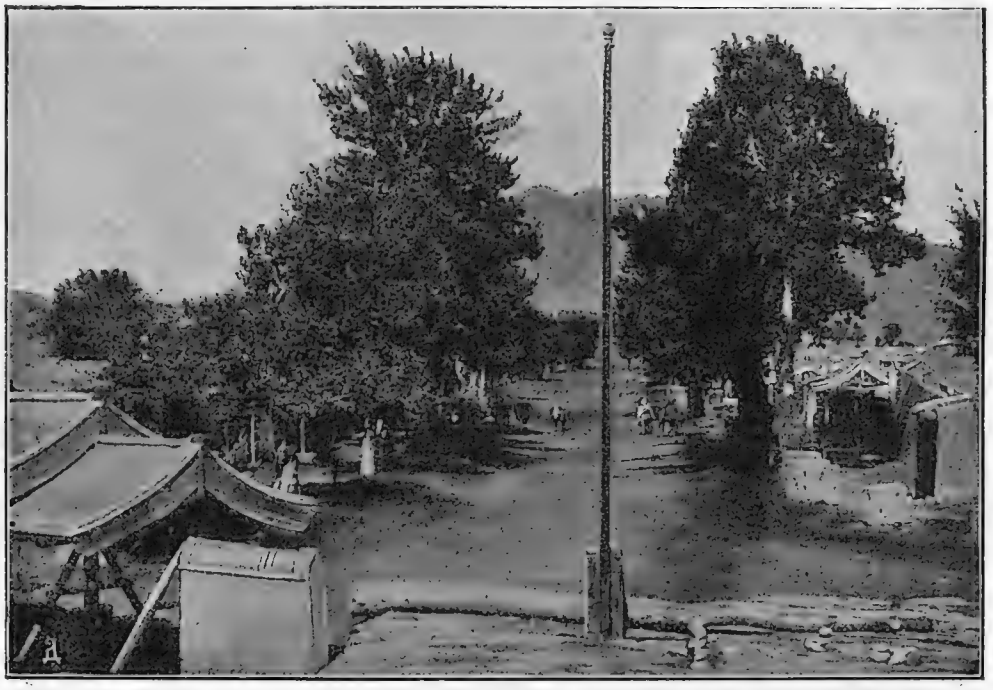
На ряду съ этимъ колодцемъ стоитъ кумирня, посвященная генію хранителю кобдо̀ской мѣстности и потому называющаяся «Ту-ди-сы» 土地祠. Здѣсь спеціально приносятъ свои жертвы кобдо̀скіе землепашцы.

Очередные нойны, которые засѣдаютъ въ ямунѣ, рѣшающемъ дѣла халхасовъ, не живутъ въ Сангійнъ-хото̀, а помѣщаются, какъ и въ Улясутаѣ, внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, — въ юртахъ. Очереди въ Кобдо̀ назначаются срокомъ для чиновниковъ изъ тӯшѣтӯ-хāновскаго аймака — на годъ, изъ саинъ-нойновскаго — на полгода, цзасактӯ-хāновскіе же мѣняются черезъ каждые три мѣсяца; само собою разумѣется, что въ основѣ такого положенія лежитъ сравнительная удаленность отъ Кобдо̀ первыхъ двухъ аймаковъ и близость послѣдняго. Изъ цэцэнъ-хāновскаго аймака очередныхъ цзасако̀въ въ Кобдо̀ не бываетъ.

Торговая часть города Кобдо̀, или кобдо̀скій маймачэнъ расположенъ саженяхъ во ста къ югу отъ крѣпостныхъ стѣнъ Сангійнъ-хото̀ и верстахъ въ полутора къ востоку отъ рѣки Буинтӯйнъ-гōла. Буинтӯйнъ-гōлъ у торговаго города доходитъ саженій до пяти въ ширину, глубиною же не превышаетъ аршина и каменистое русло его ясно можно видѣть подъ водою. Рѣчная вода пріятна на вкусъ и хотя не отличается особенною мягкостью, все-таки превосходитъ ту, которою довольствуются кобдо̀сцы маймачэна: китайцы, живущіе въ кобдо̀скомъ маймачэнѣ, не берутъ воды изъ Буинтӯйнъ-гōла, они считаютъ неудобнымъ привозить ее по причинѣ отдаленности рѣки и пьютъ воду изъ колодцевъ, которыхъ въ городѣ считается четыре,

кромѣ частныхъ, выкопанныхъ во дворахъ. По преданію, въ г. Кобдò съ самаго времени его построенія и до 1871 года, въ которомъ Кобдò былъ разрушенъ дунгàнами, были проведены изъ рѣки канавы, водою которыхъ поливали городскія улицы, а иногда и употребляли ее для питья; но послѣ дунганскаго погрома, когда городъ года три — четыре стоялъ полуразрушеннымъ, канавы эти позасорились и еще въ 1876 году вода въ нихъ была по большей части грязная, а иногда и совершенно пересыхала вслѣдствіе наноса, или и нечистотъ въ канавахъ. Съ 1887 года, благодаря внимательной распорядительности мѣстнаго маньчжурскаго амбàня, канавы въ кобдòскомъ маймачэ̀нѣ были снова углублены и исправлены, и вода по нимъ потекла опять въ прежнемъ количествѣ; съ тѣхъ поръ канавы эти ежегодно очищаются и на сей предметъ даже установленъ особый денежный сборъ въ городѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ одного цина (20 коп.) съ каждаго бàйшина. Торговая часть Кобдò значительно больше Сангìйнъхотò по своимъ размѣрамъ, но состоитъ только изъ трехъ улицъ. Первая главная улица (йэхэ̀-цзэ̄ли) проходитъ съ юга на сѣверъ чрезъ весь городъ ровною линіей; вторая (нарȉнъ-цзэ̄ли), тянущаяся также съ одного конца города на другой и параллельная главной на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ ломаную линію только тамъ, гдѣ примыкаетъ къ ней перпендикулярная ей третья улица, соединяющая ее съ главною. Эта послѣдняя улица идетъ съ восточнаго конца города и, пересѣкая главную улицу (йэхэ̀-цзэ̄ли), упирается во вторую, параллельную главной (нарȉнъ-цзэ̄ли). Китайцы почему-то почитаютъ эту поперечную улицу одною изъ самыхъ несчастныхъ и полагаютъ, что именно черезъ нее проходятъ въ городъ всякаго рода черти и злые духи, приносящіе съ собою моровыя повѣтрія, болѣзни, падежъ скота и прочія несчастія. Чтобы устрашить этихъ духовъ, они въ стѣнѣ главной улицы, на самомъ перекресткѣ ея съ помянутою поперечною улицею, вдѣлали привезенный ими якобы изъ Шань-дуна камень, на которомъ начертали нижеслѣдующую надпись, въ изображеніи ея сверху внизъ: 當敢石山泰 что значитъ: «камень Тай-шань'скихъ горъ противустоитъ (т. е. вліяніямъ злыхъ духовъ)». Предполагается что хранительныя Тай-шань'скія горы защитятъ обитателей отъ всѣхъ тѣхъ навожденій, которыя приносятъ съ собою эти злые духи. Какъ и всѣ другіе маймачэ̀ны, кобдòскій маймачэ̀нъ почти сплошь состоитъ изъ лавокъ, если только исключить заборы и ворота во дворъ, которые, впрочемъ, занимаютъ сравнительно большое пространство только на главной улицѣ, что же касается нарȉнъцзэ̄ли, то она представляетъ почти непрерывный рядъ торговыхъ зданій. Всего лучше это опредѣляется самымъ количествомъ лавокъ: въ нарȉнъцзэ̄ли ихъ насчитывается 39 въ рядъ, тогда какъ въ главной только 14,

но за то въ главной улицѣ сосредоточены всѣ богатые торговые дома города Кобдо̀. Всѣ постройки въ городѣ сложены изъ сырцеваго кирпича и отличаются ровностью и чистотою, рѣдкою не только въ китайскихъ городахъ, но и желательною для русскихъ. Главная улица, саженей въ 15 ширины, усажена высокими тополями, что̀ при совершенной чистотѣ, при-



Главная улица въ Кобдо̀скомъ маймачэнѣ.

даетъ ей весьма привлекательный видъ, особливо для глаза, привыкшаго къ однообразной сѣроватой равнинѣ монгольской степи. Описываемая чистота кобдо̀скихъ улицъ отмѣчалась, кажется, рѣшительно всѣми путешественниками, и теперь можно сказать, что этотъ порядокъ поддерживается въ Кобдо̀ уже существующими традиціями. Помимо чистоты здѣсь какъ рѣдкость можно услыхать какой-либо шумъ на улицѣ, увидѣть безобразную скачку монголовъ на верховыхъ лошадяхъ и никогда не приходится закрывать носа отъ зловонія, обычнаго не только во всѣхъ китайскихъ поселеніяхъ, но даже и на улицахъ Пекина. О томъ, какимъ образомъ достигается въ Кобдо̀ этотъ порядокъ, мнѣ пришлось узнать изъ чрезвычайно характеристичнаго для правовъ мѣстныхъ жителей объявленія кобдо̀скаго амба̀ня, которое въ настоящій мой пріѣздъ въ Кобдо̀ было расклеено по заборамъ на всѣхъ перекресткахъ и рѣшительно у всѣхъ кумирень и присутственныхъ мѣстъ. Это было распоряженіе кобдо̀скаго амба̀ня, воспрещающее

ѣзду въ городѣ на лошадяхъ. Вотъ точный переводъ этого документа: «Недавно халхàскій ламà Лубсàнъ, напившись водки, произвелъ въ пьяномъ видѣ безпорядокъ на улицѣ, шумѣлъ, буянилъ и безъ всякой осторожности скакалъ верхомъ на лошади по городу, словомъ, дошелъ до предѣловъ незнанія порядка. Я приказалъ посему взять этого ламу Лубсàна въ ямунь, надѣть ему на мѣсяцъ кангу̀, по окончаніи означеннаго срока публично наказать его, для вящшаго примѣра толпѣ, плетями и засимъ отправить его по этапу въ родовой хошӯнъ. Сообщая объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, объявляю, чтобы отселѣ впредь аймà чные чиновники и простолюдины, пріѣзжая въ Кобдò, отнюдь не смѣли въѣзжать верхомъ въ городъ, а слѣзали бы съ своихъ лошадей вдалекѣ и, слѣдуя по улицамъ пѣшкомъ, водили бы своихъ лошадей въ поводу. Ни въ какомъ случаѣ не должны они самовольно въѣзжать, или выѣзжать изъ города верхомъ. Если же кто не будетъ поступать согласно настоящему распоряженію и воспротивится ему, то таковаго, какъ и ламу Лубсàна, будутъ наказывать ударами плетей и надѣваніемъ кангѝ, для поданія примѣра прочимъ».

Для наблюденія за порядкомъ и чистотою маймачѐна, въ немъ устроена полиція, называемая, какъ въ Улясутàѣ, «тин-цзѝнь»; здѣсь по очереди засѣдаютъ ба̄-цзуны, высылаемые изъ цзургà новъ на срокъ одного мѣсяца. На обязанности полиціи лежитъ блюсти за порядкомъ въ городѣ, преслѣдовать мелкія мошенничества и воровства, судить и разбирать произведенныя на улицахъ драки и сторожить городскія улицы ночью, для чего въ Кобдò устраиваются городскіе обходы, по общему обычаю раздѣляющіеся на пять стражъ.

Обращаясь къ дальнѣйшему описанію внѣшняго вида города, мы должны сказать, что постройки его, также точно какъ и употребляемый для нихъ матеріалъ, весьма однообразны. Обыкновенно на улицу стоитъ построенный или изъ дерева, или сырцеваго кирпича, но во всякомъ случаѣ и непремѣнно обмазанный глиною, одноэтажный бàйшинъ, единственное окно котораго съ рамою аршина въ $2^1/_2$ въ вышину и въ сажень, а иногда и того болѣе шириною, раздѣляется на 40 — 50 клѣточекъ, заклеенныхъ китайскою бумагою для пропуска свѣта. У нѣкоторыхъ богатыхъ въ четыре срединныя клѣточки вставляются стекла, удобопрозрачность которыхъ здѣсь, впрочемъ, не достигаетъ своей цѣли: китаецъ непремѣнно разрисуетъ ихъ картинками, и онѣ дѣлаются едва ли еще не темнѣе бумаги. Это окно принадлежитъ комнатѣ, въ которой помѣщается торговецъ. Рядомъ съ нимъ такой же высоты, но еще болѣе длинное окно безъ рамы служитъ входомъ въ лавку и прилавкомъ ея; на ночь оно забирается досками, и, кромѣ того, у нѣкоторыхъ передъ этимъ окномъ во всю вышину его устроивается дере-

вянный частоколъ. Рядомъ съ домомъ располагаются обыкновенно ворота, если и не раскрашиваемыя такъ красиво, какъ это мы видѣли въ ургинскомъ маймачѣнѣ, то во всякомъ случаѣ устрояемыя по одному съ ними плану, съ тѣми же неизмѣнными навѣсами и лавочками. За воротами слѣдуетъ небольшой заборъ изъ сырцеваго кирпича, къ которому примыкаетъ безъ малѣйшаго промежутка другой такой же домъ и съ такими же пристройками. Вотъ общій видъ обыкновенныхъ китайскахъ лавокъ въ нарѝнъцзэ̄ли. На большой улицѣ находятся главнымъ образомъ жилища богатыхъ торговцевъ, оттого она имѣетъ нѣсколько другой характеръ. Богачи строятся просторнѣе и приспособляютъ свои помѣщенія къ самому образу своей торговли. Прежде всего, они, по обычаю застѣнныхъ китайцевъ, не строятъ своихъ домовъ на улицу, — оттого йэхэ̀-цзэ̄ли представляетъ почти непрерывный рядъ заборовъ, смѣняющихся только воротами съ необходимыми при нихъ навѣсомъ и лавочками. Внутри двора, прямо противъ воротъ, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, ставится щитъ, хотя и заграждающій для посторонняго взгляда внутренность двора, тѣмъ не менѣе оставляющій по бокамъ свободное пространство для прохода и проѣзда. Отъ этого щита чрезъ весь дворъ тянутся постройки жилыхъ зданій съ окнами, такой же величины и устройства какъ и въ вышеописанныхъ домахъ на улицу, и по большей части обращенными на южную сторону. Окна чередуются съ дверями, которыхъ бываетъ отъ 5 до 10, 15 и даже болѣе, смотря по количеству цзя̀ней. За жилыми зданіями располагаются непосредственно амбары и товарные склады. Таковы жилища кобдо̀скихъ богатыхъ китайцевъ. Лавокъ они не имѣютъ, потому что не ведутъ въ Кобдо̀ мелочной торговли, а продаютъ товаръ главнымъ образомъ оптомъ; по знакомству, конечно, у нихъ можно купить товаръ и въ розницу, какъ — кусокъ ци-цюй-чоу, или штуку какой-нибудь шелковой матеріи, но и это рѣдко. Въ случаѣ какъ оптовой, такъ и розничной продажи, всякаго рода сдѣлки и условія совершаются въ жилой комнатѣ хозяина; товаръ приносится на показъ изъ кладовыхъ приказчиками, въ самыя же кладовыя для выбора, по обычаю, не допускаются не только обыкновенные покупатели, но и близкіе друзья хозяевъ. Мелочная торговля у богатыхъ китайскихъ домовъ идетъ только по хошӯнамъ, куда съ этою цѣлью они посылаютъ своихъ приказчиковъ. Хошӯнная торговля китайцевъ весьма выгодна, и эта выгода обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что они даютъ товаръ въ долги, которые собираютъ ежегодно. Торговыхъ домовъ, ведущихъ свои дѣла описаннымъ способомъ, въ Кобдо̀ считается девять: Да-шэнъ-куй, Тянь-и-дэ, Юань-шэнъ-дэ, И-хо-дунъ, Чагантай, Тунъ-шанъ, Шунъ-чай, Могва, Айсу-ну (монг. Ӱндӱ̀ръ-модо̀) и Айгунъ. Со времени моего послѣдняго пре-

бываніе въ Кобдо въ 1879 году нѣкоторые изъ этихъ торговыхъ домовъ уже значительно упали, другіе измѣнили свое дѣло, третьи даже совершенно бездѣйствуютъ и тѣмъ ме менѣе традиція горожанъ все-таки считаетъ въ Кобдо существующими именно девять вышепомянутыхъ домовъ. Въ частности:

Да-шэнъ-куй (大 盛 魁) составляется компаніею хўхў-хотоскихъ купцовъ. Капиталъ этой фирмы высчитываютъ въ 2000 ваней ланъ, что въ переводѣ на наши деньги составитъ около 40 милліоновъ руб. сер. Дѣло Да-шэнъ-куй въ Монголіи, какъ извѣстно, состоитъ главнымъ образомъ въ исполненіи банкирскихъ обязанностей почти для всей Халхи. Отдѣленіе этой фирмы въ Кобдо поручительствуетъ за халхаскіе хошўны тўшѣтў-хāновскаго и цзасактў-хāновскаго àймаковъ и не платитъ только за цэцэнъ-хāновскій àймакъ, такъ какъ въ Кобдо дѣла цэцэнъ-хāновцевъ, по отдаленности ихъ кочевьевъ, не ведутся вовсе. Помимо сего фирма Да-шэнъ-куй исполняетъ здѣсь банкирскія обязанности для хошўновъ: ōлōтскихъ, мингàтскаго, дўрбэтскихъ западнаго àймака, торгоўтскаго хāна торгоўтскаго вàна и урянхàйскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Барўнъ-амбàня. Въ настоящій мой пріѣздъ, въ Кобдо проживалъ главноуправляющій монгольскими дѣлами фирмы Да-шэнъ-куй и отъ него я узналъ, что, производя свои операціи въ Халхѣ, компанія расходуетъ единственно на жалованье приказчикамъ до 30,000 ланъ и ежегодно отправляетъ въ Хўхў-хотò отъ 80 до 100 тысячъ барановъ.

Тянь-и-дэ (天 義 德), извѣстная у монголовъ подъ именемъ «Насунтàй». Капиталъ этой фирмы считаютъ въ 100 ваней, или милліонъ ланъ (2.000,000 р. с.); является она въ Кобдо поручительницею по àймаку Сàйнъ-нойна.

Юань-шэнъ-дэ (元 盛 德), называемая у монголовъ Аршāнъ, по количеству своего основнаго капитала и оборотовъ почитается одинаковою съ Тянь-и-дэ, т. е. ведетъ дѣло приблизительно на 100 ваней, или на милліонъ ланъ. Компанія эта является поручительницею для Цзахачѝновъ, Сойдотовъ, Дўрбэтовъ восточнаго àймака, Байтовъ и Захàйнъ-нàйманъ ōртō; но главнымъ дѣломъ этой фирмы является теперь въ Монголіи даже не поручительство, а преимущественно скотоводство. Ежегодный приплодъ въ стадахъ этой компаніи высчитываютъ теперь свыше 30 тыс. барановъ и до 6,000 верблюдовъ. Мелкій свой скотъ фирма выпасываетъ главнымъ образомъ въ кочевьяхъ урянхàйскихъ и дўрбэтскихъ, а крупный, т. е. лошадей и верблюдовъ, въ цзахачѝнскомъ хошўнѣ. Въ 1892 году компанія Юань-шэнъ-дэ отправила въ Китай черезъ Хўхў-хотò до 45,000 барановъ и 500 верблюдовъ только изъ однихъ собственныхъ стадъ; всего это было на сумму

около 90,000 ланъ, да помимо того около половины этого числа было получено ею сборомъ отъ торговли и также перегнано въ Китай; всего же было отправлено, по мѣстному выраженію, «семь палатокъ». При каждой палаткѣ препровождается, круглымъ счетомъ, 10 тыс. головъ мелкаго скота, для охраны коего приставляется 20 пастуховъ изъ китайцевъ. Скотъ этотъ выгоняется въ Іюлѣ и приходитъ въ Хўхў-хотò приблизительно въ концѣ Сентября.

И-хо-дунъ (義和敦) опредѣляетъ свой капиталъ и годовой оборотъ вообще въ 500 тыс. ланъ, или милліонъ сер. рублей. Въ настоящую пору эта фирма не исправляетъ уже обязанностей тўнши и, помимо оптовой торговли, ограничивается лишь тѣмъ, что, по распоряженію амбàней, всѣ присутственныя мѣста и казенныя учрежденія города и округа Кобдò обязаны брать всѣ потребныя для нихъ принадлежности въ лавкѣ этой компаніи въ теченіе первыхъ 15-ти дней мѣсяца.

Чагантàй, — фирма, бывшая въ числѣ первыхъ компаній въ бытность мою въ Кобдò въ 1876 году и отправлявшая тогда обязанности тўнши для дўрбэтовъ, въ настоящую пору значительно упала и теперь живетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что, подобно компаніи И-хо-дунъ, снабжаетъ всѣ присутственныя мѣста кобдòскаго округа своими товарами въ теченіе послѣднихъ 15 дней каждаго мѣсяца. Имѣя, еще съ прошлой поѣздки, знакомство съ управлявшимъ дѣлами этой фирмы китайцемъ, носившимъ монгольское имя Далàй-гòнбо, я теперь могъ подробно и откровенно прослушать отъ него исторію паденія чагантàевской фирмы; она не особенно многосложна и состоитъ въ слѣдующемъ. Гоняясь за легкой наживой, чагантаевцы еще лѣтъ тридцать тому назадъ хотѣли имѣть побольше поручительскаго и банкирскаго дѣла. Аймакъ Дўрбэтовъ, для котораго отправляли они обязанности тўншей, казался имъ недостаточнымъ и имъ хотѣлось такъ или иначе заручиться банкирствомъ для àймаковъ халхаскихъ. Въ 1869 году желаніе это начало исполняться и чагантàевцы заключили условіе съ сеймами цзасактў-хāновскимъ и сàйнъ-ноѝновскимъ, по которому они обязались удовлетворять потребности для военныхъ чиновъ означенныхъ àймаковъ, отбывающихъ службу на алтàйскихъ караулахъ, т. е. выдавать имъ жалованье и все необходимое съ тѣмъ, чтобы уплата за это производилась изъ суммъ, ассигнуемыхъ àймаками на содержаніе карауловъ. Обязанности эти чагантàевцы отправляли до 1877 года и за все это время постоянно выдавали караульнымъ чай и товары. Между тѣмъ совершилось извѣстное дунгàнское возстаніе. Халха и особливо àймаки цзасактў-хāна и сàйнъ-ноѝна подверглись разграбленію и сильно обѣдняли; жалованье караульнымъ чинамъ если и было сполна высылаемо, по закону, въ адресъ

кобдòскаго амбàня, то было расходуемо этимъ послѣднимъ на другой предметъ, особливо на содержаніе дѣйствовавшихъ противъ дунганъ китайскихъ войскъ и чагантàевцы за свои товары едва могли получать половину ихъ стоимости. Съ конца 1876 года они начали постоянно обращаться съ просьбами въ кобдòскій чжисāнъ объ уплатѣ денегъ; чжисāнъ писалъ объ этомъ сеймовымъ старшинамъ, но старшины обоихъ сеймовъ ехидно отвѣчали, что, по условію, чагантàевцы должны были получать въ уплату за выдаваемый ими товаръ сумму, высылаемую на жалованье караульнымъ. Аймаки высылали таковое жалованье въ той мѣрѣ, въ какой могли и чагантàевцы должны были сообразоваться въ своихъ выдачахъ съ высылкою денегъ на жалованье; если же они выдавали бòльшее число товаровъ, то въ этомъ виноваты они сами и àймаки принимать на свой счетъ уплату за этотъ товаръ не будутъ. Получивъ такой отвѣтъ, чагантàевцы пришли въ ужасъ и снова начали свое ходатайство передъ чжисāномъ, выставляя на видъ, что помянутый отвѣтъ сеймовыхъ старшинъ есть не болѣе какъ казуистика. «Восемь лѣтъ», говорили они, «мы содержали караулы и получили долговъ свыше 50,000 ланъ; сеймовымъ управленіямъ хорошо извѣстно, что на тѣ средства, которыя высылали они, караулы не могли содержаться и, слѣдовательно, съ нашей стороны означенные монгольскіе àймаки не видали ничего, кромѣ помощи; между тѣмъ къ нашей фирмѣ теперь также представили свои претензіи наши кредиторы, и если долгъ не будетъ уплаченъ, то фирма должна будетъ погибнуть». Увѣренія и убѣжденія эти не тронули однако монголовъ и дѣло чагантàевцевъ нѣсколько поправилось лишь тогда, когда они обратились къ заступничеству своего же китайца, т. е. кобдòскаго амбàня. Послѣдній, разсмотрѣвъ дѣло и принимая во вниманіе дѣйствительно тяжелое экономическое положеніе двухъ западныхъ àймаковъ Халхи, привлекъ къ этому расчету еще и тӯшēтӯ-хāновскій àймакъ. При совокупныхъ усиліяхъ трехъ àймаковъ, чагантàевцы могли получить въ уплату стоимость отпущенныхъ ими товаровъ, но % на капиталъ, конечно, не получили. Благодаря такой уплатѣ, фирма могла разсчитаться съ своими кредиторами и продолжать дальше свое существованіе, но подняться хотя бы наполовину той высоты, на которой стояла она прежде, ей не удалось еще и до сего времени. Теперь она снова, помимо городской, начала еще и степную торговлю, поведя свои дѣла у цзахачѝновъ и особливо въ цзасактӯ-хāновскомъ àймакѣ, въ хошӯнѣ Люнъ-цзасакà, на Цэцэкъ-нӯрѣ.

Тунъ-шанъ, — компанія хӯхӯ-хотòскихъ купцовъ, является поручительницею по одному только хошӯну дӯрбэтскаго хошòй-цинъ-вàна, каковое положеніе она совершенно случайно наслѣдовала отъ чагантàевцевъ и, кажется, вскорѣ должна будетъ утратить въ пользу фирмы Юань-шэнъ-дэ.

Въ началѣ 1870-хъ гг. дӳрбэ̀тскій хошо̀й цинъ-ва̀нъ, славившійся своимъ богатствомъ и самодурствомъ, вдругъ пожелалъ вступить въ компанію съ весьма небогатою фирмою Тунъ-шанъ и вложилъ въ кассу ея по однимъ 5000, а по другимъ 8,000 ланъ своихъ денегъ. Чтобы получать возможно бо̀льшее число процентовъ на этотъ капиталъ, онъ прекратилъ обязательства своего хошӯна къ фирмѣ Чаганта̀й и избралъ своимъ тӯнши фирму Тунъ-шанъ. Но со смертью этого ва̀на обстоятельства измѣнились. Прямого преемника у ва̀на не было: деньги, внесенныя имъ въ дѣла фирмы, должны были быть получены хошӯннымъ монастыремъ ва̀на, за упокой его души, а хошӯнное правительство, будучи недовольно услугами тунъ-шан'овцевъ, думаетъ теперь, говорятъ, только о томъ, какъ бы расплатиться съ тунъ-шановцами и перейти къ Юань-шэнъ-дэ, которые уже состоятъ тӯншами восточныхъ дӳрбэ̀тскихъ хошӯновъ.

Гуанъ-шу-лунъ, или, въ просторѣчіи, Могва, единственная компанія въ Кобдо̀, цѣликомъ составляющаяся изъ дунга̀нъ. Прежде производившая розничную торговлю какъ въ городѣ, такъ и въ хошӯнахъ, она оставила теперь этотъ родъ дѣятельности и съ 1882 года рѣшила открыть первый въ Кобдо̀ дя̀нь, или гостинницу для пріѣзжающихъ торговцевъ, наподобіе дя̀ней улясута̀йскихъ. Всего въ ней имѣется 10 отдѣльныхъ нумеровъ, и съ пріѣзжающихъ она взимаетъ здѣсь за квартиру со столомъ и всѣми удобствами по 2 цина въ сутки, помимо, конечно, уплаты 2% съ капитала, вырученнаго отъ продажи товаровъ. Оборотъ фирмы въ общемъ весьма не большой; на дворѣ у нея имѣется еще лавочка, торговля которой идетъ, впрочемъ, слабо.

Остальныя двѣ фирмы—Ӳндӳръ-модо̀ и Айгунъ—давно уже прекратили у себя всякое дѣло; тѣмъ не менѣе кобдо̀скіе китайцы считаютъ ихъ попрежнему въ числѣ старыхъ зажиточныхъ домовъ и полагаютъ, что, при удобныхъ обстоятельствахъ, они снова откроютъ свою торговлю.

Хошӯнная торговля кобдо̀скихъ китайцевъ ведется на общихъ основаніяхъ: они также содержатъ у себя массу приказчиковъ для разсылки ихъ во всѣ концы, также торгуютъ товарами на монгольскую руку и промѣниваютъ ихъ главнымъ образомъ на сырье, которое отправляютъ засимъ во внутренній Китай. Къ особенностямъ здѣшней китайской торговли можно прибавить развѣ то, что китайцы не пользуются здѣсь такимъ расположеніемъ мѣстныхъ инородческихъ князей, какое находятъ они въ другихъ частяхъ Монголіи и, наоборотъ, ихъ страшно поддерживаетъ здѣсь собственно маньчжурское и китайское правительства. Отношенія богатыхъ китайскихъ компаній къ этимъ высшимъ правителямъ, то-есть къ амба̀нямъ, нѣсколько приниженныя, хотя сами эти правители и состоятъ у нихъ въ постоянномъ долгу: послѣднее обусловливается отчасти неисправною

доставкою жалованья чиновникамъ изъ Пекина, а отчасти, кажется, еще болѣе зависитъ отъ нечестности самихъ амбаней, которые, входя въ сдѣлки съ компаніями, пользуются нѣкоторою частью чиновничьяго, а въ былое время еще и солдатскаго жалованья. Несмотря на такія, повидимому, близкія и товарищескія отношенія, компаньоны дрожатъ передъ амбанями. Разказываютъ нѣсколько случаевъ, что амбани, только за то что какой-нибудь компаньонъ сидѣлъ, или стоялъ у своихъ воротъ и не сдѣлалъ подобающаго книксена въ то время, какъ амбань проѣзжалъ мимо по улицѣ, били тутъ же его палками, или плетями по обнаженному тѣлу, въ виду всего народа.

Вторыми по богатству считаются лавки пекинскихъ торговцевъ. Пекинцевъ, ведущихъ постоянно свое дѣло въ Кобдо, въ прошлый мой пріѣздъ не было вовсе, въ настоящую же пору здѣсь почитаютъ уже прочно осѣвшею одну фирму, Юнъ-цзюй-чэнъ (永聚成), которая торгуетъ въ Кобдо уже нѣсколько лѣтъ и имѣетъ свою открытую лавку въ городѣ. Остальные пекинцы собственныхъ лавокъ не имѣютъ, а торгуютъ главнымъ образомъ во временно наемныхъ помѣщеніяхъ, въ дянѣ. Въ Кобдо они пріѣзжаютъ не надолго, обыкновенно на срокъ не больше какъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, за всѣмъ тѣмъ не бываетъ времени, чтобы пріѣзжихъ пекинцевъ не было бы вовсе: уѣзжаютъ одни, ихъ смѣняютъ другіе и т. д. Въ пекинскихъ лавкахъ можно найти всегда свѣжіе и лучшіе товары, притомъ сравнительно по болѣе дешевой цѣнѣ. Товары въ нихъ тѣ же самые, что и въ Улясутаѣ, хотя и нельзя не сказать, что пекинскія лавки въ Кобдо представляются черезъ-чуръ бѣдными не только въ сравненіи съ ургинскими, но даже и съ улясутайскими лавками пекинскихъ торговцевъ; что касается цѣны товаровъ, то отношеніе ея яснѣе всего выразится въ томъ, что пекинцы, живущіе въ Улясутаѣ, въ общемъ итогѣ накладываютъ 35, а кобдоскіе берутъ свыше 70 процентовъ на продажную цѣну товара, полагаемую въ Пекинѣ.

Гораздо болѣе постоянства выказываютъ въ кобдоской торговлѣ выходцы изъ западнаго Китая, особливо изъ Хўхў-хото. Ведущими выдающуюся по своей бойкости розничную торговлю почитаются изъ таковыхъ двѣ фирмы: Юнъ-дэ-куй (永德魁) и Синъ-лунъ-хо (興隆和). Первая изъ нихъ имѣетъ капитала и годоваго оборота въ Кобдо до 30 тыс. ланъ, а вторая торгуетъ тысячъ на 20. Дѣла остальныхъ, постоянно проживающихъ въ Кобдо хўхў-хотосцевъ идутъ тише и торговля ихъ менѣе значительна. Что касается временно пріѣзжающихъ хўхў-хотоскихъ торгашей, то они кажутся еще болѣе бѣдными; товаровъ въ каждый свой пріѣздъ они привозятъ не больше какъ на $1^1/_2$—2 тыс. рублей и продаютъ ихъ не

иначе какъ въ обмѣнъ на монгольское сырье, не брезгуя въ этомъ случаѣ ни двумя шкурками сурка, ни однимъ фунтомъ верблюжьей шерсти. Они собираютъ рѣшительно все, а потому монголы даже и дали имъ прозвище «хурамалъ», т. е. сборщиковъ.

Мелочными торговцами въ Кобдо̀ являются тѣ самые китайскіе солдаты зеленаго знамени, которые были вызваны сюда изъ за Великой стѣны для посѣва казенныхъ хлѣбо̀въ. Съ тѣхъ поръ, поселившись въ Кобдо̀, они занялись мелочною торговлею, продавая въ своихъ лавкахъ старье и рухлядь, а иногда перепродавая и новые товары, пріобрѣтаемые ими у богатыхъ торговыхъ домовъ, или у пріѣзжихъ пекинскихъ торговцевъ. Внѣшній видъ мелочныхъ кобдо̀скихъ лавокъ также бѣденъ и разнообразенъ по товарамъ, какъ это мы видѣли и въ Улясута̀ѣ; но здѣсь мелочные торговцы, кажется, еще болѣе плутоваты, а потому и легче наживаются. Особенно здѣсь выдается плутовство въ обвѣсѣ, при полученіи и сдачѣ денегъ: въ этомъ дѣлѣ китайцы ухищряются самыми разнообразными способами. Частію въ предупрежденіе этихъ мошенничествъ, а частію и вообще для надзора за городскимъ, собственно торговымъ населеніемъ маймачэ̀на, кобдо̀ское правительство учредило здѣсь еще особое, полуоффиціальное управленіе, устроивъ оное изъ самихъ же купцовъ наподобіе того, какъ это существуетъ въ Ургѣ и Улясута̀ѣ. Съ указанною цѣлью изъ среды кобдо̀скаго купечества избираются мѣстнымъ амба̀немъ семь наиболѣе долго прожившихъ въ Кобдо̀ и знающихъ мѣстныя обстоятельства торговцевъ, и возводятся въ такъ называемые цзя̀-тоу (甲頭) [1]). Каждому изъ такихъ торговцевъ поручается въ надзоръ отъ 10—15 лавокъ, при чемъ на обязанность «цзя̀-тоу» возлагается наблюдать, чтобы порученные имъ мелкіе торгаши не заводили бы между собою ссоръ, не пьянствовали, не играли въ карты, не принимали на ночь публичныхъ женщинъ, не пускали на квартиры и не дозволяли бы останавливаться у себя подозрительнымъ личностямъ и проч.; словомъ, каждый «цзя̀-тоу» есть ближайшій и довѣреннѣйшій надсмотрщикъ за благосостояніемъ и поведеніемъ порученныхъ ему лицъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ торгующихъ китайцевъ, «цзя̀-тоу»— первое лицо, которое должно удостовѣрить, что смерть произошла естественно и безъ этого удостовѣренія полиція обязана производить точное слѣдствіе о смерти. Помимо этихъ обязанностей, «цзя̀-тоу» вообще играютъ роль коммерческихъ судей при амба̀нѣ. Вслучаѣ банкротства какого-либо

1) Въ Ургѣ такіе выборные носятъ названіе «пу-шоу» (舖首), т. е. торговый голова. Общее число ихъ въ ургинскомъ маймачэ̀нѣ и въ Хурѣни—12 человѣкъ. Они избираются маймачэ̀нскимъ цзаргучэ̀емъ и утверждаются амба̀нями. Обязанности ихъ совершенно тѣ же, что и въ Кобдо̀.

изъ ведущихъ дѣло въ Кобдо̀ китайскихъ торговцевъ, «цзя̀-тоу» собираются на совѣтъ у амба̀ня, разсматриваютъ дѣло и постановляютъ приговоръ относительно того, произошло ли банкротство по несчастію, или оно представляетъ собою злостное дѣяніе. По обязанностямъ «цзя̀-тоу», купцы эти никакого содержанія не получаютъ, напротивъ, помянутое званіе налагаетъ на нихъ только лишніе расходы; такъ, наравнѣ съ мѣстными банкирами, они обязаны доставлять амба̀нямъ и цзурга̀намъ товары по удешевленнымъ цѣнамъ, и въ моемъ личномъ присутствіи было то, что амба̀нь взялъ у «цзя̀-тоу» чай, вмѣсто существующей на него цѣны — 4 цѝна, за 3 цѝна 3 фына; 6 шкуръ лисицъ, вмѣсто 12 цѝновъ, — по 7 цѝновъ за каждую и одну рысью шкуру, вмѣсто 5 ланъ 6 цѝновъ — за 3 лана. Въ 1892 году обязанности «цзя̀-тоу» въ Кобдо̀ относили представители фирмъ: Юнъ-цзюй-чэ̀нъ, Синъ-лунъ-хо, Сань-ху-и, Ю-санъ-чуй, Инъ-ду-куй, Ло-ръ и Цу-цуцза. По заведенному обычаю, «цзя̀-тоу» эти каждаго 1-го и 15-го числа мѣсяца раздаютъ милостыню бѣднымъ, въ количествѣ 2—3 чашекъ муки, или проса для каждаго явившагося китайца.

Кромѣ торговли рухлядью и старьемъ, китайскіе солдаты зеленаго знамени занимаются еще огородничествомъ и продажею получаемыхъ съ огородовъ овощей. Люди этого промысла живутъ по окраинамъ города и имѣютъ здѣсь свои дома. Въ огородахъ ихъ разводится картофель, вкусный, но очень мелкій; въ продажѣ онъ отъ 3—5 фынъ за китайскій гинъ; брюква также отъ 3—5 фынъ за штуку; морковь отъ 5—8 фынъ за десятокъ; капуста двухъ сортовъ, — одна мелкая съ небольшимъ кочаномъ отъ 8 фынъ до 1 цина за кочанъ; другой видъ ея не имѣетъ кочана, а вмѣсто него большія развѣсистыя листья, наподобіе вазы; цѣна таковой отъ 1 цина 5 фынъ до 2-хъ циновъ за корень.

Наконецъ, изъ числа китайскихъ солдатъ зеленаго знамени, проживающихъ въ городѣ, есть нѣсколько ремесленниковъ: серебряники, столяры и кожевники. Кузнецовъ частныхъ въ маймачэ̀нѣ не имѣется, и единственная кобдо̀ская кузница, помѣщающаяся въ крѣпости, назначена главнымъ образомъ для казенныхъ работъ, хотя исполняетъ и частные заказы.

Русскіе торговцы въ Кобдо̀, описаніе дѣятельности которыхъ войдетъ въ VI томъ этого труда, имѣютъ свои лавки по всѣмъ тремъ улицамъ города. На главной, совершеннымъ особнякомъ отъ прочихъ, ведетъ свое дѣло М. Е. Байдаровъ. Остальные русскіе арендуютъ одно обширное подворье, занимающее уголъ нарѝнъ-цзэ̄ли съ восточной городской улицей. Благодаря такому положенію подворья, русскія лавки выходятъ изъ него на двѣ улицы: Котельниковъ и Кузьминъ оказываются торгующими на Нарѝнъ-цзэ̄ли, а Бодуновъ — въ восточной улицѣ.

Кобдòскій маймачѐнъ имѣетъ у себя двѣ китайскихъ кумирни; одна изъ нихъ находится на юго-западномъ концѣ города, а другая—на восточномъ. О времени построенія этихъ кумирень китайцы, кажется, не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Кумирня юго-западнаго конца города, называемая въ просторѣчіи монголовъ Усȕнъ-сȕмэ, посвящена генію здѣшней рѣки, о чемъ свидѣтельствуетъ и находящаяся надъ воротами ея надпись: Хэ-шэнь-мяо (河神廟). Кумирня эта искони состояла изъ двухъ капищъ: главное, было посвящено Эрлѝкъ-хāну, второе — генію водъ; но со времени нападенія дунгàнъ, когда кумирня эта вообще подверглась сильному разграбленію, одно изъ этихъ капищъ, меньшее, опредѣлено было закрыть и всѣ статуи божествъ, а равно всѣ принадлежности, утвари и украшенія были тогда перенесены изъ него въ главное капище. Такимъ образомъ, въ первое мое посѣщеніе города Кобдò, внутри этого меньшаго капища оставались только голыя стѣны, очевидно, годъ отъ года приходившія все къ бòльшему разрушенію. Въ 1883 году мѣстный амбàнь захотѣлъ однако возсоздать эту кумирню и отдѣлалъ ее заново. Правда, второе, меньшее капище остается здѣсь и доселѣ еще довольно бѣдно и пустынно; за то главное представляется однимъ изъ лучшихъ въ Монголіи. На жертвенникѣ его, богатомъ всевозможными принадлежностями культа, стоятъ исписанныя золотыми іероглифами дощечки; за жертвенникомъ, какъ бы въ особомъ шкафѣ, стоитъ изображеніе Гэсэ̀ра, въ величину не менѣе полуторнаго человѣческаго роста. По бокамъ этой статуи разставлено всего четыре кумира, каждый въ величину человѣческаго роста: по правую сторону, одинъ изъ нихъ, съ лицомъ темно-желтаго цвѣта, держитъ въ рукѣ свитокъ, съ начертанными іероглифами 河海總薄, т. е. «общій реестръ рѣкъ и морей»; другой, съ лицомъ дикаго цвѣта, держитъ въ правой рукѣ небольшое знамя, а въ лѣвой привязанную на тесемкѣ собаку; съ лѣвой стороны, — одинъ кумиръ, съ лицомъ тоже дикаго цвѣта, держитъ въ рукѣ рыбу, а другой, съ лицомъ бѣлаго цвѣта, — пику. Со времени отдѣлки этой кумирни, кобдòскіе амбàни непремѣнно посѣщаютъ ее 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца для поклоненій и чтенія «Шэнъ-юй-гуанъ-сюнь». На содержаніе этой кумирни караульные ея, по распоряженію тѣхъ же амбàней, черезъ каждые три мѣсяца производятъ сборъ доброхотныхъ подаяній, отъ которыхъ не избавляются и проживающіе въ Кобдò русскіе. О томъ, сколько было израсходовано на послѣднюю поправку кумирни и на какія именно средства была она поправлена, мы не имѣемъ свѣдѣній. На портикахъ кумирни попрежнему стоятъ только двѣ деревянныя доски, обдѣланныя въ форму памятниковъ. Изъ монгольскихъ и китайскихъ надписей на этихъ доскахъ узнаемъ, что кумирня была исправлена

въ 8-й лунѣ 19-го года правленія Дао-гуана, соотвѣтствующаго нашему 1839 году; кромѣ того, въ надписяхъ объясняется, что исправленіе было произведено на счетъ доброхотныхъ дателей, при чемъ перечисляются имена ихъ, числомъ до 80, съ обозначеніемъ количества принесенныхъ каждымъ изъ нихъ пожертвованій. Замѣчательно, что перечисленныя лица — исключительно монголы-буддисты, и что въ числѣ возсоздателей этого храма бо̀льшая половина ламъ. Что касается приношеній, то они не были особенно значительны: двѣ, три лошади, или два, три быка, десятокъ барановъ, нѣсколько десятковъ овечьихъ и сурковыхъ шкуръ — вотъ главнѣйшіе предметы пожертвованія, перечисленные подъ именами создателей храма. Своихъ покойниковъ китайцы при этой кумирнѣ хоронятъ мало, и главнѣйшее кладбище ихъ находится у кумирни, расположенной въ сѣверо-восточной части города. Эта кумирня, называющаяся Тай-ванъ-мяо, по внѣшнему виду также отличается красотой и богатствомъ, хотя, можетъ быть, это зависитъ и единственно отъ того, что она возобновлена не болѣе шести лѣтъ назадъ. Здѣсь находится главное китайское кладбище, по примѣру улясута̀йскаго, помѣщающееся въ отдѣльномъ дворѣ отъ кумирни, но содержащееся еще безобразнѣе, чѣмъ въ городѣ великаго цзя̀нь-цзюня. Бо̀льшая удаленность мѣстности отъ Великой стѣны естественно порождаетъ то, что китайцы рѣже увозятъ отсюда своихъ покойниковъ, а значительное количество китайскихъ солдатъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени, и никогда не увозитъ ихъ; вотъ почему на китайскомъ кладбищѣ въ Кобдо̀ гораздо больше хранится китайскихъ гробовъ, чѣмъ въ Улясута̀ѣ. Самыя гробницы содержатся невыразимо небрежно: многія изъ нихъ совершенно разрушены и въ открытыхъ гробахъ видны остатки покойниковъ, одѣтыхъ въ полный китайскій костюмъ, не исключая и форменной шапки съ красною махровою кистью на маковкѣ. По всему кладбищу валяются кости, вытащенныя изъ гробовъ собаками, основавшими свое мѣстопребываніе въ тѣхъ же опорожненныхъ гробахъ. Гроба болѣе богатыхъ китайцевъ, о которыхъ уже достовѣрно извѣстно, что они будутъ перевезены на родину, сохраняются на кладбищѣ въ отдѣльномъ сараѣ или, лучше сказать, подъ отдѣльнымъ навѣсомъ. По общему обычаю китайцевъ, на всѣхъ гробахъ пишется происхожденіе покойника, мѣсто его родины, его имя, званіе, годъ рожденія и наконецъ, годъ, мѣсяцъ, день и часъ смерти.

По первому взгляду кажется, что въ Кобдо̀ проживаетъ значительно больше монголовъ, чѣмъ въ Улясута̀ѣ; но это ошибочно, а ошибочное представленіе это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ Кобдо̀ монгольскія юрты расположены открыто вокругъ города, въ Улясута̀ѣ же они почти незамѣтны для глаза, потому что скрываются за хашанами въ

самомъ маймачѣнѣ. Кромѣ халхасовъ, въ Кобдо попадается много торгоутовъ, урянховъ и дурбэтовъ. Всѣ помянутыя народности не оставляютъ Кобдо въ теченіе всего года. Киргизовъ въ Кобдо собственно бываетъ также ничуть не меньше, чѣмъ, напримѣръ, торгоутовъ или урянховъ, но они посѣщаютъ городъ только лѣтомъ и именно: — начинаютъ пріѣзжать съ конца Мая, а отъѣзжаютъ въ концѣ Октября, а иногда даже и ранѣе; такимъ образомъ киргизы никогда не остаются здѣсь на зиму и никогда не живутъ такъ постоянно, какъ монголы. Занятія кобдоскихъ монголовъ и монголокъ тѣ же самыя, что и въ Улясутаѣ, — только монголы здѣсь еще бѣднѣе, вслѣдствіе того, что находятъ себѣ соперниковъ въ своихъ работахъ со стороны бѣдныхъ китайскихъ солдатъ зеленаго знамени. Проститутокъ въ Кобдо также значительно меньше, отчасти вслѣдствіе того, что самый городъ меньше тѣхъ, о которыхъ говорили мы прежде, а еще болѣе отъ того, что многіе изъ китайцевъ женаты и живутъ здѣсь съ природными китаянками и маньчжурками. Кобдо есть единственный городъ Халхи, въ которомъ живутъ китайскія женщины.

Наконецъ, въ Кобдо имѣется еще вторая, малая крѣпость, нынѣ уже оставленная совершенно и, за исключеніемъ крѣпостныхъ стѣнъ, представляющая собою груды развалинъ. Крѣпость эта находится на южномъ концѣ города, прямо противъ главной крѣпости и главной торговой улицы маймачэна.

Для монголовъ Кобдо имѣетъ то преимущество передъ Улясутаемъ, что здѣсь имѣется буддійскій монастырь, чего нѣтъ въ Улясутаѣ. Изъ лѣтописныхъ сказаній о происхожденіи и существованіи этого монастыря открывается весьма немногое. Лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ» въ первый разъ упоминаетъ о немъ подъ 27-мъ годомъ правленія Тэнгрійнъ-тэтхўхсэн'а, или, по-китайски, Цянь-лўна, то-есть подъ 1762 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія, въ слѣдующихъ словахъ: «Ӧлӧтскій лама Дондокъ неподалеку отъ города, стоявшаго при р. Буянтў, на лѣвомъ берегу этой рѣки, основалъ монастырь и съ нѣсколькими ламами совершалъ богослуженіе» [1]). Такимъ образомъ первоначальное основаніе монастыря совершенно совпадаетъ по времени съ перенесеніемъ самаго города съ р. Кобдо на берега Буянтў-гола. Неизвѣстно, въ какомъ видѣ существовалъ тогда этотъ монастырь, но весьма вѣроятно, что, по примѣру всѣхъ ӧлӧтскихъ кіитовъ, кумирни его помѣщались въ войлочныхъ юртахъ, хотя, можетъ быть, онъ и не былъ кочевымъ, въ виду выгодъ близости къ городу, отъ котораго, конечно, получались всѣ его средства. Можно думать,

1) Эрдэнійнъ-эрихэ, II, гл. 44, л. 114-й.

что ламы дѣятельно исполняли свои обязанности въ первое время, ибо со второго же года существованія монастыря тогдашній кобдòскій хэбэй-амбàнь Цзалàнсэнь началъ слушать отъ строителя этого монастыря, гэлӯна Дондòка, буддійское ученіе о созерцаніи Ямàндаги, и такимъ образомъ настоятель монастыря и амбàнь вошли между собою въ отношенія ученика и учителя. Пріобрѣтеніе такого вліятельнаго духовнаго сына было для Дондòка дѣломъ значительной важности, такъ какъ оно давало ему средства упрочить благосостояніе своего монастыря. Дондòкъ, повидимому, и не замедлилъ воспользоваться случаемъ, потому что не прошло и четырехъ лѣтъ, и именно въ годъ красной собаки, или чтò то же, въ 31-е лѣто Цянь-лӯнова царствованія (1766 г.) Цзалàнсэнь дѣлаетъ представленіе императору о построеніи кумирни въ стѣнахъ ограды монастыря, основаннаго Дондòкомъ. По этому докладу китайскимъ богдохāномъ повелѣвалось отпустить изъ государственнаго казначейства свыше 10,000 ланъ серебра на сооруженіе кумирни, каковое въ то же время было начато и окончено въ теченіе одного года. Кумирня была возведена изъ камня и покрыта черепицею, такова же была и ограда, а равно и боковыя зданія при кумирнѣ. Въ 1767 году со стороны Цзалàнсэня былъ сдѣланъ новый докладъ объ окончаніи постройки и тогда императоръ пожаловалъ монастырю имя «Тӯгэмэль амурчжигӯлухчи сӯмэ» (храмъ всеобщаго успокоенія), повелѣлъ выгравировать на камнѣ сказаніе объ обстоятельствахъ построенія его и поставить этотъ камень въ самомъ монастырѣ. Въ томъ же 1767 году совершено было освященіе кумирни, и съ тѣхъ поръ она стала извѣстна въ просторѣчіи подъ именемъ «Шарà-сӯмэ», чтò значитъ желтая кумирня (безъ сомнѣнія потому, что, какъ всякій императорскій монастырь, она имѣла часть кровли желтаго цвѣта); настоятелемъ монастыря или Дà-ламою былъ назначенъ тотъ же гэлӯнъ Дондòкъ, а ламы собраны изъ ӧлӧтскихъ и мингàтскихъ хошӯновъ. Кромѣ того, въ томъ же императорскомъ указѣ повелѣвалось жить здѣсь поочередно, въ теченіе трехъ лѣтъ, хутухтàмъ цзасактӯхāновскаго и сàйнъ-ноѝновскаго àймаковъ, и именно Нарӯ-баньчэнь-хутухтѣ, Цзалàханцза-хутухтѣ и Илагӯксанъ-хутухтѣ. Первымъ прибылъ сюда Цзалàханцза-хутухту и ему-то пришлось вступить впервые въ управленіе здѣшними хуваràками. Что касается необходимыхъ принадлежностей богослуженія, то онѣ въ первое время пріобрѣтались на счетъ монастырскаго казначейства, обогащенію же послѣдняго помогъ тотъ же Цзалàнсэнь. Онъ представилъ проектъ составленія монастырскаго имущества путемъ сборовъ съ монголовъ, на время, скота съ тѣмъ, чтобы приплодъ остался въ пользу монастыря. Проектъ этотъ былъ утвержденъ, почему со всѣхъ халхàскихъ àймаковъ и Кобдòскаго округа было собрано большое

количество скота, который плодился въ теченіе трехъ лѣтъ; по истеченіи означеннаго срока, скотъ по счету былъ возвращенъ въ аймаки, а приращеніе его вошло въ монастырское казначейство. Несмотря на это обезпеченіе средствами къ жизни, ламы, по словамъ монголовъ, жили при монастырѣ не болѣе 25 лѣтъ послѣ его основанія, а за симъ разошлись по степи и начали жить въ своихъ домахъ, собираясь въ Шарà-сýмэ для богослуженій только три раза въ годъ, какъ это заведено въ большинствѣ степныхъ дугàновъ. Этотъ порядокъ продолжается отчасти и донынѣ.

Шарà-сýмэ, какъ и всякая императорская кумирня въ Монголіи, снаружи окруженъ стѣной, окрашенной въ красную краску. Въ притворѣ главныхъ и широкихъ воротъ его стоятъ громадныя статуи четырехъ Махарàнцза, а отъ воротъ къ дверямъ кумирни проложена дорога, выстланная плитами дикаго камня и обожженымъ кирпичемъ. Самая кумирня отличается обширностію, но утварь ея, бурхàны и богослужебныя книги — весьма не многочисленны. На главномъ мѣстѣ, или у сѣверной стѣны кумирни, стоятъ изображенія Цзýн, Богдò Цзонкавы и Цзарàйсэкъ; по боковымъ стѣнамъ расположены 16 нàйданъ. Библіотека сýмэ вся помѣщается въ главной кумирнѣ и состоитъ только изъ тибетскаго Ганьчжýра, богослужебныхъ же книгъ при сýмэ не имѣется; ихъ приносятъ ламы въ то время, когда собираются въ монастырь для совершенія служеній. По примѣру всѣхъ императорскихъ кумирень, въ Шарà-сýмэ имѣется императорская дощечка— «Богдò-хāну сю́льдэ», только здѣсь она поставляется не на ряду съ бурхàнами, какъ это приходилось мнѣ видѣть въ другихъ халхаскихъ императорскихъ кумирняхъ, а особливо, на хорахъ, устроенныхъ въ кумирнѣ по тремъ сторонамъ, то-есть, по стѣнамъ южной, восточной и западной.

Обращаясь къ разсмотрѣнію хранящихся въ Шарà-сýмэ каменописныхъ памятниковъ, пожалованныхъ этому монастырю богдохāномъ Цяньлýномъ, должно сказать, что они заключаются въ двухъ камняхъ. Вырѣзанныя на этихъ камняхъ письмена составляютъ текстъ одной и той же грамоты, изложенной на трехъ языкахъ и изображенной тремя видами письменъ: маньчжурскими, китайскими и чжунгàрскими. Надписи были изсѣчены на столько неглубоко и плохо, что въ настоящее время отъ нихъ едва остались слабые слѣды, прочитать же ихъ на камнѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Текстъ этой грамоты интересующіеся могутъ найти въ пріобрѣтенной мною лѣтописи Эрдэнìйнъ-эрихэ, во второмъ ея изданіи, но помимо сего, мнѣ удалось теперь пріобрѣсти другой, переписанный монгольскимъ алфавитомъ списокъ ея, который я и почитаю необходимымъ обнародовать здѣсь въ дословной перепискѣ. Вотъ слова этой грамоты по означеннному списку:

ھەققانىيەت ۋە ئادالەت ئۈچۈن ئۆلۈمگە باش تىككەن ئۇلۇغ ئەرەب ئالىمى ئىبنى ھەنبەل ھەققىدە ئىلمىي تەتقىقات ئېلىپ بارغان ئەدەبىيات ئىلمىنىڭ دوكتورى ئابدۇلۋاھىد راغىب ئەپەندىنىڭ «ئىمام ئەھمەد ئىبنى ھەنبەل» ناملىق كىتابى ئۇيغۇر تىلىدا نەشر قىلىندى. بۇ كىتاب ئىسلام دۇنياسىدا ئۆتكەن ئۇلۇغ ئالىملارنىڭ بىرى ئىبنى ھەنبەلنىڭ ھاياتى، ئىلمىي ۋە ئىجتىمائىي پائالىيەتلىرى

" ... ولكن لا يمكن أن نقول إن الأمر كان كذلك في كل الأحوال. فقد كان هناك أشخاص يعتقدون أن الأرض مسطحة، وكان هناك أشخاص يعتقدون أنها كروية، ولكن لم يكن هناك أحد يعتقد أنها مربعة. فالأرض كانت دائماً كروية، ولكن الناس لم يكونوا يعرفون ذلك. "

" ... وهذه الأرض التي نعيش عليها هي كوكب صغير جداً في مجموعة شمسية كبيرة جداً، وهذه المجموعة الشمسية هي واحدة من مجموعات شمسية لا حصر لها في الكون. "

" ... وهذا الكون الذي نعيش فيه هو كون واسع جداً، ولكنه ليس كل شيء. فهناك أكوان أخرى لا حصر لها. "

" ... وهذه الأكوان الأخرى لا يمكن أن نراها أو نعرف عنها شيئاً، لأنها بعيدة جداً عنا. "

" ... ولكن هذا لا يعني أنها غير موجودة. "

" ... وهذا يعني أن الكون كله لا نهاية له. "

" ... ولكن هذا لا يعني أن الكون كله لا يمكن أن نعرف عنه شيئاً. "

" ... فنحن نعرف عن الكون الكثير، ونعرف أنه يتمدد، ونعرف أنه بدأ من نقطة واحدة. "

" ... ونعرف أن هذه النقطة كانت صغيرة جداً، وكانت ساخنة جداً، وكانت كثيفة جداً. "

" ... ونعرف أن هذه النقطة انفجرت، وأن الكون بدأ يتمدد منذ ذلك الحين. "

" ... ونعرف أن الكون لا يزال يتمدد حتى الآن. "

" ... ونعرف أن الكون سيستمر في التمدد إلى الأبد. "

" ... ونعرف أن الكون سيصبح أكثر برودة وأكثر فراغاً. "

" ... ونعرف أن الكون سينتهي في النهاية. "

" ... ولكن لا نعرف متى سينتهي. "

" ... ولا نعرف كيف سينتهي. "

Въ переводѣ это значитъ:

«Если я началъ старинное дѣло, то, по истинѣ, оно является изъ-за желанія подражать примѣру древнихъ, изъ за намѣренія продолжить рядъ заслугъ до высшей степени. Послѣ того какъ глубокомысленно внушилъ я всему человѣчеству, что невозможно противоборствовать обстоятельствамъ, я отмѣчаю, какъ вслѣдъ засимъ началъ и исполнилъ я дѣло строенія и созиданія. Внѣшнія формы его прекрасны и не превосходимы; внутренній смыслъ его — доставляя славу близкимъ, пріобщить (къ ней?) и отдаленныхъ. Кобдòская мѣстность удалена отъ Улясутàя почти на 1000 ли. Пространство ея обширно и командуетъ надъ наиважнѣйшимъ путемъ, нахо-

дящимся къ сѣверу отъ Алтайскихъ горъ. Прежде, въ 8-мъ году правленія Найралтӯ-тӯба, въ лѣто бѣлой собаки (1730), когда великое войско повоевывало и устрояло западныя границы, оно, увидавъ эту мѣстность, построило здѣсь городъ и посадило охранные гарнизоны. Въ ту пору еще было предложеніе построить здѣсь кумирню и призрѣвать всѣхъ, возбуждая религіозное чувство. Впослѣдствіи, когда въ 10-мъ году того же правленія, въ лѣто черной мыши (1732), чжунгарскіе бӑлӧтскіе мятежники, потерпѣли страшное пораженіе при Эрдэнӣ-цзӯ, пришли въ ужасъ и начали просить о пощадѣ, мы распустили войска и на границѣ не было дѣла, поэтому то какъ кумирня, такъ равно и кое-что другое неоконченное пришло въ разрушеніе. Въ періодъ отъ 20-го года правленія Тэнгрӥинъ-тэтхӯхсэ̀на, лѣта голубоватой свиньи (1755), до 24-го года того же правленія, лѣта желтоватаго зайца (1759), когда небесное войско, исполняя великія заслуги и пройдя нѣсколько десятковъ тысячъ ли, прибыло сюда, оно построило городъ, обосновало почтовыя станціи и привело къ единому управленію отдаленныя мѣстности; такимъ образомъ этотъ городъ сдѣлался навсегда близкою и необходимѣйшею мѣстностью. Проживавшіе въ немъ для охраны амба̀ни и чиновники, окончивъ постройку воинскихъ зданій и ихъ принадлежностей, представили всеподданнѣйшій докладъ, съ просьбою построить новую кумирню и когда, основывась на этомъ докладѣ, я повелѣлъ отпустить деньги и возвести постройки, то всѣ поистинѣ возблагоговѣли и исполнились величайшею радостью. Кумиренныя зданія, заборы и ограда вообще крѣпки, ровны, заслуживаютъ большаго удивленія и въ высшей степени красивы. Какъ подумаю я внимательно, — царственный дѣдъ и царственный родитель мой, въ виду успокоенія внутреннихъ и исправленія внѣшнихъ, старались, чтобы обитающіе во вселенной жили бы въ мірѣ и спокойствіи. Неожиданно, выискавъ средства, наступили враги и я, выставивъ войска, послалъ ихъ повоевать. Когда силы враговъ истощились, они обратились въ бѣгство и дошли до того, что сдались на капитуляцію, я остановилъ военныя дѣйствія и, послѣдуя условіямъ времени, какъ бы привелъ войска въ мирное положеніе. Нынѣ, сполна очистивъ (отъ мятежей) сѣверную и южную части Или, я совершилъ великое дѣло. Относясь съ заботливостью и любовію къ великому правленію, которое оставили (мнѣ) два предшествовавшіе предка, я до мельчайшихъ тонкостей все обдумалъ въ самомъ себѣ. Все ладно, нѣтъ ничего несогласованнаго, все теперь правильно. Скажу о строеніи дѣлъ, прилежащихъ этому городу. То, что посѣвы и пашни здѣсь тучны, вѣроятно, происходитъ оттого что распахали старую землю. То, что городъ какъ будто этажный и дома въ немъ высоки, вѣроятно, происходитъ оттого, что возобновляли старыя стѣны. То, что кумиренное зданіе является очень пра-

вильнымъ, вѣроятно, происходитъ отъ подражанія его стариннымъ формамъ. Какъ посмотрю на построенное по полному подражанію тому, что было воздвигнуто въ минувшей древности, такъ по нему можно, пожалуй, познать и то, что наилучшаго надлежитъ продолжать впослѣдствіи. Если приложить къ этому долгое и внимательное обсужденіе, то мнѣ пришлось быть современникомъ такихъ обстоятельствъ, которыя искони вѣковъ не случаются заурядно. А посему, какимъ же образомъ я безстрашно могъ, относясь пріязненно къ ближайшимъ мѣстностямъ, отторгнуть страны отдаленныя и, будучи, сверхъ исконнаго чрезвычайно внимательнаго отношенія къ своимъ чиновникамъ и народу, еще болѣе внимательнымъ къ нимъ, не заботиться о томъ, чтобы воспользоваться удивительнымъ счастіемъ? Начавъ работы въ послѣдней осенней лунѣ лѣта красной собаки (1766), мы окончили постройку этого монастыря въ 32-мъ году правленія, въ лѣто красноватой свиньи (1767) засимъ мы пожаловали ему похвальную надпись, съ наименованіемъ его «тӳгэмэль амурчжигӯлухчи» (кумирня «всеобщаго успокоенія»), а сверхъ того, составивъ текстъ для обелиска, повелѣли выгравировать его на камнѣ и сочинили нижеслѣдующіе похвальные стихи:

Воздвигнувъ богатый и крѣпкій городъ
Построили (его) въ кобдоской мѣстности;
Всего здѣсь больше тысячи семей,
Всего здѣсь больше десяти тысячъ байшиновъ.

* * *

Собравъ необходимые для работъ матеріалы,
Построили эту кумирню;
Изукрасили драгоцѣнностями и, сдѣлавъ дивомъ,
Красиво раздѣлали въ разные цвѣта.

* * *

Поставивъ, съ усердіемъ, въ рядокъ всякаго рода жертвы,
И всегда уповая на нее (т. е. на кумирню), молимъ добродѣтель;
Разбивъ по канавамъ теченіе многоводной рѣки,
Увлажили почву вокругъ города.

* * *

Весною (здѣсь) распускаются не сѣянные цвѣты,
Осенью собирается прекрасная жатва.
Послѣ счастливо оконченныхъ военныхъ дѣйствій
Всѣ мы радостно должны постараться о земледѣліи.

* * *

Хотя и прежде сего было тоже,
Однако въ этой мѣстности постоянно бывали убійства;
Отселѣ обитатели ея, въ силу покорности наставленіямъ,
Наслаждаются миромъ, навсегда обзаведясь хозяйствомъ

* * *

Такимъ образомъ, отъ ближайшихъ àймаковъ
Вплоть до самой западной границы
Тàйчжи и зайсàнги ихъ
Теперь дѣйствительно весьма размножились

* * *

Если, представляясь (ко двору), они приносятъ моленія,
То отъ подобнаго чествованія благоговѣніе ихъ еще сильнѣе возрастаетъ.
Какъ подумаю я объ этомъ обстоятельно, —
Подобнаго здѣсь (еще никогда) не бывало.

* * *

Если бы не благоговѣніе передъ велѣніями неба,
То какимъ образомъ я дерзнулъ бы безстрашно на такое самовозношеніе?!
Выгравировавъ слова этой похвалы,
Даю знать симъ грядущему человѣчеству.

Составлено богдохāномъ въ 32-мъ году правленія Тэнгрìинъ-тэтхӯхсэ̀на, въ годъ красноватой свиньи, около 15-го числа послѣдняго осенняго мѣсяца, въ счастливый день.

Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ монастырѣ Шарà-сӯмэ̀, какъ мы уже видѣли изъ словъ высочайшаго повелѣнія богдохāна, является одинъ изъ хутӯхтъ сàйнъ-нойновскаго, или цзасактӯ-хāновскаго àймаковъ. Послѣдніе, будучи вызываемы для управленія монастыремъ, всегда пріѣзжаютъ съ родины въ сопровожденіи 15—20 своихъ хувараковъ; кромѣ того, такъ какъ Шарà-сӯмэ̀ построенъ собственно для жителей ӧлӧтскихъ и мингàтскаго хошӯновъ, то эти послѣдніе также точно обязаны высылать своихъ ламъ для совершенія здѣсь хураловъ. Изъ такихъ-то лицъ составляется въ настоящую пору населеніе монастыря. Послѣ дунганскаго погрома, когда Шарà-сӯмэ̀ подвергся сильному разрушенію, хутухты пере-

стали было являться къ управленію этимъ монастыремъ и начали посылать вмѣсто себя незначительныхъ шабро̀новъ, но съ наступленіемъ 1880-хъ гг. прежній порядокъ былъ возстановленъ снова. По правиламъ, хутухты должны пріѣзжать въ монастырь собственно на трехлѣтнюю очередь, но это правило мало соблюдается и въ большинствѣ случаевъ разъ пріѣхавшій хутухту̀ живетъ въ Шара̀-сӯмэ̀ и два, и даже три трехлѣтія. Когда управлявшій монастыремъ хутухту̀ уѣзжаетъ изъ онаго, то кобдо̀скій амба̀нь дѣлаетъ предложеніе шара̀-сӯмэ̀скимъ ла̀мамъ, на совѣтѣ съ о̄лётскими и минга̀тскими правителями, выбрать себѣ, по желанію, одного изъ хутӯхтъ подлежащихъ а̀ймаковъ и представить ему, амба̀ню, протоколъ этого выбора. Получивъ просьбу о назначеніи того или другого кандидата, амба̀нь дѣлаетъ представленіе улясута̀йскому цзя̀нь-цзюню о высылкѣ въ Шара̀-сӯмэ̀ указаннаго хутӯхты, а цзя̀нь-цзюнь уже посылаетъ предписаніе начальнику того или другого сейма выслать потребнаго хутухту̀. Прибывшій хутухту̀ пользуется всегда большимъ уваженіемъ о̄лётовъ и минга̀товъ, а потому у него въ теченіе цѣлаго года не переводятся поклонники изъ этихъ хошӯновъ. Хутухту̀ почитается начальникомъ монастыря и всякаго рода монастырскія распоряженія, или сношенія съ начальствомъ исходятъ отъ его имени. Къ богдохӑну и улясута̀йскому цзя̀нь-цзюню онъ, подобно всѣмъ самостоятельнымъ правителямъ, ежегодно посылаетъ отъ себя подарки, а помимо сего къ улясута̀йскому цзя̀нь-цзюню ѣздитъ даже и на поклонъ. Въ помощь ему по управленію придаются одинъ главный да̀-лама, именуемый здѣсь «чжинкѝни да̀-лама» и одинъ второстепенный, или «дэ̀дъ-да̀-лама»; далѣе при монастырѣ полагается быть по одному нирбѣ, гэбку̀ю, бичэ̄чи и проч. Всѣ эти лица выбираются подлежащими хошӯнами и, съ согласія, хутӯхты, представляются амба̀ню, для утвержденія ихъ пекинскимъ Ли-фань-юанемъ. На содержаніе собственно кумирни и приготовленіе въ ней необходимыхъ жертвъ кобдо̀ское казначейство однажды въ годъ высылаетъ сумму, по расчету, 10 ланъ въ мѣсяцъ, на содержаніе же живущихъ при монастырѣ ламъ отпускается по третямъ 50 кирпичей чая и 50 ху проса. Кромѣ обычныхъ служеній торжественные хура̀лы полагаются здѣсь въ день рожденія богдохӑна и въ новый годъ. Такъ какъ въ эти дни требуется присутствіе при хура̀лахъ о̄лётскихъ и минга̀тскихъ князей, то на угощеніе ихъ кобдо̀ское казначейство выдаетъ ламамъ въ первый праздникъ, по положенію, 11 ланъ, 8 цинъ; а во второй — 17 ланъ, 6 цинъ и 4 фына. Въ новолѣтіе при монастырѣ устроиваются военныя игры, къ производству которыхъ вызывается 8 стрѣлковъ и 8 борцовъ, причемъ хутухтѣ вмѣняется въ обязанность слѣдить, чтобы къ исправленію этой должности борцовъ и стрѣлковъ не являлись ламы. Очередные гэгэ̀ны или ху-

тӯхты, со времени нашествія дунганъ и разоренія монастыря, не живутъ въ Шарà-сӯмэ̀, но въ отдѣльномъ зданіи, на правомъ берегу Буянтӯ-гӧла, саженяхъ въ 150 отъ главнаго монастыря. Зданіе это построено въ началѣ 1874 года компаніей Дā-шэ̀нъ-куй, какъ дача, а потомъ было продано монастырю, пребываніе въ которомъ гэгэ̀ны послѣ дунга̀нскаго погрома стали считать для себя невозможнымъ. Все подворье гэгэ̀на состоитъ изъ трехъ ба̀йшиновъ, въ которыхъ помѣщается самъ гэгэ̀нъ и его хувара̀ки, и особаго зданія — домовой кумирни. Со внѣ и внутри зданія эти теперь не только не отличаются изяществомъ постройки и богатствомъ, но скорѣе поражаютъ своею бѣдностію, такъ что совершенно и не походятъ на жилища хутӯхтъ халха̀скихъ.

Кромѣ главной кумирни, какъ казенныя постройки, существуютъ еще два капища по бокамъ ея; первое изъ нихъ, по правой сторонѣ, посвящено Чӧйчжилю, второе, по лѣвой, посвящено Богдо-Цзонхавѣ. Въ этихъ кумирняхъ совершается вседневное служеніе — чжисā, тогда какъ въ главной ламы читаютъ только въ дни общихъ собраній. Отъ этихъ малыхъ кумирень, по бокамъ большой кумирни и по сѣверной сторонѣ монастыря тянутся каменные же одноэтажные корпусы, назначавшіеся въ былое время для жизни гэгэ̀на и состоящихъ при монастырѣ ламъ. Зданія эти состоятъ изъ отдѣльныхъ квартиръ, съ комнатами въ одинъ, или два цзя̀ня; комнаты, какъ можно судить по остаткамъ, были устроены по всѣмъ правиламъ китайскаго искусства: стѣны украшены были картинами, а карнизъ — изображеніями лѣпныхъ цвѣтовъ и проч. Но мы говорили уже, что ламы перестали здѣсь жить почти черезъ 25 лѣтъ послѣ основанія монастыря. Съ тѣхъ поръ большинство этихъ комнатъ стояло пустыми; постоянно занятыми были только квартиры гэгэ̀на, да-ламъ, и двѣ-три ламскихъ — гэлӯнами, совершавшими служеніе чжисā; что касается прочихъ комнатъ, то онѣ были занимаемы только во время сборища ламъ, а все остальное время бывали пустыми. Въ 1865 году китайцы дѣлали въ этихъ комнаткахъ первый пріемъ русскому чиновнику, командированному въ Кобдӧ для переговоровъ съ амба̀нями относительно открытія въ Кобдӧ русской торговли, а въ 1872 году, въ періодъ нашествія дунганъ, зданія эти были такъ сильно разрушены, что не поправленныя съ тѣхъ поръ, они представляютъ теперь ничто иное, какъ пустые сараи, на стѣнахъ которыхъ по мѣстамъ уцѣлѣли еще рисунки, составлявшіе прежде украшеніе комнатъ.

VII. Отъ Кобдо̀ до Урги.

3-е Сентября. Четвергъ.

Сегодня оставилъ городъ Кобдо̀. Для обратнаго слѣдованія въ Улясута̀й по караванной дорогѣ русскихъ и китайскихъ торговцевъ, мною нанято было 4 верблюда и 2 лошади, съ двумя провожатыми монголами, всего за 60 кирпичей чая. Цѣну эту можно назвать необычайной, такъ какъ обыкновенно монголы берутъ за вьючнаго верблюда, направляемаго изъ Кобдо̀ въ Улясута̀й только отъ $6^1/_2$ до 7 чаевъ; но такъ бываетъ при обычномъ движеніи каравановъ; въ моей же поѣздкѣ все было неурочно. Прежде всего она была несвоевременна: монголы не ѣздятъ на верблюдахъ лѣтомъ; въ эту пору верблюды у нихъ поначалу отдыхаютъ отъ зимней работы, а со второй половины лѣта и въ первый осенній мѣсяцъ «заправляются» и нагуливаютъ себѣ жиръ для предстоящихъ трудовъ. Отправляя верблюдовъ въ настоящее время, монголъ рѣшалъ такимъ образомъ, что эти верблюды «не заправятся» уже у него какъ слѣдуетъ, а потому и бралъ за поѣздку двойную цѣну. Съ другой стороны, въ обыкновенномъ караванѣ два работника полагается не менѣе какъ на 15 верблюдовъ; здѣсь на четыре верблюда приходилось отправлять то же число, потому что одинъ работникъ если и могъ управиться съ четырьмя верблюдами, то не могъ все время одинъ держать караулы ночью. Требованіе двойной цѣны при такихъ условіяхъ весьма понятно.

Въ 12 час. дня, мы, въ сопровожденіи всего общества русскихъ, выѣхали изъ Кобдо̀. Безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ въ жизни взглянулъ я на эту долину, со стоящею посреди ея и кажущеюся невысокимъ холмомъ горою Цзоксо̀-хайрха̀нъ, — на эту долину, красиво окруженную горами съ двумя, особливо широкими падями, изъ которыхъ первая — Билю̄ту, представляетъ собою дорогу въ Россію, а вторая — Шӯтӯ, ведетъ въ кочевья минга̀товъ. Наша дорога направлялась теперь въ сѣверную падь горнаго массива Хотоинъ-улан̄ъ хошӯ, до которой отъ окрайныхъ домовъ города не менѣе 4-хъ верстъ, проходящихъ по каменистой, а ближе къ горамъ дѣлающеюся болотистой почвѣ.

Пологимъ и невысокимъ хўтўл'емъ мы перевалили черезъ Хотоинъ-улан̄ъ хошӯ и спустились въ каменистую долину, окаймляемую далеко на сѣверѣ хребтомъ Хохо̀-ӯла, а въ линіи нашей дороги усѣянную хэрэксўрами. Только внимательный глазъ можетъ услѣдить эти хэрэксўры: время значительно исказило ихъ строеніе и они буквально смѣшались съ камнями, естественно наполняющими долину. За хўтўл'емъ дорога поворачиваетъ къ

востоку и пролегаетъ по сѣверному подножію горъ Хотòйнъ-улāнъ хошӯ, направляясь къ перевалу, именуемому Цзамія̀-дабāномъ. Въ нижней своей части перевалъ этотъ является пологимъ, но чѣмъ выше, тѣмъ дѣлается онъ круче и вскорѣ становится удобнымъ только для вьючныхъ, а колесный путь, чтобы избѣжать этого труднаго подъема, огибаетъ перевалъ съ южной его стороны. Въ 2 ч. 30 м. мы поднялись на вершину Цзамія̀-дабāна, съ котораго намъ открылся обширный видъ. На сѣверѣ, къ предѣламъ Россіи, онъ заслонялся горою Агòйту, у которой существуетъ удобный бродъ черезъ р. Кобдò и находятся развалины города Кобдò, первоначально стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Впереди себя, въ направленіи къ югу, мы увидали гору Ямāтӯ-улāнъ, окаймляющую съ юга падь, по которой проходитъ станціонная кобдòская дорога и мимо которой мы проѣхали 25-го Августа. Внизу, подъ ногами у насъ разстилалась громаднѣйшая равнина, посреди которой синѣло озеро Харà-усӯ, окаймляемое съ востока и юго-востока горами Чжиргалантӯ-хаирхàнъ. Мингàты зовутъ эти горы Ӱндӱръ-хаирхàнъ. Онѣ были теперь покрыты снѣгомъ почти до подножія. Это, конечно, послѣдствіе вчерашняго холода и непогоды.

Спускаясь съ Цзамія̀-дабāна, я слушалъ отъ сопровождавшихъ меня монголовъ разказы о развалинахъ города Кобдò. По словамъ ихъ, въ настоящую пору въ означенныхъ развалинахъ не встрѣчается уже ничего цѣльнаго: какъ дома, такъ и стѣны представляютъ собою лишь груды глины и мусора. Городъ, по разказамъ, былъ по крайней мѣрѣ въ 4 раза больше настоящаго, да помимо того и внѣ стѣнъ его видны еще остатки бàйшиновъ. У монголовъ и китайцевъ существуетъ повѣрье, что развалины эти въ настоящую пору населены духами. Говорятъ, что каждую ночь оттуда слышатся звонъ сторожевыхъ гòнговъ и голоса разговаривающихъ людей. Въ сохранившемся посреди города колодцѣ предполагаютъ зарытымъ кладъ, составляющій остатки прежняго китайскаго казначейства. Болѣе подробно разказываютъ, что городъ былъ оставленъ китайцами вслѣдствіе нападенія ӧлӧтовъ. Когда войска ихъ приблизились къ Кобдò, китайскій амбàнь скрылъ казенное серебро въ колодцѣ и бѣжалъ. Случившееся вслѣдъ за симъ наводненіе разрушило городъ, такъ что, когда возстаніе ӧлӧтовъ утихло и амбàнь, возвратившись назадъ, началъ искать оставленное серебро, то уже не нашелъ его, да и въ самомъ городѣ не осталось камня на камнѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ въ колодцѣ этомъ нашелся одинъ слитокъ серебра въ 50 ланъ (ян-бàо) и китайцы почли это ключемъ къ отысканію остальныхъ сокровищъ. Въ 1878 г. кобдòскій амбàнь, по особому предписанію изъ Пекина, командировалъ своего цзургàна для отысканія серебра, но послѣдній, возвратившись, довелъ до свѣдѣнія подлежащихъ властей, что всѣ

усилія его по выполненію порученія оказались напрасными: онъ тащилъ кладъ при помощи веревокъ и другихъ снарядовъ и не могъ вытащить,— такъ крѣпко охраняется серебро живущимъ въ колодцѣ дракономъ. Въ оффиціальномъ донесеніи его говорилось и о слышанныхъ имъ голосахъ людей, и о звукахъ сторожевыхъ гонговъ; словомъ, оказалось полное и оффиціальное удостовѣреніе относительно всѣхъ легендъ, которыя ходятъ про эти городскія развалины.

По спускѣ съ Цзамія-дабана дорога направляется на востокъ по долинѣ и слѣдуетъ прекрасными ровными колесными колеями. Дорогу эту проложили тарячины, провозящіе въ Кобдо на быкахъ дрова и сѣно, доставляемые ими частію какъ казенный подрядъ, а частію на продажу городскимъ обывателямъ. Долина, по которой мы теперь ѣхали, окаймляется съ сѣвера уже видѣннымъ прежде хребтомъ Хохо-ула; далѣе къ востоку слѣдуютъ красноватыя горы Торхо-уланъ, а прямо на востокъ три красноватыхъ сопки, одинаково именуемыхъ Унигэту-уланъ; правѣе ихъ, далеко-далеко на востокъ синѣется хребетъ Сэрь, сѣверная оконечность Аргалинту. Горы эти, говорятъ, составляютъ собою юго-восточный предѣлъ кочевьевъ Мингатовъ; нѣсколько южнѣе ихъ стоитъ гора Акбашъ, находящаяся уже цѣликомъ въ мингатскихъ кочевьяхъ; а къ югу возвышается сопка Цзурухэ-хаирханъ. Почва долины твердо-песчаная и густо покрыта дресвою; хараганá, кажется, единственная растительность этой мѣстности и тѣмъ страннѣе, конечно, слышать, что это земли тарячиновъ, или хлѣбопашцевъ: ожидаешь встрѣтить поля, а находишь почти дикую, безплодную степь. Въ объясненіе этого надлежитъ замѣтить, что всѣ казенныя землепахатныя земли, состоящія въ кобдоскомъ вѣдомствѣ, раздѣляются нынѣ всего на 10 участковъ (гадзаръ), которые въ свою очередь распадаются на отдѣлы (хуби): каждый участокъ (гадзаръ) обработываетъ 25 человѣкъ (=семей) халхасовъ, а на обработку каждаго отдѣла (хуби) полагается не свыше 5 человѣкъ. На каждый участокъ назначается еще по три китайскихъ солдата зеленаго знамени (ногонъ-тукъ), исполняющихъ обязанности учителей, показывающихъ способы обработки земли и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющихъ мѣстное начальство: старшій изъ нихъ состоитъ въ должности бацзуна, второй — хундуй, третій — бошко. Вскорѣ мы повстрѣчали нѣсколько юртъ, принадлежащихъ частію мингатамъ, а частію олотамъ, прикочевавшимъ сюда только временно. Дѣло въ томъ, что мингаты и олоты отбываютъ на пашняхъ повинность сторожей. На каждую гадзаръ полагается пять мингатскихъ и пять олотскихъ, а всего 10 юртъ, хозяева коихъ, собственно и считающіеся отбывающими службу, обязаны разъѣзжать на лошадяхъ и отгонять птицъ съ пашень. Срокъ этой повинности 45-днев-

ный и на это время командированные означенными хошӯнами люди перекочевываютъ на земли тарячиновъ. Во избѣжаніе потравы пашень скотомъ, эти прибывшіе сторожа всегда кочуютъ въ болѣе или менѣе почтительномъ отдаленіи отъ посѣвовъ. Въ 4 ч. 15 м. мы доѣхали до арыка Буянтӯ-усӯ, проведеннаго изъ р. Буянтӯ. Здѣсь стоятъ бàйшины китайцевъ-солдатъ, служащихъ на пашняхъ. Пространства по обѣимъ берегамъ арыка представляютъ прекрасный уголокъ, покрытый зеленою и сочною травою; но черезъ какую-либо версту или полторы все снова принимаетъ прежній пустынный видъ. Въ 5 ч., добравшись до небольшаго ручья, именуемаго Цзамія-гӧл'омъ, остановились для ночлега. Цзамія-гӧлъ впадаетъ въ озеро Харà-усӯ, вытекаетъ же онъ изъ снѣжныхъ горъ западнаго Алтая. Одни называли мнѣ эти горы Барӯнъ-Алтàй, другіе — Цасутӯ-Хангàй, третьи — Алтàнъ-хангàй. Во всякомъ случаѣ Цзамія-гӧлъ получаетъ свое начало западнѣе Кобдò.

4-е Сентября. Пятница.

5 ч. +2°; 9 ч. +8°; 12 ч. +12°; 3 ч. +11°; 9 ч. +3°.

Выѣхали въ 6 ч. утра и направили свой путь къ востоку, по той же долинѣ, ровной, слегка песчаной и поросшей дэрэсӯномъ и харагапòю. Невдалекѣ отъ дороги два раза повстрѣчались намъ небольшіе, уже заброшенные нынѣ участки когда-то распахиваемой земли; признать ихъ теперь можно было главнымъ образомъ по окружающимъ ихъ, хотя такимъ же малозамѣтнымъ, водооросительнымъ канавамъ. Послѣдній изъ такихъ участковъ мы видѣли въ 6 ч. 50 м.; засимъ, вплоть до р. Кобдò, начались уже земли, никогда неподвергавшіяся обработкѣ, а назначенныя собственно подъ кочевья тарячиновъ. Нынѣ здѣсь пасутся громадные табуны верблюдовъ, принадлежащіе китайскимъ банкирамъ фирмы Да-шэнъ-куй. По разказамъ сопровождавшихъ насъ мингàтовъ, это видѣнное нами пастьбище является, впрочемъ, не единственнымъ у этой фирмы, ибо такіе же табуны ея находятся и въ другихъ мѣстахъ. Для надзора за здѣшними табунами живетъ одинъ повѣренный фирмы китаецъ, храненіе же и уходъ за животными возлагается на мѣстныхъ жителей, въ данномъ слӯчаѣ — на тарячиновъ. Табунъ ввѣряется обществу изъ 5—6 домохозяевъ, каждый изъ которыхъ получаетъ за свой трудъ по 5 чаевъ въ мѣсяцъ. За потерю верблюдовъ общество отвѣчаетъ круговою порукою. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ растительность долины дѣлается если не разнообразнѣе, то обильнѣе, а главное — могучѣе. Хàрагàна представляетъ собою громаднѣйшіе кусты, высотою свыше сажени; дэрэсӯнъ также высокій и сочный. Къ рѣкѣ Кобдò мы подъѣхали ровно въ 9 ч. утра, у мѣста переправы черезъ нее, называемой Гурбӯнъ-салāгійнъ улӯмъ, что значитъ — «бродъ черезъ три про-

токи». Такое названіе усвоено этому мѣсту, конечно, потому, что рѣка течетъ здѣсь тремя руслами. Первая изъ этихъ протокъ имѣетъ ширины отъ 25 до 30 саж., а глубины до 1 арш. 9 вершковъ. При такой глубинѣ потребовалось вынимать изъ телѣги всѣ вещи и вьючить ихъ на верблюда. Мингàты мои, впрочемъ, ликовали и удивлялись тому, что Кобдò такъ мелководна. Вообще переправа черезъ эту рѣку въ бродъ начинается только осенью, а настоящее стояніе воды можно встрѣчать лишь въ глубокую осень. Лѣтомъ черезъ Кобдò переправляются не иначе, какъ на «сàл'ахъ», т. е. на плотахъ. Низкій уровень воды такъ ободрилъ моихъ проводниковъ, что они, перебравшись черезъ первую протоку, не поѣхали даже прямо, чтобы бродить остальныя двѣ протоки, каждую въ отдѣльности, а направились версты на двѣ къ югу, гдѣ вторая и третья протоки соединяются въ одну и образуютъ единое русло, шириною не свыше 35 саж., при наибольшей глубинѣ въ 1 арш. 4 вершка. Птицы на рѣкѣ не было никакой, помимо чаекъ, да четырехъ крохалей; гуси, говорятъ, отлетѣли на пашни, гдѣ находятъ они себѣ изобильный кормъ. На островѣ, образуемомъ помянутыми протоками рѣки Кобдò, мингàты въ изобиліи косятъ сѣно и теперь оно лежало здѣсь сложеннымъ въ копны. Часть этого сѣна возится ими для продажи въ Кобдò, другая же—и гораздо большая часть доставляется въ кобдòскую крѣпость, какъ казенная натуральная повинность, хотя и оплачиваемая правительствомъ. Къ отбыванію этой повинности привлечены собственно мингàты и ӧлӧты, причемъ какъ мингàтскій, такъ и ӧлӧтскій хошӯны обязаны выставлять изъ своей среды по 12 семей, на которые и возлагается спеціально доставка сѣна. Количество доставляемаго этими семьями сѣна неодинаково и различается смотря по разряду получаемаго ими вознагражденія, или жалованья (цалѝнъ) отъ правительства. Высшій окладъ или «йэхэ-цалѝнъ», выдаваемый первымъ шести юртамъ каждаго хошӯна, исчисляется въ размѣрѣ 21 ланы серебра на юрту; получающіе его обязаны доставить въ годъ 80,000 гиновъ сѣна, т. е. около 3,000 нашихъ пудовъ; низшій окладъ или «багà-цалѝнъ» выдается также шести юртамъ и равняется 12 ланамъ серебра въ годъ; за такой цалѝнъ юрта обязуется доставить 50,000 гѝновъ, т. е. около 1,800 пудовъ сѣна. Само собою разумѣется, что доставить такое количество сѣна никогда не бываетъ подъ силу одной и особливо монгольской семьѣ, оттого для отбыванія разсматриваемой повинности хошӯны всегда назначаютъ на каждый цалѝнъ по три, четыре и даже пяти юртъ. Сѣно это идетъ на кормъ тӯмэтскихъ лошадей, приводимыхъ въ городъ къ отправленію на нихъ казенной и почтовой службы; само собою разумѣется, что этимъ же провіантомъ пропитывается и собственный скотъ мѣстнаго чиновничества. Въ обычной,

частной продажѣ болѣе обыкновенная цѣна сѣна въ Кобдò является въ размѣрѣ одного чая за верблюжій вьюкъ, вѣсомъ въ 400 гинòвъ, и по такому разсчету китайскому правительству за 80,000 гиновъ пришлось бы платить вмѣсто 21 ланы по крайней мѣрѣ 160 ланъ серебра.

Переправа черезъ Кобдò, совершенная все же не безъ значительнаго труда, заняла у насъ болѣе двухъ часовъ времени и только въ 11 ч. 15 м. мы двинулись далѣе въ направленіи къ СВ, по кочевьямъ мингàтскимъ, такъ какъ къ востоку отъ рѣки Кобдò идутъ уже не земли тарячиновъ, а хошӯнъ Мингàтовъ. Долина сохраняетъ тотъ же характеръ твердопесчаной равнины, покрытой дэрэсӯномъ и хараганòю, хотя отсюда къ нимъ мало-по-малу прибавляется еще и новое растеніе — шабàкъ (Atremisia sacrorum). Мѣста эти носятъ общее названіе Цагàнъ-булӯнъ; при нашемъ проѣздѣ они были совершенно безлюдны, несмотря на то, что возраставшее съ каждою верстою обиліе шабàка и мѣстами встрѣчающіеся солончаки свидѣтельствовали, что они могутъ быть превосходнѣйшими пастьбищами для верблюдовъ. Въ 3 ч. 15 м. мы начали подниматься на невысокій хӯтӯль — Харà-богочи, составляющій собственно сѣдловину горъ Ӯнигэтӯулāнъ, чтобы перевалить черезъ эти горы. Подъемъ оказался пологимъ и мягкимъ. Здѣсь повстрѣчали мы массу змѣй: на разстояніи какой-либо версты попалось ихъ болѣе десятка. Поднявшись на Харà-богочи, мы увидали передъ собою котловину, почти цѣликомъ занятую водами озера Харà-усӯ. Къ сѣверу котловина эта ограничивалась оголенными и скалистыми горами Чигэтӯ, къ востоку же и юго-востоку тянулась возвышенность Сэ̄рь, являющаяся сѣверною оконечностью горъ Аргалинтӯ.

Спустившись съ хӯтӯля, мы продолжали свой путь на СВ по самому берегу озера. Берега эти солонцеваты и въ изобиліи поросли камышемъ, въ которомъ кроется много всякой дичи, а особливо лебедей, гусей и утокъ. Бѣлыя цапли также во множествѣ гуляли по берегу. Остановились на ночлегъ въ урочищѣ Харà-усунàй тòйримъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, продолжая слѣдовать по берегу озера, измѣняетъ свое сѣверо-восточное направленіе на прямое восточное. Вода здѣсь въ озерѣ совершенно прѣсная въ противуположность тому, что повстрѣчали мы на ЮЗ углу озера, 25-го Августа. Я разговорился съ кочующими здѣсь мингàтами о томъ странномъ явленіи, по которому вода въ сѣверномъ концѣ озера является прѣсною, а въ южномъ—соленою; они объясняютъ его тѣмъ, что на сѣверѣ въ озеро впадаютъ р.р. Буянтӯ и Кобдò, прѣсныя воды которыхъ якобы растворяютъ озерную; но едва ли такое толкованіе вѣрно. По разказамъ ихъ, озеро Харà-усӯ значительно высыхаетъ и въ настоящее время на южномъ концѣ его образовалось уже нѣсколько мелкихъ небольшихъ озеръ.

Весьма вѣроятно, что именно на этихъ-то отмеляхъ вода, насыщаясь прибрежною солью и дѣлается соленою; сохраняя свой основной прѣсный вкусъ посединѣ озера и у остальныхъ болѣе глубокихъ береговъ его. Здѣшніе мингаты по отбыванію повинностей принадлежатъ къ числу 50-ти ӧркӧ, обязанныхъ доставкою въ кобдоскую крѣпость дровъ. Какъ и для поставки сѣна, на доставку дровъ правительство отпускаетъ 12 цалиновъ высшаго оклада и 12 цалиновъ низшаго оклада, которые раздѣляются поровну между хошунами ӧлётскимъ и мингатскимъ. Получающіе высшій цалинъ, въ 35 ланъ годовыхъ, должны поставлять въ мѣсяцъ 20 вьючныхъ верблюдовъ съ древесными полѣньями; а получающіе низшій цалинъ, въ 25 ланъ, — 15 такихъ же вьюковъ. Вѣсъ каждаго вьюка 320 гиндовъ. Въ теченіе 6 осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ вмѣсто дровъ должны быть доставляемы въ томъ же количествѣ угли. Помимо этого удовлетворенія казенныхъ потребностей, тѣ же 50 юртъ мингатовъ, доставляютъ еще топливо и въ мингатскій хурэнь. Послѣдній располагается прямо на сѣверѣ отсюда, на р. Сундулй. Въ немъ построены теперь двѣ высокія кумирни, тибетской архитектуры, изъ сырцеваго кирпича. Ламы, живущіе въ этомъ монастырѣ, обосновались какъ въ байшинахъ, такъ и въ юртахъ. Общее число ламъ мингатскаго хурэня нѣсколько выше 100, байшиновъ же въ монастырѣ около 25. Такъ какъ монастырь этотъ находится на границѣ мингатскаго и дурбэтскаго хошуновъ, то дурбэтскіе ламы весьма часто посѣщаютъ его для совершенія хураловъ.

5-е Сентября. Суббота.

5 ч. +1°; 9 ч. +8°; 12 ч. +13°; 3 ч. +18°; 6 ч. +8°; 9 ч. +1°.

Урочище Хара-усунай тойримъ составляетъ границу мингатскихъ кочевьевъ и къ востоку отъ него идутъ уже земли дурбэтскаго вана. Мы оставили мѣсто своей стоянки въ 7 ч. 30 м. и двинулись далѣе, чтобы огибать озеро Хара-усу въ восточномъ направленіи. Почва береговъ постоянно смѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразится и ея небогатая растительность: въ мѣстахъ глинистыхъ растетъ по преимуществу хармыкъ; на пространствахъ твердопесчаныхъ и усѣянныхъ галькою еще особое растеніе — «тӧсхӧ». Въ 9 ч. 50 м. мы поднялись на увалъ Табунътологой и отсюда, оставивъ за собою озеро Хара-усу, слѣдовали по возвышенной долинѣ — Цӧхоръ-нурыйнъ бэль, получающей свое имя отъ множества маленькихъ озеръ, на которыя разбивается въ этомъ мѣстѣ Харауса у своихъ сѣверныхъ береговъ. Долина Цӧхоръ-нурыйнъ тала на всемъ своемъ протяженіи песчана, покрыта мельчайшей галькой и лишена всякой растительности. Глазу рѣшительно не на чемъ остановиться и вниманіе его привлекаетъ сначала стоящая къ сѣверу, въ сторонѣ, красная гора Ургату-

улā̀нъ, а потомъ пересѣкающія дорогу низенькія горы Хӯрэ̀нъ-тологò̀й, до которыхъ мы достигли и на которыя начали подниматься ровно въ 1 часъ дня. Въ общемъ Хӯрэ̀нъ-тологò̀й представляетъ собою цѣлую группу холмовъ, безпорядочно поднимающихся на плоской возвышенности, усѣянной, какъ-будто раскиданнымъ углемъ, мелкими черными камнями. Растительности здѣсь нѣтъ почти никакой, кромѣ хараганы̀ и дэрэсӯна; тѣмъ не менѣе на западной окраинѣ холмовъ имѣется колодецъ, называемый Дамба̀йнъ-худӯ̀къ, у котораго ютятся двѣ жалкія юрты дӯрбэ̀товъ хошӯна ва̀на. Лавируя между холмами Хӯрэ̀нъ-тологò̀я, мы выбрались въ 2 ч. 15 м. въ небольшую продолговатую лощину, изъ которой начинается подъемъ на горы Сэ̄рь. Подъемъ пологій и вполнѣ удобный для колесной ѣзды. Съ вершины перевала черезъ эти горы намъ открылась, въ направленіи къ сѣверу и востоку, громадная равнина, ограничиваемая синѣющимся на далекомъ сѣверо-востокѣ хребтомъ Токтохò̀-нурӯ. Послѣдній находился отъ насъ приблизительно верстахъ во 100. По долинѣ этой были разбросаны отдѣльныя горы различной величины. Ближайшая къ намъ, съ высоко вздымающимся каменистымъ гребнемъ краснаго цвѣта, называлась Аранчжӯръ-ӯла. Недоѣзжая до нея версты три, мы повернули нѣсколько къ ЮВ, почему Аранчжӯръ-ӯла осталась у насъ влѣво, дорога же пошла между отрогами ея съ одной стороны и возвышенностями Сэ̄рь—съ другой, какъ бы въ ущелье. Въ 4 ч. 40 м. мы достигли колодца Хошхоры̀йнъ-худӯ̀къ, у котораго стояли двѣ юрты дӯрбэ̀товъ и бродила масса скота; но какъ колодецъ этотъ находился въ сторонѣ отъ дороги версты на двѣ, вода же въ немъ, по словамъ мѣстныхъ дӯрбэ̀товъ, была очень плохая, то мы не остановились у него, а продолжали спускаться ниже по тому же ущелью, почва котораго вскорѣ измѣнилась въ сыпуче-песчаную. Въ 5 ч. 35 м. стали для ночлега у колодца Аранчжӯръ худӯ̀къ.

Здѣсь не успѣли мы еще и развьючить своихъ верблюдовъ, какъ къ намъ явилось двое ребятишекъ, которые принесли съ собою аргà̀лу и вмѣстѣ съ тѣмъ просили у насъ милостыню; минутъ десять спустя подошла ихъ мать, а засимъ и отецъ. Голытьба это была страшная. Разговорившись съ отцомъ, я узналъ, что онъ состоитъ въ довольно важной должности цзала̀на, завѣдывающаго солдатами, командированными для обработки казенныхъ кобдò̀скихъ пашень; теперь же онъ кочевалъ одинокою юртою въ глухомъ ущельи Аранчжӯрыйнъ-худӯ̀ка, спасаясь отъ своихъ кредиторовъ. Переданная имъ мнѣ скорбная, но довольно обычная для монголовъ исторія его состояла въ слѣдующемъ. Цзà̀ланъ Цзамы̀нъ-чжалцà̀нъ числился на службѣ при кобдò̀скихъ пашняхъ уже въ третьемъ поколѣніи. Отецъ его, цзала̀нъ Дэльгэ̀ръ, весною 4-го года Бадарагӯлжу-тӯрӯ̆ (1878)

заболѣлъ, сначала, повидимому, катарромъ желудка, а потомъ ракомъ въ желудкѣ. До времени этой болѣзни онъ жилъ порядочно, имѣлъ десятка полтора лошадей и головъ тридцать рогатаго скота; были также и овцы, и козы. Какъ управлявшій солдатами цзалàнъ, онъ состоялъ на хорошемъ счету и это, вмѣстѣ съ помянутымъ достаткомъ, давало ему возможность не только нести свою службу, но еще отправлять за двѣ юрты обязанности пахаря-солдата, получая за это ацòка отъ 400, до 450 ланъ въ годъ. Съ постигшею его болѣзнью все измѣнилось: онъ пролечивалъ въ теченіе двухъ лѣтъ не только все получаемое жалованье, но засимъ пролечилъ и скотъ и бòльшую часть имущества. Сынъ не зналъ истиннаго положенія дѣлъ отца и послѣдній только передъ смертью сказалъ ему, что у него имѣются порядочные долги своимъ сослуживцамъ, пашеннымъ солдатамъ зеленаго знамени и солòнамъ, а равно и постороннимъ китайцамъ и монголамъ, при чемъ долги эти были сдѣланы имъ какъ на казенныя, такъ и на собственныя потребности. Лишь только Дэльгэръ умеръ, кобдòскій амбàнь, по обычаю, назначилъ сына его, Цзамьянъ-чжалцàна, на должность цзалàна и вмѣстѣ съ симъ къ послѣднему приступили кредиторы его отца, требуя возврата долговъ. Главные кредиторы, говорилъ онъ, были два китайскихъ пашенныхъ солдата, Лāо-са и Дабаўръ, да помимо того человѣкъ до 30 другихъ монголовъ. Долги оказались страшные: всего не менѣе 2500 ланъ, и каждый изъ кредитовъ хотѣлъ получить все сразу, грозя довести дѣло до суда. «Много стоило мнѣ выпросить у нихъ отсрочку; весь маленькій достатокъ, который былъ у меня въ рукахъ, наконецъ все возможное изъ имущества, все было продано и отдано кредиторамъ. Продолжая ежегодно получать жалованье и провіантъ по своей должности, получая вспомоществованіе отъ хошўна скотомъ, я все это отдавалъ кредиторамъ въ теченіе десяти лѣтъ и наконецъ просто выбился изъ силъ. Какъ на бѣду—несчастные годы въ Халхѣ, общіе неурожаи и падежи привели къ тому, что намъ перестали высылать и жалованье: остались у меня одна только лошадь, да одна корова съ теленкомъ; со всѣхъ сторонъ долги, жалованья не выдаютъ, семьи — пять душъ, со всѣхъ сторонъ стѣсненіе. При такихъ обстоятельствахъ я изложилъ все подробно и просилъ амбàня указать мнѣ способъ выйти изъ этого крайняго положенія, но на просьбу эту не послѣдовало даже никакого отвѣта. А у меня между тѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни семью пропитать нечемъ. Кредиторы приступаютъ, я же не только платить долговъ, а и прокормить ребятъ не въ состояніи. Пождалъ я отвѣта отъ амбàня цѣлыхъ два года и, наконецъ, просилъ своего цзангѝна извѣстить монгольскій чжисāнъ о своемъ крайнемъ положеніи, а самъ скрылся вотъ сюда, чтобы хоть на мѣсяцъ, или на два не видать кредиторовъ.

«Сколько же у тебя теперь долговъ?» спросилъ я.

«Да вотъ, если хотите, я принесу списокъ, представленный въ чжисанъ». Съ этими словами онъ ушелъ и принесъ мнѣ копію, изъ которой я сдѣлалъ для себя нижеслѣдующую выписку въ точномъ переводѣ.

«Всего осталось нынѣ долговъ:

Солдатамъ зеленаго знамени:

	Ланы.	Цины.	Фыны.
1) Лаб-сэ — 209½ концев. товара[1]), по цѣнѣ 1 л. 3 ц. за конецъ	273	3	5
2) Да-ба-ýру — 207 » » » » » » » »	269	1	—
3) Цзокомбì'ю — 203 » » » » » » » »	263	9	—
4) Аюши — 85 » » » » » » » »	110	5	—
5) Гувэр'у — 15 » » » » » » » »	19	5	—
6) Вэй-куй'ю — 31 » » » » » » » »	40	3	—
7) Шан'ю — денежнаго долга всего	27	1	—
8) Цзаля̄'ю — 107 концевъ товара, по цѣнѣ 1 ланъ 3 цина за конецъ	139	1	—
9) Таргýн'у — денежнаго долга всего	37	1	—
10) Вэпъ-ши'ю » » »	14	4	—
11) Чжунъ-цза'ю » » »	54	1	2
12) Дэпъ-гуй'ю — 98 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ. и сверхъ сего одна лошадь.	128	—	5
13) Янъ-шэнъ'у — 21 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.	27	3	—

Солдатамъ изъ Солòновъ:

14) Сàйшингэ — 103 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.	133	9	—
15) Китайской фирмѣ Чагантàй — денежнаго долга.	88	6	2
16) Въ лавку китайца, именуемаго Харà-дэбэль — 8½ концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ	11	5	—
17) » » » Баяртý — 31 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ	47	3	—
18) » » » Унугà — денежнаго долга.	12	2	2
19) » » » Цзаля̀ту — 8½ концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ	11	5	—
20) » » » Тунъ-цзя̀ — денежнаго долга.	29	—	—
21) » » » Далай — 26 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ	33	8	—

1) Концемъ зовутъ монголы отрѣзъ на халатъ, а товаромъ — дàлянбу.

Монголо-халхасамъ тӯшӗтӯ хāновскаго àймака:

	Ланы.	Цины.	Фыны.
22) Солдату, ламѣ Тогочи изъ хошӯна Да-цинь-вана—12½ концевъ товара, по цѣнѣ 1 ланъ за концъ, всего на.	12	5	—

Мэргэнъ-вàновскаго хошӯна:

23) Солдату Дакбà — денежнаго долга	10	5	—
24) » Чжимбà » »	31	3	—
25) Мингàтскаго хошӯна солдату Цэрэ̀ну — денежнаго долга сверхъ сего одинъ кладеный верблюдъ.	15	5	—
26) Ӧлӧтскаго хошӯна солдату Далдà — денежнаго долга . . сверхъ сего одна лошадь.	13	—	—

Итого долговъ на сумму 1587 ланъ, 7 цинъ, 6 фыновъ серебра, 2 лошади и одинъ кладеный верблюдъ».

6-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. +1°; 9 ч. +12°; 12 ч. +14°; 6 ч. +9°; 9 ч. +5°.

Двинулись въ 7 ч. 20 м. и первоначально продолжали путь по тому же ущелью, Аранчжӯрыйнъ-хӯндэ̀й. Оно спускается въ долину, видѣнную нами вчера съ вершины Сэ̄рь, прямо противъ озера Дзэ̄рэнъ-нӯръ, названнаго такъ старинными монголами по обилію находящихся здѣсь дзэ̄рэновъ. Какъ бы въ подтвержденіе этой характеристичной особенности данной мѣстности, мы также повстрѣчали здѣсь дзэ̄рэновъ: одинъ разъ стадо головъ въ 15, а другой — пару отдѣльно пасшихся животныхъ. Нынѣшніе монголы почти не зовутъ этого озера Дзэ̄рэнъ-нӯромъ: переиначивая все на буддійскій ладъ, они начали приносить ему жертвы и прозвали его Сангìинъ-далà̀й, т. е. моремъ священныхъ жертвъ, хотя это «море» тянется не больше, какъ на пространство 3-хъ верстъ въ длину. Населенія близъ этого озера мы не встрѣтили ровно никакого, да—по словамъ монголовъ—его и не бываетъ никогда на западной сторонѣ Дзэ̄рэнъ-нӯра, за безплодіемъ здѣшней почвы; только на сѣверѣ виденъ былъ намъ дымокъ какъ будто нѣсколькихъ юртъ. Подъѣхавъ верхомъ на лошади ближе къ озеру, я нашелъ на берегу его пласты чистой самосадочной соли, а изъ дальнѣйшихъ распросовъ узналъ, что соль Дзэ̄рэнъ-нӯра почитается самою лучшею изъ всѣхъ соляныхъ озеръ этого края, а потому за нею пріѣзжаютъ не только дӯрбэ̀ты и монголы близъ лежащихъ хошӯновъ, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, такъ что дзэ̄рэнъ-нӯрская соль доходитъ даже до русской границы: наше населеніе по карауламъ и въ Кошъ-агачѣ употребляетъ также эту соль. Разработка ея производится безъ всякой системы и порядка и, кажется, совершенно свободно: каждый пріѣзжаетъ и беретъ по

нуждѣ. Правда, въ виду принадлежности Дзэ̄рэнъ нӯра хошӯну дӯрбэ̀тскаго вàна, мѣстное хошӯнное управленіе содержитъ даже своихъ цакдā, или сторожей, при озерѣ (ихъ-то юрты, вѣроятно, и были видны намъ на сѣверной сторонѣ озера); но эти сторожа отправляютъ свою обязанность совершенно формально: они даже не живутъ на мѣстѣ добыванія соли, а по крайней мѣрѣ верстахъ въ 4-хъ отъ него. Мои возчики разказывали мнѣ, впрочемъ, что каждый пріѣзжающій за солью обыкновенно отдаетъ за телѣгу, или за верблюжій вьюкъ сторожамъ по одной бараньей шкурѣ; но плата эта не идетъ въ хошӯнъ, а является въ видѣ взятки сторожамъ. Почва долины Дзэ̄рэнъ-нӯра песчано-дресвянистая, съ растительностью чрезвычайно бѣдною даже у береговъ озера; далѣе отъ нихъ окрестность дѣлается почти совершенно безплодной. Въ общемъ долина поката на сѣверъ. Къ востоку, какъ путеводная звѣзда, стоитъ передъ нами одинокая и высокая гора Зоксò-хаирхàнъ. На югѣ долина ограничивается хребтомъ Аргалинтӯ, съ котораго, вѣроятно, скатывается весною много воды, ибо потоки ея образовали на нашемъ пути довольно глубокія и широкія русла. Мѣстами эти стоки воды останавливаются въ неглубокихъ котловинахъ и не далѣе какъ мѣсяца три тому назадъ, словомъ до половины Іюня, здѣсь можно было видѣть много глубокихъ лужъ доходящихъ до полутора верстъ и болѣе въ окружности; въ настоящую пору здѣсь не осталость и слѣда влаги, на мѣстѣ же бывшихъ лужъ красуется ровная «шāла», глянцевитая, и такая твердая, что ни копыто лошади, ни колесо телѣги не оставляютъ на ней слѣда. Въ 11 ч. 55 м., отъѣхавъ уже верстъ 12 отъ береговъ Дзэ̄рэнъ-нӯра, мы спустились въ большую котловину, именуемую Тугѝ и протягивающуюся съ юга на сѣверъ. Она окаймляется утесами изъ сѣрой глины, имѣющими самыя причудливыя формы: издали они кажутся то зубчатыми стѣнами крѣпости, то поднимающимися конусомъ монгольскими юртами. Посреди этой долины и въ одной верстѣ къ сѣверу отъ дороги находится небольшое озерко Тугѝ, близъ котораго видны были кочующими три дӯрбэ̀тскія юрты. Мѣстность вокругъ этого озерка обильно поросла дэрэсӯномъ, помимо котораго здѣсь встрѣчаются и кормовыя травы—кипецъ и красная полынь, но это не надолго и вскорѣ опять все принимаетъ жалкій видъ безплодной пустыни. По такой-то мѣстности мы, въ 1 ч. 40 м. дня, достигли берега р. Цзабхàна, въ урочищѣ Дӯрбэдыйнъ-обō.

Рѣка Цзабхàнъ течетъ здѣсь двумя протоками, отстоящими одна отъ другой на разстояніи версты и имѣющими ширины — восточная до 20, а западная до 25, или даже до 30 саж. Переправу черезъ Цзабхàнъ мѣстные монголы считаютъ очень трудною, такъ какъ дно рѣки вязко и по нему масса зыбкихъ трясинъ, въ которыхъ вязнутъ животныя. Монголы, а съ

ихъ словъ и всѣ русскіе, вѣрятъ и говорятъ, будто Цзабха̀нъ имѣетъ два теченія, одно подземное, а другое наружное. Если животное, переправляясь черезъ рѣку, увязнетъ, то его всасываетъ въ дно наружнаго теченія, если же прососетъ это дно, то животное разомъ юркнетъ подъ воду и утонетъ почти мгновенно. Несомнѣнно, что такое наблюденіе надъ погибелью животныхъ основывается на опытѣ, хотя я и не знаю — основательно ли его объясненіе; достовѣрно для меня лишь одно, что воды рѣки Цзабха̀на ежедневно измѣняютъ теченіе въ предѣлахъ широкаго рѣчнаго русла: протекая сегодня по одной ложбинѣ, онѣ завтра текутъ по другой. Мнѣ кажется, что это происходитъ оттого, что, при быстротѣ теченія, рѣка несетъ съ собою массу песку и ила, которые, скопляясь въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, наконецъ запруживаютъ воду и обращаютъ ея теченіе въ другое ложе. Переѣзжать черезъ рѣку вбродъ удобнѣе всего въ мѣстахъ этихъ песчаныхъ наносовъ, почему и броды рѣки Цзабха̀на смѣняются ежедневно: тамъ, гдѣ переѣзжали сегодня, нельзя переѣзжать завтра. Мѣстные дӯрбэ̀ты и сартӯлы прекрасно изучили особенности русла и теченія рѣки и заранѣе могутъ указать, по какой ложбинѣ рѣка потечетъ завтра; по этой-то причинѣ переправляющіеся черезъ рѣку монгольскіе караваны всегда берутъ ихъ для показанія брода. Мы также пригласили для себя такого проводника, уплативъ ему 1 арш. голубаго плиса (45 коп. сер.), при чемъ, переѣзжая черезъ рѣку, сартӯлецъ этотъ указалъ мнѣ по какой ложбинѣ завтра потечетъ рѣка.

Подъѣхавъ къ рѣкѣ въ 1 ч. 40 м., мы переправились черезъ нее только къ 6 часамъ вечера. Проводники мои сказали мнѣ прежде всего, что передъ переправой нужно дать отдыхъ верблюдамъ; за этимъ отдыхомъ мы простояли почти до 4-хъ часовъ вечера̀. Затѣмъ пошли отыскивать и пробовать броды на первой протокѣ, по переправѣ черезъ которую началась та же исторія относительно второго, главнаго русла рѣки. Перебравшись на правый берегъ Цзабха̀на, мы остановились здѣсь на ночлегъ въ урочищѣ Хармыктӯ, нѣсколько юго-западнѣе Зоксо̀-хаирха̀на. Ниже отсюда, по теченію рѣки, китайская компанія Да-шэнъ-куй имѣетъ свою заимку для проживанія пастуховъ, выпасываемыхъ ею по Цзабха̀ну табуновъ лошадей и верблюдовъ. Заимка эта служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ пунктомъ продаваемыхъ компаніею по окрестностямъ товаровъ.

Рѣка Цзабха̀нъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ почитается важнымъ пограничнымъ пунктомъ: на лѣвомъ берегу ея лежатъ земли хошӯна дӯрбэ̀тскаго-ва̀на, высшее управленіе коихъ сосредоточено въ Кобдо̀, а на правомъ берегу — хошӯнъ Сартӯловъ, управляемый уже улясута̀йскимъ цзя̀ньцзюнемъ и амба̀нями; тамъ — поколѣнія чжунгаровъ, здѣсь Халха. Въ

старину по Цзабха̀ну, говорятъ, стояли даже караулы, отдѣлявшіе одну область отъ другой, но нынѣ онѣ уже сняты, хотя мѣстные монголы и не могли сказать мнѣ, когда именно произошло это уничтоженіе.

7-е Сентября. Понедѣльникъ.

5 ч. +2°; 9 ч. +11°; 12 ч. +16°; 6 ч. +13°; 9 ч. +8°.

Поутру я направился къ рѣкѣ провѣрить вчерашнее пророчество сартӯльца и оно оказалось совершенно справедливымъ: рѣка текла уже по указанному имъ новому ложу, хотя сравнительно еще небольшой протокой.

Мѣсто своей стоянки мы оставили въ 7 ч. 40 м. и направились на ВЮВ. Степь близъ береговъ рѣки представляетъ солончакъ, бѣлое полотно котораго покрыто мелкими лепестками красной бударганы̀. Это придаетъ ей чрезвычайно своеобразный видъ и, при яркомъ освѣщеніи солнца, кажется, будто здѣсь раскинута превосходнѣйшая парча съ серебрянымъ фономъ, затканнымъ травчатыми цвѣтами. Черезъ полчаса ѣзды явленіе это осталось уже позади насъ и дорога снова пошла по твердопесчаному грунту, усѣянному дресвою и мелкими камнями. Такою однообразною степью мы ѣхали до 9 ч. 55 м., когда спустились въ глубокую, песчаную котловину, пересѣкаемую двумя увалами и тянущуюся вплоть до горъ Ӱнигэтӯ. Мѣста эти положительно необитаемы, такъ какъ вся степь отъ Цзабха̀на до Кӯнгӯя безводна, и тѣмъ не менѣе въ означенной котловинѣ мы встрѣтили табуны лошадей и верблюдовъ. Это такъ называемый «ильдэ̀нъ-ма̀лъ», т. е. скотъ, выгнанный на степь: онъ пасется вдали отъ хозяйскихъ жилищъ, безъ всякаго присмотра; дня черезъ три въ четвертый онъ самъ направляется къ той или другой рѣкѣ для водопоя и засимъ снова уходитъ въ эти привычныя для него, безводныя мѣста. Такъ не прихотливъ монгольскій скотъ и мало нужно ему влаги для утоленія жажды.

Ровно въ 1 ч. дня добрались мы до горъ Ӱнигэтӯ, съ вершины которыхъ вдали на сѣверъ видно большое озеро Киргѝзъ-нӯръ, а на СЗ въ туманной дали виднѣлись высокія снѣжныя горы, которыя мои проводники называли мнѣ Убса̀-нӯрыйнъ-хара-хира̀. Внизу, прямо на востокъ, въ широкой долинѣ извивалась рѣка Кӯнгӯй. Относительно горъ Убса̀-нӯрыйнъ-хара-хира̀ проводники мои разказали мнѣ, что это самый богатый путӯкъ въ окрестной мѣстности и особливо славна здѣсь долина Чиндаманѝ, получившая свое названіе отъ горы того же имени, при которой стоитъ хӯрэ̄ дӯрбэтскаго-ва̀на. Долина эта сплошь изрѣзана потоками воды и канавами, служащими бассейномъ воды для орошенія пашень. Вода во всѣ эти арыки проведена изъ рѣки Хара-хира̀. Послѣдняя течетъ у горы Чиндаманѝ, покрытой березовымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, среди котораго часть, соб-

ственно на СВ сторонѣ горы, составляетъ заповѣдныя рощи монастыря дўрбэтскаго вàна. Мѣстности, прилежащія самому руслу рѣки, каменисты, но окрестности поразительны своимъ плодородіемъ. Всѣ тамошніе дўрбэты занимаются земледѣліемъ. Хўрѣ-вàна составляетъ обширный поселокъ, слагающійся изъ 4 частей: а) монастыря, б) вановскаго дворца съ принадлежащими къ нему угодьями, в) военной крѣпости и г) жилищъ китайцевъ. Послѣдніе занимаются главнымъ образомъ торговлею и разбогатѣли сравнительно въ недавнее время. Явившись сначала плотниками для постройки кумирень, они потомъ остались здѣсь на житье и начали пахать пашни. Теперь у нихъ имѣются большіе бàйшины, три конныхъ мельницы (американской системы), 4 склада для муки и зерна. Сами они посѣвомъ хлѣба теперь уже не занимаются, но торгуютъ чаемъ и бумажными матеріями, задавая эти товары дўрбэтамъ въ долгъ, съ обязательствомъ уплаты этого долга хлѣбомъ, — такова ихъ мѣстная торговля; доставленный дўрбэтами хлѣбъ они продаютъ монголамъ окрестныхъ хошўновъ—и это ихъ внѣшняя торговля, дающая имъ громадные барыши. Съ мѣста перевала дорога наша повернула на ЮВ и, не спускаясь сполна въ долину Кўнгўя, потянулась по возвышенности, образуемой сѣвернымъ скатомъ горъ Ўнигэтў. Такъ ѣхали мы по ровной хрящеватой дорогѣ до 4-хъ часовъ вечера, когда, отъ повстрѣчавшагося намъ небольшаго соленаго озерка, повернули ближе къ рѣкѣ и, по мѣрѣ этого приближенія, почва дѣлалась все болѣе и болѣе песчаной. Подъѣхавъ въ 5 ч. 10 м. къ берегу Кўнгўя, мы остановились здѣсь для ночлега. Кормъ для животныхъ былъ незавидный. Русло Кўнгўя имѣетъ здѣсь ширины до 20 саж.; оно чрезвычайно илисто и вода въ рѣкѣ крайне мутная.

8-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. +3°; 9 ч. +17°; 12 ч. +19°; 6 ч. +16°; 9 ч. +10°.

Съ утра дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ. Мы двинулись въ путь въ 7 ч. 45 м. и тотчасъ же переѣхали на правый берегъ рѣки, при общей глубинѣ брода не свыше полуаршина, а засимъ направились вверхъ по теченію Кўнгўя. Берега песчаны и растительности, помимо хараганы, на нихъ никакой не замѣчается. Дорога тяжела для проѣзда вслѣдствіе обилія песковъ. Въ 10 ч. 35 м. оба берега рѣки стали возвышенны, такъ что рѣка течетъ въ глубокой ложбинѣ, но такое измѣненіе береговъ въ отношеніи къ рѣкѣ не измѣнило характера ихъ почвы и дорога продолжаетъ быть такою же песчаною. Въ 11 ч. вдругъ среди этихъ песковъ показался какъ бы оазисъ желтыхъ кормовыхъ травъ, располагающійся верстахъ въ двухъ отъ берега. Къ этому оазису направляется и дорога, огибая въ этомъ мѣстѣ вдающійся въ рѣку мысъ Борò-ўцзўръ. Верблюды наши, разгорѣв-

шіеся отъ ходьбы по пескамъ, начали падать на колѣна и засимъ ложиться, причемъ никакіе побои и понуканія недостигали цѣли — поднять ихъ снова на ноги. Мы должны были поэтому, спустившись съ Борò-ӯцзӯра и переправившись снова на лѣвый берегъ рѣки, дать отдыхъ животнымъ, простоявъ здѣсь съ 12 ч. дня до 4-хъ вечера. Пустившись засимъ въ путь по лѣвому берегу, мы нашли его такимъ же песчанымъ и безплоднымъ, какъ и правый. Въ 5 ч. миновали урочище Шабàкъ, въ которомъ нашли двѣ юрты кочующихъ бѣдняковъ. Это были первыя юрты, которыя мы повстрѣчали въ два дня ѣзды отъ береговъ Цзабхàна. Урочище Шабактӯ-обō весьма красиво. Высокіе берега рѣки почти отвѣсно возвышаются здѣсь надъ ея русломъ, такъ что рѣка течетъ какъ бы въ ущельи, а далѣе она вступаетъ въ широкую долину, огражденную опять-таки отвѣсными скалами. Дорога, впрочемъ, не спускается въ эту долину, а отдаляется отъ рѣки, слѣдуя по ея высокому берегу. Продолжая путь въ этомъ направленіи, мы скоро обмеркли и, за темнотою, остановились для ночлега въ 7 ч. вечера.

9-е Сентября. Среда.

5 ч. +10½°; 9 ч. +13°; 12 ч. +15°; 3 ч. +9°; 6 ч. +5°; 9 ч. +1°.

Двинулись въ путь въ 7 ч. 15 м. и тотчасъ же должны были снова переправиться на правый берегъ рѣки, чтобы объѣхать песчаные утесы лѣваго берега, подходящіе здѣсь къ самому руслу; они называются Улāнъ эргѝ. Обходъ небольше одной версты, далѣе же дорога снова переходитъ на лѣвый берегъ и слѣдуетъ на нѣкоторое разстояніе почти у самаго русла. Въ 8 ч. 20 м. мы достигли значительнаго урочища Цагàнъ-булӯнъ. Это солончакъ съ довольно богатыми зарослями дэрэсӯна. Здѣсь повстрѣчали мы четыре юрты сартӯловъ и двѣ юрты, занятыхъ торгующими китайцами изъ Улāсутàя. Они прибыли сюда весною и привезли главнымъ образомъ дàбу, дàлянбу и чай, а также мелочные товары монгольскаго обихода: чашки, домбò, трубки и табакерки. Все это въ настоящую пору было уже распродано ими и въ обмѣнъ на сказанные товары они получили верблюжью шерсть и войлока, груды которыхъ возвышались теперь передъ ихъ юртами. Здѣсь же въ обòхоѣ [1]) пріютился лама, шабѝнецъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтӹ, вмѣстѣ съ своею подругою, здоровою дѣвкою лѣтъ 30-ти. Они вмѣстѣ выѣхали изъ Ургѝ два года тому назадъ и теперь живутъ частію подаяніями, а частію нанимаясь въ работы. По ихъ разказамъ, въ Цагàнъ-булӯнѣ торгуютъ не только китайцы, но и русскіе. Послѣдніе

1) Обòхой — шалашъ, устраиваемый собственно изъ одной верхней части юрты, т. е. унѝновъ, прикрываемыхъ войлоками.

отдаютъ сюда на выпасъ свой скотъ, при чемъ выдаютъ своимъ пастухамъ незначительное число товаровъ для продажи. Изъ урочища Цагàнъ-булӯнъ мы прибыли въ 9 ч. 25 м. на обширную песчаную луговину Харà-усунàй-бэльчӣръ, за которою слѣдуетъ урочище Хусӯръ (10 час. 5 м.), также съ песчаною почвою и незначительными солонцами. Въ Хусӯрѣ мы также нашли 4 юрты сартӯловъ. Отсюда, продолжая путь по тому же лѣвому берегу Кӯнгӯя и переваливъ черезъ нѣсколько каменисто-песчаныхъ уваловъ, мы въ 1 ч. 25 м. остановились для полдневки. Здѣсь къ намъ подъѣзжали монголы изъ каравана сартӯловъ, ѣхавшихъ въ Улāнъ-кòмъ и въ кочевья дӯрбэтскаго вàна за мукою. Они вымѣниваютъ ее на чай, въ запасы для продовольствія зимою. Въ томъ же хошӯнѣ покупаютъ для себя муку мингàты, тарячины, монголы хошӯна Лӯ гӯна и др. Подобный этому караванъ прошелъ на нашихъ глазахъ по правому берегу рѣки: всего было тамъ 15 верблюдовъ. Съ мѣста полдневки мы двинулись въ 3 ч. 45 м. и въ 5 ч. 30 м. подъѣхали къ горамъ Голыйнъ-улāнъ и Сӯбэинъ-улāнъ, стоящимъ влѣво отъ дороги, на правомъ берегу Кӯнгӯя, а равно къ противулежащей имъ горѣ Баѝнъ-улāнъ, на лѣвой сторонѣ рѣки. Послѣдняя гора возвышается одиноко посреди степи. Въ 7 ч. 30 м. остановились для ночлега въ довольно заселенномъ урочищѣ, носящемъ отъ имени горы общее названіе Байнъ-улāпъ, а въ частности именуемомъ Обōту. Рѣка здѣсь уходитъ отъ дороги влѣво, а потому мы ночевали вдали отъ воды.

10-е Сентября. Четвергъ.

5 ч. +4°; 9 ч. +13°; 12 ч. +14°; 6 ч. +4°; 9 ч. +2°.

Выѣхали съ ночлега въ Обōту въ 7 ч. 10 м., чтобы продолжать путь по лѣвому возвышенному берегу. Почва его значительно песчана, а на правомъ берегу рѣки видны тянущимися прямыя горы сыпучаго песка. Въ 10 ч. мы подъѣхали къ горѣ Мàндалъ-обō, ниспускающейся пологимъ скатомъ въ сторону рѣки и дороги. Населенія по Кӯнгӯю въ нынѣшнемъ году крайне мало, такъ какъ всѣ укочевали въ степь, къ востоку. Засуха, приключившаяся съ самаго начала весны, породила здѣсь недостатокъ травъ и только въ послѣдней лѣтней лунѣ, т. е. въ Августѣ, начали падать дожди, нѣсколько оживившіе растительность. Нѣкоторые, остававшіеся на здѣшнихъ пастьбищахъ бѣдняки немедленно дали знать о семъ своимъ, перекочевавшимъ на чужія мѣста богатымъ однокочевникамъ, и послѣдніе въ данное время начали возвращаться на свои кочевья. Во многихъ мѣстахъ мы видѣли какъ перекочевавшіе монголы ставили свои юрты; у другихъ было перевезено одно только имущество (цзōри): сундуки и разныя принадлежности быта были свалены въ одну общую груду и прикрыты хāна (т. е. рѣшетками юрты) и войлоками, между тѣмъ какъ крыша юрты остава-

лась на старомъ кочевьи. Очевидно, хозяева, не успѣвшіе еще перебраться со своимъ скотомъ, остались жить въ обо̀хояхъ. Въ 11 ч. мы поднялись на невысокій, пологій и весьма удобный для колеснаго перевала хӯтӯль — Гурба̀нъ-ӯцзӯръ, названный такъ, безсомнѣнія, потому, что онъ заключаетъ въ себѣ собственно три, врядъ стоящихъ вершины и спускается къ рѣкѣ тремя мысами. Отселѣ начинается рядъ невысокихъ уваловъ, извѣстныхъ подъ именемъ Са̀ймъ. На послѣдній изъ нихъ болѣе высокій и каменистый мы въѣхали въ 12 ч. 5 м. и спустились съ него въ большую равнину Нуга̀, горы, ограничивающія которую, располагаются въ отношеніи къ рѣкѣ амфитеатромъ. Обыкновенно равнина эта, говорятъ, бываетъ богата влагою и растительностью, теперь травы на ней еле были замѣтны, а воды не было совершенно. Равнину Нуга̀ мы пересѣкали въ теченіе 3 часовъ 10 м., такъ что только въ $3^1/_4$ часа пополудни достигли до ограничивающихъ ее горъ Хара̄ту, черезъ которыя переѣзжаютъ двумя невысокими, но длинными увалами. Съ вершины ихъ дорога спускается въ небольшую ложбинку, за которою видна гора Боро̀-толого̀й. У восточнаго подножія этой горы мы остановились для ночлега, верстахъ въ 2-хъ отъ берега рѣки и почти у самой дороги. Ближе къ рѣкѣ мы не поѣхали, во-первыхъ, потому что намъ пришлось бы далеко удаляться отъ дороги, а во-вторыхъ—и пожалуй даже еще больше—потому что на мѣстѣ нашей остановки мы увидали отдыхающими двухъ монголовъ, старика лѣтъ подъ 60 и парня лѣтъ 25: они давно уже разсѣдлали и пустили на траву своихъ лошадей, а сами, очевидно, уже покончивъ свою закуску, варили себѣ чай. Встрѣтить языкъ послѣ цѣлаго дня движенія по безлюдной мѣстности — удовольствіе не малое и мы остановились именно около этихъ двухъ странниковъ.

Старшій изъ нихъ оказался цзангӣномъ одного изъ карауловъ на границѣ съ Россіею, Ботого̀ни-хо̄лой, а младшій — его проводникомъ, латникомъ того же караула. Цзангӣнъ ѣхалъ въ Улясута̀й, по приказанію хя̄, управляющаго пятью караулами, природнаго китайца, только въ прошломъ году командированнаго изъ Пекина на эту должность. Прибывъ къ мѣсту своего служенія, хя̄, по имени Да-юй, тотчасъ же поѣхалъ по карауламъ для ревизіи и нашелъ на нихъ много безпорядковъ: у большинства стражниковъ недоставало лошадей, а оружія не оказалось и наполовину противъ нормы. Обо всемъ этомъ сдѣланъ былъ докладъ улясута̀йскому цзя̀нь-цзюню, который потребовалъ отъ хошӯновъ привести выставленныхъ ими на караулы латниковъ въ должный порядокъ. Хошӯны отвѣчали, что въ настоящую пору исполнить это требованіе невозможно; но что въ слѣдующемъ, т. е. въ нынѣшнемъ, году имъ придется смѣнять

своихъ латниковъ и тогда вновь присланные люди явятся совершенно исправными. Весною нынѣшняго года часть караульныхъ солдатъ, отбывъ срокъ своей службы на караулахъ, дѣйствительно возвратилась въ свои хошӯны и на мѣсто ихъ прибыли новые караульные; другіе хошӯны, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, оставили отбывать службу на новое трехлѣтіе старыхъ солдатъ. Когда, въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, хя̀ опять поѣхалъ осматривать караулы, то оказалось, что на пространствѣ всего его вѣдомства, а особливо въ Чигирсӯтэ̀ѣ и Хандага̀йту'ѣ, замѣчаются тѣ же недостатки. Правда, лошади были всѣ налицо, по штату, но оружіе — гдѣ было только поправлено, гдѣ его опять не оказалось вовсе, а гдѣ представили старое и совершенно негодное къ употребленію. Сдѣлавъ повсюду должный выговоръ, хя̀ Да-юй отправилъ теперь къ улясута̀йскому цзя̀нь-цзюню этого цзангӣна, который ѣздилъ съ нимъ по карауламъ, все видѣлъ и могъ передать обо всемъ подробно и обстоятельно. Цзангӣнъ долженъ былъ добиться отъ цзя̀нь-цзюня приведенія оружія въ полный порядокъ, а между тѣмъ это требовало значительныхъ расходовъ. На караулахъ Бор̀ой-чикитӯ и Суокѣ было только по два лука, всѣ остальные были испорчены и требовали капитальнаго ремонта; на караулѣ Хандага̀йту только у четырехъ солдатъ оружіе найдено сноснымъ, у всѣхъ остальныхъ 16 человѣкъ оно было изношенное, старое, поломанное и должно было быть пріобрѣтено заново. Не знаю, насколько успѣетъ цзангӣнъ этотъ выполнить возложенное на него порученіе, но онъ, очевидно не сочувствовалъ ему и, къ моему удивленію, взгляды этого монгола были гораздо основательнѣе его начальства. Въ бесѣдѣ онъ совершенно ясно высказалъ мнѣ свое мнѣніе о безполезности этихъ правительственныхъ заботъ. «Къ чему все это?» говорилъ онъ. «Съ русскими мы живемъ безобидно и не нужно намъ даже никакихъ карауловъ: земли у обоихъ царей много! И что намъ дѣлать луками, если теперь даже каждый русскій «сойтъ» (этимъ именемъ зовутъ монголы нашихъ алта̀йскихъ калмыковъ) имѣетъ «пистӯли» (пистолетъ), а чу-фы̀н'скіе (таможенные) солдаты стрѣляютъ и попадаютъ за 5 ли?! Развѣ есть какая польза послѣ этого отъ нашихъ луковъ?!»

Просидѣвъ съ нами съ полчаса, цзангӣнъ уѣхалъ съ своимъ проводникомъ вверхъ по берегу рѣки, надѣясь верстахъ въ 10-ти найти знакомыя юрты и ночевать у нихъ.

11 Сентября. Пятница.

5 ч. +2°; 9 ч. +4½°; 12 ч. +6°; 3 ч. +6°; 6 ч. +3°; 9 ч. +0°.

Ночью часовъ съ двухъ поднялся страшный вѣтеръ, а съ 4-хъ часовъ утра пошелъ дождь. Единственное топливо въ степи — арга̀лъ смокъ и мы не могли ни согрѣться, ни сварить себѣ чаю. Извѣстно, что верблюды не

ходятъ ни при падающемъ сильно снѣгѣ, ни при дождѣ; поэтому мы должны были стоять и мокнуть. Въ 8 ч. 15 м. дождь нѣсколько поутихъ и небо начало проясняться; мы могли двинуться въ путь и, завьючивъ верблюдовъ, въ $8\frac{1}{2}$ ч. утра снялись съ мѣста. Дорога отъ Борò-тологòя къ Улясутàю раздѣляется на двѣ: верхнюю и нижнюю. Первая изъ нихъ короче, но она безводна, а потому, слѣдуя по ней, караваны запасаются водою; вторая дорога длиннѣе, за то на ней много колодцевъ и запасовъ воды дѣлать не нужно. Мы, какъ ѣдущіе на легкѣ, не взяли съ собою воды, но поѣхали по первой дорогѣ. Она проходитъ сначала въ Борò-тологòйской равнинѣ твердо песчанаго грунта; засимъ въ 10 ч. 20 м. мы поднялись на длинный и пологій перевалъ Шибаганцàйнъ-хўтўль. На вершинѣ его находится большая тюкюэская могила, съ круглою насыпью и четыреульной оградой. Отсюда, миновавъ небольшую котловину, именуемую Нарìнъ, мы въ 11 ч. 30 м. поднялись на другой пологій увалъ, при которомъ также сохранились слѣды древнихъ тюкюэскихъ могилъ. Засимъ послѣдовала громадная долина Ѣрьìйнъ-худугìйнъ-талà наклоненная къ СВ и къ р. Кўнгўю. Берега послѣдней находятся здѣсь уже не менѣе какъ на разстояніи 5 верстъ отъ дороги. Вся долина эта волнообразна и испещрена массою пригорковъ. Она представляетъ собою богатыя пастьбища, особливо ближе къ колодцу Ѣрьìйнъ-худўкъ, до котораго мы доѣхали въ 3 ч. 25 м. Онъ располагается у сѣвернаго подножія горы Ѣръ хаирхàна, отъ которой получаютъ свое названіе и всѣ окрестныя мѣста. Миновавъ эту, царящую надъ всею окрестностью гору, мы по прекрасной ровной дорогѣ дошли до урочища Хаирхàнъ-худўкъ и остановились для ночлега въ 5 ч. вечера. Ѣхать дальше было невозможно, ибо постоянно смѣнявшіе другъ друга дождь, градъ и крупа заставляли верблюдовъ ложится и поднимать ихъ было очень трудно. На горахъ повсюду выпалъ снѣгъ.

Настоящая стоянка была для меня счастливою потому, что совершенно неожиданно открыла мнѣ цѣлую серію новостей по порядкамъ управленія Монголіи. Часовъ въ 7 вечера, на ряду съ нами, у колодца Хаирхàнъ-худўкъ остановился màйханъ, подъ защитою котораго пріютились 4 монгольскихъ путника. Главнымъ изъ нихъ оказался даргà шабинскаго вѣдомства Цзайнъ-гэгэна. Онъ былъ командированъ въ Кобдò, чтобы забрать и привезти домой задержанныхъ въ этомъ городѣ бродягъ помянутаго вѣдомства и теперь возвращался въ обществѣ трехъ такихъ бродягъ. Явленіе это само по себѣ на столько обычное, что я по началу не обратилъ на него и вниманія; но дальнѣйшія бесѣды съ даргòю представили громадный интересъ. Всѣ спутники даргѝ были положительные нищіе. Они ушли изъ своихъ кочевьевъ побираться и бродили по разнымъ мѣстамъ

отъ 2-хъ до 8 лѣтъ, пока не захватили ихъ въ Кобдо̀. Одинъ изъ этихъ бродягъ, по имени Дондо̀къ, въ теченіе всего послѣдняго года безвыходно проживалъ въ мингà тскихъ кочевьяхъ и пропитывался милостынею, переходя изъ одной юрты въ другую. По несчастію, въ эту пору у одного мингà та пропалъ быкъ. Мингà тъ заподозрилъ въ воровствѣ помянутаго бродягу Дондо̀ка и подалъ заявленіе объ этомъ въ кобдо̀скій чжисā нъ. Началось дѣло. Чжисā нъ взялъ подъ стражу Дондо̀ка и три раза вызывалъ къ слѣдствію истца — мингà та; но послѣдній не являлся и прибылъ только на четвертое приглашеніе. Эта небрежность истца затянула дѣло почти на два мѣсяца. На судѣ выяснилось, что подозрѣніе мингà та было совершенно неосновательно и Дондо̀къ въ кражѣ неповиненъ; что его можно было преслѣдовать лишь за бродяжничество: какъ бродягу, его и сдали прибывшему даргѣ̀. Бродяжничество Дондо̀ка стоило однако его вѣдомству очень дорого. Поручая Дондо̀ка даргѣ̀, чжисā нъ сообщилъ сему послѣднему, для передачи управляющему шабинà рами Цзаѝнъ-гэгэ̀на шанцзотбѣ, слѣдующее. Такъ какъ дѣло Дондо̀ка тянулось 55 дней и во все это время его нужно было содержать подъ стражей, то на него израсходовано: 1) въ уплату сторожившимъ его даргѣ̀ и латникамъ, на содержаніе ихъ пищею и квартирою, на покупку для нихъ дровъ и чая, а равно 2) на содержаніе самаго арестанта, — всего 47 ланъ 8 цинъ и 5 фынъ (95 р. 70 сер. коп.). Засимъ, послѣ окончанія дѣла, Дондо̀къ, до времени передачи его даргѣ̀, содержался въ теченіе шести дней подъ присмотромъ другихъ стражниковъ. За эти шесть дней на содержаніе помянутыхъ стражниковъ и самаго Дондо̀ка было израсходовано 3 лана 4 цина и 8 фынъ; такимъ образомъ все содержаніе Дондо̀ка подъ стражей стоило 51 ланъ 3 цина и 3 фына. Но и этого мало: какъ состоящій подъ судомъ арестантъ, Дондо̀къ былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; на покупку этихъ кандаловъ чжисā нъ еще израсходовалъ 6 циновъ. Всѣ эти деньги были взяты чжисā номъ у отправляющей банкирскія обязанности для сàйнъ-нойновскаго àймака фирмы Тянь-шэнъ-дэ, почему чжисā нъ и просилъ цзаѝнъ-шабинскаго шанцзотбу̀ уплатить эти деньги фирмѣ. Прибавимъ еще, что Дондо̀къ былъ навязанъ даргѣ̀ совершенно неожиданно для него, такъ какъ, уѣзжая изъ своей тамаги, даргà имѣлъ порученіе привезти только двухъ бродягъ; для провоза этихъ послѣднихъ были взяты имъ изъ тамаги и два верблюда. Везти Дондо̀ка даргѣ̀ было не на чемъ, поэтому чжисā нъ долженъ былъ взять еще у той же фирмы Тянь-шэнъ-дэ, за счетъ казначейства Цзаѝнъ-гэгэ̀на, одного верблюда для провоза Дондо̀ка, 6 козъ для прокормленія арестантовъ и 1 кирпичъ чая для питья имъ въ дорогѣ. Весь этотъ долгъ предстояло теперь уплатить вѣдомству Цзаѝнъ-гэгэ̀на совершенно неожи-

данно и конечно съ крайне сомнительною надеждою — возмѣстить этотъ расходъ въ скоромъ времени изъ средствъ виновниковъ такого убытка.

12-го Сентября. Суббота.

5 ч. +5°; 9 ч. +6°; 12 ч. +10°; 3 ч. +10°; 6 ч. +4°; 9 ч. +4°.

Съ ранняго утра день обѣщалъ быть яснымъ. На зарѣ къ Хаирха̀нъ-худу̀ку пригнали массу скота и нѣколько табуновъ лошадей для водопоя. Все это краснорѣчиво свидѣтельствовало о богатствѣ здѣшнихъ обитателей. Мы тронулись въ путь въ 7 ч. 5 м. и непосредственно отъ Хайрха̀нъ-худу̀ка начали подниматься на пологій ху̀ту̀ль, за которымъ послѣдовала незначительная падь. Здѣсь подъѣхалъ къ намъ лама изъ хошӯна Лӯ-гу̀на съ тремя вьючными верблюдами, нагруженными кедровыми орѣхами. Товаръ свой онъ везъ на продажу китайцамъ въ Улясута̀й, хотя не прочь былъ поторговать имъ и по дорогѣ, требуя за котелъ орѣховъ, т. е. приблизительно за пудъ ихъ, 1 кирпичъ чая (=90 к. с.). Такъ какъ отъ покупки орѣховъ мы отказались, то лама вскорѣ же отсталъ отъ насъ, заявивъ, что онъ будетъ здѣсь дневать, такъ какъ нынѣшній день несчастливъ для вступленія въ Ханга̀й. Мѣста къ востоку отъ Ѣръ-хайрха̀на почитаются ханга̀йскими. Дѣйствительно, почти весь послѣдующій путь нашъ состоялъ изъ переваловъ черезъ невысокіе горные отроги. Въ 8 ч. мы поднялись на новый ху̀ту̀ль, посящій, какъ и послѣдующая за нимъ богатая кипцомъ падь, имя У̀бу̀ръ-худу̀къ, т. е. южный колодецъ. Послѣдній находится верстахъ въ 3-хъ отъ дороги, по сѣверную ея сторону. Въ 9 ч. 40 м. мы поднялись на новый высокій, но пологій перевалъ Сэртэ̀нъ-даба̄, съ вершины котораго открывается влѣво цѣлый рядъ горныхъ пиковъ вплоть до хребта Дула̄нъ, — все это отпрыски Ханга̀я. Спускъ съ Сэртэ̀нъ-даба̄на приводитъ въ обширную долину Цзамы̀йнъ-худу̀къ, которую мы пересѣкали болѣе часа. Она обильно поросла кипцомъ и представляетъ богатыя пастьбища. На ней повстрѣчали мы большіе табуны лошадей и верблюдовъ, а равно такіе же стада овецъ. Долина Цзамы̀йнъ-худу̀къ однакоже безводна, и единственный колодецъ, находящійся на ней и дающій ей свое имя, находится къ сѣверу отъ дороги верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ.

Въ 12 ч. 15 м. мы поднялись изъ долины Цзамы̀йнъ-худу̀ка на перевалъ Дула̄нъ; онъ также довольно длиненъ, но пологъ и удобенъ для ѣзды. На вершинѣ этого перевала, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится древнее кладбище въ 4 могилы, двѣ изъ которыхъ оказались украшенными еще и каменными бабами. Могилы эти располагаются по южному скату горы, протягиваясь ровною линіею съ сѣвера на югъ. Всѣ онѣ имѣютъ одну и ту же форму огражденныхъ каменными плитами четырехугольниковъ. Наибольшею по величинѣ окружающихъ камней, и вмѣстѣ съ тѣмъ счастли-

вѣе другихъ сохранившеюся, представляется самая южная могила. Протяженіе стѣнокъ ея, съ запада на востокъ, 5 арш. 8 верш., а съ сѣвера на югъ—4 арш. 12 верш. Находящійся при ней съ восточной стороны хӧшӧ-чулӯ имѣетъ на себѣ вытесанное на гранитной плитѣ изображеніе человѣка. Плита возвышается надъ землею на 1 арш. 9 вершк.; въ ширину имѣетъ 8 вершк., а толщиною въ 3 вершка; въ окружности она равняется 1 арш. 3 верш. На плитѣ, очевидно, изображеніе мужскаго лица, изсѣченнаго весьма не симметрично, ибо на лицо приходится 8 вершковъ, а на все остальное туловище только 1 ар. 1 в.; на половинѣ туловища вдавленными чертами изображены руки, а ниже ихъ такими же линіями показывается пристегнутая къ поясу сабля. Могила эта замѣтно отдѣляется отъ трехъ другихъ могилъ и разстояніе между ними равняется 1 саж. и 1 аршину.

Хӧшӧ-чулӯ на Дулӓнъ-дабӓнѣ.

Изъ остальныхъ трехъ могилъ — первая, съ южной стороны, имѣетъ протяженія своихъ стѣнокъ, съ запада на востокъ, 4 арш. 6 вершк., а съ сѣвера на югъ 4 арш. 2 вершк. Вторая могила по своимъ размѣрамъ даже болѣе первой, но камни, образующіе стѣны ея, не такъ хороши и велики. Протяженіе стѣнокъ этой могилы съ запада на востокъ 5 арш. 12 вершк., а съ сѣвера на югъ 5 арш. 4 вершка. Стоящій при ней полуповалившійся хӧшӧ-чулӯ вытесанъ на гранитной плитѣ въ вышину 1 арш. 4 вершка, шири-

ною въ $7^1/_2$ вершковъ и толщиною въ два вершка. Лицо его сдѣлано гораздо искуснѣе перваго, за то туловище отработано меньше: на немъ не

Хӧшӧ-чулӯ на Дулāнъ дабāнѣ.

сдѣлано даже рукъ, не говоря уже о какихъ-либо принадлежностяхъ костюма. Третья, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая сѣверная могила имѣетъ совершенно квадратныя стѣнки, каждая изъ которыхъ величиною въ 4 арш. 7 вершк. Эти послѣднія три могилы группируются въ одно и стоятъ въ рядъ не больше какъ на разстояніи аршина одна отъ другой.

Спустившись съ перевала Дулāнъ и, вслѣдъ за симъ, переваливъ небольшой увалъ, мы вступили въ долину рѣки Хӧбӧ. По долинѣ паслись четыре табуна лошадей, принадлежащихъ банкирскому дому Да̀-шэнъ-кӯй. Каждый табунъ заключалъ въ себѣ 1000 головъ, и для присмотра за нимъ назначено было 4 пастуха изъ мѣстныхъ монголовъ. Здѣсь же, на берегу рѣчки Хӧбӧгійнъ-гӧла, имѣетъ свое постоянное мѣстопребываніе одинъ китаецъ, которому компанія Да̀-шэнъ-кӯй ввѣряетъ общее завѣдываніе табунами, при чемъ тотъ же китаецъ производитъ здѣсь и мелочную торговлю. Въ параллели дороги мы перебрались черезъ сухое русло рѣчки Хӧбӧгійнъ-гӧла въ 2 ч. 45 м. Отсюда дорога принимаетъ болѣе южное направленіе, послѣдуя которому мы въ 3 ч. 30 м. переправились черезъ полуизсохшую рѣчушку Усӯнъ-цзӯѝль и засимъ начали подниматься на перевалъ Улāнъ-дӕ̄лійнъ-дабā. Рѣчушка Усӯнъ-цзӯѝль составляетъ границу кочевьевъ улясу-

тàйскихъ тӯмэ̀товъ, на которыхъ вышасываютъ они состоящіе въ улясутàйскомъ вѣдомствѣ казенные табуны лошадей и верблюдовъ. Тӯмэ̀ты вообще народъ весьма состоятельный и имѣютъ у себя всѣ роды скота. Между прочимъ отсюда намъ начали попадаться снова сарлы̀ки, такъ что въ означенной части Монголіи рѣчку Усӯнъ-цзуӣль можно будетъ признать, кажется, за сѣверную границу распространенія сарлы̀ковъ. Улāнъ-дэ̄лійнъ-дабā довольно крутъ и каменистъ; его нужно будетъ признать едва ли не самымъ труднымъ пунктомъ переѣзда на всемъ пути, хотя въ общемъ онъ все-таки не представляетъ собою собственно никакихъ препятствій. Спустившись съ него, дорога снова направляется на востокъ, къ пологому подъему Цагāнъ-чулӯтуйнъ-дӧ̀рӧ̀льчжӣ. На этотъ подъемъ мы начали подниматься въ 5 ч. вечера, вершины же его достигли въ 6 ч. 45 м. На протяженіи его имѣются два колодца и два ключа, — послѣдніе бьютъ изъ земли уже на самой вершинѣ перевала. Ключи эти незначительны и въ бассейнахъ ихъ едва возможно набрать два ведра воды, хотя это едва ли ни прямо зависитъ отъ ихъ неразработки.

13-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. +4°; 9 ч. +10°; 12 ч. +14°; 3 ч. +14°; 6 ч. +7°; 9 ч. +2°.

Выступили въ 7 ч. 5 м. и, спустившись съ перевала Улāнъ-чулӯтуйнъ-дӧ̀рӧ̀льчжӣ по спуску такому же длинному и пологому какъ и его подъемъ, продолжали путь по пади Улāнъ-бэ̀льчӣръ, получившей свое имя отъ источника, сухое русло котораго мы переѣхали въ 8 ч. 20 м. Падь эта, постепенно расширяясь, незамѣтно переходитъ далѣе къ востоку въ широкую долину Шинэ̀-булӯкъ, открытую далеко къ югу, такъ что при хорошемъ зрѣніи съ нея можно видѣть и улясутàйско-кобдò̀скій почтовый трактъ и даже мѣста, лежащія къ югу отъ онаго. Въ долинѣ Шинэ̀-булӯк'а около 10 ч. утра мы повстрѣчали нѣсколько юртъ, принадлежащихъ «гоцохò̀-цэрӣкамъ» улясутàйскаго цянь-цзюня, т. е. халхаскимъ солдатамъ, собраннымъ со всѣхъ четырехъ àймаковъ для отбыванія службы при улясутàйскомъ цзянь-цзюнѣ. Горы, окружающія эту долину, наполовину покрыты лиственичнымъ лѣсомъ, изъ котораго обитатели Улясутàя получаютъ для себя немало дровъ и углей. Отсюда часамъ къ 11-ти мы поднялись на невысокій, но длиннѣйшій перевалъ Арӯ-хайрхàнай-дабā (другіе называли мнѣ его Ошӣкъ-дабāномъ), спускъ съ котораго приводитъ въ лужайку Арӯйнъ-булӯка (11 ч. 20 м.). Лужайка эта раскинулась почти на половинѣ горной возвышенности; на ней имѣется колодецъ и небольшой ключъ, спускающійся незначительнымъ потокомъ къ долинѣ рѣки Ирō. Мы прибыли въ эту долину въ 11 ч. 45 м. какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ стоитъ бàйшинъ гоцохò̀-цэрӣковъ, служащій имъ для склада оружія, лошадиной сбруи, телѣгъ,

юртъ и проч. Нѣсколько выше, по теченію рѣки, видѣнъ былъ другой такой же бàйшинъ, принадлежащій уже тўмэтамъ, пасущимъ казенные табуны лошадей. Долина рѣки Ирō поросла отмѣнными травами и на ней мы повстрѣчали большой станъ путниковъ, очевидно, расположившихся на нѣсколько дней для поправки своего скота. Меня поразило нарѣчіе этихъ людей и, остановившись у ихъ лагеря, я узналъ, что это были урянхà, принадлежащіе въ административномъ отношеніи къ отдѣлу такъ называемыхъ «Урянхàйнъ-долōнъ-хошӯ». Своими кочевьями они занимаютъ пространство отъ рѣки Кобдò до Харà-ирцùса и сами называютъ себя Сойнъ. Собственно родовой языкъ свой они назвали тэлэнгùт'скимъ, но за послѣднее полстолѣтіе онъ находится у нихъ въ презрѣніи и бòльшая часть народа говоритъ теперь монгольскимъ языкомъ, по нарѣчію чжунгàрскихъ ōлōтовъ: въ степяхъ еще находятся простаки, которые говорятъ по-«сойнски», или «тэлэнгùтски», но въ хўрēняхъ, ямуняхъ и при сановникахъ рѣшительно всѣ, даже самые низшіе рабочіе обязаны говорить по-монгольски, какъ бы плохо ни говорили они на этомъ языкѣ. Въ административномъ отношеніи урянхàи эти раздѣляются на семь хошӯновъ, которыми управляютъ два амбàня, четыре дā и одинъ мэйрэнь, почитаемый главою нетолько своего, но и всѣхъ семи хошӯновъ. Мэйрэнь этотъ по начальному происхожденію ведетъ свой родъ изъ Халхи: въ далекое старое время сойны призвали къ себѣ для управленія одного изъ халхаскихъ тàйчжіевъ и отъ него пошелъ родъ сойнскихъ, или урянхàйскихъ мэйрэней. Предпослѣдній, Гильгэръ-мэйрень былъ женатъ на дочери дўрбэтскаго хāна и отъ этого брака родился настоящій мэйрэнь, носящій, по закону, красный шарикъ на шапкѣ. Первоначальное призваніе халхаскаго тàйчжи совершилось на томъ основаніи, что всѣ сойнскіе роды принадлежатъ къ черной кости, тогда какъ для того, чтобы стоять во главѣ правленія требовался человѣкъ «цагàнъ-ясутàй», или бѣлокостный. Всѣ урянхàйскіе нойны получаютъ свое образованіе въ Улясутàѣ: ихъ отправляютъ обыкновенно въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, послѣ чего, проживая при ямунѣ улясутàйскаго цзянь-цзюня, они изучаютъ здѣсь монгольскій языкъ и письменность; учатся также и языку маньчжурскому, но говорить на немъ не считается обязательнымъ. Черезъ каждые три года урянхàйскіе правители устроиваютъ сборъ съ своего народа соболями на предметъ представленія дани богдохāну и отправляютъ таковую дань, въ количествѣ 800 соболей, въ Улясутàй, для дальнѣйшей пересылки въ Пекинъ. Съ таковою-то данью ѣхалъ къ улясутàйскому цзянь-цзюню и настоящій поѣздъ урянхàевъ. Страннымъ представилось мнѣ при этомъ то обстоятельство, что свою дань урянхàи посылаютъ въ Улясутàй, тогда какъ жалованье нойны ихъ получаютъ изъ кобдòскаго казначейства, да и всѣ

дѣла административнаго, гражданскаго и уголовнаго дѣлопроизводства рѣшаются у нихъ также черезъ посредство кобдòскаго амбàня.

Всѣ урянхàи исповѣдуютъ ламаизмъ. Въ каждомъ своемъ хошӯнѣ они имѣли прежде по одной хӯрē. Хӯрē мэйрэня находится на Алтаѣ, въ урочищѣ Кòкò-тохòй, лежащемъ по рѣчкѣ того же имени и составляющей одинъ изъ истоковъ Иртыша. Мѣстность, въ которой кочуетъ хошӯнъ мэйрэня, носитъ общее названіе «Мòринэй-дэлгэрэкъ». Хӯрē имѣетъ около 100 ламъ и въ стѣнахъ ея находится мѣстопребываніе самого мэйрэня. Хӯрē барӯнъ амбàня находится на Чингѝлѣ. Хӯрē хòйту амбàня — на рѣкѣ Турхунàй-гӧлъ, впадающей въ Кобдò. Хӯрē одного изъ дā находится въ урочищѣ Нарѝнъ-хаиртӯ, а другаго — въ Улāнъ-хатӯ; двѣ хӯрē прочихъ дā-нар'овъ прекратили въ настоящую пору свое существованіе: одна — по несостоятельности хошӯнныхъ жителей, оказавшихся настолько бѣдными, что имъ не подъ силу было содержать монастырь; другая была страшно разграблена въ періодъ хой-хòйскихъ набѣговъ въ 1870-хъ годахъ и съ тѣхъ поръ рѣшительно не могла подняться, какъ ни много думали о томъ урянхàйскіе ламы.

Всѣ урянхàйскія хӯрē исключительно кочевыя. Сумӯнныхъ монастырей и кумирень у урянхàевъ нѣтъ вовсе, хотя административное дѣленіе ихъ хошӯновъ на сумӯны существуетъ также и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и во всей Монголіи. Сумӯны управляются цзангѝнами. Въ хошӯнѣ мэйрэня сумӯновъ считается 4, въ хошӯнахъ амбàней по 6, въ хошӯнахъ дā-нар'овъ по 3; всего 28 сумӯновъ, долженствующихъ выставлять 1,400 латниковъ. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ не полагается вовсе и въ урянхàйскихъ войскахъ оно никогда не было вводимо.

Отъ гоцохò'скаго бàйшина мы слѣдовали внизъ по теченію рѣки Ирō версты на три, по прекрасной колесной дорогѣ, ведущей въ Эбӯгэнъ-хӯрē. Дорога эта проложена собственно монголами, пріѣзжающими въ монастырь для поклоненій, но помимо того по ней привозятъ на телѣгахъ дрова въ Улāсутàй, а равно направляются и товарные обозы китайскихъ купцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обозныя животныя утомлены и для нихъ необходимо сдѣлать обходъ перевала. Мы не пошли по этой дорогѣ, а переправившись черезъ рѣку Ирō и, оставивъ берега ея, повернули налѣво, углубившись въ цѣпь холмовъ, ведущихъ къ перевалу Ōлійнъ-даба. Перевалъ этотъ крутъ и довольно труденъ для подъема, а спускъ съ него къ востоку хотя и длиненъ, но совершенно удобенъ для колесной ѣзды. У подножія его меня повстрѣчала вся колонія русскихъ торговцевъ въ Улāсутàѣ, выѣхавшая встрѣчать меня. Такимъ образомъ уже цѣлой кавалькадой всадниковъ въѣхали мы въ каменистую долину Богдòинъ-гӧла ровно

въ 2 часа дня. Черезъ полчаса миновали хлѣбопахотный участокъ фирмы Дà-шэнъ-кўй, на которомъ стояли теперь лишь скирды собраннаго хлѣба, а отъ него уже не больше какъ черезъ 20 мин. прибыли въ Улāсутàй.

Время отъ 13-го по 21-е Сентября было проведено мною въ Улāсутàѣ за изученіемъ административнаго устройства Халхи. Здѣсь, въ канцеляріи тусалакчй-цзянь-цзюня, мнѣ легче чѣмъ гдѣ-либо было пріобрѣсти всякаго рода вѣдомости и дѣла, относящіяся собственно до *общаго* управленія Халхи. Смѣты объ отправленіи монголами всякаго рода общегосударственныхъ повинностей, службы почтово-станціонной, караульной по границѣ и воинской, свѣдѣнія по раскладкѣ всякаго рода податей между четырьмя халхаскими àймаками, — все это можетъ быть съ удобствомъ изслѣдовано *только* въ Улāсутàѣ, такъ какъ въ Ургѣ, равно какъ и въ сеймовыхъ управленіяхъ, можно получать данныя лишь для сужденія объ отдѣльныхъ àймакахъ. Для полученія всякаго рода толкованій я пригласилъ къ себѣ трехъ знакомыхъ бичэ̄чи (секретарей), которые и ходили ко мнѣ ежедневно, въ указанные имъ часы. По вечерамъ я проводилъ время съ русскими купцами, бесѣдуя о торговлѣ.

21-е Сентября. Понедѣльникъ.

Сегодня я оставилъ Улāсутàй. Для поѣздки въ Ургў мною нанято было, при двухъ проводникахъ, три верблюда подъ вьюки, одинъ подъ телѣгу и одинъ верховый, всего пять верблюдовъ, принадлежавшихъ нѣкоему Бальчжйнъ-хā, богатому пастуху лошадей тўмўръ-сўрўка. Плата была назначена сравнительно довольно высокая: по 16 кирпичей чая за каждаго верблюда, съ выдачею оныхъ впередъ полностію; таковъ уже порядокъ, заведенный русскими при наймѣ ими извозчиковъ-монголовъ, куда бы кто ни ѣхалъ. Обычай этотъ весьма неудобенъ въ томъ отношеніи, что лишаетъ русскихъ возможности прямо раздѣлываться съ неустойкою, обыкновенно выговариваемою у монголовъ, и ведетъ къ излишнимъ судбишамъ. По дорогѣ я долженъ былъ заѣхать въ хўрē̄ни: Илагўхсанъ-хутухты̀, Далàй àна, Цзайнъ-гэгэ̀на, Эрдэнй-цзў и Барўнъ-хўрē̄; все это были незначительныя уклоненія отъ пути, которыя, вмѣстѣ съ остановками въ означенныхъ пунктахъ, должны были удлинить мой переѣздъ дней на семь.

Такимъ образомъ, если обыкновенно съ легкими вьюками отъ Улясутая до Урги достигаютъ по прямому караванному тракту въ 18 сутокъ, то мнѣ предстояло ѣхать сутокъ 25; и, однако, я почелъ необходимымъ заключить условіе на 40 сутокъ, чтобы имѣть верблюдовъ въ своемъ распоряженіи возможно долгое время. Я думаю далѣе, что это полезно дѣлать каждому особливо на случай болѣзни и другихъ возможныхъ случайностей. Монголы вообще придирчивы до крайности и при первой оказіи не упустятъ предъявить свой искъ къ русскому. Эту придирчивость пришлось испытать и мнѣ въ данномъ случаѣ. Дѣло началось съ того, что монголъ мой пригналъ мнѣ съ утра только тѣ пять верблюдовъ, за которыхъ мною были заплачены ему деньги; когда же я спросилъ у него—на чемъ поѣдутъ мои проводники, онъ отвѣчалъ, что они сядутъ на вьюки. Я возразилъ ему, что это будетъ тяжело для верблюдовъ тѣмъ больше, что у проводниковъ былъ, конечно, свой багажъ, да сверхъ того оказалось еще два тюка съ кожами и пуда три масла, которое везли они на продажу въ Ургу. Я прямо заявилъ, что не позволю везти этихъ вещей на верблюдахъ и что Бальчжинъ-хя долженъ дать по крайней мѣрѣ одного верблюда для провоза этихъ вещей и проѣзда на немъ одного погонщика; мало того, я обѣщалъ даже заплатить ему за этого верблюда половинную цѣну. Услыхавъ о платѣ, Бальчжинъ-хя задумался, вышелъ изъ моей комнаты, а черезъ $^1/_4$ часа возвратился снова и сказалъ, что онъ осмотрѣлъ мой багажъ и находитъ, что грузъ этотъ дѣйствительно тяжелъ для трехъ верблюдовъ, а потому я долженъ нанять четвертаго. Я отвѣчалъ ему, что мой-то личный багажъ даже весьма легокъ для вьюка верблюда; но если прибавить къ нему вещи погонщиковъ, да ихъ самихъ, то будетъ дѣйствительно тяжело. Побродивъ еще по двору, Бальчжинъ-хя явился съ предложеніемъ дать верблюда, если я заплачу ему хоть 12 чаевъ за него; я же, видя, что дѣло принимаетъ прямо характеръ вымогательства, сказалъ, что прежде я обѣщалъ ему половинную плату, а теперь не дамъ и этого, верблюда же онъ, Бальчжинъ-хя, долженъ мнѣ поставить, ибо я не обязанъ везти его погонщиковъ, ихъ багажъ, да еще ихъ товары. Въ свою очередь Бальчжинъ-хя объявилъ, что онъ не повезетъ моихъ вьюковъ на трехъ верблюдахъ, ибо они очень тяжелы. Зная существующія на этотъ счетъ китайскія постановленія, я, ни мало не безпокоясь, послалъ въ полицію перевѣсить свой багажъ и оказалось, что мои вьюки, вмѣсто законныхъ 320 гиновъ, имѣли вѣсу только отъ 212 до 240 гиновъ каждый; вмѣстѣ съ симъ я просилъ полицію обязать Бальчжинъ-хя выдать одного верблюда подъ проѣздъ погонщиковъ и провозъ ихъ имущества. Полиція, конечно, сдѣлала это постановленіе. Нужно сказать, что самъ я въ полиціи не былъ и Бальчжинъ-хя, предпо-

лагая, что я не знаю объ ея постановленіи, явился ко мнѣ предварительно съ заявленіемъ, что онъ согласенъ дать верблюда за половинную плату; я повторилъ ему свои слова, что теперь не дамъ ровно ничего. Бальчжѝнъ-хя̄ началъ выпрашивать тогда 6, даже 4 кирпича, я недалъ и этого, сказавъ, чтобы онъ велъ скорѣе верблюда, что ни какой платы я ему не дамъ, а если онъ довезетъ меня исправно, то въ Ургѣ будетъ награжденъ по моему усмотрѣнію. Черезъ ½ часа верблюдъ былъ приведенъ. Съ такими-то препирательствами выѣхали мы изъ Улясутàя уже въ 4 часа пополудни и направились вверхъ по Богдòйнъ-го̄лу, до Улясутàйской крѣпости. Отъ этой послѣдней въ хӳрѣнь Илагӯхсанъ-хутухты̀ можно проѣхать двумя путями: первый изъ нихъ идетъ вверхъ по долинѣ Богдòйнъ-го̄ла, потомъ переходитъ въ долину Аршā̄нъ-го̄ла, минуетъ цѣлебные сѣрные ключи, находящіеся въ вершинахъ этой послѣдней долины и, переваливъ прилежащій имъ хребетъ, спускается на востокъ къ рѣкѣ Идэ̀ръ и монастырю; второй путь направляется на Цзагасутàйнъ-даба̄. Такъ какъ первый изъ этихъ путей очень каменистъ, то монголы не ходятъ по нему на верблюдахъ и ѣздятъ лишь налегкѣ, на верховыхъ лошадяхъ; мы же съ своими верблюдами направились по второму пути. Отъ крѣпостныхъ стѣнъ Улясутàя мы вступили въ широкую падь Чигистӳйнъ-амà, получающую свое названіе отъ протекающей здѣсь улясутàйской рѣки Чигистӳйнъ-го̄лъ. Падь эта постепенно поднимается въ направленія къ сѣверу. Съ востока верстахъ въ пяти отъ города съ нею соединяется падь, именуемая Солòнъ-амà, у устья которой стоитъ кумирня Гэсэ̀ра, воздвигнутая стоявшими здѣсь солòнскими солдатами, въ періодъ дунганскаго погрома 1870-хъ годовъ. У этой кумирни я распрощался съ обществомъ русскихъ торговцевъ, ведущихъ свои дѣла въ Улясутàѣ и караванъ мой зашагалъ далѣе. Нѣсколько сѣвернѣе Солòнъ-амà, къ пади Чигистӳ, присоединяется съ запада глубокая ложбина Табӯнъ-чихитӳ. Миновавъ ее, мы остановились на ночлегъ у горы Далà-ӯла въ 7½ ч. вечера, проѣхавъ, вѣроятно, не болѣе 12 верстъ.

22-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. —3°; 9 ч. +4°; 12 ч. —1°; 3 ч. —6°; 6 ч. —8°; 9 ч. —13°.

Выѣхали въ 6 ч. 25 м. и продолжали путь по той же пади Чигистӳйнъ-амà. Въ 7 ч. 10 м. въ нее впадаетъ съ востока незначительная падь Далӣ. Горы этой послѣдней до половины поросли лиственичнымъ лѣсомъ, дающимъ изобильный заработокъ окрестнымъ монголамъ: всѣ они занимаются здѣсь порубкою дровъ и доставкою ихъ въ городъ, на продажу; нѣкоторые обжигаютъ уголь, но это рѣдко, и при томъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Черезъ полчаса новаго подъема отсюда, падь Чи-

гистӯйнъ нѣсколько измѣняетъ свое направленіе, поворачивая болѣе къ востоку, и отъ этого мѣста дѣлается очень каменистою. Рѣка Чигистӯйнъ-гӑлъ, очевидно, по извѣстнымъ временамъ года разливается здѣсь во всю падь и образовала для себя обширное русло, по которому въ настоящую пору вода струится отдѣльными протоками. Избѣгая произведенныхъ водою выбоинъ и лавируя по дорогѣ, мы переѣзжали эти протоки по крайней мѣрѣ десятка три разъ въ продолженіе одного часа. По дорогѣ намъ постоянно встрѣчались телѣги, нагруженныя дровами и направлявшіяся въ городъ. Въ 9 ч. 10 м. мы поднялись до урочища Бунхантӯ. Здѣсь стояло шесть юртъ, обычно дающихъ пріютъ доставщикамъ и продавцамъ дровъ въ городѣ, при чемъ и въ пору нашего проѣзда около нихъ группировался обозъ телѣгъ въ 40, запряженныхъ быками. Для посѣтителей особыхъ помѣщеній не имѣется, они заходятъ прямо къ юрто-владѣльцамъ. Услужливыя хозяйки варятъ для проѣзжающихъ чай и пищу, продукты же имѣютъ сами проѣзжающіе; юрто-владѣльцы доставляютъ только свой трудъ и топливо, за что и пользуются незначительными подачками. Эти походныя степныя гостиницы составляютъ для монголовъ, конечно, уже вліяніе города. Въ 9 ч. 50 м. доѣхали до высокой скалы Шорӧнъ-байцӑ, стоящей на западной сторонѣ Чигистӯйнъ-амӑ. Она возвышается надъ окружающею мѣстностью какъ громадная стѣна крѣпости, сложенная изъ массивныхъ валуновъ. Напротивъ этой скалы, съ восточной стороны пади Чигистӯйнъ, съ послѣднею соединяется широкая падь, именуемая Улӑнъ-хӑлга. Въ вершинахъ ея беретъ свое начало Чигистӯйнъ-гӑлъ, противъ Шорӧнъ-байцӑ вытекающій изъ пади Улӑнъ-хӑлга и дающій свое названіе почти всему, встрѣчающемуся ему въ нижнемъ его теченіи. Къ верху отсюда падь Чигистӯйнъ-амӑ получаетъ общее названіе Цзагасутӑйнъ-дабӑ, т. е. Цзагасутӑевскій перевалъ, и стекающій съ этого перевала источникъ именуется Цзагасутӑйнъ-гӑломъ. Противъ пади Улӑнъ-хӑлга, почти на ряду со скалою Шорӧнъ-байцӑ, располагается падь Хӯндӯлэнъ, прорѣзывающая весь свой горный массивъ и служащая мѣстомъ соединенія для Цзагасутӑйнъ-дабӑна съ падью, по которой проходитъ почтовый трактъ изъ Улясутӑя на Дзиндзилихъ. При вступленіи нашемъ въ Цзагасутӑйнъ-дабӑ поднялся страшно-холодный вѣтеръ. Поднимаясь далѣе вверхъ къ перевалу, мы въ 11 ч. 30 м. встрѣтили тюкюескія могилы въ числѣ пяти. Они располагались у южной подошвы горъ, окаймляющихъ Цзагасутӑйнъ-амӑ съ запада и протягивались гуськомъ, въ направленіи отъ запада къ востоку. По формѣ всѣ эти могилы одинаковы и представляютъ собою обыкновенную форму выложенныхъ плитами продолговатыхъ четыреугольниковъ, со стоящею посрединѣ высокою каменною плитою; но самая западная могила

интересна тѣмъ, что на ней водружены не одна, а три каменныхъ плиты: двѣ большихъ и одна малая посрединѣ. Это какъ будто семейная усыпаль-

Могильникъ на Цзагасутàйнъ-даба.

ница: отца, матери и ихъ ребенка. Въ 12 ч. дня термометръ показывалъ —1° R. и пошелъ снѣгъ. Вскорѣ онъ перемѣшался съ крупою и началъ падать въ такомъ обиліи, что на разстояніи какихъ-нибудь 20 саж. трудно было различить впереди дорогу. Къ 1-му часу дня снѣга повсюду было навалено уже вершка на два. Въ минуты небольшой остановки снѣга, можно было разсмотрѣть, что падь чѣмъ выше, тѣмъ дѣлается ýже. Въ 3 ч. снѣгъ пересталъ и начался вѣтеръ, — было очень холодно; итти пѣшкомъ оставалось единственнымъ средствомъ согрѣться; но падь въ своей вершинѣ сдѣлалась болотистою и движеніе по ней было весьма затруднительно: верблюды еле двигались по замерзшимъ кочкамъ, пѣшеходъ далеко обгонялъ ихъ и затѣмъ долженъ былъ стоять, подвергаясь еще болѣе стужѣ. Наконецъ дорога наша круто повернула въ гору, въ направленіи къ востоку, тогда какъ падь, по которой мы ѣхали доселѣ, все еще тянулась на сѣверъ. Отъ поворота дорога стала ровнѣе и лучше, но за то подъемъ сдѣлался круче. Въ 4 ч. 25 м. мы взобрались на высшую точку Цзагасутàевскаго перевала, отъ которой дорога начала спускаться по такой же узкой пади,

по какой шла она на перевалъ. Все было здѣсь заморожено и покрыто снѣгомъ. Верблюды не проваливались, ступая на заледенѣлую воду источника. Остановились для ночлега въ 5 ч. 35 м.

Здѣсь мы едва успѣли только разъвьючить своихъ верблюдовъ и разложить палатку, какъ къ намъ подъѣхалъ Бальчжѝнъ-хя̄, ведя съ собою новаго, здороваго верблюда. Дѣло въ томъ, что исполняя въ Улясутàѣ мое требованіе о поставкѣ въ мой караванъ одного лишняго животнаго для проѣзда погонщиковъ, онъ занялъ слѣдовавшаго теперь за нами верблюда у своихъ знакомыхъ, а въ настоящую пору на смѣну его привелъ своего. Непріятности, происшедшія между нами въ Улясутàѣ, теперь были уже забыты и Бальчжѝнъ-хя̄ вошелъ въ мою палатку и сдѣлалъ передо мною колѣнопреклоненіе съ обычнымъ выраженіемъ монгольскаго подобострастія и уваженія. Въ сказанномъ отношеніи характеръ монголовъ дѣйствительно замѣчательный. Этотъ народъ, повидимому, совершенно не испытываетъ горькаго чувства при своихъ несбывшихся планахъ, не знаетъ досады и не помнитъ обиды, или нанесенныхъ ему оскорбленій, если только на сторонѣ его противника стоитъ правда. Всегда и всѣми силами монголъ будетъ отстаивать свою ничтожнѣйшую выгоду; ни одинъ изъ нихъ, начиная съ первостепеннаго князя и оканчивая послѣднимъ податнымъ, никогда не постѣснится смошенничать въ такомъ маленькомъ дѣлѣ, о которомъ не стоило бы собственно и говорить; но разъ вы твердо сказали ему: «руки прочь!» и заставили его подчиниться, монголъ забываетъ обо всемъ происшедшемъ, а къ вамъ начинаетъ питать даже бо̀льшее уваженіе какъ къ человѣку, который дѣйствуетъ справедливо и въ обиду не дастся. Европейцу нужно всегда помнить эту, отличительную черту характера монголовъ и знать, что разъ вы настаиваете передъ монголомъ на справедливыхъ, но не исполняемыхъ имъ требованіяхъ, никакая обида, никакая брань, даже самые побои, нанесенные ему въ періодъ этого требованія, не испортятъ его добрыхъ отношеній къ вамъ, — вы можете засимъ обращаться къ нему съ обычнымъ довѣріемъ и онъ будетъ по старому добродушно служить вамъ, исполняя ваши желанія и нужды. Такъ было оно и въ данномъ случаѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощеній табакомъ, Бальчжѝнъ-хя̄ сообщилъ мнѣ, что въ виду наступающей темноты ночи онъ останется ночевать при караванѣ и я былъ душевно радъ этому, ибо при здѣшнемъ безлюдьи мнѣ было и поучительно, и пріятно проболтать съ нимъ вечеръ, тѣмъ болѣе, что Бальчжѝнъ-хя̄ былъ уже лѣтъ 60 отъ роду и многое видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку. Какъ было уже замѣчено выше, онъ состоялъ на службѣ при табунахъ казенныхъ верблюдовъ, находящихся въ вѣдѣніи улясутàйскихъ великаго цзя̀нь-цзюня и амба̀ней. Мнѣ

было интересно собрать свѣдѣнія объ этихъ стадахъ и на этотъ вопросъ навелъ я свою рѣчь.

«Теперь я уже устарѣлъ», говорилъ Бальчжѝнъ-хя̄, «и, помимо присмотра за табунами, не знаю другаго дѣла; да и времена-то пошли другія: теперь служить — разоренье, а была пора, когда на службѣ можно было только богатѣть. На своемъ вѣку я двѣнадцать разъ ѣздилъ въ Хўхў-хотò за хлѣбомъ и, вѣрите ли, я, молодой пастухъ, ни однажды не привозилъ изъ этой поѣздки менѣе 1000 ланъ серебра!»

«Да откуда же вы брали и за чтò?» спрашиваю я. «Вѣдь не взятки же вамъ, солдатамъ, давали?»

«Взятки — не взятки, а подарки бывали хорошіе, да тогда и безъ подарковъ можно было обойтись. Каждому изъ насъ давали тогда въ передній путь 45 верблюдовъ; а улясутàйскіе торговцы наши, бывало, еще заранѣе ходятъ въ ямунь узнавать, кого пошлютъ въ Хўхў-хотò за хлѣбомъ. Какъ узнаютъ, что пошлютъ тебя, такъ и начнутъ ухаживать: «возьми, да возьми мои товары, за деньгами не постоимъ, только перевези пожалуйста!» И то сказать,—имъ выгодно: верблюды хорошіе; монголы красть казенныхъ верблюдовъ боятся и нападеній на казенные караваны не дѣлаютъ,—безопасно; сроки мы принимали какіе хочешь: теперь на своихъ верблюдахъ я вожу китайскіе товары срокомъ въ 45—50 дней, а тогда брался доставить въ 24. Какъ же не польститься китайцамъ на такую выгоду? Ну и платили деньги: обыкновенная плата 9 ланъ, а мы брали 12—13 на каждаго верблюда. Бывало, только перевались за улясутàйскій хребетъ, а тамъ уже цѣлый складъ товаровъ. И серебра двойной вѣсъ везешь, не боишься, что спины будутъ испорчены. Глядишь, до Хўхў-хотò доѣхалъ, — уже 600 ланъ лежитъ въ сапогахъ и на гашникѣ!»

«А тамъ-то?» продолжалъ онъ, какъ бы погрузившись въ созерцаніе прошлаго. «Развѣ мы стояли, какъ теперь, по 10 дней? Мы проживали по два и болѣе, даже до трехъ мѣсяцевъ. Въ эту пору одни успѣвали подрядиться и съѣздить съ товарами въ Бау-тоу, другіе — въ Калганъ, а третьи даже до Да-туна; слѣдовательно, можно было и еще заработать по 200—300 ланъ. Да,—тогда не получалъ денегъ развѣ тотъ, кто не хотѣлъ и, конечно, бывали такіе. Иной вырвется изъ службы въ Улясутàѣ, да прямо домой и живетъ тамъ мѣсяца два, три, а потомъ, какъ выѣзжать съ хлѣбомъ, онъ и явится въ Хўхў-хотò, и готовъ къ дѣлу. Правда, ничего не заработалъ, за то погулялъ».

«Но вѣдь объ этихъ вашихъ подрядахъ могло узнать начальство и наказывать васъ?» спросилъ я.

«Да оно и знало, только не наказывало, потому что старые люди были

добрѣе: они не были такъ придирчивы и на все смотрѣли легко. Къ тому же далеко не всѣ подряжались у китайцевъ. Было дѣло и выгоднѣе, какъ, напримѣръ, увезти въ Хӱхӱ-хотò изъ Монголіи и продать тамъ гучжѝръ, или соль».

«Во всѣхъ этихъ случаяхъ», говорилъ я, «происходило одно: вы изнуряли казенныхъ верблюдовъ и, конечно, возвращались не въ срокъ; слѣдовательно ваши войска и чиновники должны были голодовать. Я удивляюсь только, какъ они не доносили объ этомъ и что могли вы говорить въ свое оправданіе?»

«О, наши чиновники никогда не голодовали; да и зачѣмъ имъ хлѣбъ, если у нихъ есть мясо? О приходѣ нашихъ карамановъ мало кто и думалъ: ушли, такъ и придутъ назадъ. Вы знаете, что искони былъ у насъ порядокъ мѣнять верблюдовъ въ Ялтӯ и въ Харà-нидӯнѣ. Но это только говорилось, что мѣняли; а на самомъ дѣлѣ такой смѣны начальство никогда не высылало. Ну, пріѣдемъ и скажемъ, что верблюды изнемогли, потому что путь далекій, а смѣны не было. Къ тому же тогда посылали только по 380 верблюдовъ, а количество хлѣба было то же самое: вьюки были тяжелые и отговорка была хорошая. Верблюдовъ, правда, много погибало, а еще больше изнурялось въ конецъ; но скота въ ту пору было такъ много, что о немъ незадумывались. Нужно сейчàсъ скотину, идешь въ чжисàнъ, скажешь, что на скотинѣ болѣзнь, цзасàкъ и прикажетъ взять у китайцевъ за счетъ хошӯна, а хошӯнъ тамъ уже заплатитъ.

«А чиновники, которые ѣздили закупать хлѣбъ и были начальниками карамановъ, развѣ они не спрашивали у васъ относительно верблюдовъ?»

«Кто же будетъ спрашивать? Чиновники тогда тоже были довольны, потому что, по тогдашнимъ порядкамъ, хлѣбъ покупали по рыночной цѣнѣ, и по всѣмъ правиламъ рынка. А вы знаете китайскій обычай: сегодня купилъ, а черезъ полгода, или черезъ годъ отдавай деньги, да и то со скидкою %. Всѣ эти % чиновникъ и бралъ себѣ[1]); да при томъ еще и жилъ-то онъ на китайскій счетъ, а угощали купцы не только его, но и насъ всѣхъ. Теперь не то: приказано платить тотчасъ же всю рыночную цѣну. Какъ объявили это, китайцы, конечно, не дураки, — знаютъ, что имъ все равно будетъ сполна заплачено и не даютъ % чиновникамъ, развѣ — подарки, да угощеніе».

«Ну, а вы-то ужели перестали теперь брать подряды китайскихъ купцовъ, или возить соль и гучжѝръ?»

«Да, положимъ, если и не перестали совсѣмъ, то все же выгоды-то той нѣтъ: теперь при каждомъ караванѣ ѣдетъ китайскій чиновникъ для надсмотра. Если взять подрядъ у китайца, то половину платы, а то и двѣ

1) Объ условіяхъ китайскаго торга см. т. VI этого труда.

трети нужно отдать ему. Какой же можетъ быть при этомъ доходъ?» Старикъ вздохнулъ и махнулъ рукой. Послѣ сего разговоры наши перешли на его частную, семейную жизнь.

23-е Сентября. Среда.

5 ч. —18°; 7 ч. —10°; 9 ч. —1°; 12 ч. +4°; 3 +4°; 6 ч. —2; 9 ч. —9½°.

Мѣсто нашего ночлега было опять-таки на Цзагасутàйнъ-гӧлѣ, ибо потоки, сливающіеся съ Цзагасутàйнъ-даба̄, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ, носятъ одно названіе, только первый впадаетъ въ Идэрыйнъ-гӧлъ, а второй, называясь, какъ мы видѣли, въ своемъ нижнемъ теченіи Чигистӱйнъ-гӧломъ,—въ Богдòйнъ-гӧлъ. Выступивъ въ походъ въ 7 ч. утра, мы двинулись внизъ по теченію Цзагасутàйнъ-гӧла. Вершины Цзагасутàйнъ-даба̄ какъ на сѣверной, такъ и на южной сторонѣ его весьма походятъ другъ на друга: та же узкая вверху, но расширяющаяся книзу падь, изъ края въ край покрытая болотистыми кочками, представляющими собою въ настоящую пору нѣчто вродѣ заледенѣлой тундры. Мѣстами на самой линіи пути выступаютъ каменистыя пространства, на которыхъ громадныя каменныя глыбы и валуны лежатъ безпорядочными массами. Судить по нашему,— колесная дорога здѣсь немыслима; а между тѣмъ здѣсь проходитъ масса телѣгъ, на которыхъ провозятъ товары въ хӱрэ̄ни Илагӱхсанъ-хутухтӹ и Дӱргэчѝ-вàна, а равно въ прилежащіе имъ хошӯны, а изъ этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, вывозятъ немало произведеній монгольской степи. Въ 9 ч. 30 м. дорога наша круто повернула на сѣверъ, по пади, называемой Солòнъ-амà. Отсюда пошла прекрасная широкая и ровная дорога, лишь изрѣдка подходящая близко къ незначительному ручью Солòнъ-гӧлъ и идущая косогоромъ у его русла. Протяженіе этой пади не свыше пяти верстъ, такъ какъ, спустившись по ней, мы въ 11 часовъ сдѣлали уже новый поворотъ, къ востоку, отъ котораго начинается пологій подъемъ на такъ называемый Битӯдыйнъ-дӧрӧльчжѝ, возвышающійся громадною терассою въ два уступа. На первый изъ этихъ уступовъ мы поднялись въ 12 ч. 30 мин. и на вершинѣ терассы нашли два незначительныхъ озера. Первое изъ нихъ, имѣющее версты 1½ въ окружности, называется Та́гыйнъ-нӯръ, второе, находящееся отъ перваго въ 20 м. ѣзды, не имѣетъ особаго названія и гораздо меньше перваго; вода въ немъ горько-соленая и пить ее могутъ только животныя, тогда какъ изъ озера Та́гыйнъ-нӯръ постоянно берутъ воду и кочующіе здѣсь монголы. Поднимаясь на вторую ступень Битӯдыйнъ-дӧрӧльчжѝ, мы встрѣтили здѣсь большіе табуны, принадлежащіе Илагӱхсанъ-гэгэ̀ну; всѣ бывшія здѣсь лошади были рыжей масти. Спускъ съ Битӯдыйнъ-дӧрӧльчжѝ очень крутой, такъ что въ телѣгахъ по нему можно спу-

скаться лишь описывая ломаныя линіи по косогору. Спускъ этотъ приводитъ въ чрезвычайно красивую долину Битӯдыйнъ-нӯра, небольшаго озера, со

Долина озера Битӯдыйнъ-нӯръ.

всѣхъ сторонъ окруженнаго горами. Изъ этой долины слѣдуетъ дальнѣйшій спускъ внизъ по р. Битӯдыйнъ-гӧлу. Дорога, слѣдуя теченію этой рѣки, направляется нѣсколько на юго-востокъ, а потомъ поворачиваетъ прямо къ востоку и переваливаетъ черезъ такъ называемый Битӯдыйнъ-хӯтӯ̀ль. Съ вершины этого хӯтӯ̀ля мы въ 3 часа дня увидали довольно широкую долину Идэры̀йнъ-гӧла, на восточной окрайнѣ которой былъ расположенъ хӯрӭнь Илагӯхсанъ-хутухты̀. Долина эта имѣетъ богатое орошеніе. Спустившись съ Битӯдыйнъ-хӯтӯ̀ля, мы должны были переправиться прежде всего черезъ рѣчку Битӯдыйнъ-гӧлъ, имѣющую не выше 2 саж. ширины; потомъ черезъ четверть часа переѣхали черезъ другую рѣчку, Яматӯ̀-гӧлъ, сажени въ 4 шириною, и наконецъ въ 4 ч. 15 м. прибыли къ монастырю Илагӯхсанъ-гэгэ̀на, стоящему уже на берегу значительной рѣки Идэры̀йнъ-гӧла, ширина коей въ разныхъ мѣстахъ долины протирается отъ 15 до 20 саженей.

24-е Сентября. Четвергъ.

5 ч. —10°; 9 ч. +6°; 12 ч. +9°; 3 ч. +7°; 6 ч. —1°; 9 ч. —4°.

Вчера, прибывъ къ монастырю Илагӯхсанъ-хутухты̀, я тотчасъ же послалъ свою визитную карточку Шанцзотба̀-цзасакъ ламѣ, который немедленно отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, съ вопросомъ — благополучно ли я пріѣхалъ и просьбою пожаловать къ нему. Визитъ мой къ шанзотбѣ продолжался не

болѣе получаса, а вслѣдъ засимъ пришелъ ко мнѣ и самъ шанзотбà, съ которымъ я и провелъ цѣлый вечеръ въ бесѣдахъ о хутухтѣ, его шабинàрахъ, монастырѣ и современномъ положеніи вѣдомства хутухты. Изъ разговоровъ этихъ мною было узнано слѣдующее.

Исторіи перерожденій и жизни отдѣльныхъ хубилгàновъ Илагӯхсанъ-хутухты халхасы не имѣютъ у себя вовсе; тѣмъ не менѣе, какъ и относительно всѣхъ другихъ монгольскихъ гэгэновъ, они полагаютъ, что первый изъ хубилгàновъ Илагӯхсанъ-гэгэна явился еще во времена будды Сакъямӯни и состоялъ въ числѣ 500 ближайшихъ учениковъ его. Отъ временъ бурхàнъ-бакшѝ, Илагӯхсанъ-хутухтà послѣдовательно десять разъ перерождался сначала въ Индіи, потомъ въ Тибетѣ и, наконецъ, со времени одиннадцатаго перерожденія, хубилгàны его появились въ Монголіи, собственно въ городѣ Хӯхӯ-хотò. Сколько именно было перерожденій его въ Хӯхӯ-хотòнѣ,—халхасы не знаютъ; но у нихъ хранится преданіе, что когда хубилгàны Илагӯхсанъ-гэгэна переселились въ Халху, то шабинàры ихъ остались на старыхъ мѣстахъ и теперь носятъ званіе хōшановъ, т. е. буддійскихъ монаховъ краснаго толка. Изъ числа хубилгàновъ, перерождавшихся въ сѣверо-западной Монголіи, халхасы помнятъ только четырехъ. Старѣйшій изъ нихъ возродился якобы въ хошӯнѣ дà-тӯшѣ-гӯна (Дамдинъ-сорона) цзасактӯ-хāновскаго àймака, но когда это было, они не помнятъ, равно какъ и о дѣятельности этого хутухты разказовъ у нихъ, кажется, не существуетъ вовсе, помимо лишь простой догадки, что проживалъ онъ въ хошӯнной хӯрѣ дà-тӯшѣ-гӯна [1]). Болѣе извѣстенъ преемникъ его, о которомъ существуетъ вѣрованіе, что онъ появился въ городѣ Кобдò и родился изъ цвѣтка. Обстоятельства, какъ раскрылся этотъ цвѣтокъ и какъ въ самой сердцевинѣ его показался сидящимъ малютка, увидалъ какой-то благочестивый лама, пришедшій въ Кобдò съ подругою своей жизни изъ хошӯна Уйцзанъ-тӯшѣ-гӯна тӯшѣтӯ-хāновскаго àймака, а потому и хубил-

1) По соображеніи историческихъ обстоятельствъ, такое молчаніе монгольскаго преданія дѣлается вполнѣ понятнымъ. Первое возрожденіе Илагӯхсанъ хутухты въ Халхѣ явилось послѣ того, какъ хутухты эти съ большимъ скандаломъ окончили свою исторію въ Хӯхӯ-хотò. По преданіямъ, сохранившимся у хӯхӯ-хотòскихъ ламъ, послѣдній хӯхӯ-хотòскій Илагӯхсанъ-хутухтӯ, за оказанное имъ непочтеніе богдохāну Канси, былъ зарубленъ китайскимъ генераломъ (см. Т. II, Дневникъ 1893 г., въ главѣ «Хӯхӯ-хотò»); по дѣйствительнымъ сказаніямъ исторіи, хутухта этотъ, въ періодъ войнъ Галдана, измѣнилъ китайскому богдохāну, а засимъ схваченный и представленный ко двору, былъ казненъ китайцами. Вѣрить ли въ данномъ случаѣ преданію, или исторіи, несомнѣнно то, что Илагӯхсанъ хутухтӯ навлекъ на себя гнѣвъ маньчжурскаго правительства и новое возрожденіе его должно было скрываться по крайней мѣрѣ во все царствованіе Канси. Этимъ и объясняется, конечно, почему первый халхàскій хубилганъ Илагӯхсанъ-хутухты возродился въ такомъ захолустьи, какъ хошӯнъ да-тӯшѣ-гуна цзасактӯ хāновскаго àймака и во всю свою жизнь ни разу не явился общественнымъ дѣятелемъ.

гàнъ этотъ, уже по происхожденію его воспитателей, почитается Уйцзанъ-тӯшѣ-гӯновскимъ. Принявъ посвященіе въ ламство, хубилгàнъ этотъ впервые сдѣлался извѣстенъ пекинскому правительству и былъ включенъ онымъ въ списки халхаскихъ перерожденцевъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ настоятелемъ кобдòскаго Шарà-сӯмэ и управлялъ этимъ монастыремъ безсмѣнно болѣе 30 лѣтъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, ӱйцзанъ-гӯновскій хубилгàнъ Илагӯхсанъ-хутухты собралъ значительное число шабинàровъ и накопилъ порядочныя средства, что дало ему возможность обосновать уже свой собственный монастырь. Это такъ называемая «Эбӯгэнъ-хӯрэ̄», находящаяся верстахъ въ 16-ти къ западу отъ Улясутàя. Говорятъ, что Илагӯхсанъ-гэгэнъ отдѣлалъ и приспособилъ кумирни этой прежде бѣдной обители ко всякаго рода торжественнымъ хурàламъ. Здѣсь провелъ этотъ хутухтà остатокъ дней своихъ и, скончавшись въ преклонной старости, былъ похороненъ въ большой кумирнѣ того же хӯрэ̄ня, гдѣ и доселѣ хранятся въ золотомъ субургàнѣ его шарѝль, или мощи, подъ именемъ «ханбò-гэгэнэй-шарѝль». Ему наслѣдовалъ новый хубилгàнъ, бывшій младшимъ братомъ Далàй-вàна, по сосѣдству съ хошӯнными землями котораго стоитъ теперь и монастырь Илагӯхсанъ-хутухты. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и знаменитыхъ Илагӯхсанъ-хутӯхтъ, чему, несомнѣнно, способствовало и самое его происхожденіе отъ владѣтеля значительнаго хошӯна. Увеличивъ число своихъ шабинàровъ почти вдвое противъ ихъ прежняго числа, въ чемъ особливо помогъ ему братъ его, нынѣшній Далàй-вàнъ, этотъ Илагӯхсанъ-хутухтà выхлопоталъ въ Пекинѣ самостоятельное и независимое отъ хошӯннаго управленіе для своихъ шабинàровъ и получилъ отъ богдохāна серебряную печать правителя. Въ продолженіе своей жизни онъ пять разъ былъ вызываемъ въ Пекинъ въ званіи очередàго служителя при дворцѣ богдохāна, и въ каждую такую поѣздку успѣвалъ получать себѣ или какое-либо новое внѣшнее отличіе, или какой-либо титулъ. Наконецъ вѣнцемъ его дѣятельности было пріобрѣтеніе отдѣльныхъ земель для своихъ шабинàровъ, каковое обстоятельство совершилось около 1867 г. Заручившись этими землями, Илагӯхсанъ-хутухтà перенесъ свою резиденцію изъ Эбӯгэнъ-хӯрэ̄ на Идэрѣйнъ-гōлъ, построивъ здѣсь свой настоящій монастырь. Онъ умеръ въ 1880 году, имѣя 63 г. отъ роду и мощи его въ золотомъ субургàнѣ хранятся нынѣ въ особой кумирнѣ. Настоящій хубилгàнъ Илагӯхсанъ-гэгэна родился въ 1881 году и по происхожденію также княжескаго рода: онъ сынъ Дзà-гӯна цзасактӯ-хāновскаго àймака. Хубилгàнство его было опредѣлено ургѝнскимъ хутухтòю въ 1882 году, послѣ чего черезъ 4 года онъ, съ особаго утвержденія и разрѣшенія богдохāна, былъ перевезенъ въ монастырь и посаженъ на каѳедру. Какъ не достиг-

шій еще 18-тилѣтняго возраста, онъ въ настоящую пору не имѣетъ у себя тамгѝ, почему дѣломъ управленія шабинàрами всецѣло завѣдуетъ теперь тотъ самый шанцзотбà-цзасàкъ ламà Санчжѝ, который велъ со мною эту бесѣду. Воспитаніемъ ребенка завѣдуютъ ламы; онъ уже сполна усвоилъ себѣ кругъ буддійскихъ хураловъ, хотя науками съ нимъ занимаются главнымъ образомъ зимою; въ лѣтнее время онъ, какъ ребенокъ, или гуляетъ, или катается верхомъ по степи и ведетъ чисто дѣтскую жизнь.

Полный и оффиціальный титулъ, усвоенный теперь Илагӯхсанъ-хутӯхтамъ, слѣдующій: [illegible]. Впрочемъ, титулъ этотъ употребляется только именно въ оффиціальныхъ бумагахъ; въ просторѣчіи онъ не извѣстенъ вовсе и народъ не знаетъ другого имени для этого хутухты̀, помимо Илагӯхсанъ-гэгэ̀на. Отдѣльныхъ хубилга̀новъ его по именамъ также не называютъ. Дѣлается это якобы изъ почтенія къ личности, а въ дѣйствительности, пожалуй, просто потому, что имена эти, за малоупотребительностію ихъ, забыты. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что даже цзасàкъ-ламà не могъ назвать мнѣ хубилга̀новъ по именамъ и сказалъ, что объ этомъ нужно справиться ему въ бумагахъ. Въ обычномъ разговорѣ хубилга̀ны Илагӯхсанъ-гэгэ̀на различаются монголами по происхожденію: 1-й называется да̀-тӯшѣ-гӯновскимъ, 2-й извѣстенъ подъ названіями или кобдòскаго, или ӱйцзанъ-гӯновскаго, или родившагося изъ цвѣтка (буйанъ цэцэгтэй), 3-й зовется далàй-ва̀новскимъ, а настоящій — дзà-гӯновскимъ.

Земли, опредѣленныя подъ кочевья шабина̀ровъ Илагӯхсанъ-хутухты̀, въ настоящую пору ограничиваются на западѣ Цзагасута̀йнъ-дабӑн'омъ, на сѣверо-западѣ частію Нарӣнъ-дабӑномъ, а частію доходятъ до станціи Ӱбӱръ-улӑкчинъ, существующей на улясута̀йско-дзиндзилӣкскомъ почтовомъ трактѣ; на сѣверѣ — онѣ доходятъ до озера Хунтӯ-холбӑ-нӯръ, и на востокъ—до возвышенности Ханда̀йнъ-дӧрӧльчжѝ. Какъ уже было замѣчено выше, мѣста эти были отведены подъ кочевья шабина̀ровъ только въ 1867 г., до того же времени они составляли окрайныя урочища хошӯновъ: съ юга Хошӯчи-бэ̀йсэ са̀йнъ-ноӣновскаго а̀ймака, съ сѣвера — Дзà-гӯна цзасактӯ-хӑновскаго а̀ймака, съ сѣверо-востока Далàй-ва̀на, Чжà-цзасака̀ и цэцэ̀нъ-ва̀новскихъ людей, обязанныхъ службою въ Улясута̀ѣ. Какъ урочища, пограничныя въ хошӯнахъ, мѣста эти почитались почти нейтральными у ихъ правителей, оттого-то и пріобрѣтеніе ихъ было сравнительно легко для хутухты̀; за всѣмъ тѣмъ хлопоты о закрѣпленіи этихъ земель за шабина̀рами стоили Илагӯхсанъ-хутухтѣ въ Пекинѣ болѣе

12,000 ланъ серебра, т. е. около 25,000 серебряныхъ рублей на наши деньги.

Шабинàры Илагӯхсанъ-хутухтѣ̀ въ настоящую пору раздѣ̀ляются на три отòка: Барӯнъ, Цзӯнъ и Хòйту; общее же число ихъ опредѣ̀лить теперь очень трудно. Имѣ̀я въ виду, что халхаскіе хутухтѣ̀ могутъ получать самостоятельное управленіе только въ томъ случаѣ̀, если количество ихъ шабинàровъ возрастетъ до 700 семей, необходимо было бы предположить a priori, что у Илагӯхсанъ-хутухтѣ̀ ни какъ не менѣе означеннаго числа; но на дѣ̀лѣ̀ это далеко не такъ. Шанцзотбà-цзасàкъ увѣ̀рялъ меня, что такого количества шабинàровъ даже и никогда не бывало у хутухтѣ̀. Дѣ̀ло объявленія Илагӯхсанъ-гэгэ̀на самостоятельнымъ правителемъ всецѣ̀ло принадлежитъ прошлому хубилгà̀ну и брату его Далàй-вà̀ну. Оба они были одинаково честолюбивы, при томъ же будучи родными братьями, почти не раздѣ̀ляли своихъ интересовъ и не могли не находить выгоднымъ увеличенія своихъ земель на счетъ другихъ хошӯновъ. Говорятъ, что желая возбудить вопросъ объ утвержденіи Илагӯхсанъ-гэгэ̀на самостоятельнымъ правителемъ, братъ его Далàй-вà̀нъ, ради приближенія числа шабинàровъ хутухтѣ̀ къ законной нормѣ̀ 700 семей, просто удѣ̀лилъ ему, номинально, часть своихъ податныхъ, хотя и при этомъ 700 семей у хутухтѣ̀ все-таки не выходило, оттого-то и нужно было производить имъ большіе расходы по этому дѣ̀лу, давая взятки въ Пекинѣ̀. Въ настоящее время самъ бесѣ̀довавшій со мною цзасàкъ-лама̀ не могъ сказать мнѣ̀ точнаго числа шабинàровъ, такъ какъ въ оффиціальные списки вносятся у нихъ только семьи, дѣ̀йствительно платящія подати, неспособныхъ же платить они не записываютъ вовсе. Число платящихъ семей доходитъ до 312-ти. Подати, вносимыя ими въ казначейство хутухтѣ̀, особливо сравнительно съ хошӯнными, должны быть признаны весьма незначительными: они платятъ никакъ не болѣе 10 овецъ со 100. Доходы эти идутъ прежде всего на содержаніе управленія, а засимъ на уплату долговъ, сдѣ̀ланныхъ какъ прошлымъ хутухтòю при поѣ̀здкахъ его въ Пекинъ, такъ и по судбищамъ, возникшимъ уже послѣ̀ его смерти. Долговыя обязательства Илагӯхсанъ-гэгэ̀новцевъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, китайскимъ банкирамъ фирмы Насутӯ, которая снабжала вѣ̀домство хутухтѣ̀ деньгами на веденіе дѣ̀ла по пріобрѣ̀тенію земель, на постройку монастыря, покупку бурхà̀новъ, пріобрѣ̀теніе ганьчжӯра и даньчжӯра, на сооруженіе золотого субургà̀на для мощей хутухтѣ̀ и проч. Масса этихъ долговъ почти всею своею тяжестью лежала на вѣ̀домствѣ̀ хутухтѣ̀ еще въ пору его жизни, по смерти же его она возрасла, пожалуй, еще болѣе, вслѣ̀дствіе новыхъ судбищахъ, возникшихъ въ силу ниже слѣ̀дующихъ обстоятельствъ. Мы говорили уже, что

въ пору ходатайства о дарованіи Илагӯхсанъ хутухтѣ земель и обоснованіи изъ его шабинàровъ самостоятельнаго административнаго вѣдомства, Далàй-вàнъ почти номинально передалъ ему часть своихъ податныхъ людей. Точнѣе сказать, дѣло обстояло такъ, что Далàй-вàнъ только заявилъ правительству, яко бы, по благоговѣнію къ вѣрѣ Будды, онъ намѣренъ поднести такія-то семьи Илагӯхсанъ хутухтѣ и проситъ на сіе разрѣшенія правительства; а Илагӯхсанъ хутухтà, одновременно съ этимъ, ссылаясь на то, что Далàй-вàнъ подноситъ ему столько-то семей и что съ причисленіемъ этихъ семей число его шабинàровъ возрастетъ до 750 дворовъ, просилъ утвердить его отдѣльнымъ правителемъ. Но какъ объ обособленіи вѣдомства хутухты было не мало спеціальныхъ хлопотъ, а о перечисленіи податныхъ далàй-вàновскаго хошӯна въ вѣдомство шабинàровъ не только не заботились, а и упомянули о немъ только одинъ разъ, то дѣло перечисленія замедлилось и разрѣшенія на него не было получено даже и послѣ того, какъ хутухтà былъ утвержденъ самостоятельнымъ правителемъ. Само собою разумѣется, что и хутухтà не особенно заботился объ этомъ, такъ какъ у него съ братомъ это дѣло было общее. Получивъ земли, хутухтà и Далàй-вàнъ позаботились лишь о томъ, чтобы всѣ семьи, о которыхъ было заявлено правительству, кочевали если не на самыхъ земляхъ хутухты, то по крайней мѣрѣ поблизости къ нимъ. Послѣ смерти Далàй-вàновскаго хубилгàна, случившейся въ 1880 году, многіе изъ этихъ quasi шабинàровъ, можетъ быть даже не безъ вліянія Далàй-вàна, разбѣжались и перешли снова въ хошӯнное вѣдомство. Между тѣмъ новый хубилгàнъ возродился въ хошӯнѣ Чжà-цзасакà, совершенно чуждомъ далàй-вàновскому; управлять шабинàрами Илагӯхсанъ хутухты начали ламы, которые, понятно, не захотѣли уступить своего и вотъ они предъявили искъ къ Далàй-вàну, обвиняя послѣдняго въ задержаніи и укрывательствѣ шабинàровъ хутухты, въ отвѣтъ на что Далàй-вàнъ началъ отстаивать за собою своихъ податныхъ, такъ какъ на перечисленіе ихъ въ вѣдомство хутухты не было получено разрѣшенія изъ Пекина. Дѣло это длилось около 12-ти лѣтъ и стоило гэгэновскому сàну въ Пекинѣ свыше 10,000 ланъ, пока ему ни удалось наконецъ въ настоящемъ году выхлопотать себѣ утвержденіе этихъ шабинàровъ. Черезъ десять дней послѣ моего выѣзда изъ хӯрѣня должно было состояться засѣданіе депутатовъ хошӯннаго и шабѝнскаго вѣдомствъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ чигӯлгану даргѝ, та и другая сторона должны были заслушать рѣшеніе Ли-фань-юаня, разсмотрѣть состояніе и современное положеніе бѣжавшихъ семей, и засимъ хошӯнное вѣдомство должно было передать эти семьи въ вѣдомство хутухты.

Верховнымъ правителемъ вѣдомства Илагӯхсанъ-хутухты состоитъ

въ настоящее время, какъ и у другихъ хутухтъ, шанцзотба̀, только здѣсь, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ хутухтинскихъ вѣдомствъ, онъ носитъ титулъ «шанцзотба̀-цзаса̀къ-лама». Онъ выбирается изъ наиболѣе способныхъ и образованныхъ ламъ чигӯлгану-даргòю са̀йнъ-нойновскаго а̀ймака, который черезъ посредство Ли-фань-юаня и представляетъ избраннаго на утвержденіе богдоха̄на. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ, шанцзотба̀ получаетъ отъ пекинскаго правительства печать и послѣ сего вѣдаетъ шабина̀ровъ уже совершенно на правахъ хошӯннаго цзасака̀; различіе здѣсь только въ томъ, что управленіе шанцзотбы̀ исключительно гражданское, такъ какъ шабина̀ры вообще не обязаны военной службой у китайскаго правительства. Помощникомъ шанцзотба̀ цзаса̀къ-ламы является дэмчѝ-лама, по кругу своихъ правъ и дѣятельности равняющійся хошӯнному тусалакчѝ. Онъ замѣняетъ и держитъ печать шанцзотбы̀ во время его отсутствія. Лица, занимающія эту должность, выбираются и опредѣляются однако только чигӯлгану-даргòю и о назначеніи ихъ въ Пекинъ даже не доносится. Далѣе слѣдуютъ даргѝ отòковъ и цза̀йсаны. Всего въ вѣдомствѣ Илагӯхсанъ-хутухты̀ полагается ихъ семь человѣкъ.Они выбираются и утверждаются цзаса̀къ-ламòю, на обязанности же ихъ лежитъ сполна, во-первыхъ, управленіе отòками и, во-вторыхъ, поочередное присутствованіе въ я̀мунѣ шанцзотбы̀ для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ, поступающихъ въ это учрежденіе. Ближайшими помощниками ихъ по управленію отòками являются «шӯлэнги», которыхъ полагается, впрочемъ, только по одному въ каждомъ отòкѣ. Это власть исключительно распорядительная, по отношенію къ исполненію постановленій я̀муня. Въ подчиненіи у каждаго шӯлэнги имѣется только по нѣскольку дэмчѝ, которыхъ шӯлэнги разсылаютъ въ предѣлахъ своего вѣдомства за сборомъ податей, вызовомъ людей по требованію я̀муня и проч.

Въ шанцзотбѝнскомъ я̀мунѣ Илагӯхсанъ хутухты̀, мѣняясь мѣсячною очередью, засѣдаютъ постоянно одинъ даргà, одинъ цза̀йсанъ и четыре писца. Жалованья они, равно какъ и всѣ служащіе по управленію вѣдомствомъ, не получаютъ никакого и во время очереднаго присутствованія въ я̀мунѣ получаютъ только жилище, равно какъ и содержаніе пищею изъ шабѝнскаго са̀на.

Хӯрэ̄ Илагӯхсанъ хутухты̀ располагается на обширной долинѣ Идэры̀йнъ-гбла, окруженной горами: на югѣ — Сэбчжѝнъ-балбòръ, которую чествуетъ самъ Илагӯхсанъ-гэгэ̀нъ; на западѣ — Битӯдӯ-ӯла и Ургату̀-ӯла; на сѣверѣ — Хандӯ-ӯла и на востокѣ — Дарха̀нъ-ӯла, которой приноситъ свои жертвы Цзӯнъ-отòкъ. Въ общемъ хӯрэ̄ эта раздѣляется на двѣ части: первая — цзӯнъ (восточная) хӯрэ̄ и вторая — барӯнъ (западная) хӯрэ̄, при

чемъ каждая изъ этихъ частей представляетъ собою совершенно особый монастырь. Въ первомъ хўрэ̄ни сосредоточены почти всѣ служебные дугўпы: цокчѝнъ, чòйра, мàйдари, цзў̄нъ-àймакъ, барў̄нъ-àймакъ и хóйту-àймакъ, содержимые тремя отòками. Самыя кумирни эти не представляютъ по своей внѣшности ничего отличнаго отъ обычныхъ кумирень Монголіи, но въ обстановкѣ ихъ замѣчается нѣкоторая смѣсь съ китайщиною. Произошло это оттого, что далàй-вàновскій хубилгàнъ Илагў̄хсанъ гэгэ̀на, желая, вѣроятно, особливо угодить маньчжурамъ, въ началѣ 60-хъ годовъ вдругъ сдѣлалъ докладъ богдохā̀ну, въ коемъ объяснялъ, что его прозорливому духу извѣстны всѣ его древнія перерожденія и якобы въ одномъ изъ этихъ перерожденій онъ возрождался въ числѣ тридцати двухъ богатырей, сопутствовавшихъ Гэсэ̀ру, или китайскому Гуань-ди, особливо чествуемому маньчжурской династіей. На этомъ основаніи онъ просилъ богдохā̀на разрѣшить ему чествованіе Гэсэ̀ра во вновь обосновываемомъ имъ монастырѣ. Въ Пекинѣ, конечно, не нашли для этого никакихъ препятствій, и съ тѣхъ поръ въ главномъ цокчѝнскомъ дугў̀нѣ хўрэ̄ня Илагў̄хсанъ-хутухты̀ ежедневно совершается жертвоприношеніе въ честь Гэсэ̀ра; впереди цокчѝна

Кумирня Гэсэ̀ра въ монастырѣ Илагў̄хсанъ-хутухты̀.

по обѣимъ сторонамъ дугў̀на, по китайскому обычаю, построены два кіоска въ которыхъ повѣшены китайскій колоколъ и барабанъ; между ними, прямо передъ дверями кумирни, поставленъ бў̀йпўръ (курильница) для сожженія хўчжѝ—такъ какъ, по убѣжденію монголовъ, безъ этихъ предметовъ чество-

ваніе Гэсэ̀ра не возможно. Цокчѝнскій дугу̀нъ занимаетъ первое мѣсто, т. е. является самою южною кумирнею въ восточномъ хӯрѣнѣ. Позади его, занимая сѣверную сторону монастыря, располагаются въ рядъ: 1) Майдарѝйнъ-сӯмэ̀, т. е. кумирня въ честь Ма̀йдари, идолъ котораго сдѣланъ здѣсь величиною въ 25 локтей; 2) Чо̀йрайнъ-сӯмэ̀, въ которомъ отправляютъ свое служеніе ламы, изучающіе цанѝтъ, и наконецъ 3) Гуду̀нъ, въ которомъ хранятся мощи, или шарѝль дала̀й-ва̀новскаго хубилга̀на Илагӯхсанъ-хутухтѣ. Гуду̀нъ представляетъ собою зданіе, внутри даже мало похожее на кумирню, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни ламскихъ сѣдалищъ, ни другихъ принадлежностей совершенія хура̀ловъ. Небольшое зданіе это состоитъ изъ одной комнаты, пересѣкаемой съ сѣвера на югъ двумя рядами колоннъ, украшенныхъ раззолоченными изображеніями драконовъ. Стѣны Гуду̀на сплошь росписаны изображеніями «на̀йманъ-тахѝль», «долбнъ-эрдэнѝ» и рисунками изъ разнаго рода тӯчжи. Посреди зданія, между двумя рядами колоннъ, уставленъ мѣдный, литой и вызолоченный «арсаланту̀-тэбцэ̀нъ», имѣющій въ каждой изъ своихъ сторонъ по девяти чѝ, т. е. около 4 аршинъ длины, а на немъ поставлена фигура субурга̀на. Субурга̀нъ этотъ именуется золотымъ, хотя въ дѣйствительности онъ только серебряный, покрытый густою позолотою. Вѣсъ его мнѣ опредѣлили во 100 гиновъ, т. е. около 3 пуд. 29 ф. Въ субурга̀нѣ этомъ хранится шарѝль-гэгэ̀на, въ видѣ бальзамированнаго и раззолоченнаго трупа, одѣтаго въ ламскія одежды и посаженнаго въ молитвенной позѣ. По угламъ субурга̀на поставлены бронзовыя литыя изображенія четырехъ махара̀нца, величиною въ 10 вершковъ каждый и засимъ передъ самымъ арсаланту̀-тэбцэ̀номъ уставленъ столъ съ жертвами. Ниже его скамья съ жертвенными сосудами, курильницами, пепельницами, музыкальными инструментами и пр. Аймà̀чные дугу̀ны хӯрѣня Илагӯхсанъ-хутухтѣ не представляютъ собою ничего особеннаго; но здѣсь впервые пришлось мнѣ видѣть особое устройство чо̀йрайнъ, или цанидѣ̀йнъ дугу̀на, назначеннаго спеціально для производства въ немъ богословскихъ диспутовъ. Зданіе представляетъ собою простую деревянную бесѣдку со стѣнами на сторонахъ сѣверной, западной и восточной и открытую со стороны южной. Односкатная крыша этой бесѣдки покатая на сѣверъ поддерживается на югѣ тремя колоннами и въ этомъ видѣ все зданіе чрезвычайно напоминаетъ собою эстрады, устраиваемыя въ нашихъ публичныхъ садахъ для музыкантовъ. Пространство подъ крышею эстрады почти совершенно пусто. Изображеній бурха̀новъ имѣется только два и именно, подъ крышею, въ небольшой аляповато сдѣланной деревянной рамкѣ заключено рисованное изображеніе 21-го хубилгана богини Дара̀ эхэ̀ и засимъ на полу, у сѣверной стѣны, установлено рѣзное изъ дерева изображеніе горы, окрашен-

ной въ зеленый цвѣтъ. На вершинѣ горы выдолблена ниша, въ родѣ пещеры, въ которую вставленъ докшѝтъ Сэ̀ндама. Помимо этихъ двухъ изображеній, нѣсколько впереди горы Сэ̀ндамы, поставлено низенькое деревянное сѣдалище для ширэ̄тӯя, спинка (тӯшилгэ̀) котораго украшена рисованнымъ изображеніемъ дракона, а по правую сторону этого сѣдалища есть еще одно сѣдалище, уже безъ спинки, для унза̀та. Въ пору совершенія религіозныхъ диспутовъ эстрада устилается рядами войлоковъ, на которыхъ садятся ламы. Дальнѣйшія частности этого совершенно новаго и неизвѣстнаго у насъ типа цанѝтскихъ кумирень, равно какъ и выясненіе каноническихъ основаній, по которымъ онѣ строятся въ этомъ видѣ, читатели найдутъ въ IV томѣ настоящаго труда, гдѣ мною будетъ представленъ и фотографическій снимокъ подобнаго цаниды̀йнъ дугӯна.

За стѣнами, впереди Цзӯнъ-хӯрэ̄ня, передъ самыми южными воротами онаго, находится небольшое озеро, чествуемое ламами, а на берегу его сложено маленькое четырехугольное зданьице изъ сырцеваго кирпича, въ которомъ стоитъ глиняный идолъ «гацзары̀йнъ-эцзэ̀на». Кумиръ имѣетъ форму китайскаго богатыря и держитъ въ обѣихъ рукахъ по сѣкирѣ. Постройка и чествованіе его совершены и отправляются по иниціативѣ Дала̀й-ва̀новскаго хубилга̀на, тѣмъ не менѣе ламы, сознавая, что это чествованіе имѣетъ въ основѣ шаманскія вѣрованія китайцевъ, не относятся къ оному съ должнымъ уваженіемъ.

Вторая часть монастыря, называемся у монголовъ Барӯнъ-хӯрэ̄, значительно меньше первой и составляетъ собственно жилище хубилга̀новъ Илагӯхсанъ хутухты̀. Отъ Цзӯнъ-хӯрэ̄ня она отстоитъ приблизительно на разстояніи 200 саж., въ промежуткѣ же между этими двумя хӯрэ̄нями построенъ хаша̄нъ, или дворъ Дала̀й-ва̀на. Въ пору жизни прежняго хубилга̀на, Дала̀й-ва̀нъ часто пріѣзжалъ въ монастырь, къ брату и всегда останавливался въ этомъ хаша̄нѣ; но теперь онъ не былъ здѣсь уже лѣтъ десять, и ограда его двора видимо разрушается. Что касается самаго Барӯнъ-хӯрэ̄, то онъ огороженъ частоколомъ изъ бревенъ лиственницы. Главныя ворота его обращены лицомъ на югъ и передъ ними расчищена большая площадь, огороженная рогатками, окрашенными въ красную краску, это — отличительная особенность и преимущество всѣхъ гэгэ̀новъ, пожалованныхъ самостоятельными правителями и имѣющихъ печать. Площадь эта назначается для борьбы и игръ во время монастырскихъ празднествъ. Проходъ съ площади за ограду Барӯнъ-хӯрэ̄ совершается черезъ ворота, построенныя изъ дикаго гранита, въ видѣ сквознаго сарая. Они называются «аса̀ръ-ба̀йшинъ», и когда на площади устраиваются игры, то гэгэ̀нъ и присутствующіе на празднествѣ князья смотрятъ ихъ, сидя подъ кровлею этихъ воротъ. За

воротами все пространство Барӯнъ-хӯрѣ раздѣляется съ юга на сѣверъ на три двора. Въ срединномъ изъ нихъ, саженяхъ въ 10 отъ южной стѣны, стоитъ ба̀йшинъ китайской архитектуры для лѣтняго помѣщенія хутухты, а въ такомъ же разстояніи отъ стѣны сѣверной находится кумирня, въ которой гэгэ̀нъ совершаетъ свои хура̀лы. Посредине между этими зданіями устроенъ высокій, круглый сӯринъ, или деревянный полъ. Здѣсь ставится юрта, въ которой гэгэ̀нъ проживаетъ въ зимнее время.

Изъ числа боковыхъ дворовъ хӯрѣня правый, или восточный, весь перегороженъ заборами и образуетъ собою до 30 маленькихъ двориковъ. Въ 3-хъ изъ такихъ двориковъ построены маленькіе, легкіе ба̀йшины, въ родѣ красивенькихъ бесѣдокъ, въ которыхъ гэгэ̀нъ иногда живетъ лѣтомъ; остальные дворики въ обычное время совершенно пустуютъ: назначаются они для помѣщенія князей, пріѣзжающихъ въ монастырь въ извѣстные праздники, для поднесенія даньшѝка хутухтѣ. На лѣвомъ, или западномъ дворѣ сосредоточены всѣ кладовыя и службы гэгэ̀новскаго дворца и помимо того здѣсь же проживаютъ лица, состоящія въ штатѣ хутухты̀, какъ его ближайшіе руководители, сотоварищи и прислужники.

Въ спискахъ хӯрѣня Илагӯхсанъ хутухты̀ въ настоящее время числится нѣсколько болѣе 200 ламъ, но далеко не всѣ они постоянно проживаютъ въ монастырѣ: многіе уходятъ къ своимъ роднымъ въ степь на два, на три мѣсяца, а воротившись въ хӯрѣнь и проживъ здѣсь такое же время, уходятъ въ степь снова. Такимъ образомъ постоянно служащихъ и учащихся ламъ въ монастырѣ рѣдко бываетъ болѣе сотни.

Содержаніе монастыря обезпечивается главнымъ образомъ приношеніями и пожертвованіями доброхотныхъ дателей. Пожертвованія эти приносятся то по случаю исполненія какихъ либо религіозныхъ требъ, то просто по благочестію; такъ, нанявшійся довезти меня до Урги монголъ, Бальчжѝнъ-хя̄, по обѣщанію, уже лѣтъ 15, ежегодно представляетъ въ цокчѝнскій са̄нъ монастыря по 20 кобылицъ, 10 овецъ съ ягнятами и 400 гиновъ муки. Такихъ вкладчиковъ считается до 18 человѣкъ. Изъ подобныхъ вкладовъ у монастыря образовалось своѐ имущество, основную статью коего составляетъ скотъ. Всего монастырское казначейство считаетъ у себя до 3000 головъ лошадей, отъ которыхъ получаетъ кумысъ на пропитаніе ламъ, деньгами же, ежегодно выручаемыми отъ продажи извѣстной части этихъ лошадей, содержатся кумирни и монастырскія учрежденія. Верблюдовъ монастырскій са̀нъ у себя почти не имѣетъ, а потому и не заработываетъ ничего перевозкою тяжестей. Подати, получаемыя съ хутухтѝнскихъ шабина̀ровъ, почти цѣликомъ уходятъ теперь на уплату долговъ и изъ общей суммы ихъ главное казначейство гэгэ̀на, по сло-

вамъ шанцотбы, давно уже не удѣляетъ на содержаніе монастыря ни одного чоха.

Что касается самого гэгэна, то онъ, конечно, имѣетъ право пользоваться для своего содержанія всѣми статьями доходовъ, получаемыхъ его вѣдомствомъ, хотя и никогда не поступаетъ такимъ образомъ. Для своего личнаго содержанія, равно какъ для содержанія своего дворца и штата, онъ имѣетъ у себя прежде всего свой собственный табунъ въ 3000 рыжихъ коней. Прежде у него былъ еще такой же табунъ бѣлыхъ лошадей, но онъ роздалъ его своимъ шабинарамъ. Нынѣ, помимо рыжаго табуна, у него имѣется до 2500 головъ еще такъ называемаго «солонго адуй», т. е. разномастнаго табуна. Пасутъ эти табуны отдѣльными косяками, въ 300—400 головъ, шабинары хутухты и за эту услугу они освобождаются отъ уплаты опредѣляемыхъ податей, а равно могутъ пользоваться молокомъ и другими продуктами коневодства, т. е. продавать гриву, хвосты, конскій волосъ; но весь приплодъ они обязаны отдавать въ пользу хутухты и возмѣщать всякую убыль, происшедшую отъ оплошности въ охранѣ; другими словами,— должны платить за украденное, съѣденное волками и пр.

При хурэни Илагухсанъ хутухты проживаютъ торгующіе китайцы. Они пріѣзжаютъ сюда изъ Урги, отъ фирмы Ванъ-шэнъ-куй (монгольское имя Байнъ-дорчжи) и торгуютъ какъ китайскими, такъ и русскими товарами. Торговля ихъ впрочемъ не особенно значительна и производится главнѣйше въ обмѣнъ на кожи и шерсть. Первыя направляются исключительно въ Кяхту, а вторая — въ собственный Китай. Всего отправляется этими китайцами въ разное время года до 280, или 300 верблюдовъ съ вьюками помянутыхъ произведеній монгольской степи.

25-е Сентября. Пятница.

5 ч. —7°; 9 ч. +7°; 12 ч. +11°; 3 ч. +8°; 6 ч. —0; 9 ч. —7°.

Выѣхали въ 5 ч. 25 м. утра и должны были направиться по дорогѣ прямо на сѣверъ, внизъ по теченію Идэрыйнъ-гола. Отъ монастыря Илагухсанъ-хутухты существуетъ собственно двѣ дороги на Ургу: кратчайшая изъ нихъ лежитъ прямо на востокъ, переваливаетъ черезъ Дарханъ-улу и по восточной пади этой горы спускается къ горѣ Тоно. Такимъ образомъ можно сократить по крайней мѣрѣ $^2/_3$ разстоянія до р. Чжиргаланту-гола; но этимъ путемъ можно проѣхать лишь верхомъ на лошади и не только для телѣги, а даже для вьючнаго верблюда движеніе по нему крайне затруднительно, чтобы не сказать невозможно вовсе. Спустя полчаса ходьбы мы приблизились къ берегамъ Идэрыйнъ-гола и переправились черезъ эту рѣку, которая въ мѣстѣ брода имѣетъ невысокіе, но обрывистые берега, шириною не свыше 20 саженей, при наибольшей глубинѣ въ 12 вершковъ.

Дно ея усѣяно довольно крупной галькой, что значительно затрудняетъ переправу. Отсюда дорога начинаетъ постепенный поворотъ къ сѣверо-востоку, и, оставляя берегъ рѣки, углубляется въ рядъ холмовъ, то поднимаясь на ихъ вершины, то спускаясь съ нихъ. Наиболѣе значительнымъ изъ такихъ подъемовъ былъ подъемъ на мысъ, протягивающійся къ сѣверу отъ Дархàнъ-ӯлы. Мы перевалили его въ 7 ч. утра и за симъ, перекрестивъ еще нѣсколько невысокихъ увaловъ, въ 7 ч. 50 м. оставили позади себя этотъ лабиринтъ пологихъ сопокъ. Въ открывшейся засимъ снова долинѣ Идэры̀йнъ-гӧла, на разстояніи одного часа ѣзды, мы повстрѣчали до 15 тюкюэскихъ могилъ, отличающихся особенно высокими насыпями въ центрѣ своего круга. Въ 9 ч. дорога поворотила прямо на юго-востокъ. Населеніе по Идэры̀йнъ-гӧлу крайне незначительно, и доселѣ мы только на лѣвомъ берегу замѣтили 5 юртъ, на правомъ же намъ не встрѣтилось рѣшительно ни одного монгола. Только въ 10 ч. 50 м. добрались мы до лѣсистой горы Тӧно, о которой прежде говорили намъ монголы какъ о пунктѣ соединенія дорогъ, идущихъ изъ хӯрѣня Илагӯхсанъ-хутухты̀ въ Ургу. Падь этой горы составляетъ границу кочевьевъ Илагӯхсанъ-гэгэ̀на и хошӯна Чжа̄-цзасака̀. Рѣка Идэ̀ръ поворачиваетъ отсюда на сѣверъ, а дорога принимаетъ болѣе восточное направленіе. Ровно въ 12 ч. добрались мы до р. Чжиргалантӯ, на берегу которой повстрѣчали монголовъ хошӯна Дала̀й-ва̀на, которые на четырехъ телѣгахъ, запряженныхъ быками, везли въ Улясута̀й небольшіе сундучки, ящики, столики и т. п. деревянныя издѣлія, приготовленныя ими въ лѣсахъ, растущихъ по рѣкѣ Хочжӯла, для продажи въ городѣ. Монголы эти разказали намъ, что на пространствѣ полудня ѣзды отсюда, вправо отъ дороги, вверхъ по теченію Чжиргалантӯ, располагается хӯрэ̄ Ханбӧ-гэгэ̀на. Гэгэ̀нъ этотъ имѣетъ за собою въ настоящую пору только два перерожденія въ Халхѣ. Первоначально онъ явился сюда изъ Тибета въ видѣ да̀янчи, или ламы созерцателя, и поселился на берегу Тэкшѝ-баянтӯ-гӧла, въ одинокой юртѣ, имѣя въ этой же юртѣ и свою кумирню. Потомъ на мѣстѣ этой юрты онъ построилъ деревянный дуга̀нъ и скончался въ ономъ, прославившись подъ именемъ благочестиваго тӧйна. Оба послѣдующіе хубилга̀ны его возрождались въ хошӯнѣ Дала̀й ва̀на. При нихъ Тэкшѝ-баянтӯ гӧлскій монастырь Ханбӧ-гэгэ̀на разросся: въ немъ построились шесть кумирень и до 150 ламскихъ ба̀йшиновъ. Къ сожалѣнію, лѣтъ 15 тому назадъ Ханбӧ-гэгэ̀нъ заболѣлъ; мѣсто на Тэкшѝ-баянтӯ было признано для него несчастнымъ и для жительства его было избрано мѣсто на рѣкѣ Чжиргалантӯ. Нынѣ монастырь Ханбӧ-гэгэ̀на остается еще крайне незначительнымъ; онъ построенъ на своемъ мѣстѣ не болѣе 14 лѣтъ и не успѣлъ еще даже воздвигнуть какъ слѣдуетъ свои кумирни. Самъ ханбӧ-гэгэ̀нъ въ на-

стоящую пору уѣхалъ въ Ургу, почему хўрѣньское ламство разбрелось по степи, и теперь едва ли можно встрѣтить въ монастырѣ свыше десятка ламъ. Побесѣдовавъ съ этими монголами, мы въ 12 ч. 30 м. доѣхали до сопки Номтў-тологòй; здѣсь въ былое время стояла третья станція почтоваго тракта между Улясутàемъ и Ургою. Въ 1 ч. 20 м. начали длинный и пологій подъемъ на Бугўйнъ шарà дöрöльчжѝ, до вершины котораго добрались въ 2 ч. 25 м. и засимъ спустились въ долину Ямāтў-гōла въ 3 ч. 25 м. Перевалъ этотъ носитъ мягкія и ровныя очертанія; долина же чрезвычайно богата травами, почему, вѣроятно, и носитъ названіе Байнъ-тэкшѝ, или «богатой равнины». Ширина ея около 4 верстъ. Окрестныя горы поросли густымъ лиственичнымъ лѣсомъ, который повсюду спускается, впрочемъ, только на половину горы, подошва же остается безлѣсною и въ лѣтнюю пору, вѣроятно, богато поростаетъ злаками. Въ лѣсахъ этихъ, по словамъ монголовъ, много смородины, крыжовника и брусники. Долину Ямāтў-гōла нельзя назвать совершенно ровною, она испещрена множествомъ ямъ, впрочемъ весьма неглубокихъ, дно которыхъ усыпано галькой. О происхожденіи ихъ могу сказать только то, что углубленія эти естественныя, а не произведены рукою человѣка. Въ долинѣ Ямāтў мы повстрѣчали большіе табуны лошадей, но не видали ни одного человѣческаго жилища и даже человѣка. Остановились на ночлегъ въ 5 ч. вечера на самомъ берегу рѣки, густо поросшемъ тополями. Аллея ихъ ясно обозначала въ обѣ стороны теченіе рѣки.

26-е Сентября. Суббота.

5 ч. —6°; 9 ч. +7°; 12 ч. +13°; 3 ч. +11°; 6 ч. +8°; 9 ч. —3°.

Выѣхали въ 6 ч. 5 м. и продолжали путь по той же долинѣ Ямāтў-гōла. Въ 6 ч. 50 м. перебрались на лѣвый берегъ этой рѣки. Мѣстность отсюда начинается кочковато-болотистая вплоть до береговъ Тэкшѝ-гōла, къ которымъ мы подъѣхали въ 7 ч. 20 м., близъ сопки Хöхö̀-тологòй, гдѣ прежде стояла 4-я станція Улясутàйско-Ургинскаго почтоваго тракта. Тэкшѝ-гōлъ имѣетъ въ ширину до 20 саж., а глубиною не свыше 10 вершковъ. Мы встрѣтили его текущимъ съ востока и въ мѣстѣ переправы круто поворачивающимъ къ сѣверу. Отъ этой переправы на правый берегъ Тэкшѝ начинается подъемъ на Тэкшѝйнъ-дöрöльчжѝ, съ вершины котораго открывается прелестный видъ на долину Тэкшѝ-гōла въ направленіи къ востоку. Рѣка пробивается здѣсь по горному ущелью между Тэкшѝйнъ-дöрöльчжѝ и горою Хапчѝкъ-ӯла, выступивъ же изъ тѣснинъ, снова струится по долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Растительность здѣсь повсюду поразительно богатая: долины изобилуютъ травами, горы

покрыты лѣсами, берега рѣки рѣзко обозначаются аллеею тополей и изъза густыхъ вѣтвей этихъ послѣднихъ то тамъ, то сямъ блестѣли намъ ея ярко освѣщаемыя солнцемъ воды. Переваливъ Тэкшѝйнъ-дӧрӧльчжѝ, мы повстрѣчали у подножія этихъ горъ четыре юрты монголовъ изъ хошӯновъ Чжā-цзасакà и Далàй-вàна. Они кочуютъ здѣсь совмѣстно, такъ какъ мѣста эти пограничныя: правый берегъ Тэкшѝ считается Далàй-вàновскимъ, а лѣвый — принадлежитъ Чжā-цзасакӯ. Обиліе скота, окружавшаго эти юрты, свидѣтельствовало о зажиточности ихъ обитателей. Отъ подножія дӧрӧльчжѝ мы продолжали путь по долинѣ Тэкшѝ-гӧла до 9 ч. 15 м., когда р. Тэкшѝ снова сдѣлала крутой поворотъ на югъ. Въ этомъ мѣстѣ въ нее впадаетъ незначительный потокъ, скатывающійся съ сѣверныхъ горъ и отсюда же начинается подъемъ на пологій перевалъ Бульчигѝнъ-дабā. Подъемъ по началу почти незамѣтенъ, но отъ лѣсистой и выдающейся своего высотою горы Хисà (10 ч. 35 мин.) онъ дѣлается круче. Въ 11 ч. поднялись на перевалъ и начали спускаться съ него по узкому ущелью, утесистыя горы котораго мѣстами выставляли вывѣтрившіеся гранитные валуны. Ниже ущелье это расширяется и образуетъ падь Бульчигӯ, индѣ весьма болотистую. Въ обходъ этихъ болотъ дорога проложена по крутымъ и высокимъ косогорамъ и представляетъ массу неудобствъ не только для колесной, но и для вьючной ѣзды: верблюды скользятъ по косогорамъ и наиболѣе слабые изъ нихъ даже падаютъ подъ тяжелыми вьюками. Ущелье извивается въ поворотахъ то къ сѣверу, то къ востоку и съ послѣдняго изъ такихъ поворотовъ, на востокъ отъ горы Оббной гоцзогӧръ, мы въ 2 ч. 40 м. увидали долину рѣки Хочжӯла, праваго притока Идэрѣйнъ-гӧла. Въ 4 часа на берегахъ этой рѣки я повстрѣчалъ русскаго мелочнаго торговца Губарева, который, проторговавъ лѣто въ Монголіи, вмѣстѣ съ женою, возвращался теперь на зиму въ предѣлы Россіи. Оба они ѣхали верхами на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного монгола. Встрѣча эта меня весьма обрадовала, такъ какъ она давала мнѣ возможность съ одной стороны узнать многое о дѣлахъ современной русской торговли въ Монголіи и положеніи нашихъ торгующихъ въ этой странѣ, а съ другой — отпраздновать въ обществѣ русскихъ ночь своего рожденія. По истинѣ судьба смилостивилась надъ празднолюбцемъ! Мы остановились для ночлега въ 4 ч., закололи барана и въ бесѣдахъ съ г. Губаревымъ просидѣли до глубокой ночи.

27-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. —5°; 9 ч. +8°; 12 ч. +12°; 3 ч. +12°; 6 ч. +5°; 9 ч. —4°.

Ночлегъ нашъ былъ на берегу рѣки Хочжӯла какъ разъ противъ

пади Зантӯ, въ которой находится горячій минеральный источникъ, именуемый Зантӯ аршāномъ. Г. Губаревъ, ѣздившій купаться на этотъ аршāнъ, хотя и безъ всякой нужды въ этомъ купаньи, не могъ объяснить мнѣ состава воды этого источника, но онъ измѣрялъ ея температуру, и она оказалась +26° R. Мѣсто своей стоянки мы оставили въ 6 ч. 20 м. и направились вверхъ по рѣкѣ Хочжӯла. Долина ея болотиста и камениста. Въ 7 ч. переѣхали незначительный потокъ Халӯнъ-усӯ, вытекающій изъ прилежащей съ правой стороны дороги пади и вливающійся въ рѣку Хочжӯла съ лѣвой стороны ея. Потокъ этотъ имѣетъ всего своего теченія не болѣе 15 верстъ, источникомъ же его является также горячій аршāнъ, по словамъ монголовъ, рѣдко посѣщаемый ими, такъ какъ у источника много гадовъ. Въ 7 ч. 40 м. мы ясно увидали пади Цзагасутàйнъ-дабāна и по мѣрѣ приближенія къ нимъ почва дороги дѣлалась все болѣе и болѣе зыбкою и болотистою: почти каждый шагъ верблюда вызывалъ ея сотрясеніе и ѣхать приходилось едва ни все время по водѣ, хотя и невидимой для глаза за густою травою. Только въ урочищѣ Бургасутӯ дорога поднимается на уступъ прилежащихъ горъ южной стороны и становится нѣсколько суше и ровнѣе. Въ 8 ч. 50 м. миновавъ это урочище, мы начали уже подъемъ на Цзагасутàйнъ-даба, являющійся здѣсь въ видѣ пологаго и длиннаго тянигуса, собственно же къ ущельямъ, съ которыхъ начинается крутой подъемъ на перевалъ, мы подъѣхали уже въ 9 ч. 30 м. Здѣсь происходитъ сліяніе двухъ рѣкъ, стекающихъ съ дабāновъ, и образуется одна рѣка, получающая названіе Хочжӯла. Перевалъ черезъ Цзагасутàй можетъ быть совершенъ по двумъ ущельямъ: первое изъ нихъ — западное, называемое Цзагасутàйнъ-барӯнъ-даба, съ потокомъ барӯнъ-дабāнай-гӧлъ, удобно только для переправы съ вьючными верблюдами; второе — восточное, называемое Цзагасутàйнъ-цзӯнъ-даба, съ потокомъ цзӯнъ-дабāнай-гӧлъ, возможно и для колесной переправы. Мы поѣхали по второму. Впрочемъ, цзӯнъ-дабāнъ не можетъ быть названъ вполнѣ колеснымъ путемъ, — по нему лишь возможно проѣзжать на телѣгахъ. Обиліе топей и болотистыхъ кочекъ, громадные камни, мѣстами пересѣкающіе дабāнъ во всю его ширину, дѣлаютъ этотъ перевалъ едва доступнымъ для проѣзда. Въ какіе-нибудь три часа ѣзды по такой дорогѣ верблюды наши такъ утомились, что мы противъ обыкновенія должны были дать имъ роздыхъ днемъ и сдѣлали остановку отъ 12 ч. 50 м. до 1 ч. 55 м. дня. Продолжая засимъ путь по дорогѣ уже болѣе твердой, но зато и болѣе крутой, мы поднялись на высшую точку перевала только въ 4 ч. 30 м. Вершина его представляетъ совершенно альпійскій характеръ. Оледенѣлыя болотистыя кочки, поросшія густою травою и отдѣляемыя одна отъ другой замерзшими лужами, индѣ бугорки

снѣга, — вотъ общій видъ этихъ пространствъ. Въ 5 ч. 35 м. мы, нѣсколько спустившись съ вершины дабāна, остановились на ночлегъ неподалеку отъ озера, именуемаго Дабāнъ-нӯромъ.

Вечеромъ, приблизительно часовъ въ 8, къ мѣсту нашей стоянки подъѣхалъ монголъ, состоящій въ должности хӯндӯя на первой станціи уляcутàйско-ургинскаго цэцэнъ-хāновскаго тракта, именуемой Бомботӯ. Монголъ этотъ происходилъ изъ цэцэнъ-хāновскаго хошӯна и, испросивъ для себя отпускъ, срокомъ на два мѣсяца, возвращался теперь въ родныя кочевья, чтобы собрать тамъ долги по выданнымъ ему прежде обязательствамъ. Свою службу на станціи онъ отправлялъ уже 24-й годъ, а потому въ разказахъ его было не мало интереса. Онъ сообщилъ мнѣ, что малый почтовый улясутàйско-ургинскій трактъ имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ удовлетворять потребности ускоренныхъ сношеній двухъ восточныхъ àймаковъ Халхи съ улясутàйскимъ цзянь-цзюнемъ. Сообразно этому назначенію, повинность на этомъ трактѣ первоначально отбывалась совмѣстно тӯшѣтӯ-хāновскимъ и цэцэнъ-хāновскимъ àймаками, причемъ оба эти àймака содержали одинъ трактъ. Впослѣдствіи на должность монгольскаго амбàня въ Улясутàѣ былъ назначенъ цинъ-ванъ тӯшѣтӯ-хāновскаго àймака. Имѣя большую поддержку въ Ургѣ, князь этотъ постоянно пользовался почтовыми лошадьми для сношеній по дѣламъ управленія собственнаго хошӯна, а когда потомъ его назначили старшиною хāнъ-ӯла'скаго сейма, то и весь тӯшѣтӯ-хāновскій àймакъ началъ отправлять ему свои сеймовыя дѣла и донесенія по станціямъ. Само собою разумѣется, это показалось невыгодно цэцэнъ-хāновцамъ, которые должны были гонять своихъ лошадей по дѣламъ, совершенно для нихъ чуждымъ и это было основною причиною раздѣленія «бухя̄-ӧртӧн'овъ. Цэцэнъ-хāновцы завели свои станціи, а тӯшѣтӯ-хāновцы свои, при чемъ первые избрали дорогу южнѣе, а вторые — сѣвернѣе. Мѣстами эти дороги сходятся совершенно, но никогда не бывало того, чтобы содержали они одну станцію. Разность въ количествѣ разъѣздовъ лучше всего можетъ быть опредѣлена тѣмъ, что высшій размѣръ арендной платы для одной юрты на болѣе трудной станціи Шабактӯ, гдѣ обѣ дороги сходятся въ одну тропу, цэцэнъ-хāновскимъ àймакомъ опредѣляется въ 170 и даже менѣе ланъ, тогда какъ тӯшѣтӯ-хāновцы за ту же станцію никогда не платили менѣе 300 ланъ. Разстояніе между Ургою и Улясутàемъ по той и другой дорогамъ почти одинаково: цэцэнъ-хāновскій трактъ является можетъ быть длиннѣе, но не болѣе какъ верстъ на 25—30, поэтому число станцій на обоихъ трактахъ одинаково. Хӯндӯй хорошо зналъ всѣ свои, цэцэнъ-хāновскія станціи, хотя и не могъ точно сказать всѣ соотвѣтствующія имъ тӯшѣтӯ-хāновскія; я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы

замѣтить всѣ эти станки, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній о нихъ нельзя получить ни въ какомъ узаконеніи. Вотъ эти станціи.

Цэцэнъ-хāновскія:	Соотвѣтствующія имъ Тӯшѣтӯ-хāновскія:
1) Бомбо̀.	
2) Хо̀нду.	
3) Номтӯ.	
4) Хöхö-толого̀й.	
5) Бульчиха̀.	
6) Хöхȫ-хиса̀.	
7) Цзагасута̀й.	
8) Мухӯръ.	
9) Мусутӯ. . . . . нѣсколько южнѣе его	Хöхȫ-даба̄.
10) Ангарха̀й.	
Переправа черезъ Чулӯтуйнъ-го̄лъ.	
11) Тэ̄ль.	
12) Цзӯнъ-модо̀.	
Переправа черезъ Хо̀йту-тамѝръ, или Хань̀йнъ-го̄лъ.	
13) Ишигэ̀нту.	Баѝнъ-ула̄нъ.
Переправа черезъ Дундӯ-Тамѝръ.	
14) Шабактӯ.	Шабактӯ.
15) Бильгѝхъ. . . . . въ виду у него	Да̀иръ-боро̀.
16) Зэгэсты̀йнъ. . . . . западнѣе его.	Тамиры̀йнъ-ула̄нъ-
Переправа черезъ Орхонъ.	хошӯ.
17) Ца̀йдамъ.	Ӱгэ̀й-нӯръ.
18) Бага̀-номого̀нъ.	Тахѝльту.
19) Шӯлӯсӯтӯ.	Ула̄нъ-бо̀мбо.
20) Цӯгэль.	Хада̄су.
21) Дундӯ-баѝнъ.	Чѝнъ-толого̀й.
22) Хӯтӯль-усӯ.	Хара̀-нидӯ.
23) О̄нойнъ-була̀къ.	Сӯчжи.
Переправа черезъ То̄лу.	
24) Цага̀нъ-эргѝ.	Цэгэ̀йнъ-цага̀нъ.
25) Öнгöтӯ (Угӯлцза)	Арга̀лъ.
26) Баѝнъ. . . . . восточнѣе его.	Ӱбӯръ-дула̄нъ.
27) Шара̀-хӯбӯ.	Шара̀-хӯбӯ.

28-е Сентября. Понедѣльникъ.

5 ч. +0°; 9 ч. +8½°; 12 ч. +11°; 3 ч. +12°; 6 ч. +4°; 9 ч. +2°.

Ночью, съ половины 2-го часа, поднялся сильный южный вѣтеръ, который дулъ непрерывно до и послѣ нашего выѣзда съ мѣста ночлега въ 5 ч. 45 м. Продолжая спускаться съ Цзагасутàйнъ-дабāна, мы черезъ ¾ часа, т. е. въ 6 ч. 30 м., добрались до озера Дабāнъ-нӯръ и проѣхали оное во всю длину его съ сѣвера на югъ. Озеро имѣетъ около 1½ версты длины, шириною же оно едва ли превосходитъ 200 саж. Въ южномъ концѣ съ восточныхъ береговъ его отступаетъ длиннѣйшая коса, почти пересѣкающая все озеро. Здѣсь мы повстрѣчали плавающую у береговъ, запоздавшую перелетомъ пару лебедей, — это, конечно, уже жертва будущихъ холодовъ рано наступающей здѣсь зимы. Къ югу Дабāнъ-нӯръ выпускаетъ изъ себя рѣку Цзагасутàйнъ-гӧлъ, по правому берегу которой мы продолжали спускаться съ перевала отъ 7 до 9 ч. 45 м. утра. Спускъ этотъ далеко не представляетъ собою такихъ трудностей какъ подъемъ: онъ пологъ, ровенъ и дорога по нему, за исключеніемъ развѣ только нѣсколькихъ саженей каменистыхъ пространствъ, вообще удòбна для колесной ѣзды. Отъ подножія дабāна дорога вступаетъ въ широкую долину Хòйту-тэрхìйнъ-гӧла. При впаденіи въ эту рѣку вышепомянутаго Цзагасутàйнъ-гӧла, стоитъ маленькое деревянное зданіе кумирни, называемой Цзагасутàйнъ-дугӯнъ и принадлежащей одному изъ сумӯновъ хошӯна Далàй-вàна, или, еще частнѣе, отòку, именуемому Бӯгійнъ. Здѣсь впродолженіе весны и лѣта каждаго года имѣетъ свою постоянную торговлю мѣщанинъ Губаревъ, съ которымъ я провелъ вечеръ 26-го Сентября. Ровно въ 10 ч. дня отъ этого дугӯна мы вступили въ долину Тэрхìйнъ-гӧла; но сказать такъ было бы очень обще. Монголы для каждой горы и сопки, для каждаго ручья имѣютъ здѣсь особое названіе. Такимъ образомъ изъ Цзагасутàйскаго ущелья въ долину Тэрхìйнъ-гӧла выливается ручеекъ Сальхинтӯйнъ-чжилгà, имѣющій теченія всего навсего версты на полторы, и вòтъ мѣстность по этому ручью носитъ названіе Сальхинтӯйнъ-талà; этотъ ручей исчезаетъ подъ землею близъ горы Тарāнтуйнъ-киса и урочище принимаетъ это названіе. Такимъ образомъ на пространствѣ не большемъ 2-хъ верстъ имѣется уже три — четыре имени, опредѣляющихъ мѣстность. Двигаясь далѣе внизъ по теченію Тэрхìйнъ-гӧла, почти по самому берегу рѣки и сохраняя направленіе почти прямо на востокъ, мы въ 12 ч. 35 м. доѣхали до мѣста, гдѣ долина эта пересѣкается тремя высокими, отдѣльно стоящими холмами Онкòйнъ-даба. Нѣсколько восточнѣе ихъ отъ долины Тэрхìйнъ-гӧла отдѣляется въ направленіи къ сѣверу падь Солонготӯ-амà, надъ которою тремя уступами возвышается гора Цахìръ, состоящая, по-

видимому, изъ бѣлой глины. Мы достигли этого мѣста въ 1 ч. 25 м. дня и должны были переправиться здѣсь черезъ Тэрхійнъ-гōлъ, т. е. перебродить нѣсколько довольно широкихъ рукавовъ этой рѣки. Глубина ихъ не свыше $^3/_4$ арш. При такомъ количествѣ воды въ Тэрхійнъ-гōлѣ водится и даже довольно крупная рыба, но окрестные монголы не ѣдятъ, а потому и не ловятъ ее. Отсюда мы повернули на сѣверо-востокъ, уже безъ дороги, чтобы ѣхать прямо въ Тарятуйнъ-хўрē, составляющую главный монастырь въ хошўнѣ Далàй-вàна. Переваливъ черезъ два небольшихъ увала, мы выѣхали въ обширную долину, посреди которой раскинулось небольшое озерко Шибэртьйнъ-адàгыйнъ-нўръ, Долина эта носитъ на себѣ тотъ же типъ ровной степи, покрытой мелкой галькой и поросшей кипцомъ. По ней пролегаетъ торная телѣжная дорога, пробитая китайскими купцами, ѣздящими здѣсь изъ Улясутàя въ хўрēнь Далàй-вàна. Въ 2 ч. 45 м. мы миновали озеро Шибэртьйнъ-адàгыйнъ-нўръ и отсюда въ 3 ч. 10 м. проѣхали въ бродъ черезъ Цахирьйнъ-гōлъ. Рѣчушка эта имѣетъ ширины не болѣе 2-хъ саженей и не превышаетъ глубины 5—6 вершковъ За нею долина дѣлается солонцеватою, травы ея гуще и выше, словомъ мѣсто это одно изъ такихъ, которыя монголы почитаютъ за лучшія пастбища для своего скота. Поразительнымъ являлось только при всѣхъ этихъ условіяхъ почти полное отсутствіе здѣсь человѣка: за весь нынѣшній день по тремъ рѣкамъ мы видѣли только четыре юрты, изъ коихъ двѣ стояли при Цзагасутàйнъ-дугўнѣ и принадлежали, несомнѣнно, постоянно живущимъ здѣсь сторожамъ этой кумирни. Долина Цахирьйнъ-гōла небольшимъ уваломъ отдѣляется отъ другой такой же долины съ рѣчушкою, называемою Цōхōнōй-гōлъ, переѣхавъ въ бродъ который, мы остановились здѣсь для ночлега въ 4 ч. 10 м.

29-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. —0; 9 ч. —$2^1/_2$.

Выѣхали въ 5 ч. 35 м. Поднявшись на Цōхōнōй-дōрōльчжѝ, мы углубились въ группу холмовъ, между которыми телѣжная дорога лавируетъ, избѣгая подъемовъ на пригорки. Въ урочищѣ Улāнъ-хада̀, къ которому мы подъѣхали въ 6 ч. 50 м., дороги раздѣляются: вьючная идетъ на перевалы Хамарьйнъ-дабāнъ, доступный впрочемъ исключительно для вьючныхъ лошадей; для верблюдовъ существуетъ другой дабāнъ, менѣе каменистый и лежащій прямо на сѣверъ — Ѣрэ̀нъ-модонàй-дабā; что же касается телѣжной дороги, то она, принимая направленіе на востокъ, совершенно обходитъ эти горы. Двигаясь по этой послѣдней дорогѣ, мы повстрѣчали здѣсь двѣ юрты ламъ Илагўхсанъ-хутухтьі, прибывшихъ сюда для присутствованія при рѣшеніи вопроса относительно бѣжавшихъ шабинàровъ, а въ настоящее время разузнававшихъ, въ какихъ именно частяхъ хошўна

Далàй-вàна проживаютъ эти бѣглецы. Въ теченіе десяти дней, которые они здѣсь прожили, они успѣли разыскать и собрать 70 семей, а черезъ четыре дня должны были получить ихъ оффиціально и заставить перекочевать на земли Илагӯхсанъ-хутухты̀. Въ 9 ч. 45 м. мы, обогнувъ горной мысъ, тянущійся къ югу отъ Ѣрэнъ-модонàй-дабàна, вступили въ долину Тарятуйнъ-гӧла, на которой увидѣли массу разбросанныхъ купами деревянныхъ построекъ. Первыми изъ нихъ оказались лавки китайскихъ купцовъ, далѣе слѣдовали лѣтнее жилище вàна и его ламы̀, засимъ самый монастырь, раздѣленный на три отдѣльныхъ части, еще далѣе зимнее жилище вàна и наконецъ отдѣльно отъ всего этого тамагà, или хошӯнное управленіе. Начиная съ 8 ч. утра пошелъ небольшой снѣгъ, ко времени же нашего пріѣзда онъ усилился, порывистый и холодный вѣтеръ морозилъ насъ страшно. Пока мы развьючивали свои вьюки, верблюдъ однимъ неловкимъ поворотомъ задѣлъ телѣгу и разбилъ термометръ. Такимъ образомъ я снова лишенъ былъ возможности записывать состояніе температуры. Такъ какъ въ тамагѣ Далàй-вàна я надѣялся найти знакомыхъ мнѣ самаго Далàй-вàна и его тусалакчѝ, то мы и остановились по близости этихъ юртъ хошӯннаго управленія; къ сожалѣнію, ожиданія мои были напрасны. Пока мы развьючивались, подошедшіе изъ ставки монголы сообщили намъ, что Далàй-вàнъ уѣхалъ теперь въ Ургу на богомолье, а тусалакчѝ его живетъ у себя дома, верстахъ въ 30 отъ ставки и пріѣзжаетъ сюда лишь по нуждѣ.

Хӯрӗнь, ставка и тамагà Далàй-вàна стоятъ на берегу Тарятуйнъ-гӧла. Рѣка эта беретъ свое начало не болѣе какъ верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ монастыря; тамагà же и мѣсто нашей стоянки находились на правомъ берегу оной. Еще подъѣзжая къ тамагѣ, мы были поражены массою стоящихъ здѣсь палатокъ и мàйхановъ; — въ разговорахъ выяснилось, что все это были жилища воровъ, высланныхъ хошӯнными бàками въ тамагӯ, для производства надъ ними слѣдствія и суда. Самая тамагà представляла собою группу юртъ, въ числѣ одиннадцати, но только двѣ изъ нихъ особливо выдавались по своей величинѣ: это были, во-первыхъ, пустовавшая теперь юрта тусалакчѝ, а во-вторыхъ — тамагà; остальныя юрты были до невозможности грязны и черны, а заплаты и диры на ихъ войлокахъ свидѣтельствовали объ ихъ крайней бѣдности; это, оказалось, были юрты сторожей и разсыльныхъ, живущихъ при тамагѣ.

Убравшись кое-какъ со своимъ обозомъ и отогрѣвшись въ юртѣ, я освѣдомился, кто теперь засѣдаетъ въ тамагѣ и получилъ свѣдѣніе, что, по очереди, здѣсь сидятъ теперь нѣкій Эрдэнѝ-шанъ-тàйчжи и мѣстный цзалàнъ. Немедленно я послалъ имъ свои визитныя карточки и черезъ полчаса оба означенные чиновника явились ко мнѣ, колѣнопреклоненно освѣдомились о

моемъ здоровьи, и засимъ у насъ начались обычные разговоры о томъ, кто я, откуда, куда и зачѣмъ ѣду и т. д. Просидѣвъ около часа, они возвратились домой, а черезъ нѣкоторое время я и самъ отправился въ тамагу̀ отплачивать имъ визиты.

Тамага̀, какъ было уже сказано выше, представляла собою большую юрту. Въ передней, сѣверной сторонѣ ея, по общему обычаю, стояли бурха̀ны, съ жертвеннымъ столомъ и находящимися на немъ различными жертвенными принадлежностями. Надъ столомъ возвышался балдахинъ, весь увѣшанный хадака̀ми, составляющими благочестивое приношеніе бурха̀намъ разныхъ истцовъ, являющихся въ тамагу̀ со своими тяжбами, особливо по дѣламъ гражданскимъ. На ряду съ бурха̀нами по обѣимъ сторонамъ юрты установлены шкафы и въ дѣловомъ безпорядкѣ разставлены ящики съ надписями , что значитъ буквально «ручные приказы», или «приказы, находящіеся на рукахъ», т. е. дѣла, состоящія въ производствѣ. За этими шкафами и ящиками помѣщаются кровати, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и судебными креслами: та̀йчжи по лѣвую сторону, и цзала̀на — по правую. Изъ этого уже можно было заключать, какъ оно и существуетъ въ дѣйствительности, что эти очередные чиновники не только имѣютъ свои засѣданія въ этой юртѣ, но и живутъ въ ней. Ближе къ дверямъ, также по обѣимъ сторонамъ юрты, были снова уставлены ящики для бумагъ, а за ними мѣста для писцовъ. Въ качествѣ послѣднихъ здѣсь находилось нѣсколько мальчиковъ лѣтъ по 15-ти, обязанность которыхъ состояла въ списываніи всякаго рода копій для архива. Какъ бы для вящшаго доказательства, что юрта эта, помимо залы суда является и совершенно жилою, посреди ея стоялъ таганъ, въ которомъ кипятилось мясо, имѣющее составить обѣдъ чиновниковъ. Имѣя въ виду снять внутренность этой юрты, я завелъ разговоръ о фотографіи и вскорѣ она была принесена и рисунокъ исполненъ. Къ счастію, онъ вышелъ довольно удовлетворительнымъ, несмотря на то, что небо было пасмурно, въ юртѣ было темно, а главное — дымно и слѣдовательно рисунокъ легко могъ покрыться вуалью. Разговоръ въ этотъ разъ шелъ на тему объ управленіи хошӯномъ. Мнѣ было извѣстно, конечно, что предсѣдательство въ тамагѣ принадлежитъ тусалакчѝ, но оказалось, что въ хошӯнѣ Дала̀й-ва̀на въ настоящее время состоитъ не два, а только одинъ тусалакчѝ; другой изъ нихъ находился подъ судомъ и былъ не у дѣлъ. Обычно тусалакчѝ отбываютъ свои обязанности предсѣдателей поочереди; теперь, оставшись одинъ, тусалакчѝ дала̀й-ва̀н'скаго хошӯна не могъ пользоваться никакою смѣной, оттого онъ являлся въ присутствіе только для разбора наиболѣе важныхъ дѣлъ, а постоянныя засѣданія въ тамагѣ вс-

лись другими, болѣе низшими членами. Такое положеніе длится въ хошӯнѣ Далàй-вàна уже болѣе $1^1/_2$-ра года, оттого такая система управленія какъ бы вошла здѣсь въ обычай. Въ тамагѣ, чередуясь помѣсячно, засѣдаютъ обычно одинъ изъ чиновниковъ, т. е. цзахирахчѝ, цзалàнъ и мэ̀йрэнь, а иногда и цзангѝны. Назначеніе той или другой личности зависитъ отъ цзасакà. Кромѣ того, въ качествѣ присутствующаго и въ то же время первенствующаго члена назначается одинъ изъ выборныхъ цзасакòмъ родовитыхъ тàйчжіевъ. Для исполненія письмоводительскихъ обязанностей въ тамагѣ также ежемѣсячно присутствуютъ три бичѣчи, или писаря. Особаго какого-либо вознагражденія эти чиновники тамагѝ во время своей очереди не получаютъ; но на содержаніе ихъ хошӯнъ ежедневно выдаетъ по одной овцѣ, или лучше сказать, удовлетворяетъ всѣхъ этихъ чиновниковъ не только квартирою съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, но равно и пищею. Обязанности разсыльныхъ исполняютъ при тамагѣ такъ называемые «тахàръ» иначе «мэдӭтэй», или «вѣстовые». Они отправляютъ свою обязанность поочереди, которая также длится мѣсяцъ. «Мэдӭтэй» выставляются отдѣльными бàками для каждаго мѣсяца въ числѣ 12-ти человѣкъ, съ 22-мя при нихъ лошадьми. На содержаніе каждаго мэдӭтэй командировавшій его бакъ отпускаетъ по три барана въ мѣсяцъ на человѣка, возлагая при этомъ на обязанность «мэдӭтэй» прислуживать при тамагѣ, приносить въ тамагӯ топливо, воду и проч. Пока мы разговаривали обо всемъ этомъ, въ тамагӯ явился молодой бàньди, лѣтъ 25-ти, съ кангòю на шеѣ. Оказалось, что онъ еще недавно состоялъ въ качествѣ подводчика, или кучера на почтовой станціи и въ это время сначала отдалъ какому-то монголу подъ проѣздъ казеннаго верблюда, а потомъ самовольно оставилъ службу на станціи и ушелъ домой. По совокупности этихъ преступленій ему опредѣлено было въ наказаніе носить въ теченіе одного мѣсяца кангӯ, а потомъ дать ему 80 ударовъ плетьми. Сегодня срокъ ношенія кангѝ для него оканчивался и онъ явился въ управленіе для снятія оной и полученія второго наказанія. Присутствовать при этомъ было, конечно, крайне непріятно, поэтому я началъ прощаться. Тàйчжи и цзалàнъ пошли провожать меня. Продолжая трактовать съ ними о судѣ надъ преступниками, я попросилъ ихъ между прочимъ показать мнѣ, какимъ образомъ содержатъ они своихъ преступниковъ и здѣсь впервые увидалъ новый родъ тюремъ, называемыхъ «пӯн-цзы». Это простая квадратная, четырехугольная яма, имѣющая въ каждой изъ своихъ сторонъ около $1^1/_2$ сажени, а въ глубину достигающая до 4-хъ саженей. Яма выложена срубомъ и сверху закрывается досками. Всредину ея опускаютъ преступниковъ, число которыхъ доходитъ здѣсь иногда до 10-ти человѣкъ. Хошӯнное управленіе имѣетъ у себя двѣ такихъ ямы. Болѣе подробно разговоръ нашъ велся

и о присягѣ, при чемъ Эрдэни-шанъ тайчжи обѣщалъ мнѣ сдѣлать точный списокъ монгольской присяги, съ выясненіемъ всего при ней необходимаго.

Возвратившись домой, я отправился въ хўрэнь на лошадяхъ, которыя обязательно были предложены и доставлены мнѣ хошўнными чиновниками. Любезность эта была очень кстати не только потому, что до монастыря было все-таки около версты, пройти которую при холодѣ и вѣтрѣ пѣшкомъ казалось не особенно пріятнымъ, но и еще болѣе потому, что масса ламскихъ собакъ легко могла если не вовсе воспрепятствовать, то по крайней мѣрѣ замедлять и мѣшать хожденію и осмотру. Вблизи монастыря р. Тарятуйнъ-голъ течетъ двумя отдѣльными протоками, отчего и самый монастырь дѣлится на три части: часть на лѣвой сторонѣ рѣки именуется «цзўнъ-хўрэн'емъ», срединная, между двумя протоками носитъ названіе «сборной», т. е. «цокчйнъ-хўрэнь» и, наконецъ, располагающаяся по правому берегу рѣки называется «барўнъ-хўрэн'емъ». Впрочемъ, всѣ эти три части составляютъ одинъ хўрэнь и имѣютъ одно управленіе, во главѣ котораго стоятъ два да-ламы, живущіе въ цокчйнъ-хўрэнѣ. Къ этимъ да-ламамъ я направился прежде всего, чтобы сдѣлать имъ визиты, но оказалось, что оба они выѣхали въ степь къ своимъ домамъ; заѣхавъ къ цокчйнскому гэскўю, я также не засталъ его дома, — онъ ушелъ куда-то по сосѣдству въ гости; оставалось осматривать монастырь, безъ разрѣшенія на то начальства.

Въ общемъ монастырь Далай-вана представляетъ собою довольно

Общій видъ Цокчйнъ-хўрэня Далай-вана.

значительный городокъ, въ которомъ нужно считать не менѣе 200 домовъ и постоянно живущихъ ламъ до 500 человѣкъ. Монастырь не обнесенъ стѣнами и главный входъ въ него, располагающійся, по обычаю, съ южной стороны, не отмѣченъ воротами; взамѣнъ сего здѣсь установлена линія бѣлыхъ субургà новъ, по четыре съ каждой стороны. «Святой путь» между этими субургà нами приводитъ прямо къ цокчѝнскому, или соборному, дугýну, передъ дверями котораго воздвигнуты «чжанцà ны» и «майдарìйнъ-шатà», — родъ лѣстницы саженей въ пять вышиною, на которой развѣшивается рисунокъ Мà йдари, въ дни чествованія этого бурхà на. Самый цокчѝнъ ни съ внѣшней стороны, ни внутри не представляетъ собою ничего особливо замѣчательнаго; ни одного мало-мальски интереснаго кумира, ни одной, особливо чтимой святыни, ничего не имѣется здѣсь, ибо даже привезенный изъ Тибета, при основаніи монастыря, кумиръ Цзýн былъ отданъ Далà й-вà номъ брату, Илагýхсанъ-хутухтѣ, при постройкѣ имъ новаго монастыря, ради увеличенія значенія сего послѣдняго. На ряду съ цокчѝномъ, по правую сторону онаго, стоитъ такой же ординарный сýмэ цанѝта. Сýмэ этотъ составляетъ главный цанѝтскій храмъ и называется барýнъ чóй-ра въ отличіе отъ «цзýнъ чóй-ра», или второй цанѝтской кумирни, находящейся въ цзýнъ-хýрэ̄ни. Какъ и въ монастырѣ Илагýхсанъ-хутухты, кумирни цанѝта служатъ здѣсь исключительно для отправленія въ нихъ цанѝтскихъ хурà ловъ, диспуты же производятся ламами въ особыхъ открытыхъ зданіяхъ, по формѣ совершенно подобныхъ тому, какое видѣли мы въ хýрэ̄ни Илагýхсанъ-хутухты. Помимо этихъ кумирень въ цокчѝнъ-хýрэ̄ни имѣется еще одна кумирня Мà нлы тибетской архитектуры, чжудьйнъ-сýмэ, и нѣсколько незначительныхъ дугýновъ; мѣстами попадаются субургà ны, но все это въ высшей степени ординарно. Въ восточной части монастыря, располагающейся по лѣвую сторону рѣки и называемой цзýнъ-хýрэ̄н'емъ, имѣется только двѣ кумирни цанѝта, вокругъ которыхъ расположены жилища ламъ. Вообще нужно сказать, что въ Тарятуйнъ-хýрэ̄ни ученіе цанѝта процвѣтаетъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, съ большою силой и большинство дугýн'овъ принадлежитъ цанѝт'скимъ ламамъ. Въ западной части монастыря (барýнъ-хýрэ̄) дугýн'овъ нѣтъ вовсе и въ ней находятся только жилища ламъ, отправляющихъ свои хурà лы въ цокчѝнъ-хýрэ̄ни. Съ сѣвера цокчѝнской части хýрэ̄ня располагается собственно ӧргӯ, или домъ самого Далà й-вà на; но при этомъ домѣ онъ построилъ себѣ также нѣсколько кумирень, зданія которыхъ почти сливаются съ цокчѝнъ-хýрэ̄немъ, отдѣляясь отъ него лишь небольшою площадью. Кумирни Далà й-вà на отдѣлены особой оградой съ парадными и, конечно, наглухо закрытыми воротами, имѣющими у себя, сообразно вà нскому званію князя,

еще и «улāнъ-хашā», т. е. огороженный неподвижными рогатками плацъ; проходъ за эти рогатки имѣется только одинъ черезъ узенькую калитку. Въ разсматриваемомъ вàнскомъ отдѣленіи монастыря находится только четыре дугýна, но всѣ они построены чрезвычайно легко и красиво: масса рѣшетокъ, отмѣнно разнообразной и причудливой рѣзьбы, на терассахъ и портикахъ кумирень, рѣшетки въ окнахъ, по карнизамъ, по периламъ балконовъ, по окраинамъ колоннъ, все это даетъ разсматриваемымъ зданіямъ видъ какихъ-то эфирныхъ построекъ. Особливо отличается этимъ характеромъ самая главная, трехъ-этажная кумирня въ честь Богдò-ламы̀, или Цзонхавы̀: расцвѣченая яркими красками и позолотой, она представляется очень эффектной. Другою не менѣе значительной кумирней является дугýнъ, полу-тибетской и полу-китайской архитектуры, построенный Далàй-вàномъ въ честь своего бурхàна покровителя. Дѣло въ томъ, что назадъ тому лѣтъ восемь Далàй-вàнъ предпринималъ поѣздку въ Тибетъ, представлялся тамъ Далàй-ламѣ и послѣдній при этомъ подарилъ ему кумиръ Цзȳ, сказавъ, что кумиръ этотъ охранитъ его, Далàй-вàна, отъ всякаго несчастія. Далàй-ванъ, возвратившись на родину, построилъ для этого Цзȳ особую кумирню, въ которой кумиръ и стоитъ, когда Далàй-вàнъ бываетъ дома; выѣзжая изъ ставки, князь всегда беретъ съ собою и своего кумира и держитъ его при себѣ постоянно.

Въ монастырѣ Далàй-вàна нѣтъ ни хубилгàна, ни гэгэ̀на, но есть такъ называемый бакшѝ-лама̀. Родомъ тибетецъ, онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ Далàй-вàномъ и теперь проживаетъ здѣсь въ качествѣ общаго учителя. Всѣ ламы̀ Тарāтуйнъ-хўрēня принимаютъ теперь свои высшія посвященія именно отъ этого ламы̀. Въ жизни онъ держитъ себя почти недоступно, никуда не выходитъ и видятъ его постоянно только состоящіе при немъ нѣсколько прислужниковъ. Конечно, нужно ожидать, что по смерти его, далàй-вàновцы будутъ имѣть у себя его мощи, а засимъ и искать его хубилгàна.

На западной сторонѣ монастыря находится гора Дашѝ-дорчжѝ съ обōномъ, чествуемымъ ламàми Тарāтуйнъ-хўрēня; что же касается всего хошȳна Далàй-вàна, то онъ чествуетъ Тэрхìинъ-цагàнъ-нȳрскаго дракона.

Возвратившись по осмотрѣ монастыря, я приготовилъ чай и послалъ за чиновниками; они явились очень скоро и мы провели цѣлый вечеръ въ бесѣдахъ. На обычный вопросъ: «что подѣлываете»? чиновники начали горько жаловаться мнѣ на отъѣздъ Далàй-вàна, а между тѣмъ за время его отсутствія возникло много серьезныхъ дѣлъ, которымъ они положительно не могли единолично дать рѣшенія. Не говоря уже о важной тяжбѣ съ вѣдомствомъ Илагȳхсанъ-хутухты̀, поступила якобы и еще одна очень важ-

ная бумага по дѣлу Далàй-вàна съ его хошӯннымъ тусалакчѝ, требовавшая именно разсмотрѣнія самаго вàна. Меня чрезвычайно интересовало это дѣло съ тусалакчѝ и, по объясненію чиновниковъ, совершилось оно такимъ образомъ. Далàй-вàнъ, въ настоящую пору уже преклонный старикъ, за 70 лѣтъ, до самаго послѣдняго времени не имѣлъ у себя дѣтей. Лѣтъ 8 тому назадъ онъ исходатайствовалъ для одного изъ состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ къ нему тàйчжіевъ назначеніе на должность тусалакчѝ. Тàйчжи этотъ, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый и властный, сообразилъ, что далàй-вàнъ, приближаясь къ смерти и не имѣя у себя прямого наслѣдника, легко можетъ обратиться съ просьбою къ пекинскому правительству о назначеніи ему преемника, прямо указавъ при этомъ на какую-нибудь личность, а потому подговорилъ людей, которые должны были разславлять передъ мѣстнымъ правительствомъ и особливо въ Пекинѣ, что далàй-вàнъ, отъ старости, лишился разсудка. Между тѣмъ мысль о неимѣніи наслѣдника терзала и самого Далàй-вàна и онъ, бывшій уже женатымъ восемь разъ и имѣвшій массу наложницъ, задумалъ жениться еще разъ. Выбравъ себѣ жену, въ возрастѣ 18 лѣтъ, изъ шабинàрокъ Цзаĭнъ-гэгэ̀на, онъ прожилъ съ нею одну недѣлю, когда ему объявили, что жена его уже беременна и что для сохраненія ея плода отъ всякаго рода навожденій, ее нужно отправить къ Цзаĭнъ-гэгэ̀ну. Тусалакчѝ былъ совершенно убѣжденъ, что молодая женщина не была беременной, хотя зналъ, что легко можетъ сдѣлаться таковой отъ 22-хъ лѣтняго Цзаĭнъ-гэгэ̀на; поэтому онъ подговорилъ своихъ клевретовъ прямо отравить далàй-вàна съ тѣмъ, чтобы потомъ начать хлопоты объ укрѣпленіи за нимъ, тусалакчѝ, правъ наслѣдованія далàй-вàну; незаконность же рожденія будущаго ребенка далàй-вàна онъ надѣялся доказать безъ особыхъ затрудненій. Нашлись люди, которые довели обо всемъ этомъ до свѣдѣнія далàй-вàна и послѣдній, схвативъ тусалакчѝ, прямо представилъ его улясутàйскому цзя̀нь-цзюню. Возбудившееся такимъ образомъ дѣло длилось теперь уже болѣе года. Что касается жены далàй-вàна, то она, дѣйствительно, черезъ 11-ть мѣсяцевъ послѣ отправленія ея къ Цзаĭнъ-гэгэ̀ну, родила сына и далàй-вàнъ былъ въ восторгѣ. Въ концѣ августа онъ уѣхалъ въ монастырь Цзаĭнъ-гэгэ̀на на обрядъ омовенія ребенка аршāномъ, а оттуда, по совѣту гэгэ̀на, отправился въ Ургу, чтобы въ благодарность принести мàндалъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтѣ. Въ настоящую пору далàй-вàнъ и совершалъ эту поѣздку, а между тѣмъ отъ улясутàйскаго амбàня къ нему пришло письмо, повидимому, такого содержанія, что такъ какъ, покровительствомъ хутӯхтъ, родъ далàй-вàна теперь уже продлился и опасности утратить правленіе хошӯномъ не представляется, то не будетъ ли умѣстно далàй-вàну

прекратить теперь свою тяжбу съ тусалакчѝ? Само собою разумѣется, что отвѣтить на такой вопросъ могъ только самъ далàй-вàнъ. Другимъ, не менѣе важнымъ дѣломъ было представленіе въ Пекинъ списка тàйчжіевъ, существующихъ въ хошӯнѣ далàй-вàна. Всѣхъ ихъ въ прошлую перепись, по словамъ чиновниковъ, было свыше 800, хотя они и не могли припомнить точное число единицъ этого превышенія. Черезъ каждые три года тàйчжіямъ снова составляется списокъ, для доклада его въ Ли-фань-юань. Это перечисленіе, конечно, еще не было важнымъ, но, на ряду съ этимъ представленіемъ списка, у монголовъ обыкновенно испрашивается разрѣшеніе и на утвержденіе въ степени тàйчжіевъ молодыхъ людей чингисовой крови, достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Отмѣтить — достоинъ ли каждый изъ таковыхъ этого утвержденія и охарактеризовать передъ правительствомъ каждаго изъ этихъ молодыхъ людей, — вотъ дѣло, котораго нельзя было исполнить безъ отсутствующаго цзасакà-вàна. Отъ родовыхъ служилыхъ людей разговоръ невольно перешелъ и къ простымъ служилымъ, каковыми являются въ хошӯнѣ, конечно, прежде всего солдаты. Каждый изъ бесѣдовавшихъ со мною правителей прекрасно зналъ, что въ хошӯнѣ далàй-вàна числится три сумӯна, или роты солдатъ; но было въ высшей степени любопытно то, что чиновники эти не знали даже точныхъ постановленій о сумӯнахъ. По положенію, изъ среды трехъ монголовъ, обязанныхъ военною службою, двое солдатъ содержатъ одного хуйка, т. е. латника. Тàйчжи говорилъ, что хуйковъ въ сумӯнѣ 50 и что содержатъ ихъ 100 солдатъ, составляя такимъ образомъ одинъ сумӯнъ въ 150 цэрйковъ; по словамъ цзалàна, напротивъ, выходило такъ, что въ сумӯнѣ имѣется 150 латниковъ, содержатъ же ихъ 375 человѣкъ «бэлэдэсэнъ» или «ӱрэчжйль цэрйковъ». Споръ, возникшій при этомъ между обоими чиновниками, лучше всего доказывалъ, какъ много занимается хошӯнное управленіе военнымъ дѣломъ, если чиновникамъ этого управленія неизвѣстно даже числа латниковъ въ сумӯнѣ. Дѣйствительно, военное дѣло стоитъ теперь здѣсь крайне плохо. Была пора, когда монгольскіе хуйки были дѣйствительно латниками: носили стальные шлемы и кольчуги, имѣли пики, сабли и луки; теперь все это почти отошло въ область преданій. Сначала у солдатъ отобрано было вооруженіе, которое должно было храниться при сумӯнныхъ управахъ; засимъ показалось тяжело носить, а еще тяжелѣе приготовлять латы, и въ послѣднее время у здѣшнихъ монголовъ вошло уже въ обычай не употреблять желѣзныхъ, или стальныхъ латъ, кольчугъ или шлемовъ и замѣнять ихъ шелковыми. Такимъ образомъ отборныя войска хошӯна далàй-вàна вмѣсто желѣзныхъ кольчугъ, одѣты теперь поголовно въ кольчуги изъ толстой шелковой канфы, которыя, конечно, гораздо

больше походятъ на женскія кофты, чѣмъ на вооруженіе нашихъ древнихъ рыцарей.

30-е Сентября. Среда.

Съ утра занимались фотографированіемъ здѣшняго хӯрэ̄ня, а засимъ, собравшись, въ 11-ть часовъ дня двинулись въ путь и ѣхали прямо на югъ, по ровной долинѣ Таря̄туйнъ-го̄ла. Передъ нами величественно возвышалась гора Баясхулантӯ, стоящая уже на правомъ берегу Хо̀йту-тэрхѝ-го̄ла. По мѣрѣ удаленія на югъ долина Таря̄туйнъ-го̄ла расширяется и, впадая въ долину Тэрхѝ, имѣетъ уже до 2-хъ верстъ ширины. Въ 12 ч. 40 м. отъ скалы Хара̀-ӯцзӯръ мы повернули на востокъ и начали подниматься на логій, но длинный Дархàнъ-ӯлайнъ-даба̄. Здѣсь повстрѣчалась намъ кочевка монголовъ дала̀й-ва̀на: они перевозили свой домашній скарбъ на трехъ телѣгахъ, запряженныхъ быками, при чемъ поѣзду ихъ предшествовали мелкія животныя, — овцы и козы, а замыкали его быки, коровы и двѣ лошади.

Съ вершины Дархàнъ-ӯлы намъ открылся видъ на громадную долину (верстъ приблизительно на 40, 45, вплоть до Гичжигинѣйнъ-даба̄) и на располагающееся въ западной части этой долины обширное водное пространство озеръ, — Тэрхѝйнъ-цага̀нъ-нӯр'а и соединяющагося съ нимъ съ запада

Видъ на долину озера Тэрхѝйнъ-нӯръ.

Йэхэ̀ холбо̄-нӯр'а. Долина собственно этихъ озеръ тянется къ востоку на разстояніе не менѣе 25-ти верстъ; она имѣетъ солонцеватую почву, особливо

ближе къ озерному берегу. Переѣзжая эту долину наискось, въ направленіи къ ЮВ, мы въ 3 ч. 15 м. переправились вбродъ черезъ рѣку Хо̀йту-тэрхѝ, а саженяхъ въ 20 отъ нея черезъ рѣку Уридў-тэрхѝ. Переправа была довольно затруднительна, такъ какъ ледъ на рѣкѣ не былъ еще па столько крѣпокъ, чтобы поднять тяжесть верблюда и намъ приходилось прорубать ледяной слой во всю ширину рѣки, чтобы образовать дорожку, по которой бы могли пройти наши животныя. Мѣсто этой переправы называется «тэрхѝйнъ-бэльчѝръ». Къ западу отъ нея были совершенно ясно видны долина Хо́йту-тэрхѝйнъ-го̄ла до Онко̀йнъ-ама̀, а равно и долина Уридў-тэрхѝйнъ-го̄ла, отдѣляемая въ этомъ мѣстѣ отъ Хо́йту-тэрхѝ только горою Баясхуланту̀. Выступивъ на правый берегъ Уридў-тэрхѝ, мы нашли здѣсь небольшое озерко — Тэрхѝйнъ бага̀-холбо̄. Существуетъ повѣрье, что эти два «Холбо̄» соединяются между собою подземнымъ ходомъ. Разказываютъ, что когда-то встарину около этого озера кочевалъ страшно жестокій цзангѝ, который поручилъ проживавшему у него престарѣлому и безногому ламѣ сторожить двухъ, связанныхъ вмѣстѣ по шеямъ сарлы̀ковъ. Днемъ старикъ этотъ, скрываясь отъ солнечнаго зноя, отползъ въ горы, на довольно далекое разстояніе отъ озера, а сарлы̀ки между тѣмъ забрались въ Йэхэ̀-холбо̄ и какимъ-то образомъ утонули въ немъ совершенно на глазахъ у караульщика. Лама̀ сообщилъ цзангѝну о случившемся и послѣдній приказалъ вытащить трупы утонувшихъ животныхъ. Къ удивленію, всѣ поиски остались напрасны: сарлы̀ки какъ будто пропали, несмотря на то, что все озерко было изслѣдовано баграми, а на берегу ясно были видны и слѣды сарлы̀ковъ. Тогда цзангѝ заподозрилъ, что сарлы̀ки его совсѣмъ не утонули, а выданы ламо̀ю какимъ-нибудь ворамъ, при чемъ послѣдніе для сокрытія слѣдовъ не погнали этихъ сарлы̀ковъ прямо по степи, а предварительно заставили ихъ переплыть озеро. Ламу̀ арестовали и посадили въ пу́н-цзу; измученный и истомленный онъ началъ молиться гэгэ̀ну Чжэбцзу̀нъ дамба̀-хутухты̀, поклявшись проползти въ Ургу, если быки найдутся. И что же? На другой день трупы сарлы̀ковъ всплыли на поверхность воды, но уже не въ Йэхэ̀-холбо̄, а въ Бага̀-холбо̄-нӯрѣ. Съ тѣхъ поръ и стала извѣстна монголамъ взаимная связь этихъ озеръ подъ землею. Отъ Тэрхѝйнъ бага̀-холбо̄, поднявшись на высокій берегъ, мы въ 3 ч. 50 м. снова вступили на ургинскую дорогу малаго почтоваго, цэцэ̀нъ-ха̄новскаго тракта, по которой и продолжали путь до самой остановки на берегу Тэрхѝйнъ-нӯра въ 6 ч. вечера. Воду мы брали изъ Тэрхѝйнъ-нӯра, — она совершенно прѣсная и довольно пріятна на вкусъ. Само озеро было совершенно свободно отъ льда, хотя по краямъ и образовались уже́ забережники.

1-е Октября. Четвергъ.

Двинулись въ путь въ 6 ч. 30 м. утра и черезъ 20 м. достигли восточнаго берега Тэрхійнъ-нӯра въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ него выдѣляется кольцеобразный протокъ, текущій въ утесисто-каменистыхъ берегахъ и называемый Тэрхѝ-нӯрыйнъ йэхэ̀-гӧлъ. Неширокая долина этого протока изобилуетъ мелкими горными падями и невысокими перевалами, происходящими оттого, что горы то подходятъ къ самой рѣкѣ и стоятъ надъ нею утесами, то удаляются отъ нея на нѣкоторое пространство; такимъ образомъ долина то расширяется, то съуживается. Таковы пади: Бугӯйнъ-тологӧ̀й (7 ч. 10 мин.); далѣе Ара̀лыйнъ-ама̀ (7 ч. 20 мин.), находящаяся противъ того мѣста, гдѣ потокъ Тэрхійнъ-нӯра какъ бы раздѣляется на двое. Въ дѣйствительности онъ образуетъ здѣсь своимъ теченіемъ кольцо, среди котораго находится не большой, поросшій густою травою и мелкими кустарниками островъ. Еще далѣе слѣдуетъ падь Субургатӯ-тологӧ̀й (7 ч. 45 м.), находящаяся при концѣ острова, образуемаго Тэрхѝ-нӯрыйнъ-гӧломъ. Отсюда мы постепенно поднимались на три пологихъ тянигуса, пока, наконецъ, спустившись съ послѣдняго изъ нихъ, не подошли въ 9 ч. 5 мин. къ берегамъ рѣчки Гичжигины̀йнъ-гӧлъ. Рѣчушка эта, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, получаетъ начало изъ горы Хилцзаха̀ двумя истоками, изъ коихъ одинъ, большій, называется Бӯдӯнъ-гичжигины̀йнъ-гӧлъ, а другой, меньшій—Нарӣнъ-гичжигины̀йнъ-гӧлъ. Оба ручья протекаютъ отдѣльно верстъ 15 и засимъ соединяются въ одинъ потокъ. У мѣста этого соединенія стоитъ монастырь сумӯна Дудӯ-та̀йчжи. Гичжигины̀йнъ-гӧлъ впадаетъ въ Сумунӯ-гӧлъ и общее теченіе его незначительно, тѣмъ не менѣе рѣчушка эта доставляетъ не мало хлопотъ. Въ періодъ ея разливовъ сообщеніе здѣсь совершенно прекращается, такъ какъ въ бродъ переѣхать—глубоко, а лодка ходить не можетъ вслѣдствіе чрезвычайной каменистости русла. Намъ Гичжигины̀йнъ-гӧлъ также причинилъ не мало безпокойства. Надлежитъ замѣтить, что въ мѣстѣ нашей переправы онъ протекалъ тремя протоками, изъ которыхъ самая западная была не свыше 10 саженей ширины, средняя — около 12 саж., а восточная около 15 саж. Первая изъ протокъ являлась очень не глубокою и въ настоящее время промерзла совершенно; мы прошли ее по льду, хотя ледъ этотъ потребовалось усыпать землею, чтобы верблюды не поскользнулись на немъ. Вторая и третья протоки имѣютъ глубины до одного аршина, при чемъ ледъ былъ на столько слабъ, что не могъ выдержать верблюда; потребовалось прорубать ледъ и образовать дорогу, чтобы животное могло перебраться черезъ рѣку вбродъ. Но когда стали рубить, оказалось, что ледъ на рѣкѣ былъ двойной. Пошла вторая рубка. Мы успѣли окончить эту переправу только въ 12 ч. 40 мин.

Монголы мои проваливались нѣсколько разъ въ рѣку и были мокры до пояса; но это было для нихъ ни по чемъ: босикомъ, по льду, они переводили и погоняли верблюдовъ, а потомъ одѣли свои мокрые войлочные чулки и сапоги и двинулись въ дальнѣйшій путь, только теперь они пошли пѣшкомъ, что, конечно, уменьшало скорость нашего движенія. Долина, по которой мы теперь ѣхали, запиралась какъ бы полукругомъ радуги горами Гичжигиньйнъ-ӯла, нижняя часть которыхъ состояла изъ порфира а верхушки изъ сіенита. Въ 2 ч. 5 мин. перевалили черезъ пологій и длинный перевалъ Гичжигиньйнъ-даба̄, съ вершины котораго намъ открылась вдали долина Чулӯтуйнъ-го̄ла, съ окаймленною деревьями линіею теченія этой рѣки. Впрочемъ, было очевидно, что пока мы доберемся до этой долины, намъ предстоитъ перевалить не менѣе, какъ пять или шесть отлогихъ горныхъ скатовъ. Такимъ образомъ послѣдующій путь нашъ представлялъ собою рядъ подъемовъ и спусковъ. Послѣдній изъ этихъ подъемовъ, болѣе высокій, носитъ у монголовъ названіе Билю̄ту-тологѝй и увѣнчанъ обо̄. Съ Билю̄ту-тологѝй'я мы спустились въ долину Чулӯту, окаймляемую съ востока высокими и лѣсистыми горами Галцза̀нъ-бӯридӯ. Горы эти составляютъ границу кочевьевъ для хошӯновъ Дала̀й-ва̀на на западѣ и — Цэцэ̀нъ-ва̀на, иначе называемаго Са̀йтъ-ва̀номъ, на востокѣ. Итакъ, далѣе мы должны были уже слѣдовать по землямъ Цэцэ̀нъ-ва̀на. Обогнувъ гору Галцза̀нъ-бӯридӯ, мы приблизились къ рѣкѣ Чилӯту, на берегу коей и остановились для ночлега въ 5 ч. 15 м. Рѣка Чулӯту, какъ говорили намъ проѣзжіе монголы, получаетъ свое начало не болѣе какъ на день, или полтора, ѣзды къ югу отъ мѣста нашей настоящей остановки, это значитъ верстахъ въ 50—60; общее направленіе теченія рѣки къ СВ. Ниже почтовой станціи Тэ̀ль она соединяется съ значительною рѣкою Сӱмэ̀йнъ-го̄ломъ и впадаетъ въ Селенгу. Лично осматривая поддававшійся нашему глазу клочекъ рѣки, мы нашли, что теченіе ея чрезвычайно извилисто и проходитъ въ громадныхъ щекахъ, имѣющихъ до 10 и болѣе саженей вышины. Щеки эти чрезвычайно круты и обрывисты; мѣстами изъ-подъ почвы выставляются громадные каменные валуны, и въ такомъ случаѣ щека стоитъ положительно отвѣсною стѣною. Лѣвый берегъ рѣки, повидимому, нѣсколько положе, на немъ меньше этихъ валуновъ и весь онъ усѣянъ мелкою галькой. Съ необычайною трудностью, то придерживаясь за кусты, то ползя на четверенькахъ, приходилось намъ спускаться къ рѣкѣ, чтобы достать себѣ хотя бы одинъ чайникъ воды, и можно сказать, что, стоя на берегу рѣки, мы были почти лишены здѣсь возможности сварить себѣ чай и пищу. Самое русло Чулӯтуйнъ-го̄ла здѣсь не широко, не болѣе 5 саженей. Со дна нерѣдко торчатъ огромныя каменныя глыбы, и вообще дно рѣки, очевидно

крайне не ровно. Близъ мѣста своей остановки, опустивъ въ рѣку палку длиною въ сажень, мы не достали дна, хотя неподалеку торчавшіе изъ-подъ

Теченіе Чулӯтуйнъ-гӧла въ уроч. Галцзàнъ-бӯриду̀.

воды камни образовывали водовороты. Къ вечеру было очень холодно и мы едва могли согрѣться подъ своими шубами.

2-е Октября. Пятница.

Поутру въ 7 ч. 25 м. сдѣлали фотографическій снимокъ съ теченія рѣки Чулӯтуйнъ-гӧла и засимъ въ 7 ч. 40 м. двинулись въ дальнѣйшій путь, направляясь вверхъ по теченію рѣки. По мѣрѣ движенія, берега рѣки дѣлались все ниже и ниже, а черезъ часъ ѣзды она совершенно вышла изъ утесовъ: горы, сопутствовавшія ея берегамъ, разошлись въ стороны и далѣе Чулӯту течетъ уже по долинѣ. Въ 10 ч., оставивъ почтовый ургинскій трактъ, мы прибыли въ урочище Цагàнъ-дэнчжѝ, гдѣ намъ надлежало переправиться вбродъ черезъ Чулӯтуйнъ-гӧлъ. Мѣстные жители оказались здѣсь по происхожденію чахàрами. Они объяснили мнѣ, что въ хошӯнѣ сàйтъ-вàна находится два сумӯна чахàровъ. Еще во времена Юнъчжэ̀на за одного изъ цзасакòвъ этого хошӯна была выдана гӯнчжу, т. е.

дочь богдохāна. Въ приданое за нею было дано 300 чахарскихъ семей, которые и составили два отдѣльныхъ сумӯна. Кочевья имъ были назначены по рѣкѣ Чулӯту и далѣе къ востоку вплоть до перевала Мандахàй. Гора Тàсъ раздѣляетъ кочевья этихъ сумӯновъ такъ, что къ востоку отъ нея лежатъ кочевья цзӯнъ-цахàрыинъ-сумӯна, а къ западу — барӯнъ-цахарыинъ-сумӯна. Каждый изъ сумӯновъ имѣетъ свой монастырь, при чемъ въ Цзӯнъ-сумӯнѣ имѣется даже два дугӯна, а въ Барӯнъ-сумӯнѣ — одинъ. Въ мѣстѣ нашей переправы Чулӯту оказалась развернувшею свое русло на ширину не менѣе какъ въ 150 саженей, но течетъ она тремя протоками, каждый изъ которыхъ имѣетъ отъ 20—25 саж. ширины и отъ 8—12 вершковъ глубины. Отъ береговъ Чулӯту мы направились къ востоку, въ падь Бильгѝхъ-амà; но, еще не доѣзжая до оной, въ 11 ч. 10 м. переѣхали черезъ ручей Ногōнъ-гōлъ, вытекающій влѣво отъ дороги изъ небольшаго озерка Ногōнъ-нӯръ и впадающій тутъ-же, на глазахъ, въ Чулӯтуйнъ-гōлъ, такъ что всего теченія его будетъ едва ли болѣе 3-хъ верстъ. Отсюда мы поднялись на пологій перевалъ, по спускѣ съ котораго въѣхали въ длиннѣйшую падь, окаймляемую не высокими горами, съ чрезвычайно мягкими очертаніями и поросшую лиственичнымъ лѣсомъ. Повсюду здѣсь богатая растительность, изобиліе травъ, но въ общемъ виды крайне однообразны. Падь имѣетъ нѣсколько изгибовъ, уклоняясь то къ востоку, то къ юго-востоку; съ каждымъ поворотомъ ожидаешь увидѣть что либо способное остановить вниманіе и каждый разъ — одно и тоже разочарованіе. Такъ ѣхали мы до 2 ч. 30 м., пока ни поднялись на невысокій Дунгòйнъ-даба. Спускъ съ него приводитъ въ падь того же имени. По ней струится незначительный потокъ Дунгòйнъ-гōлъ, на берегу коего, близь горы Дунгòйнъ-добогòръ мы и остановились для ночлега въ 5 ч. вечера. На берегу этой рѣчушки мы повстрѣчали пять юртъ монголовъ хошӯна сàйтъ-вàна, а такъ какъ у насъ не было мяса, то обратились къ нимъ съ просьбою продать намъ барана. Монголы за двухлѣтняго барана спросили съ насъ 5 ланъ, т. е. 11 р. 50 коп. сер.; такой цѣны мы еще не встрѣчали въ Халхѣ во всю дорогу; происходитъ же она отъ того что не больше какъ мѣсяцъ тому назадъ здѣсь проѣхали китайцы банкирскаго дома Да-шэнъ-куй и обобрали барановъ за долги хошӯна.

3-е Октября. Суббота.

Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 20 м. и продолжали путь тою же колесной и прекрасно наѣзженной дорогой сначала по долинѣ Дунгòй, а потомъ по пади, именуемой Хӯрай-ханӯй и заимствующей свое названіе у небольшой рѣчушки, отъ которой осталось въ настоящее время лишь сухое русло. Падь эта приводитъ въ долину Ханӯй-гōла, къ берегамъ котораго мы подъѣхали

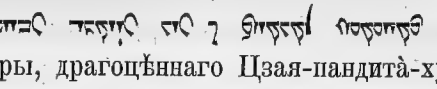
въ 8 ч. 45 м. Населеніе по обѣимъ сторонамъ рѣки весьма значительно, не менѣе 40 юртъ и между прочимъ здѣсь же нашли мы русскаго торговца Николая Алексѣева Зайцева, торговавшаго въ двухъ юртахъ; товаровъ у него, впрочемъ, теперь оставалось уже очень не много, а вымѣненное сырье было сложено на телѣги для отправленія его на Русь. Съ Зайцевымъ мы пробесѣдовали до 11 часовъ. Отправившись изъ его юртъ, мы въ 11 ч. 35 м. переѣхали р. Ханӯй; мѣсто брода должны были спрашивать у прибрежныхъ монголовъ, при чемъ тѣ же монголы сообщили намъ, что эта рѣка нѣкоторыми называется еще Хòйту-тамӣрыйнъ-гӧлъ, такъ что Хòйту-тамӣръ и Ханӯй суть одно и то же, только подъ разными названіями. Въ мѣстѣ нашей переправы Ханӯй имѣлъ до 5 саженей ширины и былъ не свыше $^1/_2$ аршина глубиною, хотя въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, онъ значительно глубокъ и даже труденъ для переправы. Въ долинѣ Ханӯя мы повстрѣчали много сарлы̀ковъ. Въ 12 ч. дня мы оставили эту долину уже позади себя и вступили въ нешірокій логъ, направляющійся почти прямо на югъ. По этому логу мы шли ровно часъ, пока вправо отъ дороги не показалось намъ небольшое озерко, именуемое Арӯ-бӯридӯ. Отсюда дорога начинаетъ подниматься на отлогій перевалъ — Шарà-булугӣйнъ-дабā, перевалъ, дѣлающійся нѣсколько круче лишь отъ горнаго мыса съ правой стороны дороги — Нарӣнъ-хошӯ (1 ч. 25 м.). На высшую точку этого перевала мы взобрались въ 2 ч. 30 м. Спустившись съ него, дорога тотчасъ же пересѣкаетъ ручей Шарà-булӯкъ. Въ линіи дороги черезъ него можно съ удобствомъ перепрыгнуть, опираясь на палку; но ниже какъ самый ручей, такъ и долина его расширяется, при чемъ послѣдняя, кажется, дѣлается болотистою, ибо все пространство ея на ЮЗ было усѣяно болотными кочками. Въ 2 ч. 45 м. мы начали подниматься уже на новый тянигусъ — Хучжиртӯйнъ-эхѝ, т. е. вершина рѣчки Хучжиртӯ. Дѣйствительно, съ самой вершины этого тянигуса, которой мы достигли въ 3 ч. 10 м., начинается ручей, извивающійся засимъ по пади, на пространствѣ верстъ 15-ти. Мы остановились на ночлегъ въ 6 ч. вечера въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ ручей выходитъ изъ своей пади въ долину Дундӯ-тамӣрыйнъ-гӧла и засимъ впадаетъ въ эту рѣку. Верстахъ въ 15-ти на ЮЗ отсюда, вверхъ по теченію Дундӯ-тамӣра, располагается тамагà мѣстнаго хошӯннаго цзасакà, сàйтъ-вàна; нынѣ она помѣщается въ войлочныхъ юртахъ, хотя встарину представляла собою едва ли ни самыя лучшія постройки во всей Халхѣ. Остатки этихъ построекъ, говорятъ, сохранились еще и доселѣ, поражая своею величиною и своимъ бывшимъ великолѣпіемъ не только монголовъ, но и китайцевъ. И это не удивительно. Исторически намъ извѣстно, что когда первый сàйтъ-ванъ, э̀фу Цэрэ̀нъ, поддался Китаю, то Канси, оставивъ его на жи-

тельство въ Пекинѣ, пожаловалъ ему одинъ изъ пекинскихъ дворцевъ. Послѣ сего, во 2-мъ году правленія Юнъ-чжена (1724), э̀фу Цэрэ̀нъ былъ сдѣланъ тусалакчѝ цзя̀нь-цзюнемъ халхаскимъ и долженъ былъ возвратиться въ Халху. При новомъ нападеніи чжунгаровъ въ 1731 г. кочевья э̀фу Цэрэ̀на были страшно разграблены и Юнъ-чжэнъ сожалѣя своего «отличнаго богатыря», приказалъ построить для него ставку на южномъ берегу Тамѝра съ тѣмъ, чтобы дворецъ и всѣ каменныя зданія этой ставки были бы воздвигнуты совершенно по образцу Цэрэ̀нова дворца въ Пекинѣ. Съ 1741 по 1758 г. здѣсь находилась и резиденція великаго улясута̀йскаго цзя̀нь-цзюня, а слѣдовательно сосредоточивалось управленіе всей Халхи. Въ настоящую пору все это давно уже погибло и монголы, кочевавшіе здѣсь, съ грустію сообщали намъ, что ихъ управленіе, по своей бѣдной обстановкѣ, стоитъ гораздо ниже другихъ управъ. Са̀йтъ-ва̀ны давно не посѣщаютъ своего хошӯна и живутъ, вотъ уже нѣсколько поколѣній, въ Пекинѣ, постоянно состоя при особѣ богдоха̄на, или же занимая важныя государственныя должности. Такое исключительное и отличное положеніе цзасако̀въ льститъ, конечно, самолюбію ихъ податныхъ и въ разговорѣ они не преминутъ напомнить, что ихъ князь, по своей близости къ богдоха̄ну, не чета другимъ халхаскимъ правителямъ; но дѣло хошӯннаго управленія отъ этого не лучше; напротивъ, ни въ одномъ хошӯнѣ и никогда не бываетъ столько интригъ и дрязгъ, сколько въ хошӯнѣ са̀йтъ-ва̀на. За отсутствіемъ цзасака̀ здѣсь всегда управляютъ хошӯномъ исправляющіе должность цзасака̀ (тамага̀йги-хамія̀рухсанъ), и такія обязанности возлагаются обыкновенно на одного изъ четырехъ, причисляющихся къ этому хошӯну, сановитыхъ князей: одинъ изъ нихъ состоитъ въ званіи бэ̀йсэ, два въ званіи улӯсъ-тӯръ-тусалакчѝ гӯн'овъ и одинъ въ званіи та̀йчжія 1-й ст. Каждый изъ нихъ всегда старается захватить власть въ свои руки и всѣ они истощаются въ интригахъ и тяжбахъ другъ противъ друга. Настоящій правитель Сонòмъ-гӯнъ, сынъ Чжикчжѝтъ-гӯна, имѣетъ нынѣ около 40 лѣтъ отъ роду; онъ овладѣлъ тамагòю лѣтъ 5 тому назадъ, оклеветавъ въ Пекинѣ бывшаго до того времени правителемъ бэ̀йсэ. Теперь противъ этого гӯна строитъ свои интриги другой гӯнъ, посылая для вящшей убѣдительности по три и по четыре раза въ годъ подарки пекинскимъ чиновникамъ. Все это выжимается, конечно, съ народа. Мы долго толковали объ этомъ съ однимъ престарѣлымъ цзангѝномъ, который заключилъ мнѣ свои разказы и свою рѣчь превосходнымъ изреченіемъ: «подлинно, ноѝнъ», сказалъ онъ; «тӯрӯ̀йнъ-ӯбӯ̀чѝнъ — ѝргэни цзоболòнъ», — болѣзнь правительства — мученье народа!»

4-е Октября. Воскресенье.

Утро было теплое и небо наполовину заволочено тучами; въ этихъ случаяхъ здѣсь всегда ожидаютъ снѣга, однако его не было и мы спокойно двинулись въ путь въ 6 ч. 30 м. утра. Дорога наша направлялась теперь внизъ по теченію Дундў-тамиры́йнъ-го̄ла, на невысокій увалъ, именуемый Тэ̄гійнъ-хўтў̄ль. Мы взобрались на него въ 7 ч. 15 м. и нашли здѣсь раздѣленіе дорогъ: одна направлялась къ сѣверу-востоку, въ Ургу, другая — шла нѣсколько юго-восточнѣе, въ Цзайнъ-хўре̄. Двигаясь по послѣдней, мы съ Тэ̄гійнъ-хўтў̄л'я спустились въ долину Дундў-тамы́рыйнъ-го̄л'а и засимъ переѣхали въ бродъ на правый берегъ этой рѣки въ 8 ч. 15 м. Берега рѣки, особливо лѣвый, густо поросли кустами ракитника; русло, усѣянное мелкою галькой, имѣетъ ширины около 150 саж., но рѣка струится по нему тремя протоками, изъ коихъ только срединная достигаетъ ширины 40 саж., двѣ же другія не превосходятъ 5 саженей, при общей глубинѣ до 10 вершковъ. Отъ береговъ Тамы́ра, пересѣкши долину этой рѣки, мы въ 9 ч. утра вступили въ падь Арцатў-ама̀. По ней струится источникъ того же имени, вытекающій изъ прилежащихъ падей съ восточной стороны горъ. Въ 10 ч. 15 м. почти при концѣ пади Арцатў мы увидали небольшой монастырь, за двумя отдѣльными оградами: за первой изъ нихъ находилось двѣ кумирни, а за второю — одна. Монастырь этотъ оказался принадлежащимъ Сонòмъ-гўну, нынѣшнему правителю хошўна са̀йтъ-ва̀на, о которомъ только вчера приходилось намъ слышать столько нелестныхъ разказовъ. Въ общемъ монастырскія постройки выглядятъ здѣсь довольно изящно, ибо всѣ зданія поновлены два—три года тому назадъ; но средства монастыря крайне незначительны и проживаетъ при немъ обыкновенно не свыше 10 ламъ, бываетъ даже и того менѣе, несмотря на всѣ строгости гўна въ отношеніи къ ламамъ. Миновавъ монастырь, мы въ 10 ч. 50 м. начали подниматься на перевалъ Цага̀нъ-даба̄. Перевалъ этотъ, индѣ весьма песчаный, въ то же время повсюду очень каменистъ и необыкновенно крутъ, почему долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ для подъема. Мѣстами каменныя плиты вышиною отъ $^3/_4$ до 1 аршина лежатъ во всю ширину дорожной колеи въ видѣ отвѣснаго порога: никакое животное не въ силахъ преодолѣть такого препятствія для подъема телѣги и въ такихъ случаяхъ ее приходится встаскивать уже на рукахъ. Намъ пришлось поднимать свою телѣгу шесть разъ и, благодаря такимъ трудностямъ, мы взобрались на Цага̀нъ-даба̄ только въ 12 ч. 45 м. Спускаясь съ этого перевала, при чемъ дорога является уже ровнѣе и легче чѣмъ у подъема, мы увидали у себя подъ ногами монастырь Цзайнъ-гэгэ̀на, въ который и прибыли въ 1 ч. 40 м. пополудни.

Цзайнъ-хўрѣ и ея гэгэны.

Цзайнъ-гэгэны принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ халхаскихъ хубилгановъ, которые въ исторіи своихъ перерожденій имѣютъ хоть одну, заслужившую міровое вниманіе личность. То былъ такъ называемый Цзая-пандита, родившійся въ чжунгарскомъ поколѣніи Торгоутовъ въ 1599 году, прекрасно изучившій буддизмъ въ Тибетѣ, прошедшій съ широковѣщательною проповѣдью его по Хўхў-нўру, Чжунгаріи и Сѣверной Халхѣ и, наконецъ, оставившій по себѣ, несомнѣнно, вѣчную память какъ изобрѣтатель чжунгарской, или калмыцкой письменности. Составивъ новый, такъ называемый «ясный» (тодорхой) алфавитъ, онъ вслѣдъ за симъ положилъ основаніе и особой калмыцкой литературѣ, издавъ массу главнымъ образомъ переводныхъ съ тибетскаго и санскритскаго сочиненій. Эта, несомнѣнно, мировая личность дала свое имя и всѣмъ послѣдующимъ хубилганамъ Цзайнъ-гэгэна, подобно тому какъ имя Даранаты неразлучно теперь съ именемъ халхаскаго Чжэбцзўнъ-дамба-хутухты. Въ обычныхъ перепискѣ и разговорѣ ученые халхасы именуютъ Цзайнъ-гэгэна титуломъ:  т. е. «Ликъ истолкователя вѣры, драгоцѣннаго Цзая-пандита-хутухты». Въ понятіяхъ необразованной черни, Цзайнъ-гэгэнъ стоитъ также въ числѣ трехъ главнѣйшихъ хутўхтъ Халхи, при чемъ она различаетъ ихъ по юртамъ и если вы спросите у халхаса, какіе самые высшіе изъ монгольскихъ хубилгановъ, онъ отвѣтитъ вамъ: «Цаганъ-гэрьтў ханъ, Чжэбцзўнъ-дамба, Шара-гэрьтў ханъ, Цзая пандита и Хара-гэрьтў ханъ, Ламайнъ-гэгэнъ», т. е. бѣлоюртый ханъ Чжэбцзўнъ-дамба, желтоюртый ханъ Цзая-пандита и черноюртый ханъ Ламайнъ-гэгэнъ. Три хутухты этихъ дѣйствительно покрываютъ свои кухни, гдѣ по преимуществу и ютится чернь, войлоками означенныхъ цвѣтовъ: Чжэбцзўнъ-дамба—бѣлымъ, Цзая-пандита—желтымъ и Ламайнъ-гэгэнъ — чернымъ. Но замѣчательно, что монголы и халхасы, относясь съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ хубилганамъ какъ Чжэбцзўнъ-дамба-хутухты, такъ и Цзаинъ-гэгэна, въ то же время совершенно ничего не знаютъ о личностяхъ собственно Даранаты и Цзая-пандиты: относительно Цзайнъ-гэгэна имъ также точно извѣстны только хубилганы его, жившіе въ Халхѣ, да и то лишь ближайшіе къ нашему времени. Біографій Цзайнъ-гэгэна халхасы не имѣютъ и говорятъ, что такія біографіи хранятся въ ямуняхъ; но, конечно, это не больше и не меньше какъ самые краткіе казенные формуляры. По словамъ мѣстныхъ ламъ, Цзайнъ-гэгэнъ проживаетъ нынѣ въ Халхѣ пятымъ своимъ перерожденіемъ. Первый хубил-

гàнъ его, Лобсàнъ-принлàй, тибетецъ по происхожденію, въ Тибетѣ же принялъ посвященіе и получилъ образованіе, а засимъ черезъ Пекинъ прибылъ въ Халху. По соображеніи лѣтописныхъ сказаній, мы можемъ съ достаточными основаніями предполагать, что этотъ Лобсàнъ-принлàй родился въ 1663 году. Калмыцкая біографія Цзая̀-пандѝты разказываетъ намъ, что по смерти своего великаго ламы-литератора, чжунгàры, привезя пепелъ его въ Хлассу, для совершенія надъ нимъ религіозныхъ обрядовъ, въ тоже время спрашивали Далàй-ламу, гдѣ теперь возродится Цзая̀-пандѝта и на такой вопросъ Далàй-лама отвѣчалъ имъ, что душа Цзая̀-пандѝты находится уже въ утробѣ матери; а во второй половинѣ послѣдней осенней луны 1663 года Далàй-лама отправилъ уже къ чжунгарамъ свою грамату о томъ, что хубилгàнъ Цзая̀-пандиты, до времени своего совершеннолѣтія, долженъ остаться въ Тибетѣ [1]). По лѣтописи Эрдэнѝ-цзӯскаго монастыря, тӱшѣтӱ хāнъ, Чахӯнь-дорчжѝ, въ 12 году правленія Канси (1673 г.) ѣздилъ въ Тибетъ и тамъ вмѣстѣ съ цзая̀-пандитою Лобсàнъ-принлàй'емъ слушалъ различные вàны и чжанàны отъ Далàй-ламы [2]). Страшныя смуты, возникшія засимъ въ Чжунгаріи, были несомнѣнною причиною, по которой Лобсàнъ-принлàй не могъ, по обѣщанію, явиться въ эту страну, чтобы принять главенство надъ тамошнимъ ламствомъ; взамѣнъ сего онъ переселился въ Халху почти немедленно послѣ поддантва халхасовъ Китаю и умиротворенія халхаской жизни маньчжурами. Этому хубилгàну приписываютъ основаніе настоящей хӯрѣ Цзайнъ-гэгэ̀на, существовавшей, впрочемъ, въ ту пору въ очень скромныхъ размѣрахъ. Второй хубилгàнъ, Лобсàнъ-яндàкъ, возродился младшимъ братомъ знаменитаго халхаскаго цзасакà сàинъ-нойновскаго àймака, э̀фу Цэрэ̀на. Третій— Лобсàнъ-чжигмэ̀тъ возродился въ хошӯнѣ Да-цинъ-вана тӱшѣтӯ хāновскаго àймака. О четвертомъ хубилгàнѣ мнѣ сообщали, что онъ также назывался Лобсàнъ-чжигмэ̀тъ и происходилъ изъ хошӯна Да̀-цинъ-вàна сàинъ-нойновскаго àймака. Тождество именъ третьяго и четвертаго хутухты̀ вселяетъ нѣкое подозрѣніе къ справедливости этихъ показаній, особливо принимая во вниманіе, что показанія эти давались всегда съ запинкой и нерѣшительностью относительно достовѣрности. Сомнѣніе это должно быть отнесено однако къ личности третьяго, а не четвертаго хутухты̀, такъ какъ послѣдній доселѣ еще памятенъ многимъ здѣшнимъ монголамъ какъ живая и дѣйствующая личность. При немъ образовалось особое, гэгэ̀новское отдѣленіе монастыря и хӯрѣ Цзайнъ-гэгэ̀на получила свои настоящіе

1) Цзая̀-пандѝтайнъ намтаръ Л. 71—78.
2) Эрдэнѝ-цзӯгыйнъ тэӯхэ Л. 19.

размѣры, начавъ съ этой поры раздѣляться на двѣ части: старую, иначе называемую верхнею частью (Дэ̄дӯ-хӯрэ̄) и новую, или нижнюю (До̄ду-хӯрэ̄). Пятый и настоящій хубилга̀нъ Цзаѝнъ-гэгэ̀на называется Лобса̀нъ-намчжа̀лъ; онъ возродился въ хошӯнѣ Ганчжӯръ-гӯна са̀йнъ-нойновскаго а̀ймака и имѣетъ теперь около 27 лѣтъ отъ роду. Какъ и всѣ другіе современные халхаскіе хубилга̀ны, онъ доселѣ не сдѣлалъ ровно ничего замѣчательнаго и не подаетъ для сего никакихъ надеждъ въ будущемъ; тѣмъ не менѣе онъ уже заявилъ себя своимъ честолюбіемъ и множествомъ курьезныхъ исторій, случавшихся съ нимъ въ Пекинѣ при домогательствѣ его честолюбивыхъ замысловъ. Курьезы эти такъ характеристичны для выясненія отношеній пекинскаго правительства къ халхасамъ, что ихъ нельзя не отмѣтить.

Еще въ 1883 г., вскорѣ по достиженіи совершеннолѣтія, Цзаѝнъ-гэгэ̀нъ началъ хлопотать о томъ, чтобы быть вызваннымъ на очередную службу при дворцѣ богдоха̄на. Хлопоты эти, конечно, требовали подарковъ какъ дѣлавшимъ представленіе улясута̀йскимъ амба̀нямъ, такъ и утверждавшимъ это представленіе членамъ Ли-фань-юаня; но тѣмъ не менѣе гэгэ̀нъ добился своего и въ 1885 г. состоялся его первый вызовъ въ Пекинъ. Трудно сказать, по кознямъ ли Ли-фань-юаньскихъ чиновниковъ, или по простой ошибкѣ, но случилось то, что въ сообщеніи улясута̀йскихъ правителей Лубса̀нъ-намчжа̀лъ названъ былъ не «Цзаѝнъ-хубилга̀номъ», а обычнымъ въ народѣ именемъ «Цзаѝнъ-гэгэ̀на». Въ Ли-фань-юанѣ тотчасъ же придрались къ этой опискѣ и когда хутухта̀ прибылъ въ Пекинъ, ему объявили, что допустить его нельзя: выходитъ-де какое-то недоразумѣніе, — является совсѣмъ другое лицо; словомъ, бѣдному гэгэ̀ну пришлось не только разочароваться, но и быть напуганнымъ, такъ какъ его чуть ни обвиняли въ самозванствѣ. О включеніи въ списокъ очередныхъ ламъ, имѣющихъ отправлять служеніе во дворцѣ, нечего было и думать, — лишь бы выбраться изъ Пекина, по возможности, скорѣе и безъ особыхъ убытковъ. Однако и этого не удалось: чиновники Ли-фань-юаня объявили, что такъ или иначе дѣло о личности гэгэ̀на должно быть разъяснено; нуженъ-де особый докладъ богдоха̄ну, который, можетъ быть, пожелаетъ его видѣть; докладъ этотъ между тѣмъ оказалось невозможнымъ сдѣлать прежде возвращенія богдоха̄на изъ поѣздки на императорскія кладбища; словомъ, хутухтѣ приходилось жить въ Пекинѣ мѣсяца три, четыре. При такихъ обстоятельствахъ Цзаѝнъ-гэгэ̀ну взялись помогать пекинскіе ламы, которые, взявъ съ него 8000 ланъ серебра, т. е. 16000 серебряныхъ рублей, выхлопотали ему разрѣшеніе возвратиться, конечно, безъ всякаго представленія и даже доклада богдоха̄ну. Сказанная неудача не охладила однако рвенія Цзаѝнъ-гэгэ̀на и, возвратившись домой, да понакопивъ деньжонокъ, онъ снова началъ хлопо-

тать о поѣздкѣ въ Пекинъ на очередь. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось получить отъ богдохана тѣ отличія, которыя имѣлъ у себя его предшествующій хубилганъ и таковыми были право сидѣть на собольемъ олбокѣ и ѣздить въ желтой телѣгѣ. Достигнуть новаго вызова Лобсанъ-намчжалу удалось въ 1889 г., при чемъ онъ не только попалъ въ очередь, но и получилъ желаемыя отличія, хотя это стоило ему всѣхъ привезенныхъ съ собою 30000 ланъ серебра, и еще новаго долга китайской лавкѣ, извѣстной подъ монгольскимъ именемъ Байнъ-чжиргалъ, въ 20000 ланъ серебра съ обычно взимаемыми годовыми %, по 3⅓ цина съ каждаго лана. Другими словами, Цзайнъ-гэгэнъ принималъ на себя и на свое вѣдомство долгъ въ 20000 ланъ и ежегодные проценты по оному въ 6600 ланъ. Возвратившись изъ этой поѣздки, гэгэнъ построилъ для себя особый дворецъ въ отдѣльной части монастыря, называемой Доду-хўрѣ. Дворецъ этотъ, равно какъ и ограду къ оному, онъ воздвигъ по всѣмъ правиламъ китайской архитектуры и это стоило ему также до 10,000 ланъ серебра. Такимъ образомъ можно сказать, что настоящій Цзайнъ-гэгэнъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ постоянно разорялъ своихъ шабинаровъ и, какъ пришлось мнѣ узнать далѣе, повергъ ихъ въ неоплатные долги. Старѣйшіе ламы монастыря, присвоивающіе себѣ право обсуждать дѣйствія гэгэна, говорятъ поэтому такъ: «прежніе хубилганы нашего хутухты стремились къ Буддѣ и мнили переселить Тибетъ на халхаскую почву, а теперь они стали благоговѣть передъ китайцами и въ монастырѣ ихъ живутъ и распоряжаются китайцы».

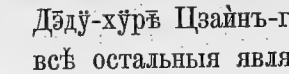
Дѣйствительно какъ при первомъ общемъ взглядѣ на старую и вмѣстѣ главную часть монастыря Цзайнъ-гэгэна, такъ и при болѣе подробномъ ознакомленіи съ нею, сразу бросается въ глаза стремленіе основателя этого монастыря, Лобсанъ-принлая, пересадить на халхаскую почву Тибетъ. Монастырь располагается по склону и у подножія горы Булугунъула и со всѣхъ сторонъ окруженъ ручьями, стекающими съ прилежащихъ горъ. Мѣстные ламы говорили мнѣ, что расположеніе хўрѣньскихъ кумирень весьма напоминаетъ здѣсь собою Будалу и Хлассу. Для вящшаго сходства Лобсанъ-принлай якобы переименовалъ здѣшніе ручьи въ рѣчки и далъ названіе ручью, протекающему на сѣверѣ — Мўрўй-гола, наподобіе того какъ на сѣверной окраинѣ Тибета течетъ также рѣка Мўрўй; съ тою же цѣлью ручей, протекающій на западѣ, названъ Хўндўлэнъ-булукомъ и т. д. Не переименованною осталась одна только рѣка Уридў-тамиръ, впрочемъ, находясь отъ монастыря въ разстояніи не меньше трехъ верстъ, она имѣетъ къ нему весьма малое отношеніе, такъ какъ монастырскіе ламы берутъ потребную для себя воду изъ ближайшихъ ручьевъ.

Какъ было уже замѣчено, хўрёнь Цзаѝнъ-гэгэ̀на раздѣляется теперь на двѣ отдѣльныя части, Дэ̄дў-хўрѣ и До̄ду-хўрѣ, находящіяся одна отъ

Общій видъ Дэ̄дў-хўрѣ Цзаѝнъ-гэгэ̀на.

другой на разстояніи около пяти верстъ; тѣмъ не менѣе, въ представленіи здѣшнихъ ламъ, обѣ эти части составляютъ собою единую обитель, раздѣляющуюся на 8 монастырскихъ а̀ймаковъ, изъ которыхъ шесть имѣютъ свои сўмэ и отправляютъ свои хура̀лы въ Дэ̄дў-хўрѣ, а два — въ До̄ду-хўрѣ. Въ обычное время въ хўрёни Цзаѝнъ-гэгэ̀на проживаетъ около 1000 ламъ, въ дни же великихъ и годовыхъ хура̀ловъ ихъ собирается здѣсь до 4000 и болѣе человѣкъ.

Внѣшній видъ хўрёня Цзаѝнъ-гэгэ̀на чрезвычайно оригиналенъ сравнительно съ другими монастырями Халхи. Архитектура всѣхъ главнѣйшихъ кумирень его строго тибетскаго стиля и, построенныя въ два и три этажа, онѣ во многомъ напоминаютъ собою, особливо издали, ровныя постройки европейскихъ двухъ-этажныхъ зданій. Старѣйшими по постройкѣ почитаются: кумирня, именуемая Нгакбо̀-даца̀цъ, за нею слѣдуетъ Гушѝкъ-даца̀нъ и наконецъ третья—Гунрѝкъ-даца̀нъ. Первыя двѣ изъ этихъ кумирень прямо тибетскаго стиля, а въ послѣдней стиль уже смѣшанный, тибетско-китайскій. Разказываютъ, что Гушѝкъ-даца̀нъ былъ любимою кумирней второго хубилга̀на, который построилъ въ ней много бурха̀новъ, изображающихъ фигуры особливо распространителей буддизма въ Халхѣ. Будучи первымъ хубилга̀номъ Цзаѝнъ-гэгэ̀на, возродившимся въ Халхѣ, онъ

заботился о привнесеніи въ хўрѣнь именно халхаскихъ особенностей; такъ, надъ дверями каждой кумирни онъ подѣлалъ будто бы надписи на монгольскомъ языкѣ, хотя теперь такая надпись сохранилась только въ Гушѝкѣ: она гласитъ, что кумирня эта есть  , т. е. «обитель пользы и спокойствія, міръ таинственныхъ изреченій». На ряду съ этими тремя старѣйшими дацàнами построены два новыхъ въ честь и для служенія докшѝта Дэмчòка; хотя геніемъ-покровителемъ хўрѣня почитается Хлàма. Главною кумирнею хўрѣня, является, конечно, Цокчѝнъ, обнесенный особою оградою и отличающійся своею величиною, но построенный изъ дерева и не представляющій въ своей архитектурѣ ничего особеннаго. По лѣвую сторону цокчѝна располагается Сандўй-сўмэ, опять-таки тибетской архитектуры, а по правую—Лабрàнъ, или дворецъ самого хутухты̀, нынѣ давно уже пустующій. Лабрàнъ, какъ и цокчѝнъ, обнесенъ деревянною оградой. За стѣнами его помимо помѣщенія для живого хутухты̀, находится еще зданіе, въ которомъ хранятся шарѝль трехъ умершихъ хутўхтъ. Зданіе это представляетъ собою ту особенность, что выведенное въ одну ровную стѣну внизу, оно покрыто кровлею, имѣющею форму трехъ прилежащихъ другъ къ другу куполовъ, почему, находясь за стѣною ограды, легко подумать, что здѣсь имѣется три отдѣльныхъ, рядомъ стоящихъ кумирни. По правую сторону Лабрàна находится еще одна большая тибетская кумирня, именуемая Чжарàй-сўмэ. Всѣхъ кумирень въ Дэдў-хўрѣ Цзайнъ-гэгэна считается до 26, но помимо вышеисчисленныхъ всѣ остальныя являются уже бѣдненькими и незначительными зданіями, которыя едва и возможно отличить отъ обычныхъ построекъ ламскихъ жилищъ. Однако и то, что отмѣчено, достаточно для образованія весьма значительной обители. Должно̀ замѣтить еще, что въ 1887 году большая часть хўрѣньскихъ дугўновъ была поновлена и теперь они ярко блистаютъ на солнцѣ своими позолоченными принадлежностями и украшеніями; вообще хўрѣ Цзайнъ-гэгэна кажется очень чистенькою и опрятною. Совнѣ по четыремъ угламъ ея разставлены чжалцàны и коробки для мани. Въ сѣверной части монастыря, какъ бы нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ другихъ дугўновъ, находится здѣсь еще такъ называемый Булугўнъ-сўмэ, посвященный дракону горы Булугўнъ, на склонѣ которой расположенъ хўрѣ. Служенія въ немъ отправляются, впрочемъ, только два или три раза въ годъ, въ дни чествованія обо̀, поклоненія огню и др. Наконецъ, совершенно отдѣльно отъ монастыря, при подошвѣ горы Булугўнъ, построенъ здѣсь еще такъ называемый дугўнъ Сàйтъ-вàна, или Цэцэнъ-вàна. Ламъ при немъ не живетъ, но имѣется тахѝльчи, который ежедневно приноситъ жертву и читаетъ чжисà въ этой кумирнѣ. Построена она въ память второго хубил-

гàна Цзайнъ-гэгэ̀на, который, какъ уже было замѣчено, происходилъ изъ рода цэцэ̀нъ-вà новъ.

Изъ мѣстностей, находящихся внѣ монастырской ограды, замѣчательны здѣсь, во-первыхъ, самая гора Булугу̀нъ, чествуемая монастырскими ламами. Почти у самой вершины ея, на высотѣ приблизительно 35—40 саженей, камни расчищены, стесаны въ ровную поверхность и обдѣланы въ особую форму буддійскихъ медальоновъ. Засимъ на приготовленныхъ такимъ образомъ плоскостяхъ начерчены и разрисованы красками громаднѣйшіе цзуру̀ки, или священныя изображенія. Самое большое и вмѣстѣ срединное изъ такихъ изображеній представляетъ собою Цзонхаву̀, а по бокамъ, нѣсколько ниже его, въ двухъ меньшихъ медальонахъ изображены два главные ученика Цзонхавы̀ — Лобса̀нъ-чжамцò и Хайду̀бъ-чжамцò. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ находятся: по правую сторону медальонъ съ богинею Цага̀нъ-дара̀-эхэ̀, изображеніе же бурхана въ такомъ же медальонѣ по лѣвую сторону смылось дождями и теперь нѣтъ уже рѣшительно никакой возможности опредѣлить, что именно было тамъ нарисовано. Ниже всѣхъ этихъ бурха̀новъ, находится медальонъ съ изображеніемъ бурха̀нъ-бакшѝ, или будды Сакъямӯни, также подвергшійся значительной порчѣ и потому съ трудомъ разбираемый въ настоящее время. Вторымъ достойнымъ замѣчанія пунктомъ является гора Ха̄на-ӯла, прилежащая хӯрэ̄ню съ сѣверо-западной стороны его. Здѣсь находится обширное кладбище мѣстныхъ монголовъ, которые, по благочестію, почитаютъ за особенное счастіе сложить свои бренные останки вблизи обители гэгэ̀на. Для европейца однако какъ-то странно примѣнить сюда слово кладбище, ибо никакого кладбища здѣсь, въ нашемъ понятіи этого слова, нѣтъ. Умершаго монгола завертываютъ въ его старенькую баранью шубу, обвязываютъ веревками и бросаютъ къ подножію горы. Здѣсь, черезъ какіе-либо полчаса трупъ дѣлается достояніемъ собакъ и хищныхъ птицъ, а на другой день можно видѣть развѣ однѣ его бѣлыя кости! Этими костями завалено все подножіе горы и, кажется, рѣдко можно встрѣтить въ Монголіи болѣе нечистое мѣсто, чѣмъ это: человѣческіе черепа, кости, челюсти, зубы, клочки отъ шубъ, въ которыхъ были завернуты покойники, все это валяется здѣсь и производитъ отвратительное зрѣлище. Проѣзжая по этому пространству, кажется, ѣдешь долиною смерти.

Содержаніе монастыря, какъ и самаго гэгэ̀на, обезпечивается главнымъ образомъ податями принадлежащихъ гэгэ̀ну шабина̀ровъ. Всѣхъ ихъ у Цзайнъ-гэгэ̀на считается до 1000 юртъ и слѣдовательно до 5000 человѣкъ. Въ административномъ отношеніи они приписаны къ различнымъ монастырскимъ даца̀намъ, или а̀ймакамъ, а какъ въ хӯрэ̄ни Цзайнъ-гэгэ̀на

считается собственно 8 àймаковъ, то и шабинàры его раздѣляются на 8 частей, или отòковъ. Отòками управляютъ даргѝ и цзàйсаны, высшее же управленіе шабинàровъ сосредоточивается въ ямунѣ, или, попросту, въ «тамагѣ» Цзайнъ-гэгэна, предсѣдателемъ коей, а потому и верховнымъ правителемъ шабинàровъ, является шанцзотбà. Ямунь шабинàровъ Цзайнъ-гэгэна помѣщается въ Дэдӯ-хӯрэ. Замѣчательно, что въ шабинскомъ вѣдомствѣ Цзайнъ-гэгэна вошло уже въ обычай, чтобы шанцзотбà не присутствовалъ въ ямунѣ, оттого для исполненія обязанностей предсѣдателя здѣсь всегда имѣется одинъ цзàйсанъ, носящій титулъ: «шанцзотбàйнъ тамагàйги хамія̀рухсанъ цзàйсанъ». Что касается шанцзотбы, то его почти не возможно застать въ монастырѣ, онъ или проживаетъ дома, въ степи, или находится въ разъѣздахъ. Помимо предсѣдательствующаго и хранящаго печать цзàйсана, въ ямунѣ постоянно присутствуетъ еще два чиновника: одинъ цзàйсанъ, играющій роль дѣлопроизводителя и хранителя архива, и одинъ даргà, по очереди вызываемый изъ того или другого отòка.

Основнымъ занятіемъ шабинàровъ Цзайнъ-гэгэна, помимо, конечно, скотоводства, является извозчичій промыселъ: на своихъ верблюдахъ они перевозятъ товары изъ Урги въ Улясутàй и Кяхту, а засимъ изъ обоихъ послѣднихъ пунктовъ перевозятъ грузы на югъ, въ Хӯхӯ-хотò и Калганъ, и обратно. Многіе изъ нихъ ходятъ прямо въ Хӯхӯ-хотò и Калганъ для подъема тамошнихъ грузовъ на сѣверъ, везя съ собою въ передній путь на продажу или собственныя произведенія монгольской степи, или же накупленную китайцами въ Монголіи шерсть. Земледѣліемъ цзайнъ-гэгэновцы не занимаются и муку получаютъ или съ Селенги, или изъ Хӯхӯ-хотò. Надлежитъ замѣтить, что въ послѣдніе годы дѣятельность ихъ даже по части извоза стала значительно уменьшаться, ибо число верблюдовъ у нихъ сильно сократилось, въ силу продажи животныхъ за долги вѣдомства Цзайнъ-гэгэна. Я уже замѣчалъ выше, что шабинàры эти страшно обременены поборами, засимъ при мнѣ лично совершилось то обстоятельство, въ силу котораго цзайнъ-гэгэновцы дѣлаются уже почти несостоятельными для уплаты по своимъ долгамъ однихъ процентовъ. Дѣло въ томъ, что въ періодъ моего проживанія въ хӯрэ, сюда явились также китайцы изъ Пекина, съ требованіемъ долговъ съ цзайнъ-гэгэновскаго вѣдомства. Читатели знаютъ уже, что Цзайнъ-гэгэнъ, въ бытность свою въ Пекинѣ въ 1889 г., задолжалъ пекинскому купцу Байнъ-чжиргàлу 20000 ланъ серебра, по коимъ долженъ былъ уплачивать % около 6600 ланъ ежегодно. Въ теченіе трехъ лѣтъ эти % составили собою новый капиталъ въ 20 тыс. ланъ. Согласно узаконеніямъ, практикующимся въ китайской имперіи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ монголамъ, ростовщикамъ дозволяется взимать эти громадные

проценты; но тотъ же законъ охраняетъ и должника особымъ постановленіемъ, по которому, коль скоро сумма % уравняется съ суммою выданнаго въ долгъ капитала, теченіе % на этотъ капиталъ уже останавливается и заимодавцу предоставляется право получить съ должника только эту двойную сумму выданныхъ ему въ долгъ денегъ. Такъ какъ сдѣланное въ 1889 г. долговое обязательство Цзайнъ-гэгэна къ Байнъ-чжиргалу въ настоящемъ году вошло именно въ эту стадію удвоенія и прекращенія теченія по оному процентовъ, то китайцы явились теперь въ казначейство Цзайнъ-гэгэна съ требованіемъ уплаты долга полностію, т. е. образовавшихся вмѣстѣ съ % уже 40000 ланъ серебра, или 80000 серебряныхъ рублей. Казначейство, никогда не имѣвшее у себя такой суммы денегъ, естественно, отвѣчало отказомъ, китайцы же требовали или немедленной уплаты долга, или заключенія новаго долговаго обязательства въ суммѣ 40000 ланъ, съ каковыхъ должно течь ежегодныхъ % около 13,200 ланъ, при чемъ % эти должны быть безусловно доставляемы Цзайнъ-шабинскимъ вѣдомствомъ прямо въ Пекинъ. Лишенное возможности произвести уплату, казначейство должно было согласиться на эти тяжкія условія и долговое обязательство было при мнѣ же переписано. Не трудно предугадать, что цзайнъ-гэгэновцы стали теперь уже неоплатными и вѣчными должниками Байнъ-чжиргала и едвали будутъ въ состояніи уплачивать ему даже %, не говоря уже о погашеніи капитальнаго долга. Раскладка этихъ % должна потребовать отъ каждой юрты взноса, въ видѣ новаго податного налога, приблизительно 13 ланъ серебра, или 26 серебряныхъ рублей въ годъ, а многіе ли окажутся состоятельны для уплаты даже этого единаго побора, не говоря о другихъ, общая сумма коихъ далеко превышаетъ сказанное число? Цзайнъ-гэгэновцы состоятъ въ давнихъ и точно такимъ же образомъ возникшихъ долговыхъ обязательствахъ къ очень многимъ китайцамъ. Всѣ эти заимодавцы давнымъ давно уже на однихъ процентахъ получили суммы, въ десять разъ превышающія выданное ими въ долгъ, и тѣмъ не менѣе всѣ они считаютъ цзайнъ-гэгэновцевъ своими должниками, продолжая высасывать у нихъ послѣдніе соки въ видѣ сбора своихъ процентовъ. Сборъ этотъ производится рѣшительно цѣлый годъ. При хўрэни Цзайнъ-гэгэна имѣется нынѣ до 30 китайскихъ лавокъ, главнѣйшее занятіе коихъ состоитъ, впрочемъ, не въ торговлѣ, а именно въ сборѣ этихъ долговъ и процентовъ: отдѣльные повѣренные ихъ постоянно переѣзжаютъ изъ отока въ отокъ и собираютъ скотъ, который засимъ вышасываютъ на тѣхъ же земляхъ Цзайнъ-гэгэна безплатно, а далѣе гонятъ или въ Пекинъ, или въ Хўхў-хото на продажу. Большинство торгующихъ здѣсь китайцевъ — изъ Пекина, хўхў-хотоскихъ имѣется только одна лавка и ургинскихъ — восемь. Лавокъ именитыхъ, въ которыхъ дѣйствительно

можно найти всякій товаръ на монгольскую руку, не болѣе шести; къ намъ присоединяется теперь еще седьмая лавка вышеупомянутаго Байнъ-чжиргала.

5-е Октября. Понедѣльникъ.

Утромъ съ 8-ми и до часа дня занимались фотографированіемъ, сдѣлавъ и общій видъ хўрѣня, и снимки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частей и храмовъ. Въ промежуткахъ я заходилъ въ гости къ нѣкоторымъ изъ хўрѣньскихъ ламъ, посѣтилъ тамагў Цзайнъ-гэгэна, двухъ сидящихъ въ ней чиновниковъ и наконецъ мѣстную тюрьму. Возвратившись домой, мы пообѣдали и въ 3 ч. 40 м. дня двинулись перекочевывать ко второй части монастыря, или въ такъ называемую Дōду-хўрē, къ которой подъѣхали въ 5 ч. вечера. Дōду-хўрē отъ перваго монастыря отдѣляется только однимъ длиннымъ и пологимъ уваломъ и разстояніе между ними не болѣе 5 верстъ. Дорога на всемъ этомъ пространствѣ представляетъ прекрасный колесный путь и для Монголіи можетъ быть названа очень оживленною. Встарину эти мѣста были, повидимому, излюбленнымъ урочищемъ для сожженія высшихъ ламъ хўрѣня Цзайнъ-гэгэна; благодаря этому, по всей дорогѣ разбросано здѣсь много субургановъ, изъ числа коихъ 4 обращаютъ на себя особенное вниманіе по своей величинѣ. На половинѣ пути, влѣво отъ дороги, у такъ называемаго «святаго ключа» встрѣчается небольшая кумирня тибетской архитектуры. Самый монастырь Дōду-хўрē построенъ на невысокомъ

Общій видъ Дōду-хўрē Цзайнъ-гэгэна.

холмѣ; онъ очень небольшой и заключаетъ въ себѣ не болѣе пяти сўмэ, которые, впрочемъ, всѣ отличаются новизною и изяществомъ своей постройки.

Дворецъ гэгэ̀на располагается въ самой срединѣ монастыря, занимая своими пристройками еще и всю восточную часть его. Впереди монастыря, или что то же передъ дворцемъ гэгэ̀на, находится обширный плацъ, огороженный деревянной оградой. Отъ него въ ограду гэгэ̀новскаго дворца и главной кумирни ведутъ трехцзя̀ньныя ворота. Самый дворецъ гэгэ̀на представляетъ собою совершенный китайскій ба̀йшинъ и обстановка у него чисто китайская. Видѣть настоящаго хубилга̀на Цзая̀-пандиты, мнѣ не пришлось: онъ уѣхалъ на охоту и пробудетъ, говорятъ, въ отлучкѣ дня четыре или пять. Такіе выѣзды, по словамъ мѣстныхъ ламъ, совершаетъ онъ очень часто и вообще ведетъ совершенно свѣтскую жизнь.

6-е Октября. Вторникъ.

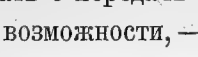
Поутру сдѣлавъ фотографическій снимокъ общаго вида хӯрэ̀ня, мы оставили эту обитель Цзайнъ-гэгэ̀на и двинулись въ дальнѣйшій путь къ Эрдэнѝ-цзӯ, внизъ по долинѣ Уриду̀ Тамѝрыйнъ-го̄л'а. Долина эта гораздо шире Дунду̀ Тамѝрской и несравненно каменистѣе ея, а потому менѣе удобна для ѣзды [1]). Почти у самой До̄ду-хӯрэ̀ происходитъ раздѣленіе дорогъ: одна, болѣе торная, уклоняется къ СВ. и ведетъ въ Ургу̀, другая, по которой продолжали мы свой путь, идетъ въ направленіи къ ЮВ; по ней въ 10 ч. 15 м. мы подъѣхали къ самымъ берегамъ Уриду̀-Тамѝра у горы Дӯрбэльчжѝнъ, стоящей на правомъ берегу рѣки. Прибрежная полоса по мѣрѣ приближенія къ руслу дѣлается здѣсь все болѣе и болѣе болотистой и кочковатой, а вмѣстѣ съ симъ увеличиваются заросли тополя, тальника и лиственницы, такъ что, слѣдуя вдоль береговъ Тамѝра, приходится ѣхать какъ бы густою рощей. Въ 10 ч. 45 м. мы подъѣхали къ броду и переправились черезъ рѣку, которая имѣетъ здѣсь до 10 саж. ширины и до $1^1/_4$ аршина глубиною. Проводники мои, не зная хорошо здѣшней мѣстности, искали этого брода довольно долго, и замѣчательно, — броды въ Тамѝрѣ, говорятъ, обусловливаются не столько глубиною рѣки, сколько каменистостью ея русла: бо̀льшая часть дна завалена такими громадными валунами, что по нимъ немыслимо проѣхать не только въ телѣгѣ, а даже и верхомъ на лошади, тѣмъ больше, что всѣ эти препятствія цѣликомъ скрываются подъ водою. Отъ мѣста переправы мы продолжали свой путь по правому берегу рѣки, опять-таки послѣдуя теченію оной. Въ 11 ч.

---

1) Почитаемъ необходимымъ отмѣтить здѣсь, что на нашихъ картахъ обычно показывается только два Тамира: Хо̀йту (сѣверный) тамѝръ и Урту (правильно: Уриду̀=Урду̀,— южный) тамѝръ; но монголы иначе и не считаютъ у себя какъ три Тамѝра. Хо̀йту (сѣверный) тамѝръ это — рѣка Хану̀й; та рѣка, которая подписывается у насъ Хо̀йту тамѝромъ, иначе никогда не зовется монголами какъ Дунду̀-тамѝръ (т. е. средній тамѝръ) и засимъ третій — Уриду̀ (Урду̀) тамѝръ, или южный Тамѝръ, будетъ та рѣка, на которой стоитъ курѣнь Цзайнъ-гэгэ̀на.

45 м. отъ сѣвернаго подножія примыкающей къ Дӯрбэльчжѝнъ-ӯлѣ горы Табӯнъ-модò рѣка Уридӯ-Тамѝръ круто повернула на сѣверъ, мы же продолжали свой путь въ ЮВ направленіи и черезъ 15 мин. достигли новаго раздѣленія дороги: одна половина ея направилась на югъ, къ мѣсту сейма сàйнъ-ноѝновскаго àймака, на Цэцэрлѝкъ-гӧлѣ, а другая потянулась на ВЮВ, къ Эрдэнѝ-цзӯ. Слѣдуя по этой послѣдней, мы въ 12 ч. 35 м. доѣхали до высокаго и увѣнчаннаго обӧномъ холма Алтàнъ-хадāсу и у южной подошвы его переѣхали вбродъ довольно значительную рѣку Цэцэрлигѝйнъ-гӧлъ, текущую здѣсь тремя протоками, при общей ширинѣ русла до 25 саж. Отъ праваго берега Цэцэрлигѝйнъ-гӧл'а, усѣяннаго саженей на 100 болотными кочками, дорога начинаетъ полого подниматься къ невысокому увалу Дэ̄дӯ-ногӧйнъ-хӯтӯль, за которымъ въ 12 ч. дня передъ нами открылась небольшая солонцеватая лощинка того же имени Дэ̄дӯ-ногӧ, ограничиваемая съ В и ЮВ незначительными пригорками Ногӧйнъ-дӧрӧльчжѝ. Лощинка эта оставила намъ самое тяжелое впечатлѣніе, доказавъ, какъ легко происходятъ здѣсь степные пожары. Проѣзжая по ней, мой возница совершенно невинно вытрясъ свою маленькую монгольскую трубочку, а черезъ 5 минутъ послѣ сего мы увидали позади себя уже громадные клубы пущеннаго нами такимъ образомъ пала, который, будучи раздуваемъ довольно сильнымъ вѣтромъ, началъ все больше и больше распространяться въ направленіи къ ЮЗ. Лощина Дэ̄дӯ-ногӧ закончилась для насъ невысокимъ хӯтӯлемъ, съ вершины котораго въ 2 ч. 40 м. мы вступили въ долину Арӯ-нӯра. Посреди ея было видно протянувшееся на далекое пространство озеро. Полувысыхающее обыкновенно въ лѣтнюю пору, оно являлось теперь въ видѣ семи незначительныхъ бассейновъ, протянувшихся ровною линіею отъ сѣвера къ югу. Самый сѣверный изъ этихъ бассейновъ былъ однако и теперь болѣе версты въ окружности, въ общемъ же озеро это протягивается, вѣроятно, не менѣе какъ версты на три въ длину. Долиною Арӯ-нӯра мы ѣхали до 5 ч. вечера, когда поднялись на невысокій перевалъ Цӧхӧнай-даба̄ и засимъ спустились съ него въ долину ручья Цӧхӧнай-гӧлъ, на берегу коего и остановились для ночлега въ 5 ч. 40 м. вечера.

Здѣсь, неподалеку отъ мѣста нашей стоянки, я увидалъ двѣ юрты монголовъ, повидимому, средняго достатка, и направился къ нимъ поговорить о мѣстномъ житьи-бытьи. Оказалось, что обѣ юрты составляли àиль тàйчжія Гòмбо-дорчжѝ, добродушнаго старика лѣтъ 60, который проживалъ здѣсь, занимаясь исключительно скотоводствомъ, вмѣстѣ съ своими пріемными племянниками. Старикъ былъ бездѣтенъ и имѣлъ въ собственномъ семействѣ только жену, приблизительно однихъ съ нимъ лѣтъ и, кажется, еще болѣе его добродушную и милую старушку. Самъ тàйчжи Гòмбо не

могъ разказать мнѣ многаго о мѣстномъ краѣ. Во всю свою жизнь онъ никогда не ѣздилъ далѣе съ одной стороны Цзайнъ-хўрѣ, а съ другой — Эрдэни-цзў и этимъ узенькимъ горизонтомъ ограничивались всѣ его знанія. Интересы этой четы сосредоточивались исключительно на своихъ юртахъ и животныхъ, которыхъ они любили со всею нѣжностью простодушнаго сердца; теперь старикъ, какъ и жена его уже приняли обѣты убаши и къ вышепомянутымъ мирскимъ заботамъ у нихъ присоединилась еще забота о спасеніи души: каждый мацакъ старикъ ѣздилъ въ Цзайнъ-хўрѣ для молитвъ и поклоненій. Въ бесѣдѣ радушный хозяинъ повѣдалъ мнѣ свое единое и страшное горе, доставляемое ему сосѣднею юртою пріемныхъ племянниковъ. Дѣло въ томъ, что старшій братъ его, тайчжи Дамдинъ, будучи также бездѣтенъ, лѣтъ 25 тому назадъ взялъ къ себѣ на воспитаніе, ради спокоя своей старости, незаконнорожденнаго сына нѣкоей монгольской дѣвушки ( ), Митўкъ, изъ сумўна цзангина Цэрэнъ-донбй'я. Ребенка звали Гомбо-чжабомъ. Тайчжи Дамдинъ усыновилъ его и, по оффиціальнымъ спискамъ, приписалъ его къ своему дому (). Это значило, что, въ случаѣ нужды и возможности, онъ имѣлъ право ходатайствовать о передачѣ этому ребенку всего своего имущества; не будетъ этой возможности, — Гомбо-чжабъ, получивъ долю изъ имущества своего воспитателя, оставался бы въ числѣ его «хамчжилга». Уже лѣтъ съ 15-ти Гомбо-чжабъ началъ обнаруживать дурныя наклонности: никакой заботы о хозяйствѣ, никакой помощи семьѣ, мало того, онъ озорничалъ съ сосѣдями и каждый проѣздъ черезъ кочевье торгующихъ китайцевъ вызывалъ непремѣнно пропажу вещей въ домѣ Дамдина, — эти вещи кралъ Гомбо-чжабъ и продавалъ китайцамъ за лакомства и водку. Опечаленный тайчжи, видя, что изъ пріемыша его не будетъ ничего добраго, взялъ къ себѣ на воспитаніе другого ребенка, Цэрэнъ-чжаба, и вскорѣ засимъ умеръ. Хозяинъ мой, наслѣдовавъ послѣ своего брата, Дамдина, его званіе тайчжи и принадлежавшихъ ему хамчжилга, почиталъ, согласно народнымъ воззрѣніямъ, своимъ долгомъ заботиться о пріемышахъ Дамдина, заступилъ теперь для нихъ мѣсто ихъ пріемнаго отца, продолжалъ воспитывать ихъ и наконецъ женилъ Гомбо-чжаба, построивъ для него особую юрту, между тѣмъ какъ собственная юрта Дамдина должна была перейти по наслѣдству къ Цэрэнъ-чжабу, какъ младшему пріемному сыну. Со времени этой женитьбы Гомбо-чжаба пріемный братъ его Цэрэнъ-чжабъ перешелъ на жительство въ юрту Гомбо-чжаба, что же касается средствъ для жизни, то оба молодые человѣка получали ихъ отъ оставшихся стадъ дамдиновыхъ, которыхъ нельзя было раздѣлить за малолѣтствомъ Цэрэнъ-чжаба и верховнымъ распорядителемъ которыхъ оставался мой хозяинъ, какъ пріем-

ный дядя и старшій въ родѣ. Женитьба мало измѣнила Гѫмбо-чжа̀ба: пришедши въ возрастъ, онъ началъ только еще больше озорничать и еще смѣлѣе растрачивать имущество. Со времени прошлой зимы онъ продалъ тайкомъ двухъ коровъ, лошадь и двѣнадцать барановъ, а деньги эти прокутилъ. Теперь мой хозяинъ Гѫмбо-дорчжѝ рѣшился уже на послѣднюю крайность. Онъ намѣревался отправиться къ цзасакѫ̀ и просить его удалить отъ нихъ Гѫмбо-чжа̀ба. «Я старъ», говорилъ онъ, «каждый мацà̀къ нужно ѣздить въ хѫ̈рѣ, да и силы нѣтъ за всѣмъ присматривать. Цэрэ̀нъ-чжа̀бъ и добрый мальчикъ, да молодъ: ему только 12 лѣтъ. Гѫмбо-чжа̀бъ все у насъ продастъ и пропьетъ. Пусть выключатъ его изъ нашихъ родовыхъ хамчжилга̀ и припишутъ снова въ сумѫ̀нъ, изъ котораго онъ былъ взятъ отъ своей матери. Разрѣшитъ это цзасà̀къ, я отдамъ Гѫмбо-чжа̀бу юрту, въ которой онъ живетъ и часть его наслѣдства: лошадей и коровъ по 7 головъ, да 15 овецъ. Цэрэ̀нъ-чжа̀бъ не останется бѣденъ, былъ бы только хорошъ! Помимо доли изъ дамдѝнова имущества я и свое все отдамъ ему: мнѣ также дѣвать его некуда». Такъ говорили мнѣ старики и оба плакали, пораженные печалью о недостойномъ Гѫмбо-чжабѣ. Конечно, я ничѣмъ не могъ утѣшить ихъ горя.

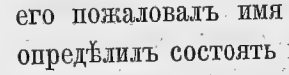
7-е Октября. Среда.

Поутру туманъ и земля покрыта такимъ сильнымъ инеемъ, что, казалось, выпалъ снѣгъ. Двинулись въ путь въ 6 ч. 45 м. и тотчасъ по переѣздѣ черезъ Цӧхо̄най-го̄лъ поднялись на увалъ, гдѣ увидали громадную тюкюэскую могилу. Это была высокая каменная насыпь, окруженная четыреугольною оградою вкопанныхъ, или вросшихъ въ землю камней; каждая сторона этой ограды имѣла у себя около 46 саж. длины. Спустившись съ увала въ 7 ч. 35 м., мы вступили въ долину, юго-западный уголъ которой занимало небольшое озерко. Долина эта, какъ и находящееся на ней озерко, называется Хурумтѫ̀. Почва ея мѣстами солонцеватая, но густо поросшая травами и въ общемъ представляетъ собою прекраснѣйшія пастьбища. Долиною Хурумтѫ̀ мы ѣхали до 8 ч. 55 м., пока не взобрались на пологую возвышенность, именуемую Ӧлӧйнъ-дабан'омъ. Нѣсколько западнѣе нашей дороги, Ӧлӧйнъ-дабанъ, очевидно, круто вздымаетъ свои вершины, поросшія густымъ, по преимуществу кедровымъ лѣсомъ. По словамъ монголовъ, онъ почти непроходимъ въ этихъ мѣстахъ, да и никто не бываетъ тамъ помимо охотниковъ, проложившихъ по нему свои тропы въ погоняхъ за кабанами, лосями и россомахами. За этимъ переваломъ для насъ снова послѣдовала такая же солонцеватая долина съ подъемомъ и переваломъ, именуемымъ Халцза̀нъ-даба. Черезъ него мы перевалили въ 9 ч. 30 м. и засимъ вступили въ котловину Баѝнъ-ула̄нъ съ небольшимъ озер-

комъ, неимѣющимъ для себя даже отдѣльнаго названія. Самая котловина эта получила свое имя отъ стоящей посреди ея горы, до которой мы доѣхали въ 10 ч. 45 м. Здѣсь располагается сумѫнный ӧртӧ Тӱшӗту-хӑна, принадлежащій почтовому тракту, соединяющему Ургӱ съ Улӕсутѣемъ. Что касается горы Байнъ-улӑнъ, то она замѣчательна лишь какъ пограничный пунктъ для земель Цзайнъ-гэгэна и хошӯна бэйсэ сѣйнъ-нойновскаго ѣймака. Хошӯнъ этотъ очень небольшой и не заключаетъ въ себѣ даже одного сумѫна, а состоитъ не болѣе какъ изъ 100 дымовъ, или юртъ. Самъ бэйсэ человѣкъ еще молодой: ему едва минуло 20 лѣтъ, хотя онъ числится правителемъ хошӯна уже около 10 лѣтъ. Переваливъ по боковинѣ Байнъ-улӑна, мы въ 11 ч. 20 м. миновали узенькую падь Кӱйсӱ-гӧл'а, за которою послѣдовала новая, длинная и узкая лощина, соединяющая Кӱйсӱ-гӧл'скую падь съ долиною Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧла. Мы выѣхали на эту послѣднюю въ 1 ч. 5 м. дня и тотчасъ же поворотили къ востоку, чтобы слѣдовать внизъ по теченію Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧла. Истоки этой довольно значительной рѣки, называемой нѣкоторыми Джирмантай, говорятъ, находятся верстахъ въ 50 отсюда по направленію къ ЗСЗ, гдѣ она составляется изъ множества горныхъ ключей. Главнѣйшее теченіе ея проходитъ по хошӯнамъ Мѣ-цзасака и бэйсэ сѣйнъ-нойновскаго ѣймака, хотя впадаетъ она въ Орхонъ уже въ ѣймакѣ и хошӯнѣ Тӱшӗтӱ-хӑна. Въ вершинахъ Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧла находятся горячіе сѣрные ключи, къ которымъ стекаются больные для купанья, такъ какъ ключи эти цѣлебные. Въ 1 ч. 45 м. мы переѣхали Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧлъ и продолжали путь по правому берегу его въ направленіи опять-таки къ востоку. Нѣсколько далѣе долина Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧла сразу расширяется: горы, стоящія по лѣвому берегу рѣки, отходятъ далеко на сѣверъ и тамъ вдали, у подножія ихъ, мы въ 2 ч. 20 м. усмотрѣли небольшую хӱрӗ хошӯна бэйсэ. Почти на ряду съ этими горами уклоняется къ сѣверу и Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧлъ, дорога же продолжаетъ тянуться на востокъ, постепенно принимая все болѣе и болѣе юго-восточное направленіе. Въ 3 ч. 20 м. мы переѣхали рѣчушку Харѣ-хучжиртӱйнъ-гӧлъ, отъ которой горы, прежде только уклонившіяся на сѣверъ, исчезаютъ вовсе и долина Цагѣнъ-сӱмэйнъ-гӧла расширяется къ сѣверу верстъ на 40. Продолжая по ней свой путь въ направленіи къ ЮВ, мы, въ 4 ч. 50 м., достигли рѣки Байнъ-гӧлъ, на которой стоитъ ӧртӧ того же имени, принадлежащее тӱшӗтӱ-хӑновскому ургинско-улӕсутѣйскому почтовому тракту. Далѣе, въ 5 ч. 40 м. мы прибыли на берега Арцатӱ-гӧла, рѣчушки не свыше $2^1/_2$ саженей шириною, гдѣ и остановились для ночлега. Добывая себѣ воду изъ Арцатӱ-гӧла, мы должны были пробивать на ней ледъ, ока-

завшійся до $^1/_2$ вершка толщиною. Очевидно, что этотъ ледяной покровъ не растаявалъ и во все время дня и стало быть рѣка эта уже стала впредь до будущей весны.

8-е Октября. Четвергъ.

Выѣхали въ 6 ч. 45 м. и, переправившись черезъ Арцатӯ-гӧлъ по льду, продолжали путь по той же долинѣ, вплоть до береговъ Орхона, къ которымъ подъѣхали мы въ 8 ч. 30 м. неподалеку отъ сӱмэ хубилга̀на Дамба̀-дорчжѝ. Сӱмэ это построено уже болѣе ста лѣтъ, но оффиціально существованіе его сдѣлалось извѣстнымъ китайскому правительству только лѣтъ 12 тому назадъ. Минувшій хубилга̀нъ, или перерожденіе Дамба̀-дорчжѝ, въ которомъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ишѝ-пунцӯк'а, построилъ въ монастырѣ большой субурга̀нъ и, черезъ посредство тӱшӗтӱ-ха̄новскаго чигӯлгану-даргѝ и ургинскихъ амба̀ней, довелъ до высочайшаго свѣдѣнія богдоха̄на, что онъ, Ишѝ-пунцӯкъ, намѣренъ молиться при этомъ субурга̀нѣ о здравіи и благополучномъ правленіи его величества. Въ отвѣтъ на такой докладъ богдоха̄нъ утвердилъ за хубилга̀номъ титулъ  ; монастырю его пожаловалъ имя «собирающаго благо» ( ); опредѣлилъ состоять при ономъ 18 штатнымъ ламамъ, а для завѣдыванія монастыремъ учредить должности одного да̄-ламы и одного дэмчѝ-ламы. Теперь, помимо штатныхъ, въ монастырѣ имѣется свыше 200 нештатныхъ ламъ, гэгэ̀нъ же послѣ такого пожалованія пріобрѣлъ себѣ до 40 семей шабина̀ровъ. Въ 9 ч. мы переправились черезъ Орхо̀нъ, который имѣлъ теперь вмѣстѣ со своими протоками до 40 саж. ширины, а черезъ часъ послѣ сего прибыли въ монастырь Эрдэнѝ-цзӯ.

Эрдэнѝ-цзӯ.

Эрдэнѝ-цзӯ послѣ Ургѝ есть обширнѣйшій изъ монастырей Халхи, значеніе же его для халхасовъ и понятія ихъ объ этомъ пунктѣ могутъ быть совершенно сопоставлены съ понятіемъ русскихъ о Москвѣ и значеніемъ для нихъ этого города при существованіи Петербурга; ибо, если Урга̀, въ силу постояннаго пребыванія въ ней хубилга̀на Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀, составляетъ въ настоящее время религіозный центръ для всей сѣверной Монголіи, точно также какъ Петербургъ административный центръ для всей Россіи, то Эрдэнѝ-цзӯ, какъ первый изъ буддійскихъ монастырей, основанныхъ въ Халхѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ первопрестольной Москвѣ Россіи. Такимъ образомъ Урга̀ и Эрдэнѝ-цзӯ соперничаютъ между собою

во главенствѣ и опредѣлить истинность этого главенства по народнымъ понятіямъ довольно трудно: каждый тянетъ въ свою сторону и представляетъ свои доказательства на первенство. Въ дѣйствительности, Ургà въ настоящее время и многолюднѣе и привлекаетъ къ себѣ бо̀льшее число поклонниковъ, потому что находящійся въ ней кумиръ дѣятельнѣе, могущественнѣе и живѣе вліяетъ на воображеніе народа, чѣмъ Эрдэнѝ-цзӯ'скіе истуканы; но за Эрдэнѝ-цзӯ все-таки и донынѣ остается преимущество по количеству собранныхъ въ его кумирняхъ предметовъ буддійской святыни и, конечно, останется навсегда главенство надъ Ургò̀ю по древности происхожденія. Все, что существуетъ въ Ургѣ, тѣсно связано только съ воспоминаніями о личности различныхъ хубилга̀новъ Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты̀, Эрдэнѝ-цзӯ не ограничивается однимъ этимъ. Монастырь этотъ пережилъ также много бурныхъ сценъ, порожденныхъ возстаніями и смутами народа, какъ и торжественныхъ церемоній, въ которыхъ тотъ же народъ ликовалъ, наслаждаясь миромъ нравственно и физически. Бурха̀ны Эрдэнѝ-цзӯ были неуклонными свидѣтелями многихъ, поистинѣ важнѣйшихъ историческихъ событій Халхи; отъ того здѣсь почти всякій столбъ и холмикъ, всякая кумирня и всякій бурха̀нъ напоминаютъ о какомъ-нибудь лицѣ, имѣютъ за собою разказъ о какомъ-нибудь событіи, близкомъ душѣ каждаго халхаса. Вотъ почему простое воспоминаніе объ Эрдэнѝ-цзӯ поднимаетъ въ душѣ каждаго монгола чувство любви къ родинѣ, порождаетъ у него цѣлый рядъ благоговѣйныхъ воспоминаній о старинѣ и, наконецъ, заставляетъ его въ трепетномъ восторгѣ преклонять колѣна передъ этой святыней.

Объ основаніи Эрдэнѝ-цзӯ, въ пріобрѣтенной мною лѣтописи этого монастыря, разказывается, что оно совершилось спустя восемь лѣтъ послѣ знаменитаго путешествія Абата̀й са̀йнъ ха̄н'а на югъ Монголіи, въ Хӯхӯ-хото̀, для свиданія съ Дала̀й-ламо̀ю (1577 г.), отъ котораго онъ впервые получилъ наставленія въ буддійской вѣрѣ. Точнѣе, обстоятельства эти передаются въ слѣдующихъ словахъ: «Засимъ, по возвращеніи (изъ Хӯхӯ-хото̀) Абата̀й ха̄нъ, на 32-мъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Са̀йнъ-ноѝномъ, въ годъ «женщины, дерева и курицы», называемый «покровителемъ земли» (1585 г.), послали посла къ Алта̀нъ-ха̄ну и призвали ламу, по имени Гумѝ-нансў, принадлежавшаго къ сектѣ Са̀кья. Подъ руководствомъ его, въ 2546 году отъ рожденія всеуказующаго будды, царя сакья̀'скаго, въ 464 году отъ рожденія Чингѝсъ-ха̄на, дарованнаго небомъ, въ 229 году отъ рожденія владыки ученія, богдò Цзонхавы̀, и въ 13 годъ правленія китайскаго императора Ванъ-лѝ, Абата̀й ха̄нъ на берегу р. Орхò̀на, у подножія южной стороны Хангà̀я, въ

своемъ кочевьи, въ верхнемъ этажѣ одного маленькаго бàйшина, въ городѣ, въ которомъ онъ самъ (Абатàй) жилъ, собственноручно сдѣлалъ изображеніе лика Далàй-ламы, а вслѣдъ за симъ въ томъ же году огня, мужщины и собаки, называемомъ «безконечнымъ» (1586 г.), 15-го числа средней лѣтней луны, именуемой «исполненною разнообразія», воздвигъ матицу кумирни и потомъ построилъ сполна храмъ трехъ Цзӯ, вмѣстѣ съ кумирами. Въ лѣтописи «Эрдэнійнъ-эрихэ» мѣсто построенія монастыря опредѣляется еще болѣе точно; она говоритъ, что Абатàй воздвигъ Эрдэнӣ-цзӯскую кумирню въ томъ городѣ, въ которомъ прежде жилъ Угэдэй-хāнъ и который впослѣдствіи былъ поновленъ Тогòнъ-томӯромъ; находился онъ на сѣверной сторонѣ горъ Шарга-ачжирга, иначе называемыхъ Шанъхайтӯ-ӯла и въ древности именовался Тахай. Главнѣйшими изъ поставленныхъ Абатàемъ въ новооснованномъ монастырѣ предметовъ поклоненія были: Будда трехъ (различныхъ) періодовъ(его жизни); Вàчжра-дàра, Пàдма-самбавà, Бань-чэ̀нь Гунгà-чжалцàнъ, Гармà-ламà, Восемь бодисатвъ (), Хоя̀ръ-дэгэдӯ, 16 лòхановъ (), высочайшихъ предметовъ чествованія, Четверорукій Хлàма и 4 Махàрачжа (). Кромѣ того было основано множество другихъ кумировъ, во главѣ которыхъ 1000 буддъ благихъ временъ». Малое освященіе кумирни было совершенно тѣмъ же сакъя̀скимъ ламою Гумӣ-нансӯ и отсюда намъ дѣлается понятнымъ, что Халха первоначально приняла буддизмъ по сектѣ Сакъя̀. Что касается великаго освященія, то оно имѣло свое мѣсто только въ 1587 году, т. е. уже на третій годъ послѣ сооруженія перваго кумира; и такой сравнительно долгій срокъ между началомъ сооруженій и ихъ освященіемъ произошелъ не отъ какого либо замедленія въ постройкѣ кумирни, такъ какъ изъ другихъ сказаній мы узнаемъ, что Цзӯ'ское сӯмэ̀ было окончено постройкою въ одно лѣто, а вслѣдствіе того, что Абатàй, желая бòльшей пышности и славы для своего монастыря, опредѣлилъ пригласить для освященія его Далàй-ламӯ. Преданіе разказываетъ, что когда Абатàй объявилъ о такомъ своемъ опредѣленіи, то надъ кумирнею ясно для всѣхъ показался ликъ Сакъя̀-пандѝты Лодòй-чжалцана, который благословлялъ Абатàй хāна за его благоговѣніе предъ Далàй ламою и во всеуслышаніе обѣщалъ ему тоже молитвенное покровительство, которое этотъ лама оказывалъ въ древности Хубилàй-цэцэ̀нъ хāну. Мы думаемъ однако, что такое толкованіе нынѣшними ламами этого видѣнія — позднѣйшее и едва ли заслуживаетъ довѣрія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что мало понимавшій въ буддизмѣ Абатàй «ради большаго великолѣпія» хотѣлъ пригласить Далàй ламу; но обосновавшіе Эрдэнӣ-цзӯ сакъя̀скіе ламы, несомнѣнно, понимали, что Далàй-лама принадлежитъ къ враждебной имъ

сектѣ Гэ-луг-ба и, вѣроятно, воспротивились сказанному опредѣленію Абатàй хāна, что и произвело замедленіе въ освященіи кумирни. Конечно, желаніе хāна было исполнено: снаряжено было новое посольство въ Тибетъ, имѣвшее цѣлью пригласить Далàй-ламу̀ въ Халху для освященія Цзӯ; но Далàй-ламà якобы отказался отъ этого путешествія и послалъ вмѣсто себя сакъя̀скаго ламу Лодòй-чжамбò, которымъ и совершено было освященіе кумирни. Это сказаніе, по нашему, свидѣтельствуетъ только о томъ, что сакъя̀сцы одержали верхъ надъ сектою Гэ-луг-ба. Въ самомъ дѣлѣ, Далàй-лама въ ту пору былъ не болѣе какъ представителемъ своихъ гэ-луг-ба'сцевъ, конечно, преслѣдовавшимъ ихъ интересы, но не имѣвшимъ никакого права входить въ распоряженіе личнымъ составомъ другихъ сектъ, а въ томъ числѣ и сакъя̀ской; верховнымъ владыкою и свѣтскимъ правителемъ Тибета онъ въ ту пору еще не былъ объявленъ; какое же право имѣлъ онъ откомандировывать сакъя̀скихъ ламъ? Въ настоящее время ламы вѣрятъ и съ полнымъ убѣжденіемъ разказываютъ, что хотя освященіе и совершалось видимо для народа ламою Лодòй-чжамбò, однако Далàй-ламà въ то же самое время самъ благословлялъ Эрдэнѝ-цзӯ'ское святилище; какъ видимый знакъ этого благословенія, небо пролило дождь цвѣтовъ на кумирню и кумировъ, когда совершался здѣсь первый хурàлъ. Въ золотой бумбò передъ статуей большого Цзӯ донынѣ хранится нѣсколько засохшихъ незабудокъ и какихъ-то желтенькихъ цвѣточковъ, о которыхъ ламы говорятъ, что это именно тѣ самые цвѣты, которые упали съ неба при освященіи кумирни большого Цзӯ.

Такъ основаны были первые храмы Эрдэнѝ-цзӯ на собственныя средства Абатàй хāна. Примѣръ его былъ не бездѣйственъ для подданныхъ, изъ которыхъ одни принялись строить кумирни, можетъ быть, также по благоговѣнію, другіе, вѣроятно, желали построеніемъ кумирень увѣковѣчить свою славу, а третьи—просто хотѣли сдѣлать угодное и доказать свою любовь къ хāну, искренно привязавшемуся къ новой вѣрѣ и основанному имъ монастырю. Такимъ образомъ, въ самый годъ освященія Цзӯ одинъ изъ чиновниковъ Абатàй-хāна, по имени Хунчжà Санчжѝнъ, выстроилъ нѣсколько сӯмэ̀ и субургàновъ; а по совершенномъ окончаніи абатàевской кумирни Цзӯ, мастеровые, строившіе эту кумирню, уже отъ себя воздвигли два небольшихъ сӯмэ̀, за что и были щедро награждены Абатàемъ. Кумирни эти называются нынѣ «Гэгэнэй сӯмэ̀», т. е. кумирнями Гэгэна.

Построенный главнымъ образомъ на средства Абатàя, Эрдэнѝ-цзӯ'скій монастырь началъ считатьс̀я родовымъ монастыремъ тӯшѣтӯ-хāновъ, получалъ отъ нихъ средства къ существованію и ими по преимуществу поддерживался. Неоспоримо, что въ первое пятидесятилѣтіе

своего существованія Эрдэни-цзӯ занималъ первое мѣсто среди халхаскихъ монастырей какъ по своему великолѣпію, такъ и по хранившимся въ немъ святынямъ; но за всѣмъ тѣмъ изъ лѣтописи монастыря не видно, чтобы народъ обращалъ на него особенное вниманіе, дѣлалъ въ него вклады, или воздвигалъ въ немъ кумирни. По смерти Абатая, только сынъ его Эрихэй-мэргэнъ ха̄нъ соорудилъ въ Эрдэни-цзӯ два сӱмэ и два субургана. Объясненіе этого обстоятельства весьма просто: какъ и теперь, ламы въ первое время появленія буддизма въ Халхѣ заботились главнѣйше о количествѣ своихъ кумирень, а не о качествѣ и совершенствѣ ихъ. Вотъ почему съ первыхъ же лѣтъ введенія буддизма мы постоянно встрѣчаемъ имена новыхъ монастырей въ Халхѣ и вовсе не видимъ указаній на какія-либо пріобрѣтенія и улучшенія въ старыхъ вообще, а въ Эрдэни-цзӯ въ частности; самое бо̀льшее, о чемъ заботились ламы послѣ устройства какого-нибудь монастыря, это — передать его въ хорошія руки, или какимъ-либо инымъ образомъ упрочить его существованіе. Ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ основанія Эрдэни-цзӯ въ Халхѣ родился первый хубилга̀нъ Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты̀. Онъ былъ сыномъ тӱшэ̄тӱ̆ ха̄на Гомбо̀-дорчжѝ и, казалось, гдѣ бы всего приличнѣе жить ему какъ ни въ родовомъ монастырѣ тӱшэ̄тӱ̆ ха̄новъ, славномъ своими святынями Эрдэни-цзӯ; однако, мы видимъ, что пятилѣтній Лобса̀нъ-ванбо̀-чжалца̀нъ возводится на каѳедру въ монастырѣ Ширэ̄тӱ̆ цага̀нъ-нӯрскомъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы дать лишнія средства къ существованію этому монастырю, тогда какъ Эрдэни-цзӯ былъ уже обезпеченъ по своему положенію. За всѣмъ тѣмъ рожденіе великаго халхаскаго ламы въ колѣнѣ тӱшэ̄тӱ̆ ха̄новъ прошло далеко не безслѣдно для ихъ монастыря. Будучи ребенкомъ и юношею, Лобса̀нъ-ванбо̀-чжалца̀нъ, или Ӱндуръ-гэгэ̀нъ, какъ называютъ его обыкновенно халхасы, часто посѣщалъ своихъ родителей и свой родовой монастырь, проводилъ здѣсь значительное время, совершая торжественные хура̀лы и упражняясь въ наукахъ. Такое положеніе сразу измѣнилось только послѣ того, какъ молодой гэгэ̀нъ съѣздилъ въ Тибетъ, сдѣлался поклонникомъ не сакъя̀скаго Баньчэ̀ня, а Дала̀й ламы, былъ объявленъ въ 1653 г. хубилга̀номъ Дарана̀ты и возвратился въ Халху, сопровождаемый гэ-луг-баскими ламами. Подъ 1654 годомъ въ лѣтописи Эрдэни-цзӯ записано, что халхаскіе ноѝны приносили здѣсь 19-лѣтнему хутухтѣ «бату̀-орошѝлъ»; къ этому добавляется далѣе, что новоприбывшіе гэ-луг-баскіе ламы убѣждали гэгэ̀на не жить въ Эрдэни-цзӯ, почему халхаскіе князья въ тоже время порѣшили построить для своего хутухты особую кумирню, сохраняющую и до настоящаго времени свое первоначальное имя: гэгэнэй-бӱтэ̀лыйнъ сӱмэ. Оффиціальною цѣлью построенія этой кумирни было устроить особое мѣсто для религіозныхъ

упражненій и созерцаній гэгэна, и, сообразно этой цѣли, постройки были воздвигнуты за стѣнами монастыря и стояли одиноко у горы Шибэ̄тӯ. Послѣ сего хубилганы Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀, пріѣзжая въ Эрдэнѝ-цзӯ, постоянно останавливались въ этой кумирнѣ и проживали здѣсь время своего пребыванія на родинѣ. Смертью второго гэгэна прекратились, какъ извѣстно, перерожденія хутухты̀ не только въ родствѣ Тӯшэ̄тӯ ха̄новъ, но и въ Монголіи вообще; послѣдующіе хубилга̀ны, привозимые изъ Тибета, уже не видѣли въ Эрдэнѝ-цзӯ ничего родного, а потому и почти не посѣщали его. Такимъ образомъ Гэгэнэй-бӯтэлыйнъ сӯмэ̀ естественно долженъ былъ придти въ упадокъ тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ не въ стѣнахъ Эрдэнѝ-цзӯ и даже не считался принадлежащимъ Тӯшэ̄тӯ ха̄ну. Сообразивъ все сіе, эрдэнѝ-цзӯскіе ламы въ 1783 году поновили эту кумирню и поднесли ее Са̀йнъ-нойну; съ тѣхъ поръ всѣ заботы о «гэгэнэй-бӯтэлыйнъ сӯмэ̀» легли на Са̀йнъ-нойна: онъ его оправляетъ, содержитъ здѣсь своихъ ламъ для совершенія хура̀ловъ и даетъ все необходимое какъ для содержанія этихъ ламъ, такъ и для жертвъ, приносимыхъ кумирамъ, до настоящаго времени. Но если таково было отношеніе къ Эрдэнѝ-цзӯ хутӯхтъ, привозимыхъ изъ Тибета, то первые, собственно халхаскіе хубилга̀ны относились къ своему родовому монастырю весьма благосклонно: они постепенно старались превратить его изъ сакъя̀ской обители въ гэ-луг-баскую и взамѣнъ воздаваемыхъ имъ здѣсь почестей привносили сюда и вводили здѣсь все, что было заимствуемо ими изъ Тибета. Въ 1658 году халхаскіе нойны снова приносили въ Эрдэнѝ-цзӯ «батӯ-орошѝлъ» гэгэну, а гэгэнъ впервые совершилъ здѣсь заимствованную имъ изъ Хлассы церемонію «круговращенія Ма̀йдари». Кромѣ сего изъ числа монастырскихъ постановленій, относящихся по своему учрежденію къ этому времени, замѣчательны: а) избраніе докшита Го̀мбо-гӯру въ сакӯсуны или покровители монастыря; б) принесеніе ему жертвъ и служеніе Гургӯла было постановлено теперь ежедневною очередною обязанностью ламъ. Вскорѣ послѣ сего, по случаю сказанной Ӱндӯръ гэгэномъ загадочной рѣчи, разъясненной впослѣдствіи уже четвертымъ хубилга̀номъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты̀, постановлено было приносить въ Эрдэнѝ-цзӯ ежедневно 1000 балѝновъ «Шалса̀й» и молоко отъ 100 бѣлыхъ коровъ. Обычай этотъ хранится въ Эрдэнѝ-цзӯ и до настоящаго времени. Тогда же второй ширэ̄тӯ Эрдэнѝ-цзӯ'скаго монастыря Ло̀бомба-санцза̀й-дашѝ построилъ кумирню Шигэмӯнія и Ма̀йдари и воздвигъ два субурга̀на, а чиновникъ тӯшэ̄тӯ-ха̄на, Гомбо̀-дарха̀нъ, построилъ кумирню Ринсӯмъ-го̀мбо и подпесъ ее гэгэну.

Въ 12-е лѣто правленія Канси (1674 г.) отправился въ Тибетъ на

поклоненіе къ пятому хубилга̀ну Дала̀й ламы тӱшѣтӱ ха̄нъ Чахӯнь-дорчжѝ и, возвратившись въ слѣдующемъ 1675 году, построилъ въ Эрдэнѝ-цзӯ кумирни въ честь Дала̀й-ламы̀ и Цамбо̀.

Въ то же время гэгэ̀нъ и ха̄нъ, уже за стѣнами Эрдэнѝ-цзӯ, неподалеку отъ онаго къ СВ, построили субурга̀нъ, въ которомъ помѣстили они останки своей матери, ха̄ньши Хандӯ-чжамцо̀.

Въ 1682 году халхаскіе нойны снова приносили въ Эрдэнѝ-цзӯ «батӯ орошѝлъ» Ӱндӯръ гэгэ̀ну, а послѣдній по этому случаю хотѣлъ построить здѣсь особую кумирню и даже приготовилъ для нея фундаментъ, но, по неизвѣстной причинѣ, постройка кумирни въ то время не состоялась, а начавшіяся вслѣдъ засимъ волненія въ Халхѣ и послѣдовавшая вскорѣ за ними смерть Ӱндӯръ гэгэ̀на отклонили эту постройку и совершенно. Фундаментъ этотъ стоялъ долгое время не оконченнымъ и, какъ увидимъ ниже, ему пришлось быть не вѣстникомъ минувшей мирной и благочестивой жизни монголовъ, а напротивъ — памятникомъ о смутахъ и неурядицахъ, возникавшихъ какъ въ стѣнахъ монастыря, такъ и въ его окрестностяхъ.

Въ періодъ борьбы съ ойра̀тами, когда халхасы, тѣснимые войсками Галда̀на, бѣжали въ юго-восточную Монголію и тамъ должны были принять подданство Китаю, Эрдэнѝ-цзӯскій монастырь до самаго усмиренія бӧлӧтскихъ возстаній и возвращенія халхасовъ въ свои родныя кочевья (1689—1701 г.) оставался не только безъ всякой защиты, но и почти безъ обитателей. Въ Халхѣ въ ту пору, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, оставалось только самое бѣдное населеніе, которому нечего было спасать и которое потому самому не видѣло необходимости спасаться. Враждебныя войска три раза подходили въ эту пору къ Эрдэнѝ-цзӯ, но за всѣмъ тѣмъ они не принесли ему никакого вреда и монастырь нисколько не пострадалъ, хотя помянутый срокъ не можетъ не считаться для монгольскихъ построекъ довольно продолжительнымъ. Это обстоятельство донынѣ почитается монголами за чудо и Эрдэнѝ-цзӯскіе ламы не преминутъ упомянуть о немъ всякій разъ, когда начнутъ разказывать исторію своего монастыря. Единственныя серьезныя поврежденія, какъ говорятъ, были въ то время только въ оградѣ, но и они якобы произошли не столько отъ враговъ и времени, сколько отъ своего же оставшагося здѣсь населенія, которое пользовалось деревомъ отъ стѣнъ на топливо. Возвратившись въ Халху, гэгэ̀нъ немедленно приказалъ очистить и освятить кумирни, что и было исполнено эрдэнѝ-цорчжіемъ въ 1702 году. Поправка стѣнъ послѣ Галда̀нова нашествія начата была въ Эрдэнѝ-цзӯ въ 1706 году, а вмѣстѣ съ симъ возобновлены были и кумирни Цзӯ. Постройками завѣдывалъ гэлӯнъ Лобса̀нъ-даньцзѝнь, освященіе же ихъ было совершено эрдэнѝ-цорчжі'емъ. Лобса̀нъ-даньцзѝнь, отличившійся

въ этихъ постройкахъ, впослѣдствіи былъ избранъ въ настоятели монастыря и посему случаю построилъ двѣ кумирни, изъ которыхъ одну посвятилъ бурха̀ну Абидѣ, а другую назначилъ для общаго служенія ламъ.

Послѣ подчиненія халхасовъ Китаю, когда они раздѣлены были на отдѣльные, независимые другъ отъ друга хошӯны, тӱшэ̄тӱ-ха̄новцы подѣлили между собою Эрдэнѝ-цзӯ. Гэгэ̀нъ и тӱшэ̄тӱ ха̄нъ, какъ старшіе, приняли на свой счетъ отправленіе молебствій и жертвоприношеній въ основной, главной кумирнѣ Цзӯ; бэ̀йлэ Шиддѝшри — въ восточной кумирнѣ, а цзаса̀къ Бара̀нъ — въ западной; чествованіе Го̀мбо-гӱру было раздѣлено на очереди. Помимо сего гэгэ̀нъ принялъ на свой счетъ чествованія бурха̀новъ и совершеніе хура̀ловъ при кумирнѣ Хошѝмъ бодиса̀твы и западномъ субурга̀нѣ, ха̄нъ — при восточномъ субурга̀нѣ, а бэ̀йлэ — кумирни Ма̀йдари; наконецъ гэгэ̀нъ, ха̄нъ, бэ̀йлэ и цзаса̀къ воздвигли каждый по одному «Абура̀къ-дарца̀къ», т. е. четыре громадныхъ слѣги, донынѣ стоя-

Современный видъ на главныя кумирни и дарца̀ки въ Эрдэнѝ-цзӯ.

щихъ передъ главными кумирнями на монастырской площади. Въ 1718 г. цзӯскій пятый лама, номчѝ-дорчжѝ Лобса̀нъ-чжалца̀нъ, пріемный сынъ Дала̀й-ичжѝ, посвященный гэгэ̀ну, соорудилъ кумирню въ честь Ва̀чжрада̀ры и ганьчжу̀ръ, а въ слѣдующемъ 1719 г. поднесъ ихъ Ӱндӱ̀ръ гэгэ̀ну по случаю совершившагося 85-лѣтняго юбилея его жизни. Гэгэ̀нъ пожаловалъ тогда этой кумирнѣ имя: «Тэгӱ̀съ баясхулантӱ̀ аганѝшта».

Въ царствованіе Юнъ-чжэ̀на, въ 1731 г., во время шестого тӱшэ̄тӱ-ха̄на, Ванчжа̀лъ-дорчжѝ, чжунгары снова напали на Халху, причемъ близъ Эрдэнѝ-цзӯ они вступили въ сраженіе съ халхасами и были разбиты. Су-

ществуетъ сказаніе, подтверждаемое при томъ и оффиціальными документами, что когда вражескія войска ворвались въ монастырь и отворили двери главной кумирни, то стоящій передъ статуею большаго Цзӯ кумиръ Гѐмбо-гӯру согнулся и высунулся. Устрашенные разбойники не посмѣли войти въ кумирню и пошли назадъ; но въ это время каменные львы, стоящіе передъ кумирней, начали издавать рычаніе и послѣднее привело въ совершенную панику нападавшихъ: они обратились въ бѣгство и, бросаясь въ р. Орхонъ, погибали въ ней. Богдохāнъ, милостиво принявъ во вниманіе эти обстоятельства, пожаловалъ р. Орхону званіе тӯшē-гӯна, т. е. князя 5 степени, съ тѣмъ чтобы рѣкѣ этой ежегодно, въ назначенный астрологами день, совершалось поклоненіе, а опредѣленное ей по званію тӯшē-гуна жалованье, въ размѣрѣ 300 ланъ серебра, при совершеніи извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, бросалось бы въ ея волны. Одновременно съ симъ богдохāнъ командировалъ одного изъ своихъ чиновниковъ наградить Цзӯ, а для сего, по изслѣдованіи на мѣстѣ, возобновить эрдэни-цзӯ'скія кумирни, равно какъ и окружающія ихъ стѣны, сдѣлавъ послѣднія шире и просторнѣе. Въ эту пору нѣкій гэлӯнъ цэцэнъ-хāновскаго àймака, Лобсàнъ-догмѝтъ, именуемый Цагāнъ-даàнчи, соорудилъ всего шесть кумирень, изъ числа коихъ одну кумирню Абиды, вмѣстѣ съ находящимся въ ней даньчжӯромъ, поднесъ гэгэну, въ обезпеченіе же содержанія этого сӯмэ передалъ гэгэну и своихъ шабинàровъ. Засимъ ученикъ третьяго цзӯ'скаго ламы, Лобсàнъ-отсэра, гэлӯнъ Лунпàнъ также воздвигъ кумирню Абиды и подарилъ его гэгэну.

Въ царствованіе Цянь-луна, въ 1743 году, во времена седьмого тӯшēтӯ-хāна Дондàнъ-дорчжѝ, второй халхаскій хубилгàнъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты посѣщалъ Эрдэни-цзӯ. Передъ его пріѣздомъ эрдэни-цзӯскіе кумиры, нѣсколько загрязнившіеся, были поновлены на средства гэгэнскаго и хāнскаго казначействъ. При этомъ обстоятельствѣ шестой эрдэни-цзӯскій лама, биликтӯ-дархàнъ-цорчжѝ, Лобсàнъ-цэдэнъ, построилъ кумирню въ честь будды Шигэмӯни.

Начиная съ 1760 г. гэлӯнъ Дамбà-дорчжѝ принялся за возобновленіе построенной пятымъ цзӯ'скимъ ламою кумирни Вàчжра-дàры, которая тогда пришла въ большую ветхость, а засимъ онъ возбудилъ вопросъ о томъ, какъ вообще поправить эрдэни-цзӯскія кумирни и поставить въ болѣе широкіе размѣры отправленіе хурàловъ. Въ 1761 году для вышеозначенной кумирни Вàчжра-дàры были устроены кумиры 10,000 буддъ благихъ временъ, 21 кумиръ различныхъ хубилгàновъ Дарà-эхэ, Бодѝ-субургà и восемь Эрхэлэхсэнъ-субургà. Въ ту же пору надъ всѣми этими предметами поклоненія былъ совершенъ хурàлъ освященія оныхъ.

Такъ какъ этотъ гэлӯнъ Дамба-дорчжи съ малолѣтства посвятилъ свою дѣятельность на благо вѣры и одушевленныхъ существъ, то ханъ и народъ, по своей любви къ нему, сдѣлали его седьмымъ настоятелемъ Эрдэни-цзӯ'скаго монастыря и поднесли ему титулъ номчи-дорчжи. Послѣ сего ханъ и лама устроили дуганъ на сто слишкомъ хуваракovъ и установили отправлять въ немъ ежедневное служеніе цокчина; ежегодно, начиная съ 25-го числа 12-й луны служить Хангалъ; 29-го числа сжигать «сōръ»; въ новолѣтіе, въ теченіе первыхъ 11-ти дней служить йорōль; 15-го числа совершать круговращеніе Майдари; 16-го возносить «дангрикъ» и пр. Вознося благодареніе буддамъ за такое благоустройство обители, Дамба-дорчжи соорудилъ большую кумирню въ честь Манлы, Махагалы и Гонбо-гӯру.

Въ 1761 г. Тӯшэтӯ-ханъ и лама воздвигли большой сӯмэ для хураловъ.

Въ 1766 г., вслѣдствіе того что кумирни Цзӯ пришли въ ветхость, номчи-дорчжи убѣдилъ вана Санцзай-дорчжи и Тӯшэтӯ-хана поновить ихъ. Засимъ, при поправкѣ восточной кумирни Цзӯ, богдоханъ пожаловалъ 1,000 ланъ серебра, на каковую сумму и была, подъ наблюденіемъ гӯна Сономъ-цампила, совершена поправка. Въ эту же пору въ Эрдэни-цзӯ были воздвигнуты двѣ кумирни: одна въ честь Цзонхавы, а другая — въ честь Ямандаги. Что касается главной кумирни Цзӯ, то поновленіе ея начато было въ 1768 году, а окончено въ 1769 г.; освященіе ея было совершено ламою Ямпилъ-дорчжи, вмѣстѣ со всѣми эрдэни-цзӯскими хуваракami. Въ томъ же году эрдэни-цзӯ'скіе ламы сдѣлали представленіе третьему хубилгану Чжэбцзӯнъ-дамба-хутухты о построеніи въ ихъ монастырѣ кумирни вмѣстимостью на 1000 ламъ и получили на это разрѣшеніе.

Въ 1772 г. гӯнъ Сономъ-цампилъ поновилъ западную кумирню Цзӯ и въ то же время построилъ еще одинъ новый сӯмэ въ честь бурхана Аюши.

Около этой поры всѣ эрдэни-цзӯ'скія кумирни и субурганы въ разное время, начиная отъ эпохи гэлӯна Даньцзин'я, построенные ламами, были поднесены частію гэгэну, а частію хану. Въ 1773 году начатъ былъ постройкою предполагавшійся большой дуганъ; онъ строился нѣсколько лѣтъ и по окончаніи былъ освященъ своими ламами.

Прежде, когда число эрдэни-цзӯ'скихъ ламъ не достигало еще 100 человѣкъ, лама, заботясь о расширеніи вѣры, построилъ дуганъ на 500 человѣкъ. Вслѣдъ засимъ номчи-дорчжи сдѣлалъ особое предложеніе, въ коемъ объяснялъ, что хотя въ Эрдэни-цзӯ искони чествуется бурханъ Гонбо-гӯру, тѣмъ не менѣе въ монастырѣ нѣтъ никакихъ сочиненій, по которымъ возможно было бы основательно и полно изучать абишикъ, правила жертвоприношеній и чтенія въ честь этого бурхана. Въ видахъ восполненія этого недостатка командировано было посольство къ Чжанчжа-римбочэ Ролба,

который сказалъ, что для пріобрѣтенія таковыхъ знаній необходимо снарядить посольство въ монастырь Сàкъя и прослушать наставленія по сему предмету отъ сакъяскаго гэгэна. Такой отвѣтъ былъ обсужденъ номчи-цорчжи'емъ вмѣстѣ съ тӱшэтӱ-хаⁿномъ и въ 1776 году изъ Эрдэни-цзӯ былъ командированъ въ Тибетъ, а особливо въ сакъяскій монастырь гэбкӱй цокчинскаго хурàла, Лобсàнъ-чойдӱбъ, который прослушалъ наставленія отъ 35-го сакъяскаго-гэгэна, Навàнъ-гунгà-лодòн'а и усвоилъ все, что касается чествованія Гòнбо-гӯру. Возвратившись изъ Тибета, онъ привезъ съ собою массу святынь, во главѣ которыхъ были: литыя изображенія пяти сàкъя и Мила-лочжавàйнъ дотогàду шитӱгэнъ; изъ числа книгъ: Табӯнъ-сакъяйнъ сумбӱмъ; и изъ отдѣла утвари: хонхò, вачиръ и дамàру сакъяскаго-гэгэна; бѣлая раковина, которую Хормустà поднесъ буддѣ Шигэмӱнію, а потомъ Хубилàй-хаⁿъ пожаловалъ Пакбà-ламѣ и пр. Этотъ, находившійся въ командировкѣ гэбкӱй цокчинскаго-хурàла былъ сдѣланъ лòбуномъ служеній (ཞལ་སྔ་ན་) Гòнбо-гӯру и передалъ свои знанія какъ самому номчи-цорчжи, такъ и прочимъ ламамъ. Послѣ сего онъ построилъ кумирни въ честь Маньчжӱшри и Ямàндаги и поднесъ ихъ тӱшэтӱ-хаⁿну; и наконецъ построилъ двухъ-этажную кумирню, въ верхнемъ этажѣ коей поставилъ кумиръ Лама-чотбà.

Послѣ сего номчи-цорчжи отправилъ посольство къ Баньчэнь-богдò съ вопросомъ, изученіе какого нòма (священной книги) было бы по преимуществу полезно въ Эрдэни-цзӯ? Баньчэнь-богдò отвѣчалъ, что лучше всего было бы изучать Боди-мӱръ, почему съ 1783 года въ Эрдэни-цзӯ устроена школа для изученія Боди-мӱра, числомъ на 50 хувараковъ.

Въ 1785 г. номчи-цорчжи лама, рѣшившись обновить прежде воздвигнутую имъ кумирню, перестроилъ ее по общему образцу капищъ тибетской архитектуры и сдѣлалъ ее трехъ-этажною. Верхній этажъ онъ опредѣлилъ собственно для служеній Махагàлы, поставивъ здѣсь 75 различныхъ кумировъ этого бурхàна; средній этажъ раздѣлилъ на три части, изъ коихъ въ одной была кумирня Гòнбо-гӯру, во второй—Мàнлы и въ третьей—пяти хаⁿновъ. Нижній этажъ былъ назначенъ для общаго служенія хувараковъ.

Въ 1786 г. община эрдэни-цзӯскихъ ламъ, съ молитвами о здравіи Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтыи о мирѣ и благосостояніи всѣхъ своихъ милостынедателей, а особливо Сàйнъ-нойна и подвѣдомственныхъ ему хошӯновъ, рѣшила построить деревянный боди-субургàнъ. Когда зданіе было готово, въ средину его было заложено отпечатлѣвшееся на глинѣ изображеніе руки Ӱндӱръ-гэгэна, частица мощей бӱдды и другія святыни. Субургàнъ этотъ номчи-цорчжи поднесъ Сàйнъ-нойну и просилъ его отпустить средства на содержаніе четырехъ, или пяти человѣкъ ламъ, для

вѣчнаго отправленія служеній при этомъ субургàнѣ. Средства были отпущены и хурàлы при означенномъ субургàнѣ дѣйствительно ежедневно отправляются ламами до настоящаго времени.

Въ 1787 г. номчѝ-цорчжѝ сдѣлалъ предложеніе объ основаніи въ Эрдэнѝ-цзӯскомъ монастырѣ служенія цàма. Съ этою цѣлью, съ соизволенія Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты, изъ Урги былъ вызванъ въ Эрдэнѝ-цзӯ тибетскій лама-унзàтъ, гāрамба, биликтӯ нансӯ, по имени Рабтàнъ. Онъ выбралъ молодыхъ хуварàковъ и началъ обучать ихъ религіознымъ пляскамъ. Въ тоже время изъ Хӯхӯ-хотò былъ вызванъ столяръ, китаецъ Лю-шэнъ-юй, который устроилъ цàм'скія подмоски, необходимые колонны, навѣсы и проч. Монгольскія женщины близъ лежащихъ хошӯновъ приняли на себя трудъ пошитья необходимыхъ одеждъ и облаченій, а равно вышиванія всякаго рода привѣсокъ и пристежекъ. Дѣло подготовленія служенія продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ и, наконецъ, 23-го числа 6-й луны номчѝ цорчжѝ могъ исполнить свое желаніе, приступивъ къ служенію цàма. Впрочемъ, предварительно этого служенія, онъ опредѣлилъ втеченіе трехъ дней, 23, 24 и 25 чиселъ, совершить чтеніе Ганьчжӯра и Даньчжӯра, вечеромъ 25 числа были освящены балѝны; 26, 27 и 28 числа посвящены на служеніе Ямāндагѝ и только 29 былъ исполненъ цàмъ, въ которомъ участвовало всего свыше 100 танцующихъ масокъ, изображавшихъ различныя божества.

Въ 1793 г. номчѝ-цорчжѝ, по обѣимъ сторонамъ трехъ-этажной кумирни въ честь Махагāлы, построенной имъ въ 1760 году, воздвигъ еще двѣ двухъ-этажныхъ кумирни, также тибетской архитектуры. Въ кумирнѣ, стоящей по правую сторону, онъ помѣстилъ на верхнемъ этажѣ 16 различныхъ кумировъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухты, изображающихъ этого гэгэна въ различныхъ его перерожденіяхъ; а въ нижнемъ — большой кумиръ Цзонхавы, съ назначеніемъ этой кумирни для служенія чòй-ра, или цанѝта. Въ кумирнѣ, стоящей по лѣвую сторону, на верхнемъ этажѣ былъ поставленъ литой изъ мѣди и позолоченный хотò-мàндалъ Ямāндаги, а въ нижнемъ — кумиры 16 лòхановъ.

Въ 1794 г., по высочайшему повелѣнію Цянь-лӯна, изъ Урги былъ командированъ въ Эрдэнѝ-цзӯ бичэ̄чи Чòйчжи-рашѝ, который составилъ подробное историческое изслѣдованіе объ Эрдэни-цзӯскомъ монастырѣ и до малѣйшихъ подробностей описалъ тогдашнее состояніе этого монастыря. Есть извѣстіе, что описаніе это было тогда же представлено богдохāну, но въ Монголіи ни точная судьба этого описанія, ни самаго этого описанія не сохранилось.

1796-й годъ былъ годомъ вступленія на престолъ богдохāна Цзя-

цѝна. По этому случаю Тӱшѣтӱ-хāнъ и Номчѝ-цорчжѝ сдѣлали особые доклады Чжэбцзӱнъ-дамбà-хутухтѣ, Далàй-ламѣ и Баньчэнь-эрдэнѝ, въ которыхъ заявляли, что халхасы ничѣмъ не могли бы такъ выразить своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ богдохāну, какъ приведеніемъ въ полное благоустройство своей древнѣйшей религіозной обители, въ которой они могли бы возносить свои молитвы за благоденствіе сына неба. При послѣдовавшемъ засимъ одобреніи этого мнѣнія, всѣ халхаскіе хутухты, во главѣ съ Чжэбцзӱнъ-дамбà-гэгэномъ, тӱшѣтӱ-хāнъ, цэцэнъ-хāнъ, цзасактӱ-хāнъ и сàйнъ-ноѝнъ, шанцзотбà и всѣ халхаскіе вàны, бэйлэ, бэйсэ, гӱны и владѣтельные тàйчжи отозвались на призывъ принести свои пожертвованія. На составившуюся такимъ образомъ сумму были вызваны изъ Хӱхӱ-хотò мастеровые и художники, которые и начали обновленіе монастыря. По планамъ, еще прежде утвержденнымъ амбàнями, монастырь былъ окруженъ высокою стѣною; ограда главной кумирни Цзӱ была обложена кирпичемъ, фундаментъ выложенъ цоколемъ, а крыша сдѣлана изъ новой желтой черепицы. Такимъ же образомъ были возсооружены и двѣ боковыхъ кумирни остальныхъ Цзӱ, двѣ кумирни въ честь Махарàчжа, кумирня Хоншѝмъ-бодисàтвы, кумирня Мàйдари, кумирня имени пятаго Далàй-ламы и другія. Тріумфальныя ворота, находящіяся передъ кумирнею главнаго Цзӱ, были также поновлены, при чемъ расходы по этой перестройкѣ приняли уже всецѣло на свой счетъ китайскіе мастеровые, исполнявшіе дѣло перестройки. Въ тоже время была передѣлана кумирня въ честь третьяго хубилгàна Далàй-ламы, построенная еще Абатàй-хāномъ, въ верхнемъ этажѣ ея былъ положенъ писаный золотомъ ганьчжӱръ, а нижній опредѣленъ на ежедневное всегдашнее отправленіе хураловъ въ честь Гòнбо-гӱру. По окончаніи всѣхъ этихъ и другихъ громадныхъ работъ, которыя можно сказать представили передѣлку заново всего монастыря, для освященія его былъ приглашенъ хубилгàнъ Заѝ-пандѝты въ третьемъ его перерожденіи и торжество этого освященія продолжалось цѣлыхъ три дня.

Въ 1799 г., по случаю исполнившагося тогда 25-лѣтія жизни четвертаго хубилгàна Чжэбцзӱнъ-дамбà-хутухты, номчѝ-цорчжѝ на мѣстѣ заложеннаго еще Ӱндӱръ-гэгэномъ фундамента для кумирни воздвигъ «бодѝ-субургà», вышиною въ 5 саженей и въ средину ея заложилъ 100,000 кумировъ различныхъ бурхàновъ, 55,070 изображеній бодѝ-субургàна и множество мощей различныхъ прославленныхъ лицъ буддизма. Субургàнъ этотъ освящалъ Чинъ-сӱнзуктӱ номӱнъ-хāнъ лама, во-второмъ его перерожденіи.

Въ 1803 г. въ Эрдэнѝ-цзӱ было введено служеніе сотчжонъ и ярa.

Въ 1804 г. по линіи, долженствовавшей образовать стѣны Эрдэнѝ-

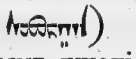
цзўскаго монастыря, было воздвигнуто 56 субургàновъ, вслѣдствіе чего монастырь этотъ какъ бы получилъ для себя ограду совершенно своеобразнаго вида. Субургàны, какъ видно изъ находящихся на нихъ надписей, возводились милостынедателями и поклонниками будды самыхъ различныхъ званій, начиная отъ первостепенныхъ князей до самыхъ обычныхъ монгольскихъ простолюдиновъ, отличавшихся въ свою пору достаткомъ въ средствахъ къ жизни. Впослѣдствіи, года черезъ три, число этихъ субургàновъ, окружающихъ монастырь, было доведено до 92. Въ настоящую пору всѣ

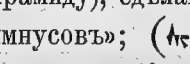
Видъ на стѣну и субургàны Эрдэни-цзу'скаго монастыря съ запад. стороны.

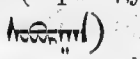
они представляютъ собою довольно прочныя зданія, только большая часть находящихся на нихъ надписей дѣлается уже очень трудною для прочтенія. Надписи эти при своемъ приготовленіи обыкновенно высѣкались на особыхъ каменныхъ плитахъ, которыя засимъ и вставлялись въ неглубокія ниши, выдѣлываемыя въ фустѣ субургàновъ. Нѣкоторыя изъ такихъ плитъ уже вывалились теперь изъ своихъ нишей, разбились и погибли; на другихъ высѣченныя надписи вывѣтрились и постерлись; по этой-то причинѣ, несмотря на сравнительную незначительность интереса разсматриваемыхъ памятниковъ, мы все же рѣшились списать изъ нихъ все возможное для прочтенія и такимъ образомъ сохранить эти памятники отъ совершенной погибели. Выйдя изъ южныхъ воротъ монастыря, мы направились на западъ и, обошедши такимъ образомъ вокругъ всего монастыря, постепенно встрѣчали такія надписи на субургàнахъ:

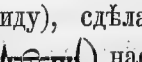
Таковы типъ и характеръ рѣшительно всѣхъ этихъ надписей: онѣ писаны по одному образцу и различаются между собою лишь именами самыхъ субургàновъ и ихъ строителей. Не затрудняя посему читателей дальнѣйшимъ изложеніемъ монгольскихъ текстовъ, представляемъ переводъ ихъ:

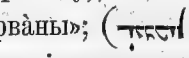
Субурганъ № 1-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанàши (Бенаресѣ), то благоговѣйные во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ шабӣнцы просвѣтителя вѣры и успокоителя одушевленныхъ существъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты: даругà Дансӯнъ-чжабъ и шӯлэнга Янъцӯбъ, да шабӣнецъ эрдэнӣ-цзӯ'скаго ширѣтӯ камбō-номчӣ гōши цорчжӣ, приближенный гэлӯнъ Дондòбъ.

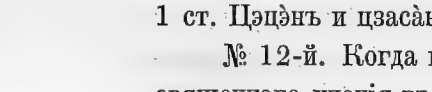
№ 2-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бо̄ди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрӣха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бо̄ди субургàна»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ принадлежащіе къ àймаку сеймоваго старшины Вачирàй-батӯ тӯшѣтӯ-хāна и хошӯну цзасакà Улӯсъ-туръ тусалакчӣ-гӯна: эрдэнӣ-мэргэнъ-тàйжи Хласорòнъ-дорчжӣ, да принимавшій неоднократно обѣты бодисàтвы, тòйнъ Лобсàнъ-дорчжӣ.

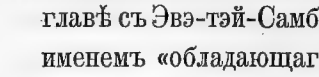
№ 4-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бо̄ди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрӣха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàнъ укрощенія шимнусовъ»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ шабӣнецъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухты, гэлӯнъ Ринчӣнъ и шабинецъ эрдэнӣ-цзӯскаго номчӣ-цорчжӣ ламы, приближенный Даньцзӣнь-дорчжӣ.

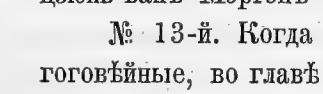
№ 5-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бо̄ди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрӣха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бо̄ди субургàна»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ шабӣнецъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты шӯлэнгэ Цэдэнъ-чжàбъ со многими ламами и простолюдинами.

На угловомъ юго-западномъ субурганѣ № 6-й находится слѣдующая надпись: № 5-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бо̄ди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрӣха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бо̄ди субургàна»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ по началу шабинецъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты, эрдэни-цзӯскій Дарханъ-лама, а засимъ возобновилъ его гэлӯнъ того же монастыря Отсэръ.

№ 7-й. Когда будда Шигэмӯни проявилъ въ рощѣ Сӧнъ прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Ко̄ша, во главѣ съ Бӧкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна пожеланія нирвàны»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства сàйнъ-нойновскаго àймака, хошӯна цзасàкъ-тӯрӯйнъ-бэйлэ Дэлэкъ-дорчжіева, тòйнъ Цэбэль.

№ 8-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваràковъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѝхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства изъ цзасактӯ-хāновскаго-àймака, хошӯна цзасакъ-тайчжи 1-й ст. Цэцэнъ-Дондоба, чиндамани-тòйнъ Цзанъ.

№ 9-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ Чжāда укротилъ еретиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширàвасты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжàй'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна магическихъ превращеній» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли изъ хошӯна цзасàкъ-тàйчжи 1 ст. Цэцэнъ-дондоба, цзасакту-хāновскаго àймака, тòйнъ-тунгалàкъ-биликтӯ Билцӯкъ и дэмчѝ-лама Чòйчжунъ.

№ 10-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бōди-субургàна»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ собственнымъ тщаніемъ изъ хошӯна улӯсъ-туръ тусалакчѝ-гуна Гòмбо-чжаба, цзасакту-хāновскаго àймака, простолюдинъ Лодà.

№ 11-й. Когда будда Шигэмӯни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственныя средства цзасактӯ-хāновскаго-àймака цзасàкъ тàйчжи 1 ст. Цэцэнъ и цзасàкъ Дондòбъ.

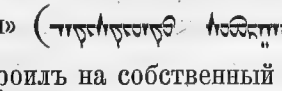
№ 12-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанàши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой-же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ кандидатъ сеймоваго старшины тӯшēтӯ-хāновскаго-àймака, тӯрӯйнъ цзюнь-вàнъ Мэргэнъ-чжонòнъ, съ женою Хутуктàй.

№ 13-й. Когда будда Шигэмӯни родился въ саду Лòмби, то благоговѣйные, во главѣ съ хāномъ Соддадàною, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна мирнаго пришествія»

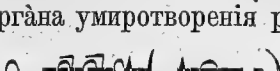
( ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства ӱлцзэйтӱ цзàйсанъ Дакдàнъ, изъ хошӯна хэбэй-гӱна Гòмбо-чжàба, цэцэнъ-хāновскаго àймака.

№ 14-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанàши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ цзахирахчѝ Саксӯръ-чжàбъ изъ хошӯна цзасàкъ-тàйчжи 1-й ст. Цэцэнъ-дондòба, цзасактӱ-хāновскаго-àймака.

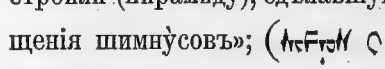
№ 15-й. Когда будда Шигэмӯни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсàли, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» ( ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудили гэлӯны: Синйнъ, Гундӱй и Лобсàнъ изъ хошӯна въ званіи гуна тàйчжія 1-й ст. Цэцэнъ-дондòба, цэцэнъ-хāновскаго àймака.

№ 16-й. Когда будда Шигэмӯни ради продленія лѣтъ своей жизни совершилъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли соорудили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна благословенія» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія построилъ на собственный счетъ ближайшій цзàйсанъ цзасакъ тайчжія 1-й ст. Цэцэнъ-дондòба, изъ цэцэнъ-хāновскаго-àймака.

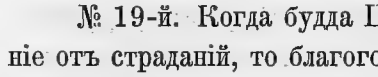
На угловомъ сѣверо-западномъ субургàнѣ № 17-й находится слѣдующая надпись:

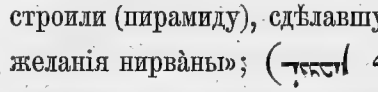
Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваràковъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрйхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія сначала воздвигъ сынъ третьяго тӱшѣтӱ-хāна Гомбо-дорчжія, бэйлэ Шиддйшри; а нынѣ возобновили второй настоятель дацàна, принадлежащаго сумӯну Хурцà-буянъ цзангйна того же хошӯна, гэлӯнъ Даньцзинь и хӱндӱй этого сумӯна Дэльгэръ-насӯнъ.

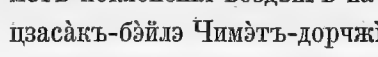
№ 18-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные во

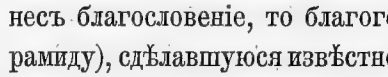
главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна укрощенія шимнỳсовъ»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства простолюдинъ Балцỳкъ-тэгỳсъ-биликтỳ, изъ хошỹна цзасàкъ-бэ̀йлэ Дэлэ̀къ-дорчжѝя, сàйнъ-нойновскаго-àймака.

№ 19-й. Когда будда Шигэмỳни проявилъ къ рощѣ Сõнъ прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Кõша, во главѣ съ Бõкэ̀, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна пожеланія нирвàны»; ( ) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства цзахирахчѝ изъ хошỹна цзасàкъ-бэ̀йлэ Чимэ̀тъ-дорчжѝя, сàйнъ-нойновскаго-àймака.

№ 20-й. Когда будда Шигэмỳни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства гэлỳнъ Навàнъ-цзундỳй, изъ хошỹна тàйчжи 1-й ст. Чòй-сорòна, цзасактỳ-хāновскаго-àймака.

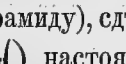
№ 21-й. Когда будда Шигэмỳни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваràковъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѝхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства гэлỳнъ тòйнъ Бадмà, изъ хошỹна цзасàкъ-бэ̀йлэ Чимэтъ-дорчжѝ, сàйнъ-нойновскаго-àймака.

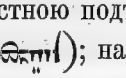
№ 22-й. Когда будда Шигэмỳни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсàли, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэ̀к'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ воздвигъ гэцỳль Дакдàнъ, изъ хошỹна хотохòйтскаго цзасака Чòй-сорòна, цзасактỳ-хāновскаго-àймака.

№ 23-й. Когда будда Шигэмỳни въ рощѣ Чжāда укротилъ еретиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширава̀сты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжàй'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна магическихъ превращеній» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственныя сред-

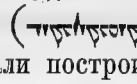
ства: тàйчжи Чжикчжѝтъ-чжàбъ, изъ хошӯна Цзя̀нь-цзюнь-вàнова, тӱшӗтӱ-хāновскаго-àймака и хутухтѝнскіе шабѝнцы: гэлӯнъ тойнъ Навàнъ, тàйчжи Цэрэ̀нъ-чжабъ, Чибàкъ-чжабъ, Санчжàй и Тэгӱскэръ.

№ 24-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варана̀ши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субурга̀на»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ гэлӯны: Норбò и Навàнъ, изъ хошӯна цзасака Чòй-сорòна, цзасакту-хāновскаго-àймака.

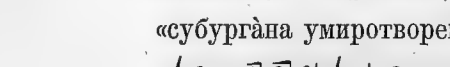
№ 25-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бōди субурга̀на»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ податные хошӯна цзасàкъ-тàйчжія 1-й степени Чòй-сорòна, цзасактӯ-хāновскаго-àймака.

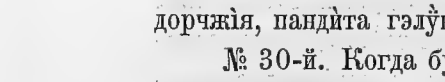
№ 26-й. Когда будда Шигэмӯни родился въ саду Лòмби, то благоговѣйные, во главѣ съ хāномъ Соддада̀ною, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субурга̀на мирнаго пришествія» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства цэцэ̀нъ-тойнъ Гòмбо, младшій братъ хотохòйтскаго-цзасака̀ Чòй-сорòна, цзасактӯ-хāновскаго-āймака.

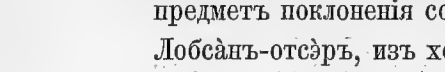
№ 27-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варана̀ши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō, построили (пирамиду) сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субурга̀на»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ дӱрбэ̀товъ-ōлётскихъ: цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ-Балса̀нъ, ванъ Хлава̀нъ-сонòмъ, бэ̀йсэ Ӱльцзэ̀й-бӯтӱкӯ, цзасàкъ Убашѝ и гунъ Чимэ̀тъ-пāлъ.

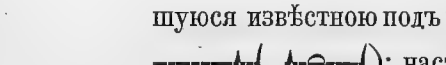
№ 28-й. Когда будда Шигэмӯни ради продленія лѣтъ своей жизни совершилъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайса̀ли соорудили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субурга̀на благословенія» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія приказали построить тӱшӗтӱ-хāновскаго-àймака улӯсъ-туръ-тусалакчѝ гунъ Холочѝ, Эрдэнѝ-чжонòнъ-да̀йчинъ Намчжàлъ-дорчжѝ и супруги ихъ Илагӱксанъ-цоктӯ и Хлора̀бъ.

№ 29-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хувараковъ,

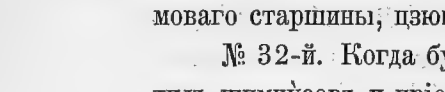
то благоговѣйные изъ города Рачжагрѝхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственныя средства тӯшѣтӯ-хāновскаго àймака улӯсъ-туръ тусалакчѝ-гунъ Холочѝ и младшій братъ эрдэнѝ-чжонòнъ-дайчѝнъ Намчжàлъ-дорчжія, пандѝта гэлӯнъ-тòйнъ Хлунтӯбъ.

№ 30-й. Когда будда Шигэмӯни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсàли, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ гэлӯнъ-лōбунъ Лобсàнъ-отсэръ, изъ хошӯна цзюнь-вàна Дорчжѝ-чжабà, кандидата сеймоваго старшины тӯшѣтӯ-хāновскаго-àймака.

№ 31-й. Когда будда Шигэмӯни родился въ саду Лòмби, то благоговѣйные, во главѣ съ хāномъ Соддадàною, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна мирнаго пришествія» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственныя средства тӯшѣтӯ-хāновцы: простолюдинъ Чжисà-абтàнъ, изъ хошӯна цзянь-цзюнь-вàна и гэлӯнъ Гэлэкъ, изъ хошӯна кандидата сеймоваго старшины, цзюнь-вàна Дорчжѝ-чжàба.

№ 32-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бōди субургàна»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ собственнымъ тщаніемъ эрдэнѝ-цзӯскій дàйчинъ Дорчжѝ-лама, тӯшѣтӯ-хановскаго-àймака.

№ 33-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӯни вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанàши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбō, построили (пирамиду) сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигла собственнымъ тщаніемъ Эрхэ-бодисӯкъ, мать Сàйнъ-нойна.

№ 34-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ Чжāда укротилъ еретиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширавàсты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжàй'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна магическихъ превращеній» (); на-

стоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ дӱргэчѝ-гунъ Эрѝнь-дорчжѝ, сàйнъ-ноѝновскаго àймака.

№ 35-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваràковъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѝхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства тàйчжѝ Чибàкъ-чжàбъ, изъ хошӯна дӱрбэтскаго гуна Чимэ̀тъ-пāла.

№ 36-й. Когда будда Шигэмӯни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсàли, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэ̀к'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудили князья пяти байтскихъ хошӯновъ: бэ̀йсэ Хлàма-чжàбъ, тӱшē-гунъ Ӱлцзэ̀й-орошиху, гунъ Бодѝ-гэрэ̀ль, цзасàкъ-Бӱхэ̀ и цзасàкъ-Бодѝшири.

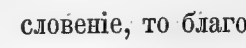
№ 37-й. Когда будда Шигэмӯни ради продленія лѣтъ своей жизни совершилъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли соорудили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна благословенія» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія построилъ на собственный счетъ тòйнъ Цэрэ̀нъ-пāлъ, изъ хошӯна тӱшētӱхāна.

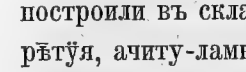
№ 38-й. Когда будда Шигэмӯни проявилъ въ рощѣ Сӧнъ прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Кōша, во главѣ съ Бӧкэ̀, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна пожеланія нирвàны»; () настоящій (такой же) предметъ поклонененія воздвигъ на собственныя средства шабѝнецъ эрдэнѝцзӯ'скаго Номчи цорчжѝ-ламы, нансӯ Самбō.

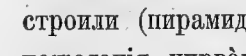
№ 39-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна укрощенія шимнӯсовъ» (), настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства шабѝнецъ Чжэбцзӯнъ-дамбы̀, тòйнъ Навàнъ.

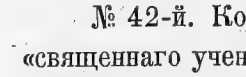
На сѣверо-восточномъ угловомъ субургàнѣ № 40-й находится слѣдующая надпись:

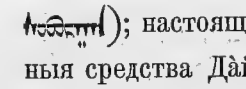
Когда будда Шигэмӯни ради продленія своей жизни произнесъ благо-

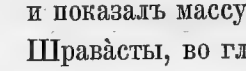
словеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія поначалу построили въ складчину восемь гэлӯновъ, шабинцевъ эрдэнѝ-цзӯскаго ширѣтӯя, ачиту-ламы, Гунцука, а потомъ возобновилъ тòйнъ Цэвàнъ-гòмбо, изъ хошӯна-гуна Намчжàлъ-дорчжѝ, тӯшѣтӯ-хāновскаго-àймака.

№ 41-й. Когда будда Шигэмӯни проявилъ въ рощѣ Сōнъ прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Кōша, во главѣ съ Бōкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна пожеланія нирвàны» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства гэцӯль Хичѣхӯ-шарàбъ, изъ хошӯна амбàнь цзя̄нь-цзюнь вàна, тӯшѣтӯ-хāновскаго-àймака.

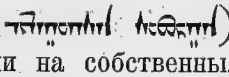
№ 42-й. Когда будда Шигэмӯни согласилъ споры хуварàковъ въ рощѣ «священнаго ученія», то благоговѣйные изъ городовъ Рачжагрѝхи и Магàды построили (пирамиду), получившую названіе «обладающаго истинными свойствами благотворительности субургана» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства Дàйчинъ-Цэдэнъ-чжàбъ, изъ хошӯна гуна Сандӯбъ-дорчжѝ тӯшѣтӯ-хāновскаго-àймака.

№ 43-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ Чжāда укротилъ еретиковъ и показалъ массу магическихъ превращеній, то благоговѣйные изъ города Шравàсты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжàемъ, построили (пирамиду), которую они назвали «построеннымъ въ силу укрощенія еретиковъ субургàномъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ хàфань-Добчжѝ, изъ хошӯна тàйчжія 1-й ст. Тамарѝнъ-чжàба, сàйнъ-нойновскаго-àймака.

№ 44-й. Когда будда Шигэмӯни на берегу рѣки Наранчжàна укротилъ шимнӯсовъ и пріобрѣлъ всесовершенную бōди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѝха и Магàдха, Рòба-гàрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна укрощенія шимнӯсовъ»; () настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственный счетъ ученикъ седьмого эрдэнѝ-цзӯскаго номчѝ-цòрчжи, лама медикъ Лобсàнъ-балдàнъ.

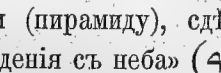
№ 45-й. Когда будда Шигэмӯни въ городѣ Варанàши (Бенаресѣ) началъ свою проповѣдь, то благоговѣйные изъ этого города построили (пирамиду), получившую названіе «субургàна вращанія колеса священнаго ученія» () настоящій (такой же) предметъ поклоненія совмѣстно воздвигли: тӯшѣтӯ-хāновскаго àймака гунъ-Хо-

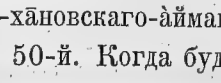
лочѝ, дархàнъ-хун-тàйчжи Сундӳ̀бъ-дорчжѝ, мать ихъ Цагàнъ-дарà и младшія сестры Долмà-чжабъ, Ногӧ̄нъ-дарà и Цэрэ̀нъ-чжатъ.

№ 46-й. Когда будда Шигэмӳ̀ни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣ̀йные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственныя средства шабѝнки Чжэбцзӳ̀нъ-дамбà-хутухты, убасанцà-Цэрэ̀нъ и дѣвица Намчжàлъ-чжàбъ.

№ 47-й. Когда будда Шигэмӳ̀ни родился въ саду Лӧ̄мби, то благоговѣ̀йные, во главѣ̀ съ хāномъ Соддадàною, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна мирнаго пришествія» ( ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныя средства хуварàкъ Нàйданъ, принадлежащій къ хошӯнному монастырю цзасàка, тусалакчѝ-гуна Гòмбо-чжàба, цэцэ̀нъ-хāновскаго-àймака.

№ 48-й. Когда всеобщій ӯчитель, будда Шигэмӳ̀ни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ̀ Варанàши (Бенаресѣ̀), то благоговѣ̀йные, во главѣ̀ съ Эвэ-тэй-Самбӧ̄, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ тӯ̄шӗ̄тӯ̆-хāновскаго-àймака, хошӯна-цзасàка Урчжàнъ-чжабà, гэлӯ̀нъ Дакбà и цзангѝнъ Цэрэ̀нъ-дашѝ.

№ 49-й. Когда будда Шигэмӳ̀ни спустился съ неба, то благоговѣ̀йные изъ города Вайсàли, во главѣ̀ съ домохозяиномъ Шильдэ̀к'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ построили: гэцӯ̀ль Чоймпилъ и хуварàкъ Чжимбà, — оба изъ хошӯна гуна Намчжàлъ-дорчжѝ, тӯ̄шӗ̄тӯ̆-хāновскаго-àймака.

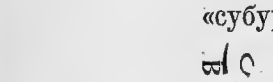
№ 50-й. Когда будда Шигэмӳ̀ни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣ̀йные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ цзасàкъ тӯрӯ̆̀йнъ-бэ̀йлэ Дакдàнъ-дорчжѝ, старшина Хэрӯ̀лэнъ Барсъ-хотàскаго-сейма.

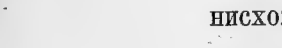
На юго-восточномъ угловомъ субургàнѣ № 51-й находится такая надпись:

Когда всеобщій учитель, будда Шигэмӳ̀ни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ̀ Варанàши (Бенаресѣ̀), то благоговѣ̀йные, во главѣ̀

съ Эвэ-тэй-Самбо̄, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургàна»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ поначалу третій Вачирàй батӯ-тӯшэ̄тӯ-хāнъ, а потомъ возсоорудили снова супруга пятаго тӯшэ̄тӯ-хāна, Цэдэнъ-дорчжìя, ханьша Отсэръ-чжāтъ и сыновья его: гунъ Діянъ-хунтàйчжи, Дондобъ-дорчжѝ, тайчжѝ Цэрэнъ-дорчжѝ.

№ 52-й. Когда будда Шигэмӯни проявилъ въ рощѣ Сōнъ прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Кōша, во главѣ съ Бōкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна пожеланія нирвàны»; ( ) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственныя средства тòйнъ-Санцзàй и гэцӯль-Идàмъ, сыновья тàйчжія тӯшэ̄тӯ-хāновскаго хошӯна Убашѝ, въ память о своемъ скончавшемся родителѣ.

№ 53-й. Когда будда Шигэмӯни въ рощѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваràковъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѝхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махàтва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна умиротворенія разъединившихся хуваràковъ» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ самолично гэцӯль-Дамбà, изъ хошӯна амбàнь, цзянь-цзюнь, э̀фу, тӯшэ̄тӯ-хāновскаго-àймака.

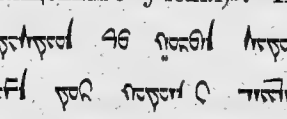
№ 54-й. Когда будда Шигэмӯни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсàли, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна нисхожденія съ неба» (); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ шабѝнецъ чжэбцзӯнъ дамбà-хутухты̀, тòйнъ Дамдѝнъ.

№ 55-й. Когда будда Шигэмӯни родился въ саду Лōмби, то благоговѣйные, во главѣ съ хāномъ Соддадàною, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна мирнаго пришествія» ( ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственныя средства вторая жена тӯшэ̄тӯ-хāна Дарà-дулгàръ-чжāтъ и сыновья его: чиндаманѝ-цэцэнъ-тòйнъ Цэрэнъ-чжишѝ-дорчжѝ и тàйчжи 1-й ст. Сонòмъ-пунцӯкъ-дорчжѝ.

№ 56-й. Когда будда Шигэмӯни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсàли построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургàна всесовершенства»

( ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли третья жена Тӱшэ̄тӱ-хāна, Номӯнъ-дарà гӯнчжу и сыновья его: тòйнъ Цэрэ̀нъ-дорчжѝ и тàйчжи Сандӯбъ-дорчжѝ.

Продолжая далѣе историческія замѣчанія объ Эрдэни-цзӯ должно сказать, что въ 1803-мъ году монастырь этотъ былъ посѣщенъ 4-мъ хубилгà номъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухты, отправлявшимся тогда на поклоненіе въ Тибетъ; въ память этого посѣщенія хутухтà устроилъ на свой счетъ четверо воротъ въ стѣнахъ монастыря и по четыремъ сторонамъ онаго.

Въ теченіе настоящаго столѣтія въ Эрдэни-цзӯ не предпринималось уже большихъ построекъ и только въ концѣ 40-хъ годовъ здѣсь было воздвигнуто новое деревянное зданіе для служенія цанѝта, возобновленное въ 1883 г. Оно было построено монгольскими мастеровыми, по образцу кумирень монгольской архитектуры. Мѣстонахожденіе его на южной сторонѣ кумирень Цзӯ, на ряду съ Цокчѝномъ. Помимо сего, время отъ времени предпринимались и еще кое-какія поправки, хотя всѣ онѣ были такъ незначительны, что еще въ періодъ моего перваго посѣщенія Эрдэни-цзӯ въ 1877 г. многія кумирни его стояли въ значительной ветхости, а къ концу 1880 г. монастырь, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ говорятъ, дошелъ до состоянія разрушенія и требовалъ самаго капитальнаго ремонта. Предвидя необходимость исправленій, эрдэни-цзӯскіе ламы еще лѣтъ за десять передъ симъ начали по Халхѣ сборъ пожертвованій; но бѣдность, въ которой находятся теперь халхасы, имѣла прямымъ результатомъ то, что пожертвованія притекали медленно, а потому и выполнять дѣло постройки приходилось урывками и по частямъ. Со времени моего посѣщенія здѣсь оказались теперь исправленными: а) кумирни Цзӯ, съ окружающими ихъ стѣнами; б) цокчѝнъ явился отдѣланнымъ совершенно за ново и надъ дверями была повѣшена надпись, свидѣтельствующая, что Баньчэ̀нь-эрдэни пожаловалъ этому капищу имя «кумирни, возвеличивающей высокодобродѣтельныя заслуги проповѣди и выполненія (священнаго ученія)». Подлинный текстъ этой надписи читается такъ:  в) поновленъ былъ также возвышающійся передъ дверями этой кумирни деревянный круглый помостъ, на которомъ эрдэни-цзӯ'скіе ламы совершаютъ пляски цà ма. Преданіе гласитъ, что помостъ этотъ встарину представлялъ собою «сӯри», т. е. основаніе и полъ юрты Абатàй-хāна, нынѣ перевезенной въ

Ургӯ и составляющей теперь уже ургинскую святыню; г) заново отдѣланъ былъ также Лабра̀нъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀, съ находящимися по бокамъ его двумя зданіями тибетской архитектуры, а надъ дверями его повѣшена была отдѣланная въ вызолоченную рамку дощечка съ надписью: «Дворецъ Богдо̀-гэгэ̀на,—конечная вершина великаго спокойствія» (ᠪᠣᠭᠳᠣ ᠭᠡᠭᠡᠨ ᠤ ᠤᠷᠤᠨ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠬᠤ ᠶᠡᠬᠡ ᠪᠠᠶᠢᠷ ᠶᠢᠨ ᠲᠡᠭᠦᠰ). Зданіе это вмѣстѣ съ ведущими къ нему воротами китайскаго стиля, безспорно, нужно признать самымъ элегантнымъ изъ всѣхъ эрдэнѝ-цзӯскихъ построекъ тибетской архитектуры. Въ «атласѣ древностей Монголіи» В. В. Радлова, (л. XXXIX. 2) снимокъ его сдѣланъ при крайне неудачномъ выборѣ пункта: почти вся постройка скрывается за уродливымъ заборомъ и отъ изящнаго произведенія едва—видна только крыша; поэтому позволяя себѣ представить здѣсь сдѣланный мною снимокъ его, я долженъ еще замѣтить, что почтенный академикъ ошибочно именуетъ эту постройку кумирнею Дакдзѝнъ-цо̀йнхоръ. Въ дѣйствительности это, какъ уже было

Лабранъ въ Эрдэнѝ-цзӯ.

замѣчено нами, не болѣе какъ дворецъ хутухты̀, что, помимо нашихъ личныхъ изслѣдованій, доказывается и находящеюся на немъ вышепредставленною надписью; д) капитальный ремонтъ былъ произведенъ также въ кумирняхъ а̀ймака Дашѝ-чо̀й-линъ, для поправки которыхъ были вызваны спеціальные мастеровые китайцы изъ Хӯхӯ-хото̀, въ числѣ 40 человѣкъ. Но самыя главныя работы были произведены въ мона-

стырскихъ стѣнахъ. Надлежитъ замѣтить, что до 1804 года Эрдэни-цзу'скій монастырь вовсе не былъ окруженъ стѣнами. Когда въ 1804 году вокругъ обители было построено 56 субургановъ, сложенныхъ изъ обоженнаго кирпича, а засимъ, въ 1808 году число таковыхъ субургановъ было доведено до 92-хъ, то пространство между этими субурганами было заложено стѣнами частію изъ сырцеваго кирпича, а частію глинобитными, имѣвшими толщины не менѣе $1\frac{1}{2}$ сажени; такимъ образомъ весь монастырь получилъ вокругъ себя сплошную ограду. При посѣщеніи мною Эрдэни-цзу въ 1877 году, бо́льшая часть этихъ глинобитныхъ стѣнъ развалилась, представляла собою картину полнаго разрушенія и даже не походила на стѣны, а образовала вокругъ всего монастыря, такъ сказать, земляные валы, между которыми субурганы выглядывали какъ какіе нибудь маяки. Въ настоящую пору здѣсь представился мнѣ совершенно иной видъ: глинобитныя стѣны между субурганами были возведены снова, при чемъ глина, ради большей прочности, смѣшивалась въ нихъ съ плитнякомъ. Присутствіе въ этой глинобитной части стѣнъ круглыхъ отверстій показываетъ, что глина скрѣплялась еще и бревнами. Помимо сего ламы рѣшили теперь облицевать всю ограду монастыря кирпичемъ, но пока успѣли только отдѣлать облицовку гэгэновскихъ воротъ, расположенныхъ по четыремъ сторонамъ монастыря, да соприкасающихся этимъ воротамъ стѣнъ, въ размѣрѣ двухъ звеньевъ въ каждую изъ сторонъ, а всего слѣдовательно 16 звеньевъ. Дальнѣйшія работы ламы должны были пока прекратить по недостатку средствъ, такъ какъ въ общемъ постройки эти обходились все-таки дорого, несмотря на то, что потребный для работъ кирпичъ монголы выдѣлывали сами въ Хангаѣ; глину для выдѣлки его они брали на лѣвой сторонѣ Орхона и тамъ же обжигали кирпичъ, а въ Цзу привозили уже совершенно готовый. Известь получалась съ береговъ Тамира, обжигалась на мѣстѣ и привозилась въ Цзу также готовою. Главнѣйшій расходъ представляла самая работа, которую производили китайскіе мастеровые, вызванные изъ Хухуху-хото: по вычисленію, имъ приходилось уплачивать за облицовку съ двухъ сторонъ каждаго звена стѣны по 40 ланъ серебра, т. е. около 80 сер. руб., при готовомъ содержаніи рабочихъ и выдачѣ имъ готоваго матеріала. Къ этому нужно прибавить еще, что рабочіе вели свое дѣло крайне плохо и въ настоящую пору какъ фундаменты многихъ субургановъ, такъ и самыя стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже потрескались и вѣроятно разрушатся гораздо прежде, чѣмъ вся ограда будетъ приведена къ окончанію своею облицовкою.

Меня чрезвычайно интересовалъ вопросъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ халхасами на обновленіе Эрдэни-цзу; поэтому, осмотрѣвъ произве-

денныя работы, я зашелъ къ знакомому мнѣ нирбѣ и просилъ его показать мнѣ дѣло о постройкѣ. Я ожидалъ, что онъ выложитъ передо мною цѣлый фолліантъ, но, къ удивленію, онъ подалъ мнѣ очень тощую тетрадку. Занявшись ею на своей квартирѣ, я увидѣлъ здѣсь прежде всего именно извѣщенія различныхъ князей и хошўновъ о пожертвованіяхъ и вотъ что оказалось по этимъ извѣщеніямъ.

1) а) Тўшѣтў-хāнъ, не опредѣляя суммы своего пожертвованія, писалъ, что онъ доставитъ его лично.

б) Хошўнъ его увѣдомлялъ, что на нужды построекъ имъ опредѣлено пожертвовать двѣ лошади.

2) Изъ хошўннаго управленія Дà-цинь-вàна сообщалось, что со стороны самого Дà-цинъ-вàна и его податныхъ представляется 10 лошадей.

3) Отъ Хэбэй-вàна (т. е. Мэргэнъ-вàна) было заявлено, что Хэбэй-вàнъ и его хошўнные податные, обративъ свои пожертвованія въ деньги, препровождаютъ всего 35 ланъ.

4) Изъ хошўна бывшаго Нà-бэйсэ[1]) увѣдомлялось, что семействомъ Нà-бэйсэ, въ память покойнаго князя, жертвовалось 500 ланъ серебра.

5) а) Тушѣ-гўна Цэрэнъ-дорчжѝ было два личныхъ пожертвованія: въ 1882 г. 100 ланъ и въ 1883 г. 200 ланъ.

б) Отъ хошўна его, по особому сборному листу, значилось пожертвованными 84 ланы.

6) а) Гунъ Цэдэнъ-сонòмъ, не объявляя суммы своего пожертвованія, сообщалъ, что доставитъ таковое лично.

б) Отъ хошўна его по подпискѣ собрано 18 ланъ.

7—10) Отъ хошўновъ гўновъ Мишѝкъ-дорчжѝ, Мифàнъ-чисòтъ-бабў-дорчжѝ, Сонòмъ-цэрэна, и цзасака Цэдэръ-пāла, какъ со стороны самихъ цзасакòвъ, такъ и ихъ хошўновъ, было препровождено черезъ сеймовое управленіе по особымъ спискамъ всего 42 ланы.

11) Отъ хошўна Нàйданъ-сорòна сообщалось, что пожертвованія, собранныя разнаго рода вещами, были обращены въ деньги, каковыя и препровождаются въ монастырь въ числѣ 13 ланъ; что же касается пожертвованнаго скота, то таковой, въ количествѣ 3 лошадей, 1 быка и 7 овецъ, хранится въ хошўнѣ.

12) Отъ гўна Дондòбъ-чжалбò-палàмъ-дорчжѝ поступило: одинъ кусокъ дàлянбу и одинъ хадàкъ.

13) Отъ управленія хошўна состоящаго въ званіи гуна цзасакà Цэ-

---

1) Дѣло относится къ 1886 г., когда Пўнъ-бэйсэ еще не былъ утвержденъ въ своемъ званіи послѣ отца его, Нà-бэйсэ, умершаго въ 1883 году.

рэ̀нъ-дорчжѝ сообщено, что со стороны гу̀на и его хошӯнныхъ податныхъ поступило на обновленіе Эрдэни-цзӯ'скаго монастыря всего 30 ланъ.

14—15) Отъ хошӯновъ цзасакòвъ Цзамьѝнъ-хорлò и Сонòмъ-дорчжѝ было заявлено, что со времени объявленія о сборѣ пожертвованій по новолѣтіе 1886 г. никакихъ суммъ на сей предметъ не поступало, но что хошӯнъ постарается доставить таковыя впослѣдствіи.

16) Отъ хошӯна бывшаго цзасакà Урчжà нъ-чжà ба сообщалось, что, за обѣднѣніемъ хошӯна, ни вещей, ни денегъ для пожертвованія въ ономъ не оказалось.

17—19) Относительно хошӯновъ Цзя̀нь-цзюнь вà на (О̄-вà на), гу̀на Тӯрӯ-болò та и цзасакà Цэрэ̀нъ-дондò ба сеймовое управленіе сообщало въ эрдэни-цзӯскій чжисā, что отъ нихъ не поступало никакихъ сообщеній о производствѣ сбора пожертвованій.

Засимъ въ дѣлѣ значилось еще, что для надзора за производствомъ построекъ была составлена коммиссія, въ составъ которой входили отъ шабѝнскаго вѣдомства дā-лама Тобчжѝ, отъ хā нъ-ӯла'скаго сейма цзахирахчѝ хошӯна бывшаго Нā-бэ̀йсэ, Чжамсарà нъ, и спеціально отъ хошӯна Тӯшѣтӯ-хā на одинъ тà йчжи, съ состоящимъ при немъ письмоводителемъ. Коммиссія эта, по словамъ мѣстныхъ ламъ, не собиралась ни разу, такъ какъ дā-лама обязанъ былъ присутствовать въ шабѝнскомъ ѝмунѣ; цзахирахчѝ Чжамсарà нъ, за смертію Нā-бэ̀йсэ, управлялъ хошӯномъ; что же касается тӯшѣтӯ хā новскаго тà йчжи, то, оставаясь одинъ, онъ, волей неволей, долженъ былъ предоставить все дѣло веденія постройки настоятелю монастыря и монастырскому казначейству. По увѣренію ламъ, съ которыми я велъ далѣе бесѣды по этому предмету, всѣ произведенныя ими доселѣ работы стоили около 6,000 ланъ, въ настоящую же пору монастырское казначейство, израсходовавъ всѣ находящіяся у него суммы, продолжать работъ рѣшительно не можетъ. Я спросилъ, что же думаютъ дѣлать ламы впослѣдствіи, и что намѣрены они предпринять, чтобы довести дѣло до конца? Но въ отвѣтъ на это послышались надежды на будду, на гэгэ̀на и на судьбу. Каждый по своему выражалъ и свои жалобы, и свои вѣрованія; наконецъ, ко мнѣ, какъ къ вѣщему ученому, приступили даже съ просьбою испытать землю, при чемъ мнѣ сообщили общее ламское повѣрье, якобы, въ періодъ достиженія общаго числа монастырскихъ ламъ до 1000 человѣкъ, здѣсь появится изъ земли «эрдэни-тогō» — драгоцѣнный котелъ, который безконечно будетъ наполненъ мясомъ и будетъ вѣчно кормить ламъ. Не имѣя времени слушать эти бредни, какъ ни представлялись они любопытными для изученія повѣрій и характера народа, я отправился къ настоятелю монастыря и въ бесѣдѣ съ нимъ предложилъ тотъ же вопросъ объ

изысканіи новыхъ средствъ для продолженія монастырскихъ построекъ. Этотъ отвѣчалъ мнѣ болѣе реально и толково, что монастырское начальство не въ далекомъ будущемъ предполагаетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему отдать въ арендное содержаніе китайцамъ урочища, прилежащія монастырю съ сѣверной стороны. По извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ, твердо сохранившимся и въ памяти ламъ, урочища эти еще въ недавній періодъ чжунгарскихъ войнъ были распахиваемы. Мы имѣемъ у себя указъ богдохана Канси, относящійся къ 54 году его правленія (1715 г.), по которому въ мѣстности, прилежащей Эрдэни-цзу'скому монастырю, были основаны военныя хлѣбопашныя колоніи. Арыки, проведенные тогда на пространствѣ между Орхономъ и Кокшинъ-орхономъ, громадныя цистерны для храненія воды незначительной рѣчушки Кокшинъ-орхона донынѣ еще сохранились и могутъ быть безъ особеннаго труда реставрированы арендаторами. Всѣмъ этимъ намѣрено было воспользоваться начальство, чтобы извлечь выгоды для своего монастыря. Окончательное рѣшеніе этого вопроса должно было состояться въ Пекинѣ, но еще прежде представленія въ Пекинъ нужно было испросить согласіе сейма. Цорчжи надѣялся получить это согласіе на имѣющемъ состояться въ слѣдующемъ году общемъ собраніи князей тушэту хановскаго аймака.

Эрдэни-цзу'скій монастырь раздѣляется въ настоящую пору на 6 аймаковъ. Старѣйшій изъ нихъ Дарханъ-цорчжи-линъ обязанъ своимъ благоустройствомъ одному изъ первыхъ настоятелей Эрдэни-цзу'скаго монастыря; впрочемъ, несмотря на свою относительную древность, онъ не успѣлъ развиться настолько, чтобы превысить въ какомъ-либо отношеніи другіе аймаки. За нимъ будетъ слѣдовать Дашн-чойлинъ, въ которомъ въ настоящую пору считается до 500 ламъ. Совершенно равнымъ съ нимъ по количеству ламъ признается и третій аймакъ Дакданъ-чойнкоръ. Отъ Дашн-чойлин'а, вслѣдствіе накопленія въ немъ ламъ, послѣдовательно отдѣлялись сначала четвертый аймакъ, Дорчжи-гомунъ, въ которомъ считается теперь до 300 ламъ, и потомъ пятый — Чан-чибъ-линъ, къ которому приписано приблизительно 250 ламъ. Наконецъ, шестой аймакъ, Йондонъ-Гундэтъ, является въ стѣнахъ монастыря самымъ малочисленнымъ и хотя въ общемъ число ламъ его не менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ аймакѣ, но большая часть ихъ не живетъ въ монастырѣ, а проживаетъ, по недостаточности средствъ, дома, въ своихъ кочевьяхъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что за послѣдніе два и даже полтора десятилѣтія, съ обѣдненіемъ монастыря, число Эрдэни-цзу'скихъ ламъ значительно сократилось. Сократились также приливъ населенія къ этому монастырю и находящаяся въ немъ торговля, которая искони ведется въ немъ исключительно китайцами.

Эти, торгующіе въ Эрдэни-цзу китайцы, живутъ въ такъ называемыхъ, по преданію, «китайскихъ оградахъ» (хорбнъ), т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во времена Канси стояла китайская крѣпость съ населявшимъ ее гарнизомъ и жили китайцы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ близъ монастыря Эрдэни-цзу. Въ настоящую пору весь здѣшній рынокъ ограничивался только четырьмя лавками китайскихъ торговцевъ, прибывшихъ частію изъ Кяхты, а частію изъ Урги. Вотъ съ какими товарами пріѣхали эти торговцы:

1) Лавка кяхтинскаго китайца Ванъ-вэнь. Онъ привезъ съ собою кирпичнаго чая два мѣста; дабу 80 кусковъ; далянбу 100 кусковъ; муки три куля. Товары эти были привезены на 5 телѣгахъ, запряженныхъ быками. При хозяинѣ состояло 7 приказчиковъ; пріѣхали эти послѣдніе китайцы на 7 верховыхъ лошадяхъ.

2) Лавка кяхтинскаго китайца Янъ-мо-линь. Онъ привезъ съ собою кирпичнаго чая 13 мѣстъ; китайки 100 паръ кусковъ; далянбу 200 кусковъ; табаку 1 цибикъ; ци-цюй-чоу 20 кусковъ; золотыхъ и шелковыхъ нитокъ 5 гиновъ. Товары были привезены на 7 телѣгахъ, запряженныхъ быками. Помимо сего у Янъ-мо-линя было верховыхъ лошадей 4 и приказчикъ 1.

3) Лавка ургинскаго китайца Хань-ши-гуна. Онъ привезъ съ собою: чая кирпичнаго 1 мѣсто; дабу 100 кусковъ; ци-цюй-чоу 5 кусковъ; табаку 1 цибикъ. Товары были привезены на 3-хъ телѣгахъ, запряженныхъ быками. При торговцѣ Хань-ши-гунѣ состояло три китайца въ качествѣ прислуги, пріѣхавшихъ на 3-хъ верховыхъ лошадяхъ.

4) Лавка китайца Ма-фу, изъ Вангійнъ-хўрѣ, на Селенгѣ. Онъ привезъ съ собою: дабу 120 кусковъ; далянбу 100 кусковъ; табаку 2 цибика; сахару-леденцу 80 гиновъ; муки 19 кулей. Товары эти были привезены на 8 телѣгахъ, запряженныхъ быками. При Ма-фу состояло: приказчиковъ 4 человѣка и верховыхъ лошадей 3.

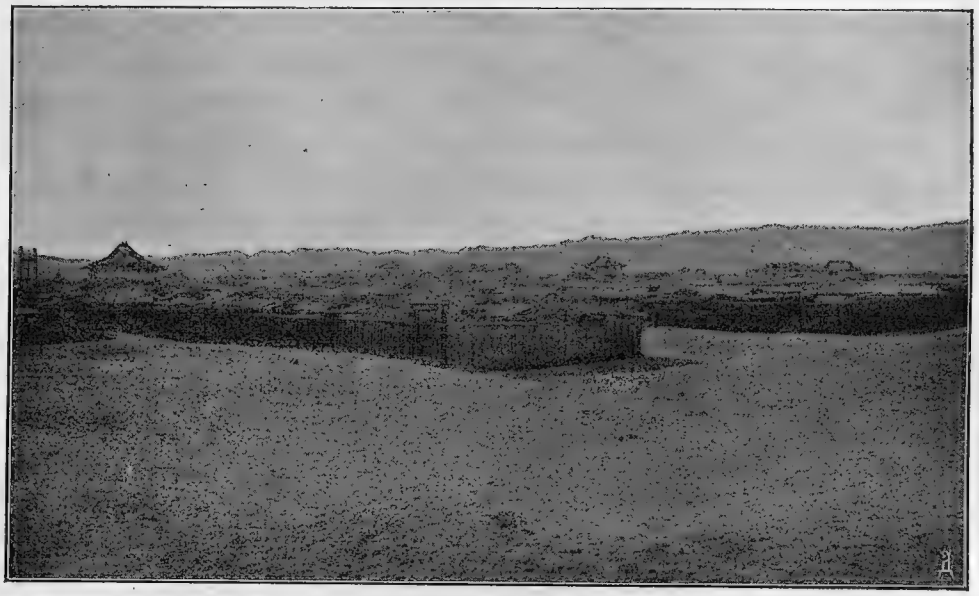
Настоящія свѣдѣнія были выписаны мною въ канцеляріи Эрдэни-цзуского монастыря передъ тѣмъ, какъ отправиться къ осмотру китайскихъ лавокъ. Показанія эти, какъ могъ я провѣрить то на дѣлѣ, были совершенно справедливы, хотя въ этомъ можно было быть убѣжденнымъ и безъ провѣрки, потому что китайскіе торговцы, вывозя свои товары въ степь, не имѣютъ для себя никакого повода скрывать количество ихъ; напротивъ, укрывательство можетъ имѣть еще для нихъ ту невыгодную сторону, что, въ случаѣ воровства или пропажи товаровъ, торговецъ не имѣетъ права искать бо̀льшаго, чѣмъ это было имъ показано. Все, что нашелъ я излишняго въ лавкахъ представляло собою мелочной товаръ въ родѣ иголокъ,

наперстковъ, двухъ-трехъ десятковъ трубокъ и проч. Такого рода товары китайцы не включаютъ въ описи въ тѣхъ случаяхъ, когда они вывозятся въ незначительномъ числѣ: здѣсь каждая лавка имѣла этихъ мелочей не больше, какъ на 6—10 ланъ, да и цѣнить ихъ въ самомъ дѣлѣ было трудно, ибо все это было уже подержанное старье.

Такимъ образомъ торговля въ Эрдэни-цзу'скомъ монастырѣ представилась мнѣ въ самомъ жалкомъ видѣ, особливо по сравненію съ видѣннымъ мною въ 1877 году. Изъ разговоровъ по этому поводу выяснилось, что для такого сокращенія были какъ общія, такъ и частныя причины. Къ числу общихъ причинъ нужно отнести, во-первыхъ, обѣднѣніе монголовъ вообще и эрдэни-цзу'скаго монастыря въ частности. Прямымъ послѣдствіемъ этого обѣднѣнія было то, что монголы сдѣлались разсчетливѣе и вмѣсто того, чтобы покупать товары по болѣе дорогой цѣнѣ въ степяхъ, начали сами ѣздить въ Кяхту: они отвозятъ туда главнымъ образомъ кожу, масло и войлоки, а оттуда привозятъ все потребное для жизни. Съ другой стороны, на сокращеніе здѣшней торговли имѣло значеніе то обстоятельство, что въ 1877 году мѣстный хошунный владѣтель Тушэту-ханъ состоялъ въ должности дэдъ-чигулгану-даргй и велъ всѣ дѣла ханъ-ула'скаго сейма монголовъ. Понятно, что къ ставкѣ его, находившейся верстахъ въ трехъ отъ Эрдэни-цзу, стекалось много люда изъ самыхъ различныхъ хошуновъ. Теперь Тушэту-ханъ, за назначеніемъ его на должность монгольскаго амбаня, долженъ былъ переселиться въ Ургу, и приливъ монголовъ къ Эрдэни-цзу значительно сократился. Въ частности, наконецъ, нужно сказать и то, что я попалъ въ Эрдэни-цзу въ самое тихое для торговли время. Лѣтомъ, въ теплую пору, монголы бродятъ по всей степи и легко проникаютъ за потребными товарами до Ургй и Кяхты; зимою это удобство движенія сокращается и тогда, особливо съ начала Января, китайская торговля значительно усиливается, особливо чаемъ, мукою и, наконецъ, мануфактурами. Въ это время въ Эрдэни-цзу пріѣзжаютъ и болѣе состоятельные торговцы, привозящіе товаровъ на 1000 и болѣе ланъ.

Изъ вышепредставленнаго историческаго очерка Эрдэни-цзускаго монастыря читателямъ явствуетъ, что онъ представляетъ собою пунктъ весьма обширный по своимъ постройкамъ. Дѣйствительно, мѣстные ламы считаютъ здѣсь всего до 62 кумирень; но помимо зданій Цзу и общественныхъ дугановъ, располагающихся на главной монастырской площади, всѣ прочія постройки представляются здѣсь и очень бѣдными и расположенными скученно и тѣсно. Ламскія помѣщенія обычно являются въ видѣ маленькихъ огороженныхъ листвяничнымъ частоколомъ двориковъ, на которыхъ еле помѣщаются одинъ, два байшина, да юрта; далѣе на нихъ

рѣдко можетъ повернуться и телѣга. Всего за стѣнами Эрдэни-цзўскаго монастыря считается до 500 байшиновъ, расположенныхъ довольно правильными улицами, какъ это видно на прилагаемой фотографіи.



Общій видъ монастыря Эрдэни-цзў съ юго-западнаго ўгла монастырской стѣны.

Въ монастырѣ Эрдэни-цзў, какъ извѣстно, не мало каменописныхъ памятниковъ, надъ снятіемъ которыхъ потрудилась цѣлая экспедиція академика В. В. Радлова. Я не имѣлъ возможности заниматься подобными снимками: исполнять ихъ фотографіею было безполезно по самому характеру памятниковъ; снимать эстампажемъ по способу В. В. Радлова я не могъ по причинѣ уже наступившихъ холодовъ. Но самымъ главнымъ препятствіемъ былъ для меня недостатокъ времени. Передо мною лежало еще изслѣдованіе всей южной и восточной Монголіи, а времени у меня едва оставалось уже 10 мѣсяцевъ.

10-е Октября. Суббота.

Сегодня предпринята была перекочевка въ Барўнъ-хўрѣ, также одинъ изъ старѣйшихъ монастырей Халхи, отстоящій отъ Эрдэни-цзў къ ЮВ, верстъ на 20. Мы выѣхали въ 10 ч. 5 мин. и поѣхали въ сказанномъ юго-восточномъ направленіи, по долинѣ р. Орхòна, оставляя за собою Эрдэни-цзў'скій монастырь. Черезъ полчаса ѣзды начали подниматься на ограничивающія эту долину горы, Шанхàй-ўла, которыя въ данномъ мѣстѣ полого спускаются длиннѣйшимъ мысомъ въ Орхòнскую долину. Подъемъ очень не трудный, а спускъ съ онаго, почти незамѣтный вовсе,

приводитъ къ незначительному потоку Шӯчжійнъ-усӯ. Мы достигли этого потока въ 12 ч. 35 м. Мѣстность на весь видимый горизонтъ носитъ характеръ мягкихъ гобійскихъ долинъ, съ суглинистою почвою, покрытой не высокимъ кипцемъ и зарослями душистой полыни. Древесной растительности, или какихъ-либо кустарниковъ не видно вовсе. Переправившись черезъ ручей, мы должны были опять подниматься на такой же пологій перевалъ Шӯчжійнъ-даба̄, за которымъ опять послѣдовала долинка, въ версту шириною и новый перевалъ Цолмоӯ-даба̄. Съ вершины его въ 1 ч. 10 м. дня показался монастырь Барӯнъ-хӯрѣ̄, располагающійся въ обширной долинѣ Сара̀йнъ-го̄ла. Рѣчушка эта въ самыхъ широкихъ своихъ мѣстахъ имѣетъ русло не болѣе 3-хъ саженей, а глубина ея въ данную пору не превосходитъ и полу-аршина. Она окружаетъ монастырь съ сѣверной и восточной сторонъ и находится въ разстояніи приблизительно получасовой ходьбы отъ ближайшихъ монастырскихъ зданій. Перебродивъ ее, мы подъѣхали къ самому монастырю въ 1 ч. и 45 м. дня.

Общій видъ Барӯръ-хӯрѣ̄.

Монастырь, извѣстный въ просторѣчіи подъ именемъ Барӯнъ-хӯрѣ̄, на оффиціальномъ языкѣ монгольскихъ буддистовъ называется б'Ра̀йбунъ-гэчжѝ-га̀данъ-ша̀т-дуб-линъ. Монгольскія лѣтописи относятъ основаніе его къ 4-му году правленія Шӯнь-чжи, что соотвѣтствуетъ 1647 году нашего лѣтосчисленія; а халхаское преданіе приписываетъ основаніе его Ӱндӯръ-гэгэ̀ну, хотя послѣдній въ эту пору имѣлъ только 12-й годъ отъ

роду. Барӯнъ-хӱрѣ олицетворяетъ собою типъ національно-монгольскаго буддійскаго монастыря, расположеніе и постройки котораго почти совершенно чужды формъ, привнесенныхъ въ жизнь монголовъ со стороны Тибета и Китая. Точно также не найдется въ Барӯнъ-хӱрѣ и какихъ-либо особливо замѣчательныхъ буддійскихъ святынь и на вопросъ о мѣстныхъ святыняхъ, ламы отвѣтятъ, что «у нихъ собраны всѣ святыни» (ཨུར་གྱི་ཀློག་ཁང་ཐམས་ཅད་ཡོད།). Другими словами, ничего нѣтъ здѣсь отличнаго, но являясь естественнымъ пособникомъ для удовлетворенія религіознаго чувства мѣстнаго населенія, монастырь этотъ обосновался и развивался въ силу необходимости, возрасталъ правильно, послѣдовательно и прочно, постепенно накопляя свое достояніе, по мѣрѣ нужды и возможности. Въ настоящую пору Барӯнъ-хӱрѣ въ административномъ отношеніи раздѣляется на четыре àймака, расположенные по четыремъ угламъ монастыря: сѣверо-западный уголъ его занимаетъ àймакъ Тӧйсунъ-лӣнъ, сѣверо-восточный — Дашӣ-линъ, юго-восточный — Шàтъ-дуб-линъ, и юго-западный — Дарчжà-линъ. Средину монастыря занимаютъ его общественныя зданія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ теперь цокчӣнъ, или соборная кумирня Барӯнъ-хӱрѣ. Кумирня эта построена по образцу цокчӣновъ Ӱндӱръ-гэгэновскаго типа въ той формѣ, которую первоначально начерталъ онъ для соборовъ своихъ ламъ, т. е. безъ прибавочныхъ крышъ и расширеній зданія. Цокчӣнъ обнесенъ оградою; передъ дверями его четыре убогихъ, на нашъ взглядъ, деревянныхъ навѣса, подъ которыми установлены хӱрдэ, для вращанія ихъ молящимися; здѣсь же нѣсколько вправо помѣщается большой субургàнъ, составляющій гордость Барӯнъ-хӱрѣньскихъ ламъ. По лѣвую сторону цокчӣна помѣщается «чжудьйинъ-сӱмэ», гдѣ отправляютъ свои хурàлы ламы, различныхъ àймаковъ, изучающіе тарнистическія системы, и также общественное капище Màйдари; а по правую сторону стоитъ цанӣтскій дугàнъ и кумирня Màнба. Большая часть перечисленныхъ кумирень относится по своему построенію къ прошлому и началу нынѣшняго столѣтій; но ядро всѣхъ монастырскихъ построекъ, изъ котораго собственно развился весь монастырь, составляетъ такъ называемая «цагàнъ-хӱрѣ». Она располагается также въ центрѣ настоящаго монастыря, въ кругу его общественныхъ кумирень и находится нѣсколько сѣвернѣе цокчӣнскаго дугàна. Свое названіе эта часть монастыря, несомнѣнно получила отъ окрашенныхъ въ бѣлую краску стѣнъ, составляющихъ ея ограду и представляющихъ, равно какъ и ведущія за эту ограду ворота, постройку позднѣйшаго времени. Зданія, находящіяся за стѣнами «цагàнъ-хӱрѣ», если вѣрить преданіямъ ламъ, являются древнѣйшею частью Барӯнъ-хӱрѣня. Наибольшимъ почетомъ пользуются здѣсь

пять громадныхъ юртъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 150 до 200 человѣкъ каждая и заключающихъ въ себѣ кумирни, о которыхъ говорятъ, что ими-то именно и начался монастырь. Внутри цагàнъ-хӱрѣ, впрочемъ, также нѣтъ ничего не обычайнаго. Правда, всѣ юрты отдѣланы совнѣ весьма красиво, покрыты бѣлыми войлоками, расшиты красными хӱбӧ; но внутри — это типъ самыхъ заурядныхъ кочевыхъ сӱмэ. Основнымъ предметомъ чествованія является здѣсь бурхàнъ Гӧнбо-гӱру, тотъ самый, который почитается и геніемъ-хранителемъ Эрдэнѝ-цзӯ; тѣмъ не менѣе сакӯсуномъ Барӯнъ-хӱрѣ признается Хла-ма, хурàлы коего отправляются въ цокчѝнѣ. Этимъ, можно сказать, и исчерпывается достопримѣчательное Барӯнъ-хӱрѣньскаго монастыря, хотя мѣстные ламы не ограничиваютъ свою обитель описанными рамками, а присоединяютъ еще къ ней такъ называемый «хубилгàнъ-ламàйнъ-сӱмэ», который почитаютъ они отдѣльнымъ àймакомъ своего монастыря, съ именемъ Пунцӯкъ-дарчжà-линъ. Аймакъ этотъ въ настоящую пору почти уже обосновался въ отдѣльный, отстоящій версты на 4 къ сѣверо-западу отъ Барӯнъ-хӱрѣня монастырь и произошло это такимъ образомъ. Около 50 лѣтъ тому назадъ барӯнъ-хӱрѣньскіе ламы пригласили къ себѣ нѣкоего, прибывшаго изъ Тибета хубилгàна, Ноѝнъ-ламу. Какъ лицо, одаренное высшею природою, хубилгàнъ этотъ пожелалъ обосновать себѣ отдѣльное мѣстопребываніе и построилъ для себя кумирню, по той же рѣкѣ Сарàйнъ-гӧлу, но, какъ сказано, версты на 4 выше Барӯнъ-хӱрѣ. За нимъ послѣдовало, конечно, нѣсколько барӯнъ-хӱрѣньскихъ ламъ, которые и обосновали собою этотъ пятый àймакъ Барӯнъ-хӱрѣ. Лѣтъ 15 тому назадъ въ Пунцӯкъ-дарчжà-линѣ, построена была кумирня, которая по своей величинѣ и изяществу, можно сказать, рѣшительно превосходитъ всѣ барӯнъ-хӱрѣньскіе дугàны.

Въ административномъ отношеніи Барӯнъ-хӱрѣ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что здѣсь имѣется чжисā, или отдѣльная управа шабѝнскаго вѣдомства подобно тому, какъ это мы видѣли въ хутухтѝнскихъ монастыряхъ Амӯръ-баясхулантӯ и Эрдэнѝ-цзӯ. Замѣчательно при этомъ, что китайскіе торговцы мало посѣщаютъ Барӯнъ-хӱрѣ и, заѣзжая въ него, весьма рѣдко остаются здѣсь на долгое время. Фактъ этотъ тѣмъ страннѣе, что барӯнъ-хӱрѣньскій монастырь, несомнѣнно, годъ отъ года все болѣе и болѣе увеличивается по количеству своего народонаселенія: за послѣдніе годы, съ обѣднѣніемъ эрдэнѝ-цзӯскаго монастыря, очень многіе эрдэнѝ-цзӯскіе ламы перекочевали въ Барӯнъ-хӱрѣ и теперь Барӯнъ-хӱрѣ почитается имѣющимъ уже гораздо больше братіи, чѣмъ Эрдэнѝ-цзӯ.

11-е Октября. Воскресенье.

Двинулись въ 6 ч. 50 мин. утра прямо къ востоку и, перебравшись на лѣвую сторону Сарàйнъ-гӧла, направились по дорогѣ, называемой Энгэрьйнъ-зàмъ, на Шарà-ширэ̄гійнъ-хӯтӯль. Послѣдній представляетъ собою единственное мѣсто, съ котораго было возможно сдѣлать фотографическій снимокъ общаго вида Барӯнъ-хӯрэ̄ня и мы исполнили это. Шарà-ширэ̄гійнъ-хӯтӯль довольно высокъ, но пологій, гладкій, а потому и удобный для телѣжной ѣзды. Переѣхавъ его и текущую у восточнаго подножія его рѣчушку Шарà-цзӧльгӧйнъ-гӧлъ въ 7 ч. 40 м., мы вступили въ долину, которая, протягиваясь и имѣя общій наклонъ съ востока на западъ, ограничивается на сѣверо-востокѣ горами, черезъ которыя ведетъ перевалъ Ӧльцзӧйтӯ-даба̄. Долина эта имѣетъ общее названіе Ноихàнъ-талà, отъ имени пересѣкающихъ ее невысокихъ и мягкихъ холмовъ, именуемыхъ Ноихàнъ-добӧ. Дорога пересѣкаетъ эти холмы почти незамѣтно для путника, до того они пологи и гладки. Въ 10 ч. 5 м. мы начали подниматься на Ӧльцзӧйтӯ-даба̄. Съ вершины его стекаетъ незначительный источникъ, не имѣющій для себя отдѣльнаго имени и называемый просто Ӧльцзӧйтӯ-даба̄най-усӯ. На пространствѣ перевала онъ образуетъ нѣсколько водныхъ бассейновъ, являющихся то въ формѣ маленькихъ озеръ, то въ видѣ неглубокихъ лужъ, но, стекая съ перевала, скрывается подъ землею. По этому перевалу мы повстрѣчали много беркутовъ, а къ сѣверо-западу отъ него виднѣлся намъ обширный àиль управленія тӯшэ̄тӯ-ха̄новскаго хошӯна. Спустившись съ Ӧльцзӧтӯйнъ-даба̄на въ 11 ч. 25 мин., мы очутились въ горной котловинѣ съ болотистою почвою и нѣсколькими протекающими по ней ручьями. Обиліе влаги даетъ возможность проживать здѣсь значительному населенію съ массою скота, впрочемъ, избѣгая сырости долины, все это населеніе ютится съ своими юртами по отлогостямъ горъ. Котловина эта называется Худӯкъ-элэсӯтӯ. Когда мы проѣзжали ее, къ намъ подъѣхалъ изъ близъ лежащаго àиля одинъ, повидимому, довольно состоятельный монголъ, лѣтъ 50 отъ роду, отправлявшійся въ ямунь тӯшэ̄тӯ-ха̄новскаго хошӯна для отбытія замѣчательнаго наказанія. Дѣло его, по его разказамъ, началось еще осенью 1890 г., по случаю обычнаго ежегоднаго чествованія Гэнтэйскихъ горъ. Въ ту пору, за чрезмѣрнымъ обложеніемъ повинностями прилежащихъ къ Ургѣ хошӯновъ, обязанность выставки второй и третьей почтовой станціи въ направленіи къ Гэнтэй'ю, пала, по раскладкѣ, на тӯшэ̄тӯ-ха̄новскій хошӯнъ. Хошӯнъ поручилъ Табахàй-балдàну, такъ звали этого монгола, къ назначенному сроку доставить шесть лошадей для установки станціи. Табахàй-балдàнъ отправился, но, не доѣзжая послѣдней станціи передъ Ургою, Шарà-хӯбӯ, лошадей этихъ у

него украли съ ночлега. Пока разыскивалъ онъ покражу и безплодно обращался къ нѣсколькимъ своимъ знакомымъ, прося ихъ дать ему взаймы шесть лошадей для отбытія повинности, время уходило и срокъ торжественнаго поѣзда приближался: возвращаться домой и взять своихъ лошадей было некогда, ибо свой табунъ находился у Табахàй-балдàна отъ Шарàхӯбӯ верстъ за 300, пріѣхать обратно въ хошӯнъ ни съ чѣмъ онъ боялся, тѣмъ болѣе что разсчитывать вѣрно на исправленіе дѣла, найдя въ хошӯнномъ управленіи 6 лошадей, было невозможно. При такомъ положеніи дѣлъ Табахàй-балдàнъ рѣшилъ скрыться. Конечно, на пути церемоніи это произвело переполохъ: прибывшіе чиновники не нашли станціи на должномъ мѣстѣ, а по возвращеніи изъ своей поѣздки возбудили объ этомъ дѣло. Призванный теперь къ отвѣту монголъ чистосердечно изложилъ всѣ свои обстоятельства, подтвердившіяся и показаніемъ свидѣтелей, тѣмъ не менѣе, аймàчный чжисāнъ приговорилъ его къ уплатѣ штрафа въ три девятка скота, поручивъ хошӯнному управленію взыскать этотъ скотъ и доставить его въ аймàчный чжисāнъ. Такъ какъ уплатить три девятка скота для Табахàй-балдàна значило разориться на половину, то онъ, путемъ подарковъ и посуловъ, убѣдилъ чиновниковъ своего хошӯна сдѣлать докладъ въ àймакъ о томъ, что онъ, Табахàй-балдàнъ, несостоятеленъ для уплаты штрафа, въ отвѣтъ на что àймакъ наистрожайше предписалъ хошӯну взыскать штрафъ въ теченіе законнаго срока. Предписаніе это было объявлено Табахàй-балдàну и его сумӯнному цзангӣну. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что по правилу, хотя и не извѣстному въ законѣ, но принятому въ хошӯнныхъ управленіяхъ всей Монголіи, при взысканіи штрафныхъ девятковъ скота, оштрафованнымъ дѣлается нѣкоторая льгота по раскладкѣ взноса, а именно, для представленія каждаго девятка полагается срока одинъ мѣсяцъ и еще пять дней сверхсрочныхъ. Сроки эти всѣ уходили и по окончаніи каждаго изъ нихъ сумӯнный цзангӣнъ представлялъ хошӯну, что Табахàй-балдàнъ штрафа не уплатилъ. По миновàніи трехъ сроковъ, хошӯнное управленіе снова представило въ сеймовой чжисāнъ, что наказанный, по несостоятельности своей, штрафа въ три девятка скота внести не могъ. Аймàчный чжисāнъ на этотъ разъ предписалъ взамѣнъ взысканія съ Табахàй-балдàна трехъ девятковъ скота дать ему 300 ударовъ плетью. Такое опредѣленіе хошӯнъ распорядился привести въ исполненіе опять-таки по тѣмъ же срокамъ, который назначается и для уплаты скота. Табахàй-балдàнъ ѣхалъ теперь для полученія наказанія уже въ третій и послѣдній разъ: получивъ первую порку, онъ ко второй поѣхалъ ровно черезъ мѣсяцъ, а къ третьей ѣхалъ черезъ мѣсяцъ и пять дней.

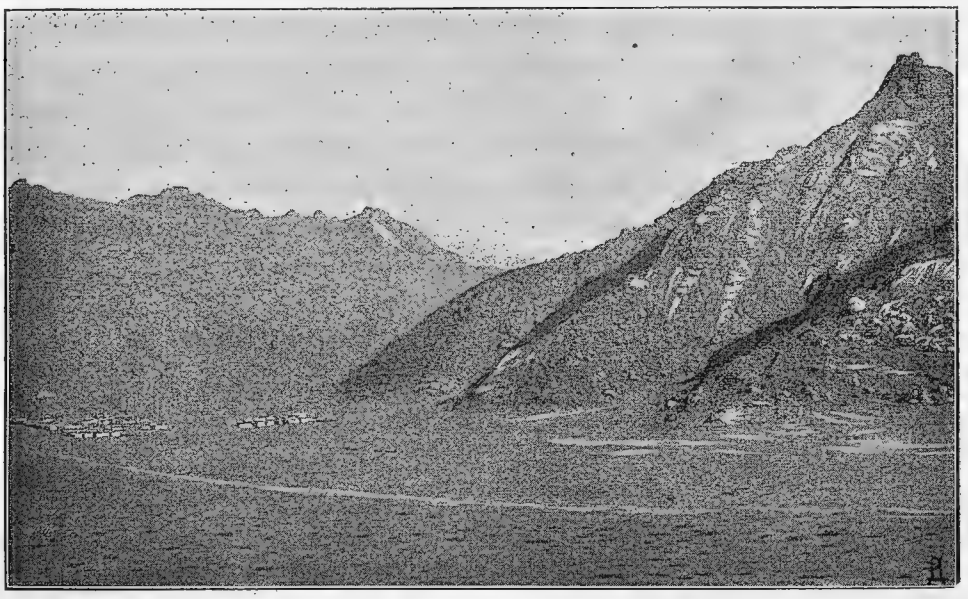
Пожелавъ монголу полегче вынести плети, мы разстались съ нимъ,

проѣхавъ котловину Худу̀къ-элэсӯтӯ и взобравшись на Элэсӯтӯйнъ-дабан̄ъ, т. е. песчаный перевалъ, хотя песку здѣсь очень мало. Съ вершины его передъ нами вновь разостлалась обширная долина, также богато поросшая травами какъ и Ноиха̀нъ-тала̀, только во всѣ стороны изрѣзанная увалами, холмами и пригорками. Дорога наша уклонилась здѣсь нѣсколько болѣе къ востоку и въ 12 ч. 15 м. дня мы поднялись на одинъ изъ такихъ холмовъ, по такъ называемому «Хӧшӧтӯйнъ-дабан̄у». Неподалеку отъ вершины этого перевала, въ оправданіе его имени, находится дѣйствительно могильный памятникъ (хӧшӧ), представляющій собою воздвигнутую плиту, высотою до 2 саженей, но безъ надписей. Только по спускѣ съ перевала долина, получающая здѣсь наименованіе Хобу̀ръ, становится ровнѣе и впереди, по дорогѣ, начинаютъ ясно обозначаться мрачныя и изобилующія ущельями горы Хӯгэнэ̀-ӯла, ограничивающія долину Хобу̀ръ съ сѣверо-восточной стороны. Въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи Хобу̀рская долина дѣлается солонцеватою, густо порастаетъ кипцомъ и представляетъ собою превосходныя пастбища. Такъ тянется она до горъ Номохо̀нъ-ӯла, къ южной оконечности которыхъ мы подъѣхали въ 2 часа дня. Отсюда, вмѣсто солончаковой, почва дѣлается песчаною, но дорога сохраняетъ прежнія удобства для движенія. По солонцевато-глинистому грунту она залегаетъ на всемъ протяженіи горъ Номохо̀нъ, пролегая по подножію ихъ. Такъ ѣхали мы до самой остановки на ночлегъ, въ 6 часовъ вечера, среди надвинувшейся темноты ночи. Отъ Хобурӹйнъ-гӧла до самаго мѣста остановки мы, впродолженіе 4-хъ часовъ ѣзды, не встрѣчали воды; теперь остановились близъ юртъ станціи Улан̄ъ-хошӯ, получающей для себя воду изъ колодца. Устанціонныхъ монголовъ мы купили одногодовалаго барашка, уплативъ за него 3 лаы, т. е. 6 р. 60 коп., тогда какъ его можно было купить за 4 кирпича чая (2 р. 40 к.) и даже дешевле, такъ какъ означенное количество чая монголы спросили у меня по первому слову. Къ сожалѣнію, кирпичный чай у меня уже весь вышелъ и я предложилъ уплатить за барашка серебромъ. На это предложеніе я получилъ запросъ 3 лаы. Жалко было отдавать почти тройную сумму, но дѣлать было нечего. Хлѣба у меня не было. Уже болѣе недѣли я питался однимъ мясомъ, да пилъ чай; теперь не было и мяса. Такова жизнь въ Монголіи: здѣсь не нужно серебра, ибо имъ не удовлетворишь голода. Въ томъ же положеніи были, конечно, и монголы, которые, несомнѣнно, съ большимъ удовольствіемъ взяли бы у меня 4 кирпича чая, чѣмъ три лаы серебра.

12-е Октября. Понедѣльникъ.

Поутру можно было ясно осмотрѣть мѣстность. Мы стояли посреди поросшей дэрэсӯномъ равнины, ограничиваемой съ юга горами Номохо̀нъ,

а на сѣверѣ горами Хӱгэнэ-хаирха̀нъ, тянущимися съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 50 мин. и продолжали путь по той же долинѣ, имѣющей здѣсь опять солончаковую почву. Въ 7 ч. 30 м. переѣхали вбродъ рѣчку Тарна̀йнъ-го̄лъ, текущую съ юго-востока на сѣверо-западъ. Рѣчка Тарна̀йнъ-го̄лъ, какъ разказывали мнѣ это мѣстные монголы, неподолеку на югъ отъ мѣста нашего брода составляется изъ двухъ небольшихъ рѣчушекъ Харалинъ и Шаралинъ. Новообразованная этими ручьями рѣчка Тарна̀ имѣетъ общее теченіе на сѣверо-западъ, омываетъ сначала подножія горъ Хӱгэнэ, засимъ протекаетъ мимо горы Боро̀ной-толого̀й, еще ниже по теченію ея на лѣвомъ берегу будетъ Дэкдэнэ-толого̀й; верстахъ въ 10 отъ сего послѣдняго въ Тарна̀йнъ-го̄лъ впадаетъ ручей Цаца̀йнъ-бӱриду̀ и мѣсто этого впаденія находится какъ разъ противъ горы Вачиртӱ-оро̀нъ. Ниже Тарна̀йнъ-го̄лъ получаетъ названіе Харӱ̀ха-го̄лъ. Въ мѣстѣ нашего брода р. Тарна̀йнъ-го̄лъ оказалось глубиною невыше полу-аршина, но русло ея широко и теченіе очень быстрое. Отсюда продолжали движеніе на сѣверо-востокъ по почвѣ сначала болотистой, а потомъ вскорѣ перешедшей въ песчаную. Это были такъ называемые Бага̀-монго̀лъ-элэсӱ̀, продолженіемъ которыхъ въ направленіи къ юго-востоку являются Йэхэ-монго̀лъ-элэсӱ̀, гораздо болѣе длинные и тяжелые для ѣзды, чѣмъ настоящіе. Пески Бага̀-монго̀лъ-элэсӱ̀ залегаютъ верстъ на 5, или 6 и мы успѣли выбраться изъ нихъ только къ 9 часамъ утра, когда миновали и горы Хӱгэнэ. Въ дикомъ ущельи



Хӱгэнэ-тарна̀скій хитъ.

самой сѣверной оконечности ихъ стоитъ живописно построенный въ горахъ буддійскій монастырь, именуемый Дамчòй-чжàн-чўб-линъ. Величественные, дикіе и скалистые горные массивы, лишенные почти всякой растительности высятся здѣсь, поднимаясь чуть ни до облаковъ, а у подножія ихъ, какъ стадо бѣлыхъ барановъ, раскинулись постройки кумирень тибетской архитектуры. Видъ этотъ поразителенъ по своей красотѣ. Разказываютъ, что до времени подданства халхасовъ Китаю здѣсь кочевали монголы, входящіе нынѣ въ составъ сàйнъ-нойновскаго-àймака, и въ частности податные хошўна цзасакà Ваншўка. Когда въ 1694 г. Галдàнъ-бошоктў, разграбляя Халху, вербовалъ себѣ сообщниковъ изъ халхасовъ, то, принадлежавшій къ хошўну Ваншўка, тàйчжи Битудà вмѣстѣ съ своимъ отòкомъ, имѣвшимъ кочевья именно по горамъ Хўгэнэ и рѣчкѣ Тарнàйнъ-гōлъ, двинулись къ востоку на соединеніе съ Галдàномъ. Ваншўкъ, съ оставшимся у него народомъ, не могъ остановить движеніе Битуды, такъ какъ Битудà, въ общемъ, увелъ съ собою большую часть податныхъ Ваншўка; но сàйнъ-нойнъ Шамбà послалъ на помощь Ваншўку свои войска, подъ командою чиновника Шачжѝна и, совокупными силами, они возвратили измѣнниковъ. Въ молитвенную благодарность за это событìе Ваншўкъ и построилъ якобы Хўгэнэ-тарнàскій монастырь, который теперь принадлежитъ уже тўшѣтў хāновскому-àймаку. Въ 11 ч. 20 м. мы подъѣхали къ горамъ Аргàлъ, у которыхъ дорога раздѣляется: станціонная слѣдуетъ на югъ, — она кочковиста, камениста и длиннѣе; дорога мўргўльчѝновъ, т. е. поклонниковъ ургинскаго хутухты, слѣдуетъ на сѣверъ и имѣетъ за собою только одинъ недостатокъ — это незначительность на ней воды. Мы поѣхали однако по этой дорогѣ и слѣдовали по ровной долинѣ твердо песчанаго грунта, поросшей дэрэсўномъ и изрѣдка кипцомъ. Въ 1 ч. 45 м. подъѣхали къ высокой черной горѣ Ўрўктўйнъ-ўла, на сѣверной сторонѣ которой течетъ мутный потокъ Сабангы̀йнъ-гōл'а. На берегу этой рѣки мы остановились для ночлега, такъ какъ дальше, по словамъ монголовъ, вода была очень далеко, и мы не могли добраться до нея ранѣе полуночи.

Здѣсь, неподалеку отъ мѣста нашей остановки, находился àиль одного изъ самыхъ богатыхъ и именитыхъ тàйчжіевъ сàйнъ нойновскаго хошўна, Идàма, къ которому я и отправился въ гости. Идàмъ жилъ какъ и всякій богатый монголъ, но въ обстановкѣ его юрты мнѣ прежде всего бросилось въ глаза, что на мѣстѣ бурхàновъ у него была, по китайскому обычаю, поставлена какая-то большая надпись, вложенная въ деревянную рамку, окрашенную синей кубовой краской и обдѣланную золотыми изображеніями цвѣтовъ. Оказалось, что это была надпись изъ Эбдэрэсэнъ-цагàнъ-бàйшина. Я списалъ эту надпись и вотъ дословный текстъ ея, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ.

ومن ذلك ما رواه الحافظ ابن عساكر في ترجمة أبي الحسن علي بن محمد بن عبد الله بن أحمد بن عبد الله بن محمد بن عبد الله بن عبد الرحمن بن عبد الله بن عبد الرحمن بن عبد الله بن عبد الرحمن

Переводъ:

Покланяюсь удивительнѣйшему ученію, — истинному свойству тѣла, слова и мысли всѣхъ буддъ трехъ временъ, основѣ сутръ и словесъ, исполненныхъ величія и достоинствъ побѣдоносныхъ. Лама-будда, Лама-ученіе, равнымъ образомъ и Лама-духовенство, Лама — величественнѣйшій скитродержецъ — есть лама, чествуемый у всѣхъ, обитающихъ въ

трехъ царствахъ. Хваля, покланяюсь своему ламѣ. Когда отъ августѣйшаго Чингѝсъ-хāна,

Въ силу стяжанія массы величайшихъ добродѣтелей
Въ теченіе неисчислимаго множества періодовъ,
Проявившаго свое величественное и удивительное существо въ обширной, монгольской странѣ
И сдѣлавшагося хāномъ обитателей десяти странъ,

миновало тридцать одно высокое хāнское поколѣніе, (явился) «заботливо содѣйствующій развитію» Дàянъ-хāнъ. Изъ двухъ сыновей совершеннѣйшей красавицы, супруги его, Чжимисхэнъ-хатӯнъ, младшій, Цзалàиръ-хунъ-тàйчжи, сдѣлался владѣтелемъ 10000 халхасовъ, въ Хангàй-хāн(скомъ) нутӯкѣ. Отъ него произошло семь сыновей и младшій изъ двухъ былъ Уйцзàнъ-тàйчжи. Отъ него родилось шесть сыновей: Вачѝръ-хāнъ, Дàйчинъ, Йэльдэнъ, Цӗхӧръ, Хошӯчи и Бодисӯнъ. Изъ среды ихъ, какъ солнце и луна, особливо сдѣлались полезными для вѣры и міра хāнъ и Цӗхӧръ. Въ доброе время ихъ содѣйствія довольству, благовѣрная и благородная Матѝ-тайхàлъ, супруга Хошӯчи-тàйчжія, и Цоктӯ-тàйчжи, мать и сынъ, помышляя о пользѣ безчисленныхъ одушевленныхъ существъ, съ 15-го числа «кукушечьяго» мѣсяца, года желѣза и коровы (1601 г.), предприняли на западной сторонѣ Тансӯкъ-талà'ской (долины) рѣки Тӗлы, на южной сторонѣ горы Халдудӯнъ чжирӯхэнъ, на суховерхѣ, постройку шести кумирень, начавъ съ кумирни «сэтхишѝ ӱгэй чиндаманѝ» (невообразимой драгоцѣнности) и, по истеченіи семьнадцати лѣтъ, окончили ихъ въ первомъ лѣтнемъ «кукушечьемъ» мѣсяцѣ, года огня и змѣи (1617 г.).

Вездѣ и въ каждомъ своемъ перерожденіи у благородныхъ родителей и въ пріятной странѣ,
Да обладаютъ они въ полнотѣ полезными (для спасенія) субъективными и объективными десятью совпаденіями.
Да исполнятся они въ совершенствѣ достоинствъ подвижничества
И да получаютъ они тѣло человѣка, всѣми любимаго.

***

Встрѣчаясь съ основами несравненно высокихъ, благословенныхъ вѣщаній,
Поступая рѣшительно и неуклонно (отъ нихъ), утѣшая свое имя почестями,

Будучи въ состояніи честно хранить высокіе обѣты,
Да поступаютъ они въ тоже время, вѣчно по 6 парамѝтамъ.

***

Усвоивъ 6 главъ круга «Чжѝ-вàчжра» (изъ) отдѣла начинаній,
А равно мысль съ непогрѣшительными идàмами,
Въ совершенствѣ и неопустительно помышляя о 4-хъ отдѣленіяхъ,
Да исполнятся они всѣми восьмью могущественными сѝдди, во главѣ которыхъ хожденіе по небу.

***

Въ совершенствѣ познавъ достоинства жизненнаго элексира,
Въ 6 нòмахъ (изъ) отдѣла окончаній и махамѝдрѣ,
Да проявляютъ они ясно 10 примѣтъ и 8 достоинствъ
И да исполнятся несравненнѣйшихъ высокихъ сѝдди.

***

Какъ поступалъ отъ безконечности
Владыка гнѣвныхъ Бацзàръ-бàни, этотъ великій бодисатва,
Такъ, ради грѣшныхъ и порочныхъ, своихъ и чужихъ, и я
Да буду помогать всѣмъ одушевленнымъ существамъ со тщаніемъ.

***

Какъ поступалъ въ неисчислимомъ множествѣ періодовъ
Прославленный святой Нарѝ-бандѝта,
Такъ, ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ 10 странъ,
Да буду поступать и я въ каждомъ своемъ бытіи.

***

Какъ всесовершеннѣйшіе будды, во главѣ съ Махà-Гаргàсунди,
Бодисàтвы десяти странъ, во главѣ съ Мàйдари,
И обладающіе великими сѝдди святые,
Дѣйствительно и исключительно ради пользы другихъ,

***

Какъ просвѣщающій мученія темноты
Всесвѣтлый Нарàнъ-тэнгрѝ (духъ солнца)
Не останавливается, кружась, въ 4-хъ тѝбахъ,

Такъ да буду приносить пользу и я, ради блага неисчислимыхъ одушевленныхъ существъ.

* * *

Да исполнятся всѣ одушевленныя существа блаженства и причинъ блаженства!

Да удалятся всѣ одушевленныя существа отъ страданій и причинъ страданій,

Да не разлучатся всѣ одушевленныя существа отъ блаженства, которымъ наслаждаются они безпечально,

Да пребываютъ всѣ одушевленныя существа въ равнодушіи, отрѣшенномъ отъ страстей и непостоянства.

* * *

Гравировали: хорлòсскій прославленный Чиндаманѝ-убашѝ и китайскій искусный каменьщикъ, подъ управленіемъ Мэргэнъ-убашѝ.

На вопросъ мой какимъ образомъ и почему тàйчжи Идàмъ держитъ у себя эту надпись вмѣсто бурхàновъ, онъ отвѣчалъ, что «нòмъ» (т. е. святое писаніе) имѣетъ то же значеніе что и будда, — это во-первыхъ; а во-вторыхъ постановкою настоящей дощечки онъ оказываетъ почтеніе и своимъ предкамъ. Тàйчжи Идàмъ считаетъ себя прямымъ потомкомъ построившаго Цагàнъ-бàйшинъ Цоктӯ-тàйчжія. Родъ свой онъ высчиталъ мнѣ такимъ образомъ: у общаго предка халхаскихъ князей Гэрэсэнцзэцзалàиръ-хунъ-тàйчжія было семь сыновей, третій изъ которыхъ Нунухӯуйцзàнъ ноѝнъ является собственно предкомъ князей нынѣшнихъ тӯшѣтӯхāновскаго и сàйнъ-ноѝновскаго àймаковъ. У Нунухӯ было всего шесть сыновей: старшій — Абатàй-сàйнъ-хāнъ, начавшій собою родъ тӯшѣтӯхāновъ; четвертый — Тӯмэнхѝнь-хӯндӯлэнъ, бывшій первымъ сàйнъ-ноѝномъ; иначе онъ назывался «Бурāтъ-цэцэнъ-цō̆хō̆ръ»; этихъ двухъ лицъ и разумѣетъ надпись въ словахъ «особливо сдѣлались полезными для вѣры ханъ и Цō̆хō̆ръ». Пятымъ сыномъ Нунухӯ былъ Бахарàй хошигӯчи-ноѝнъ, отъ котораго и родился Цуругӯнъ-цоктӯ-тàйчжи, въ годъ желѣза и змѣи, т. е. 1581-й нашего лѣтосчисленія. Цоктӯ первый началъ собою въ ихъ родѣ прозваніе тàйчжіевъ. Первоначально всѣ они признавали надъ собою главенство тӯшѣтӯ-хāновъ, но когда въ 1725 году, по волѣ богдоханскаго правительства, въ Халхѣ былъ основанъ четвертый, сàйнъ-ноѝновскій àймакъ, то потомки Цоктӯ-тàйчжія, были причислены къ сему послѣднему. Съ тѣхъ поръ прошло уже шесть поколѣній. Во внѣшней обстановкѣ своей жизни тàйчжи Идàмъ показался мнѣ человѣкомъ очень богатымъ; то же

подтвердили мнѣ и состоящіе при немъ хамчжилгà, добавившіе при томъ, что онъ очень скупъ. Имѣя у себя около 2500 барановъ, онъ во всю свою жизнь не зарѣзалъ ни одного изъ нихъ и ѣстъ мясо только тогда, когда животное издохнетъ. Въ остальное время весь домъ тàйчжія питается молочными продуктами.

13-е Октября. Вторникъ.

Выѣхали въ 5 ч. утра и, поднявшись на невысокій увалъ, спустились въ Бодýнъ-талà. Это — совершенно необитаемая въ лѣтнюю и осеннюю пору, ровная степь, съ твердо песчанымъ грунтомъ, обильно произрàщающимъ дэрэсý. Монголы кочуютъ здѣсь только зимою, при чемъ дэрэсýнъ защищаетъ ихъ отъ вѣтровъ и даетъ топливо, а воду приготовляютъ они для себя изъ снѣга. Бодýнъ-талà тянется приблизительно верстъ на 10 и, при самой быстрой ѣздѣ, до СВ конца ея мы добрались только въ 7 ч. 35 м. Здѣсь съ нами случилось событіе, приведшее меня къ очень непріятному открытію. Уже мы подъѣзжали къ увалу Яргàйтуйнъ-дöрöльчжѝ, какъ одинъ изъ прислужниковъ моего каравана мгновенно упалъ съ верблюда и въ страшныхъ стонахъ заявлялъ, что онъ не можетъ ѣхать далѣе. Оказалось, что онъ былъ страшно пораженъ сифилисомъ: вся нижняя часть его тѣла представляла одну сплошную гнойную рану. Присмотрѣвшись, я замѣтилъ теперь, что на лицѣ, шеѣ и рукахъ у него также были болячки и раны, на которыя я не обращалъ прежде никакого вниманія, да и трудно было замѣтить ихъ за грязью, обычно покрывающею все тѣло каждаго монгола. Только теперь пришло мнѣ въ голову, что этотъ человѣкъ ѣлъ изъ одного съ нами котла, спалъ на моихъ войлокахъ, возился около нашей пищи, нерѣдко варилъ и помѣшивалъ ее и передо мною предстала вся опасность зараженія. Послѣдующіе путешественники должны быть въ этомъ случаѣ крайне осмотрительны. Кое-какъ посадивъ его на верблюда, мы поднялись на увалъ Яргàйтуйнъ-дöрöльчжѝ и засимъ начали спускаться въ направленіи къ сѣверо-востоку по Яргàйтуйнъ-хýндýй. Падь эта по качествамъ почвы и растительности не отличается отъ предшествовавшихъ ей пространствъ и чрезвычайно однообразна по виду. Въ 10 ч. 10 м. горы Яргàйту, окружающія ее съ обѣихъ сторонъ, начали замѣтно расходиться, и вдали показалось озеро Борохчѝнъ. По мѣрѣ приближенія къ нему, почва все болѣе и болѣе дѣлалась песчаною и противъ самыхъ береговъ, съ которыми мы сравнялись въ 11 ч. 35 м., превратилась въ сыпучіе пески, поросшіе хараганòю. Пески эти, впрочемъ, не особенно глубоки и по нашей дорогѣ продолжались не болѣе какъ на одинъ часъ ѣзды, т. е. версты на $4\frac{1}{2}$ — 5. Вслѣдъ за симъ почва мало-по-малу твердѣетъ и дѣлается солонцеватою. Въ этомъ видѣ представляется мѣстность на все охватываемое гла-

зомъ пространство по берегамъ Борохчѝнъ-гӧла, впадающаго въ озеро Борохчѝнъ съ востока. Мы переѣхали эту рѣчку вбродъ въ 12 ч. 45 м. Она имѣетъ глубины до $^3/_4$ аршина и ширины до 10 саж. Отъ береговъ ея мы продолжали движеніе на сѣверо-востокъ, по долинѣ Борохчѝнъ-талà. На сѣверномъ концѣ этой долины, верстахъ въ 8—10 отъ нашей дороги, виднѣлось большое темное возвышеніе, носящее названіе Чѝнъ-тологѝй, пользующееся у монголовъ большою славою. Имѣя въ виду, что экспедиція В. В. Радлова не посѣщала этого урочища, я захотѣлъ осмотрѣть его и, оставивъ караванъ подъ присмотромъ Ив. Ѳед., отправился одинъ къ Чѝнъ-тологѝю. Отъ береговъ Борохчѝнъ-гӧла я хорошею рысью, верхомъ, доѣхалъ до него въ 40 минутъ. Чѝнъ-тологѝй замѣчателенъ своими древностями, къ числу которыхъ монголы причисляютъ теперь, во-первыхъ, обӧ, а во-вторыхъ, такъ называемый «Эбдэрхэ̀й-балгасӯ» — разрушенный городъ. Въ настоящую пору отъ него остались лишь земляные валы, служившіе въ старину стѣнами, оттого къ памятнику этому гораздо примѣнимѣе второе названіе, по которому онъ именуется «Эбдэрхэ̀й-хэрэ̀мъ, т. е. разрушенныя стѣны».

Обӧ Чѝнъ-тологѝй'я, замѣчательное по своей величинѣ, было построено, говорятъ, по приказанію 4-го ургѝнскаго хутухты (1775—1813 г.) и за справедливость этого преданія ручается, до нѣкоторой степени, форма его постройки, въ которой соблюдены всѣ цзонхавѝнскіе обряды при построеніи обӧ. Оно воздвигнуто на возвышенномъ земляномъ холмѣ, густо поросшемъ невысокою муравою. Камни сложены такъ, что образуютъ собою круглую столообразную груду, широкую на столько, что на ней можетъ еще помѣститься въ самой срединѣ насыпь, имѣющая въ діаметрѣ около двухъ аршинъ и засимъ вокругъ ея еще девять меньшихъ насыпей, имѣющихъ діаметръ приблизительно въ аршинъ. Какъ само обӧ, такъ и находящіяся на немъ насыпи сдѣланы изъ мѣстныхъ породъ порфира. На восточной сторонѣ обӧ выложенъ изъ камня же квадратный, четыреугольникъ, а по тремъ остальнымъ странамъ свѣта небольшія круглыя обӧ.

Саженяхъ во 100 отъ Чѝнъ-тологѝй'скаго холма располагается Чѝнъ-тологѝйскій «Эбдэрэсэ̀нъ-хэрэ̀мъ. Какъ уже было сказано, въ настоящую пору онъ состоитъ изъ глинянаго вала, представляющаго, вѣроятно, остатки бывшихъ стѣнъ. Валъ этотъ квадратный, четырехугольный и всѣ стороны четырехугольника расположены соотвѣтственно странамъ свѣта. Каждая сторона стѣны имѣетъ приблизительно 1530 шаговъ длины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидны выступы изъ общей правильной черты городской стѣны. Можно думать, что въ этихъ мѣстахъ были крѣпостныя ворота. Такихъ воротъ на восточной и западной сторонахъ по трое, а на южной и

сѣверной по однимъ. Отъ боковыхъ воротъ восточной стороны, черезъ всю внутреннюю площадь хэрэ̀ма, прямо къ воротамъ западной стороны проходятъ довольно высокія насыпи. Были ли это стѣны, которыми крѣпость раздѣлялась на три равныя части, сказать затруднительно, потому что безъ раскопокъ и при поверхностномъ обзорѣ здѣсь ничего не видно, кромѣ глиняныхъ валовъ, поросшихъ травою. Преданій о построеніи этого города монголы не имѣютъ; основываясь же на запискахъ Чжа̀нъ-дэ-хуй'я, надо полагать, что онъ принадлежалъ киданямъ. Пустившись отъ Эбдэрэсэ̀нъ-хэрэ̀ма прямо къ сѣверо-западу, на пересѣченіе Борохчѝнъ-тала̀ и соединеніе съ своимъ караваномъ, я миновалъ небольшое озеро, находящееся въ полуверстѣ отъ Чѝнъ-тологѝя и называемое по однимъ Байнъ-нӯромъ, а по другимъ Шилѝнъ-нӯромъ. Караванъ свой я догналъ у сопки Морѝнъ-тологѝй, ограничивающей Борохчѝнъ тала̀ съ востока. Здѣсь находится большой колодезь, славящійся достоинствомъ своей воды. Перебравшись черезъ Морѝнъ-тологѝй по невысокому и пологому перевалу, мы въ 3 ч. 30 м. спустились въ долину Хара̀ тала̀ и около 5 часовъ остановились въ ней для ночлега неподалеку отъ станціи Хара̀-нидӯнъ, изъ колодца коей брали себѣ воду для питья.

Не далѣе какъ саженяхъ въ 100 отъ мѣста нашей остановки располагался а̀иль, въ 6 юртъ, предпринимавшій на завтра перекочевку на «намурчжѝнъ», т. е. осеннюю стоянку. Готовность кочевать была видна съ перваго раза: одни укладывали свое имущество и домашній скарбъ, другіе собирали юрты, третьи устанавливали «обѝхой», чтобы подъ прикрытіемъ его провести послѣднюю ночь на лѣтовкѣ. Обѝхой строится изъ однихъ унѝновъ и еле покрывается войлокомъ; въ западной Монголіи такого рода зданія называются «чжулӯнъ». Впрочемъ, по разказамъ монголовъ, ночь передъ кочевкою проводится у нихъ почти всегда безъ сна, отчасти вслѣдствіе приготовленій и сборовъ къ переѣзду, а еще болѣе въ силу опасенія со стороны воровъ, которые въ эту пору обыкновенно пользуются общею суматохою для того, чтобы отогнать скотъ. Отгоны эти совершаются чрезвычайно быстро, иногда въ виду всѣхъ людей. На табунъ наѣзжаетъ три-четыре верховыхъ всадника, крикнетъ, гикнетъ и лошади помчатся. Удастся грабителямъ отдалиться, они угонятъ изъ табуна нѣсколько лошадей; нѣтъ, — спасаются бѣгствомъ. Таковы угоны лошадей изъ табуновъ; но чаще конокрады ходятъ пѣшкомъ. Подходитъ, а то и подползаетъ конокрадъ потихоньку къ а̀илю и къ пасущимся невдалекѣ отъ него лошадямъ, мгновенно вскочитъ на лошадь и былъ таковъ. Поймать конокрада очень трудно и почти всегда остаются они безнаказанными. Попадается ему хорошая лошадь, онъ ускачетъ на ней; попадается плохая, —

видитъ конокрадъ, что его догоняютъ, онъ соскакиваетъ съ лошади и заляжетъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, а лошадь, на которой онъ ѣхалъ, мчится уже одна и преслѣдователи гонятся за нею. Поутру монголы намѣрены были кочевать рано, часовъ въ 6, а то и раньше. Женскіе наряды были уже на готовѣ, ибо для кочевки монголки надѣваютъ всегда лучшее платье.

14-е Октября. Среда.

Выѣхали въ 4 ч. 55 м. утра, когда знакомый мой аиль уже весь былъ на ногахъ, хотя еще не двигался съ мѣста. Дорога непосредственно отъ нашей стоянки начинаетъ подниматься на невысокій увалъ, за которымъ послѣдовало еще шесть такихъ же уваловъ. Мѣстность эта называется «Барсы̀йнъ-долбо̀нъ-даба̀», т. е. семь барсовыхъ переваловъ и это названіе воскресило въ моей памяти старинную исторію Монголовъ, временъ царствованія Ӱгэдэ̀я. Извѣстно, сказаніе Юа̀нь-ши, по которому Ӱгэдэ̀й въ 1234 г. созывалъ хурулта̀й въ мѣстности Ба̀рсъ-долбо̀нъ-даба̀ и обнародовалъ на немъ нѣкоторыя постановленія касательно своей военно-кочевой имперіи. Мнѣ казалось, что Барсы̀йнъ-долбо̀нъ-даба̀ есть именно это урочище, по которому мы теперь двигались. Ӱгэдэ̀й, несомнѣнно, любилъ эти мѣста и, вѣроятно, проживалъ въ нихъ. Къ сѣверу отъ насъ тянулся теперь хребетъ, носящій общее названіе Салы̀нъ[1]); черезъ какихъ-нибудь 30 верстъ мы должны были доѣхать до озера Цэгэ̀йнъ-цага̀нъ. Тунъ-цзянь-ганъ-му свидѣтельствуетъ, что въ 4-й лунѣ 1236 г. Ӱгэдэ̀й построилъ городъ Сао-лы̀нь и дворецъ Гэ-гэ̀-ца-га̀нь. Нѣтъ сомнѣнія, что это китайское Гэ-гэ̀-ца-га̀нь относится именно къ Цэгэ̀йнъ-цагану, и городъ Сао-лы̀нь, получилъ свое названіе отъ этихъ горъ. На послѣднемъ изъ переваловъ Барсы̀йнъ-долбо̀нъ-дабан'а, увѣнчанномъ обо̀, котораго мы достигли въ 6 ч. 40 м. происходитъ раздѣленіе дорогъ, ведущихъ въ Ургу. Одна изъ нихъ направляется къ сѣверу и называется нижней дорогой, другая слѣдуетъ прямо на востокъ и называется верхней дорогой. Первая изъ нихъ обильнѣе водою и колодцами, поэтому ее избираютъ ѣдущіе на быкахъ и не могущіе дѣлать большихъ пороходовъ; по второй ѣздятъ на лошадяхъ и на верблюдахъ люди, разсчитывающіе безъ остановки дойти до То̀лы. Мы также двинулись по этой послѣдней дорогѣ. Миновавъ небольшую долину,

---

1) На картѣ г. Пѣвцова хребетъ этотъ носитъ различныя имена, которыя однако принадлежатъ не хребту, а отдѣльнымъ, находящимся въ немъ горамъ. Между прочими названіями помѣчено названіе Тосы̀нъ-зама̀ръ что значитъ «масляною дорогой». Дѣйствительно, здѣсь есть «Тосу̀нъ-за̀мъ», т. е. дорога на сѣверъ, въ Кяхту, по которой монголы возятъ на продажу масло. Вѣроятно, г. Пѣвцовъ слушалъ какія-нибудь объясненія монголовъ и, не зная языка, принялъ слова «Тосы̀нъ-за̀мъ» за собственное имя горъ.

въ 8 ч. утра, углубились засимъ въ цѣпь горъ, именуемыхъ Ару̀-Хангàемъ. Собственно, высокихъ переваловъ здѣсь нѣтъ, почему и дорога не представляется особенно трудной. Горы въ общемъ имѣютъ ровныя и мягкія формы, онѣ поднимаются отдѣльными возвышенностями, и дорога лавируетъ по ихъ боковинамъ, то взбираясь на незначительные увалы, то спускаясь съ нихъ. Растительность чисто степная и представляетъ богатый кормъ для скота. Колодцевъ мало, а вырытые ютятся въ большинствѣ случаевъ по падямъ и подножіямъ горъ. Болѣе высокимъ представляется только одинъ перевалъ, Ару̀-Хангàйнъ-даба̄, спускъ съ котораго приводитъ въ долину рѣки Тӧлы. Черезъ рѣку мы перебрались вбродъ безъ особенныхъ затрудненій въ 1 ч. 20 м. дня. Тӧла имѣла здѣсь ширины до 40 саженей и глубиною мѣстами была свыше аршина. Растительности по долинѣ ея мы не видали никакой, помимо самыхъ мелкихъ кустарниковъ. Еще съ ранняго утра сегодня начался сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, теперь онъ достигъ почти силы урагана. Верблюды наши сначала ежеминутно останавливались, а потомъ начали ложиться; поэтому мы должны были остановиться для ночлега непосредственно перебродивъ Тӧлу. Къ востоку и къ югу отъ мѣста нашей стоянки было видно повсюду, что шелъ снѣгъ. Часовъ около 5-ти къ противоположному берегу Тӧлы подошелъ караванъ китайскихъ купцовъ, ѣдущихъ изъ Улясутàя, но, за наступившею темнотою, онъ не рѣшился переправляться. Къ 7 часамъ вечера небо прояснѣло и вѣтеръ утихъ; завтра нужно было ожидать большого мороза.

15-е Октября. Четвергъ.

Поутру было очень холодно и по всему теченію Тӧлы плотною массою плыла шугà, вслѣдствіе чего переправа черезъ рѣку сдѣлалась невозможною. Прибывшій вчера вечеромъ китайскій караванъ горько жаловался на свою судьбу и очень можетъ быть, что ему придется простоять на берегу съ недѣлю и болѣе, пока рѣка станетъ совершенно и сдѣлается возможною переправа по льду. Верблюдъ не можетъ переходить рѣку вбродъ при сильной шугѣ. Слава Богу, что мы успѣли избѣгнуть этой участи! Выѣхали въ 6 ч. 10 м. утра. Отъ береговъ рѣки Тӧлы долина ея болотиста, кочковата и крайне неудобна для ѣзды версты на 4, а засимъ начинается ровная и прекрасная дорога, тянущаяся прямою линіею къ ВСВ. Въ 8 ч. 20 м. мы вступили въ Цэгэ̀йнъ-цагàнъ; въ восточной сторонѣ этой степной равнины лежитъ небольшое горько-соленое озеро, дающее свое имя всей окрестности. Сама Цэгэ̀йнъ-цагàнъ-талà имѣетъ продолговатую форму. Съ сѣвера она окаймляется невысокими горами чрезвычайно мягкихъ и пріятныхъ очертаній, на югѣ горы гораздо выше. Говорятъ, что въ нихъ находятъ какіе-то разноцвѣтные камни, имѣющіе лекарственное значеніе;

и, кромѣ того, здѣсь же добывается магнитъ. Сама долина имѣетъ прекрасное орошеніе и множество маленькихъ озеръ, благодаря чему въ ней всегда имѣется изобиліе кормовыхъ травъ и мѣстность ея, говорятъ, одна можетъ прокормить весь хошӯнъ Нàйданъ-сорòнъ-гӯна, въ составъ коего она входитъ. Кочевниковъ здѣсь очень много, особливо въ западной части долины; но сколько я ни спрашивалъ ихъ, никто не могъ сказать мнѣ, чтобы здѣсь были какія-либо развалины, или остатки города. Русскіе торговцы изъ Урги часто посѣщаютъ Цэгэ̀йнъ-цагàнъ съ цѣлью ловить рыбу въ Тӧлѣ и мой словоохотливый Ив. Ѳед. разказывалъ мнѣ, что онъ самъ ловилъ здѣсь осетровъ пуда по 4 вѣсомъ, помимо того добывали еще много окуней, щукъ, язей и налимовъ. По самой долинѣ мы видѣли массу дрохвъ и два раза дзӭрэновъ стадами головъ по десяти. Въ 10 ч. 40 м. стали подниматься на перевалъ Аргалы̀йнъ-дабā, другіе называютъ его Харà-ямā-туйнъ-дӧрӧльчжѝ, Богòчи и Элэсӱтӱ̆-хошӯ. За нимъ передъ нами открылась такая же ровная, какъ и Цэгэ̀йнъ-цагàнъ, долина Цабà-ӯлани-талà, и по ней мы въ 12 ч. дня подъѣхали къ дӧрӧльчжѝ, составляющему боковину Цабà-ӯлы. Здѣсь повстрѣчался намъ караванъ поклонниковъ ургѝнскаго хутухты̀, возвращавшихся изъ Урги на родину, гдѣ-то на берегахъ Цзабхàна. Съ благочестивою цѣлью поклоненія, они оставили свои кочевья еще въ половинѣ Іюля, а доберутся до нихъ обратно не ранѣе половины Ноября; итакъ цѣлая треть года будетъ проведена въ бродяжничествѣ. Въ слѣдующемъ году предпримется снова такое же путешествіе къ какому-нибудь другому хутухтѣ, и въ этомъ проходитъ вся жизнь мало-мальски достаточнаго монгола. Отъ боковины Цабà-ӯлы происходитъ измѣненіе въ направленіи Ургинской дороги: тропа ея поворачиваетъ къ сѣверу, въ обходъ песковъ, залегающихъ далѣе на востокъ, и направляется къ колодцу Аргалы̀йнъ-худӱ̀къ. При колодцѣ этомъ находится станція Тӱшӭтӱ̆-хāновскаго бухя̀-ӧртӧ̄. Послѣднія со времени отдѣленія отъ цэцэ̀нъ-хāновскихъ подверглись значительному сокращенію: теперь каждая станція состоитъ не болѣе какъ изъ двухъ или трехъ юртъ; цзангѝны полагаются въ числѣ одного на пять станцій; жалованья никто изъ станціонныхъ не получаетъ, и служба ихъ считается какъ бы отбываніемъ натуральной повинности, въ счетъ албàна. До колодца Аргалы̀йнъ-худӱ̀къ мы доѣхали въ $3^1/_2$ ч. дня. Далѣе, переваливъ черезъ Хоромчжѝйнъ-хӱтӱ̆ль, ночевали въ урочищѣ Чжиримы̀йнъ-худӱ̀къ, до котораго доѣхали въ 6 ч. вечера, Урочище это принадлежитъ хошӯну Мандорвà-гӯна, тѣмъ не менѣе мы повстрѣчали здѣсь много хошӯнныхъ людей Пӱнъ-бэ̀йсэ, прибывшихъ со своимъ скотомъ на Чжирѝмскую долину, чтобы покормить его мѣстнымъ гучжѝромъ. Инохошӯнцы эти платятъ Мандорвà-гӯну за право такого кормленія самую

незначительную плату: мѣсячная пастьба лошади, напримѣръ, стоитъ не болѣе 10 коп.

16-е Октября. Пятница.

Двинулись въ 6 ч. утра и продолжали путь по той же долинѣ съ твердымъ глинистымъ грунтомъ и незначительною на видъ степною растительностью. До Урги намъ оставалось теперь только двѣ станціи и три переѣзда, всего не болѣе 75—80 верстъ; поэтому, оставивъ весь свой караванъ, я одинъ направился въ Ургу, горя нетерпѣніемъ видѣть поскорѣе жену, русскихъ и получить свѣдѣнія изъ Россіи, которыхъ не имѣлъ уже три мѣсяца. Въ 7 ч. 30 м. я миновалъ станцію Дулàнъ. Отъ нея ургинская дорога раздѣляется на цѣлый десятокъ мелкихъ путей, происхожденіе которыхъ обусловливается обиліемъ къ Ургѣ поѣзжанъ, обладающихъ самыми различными средствами. Одни, ѣдущіе на крѣпкихъ коняхъ и верблюдахъ, ѣдутъ по нѣсколько уклоняющейся къ югу, ближайшей, гористой дорогѣ; другіе, слѣдующіе преимущественно на верблюдахъ, ѣдутъ еще прямѣе на крутой перевалъ Шарà-хўбў̄, эта дорога почитается самой кратчайшей; третьи, желающіе избѣгнуть крутыхъ подъемовъ, слѣдуютъ окольными путями, по боковинамъ горъ, при чемъ различно мѣняютъ свое направленіе, сообразуясь главнымъ образомъ съ обиліемъ кормовыхъ травъ въ урочищахъ. Я поѣхалъ по одной изъ этихъ дорогъ, хотя и болѣе длинныхъ, но зато и болѣе проѣзжихъ. Въ 8 ч. 40 м. я началъ подниматься на длинный и пологій Аргалы̀йнъ-цагàнъ-хўтўль. Онъ возвышается и опускается почти незамѣтнымъ уваломъ и растягивается на пространствѣ 12—15 верстъ. За нимъ въ 11 ч. я поѣхалъ къ горамъ Бурхантў, колесная дорога обходитъ которыя, слѣдуя по пологому скату ихъ, или по Бурхантўйнъ-дöрöльчжѝ. Такимъ образомъ на всемъ означенномъ пространствѣ отъ Аргàла мнѣ не встрѣтилось ни горъ, ни даже значительныхъ подъемовъ. Отъ Бурхантўйнъ-дöрöльчжѝ дорога моя углубилась въ цѣпь холмовъ, составляющихъ отроги Сонгинà-ўлы. Лавируя между этими холмами, я въ 11 ч. 30 м. началъ подниматься на хребетъ Сонгинà, оставивъ станцію Шарà-хўбў̄ вправо. Съ вершины Сонгинàй-дабàна передо мною открылась громадная ургинская долина рѣки Тōлы и вдалекѣ, какъ бѣлое пятнышко, завиднѣлись зданія русскаго консульства. Какъ будто уже у себя, дома, на родинѣ. Въ 12 ч. 35 м. спустившись съ Сонгинàй-дабàна, я переѣхалъ вбродъ рѣчушку Сонгинàй-булàкъ, которую всѣ русскіе ургинцы привыкли считать уже своею. Благодаря любезности монгольскихъ правителей, мѣста по берегамъ Сонгинàй-булàка предоставлены въ пользованіе русскихъ; всѣ чины нашего консульства и казаки имѣютъ здѣсь свои покосы и на цѣлую зиму заготовляютъ кормъ своему скоту; купцы посту-

паютъ такимъ же образомъ, хотя помимо Сонгинà имъ приходится арендовать покосы и въ другихъ мѣстахъ. Нашъ консулъ Шишмаревъ построилъ себѣ на Сонгинàй-булàкѣ деревянную избушку и лѣтомъ выѣзжаетъ сюда какъ бы на дачу, всѣ остальные чины консульства, если выѣзжаютъ, живутъ въ монгольскихъ юртахъ. Берега Сонгинàй-булàка мѣстами густо поросли кустарникомъ, между которымъ не мало черемухи, черной и красной смородины и проч. Слѣдуя далѣе по Чингильтýйнъ-талà, я увидалъ здѣсь въ сторонѣ отъ дороги большую церемонію ургинскихъ ламъ, начавшуюся, говорятъ, еще при восхожденіи солнца въ центрѣ Урги, а засимъ перешедшую на окраины ламскаго города и, наконецъ, достигшую Чингильтýйнъ-талà, верстахъ въ 7 отъ Хýрэня. Процессію окружала толпа народа не менѣе 3-хъ, или 4-хъ тысячъ человѣкъ. Поводомъ къ совершенію ея послужило событіе, случившееся еще въ 1882 г. Въ ту пору къ здѣшнимъ горамъ было откомандировано нѣсколько человѣкъ китайскихъ и монгольскихъ солдатъ, съ цѣлью добыванія глины для строившейся тогда ургинской крѣпости. Рабочіе эти, при неосторожномъ веденіи своего дѣла, были завалены и погибли въ вырытой ими глиняной шахтѣ. Это было въ Октябрѣ, а вслѣдъ засимъ въ Ургѣ открылся сыпной тифъ, похитившій много народу. Ламы объяснили, что эпидемія эта явилась прямымъ результатомъ мщенія погибшихъ, неоплаканныхъ, хотя и ожидавшихъ людскаго участія душъ и тогда же совершили первое молебствіе объ успокоеніи ихъ. Въ настоящую пору таже эпидемія, говорятъ, открылась снова и по старой памяти противъ нея принято и прежнее средство. Отсюда вступивъ въ ургинскую долину, я въ 3 ч. 40 м. проѣхалъ Ургу, а въ 4 ч. 30 м. добрался до Русскаго Консульства.

17-е Октября. Суббота.

Настоящее пребываніе мое въ Ургѣ было посвящено на собраніе свѣдѣній объ ургинскомъ Чжэбцзýнъ-дамбà хутухтѣ и посѣщеніе прилежащихъ Ургѣ монастырей его.

VIII. Хубилгàны Чжэбцýнъ-дамбà хутухты.

Личность ургинскаго Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты, какъ верховнаго жреца всей Монголіи, боготворимаго притомъ всѣми ламаитами, оброщала на себя вниманіе рѣшительно всѣхъ изслѣдователей Монголіи и ламаизма; но въ различныхъ сказаніяхъ о ней мы находимъ столько противорѣчиваго, смѣшаннаго, непонятаго, наконецъ, просто измышленнаго, что, предположивъ изучить какъ вѣрованія монголовъ относительно Чжэбцзýнъ-

дамба̀-хутухты̀, такъ и его дѣйствительныя исторію и значеніе, мы должны были прямо отбросить почти все, что было написано объ ургинскомъ хутухтѣ доселѣ и приняться снова какъ за сборъ устныхъ монгольскихъ преданій о немъ, такъ и за изслѣдованіе относящихся до него дѣйствительныхъ историческихъ памятниковъ. У Риттера, напримѣръ, мы находимъ мнѣніе, что Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ составляетъ предметъ вѣрованій и поклоненій монголовъ еще съ древнѣйшихъ временъ, потому что онъ является продолженіемъ перерожденій какого-то великаго ламы, пользовавшагося большими почестями еще при императорахъ Юань въ Китаѣ, а по изгнаніи ихъ изъ Китая раздѣлившаго съ ними ихъ судьбу, бѣжавъ на сѣверъ Гоби, гдѣ у бассейна Селенги и основалъ онъ свое мѣстопребываніе. Мнѣніе это не имѣетъ за собою рѣшительно никакого основанія, такъ какъ ни одно изъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ монгольскихъ, такъ и китайскихъ, не говоритъ намъ ни о какомъ, бѣжавшемъ съ Тогòнъ-тэму̀ромъ, великомъ ламѣ; извѣстно лишь, наоборотъ, что монголы, возвратившись изъ Китая на сѣверъ, совершенно забыли буддизмъ и всѣми силами своей души предались шаманству, а слѣдовательно перестали вовсе чествовать хутухтъ. Игумновъ утверждалъ мнѣніе, что Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ почитается, послѣ дала̀й ламы и баньчэ̀нь-богдò, третьимъ лицомъ въ ламайскомъ мірѣ. Это опять невѣрно и судить объ относительномъ значеніи хутухтъ въ понятіяхъ народа, также трудно, какъ трудно судить о значеніи святыхъ христіанской церкви: для истинно вѣрующаго сердца всѣ они имѣютъ равное значеніе, хотя въ то же время каждый вѣрующій, по тѣмъ или другимъ причинамъ, чествуетъ преимущественно своего патрона. То же самое замѣчается и у ламаитовъ. Если, по понятіямъ южныхъ монголовъ, Чжанчжа̀-хутухту̀ состязается въ своемъ значеніи съ Чжэбцзу̀нъ-дамбòю, то послѣдователи сектъ Ньинмава, или Сакъя̀ской, конечно, никогда уже не согласятся признать своего Сакъя̀-баньчэ̀ня, перерожденца великаго Па̀дма Самбавы̀, ниже ургинскаго хутухты; также точно послѣдователи Бруква будутъ смотрѣть относительно своего Да̀рма-ра̀джи и пр. Нашъ знаменитый монголистъ, О. М. Ковалевскій, усиливаясь поддержать мнѣніе Игумнова о томъ, что Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ есть именно третье лицо въ ламайскомъ мірѣ, сообщалъ, что вообще «хутухты получаютъ степени священства съ соблюденіемъ строгаго порядка: Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ посвящается Дала̀й-ламòю, этотъ — Баньчэ̀нь-эрдэніемъ, а послѣдній — Дзасра̀й-ринбочэ̀». (Монг. Хрестом. Т. I стр. 525). Все это опять-таки невѣрно, ибо принятіе посвященія въ ламскія званія отъ того или другого лица не имѣетъ никакого отношенія къ религіозному или іерархическому значенію хутухтъ. Въ этомъ случаѣ буддисты смотрятъ на дѣло опять таки глазами христіанъ, по которымъ

даръ священства безразлично сообщается человѣку, будетъ ли онъ посвященъ первенствующимъ митрополитомъ, или заштатнымъ викаріемъ; въ частности относительно того, что Чжэбцзўнъ-дамба̀ не всегда посвящается дала̀й-ламо̀ю, мы имѣемъ точныя указанія лѣтописей, по которымъ оказывается, что второго халхаскаго хубилга̀на Чжэбцзўнъ-дамба̀-гэгэ̀на посвящалъ Донко̀ръ-хутухта̀, Нава̀нъ-лобса̀нъ; четвертаго — Чжанчжа̀-хутухта̀; пятаго — въ гэнэ̀ны посвящалъ Баньчэ̀нь-эрдэнѝ, а въ гэцўли — даже никогда не считавшійся хубилга̀номъ, простой монгольскій лама, Лобса̀нъцзамья̀нъ, бывшій только учителемъ гэгэ̀на и т. д. Относительно исторіи хутўхтъ существуетъ не менѣе вымысловъ: Ваддель увѣряетъ, что Чжэбцзўнъ-дамба̀ былъ первоначально главнымъ ламою города Хўхў-хото̀, а въ разказахъ объ его пребываніи тамъ переноситъ на него легенды объ Илагўхсанъ-гэгэ̀нѣ [1]). Гюкъ описываетъ блестящую поѣздку 5-го Чжэбцзўнъ-дамбы̀, въ 1839 году, въ Пекинъ, а по передаваемымъ имъ частностямъ относительно этой поѣздки можно подозрѣвать, что онъ смѣшалъ свой вымыселъ съ слышанными имъ событіями о смерти 4-го хутухты, скончавшагося въ 1813 г., по дорогѣ изъ У-тай-шаня [2]). Эта смерть въ дорогѣ дала поводъ нашему ургинскому консулу Шишмареву сочинить чуть ни положенія о жизни хутухты̀; онъ разказываетъ, что, достигнувъ 20—23-хъ лѣтъ, «хутухта̀ долженъ принимать отъ дала̀й-ламы посвященія, для чего ѣздитъ въ Тибетъ (мы видѣли уже на сколько это справедливо), и, возвращаясь оттуда, умираетъ обыкновенно на дорогѣ» [3]). Но изъ всѣхъ ургинскихъ хутухтъ только именно одинъ четвертый умеръ въ дорогѣ, да еще первый въ Пекинѣ, всѣ же остальные преспокойно жили и умирали въ Ургѣ. Если немножко остановиться на этой теоріи Шишмарева, то окажется, что хутухты должны всегда умирать въ 20—25 лѣтъ; но мы думаемъ, что и самъ Шишмаревъ былъ введенъ въ это заблужденіе своими предшественниками. Извѣстный путешественникъ Ковалевскій, излагая свои свѣдѣнія объ ургинскомъ хутухтѣ, говоритъ: «не знаю, почему, но онъ (хутухта) то и дѣло здѣсь перерождается» [4]). И ни одному изъ этихъ писателей не пришло въ голову, что первый ургинскій хутухта родился еще въ 1635 году и что изъ числа семи умершихъ его хубилга̀новъ—шестого собственно нечего и считать (онъ умеръ пятилѣтнимъ малюткой отъ оспы); такимъ образомъ на долю 6 поколѣній приходится приблизительно

1) Waddel The Buddhism of Tibet. or Lamaism. p. 240.

2) Гюкъ, Воспоминаніе о путешествіи по Татаріи.

3) Шишмаревъ, Свѣдѣнія о Халхасскихъ владѣніяхъ, въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. кн. VII, стр. 74.

4) Ковалевскій, Путешествіе по Китаю, стр. 54.

230 лѣтъ, — срокъ не меньшій, чѣмъ назначается теперь для обычной смѣны человѣческихъ поколѣній. Но о хутухтѣ почему-то почиталось необходимымъ говорить что-либо необыкновенное. Пржевальскій, очевидно, наслушавшійся такихъ же мнѣній, сообщаетъ еще новое свѣдѣніе, что «ургинскіе хутухты подвергаются отравленію»; дѣлается же это якобы въ виду опасенія китайскаго правительства видѣть въ хутухтѣ самостоятельную личность [1]). Но время, когда китайцы могли опасаться какого-нибудь вліянія хутухтъ, давно уже миновало; объ этихъ опасеніяхъ можно догадываться развѣ читая лѣтописныя сказанія 1700-хъ годовъ и нѣтъ сомнѣнія, что только по старой памяти о тогдашнихъ обстоятельствахъ Вильямсъ, недавно утверждалъ намъ, будто Чжэбцзўнъ-дамба̀ пользуется такимъ неограниченнымъ вліяніемъ среди халхасовъ, что китайскіе чиновники только черезъ его посредство имѣютъ возможность управлять туземными монгольскими племенами [2]). Впрочемъ, если бы мы начали перечислять все, что, по незнанію истиннаго положенія дѣлъ, слагалось въ головѣ нашихъ досужихъ писателей о личности Чжэбцзўнъ-дамбы̀, то намъ пришлось бы представить объ этомъ чуть ни цѣлое разсужденіе; а потому мы почитаемъ за лучшее обратиться къ изложенію собственныхъ изслѣдованій, составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи точныхъ лѣтописныхъ и документальныхъ данныхъ. Къ этому мы присоединяемъ и нѣкоторыя легенды о Чжэбцзўнъ-дамбѣ, которыя если и не имѣютъ никакого историческаго значенія, то тѣмъ не менѣе представляютъ интересъ для характеристики современныхъ монгольскихъ вѣрованій о хутухтахъ вообще.

Перерожденія Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты, по вѣрованіямъ монгольскихъ ламаитовъ, начались еще со временъ Будды Са̀къямўни [3]) и съ той поры хубилга̀ны его появлялись на землѣ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Имя перваго возрожденія Лодо̀й-шинду̀-намда̀къ ( ). Онъ воплотился въ индійской Мага̀дѣ во времена будды Шигэмўнія и дѣйствовалъ въ числѣ 500 бодиса̀твъ, учениковъ Шигэмўнія.

Имя второго возрожденія — Барбѝ-цзобо̀ ( ). Онъ явился

1) Пржевальскій, Монголія и страна Тангутовъ, стр. 8.

2) Williams, The Middle Kingdom. London 1883 г.

3) Въ 1879 г., по возвращеніи изъ своего перваго путешествія по Монголіи, я напечаталъ небольшое изслѣдованіе о хубилганахъ Чжэбцзунъ-дамбы подъ заглавіемъ «Ургинскіе хутухты. Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта»; въ этой монографіи мною также были перечислены всѣ хубилганы хутухты; но тогда это было сдѣлано мною по крайне неудовлетворительному монгольскому списку и въ мой текстъ привзошло не мало ошибокъ и невѣрностей. Настоящій списокъ сдѣланъ мною по рукописи, хранящейся въ шанцзотбинскомъ ямунѣ и слѣдовательно долженствующей представлять собою оффиціальный документъ.

хубилга̀номъ въ Индіи во времена Наганчжу̀ны и былъ начальникомъ 500 пандѝдъ, учениковъ Наганчжу̀ны, въ монастырѣ Налѝндара.

Имя третьяго возрожденія — Накбо̀-чодба̀ (ནག་དབང་ཆོས་གྲགས). Онъ явился хубилга̀номъ въ Индійской провинціи Ро̀мбаша, во времена хана Хобацза̄да.

Имя четвертаго возрожденія — Ра̀тна-бакӯла (རཏྣ་ཕྱག་གླ). Онъ явился хубилга̀номъ въ индійской провинціи Цзаринта̀й, во времена Чала̄ндара-ламы.

Имя пятаго возрожденія—Рунсу̀мъ-чой-са̀нъ (རབ་གསུམ་ཆོས་སངས་). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи Цзанъ, во время Чжово̄-адиша̀ ламы.

Имя шестого возрожденія — Да̀рма-ванцу̀къ (དྷརྨ་ཀ་བཾཙུ་). Онъ явился хубилга̀номъвъ тибетской провинціи Бгингъ, во времена Дакбо̄-хлачѝ (ཤཀྱ་ཁྲག་ཅོ) ламы.

Имя седьмого возрожденія — Отсэ̀ръ-бал-чжі̀й (འཕགས་དཔལ་ཞི་). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи Цанъ-ни-цзанъ, во времена ламы Са̀къя Ба̄дакба-чжалца̀нъ.

Имя восьмого перерожденія — Борокда̀-чжалца̀нъ (ཨོད་ཀྱི་རྒྱལ་མཚན་). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи Хла-би-рай-цамъ, во времена Чжово̄-хла-цза̀нъ ламы.

Имя девятаго перерожденія — Сан-чжѝ-рай-чѝнъ (སྤྲུལ་བཅུད་རབ་བྱུང་). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи Цанъ-ни-цзанъ, во времена Бра̀й-ба-Гум-ба̀ цорчжѝ.

Имя десятаго возрожденія — Сэнгэ̀-пата̄ра (སྤྲུལ་ཕྱག་གླ). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи Хла-лунъ-ра-салъ, во времена Бода̀-ринбочэ̀ ламы.

Имя одиннадцатаго возрожденія — Дашѝ-балда̀нъ (བཀྲ་ཤིས་དཔལ་). Онъ явился хубилга̀номъ въ Тибетѣ, въ монастырѣ Самія̀, во времена Цзонхавы̀ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Цзамья̀нъ-цорчжѝ, ближайшаго ученика Цзонкавы̀. Онъ построилъ въ тибетскомъ Цзанѣ монастырь Балда̀нъ-Бра̀йбунъ.

Имя двѣнадцатаго перерожденія—Чой-гі̀й-нинъ-чжѝтъ (ཆོས་རྒྱལ་དབང་བོ་). Онъ явился хубилга̀номъ въ индійской Синга̀лѣ, во времена дала̀й ламы Гэду̀нъ-дуб'а.

Имя тринадцатаго перерожденія Гунга̀-долцо̀къ (ཀུན་དགའ་བསོད་). Онъ явился хубилга̀номъ въ тибетской провинціи На̄ри, во времена дала̀й-ламы Гэнду̀нъ-чжамцо̀.

Имя четырнадцатаго возрожденія — Качѝтъ-сачжо̀нъ (ཨ་ཙཱ་ཏི་སཱ་ཙི་). Онъ явился хубилга̀номъ въ Индіи, во времена ха̄на Барида̄ри.

Имя пятнадцатаго возрожденія Чжэбцзўнъ-даранàта-гунгà-нинбō (ᠵᠠᠪᠵᠤᠨ᠋ᠳᠠᠷᠠᠨᠠᠲᠠ ᠭᠦᠩᠭᠠ ᠨᠢᠮᠪᠤ ᠲᠦᠯᠭᠡᠭᠴᠢ). Онъ явился хубилгàномъ въ тибетской провинціи Варàнгъ, во времена Рашѝ-чжамцò ламы, въ годъ голубоватой свиньи (1573 г.). Онъ учился въ монастырѣ Чжо-нанъ и былъ современникомъ Лобсàнъ-чойчжѝ-чжалцàна. Тридцати лѣтъ отъ роду, въ годъ черноватаго зайца (1603), онъ принялъ отъ Цзамьянъ-гунгà-чжамцò обѣты гэлўна. Тридцати пяти лѣтъ, въ годъ желтой обезьяны (1608), составилъ шастру, подъ заглавіемъ Чжагàръ-чòй-чжунъ, объясняющую начало и первыя судьбы священнаго ученія въ Индіи. Сорока двухъ лѣтъ, въ годъ голубоватаго зайца (1615), обосновалъ въ тибетской провинціи Цзанъ монастырь, извѣстный подъ именемъ Дакдàнъ-пунцўкъ-линъ. Онъ ходилъ въ Монголію по приглашенію народа этой страны и основалъ здѣсь нѣсколько монастырей подъ покровительствомъ китайскаго богдохāна. Онъ умеръ въ Монголіи.

Вотъ всѣ перерожденія Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты до времени появленія хубилгàновъ его въ Халхѣ. На вопросъ мой къ ламамъ о томъ, какимъ образомъ Чжэбцзўнъ-дамбà отъ временъ будды Сàкъямўни до Ўндўръгэгэ̀на, т. е. въ періодъ, по ихъ вѣрованіямъ, 2596 лѣтъ, могъ возрождаться только 15 разъ и слѣдовательно въ каждомъ своемъ перерожденіи жить приблизительно 173 года, ламы отвѣчали мнѣ, что такой разсчетъ мой не вѣренъ, ибо хутухты жили, какъ и всѣ люди, одинъ 30, другой 80 и болѣе лѣтъ; но, до появленія хубилгàна Ўндўръ-гэгэ̀на, Чжэбцзўнъ-дамбà возрождался пятьнадцать разъ именно на землѣ, и эти перерожденія записаны въ человѣческихъ спискахъ; въ остальное время онъ возрождался въ различныхъ частяхъ вселенной, съ цѣлью благотворить, также какъ и людямъ, существамъ другихъ міровъ; эти перерожденія его неизвѣстны никому помимо самого гэгэ̀на, поэтому-то о нихъ и нѣтъ никакихъ сказаній. Что касается хубилгàновъ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты, возрождавшихся собственно въ Халхѣ, то о нихъ халхасы имѣютъ уже болѣе подробныя сказанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ.

Первый хубилгàнъ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты родился въ Халхѣ въ 1635 году, т. е. спустя ровно 50 лѣтъ послѣ провозглашенія ламаизма господствующею вѣрою въ сѣверныхъ областяхъ Монголіи и построенія Абатàй-хāномъ халхаскимъ перваго ламайскаго монастыря, Эрдэнѝ-цзў. Чудесныя знаменія и предсказанія объ этомъ рожденіи начались чуть ни съ перваго года принятія халхасами ламаизма. Преданіе говоритъ, что Абатàй-хāнъ, построивъ Эрдэнѝ-цзў, на второй же годъ по освященіи его отправился въ Тибетъ. Тамъ, при первой своей аудіенціи у далàй-ламы, онъ, ради распространенія «десяти бѣлыхъ» добродѣтелей, поднесъ этому вели-

кому ламѣ бѣлый серебряный мàндалъ, 100 бѣлыхъ хадакòвъ и 100 бѣлыхъ мериновъ; ради процвѣтанія въ Халхѣ «желтой» вѣры — желтый золотой мàндалъ, 100 желтыхъ хадакòвъ и 100 желто-буланыхъ мериновъ; сверхъ сего пожертвовалъ еще цѣлый табунъ въ 1000 разномастныхъ лошадей и множество разнаго рода драгоцѣнностей, камней, шелковыхъ матерій и пр. Далàй-лама преподалъ поэтому Абатàй-хāну посвященія различныхъ буддъ, а когда Абатàй попросилъ далàй-ламу пожаловать ему, ради утвержденія въ Халхѣ буддизма, одинъ изъ чудотворныхъ бурхàновъ и указать ему ламу, который могъ бы отправиться въ Халху и вести тамъ съ пользою проповѣдь буддизма, то далàй-лама предоставилъ Абатàю выбирать любого бурхàна и любого ламу, по желанію. Долго ходилъ Абатàй-хāнъ по кумирнямъ, смотря на бурхàновъ и ламъ, наконецъ онъ замѣтилъ, что покрышка у одного изъ кумировъ колышется, какъ будто отъ сильнаго біенія сердца; это былъ кумиръ Вàчжра-дàры, который и былъ взятъ Абатàемъ въ Халху. Отыскивая подходящаго ламу, онъ замѣтилъ также одного проповѣдника, сидѣвшаго чуть ни на послѣднемъ мѣстѣ, и предложилъ ему ѣхать съ собою въ Монголію. Лама отвѣчалъ: «въ настоящую пору я не могу ѣхать, а послѣ приду». Лама этотъ былъ, говорятъ, Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухтў въ своемъ 15-мъ перерожденіи; онъ лично и первый предначерталъ такимъ образомъ свое появленіе въ Халхѣ. При послѣдующихъ своихъ аудіенціяхъ Абатàй-хāнъ просилъ самого далàй-ламу пріѣхать въ Халху и совершить «великое освященіе» Эрдэнѝ-цзўскаго монастыря; но далàй-лама также отказался и послалъ вмѣсто себя Сиддитў-габчжў, хотя въ то же время онъ сказалъ Абатàю, что непремѣнно встрѣтится съ нимъ въ Халхѣ.

Миновало уже нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Абатàй-хāна изъ этой поѣздки въ Тибетъ. Однажды отправился онъ съ толпою своихъ приближенныхъ хя̄ (адъютантовъ) охотиться и вдругъ видитъ вдали, на ровной степи дымокъ. Хāнъ отправилъ своихъ прислужниковъ посмотрѣть, кто былъ этотъ путникъ, — охотникъ ли какой, сборщикъ ли подаяній на кумирни, или просто нищій? Возвратившіеся посланцы отвѣчали, что тамъ сидитъ и варитъ себѣ кашицу какой-то странный человѣкъ: онъ одѣтъ въ синій халатъ и слѣдовательно кажется свѣтскимъ, а съ другой стороны у нѣтъ косы и, судя по этому признаку, онъ какъ будто лама. Абатàй-хāнъ, припомнивъ данное имъ далàй-ламѣ обѣщаніе, въ виду незначительности въ Халхѣ ламъ, кланяться каждому хуварàку и подозрѣвая въ незнакомцѣ ламу, отправился къ нему. Подъѣхавъ къ страннику, Абатàй-хāнъ сдѣлалъ ему земной поклонъ, прислужники же его, видя въ сидящемъ какого-то замарашку, съ удивленіемъ говорили между собою: «какъ счастливъ этотъ

человѣкъ, что такой великій хāнъ ему кланяется»! Въ свою очередь и незнакомецъ, смотря на поклонъ хāна и неподвижныя позы другихъ, произнесъ: «какъ счастливъ этотъ хāнъ, отдавшій поклонъ въ ту пору, какъ всѣ другіе и не думаютъ кланяться». Далѣе, разговаривая съ хāномъ, этотъ странный человѣкъ, явившійся подъ видомъ сборщика подаяній на кумирню, сказалъ: «это мѣсто нашего свиданія будетъ въ высшей степени замѣчательно; поставь на немъ какой-нибудь знакъ»! Абатàй тотчасъ же приказалъ насыпать здѣсь обō, а урочище это назвалъ «Исӯнъ-цзӯйль». Угостивъ Абатàя своей кашицей, человѣкъ этотъ скрылся и тутъ только узнали, что это былъ далàй-ламà, исполнившій теперь свое обѣщаніе видѣться въ Халхѣ съ Абатàй-хāномъ.

Послѣ сего прошло почти полустолѣтіе. Однажды, уже внукъ Абатàя, тӯшѣтӯ-хāнъ Гомбò-дорчжѝ проѣзжалъ по тому же урочищу и вдругъ видитъ, что у вышепомянутаго обō сидитъ какой-то благообразный лама. «Что ты здѣсь дѣлаешь»? спросилъ хāнъ. «Я чествую жертвами эту мѣстность», отвѣчалъ лама и вдругъ сдѣлался невидимъ. Вслѣдъ засимъ по небосклону изо дня въ день протягивалась радуга, Гомбò-дорчжѝ хāнъ и его супруга постоянно видали знаменательные и благовѣщіе сны и наконецъ хāньша Хандӯ-чжамцò сдѣлалась беременной. Прослышавъ объ этомъ, гэгэнъ-цэцэнъ-хāнъ халхаскій отправилъ къ тӯшѣтӯ-хāну подарки и письмо съ такимъ содержаніемъ: «мнѣ постоянно приходитъ на мысль, что у тебя родится прекрасный сынъ, который будетъ руководить всѣхъ насъ, потомковъ Сутӯ-богдò Чингѝсъ-хāна; поэтому мнѣ хочется повидаться съ тобою и провести нѣсколько дней въ развлеченіяхъ и забавахъ». Вслѣдъ за этимъ письмомъ цэцэнъ-хāнъ дѣйствительно пріѣхалъ къ тӯшѣтӯ-хāну и, пропировавъ у него нѣкоторое время, воротился домой. Это была прекрасная пора, когда не было ни жаровъ, ни засухи, ни эпидемій, ни болѣзней; дождей и воды было въ изобиліи, лѣса и степи пестрѣли цвѣтами, масса птицъ заливалась новыми прекрасными пѣснями; всѣ видали благовѣщіе сны, особливо же хāну и хāньшѣ то и дѣло снились бурхàны, слышались слова священныхъ писаній, а радуга ниспускалась надъ ними такъ низко, что, казалось, ее можно схватить рукою. Цэцэнъ-хāнъ, возвратившись въ свои кочевья, собралъ своихъ мастеровъ и заказалъ имъ сдѣлать дѣтскую люльку, украшенную драгоцѣнностями и опоясанную тремя желѣзными обручами, а когда она была готова, отправилъ ее къ тӯшѣтӯ-хāну. Между тѣмъ срокъ разрѣшенія отъ бремени хāньши приближался. Гомбò-дорчжѝ предположилъ поэтому пораньше перекочевать на зимники и отправился посмотрѣть мѣсто, гдѣ можно поставить ему свою юрту. Ѣдучи по степи, онъ прибылъ въ урочище Исӯнъ-цзӯйль къ тому мѣсту, которое было отмѣчено предсказа-

ніемъ далàй-ламы и увидалъ, что здѣсь, вблизи извѣстнаго намъ обо, ощенилась бѣлая сука. Обстоятельство это было принято имъ за добрый знакъ и здѣсь-то именно приказалъ онъ обосновать на этотъ годъ свое зимнее кочевье. Былъ уже 9-й мѣсяцъ года, рѣки покрылись льдомъ и повсюду лежалъ глубокій снѣгъ; и чудо, — едва поставили хāнскую юрту, какъ посреди ея становища выросъ и совершенно расцвѣлъ бѣлый цвѣтокъ. Наступило 25 число 9 луны года голубоватой свиньи (1635). Раннимъ утромъ этого дня совершилась новая необычайность. Хāньша почувствовала боли родовъ и въ то же время изъ грудей ея молоденькой, 16-ти лѣтней прислужницы показалось молоко. Дѣвушка плакала отъ стыда и только хāньша Хандӳчжамцò утѣшила ее, объяснивъ, что когда у хāньши родятся дѣти, то такъ и слѣдуетъ, чтобы у любимой ея прислужницы показалось молоко. Нѣсколько спустя, тѣмъ же утромъ, хāньша родила сына, но молоко у ней не пришло; поэтому на общемъ совѣтѣ рѣшено было омыть аршāномъ (освященною водою) груди вышепомянутой 16-ти лѣтней дѣвушки и сдѣлать ее кормилицею малютки. Ребенка положили въ люльку, присланную цэцэнъ-хāномъ и особыя прислужницы сторожили его и день, и ночь. По веснѣ къ тӳшēтӳ-хāну прибылъ снова цэцэнъ-хāнъ. Однажды, сидя въ юртѣ, держалъ онъ на рукахъ малютку, какъ вдругъ явились три ацзàра (обитатели Индіи). Ребенокъ, очевидно, признавъ этихъ людей (онъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ этими индійцами въ одномъ изъ прежнихъ перерожденій), какъ будто началъ говорить съ ними и потянулся къ нимъ такъ, что цэцэнъ-хāнъ еле могъ сдержать его на колѣнахъ. Послѣ сего ацзàры вдругъ сдѣлались невидимы, а цэцэнъ-хāнъ объявилъ, что такое необычайное явленіе, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что ребенокъ будетъ здоровъ и по времени сдѣлается великимъ и спасительнымъ для всѣхъ ламою; по таковымъ причинамъ заблагоразсудилъ онъ, гэгэнъ-цэцэнъ-хāнъ, поднести этому малюткѣ свой титулъ «гэгэна» съ тѣмъ, чтобы этотъ будущій малютка-лама назывался гэгэномъ, а онъ, хāнъ, именовался бы уже просто «цэцэнъ-хāномъ». Возвратившись домой, цэцэнъ-хāнъ отправилъ отъ себя одного знатока примѣтъ, который, посмотрѣвъ на малютку, доложилъ цэцэнъ-хāну, что «новорожденный сынъ тӳшēтӳ-хāна, по истинѣ ненаглядный ребенокъ: удлиненность угловъ его глазъ и необычайная правильность въ строеніи зрачка и бѣлка свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ можетъ созерцать всѣ десять странъ свѣта, въ тѣлѣ же его совмѣстились всѣ признаки буддъ, а потому можно считать за несомнѣнное, что онъ дѣйствительный будда». По третьему году [1]) ребенокъ началъ говорить и первыми словами его были: «Ая-ла-ма-

1) Принимаю здѣсь монгольское лѣтосчисленіе, по которому возрастъ человѣка считается съ момента его зачатія; по нашему счету гэгэну тогда не было еще и двухъ лѣтъ.

дуй-сум-сан-чжій-ди-чой-чжи-кор-ло-барду-ла-на-мэдъ», т. е. тибетскій текстъ употребительной ламайской молитвы. Черезъ нѣсколько времени онъ, совершенно не учившись, началъ ежедневно читать молитвы, произносимыя при двухъ жертвоприношеніяхъ «Нама̀-сангадѝ». По общему обычаю, около хāнскаго сына собрано было много дѣтей, съ которыми онъ могъ бы забавляться; но игры этого удивительнаго ребенка состояли лишь въ томъ, чтобы строить кумирни, служить хура̀лы, изображать великихъ ламъ и бурха̀новъ, приносить жертвы буддамъ и проч. Было ясно, что ребенокъ какъ бы самою судьбою предназначался въ ламы и, не нарушая ея очевидныхъ предначертаній, Гòмбо-дорчжѝ рѣшилъ посвятить своего сына на служеніе буддѣ. Въ годъ желтаго барса (1638), когда ребенку еще не исполнилось и четырехъ лѣтъ, лама̀ Чжамбалѝнъ преподалъ ему обѣты и посвященіе въ гэнэ̀ны, при чемъ ему было дано первое монашеское имя Цзана-бацза̀ръ. Въ слѣдующемъ году желтоватаго зайца (1639), другой лама, Вансу̀-бӯрлигӯ, преподалъ ему уже посвященіе въ первую монашескую степень, рабчжӯна, и новое имя его было Лобса̀нъ-ванбò-чжалца̀нъ (ཀློང་ཆེན་ དཔལ་བཟང་). Вмѣстѣ съ симъ малютку рѣшено было сдѣлать настоятелемъ монастыря, построеннаго на Цага̀нъ-нӯрѣ. Тотъ же лама Вансу̀-бӯрлигӯ преподалъ ему «камбо̄йнъ-чжина̀нъ» (настоятельскіе наказъ и посвященіе) и возвелъ его на каѳедру (ширэ̄), провозгласивъ его камбо̄-ламою, съ титуломъ сума̀ти-сакья̀-до̄цза, т. е. «держащій сакъя̀ское знамя великаго ума». Это было чрезвычайнымъ торжествомъ для халхасовъ. Новому настоятелю приносили жертвы: каждый изъ халхаскихъ князей поднесъ ему въ подарокъ по нѣскольку десятковъ юртъ изъ числа своихъ податныхъ людей и это послужило началомъ къ образованію въ Халхѣ новаго вѣдомства шабина̀ровъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты; весь народъ призналъ за нимъ переданный ему цэцэ̀нъ-хāномъ титулъ «гэгэ̀на», а въ особое и видимое отличіе этого званія поднесъ ему богатую юрту, опоясанную желтымъ поясомъ. Самое озеро Цага̀нъ-нӯръ, близъ котораго совершалось это торжество, было теперь до нѣкоторой степени переименовано и названо Ширэ̄тӯ-цага̀нъ-нӯромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое провозглашеніе гэгэ̀номъ и возведеніе на настоятельскую каѳедру четырехлѣтняго малютки имѣло своимъ основаніемъ единственно высокое происхожденіе ребенка отъ старѣйшаго изъ халхаскихъ хāновъ; халхаскіе ламы, исповѣдывавшіе ламаизмъ по сектѣ сакъя̀, могли назвать его какъ своего верховнаго настоятеля «держащимъ сакъя̀ское знамя», но никто изъ халхасовъ даже не думалъ видѣть въ Лобса̀нъ-ванбò-чжалца̀нѣ какого либо хубилга̀на. Судя по полному молчанію лѣтописей и преданій о первыхъ годахъ его жизни, надо думать, что дѣтство и отрочество гэгэ̀на равнымъ образомъ не имѣли ничего

выдающагося: ребенокъ, вѣроятно, жилъ въ холѣ и въ почетѣ, учился у своихъ лучшихъ и старѣйшихъ ламъ, да по временамъ ѣздилъ изъ монастыря на побывку къ своимъ родителямъ. Единственнымъ выдающимся дѣломъ гэгэ̀на было за эту пору обоснованіе славнаго доселѣ въ Халхѣ монастыря, Барӯнъ-хӯрѣ. Событіе это записывается въ лѣтописяхъ подъ годомъ «красноватой свиньи» (1647), когда гэгэ̀ну было слѣдовательно только 12 лѣтъ; тѣмъ не менѣе, по преданію, онъ участвовалъ въ освященіи этой обители и тогда же пожаловалъ ей имя Бра̀йбунъ-гэчжѝ-га̀данъ-шат-дублѝнъ. Признаніе за Лобса̀нъ-ванбо̀-чжалца̀номъ необычайнаго происхожденія и объявленіе его хубилга̀номъ Дараната̀ы совершилось только черезъ три года послѣ этого событія и чтобы вполнѣ понять истинныя причины и значеніе этого обстоятельства, намъ необходимо нѣсколько отклониться къ разсмотрѣнію тогдашняго положенія дѣлъ на самой родинѣ ламаизма, — въ Тибетѣ.

Буддійскіе іерархи въ Тибетѣ начали получать политическое значеніе въ этой странѣ, кажется, не ранѣе второй половины XIII вѣка, когда монголо-китайскій богдохāнъ, Хубила̀й, впервые провозгласилъ сакъя̀скаго Пакба̀-ламу владыкою Тибета. Получивъ духовное главенство и овладѣвъ до извѣстной степени даже свѣтской властью надъ всѣмъ Тибетомъ, лама̀ этотъ обосновалъ въ своей сектѣ довольно сложную іерархію, чтобы, при посредствѣ ея, удобнѣе, съ одной стороны, возвысить свою секту сакъя̀, а съ другой — подавить соперничествовавшія съ нею другія секты, съ которыми преемники Пакба̀-ламы вступили уже въ открытую борьбу. Извѣстно, напримѣръ, что сакъя̀сцы въ 1320 году сожгли большой монастырь Дикунъ, принадлежавшій сектѣ гар-чжуд-ба. Въ противовѣсъ показаннымъ стремленіямъ сакъя̀сцевъ эти другія секты тибетскаго буддизма, въ свою очередь, образуютъ соперничествующія между собою іерархіи, при чемъ всѣ они сходятся въ единомъ желаніи — отнять власть надъ народомъ изъ рукъ мелкихъ владѣтелей, между которыми былъ раздѣленъ тогда Тибетъ. Въ 1417 г. Цзонхава обосновываетъ новую секту, гэ-луг-ба, развившую у себя іерархическій строй, несомнѣнно, сильнѣйшій всѣхъ прочихъ, который начинаетъ стремиться распространить свою власть уже не на мелкіе удѣлы, а на весь Тибетъ. Въ 1640 году пятому великому ламѣ новооснованной секты, Нава̀ну,и его духовному отцу Лобса̀нъ-чойчжѝ-чжалца̀ну удалось убѣдить о̄лётскаго Гӯши-ха̄на овладѣть Тибетомъ и поднести эту страну, вмѣстѣ съ титуломъ дала̀й-ламы, Нава̀ну. Съ этой поры Нава̀нъ дѣлается не только духовнымъ, но, по началу хотя бы только номинальнымъ, свѣтскимъ владыкою всего Тибета. Чтобы упрочить за собою эту послѣднюю власть онъ объявляетъ себя воплощеніемъ бодиса̀твы Авалокитэ̀швары, возводитъ въ ту же

степень предшествовавшихъ ему четырехъ великихъ ламъ и приказываетъ составить сочиненіе «Мани-гамбумъ», которое разсматриваетъ воплощенія Авалокитэшвары, начиная отъ тибетскаго Сронцзанъ-гамбо-хана. Это была прекрасная идея съ цѣлью показать духовную непрерывность царствующей въ Тибетѣ власти, обезпечить вѣрность народа новому представителю этой власти, — далай-ламѣ, и оправдать сего послѣдняго въ присвоеніи себѣ правъ свѣтскаго правителя. Труднѣе всего было при этомъ бороться Навану съ своими же собратьями по дѣятельности, т. е. съ ламами другихъ сектъ; но мало-по-малу всѣ они принуждены были признать великаго хласса'скаго ламу главою ламайской церкви и тибетскаго народа. Мы имѣемъ далѣе основаніе предполагать, что болѣе другихъ соперничествовала съ далай-ламою секта сакъясцевъ, не могшая забыть своего прежняго владычества въ Тибетѣ. Подчиненіе ея совершалось Наваномъ исподоволь, такимъ образомъ, что послѣ смерти каждаго сакъяскаго ламы Наванъ насильно вводилъ въ управлявшемся умершимъ ламою монастырѣ учрежденія секты гэ-лугъ-ба. Такъ поступилъ онъ и по смерти Даранаты, принадлежавшаго къ джонанской школѣ сакъяской секты, обративъ построенный Даранатою монастырь, Дакданъ-Пунцукъ-линъ, къ галданскому толку. Конечно, подобное обращеніе совершалось не безъ борьбы; тѣмъ не менѣе сакъясцы невольно должны были уступать возвышавшейся власти, особливо послѣ того какъ значеніе ея было признано и поддержано могущественными маньчжуро-китайскими богдоханами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда получившіе ламаизмъ изъ Тибета халхасы надумали познакомить своего гэгэна съ колыбелью исповѣдуемой ими, хотя и не особенно еще окрѣпшей у нихъ вѣры. Осенью 6-го года правленія Шунь-чжи, въ лѣто желтоватой коровы (1649 г.), гэгэнъ выѣхалъ въ Тибетъ. Караванъ его, по обычаю, зимовалъ въ Гумбумѣ, а по веснѣ слѣдующаго 1650 г. прибылъ въ страну Вѣчнаго Цзу. Первый визитъ гэгэна былъ въ Дашй-хлумбо, къ славному настоятелю этого монастыря, Лобсанъ-чойчжй-чжалцану, впослѣдствіи провозглашенному Наваномъ, первымъ баньчэнь-эрдэні'емъ. Этому Лобсанъ-чойчжй-чжалцану гэгэнъ поднесъ массу подарковъ, принялъ отъ него обѣты гэцуля и прослушалъ нѣсколько соединенныхъ съ посвященіями наставленій, главнѣйшимъ изъ которыхъ было «Ямандагайнъ-ванъ». Отсюда халхаскій гэгэнъ отправился въ Будалу, къ далай-ламѣ, Наванъ-лобсанъ-чжамцо; этотъ, получивъ еще большіе дары, преподалъ гэгэну Вачйръ-дара-эркэйнъ-ванъ и засимъ началъ ему истолковывать множество разнаго рода глубокомысленныхъ теорій. Въ такихъ занятіяхъ гэгэнъ прожилъ въ Будалѣ болѣе полугода и нѣтъ ничего удивительнаго, если далай-ламѣ за это время пришло на мысль

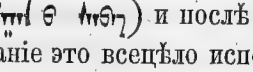
воспользоваться его личностью ради собственнаго возвышенія. Навàнъ, несомнѣнно, видѣлъ въ молодомъ халхаскомъ ламѣ своего покорнаго ученика и рѣшилъ провозгласить его хубилгàномъ Дарана̀ты. Рѣшительно все благопріятствовало и вынуждало его къ выполненію этого плана. Сакъя̀сцы искали въ ту пору хубилга̀на Дарана̀ты, который долженъ былъ возродиться, конечно, среди исповѣдниковъ той же секты сакъя̀, тѣмъ не менѣе онъ не былъ еще найденъ. Такъ какъ первый халхаскій монастырь Эрдэнѝ-цзӯ былъ освященъ сакъя̀скими ламами, которые засимъ строили также другіе монастыри и разошлись по всей Халхѣ, то Халха̀ естественно считалась исповѣдующею буддизмъ по сектѣ сакъя̀; мало того, гэгэ̀нъ еще въ Халхѣ былъ провозглашенъ титуломъ «сума̀ти-сакъя̀-до̄цза», т. е. «держащимъ сакъя̀ское знамя великаго ума». Его принадлежность по происхожденію къ ха̄нскому роду, уже поставившая его главою всей ламайской церкви въ Халхѣ, все это должно было привлекать къ гэгэ̀ну и сакъя̀сцевъ, которымъ было лестно возрожденіе ихъ ламы въ такую важную особу и наконецъ самого дала̀й-ламу, который небезосновательно долженъ былъ предполагать, что обязанный своимъ возвышеніемъ гэ-лугъ-ба'сцамъ, гэгэ̀нъ реформируетъ и халхаскую церковь по сектѣ гэ-лугъ-ба, съ признаніемъ надъ собою главенства дала̀й-ламы. Въ такихъ-то видахъ дала̀й-лама̀ провозгласилъ Лубса̀нъ-ванбо̀-чжалца̀на хубилга̀номъ Дарана̀ты, пожаловалъ ему титулъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты, а въ видимое отличіе его высокаго званія далъ ему право употреблять при своихъ выходахъ желтый шелковый зонтъ, устроиваемый на подобіе балдахина. Получивъ новое званіе хубилга̀на, гэгэ̀нъ отправился по тибетскимъ монастырямъ, повсюду принося жертвы и дѣлая вклады; съ другой стороны, посѣщая монастыри, которые, по общему вѣрованію, были основаны имъ же самимъ въ прежнихъ перерожденіяхъ, онъ забиралъ изъ нихъ драгоцѣнности и святыни для своихъ новопросвѣщенныхъ ламаитовъ-халха̀совъ. Такъ, въ эту поѣздку онъ взялъ для Халхи изъ Дандакъ-пунцу̀къ-лина драгоцѣнное сочиненіе Чжа̀т-дамба̀, написанное золотомъ на листьяхъ сандальнаго дерева; а изъ числа другихъ драгоцѣнностей указываютъ еще на кумиры Ма̀йдари, Логишѝри, Дара̀-эхэ̀ и др. Весьма вѣроятно, что увлеченный этою поѣздкою по тибетскимъ монастырямъ, гэгэ̀нъ, возвратившись въ Дашѝ-хлумбо̀, обратился съ просьбою къ баньчэ̀нь-эрдэнѝ и дала̀й-ламѣ разрѣшить ему остаться въ Тибетѣ для усовершенствованія своихъ религіозныхъ знаній; но оба великихъ ламы одинаково отвѣчали ему, что будетъ гораздо больше блага для одушевленныхъ существъ, если, возвратившись въ Халху, онъ устроитъ тамъ ламайскія общины, воздвигнетъ монастыри и кумирни, и будетъ содѣйствовать расширенію круга ламайскихъ службъ и молитвосло-

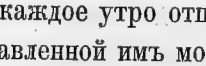
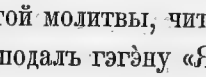
вій. Преподавъ ему засимъ основныя теоріи секты гэ-лугъ-ба, далàй-ламà, въ видахъ содѣйствія реформамъ хутухты, посовѣтовалъ ему взять съ собою по 50 человѣкъ тангутскихъ ламъ, съ званіями бакшѝ, шанцзотбà, гэбкўй, сòйбунъ, а равно разнаго рода художниковъ, живописцевъ и проч.; всего, по преданію, отправилось изъ Тибета въ ту пору съ хутухтою свыше 600 тибетскихъ ламъ. Возвратившись въ Халху въ 1651 году, гэгэ̀нъ прежде всего принялся здѣсь за сооруженіе кумировъ и построеніе монастырей, при чемъ своими руками исполнилъ кумиры Вàчжра-дàры и Табўнъ-ицзагўрту. Замѣчательно полное отсутствіе свидѣтельствъ о томъ, чтобы гэгэ̀нъ, сдѣлавшись поклонникомъ далàй-ламы и почитателемъ гэлугъ-ба'сцевъ, насиловалъ бы принятые до того времени въ Халхѣ обряды и теоріи секты сакъя̀сцевъ. По всей вѣроятности, сопровождавшіе гэгэ̀на гэ-лугъ-ба'скіе ламы, видя незначительность развитія богословскихъ знаній въ Халхѣ, рѣшили, что халхасы могутъ быть обращены безъ всякой борьбы, что нужно только вести свое дѣло неуклонно, вводить всякія новшества исподоволь, а засимъ народъ этотъ даже и не замѣтитъ своего перехода изъ одной секты въ другую. Все, что сдѣлали эти тибетскіе ламы съ перваго раза, ограничилось лишь недопущеніемъ гэгэ̀на жить ни въ одномъ изъ старыхъ сакъя̀скихъ монастырей и для своей резиденціи они убѣдили Чжэбцзўнъ-дамбў, немедленно же по возвращеніи, обосновать новый монастырь: «Рибо д'Гэр-Гьясъ-линъ (Рибо-гэчжій-линъ). Въ этомъ монастырѣ, извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Урги, гэгэ̀нъ, по примѣру древняго Цзамья̀нъцорчжѝ, раздѣлившаго воздвигнутый имъ Бра̀йбунъ на семь частей, также точно устроилъ семь а̀ймаковъ, а именно: Амдўна̀ръ, Чжиса̀, Сангà̀й, Цзогà̀й, Хўхэнъ-ноя̀нъ, Дархà̀нъ-эмчѝ и Ўрлю̄дскій. Черезъ годъ послѣ сего, въ 1653 г. халхаскіе ноѝны задумали чествовать гэгэ̀на жертвоприношеніями въ своемъ первомъ монастырѣ Эрдэнѝ-цзў; гэгэ̀нъ опять-таки не сталъ жить и въ Эрдэнѝ-цзў, а убѣдилъ князей построить для него особый небольшой монастырекъ, при горѣ Шибэ̀тў-ўла, который и получилъ названіе Гэгэ̀нэй-бўтўгэ̀л'унъ-сўмэ̀. Устроивъ до извѣстной степени эти два мѣста своей резиденціи, гэгэ̀нъ въ слѣдующемъ за симъ году, въ лѣто синей лошади (1654), началъ постройкою новый монастырь на южной сторонѣ Гэнтэ̀я; этотъ монастырь также точно, какъ и всѣ послѣдующіе, воздвигаемые гэгэ̀номъ монастыри, всецѣло принадлежалъ опять таки къ гэ-лўгъба'скому толку.

Какъ политическій дѣятель гэгэ̀нъ, вѣроятно, въ силу своего малолѣтства, до сей поры не выступалъ еще ни разу и только въ 1655 году мы находимъ первое лѣтописное сказаніе о томъ, что онъ отправляетъ къ богдохà̄ну свое посольство, представляетъ ему подарки въ

видѣ литыхъ и рисованныхъ изображеній бурха̀новъ, за что и удостоивается лестныхъ похвалъ; но указаній на то, чтобы Шунь-чжѝ какимъ-либо образомъ признавалъ тогда главенство гэгэ̀на, или намѣревался сдѣлать его орудіемъ для своего воздѣйствія на монголовъ, не имѣется ровно никакихъ. Гэгэ̀нъ оставался главою ламаизма въ Халхѣ лишь по понятію халхаскихъ ламъ, которые, впрочемъ, не пренебрегали никакими средствами для возвышенія его значенія въ народѣ. Къ этой порѣ относится самое большее число легендъ о чудесахъ, совершенныхъ первымъ халхаскимъ хубилга̀номъ Чжэ̀бцзўнъ-дамба̀-хутухты, или, какъ называютъ его халхасы, «Ўндур̆ъ-гэгэ̀номъ». Разказываютъ, напримѣръ, что глубокою осенью этого 1655 года, гэгэ̀нъ, проводя время въ религіозныхъ упражненіяхъ при горѣ Шибэ̀тўула, вдругъ рѣшилъ отправиться, въ сопровожденіи шести своихъ приближенныхъ ламъ, въ Тибетъ. Всѣ семеро осѣдлали своихъ лошадей и прибыли въ Дашѝ-хлумбо̀ на 7-я сутки. Какъ совершился этотъ необычайный переѣздъ, опредѣлить, впрочемъ, трудно, ибо изъ удостоившихся видѣть его однимъ казалось, будто ѣдетъ семь всадниковъ, а другимъ — будто летитъ семь турпановъ. Въ дорогѣ гэгэ̀на, конечно, охраняли могущественные чо̀й чжоны (геніи-хранители), тѣмъ не менѣе путь не обошелся безъ приключеній. На ночлегѣ въ урочищѣ Таря̀-хулусўнъ у путниковъ украли всѣхъ лошадей. Поутру встали и когда приблизилось уже время ѣхать, доложили гэгэ̀ну о пропажѣ. «Меня охраняетъ масса чо̀й чжоновъ, но что же дѣлалъ Чжамсара̀нъ?!» вскричалъ раздосадованный гэгэ̀нъ и засимъ приказалъ своимъ прислужникамъ идти на розыски въ восточную сторону. Въ то же мгновеніе именно съ востока поднялось и начало приближаться облако пыли. Это скакало семь гэгэ̀новскихъ лошадей, къ хвостамъ двухъ изъ которыхъ были привязаны за косы два вора. Гэгэ̀нъ похвалилъ Чжамсара̀на за исправную доставку пропажи и продолжалъ путь свой дальше.

Въ ту же поѣздку гэгэ̀на одинъ монголъ са̀инъ-нойновскаго-а̀ймака, сторожа своихъ пасшихся овецъ, увидалъ семь летящихъ по поднебесью въ направленіи на юго-западъ турпановъ. Зная, что эти птицы бываютъ въ Халхѣ только въ лѣтнюю пору, монголъ сообразилъ, что теперь, въ глубокую осень, могутъ летѣть подъ видомъ этихъ птицъ только или будды, или бодиса̀твы. Тотчасъ же пригналъ онъ домой своихъ овецъ и говоритъ женѣ: «Шествуютъ будды; свари поскорѣе мяса, да приготовь донбо̀ чаю, я пойду угостить ихъ». Монголка состряпала чай и кушанье, а мужъ ея, забравъ это угощеніе, направился на юго-западъ, куда полетѣли птицы. Уже стемнѣло, когда увидалъ онъ, что на открытой и ровной степи сидятъ семеро незнакомыхъ ему лицъ. Подошедши къ нимъ, онъ разказалъ имъ свое видѣніе, догадку и рѣшеніе угостить буддъ, а засимъ заключилъ этотъ разказъ

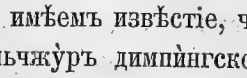
словами, что такъ какъ число сидящихъ путниковъ совпадаетъ, съ числомъ летѣвшихъ птицъ, то онъ и подноситъ имъ свое угощеніе. Путники приняли принесенную имъ пищу, а гэгэнъ (это былъ онъ съ своими ламами) далъ радушному монголу въ отвѣтный подарокъ горсть муки и сказалъ: «положи это въ свою жертвенную чашку, употребляемую при призываніяхъ счастія () и послѣ того ты во вѣки вѣковъ будешь богатымъ». Предсказаніе это всецѣло исполнилось и потомки этого сàйнъ-нойновца доселѣ живутъ богачами.

Прибывъ въ Тибетъ, гэгэнъ прежде всего направился въ Дашѝ-хлумбò, чтобы видѣть баньчэнь-эрдэнѝ, но оказалось, что Лобсàнъ-чойчжѝ-чжалцàнъ за три дня передъ этимъ умеръ. Получивъ эту вѣсть, гэгэнъ въ страшной печали воскликнулъ: «ахъ я несчастный! Зная, что мой учитель, Вàчжрадàра, находится въ преклонныхъ лѣтахъ, я нарошно торопился, чтобы поклониться ему и восполнить тѣ наставленія, которыхъ не успѣлъ получить прежде изъ его духовной сокровищницы». Съ этими словами онъ отправился принести мàндалъ передъ останками почившаго. И чудо! Подноситъ гэгэнъ первый мàндалъ, въ чертахъ лица умершаго происходитъ перемѣна, — онѣ какъ-бы оживаютъ; подноситъ второй мàндалъ, — покойникъ начинаетъ шевелиться; подноситъ третій мàндалъ, — мертвецъ началъ говорить. «Я не долженъ былъ возвращаться, сказалъ онъ, но разъ стало мнѣ извѣстно, что ты пришелъ изъ дальней стороны и такъ сильно убиваешься, я рѣшилъ вернуться назадъ». Вслѣдъ засимъ онъ тотчасъ же началъ свою широковѣщательную проповѣдь передъ хутухтою. Нѣтъ нужды говорить объ общемъ удивленіи и радости, съ которыми смотрѣли тибетцы и на своего воскресшаго баньчэнь-ринбочэ и на воскресившаго его хутухту. Необычайная быстрота движенія, при которой гэгэнъ доѣхалъ изъ Урги въ Дашѝ-хлумбò въ семеро сутокъ, была не менѣе поразительна и въ объясненіе ея гэгэнъ доложилъ баньчэню, что къ совершенію такого чуда его, несомнѣнно, привело то, что во весь свой путь онъ каждое утро отправлялъ жертвоприношеніе, при произнесеніи особой составленной имъ молитвы  . Баньчэнь похвалилъ религіозную ревность гэгэна и сказалъ ему, чтобы на возвратномъ пути онъ, помимо этой молитвы, читалъ бы еще  . Послѣ сего онъ преподалъ гэгэну «Ямандагàйнъ-вāнъ и множество другихъ поученій, наставленій, посвященій и проч. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ баньчэнь спросилъ гэгэна: многіе ли изъ халхàсовъ получаютъ высшее перерожденіе? Гэгэнъ отвѣчалъ, что въ Халхѣ также мало людей, перерождающихся въ высшихъ областяхъ вселенной, какъ мало и ниспадающихъ въ злополучныя царства животныхъ, бирѝтовъ и ада; большая же часть

халхàсовъ, умирая, получаетъ снова возрожденіе въ человѣка. Баньчэнь приказалъ тогда гэгэну научить халхàсовъ читать молитву [illegible], а современные ламы по этому поводу утверждаютъ, что именно благодаря этой молитвѣ буддизмъ процвѣлъ въ Халхѣ до такой степени, что халхасы получаютъ теперь не только при жизни посвященіе въ бодисàтвъ, но и по смерти возрожденіе дѣйствительными бодисàтвами. Преданіе разказываетъ, что Баньчэнь-эрдэни, послѣ этого своего воскресенія, жилъ еще 20 лѣтъ и скончался уже 120 лѣтнимъ старцемъ [1]). Что касается гэгэна, то, распростившись съ баньчэнемъ, онъ отправился къ Далàй-ламѣ, отъ котораго также получилъ и наставленія, и посвященія и, наконецъ, разрѣшеніе посѣтить, по желанію, любые изъ тибетскихъ монастырей. Объ этихъ посѣщеніяхъ у халхасовъ также точно хранится не мало преданій, вродѣ, напримѣръ, легенды о пріобрѣтеніи мàнцзы ургинскаго цокчèна (см. стр. 85) и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что подобные разказы ламъ въ свою пору имѣли громадное вліяніе на умы суевѣрныхъ монголовъ и потому мы съ охотою вѣримъ біографіи Ўндўръ-гэгэна, которая говоритъ, что, слушая объ обстоятельствахъ этой поѣздки своего хутухты въ Тибетъ, халхасы стали несравненно больше чѣмъ прежде благоговѣть передъ хутухтою и молиться ему.

Возвращеніе Ўндўръ-гэгэна изъ Тибета совершилось уже безъ чудесъ позднею осенью 1656 г., а весною слѣдующаго 1657 года халхàсы опредѣлили привѣтствовать его возвращеніе. Князья и массы народа собрались въ Эрдэни-цзў, куда прибылъ и гэгэнъ. Здѣсь халхасы прежде всего поднесли гэгэну даньшúкъ ([illegible]) и отправили великое молебствіе о благоденствіи и долголѣтіи хутухты; засимъ гэгэнъ совершилъ церемонію круговращенія Мàйдари, во всемъ послѣдуя дашú-хлумбòскимъ обрядамъ; наконецъ предъ лицемъ всего народа, т. е. какъ ламъ, такъ и простолюдиновъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разъяснялъ сообщенное ученіе, въ чемъ помогали ему также и прибывшіе съ нимъ отъ Далàй-ламы тибетскіе ламы. Этими церемоніями и проповѣдями въ средѣ халхасовъ, съ одной стороны, укрѣплялось ученіе гэ-лугъ-ба'ской секты, а съ другой — поднималось значеніе Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты, являвшагося окруженнымъ недосягаемымъ для свѣтскаго человѣка ореоломъ внутренняго и внѣшняго величія. Могущество гэгэна въ Восточной Халхѣ достигло теперь крайнихъ предѣловъ, въ него вѣровали и къ нему обращались съ самыми необычайными

1) Это замѣчаніе преданія лучше всего разрушаетъ всю эту фабулу. Извѣстно, что Лобсàнъ-чойчжú-чжалцàнъ умеръ 93-хъ лѣтъ въ 1662 году; слѣдовательно разказы о его смерти въ 1655 г. также баснословны, какъ и отнесеніе его смерти къ 1675 году, т. е. на 20 лѣтъ позже.

просьбами. Сынъ тӯшѣтӯ-хāна и племянникъ хутухты, князь Галдàнъ-дорчжѝ, изъ года въ годъ пріѣзжалъ, напримѣръ, къ Ӱндӯръ-гэгэ̀ну и все просилъ у него разрѣшить неплодство его жены и послать ему сына. Гэгэ̀нъ нѣсколько разъ говорилъ Галдàну «подожди», а наконецъ и объявилъ, что сынъ у него будетъ. При этомъ онъ разказалъ слѣдующее. «Я зналъ, что тебѣ нуженъ будетъ сынъ; поэтому, когда отправился я чудеснымъ образомъ въ Тибетъ, то посѣтилъ тамъ гору отшельниковъ и въ нѣкоей пещерѣ отыскалъ ламу, по имени Артасѝдда, перерожденца Вàчжра-пàни. Я сказалъ ему, что у насъ одному князю нуженъ сынъ и я прошу его объ этомъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда онъ окончитъ созерцаніе, то готовъ возродиться у этого князя. Въ доказательство справедливости, я потребовалъ отъ него росписку, которую теперь и представляю тебѣ. Нынѣ лама этотъ умеръ и духъ его долженъ воплотиться въ утробѣ твоей жены. Вскорѣ жена Галдàнъ-дорчжѝ дѣйствительно забеременѣла и родила сына, бывшаго впослѣдствіи славнымъ халхàскимъ княземъ, съ титуломъ, дархàнъ-цинь-вàна. Въ 1659 г. было новое собраніе монгольскихъ хутӯхтъ, нойновъ и простолюдиновъ, явившихся изъ всѣхъ семи халхаскихъ хошӯновъ, въ монастырь при озерѣ Ӱлцзэйтӯ-цагàнъ-нӯръ. Всѣ собравшіеся, по старому, присутствовали при торжественныхъ хурàлахъ хутухты и слушали отъ него наставленія; но собраніе 1659 г. было особливо замѣчательно потому, что гэгэ̀нъ въ эту пору соизволилъ на пожалованіе особыхъ титуловъ какъ князьямъ, такъ и ламамъ западной Халхи. Сказанное обстоятельство, отмѣчаемое во многихъ монгольскихъ лѣтописяхъ, является въ высшей степени знаменательнымъ, ибо оно показываетъ стремленіе хутухты распространить свое вліяніе на всю Халху, въ самомъ же актѣ этого пожалованія титуловъ гэгэ̀нъ впервые выступаетъ какъ политическій дѣятель, присвоивающій себѣ право отличать даже монгольскихъ князей. Послѣ сего сказанія о гэгэ̀нѣ прерываются у насъ на цѣлые 12 лѣтъ и только отъ 1671 года мы имѣемъ извѣстіе, что въ означенномъ году гэгэ̀нъ выписалъ изъ Тибета ганьчжӯръ димпѝнгской редакціи (); далѣе, въ 1680 г., онъ окончилъ постройкою Гэнтэ̀йскій монастырь, начатый еще за 26 лѣтъ прежде, а въ слѣдующемъ 1681 г. халхасы снова призывали его въ Эрдэнѝ-цзӯ, подносили ему даньшѝкъ, служили великія молебствія и совершали церемонію круговращенія Мàйдари. Заботясь о религіозномъ просвѣщеніи халхасовъ, гэгэ̀нъ въ 1683 г. выписалъ изъ Тибета еще одинъ ганьчжӯръ и соорудилъ множество кумировъ, изъ числа коихъ кумиры Вàчжра-дàры, Табӯнъ-нигӯрту и 8 серебрянныхъ субургàновъ были исполнены имъ собственноручно. Въ томъ же 1683 году Ӱндӯръ-гэгэ̀нъ отправлялъ посольство въ Пекинъ и поднесъ богдохāну въ подарокъ три кумира,

главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Дова̀-дондо̀къ. Трудно сказать положительно, что было истинною причиною этого посольства. Халха съ началомъ 1680-хъ гг. была постоянно возбуждаема междоусобіями: смуты въ средѣ хотохо̀йтовъ и урянха̀евъ, борьба цзасакту̀-ха̄на съ ту̀шэ̄ту̀-ха̄номъ изъ за данниковъ, наконецъ постоянные набѣги и грабежи честолюбивыхъ о̄лётскихъ правителей, все это изъ года въ годъ порождало собою волненія во всей странѣ. Очень можетъ быть, что Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухту хотѣлъ показать богдоха̄ну этимъ посольствомъ свое непричастіе означеннымъ смутамъ, можетъ быть хотѣлъ разузнать взгляды на текущія событія пекинскаго двора, а можетъ быть и желалъ напомнить о себѣ богдоха̄ну съ тѣмъ, чтобы своевременно воспользоваться пекинскими милостями и возвыситься передъ халхаскими князьями. Послѣднее представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, ибо мы знаемъ, что въ слѣдующемъ 1684 г. гэгэ̀нъ былъ почтенъ богдоха̄нскимъ рескриптомъ, которымъ ему повелѣвалось отправиться на сеймъ халхаскихъ князей и, вмѣстѣ съ посломъ дала̀й-ламы, содѣйствовать своими увѣщаніями примиренію халхасовъ. Въ силу особыхъ обстоятельствъ, сеймъ этотъ не могъ состояться ранѣе іюля 1686 г.; но когда онъ собрался, то Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ игралъ на немъ дѣйствительно выдающуюся роль. Вмѣстѣ съ командированнымъ отъ дала̀й-ламы ширэ̄ту̀емъ Галда̀нскаго монастыря, онъ произносилъ свои примирительныя рѣчи халхаскимъ князьямъ и наконецъ привелъ этихъ послѣднихъ къ присягѣ въ томъ, что наперед̀ъ они прекратятъ между собою всякія распри и будутъ жить дружелюбно. Біографіи Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты ставятъ это примиреніе халха̀совъ въ исключительную и единоличную заслугу У̀ндуръ-гэгэ̀на; но если бы оно и не было такъ, мы все-таки должны признать, что присутствіе и поведеніе Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты на этомъ сеймѣ было чрезвычайно важно, ибо они повлекли за собою новыя бѣдствія, конечнымъ результатомъ которыхъ было подданство Халхи Китаю.

Дѣло началось изъ-за того, что на разсматриваемомъ, такъ называемомъ ху̀рэ̄нь-бэльчѝр'скомъ сеймѣ сѣдалище Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты было устроено совершенно одинаково и поставлено въ рядъ съ сѣдалищемъ представителя дала̀й-ламы, ширэ̄ту̀я Галда̀нскаго монастыря. Къ такому, якобы неподобающему возвышенію ранга Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты̀ придрался о̄лётскій Галда̀нъ-бошокту̀ и, выставляя его какъ выраженіе непочтенія халха̀сами дала̀й-ламы, началъ угрожать халхасамъ войною. По веснѣ 1688 года онъ двинулъ свои войска на Халху, побѣдоносно прошелъ черезъ весь цзасакту̀-ха̄новскій-а̀ймакъ и отъ рѣки Онгіина раздѣлилъ свою армію на двѣ части, изъ коихъ одна направилась прямо въ цэцэ̀нъ-ха̄новскія кочевья, а другая тронулась къ Эрдэнѝ-цзу̀, гдѣ проживалъ тогда

Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухта. Спасаясь отъ вражескихъ нападеній, Ӱндӯръ-гэгэ̀нъ взялъ съ собою жену и дѣтей тӯшѣтӯ-ха̄на Чахӯнь-дорчжѝ (т. е. свою невѣстку и племянниковъ) и укрылся съ ними сначала въ урочищѣ Ӱго̄мӯръ, а потомъ, когда прослышалъ о разграбленіи ойра̀тами цэцэ̀нъ-ха̄новскихъ кочевьевъ, то ушелъ за границу Халхи, въ земли Барӯнъ-сунѝтовъ. На возвратномъ пути изъ цэцэ̀нъ-ха̄новскаго-а̀ймака Галда̀нъ разбилъ соединенныя силы тӯшѣтӯ-ха̄новцевъ при озерѣ Ологӧ̀й-нӯръ (см. выше стр. 210) и послѣ сего халхаскіе князья бѣжали уже къ юго-востоку, съ прямою цѣлью поддаться маньчжурамъ. Преданіе разказываетъ, что всѣ эти князья прежде всего направились къ Ӱндӯръ-гэгэ̀ну и, прибывъ въ урочищѣ Арӯ-элэсӯтӯ, составили здѣсь сеймъ, на которомъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухту предложилъ имъ вопросъ, какимъ образомъ думаютъ они продолжать теперь свое существованіе? Всѣ халхасы единодушно отвѣчали, что «о томъ, какъ устроить имъ въ мирѣ свое правленіе, вѣдаетъ гэгэ̀нъ». «Къ сѣверу отъ насъ», сказалъ гэгэ̀нъ, «находится великое государство и мирное правленіе русскаго царя, или такъ называемыхъ «шара̀-хита̀тъ» (желтые китайцы); но, во-первыхъ, тамъ не распространена вѣра будды, а съ другой стороны, народъ этотъ застегиваетъ полы своего платья на лѣвую сторону; — идти туда намъ нельзя; къ югу отъ насъ находится другое великое и мирное правленіе китайскаго богдоха̄на, или такъ называемыхъ «хара̀-хита̀тъ» (черныхъ китайцевъ); помимо мира и спокойствія, тамъ распространена вѣра будды, что же касается платья маньчжуровъ, то по истинѣ оно подобно одеждамъ небожителей; имущества и богатства ихъ равны драгоцѣнностямъ повелителя драконовъ, а нѣжныхъ шелковыхъ тканей, хадако̀въ и штофныхъ матерій у нихъ — безъ счета; если пойдемъ мы въ эту сторону, то всѣ будемъ жить въ тишинѣ и довольствѣ». — Такими-то разсужденіями гэгэ̀нъ склонилъ халха̀совъ на подданство Китаю и, представивъ всеподданнѣйшій докладъ, привелъ, по преданію *всѣхъ ихъ* подъ власть богдоха̄на. Дѣйствительные историческіе документы свидѣтельствуютъ намъ однако, что гэгэ̀нъ, ходатайствуя передъ богдоха̄номъ о принятіи въ подданство его самаго, съ подчинявшимися ему шабина̀рами, хотя и упоминалъ при этомъ о намѣреніи халхаскихъ князей признать свою зависимость отъ маньчжурскаго дома, однако слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за ихъ поступки, якобы прямо заявивъ имъ, что ему, гэгэ̀ну, «просить за нихъ не подобаетъ». Увѣдомленный Кансі'емъ о соизволеніи на просьбу, гэгэ̀нъ оставался по старому жить въ урочищѣ Арӯ-элэсӯтӯ и въ первый разъ представился богдоха̄ну какъ его подданный только въ 1691 г., въ пору Долӧнъ-нӯр'скаго сейма. На первой же аудіенціи Канси возвелъ Ӱндӯръ-гэгэ̀на въ достоинство великаго ламы и поручилъ его вѣ-

дѣнію управленіе дѣлами вѣры въ Халхѣ; но еще важнѣе было именно то внѣшнее отличіе, съ которымъ богдохāнъ всегда относился къ гэгэ̀ну какъ къ первѣйшему изъ халхаскихъ сановниковъ. На этомъ основаніи гэгэ̀нъ представлялъ Канси всѣхъ халхаскихъ не только князей, а даже и хāновъ, обо всѣхъ дѣлалъ свои отзывы, всѣмъ давалъ свою рекомендацію. Изъ Долōнъ-нӯра гэгэ̀нъ прямо отправился въ Пекинъ, гдѣ и провелъ всю зиму $16^{91}/_{92}$ г., а на лѣто вмѣстѣ съ Канси выѣзжалъ на дачу въ Жэ-хо. Также точно были проведены имъ и послѣдующіе четыре года, съ 1693 по 1697, когда халхасы, по разбитіи Галда̀на, возвратились на свои родныя кочевья. Гэгэ̀нъ проживалъ зиму въ Пекинѣ, а на лѣто выѣзжалъ за Великую стѣну, по большей части въ Жэ-хо. 1693 годъ былъ особенно замѣчателенъ въ жизни гэгэ̀на. Въ этомъ году Канси заболѣлъ, а послѣ молебствія, отслуженнаго Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухтою, сталъ видимо поправляться и вскорѣ выздоровѣлъ. Обстоятельство это было провозглашено чудомъ и послужило, говорятъ, основнымъ мотивомъ для сближенія богдохāна съ хутухтою. Съ этой поры Канси началъ постоянно приглашать къ себѣ хутухту, приблизилъ его ко дворцу и любилъ бесѣдовать съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Нерѣдко Чжэбцзӯнъ-дамба̀ былъ спутникомъ богдохāна и при выѣздахъ его изъ Пекина; такъ, при возвращеніи Канси изъ похода на Галда̀на въ 1697 г., гэгэ̀нъ, по вызову богдохāна, встрѣтилъ его за Калганомъ, въ Бургасута̀ѣ и отсюда ѣхалъ съ нимъ до Пекина. Новый 1698-й годъ гэгэ̀нъ встрѣчалъ также въ Пекинѣ и сопутствовалъ богдохāну въ его поѣздкѣ по монастырямъ и кумирнямъ для поклоненій; лѣтописи отмѣчаютъ при этомъ какъ необыкновенное событіе, что, посѣтивъ кумирню Цэ̀данъ-цзӯ, богдохāнъ и хутухта сидѣли здѣсь рядомъ, на одномъ коврѣ. Лѣтомъ 1698 г. гэгэ̀нъ сопровождалъ Канси въ его поѣздкѣ въ У-тай-шань, а возвратившись въ Пекинъ, зимовалъ здѣсь и только весною 1699 года удалось ему проѣхать въ Халху, такъ какъ тамъ въ эту пору скончался старшій братъ хутухты, тӯшэ̄тӯ-хāнъ Чахӯнь-дорчжѝ и гэгэ̀ну необходимо было совершить по немъ поминовеніе. Впрочемъ, Канси не надолго отпустилъ гэгэ̀на: уже лѣтомъ того же года послѣдній снова прибылъ на богдохāнскую дачу въ Жэ-хо, а зимою переѣхалъ въ Пекинъ. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о расположеніи, которое питалъ Канси къ хутухтѣ и которое въ слѣдующемъ 1700 году нашло себѣ новое подтвержденіе въ трехъ богдохāнскихъ рескриптахъ къ далàй-ламѣ, гдѣ Канси прямо говорилъ, что онъ «не встрѣчалъ духовной особы выше Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты». Въ слѣдующемъ 1701 году гэгэ̀нъ снова ѣздилъ въ Халху, чтобы возобновить разрушившійся въ періодъ чжунгарскихъ набѣговъ, монастырь Эрдэнѝ-цзӯ, а зимою опять возвратился въ Пекинъ.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что въ первое десятилѣтіе послѣ оффиціальнаго пріема халхасовъ въ подданство, Канси почти не отпускалъ отъ себя Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухту. Монголы хранятъ объ этомъ періодѣ пребыванія Ўндўръ-гэгэ̀на въ Пекинѣ массу легендъ, но всѣ онѣ, будучи направлены къ возвышенію хутухты, не имѣютъ однако за собою ничего историческаго и носятъ характеръ исключительно религіозныхъ басень, свидѣтельствующихъ лишь о крайней бѣдности фантазіи ихъ слагателей. Разказываютъ, что Канси однажды пригласилъ къ себѣ Чжэбцзўнъ-дамбу и приказалъ ему на рубинѣ, величиною въ верхній суставъ большого пальца, выгравировать изображенія: а) будды съ двумя приближенными его учениками, б) 16 лòханей и в) 4-хъ махарà̀чжа; всего 21 изображеніе буддъ. Когда хутухта исполнилъ это, Канси въ восторгѣ и удивленіи воскликнулъ: «о, этотъ гэгэ̀нъ, поистинѣ равенъ небесному художнику, Бишугà̀рмѣ»! Съ этой поры онъ началъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ къ гэгэ̀ну, что вызывало якобы ропотъ придворныхъ, не желавшихъ признать такого высокаго значенія за «вонючимъ монголомъ». Чтобы обратить этихъ невѣрующихъ, Канси приказалъ въ своей комнатѣ приготовить сѣдалище для гэгэ̀на и подложить подъ него кумиръ будды, а потомъ пригласить гэгэ̀на. Когда хутухта явился, богдохā̀нъ попросилъ его садиться, указавъ на приготовленное мѣсто. Гэгэ̀нъ однако, прежде чѣмъ сѣсть, положилъ свою руку на сѣдалище и вдругъ, скрытый подъ коврами и подушками бурхà̀нъ непонятнымъ образомъ прошелъ чрезъ всѣ эти покрышки и очутился на рукѣ гэгэ̀на. «Какимъ образомъ этотъ бурхà̀нъ явился подъ моимъ сѣдалищемъ?» спросилъ хутухта Канси. Но богдохā̀нъ, не отвѣчая на вопросъ хутухты, обратился прямо къ своимъ придворнымъ и сказалъ: «не говорилъ ли я вамъ? Этотъ хутухта — исконный будда! Вы упрекали меня, что я отношусь къ нему съ почтеніемъ и развѣ въ самомъ дѣлѣ нельзя почитать его удивительнымъ ламою?!!» — Другой разказъ о подобномъ же чудѣ повѣствуетъ слѣдующее. Въ одинъ день Чжэбцзўнъ-дамбà призываетъ къ себѣ своего сòйбуна (келейника) и посылаетъ его на рынокъ пріобрѣсти кусокъ горнаго хрусталя. Едва келейникъ успѣлъ выполнить это порученіе и подать требуемый камень хутухтѣ, какъ явились послы Канси, требуя хутухту во дворецъ. Богдохā̀нъ между тѣмъ велѣлъ приготовить для хутухты сѣдалище и положить подъ него ганьчжўръ [1]). Когда Ўндўръ-гэгэ̀нъ прибылъ во дворецъ, Канси предложилъ ему сѣсть на при-

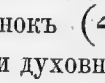
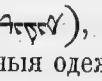
1) Ганьчжўръ — извѣстный сборникъ «поученій будды», обыкновенно печатаемый въ 108 томахъ. Если этотъ сборникъ, въ принятыхъ на Востокѣ изданіяхъ его, сложить въ одну груду, то онъ займетъ пространство не менѣе $2^1/_4$ кубич. арш. Можно представить, что это было за сѣдалище, а по нему судить и о достовѣрности разказа.

готовленное мѣсто. Гэгэнъ, прежде чѣмъ сѣсть, незамѣтно провелъ бывшимъ въ его рукѣ кускомъ горнаго хрусталя по сидѣнью и затѣмъ усѣлся. «Скажи мнѣ», сказалъ Канси, «кто долженъ считаться выше, ты ли хутухта, или слово будды? Подъ тобою находится ганьчжӯръ»! Гэгэнъ, какъ будто страшно встревоженный и смущенный, спрашиваетъ: «какимъ же образомъ подъ моимъ ковромъ могли лежать слова будды»? Посмотрѣли на ганьчжӯръ, оказалось, — нѣтъ ни одной буквы; въ каждомъ томѣ была только чистая бумага. Удивленный Канси спросилъ хутухту, что это значитъ, а тотъ подалъ ему въ отвѣтъ свой кусокъ горнаго хрусталя, въ которомъ, оказалось, отобразились всѣ буквы ганьчжӯра. «По милости хутухты, я получилъ этакую драгоцѣнность»! вскричалъ богдохāнъ и съ этими словами возложилъ этотъ камень съ ганьчжӯромъ себѣ на голову, въ ознаменованіе благословенія, а засимъ приказалъ приносить ему жертвы.

Послѣ сего прошло нѣсколько времени и хāнъ, желая познакомить хутухту со всѣми достопримѣчательностями Пекина, предложилъ ему осмотрѣть пекинскія кумирни, а приближенныхъ своихъ вельможъ отправилъ сопровождать его. Переходя изъ одной кумирни въ другую, Ӱндӯръ-гэгэнъ повсюду совершалъ поклоненіе, но, остановившись у одной кумирни, гэгэнъ не только не поклонился, а даже не вошелъ въ нее. Когда спутники гэгэна возвратились, богдохāнъ спросилъ у нихъ: все-ли осмотрѣлъ хутухта? Тѣ прямо отвѣчали, что въ такой-то кумирнѣ онъ не былъ. Обстоятельство это заинтересовало богдохāна и онъ приказалъ навести историческія справки о происхожденіи этой кумирни. Перерыли архивы и всякіе документы и наконецъ оказалось, что отвергнутая гэгэномъ кумирня была построена какимъ-то евнухомъ одного изъ императоровъ минской династіи и что въ ней, въ не большомъ сосудѣ хранился и прахъ этого евнуха. Послѣдній, будучи человѣкомъ крайне честолюбивымъ и желая, чтобы прахъ его чествовался потомствомъ, построилъ кумирню и въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, сдѣлалъ въ ней очень низенькія двери. Простаки въ самомъ дѣлѣ ловились на такую удочку и, съ теченіемъ времени позабывъ о происхожденіи этой кумирни, чуть ни каждый пекинецъ считалъ святымъ дѣломъ побывать въ ней: божественному духу гэгэна была извѣстна истина, оттого-то онъ и прошелъ мимо того, что другими почиталось за святыню.

Увѣрившись въ необычайныхъ знаніяхъ и дарованіяхъ хутухты, богдохāнъ Канси захотѣлъ, чтобы Ӱндӯръ-гэгэнъ совершилъ для него молебствіе бурхāну Аюши, съ освященіемъ воды и особыми молитвами о долголѣтіи его, богдохāна. Гэгэнъ, конечно, согласился, а Канси передъ приходомъ гэгэна приказалъ приготовить все необходимое для молебствія. Изъ музыкальныхъ инструментовъ при отправленіи этого хурāла нуженъ былъ

только колокольчикъ и неразлучный съ нимъ вачѝръ. Канси, тайкомъ отъ хутухты, приказалъ сдѣлать ему новый колокольчикъ вышиною въ 3 чи (42,3 дюйма), шириною въ 2 чи (28,2 дюйма), а вѣсомъ въ 120 гиновъ (приблизительно въ $4^1/_4$ пуда); такой же былъ приготовленъ и вачѝръ; всѣ сосуды были заказаны равнымъ образомъ громадныхъ размѣровъ; знали же объ этомъ только самые приближенные къ богдоха̄ну паредворцы. По утру гэгэ̀нъ отправляетъ своихъ шабина̀ровъ приготовить балѝнъ (обыкновенно,—маленькая жертвенная пирамидка, приготовляемая изъ муки) и приказываетъ требовать для него цѣлый дань (куль) муки, а чтобы повязать шейку водосвятной чаши (бумба̀) спросить пять цѣлыхъ кусковъ пятицвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Шабина̀ры удивились такому необычайному требованію; чиновники богдоха̀нскаго казначейства назвали ихъ «ненасытными утробами», хотя все же должны были отпустить все, что потребовалъ гэгэ̀нъ для совершенія молебствія. Но общее удивленіе достигло верха тогда, когда оказалось, что все потребовано именно какъ слѣдовало, все было какъ по мѣрочкѣ. Когда гэгэ̀нъ преподалъ благословеніе богдоха̄ну, изъ сосуда съ арша̄номъ (освященной водой) видимо для всѣхъ протянулась пятицвѣтная радуга, а на ней показался сидящимъ будда Аюши; когда же хутухта совершенно свободно взялъ въ руки колоколъ и вачѝръ и началъ дѣйствовать ими какъ обыкновенными маленькими предметами, всѣ пришли въ ужасъ и въ благоговѣніи пали ницъ передъ хутухтою. Послѣ сего слава объ Ӱндӱръ-гэгэ̀нѣ прошла по всему Китаю и не было ни одного человѣка, кто не относился бы къ нему съ почтеніемъ.

Хуанъ-тай-хоу, т. е. старшая жена Канси, прослышавъ обо всемъ этомъ, попросила у Канси позволенія видѣть этого любезнаго богдоха̄ну хутухту и Канси, разрѣшивъ ей это, пригласилъ Ӱндӱръ-гэгэ̀на. Когда гэгэ̀нъ пріѣхалъ, хуанъ-тай-хоу посмотрѣла на него черезъ стекольчатое окно и послѣ говоритъ богдоха̄ну: «твой хутухта прекрасенъ какъ свѣтлый мѣсяцъ въ ночь полнолунія; нельзя ли мнѣ пригласить его на свою половину и прослушать отъ него священное ученіе?» «Можно», говоритъ богдоха̄нъ и пригласилъ хутухту. Явившись во дворецъ, Ӱндӱръ-гэгэ̀нъ произнесъ проповѣдь передъ хуанъ-тай-хоу и окружавшими ее женщинами и дѣвицами; а онѣ поднесли ему шитый жемчугомъ вѣнокъ (), мантію () съ украшеннымъ жемчугомъ же воротомъ и духовныя одежды. Послѣ сего хуанъ-тай-хоу спросила у Канси, «что такое хутухта,—бодиса̀тва, или будда?» Канси отвѣчалъ, что Чжэбцзӱнъ-дамба̀ еще въ древности сдѣлался буддою.

Однажды Канси послалъ за хутухтою своихъ вельможъ, чтобы привезти его; тѣ приходятъ и видятъ, что Ундӱръ-гэгэ̀нъ сидитъ, а лице у него совершенно имѣетъ видъ полной луны: такое же круглое и также сіяетъ.

Въ ужасѣ вельможи возвратились къ богдохāну и сказали ему объ этомъ, а Канси спокойно отвѣчалъ имъ, что будды вообще могутъ показывать массу разныхъ превращеній и принимать на себя самые различные виды.

Въ другой разъ, когда хутухта сидѣлъ у богдохāна, Канси говоритъ ему: «пойдемъ инкогнито, какъ простые люди, и пройдемся по городу и за городомъ». Ўндўръ-гэгэ̀нъ согласился и пошелъ вслѣдъ за богдохāномъ. Вышли они за городъ и видятъ въ одномъ мѣстѣ собралась толпа народа, а посреди этой толпы стоитъ человѣкъ, ростомъ втрое больше обыкновенныхъ людей. Богдохāнъ посылаетъ своего приближеннаго спросить, изъ какой мѣстности этотъ человѣкъ? Приближенный возвратился и докладываетъ, что человѣкъ этотъ не знаетъ китайскаго языка. Богдохāнъ посылаетъ ученыхъ; тѣ пробуютъ говорить на самыхъ различныхъ языкахъ, но странный человѣкъ ни одного изъ нихъ не знаетъ. Приходятъ ученые и докладываютъ, что они ничего не могли добиться. Канси посылаетъ тогда хутухту. Ўндўръ-гэгэ̀нъ отправился, сказалъ этому человѣку нѣсколько словъ и незнакомецъ, ставъ на колѣна и поклонившись ему до земли, разказалъ ему, что онъ собственно не земной человѣкъ, а обитатель подводнаго царства. Китайцы вытащили его изъ воды и привели въ Пекинъ. Гэгэ̀нъ перевелъ эти рѣчи богдохāну, а Канси приказалъ спросить у великана, останется ли онъ жить при дворѣ? Незнакомецъ отвѣчалъ, что онъ съ радостью воспользовался бы милостями богдохāна, но, будучи однимъ сыномъ у своихъ родителей, не можетъ оставить ихъ безъ попеченія. «А что ѣдятъ у васъ люди?» спросилъ гэгэ̀нъ, по требованію Канси. Водяной человѣкъ отвѣчалъ, что лѣтомъ они питаются растеніями, а зимою рыбой. Богдохāнъ щедро наградилъ этого неземнаго жителя и отпустилъ его, а объ Ўндўръ-гэгэ̀нѣ во всеуслышаніе сказалъ: «Вотъ такъ мой хутухта! Онъ знаетъ языки всѣхъ обитателей вселенной!»

Однажды Канси пригласилъ къ себѣ гэгэ̀на и спрашиваетъ его: «Вотъ ты всезнающій мудрецъ, почему же ты не предупредилъ меня объ имѣющемъ быть нашествіи Ойра̀товъ и подданствѣ монголовъ Китаю?» Гэгэ̀нъ отвѣчалъ: «Я предупреждалъ и это предупрежденіе находится на оборотной сторонѣ присланнаго мною тебѣ въ подарокъ живописнаго бурха̀на Аюши. Посмотрѣли на этого бурха̀на, оказывается, дѣйствительно, надпись, — что кумиръ этотъ приносится богдохāну «съ пожеланіемъ единенія народовъ и распространенія основъ вѣры». — Развѣ это не заявленіе о подчиненіи халхасовъ Китаю и не указаніе на объединеніе народовъ подъ одною твоею властью?» спросилъ въ свою очередь гэгэ̀нъ. «А я не понялъ этого!» отвѣчалъ Канси и приказалъ подать чаю. Гэгэ̀нъ, принявъ свою чашку, началъ плескать изъ нея чай по направленію въ южную сторону. «Зачѣмъ ты вы-

бросилъ чай, который я тебѣ пожаловалъ?» сказалъ Канси. «Къ югу отсюда въ одномъ городѣ случился пожаръ», отвѣчалъ гэгэнъ, «такъ я погасилъ его.» Тотчасъ послали посла разслѣдовать; дѣйствительно, въ одномъ изъ городовъ провинціи Гуанъ-дунъ (Кантонской) въ эту пору былъ пожаръ и, по расказамъ мѣстныхъ жителей, когда пламя его распространилось до ужасающихъ размѣровъ, вдругъ съ сѣверо-запада пошелъ какой-то красновато-коричневатый дождь, который и погасилъ огонь.

Когда гэгэнъ ѣздилъ съ Канси въ У-тай-шань, то на возвратномъ пути Канси опередилъ гэгэна и возвратился въ Пекинъ прежде. Въ день, назначенный для въѣзда въ Пекинъ хутухты, богдоханъ распорядился поставить за городомъ палатку и устроилъ ему здѣсь первую встрѣчу, выславъ своихъ принцевъ крови, придворныхъ, ихъ женъ, дѣтей и массы народа; въ палаткѣ гэгэну былъ поданъ чай, а засимъ онъ отправился во дворецъ богдохана. Канси вышелъ встрѣчать его за ворота.

Когда гэгэнъ уѣзжалъ изъ Пекина въ Монголію, то на послѣдней своей аудіенціи у богдохана онъ попросилъ его посодѣйствовать къ скорѣйшему выходу его каравана изъ пекинскихъ воротъ. Богдоханъ послалъ амбаней распорядиться, чтобы черезъ Ань-динь-мынь'скія ворота не пускали никого, пока не пройдетъ караванъ хутухты. Верблюды, привязанные одинъ къ другому, проходили черезъ ворота гуськомъ, одною непрерывною линіею три дня и три ночи; такъ великъ былъ караванъ хутухты, нагруженный вещами, которыя принесены были китайцами въ подарокъ Ундуръ-гэгэну.

Выѣхали за ворота Великой стѣны и на первомъ же ночлегѣ, близъ сопки Ундуръ-тологой, гэгэнъ съ нѣсколькими шабинарами, взошедши на эту сопку, началъ совершать жертвоприношеніе. Вдругъ съ сѣвера подъѣхало пять величественныхъ всадниковъ, верхомъ на изюбряхъ. Они были одѣты въ запоны изъ барсовой кожи, ноги ихъ были обуты въ барсовыя сапоги, а сбоку у каждаго были привѣшаны лукъ и стрѣлы. Они поклонились гэгэну въ ноги и заявили, что выѣхали на встрѣчу съ привѣтствіемъ. Прислужники гэгэна спросили, что это за люди и тотъ отвѣчалъ, что вообще это геніи-владыки сѣверныхъ странъ, а въ частности тутъ были духи Алтая, Хангая, Гэнтэя, Бурнъ-хана и другіе.

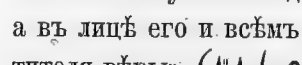
Такихъ легендъ о поѣздкахъ и жизни Ундуръ-гэгэна въ Пекинѣ у халхасовъ имѣется множество и отлагая въ сторону ихъ баснословія, мы можемъ сказать только, что всѣ они свидѣтельствуютъ отличное довѣріе и уваженіе Канси къ хутухтѣ. Этимъ же довѣріемъ едва ли не слѣдуетъ объяснять и возвращеніе хутухты въ Халху. Поднимавшіяся на западѣ смуты ёлётовъ, волновавшія съ одной стороны Халху, а съ другой — Тибетъ, побуждали Канси воспользоваться хутухтою какъ духовною силою

для вразумленія полудикихъ кочевниковъ, и онъ отправилъ хутухту на родину, чтобы послѣдній, находясь среди самыхъ волновавшихся кочевниковъ, своими жизнью и дѣятельностью возбудилъ у нихъ охоту къ инымъ занятіямъ и интересамъ. Возвратившись въ Халху, Ӱндӱръ-гэгэ̀нъ прежде всего обратилъ вниманіе на приведеніе въ лучшій видъ своего собственнаго монастыря, или Да̄-хӱрэ̄ня. Онъ строилъ новыя кумирни, сооружалъ новыхъ бурха̀новъ, вводилъ новые уставы, новые хура̀лы и религіозныя церемоніи, училъ ламъ новымъ напѣвамъ и проч, и проч. Къ этой порѣ относятся всѣ легенды, разказываемыя ургинскими ламами объ устройствѣ дѣлъ вѣры въ Халхѣ. Таковы, напримѣръ, сказанія объ изобрѣтеніи особаго архитектурнаго типа для цокчѝнскихъ кумирень, о дарованіи инструкцій гэбкӱямъ, объ основаніи должностей эрдэнѝ-унза̀нтовъ (см. выше, стр. 82, 83), объ указаніи особаго фасона для ламскихъ костюмовъ, шапокъ и пр. [1]). Насколько достовѣрны всѣ эти легенды сказать мы, конечно, не можемъ, но при этомъ не имѣемъ и никакихъ основаній, чтобы заподозривать справедливость ихъ разказовъ. Къ числу несомнѣнныхъ извѣстій надлежитъ отнести лишь записанныя въ лѣтописяхъ сказанія о построеніи Ӱндӱръ-гэгэ̀номъ въ 1706 г. монастыря въ честь богини Дара̀-эхэ̀, въ мѣстности Цэгэрлигӱнъ-эрдэнѝ-толого̀й, получившаго для себя тибетское имя Эруа̀нчинъ-га̀нданъ-шат-дубъ-лѝнъ; въ 1710 году былъ основанъ еще монастырь Дашѝ-лѝнъ, постройкою коего завѣдывалъ собственно лама Цзамья̀нъ-шатба̀йнъ-гэгэ̀нъ; въ 1711 году Ундӱръ-гэгэ̀нъ уже безъ посредства другихъ ламъ самъ построилъ такъ называемую Цзӱнъ (восточную) хӱрэ̄, или монастырь, извѣстный подъ именемъ Шат-дубъ чо̀йнкоръ-лѝна. Усилившіяся вслѣдъ за симъ смуты о̄лётовъ остановили дальнѣйшую дѣятельность гэгэ̀на въ указанномъ отношеніи; онъ долженъ былъ теперь постоянно собирать свѣдѣнія о настроеніи хошӯновъ и писать какъ окружныя, такъ и частныя посланія къ князьямъ, призывая, ихъ къ мирной жизни и увѣщавая ихъ сохранять между собою дружелюбіе. Всѣ военныя движенія, направляемыя для защиты халхаскихъ границъ совершались также не безъ участія хутухты и когда въ 1715 г. войска тӱшэ̄тӱ-ха̄новскаго-а̀ймака отправлялись для охранной службы на Алта̀й, а въ 1717 г. на Кӱнгӱй и Цзабха̀нъ, то гэгэ̀нъ лично благословлялъ ихъ и совершалъ имъ молебствія. Въ слѣдующемъ 1718 году Чжэбцзӱнъ-дамба̀ получилъ даже особый рескриптъ богдоха̄на, коимъ призывался онъ къ подобной дѣятельности. «Беззаконія Чжунгаровъ, убившихъ массу ламъ въ Тибетѣ», писалъ Канси, «достигли предѣловъ крайности. Помимо тебя нѣтъ никого, кто приносилъ бы

1) См. объ этомъ т. IV въ главѣ о «ламахъ».

теперь пользу вѣрѣ; за всѣмъ тѣмъ я почитаю долгомъ напомнить и тебѣ, что относиться легко къ современнымъ обстоятельствомъ не возможно». Въ силу этого высочайшаго рескрипта Ӱндӱръ-гэгэнъ нѣсколько разъ и писалъ письма, и посылалъ своихъ пословъ къ Цэванъ-рабтанну, убѣждая его прекратить набѣги на Тибетъ и не возмущать какъ тибетцевъ, такъ и монголовъ. Увѣщанія эти по отношенію къ чжунгарамъ оставались кажется совершенно безслѣдными, но для халхасовъ они имѣли большое значеніе и Канси высоко цѣнилъ дѣятельность хутухты, исполняя съ своей стороны всѣ его совѣты и требованія. Такъ, въ 1721 году онъ, по представленію Чжэбцзӱнъ-дамба хутухты, утвердилъ за тӱшэтӱ ханомъ пожалованный сему послѣднему еще прежде, далай-ламою титулъ «вачирай-батӱ-тӱшэтӱ-хана» и приказалъ выдать ему новую печать съ изображеніемъ такого титула. Это было, кажется, послѣднею милостью богдохана къ хутухтѣ, ибо въ слѣдующемъ 1722 г. Канси уже умеръ. Когда извѣстіе объ этомъ было получено въ Ургѣ, Ӱндӱръ-гэгэнъ первый рѣшился ѣхать на поклоненіе праху почившаго императора. Вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Пекинъ тӱшэтӱ-ханъ и дарханъ-цинь-ванъ Дондобъ-дорджи, имѣвшій большія связи при дворѣ, такъ какъ онъ былъ женатъ на одной изъ китайскихъ принцессъ, родственной богдоханамъ. Прибывъ въ Пекинъ, Ӱндӱръ-гэгэнъ заболѣлъ. Преданіе разказываетъ, что приближенные хутухты, предвидя кончину своего гэгэна, спросили его, гдѣ теперь онъ возродится и въ отвѣтъ на это хутухта сказалъ: «второй ванъ долженъ ввести въ свой домъ дѣвицу, принадлежащую по рожденію къ году обезьяны, или курицы». Это обозначало, конечно, что хубилганомъ его будетъ именно сынъ этого «второго вана» т. е.-дарханъ-цинь-вана, рожденный отъ жены, принадлежащей къ году обезьяны или курицы. Объ этихъ словахъ хутухты было доложено богдохану и послѣдній разрѣшилъ дарханъ-цинь-вану немедленно же исполнить завѣщаніе хутухты. По таковой-то причинѣ дарханъ-цинь-ванъ, простившись съ хутухтою, по казеннымъ почтовымъ станціямъ возвратился въ свои кочевья и, еще до смерти хутухты, вступилъ въ бракъ съ дочерью нѣкоего хотохойтскаго табунана Дашй, родившеюся именно въ годъ обезьяны. 14-го числа 1-й луны 1723 г. Ундӱръ-гэгэнъ скончался въ пекинскомъ монастырѣ Шара-сӱмэ. Разказываютъ, что въ день его смерти надъ дворцемъ его въ Ургѣ протянулась пятицвѣтная радуга, а на сѣдалищѣ хутухты долго дрожалъ, ясный огонекъ и ламы уже догадывались поэтому, что съ хутухтою совершилось что либо необычайное, а потому служили молебствія объ его здравіи. Въ Пекинѣ между тѣмъ трупъ гэгэна былъ набальзамированъ и выставленъ на поклоненіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ эту же пору Ли-фань-юань сдѣлалъ слѣдующій докладъ богдохану: «Чжэбцзӱнъ-

дамбà хутухту—первое лицо въ ламайскомъ мірѣ. Его добродѣтели проявлялись въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и умеръ онъ, достигнувъ девяносто-лѣтняго возраста. Въ періодъ нашествія Галдàна, онъ со всею Халхою вступилъ въ подданство Китая и этимъ оказалъ великую услугу нашей династіи. По своему естественному происхожденію онъ былъ сыномъ и братомъ халхаскихъ тӯшѣтӯ-хāновъ и пользовался полнымъ расположеніемъ двухъ богдохāновъ. Императоръ Канси въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ нимъ сказалъ: Въ 1723 году мнѣ будетъ 70 лѣтъ, а тебѣ 90; въ этотъ годъ ты непремѣнно пріѣзжай ко мнѣ. Получивъ такое приглашеніе, хутухта возвратился на родину. Но онъ исполнилъ высочайшую волю: къ условленному сроку прибылъ онъ въ Пекинъ, поклонился гробу императора и, рѣшившись послѣдовать за нимъ, тихо скончался. Принимая во вниманіе все вышеизложенное, министры Ли-фань-юаня почтительнѣйше ходатайствуютъ, чтобы скончавшійся хутухта, по положенію о далàй-лàмахъ и баньчэньэрдэнӣ'яхъ, былъ пожалованъ титуломъ, печатью и грамотою».

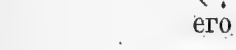
Въ силу такого доклада, Юнъ-чжэнъ пожаловалъ почившему хутухтѣ, а въ лицѣ его и всѣмъ послѣдующимъ его хубилгàнамъ, титулъ «просвѣтителя вѣры» (), съ грамотою на золотомъ листѣ и золотою печатью. Но этимъ не окончилось еще чествованіе богдохāномъ хутухты. Юнъ-чжэнъ выразилъ желаніе отправиться и отдать послѣдній долгъ передъ прахомъ хутухты. Напрасно остававшійся при почившемъ тӯшѣтӯ-хāнъ представилъ богдохāну докладъ съ просьбою не утруждать себя; Юнъ-чжэнъ написалъ въ отвѣтъ на этомъ докладѣ: «хутухта пользовался отмѣнною любовью моего почившаго царственнаго отца и чрезвычайными почестями. Мой царственный родитель переселился въ вѣчность въ день Цзя-у, хутухта также скончался въ день Цзя-у; не говоритъ ли это о связи между святымъ и божественнымъ? Хутухта былъ необыкновенный лама и я, ради выраженія почтенія къ нему, отправлюсь лично, что бы принести къ его гробу хадàкъ и совершить возліяніе чаемъ. Объявить объ этомъ тӯшѣтӯ-хāну и приближеннымъ хутухты». Въ томъ же году останки Ӱндӯръ-гэгэна были перевезены изъ Пекина въ Ургу и для почетнаго сопровожденія этого печальнаго поѣзда богдохāнъ командировалъ цѣлое посольство, хотя помянутымъ распоряженіемъ также точно не закончились еще почести, оказанныя маньчжурскимъ правительствомъ Ӱндӯръгэгэну. Существуетъ преданіе, что Канси передъ своею смертью завѣщалъ своему преемнику ассигновать 100,000 ланъ на устройство монастыря, долженствующаго служить усыпальницею для праха Ӱндӯръ-гэгэна и, вѣрный этому высочайшему повелѣнію, Юнъ-чжэнъ въ 5 году своего правленія (1728 годъ) дѣйствительно приказалъ отпустить изъ государствен-

наго казначейства такую сумму для построенія монастыря Амӯръ-баясхулантӯ.

Что касается самихъ халхасовъ, то для нихъ первую заботу составляло теперь найти новаго хубилга̀на Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты. По соображеніи обстоятельствъ, мы можемъ предполагать, что въ Пекинѣ, равно какъ и у тогдашнихъ вліятельнѣйшихъ и приближеннѣйшихъ къ богдохāну правителей Халхи это избраніе хубилга̀на было предрѣшено немедленно же послѣ смерти Ундӯръ-гэгэ̀на, хотя такое опредѣленіе и оставалось тайной для лицъ, болѣе удаленныхъ отъ кормила правленія. Въ настоящее время нѣкоторая часть свободомыслящихъ и неособенно то религіозныхъ ламъ, не стѣсняясь, разказываетъ о происках тогдашнихъ князей, желавшихъ представить своихъ дѣтей въ хубилга̀ны Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухты; таковыми называютъ: цэцэ̀нъ-хāна, да̄-цинъ-ва̀на сàйнъ нойновскаго аймака, биширэльтӯбэ̀йсэ и др., о которыхъ говорятъ, что они ѣздили даже въ Тибетъ, каждый добиваясь тамъ, чтобы дала̀й-лама провозгласилъ хубилга̀номъ его сына. Все это весьма вѣроятно, ибо положеніе, которое составилъ себѣ въ Монголіи Чжэбцзӯнъ-дамба̀ могло дѣйствительно казаться черезчуръ заманчивымъ для каждаго. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ за 1723 и 1724 годы нѣтъ даже и упоминаній объ этихъ домогательствахъ монгольскихъ князей; по письменнымъ разказамъ все идетъ въ эту пору чинно: необычайный глава монгольскаго буддизма родится отъ такого же необычайнаго отца и рожденіе его сопровождается необычайными же признаками.

Второй хубилга̀нъ ургинскаго хутухты былъ сыномъ дарха̀нъ-цинъ-ва̀на Дондо̀бъ-дорчжѝ, т. е. того самаго сына Галда̀нъ-дорчжіева, рожденіе котораго совершилось въ сѝлу особыхъ вліяній Ӯндӯръ-гэгэ̀на и который, по увѣренію своего божественнаго дядюшки, былъ собственно хубилга̀номъ какого-то ламы-созерцателя, Артаси́дды. Воспитанный съ малолѣтства въ Пекинѣ, при дворѣ богдохāна, Дондо̀бъ-дорчжѝ получилъ тамъ въ 1697 г. въ супружество одну изъ дочерей китайскихъ князей 1-й ст. и былъ провозглашенъ титуломъ «хошо̀й-э̀фу». Это родство съ принцами крови открыло Дондо̀бъ-дорчжію путь къ почестямъ: въ 1700 г. онъ, въ обходъ прямыхъ постановленій о наслѣдованіи, былъ назначенъ тӯшӗтӯ-хāномъ, хотя и не удержался долго въ этомъ первостепенномъ званіи. Отъ природы одаренный пылкими способностями, Дондо̀бъ-дорчжѝ извѣстенъ халхасамъ какъ славный поэтъ, но въ то же время онъ былъ и большой кутила, отличавшійся еще женолюбіемъ. Не дальше какъ черезъ годъ за одно изъ своихъ похожденій онъ былъ лишенъ тӯшӗтӯ-хāнства и снова возвращенъ въ родовое званіе второстепеннаго князя. Послѣ сего Дондо̀бъ-дорчжѝ неоднократно отличался въ битвахъ съ Чжунга̀рами въ Тибетѣ, за всѣмъ тѣмъ онъ не могъ полу-

чить себѣ прощенія во все время правленія Канси. Только съ воцареніемъ Юнъ-чжэ̀на его снова возвели въ цинь-ва̀ны (князь 1-ст.), при чемъ богдохā̀нъ снова женилъ его на китаянкѣ, уже съ званіемъ императорской дочери и такимъ образомъ Дондо̀бъ-дорчжѝ получилъ титулъ «гу̀руни-э̀фу». Это случилось за нѣсколько дней до извѣстнаго предсказанія Ӱндӱ̀ръ-гэгэ̀на о томъ, что онъ возродится отъ дарха̀нъ-цинъ-ва̀на и жены его, принадлежащей по рожденію къ году обезьяны, въ силу чего Дондо̀бъ-дорчжѝ чуть, ни черезъ мѣсяцъ послѣ брака съ китаянкой, поѣхалъ снова жениться и нашелъ себѣ супругу въ поколѣніи Хотохо̀йтовъ. Это была 19-лѣтняя дѣвушка, по имени Цага̀нъ-дара̀-баярту̀. Почти съ первыхъ же дней послѣ этого брака начались и необыкновенныя видѣнія. Самому дарха̀нъ-цинь-ва̀ну приснилось, что большой шарикъ на его четкахъ и верхній суставъ его большого пальца превратились въ бодиса̀тву Ва̀чжра-да̀ру; молодой супругѣ его приснилось, что Ӱндӱ̀ръ-гэгэ̀нъ сначала пришелъ къ нимъ въ ограду, а потомъ вошелъ и въ домъ; далѣе и князь, и княгиня постоянно видѣли во снѣ, что юрта ихъ покрыта войлоками желтаго, т. е. ламскаго, цвѣта, что они собираютъ по горамъ цвѣты и пр.

На разсвѣтѣ 1-го дня средней весенней луны года дерева и дракона (1724) у дарха̀нъ-цинь-ва̀на родился сынъ и тотчасъ же изъ дымника его юрты показался лучезарный свѣтъ, а надъ всею юртою протянулась яркая радуга. Всѣ видѣли это, дивились и благоговѣйно радовались, хотя на другой же день эта радость смѣнилась печалью,—дарха̀нъ-цинъ-ва̀нъ опасно заболѣлъ. Вскорѣ было послано по этому случаю посольство къ Нарō-баньчэ̀нь () хутухтѣ съ просьбою разрѣшить болѣзнь князя и спасти его отъ смерти. Нарō-баньчэ̀нь, еще не слыхавшій о рожденіи у дарха̀нъ-цинь-ва̀на сына, провидѣлъ уже своимъ духомъ явленіе гэгэ̀на и прямо спросилъ у посольства, «какъ поступлено съ послѣдомъ, вышедшимъ у матери послѣ рожденія ребенка?»—«Его закопали въ землю»,—отвѣчали послы. «За это-то и наказанъ дарха̀нъ-цинь-ва̀нъ»: отвѣчалъ Нарō-баньчэ̀нь, «послѣду этому нужно принести жертвы». Возвратившіеся послы передали отвѣтъ хутухты и совѣтъ ламъ тотчасъ же рѣшилъ привести его въ исполненіе. Прошло уже болѣе десяти дней какъ послѣдъ былъ зарытъ въ землю и чудо,—едва отрыли этотъ послѣдъ, какъ отъ него понесся запахъ кипариса; принесли ему жертвы,—второе чудо: дарха̀нъ-цинь-ва̀нъ внезапно выздоровѣлъ.

Между тѣмъ какъ подобныя необычайныя явленія ясно знаменовали новаго хубилга̀на хутухты на его родинѣ, оффиціальное дѣло открытія его шло своимъ порядкомъ. Снаряжено было посольство въ Тибетъ, которое прибыло въ Хлассу по осени 1724 года и, привезя съ собою имена четы-

рехъ кандидатовъ, указанныхъ монгольскими ламами, начало тамъ свое ходатайство объ окончательномъ опредѣленіи мѣста воплощенія Чжэбцзўнъ-дамбы. Тибетскіе тайновѣдцы, далàй-лама, баньчэнь-ринбочэ и чòйчжоны, дали по этому поводу довольно двусмысленный отвѣтъ; они сказали: «родъ сына халхаскаго дарханъ-цинь-вàна—старше». (ᠳᠠᠷᠬᠠᠨ ᠵᠢᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤ ᠬᠦᠦ ᠲᠡᠷᠡᠭᠦᠳᠡᠨ ᠤ ᠶᠡᠬᠡ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠰᠠᠨ) Что значило это слово «родъ» (ᠶᠡᠬᠡ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠰᠠᠨ) было весьма не опредѣленно: если понимать его въ обычномъ смыслѣ физическаго происхожденія, то слова эти не говорили ровно ничего, ибо каждому было извѣстно что родъ тўшэтў-хāновичей старше всѣхъ другихъ княжескихъ родовъ въ Восточной Халхѣ. Съ такимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ отправилось посольство изъ Хлассы въ Пекинъ. На счастіе монголовъ случилось еще одно обстоятельство, о которомъ передаютъ намъ біографіи ургинскихъ хутўхтъ. Въ ту пору, какъ посольство двигалось изъ Тибета въ Китай, богдохāнъ Юнъ-чжэнъ видѣлъ во снѣ, что къ нему пришелъ Ўндўръ-гэгэнъ и прямо сказалъ ему: «я возродился у побочной жены дарханъ-цинь-вàна».—«Впослѣдствіи», добавляютъ далѣе біографіи, «дарханъ-цинь-вàнъ часто говаривалъ, что означенное видѣніе избавило его отъ нареканій, будто онъ доискивался объявить своего младшаго сына хубилгàномъ, что бы тѣмъ самымъ доставить больше выгодъ своему старшему сыну». Когда монгольское посольство, прибывъ въ Пекинъ, довело до свѣдѣнія богдохāна объ отвѣтѣ тибетскихъ тайновѣдцевъ, то Юнъ-чжэнъ на представленномъ ему всеподданнѣйшемъ докладѣ написалъ: «Если о сынѣ дарханъ-цинь-вàна указано, что родъ его выше, то и посадить его на каѳедру». Такимъ образомъ дѣло было рѣшено въ пользу сына дарханъ-цинь-вàна.

Въ Халхѣ между тѣмъ, пока не сдѣлалась извѣстною эта богдохāнская резолюція, все еще шла упорная борьба партій, указанія на которую мы находимъ отъ этой поры и въ письменности. Сочиненіе «Чжэбцзўнъ-дамбà гэгэнў тўрўл'ўнъ тэўхэ» разказываетъ какъ чудо, что въ это время урàтскій дархáнъ-тòйнъ, Намчжàлъ, проживавшій при дворѣ дарханъ-цинь-вàна, приходитъ однажды въ княжескую юрту и разказываетъ, будто онъ слышалъ, что тибетскіе святые объявили, якобы Чжэбцзўнъ-дамбà возродился въ Халхѣ и личность его есть именно сынъ цэцэнъ-хāна».—«Если я существую, то кого же другого могутъ указать тибетскіе святители?!» воскликнулъ вдругъ доселѣ еще не говорившій ни одного слова малютка. Всѣ пали ницъ передъ самообличившимъ себя гэгэномъ.

Лѣтомъ 1725 года въ Халху возвратилось наконецъ посольство, которое привезло съ собою извѣстную намъ резолюцію богдохāна, повелѣвавшую возвести на каѳедру сына дарханъ-цинь-вàнова, но какъ малютка имѣлъ въ эту пору не болѣе $1^1/_2$ года, то, конечно, ее нельзя было привести

въ исполненіе. Новоопредѣлившійся хутухта оставался жить въ домѣ своего отца, время отъ времени напоминая только о своей божественной природѣ необычайными знаменіями. Такъ однажды дархàнъ-цинь-вàнъ сидѣлъ около своей юрты, держа на рукахъ малютку. «Вонъ на небѣ, въ радугѣ, движутся Маньчжýшри и Чжанрàйсэкъ!» закричалъ вдругъ малютка, и дархàнъ-цинь-вàнъ, взглянувъ на небо, дѣйствительно увидалъ этихъ буддъ. Когда ребенку свершилось четыре года (а по монгольскому счету пять лѣтъ), халхаскій Донкòръ-хутухтý, Навàнъ-лобсàнъ, преподалъ ему монашескіе обѣты, причемъ ему было даровано имя Лобсàнъ-дамбà-донмѝ. Это было въ годъ желтой обезьяны (1728), а въ слѣдующемъ 1729 году халхасы возвели своего хутухту на каѳедру, отпраздновавъ это торжество въ урочищѣ Сāдакъ-тологòй [1]). Послѣ сего главнѣйшею заботою халхасовъ было представить новаго гэгэ̀на богдохāну. Торопясь этимъ дѣломъ, они уже лѣтомъ 1730 года привили ему оспу, а въ 1731 г. возбудили ходатайство о поѣздкѣ гэгэ̀на въ Пекинъ; однако начавшіяся вслѣдъ за симъ смуты со стороны чжунгàровъ, а далѣе совершившееся вторженіе въ Халху Цэрэ̀нъ-дондòбовъ и Галданъ-цэрэ̀на отодвинули на нѣсколько лѣтъ удовлетвореніе этой просьбы. Вмѣсто торжественной поѣздки къ богдохāну, Чжэбцзýнъ-дамба въ 1732 году долженъ былъ бѣжать изъ Халхи и, спасаясь отъ чжунгàрскихъ набѣговъ, переселиться въ Долбнъ-нýръ, гдѣ и оставался онъ до самаго окончанія чжунгàрскихъ войнъ, т. е. 1735 года, въ концѣ котораго богдохāнъ Юнъ-чжэ̀нъ скончался.

Вступленіе на престолъ Цянь-луна дало халхаскимъ ламамъ новый предлогъ для ходатайства относительно поѣздки хутухты въ Пекинъ и лѣтомъ 1736 года хутухтý получилъ разрѣшеніе явиться на аудіенцію къ богдохāну. Какъ можно заключать изъ журналовъ описаній этой поѣздки, пріемъ Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты въ Пекинѣ былъ и на этотъ разъ весьма почетный, хотя къ нему видимо относились, какъ къ мальчику. При приближеніи гэгэ̀новскаго поѣзда къ Пекину, богдохāнъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего амбàня, который поднесъ хутухтѣ хадàкъ отъ имени богдохāна. Въ самомъ Пекинѣ, по проѣздѣ черезъ Ань-динъ-мынь'скія ворота, близъ Юнъхо-гýна, гэгэ̀на снова встрѣтила депутація придворныхъ амбàней и проживавшихъ въ столицѣ хутухтъ и ламъ, поднесшая гэгэ̀ну второй богдохāнскій хадàкъ и проводившая гэгэ̀на до приготовленнаго ему помѣщенія въ желтомъ городѣ. Юрта для хутухты была приготовлена за оградою желтаго цвѣта. Едва гэгэ̀нъ вошелъ въ нее и успѣлъ оправиться съ дороги,

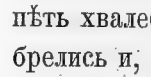
1) Описаніе этихъ празднествъ сохранено для насъ въ Histoire et description de tous les peuples. T. VI, p. 213. Paris. 1848.

какъ къ нему пріѣхалъ въ носилкахъ самъ богдохāнъ. Гэгэнъ вышелъ къ нему на встрѣчу за двери юрты и сталъ на колѣна. «Не становись, не становись на колѣна!» сказалъ богдохāнъ и, поспѣшно вылѣзши изъ носилокъ, взялъ гэгэна за руку и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ юрту. Для богдохāна было приготовлено первое мѣсто, въ сѣверной сторонѣ юрты, противъ дверей; олбóкъ (сѣдалищная подушка) гэгэна былъ положенъ сбоку, на восточной сторонѣ. Богдохāнъ собственными руками потянулъ олбóкъ гэгэна поближе къ своему мѣсту и сказалъ: «садись-ка хутухта повыше»! Тотчасъ поданы были чай и фрукты. «Все ли было у тебя, хутухта, спокойно въ дорогѣ? спросилъ богдохāнъ и далѣе, не дожидая отвѣта, продолжалъ: «теперь ты только что пріѣхалъ, отдохни, а потомъ, не торопясь, послѣ перваго числа и поѣдешь назадъ». Обратившись къ приближеннымъ, онъ сказалъ: «смотрите, чтобы все было подходяще для здоровья гэгэна; надѣюсь, что теперь все исправно!» — «По милости великаго богдохāна», отвѣчалъ хутухта, «я благополучно пріѣхалъ, проживу здѣсь до 1-го числа и выѣду». — «Чему же ты теперь обучаешься»? спросилъ богдохāнъ хутухту. «Изучаю цанѝтъ», — отвѣчалъ тотъ. Промолчавъ нѣсколько и посмотрѣвъ на хутухту, богдохāнъ спросилъ его: «сколько тебѣ лѣтъ?» — «Четырнадцатый годъ», отвѣчалъ хутухта и засимъ тотчасъ же спросилъ: «можно ли мнѣ поклониться Цзандàнъ-цзӯ [1])?» — «Можно», — отвѣчалъ богдохāнъ. «Когда?» — «Когда хочешь; да ты съ своими шабинàрами и въ саду, и въ цвѣтникахъ у меня погуляй», сказалъ богдохāнъ, поднимаясь съ своего мѣста. Выходя изъ юрты, богдохāнъ сказалъ, что хутухта хотя и молодъ, но у него есть нѣчто особенное: «видно, что высокаго рожденія». Когда вслѣдъ за симъ гэгэнъ представился богдохāну, послѣдній снялъ съ себя одѣтыя у него но шеѣ каралловыя четки и пожаловалъ ихъ гэгэну. Сопровождавшимъ гэгэна 22-мъ ламамъ также приказалъ подарить по четкамъ и по хадакȕ. Не медленно по возвращеніи хутухты послѣ этой аудіенціи на квартиру, къ нему присланы были отъ богдохāна 60 соболей, 9 кусковъ шелковыхъ матерій и 1 кусокъ маннȕка, т. е. шелковаго штофа, затканаго изображеніями драконовъ, причемъ богдохāнъ приказалъ сказать, что это привѣтственный подарокъ ему по случаю прибытія въ Пекинъ. Приближеннымъ хутухты было пожаловано по одному куску шелковыхъ матерій. Присмотръ за жизнью хутухты въ Пекинѣ былъ возложенъ на одного изъ князей крови, извѣстнаго подъ именемъ 16-го вàна. Когда этотъ вàнъ зашелъ къ хутухтѣ, для него стали приготовлять почетное сѣдалище. «Не нужно, не нужно», сказалъ вàнъ: «я забочусь, чтобы хутухтѣ было спокойно; а я, въ присутствіи гэгэна, посижу

1) Кумиръ сандальнаго будды, находящійся въ монастырѣ Сунъ-чжу-сы.

и на простомъ олбо̀кѣ». Черезъ нѣсколько дней пріѣзжалъ 12-й ва̀нъ и принялъ отъ хутухты благословеніе. Послѣ сего, по высочайшему повелѣнію богдоха̄на, гэгэ̀ну приносили отъ богдоха̄нскаго стола плоды, разныя кушанья и сласти, а помимо того, во все время пребыванія въ Пекинѣ, ему отпускались: мука, кру̀па, овощи, баранина и приправа къ кушаньямъ.

При возвращеніи въ Халху, гэгэ̀ну было дано право имѣть ограду съ желтою каймою и подаренъ былъ къ употребленію походный дворецъ, окруженный такою же желтою оградою. Всего онъ заключалъ въ себѣ 73 отдѣленія (комнаты). Ограда этого походнаго дворца обосновывалась на столбахъ съ рѣзными изображеніями птицъ и на 120 колоннахъ; въ ней было шесть выходныхъ наружу дверей, съ навѣсами. Укрѣплялась она на землѣ двумя цѣльными веревками, съ сотнею деревянныхъ гвоздей и 400 желѣзныхъ. Сверхъ сего гэгэ̀ну было пожаловано на обратный путь 10,000 ланъ серебра.

По прибытіи въ Халху, гэгэ̀нъ, какъ надо предполагать, проживалъ въ Ургѣ, проводя свое время то за ученіемъ, то за забавами, въ обществѣ своихъ приближенныхъ ламъ, старавшихся возвысить его значеніе распространеніемъ въ народѣ слуховъ о разнаго рода чудесныхъ событіяхъ въ его жизни. Къ этой порѣ жизни гэгэ̀на относится, напримѣръ, такая легенда. Однажды гэгэ̀нъ, сидя въ своей юртѣ, среди ламъ, вдругъ улыбнулся. «Какая причина твоей улыбки?» спрашиваютъ его ламы. На востокъ, за хӯрѣнемъ, далеко отсюда, пасутъ телятъ два мальчика-хуварà ка; спросите у нихъ, что они дѣлали?» Одинъ изъ ламъ-привратниковъ хутухты отправился по указанію, нашелъ двухъ мальчиковъ и узналъ отъ нихъ, что передъ симъ, спасаясь отъ лѣтняго зноя, они укрылись подъ навѣсъ утесистаго берега рѣки То̄лы. Среди обычнаго разговора имъ вдругъ пришло на мысль, не забыли ли они тѣхъ молитвъ, которыя учили зимою, и начали пѣть хвалебную пѣснь () Чо̀йчжилю. Телята ихъ между тѣмъ разбрелись и, увидавъ это, они отправились, чтобы сгрудить ихъ въ одно стадо. Въ это время скала, подъ которою они сидѣли, рухнула въ воду. Когда привратникъ возвратился въ юрту гэгэ̀на и разказалъ объ этомъ обстоятельствѣ, то гэгэ̀нъ возвѣстилъ, что этимъ двумъ мальчикамъ, за дѣла, совершенныя ими въ прежнихъ перерожденіяхъ, надлежало быть погребенными подъ этимъ обваломъ; но Чо̀йчжиль, обрадованный пѣніемъ своего хвалебнаго гимна, на время поддержалъ утесъ и опустилъ его только тогда, когда мальчики ушли изъ этого своего убѣжища. Видя все это, гэгэ̀нъ и улыбнулся въ радостномъ сознаніи покровительства бодиса̀твы и святости дѣяній своихъ шабина̀ровъ.

Въ другихъ легендахъ, относящихся къ этому періоду жизни гэгэ̀на,

сказываются, повидимому, черты напоминающія дѣйствительное времяпровожденіе гэгэ̀на. Однажды, повѣствуетъ легенда, хутухта̀, гуляя съ своими приближенными по берегу рѣки Тӧлы, приказалъ схватить одного изъ своихъ шабина̀ровъ, привязать ему къ рукамъ и ногамъ по камню и бросить въ Тӧлу. Прошло нѣсколько дней, приближенные гэгэ̀на, вспомнивъ о брошенномъ человѣкѣ, попросили у гэгэ̀на позволенія отыскать его. Гэгэ̀нъ отправился самъ и, прошедши отъ того мѣста, гдѣ былъ брошенъ юноша, довольно большое пространство внизъ по рѣкѣ, увидалъ, что брошенный застрялъ между камнями въ рѣчной стремнинѣ. «Какъ ты себя чувствуешь»? спросили его всѣ, вытаскивая изъ воды. «Поясница, да спина немного побаливаютъ», отвѣчалъ тотъ; «а впрочемъ я совершенно здоровъ». — Въ другой разъ гэгэ̀нъ приказываетъ привести изъ табуна жеребца-неука, и когда таковой былъ приведенъ, то привязать къ его хвосту одного изъ шабина̀ровъ и пустить. Неукъ помчался, таща и лягая привязаннаго. По истеченіи нѣсколькихъ дней приближенные гэгэ̀на опять спрашиваютъ о подвергшемся этой пыткѣ, гэгэ̀нъ приказываетъ отыскать его и его находятъ опять-таки не только живымъ, но даже не имѣющимъ ни одной царапинки на тѣлѣ. Мы полагаемъ, что подобные разказы могутъ имѣть и дѣйствительную подкладку, ибо, проводя свое время среди льстивыхъ и угодливыхъ ламъ и окруженные толпою раболѣпныхъ сверстниковъ, гэгэ̀ны до настоящей поры изобрѣтаютъ не мало подобныхъ дикихъ, варварскихъ шутокъ, которыми ламы пользуются для доказательства божественныхъ силъ своего хутухты. О необычайномъ значеніи этихъ силъ къ той же порѣ относится еще и такой разказъ. Однажды изъ хӯрэ̄ня вышелъ за сборомъ милостыни одинъ лама и пошелъ, что называется, куда глаза глядятъ. Добрался онъ до дархà тскихъ кочевьевъ, гдѣ въ это время въ юртѣ какого-то богатаго монгола мучилась въ родахъ жена. Такъ какъ роды длились уже нѣсколько дней, то богачъ пригласилъ къ себѣ ламъ для совершенія гӯрю̀ма (молебствія о больныхъ). Прибывшіе ламы приготовили изъ тѣста изображеніе человѣка, олицетворявшаго того злого духа, который поселился въ тѣлѣ страдавшей женщины (цзолѝкъ) и начали читать «кан-ду-диб-салъ». Читали уже два дня, а пользы все не было. Какъ разъ въ эту пору проходилъ мимо нашъ скиталецъ-лама. Богачъ, увидавши его, выбѣжалъ изъ своей юрты и съ благоговѣніемъ говоритъ ему: «о, явившійся изъ обителей самаго будды, лама мой, спаси отъ страданій мою жену!» Ламы, служившіе до сего времени свой молебенъ, разсердились на богача, поднялись и ушли съ словами: «когда ты намъ не вѣришь, пусть тебѣ служитъ гӯрю̀мъ этотъ побирашка!» — Нашъ лама былъ между тѣмъ совершенно неученый: никогда не читалъ онъ ни одной священной книги, не

учился ни отправленію гӱрю̀мовъ, ни другимъ средствамъ религіознаго врачеванія болѣзней; всѣ его знанія ограничивались лишь чтеніемъ двухъ молитвъ. Вошедши въ юрту богача, началъ онъ, для виду, читать эти двѣ молитвы и въ то же время съ полнымъ благоговѣніемъ молиться въ душѣ своему гэгэ̀ну, Чжэбцзӱ̀нъ-дамба̀-хутухтѣ, чтобы онъ помогъ ему счастливо отдѣлаться въ этой чужой сторонѣ. И вдругъ, воочію всѣхъ, цзолѝкъ, приготовленный ушедшими ламами, двинулся съ мѣста и вышелъ изъ юрты. Лама нашъ начинаетъ снова и еще усерднѣе молиться Чжэбцзӱ̀нъ-дамбѣ и слышитъ, что на ухо ему шепчетъ голосъ: «налей въ чашечку воды, прочитай надъ нею двѣ извѣстныхъ тебѣ молитвы и поставь ее на голову больной». Лишь только исполнилъ онъ все это, женщина родила сына. Всѣ съ вѣрою смотрѣли на ламу и поднесли ему и массу скота, и всякаго рода другихъ подарковъ; слава о немъ разнеслась по всей окрестности. А между тѣмъ въ ту же пору былъ здѣсь другой богачъ, также точно страдавшій въ силу навожденій на него шаманскихъ онго̀новъ: руки и ноги его скорчило, спину согнуло, онъ лежалъ въ страшныхъ мукахъ. Прослышавъ о вышепомянутомъ хӱрѣньскомъ ламѣ, какъ о могущественномъ цѣлебникѣ, онъ послалъ своихъ слугъ пригласить его. Нашъ лама снова начинаетъ молиться Чжэбцзӱ̀нъ-дамба̀-хутухтѣ и проситъ его указать ему, идти ли по тому призыву, или нѣтъ? Въ отвѣтъ на эту молитву онъ снова слышитъ шепотъ на ухо: «ступай; тамъ въ юртѣ, съ сѣверной стороны, на почетномъ мѣстѣ, хранится шаманскій онго̀нъ; на ночь ты не ложись спать въ этой юртѣ, а приготовь себѣ высокую постель снаружи юрты, противъ того мѣста, гдѣ лежитъ онго̀нъ и что схватишь ночью въ руки, держи покрѣпче!» Лама отправился и точно выполнилъ то, что было ему приказано. Наутро онъ былъ разбуженъ шумомъ прибывшаго поѣзда. Это привезли къ нему шамана, который оказался такимъ же скорченнымъ какъ и больной, пригласившій къ себѣ ламу. «Спаси меня лама»! кричалъ шаманъ, «я умираю, отнынѣ никогда не буду я доставлять тебѣ никакого безпокойства»! Лама, посмотрѣвши что было у него въ рукахъ, увидалъ вылѣпленное изъ тѣста изображеніе скорченнаго человѣчка. Онъ расправилъ этой фигуркѣ и руки, и ноги, и спину; а одновременно съ симъ расправлялись и тѣ же части тѣла у обоихъ больныхъ. За такое исцѣленіе лама получилъ еще больше приношеній и снова началъ молиться Чжэбцзӱ̀нъ-дамбѣ о разрѣшеніи вопроса—возвращаться ли ему въ Ургу, или еще оставаться въ странѣ Дархà̀товъ. «Теперь можешь возвращаться», проговорилъ ему на ухо голосъ, и покорный его велѣнію лама забралъ свои подарки и двинулся въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Провидя духомъ приближеніе этого ламы, гэгэ̀нъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего привратника

и приказалъ ему немедленно представиться. Когда лама явился и сдѣлалъ обычное поклоненіе гэгэ̀ну, послѣдній сказалъ ему: «отнынѣ ты такъ далеко въ чужую сторону не заходи: когда ты оказался на чужбинѣ, безъ всякихъ средствъ и началъ мнѣ молиться, я не могъ не помочь тебѣ; но съ другой стороны, у меня и подводы не было чтобы поспѣшить къ тебѣ; поэтому я долженъ былъ уже занять у генія покровителя здѣшнихъ мѣстъ изюбря, чтобы на немъ добраться до тебя».

Въ 3-е лѣто правленія Цянь-луна, въ годъ желтой лошади (1738) гэгэ̀ну исполнилось, по монгольскому лѣтосчисленію, 16 лѣтъ и, высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ въ Долбо̀нъ-нӯрѣ отъ 17 числа Цага̀нъ-сары̀, Ли-фань-юаню предписывалось утвердить хубилга̀на Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты дѣйствительнымъ хутухтою и выдать ему грамоту, писанную на золотомъ листѣ и золотую печать на это званіе. Съ этой поры сказанія о дѣятельности гэгэ̀на принимаютъ уже другой, болѣе дѣловитый характеръ. Въ слѣдующемъ 1739 г. онъ обосновываетъ, напримѣръ, въ Ургѣ дацà̀нъ для изученія тарнистѝческихъ системъ, постановивъ учителемъ этого дацà̀на Йондо̀нъ-цорчжѝ-ламу и одновременно съ симъ устраиваетъ особую отъ этого дацà̀на кумирню «Чжуды̀йнъ-сӯмэ̀», а далѣе предпринимаетъ цѣлый рядъ новыхъ построекъ и исправленій старыхъ кумиренныхъ зданій какъ въ Ургѣ, такъ и въ другихъ монастыряхъ. Мы знаемъ уже, что въ эту же пору былъ во многомъ поправленъ и эрдэнѝ-цзӯскій монастырь (см. стр. 433—434). Ламы не преминули, конечно, украсить своими легендами и этотъ періодъ, но число такихъ легендъ, кажется, уже очень не велико. Разказываютъ, что однажды гэгэ̀нъ собралъ всю свою дворню и приказалъ всѣмъ разойтись по своимъ домамъ, предупредивъ еще, что если кто въ эту ночь услышитъ какой шумъ, то не выходилъ бы изъ своей юрты; самъ онъ оставилъ при себѣ на ночлегъ одного только келейника, которому приказалъ лечь въ отдѣльной комнатѣ и также точно не выходить изъ нея, чтобы ни случилось въ окружности. Ночью келейнику этому послышался шумъ какъ будто отъ входившаго множества народа и вся эта толпа, очевидно, направлялась въ молельную гэгэ̀на. Проходя мимо, люди эти бросили на ноги келейника какія-то тяжелыя вещи и засимъ все смолкло. Келейникъ, приподнявшись, посмотрѣлъ, что такое лежитъ у него на ногахъ и оказалось, что это было нѣчто вродѣ сапогъ, сшитыхъ изъ барсовой кожи. Спустя довольно долгое время, снова послышался шумъ, какъ будто толпа эта уходила и вслѣдъ засимъ начало свѣтать. Вставъ утромъ и отправившись, по обычаю, убирать комнату гэгэ̀на, келейникъ увидалъ въ ней до десяти сундуковъ, наполненныхъ серебромъ и спросилъ гэгэ̀на, откуда эти деньги? «Предполагая, что намъ нужны будутъ деньги для обновленія и

построекъ кумирень», отвѣчалъ гэгэ̀нъ, «я приказалъ геніямъ-хранителямъ алтайскихъ и хангайскихъ горъ доставить серебра и вотъ они теперь представили мнѣ его нынѣшнею ночью». Такимъ образомъ, по понятіямъ нынѣшнихъ монголовъ, распространеніе ламаизма въ Халхѣ совершалось въ старыя времена, могуществомъ гэгэ̀на, безъ всякаго обремененія налогами самихъ монголовъ.

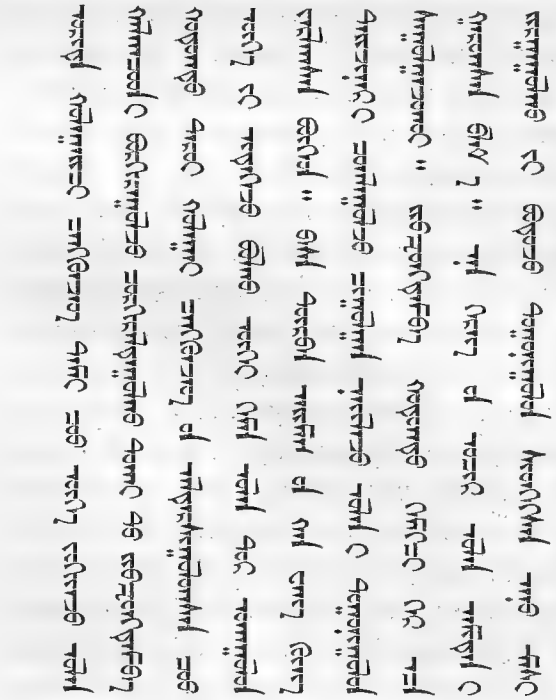
Въ дѣйствительности это было, конечно, далеко не такъ. Обновляя свои монастыри, гэгэ̀нъ дѣлалъ постоянно воззванія къ народу и потребное для построекъ серебро стекалось къ нему со всѣхъ концовъ Халхи. Воздвигнутыя зданія и совершаемыя въ нихъ торжественныя церемоніи возбуждали религіозное чувство народа, который безгранично благоговѣлъ передъ личностью гэгэ̀на, тѣмъ болѣе что значеніе сего послѣдняго, несомнѣнно, поддерживалось еще и его физическимъ происхожденіемъ и родствомъ съ важнѣйшими свѣтскими правителями Халхи. Все это не могло не возбудить подозрительности китайскаго двора, который долженъ былъ опасаться вліянія гэгэ̀на на народъ, а потому и не замедлилъ принять свои мѣры къ ограниченію значенія хутухты въ народѣ и серіозному наблюденію за его дѣятельностью. Все это съ необычайною ясностью вытекаетъ изъ разсмотрѣнія отношеній тогдашняго пекинскаго правительства къ хутухтѣ. 12-го числа средней лѣтней луны 6-го года правленія Цянь-луна (1741 г.) богдохā̀нъ издалъ нижеслѣдующій рескриптъ. «Прежде, когда чжунгарскіе мятежники вторглись въ халхаскія кочевья, царственный родитель мой, опасаясь, что они могутъ причинить зло Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухтѣ, издалъ высочайшій декретъ, которымъ повелѣвалъ переселить хутухту въ Долṑнъ-нӯръ; а засимъ, когда военныя дѣйствія были окончены, хутухту, согласно просьбѣ халха̀совъ, по старому, перемѣстили на жительство въ его халхаскій хӯрḕнь. Народъ чжунгарскій однако искони вѣковъ отличался хитростью и коварствомъ, онъ постоянно возмущался и производилъ волненія. Сколько ни увѣряютъ они теперь о своихъ признательности и миролюбіи; однако не будетъ ничего удивительнаго, если они вдругъ измѣнятъ снова и, выискавъ причины, опять коварно пошлютъ свои войска и нападутъ на хутухту. Хутухта есть великій учитель лама, постоянно чествуемый халхасами; все находящееся въ связи съ нимъ имѣетъ чрезвычайное значеніе и о томъ, какъ бы самымъ прочнѣйшимъ образомъ обстановить его охрану, стоитъ подумать! Посему, препровождая настоящій рескриптъ эфу Цэрэ̀ну, повелѣваемъ ему, вмѣстѣ со старѣйшими цзасака̀ми четырехъ халхаскихъ а̀ймаковъ, съ завѣдующимъ дѣлами хутухтѝнскаго хӯрḕня тӯшḕтӯ-ха̀номъ Дондо̀къ-дорчжіемъ и э̀фу Дондо̀бъ-дорчжіемъ, тщательно и всесторонне обсудить вопросъ о томъ, какъ устроить охрану

Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухтѝнскаго хўрѣня и какимъ образомъ можно съ большимъ удобствомъ перемѣщать хутухту за предѣлы Халхи, при малѣйшемъ движеніи на ея границахъ, а засимъ о результатахъ этого совѣщанія представить всеподданнѣйшій докладъ. Прежде, когда хутухта былъ помѣщенъ въ Долбнъ-нўрѣ, немедленно же были откомандированы два хя̄ (адъютанта), которые по очереди присматривали за хутухтою; нынѣ, когда хутухта перекочевалъ, надлежитъ по старому назначить двухъ хя̄ съ тѣмъ, чтобы они, смѣняясь по годовой очереди, присматривали, проживая при хутухтѣ. Если при хутухтѣ будутъ проживать эти хя̄, то для всѣхъ будетъ полезно, да и я буду постоянно получать извѣстія о здоровьи гэгэ̀на, когда будетъ онъ жить въ Ургѣ». Такимъ образомъ за каждымъ шагомъ хутухты былъ устроенъ постоянный надзоръ китайцевъ. Это не помѣшало, конечно, гэгэ̀ну удерживать свое значеніе въ народѣ и халха̀сы попрежнему видѣли въ немъ свое высшее живое божество, для котораго они не щадили никакихъ жертвъ. Такъ въ 1750 году Донко̀ръ-маньчжўшри-хутухту поднесъ Чжэбцзўнъ-дамбѣ и свой монастырь, едва отстроенный имъ на южной сторонѣ Ха̄нъ-ўлы, и своихъ шабина̀ровъ, черезъ что вѣдомство ургинскихъ хутухтъ возросло, сразу больше чѣмъ на 1000 семей; въ общемъ же число хутухтинскихъ шабина̀ровъ, говорятъ, простиралось въ эту пору уже до значительнаго числа въ 30,000 душъ. Такое обширное владѣніе всецѣло находившееся въ распоряженіи хутухты, въ свою очередь, не могло не смущать китайцевъ, а потому, не будучи въ силахъ уничтожить духовную власть и религіозное вліяніе гэгэ̀на на народъ, они постарались ограничить его сношенія съ народомъ по крайней мѣрѣ по званію свѣтскаго правителя. Въ 1754 году богдоха̄нъ издалъ декретъ, которымъ объявлялъ, что Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухтѣ, какъ монаху и главѣ ламаизма въ Монголіи, неприлично, да и не можетъ быть времени для непосредственнаго участія въ занятіяхъ свѣтскими дѣлами своихъ шабина̀ровъ; а посему для таково̀го управленія въ Ургѣ учреждается особая должность «эрдэнѝ-шанцзотбы̀», исправленіе которой и возлагается на главнаго ургинскаго казначея, сэцэ̀нъ-то̀йна, Лундўбъ-дорчжѝ. Этотъ шанцзотба обязанъ былъ вести всѣ дѣла по управленію шабина̀рами и только рѣшенія свои представлять на утвержденіе Чжэбцзўнъ-дамбы̀, которому присутствовать лично при всякаго рода дѣлопроизводствахъ безусловно воспрещалось. Конечно, все это было направлено къ тому, чтобы ограничить значеніе хутухты, въ распоряженіи котораго теперь остались исключительно ламайскія дѣла. Устроивая эти послѣднія, Чжэбцзўнъ-дамба̀ учредилъ въ Ургѣ въ 1755 г. первую для Халхи школу цанѝта, или изученіе высшей догматики и исторіи буддизма, съ устройствомъ при ней публичныхъ диспутовъ и выдачею соот-

вѣтственныхъ ученыхъ степеней. При этомъ всякаго рода внѣшность, начиная отъ архитектуры цанѝтскихъ дацàновъ и оканчивая костюмами цанѝтскихъ ламъ и составленіемъ напѣвовъ для цанѝтскихъ хурà'ловъ, все это было составлено самимъ хутухтою.

Въ томъ же 1755 году богдохāну пришлось однако волей неволей вмѣшать хутухту въ дѣла свѣтской политики. Разыгравшіяся въ эту пору смуты Амурсаны, мечтавшаго объ отдѣленіи Чжунгаріи отъ Китая и объ основаніи самостоятельнаго чжунгарскаго хāнства, возбудили тѣ же надежды и въ Халхѣ, а сѣверо-западныя халхаскія княжества уже прямо волновались, поднимая у себя тотъ же вопросъ о независимости. При таковыхъ обстоятельствахъ богдохāнъ приказалъ пекинскому Чжанчжà-хутухтѣ послать письмо къ Чжэбцзўнъ-дамбà-гэгэ̀ну съ просьбою посодѣйствовать умиротворенію края и пекинскій іерархъ исполнилъ это, отправивъ свое посланіе въ такихъ выраженіяхъ. «Недостойный Чжанчжà-хутухту у (падмы) ногъ спасительнаго и высокаго гэгэ̀на проситъ и молитъ: нынѣ халхаскіе àймаки собрали войска, назначеніе которыхъ не согласуется ни съ гражданскими законами, ни съ поставленіями религіозными; если заведутъ они дѣла, на которыхъ обоснуется смутное время, развѣ это не будетъ злѣйшимъ бѣдствіемъ для вѣры и существъ?! Высочайшій святитель гэгэ̀нъ, вѣдая о такихъ обстоятельствахъ, примите сіе сказанное въ свою милосердую мысль». Чжэбцзўнъ-дамбà отвѣчалъ на это, чтобы Чжанчжà не безпокоился и что дѣло обойдется мирно. Дѣйствительно, въ восточной половинѣ Халхи, гдѣ вліяніе хутухты было сильнѣе, все было спокойно, но на западѣ смуты вскорѣ разразились открытымъ мятежемъ. По наущенію Цэнгўньчжабà, халхасы сняли почтовые станки, соединявшіе Калганъ съ Улāсутаемъ и такимъ образомъ сообщеніе Китая съ Халхою было прервано: китайцы не могли теперь не только съ удобствомъ посылать свои войска на западныя границы, но даже и получать извѣстія изъ Монголіи, Въ надеждѣ подавить это возстаніе при посредствѣ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты, богдохāнъ написалъ ему уже собственноручно письмо, въ которомъ, излагая обстоятельства прекращенія почтовыхъ сообщеній, говорилъ: «все это обусловливается легковѣрностью неразумныхъ халхасовъ; поэтому то я и не буду строго судить и обвинять ихъ. Если они, узнавъ объ изданномъ мною въ настоящую пору повелѣніи, возвратятся каждый на свою оставленную станцію, то я всѣхъ ихъ прощу и никому не поставлю въ вину ихъ проступка; если же, зная о такомъ моемъ увѣщаніи, они съ прежнимъ самодурствомъ будутъ выставлять разныя причины и не пойдутъ на станціи, то я буду судить ихъ наистрожайшимъ образомъ. Весьма вѣроятно, что и въ вашихъ àймакахъ есть подобные же люди. Если таковые въ самомъ дѣлѣ

имѣются, то скажи имъ такъ: «нынѣ богдохāнъ, по своей великой милости, прощаетъ вамъ вашъ проступокъ оставленія станцій; отправляйтесь же поскорѣе каждый на свой станокъ и исполняйте свои обязанности». Сверхъ сего ты, хутухта, являешься великимъ ламою, котораго чествуютъ всѣ четыре àймака; поэтому откомандируй нѣсколько старшихъ и наиболѣе заслуживающихъ довѣрія ламъ съ тѣмъ, чтобы они разслѣдовали бы это дѣло и внушали бы, что волноваться изъ-за пустыхъ слуховъ невозможно». Мы знаемъ что Чжэбцзўнъ-дамбà исполнилъ это повелѣніе богдохāна и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возстаніе въ Халхѣ было всецѣло подавлено. Имѣли при этомъ бо̀льшее значеніе откомандированныя богдохāномъ войска, или увѣщанія хутухты, сказать трудно; но, несомнѣнно, что богдохāнъ высоко оцѣнилъ вліяніе гэгэ̀на въ дѣлѣ умиротворенія смутъ и 8-го числа 12-й луны того же 1755 годъ издалъ высочайшій рескриптъ, текстъ котораго высоко цѣнится халхасами; какъ святыня хранится онъ въ казначействѣ хутухты, вывѣшенъ въ копіи и въ гэгэ̀новскомъ дворѣ, и въ цокчѝнской кумирнѣ, записывается не только во всѣхъ лѣтописяхъ, а даже въ самыхъ краткихъ исторіяхъ хутухты. Вотъ его не многосложное, но въ высшей степени изящное изложеніе:



Въ переводѣ это значитъ: «Прежде, когда измѣнникъ Цэнгўнь-чжà̀бъ, распустивъ пустыя и лживыя рѣчи, смутилъ и взволновалъ многихъ халхасовъ, Чжэбцзўнъ-дамбà хутухту тотчасъ же внушилъ толпѣ, что не воз-

можно вѣрить разславленной болтовнѣ вора Цэнгӯнь-чжа̀ба и, собравъ на сеймъ ха̄новъ, ва̀новъ, гуновъ и та̀йчжіевъ четырехъ а̀ймаковъ, заставилъ толпу жить смирно. Какъ отрѣшившійся отъ дома и мірскихъ интересовъ лама, Чжэбцзӯнъ-дамба̀ хутухтӯ, умиротворяя, руководился исключительно тѣмъ, чтобы доставить благоденствіе множеству одушевленныхъ существъ: и какъ достойнаго всякихъ похвалъ хутухту надлежитъ удостоить за это богатыхъ милостей, то я къ имѣющемуся теперь у Чжебцзӯнъ-дамба̀ хутухты титулу «просвѣтителя вѣры» нынѣ прибавляю еще титулъ: «благодѣтеля одушевленныхъ существъ (ᠠᠮᠤᠷᠯᠠᠯᠵᠢ ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠰᠡᠳᠭᠡᠭᠴᠢ)». Одновременно съ симъ гэгэ̀ну были пожалованы множество разноцвѣтныхъ матерій и наконецъ право разъѣзжать въ телѣгѣ красновато-желтаго цвѣта. Въ слѣдующемъ 1757 году всѣ эти пожалованія были подтверждены документами: гэгэ̀ну снова была прислана грамота на золотомъ листѣ и золотая печать, въ которыхъ онъ именовался уже двумя титулами «просвѣтителя вѣры и благодѣтеля одушевленныхъ существъ»; сообразно сему была измѣнена и печать хутухтѝнскаго шанзотбы̀, равно какъ и другія печати его вѣдомства.

Лѣто 1757 года было замѣчательно появленіемъ въ Хӯрэ̄ни оспы, и по поводу этой эпидеміи у ламъ существуетъ опяти таки легенда. Разказываютъ, что гэгэ̀нъ въ эту пору вооружилъ толпу своихъ ламъ и, принявъ на себя видъ докшѝта, выѣхалъ съ ними изъ Хӯрэ̄ня въ степь. Здѣсь хутухта сказалъ своимъ спутникамъ: «если кто изъ васъ увидитъ что-либо вродѣ человѣка, ѣдущаго на черно-лысомъ верблюдѣ, тотчасъ же стрѣляй въ него!» Никто не увидалъ ничего подобнаго и только самъ гэгэ̀нъ настигъ этого злобнаго духа оспы въ горахъ, окружающихъ Хӯрэ̄нь, на пространствѣ между Хӯрэ̄немъ и нынѣшнимъ монастыремъ Дамба̀-дорчжѝ. Гэгэ̀нъ схватилъ этого духа и тотъ поклялся ему, что послѣ сего онъ никогда не придетъ на это мѣсто. Въ память такого событія было воздвигнуто обо̄, находящееся донынѣ близъ монастыря Дамба̀-дорчжѝ. Въ силу такого обѣта, даннаго духомъ, въ монастырѣ Дамба̀-дорчжѝ, по вѣрованію монголовъ, никогда не бываетъ оспы, а потому когда въ періодъ жизни третьяго и четвертаго хубилга̀новъ въ Ургѣ появлялась эта эпидемія, то хутухты всегда уѣзжали изъ Хӯрэ̄ня въ монастырь Дамба̀-дорчжѝ. Существуетъ однако и другое преданіе, которое гласитъ, что и самъ второй гэгэ̀нъ умеръ отъ той же оспы, причемъ онъ якобы даже провидѣлъ и предсказалъ свою кончину. Явившись послѣ своей бесѣды съ оспеннымъ духомъ въ барӯнъ ӧргӧ̄, или кумирню Абата̀я, гдѣ ламы въ ту пору служили ханга̀лъ, гэгэ̀нъ якобы сталъ посреди главнаго прохода и сказалъ: «согласно изреченію, молодой отростокъ, продолжая ростъ стараго дерева, живетъ сто двадцать

лѣтъ, я также точно долженъ прожить 120 лѣтъ». Всѣ хуваràки съ радостью говорили: «нашъ лама проживетъ долго»; однако въ средѣ хурàла нашелся и одинъ мудрый шанцзотбà, по имени Пунцýкъ-гэлýнъ, который молчалъ и не только не радовался, а даже запечалился и сидѣлъ, понуривъ голову. «Что же ты молчишь?» спросили его хуваràки. «Эти слова нашего гэгэ̀на Вà̀чжра-дà̀ры», отвѣчалъ онъ, «предвѣщаютъ его кончину. Если на лѣта жизни Ýндýръ-гэгэ̀на, — стараго дерева, — наростить лѣта жизни настоящаго хутухты, то получится 120 лѣтъ. Вотъ что значатъ эти слова! Вамъ нужно не радоваться, а посовѣщаться, да поднести гэгэ̀ну дансýкъ и молить его о продленіи его пребыванія съ нами». Но прежде чѣмъ ургинскіе ламы собрались поднести свой мà̀ндалъ, гэгэ̀нъ заболѣлъ; болѣзнь его день-ото-дня становилась сильнѣе и 27-го числа послѣдней зимней луны 1757 года онъ скончался.

Избраніе второго хубилгà̀на Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухты показало пекинскому двору, какъ вредно было для халхасовъ имѣть перерожденцевъ гэгэ̀на въ своей странѣ. Многіе князья перессорились, устроивали одинъ противъ другого заговоры и истощали своихъ данниковъ, собирая съ нихъ деньги на подарки; вслѣдъ за князьями дѣлились также на партіи и ихъ податные, которые, при своихъ невѣжествѣ и ненависти, дозволяли себѣ производить уже всякаго рода насилія и безпокойства. Говорятъ, что тѣ холодныя отношенія, которыя доселѣ еще отличаютъ роды тýшэ̄тý-хà̄новъ и цэцэ̀нъ-хà̄новъ, возникли именно со временъ избранія второго хубилгà̀на и цэцэ̀нъ-хà̄новцы $1^1/_2$ столѣтія не могутъ простить тýшэ̄тý-хà̄новцамъ того коварства, съ которымъ они отклонили тогда представленнаго въ кандидаты Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухты сына цэцэ̀нъ-хà̄нова. Истощеніе страны во взаимныхъ распряхъ, правда, всегда согласовалось съ политикою Китая въ отношеніи подвластныхъ ему народовъ; но въ данномъ случаѣ это было черезчуръ тяжело даже и для него самого. Вся Монголія была переполнена тогда распрями и бунтами, для усмиренія которыхъ китайцамъ приходилось посылать войска и содержать цѣлыя арміи. Съ другой стороны, то возраставшее вліяніе, которое имѣли гэгэ̀ны на монголовъ, не могло не возбуждать въ пекинскомъ дворѣ опасенія за прежнюю подчиненность Монголіи, или по крайней мѣрѣ за ея спокойствіе. Смуты въ Халхѣ при избраніи гэгэ̀на и опасеніе за вліяніе его на народъ, вотъ двѣ причины на основаніи которыхъ пекинское правительство могло желать, чтобы третій гегэ̀нъ переродился не въ Монголіи, а въ Тибетѣ. Для опредѣляющихъ личность гэгэ̀на тибетскихъ тайновѣдцевъ выраженіе такого желанія богдохà̄на должно было имѣть, конечно, смыслъ обязательнаго къ выполненію распоряженія.

Относительно воплощенія третьяго хубилга̀на Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты мы имѣемъ слѣдующія сказанія. Незадолго до смерти второго хубилга̀на, въ Тибетѣ, къ дала̀й-ламѣ Галса̀нъ-чжамцо̀, явился на поклоненіе владѣтельный князь Литанской и Камской провинцій Данъцзѝнь-го̀мбо. При этомъ свиданіи, дала̀й-лама выразилъ желаніе, чтобы Данъцзѝнь-го̀мбо женился на дочери тогдашняго тибетскаго калуна [1]), Боронч̀жи, и тибетскій князь не замедлилъ, конечно, привести этотъ совѣтъ дала̀й-ламы въ исполненіе. Когда Данъцзѝнь-го̀мбо, отпраздновавъ свою свадьбу, снова явился на поклонъ къ Галса̀нъ-чжамцо̀, послѣдній подарилъ новобрачной княгинѣ свое оркимчжѝ, а когда молодые уходили, то долго смотрѣлъ съ верхняго этажа своего дворца вслѣдъ этой, по словамъ его, «благословенной» парочкѣ. На обратномъ пути изъ Хлассы въ Литанъ молодая княгиня, которую звали Норчжѝ-ванбо̀, нашла по дорогѣ «дунга̀ръ-я̀йчиль», т. е. необыкновенно рѣдкую раковину, употребляемую при ламайскихъ хура̀лахъ въ видѣ музыкальнаго инструмента и имѣющую ту особенность, что отверстіе ея открыто въ правую сторону. Подъѣзжая къ дому, ночлега за три, Данъцзѝнь-го̀мбо отправился впередъ, чтобы приготовить все ко встрѣчѣ молодой жены и на первомъ своемъ ночлегѣ, взошедши на гору, началъ совершать жертвоприношеніе; въ эту пору надъ нимъ протянулась пятицвѣтная радуга; всѣ удивились, понявъ, что съ ихъ княземъ должно случиться нѣчто необычайное, и какъ бы въ подтвержденіе этого, самъ Данъцзѝнь-го̀мбо нашелъ здѣсь какой-то прекрасный, дотолѣ невиданный еще цвѣтокъ. Когда княгиня подъѣзжала къ дому, на крышѣ сего послѣдняго установилось лучезарное круглое сіяніе, вродѣ радуги, которое скрылось лишь послѣ того, какъ Данъцзѝнь-го̀мбо подарилъ найденный имъ цвѣтокъ своей супругѣ. Нѣсколько дней спустя, Данъцзѝнь-го̀мбо увидалъ во снѣ, что къ нему пришелъ, опираясь на палку, нѣкій благообразный старецъ, съ длинною бѣлою бородою и сказалъ, что онъ дастъ ему букетъ съ золотыми листьями и плодами; а княгинѣ въ ту же ночь приснилось, что среди ихъ дома выросло дерево kalpavrikça. Сверхъ сего она изо-дня-въ-день видѣла еще и другія благовѣщія сновидѣнія: то, напримѣръ, къ ней спускается съ неба, вмѣстѣ съ солнцемъ, какой-то величественный по виду человѣкъ, съ лицомъ синяго цвѣта; то схватываетъ она за полу платья малютку, который, вращая золотое хўрдэ̀, также спускается къ ней съ неба; то видитъ она луну, восходящую изъ громаднаго воднаго бассейна; то представляется ей, будто сидитъ она дома на высокомъ сѣдалищѣ и вдругъ

1) Калунъ — высшая административная должность въ Тибетѣ, замѣщаемая по выбору. Калуны считаются ближайшими помощниками далай-ламы по всѣмъ частямъ управленія страною.

сверху спѣшитъ къ ней какой-то лама, окруженный лучезарнымъ свѣтомъ. На разсвѣтѣ 1-го числа 10-й луны 1758 года княгиня Норчжѝ-ванбо̀ родила сына и при этомъ была цѣлая масса благовѣщихъ признаковъ. На пятомъ мѣсяцѣ ребенокъ не говорилъ еще ни слова, но дѣлалъ видъ, будто онъ читаетъ священныя книги; на своемъ коврикѣ лежать онъ не любилъ и постоянно тянулся сѣсть на высокое кресло; руками дѣлалъ такія тѣлодвиженія, какъ будто раздаетъ благословеніе народу. Всѣ видѣвшіе это говорили, что это человѣкъ необычайный и непремѣнно будетъ онъ великимъ ламою.

Когда ребенку исполнилось пять мѣсяцевъ, ему, по обычаю, хотѣли сдѣлать и одѣть синюю рубашечку и чудо: дотолѣ не говорившій ни одного слова ребенокъ вдругъ сказалъ: «я не одѣну платья, которое носятъ свѣтскіе люди»! — Всѣ удивились и порѣшили одѣть его въ костюмъ желтаго, ламскаго цвѣта.

Между тѣмъ какъ такія необычайныя знаменія все болѣе и болѣе должны были радостно убѣждать тибетскихъ ламаитовъ о возрожденіи Чжэбцзу̀нъ-дамбы̀ именно въ ихъ средѣ, для самихъ халхасовъ и особливо для шабѝнскаго вѣдомства наступали тяжелые дни цѣлаго ряда разочарованій. Мы видѣли уже, какъ еще за три года передъ симъ богдохàнское правительство начало принимать мѣры, клонившіяся къ отдаленію хутухты отъ народа; смерть второго халхàскаго гэгэ̀на дала этому правительству удобный случай для дальнѣйшаго проведенія такихъ же ограничительныхъ мѣръ. Едва оффиціальное донесеніе о смерти Лобсàнъ-дамба̀-донмѝ достигло до Пекина, какъ Ли-фань-юань представилъ докладъ богдохàну, результатомъ коего было нижеслѣдующее, состоявшееся 7-го числа послѣдней весенней луны 1758 г., высочайшее повелѣніе: «Халхаскій Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухту̀ скончался. Хотя въ Хӯрэ̄ни для завѣдыванія духовными дѣлами и находится шанцзотба̀ Сундӯбъ-дорчжѝ, тѣмъ не менѣе для должнаго управленія низшими шабинàрами не достаточно одного человѣка. Вызвать халхàскаго тусалакчѝ цзя̀нь-цзюна Санцзàй-дорчжѝ и поручить ему какъ присмотръ за Хӯрэ̄немъ, такъ и высшее управленіе шабинàрами». Получивъ такой декретъ, халхасы, конечно, прежде всего поняли, что время свѣтской власти ихъ гэгэ̀на миновало безвозвратно и послѣдній такимъ образомъ почти на половину утратилъ свое значеніе. За всѣмъ тѣмъ положеніе Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты было все-таки заманчиво и до десятка халхаскихъ князей отправило своихъ посланцовъ какъ въ Пекинъ, такъ и въ Тибетъ, чтобы развѣдать о возможности успѣховъ для представляемаго каждымъ изъ нихъ кандидата. Возвратившіеся съ той и другой стороны послы могли привезти съ собою только слухи о намѣреніи богдохàна провозгласить новаго хубилгàна Чжэб-

цзўнъ-дамба̀-хутухты въ Тибетѣ и такіе слухи болѣзненно заволновали Халху. Къ этой порѣ относится знаменитая переписка тўшѣтў-ха̄на съ пекинскимъ Чжанчжа̀-хутўхтою, въ которой тўшѣтў-ха̄нъ выставляетъ на видъ, какъ много потрудились халха̀скіе хубилга̀ны на пользу вѣры и подданства Халхи Китаю; нѣтъ сомнѣнія, что все это имѣло скрытую цѣль указать Пекину на значеніе хубилга̀новъ, которые возрождаются именно въ Халхѣ. Стремясь подтвердить то же положеніе, ургинскіе ламы въ 1760 году открываютъ у себя школу лекарей и устроиваютъ еще особый отъ нея эмчійнъ-дацанъ, провозглашая, что они исполняютъ только то, что было всецѣло подготовлено вторымъ халха̀скимъ хубилга̀номъ Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты. Но всѣ эти усилія ламъ и князей остались безплодны: слухи о тибетскомъ хубилга̀нѣ распространялись все больше и наконецъ дошли до степени непреложности. Халха̀скіе князья, убѣдившись, что хутухта будетъ для нихъ отнынѣ уже не своимъ человѣкомъ, готовы были не только лишить его всѣхъ тѣхъ выраженій пріязни, которыми они окружали прежнихъ хубилга̀новъ, но даже и вовсе не видать его. Въ такомъ состояніи раздраженія они составили тайный совѣтъ и рѣшили, черезъ посредство своего представителя, Санцза̀й-дорчжѝ, сдѣлать докладъ богдоха̄ну, сохранившійся для насъ во всѣхъ своихъ основныхъ пунктахъ. Докладъ этотъ былъ написанъ въ высшей степени политично, ибо, выражая какъ бы свою заботу о гэгэ̀нѣ, халхасы въ то же время видимо старались удалить его отъ себя. Въ первомъ пунктѣ доклада изображалось, что, извѣстившись о возрожденіи Чжэбцзўнъ-дамбы въ Тибетѣ, халхасы намѣрены устроить ему встрѣчу съ необычайнымъ торжествомъ и сдѣлать ему пріемъ лучшій изъ наилучшихъ. «Чжэбцзўнъ-дамба̀», писали они, «есть великій святитель для всего ламайскаго міра, а потому на обязанности каждаго ламаита лежитъ забота объ его почестяхъ, благѣ и охранѣ. Къ сожалѣнію, Урга представляетъ собою пунктъ, въ высшей степени неудобный для жизни гэгэ̀на. Сѣверная Монголія искони служила мѣстомъ для чжунгарскихъ набѣговъ и, удаленная отъ Китая, она представляется почти беззащитной,—хутухтѣ жить здѣсь не безопасно; съ другой стороны, въ періодъ тишины и мира въ Ургу стекается масса народа: въ монастырѣ живутъ и женщины, и торговцы; какое же это мѣсто для религіозныхъ упражненій святаго человѣка? Для пользы дѣла хутухту нужно перемѣстить въ Долō̄нъ-нўръ, ибо тамъ онъ будетъ и безопаснѣе подъ защитою китайцевъ, и молиться ему въ тамошнихъ, удаленныхъ отъ города монастыряхъ удобнѣе. По тому же основанію—высокаго значенія хутухты, халхасы почитали необходимымъ отличить возвышеніемъ и его родителя, а потому поставляли своимъ долгомъ ходатайствовать передъ богдоха̄номъ о пожалованіи отцу третьяго хубилга̀на,

по примѣру родителя далàй-ламы, званія гӯна. Еще далѣе халхаскіе князья, прежде дававшіе главенство хутухтѣ во всѣхъ своихъ гражданскихъ дѣлахъ, теперь, вмѣстѣ съ китайскимъ правительствомъ, предполагали, что хутухтѣ не удобно ни заниматься свѣтскимъ правленіемъ, ни даже взимать свѣтскія подати со своихъ шабинàровъ; а потому они просили, чтобы богдохāнъ назначилъ хутухтѣ свое жалованье, шабинàры же были бы избавлены отъ податей въ пользу хутухты, а отбывали бы общія, казенныя повинности, наравнѣ со всѣми другими простолюдинами: ихъ предлагалось раздѣлить на хошӯны и сумӯны, даргàмъ, или правителямъ ихъ, дать чиновные шарики, самихъ шабинàровъ привлечь къ отбыванію военной службы, отнесенію повинностей на почтовыхъ станціяхъ, караулахъ и проч. На этомъ докладѣ халхàсы также потерпѣли фіаско. Гэгэ̀на имъ дозволялось принять съ почестями, но указывалось, чтобы торжества эти не были обременительны для народа; въ перемѣщеніи хутухты въ Долōнъ-нӯръ богдохāнъ прямо отказалъ по той причинѣ, что это могло бы отозваться скорбью на душахъ преданныхъ своему гэгэ̀ну халхàсовъ; чтобы хутухтѣ было удобнѣе жить въ Ургѣ, богдохāнъ повелѣлъ удалить изъ нея женщинъ и торговцевъ; на выдачу хутухтѣ жалованья богдохāнъ не согласился, ибо это не соотвѣтствовало бы монашескому званію гэгэ̀на; наконецъ обложеніе шабинàровъ общегосударственными податями призналъ совершенно излишнимъ для государства и въ ознаменованіе своихъ милостей хутухтѣ повелѣвалъ оставить шабинàровъ въ ихъ прежнемъ положеніи.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1763 году состоялся переѣздъ новаго хубилгàна въ Монголію. Для сопровожденія хутухты богдохāнъ командировалъ изъ Пекина особаго амбàня, по имени Лю, а изъ халхасовъ въ этомъ поѣздѣ не было ни одного князя, добровольнаго поклонника; ѣздили только по назначенію: цзасактӯ хāнъ Балдàръ изъ своего àймака, да отъ тӯшѣтӯ хāновскаго àймака — бāтуръ-бэйлэ Цэбдэ̀нъ, отъ другихъ àймаковъ представителей не было вовсе. Когда поѣздъ, почти уже миновавъ Кӯкӯнӯръ, приблизился къ сàйнъ-ноѝновскому àймаку, одинъ изъ князей сего послѣдняго, Чакдӯръ бэ̀йсэ, выѣхалъ на встрѣчу и поднесъ гэгэ̀ну мàндалъ; гэгэ̀нъ при этомъ произнесъ наставленіе, которое, какъ слово пятилѣтняго малютки, было провозглашено, конечно, чудомъ. Разказывается еще, что когда гэгэ̀нъ подъѣзжалъ къ Жэ-хо, гдѣ богдохāнъ въ ту пору проживалъ на дачѣ, то амбàнь Лю доложилъ хутухтѣ, что, не принявъ посвященія, ему нельзя представляться богдохāну. Хутухта якобы отвѣчалъ на это, что онъ желаетъ представиться именно свѣтскимъ, ибо въ этомъ видѣ онъ получитъ отъ богдохāна больше милостей. На аудіенціи, при всякомъ вопросѣ богдохāна, гэгэ̀нъ отвѣчалъ ему чистѣйшимъ монгольскимъ языкомъ, и это было

признано, конечно, несомнѣннымъ доказательствомъ прежнихъ возрожденій хубилга̀на среди монголовъ. Одаривъ гэгэ̀на, богдоха̄нъ приказалъ Чжанчжа̀ хутухтѣ преподать ему отвѣты и, исполняя это высочайшее повелѣніе, Чжанчжа̀ хутухта послѣдовательно посвятилъ малютку сначала въ гэнэ̀ны, потомъ въ гэцу̀ли, и наконецъ преподалъ ему Ямандага̀йнъ-ва̄нъ. Имя, данное гэгэ̀ну при этихъ монашескихъ посвѣщеніяхъ,—было Ишѝ-дамба̀-нимъ. Послѣ сего гэгэ̀нъ былъ привезенъ въ Ургу, гдѣ халхасы и возвели его на каѳедру. Въ настоящую пору ламы разказываютъ, что во время совершенія этого обряда также точно совершилось чудо: на рукахъ гэгэ̀на показались ясныя изображенія субурга̀на. Ни о какихъ пожертвованіяхъ для гэгэ̀на со стороны халхасовъ въ эту пору не упоминается, что же касается богдоха̄на, то онъ пожаловалъ новому хубилга̀ну право ѣздить въ красной телѣгѣ и отпустилъ изъ государственнаго казначейства суммы на построеніе монастыря въ честь втораго гэгэ̀на.

Въ дальнѣйшемъ жизнь третьяго гэгэ̀на прошла совершенна безцвѣтно. Отъ всякой дѣятельности по управленію шабина̀рами онъ былъ удаленъ совершенно, ибо еще при отправленіи его изъ Долбнъ-пӯра въ Ургу, богдоха̄нъ издалъ декретъ отъ 30-го числа 5-й луны 1763 г., коимъ сообщалъ, что въ виду малолѣтства хутухты и неспособности его къ управленію, онъ поручаетъ рѣшеніе всякаго рода шабѝнскихъ дѣлъ проживающимъ въ Ургѣ амба̀нямъ, подобно тому какъ въ Тибетѣ рѣшаютъ далай-ламскія дѣла амба̀ни, проживающіе въ Хлассѣ. Такимъ образомъ у гэгэ̀на остались теперь только дѣла вѣры. Его особенною заслугою выставляется то, что онъ постановилъ обязательнымъ чтеніемъ для каждаго ламы три молитвы: »Га̀данъ-хлабъ-чжа̀», «Ма̀ни» и «Микцзэ̀мъ»; а для простолюдиновъ написалъ особое посланіе, въ которомъ воспретилъ имъ ругательство вообще, а особливо постоянно слышавшееся на устахъ монголовъ: «чтобъ тебѣ убить своего отца» или «свою мать»; въ своемъ посланіи гэгэ̀нъ убѣждаетъ читателей, что онъ своимъ провидящимъ духомъ вѣдаетъ о возможности исполненія подобной клятвы, а потому и повелѣваетъ воздерживаться отъ такого мрачнаго ругательства. Въ 1765 году, т. е. когда гэгэ̀ну было по нашему счисленію только 7 лѣтъ, онъ совершилъ освященіе построеннаго богдоха̄номъ въ честь 2-го хубилга̀на Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты монастырь «Шачжѝни-бадарагу̀лухчи и при этомъ произнесъ, говорятъ, большую проповѣдь. Къ той же порѣ относится и другой разказъ изъ жизни этого гэгэ̀на. Въ то время должность маньчжурскаго правителя въ Ургѣ занималъ нѣкій амба̀нь Шу, на котораго былъ сдѣланъ въ Пекинъ доносъ по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ. Амба̀ня вызвали для суда въ Пекинъ, но прежде чѣмъ отправиться въ этотъ путь, онъ явился къ гэгэ̀ну и умо-

лялъ его объ избавленіи отъ несчастія. «Не бойся», сказалъ ему гэгэнъ: «въ весьма непродолжительномъ времени ты пріѣдешь назадъ въ красномъ одѣяніи, будь здоровъ, никакой бѣды не будетъ!» Когда амбань прибылъ въ Пекинъ, то прямо отправился въ судъ и разъяснилъ свои обстоятельства. Богдоханъ простилъ ему нѣкоторыя его оплошности и приказалъ немедленно же, на собственный счетъ, ѣхать въ Кяхту, для занятія должности цзаргучэя. Исполняя такое высочайшее повелѣніе, амбань этотъ не имѣлъ возможности даже побывать въ родномъ городѣ, а прямо изъ Пекина долженъ былъ ѣхать опять черезъ Ургу въ Кяхту. Сынъ этого амбаня, пріѣхавшій на свиданіе съ отцемъ, привезъ ему въ подарокъ дождевой плащъ изъ краснаго сукна и въ этомъ красномъ дождевикѣ амбань дѣйствительно снова въѣхалъ въ Ургу. Представившись гэгэну и принеся ему подарки, амбань между прочимъ спросилъ у гэгэна, какая причина того, что онъ, амбань, чувствуетъ къ гэгэну такое благоговѣніе, а самъ гэгэнъ такъ къ нему милостивъ?—«Прежде, во многихъ перерожденіяхъ, я былъ хозяиномъ, а ты былъ моимъ муломъ, на которомъ я ѣздилъ верхомъ, пришпоривая каблуками»; отвѣчалъ гэгэнъ, «по этой-то причинѣ у тебя на ребрахъ два черныхъ пятна». Амбань разстегнулся и показалъ всѣмъ, что у него дѣйствительно на обоихъ ребрахъ черные знаки, а самъ онъ только теперь понялъ происхожденіе этихъ родимыхъ пятенъ. Аналогичное сему толкованіе представилъ третій гэгэнъ и по другому случаю. Въ монастырѣ Дамба-дорчжи былъ цокчинскій унзатъ, имѣвшій прекрасный голосъ, но обладавшій удивительнымъ порокомъ: онъ выпивалъ цѣлую домбо чаю. Когда объ этомъ доложили гэгэну, онъ спросилъ: «есть у него отъ шеи и по всему становому хребту волосы?» — «Есть», отвѣчали ламы. «Въ прежнемъ моемъ перерожденіи», сказалъ гэгэнъ, «онъ былъ моею верховою лошадью». Засимъ онъ пожаловалъ этому унзату чаю въ своей чашкѣ и съ той поры унзатъ началъ пить по человѣчески.

Помимо этихъ легендъ ургинскіе ламы помнятъ еще, что во времена третьяго гэгэна и именно въ 1767 году въ Ургѣ началось служеніе хурала Яра и въ томъ же году при шанцзотбинскомъ ямунѣ были учреждены должности да-ламъ.

Лѣтомъ 1773 года во дворцѣ гэгэна случилось замѣчательное событіе. По веснѣ гэгэнъ собственноручно посѣялъ цвѣты, которые, выросши, рѣшительно всѣ наклонили свои головы на западъ. Приближенные гэгэна спросили его о причинѣ этого страннаго явленія и тотъ отвѣчалъ имъ, что цвѣты эти привезены съ запада, а потому къ своей родинѣ склоняютъ и головы. Вскорѣ послѣ этого, отправившись на поклоненіе въ кумирню Вачжра-дары, гэгэнъ обсыпалъ тамъ всю свою голову пепломъ и сказалъ,

что онъ намѣревался жить пока волосы его станутъ пепельнаго цвѣта и вотъ они сдѣлались теперь такими. Возвратившись изъ кумирни домой, онъ заболѣлъ. Ламы просили его укрѣпиться, но онъ, очевидно, не желалъ оздоравливать. Между тѣмъ въ монастырѣ собралось до 10 тысячъ поклонниковъ и всѣ они ожидали благословенія гэгэ̀на. Ламы сообщили объ этомъ гэгэ̀ну и онъ на другой же день окрѣпъ и благословилъ всѣхъ, а потомъ заболѣлъ опять. Ламы снова принесли гэгэ̀ну мàндалъ и просили его жить; но онъ окончательно отказался и, приказавъ благодарить богдохā̀на за его милости, скончался 21-го числа послѣдней осенней луны 1773 года, едва имѣя 15 лѣтъ отъ роду. Въ ту же ночь богдохā̀нъ видѣлъ во снѣ, что къ нему пріѣхалъ Чжэбцзӯнъ-дамбà и сказалъ, что, отправляясь на родину, онъ почелъ долгомъ представиться богдохā̀ну, а засимъ поскакалъ на западъ. Проснувшись, богдохā̀нъ разказалъ свой сонъ и приказалъ снарядить посла, чтобы отвезти хутухтѣ хадàкъ и освѣдомиться объ его здоровьи; но пока собирался этотъ посолъ, пришло уже извѣстіе, что хутухта умеръ. Богдохā̀нъ распорядился тогда послать въ подарокъ ургинскимъ ламамъ портретъ этого гэгэ̀на, который былъ снятъ съ него китайскими живописцами, когда гэгэ̀нъ былъ еще въ Жэ-хо. Отдавая этотъ портретъ посламъ, богдохā̀нъ сказалъ: «Бѣдный хутухта, какимъ молоденькимъ онъ умеръ?! Теперь слѣдующее перерожденіе его, вѣроятно, появится въ провинціи Цзанъ!»

Для халхасовъ снова наступилъ періодъ волненій, снова появились надежды на возрожденіе хутухты въ Халхѣ, а услужливые монгольскіе чӧйчжоны, еще до погребенія третьяго гэгэ̀на, начали утверждать, что хубилгà̀нъ его долженъ возродиться въ фамиліи тӯшэ̄тӯ-хā̀на, жена котораго въ эту пору была беременна. Конечно, для объявленія новорожденнаго младенца хубилгà̀номъ нужно было исходатайствовать еще признаніе его таковымъ у тибетскихъ тайновѣдцевъ; одновременно съ симъ начали приходить извѣстія о возрожденіи хутухты опять въ Тибетѣ; но все это не могло поколебать рѣшимости халхасовъ: дожидаясь родовъ жены тӯшэ̄тӯ-хā̀на, они не посылали даже обычнаго посольства въ Тибетъ и время отъ времени разглашали только о необыкновенныхъ событіяхъ, сопровождающихъ беременность ханьши. Разочарованіе получилось лишь тогда, когда время разрѣшенія отъ бремени настало и жена тӯшэ̄тӯ хā̀нова родила дѣвочку. Такъ какъ другого кандидата въ эту пору указываемо и не было, то халхасы рѣшили уже ѣхать въ Тибетъ и посольство ихъ отправилось въ страну Вѣчнаго Цзу осенью 1774 года, а прибывъ туда въ 1775 году, получило и указаніе относительно новорожденнаго хубилгà̀на. Это былъ только что родившійся въ 1775 году младенецъ, сынъ тибетца Сонòмъ-дашѝ и жены его

Яньчжѝль-хла̀ма. Относительно родителей гэгэ̀на намъ извѣстно только, что Сонòмъ-дашѝ былъ старшимъ братомъ отца седьмого далай-ламы и такимъ образомъ четвертый хубилга̀нъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты приходился двоюроднымъ братомъ дала̀й-ламѣ. На четвертомъ году отъ рожденія, т. е. въ 1778 г. ребенокъ принялъ въ Будалѣ, отъ дала̀й-ламы Чжампа̀лъ-чжамцò обѣты гэнэ̀на, причемъ ему дано было первое духовное имя Лобса̀нъ-тобда̀нъ-ванцу̀къ, которое, впрочемъ, онъ неизмѣнно сохранилъ и при всѣхъ прочихъ посвященіяхъ, а черезъ три года послѣ сего онъ былъ перевезенъ изъ Хлассы въ Ургу. Путь изъ Тибета былъ совершенъ по примѣру поѣздки третьяго хубилга̀на черезъ Долōнъ-нӯръ, гдѣ Лобса̀нъ-тобда̀нъ-ванцу̀къ принялъ отъ Чжанчжа̀ хутухты, Ролба̀-дорчжѝ, сначала полное посвященіе въ монашество, а потомъ и обѣты гэцу̀ля. Богдоха̄ну на этотъ разъ хутухта не представлялся: прямо изъ Долōнъ-нӯра онъ отправился въ Ургу, гдѣ и былъ возведенъ, при громадномъ стеченіи ламъ и народа, а равно въ присутствіи ха̄новъ, ва̀новъ и ноѝновъ, на каѳедру. Впрочемъ, пекинскій дворъ не оставилъ хутухту безъ выраженія своего благоволенія и сверхъ имѣвшихся уже у хубилга̀новъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты преимуществъ, далъ ему, во-первыхъ, новое право ѣздить въ желтыхъ носилкахъ, а во-вторыхъ, отцу хутухты, рѣшившемуся слѣдовать за своимъ сыномъ въ Ургу, пожаловалъ, по примѣру отца 6-го дала̀й-ламы, званіе улу̀съ-туръ тусалакчѝ гуна. Изъ послѣдующихъ историческихъ сказаній мы узнаемъ, что Сонòмъ-дашѝ, прибывъ въ Ургу, заболѣлъ, какъ говорятъ, отъ перемѣны климата и вскорѣ же умеръ, поэтому его титулъ гу̀на былъ переданъ младшему брату четвертаго хубилга̀на, Рабта̀нъ-намчжа̀лу, но со смертію сего послѣдняго наслѣдованіе помянутаго титула въ ихъ родѣ уже прекратилось.

Разказывая о жизни четвертаго гэгэ̀на, ургинскіе ламы выражаютъ вообще какое-то благоговѣйное неудовольствіе къ нему: они зовутъ его «дошхѝнъ-дӯрѝ», т. е. «сердитый видъ», а изъ разказовъ ихъ можно заключать, что гэгэ̀нъ, постепенно приходя въ возрастъ, дѣлался болѣе и болѣе серіознымъ, не терпѣлъ ламской лѣни и баклушничества, заставлялъ всѣхъ учиться и дѣлать какое-нибудь дѣло, гулякъ же и неисполнителей его воли наказывалъ иногда даже собственноручно дубинкою. Въ 1790 году, Лобса̀нъ-тобда̀нъ къ имѣющимся уже въ Ургѣ обществамъ ученыхъ ламъ лекарей, тарнистовъ и цанѝта прибавилъ новое общество астрологовъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ «Наѣнга̀» и для этого общества устроилъ даца̀нъ исключительно на ургинскія средства. Въ слѣдующемъ 1791 году, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀, по случаю достиженія совершеннолѣтія, ѣздилъ въ Жэхо, чтобы представиться богдоха̄ну; въ Халхѣ же, въ ознаменованіе этого

радостнаго событія, мэргэнъ-ному̀нъ ха̄нъ, Цэва̀нъ-дорчжѝ, построилъ монастырь, названный б'Рра̀йбун'омъ. На пятый годъ послѣ сего, въ 1795 году, четвертый хубилга̀нъ, чрезъ посредство ургинскихъ амба̀ней, снова просилъ разрѣшенія у богдоха̄на пріѣхать въ Жэ-хо и богдоха̄нъ соизволилъ дать ему ауді̀енцію, хотя въ этой поѣздкѣ гэгэ̀нъ былъ обставленъ и менѣе торжественно. Въ своей резолюціи Цянь-лунъ прямо писалъ, что ургинскимъ амба̀намъ нужно заниматься дѣлами управленія и провожать хутухту некогда, а потому обязанность сопутствовать ему возлагается на цзасака̀ Сунду̀бъ-дорчжѝ. Впрочемъ, при представленіи, богдоха̄нъ утвердилъ за настоящимъ гэгэ̀номъ дарованное его прежнимъ хубилга̀намъ право пользоваться желтымъ «походнымъ дворцомъ» и ѣздить въ красновато-желтой телѣгѣ. Возстановивъ такимъ образомъ за собою права прежнихъ хубилга̀новъ, гэгэ̀нъ всю свою дальнѣйшую дѣятельность уже исключительно сосредоточилъ на дѣлахъ вѣры. Въ томъ же 1795 г. онъ получилъ изъ Тибета кумиръ Хоншѝмъ бодиса̀твы, а засимъ въ 1796 году выписалъ еще два новые бурха̀на, Маньчжу̀шри и Вачѝръ-ва̀ни, и всѣмъ этимъ бурха̀намъ преподалъ торжественное освященіе. Въ 1797 году онъ посѣтилъ монастырь Аму̀ръ-баясхулангу̀ и, нашедши тамъ недостатокъ священныхъ книгъ и учебныхъ пособій къ изученію ламами своей вѣры, заставилъ тамошнихъ хувара̀ковъ тотчасъ же, въ періодъ своего пребыванія тамъ, переписать Юмъ въ трехъ экземплярахъ и большое количество разнаго рода мелкихъ сочиненій. Говорятъ, что въ эту поѣздку гэгэ̀нъ открылъ субурга̀нъ Ӱндӱ̀ръ-гэгэ̀на и приказалъ лучшимъ живописцамъ снять портретъ съ мощей его; въ слѣдующемъ 1798 году онъ, на основаніи этого портрета, приготовилъ первый кумиръ помянутаго халхаскаго хубилга̀на Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты. За доставленіе такой новой святыни, всѣ четыре а̀ймака Халхи поднесли гэгэ̀ну дансу̀къ, а онъ, ревнуя о благочестіи своихъ поклонниковъ, соорудилъ еще три кумира Цзӯ, Ринсу̀мъ-го̀мбо и кумиръ дала̀й-ламы. Въ 1799 году, по полученіи въ Ургѣ богдоха̄нскаго рескрипта, объявлявшаго по всей имперіи о казни министра Хэ-юнь-тана, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀, восхваляя добродѣтели богдоха̄на и въ то же время соболѣзнуя о совершенномъ имъ пресѣченіи жизни одушевленнаго существа, исполнилъ, ради очищенія грѣха богдоха̄на, 10000 отдѣльныхъ кумировъ «1000 буддъ благихъ временъ» (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠯᠠᠭᠠᠨ ᠲᠡᠭᠦᠮᠡᠨ ᠪᠤᠳᠤ). Въ 1800 году соорудилъ кумиры 16-ти ло̄ханей и Ринсу̀мъ-го̀мбо, а засимъ надъ всѣми этими кумирами, равно какъ и надъ бурха̀номъ Маха̄галы, привезеннымъ изъ Тибета, совершилъ освященіе. Въ 1801 году гэгэ̀нъ ввелъ въ Ургѣ До̀йнкорское служеніе. Въ 1802 г. снова ѣздилъ въ Жэ-хо и соорудилъ тамъ восемь субурга̀новъ. Въ 1803 году гэгэ̀нъ предпринялъ поѣздку

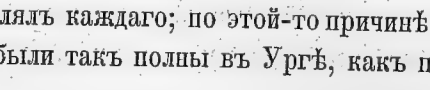
въ Тибетъ, причемъ по дорогѣ посѣтилъ Эрдэни-цзу, гдѣ халхасы всѣхъ четырехъ аймаковъ поднесли ему дансукъ. Прибывъ въ Тибетъ, Чжэбцзунъ дамба 15-го числа 4-й луны слѣдующаго 1804-го года принялъ въ Будалѣ отъ далай-ламы Чжампалъ чжамцо обѣты гэлуна и засимъ въ послѣдней зимней лунѣ возвратился въ Халху. Въ эту поѣздку гэгэнъ вывезъ изъ Тибета кумиры Цзу-шигэмуния, Майдари и многихъ другихъ бурхановъ; наивысшимъ же пріобрѣтеніемъ его почитался ганьчжуръ, писанный золотомъ на черномъ пергаментѣ. Въ слѣдующемъ 1805 г. гэгэнъ окончилъ новыя для Урги и заимствованныя имъ изъ Тибета предпріятія: онъ воздвигъ пять знаменъ Гомбо, Шальши и Багинъ и обосновалъ служеніе Манлы по началамъ Дойнкора; а засимъ перенесъ привезенный изъ Тибета кумиръ Шигэмуния въ большой ургинскій дуганъ. Въ 1806 году онъ устроилъ спеціальный дацанъ для школы Дойнкора; это былъ такъ называемый Дачинъ-калба'йнъ-сумэ, въ которомъ, начиная съ 1807 г., совершались и многіе другіе хуралы по началамъ Дойнкора. Въ томъ же 1807 г. гэгэнъ выписалъ изъ Тибета писанный золотомъ Юмъ, а халхасы поднесли ему дансукъ, по обрядамъ Дамчокъ-карбо. Далѣе, преданный дѣлу развитія Дойнкора, гэгэнъ украсилъ кумирню Дачинъ-калбайнъ сумэ, вызолотивъ ея крыши и во дворѣ ея обосновалъ свое собственное жилище. Въ томъ же году, онъ основалъ неподалеку отъ монастыря Шачжини-бадарагулухчи, въ урочищѣ Уланъ-бакца, особый монастырь для ламъ созерцателей, который назвалъ Шат-дубъ-гим-пилъ-чжан-чуб-лин'омъ. Мѣсто это оказалось впрочемъ, выбраннымъ весьма неудачно, почему не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1808 году гэгэнъ самъ же перенесъ его въ урочище Бомботу, гдѣ монастырь этотъ стоитъ и донынѣ. Окончивъ это дѣло въ теченіе лѣта, гэгэнъ осенью отправился въ монастырь Амуръ-баясхулантуй, гдѣ халхасы подносили ему дансукъ. Новолѣтіе 1809 г. гэгэнъ встрѣтилъ въ своемъ новооснованномъ монастырѣ созерцателей, Шат-дубъ-линъ'ѣ, а по веснѣ того же года, удовлетворяя желаніе цанитскихъ ламъ въ Хурэни, началъ для нихъ постройку двухъ особыхъ цанитскихъ кумирень и такимъ образомъ положилъ основаніе особой части Хурэня, Гандану. Въ концѣ лѣта, когда постройки эти были уже поставлены вчернѣ, гэгэнъ отправился въ Жэ-хо, чтобы представиться богдоханну. Здѣсь на аудіенціи у богодохана онъ обсуждалъ вопросъ объ управленіи шабинарами, число которыхъ возросло къ этой порѣ до 50 тысячъ душъ и результатомъ означенныхъ совѣщаній было составленіе новыхъ положеній, обнародованныхъ высочайшимъ рескриптомъ уже въ 1811 году. Рескриптъ этотъ уравнивалъ шанцзотбу въ правахъ съ помощниками сеймовыхъ старшинъ, опредѣлялъ выдачу каждому назначаемому на эту должность особаго богдоханскаго наказа и новой

печати и наконецъ утверждалъ за шанцзотбою титулъ, которымъ онъ пользуется и до сего времени: [illegible]. Въ 1812 году гэгэнъ посѣтилъ монастыри Чжанъ-чубъ-линъ и Дашй-чойнкоръ-линъ, а оттуда отправился въ Пекинъ. Здѣсь зимою 1812 года онъ простудился и заболѣлъ бронхитомъ, хотя вскорѣ же оправился настолько, что могъ встрѣчать новый годъ въ богдоханскомъ дворцѣ; у него былъ только удушливый кашель. По веснѣ 1813 года, на возвратномъ пути въ Халху, гэгэнъ задумалъ посѣтить У-тай-шань. Въ этой дорогѣ онъ простудился еще больше и, по выѣздѣ изъ У-тай-шани, скончался въ дорогѣ, говорятъ, отъ скоротечной чахотки. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія богдохана, послѣдній повелѣлъ отправить къ праху гэгэна золотой мандалъ и вызвать изъ Халхи цзасакту-хана, а изъ Будалы мѣстнаго цзасакъ-ламу для дальнѣйшаго препровожденія тѣла въ Монголію. Гробъ, или вѣрнѣе субурганъ съ бальзамированными останками четвертаго хутухты въ 1816 г. былъ перевезенъ по почтовымъ станціямъ въ монастырь Амуръ-баясхуланту, гдѣ, какъ мы говорили при описаніи этого монастыря, онъ находится и донынѣ, помѣщаясь въ отдѣльной кумирнѣ.

Пятый хубилганъ ургинскаго хутухты, извѣстный подъ своимъ монашескимъ именемъ Лобсанъ-цолдамъ-чжигмэтъ, родился въ срединномъ Тибетѣ, неподалеку отъ Будалы, въ домѣ богатаго простолюдина Гонбо-дондоба, весною 1815 года. Немедленно послѣ объявленія ребенка хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты, богдоханъ Цзя-цинъ издалъ въ Юань-минъ-юани, отъ 7-го числа 12-й луны того же 1815 года, декретъ на имя ургинскихъ правителей, коимъ онъ повелѣвалъ имъ объявить халхасамъ, что богдоханъ жалуетъ ихъ нововоплотившемуся гэгэну желтопоясую палатку. Это было нѣкоторымъ образомъ тонкимъ намекомъ на то, что гэгэну уже не нужно пріѣзжать въ Пекинъ для представленія богдохану. Такъ оно дѣйствительно и случилось: новый хутухта въ 1819 году получилъ въ Тибетѣ, въ монастырѣ Ланъ-шунъ-чой-линъ отъ баньчэнь богдо Лобсанъ-дамба-ним'а посвященіе сначала въ гэнэны, а потомъ въ рабчжуны и засимъ 9-го числа 1-й луны 1820 года выѣхалъ изъ Тибета для слѣдованія прямо въ халхаскій Да-хурэнь, гдѣ отъ ургинскихъ амбаней ему были переданы всѣ тѣ милости, которыя обыкновенно давались на первыхъ аудіенціяхъ Чжэбцзунъ-дамба хутухтамъ, таковы, — золотая грамота, золотая печать и проч. Означенные знаки отличія и власти хутухты были еще вскорѣ же и повторены для Лобсанъ-цолдамъ-чжигмэта со вступленіемъ на китайскій престолъ Дао-гуана: 5-го числа 7-й луны 1821 года новый богдоханъ, изда-

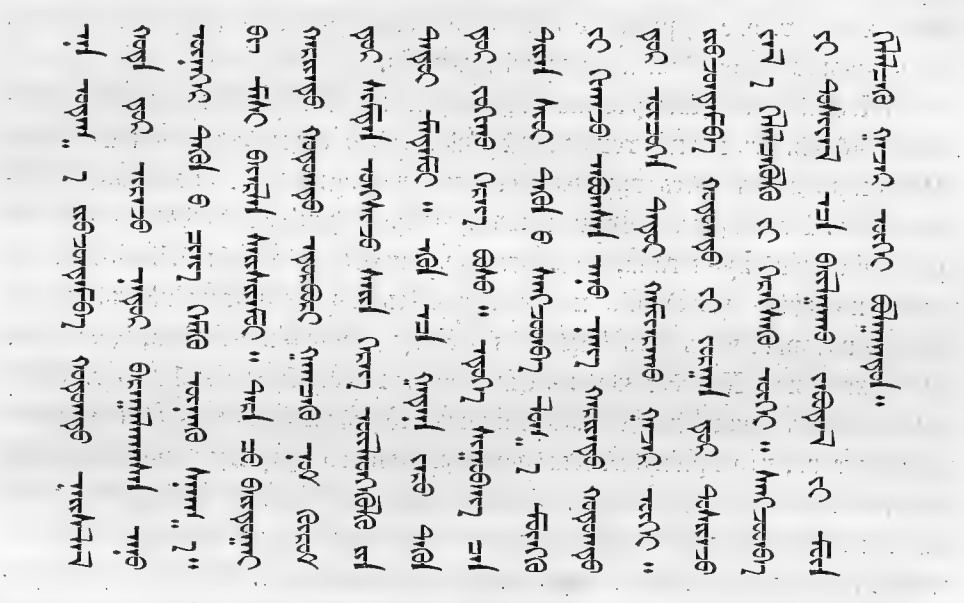
вая свою грамоту и печать на имя Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты, въ то же время издалъ высочайшее повелѣніе, чтобы отселѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ къ имени ургинскаго гэгэ̀на всегда и непремѣнно были присоединяемы тѣ титулы, которыми были пожалованы хубилга̀ны его въ прежнихъ перерожденіяхъ. За эту милость Лобса̀нъ-цолда̀мъ-чжигмэ̀тъ въ томъ же году представилъ богдоха̄ну въ даръ «девять бѣлыхъ». Въ слѣдующемъ 1822 г. гэгэ̀нъ въ счастливый день 19-го числа средней осенней луны произнесъ проповѣдь о значеніи дансу̀ка и это почитается, конечно, чудомъ со стороны семилѣтняго дитяти. Въ средѣ монголовъ о пятомъ гэгэ̀нѣ сохранилось очень мало воспоминаній, безъ сомнѣнія, потому, что онъ не производилъ никакого особеннаго впечатлѣнія и былъ личностью совершенно безхарактерною, не имѣвшею ничего своего и вполнѣ подчинявшеюся вліянію окружавшихъ его ламъ. Склонность къ праздности, отсутствіе всякой системы въ образѣ дѣйствій, мизерное честолюбіе и какія-то жалкія низкопоклонство и робость, кажется, составляютъ единственныя черты, проглядывающія во всѣхъ его распоряженіяхъ, докладахъ и дѣйствіяхъ. Въ періодъ жизни этого хутухты китайскій дворъ могъ уже совершенно не опасаться за возникновеніе какой-либо пропаганды противъ его власти, онъ могъ теперь не ухаживать за гэгэ̀номъ, не разсыпать передъ нимъ подарки для обезпеченія своего спокойствія, а напротивъ, замѣтивъ эту слабость, онъ тотчасъ же сталъ поучать гэгэ̀на и во всю его жизнь не исполнилъ почти ни одной его просьбы, игнорируя даже и угрозы интересамъ самаго Китая, которыми думали иногда подвигнуть какое-либо дѣло въ свою пользу ламы и которыя заставляли они писать гэгэ̀на въ докладахъ императору. Такимъ образомъ черезъ три года послѣ того какъ хутухта, былъ привезенъ въ Хўрѣнь, ламы начинаютъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ начальствомъ о томъ, чтобы хутухтѣ было позволено ѣхать въ Пекинъ. Въ 1824 году ургинскій амба̀нь Йонда̀нъ-дорчжѝ представилъ докладъ объ этой просьбѣ богдоха̄ну. Въ резолюціи на него говорилось, что императоръ весьма радуется истинной преданности хутухты и его желанію имѣть аудіенцію, но, продолжается дальше, «хубилга̀нъ Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты въ настоящее время молодъ лѣтами, время ему изучать священныя книги, да пріобрѣтать знанія. Итакъ теперь ѣздить въ Пекинъ и даже въ Жэ-хо не нужно; что же касается будущаго, то ламы могутъ пріѣхать для представленія хутухты, когда будетъ данъ объ этомъ отдѣльный приказъ. Теперь», заключалъ свое рѣшеніе богдоха̀нъ, «я посылаю (Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухтѣ) желтый хада̀къ и поручаю Йонда̀нъ-дорчжѝ передать его и истолковать хутухтѣ мое милостивое повелѣніе». Слѣдя далѣе за лѣтописными сказаніями монголовъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ извѣстія о событіяхъ изъ жизни

хутухты сравнительно рѣдко, а самая эта жизнь представляется намъ какимъ-то пассивнымъ прозябаніемъ, лишенною всякой активности и инициативы даже въ дѣлахъ вѣры. Сообщается, напримѣръ, что въ 1826 году, когда гэгэ̀нъ приближался къ достиженію 12-лѣтняго возраста, то ургинскіе ламы посылали письмо и подарки къ дала̀й-ламѣ, съ просьбою отправить молебствіе о здравіи и спасеніи хутухты (ཀུན་མཁྱེན་); очевидно, надъ хутухтою были совершены при этомъ религіозные обряды, извѣстные въ просторѣчіи надъ названіемъ «чжилійнъ-оролго̀нъ» и отправляемые почти надъ каждымъ простымъ монголомъ. Ни построенія новыхъ монастырей и кумирень, ни пріобрѣтенія новыхъ бурха̀новъ и но̀мовъ, ни учрежденія новыхъ хура̀ловъ и религіозныхъ церемоній, ничего подобнаго не совершалось; какихъ-либо ходатайствъ, или сношеній съ Пекиномъ и Тибетомъ также не предпринималось. Самъ богдоха̄нъ, правда, посылалъ хутухтѣ свои рескрипты и милости; но это всегда являлось какъ бы случайно и вовсе не вызывалось какими-либо дѣяніями самого хутухты. Такъ, 26-го числа 1-й луны 1828 г. Дао-гуанъ препроводилъ свое письмо и хада̀къ хутухтѣ, извѣщая сего послѣдняго о побѣдахъ, одержанныхъ китайцами въ Туркестанѣ надъ Чжангэ̀ромъ и выражая увѣренность, что хутухта сумѣетъ по этому случаю воодушевить халхасовъ къ прославленію величія имперіи Дай-циновъ. Въ томъ же году изъ Урги возвращался въ Тибетъ старшій братъ хутухты, Цэдэ̀нъ-пунцу̀къ, проживши съ хутухтою въ Ургѣ свыше 8 лѣтъ. Ургинскіе амба̀ни, конечно, не безъ просьбъ Чжэбцзу̀нъ-дамбы̀, начали поэтому ходатайствовать о томъ, чтобы богдоха̄нъ, въ воздаяніе такъ ясно выразившейся братской любви, соизволилъ бы на какое-либо отличіе Цэдэ̀нъ-пунцу̀ку и, удовлетворяя этому ходатайству, богдоха̄нъ пожаловалъ вышепомянутому брату хутухты право носить на шапкѣ шарикъ 5-й степени. Въ 1831 году пятый хубилга̀нъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты принялъ въ Ургѣ, отъ своего учителя Лобса̀нъ-цзамьѝна, обѣты гэцу̀ля; а черезъ годъ послѣ сего онъ окончилъ уже изученіе полнаго круга буддійскихъ молебныхъ чтеній. По случаю этого радостнаго событія, тогдашній ургинскій амба̀нь, Дорчжѝ-рабта̀нъ, въ 1833 году сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ богдоха̄ну, въ которомъ излагалъ, что когда хутухта былъ привезенъ изъ Тибета, то вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и вышепомянутый учитель его, лама Лобса̀нъ-цзамьѝнъ, въ теченіе десяти лѣтъ ревностно занимавшійся съ хутухтою науками и нынѣ доведшій его до окончанія полнаго курса; на ряду съ нимъ, нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ хутухты завѣдывалъ другой лама, Ишѝ-гэлѝкъ. Въ прежнее время было въ обычаѣ, что, по окончаніи обученія и воспитанія хутухты, учителю и воспитателю его всегда давали титулы, первому—ному̀нъ-ха̄на, а второму—цор-

чжѝ. Амба̀нь просилъ теперь богдоха̄на, чтобы означенные титулы были утверждены также и за обоими помянутыми ламами. Конечно, богдоха̄нъ соизволилъ на эту просьбу тѣмъ болѣе, что пекинскому правительству постоянно приходилось теперь огорчать гэгэ̀на и ламъ отказами удалить изъ Урги китайскихъ торговцевъ (см. выше стр. 69). Въ 1834 году гэгэ̀нъ началъ просить у богдоха̄на разрѣшенія на поѣздку въ Тибетъ для принятія тамъ отъ дала̀й-ламы̀ обѣтовъ гэлўна, а равно просилъ о разрѣшеніи употреблять во время этой поѣздки желтую палатку. Такъ какъ эти домогательства разнаго рода отличій со стороны всякихъ чиновныхъ ламъ постоянно безпокоили китайское правительство, то богдоха̄нъ, въ силу означенной просьбы Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты, опредѣлилъ прежде всего разработать и составить общія положенія относительно того, чѣмъ и какъ могутъ пользоваться Дала̀й-лама̀, Баньчэ̀нь-ринбочэ̀, Чжэбцзўнъ-дамба̀ и др., а засимъ обнародовать эти положенія для руководства, чтобы всѣ эти гэгэ̀ны не утруждали попусту начальство. Ургинскому гэгэ̀ну согласно этихъ положеній дозволялось жить въ желтой палаткѣ и ѣздить въ телѣгѣ красновато-желтаго цвѣта. Что касается второго вопроса, относительно поѣздки въ Тибетъ, то богдоха̄нъ писалъ, что гэгэ̀нъ можетъ ѣхать, по желанію, но не иначе какъ на собственный счетъ и съ возможно меньшимъ количествомъ прислуги: ему возбраняется производить хотя бы малѣйшее затрудненіе монголамъ-простолюдинамъ (), ибо «удручать излишними податями народъ, изъ-за прихоти, —дѣло не пригодное». 11-го числа послѣдней лѣтней луны слѣдующаго 1835 года гэгэ̀нъ выѣхалъ изъ Урги въ Тибетъ и принялъ тамъ отъ баньчэ̀нь эрдэнѝ обѣты гэлўна. О поѣздкѣ этой говорятъ весьма немногое: гэгэ̀нъ ничего не вывезъ изъ Тибета вещественнаго и не заимствовалъ въ эту пору изъ своей ламайской митрополіи даже ни одного обряда, такъ что всѣ сказанія объ этомъ пребываніи хутухты въ Тибетѣ ограничиваются однимъ совершившимся чудомъ, по которому гдѣ-то, на гранитной глыбѣ, отпечатлѣлся слѣдъ ноги хутухты подобно тому, какъ могъ бы онъ отпечатлѣться, если бы гэгэ̀нъ ступилъ на совершенно мягкую глину. Возвратившись въ Ургу въ 1836 г., гэгэ̀нъ былъ окончательно смущенъ наплывомъ въ монастырь его китайскихъ купцевъ. Мы знаемъ уже, что этотъ наплывъ вызвалъ со стороны Чжэбцзўнъ-дамба̀ хутухты просьбу о разрѣшеніи перекочевки Хӱ̆рэ̄ня и что б огдоха̄нъ разрѣшилъ такую перекочевку. Когда вслѣдъ засимъ гэгэ̀нскій дворецъ обосновался въ Га̀данѣ, то большинство ламъ, чтобы быть поближе къ гэгэ̀ну, начало проситься о зачисленіи ихъ въ школы цанѝта, а гэгэ̀нъ зачислялъ каждаго; по этой-то причинѣ, цанѝтскія школы, говорятъ, никогда не были такъ полны въ Ургѣ, какъ при пятомъ гэгэ̀нѣ.

Въ 1839 году ургинскій амбàнь Дэлэ̀къ-дорчжѝ представилъ всеподданѣйшій докладъ богдохāну, въ коемъ излагалъ просьбу Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты о разрѣшеніи ему представиться богдохāну въ Пекинѣ. Получивъ это разрѣшеніе, гэгэ̀нъ въ послѣднихъ числахъ средней зимней луны выѣхалъ въ Пекинъ и новолѣтіе 1840 года праздновалъ у богдохāна. 15-го числа 1-й луны, въ день обычный для пожалованія всякихъ наградъ, гэгэ̀нъ получилъ право ѣздить въ свѣтло-желтыхъ носилкахъ, а при своихъ церемоніальныхъ выходахъ имѣть предносимыми передъ собою зонтъ и знамя. Эти милости богдохāна были торжествомъ для гэгэ̀на, хотя пребываніе его въ Пекинѣ не обошлось безъ громаднаго скандала, о которомъ современные ламы разказывали мнѣ слѣдующее. Перенесеніе Урги на западъ отъ Гàндана, совершившееся въ 1836 году, увеличивъ разстояніе между хўрэ̄цемъ и маймачэ̀номъ до 10 верстъ, скоро возбудило досадливое чувство недовольства какъ у ламъ, такъ и у китайскихъ торговцевъ. Ламы скучали и тѣмъ что далеко имъ ходить за необходимыми для жизни покупками, и тѣмъ что съ удаленіемъ многолюднаго рынка сократилось для нихъ число развлеченій, и тѣмъ, наконецъ, что самое число посѣтителей Хўрэ̄ня также уменьшилось: прежде монголъ, пріѣзжавшій въ Ургу съ спеціально торговыми цѣлями, непремѣнно посѣщалъ и монастырь, и кумирни, потому что они стояли тутъ же; теперь, покончивъ свои торговыя дѣла въ маймачэ̀нѣ, онъ уѣзжалъ домой, ибо до монастыря было еще 10 верстъ ѣзды. Китайскіе купцы чувствовали удаленность своего рынка отъ монастыря, конечно, еще больше, ибо она прямо била ихъ по карману, оттого-то они естественно не оставляли своихъ хлопотъ о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Когда Чжэбцзўнъ-дамбà прибылъ въ Пекинъ, туда явились и китайскіе торговцы изъ Урги въ надеждѣ устроить свое дѣло при содѣйствіи ли-фань-юань'скихъ чиновниковъ. Разказываютъ, что, идя на разные компромиссы, они дали при этомъ взятки, по 5000 ланъ, одному изъ ли-фань-юань'скихъ шўбаней (дѣлопроизводителей) и самому Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухтѣ, получившему эти деньги черезъ своего шанцзотбў. Но, получивъ взятку, гэгэ̀нъ не захотѣлъ исполнить всѣхъ желаній китайцевъ и, раздраженные этимъ, они подали жалобу въ Ли-фань-юань, въ которой, выяснивъ всѣ обстоятельства, обвиняли шўбаня, гэгэ̀на и шанцзотбў въ вымогательствѣ у нихъ денегъ. Потушить возникшее такимъ образомъ дѣло стоило гэгэ̀ну, говорятъ, до 150,000 ланъ, хотя, конечно, и трудно удостовѣрять непреложность этой суммы. Все, что имѣемъ мы несомнѣннаго объ этихъ событіяхъ, заключается въ резолюціи богдохāна отъ 19-го числа 1-й луны 1840 г., послѣдовавшей на Ли-фань-юаньскій докладъ, которымъ предлагалось Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухту предать особому суду, а шанцзотбў немедленно же отрѣшить

отъ должности. Выше помянутая резолюція богдохана, сохранившаяся еще и донынѣ въ архивѣ ямуня ургинскаго шанцзотбы, отъ слова до слова гласитъ слѣдующее:



Въ переводѣ это значитъ: «Прибытіе Чжэбцзўнъ-дамба-хутухты въ настоящую пору въ Пекинъ и его представленіе ко мнѣ несомнѣнно (свидѣтельствуютъ) истинность его намѣреній, его чистосердечіе. Я съ большою радостью похваляю (это). Сверхъ сего вышепомянутый хутухтў знаетъ лишь одно: ежедневно и тщательно читать священныя и молебныя книги, да побуждать къ совершенію добродѣтелей; помимо сего у него вообще нѣтъ подобающихъ дѣлъ. То, что теперь шўбань Чэнъ-тянь-сюй и его (хутухты) шанцзотба съ вымогательствомъ получили деньги, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вышепомянутому хутухтѣ. Привлекать Чжэбцзўнъ-дамба-хутухту къ суду и обсуждать обвиненіе противъ него не нужно; вопросъ объ отрѣшеніи отъ должности шанцзотбы также оставить безъ разсмотрѣнія».

По возвращеніи въ Халху гэгэнъ задумалъ предпринять новую поѣздку въ Тибетъ и началъ ходатайство объ этомъ передъ богдоханомъ. Высочайшимъ указомъ отъ 2-го числа 7-й луны ему было разрѣшено это, но опять-таки не иначе, какъ на собственный счетъ и безъ малѣйшихъ поборовъ съ народа. Существуетъ преданіе, что настоящую свою поѣздку гэгэнъ предпринималъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ полечиться у тибетскихъ врачей отъ сифилиса, которымъ онъ былъ зараженъ и отъ котораго страдалъ

страшно. По недостатку ли средствъ, или вслѣдствіе усилившейся болѣзни, сказать трудно, но гэгэнъ даннымъ ему разрѣшеніемъ ѣхать въ Тибетъ не воспользовался. Скончался онъ въ 1842 году отъ того же сифилиса, въ Хӯрэни, или собственно въ Хӯрэньскомъ Гàнданѣ; въ Гàнданѣ же онъ и похороненъ, т. е. субургàнъ съ его набальзамированнымъ трупомъ стоитъ здѣсь донынѣ въ особой, небольшой кумирнѣ.

Шестой хубилгàнъ ургинскаго хутухты родился опять-таки въ среднемъ Тибетѣ, въ концѣ того же 1842 г. Онъ былъ сыномъ погонщикаословъ и долженъ быть признанъ самымъ несчастнымъ для халхасовъ хубилгàномъ. Рѣшительно всѣ экспедиціи, отправлявшіяся въ Тибетъ по дѣлу призванія этого хубилгàна, подвергались какимъ-либо несчастіямъ въ пути и это побудило халхàсовъ ходатайствовать передъ богдохāномъ, чтобы поѣзду, который везъ изъ Тибета въ Ургу самого хубилгàна, дозволено было ѣхать изъ Хлассы черезъ Сы-чуань. 27-го Февраля 1848 г. былъ обнародованъ однако декретъ, которымъ это ходатайство было отклонено въ виду того, что пріемъ массы сопровождавшаго хутухту народа былъ бы обременителенъ для Сы-чуани. Такимъ образомъ халхасы и на этотъ разъ должны были ѣхать по разбойничьимъ кочевьямъ полудикихъ тангутскихъ племенъ и въ результатѣ потерпѣли еще два нападенія. По докладу сопровождавшаго этотъ караванъ маньчжурскаго амбàня, Лэ-бин'я, у халхасовъ, при первомъ нападеніи на нихъ, было отнято 60 верблюдовъ, а во второй разъ отбито: 408 лошадей, 17 муловъ и 50 верблюдовъ. Ни мѣста, ни времени этого грабежа Лэ-бинь въ своемъ докладѣ не обозначаетъ, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ произведенъ тѣми непокорными тибетскими родами, которые гнѣздятся на границахъ Сы-чуани съ Ганьсу и извѣстны подъ общимъ именемъ голоковъ. Для встрѣчи хутухты, халхасовъ ѣздило въ Тибетъ всего около 5000 человѣкъ. Сдѣлать тамъ вклады въ монастыри, представить приношенія далàй-ламѣ, баньчэнь-эрдэни и наконецъ воротиться въ Халху стоило монголамъ около 20 ваней ланъ серебра, т. е. приблизительно 400,000 серебряныхъ рублей. Привезенный въ Ургу изъ Тибета гэгэнъ жилъ здѣсь всего только 59 дней и все это время былъ боленъ: сначала у него была простуда, а потомъ развилась натуральная оспа; отъ этой болѣзни онъ и умеръ, еще не достигнувъ шести лѣтъ отъ рожденія. Позлащенный субургàнъ его находится нынѣ въ монастырѣ Шачжйнибадарагӯлухчи.

Седьмой халхаскій хубилгàнъ Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухты родился неподалеку отъ Хлассы въ 1850 году и былъ сыномъ простого тибетскаго мірянина, по имени Мигмàра. Объявленный хубилгàномъ въ 1851 году, онъ въ 1854-мъ принялъ отъ цорчжй-ламы Галдàнскаго монастыря обѣты

гэнэ̀на [1]), причемъ получилъ свое монашеское имъ Кайдӯпъ-данцзà̀нъ, а въ слѣдующемъ 1855 году былъ перевезенъ въ Ургу и возведенъ на каѳедру. Никакихъ особыхъ отличій отъ богдохāна гэгэ̀нъ при этомъ не получалъ помимо того, что отцу его, послѣдовавшему за своимъ сыномъ въ Монголію, было пожаловано право пользоваться внѣшними отличіями гӯна. О жизни этого ближайшаго къ намъ гэгэ̀на мы не имѣемъ у себя никакихъ оффиціальныхъ документовъ, но за то преданія о немъ еще такъ свѣжи у халхасовъ, что въ настоящую пору было бы совершенно возможно возстановить его исторію изъ года въ годъ. Въ общемъ мы можемъ выводить изъ этихъ преданій, что, привезенный въ Ургу пятилѣтнимъ малюткою, гэгэ̀нъ на седьмомъ году началъ учиться грамотѣ и прилежно изучалъ буддійскія писанія лѣтъ до 12-ти. Окруженный старѣйшими ламами, старавшимися развлекать хутухту полезными занятіями, гэгэ̀нъ въ эту пору особливо пристрастился къ одному изъ своихъ придворныхъ ламъ, не ученому, но доброму старику, по профессіи слесарю и подъ руководствомъ его, говорятъ, все время занимался вытачиваніемъ разнаго рода фигурокъ, вплоть до самыхъ сложныхъ бурха̀новъ. Но, начиная приблизительно съ 1863 года, на хутухту началъ простирать свое вліяніе тогдашній ургинскій амба̀нь изъ монголовъ, цэцэ̀нъ-хāнъ, Артасѝдда. По сохранившимся о немъ разказамъ халхасовъ, это былъ, можетъ быть, и не лишенный способностей, но развратный и легкомысленный монголъ, всю свою жизнь отдававшій на угоды своему сластолюбію и не брезгавшій никакими средствами для удовлетворенія своихъ похотей. Получивъ назначеніе на должность ургинскаго амба̀ня, онъ велъ здѣсь роскошную (конечно, по китайскимъ понятіямъ) жизнь, и имѣлъ цѣлую толпу наложницъ; а какъ все это требовало усиленныхъ расходовъ, то всякаго рода взяточничество и продажничество въ періодъ его управленія возросли до ужасающихъ размѣровъ. Когда у него перестало доставать средствъ, доставляемыхъ на удовлетвореніе его прихотей изъ хошӯна, онъ задумалъ воспользоваться богатствами хутухтѝнскаго са̀на (казначейства). Съ дикою фантазіею, свойственною развѣ одному монголу, онъ распустилъ о себѣ легенду, по которой оказывалось, что онъ, цэцэ̀нъ-хāнъ, былъ шаманомъ и владѣлъ всѣми чарами шаманства въ высшей степени. Само собою разумѣется, что такое извѣстіе должно было поразить ужасомъ монголовъ, суевѣрныхъ до паники передъ всякаго рода чародѣйствомъ. Но съ другой стороны, преклоняясь

1) Ни отъ дала̀й-ламы, ни отъ баньчэ̀ня хубилга̀нъ принимать обѣтовъ не могъ, такъ какъ существовавшій въ ту пору 11-й дала̀й-лама, Кайдупъ, былъ только 17 лѣтъ отъ роду и не принималъ еще на себя обѣтовъ гэлӯна, а 5-й хубилга̀нъ баньчэ̀нь-богдо въ этомъ 1854 году только родился.

предъ силою своего хāна, какъ шамана, каждый монголъ долженъ былъ и не любить его, ибо всякому было извѣстно, что шаманъ — злобный духъ, врагъ добродѣтельнаго будды; что далѣе шаманъ если и силенъ, то все же ненавистенъ и, наконецъ, какъ всякое зло, онъ долженъ быть побѣжденъ добродѣтелью. Чтобы соотвѣтствовать такимъ понятіямъ, легенда о цэцэ̀нъ-хāнѣ, въ видахъ притомъ и его собственныхъ выгодъ, дополнилась сказаніемъ, что цэцэ̀нъ-хāнъ оставилъ свое шаманство, будучи побѣжденъ именно могуществомъ седьмого хубилга̀на Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты. Формы ихъ борьбы были уже готовыя и самыя обычныя въ представленіяхъ халхасовъ: шаманъ цэцэ̀нъ-хāнъ въ продолженіе цѣлой ночи низвергалъ на хутухту̀ громовыя стрѣлы съ цѣлью погубить его, а хутухта̀ совершенно безвредно для себя принималъ эти стрѣлы въ свою оркимчжѝ, и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока обезсиленный цэцэ̀нъ-хāнъ не призналъ себя побѣжденнымъ. Съ этого времени хāнъ возблагоговѣлъ передъ хутухтою и началъ часто посѣщать его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мало-по-малу знакомить его съ свѣтскою жизнью и мірскими удовольствіями; онъ частенько посылалъ ему китайскіе обѣды, съ прибавкою китайскихъ ликеровъ, русскихъ наливокъ и европейскихъ винъ, и все это постепенно, но больше и больше развивало въ хутухтѣ чувственность. Чтобы хутухтѣ было веселѣе, цэцэ̀нъ-хāнъ представилъ ему двухъ своихъ сыновей, которые своею льстивостью и угодливостью молодому человѣку вскорѣ пріобрѣли такое его расположеніе, что хутухта безъ цэцэ̀нъ-хāновичей не проводилъ ни одного дня. Планы цэцэ̀нъ-хāна начали сбываться очень скоро, ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ младшій сынъ его, принявшій на себя монашескіе обѣты, по желанію хутухты, былъ назначенъ да̄-ламо̀ю, т. е. ближайшимъ помощникомъ шанцзотбы̀ по управленію шабѝнскимъ вѣдомствомъ и это почиталось для него, конечно, первымъ и вѣрнѣйшимъ шагомъ къ шанцзотбѝнству. Весьма вѣроятно, что онъ и достигъ бы такого повышенія, если бы цэцэ̀нъ-хāновичи вообще были посдержаннѣе и посеріознѣе, а стремились бы къ своей цѣли болѣе умѣренно. Вновь назначенный да̄-лама̀, вмѣсто того, чтобы ознакомиться съ дѣлами управленія, продолжалъ только льстить и угождать хутухтѣ, да стараться отдалить отъ него не только шанцзотбу̀ и старѣйшихъ ламъ, а даже и его родныхъ; другой братъ его, Агэ-гу̀нъ, какъ человѣкъ свѣтскій, былъ еще несдержаннѣе въ своихъ похожденіяхъ и еще болѣе возмущалъ монголовъ своимъ поведеніемъ и вліяніемъ на хутухту. Между прочимъ онъ пристрастилъ хутухту къ стрѣльбѣ изъ лука и, по разказамъ придворныхъ ламъ, въ періодъ 1865—1866 гг. хутухта буквально не опустилъ ни одного дня безъ того, чтобы не отправиться за городъ и не позабавиться стрѣльбою. Конечно, въ свою пору ламы не пре-

минули украсить эти потѣхи гэгэна легендарными разказами; говорили, что онъ натягиваетъ луки необычайной силы, что взявъ въ руки такой лукъ, онъ спускаетъ изъ него чуть ни въ десять разъ большее количество стрѣлъ, чѣмъ можетъ сдѣлать это самый сильный обыкновенный человѣкъ и что во всемъ этомъ видно именно божественное величіе хутухты; но фактъ занятій, недостойныхъ хутухты, оставался фактомъ, а еще болѣе шокировало хутухту въ глазахъ народа то, что послѣ потѣхи стрѣльбою, онъ нерѣдко удалялся въ свой загородный дворецъ, гдѣ проводилъ свое время съ гораздо большею свободой, чѣмъ въ городѣ. Веселыя попойки, табакъ, наконецъ общество непристойныхъ женщинъ, все это порождало массу разказовъ о различныхъ эпизодахъ изъ жизни хутухты. Само собою разумѣется, что не одни цэцэнъ-хановичи окружали при этомъ хутухту: ему сопутствовала всегда цѣлая ватага богатой и разгульной ламской молодежи; но, по общему увѣренію, зло лежало именно въ цэцэнъ-ханѣ и его дѣтяхъ. Постоянно производимыя хутухтою и весьма соблазнительныя забавы побудили ургинскихъ ламъ обратиться наконецъ за помощью къ маньчжурскому амбаню, который, не имѣя возможности прямо остановить хутухту, издалъ однако въ концѣ 1866 г. распоряженіе о привлеченіи къ суду и наказанію каждаго ламы, который будетъ уличенъ въ жизни и времяпровожденіи, не подобающихъ духовной особѣ. Это распоряженіе побудило хутухту весною 1867 года предпринять поѣздку въ монастырь Амуръ-баясхуланту, гдѣ онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, получивъ такимъ образомъ возможность вдали отъ начальства вести прежнюю жизнь; но, возвратившись въ Ургу, онъ сталъ замѣтно меньше безобразничать, по крайней мѣрѣ въ обществѣ своихъ хуваракoвъ, и если продолжалъ попойки и пиршества, то главнымъ образомъ съ князьями. Изъ числа послѣднихъ особеннымъ расположеніемъ хутухты пользовался, во-первыхъ, сынъ Да-цинъ-вана тушэту-хановскаго аймака. Это былъ, говорятъ, скромный молодой человѣкъ, котораго втягивалъ въ разгулъ уже самъ хутухта. Объ отношеніяхъ ихъ между прочимъ разказываютъ, что лѣтомъ 1867 года хутухта пригласилъ къ себѣ однажды этого молодаго княжича, а засимъ началъ оставлять его спать въ своей юртѣ. Сколько ни отказывался княжичъ, почитая себя недостойнымъ принять такую честь, онъ все же долженъ былъ исполнить волю хутухты хотя тѣмъ, что оставилъ въ его юртѣ всю свою верхнюю одежду въ знакъ того, какъ будто онъ самъ оставался у хутухты, снялъ также и шапку, и поясъ, съ которыми никогда не разстается монголъ. Другіе, при воспоминаніи объ этомъ фактѣ, говорятъ, что это была просто потѣха хутухты, который пропировалъ съ княжичемъ вечеръ, а потомъ раздѣлъ его и пустилъ домой въ одномъ бѣльѣ. Второю любовью хутухты былъ сынъ

дàйчинъ цзюнь-вàна цэцэ̀нъ-хāновскаго àймака; ему хутухта, говорятъ, дарилъ массу вещей изъ своего сàна и между прочимъ отдалъ драгоцѣнную яшмовую чашку, оцѣниваемую въ 5000 р. с. Не меньшимъ расположеніемъ его пользовался и настоящій сàйнъ-нойнъ, которому хутухта отдалъ вывезенную изъ Тибета нерукотворенную статую будды. Это разбрасываніе своихъ сокровищъ больше всего, конечно, возмущало ургинскихъ ламъ. Съ наступленіемъ 1868 года цэцэ̀нъ-хāновичи устроили для гэгэ̀на еще новую забаву, уже окончательно переполнившую чашу ламскаго терпѣнія: они представили гэгэ̀ну свою сестру, которою онъ увлекся, говорятъ, неспустившись до жизни обычнаго семьянина. Эти въ высшей степени зазорныя обстоятельства вызвали собою цѣлый рядъ подметныхъ писемъ и наконецъ изданіе двухъ анонимныхъ прокламацій, которыя въ одно прекрасное утро оказались наклеенными на стѣнахъ хутухтѝнскаго дворца. Въ этихъ письмахъ и прокламаціяхъ противъ десяти человѣкъ изъ придворныхъ хутухтѝнскихъ ламъ выставлялось обвиненіе, якобы, подчинившись видамъ цэцэ̀нъ-хāна, они довели хутухту до того, что послѣдній уже болѣе года оставилъ приличныя его сану занятія священными книгами и началъ вести безпорядочную жизнь. Результатомъ сего было между прочимъ изгнаніе изъ Урги нѣкоторыхъ обвиняемыхъ лицъ, а въ томъ числѣ и сына цэцэ̀нъ-хāнова, дā-ламы: онъ отказался отъ занимаемой имъ почетной должности и возвратился на Хэрӯлэ̀нъ, въ хошӯнъ своего отца. Многіе сопоставляютъ смерть хутухты съ этимъ удаленіемъ его друзей и несомнѣнно, что именно съ весны 1868 года онъ вдругъ заболѣлъ: у него открылись усиленныя кровотеченія изъ носа и съ этой поры онъ постепенно началъ ослабѣвать. Мѣсяца черезъ два хутухта поправился настолько, что лѣтомъ могъ принимать поклонниковъ, а въ августѣ даже присутствовалъ на общественномъ празднествѣ монголовъ (долōнъ-хошӯнай нāдамъ); по возвращеніи однако съ этихъ празднествъ онъ заболѣлъ снова; съ конца сентября пересталъ уже вставать съ постели и умеръ 14-го декабря 1868 г. въ 3 часа пополудни.

Кончина Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухты повергла Ургу въ глубокую скорбь и заставила не мало поволноваться ургинскихъ монголовъ какъ по разъясненію вопроса о причинахъ этой смерти, такъ и по поводу отысканія новаго хубилгà на. Добродѣтельный старикъ лама, когда-то развлекавшій хутухту, обучая его выпиливать изъ дерева бурхà новъ и непритворно привязавшійся къ нему, какъ это часто бываетъ съ добросердечными дядьками, услыхавъ о смерти своего питомца гэгэ̀на, обошелъ вокругъ города, совершая молитву, а потомъ, вернувшись домой, рѣшился и самъ отправиться по слѣдамъ хутухты Эта добровольная смерть была провозглашена

ламами какъ доказательство святости старца. Вышепредставленныя отношенія цэцэнъ-хāна къ хутухтѣ повели естественнымъ образомъ къ тому, что толпа прямо выставила цэцэнъ-хāна виновникомъ смерти хутухты. Два приближенныхъ прислужника хутухты, ставленники и клевреты цэцэнъ-хāна, были поэтому немедленно посажены въ деревянныя клѣтки и увезены изъ Урги, для преданія наказанію въ хошӯнахъ. Вскорѣ распространился еще слухъ, что нѣкій лама, Дибà-самбà, подкупленный цэцэнъ-хāномъ, читалъ гӯрюмы къ богинѣ Янчжамà и произносилъ заклинанія, результатомъ коихъ и была болѣзнь хутухты. Пораженіе этого Дибà-самбы жабою и смерть его были признаны какъ естественное наказаніе хутухтою своего злодѣя. Многіе выказывали надежду, что, въ виду несомнѣннаго причастія цэцэнъ-хāна смерти хутухты, богдохāнъ пришлетъ изъ Пекина особаго амбāня для производства слѣдствія по этому дѣлу; но время уходило, слѣдователь не являлся и народъ мало-по-малу обратился къ толкамъ о другомъ наиважнѣйшемъ вопросѣ, относительно появленія новаго хубилгāна. Тотчасъ послышались рѣчи, что немедленно по смерти хутухты на небѣ протянулись двѣ радужныя полосы, изъ коихъ одна направилась на юго-востокъ, а другая на юго-западъ, и это видѣли не только многіе монголы, но даже и китайцы. Въ силу такого раздѣленія полосъ, появилось и два мнѣнія о мѣстѣ возрожденія хутухты: одни говорили, что онъ снова возродится въ Тибетѣ, другіе почитали возможнымъ возрожденіе его въ юго-восточной Монголіи. Нѣтъ сомнѣнія, что очень многимъ монголамъ хотѣлось, что бы 8-й хубилгāнъ Чжэбцзӯнъ-дамбы возродился бы среди нихъ самихъ. Обозрѣвая событія изъ жизни седьмого хубилгāна, эти монголы прежде всего припоминали, что ургинскіе ламы и халхаскіе князья неоднократно предлагали скончавшемуся хутухтѣ съѣздить въ Тибетъ для принятія обѣтовъ и посвященій, но онъ упорно отказывался отъ этого, прямо заявляя, что онъ «никогда не поѣдетъ въ Тибетъ». Въ свою пору подобные отказы вызывали у нашихъ европейскихъ дипломатовъ предположеніе, что хутухта не желаетъ признавать своей духовной зависимости отъ далāй-ламы; но это предположеніе было, конечно, настолько же основательно, насколько и объясненія монголовъ, утверждавшихъ теперь, что помянутые отказы хутухты выражали нежеланіе его снова возрождаться и вообще появляться въ Тибетѣ. Порѣшивъ, что хутухта неможетъ возродиться въ Тибетѣ, монголы, основываясь на тѣхъ же симпатіяхъ седьмого гэгэна, предполагали, что онъ можетъ явиться хубилгāномъ въ домахъ князей, пользовавшихся его расположеніемъ, таковы дома тӯшѣтӯ-хāновскаго дā-цинь-вāна, цэцэнъ-хāновскаго дāйчинъ цзюнь-вана и наконенъ сāйнъ-нойна; говорилось при этомъ, что и извѣстную яшмовую чашку гэгэнъ подарилъ цзюнь-вану, именно

готовя эту чашку для себя же, чтобы пить изъ нея по возрожденіи въ цзюньвàновскомъ семействѣ. Все это были однако голоса ламъ и простонародья, что же касается князей и правителей Халхы, то они, пожалуй, даже и не желали возрожденія хутухты въ Монголіи; многіе изъ нихъ открыто говорили, что если бы Чжэбцзýнъ-дамбà возродился въ одномъ изъ восточныхъ àймаковъ, то западные, конечно, остались бы недовольными и это легко могло послужить для нихъ если не яблокомъ полнаго раздора, то причиной взаимнаго охлажденія въ отношеніяхъ. Рѣшающій голосъ однако во всемъ этомъ дѣлѣ появленія хубилгàна принадлежалъ все же тибетскимъ тайновѣдцамъ и къ нимъ поэтому должны были прежде всего обратиться халхасы за разъясненіемъ своего вопраса.

Первую экспедицію съ этою цѣлью было предположено отправить въ Тибетъ лѣтомъ 1869 г.; при чемъ тогдашніе безпорядки въ западныхъ областяхъ внутренняго Китая, равно какъ и въ пограничныхъ съ Тибетомъ провинціяхъ весьма значительно безпокоили халхасовъ. Опасаясь погибнуть отъ разбойничавшихъ въ ту пору почти на всемъ пути между Ургою и Тибетомъ дунганскихъ повстанцевъ, халхасы предполагали совершать этотъ путь даже въ обходъ и намѣчали главнымъ образомъ двѣ дороги: одну по рускимъ владѣніямъ чрезъ Сибирь и Туркестанскій край, а далѣе черезъ Афганистанъ и сѣверную англійскую Индію въ Тибетъ; другую—черезъ Сибирь, Европейскую Россію, Черное и Средиземное моря, Суэцъ, Калькуту и наконецъ въ Тибетъ. Но китайское правительство, говорятъ, увѣрило своихъ подданныхъ въ безопасности ихъ слѣдованія прямымъ путемъ, а потому ургинскіе посланцы и на этотъ разъ ѣхали черезъ Тангутъ. Ко времени ихъ прибытія въ Хлассу въ 1870 году, богдохàнъ уже издалъ высочайшій рескриптъ на имя далàй-ламы, повелѣвавшій сему послѣднему удовлетворить просьбу халхасовъ и опредѣлить имъ хубилгàна Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты.

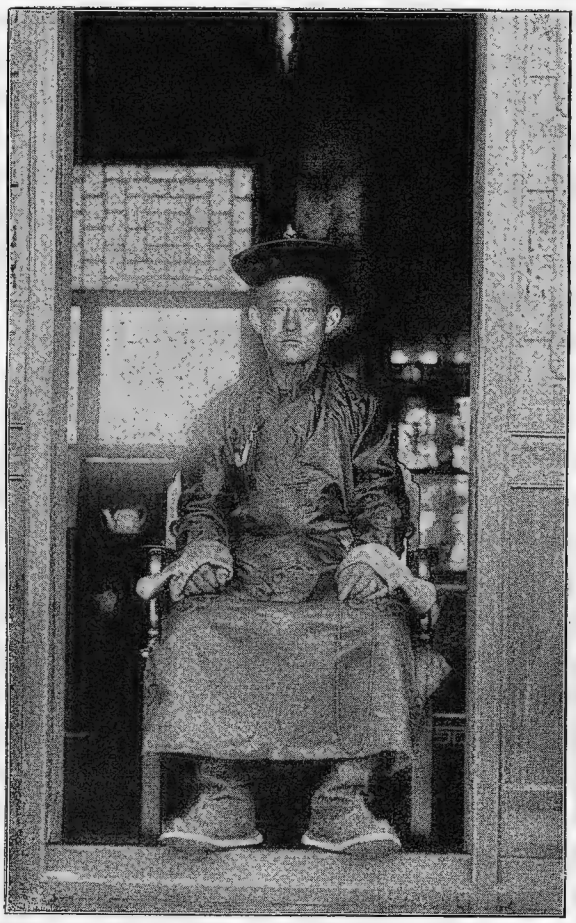
Хубилгàнъ этотъ, явившійся восьмымъ живущимъ въ Монголіи видомъ Чжэбцзýнъ-дамбà хутухты и благополучно здравствующій еще и донынѣ, оказался родившимся въ началѣ 1870 года въ тибетской семьѣ одного изъ приближеннѣйшихъ чиновниковъ далàй-ламы; точнѣе сказать, отецъ его состоялъ при дворцѣ далàй-ламы въ числѣ распорядителей по хозяйственной части. Такое положеніе въ свою пору дало ему возможность скопить значительные достатки, такъ что отецъ нынѣшнаго хутухты могъ почитаться человѣкомъ очень состоятельнымъ. Получивъ это точное извѣстіе о возрожденіи хутухты и поклонившись ему, экспедиція возвратилась въ Халху, послѣ чего халхасы начали готовиться къ отправкѣ новаго посольства, собственно для перевезенія хутухты. Имъ хотѣлось исполнить

это дѣло какъ только возможно скорѣе, ибо всѣ несчастія, постигшія въ то время Халху, какъ-то, нашествіе дунганъ, разграбленіе халхаскихъ городовъ и хошӯновъ, падежи скота, все это объяснялось отсутствіемъ покровителя Халхи—гэгэ̀на. За всѣмъ тѣмъ сборы пословъ затянулись почти на три года и лишь 8-го числа 2-й луны (28 марта) 1873-го г. поѣздъ халхасовъ двинулся изъ Урги за хутухтою. Въ 1874 г. халхасы добрались до Хлассы, въ маѣ двинулись въ обратный путь, а 30 октября того же 1874 г. они привезли своего хутухту въ Ургу. Вмѣстѣ съ малюткою въ Ургу прибыли его отецъ, мать и братья. При возведеніи хутухты на каѳедру, отцу его было пожаловано право носить гӯн'скій шарикъ (5-й степ.) и вслѣдъ за симъ почти на цѣлый десятокъ лѣтъ жизнь молодого хубилга̀на потекла изо дня въ день по обычному порядку: онъ жилъ подъ присмотромъ родителей и своего воспитателя, такъ называемаго йонцзо̀нъламы; въ опредѣленное время учился и игралъ, въ опредѣленное же время ламы выносили его для раздаванія благословенія народу. Мирный покой этой жизни былъ нарушенъ только однажды, когда въ 1878 году въ Ургу былъ назначенъ маньчжурскій амба̀нь, Чжи-ганъ, который захотѣлъ измѣнить свои отношенія къ хутухтѣ; но объ этомъ, собственно принципіальномъ вопросѣ, мы будемъ говорить ниже, теперь же въ разсмотрѣніи частной жизни восьмого хубилга̀на, скажемъ, что дѣтская жизнь его въ кругу родной семьи продолжалась собственно до весны 1882 года, когда въ Ургѣ скончался отецъ хутухты. Съ этого времени гэгэ̀нъ уже не посѣщалъ родного крова: мать хутухты поселилась отдѣльно, живя съ четырьмя своими сыновьями и только ежедневно, въ опредѣленные часы являлась къ своему богдо̀ для свиданій. Простая тибетянка, не выше среднихъ лѣтъ, она была, говорятъ, женщина очень умная и съ большимъ тактомъ, оттого вліяніе ея на хутухту не прекратилось и послѣ смерти его отца. Она умѣла сдерживать своего сына, который, приходя въ возрастъ, постепенно начиналъ все больше и больше сознавать свое положеніе и выказывать собственную волю. Мало-по-малу онъ начиналъ скучать, тяготиться своею монотонною жизнью, ея однообразіемъ и собственнымъ бездѣйствіемъ. Отъ окружающихъ, большею частію пожилыхъ людей, онъ не могъ получить ничего для себя интереснаго, удовлетворяющаго его юношескимъ стремленіямъ. Въ эту-то пору для хутухты было особенно благотворно вліяніе его матери. Утверждаютъ, напримѣръ, что, именно благодаря ея совѣтамъ, хутухта началъ обращаться тогда въ русское консульство, прося присылать ему разнаго рода игрушки съ механизмами, модели, картины, вообще все, что есть интереснаго: особливо понравились ему всякаго рода иллюстрированные журналы, которыми онъ просто увлекался, требуя разъясненія чуть ни на каждую картинку.

Это былъ, конечно, прекрасный предлогъ для образованія хутухты, къ сожалѣнію, имъ никто не воспользовался. 1885 годъ памятенъ халхаскимъ ламамъ, какъ первый, когда молодой гэгэнъ впервые выказалъ упорное неповиновеніе своимъ наставникамъ и при томъ въ самой грубой формѣ. Дѣло возникло по поводу доклада ламъ о переселеніи въ Хӯрэнь изъ лѣтняго дворца на рѣкѣ Тӧлѣ. Гэгэнъ, чувствовавшій себя менѣе стѣсненнымъ въ своемъ дачномъ помѣщеніи, захотѣлъ продолжить для себя эту свободу, а когда ханбӧ-лама и йонцзонъ начали ему противорѣчить, онъ, говорятъ, въ порывѣ своего гнѣва перваго ударилъ въ грудь, а второго вытолкалъ въ шею изъ комнаты. Въ этомъ случаѣ опять-таки только мать гэгэна сумѣла смягчить для оскорбленныхъ почтеннѣйшихъ ламъ хӯрэня горечь понесенной ими обиды и мало-по-малу обуздывать хутухтӯ. Вскорѣ однако хутухта лишился и этого, самаго надежнаго руководителя: мать его умерла въ началѣ 1887 года и вслѣдъ за симъ, никѣмъ не сдерживаемый, хутухта началъ совершенно такую же предосудительную жизнь, какъ и его предшественникъ. Окруживъ себя недостойной и разгульной молодежью, онъ изо-дня въ день устроивалъ попойки и кутежи, началъ курить табакъ, играть въ карты и даже проводить время въ обществѣ женщинъ. Что было хуже всего для ламъ, такъ это именно открытые разъѣзды подкутившаго хутухты по городу и нерѣдко даже дебоши, производимые на улицахъ: наскочить и стоптать кого-нибудь своею лошадью, затравить какого-либо пѣшехода собаками, — вотъ самыя обычныя потѣхи хутухты. При дворѣ хутухты живетъ еще и доселѣ одинъ добрѣйшій старичекъ-лама въ качествѣ не то какого-то прислужника, не то дядьки. Не обращая никакого вниманія на свою внѣшность, онъ не брилъ волосъ на головѣ, носилъ бороду и проч. Разказываютъ, что однажды гэгэнъ приказалъ смочить ему головные волосы и бороду керосиномъ и подпалить все это огнемъ; нѣтъ нужды говорить, что несчастный получилъ страшные обжоги, и на лицѣ его навѣки остались слѣды этой потѣхи гэгэна. Слушая такіе разказы изъ устъ очевидцевъ и смотря на слѣды обжоговъ старика, я невольно пріобрѣталъ довѣріе и къ сказаніямъ о второмъ гэгэнѣ, который, какъ говорилось выше, то бросалъ людей въ рѣку, то привязывалъ ихъ къ хвостамъ неученыхъ лошадей, то предавался другимъ не менѣе дикимъ потѣхамъ. Когда настоящему гэгэну надоѣла самая Урга, онъ перенесъ свои разъѣзды въ прилежащіе Хӯрэню монастыри, а за симъ предположилъ совершать и болѣе отдаленныя поѣздки, для исполненія которыхъ всякій разъ требовалось разрѣшеніе богдохана. Такимъ образомъ лѣтомъ 1887 г. гэгэнъ ѣздилъ въ Эрдэни-цзӯ. Въ 1888 году онъ хотѣлъ посѣтить Амӯръ-баясхулантӯ; но, помимо обычныхъ кутежей, въ этомъ году у гэгэна нашлась и работа.

Совершившееся тогда бракосочетаніе богдохāна отняло у хутухты, говорятъ, мѣсяца два времени сначала на приготовленіе богдохāну адреса и подарковъ, за симъ на снаряженіе въ Пекинъ посольства, во главѣ съ однимъ изъ дā-ламъ, далѣе на совершеніе торжественныхъ хурàловъ и наконецъ на ожиданіе возвращенія пословъ, съ которыми гэгэнъ думалъ получить отъ богдохāна милости. Лѣтомъ этого года монголы устроивали свои обычныя всенародныя игры (долōнъ-хошӯнай нāдамъ) и такимъ образомъ гэгэну не пришлось никуда поѣхать. Предположеніе свое посѣтить Амӯръ-баясхулантӯ гэгэнъ исполнилъ уже въ 1889 году. Поѣздка эта была предпринята имъ по разрѣшенію богдохāна и была обставлена всевозможными приготовленіями и торжественными встрѣчами со стороны монголовъ; результаты ея, по крайней мѣрѣ въ отношеніи исправленія пути, пришлось наблюдать и намъ, какъ замѣчалъ я объ этомъ по дорогѣ изъ Амӯръ-баясхулантӯ въ Хӯрēнь (см. стр. 49). Пребываніе гэгэна въ Амӯръ-баясхулантӯ было цѣлымъ рядомъ овацій, въ свободное отъ которыхъ время онъ съ удобствомъ могъ предаваться здѣсь разнаго рода увеселеніямъ, не будучи стѣсняемъ ни присутствіемъ амбàней, ни привыкшихъ къ этикетамъ и формализму ургинскихъ ламъ. Увезя съ собою самое пріятное впечатлѣніе объ Амӯръ-баясхулантӯ, гэгэнъ въ слѣдующемъ 1890 г. уже два раза ѣздилъ въ этотъ монастырь, въ оба раза оставляя Ургу безъ спроса и безъ сношеній съ богдохāнскимъ правительствомъ. Это было уже прямымъ преступленіемъ, такъ какъ, по дѣйствующимъ китайскимъ установленіямъ, гэгэнъ не имѣетъ права оставлять Урги; но самоволіе молодого хутухты относилось съ презрѣніемъ къ этому закону. Онъ уѣзжалъ приблизительно на недѣлю, окруженный шестью-семью молодыми ламами, состоявшими въ самыхъ низшихъ должностяхъ по шабѝнскому вѣдомству и отличавшимися только наклонностями и умѣньемъ покутить. Конечно, такія поѣздки причиняли не мало заботъ высшему ургинскому духовенству и самимъ амбàнямъ, тѣмъ больше что поведеніе гэгэна во время этихъ поѣздокъ было прямо предосудительнымъ. Правда, кутежи гэгэна нисколько не уменьшали его обаянія въ народѣ: послѣдній на всякую эксцентричность въ его поведеніи смотрѣлъ какъ на нѣчто загадочное и всякій его поступокъ старался объяснить въ его пользу, на основаніи своихъ священныхъ книгъ; тѣмъ не менѣе, когда во вторую свою поѣздку гэгэнъ прямо дошелъ до уголовныхъ преступленій, ламы положительно возстали противъ него. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ адъютантовъ и вмѣстѣ собутыльниковъ гэгэна былъ заключенъ въ тюрьму, другіе высланы изъ Урги въ хошӯны. Съ этой поры гэгэнъ какъ будто сталъ скромнѣе и слухи объ его дебошахъ пошли тише, хотя, можетъ быть, это обусловливалось тѣмъ, что во время моего пребы-

ванія онъ не жилъ въ Ургѣ и со времени извѣстнаго пожара, погубившаго его юрты, постоянно находился въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, за городомъ, на берегу рѣки Тōлы.



Въ настоящую пору хубилга̀нъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты имѣетъ около 22-хъ лѣтъ отъ роду; роста онъ немного ниже средняго, худощавъ; лицо у него какое-то желтое, безъ малѣйшаго признака румянца и еще болѣе непріятное въ силу всегда присущаго ему выраженія какого-то ребяческаго самоволія и капризнаго упрямства, а равно отъ необыкновенно чувственно развитыхъ губъ. Прилагаемый портретъ, который удалось мнѣ снять съ него, представляетъ его сидящимъ въ одной изъ залъ его лѣтняго дворца, въ его обычномъ домашнемъ костюмѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ дала̀й-лама̀ сдѣлался верховнымъ главою всего ламайскаго міра, избраніе хубилга̀на Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты производится не иначе, какъ по его опредѣленію, которое однако не можетъ быть совершено безъ особаго высочайшаго повелѣнія, издаваемаго по этому поводу богдоха̄номъ. Такимъ образомъ возрожденіе и существованіе Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты на землѣ всецѣло обусловливается волею богдоха̄на. Халхаскіе ламы прекрасно сознаютъ это, оттого они и никогда не бываютъ увѣрены въ томъ, что умершій хубилга̀нъ возродится снова. Уже по смерти 6-го хубилга̀на въ средѣ ургинскихъ ламъ ходила молва, что всѣхъ хуту̀хтъ

должно быть въ Ургѣ только шесть. Когда въ 1868 году умеръ седьмой хубилга̀нъ, имѣя, по монгольскимъ вычисленіямъ, только двадцатый годъ отъ роду, распространился другой слухъ, что хутухта̀ этотъ долженъ былъ прожить собственно 40 лѣтъ; и если духъ гэгэ̀на, не потерпѣвшій окружавшей его дурной обстановки, оставилъ теперь свою матеріальную оболочку, то новое возрожденіе его можетъ совершиться не ранѣе, какъ черезъ 20 лѣтъ, да и при томъ не извѣстно еще, гдѣ совершится это возрожденіе; говорилось также и то, что хутухтъ въ Ургѣ должно быть только семь. Несмотря на циркулированіе въ толпѣ всѣхъ этихъ толковъ, 250-тилѣтняя привычка къ хутухтѣ, а главное то, что существованіе его обезпечиваетъ бо̀льшія средства къ жизни не менѣе какъ 25,000 ламъ, побуждаетъ халхасовъ каждый разъ, немедленно же по кончинѣ одного хутухты, начинать хлопоты объ открытіи его новаго перерожденца. Встарину вопросъ этотъ интересовалъ монгольскихъ князей, желавшихъ предоставить мѣсто хубилга̀на своимъ дѣтямъ, чтобы родствомъ съ великимъ халхаскимъ ламою возвысить и свое собственное благосостояніе; теперь, когда эти князья всецѣло усвоили уже себѣ политику маньчжурскаго двора и хорошо знаютъ, что богдоха̄нское правительство никогда не согласится на возрожденіе Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты въ семьѣ какого-либо халхаскаго князя, они оставили всякія хлопоты по сему предмету. По смерти седьмого хутухты, правда, очень многіе изъ халхасовъ выражали желаніе, чтобы хутухта возродился въ Халхѣ, но это желаніе мотивировалось единственно соображеніемъ о томъ, какъ сократились бы расходы по призванію хутухты на каѳедру, если бы онъ былъ халхасомъ. Внѣ этого соображенія рѣшительно всѣмъ хотѣлось, чтобы онъ былъ по старому тибетцемъ, наконецъ, даже изъ какой-либо другой страны, только не халхасомъ. Они полагали, что единственно родившійся гдѣ-нибудь вдали хутухта можетъ быть одинаковымъ для всей страны и всецѣло удовлетворять своему призванію. Итакъ, говорю, хлопоты объ опредѣленіи личности новаго хубилга̀на начинаются немедленно по смерти каждаго гэгэ̀на.

По установленной формѣ, ургинскіе амба̀ни въ самый день кончины хутухты посылаютъ съ особливымъ курьеромъ всеподданнѣйшій докладъ въ Пекинъ съ подробнымъ извѣщеніемъ объ обстоятельствахъ смерти и уже въ этомъ докладѣ они обязаны просить высочайшаго повелѣнія богдоха̄на дала̀й-ламѣ опредѣлить мѣсто и личность, въ которыхъ имѣетъ возродиться новый хутухта. Мѣсяца черезъ три, или четыре послѣ сего изъ Урги, спеціально отъ шабѝнскаго вѣдомства, отправляется посольство въ Тибетъ, имѣющее своею цѣлью представиться дала̀й-ламѣ, сообщить ему о смерти гэгэ̀на, просить его совершить поминки по усопшемъ и опредѣлить

его хубилга̀на. По прибытіи въ Тибетъ посольство это обыкновенно остается тамъ до избранія новаго хутухты.

До сего времени никогда не бывало случая, чтобы избраніе это замедлялось по какой-либо причинѣ. Изъ Пекина обыкновенно во̀-время высылается указъ дала̀й-ламѣ: «Избрать хубилга̀на изъ дѣтей тибетскихъ». Въ средѣ лицъ, изучавшихъ Монголію, существуетъ мнѣніе, что пекинскій дворъ давно уже издалъ распоряженіе о томъ, чтобы Чжэбцзўнъ-дамба̀ постоянно перерождался въ Тибетѣ; но мы знаемъ за достовѣрное, что такого распоряженія не существуетъ, да и къ чему китайское правительство стало бы создавать себѣ такое ограниченіе, если «сыну неба» всегда не трудно указать мѣсто появленія хубилга̀на; оно же притомъ можетъ и измѣняться, сообразно его видамъ.

Въ Тибетѣ, по полученіи богдоха̄нскаго указа и по прибытіи изъ Халхи посольства шабина̀ровъ, начинаются предварительные выборы хубилга̀на Чжэбцзўнъ-дамба̀-хутухты. Они совершаются дала̀й-ламою, баньчэ̀нь-богдо̀ и двумя чо̀йчжонами. Тайновѣдцы эти назначаютъ имена 12 мальчиковъ, рожденныхъ приблизительно въ одно время (не ранѣе 10 мѣсяцевъ по смерти хутухты) и приказываютъ представить ихъ въ Будалу. Здѣсь дѣти подвергаются изслѣдованіямъ ученыхъ ламъ, которые, по мѣрѣ ознакомленія съ ихъ особенностями, постепенно отстраняютъ обладающихъ меньшими признаками физическаго существа будды; такъ остаются наконецъ три мальчика, которые признаются собственно хубилга̀нами. На чемъ обосновывается первоначальное указаніе двѣнадцати мальчиковъ, сказать трудно. Весьма вѣроятно, что при этомъ имѣетъ вліяніе протекція, можетъ быть и желаніе получить какія либо выгоды, достовѣрно только, что всѣ четыре избирателя предварительно условливаются между собою относительно назначенія кандидатовъ, потому что указанія ихъ, выходя изъ четырехъ, повидимому, совершенно особыхъ источниковъ, падаютъ всегда на однѣ и тѣ же личности, что, конечно, служитъ для буддистовъ доказательствомъ единства и божественности избранія.

Окончательное опредѣленіе хубилга̀на совершается въ Будалѣ, въ присутствіи дала̀й-ламы, баньчэ̀нь-богдо̀, тибетскаго ха̄на, двухъ калуновъ и особливо командируемаго на эти выборы изъ Пекина маньчжурскаго амба̀ня. Имена мальчиковъ пишутся на трехъ отдѣльныхъ бумажкахъ и кладутся въ золотую урну (бумбо̀), откуда, по совершеніи установленнаго хура̀ла, вынимаютъ одну изъ этихъ бумажекъ: имя, написанное на ней, и опредѣляетъ хубилга̀на, долженствующаго быть отправленнымъ въ Монголію. Назначеніе трехъ кандидатовъ обусловливается тѣмъ, что всякій бодиса̀тва перерождается отдѣльно тремя частями, составляющими его при-

роду: духомъ, словомъ и тѣломъ. Для препровожденія въ Монголію избирается хубилга̀нъ духа, остальные два мальчика, признаваемые хубилга̀нами слова и тѣла, принимаютъ также ламскія посвященія: они живутъ обыкновенно въ Тибетѣ, пользуются почетомъ и иногда занимаютъ мѣста настоятелей монастырей, основанныхъ Дарана̀тою, а иногда состоятъ просто въ числѣ братіи этихъ монастырей. Что касается хутухты, долженствующаго ѣхать въ Монголію, то онъ, будучи въ періодъ своего избранія одного, много $1^1/_2$ года отъ роду, обыкновенно отправляется или въ монастырь Дакда̀нъ-пунцу̀къ-лйнъ, или въ Балда̀нъ-бра̀й-бунъ, основанные также Дарана̀тою, и живетъ тамъ вмѣстѣ со своими родителями, подъ присмотромъ мѣстныхъ ламъ вплоть по переѣзда своего въ Монголію.

Въ дальнѣйшемъ дѣло избраннаго хутухты ведется такимъ порядкомъ. По окончаніи выборовъ, всѣ члены этой избирательной коммиссіи составляютъ всеподданнѣйшій докладъ богдоха̄ну и, скрѣпивъ его подписями, передаютъ его командированному изъ Пекина амба̀ню для представленія его установленнымъ порядкомъ. Одновременно съ отъѣздомъ этого амба̀ня, возвращается домой и большая часть халхаскихъ пословъ, везя съ собою радостную вѣсть о нахожденіи хубилга̀на; въ Тибетѣ, при новоизбранномъ хутухтѣ, остаются въ эту пору лишь два или три изъ старѣйшихъ халхаскихъ ламъ. Изъ Пекина, по полученіи вышепомянутаго доклада, посылается въ Ургу богдоха̄нскій указъ, въ которомъ подробно прописывается званіе новаго хубилга̀на и разрѣшается халхасамъ перевезти его въ Халху. Съ этой поры въ Халхѣ начинаютъ готовиться къ призванію на каѳедру хутухты.

Сборы эти никогда не оканчиваются въ періодъ ранѣе двухъ и даже трехъ лѣтъ, да оно и понятно, ибо призваніе хутухты требуетъ громадныхъ расходовъ, приблизительно въ 350—400 тысячъ рублей и большую часть этихъ суммъ нужно бываетъ собрать съ народа. Еще въ прошлую свою поѣздку по Монголіи я слышалъ, что, для приглашенія настоящаго хутухты, съ монголовъ было собрано 150,000 ланъ серебра или около 350,000 руб. сер. на наши деньги. Насколько вѣрно такое показаніе, я не могу сказать положительно, но мнѣ тогда же удалось найти весьма интересный документъ по этой части въ архивѣ мэргэ̀нъ-ва̀новскаго-хошӯна. принадлежащаго къ а̀ймаку тӯшѣтӯ-ха̄на. Документъ этотъ есть счетъ второго дополнительнаго сбора съ а̀ймаковъ по случаю назначенія одного лишняго торжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостатка денегъ, собранныхъ по прежде составленной смѣтѣ и первому дополнительному сбору; онъ интересенъ въ высшей степени, какъ потому, что предоставляетъ намъ все, что потребно на торжествахъ монголовъ, такъ и еще болѣе потому, что показываетъ поря-

докъ распредѣленія суммъ между членами общества. Въ краткихъ словахъ документъ этотъ представляетъ слѣдующее: «Осенью 13 года Бӯринтӯ-цзасакчѝ (года правленія Тунъ-чжи) четыре халхàскихъ àймака, вмѣстѣ съ шабинàрами, призывают на каѳедру хубилгàна Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухты, и, по старому, устроивъ радостное торжество, встрѣтятъ его и поднесутъ мàндалъ на границѣ. Съ нашего àймака сверхъ прежде собранныхъ 5,000 ланъ для поднесенія дансӯка требуется еще теперь выставить 2,500 ланъ и кромѣ того лошадей, борцовъ, стрѣлковъ въ цѣль и награды для нихъ, а именно:

Верблюдовъ	3	Половинокъ русской кожи (булигàръ)	7
Лошадей	16	Лисьихъ шкуръ	3
Кусковъ матерій	9	Овецъ	231
Полукусковъ	1	Шара-цай	8,828
Квадратовъ шелк. матерій	22		

Въ число сихъ 3,053 ланъ, 9 ѳынъ (слѣдовательно всѣ исчисленныя вещи оцѣниваются въ 553 лана 9 ѳынъ) опредѣляется взять изъ жалованья недостаточныхъ дэдъ-да-вàна и цзасака Цэрэнъ дондòба деньги въ количествѣ 19 ланъ; объ остальныхъ же постановляется слѣдующее: одну седьмую часть ихъ, 433 лана 4 цина, платятъ нойòны (правители хошӯновъ), а остальныя деньги вытребываются съ хошӯновъ. При семъ исключаются отправившіеся въ Тибетъ и цзасàкъ Дармà-сэнкэ, умершіе: гунъ Билѝкъ дордчжи и цзасакъ Цэвàнъ-чжàбъ; изъ жалованья же дà-цинь-вàна и вàна Лосорàнъ-бацзàр'а берется половина.

Сборъ распредѣляется такъ:

На плоды	30 ланъ	имъ въ мѣсяцъ на пищу	612 козъ
На пиръ три быка	24 лана	для переѣзда ихъ лошадей	219
» 32 овцы	32 лана	готовыхъ полотнянныхъ палатокъ	57
Стрѣлковъ въ цѣль опредѣляется	60 чел.	верблюдовъ подъ вьюки	91
При стрѣлкахъ всего	8 »	скачущихъ 3-хъ лѣтнихъ лошадей	336
Снаряжающихъ стрѣлковъ	2 »	для ухода за ними коюховъ	38
Имъ полагаются въ мѣсяцъ на пищу	210 овецъ.	имъ по одной лошади, и на пищу	219 козъ
борцовъ	200 чел.		
прислуги у борцовъ	9 »		

Вмѣстѣ съ мальчиками, скакунами на лошадяхъ, имъ полагается готовыхъ полотнянныхъ палатокъ и вьючныхъ верблюдовъ на десятерыхъ по три.

Надсмотрщиковъ за бѣгомъ лошадей 99

Эта смѣта второго дополнительнаго сбора можетъ указать примѣрно во что обходится каждая пирушка монголовъ и каковъ долженъ быть ея характеръ; она же вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣждаетъ насъ, что сумма денегъ, потраченныхъ вообще на приглашеніе хутухты, едва ли преувеличена: по всей вѣроятности, она весьма близко подходитъ къ истинѣ.

Въ составъ поѣзда, отправляющагося за хутухтою, по изстари установившемуся обычаю, назначаются по наряду изъ Халхи: одинъ ванъ (князь 1-й или 2-й ст.), въ званіи начальника экспедиціи; отъ каждаго изъ аймаковъ—по одному князю (степени бэйлэ, бэйсэ, гуна, или цзасакъ-тайчжія); отъ шабинскаго вѣдомства—одинъ да-лама и спеціально отъ ламъ Хуреня Чжэбцзунъ-дамба хутухты—эрдэни-ханбо-лама; означеннымъ лицамъ назначается особое содержаніе по этой командировкѣ. Въ прежнее время князья съ охотою ѣздили въ Тибетъ. Къ каждому поѣзду за хутухтою всегда присоединялось нѣсколько добровольцевъ, а оффиціальное назначеніе въ составъ экспедиціи достигалось только искательствомъ; но теперь такая ревность, кажется, очень охладѣла. Разказываютъ, что въ періодъ поѣздки за послѣднимъ, восьмымъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты халхасы не могли найти даже вана для начальствованія экспедиціею. Время, говорятъ, было тяжелое и смутное; общее число первостепенныхъ князей въ каждомъ изъ халхаскихъ аймаковъ не превосходитъ двухъ-трехъ и къ тому же одни изъ нихъ оказались въ преклонномъ возрастѣ, другіе занимали такія должности по общественному управленію, отъ коихъ ихъ нельзя было освободить даже временно; третьи, наконецъ, отговаривались болѣзнью. Ургинскіе амбани, на обязанности которыхъ лежитъ снаряженіе и отправленіе поѣзда за хутухтою, получивъ такія заявленія вынуждены были представить богдохану общій списокъ халхаскихъ вановъ, прося его назначить начальника экспедиціи; они разсчитывали, что князь, имя котораго будетъ отмѣчено красной кистью богдохана, долженъ будетъ безъ отговорокъ исполнить свое назначеніе; но и этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ.

Жребій палъ на состоявшаго въ званіи цзюнь-вана сайнъ нойновскаго аймака, Гимпилъ-дорчжи, болѣе извѣстнаго подъ именемъ далай-вана [1]); но

1) Гимпилъ дорчжи этотъ вступилъ въ управленіе хошуномъ послѣ отца своего Гунцукъ-чжаба, еще въ 1845 году и имѣетъ собственно родовую степень бэйлэ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ на должность уляcутайскаго амбаня. Въ 1871 году, при нападеніи на Уляcутай мятежныхъ хойхойцевъ, онъ во главѣ монгольскаго и солонскаго отрядовъ вы-

послѣдній, несмотря на указаніе богдохāна и самыя настоятельныя требованія ургинскихъ правителей, все же заявилъ, что онъ не можетъ ѣхать въ Тибетъ, во-первыхъ по болѣзни, а во-вторыхъ и потому что онъ единственный сынъ у своей 80-лѣтней матери, которую онъ не можетъ оставить на чужое попеченіе. Предлогъ этотъ настолько уважителенъ по китайскимъ законамъ, что ургинскіе амбàни должны были отказаться отъ своего намѣренія отправить далàй-вàна и для выбора начальника экспедиціи представили новый списокъ богдохāну, въ который помимо наличныхъ вàновъ, включили еще и всѣхъ князей 3-й ст., т. е. бэйлэ. Выборъ богдохāна палъ въ этомъ случаѣ на цэцэнъ-бэйлэ цэцэнъ-хāновскаго àймака, который дѣйствительно и ѣздилъ за хутухтою. Это былъ первый примѣръ того, что во главѣ хутухтинской экспедиціи стоялъ князь 3-й степени. Что касается членовъ экспедиціи, то ихъ, конечно, найти никогда не трудно, ибо къ исполненію этой обязанности всегда можно привлечь какого-либо бѣднаго цзасакà, готоваго безропотно нести всякое данное ему порученіе. Помимо этихъ высшихъ лицъ посольства, въ составъ экспедиціи входятъ еще нѣсколько тусалакчѝ, до 50-ти тàйчжіевъ и болѣе 200 человѣкъ разной прислуги, какъ-то: вожаковъ и пастуховъ верблюдовъ, особыхъ лицъ, назначаемыхъ для разбивки юртъ и палатокъ, истопниковъ, поваровъ и проч. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ лицъ экспедиціи къ поѣзду присоединяются всегда и добровольные паломники, такъ что общее число движущейся толпы превышаетъ обыкновенно тысячу человѣкъ. Подъ вьюками этого поѣзда отправляется свыше тысячи верблюдовъ, навьючиваемыхъ прежде всего походнымъ дворцомъ самого гэгэна, который, какъ извѣстно, былъ подаренъ второму хутухтѣ императоромъ Юнъ-чжэномъ, а со временъ пятаго хутухты опредѣленъ Дао-гуаномъ въ отличительное пользованіе всѣмъ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухтамъ. Палатки этого дворца вмѣстѣ съ ихъ желтою оградою движутся всегда впередъ, открывая собою движеніе всего поѣзда. За ними тянется караванъ съ продовольственными вещами экспедиціи, взимаемыми по разсчету достатка не только на передній, но и на обратный путь; далѣе вьючатся подарки далàй-ламѣ, баньчэнь-богдò и

ступилъ имъ навстрѣчу, но не могъ удержать хойхòйцевъ, которые и овладѣли Улāсутàемъ. За эту провинность Гимпѝлъ-дорчжѝ отрѣшили отъ должности амбàня и вмѣсто степени вана понизили до родовой его степени бэйлэ. Вѣроятно, поэтому-то Потанинъ въ описаніи своей первой поѣздки 1876—1877 г.г. и называетъ его далàй-бэйлэ, хотя въ 1872 г. Гимпѝлъ дорчжѝ ѣздилъ въ Пекинъ и сдѣлалъ тамъ пожертвованіе, для содержанія войскъ, въ суммѣ 5000 ланъ серебра, 200 лошадей и 20,000 гиновъ муки; за это ему снова было возвращено достоинство вана. Съ конца 70-хъ годовъ. Гимпѝлъ-дорчжѝ снова исправлялъ должность улāсутàйскаго амбàня и въ это время много способствовалъ украшенію этого города, какъ о томъ уже говорилось на стр. 248, и др.

другимъ знатнымъ ламамъ Тибета; посылается и нѣсколько вьюковъ съ жертвоприношеніями (дансýкъ) отъ всей Халхи самому нововоплощенному хутухтѣ. Китайское купеческое общество ургинскаго маймачэ̀на также всегда посылаетъ отъ себя представителей съ дарами хутухтѣ, которые много разъ уже состояли изъ однихъ и тѣхъ же предметовъ: мàндала (серебрянаго блюда), 1000 ланъ серебра и нѣсколькихъ кусковъ шелковыхъ матерій.

Помимо оффиціальныхъ представителей отъ Халхи, для сопровожденія хубилгà на Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухты въ путеслѣдованіи его изъ Тибета въ Халху, богдохāнъ назначаетъ еще, по установленію, изъ Пекина одного маньчжурскаго амбà ня, двухъ цзаргучэ̀евъ и двухъ гà лай-да. Точный порядокъ требуетъ, чтобы лица эти пріѣзжали въ Ургу и сопутствовали экспедиціи съ самаго начала ея движенія; но обычно дѣло ведется такъ, что всѣ вышепоименованные чины изъ Пекина направляются прямо въ Си-нинъ, или другой какой-либо при куку нýрскій городъ и уже отсюда ѣдутъ съ экспедиціею вмѣстѣ; изъ Тибета они слѣдуютъ за хутухтою до самой Урги и только по благополучномъ прибытіи гэгэ̀на на мѣсто возвращаются въ Пекинъ. Содержаніе этихъ лицъ стоитъ халхасамъ обыкновенно очень дорого; по изстари установившемуся обычаю, всѣ расходы по содержанію маньчжурскаго амбà ня принимаетъ на себя шабúнское вѣдомство, двухъ цзаргучэ̀евъ содержатъ àймаки тýшэ̄тý-хāновскій и цэцэ̀нъ-хāновскій, а двухъ гà лай-да — сàйнъ-нойновскій и цзасактý-хāновскій.

День выступленія экспедиціи изъ Урги опредѣляется и оповѣщается по всей Халхѣ мѣсяца за три, чтобы такимъ образомъ дать возможность желающимъ или проводить поѣзжанъ, или пристать къ ихъ каравану. Самые проводы бываютъ весьма торжественны. Наканунѣ рѣшительно во всѣхъ кумирняхъ совершаются пышные хурà лы: версты на двѣ слышатся тогда звуки громадныхъ ламскихъ трубъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, а надъ всею Ургою стоитъ дымъ отъ священныхъ куреній и благовонныхъ курительныхъ свѣчей. Народъ стекается отовсюду. Въ день выѣзда представители экспедиціи и все мѣстное начальство, во главѣ съ амбà нями, собираются во дворцѣ гэгэ̀на и, по отправленіи послѣдняго молебствія, трогаются въ путь. Вся администрація Урги провожаетъ экспедицію за городъ и, миновавъ Гà данъ, останавливается въ заранѣе приготовленныхъ здѣсь палаткахъ, чтобы выпить послѣднюю чашку чая. Здѣсь происходитъ конечное прощаніе, экспедиція откланивается амбà нямъ и трогается, хотя опять не надолго. Проѣхавъ одну станцію, поѣздъ останавливается снова, проживая на берегу рѣки Тōлы приблизительно дня три, чтобы приготовиться въ дальнѣйшій путь окончательно: дополнить недостающее

или забытое, оставить излишнее и т. д. Многіе изъ князей и простолюдиновъ провожаютъ экспедицію черезъ всю Халху вплоть до кочевьевъ внутреннихъ монголовъ.

Всѣ экспедиціи, отправлявшіяся доселѣ въ Тибетъ за хубилга̀нами Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты всегда выступали изъ Урги въ періодъ между второю половиною февраля и послѣдними числами марта. Поступаютъ монголы такимъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы успѣть до наступленія самыхъ сильныхъ жаровъ достигнуть Хӯхӯ-нӯра и въ тамошнихъ степяхъ заправить своихъ верблюдовъ, которые, какъ извѣстно, не способны къ трудной ходьбѣ въ лѣтнюю пору. Движется поѣздъ обычно по кочевьямъ тӯшэ̄тӯ-ха̄новскаго и са̀йнъ-нойновскаго-а̀ймаковъ, а засимъ черезъ хошӯнъ алаша̀ньскаго-ва̀на въ Хӯхӯ-нӯръ. Простоявъ въ хӯхӯ-нӯрскихъ степяхъ до осени, экспедиція продолжаетъ свой путь далѣе приблизительно съ октября мѣсяца и является во Хлассу или въ самомъ концѣ декабря, или въ январѣ.

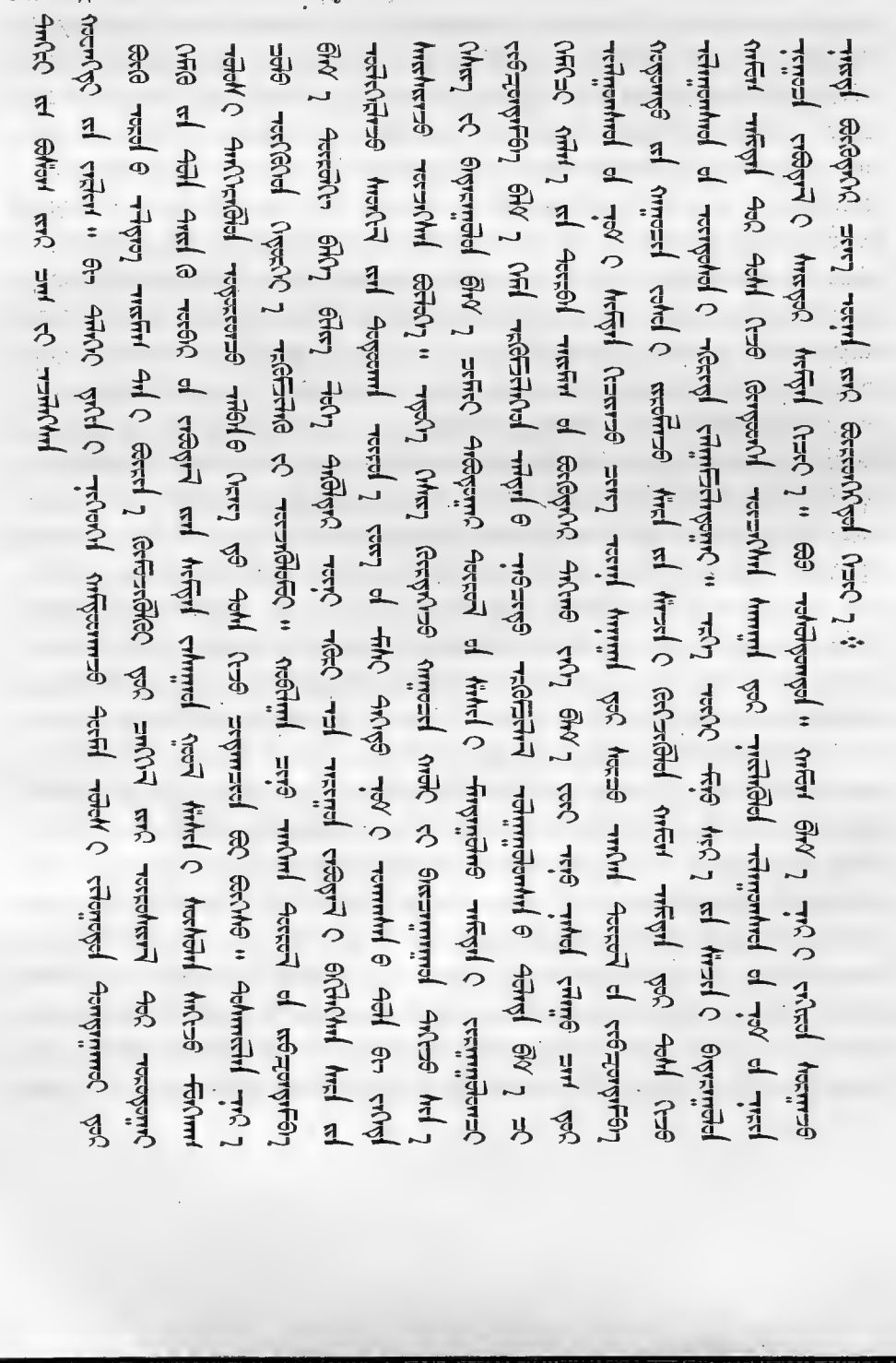
Такъ какъ въ Хлассѣ еще задолго до прихода экспедиціи бываетъ уже извѣстно время ея прибытія, то управленіе дала̀й-ламы заранѣе заботится приготовить помѣщенія для пріѣзжихъ и отводитъ таковыя главнымъ образомъ въ окружающихъ Хлассу монастыряхъ. Отдохнувъ, халхасы представляются всѣмъ духовнымъ владыкамъ Тибета и всѣмъ имъ приносятъ или дансу̀къ, или манда̀лъ, а засимъ начинаютъ хлопотать главнымъ образомъ о томъ, чтобы преподать своему хутухтѣ побольше посвященій. Въ ихъ присутствіи хутухта принимаетъ обыкновенно монашескіе обѣты, при нихъ же получаетъ и такъ называемый «камбо́йнъ-чжина̀нъ», т. е. посвященіе въ настоятели; только послѣ этого почитается возможнымъ везти хутухту въ Халху.

Обратный путь съ хутухтою халхасы совершаютъ по той же дорогѣ съ тою разницею, что поѣздъ ихъ на этотъ разъ еще больше увеличивается, ибо хутухту всегда провожаютъ до своихъ границъ и тибетцы. На всемъ пути отъ Хлассы до Алаша̀ни хутухту, по установленію, конвоируютъ еще отъ одного города до другого мѣстные китайскіе гарнизоны. Чтобы, по возможности, сохранить силы своего скота, халхасы обыкновенно ѣдутъ по Тибету на якахъ, которыхъ они нанимаютъ у мѣстныхъ жителей и только отъ южныхъ предѣловъ Хӯхӯ-нӯра поѣздъ снова движется на верблюдахъ и лошадяхъ. Съ сѣверныхъ границъ Тибета поѣздъ значительно сокращается, ибо всѣ тибетцы возвращаются домой. Вступивъ въ Тангутъ, халхасы всегда посылаютъ дары предводителямъ мѣстныхъ тангутскихъ поколѣній; это, конечно, ни что иное, какъ задариваніе вождей этихъ полудикихъ и полунезависимыхъ племенъ, чтобы они не грабили и не безпо-

коили экспедицію. Какъ уже говорилось выше, поѣздъ во все это время находится подъ высшимъ распоряженіемъ высылаемаго изъ Пекина маньчжурскаго амбаня; но, при призваніи послѣдняго хутухты, правительство, опять-таки впервые, не откомандировывало нарочнаго амбаня изъ Пекина, а назначило для сопровожденія хутухты отбывшаго въ ту пору срокъ своей службы второго амбаня Хлассы. Онъ выѣхалъ изъ Будалы, говорятъ, десятью днями позже хутухты и, несмотря на медленность слѣдованія хутухтинскаго поѣзда, не могъ догнать его. Миновавъ Хўхў-нўръ, экспедиція прождала амбаня 17 дней и, не будучи въ состояніи дождаться, двинулась далѣе по Монголіи. Оказалось, что амбань этотъ, достигнувъ Донкора, послалъ докладъ въ Пекинъ и сообщилъ халхаскому начальнику поѣзда, что по болѣзни онъ, амбань, догнать экспедиціи не можетъ и слѣдовать за нею далѣе не въ силахъ. Вмѣстѣ съ амбанемъ въ Донкорѣ остались и другіе маньчжурскіе чины, такъ что въ Ургу хутухта прибылъ исключительно съ своими поклонниками халхасами. На границу Халхи съ южной Монголіей на встрѣчу хутухтѣ всегда выѣзжаетъ шанцзотба, какъ представитель шабинскаго вѣдомства, многіе видные ламы, нѣкоторые князья и массы народа; здѣсь они подносятъ гэгэну дансўкъ и засимъ вся эта толпа направляется вслѣдъ за гэгэномъ въ Ургу, постепенно прибывая и увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ по мѣрѣ приближенія къ этому городу.

По прибытіи къ Хўрѣню, хутухта не ѣдетъ прямо во дворецъ, а всегда на день, или на два, останавливается на степи, близъ Гандана, неподалеку отъ своихъ лѣтнихъ дачъ и живетъ здѣсь въ своемъ походномъ, такъ называемомъ «желтомъ» дворцѣ, устраиваемомъ за желтой полотняной оградой. Отсюда въ назначенный, счастливый день хутухту вносятъ въ Хўрѣнь на желтыхъ носилкахъ. Для входа хутухты въ Хўрѣнь всегда отдѣлываютъ особыя тріумфальныя ворота, которыя находятся въ юго-западной части Хўрѣня и въ обычное время представляютъ собою полуразрушенный деревянный остовъ воротъ, сажени въ двѣ шириною и въ одну или полторы сажени длины; на вершинѣ ихъ всегда остается воздвигнутымъ субурганъ, во время же прохода черезъ нихъ хутухты они увѣшиваются хадаками, шелковыми матеріями и украшаются золотомъ и серебромъ. Внесенный въ Хўрѣнь, хутухта направляется прежде всего въ Барўнъ-ёргё, или кумирню Абатая, гдѣ его встрѣчаетъ тўшѣтў-ханъ какъ ближайшій родственникъ Чжэбцзўнъ-дамбы. По обычаю, ханъ вмѣстѣ съ своею женою долженъ встрѣтить хутухту у дверей Барўнъ-ёргё, ввести его въ юрту, собственными руками развести огонь въ таганѣ и поставить котелъ; а ханьша должна сварить въ этомъ котлѣ чай и мясо, чтобы поднести гэгэну эту пищу. По окончаніи сказанной церемоніи хутухту снова

садятъ въ носилки и переносятъ въ Цокчѝнъ. Здѣсь его встрѣчаютъ высшія свѣтскія власти Хўрѣня, и подносятъ ему дансўкъ, передъ началомъ котораго совершается отъ лица китайскаго богдохāна передача гэгэ̀ну его власти и символовъ ея, состоящихъ въ золотой печати и грамотѣ на владѣніе ею, писанной на золотомъ листѣ. Печать передаютъ гэгэ̀ну ургинскіе амбā̀ни, у которыхъ хранится она со дня смерти предшествовавшаго гэгэ̀на, грамота же на золотомъ листѣ присылается для каждаго гэгэ̀на отдѣльная. Текстъ ея, какъ извѣстно, утвержденъ богдохāномъ въ 1834 году и отъ слова до слова гласитъ слѣдующее:



Въ переводѣ это значитъ:

«Грамота велѣніемъ неба управляющаго временами Хуан-ди.

Совокупивъ воедино живущихъ въ Поднебесной и управляя тьмами народовъ, я, для побужденія ко всякому совершенству обитателей различныхъ удѣловъ всѣхъ царствъ, раздаю имъ преимущественныя имена и титулы съ тѣмъ, чтобы, стремясь войти въ милость, они тщательно исполняли бы свои обязанности, благоговѣйно храня основную вѣру, разумно руководя непросвѣщеннымъ народомъ и оказывая пользу дѣламъ правительства. Хубилга̀нъ! Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-лама твоего перваго перерожденія, исполненный врожденной мудрости, просвѣтилъ свою душу, подобно лунѣ, издревлѣ утвердившейся въ дѣяніяхъ непорочности, и постигъ высочайшее ученіе западныхъ странъ. Посему я и восхвалялъ его. Нынѣ, соизволяя на награжденія, разсмотрѣвъ прежнія постановленія и снова проливая милость, я превозношу тебя, лама̀, пятое перерожденіе, титуломъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-ламы, «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ» и жалую грамоту на золотомъ листѣ. Такъ какъ этимъ самымъ ты, лама̀, дѣлаешься великимъ ламою, котораго будутъ чествовать всѣ четыре халхаскіе а̀ймака, то ты долженъ съ молодыхъ лѣтъ этой жизни тщательно прилежать къ ученію побѣдоносныхъ и изучать его правою и истинною мыслію. Слѣдуя старымъ правиламъ перваго перерожденія Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты, ты долженъ распространять желтую вѣру и доставлять благо одушевленнымъ существамъ. Наслѣдуй въ вѣчности корень побѣдоносныхъ и, непреложно распространяя мою желтую вѣру, доставляй благо всѣмъ живущимъ; объедини все въ твоемъ благосклонно взирающемъ вниманіи и постарайся тщательно прилежать къ таинственнымъ дѣяніямъ ученія побѣдоносныхъ. Не небреги, но, наставляя и управляя всѣми ламами, всѣхъ совокупно побуждай къ совершенству въ правотѣ и истинѣ!»

Далѣе жизнь гэгэ̀на проходитъ почти невѣдомо для обыкновенныхъ смертныхъ въ глубинѣ его дворца, хотя изъ разсмотрѣнія вышепредставленныхъ частныхъ біографій хутухтъ мы и можемъ составить себѣ о ней, повидимому, довольно ясное представленіе. Дѣтство гэгэ̀на проходитъ всегда тихо, въ занятіяхъ науками и невинныхъ забавахъ. Обученіе его ввѣряется особому ламѣ, пользующемуся титуломъ «ному̀нъ-ха̄на» (царя священнаго ученія), а воспитаніе поручается двумъ ламамъ, изъ которыхъ старшій носитъ титулъ йонцзо̀нъ-хамбо̄-ламы (должность эта учреждена въ 1840 году), а второй называется «чжабту̀й-лама̀». Такъ какъ, согласно постановленіямъ богдоха̄нскаго правительства, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ оффиціально не имѣетъ у себя теперь уже никакой власти и лишенъ права какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго упра-

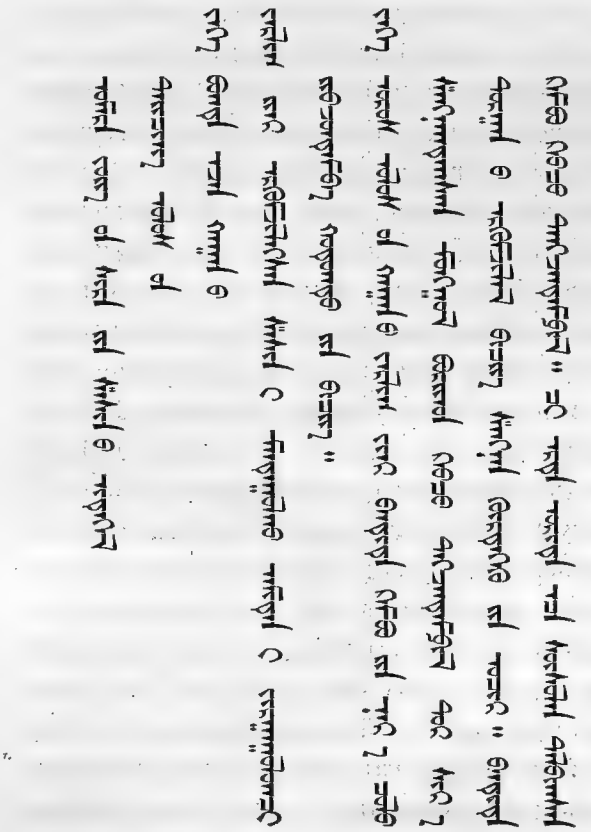
вленія, то значеніе его — чисто религіозное. Какъ воплощеніе бодисàтвы, какъ живущее среди людей божество, хутухта пользуется, можно сказать, безграничнымъ почитаніемъ народа; отсюда его вліяніе легче всего можетъ устроять доброе согласіе между князьями и хошӯнами, вызывать содѣйствіе всякаго рода благу жизни. Китайцы хорошо понимали это, оттого-то въ свою пору они и ухаживали за хутухтою, постоянно оказывая ему свое вниманіе, чуть ни каждый годъ вызывая его на аудіенціи къ богдохāну и разсыпая передъ нимъ знаки своего благоволенія и награды. Впослѣдствіи, когда монгольскіе князья начали терять свое значеніе, стали охладѣвать и отношенія богдохāновъ къ хутухтамъ и можно сказать, что пропорціонально паденію монгольскихъ князей, сокращались и почести, воздаваемыя китайцами Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтѣ. За истекшее пятидесятилѣтіе, когда монгольскіе князья обезсилѣли уже до того, что обратились прямо въ рабовъ Китая, хубилгàны Чжэбцзӯнъ-дамбы̀ не только не получали ни одной награды, но съ 1840 года ни одинъ изъ нихъ и не представлялся богдохāну, а за послѣднее время на прерогативы хутухтинскаго величія простерло свое посягательство не только центральное богдохāнское правительство, а даже и мѣстныя ургинскія власти. Въ 1878 г. въ Ургу на должность маньчжурскаго амбàня прибылъ Чжи-ганъ, который впервые задумалъ измѣнить обычаи привѣтствованія Чжэбцзӯнъ-дамбà-хутухтою амбàней. Согласно изстари установившимся порядкамъ, амбàни, при своихъ свиданіяхъ съ хутухтою, всегда дѣлали передъ нимъ три земныхъ поклона и засимъ обмѣнивались хадакàми. Такъ было искони вѣковъ. Чжи-ганъ въ первый же день по фактическомъ принятіи на себя обязанностей ургинскаго амбàня и пребыванія своего въ ямунѣ, командировалъ гуна Цэрэнъ-дорчжѝ и одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, Гòмбо-чжàба, къ ханбо-ламѣ и шанцзотбѣ, съ порученіемъ довести до свѣдѣнія этихъ чиновниковъ, что далàй-ламà и баньчэнь-богдò, при встрѣчѣ съ тибетскими сановниками, встаютъ съ своихъ сѣдалищъ, дѣлаютъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу и мѣняются хадакàми. Приличествуетъ посему, чтобы и Чжэбцзӯнъ-дамбà соблюдалъ тѣ же этикеты, что далàй-ламà и баньчэнь-ринбочэ̀. Если же хутухтинское духовенство не желаетъ послѣдовать этому, то онъ, Чжи-ганъ, предполагаетъ войти по сему вопросу съ особымъ высочайшимъ докладомъ. Ханбō-ламà и шанцзотбà отвѣчали на это, что Чжэбцзӯнъ-дамбà вообще при встрѣчахъ съ амбàнями никогда не вставалъ съ сѣдалища, и какимъ образомъ утвердился этотъ обычай, они не знаютъ, относительно же видоизмѣненія его могутъ дать отвѣтъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ князьями всѣхъ четырехъ àймаковъ. Чжѝ-ганъ отвѣчалъ, что въ виду необходимости его свиданій съ хутухтою онъ не будетъ ждать совѣщаній, а требуетъ

немедленнаго отвѣта. Шабѝнцы смутились, доложили близъ живущимъ князьямъ и, по опредѣленію ихъ, рѣшили представить это дѣло и поручить вести переговоры по нему тогдашнему монгольскому амбàню, На-бэйсэ, который прежде всего долженъ былъ заявить Чжи-гану о желаніи всѣхъ монголовъ сохранить старый обычай, чтобы хутухта не вставалъ съ мѣста. Такимъ образомъ начали переговариваться между собою уже амбàни и порѣшили на томъ, что когда Чжи-ганъ пріѣдетъ къ хутухтѣ, то послѣдній будетъ сидѣть и не встанетъ съ своего мѣста, но амбàнь не будетъ дѣлать хутухтѣ трехъ земныхъ поклоновъ и они просто обмѣняются хадакàми.

Съ тѣхъ поръ маньчжурскіе амбàни уже не дѣлаютъ троекратнаго земного поклоненія передъ хутухтою. Правда, назначенный въ 1886 году амбàнь Аньдэ, будучи солономъ по происхожденію и буддистомъ по вѣрѣ, являлся усерднымъ почитателемъ и поклонникомъ хутухты, но и онъ воздавалъ ему божескія почести лишь частнымъ образомъ, при оффиціальныхъ же церемоніяхъ обходилъ хутухту, не удостоивая даже и правовѣрнаго поклона. Нѣтъ нужды говорить, какъ все это постепенно поднимаетъ значеніе амбàней и сокращаетъ величіе хутухты, по крайней мѣрѣ въ глазахъ мѣстныхъ, ургинскихъ жителей. Болѣе отдаленные монголы мало знаютъ объ этихъ событіяхъ, оттого ихъ идеализація могущества и величія хутухты остается почти нетронутою: въ ихъ благоговѣйномъ представленіи онъ продолжаетъ быть тѣмъ же божествомъ, предъ которымъ можно только падать ницъ въ сознаніи своего ничтожества. Толпы ламъ, разказывающихъ разныя небылицы о жизни и чудесахъ гэгэ̀на и старающихся объяснять таинственно-религіознымъ смысломъ каждый, даже самый уродливый и циничный поступокъ хутухты, еще болѣе вселяютъ въ суевѣрномъ народѣ благоговѣніе къ хутухтѣ. Сравнительная замкнутость и недоступность хутухты, равно какъ и тѣ внѣшняя обстановка и великолѣпіе, въ которыхъ является онъ къ народу, дѣйствуютъ на массу также поразительно. Вотъ почему къ хутухтѣ со всѣхъ сторонъ тянутся толпы поклонниковъ и не только халха̀совъ, но также точно южныхъ монголовъ, соло̀новъ, о̄лётовъ дурбэ̀товъ, тангу̀товъ и наконецъ нашихъ буря̄тъ и калмыковъ.

Выясненіе отношеній къ хутухтѣ нашихъ подданныхъ было для меня однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ вопросовъ, при чемъ я затрудняюсь даже и передать всѣ собранные мною факты по сему предмету. Въ общемъ, относительно калмыковъ надлежитъ сказать, что паломничество ихъ сюда началось собственно не далѣе 1880 года, когда въ Ургу впервые проѣхала вдова одного изъ калмыцкихъ нойо̀новъ, Дугарова. Съ тѣхъ поръ отъ четырехъ до десяти калмыковъ изъ года въ годъ посѣщало Ургу. За это время они проѣздили и оставили тамъ не менѣе полумилліона

серебряныхъ рублей; вывезли изъ Урги свыше 1500 бурха̀новъ, четыре ганьчжу̀ра, два даньчжу̀ра, не малое количество разныхъ другихъ предметовъ культа и массу обрядовыхъ и нравоучительныхъ книгъ буддійскихъ. Что касается бурятъ, то изъ числа ихъ Ургу посѣщаютъ ежегодно не сотни, а тысячи человѣкъ и это не только простолюдины, а и штатные ламы. Здѣсь, помимо поклоненій хутухтѣ, они учатся, заказываютъ бурха̀ны, получаютъ посвященія и даже разнаго рода титулы. Занимаясь въ архивѣ шанцзотбѝнскаго ямуня, я натолкнулся между прочимъ на дѣло о пожалованіи Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухтою титула «Ма̀йдари-ному̀нъ-ха̄на» нашему ханбо̄-ламѣ Дампилу Гомбоеву и званія «Мэргэ̀нъ камбо̄-ламы» ширэ̄ту̀'ю Гусино-озерскаго дацà на Ба̀нданъ-ишѝ. За что ближайшимъ образомъ послѣдовала такая благодать и сколько заплатили за это буряты хутухтѣ и хутухтѝнскому са̀ну, изъ дѣла нельзя было узнать, такъ какъ въ немъ я не нашелъ ничего помимо черновиковъ съ отправленныхъ обоимъ вышепоименованнымъ бурятскимъ ламамъ грамотъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты. Но какъ самые документы эти должны представлять собою не малый интересъ для каждаго русскаго, то я списалъ ихъ текстъ дословно и представляю его здѣсь вмѣстѣ съ своимъ переводомъ.



ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠬᠡᠯᠡᠨ ᠳᠡᠭᠡᠭᠡᠳᠦ ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤ ᠪᠠᠭᠠᠵᠤ ᠪᠤᠶᠤ ᠪᠤᠰᠤᠳ ᠶᠡᠬᠡ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠶᠢᠳᠠᠯ ᠪᠠᠶᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠶᠢᠳᠠᠯ ᠪᠤᠶᠤ ᠪᠤᠰᠤᠳ ᠶᠡᠬᠡ

Переводъ:

«Грамота предмета чествованій (поклонниковъ) желтой вѣры въ сѣверныхъ странахъ, по высочайшему повелѣнію великаго богдохана великаго Дайцинскаго Государства возвеличеннаго титулами «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ», Чжэбцзўнъ-дамба-хутухты.

По высочайшему повелѣнію государя великаго Россійскаго государства награжденному званіемъ «бандита-канбо», монголо-бурятскому габчжу, Данзанъ-дампилу.

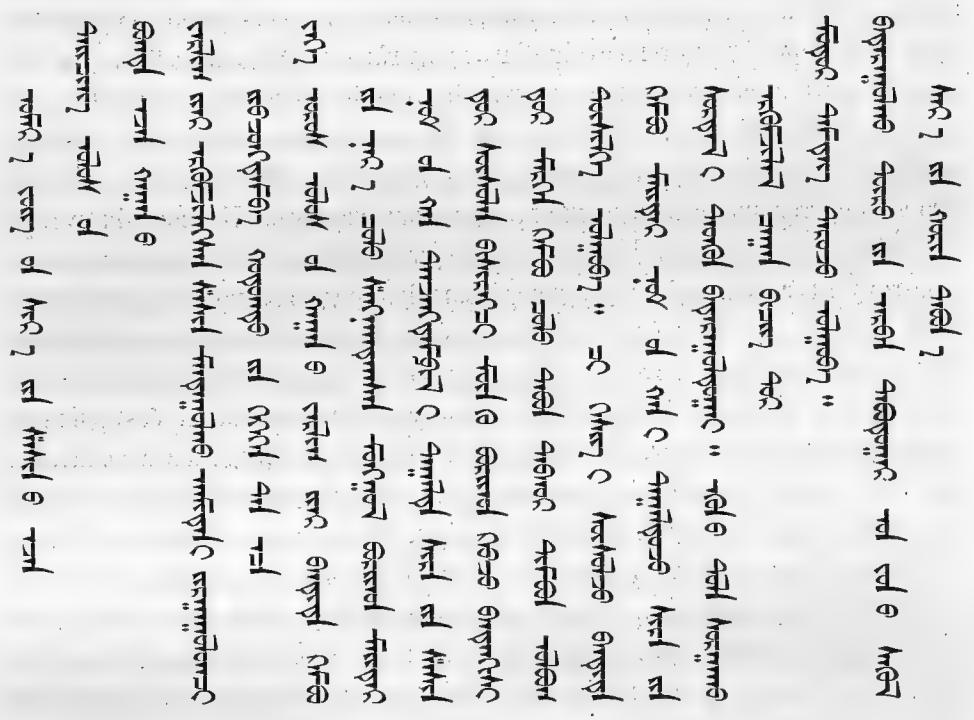
Причина пожалованія (ему) грамоты, (писанной) на желтомъ атласѣ.

Бандита-камбо, габчжў, Данцзанъ-дампилъ! Ты, по силѣ искони благоговѣйно положенныхъ добродѣтельныхъ предопредѣленій, родившись на пограничной окраинѣ великаго государства, отъ юности благоговѣлъ передъ ученіемъ будды, глубоко постигъ и усвоилъ себѣ разнаго рода священныя книги и изреченія, соорудилъ многочисленные удивительные предметы поклоненія и распространилъ ученіе въ сѣверной странѣ до степени величественнаго блеска. Нынѣ, будучи превознесенъ повелителемъ великаго государства, награжденъ отъ него титуломъ «Бандита-канбо» и собственноручною его грамотою, ты руководствуешь ко благу многочисленныхъ и малосвѣдущихъ учениковъ и таковая твоя дѣятельность (являетъ собою) чрезвычайно важныя заслуги. Радостно взирая на это, я, хутухта, принимаю въ руководство для дальнѣйшаго не одно только благоговѣніе передъ желтою вѣрой, но и то, что, по нашимъ желтымъ (=религіознымъ) постановленіямъ, есть обычай, чтобы высшіе ламы, вродѣ баньчэнь-эрдэни и далай-ламы, восхваляли подобныя заслуги, поощряли ихъ и выдавали жалованныя грамоты. Данцзанъ-дампилъ! Ты хотя и принадлежишь къ монголамъ, состоящимъ въ русскомъ подданствѣ, тѣмъ не менѣе, заслуживъ благоволеніе государя великаго государства, имѣешь въ своемъ управленіи свыше тридцати дацановъ. Сверхъ того повелители нашихъ двухъ государствъ миролюбиво заключили между собою договоры и постановили обоюдно доставлять пользу для своихъ низшихъ подданныхъ. Высочайшая воля глубоко премудра и по истинѣ достойна удивленія. Того ради и я, хутухта, тщательно послѣдуя высочайшей волѣ, восхваляю тебя, Бандита-канбо, Данцзанъ-дампилъ, превозношу тебя титуломъ: «Майдаръ-ном'унъ-хана» и жалую тебѣ принадлежность камбо'скаго званія (сѣдалище, заключающее въ себѣ) семь подушекъ изъ атласа, затканнаго драконами, съ такою же спинкою. Благоговѣя передъ такою моею милостью, молись и тщательно содѣйствуй укрѣпленію правленія государей обоихъ имперій, пребыванію ихъ въ мирѣ и спокойствіи, а равно постоянно заботься объ охраненіи и распространеніи желтой вѣры.

Сего ради утвердивъ собственноручный знакъ на этой жалованной и поучительной грамотѣ, я препроводилъ (ее).

Писана изъ Большого хӯрѣня, Рибогэчжиганданъшатдублинъ, въ счастливый день, 25-го числа послѣдней лѣтней луны, лѣта земли и коровы, въ 15 годъ правленія Гуанъ-сюй (т. е. 10 іюля 1889 г.).

Грамота, данная на имя ширѣтӯ'я, уже гораздо короче и далеко не такъ цвѣтиста, какъ первая. Вотъ ея монгольскій текстъ дословно:



Въ переводѣ это значитъ:

«Отъ владыки желтой вѣры сѣверныхъ странъ, возвеличеннаго, по высочайшему повелѣнію августѣйшаго богдохāна Дайцинской имперіи, титулами «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ», гэгэ̀на Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты.

Сотруднику монголо-бурятскаго «мàйдаръ-номӯнъ-хāна» Данцза̀нъ-дампѝла, награжденнаго, по высочайшему повелѣнію великаго русскаго государя, титуломъ бандѝта-камбō, благоговѣйному исповѣднику желтой вѣры и также бурятскому габчжӯ, Ба̀нданъ-ишѝ пожаловали мы титулъ «мэргэ̀нъ-камбō» и сѣдалище въ пять штофныхъ подушекъ, со спинкою. Благоговѣя передъ такою милостью, долженъ ты послѣдовать Бандѝта-камбō мàйдаръ-номӯнъ-хāну и, охраняя желтое ученіе, содѣйствовать распространенію

онаго. Того ради утвердивъ собственноручный знакъ на этой жалованной поучительной грамотѣ, я препроводилъ (ее).

25 числа послѣдней лѣтней луны 15-го года правленія Гуанъ-сюй».

Для своего собственнаго народа гэгэ̀нъ является теперь весьма мало доступнымъ и, помимо лишь незначительнаго числа приближенныхъ лицъ, его почти никто не видитъ. Встарину хутухты чуть ни каждое лѣто переѣзжали съ мѣста на мѣсто, путешествовали по Халхѣ, по южной и восточной Монголіи, наконецъ ѣздили въ Тибетъ; лучшую характеристику этихъ поѣздокъ представляетъ изданный мною въ монографіи «Ургинскіе хутухты» переводъ путешествія 4-го хубилга̀на въ Эрдэнѝ-цзу̀; но за послѣднее время все это прекратилось. Настоящій хутухта за всѣ 20 лѣтъ своего проживанія въ Ургѣ выѣзжалъ съ разрѣшенія богдоха̄на, а слѣдовательно не скрываясь отъ народа, всего два раза и народъ можетъ видѣть его теперь только на праздникахъ, да на поклоненіяхъ. Поклоненія гэгэ̀ну бываютъ трехъ родовъ. Первое — «дансу̀къ ўргўхў», самое торжественное и потому къ совершенію его нужны большія средства, да и къ участію въ немъ всегда стекается множество народа. Прежде дансу̀къ совершался Монголами довольно часто, по нѣскольку разъ въ годъ: онъ былъ выгоденъ для ламъ, и, по ходатайству ихъ, гэгэ̀ны то и дѣло посылали бадарчѝновъ (сборщиковъ подаяній) въ степь, съ проповѣдью о необходимости почитанія святыхъ ламъ и принесенія имъ жертвъ, дабы молитвами этихъ святыхъ избавиться отъ смутныхъ временъ въ мірѣ. Но со временъ пятаго хутухты китайское правительство запретило эти постоянные сборы народа въ Ургу, и постановило правиломъ, чтобы халхаскіе нойо̀ны подносили гэгэ̀ну дансу̀къ не ранѣе какъ черезъ три года, и, въ видѣ особенной милости, разрѣшило совершать эту церемонію ежегодно только шабина̀рамъ. Торжество это обыкновенно совершается въ концѣ 7-й, или въ 8-й лунѣ, приблизительно около нашего августа. Всѣ 13,000 ургинскихъ ламъ собираются въ соборномъ Цокчѝнскомъ храмѣ, со звуками инструментовъ вносятъ они подъ балдахиномъ своего гэгэ̀на, и посадивъ его на высокій престолъ, поддерживаемый статуями четырехъ стоящихъ львовъ, начинаютъ читать молитву дансу̀ка, обращенную къ гэгэ̀ну. Содержаніе этой молитвы есть просьба, чтобы гэгэ̀нъ не покидалъ того бренна̄го тѣла, которое онъ теперь принялъ на себя, не оставлялъ бы сирою своей паствы, но жилъ бы во вѣки вѣковъ и всегда руководилъ и покровительствовалъ ей ко спасенью. Засимъ на серебряныхъ блюдахъ подносятся гэгэ̀ну жертвы, состоящія изъ серебра, шелковыхъ матерій, драгоцѣнныхъ камней и проч. Стоимость дансу̀ка можетъ быть никакъ не менѣе тысячи ланъ, если подносится онъ однимъ лицемъ. Дансу̀къ шабина̀ровъ, приносимый теперь ежегодно, оцѣни-

вается обыкновенно отъ 10 до 12 тысячъ ланъ, а дансу̀къ халхаскихъ князей — отъ 50 до 60 тысячъ.

Второе поклоненіе, съ приношеніемъ мàндала, совершается ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день, различными лицами: оно бываетъ не въ кумирнѣ, а въ пріемной залѣ жилища самого хутухты. Это обыкновенное поклоненіе всѣхъ Монголовъ, состоятельныхъ настолько, чтобы заплатить 150 р. с. Желающій поклониться такимъ образомъ долженъ отправиться въ хутухтѝнское казначейство, внести тамъ 50 ланъ серебра и засимъ ламы выдаютъ ему уже готовый по всѣмъ правиламъ и во всѣхъ отношеніяхъ мàндалъ. Мàндалъ собственно есть серебряное блюдо, на которомъ выковано изображеніе всего міра въ томъ видѣ, въ которомъ существуетъ онъ по понятіямъ буддійской космологіи. На это блюдо насыпаются зерна пшеницы, перемѣшанныя съ небольшими раковинами, серебряными монетами и т. п. Это-то блюдо и подноситъ, ставъ на одно колѣно и наклонивъ голову, покланяющійся, а гэгэ̀нъ даетъ ему свое благословеніе, выражаемое возложеніемъ руки на голову. Символическое значеніе мàндала есть врученіе покровительству и заступничеству гэгэ̀на — всего міра; такимъ образомъ покланяющійся съ поднесеніемъ мàндала представляетъ высшее доказательство своего человѣколюбія и вѣры.

Что касается третьяго простонароднаго поклоненія гэгэ̀ну, то оно совершается на площади, передъ дворцемъ гэгэ̀на, лѣтомъ черезъ день, зимою нѣсколько рѣже, иногда черезъ 5 и 6 дней. Прежде эти поклоненія бывали ежедневно, но еще со временъ третьяго гэгэ̀на, именно въ 1764 году, китайское правительство отмѣнило эти ежедневныя поклоненія, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что хутухта утомляется этими церемоніями, и съ тѣхъ поръ вошелъ въ обычай настоящій порядокъ. Толпы поклонниковъ усаживаются длинными рядами прямо отъ воротъ гэгэ̀новскаго дворца, и въ этомъ положеніи ожидаютъ его появленія. Можно удивляться съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ всѣ они въ сторону, откуда долженъ появиться гэгэ̀нъ, и какая тишина царствуетъ во все это время, длящееся для нѣкоторыхъ иногда два и три часа. Наконецъ гдѣ-то вдали еле-еле заслышались тонкіе звуки флейтъ, вотъ они растутъ и растутъ, дѣлаются сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ слышны ясно; это значитъ, что хутуха вышелъ изъ своихъ покоевъ и появился на второмъ дворѣ, вмѣстѣ съ предшествующею ему свитою. Шествіе изъ воротъ открываютъ попарно ламы, несущіе свернутые въ трубку барсовыя шкуры, которыя назначаются для того чтобы разгонять народъ; но здѣсь разгонять не кого: всѣ сидятъ такъ тихо, что въ этой тишинѣ слышанъ каждый шагъ мѣрно ступающей въ парахъ свиты гэгэ̀на. За двумя парами разгонщиковъ слѣдуютъ, также въ парахъ, двад-

цать четыре тѣлохранителя, за ними шесть флейтистовъ и наконецъ самъ гэгэ̀нъ, несомый въ желтыхъ носилкахъ, на высотѣ $1^1/_2$ саженей, восемью гэлу̀нами. По выходѣ за ворота дворца, гэгэ̀ну подаютъ съ обѣихъ сторонъ носилокъ по одному хӱрдэ̀; это два длинныхъ шеста, обшитыхъ желтою шелковою матеріею; на одинъ конецъ ихъ, верхній, хутухта кладетъ свои руки, другой — нижній, къ которому собственно прикрѣплено хӱрдэ̀ (цилиндръ металлическій или деревянный со вложенными въ него священными книгами), беретъ въ руки лама̀ и кладетъ по-очередно на головы поклонниковъ. Обошедъ ряды, хутухта скрывается при звукахъ тѣхъ же инструментовъ, и народъ благоговѣйно ожидаетъ, пока они совсѣмъ не замолкнутъ вдали жилища богочеловѣка.

На праздникѣ Майдари, цамѣ и торжественныхъ играхъ хутухта участвуетъ какъ обыкновенный зритель, занимая только первое мѣсто. Въ одеждѣ своей онъ ни чѣмъ не разнится здѣсь отъ обыкновенныхъ ламъ, за тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что на шапкѣ у него утверждается золотая фигура вачѝра. Впрочемъ, это не есть ни принадлежность его какъ гэгэ̀на, ни какой-либо знакъ отличія, дарованный гэгэ̀ну пекинскимъ правительствомъ. Фигура вачѝра, укрѣпленная на шапкѣ, была собственно отличительнымъ знакомъ тӱшэ̄тӱ-ха̄новъ и пожалована дала̀й-ламо̀ю впервые Абата̀й-ха̄ну, почему въ монгольскихъ лѣтописяхъ онъ и извѣстенъ подъ именемъ «вачира̀й-са̀йнъ-ха̄нъ»; впослѣдствіи этотъ отличительный знакъ переходилъ послѣдовательно къ сыну Абата̀й-ха̄на и внуку его; когда же послѣдній вступилъ въ подданство Китая и долженъ былъ, согласно китайскимъ постановленіямъ, посадить на свою шапку коралловый шарикъ, Ӱндӱ̀ръ-гэгэ̀нъ взялъ себѣ фигуру вачѝра, какъ прямой наслѣдникъ тӱшэ̄тӱ-ха̄новъ, и завѣщалъ носить ее всѣмъ хутухтамъ, какъ память о благотворной дѣятельности тӱшэ̄тӱ-ха̄новъ по развитію буддизма въ Монголіи.

Доходы, получаемые съ народа во время поклоненій и подарки, представляемые хутухтѣ главнымъ образомъ въ праздники, служатъ, кажется, основнымъ источникомъ средствъ для содержанія собственно хутухтѝнскаго дворца и самого хутухты. Отъ своихъ крѣпостныхъ, или податныхъ людей,— шабина̀ровъ, — хутухта въ обычной своей жизни ничѣмъ не пользуется и подати, собираемыя съ нихъ, имѣютъ, какъ увидимъ мы въ трактатѣ о шабѝнскомъ вѣдомствѣ, совершенно иное назначеніе. Впрочемъ и то, что получаетъ хутухта въ видѣ жертвы отъ своихъ поклонниковъ, представляетъ громадныя суммы и богатства гэгэ̀на, можно сказать, поразительны. Они хранятся, во-первыхъ, въ такъ называемомъ са̀нѣ, или казначействѣ гэгэ̀на, а засимъ въ его зимнемъ и лѣтнемъ дворцахъ. Хутухтѝнскій са̀нъ представляетъ собою обширное подворье, на которомъ построено нѣсколько

складовъ, сараевъ и деревянныхъ юртъ, служащихъ кладовыми. Осматривая эти склады во всѣхъ ихъ подробностяхъ въ прошлое свое путешествіе, я нашелъ здѣсь почти каждое зданіе установленнымъ сундуками, полными разнаго рода матерій и мѣховъ, а помимо того мнѣ попадалось много весьма интересныхъ вещей даже по части наукъ, какъ-то: физическіе аппараты, минералогическія коллекціи, замѣчательныя, конечно, не по полнотѣ, а только потому, что состоятъ изъ драгоцѣнностей; далѣе здѣсь имѣется отдѣльная юрта, въ которой собрано разнаго рода оружіе, начиная съ деревяннаго лука съ намазанною ядомъ стрѣлою и кончая ружьемъ Бердана; наконецъ, среди множества полезныхъ вещей встрѣчаются и совершенно не примѣнимые къ жизни степняка предметы европейской роскоши, какъ-то: богатыя люстры, вазы, канделябры, лампы, серебряные сервизы, фарфоровая и хрустальная посуда и десятка два различныхъ шарманокъ. Какъ на особенность сбора одинаковыхъ предметовъ въ количественномъ отношеніи, могу указать, что въ описи гэгэновскихъ имуществъ за 1877 годъ значилось различной величины и матеріала, стѣнныхъ и карманныхъ часовъ 974 штуки. Все это было въ разное время принесено въ даръ гэгэну и поступило въ его сокровищницу. Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что каждый гэгэнъ, собственно говоря, не имѣетъ права собственности: онъ живетъ, пользуется всѣмъ, чѣмъ хочетъ, увеличиваетъ свои имущества, получая подарки и выписывая различныя вещи; но все это принадлежитъ ему только нарицательно и по смерти его переходитъ для такого же пользованія къ его преемнику. Даже при жизни гэгэнъ не имѣетъ права вполнѣ самостоятельно распоряжаться своими имуществами; оттого то, когда седьмой хутухта началъ дарить вещи своимъ пріятелямъ, монгольскимъ князьямъ, ламы вознегодовали за это и посмотрѣли на гэгэна какъ на расточителя не вполнѣ принадлежащихъ ему имуществъ. Само собою разумѣется, что при такихъ порядкахъ и родные гэгэна, послѣ его смерти, не получаютъ отъ него никакого наслѣдства, такъ что если они возвращаются въ Тибетъ обыкновенно богачами, то это богатство пріобрѣтается ими еще при жизни гэгэна, когда они также пользуются почетомъ и получаютъ подарки и приношенія. Извѣстно, напримѣръ, что родители настоящаго гэгэна, прибывъ въ Халху, получили отъ халхаскихъ аймаковъ въ подарокъ 3000 лошадей и приблизительно такое же количество рогатаго скота.

Въ настоящее пребываніе свое въ Ургѣ я не удосужился сходить въ гэгэновскій санъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ прибавилось и чего стало меньше; думаю однако, что мои знакомые нирбы не обманывали меня, когда говорили, что все стоитъ по старому и на своихъ мѣстахъ. Зимній дво-

рецъ хутухты при мнѣ только отстроивался послѣ пожара, и самъ хутухта жилъ теперь въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ. Изслѣдованіемъ этого послѣдняго дворца я и пополнилъ въ настоящую поѣздку свои знанія относительно внѣшней жизни хутухты. Лѣтній дворецъ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты находится верстахъ въ $2^1/_2$ или 3-хъ отъ Хўрэ̄ня, на правомъ берегу рѣки Тōлы. Онъ представляетъ собою обширное подворье, обнесенное снаружи бѣлою деревянною оградою, а внутри раздѣляющееся съ сѣвера на югъ на два двора, при чемъ сѣверный, главный дворъ въ свою очередь подраздѣляется еще на три отдѣленія. Южный дворъ есть собственно служебный, въ которомъ сосредоточены всѣ кладовыя и казнохранилища гэгэ̀на. Въ срединномъ отдѣленіи сѣвернаго двора находится главное зданіе всего подворья, т. е. кумирня гэгэ̀на. Она представляетъ собою двухъ-этажное зданіе тибетской архитектуры, красиво и богато отдѣланное, но не заключающее въ себѣ ровно ничего выдающагося ни со стороны внѣшней, ни въ своей внутренности. Постоянное жилище гэгэ̀на находится на правой западной сторонѣ двора. Вступивъ на этотъ дворъ, вы встрѣчаете здѣсь, какъ нѣчто необычайное, прежде всего искусственное маленькое озерко, въ которомъ плещется масса рыбы и живетъ пара ручныхъ лебедей и пара турпановъ. Проходя отсюда ко дворцу гэгэ̀на, вы видите передъ собою двухъ-этажное зданіе, какъ будто тибетскаго типа, окруженное со всѣхъ сторонъ, и въ каждомъ изъ этажей, крытыми террасами; но какъ крыша этого зданія построена по китайскому образцу, а рѣзьба на колоннахъ, карнизахъ, фронтонахъ, окнахъ, дверяхъ и вообще повсюду, гдѣ только возможно имѣть ее, исключительно китайская, то получается какая-то странная смѣсь, за которою не возможно и опредѣлить преобладаетъ ли въ этой постройкѣ тибетскій типъ, или китайскій. Нижній этажъ зданія находится наравнѣ съ землею. По террасамъ обоихъ этажей и вокругъ всего дворца протянуты жердочки, по которымъ въ лѣтнюю пору, когда пришлось мнѣ быть у хутухты, протянуты жердочки и подвѣшены разнаго рода дощечки и круги. Здѣсь сидятъ и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто разныя иностранныя птички, канарейки, скворцы, попугаи красные и зеленые, большіе и мелкіе, породы inséparable; все это прирученное и предназначенное утѣшать гэгэ̀на; далѣе здѣсь я увидѣлъ еще нѣсколько обезьянъ, привязанныхъ на цѣпяхъ къ столбамъ террасы и также прирученнаго орла, подареннаго хутухтѣ какимъ-то княземъ. Внутри зданіе этого хутухтѝнскаго дворца раздѣляется, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ, на двѣ половины, съ находящимся посреди ихъ широкимъ корридоромъ, или сѣнями. Въ правыхъ половинахъ устроены молельни, въ лѣвыхъ — жилыя помѣщенія хутухты. Первыя по всѣмъ стѣнамъ, съ низа до верха, устав-

лены бурха̀нами, съ находящимися передъ ними жертвенными столами и сѣдалищами для молящихся; во вторыхъ какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ, убранство совершенно одинаково. По тремъ стѣнамъ подѣланы ка̀ны, четвертая установлена рѣзными креслами изъ чернаго и сандальнаго дерева и такими же столами съ нагроможденною на нихъ массою различныхъ вещицъ. Въ жилой комнатѣ второго этажа я насчиталъ, напримѣръ, до 30 экземпляровъ часовъ съ разными механизмами при маятникахъ, что, какъ было замѣтно, особенно и занимало хутухту: тутъ была и кукушка, кукующая при боѣ, и львы, ворочающіе глазами сообразно движенію маятника направо и налѣво, и пильщики, по тѣмъ же движеніямъ маятника притягивающіе къ себѣ пилу и пр. и пр.; помимо сего въ комнатѣ было множество статуетокъ, ящичковъ и самыхъ разнообразныхъ куколъ съ машинками. И нужно сказать, что всѣ эти вещицы обыкновенно относятся къ покупкамъ или подаркамъ самаго послѣдняго времени и стоятъ они въ апартаментахъ гэгэ̀на только до тѣхъ поръ, пока на замѣну ихъ не явятся какіе-нибудь новые интересные предметы. Въ мое посѣщѐніе гэгэ̀нъ восхищался одной новенькой игрушкой. Въ лавку китайца Жэнь-хо-и была привезена игрушка: маленькое фортепіано въ $^1/_2$ аршина величины, у котораго сидитъ дѣвочка; при заводѣ машинки, дѣвочка начинаетъ двигать руками по клавишамъ и играть. Гэгэ̀нъ, увидавъ эту игрушку, тотчасъ же купилъ ее, уплативъ за нее 75 ланъ серебра, т. е. 150 серебр. рублей. Конечно, черезъ мѣсяцъ эта игрушка будетъ замѣнена новою подобною же вещью и отправится въ кладовыя гэгэ̀на. Кладовыя эти находятся на второмъ, южномъ дворѣ лѣтняго хутухтѝнскаго подворья и существуютъ совершенно отдѣльно и независимо отъ хӯрѣньскаго хутухтѝнскаго са̀на. Осматривать въ подробностяхъ этого казнохранилища мнѣ не пришлось; съ внѣшней стороны оно помѣщается въ шести отдѣльныхъ корпусахъ, воздвигнутыхъ по оградѣ южнаго двора и раздѣляемыхъ между собою еще особыми сараями, прикрытыми только навѣсомъ. Здѣсь я увидѣлъ прежде всего массу самыхъ разнообразныхъ экипажей, начиная съ громаднѣйшихъ китайскихъ телѣгъ и оканчивая европейскими шарабаномъ и бѣговыми дрожками, подаренными хутухтѣ русскимъ консуломъ Шишмаревымъ; далѣе здѣсь устроенъ складъ разнаго рода мебели, и наконецъ, къ величайшему удивленію своему, я замѣтилъ здѣсь стоящимъ и другой подарокъ нашего консула — фортепіано. Нужно ли говорить, что, при такомъ помѣщеніи и уходѣ за инструментомъ, отъ него остался одинъ загрязненный остовъ. Богатства, собранныя въ кладовыхъ, говорятъ, неисчислимы и неописуемы, представляя собою кунсткамеру столько же богатую, сколько разнообразную и безпорядочную по своему составу. Благодаря этому даже

ламы, въ ближайшемъ завѣдываніи которыхъ находятся эти кладовыя, рѣшительно не знаютъ, что у нихъ есть и чего нѣтъ. Сопровождавшій меня г. Федоровъ года два тому назадъ часто бывалъ у гэгэ̀на и исполнялъ ему разныя механическія работы. Однажды потребовался ему самоваръ и онъ сказалъ объ этомъ гэгэ̀ну. Ламы пошли вмѣстѣ съ Федоровымъ по кладовымъ искать подходящаго самовара и въ одномъ изъ складовъ нашли ихъ штукъ до 30 самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ, начиная отъ игрушечныхъ въ одинъ, два стакана и оканчивая громадными старинными самоварами, употреблявшимися у насъ для сбитней.

Въ такой-то обстановкѣ, характеризующей и времяпровожденіе пользующагося ею лица, протекаетъ вся жизнь ургинскаго гэгэ̀на, до самой его смерти. Смерть эта является для всей Монголіи вообще малозамѣтной и если гдѣ волнуются такимъ событіемъ, то только въ Ургѣ, да въ а̀ймакахъ цэцэ̀нъ-ха̄на и тӯшѣтӯ-ха̄на, гдѣ по преимуществу кочуютъ шабина̀ры, или податные хутухты. Зато въ Ургѣ и по всему шабѝнскому вѣдомству безпокойство начинается рѣшительно при каждой болѣзни хутухты, и ростетъ по мѣрѣ усиленія болѣзни: начинается служеніе гӯрю̀мовъ, принесеніе жертвъ и пр., народъ стекается къ Хӯрѣню все больше и больше, когда же распространяется слухъ о приближеніи кончины хутухты, то толпы народа обыкновенно день и ночь стоятъ вокругъ хутухтинскаго дворца, ожидая услышать какую-либо вѣсть и толкуя вкось и вкривь разнаго рода событія. При смертномъ одрѣ хутухты ежедневно разъ или два появляются амба̀ни, но постоянно здѣсь никого не бываетъ кромѣ ламъ, и только когда хутухта испуститъ послѣдній вздохъ, шанцзотба̀ посылаетъ извѣстить объ этомъ амба̀ней. Прибывъ по этому извѣщенію, амба̀ни констатируютъ смерть и засимъ выходятъ къ народу съ зажженными въ рукахъ курительными свѣчами и объявляютъ, что «хубилганъ Чжэ̀бцзӯнъдамбы̀ сдѣлался нирва̀ной». Въ тотъ же день посылается въ Пекинъ всеподданнѣйшій докладъ о случившемся и тогда снова и обычнымъ порядкомъ возникаетъ дѣло о новомъ избраніи гэгэ̀на. Въ Хӯрѣни между тѣмъ съ одной стороны слышатся повсемѣстный плачъ и стоны, а съ другой начинаются заботы объ изготовленіи шарӣла или мощей хутухты. Операцію эту производятъ ламы обыкновенно мѣсяца три и даже болѣе и состоитъ она собственно въ особомъ бальзамированіи трупа хутухты. Останки почившаго при этомъ не разрѣзываются и не анатомируются, ихъ приводятъ только въ позу молитвенно сидящаго человѣка (цзабила̄тъ), а засимъ натираютъ разнаго рода благовоніями и спиртуозными жидкостями и наконецъ обмазываютъ составомъ соли и другихъ веществъ. Въ этомъ положеніи просоливаемаго мяса трупъ пробываетъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, однимъ

словомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не высохнетъ, тогда отъ него отдѣляютъ соляной составъ; части тѣла, свободныя отъ одеждъ и прежде всего лице, покрываютъ позолотою, поверхъ позолоты на лицѣ трупа разрисовываютъ брови, усы и губы, но оставляютъ закрытыми глаза. Въ этомъ видѣ трупъ гэгэна и называется шарйль (çaliга); его садятъ въ серебряный субургàнъ и, по совершеніи торжественныхъ хурàловъ, ставятъ въ кумирнѣ, послѣ чего ему воздаются божескія почести на ряду съ бурхàнами. Изъ числа ургинскихъ гэгэновъ первый и четвертый хубилгàны хранятся въ монастырѣ Амўръ-баясхулантў, второй и шестой—въ монастырѣ Шачжѝни-бадарагўлухчи, а третій, пятый и седьмой въ ургинскомъ Гàнданѣ. Всѣ они похоронены въ сидячей позѣ и отличаются между собою только положеніемъ рукъ. Ўндўръ гэгэнъ похороненъ держащимъ въ рукахъ вачйръ и хонхò (колокольчикъ); второй гэгэнъ представленъ съ благословляющею правою рукою; третій—держитъ обѣими руками бумбò, стоящую у него на колѣняхъ; пятый — держитъ книгу. Видѣть мощи гэгэновъ, похороненныхъ въ Ургѣ и въ монастырѣ Амўръ-баясхулантў, кажется, положительно невозможно, потому что мѣстные ламы придаютъ уже черезъ чуръ много важности своей святынѣ; но въ монастырѣ Шачжѝни-бадарагўлухчи, познакомившись съ ламами, всегда можно попросить показать шарйль гэгэна и монастырскіе слуги исполнятъ это даже за небольшую плату. Въ минувшую свою поѣздку я, проживъ въ этомъ монастырѣ недѣли три, за одинъ серебряный рубль подробнѣйшимъ образомъ осмотрѣлъ хранящіяся здѣсь мощи второго хубилгана; то же самое могъ бы сдѣлать и теперь, хотя, видѣвъ эту рѣдкость одинъ разъ, смотрѣть на нее во второй не представляется уже и интереснымъ, тѣмъ болѣе что наши осмотры и ощупыванія святынь все же не особенно нравятся даже и самымъ снисходительнымъ ламамъ.

Несмотря на это нежеланіе мое снова осматривать шарйль, я 29 октября все же поѣхалъ въ монастырь Шачжѝни-бадарагўлухчи, чтобы посмотрѣть на свое старое пепелище, повидать знакомыхъ, а главное снять фотографическій снимокъ этого интереснаго монастыря и списать текстъ находящагося въ немъ каменописнаго памятника, чего не удалось мнѣ исполнить въ первую поѣздку. Воспользовавшись шарабаномъ, любезно предложеннымъ мнѣ секретаремъ нашего консульства, С. А. Ѳедоровымъ, я выѣхалъ изъ консульства часовъ въ 9 утра, а къ 11 былъ уже на мѣстѣ. Монастырь Шачжѝни-бадарагўлухчи, болѣе извѣстный у монголовъ подъ именемъ Дамбà-дорчжѝ, находится не больше какъ верстахъ въ пяти отъ Урги и располагается въ такъ называемой Гунтўйской пади, по которой проходитъ караванная дорога изъ Урги въ Россію. Построенъ онъ въ 1765 году, на высочайше дарованныя богдохāномъ средства и съ спе-

ціальною цѣлью почтить память скончавшагося тогда второго хубилга̀на Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты. Такимъ образомъ монастырь Шачжѝни бадарагу̀лухчи является для Халхи собственно богдоха̄нскимъ монастыремъ. Разказываютъ, что всѣ зданія его вмѣстѣ съ окружающею ихъ оградою были построены китайскими мастеровыми въ теченіе одного года. Въ 1765 году постройки были окончены, кумирнямъ было преподано освященіе, а богдоха̄нъ тогда же повелѣлъ на двухъ гранитныхъ плитахъ выгравировать надпись, объясняющую мотивы построенія монастыря; надпись начертана на лѣвомъ, «почтеннѣйшемъ», камнѣ на языкахъ маньчжурскомъ и монгольскомъ, а на правомъ, именуемомъ «младшимъ», — на китайскомъ и тибетскомъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія монастырь этотъ оставался въ строгомъ смыслѣ богдоха̄нскою кумирнею, при которой проживало установленное штатами число ламъ и которая содержалась на отпускаемыя ей казенныя суммы; но когда въ исходѣ 1774 года здѣсь былъ поставленъ субурга̀нъ съ шарѝл'омъ третьяго хубилга̀на, то хутухтинское вѣдомство откомандировало сюда изъ Урги еще особый ламскій а̀ймакъ съ спеціальною цѣлью принесенія жертвъ и служенія хура̀ловъ при субурга̀нѣ хутухты. Ламы эти поселись не въ стѣнахъ монастыря, а построили свои ба̀йшины на западной сторонѣ онаго, за монастырской оградой. Черезъ два года послѣ сего богдоха̄нское правительство, извѣстившись, что при монастырѣ обоснована халхасами своя ламская община и вполнѣ основательно полагая, что отправленіе хураловъ здѣсь никогда уже не будетъ оставлено, прекратило производившуюся доселѣ выдачу содержанія штатнымъ ламамъ и передало всѣ монастырскія постройки въ вѣдомство хутухты съ тѣмъ однако, чтобы монастырь этотъ навсегда сохранялъ за собою всѣ особенности и отличія, присвоиваемыя кумирнямъ богдоха̄на; другими словами, ему предоставлялось право сохранять у себя богдоха̄нскую дощечку, имѣть крышу изъ глазированной черепицы, ограду, выкрашенную въ красную краску и проч. Послѣ сего стремясь по возможности увеличить средства монастыря, ламы опредѣлили въ 1778 году одновременно съ перенесеніемъ изъ Урги шарил'а Ӱндӱръ-гэгэ̀на въ Амуръбаясхулантӱ, перенести въ монастырь Шачжѝни бадарагу̀лухчи субурга̀нъ второго хутухты, а вмѣстѣ съ симъ обосновать при немъ еще особый ламскій а̀ймакъ.

Въ настоящую пору монастырь Шачжѝни-бадарагу̀лухчи рѣзко раздѣляется на двѣ части. Первая изъ нихъ, богдоха̄нская, представляетъ собою богатыя и высокія зданія, каменной постройки и воздвигнутыя по всѣмъ правиламъ тибетскаго зодчества. Зданія эти обнесены двумя каменными оградами, изъ коихъ первая, внутренняя, окружаетъ собственно

кумирни, а вторая, наружняя, охватываетъ всѣ отведенныя подъ монастырь земли. Пространство между первой и второй оградой нынѣ совершенно

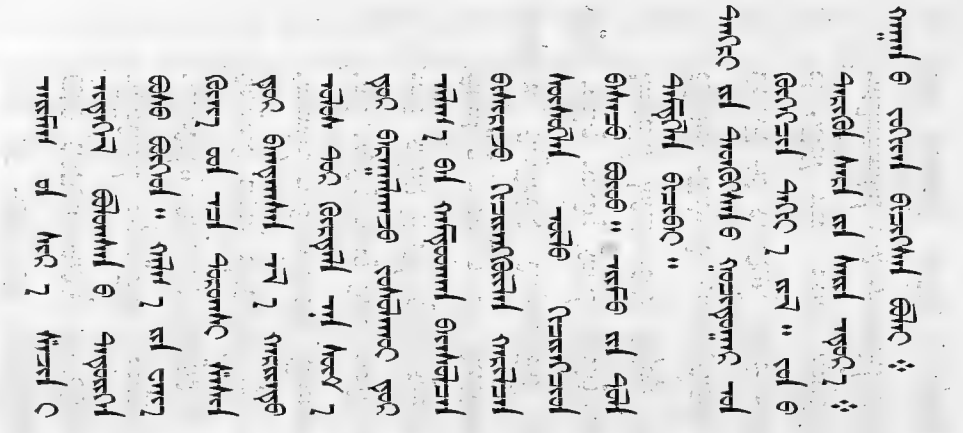
Общій видъ монастыря Дамба̀-дорчжѝ.

пустынно, встарину же здѣсь, говорятъ, ставили свои юрты и имѣли свое мѣстопребываніе числившіеся при монастырѣ штатные ламы. Нынѣ за этими стѣнами кумирни не живетъ уже никого, помимо пяти, или шести человѣкъ сторожей; что же касается ламъ, то всѣ они селятся за монастырской оградой, обосновавъ своими жилищами вторую, чисто монгольскую часть монастыря. Эта часть носитъ на себѣ характеръ всѣхъ вообще ламайскихъ монастырей въ Халхѣ: она бѣдна, грязна и безпорядочна по своимъ постройкамъ. За хашанами изъ стоящихъ̀ бревенъ лиственницы стоятъ ламскія юрты и байшины, образуя собою узенькія улицы и переулки. Монастырскіе ламы Шачжѝни-бадарагӯлухчи раздѣляются нынѣ на четыре а̀ймака; общее же число ламъ, приписанныхъ къ этой кумирнѣ, въ настоящую пору достигаетъ 1200 человѣкъ.

Привлекавшіе теперь мое главное вниманіе богдоха̀нскіе каменописные памятники монастыря Шачжѝни-бадарагӯлухчи стоятъ здѣсь, по обычаю, въ особыхъ кіоскахъ, передъ входомъ въ главную монастырскую кумирню. Положеніе и фасадъ этихъ кіосковъ равно какъ и способъ помѣщенія въ нихъ самыхъ писаницъ совершенно одинаковы съ тѣми, какіе мы

видѣли въ монастырѣ Амӯръ-баясхуланту; только камни сохранились здѣсь въ большей цѣлости и я безъ особаго труда могъ списать для себя выгравированныя на нихъ надписи, которыя и представляю здѣсь въ дословномъ монгольскомъ текстѣ, съ переводомъ онаго на русскій языкъ.

ژیان دا وەستاوە چەند کەسێک هەبێ و بەرپرسیارێتی هەموو لایەک بکەوێتە سەر شانی ئەوان. ئەوە هەڵەیەکی گەورەیە. ئێمە دەبێ هەموو کەس بەرپرسیارێتی خۆی هەبێ. ئەگەر هەموو کەس بەرپرسیارێتی خۆی هەبێ ئەوا هەموو کەس بەرەو پێشەوە دەچێ. ئەگەر هەموو کەس بەرپرسیارێتی خۆی نەبێ ئەوا هەموو کەس بەرەو دواوە دەچێ. ئەمە یاسایەکی سروشتییە. ئەگەر ئێمە بمانەوێ ئەم یاسایە بگۆڕین ئەوا ئێمە دەبێ بەرەو دواوە بچین. ئەگەر ئێمە بمانەوێ بەرەو پێشەوە بچین ئەوا دەبێ ئەم یاسایە بگۆڕین. ئەگەر ئێمە بمانەوێ ئەم یاسایە بگۆڕین ئەوا دەبێ هەموو کەس بەرپرسیارێتی خۆی هەبێ. ئەگەر هەموو کەس بەرپرسیارێتی خۆی نەبێ ئەوا هەموو کەس بەرەو دواوە دەچێ. ئەمە یاسایەکی سروشتییە. ئەگەر ئێمە بمانەوێ ئەم یاسایە بگۆڕین ئەوا ئێمە دەبێ بەرەو دواوە بچین. ئەگەر ئێمە بمانەوێ بەرەو پێشەوە بچین ئەوا دەبێ ئەم یاسایە بگۆڕین.



Въ переводѣ это значитъ:

Надпись на обелискѣ построенной по высочайшему повелѣнію кумирни «Шачжѝни-бадарагӯлухчи».

Такъ какъ Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухту является предметомъ вѣрованій халхаской желтой вѣры, то искони воплощавшіеся хубилгàны его въ каждомъ своемъ перерожденіи бывали совершенно ясны и рѣшительно не подвергали себя помраченію. Когда царственный дѣдъ (мой), шэнъ-цзӯ, милосердый хуанъ-ди самолично выступилъ въ походъ для пораженія Галдàна, (Чжэбцзӯнъ-дамбà) въ неуклонномъ вниманіи къ населенію семи халхаскихъ хошӯновъ, явился въ походный дворецъ съ изъявленіемъ подданства. За сіе онъ получилъ высочайшія отличія и заслуга его, по которой, содѣйствуя просвѣщенію, онъ умиротворилъ монгольскія толпы и внѣдрилъ въ нихъ довѣріе къ срединному государству — въ высшей степени почтенна. Царственный родитель (мой), шэнъ-цзунъ, просвѣщенный хуанъ-ди, старательно присоединясь къ прежнимъ воззрѣніямъ, высочайшимъ приказомъ повелѣлъ выдать казенныя суммы и построить въ Хӯрѣни большую кумирню. Послѣ того какъ въ годъ красноватой змѣи (1737 г. постройка эта) была покончена, я самъ написалъ похвальную надпись, приказалъ ее повѣсить и, поставивъ обелискъ, составилъ помѣтку о первоначальномъ основаніи кумирни. Вслѣдъ засимъ, послѣ того какъ въ періодъ годовъ отъ синеватой свиньи до желтоватаго зайца (1755—1759) войска западной дороги совершили великія заслуги, я подумалъ, что мѣстность, именуемая Сэльби и находящаяся неподалеку отъ халхаской Хàнъ-ӯлы, располагается въ самомъ центрѣ многочисленныхъ хошӯновъ и что надлежитъ, сдѣлавъ достаточное подаяніе, построить тамъ отдѣльную кумирню. И такъ, я поручилъ цинь-вàну Санцзàй-дорчжѝ, чтобы онъ, осмотрѣвъ мѣстность, изслѣдовавъ положеніе и опредѣливъ все какъ слѣдуетъ, начиная съ дерева, камня, черепицы и кирпича, а равно всего необходимаго для глазировки и

окраски, произвелъ бы постройку по образцу тибетскихъ дугàновъ, исполнивъ все блестяще и изящно. Нынѣ чиновники, завѣдывавшіе постройкой, покончивъ работы, представили всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою написать и пожаловать отмѣтку (для кумирни), а потому я и написалъ слѣдующее: Такъ какъ наша династія одинаково управляла внутренними и внѣшними, то всѣ народы многочисленныхъ àймаковъ съ истинными намѣреніями вступили подъ ея подданство. Столица — это пунктъ, имѣющій первенствующее положеніе для обитающихъ во вселенной. Находящіеся къ сѣверу отъ нея и, размѣстившись въ непрерывной послѣдовательности, прикрывающіе ее подобно щиту и оградѣ суть: съ внутренней стороны, пятьдесятъ одинъ хошӯнъ монгольскихъ цзасакòвъ, а съ внѣшней стороны— àймаки халхаскіе. Прошло уже много лѣтъ какъ сторожатъ они сѣверныя границы и крѣпко охраняютъ ихъ. Нынѣ я, тщательно продолжая августѣйшія предначертанія, которыя имѣли въ виду привести въ исполненіе мои царственные дѣдъ и родитель, послѣдовательно умиротворилъ ӧлӧтовъ, равно какъ многочисленные мусульманскіе àймаки на сѣверной сторонѣ Алтая и включилъ ихъ въ государственную карту; внесенные въ государственныя росписи данники и рабы наши доходятъ на разстояніе 20,000 ли. При такомъ положеніи исконная защита границъ и охрана кочевьевъ халхасами стали теперь не нужными: порубежныя межи ихъ — близки, полученныя ими милости — отличны, усвоеніе ими просвѣщенія — основательно. Чжэбцзӯнъ-дамбà хутухту, въ прежнемъ своемъ перерожденіи, принимая во вниманіе (положеніе народной) массы и изъявляя истинныя намѣренія, явился въ военный лагерь, испрашивая высочайшихъ повелѣній. Кто же скажетъ, что настоящій хубилгàнъ, взирая на быстрое доведеніе до конца этого великаго дѣла, не возликуетъ, такъ какъ теперь ему возможно и радоваться за всегдашнее спокойствіе на отторженныхъ границахъ, и распространять вмѣстѣ съ далàй-ламою и баньчэнь-эрдэнì'емъ правила вѣры, и съ большею ясностью удостовѣрять непреложность своихъ перерожденій искони вѣковъ? Сверхъ сего, что касается распространенія религіи, то такъ какъ всѣ обитающіе во вселенной и всѣ новоувеличенные районы, каждый въ отдѣльности помышляютъ о томъ, какъ бы чистосердечно выразить свою вѣру и со всеусердіемъ послѣдовать (хутухтѣ), то онъ дѣлается предметомъ чествованія уже не только халхаской желтой вѣры. И найдется ли кто, начиная отъ халхаскихъ вàновъ и гӯновъ вплоть до исповѣдующихъ ученіе простолюдиновъ, который при посѣщеніи этой кумирни не сложилъ бы благоговѣйно ладоней, не выразилъ бы въ умиленіи своей вѣры и не позаботился бы о всеусердномъ благоговѣніи.

Того ради написалъ я эту отмѣтку.

Въ счастливый день первой лѣтней луны 30-го лѣта правленія Цянь-луна, годъ синеватой курицы (1765)».

Въ монастырѣ Шачжѝни-бадарагӯлухчи, какъ въ обители, являющейся по преимуществу усыпальницею хутухтъ, я получилъ еще свѣдѣнія о дняхъ, установленныхъ халха̀скими ламами для чествованія памяти почившихъ гэгэ̀новъ и служащихъ такъ сказать праздниками ламаитовъ. Праздникъ Ӱндӯръ-гэгэ̀на совершается 19-го числа Цага̀нъ-сары̀; второго гэгэ̀на — 27-го числа послѣдней зимней луны; третьяго гэгэ̀на — 21-го числа послѣдней осенней луны; четвертаго гэгэ̀на — 16-го числа средней зимней луны; пятаго гэгэ̀на — 9-го числа первой зимней луны; шестого гэгэ̀на — 4-го числа послѣдней лѣтней луны и наконецъ седьмого гэгэ̀на — 22-го числа средней зимней луны.

IX. Отъ Урги до Калгана.

12-е Ноября. Четвергъ.

7 ч. —28°; 1 ч. дня —21°; 9 ч. веч. —23°.

Свою поѣздку въ Китай и южную Монголію я предпринялъ вмѣстѣ съ женою. Для переѣзда ея отъ Урги до Калгана мною взята была на прокатъ китайская двуколесная телѣга. Обычно, такія телѣги отдаются, смотря по времени и спросу, за 30 и даже 40 ланъ; съ меня взяли только 20. Подрядился везти меня монгольскій лама, Хӯхӯ-дондо̀къ, шедшій со своими верблюдами въ Калганъ для того, чтобы поднять тамъ русскіе чаи и перевезти ихъ въ Кяхту. Всего онъ долженъ былъ поставить мнѣ 6 верблюдовъ: одного для телѣги, въ которой ѣхала жена, двухъ подъ верхъ мнѣ и Ѳедорову; одного подъ перевозъ фотографическихъ приборовъ и двухъ подъ вьюки. Всѣ эти животныя были наняты за 90 ланъ серебра, что составило на наши деньги 199 р. 80 коп. На дорогу мы наварили и заморозили себѣ щей и пельменей; радушныя семьи Ѳедорова и Таркова наготовили намъ разнаго рода пироговъ; жены русскихъ купцовъ изъ Урги, по сибирскому обычаю, понавезли въ кулечкахъ своихъ подорожниковъ, т. е. сладкихъ пирожковъ и пряженцевъ. Искреннее спасибо за это радушіе!

Окончательная упаковка и размѣщеніе вьюковъ заняло время вплоть до полудня. Къ полудню Тарковъ пригласилъ насъ на обѣдъ, куда съѣхались всѣ ургинскіе торговцы. Верблюды наши двинулись въ 1 ч. 35 м. дня, а мы, просидѣвъ еще за обѣдомъ и попрощавшись, выѣхали только

въ 3 часа пополудни. Ѳедоровы и ургинскіе торговцы провожали насъ верстъ на 5, такъ что только проѣхавъ Маймачѣнъ и малый мостъ черезъ Тӧлу, мы разстались здѣсь у мѣста, гдѣ догнали своихъ верблюдовъ. Теперь, оставшись одни, мы могли сосредоточиться; представлялся досугъ и поговорить о предпринятомъ пути съ подрядчикомъ и извозчиками. Путь нашъ лежалъ по русскому, ургинско-калганскому караванному тракту. Причина выбора мною для переѣзда именно этого караваннаго тракта, а не болѣе удобной по зимней порѣ и дешевой почтовой дороги, заключалась въ желаніи ознакомиться съ операціями нашихъ коммиссіонеровъ, занимающихся транспортировкою чая изъ Китая въ Россію; съ этою же цѣлью я выѣхалъ въ Пекинъ именно въ началѣ зимы, разсчитывая сдѣлать свой переѣздъ въ наиболѣе бойкое для транспортировки время. Изъ числа караванныхъ путей я избралъ такъ называемый Чӧйринскій трактъ прежде всего потому, что трактъ этотъ до сего времени былъ для насъ совершенно неизвѣстенъ. Правда, по нему совершили свои переѣзды даже присяжные путешественники: въ 1870 г. Пржевальскій и въ 1879 г. Пѣвцовъ, но ни тотъ, ни другой не представили его описанія въ своихъ книгахъ, почему и на послѣдней нашей картѣ путей по Монголіи составитель ея могъ провести только линію Чӧйринскаго тракта, не обозначивъ на ней ни одного урочища или колодца [1]). Съ другой стороны Чӧйринскій трактъ почитается въ Ургѣ наиболѣе торной дорогой для провоза чаевъ. Мой подрядчикъ, съ которымъ я теперь бесѣдовалъ объ этомъ, не признавалъ однако такого мнѣнія вполнѣ правильнымъ. По его словамъ выходило, что монгольскіе извозчики, слѣдуя съ русскими чаями изъ Калгана въ Ургу, даже нельзя сказать, чтобы шли какимъ-либо опредѣленнымъ трактомъ, они держатся лишь одного общаго направленія на сѣверъ, путевыя же линіи ихъ отъ одного пункта до другого постоянно измѣняются, смотря по времени года, обилію кормовъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Въ нашей литературѣ доселѣ было извѣстно, съ точнымъ показаніемъ станцій, двѣ караванныхъ дороги, соединяющихъ Ургу и Калганъ: а) Дархàнъ-цзàмъ, и б) Гунчжӳйнъ-цзàмъ, а третья—Чӧйринъ-цзàмъ, была извѣстна только по имени; засимъ стали считать шесть дорогъ, прибавивъ къ вышеозначеннымъ путямъ еще: г) Шарà-номтӳйнъ-цзàмъ, д) Хӳрѣнъ-ачжиргàйнъ-цзàмъ, и е) Цзамбулыгійнъ-цзàмъ; еще далѣе къ этому прибавились: ж) Шилійнъ-цзàмъ и з) Харчійнъ-ӧртӧной-цзàмъ; наконецъ нашъ русскій торговый агентъ Петровъ собралъ распросныя свѣдѣнія и обозначилъ еще дороги: и) Ямā-тэргэчійнъ-цзàмъ и і) Зӯрма-нарійнъ-цзàмъ. Изъ бесѣдъ съ подрядчиками для меня выяснилось,

1) См. Зап. Им. Р. Г. Общ. по Общ. Географіи. Т. XXII. 1892 г.

что всѣ эти свѣдѣнія, можетъ быть и вполнѣ достовѣрныя, имѣютъ значеніе лишь для дѣла общаго ознакомленія нашего съ Монголіею, назвать же вышеозначенные пути караванными дорогами русскихъ чаевъ буквально невозможно. Такихъ дорогъ пришлось бы насчитать не десятокъ, а сотню и даже болѣе. Дѣло въ томъ, что монгольскіе извозчики, особливо на телѣгахъ, поднявъ русскіе чаи въ Калганѣ, всегда и обязательно заходятъ съ ними домой, какъ бы далеко ни отстояли ихъ родныя кочевья отъ Калгана. Ба̀риньцы, или Кэшиктэ̀ны заѣзжаютъ, напримѣръ, верстъ на 500 къ СВ отъ Калгана и уже отсюда направляются въ Ургу. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе извозчики, по прибытіи на мѣсто, могутъ въ точности обозначить пункты всѣхъ своихъ остановокъ, но неужели такая дорога ихъ можетъ быть почитаема путемъ, соединяющимъ Калганъ съ Ургою? Собственно, основными караванными трактами могутъ быть признаны только три: Дарха̀нъ-цза̀мъ, Чо̀йринъ-цзамъ и Гунчжу̀йнъ-цза̀мъ; всѣ остальные пути суть только отдѣльныя развѣтвленія этихъ трехъ дорогъ. Было бы ошибочно полагать также Чо̀йринъ-цза̀мъ наиболѣе торной дорогой для чаевъ. Какъ по болѣе ближайшему, по нему направляется лишь вся первая масса карава̀новъ; но какъ скоро этими караванами бываютъ вытравлены придорожные кормы, извозчики переходятъ на другіе пути, т. е. или на Дарха̀нъ-цза̀мъ, или на Гунчжу̀йнъ-цза̀мъ, смотря по тому, какой изъ нихъ представляетъ болѣе выгоды согласно ихъ многосложнымъ разсчетамъ.

Въ разговорахъ обо всемъ вышеизложенномъ я не замѣтилъ, какъ проѣхали мы верстъ 5 и добрались до мѣста переправы черезъ То̄лу. Караванъ нашъ перешелъ теперь эту рѣку по льду, какъ дѣлаютъ это и всѣ другіе караваны зимою. Лѣтомъ, напротивъ, всѣ торговые караваны, направляющіеся изъ Урги въ Калганъ и обратно изъ Калгана въ Ургу, слѣдуютъ въ настоящую пору отъ ургинскаго Маймачэ̀на верстъ на 7 вверхъ по долинѣ рѣки То̄лы къ мѣсту, гдѣ съ 1887 г. русскимъ купечествомъ устроенъ большой мостъ для переправы черезъ эту рѣку. Я отмѣчаю слово «большой», потому что мостовъ устроено собственно даже два: одинъ — большой перекинутъ черезъ главное русло рѣки То̄лы, другой — меньшій черезъ одинъ изъ ея большихъ протоковъ. Ближайшимъ поводомъ къ постройкѣ этихъ мостовъ были затрудненія, причинявшіяся движенію карава̀новъ въ періодъ разливовъ рѣки весною, лѣтомъ и осенью, при чемъ караваны иногда простаивали на обоихъ берегахъ рѣки цѣлыя недѣли. Извозчики, не желавшіе тратить денегъ на прокормленіе, или на уплату штрафовъ за просрочку въ доставкѣ чая, нерѣдко пускались переходить рѣку вбродъ, но при этомъ всегда подмачивали товаръ, что въ свою очередь вызывало массу споровъ и неудовольствій. Съ постройкою мостовъ

все это прекратилось и чаи стали доставляться гораздо исправнѣе. Но помимо этой очевидной пользы для дѣла транспортировки, означенное предпріятіе служитъ не мало и нашему престижу въ Монголіи. Черезъ рѣку

Видъ русскаго моста черезъ р. Тӧлу.

Тӧлу проходитъ путь въ Ургу изъ всей восточной Халхи, изъ восточныхъ и южныхъ хошӯновъ Монголіи, да наконецъ и изъ Маньчжуріи. Движеніе монгольскихъ казенныхъ и китайскихъ купеческихъ каравановъ здѣсь очень большое, а еще безпрерывнѣе тянутся къ Ургѣ и обратно изъ этого города поѣзда монгольскихъ богомольцевъ и поклонниковъ хутухтѣ. Все это прежде на долгое время оставалось за рѣкою, будучи стѣсняемо мѣстными перевозчиками: бѣдняги проживались и часто терпѣли нужду. Съ постройкою мостовъ эти бѣды отошли для монголовъ въ область преданій и для всѣхъ открылась безостановочная переправа черезъ рѣку. Это истинное благодѣяніе для монголовъ, и послѣдніе сознаютъ его во всей полнотѣ тѣмъ болѣе, что, по условію, съ нихъ не берутъ и никакой платы за передвиженіе по мосту. Построивъ мосты на свой счетъ, русское купечество передало ихъ въ завѣдываніе консульства, которое, на содержаніе мостовъ, установило однокопѣечный сборъ съ каждаго проходящаго русскаго цибика чая, что при предполагаемомъ въ настоящемъ году вывозѣ чаевъ въ количествѣ около 320,000 мѣстъ должно дать около 3,200 р.; сверхъ сего отъ платы за проѣздъ черезъ мостъ не избавлены у насъ и китайцы: съ каравановъ

ихъ взимается за переправу телѣги и каждаго вьючнаго верблюда 6 шарà-цàевъ (12 коп.); за верховую лошадь 3 шарà-цàя (6 коп.); за быка 2 шарà-цàя (4 коп.); за овцу козу и съ каждаго пѣшехода взимается по 1 шарà-цàю (2 коп.). Весь этотъ сборъ въ теченіе года составляетъ также сумму, превышающую 3,000 р. с. Расходуется эта сумма приблизительно въ 6500 р. говорятъ, на поправку тѣхъ же мостовъ.

Какъ было уже замѣчено выше, мы въ настоящую поѣздку свою не ѣхали черезъ большой мостъ, но, избирая ближайшій путь, переправились черезъ Тōлу по льду, версты на двѣ ниже этого моста. Дорожка для переправы была усыпана пескомъ и верблюды наши легко и свободно перешагали ледяной помостъ. По лѣвому берегу Тōлы до сихъ поръ еще раскидывается громадный àиль «усучѝновъ», т. е. семей монголовъ, обязанныхъ переправлять черезъ рѣку. Прежде ихъ было здѣсь, говорятъ, человѣкъ до 60; они набирались изъ разныхъ хошӯновъ и нарядъ ихъ имѣлъ основною цѣлью вспомоществовать поклонникамъ гэгэ̀на при переправѣ черезъ Тōлу. Съ постройкою мостовъ, число «усучѝновъ» значительно сократилось. Народъ это очень бѣдный и въ настоящую пору, за неимѣніемъ заработковъ, живущій почти исключительно подаяніями проѣзжающихъ, не упуская случая и обокрасть ихъ. Далѣе верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ или 3-хъ отъ Тōлы располагается àиль, извѣстный подъ общимъ именемъ «Бага модочѝн'ы». Это первый и меньшій поселокъ монголовъ, обязанныхъ повинностью доставлять дрова для отопленія казенныхъ и присутственныхъ зданій въ Ургѣ; помимо того модочѝны занимаются и порубкою дровъ для продажи. Заготовка этого продукта производится ими въ горахъ, вверхъ по рѣкѣ Тōлѣ. Модочѝны почитаются гораздо зажиточнѣе усучѝновъ: они имѣютъ даже свою кумирню, при которой однако ламы не живутъ постоянно: только лѣтомъ, въ 6-й лунѣ, собираются они сюда на нѣсколько дней, для служенія Юма. — Отъѣхавъ отъ зданій русскаго консульства всего верстъ на 12, мы остановились на ночлегъ противъ этого Модочѝсӯмэ̀.

13-е Ноября. Пятница.

7 ч. $-25\frac{1}{2}°$; 1 ч. дня $-15°$; 9 ч. веч. $-20\frac{1}{4}°$.

Весь вчерашній вечеръ и нынѣшнее утро прошли у насъ въ разговорахъ касательно составленія плана передвиженія. Надлежитъ замѣтить, что при нашемъ караванѣ, въ особой телѣгѣ, ѣхалъ еще въ Калганъ купецъ Пентеговъ; онъ также участвовалъ въ совѣтѣ, но прямо и положительно заявилъ, что ему рѣшительно безразлично, какъ и гдѣ ни ѣхать, лишь бы добраться до Калгана; такимъ образомъ все дѣло распредѣленія движенія предоставлялось мнѣ и подрядчику. Но что такое подрядчикъ-монголъ?

Во-первыхъ, онъ долженъ былъ, по уговору, всецѣло подчиняться мнѣ; а во-вторыхъ, и самъ онъ рѣшительно ничего не могъ сказать о томъ, какъ и сколько можемъ мы проѣхать. На вопросъ, гдѣ мы будемъ ночевать завтра, онъ съ обычною пассивностью монгола отвѣчалъ: «тэмэ мэдэнэ», т. е. верблюдъ знаетъ. Это и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, такъ, ибо здѣсь все зависитъ отъ этого уродливаго во всѣхъ отношеніяхъ животнаго. Я долженъ однако оговориться здѣсь, что это мое личное мнѣніе, такъ какъ на значеніе и достоинство верблюда смотрятъ весьма различно, у насъ же, со временъ Пржевальскаго, многіе превозносятъ этотъ «корабль пустыни», воспѣвая его какъ незамѣнимое животное. Дѣйствительно, верблюдъ даже въ концѣ зимы, когда послѣ полугодовой работы силы его уже истощены, все еще можетъ по два, по три и даже по четыре дня оставаться безъ воды и пищи, совершая въ то же время свои обычные переходы. Способность эта, незамѣнимая, особливо въ глазахъ лѣниваго, беззаботнаго и никогда не торопящагося дѣломъ монгола, заставляетъ цѣнить верблюда очень высоко; но этой одной способностью, можно сказать, и исчерпываются всѣ достоинства верблюда, — далѣе онъ является животнымъ положительно невыносимымъ для европейца. Во-первыхъ, къ работѣ онъ способенъ только зимою, лѣтомъ же верблюдъ дѣлается слабосиленъ и долженъ гулять и откармливаться. Конечно, на отмѣнно хорошемъ верблюдѣ можно ѣхать и лѣтомъ; но такая поѣздка всегда и непремѣнно оплачивается тройною цѣною, ибо съ одной стороны верблюдъ, работавшій лѣтомъ, дѣлается неспособнымъ къ работѣ зимою, а съ другой—заставить верблюда работать лѣтомъ—громаднѣйшій рискъ для хозяина: лѣтомъ верблюдъ линяетъ, болѣзненъ и легко можетъ издохнуть на работѣ; выдержитъ онъ эту работу, можетъ издохнуть зимою, ибо не успѣетъ заправиться лѣтомъ. Итакъ необходимо положить, что срокъ работы верблюда только полугодовой. Въ теченіе этого полугодового срока работы движеніе его крайне медленно и въ общемъ верблюдъ, слѣдуя въ караванѣ, при самой быстрой ѣздѣ можетъ дѣлать не свыше $4^1/_2$ верстъ въ часъ. Ѣхать верхомъ на верблюдѣ, въ силу особенности его походки, крайне утомительно: все время приходится раскачиваться впередъ и назадъ, съ каждымъ шагомъ животнаго отвѣшивая поклоны; движеніе рысью на верблюдѣ очень тряско; неудобенъ верблюдъ и для телѣги, ибо каждый шагъ его отзывается подергиваніемъ экипажа. Къ непріятнымъ особенностямъ верблюда нужно отнести его пугливость, и нерѣдко поднявшійся вдругъ съ мѣста воробей заставляетъ верблюда бросаться въ сторону, при движеніи же каравана за однимъ бросившимся верблюдомъ кидаются и всѣ другіе, при чемъ легко портятся и ломаются вьюки и всякаго рода поклажи. Питается верблюдъ только днемъ и ночью

пастись не можетъ; оттого монгольскіе извозчики ѣдутъ главнымъ образомъ ночью, а днемъ стоятъ. При сильномъ дождѣ, вѣтрѣ и снѣгѣ, особливо если они бьютъ въ лицо верблюду, послѣдній отказывается отъ движенія, ложится и караванъ долженъ останавливаться, то же самое случается и при движеніи по пескамъ, когда верблюдъ вспотѣетъ. Переходить вбродъ рѣку на верблюдѣ безопасно лишь при мелкой водѣ; но лишь только вода коснется брюха животнаго, всегда нужно остерегаться и смотрѣть, потому что легко можетъ случиться, что верблюдъ ляжетъ и подмочитъ и сѣдока, и вьюки. Бродить рѣку при незначительныхъ заморозкахъ на верблюдѣ не возможно, такъ какъ, проламывая ледъ, онъ рѣжетъ и портитъ свои ступни; въ видахъ этого погонщикамъ приходится всегда прорубать ледъ во всю ширину рѣки и подготовлять верблюду дорогу по дну. Переправляться черезъ рѣку по льду верблюдъ опять не способенъ, — онъ скользитъ и падаетъ, такъ что на сей конецъ приходится усыпать для него дорогу пескомъ, или землею. Итти по каменистой и галечной почвѣ съ верблюдомъ также трудно, ибо онъ стираетъ свои ступни и хромаетъ, — приходится его лечить и ѣхать на страдающемъ животномъ, что также непріятно. При таковыхъ качествахъ своего вьючнаго животнаго монгольскій извозчикъ въ самомъ дѣлѣ становится лицомъ совершенно пассивнымъ въ своихъ операціяхъ и о выполненіи ихъ можетъ говорить только: «тэмэ̄ мэдэнэ̀»—т. е. верблюдъ знаетъ. Но что касается меня, то я не могъ быть безразличенъ къ совершенію своего переѣзда. Ѣхать, какъ монголъ, ночью, я не могъ, потому что это значило бы, вовсе не видать большей половины пути. Соображая всѣ изложенныя обстоятельства, мы уговорились пасти верблюдовъ съ разсвѣтомъ, два-три часа; выѣзжать, когда верблюды перехватятъ травки, ежедневно часовъ въ 8—9-ть утра; ѣхать цѣлый день безъ остановки и дѣлать привалъ на ночлегъ по наступленіи вечерней темноты. Этого порядка держаться на всемъ пути.

Согласно сказанному распредѣленію, мы двинулись сегодня въ путь въ 8 ч. 25 м. утра и продолжали итти по той же долинѣ рѣки Тӧлы въ направленіи къ горамъ, окаймляющимъ лѣвый берегъ рѣки и запирающимъ громадную котловину, на срединѣ которой раскидывается Урга. Спустя ½ часа ѣзды, мы достигли раздѣленія дархàнской дороги отъ чӧйринской: первая уклонилась къ западу, на перевалъ Бурӯлъ-дабā, наша же продолжала тянуться прямою линіею, постепенно поднимаясь къ перевалу Хӧлтуйнъ-дабā. Въ 10 ч. 45 м. отъ нея круто отдѣлилась торная дорога вправо, ведущая въ такъ называемый Донкӧръ-Маньчжушрìйнъ хитъ. Это монастырь, принадлежащій также ургинскому хутухтѣ. Онъ построенъ на южной сторонѣ Хāнъ-ӯлы, какъ разъ противъ Урги, находящейся, какъ

извѣстно, у сѣвернаго подножія этой горы. Такимъ образомъ разстояніе между Ургою и Донкòръ-Маньчжушрìйнъ-хѝтомъ, если итти по прямому направленію, черезъ Хāнъ-ӯлу, проложенными здѣсь для пѣшеходовъ дорожками, будетъ не болѣе 12 верстъ; въ объѣздъ же Хāнъ-ӯлы до монастыря этого считается отъ Урги 40 верстъ. Время основанія Донкòръ Маньчжушрìйнъ-хѝта относится къ 11-му году правленія Юнъ-чжэна (1733 г.), когда хубилгàномъ Донкòръ-Маньчжӯшри былъ славный въ Халхѣ лама Навàнъ-лобсàнъ. Это былъ тотъ самый Навàнъ-лобсàнъ, который въ 1728 г. преподавалъ обѣты гэгэ̀на второму халхаскому хубилгà̀ну Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀. Разказываютъ, что именно въ память этого событія Навàнъ-лобсàнъ тогда же задумалъ обосновать отдѣльный монастырь, хотя осуществленіе этого дѣла ему удалось не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ. Первоначально была построена только одна громадная кумирня, длиною въ 80 китайскихъ цзя̀ней. Располагалась она на довольно широкомъ уступѣ Хāнъ-ӯлы, тѣмъ не менѣе въ узкихъ мѣстахъ этого уступа приходилось создавать его искусственно, выбивая боковину горы. Въ настоящую пору очень многія кельи ламъ этого монастыря, говорятъ, устроены также въ горныхъ нишахъ и пещерахъ и, по всей вѣроятности, весь монастырь, располагающійся еще въ густомъ лѣсу, имѣетъ очень оригинальный и красивый видъ. Постройка кумирни была совершена Навàнъ-лобсà̀номъ въ одинъ годъ и вскорѣ засимъ онъ скончался. Преемствовавшій ему хубилганъ, Навàнъ-ямпѝлъ-данцзѝнь, въ годъ достиженія своего совершенолѣтія, соотвѣтствовавшій 15-му году правленія Цянь-луна (1750), поднесъ новопостроенный монастырь Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухтѣ вмѣстѣ съ своими шабина̀рами. Хутухта принялъ подношеніе и перечислилъ шабина̀ровъ въ свое вѣдомство, хотя оставилъ ихъ подъ управленіемъ Донкòръ-Маньчжӯшри, котораго назначилъ онъ цорчжѝ-ламою этого монастыря. Съ тѣхъ поръ шабина̀ры Донкòръ-Маньчжӯшри во всякаго рода гражданскихъ дѣлахъ подлежатъ вѣдѣнію шанцзотбы̀ ургинскаго хутухты, хотя въ экономическомъ отношеніи положеніе ихъ не измѣнилось и они по старому представляютъ свои подати хубилга̀намъ Донкоръ-Маньчжӯшри. Въ 56-мъ году правленія Цянь-луна (1791 г.) монастырю Донкòръ-Маньчжӯшри всемилостивѣйше было пожаловано названіе «Буя̀ни-цзалбарихчѝ-сӯмэ̀».

Отъ мѣста отдѣленія дороги въ Донкòръ-Маньчжушрìйнъ-хитъ, Чòйринскій трактъ начинаетъ замѣтно подниматься на ровное и пологое возвышеніе, носящее названіе кочевья Йэхэ̀ модочѝн'овъ, такъ какъ здѣсь раскладываются юрты главной части монголовъ-дровяниковъ, обязанныхъ поставкою топлива въ присутственныя мѣста Урги. Миновавъ ихъ, мы въ 12 ч. 35 м. вступили въ твердо-песчаную степь съ легкими увалами, име-

нуемыми Баѝнъ-хӯцзӯбчи, по которой шли въ теченіе часа. Здѣсь отъ Чѳ̀йринскаго тракта отдѣляется Гӯнчжӯйнъ-цзѐмъ. Дорога наша по мѣрѣ приближенія къ горамъ становилась постепенно каменистѣе и круче, и растительность долины замѣтно бѣднѣла. Въ 1 ч. 30 м. начали подниматься на первую ступень перевала черезъ мѣстный отрогъ Гэнтэ̀й'я: это пологій и удобный для колесной ѣзды горный откосъ, именуемый Ширдыктӯйнъ-даба̄. Спускъ съ него приводитъ въ долину Хонго̀ръ-нӯрыйнъ-тала̀ съ небольшимъ озеромъ, дающимъ свое имя самой долинѣ, по которой мы слѣдовали съ 2 ч. 20 м. до 3 ч. 50 м. Вслѣдъ засимъ дорога наша начала подниматься на Хо̄лтуйнъ-даба̄, долженствовавшій окончательно скрыть отъ насъ долину р. То̀лы. Перевалъ Хо̄лту считается самымъ легкимъ и онъ дѣйствительно оказался пологимъ и вполнѣ удобнымъ, какъ для подъема, такъ и для спуска. Всего черезъ мѣстный отрогъ Гэнтэ̀й'я считается здѣсь четыре перевала: а) Ула̄нъ-даба̄, б) Бурӯлъ-даба̄, в) Хо̄лтуйнъ-даба̄ и г) Доло̄нъ-даба̄, находящіеся одинъ отъ другаго по прямой линіи не болѣе какъ въ разстояніи 5 верстъ. Спустившись съ Хо̄лтуйнъ-даба̄на, мы вступили въ урочище Шѝрь и въ 5 ч. вечера остановились здѣсь для ночлега неподалеку отъ маленькой деревянной кумирни, извѣстной подъ именемъ «Адӯчинай-сӯмэ̀». Какъ показываетъ то самое названіе, кумирня эта принадлежитъ пастухамъ, пасущимъ табуны лошадей, высылаемыхъ на службу и разнаго рода потребы ургинскихъ амба̀ней. Въ свою пору пастухи эти были высланы изъ различныхъ хошӯновъ для отбыванія повинности охраненія этихъ общественныхъ табуновъ; нынѣ нѣкоторые изъ нихъ живутъ здѣсь уже въ третьемъ поколѣніи. Имѣя въ своихъ рукахъ общественные табуны и получая время отъ времени подкрѣпленія изъ хошӯновъ, адӯчины живутъ не только безбѣдно, но даже богато. Почти всѣ они занимаются подрядами на перевозку товаровъ изъ Урги въ разные города. Нынѣшній подрядчикъ, содержащій русское почтовое сообщеніе между Ургою и Калганомъ, лама Чакдӯръ, принадлежитъ также къ адӯчинамъ и жилище его располагается неподалеку отъ этого адӯчинъ-сӯмэ̀.

14-е Ноября. Суббота.

7 час. утра —25½°; 1 час. дня —16½°; 9 час. вечера —20°.

По утру — страшный холодъ и казалось, что въ дѣйствительности несравненно болѣе —25½°. Выѣхали въ 10 ч. утра и продолжали путь по долинѣ Шѝрь. Къ сѣверу отъ этой долины виднѣлась масса горъ, безпорядочно возвышавшихся своими коническими вершинами; на югѣ передъ нами стоялъ хребетъ, именуемый Хангà емъ; но какія же это жалкія горушки, сравнительно съ дѣйствительнымъ Хангà емъ, близъ Улясутая?!

Переваливъ ихъ въ 12 ч. дня, мы повстрѣчали на дорогѣ чайный караванъ, остановившійся здѣсь часовъ въ 5 утра. Верблюды кормились, извозчики, напившись чаю и закусивъ, занялись работами, состоявшими въ «подборкѣ» чая. Дѣло это состоитъ въ томъ, что, разбивъ мѣсто чая, они подбираютъ отдѣльные кирпичи его по новымъ группамъ. Въ настоящемъ случаѣ подборка производилась по тому обстоятельству, что верблюды у этихъ извозчиковъ были слабы, а грузъ тяжелъ и вотъ, чтобы облегчить вьюки при переѣздѣ черезъ перевалъ, извозчики, разбивая мѣста, вытаскивали изъ нихъ по нѣскольку кирпичей и составляли изъ нихъ новые вьюки. Такая же подборка производится и въ тѣхъ случаяхъ, когда чай бываетъ подмоченъ. Комиссіонеры дозволяютъ извозчикамъ раскупоривать мѣста, обдирать съ кирпичей оберточную бумагу и просушивать самый чай; это даже вполнѣ необходимо, такъ какъ безъ такой своевременной просушки чай загніетъ и погибнетъ. Впрочемъ, такое разрѣшеніе ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. За Хангаемъ передъ нами открылась большая степная долина съ твердымъ, хрящеватымъ грунтомъ и незначительною растительностью. Снѣгу здѣсь нигдѣ нѣтъ. Только къ 2-мъ часамъ дня мы проѣхали ее и поровнялись съ буграми Борò-ӯцзӯръ. Здѣсь повстрѣчались намъ двое монгольскихъ пѣшеходовъ, мужщина и женщина, шедшіе въ Пекинъ на поклоненіе Цзаньданъ-цзӯ. Еще далѣе намъ начали постоянно встрѣчаться то поднимающіеся съ мѣстъ, то еле двинувшіеся въ ходъ русскіе чайные караваны. Всѣхъ ихъ мы видѣли 8, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ было отъ 20 до 48 верблюдовъ. Въ 4 часа пополудни мы усмотрѣли къ югу отъ насъ горы, казавшіяся издали довольно высокими. Это были Шандӯла; впрочемъ, по мѣрѣ приближенія, онѣ все болѣе и болѣе понижались, а когда мы подошли къ нимъ, то оказались простыми холмами. Не переваливая черезъ эти горы, мы въ 7 час. вечера остановились на сѣверной сторонѣ ихъ для ночлега. Неподалеку отъ насъ сидѣлъ одинъ монголъ, ѣхавшій на верблюдѣ. Онъ развелъ маленькій костеръ и, очевидно, варилъ себѣ чай въ котелкѣ. Пока разъвьючивали нашихъ верблюдовъ я направился было къ нему, чтобы получить отъ него огня и поскорѣе развести свой костеръ; но подрядчикъ нашъ тотчасъ же остановилъ меня, заявивъ, что въ дорогѣ брать чужой огонь нельзя и во всякомъ случаѣ это несчастная примѣта: также точно нельзя оказывается и называть мѣста своей стоянки, ибо такое поименованіе оскорбляетъ генія-хранителя мѣстности. Подошедши къ сидѣвшему монголу, я узналъ, что это былъ извозчикъ, везшій изъ Калгана въ Ургу русскую легкую почту. Чойринскій трактъ является постоянною дорогой для слѣдованія русской почты.

Здѣсь я почитаю умѣстнымъ сказать то, что извѣстно мнѣ объ этомъ учрежденіи русской почты по Монголіи. Со времени открытія нашей постоянной торговли въ Китаѣ и свободнаго слѣдованія по Монголіи русскихъ каравановъ (т. е. съ 1861 г.), купечество наше, заинтересованное въ болѣе легкой и дешевой пересылкѣ коммерческихъ свѣдѣній, постоянно чувствовало потребность въ устройствѣ правильнаго почтоваго сообщенія по крайней мѣрѣ между Тяньцзиномъ и Кяхтою. Въ первые годы однако, когда условія нашей торговли въ Китаѣ еще не вполнѣ выяснились, агенты русскихъ купцовъ, проживавшіе въ Тяньцзинѣ и Калганѣ, ограничивались пересылкою своихъ корреспонденцій изъ Тяньцзина, черезъ посредство тамошняго русскаго консула до Пекина, и далѣе съ ежемѣсячною казенною почтою, отправлявшеюся изъ нашей дипломатической миссіи. Что касается Калгана, то отсюда русскіе, вмѣстѣ съ шанъ-си'скими купцами, имѣвшими дѣло въ Кяхтѣ, обыкновенно отправляли свои письма разъ или два въ мѣсяцъ, нанимая особыхъ монгольскихъ курьеровъ и уплачивая имъ по 5 циновъ серебра (т. е. одинъ серебряный рубль) за каждое письмо, вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ. Вслѣдъ засимъ, когда агенты русскаго купечества водворились въ Тяньцзинѣ, Шанъ-хаѣ, Хань-коу и другихъ мѣстахъ по Янъ-цзы, на дѣло сухопутной торговли было обращено болѣе серіозное вниманіе. Въ видахъ достиженія болѣе быстраго сообщенія, кяхтинскіе купцы съ Іюня 1863 г. устроили правильное почтовое движеніе для пересылки своихъ корреспонденцій, при чемъ они съ готовностью и совершенно безплатно доставляли и казенную корреспонденцію. Почта ихъ должна была ходить два раза въ мѣсяцъ между Кяхтою и Калганомъ, перевозя газеты, журналы и письма въ тюкѣ, вѣсомъ не болѣе одного пуда. Почтосодержателямъ въ видѣ преміи было предоставлено право брать за каждый лотъ письма по 30 коп. съ лицъ, не принадлежавшихъ къ кяхтинскому купечеству, а равно и съ китайцевъ, проживающихъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и Калганѣ. Что касается корреспонденціи, слѣдовавшей въ Пекинъ и Тяньцзинъ, то она пересылалась каждый разъ съ особо нанимаемыми китайскими курьерами, съ платою отъ 10—15 р. въ одинъ конецъ и назначеніемъ срока отъ 2-хъ до 3-хъ сутокъ. Почта эта въ лѣтнее и осеннее время ходила между Калганомъ и Кяхтою въ 12 сутокъ, а зимою и весною въ 14 и даже 15 сутокъ. За содержаніе вышеуказаннаго почтоваго сообщенія купечество единовременно платило своимъ контрагентамъ въ первый годъ 4,000 р., а во второй 5,000 р. кредитными билетами. Доставка этой почты на пространствѣ отъ Урги до Калгана производилась большею частію нанятыми монголами, а между Кяхтою и Ургою контрагенты имѣли своихъ людей, лошадей и верблюдовъ.

Въ концѣ 1863 года нѣкоторыя великобританскія фирмы въ Шанхаѣ обратились съ просьбою къ своему посланнику въ Пекинѣ, чтобы онъ, черезъ посредство нашего посланника, предложилъ бы сибирскому купечеству, не пожелаетъ ли кто-либо изъ среды его взять на себя устройство правильнаго курьерскаго сообщенія съ условіемъ, чтобы депеши, получаемыя по телеграфу изъ Европы въ Кяхту, доставлялись въ Тяньцзинъ регулярно по восьми разъ въ мѣсяцъ въ ту и другую сторону, срокомъ отъ 9 до 10 сутокъ. За устройство такого сообщенія великобританскія фирмы заявляли готовность уплачивать ежегодно отъ 35 до 40 тысячъ руб. сер. въ годъ. Вопросъ этотъ въ началѣ 1864 г. былъ переданъ на обсужденіе кяхтинскихъ купцовъ; между ними оказались и желающіе принять устройство этого сообщенія; а одинъ изъ нихъ, г. Сабашниковъ, представилъ и подробныя условія, по которымъ хотѣлъ онъ выполнять это дѣло. Въ то же время г. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, по порученію центральнаго правительства, также обратился къ кяхтинскому купечеству съ вопросомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ устроить на собственный счетъ болѣе правильное почтовое сообщеніе взамѣнъ существующей купеческой почты. На вопросъ этотъ купечество отвѣчало отрицательно, ссылаясь на неимѣніе средствъ и на достаточное удовлетвореніе своихъ нуждъ существующею почтою. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, получивъ однако такой отвѣтъ, не оставилъ этого дѣла и въ концѣ 1864 г. представилъ свой проектъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о возможности и необходимости устройства почтоваго сообщенія между Кяхтою и Тяньцзиномъ, указывая, что расходъ по этому учрежденію можетъ покрываться почтовыми сборами. Въ Іюлѣ 1865 г. проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ, въ видѣ опыта, на три года, съ производствомъ отъ казны выдачи, въ видѣ пособія, по 19,300 р. сер. на расходы по содержанію этой почты. Почта эта, какъ гласилъ документъ, учреждалась съ цѣлью доставленія большихъ удобствъ купечеству, ведущему свои торговыя дѣла въ Китаѣ. По составленнымъ правиламъ, почты между Кяхтою и Тяньцзиномъ отправлялись ежемѣсячно по 4 раза въ ту и другую сторону: легкія вѣсомъ не болѣе одного пуда, а тяжелыя до 25 пудовъ. Съ тяжелыми почтами, по одному разу въ мѣсяцъ, купечество могло посылать изъ Кяхты звонкую монету и другія посылки, а изъ Тяньцзина образцы китайскихъ товаровъ и проч. Перевозка этихъ тяжелыхъ почтъ составляла не малую часть расхода въ общей суммѣ уплачиваемой почтосодержателямъ.

Съ Октября мѣсяца того же 1865 года новое почтовое сообщеніе было открыто по всему тракту, но съ самаго же начала оно произвело неблагопріятное впечатлѣніе на многихъ корреспондентовъ, въ особенности

иностранныхъ. Главнѣйшею причиною тому были крайне медленное и нерегулярное движеніе почтъ, а равно неаккуратное исполненіе нѣкоторыми служащими ихъ обязанностей по пересылкѣ корреспонденцій. Все это, весьма вѣроятно, могло бы быть устранено при честномъ отношеніи къ дѣлу, распорядительности и достаточной опытности лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ какъ въ Сибири, такъ и въ Монголіи: легкія почты могли бы безъ затрудненія двигаться между Кяхтою и Тяньцзиномъ въ 11 и 12 сутокъ, а они между тѣмъ пробывали въ дорогѣ 16 и болѣе. Быстрота движенія почтъ особливо была бы желательна въ періодъ съ Апрѣля по Декабрь мѣсяцъ. Въ это время существуетъ пароходное сообщеніе между Тяньцзиномъ и другими портами Китая и мы, конечно, могли бы исполнять то, чего доискивались отъ насъ европейцы. Къ быстрому и регулярному доставленію почтъ слѣдовало пріучить монголовъ и это, безъ сомнѣнія, могли сдѣлать лица, знакомыя съ условіями быта страны, особливо при тѣхъ значительныхъ средствахъ, которыя отпускались на содержаніе почтоваго сообщенія. Эти расходы, какъ было сказано, простирались до 19,300 руб., въ возвратъ же ихъ отъ почтоваго сбора едва поступала одна четверть сказанной суммы.

Иностранное купечество въ Шанхаѣ, съ перваго же года убѣдившись, что наше почтовое сообщеніе не можетъ удовлетворять требованіямъ его въ отношеніи быстроты доставленія депешъ, въ 1866 г. предложило проживавшему въ Кяхтѣ, великобританскому подданному, г. Гранту, устройство за счетъ фирмъ особаго курьерскаго сообщенія. Г. Грантъ взялся за это дѣло и, несмотря на многія, встрѣтившіяся ему затрудненія, успѣлъ уже къ слѣдующему году пріучить почтосодержателей своей линіи къ регулярному доставленію почты между Кяхтою и Тяньцзиномъ въ 11—12 дней. Сообщеніе г. Гранта открывалось ежегодно съ 1-го Марта и заканчивалось въ концѣ Ноября. Депеши между сказанными пунктами отправлялись отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ мѣсяцъ въ ту и другую сторону, при чемъ постъ-пакеты бывали не болѣе 3 фунтовъ вѣса. Расходы на содержаніе этой линіи стоили г. Гранту въ первые годы отъ 5—6 тысячъ рублей въ сезонъ; впослѣдствіи же, когда депеши по этой линіи начали доставляться еще въ болѣе краткіе сроки, какъ напримѣръ въ 1870-мъ году въ 9 сутокъ, и когда отправки курьеровъ увеличились до 10 и болѣе разъ въ мѣсяцъ, расходы на линію возросли до 20 тыс. руб. въ сезонъ. Съ 1-го Мая 1871 г. сообщеніе это, по случаю проведенія телеграфа изъ Индіи въ порты Китая, было прекращено; въ общемъ же, говорятъ, операція эта доставила г. Гранту болѣе 50 тыс. рублей чистой пользы.

Что касается русской почты, то положеніе ея за этотъ періодъ также

нѣсколько измѣнилось. Въ Августѣ 1869 г. г. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири представилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ новый проектъ со включеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ постановкѣ дѣла почтоваго сообщенія по Монголіи сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ, хотя эти особенности касались главнымъ образомъ только технической части дѣла. Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и, какъ мнѣніе онаго, Высочайше утвержденъ въ 23-й день Марта 1870 г. Русское почтовое сообщеніе по Монголіи было объявлено теперь какъ частное коммерческое предпріятіе, находящееся лишь подъ покровительствомъ Русскаго Правительства. Въ пособіе на расходы по содержанію этого почтоваго сообщенія назначалось по 17,600 р. въ годъ, изъ коихъ 7,100 р. расходовались по штату на содержаніе личнаго состава, а остальные 10,500 р. предназначались на уплату почтовымъ подрядчикамъ. Плата эта, назначенная почтосодержателямъ, по тогдашнимъ условіямъ, можно сказать, была и достаточною, и лестною для монголовъ. Въ ту пору кочевое положеніе монголовъ значительно разстроилось. Неоднократное вторженіе въ Халху дунганскихъ инсургентовъ произвело запустѣніе во многихъ хошӯнахъ, торговля упала, заработковъ у монголовъ не было, а поборы между тѣмъ значительно возрасли; при таковыхъ порядкахъ имѣть дѣло въ 10,500 р. было для монголовъ и даже весьма состоятельныхъ не малымъ подспорьемъ. Мы могли предписывать имъ какія угодно правила съ полной увѣренностью, что они будутъ выполнены. Къ сожалѣнію однако, наши отношенія къ веденію почтоваго дѣла остались тѣ же и въ результатѣ всего этого въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1870 г. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири нашелся вынужденнымъ сдѣлать распоряженіе, по которому частные капиталы могли посылаться только нестрахованными, равно и заказная корреспонденція не обязывалась сроками; въ нѣкоторой части нашего общества въ ту пору возникло мнѣніе даже о безполезности этой почты. Покойный русскій вице-консулъ въ Хань-коу, Пономаревъ, лично разказывалъ намъ о жалобѣ проживавшихъ въ Хань-коу русскихъ купцовъ, будто бы Иркутская почтовая контора, въ совершенный ущербъ торговымъ интересамъ, особливо по срочнымъ чайнымъ заказамъ, отправляла слѣдующую въ Хань-коу корреспонденцію вокругъ свѣта съ англійскою и французскою почтами. Бывали случаи, что чайные заказы изъ Иркутска получались въ Хань-коу черезъ 85 дней и даже три мѣсяца. Нельзя, конечно, сказать, чтобы почтовое вѣдомство наше не заботилось о монгольской почтѣ, все дѣло въ томъ, что заботы его не были направляемы должнымъ образомъ. Оно предполагало, напримѣръ, для развитія дѣятельности монгольской почты заключить согла-

шеніе съ иностранными почтовыми конторами, существовавшими въ Китаѣ, учредить въ Хань-коу и другихъ китайскихъ портахъ свои почтовыя конторы и прочее. А между тѣмъ главнѣйшая забота его должна была бы быть направленною исключительно на дѣло ускоренія почтовыхъ сношеній по Монголіи и на пространствѣ между Кяхтою и Тяньцзиномъ, тогда какъ распространеніе нашихъ почтовыхъ операцій за Тяньцзинъ не могло принести ни пользы самому почтовому управленію, ни удобствъ публикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, требованія проживавшихъ въ Пекинѣ и Тяньцзинѣ иностранцевъ относительно пересылки корреспонденцій въ Шанхай въ лѣтнюю пору вполнѣ удовлетворяли тогда, и притомъ безвозмездно, частные пароходы, содержавшіе сообщеніе между Тяньцзиномъ и Шанхаемъ; въ зимнее же время, съ прекращеніемъ навигаціи по рѣкѣ Бай-хо, почты пересылались между Тяньцзиномъ, Пекиномъ и Шанхаемъ, безвозмездно же, съ курьерами управленія китайскихъ таможень. Что касается почтовыхъ сообщеній между портами Китая и Европою, содержавшихся пароходами англійскихъ и французскихъ компаній, то они были настолько часты, правильны и быстры, что не только иностранцы, проживавшіе въ Шанхаѣ и другихъ портахъ, а даже жившіе въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ не находили выгоднымъ для себя пользоваться русскою почтою для пересылки писемъ въ Европу. Только ускореніе сообщеній по Монголіи могло быть выгоднымъ для нашего дѣла, а объ этомъ сначала было мало заботы, а потомъ и поставить дѣло на надлежащую точку стало труднѣе. Въ этомъ случаѣ прежде всего игралъ свою роль обычай. Разъ допущено было, что почта вмѣсто 11—12 сутокъ ходила 14—15, всякое уменьшеніе срока ея движенія должно было вызывать увеличеніе цѣнъ со стороны подрядчиковъ, а уплачивать такой прибавки было нечѣмъ. Съ другой стороны, начавшіяся съ половины 70-хъ годовъ бѣдствія въ Монголіи: сильныя засухи лѣтомъ и глубокіе снѣга зимою, годъ отъ года увеличивали тяжесть почтовой гоньбы, вслѣдствіе громадной убыли въ количествѣ перевозочныхъ средствъ. До чего велики были въ этомъ случаѣ потери монголовъ лучше всего можетъ указать слѣдующій примѣръ. Весною 1878 г. я цѣлый мѣсяцъ прожилъ въ Мэргэнъ-ваановскомъ хошунѣ, у нашего почтоваго подрядчика Ганчо и подробно ознакомился съ его хозяйствомъ, въ инвентарѣ коего считалось до 3000 верблюдовъ; въ 1883 г. тотъ же Ганчо писалъ мнѣ въ Петербургъ, что у него осталось только 700 верблюдовъ, а изъ 1000 головъ рогатаго скота уцѣлѣло 120. Извѣстно, что покойному Пржевальскому въ томъ же 1883 г. пришлось заплатить въ Ургѣ по 135 руб. за голову верблюда, котораго прежде было легко купить за 60, или 65 руб. Тѣ же самыя цѣны на скотъ существовали и для монголовъ. Дальнѣйшіе годы принесли

съ собою еще больше несчастій и въ настоящую пору о домѣ вышепомянутаго Ганчò мнѣ разказываютъ, напримѣръ, что у него уже нѣтъ ни одного верблюда, а осталось только 4 лошади, да головъ 30 рогатаго скота. Вообще можно сказать, что за періодъ послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ у тѣхъ изъ монгольскихъ домохозяевъ, которые имѣли у себя по 300—500 верблюдовъ, едва осталось 50—70 головъ, мелкій же скотъ у многихъ вымеръ поголовно. Понятно, что возсоздавать при этомъ хотя бы первоначальную правильность почтоваго сообщенія довольно трудно и такимъ образомъ почтовое дѣло наше идетъ по старому. Разстояніе между Кяхтою и Калганомъ распредѣляется какъ и прежде между двумя подрядчиками, хотя перевозочныя средства ихъ едва ли равняются и одной трети того, что имѣли старые подрядчики, Галсàнъ и Ганчо, содержавшіе нашу почту въ концѣ 70-хъ годовъ. Впрочемъ, должно сказать, что и настоящіе подрядчики—люди довольно богатые, а для правильности движенія нашихъ почтъ важно даже не столько увеличеніе количества ихъ скота, сколько пресѣченіе по тѣмъ или другимъ причинамъ допускаемыхъ ими злоупотребленій. Прежде всего какъ подрядчики, такъ и нанимаемые ими проводники привыкли уже пользоваться нашей почтой для провоза своихъ собственныхъ вещей и считаютъ это своимъ законнымъ правомъ. На мои указанія незаконности такого образа дѣйствій они отвѣчали обыкновенно: «верблюды наши, мы можемъ везти на нихъ все, что намъ нужно». Повидимому, никто и никогда не внушалъ имъ, что русское правительство платитъ имъ деньги не только за доставку почты, но и за своевременность доставки и что потому обремененіе почты посторонними вещами естественно препятствуетъ выполненію ими послѣдняго и самаго главнаго условія контракта. Если такъ думаютъ и поступаютъ сами подрядчики, то проводникамъ ихъ открывается, конечно, еще большій просторъ для злоупотребленій: они не довольствуются тѣмъ, что нанимаются везти съ почтою посторонніе грузы, но еще стараются нажиться и другимъ способомъ. Подрядчики, напримѣръ, отпускаютъ проводникамъ деньги на прокормъ верблюдовъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и у Чахаровъ; но деньги эти проводники обращаютъ въ собственность, верблюды же везутъ почту голодные и потому идутъ медленно и скоро устаютъ. Всѣ эти обстоятельства, повидимому, очень маловажны, но внѣ устраненія ихъ достиженіе правильности нашихъ почтовыхъ сообщеній рѣшительно невозможно.

Чтобы доставить читателямъ свѣдѣнія о современномъ состояніи содержимаго нами почтоваго сообщенія въ китайскихъ владѣніяхъ, скажемъ теперь же, что сообщеніе это остается по старому между пунктами Кяхта и Тяньцзинъ. На пространствѣ этомъ нами содержится четыре почтовыхъ

конторы: въ Ургѣ, Калганѣ, Пекинѣ и Тяньцзинѣ. Въ этихъ конторахъ принимается и отправляется всякаго рода корреспонденція, во всѣ мѣста Россіи и за границу. Всѣхъ нашихъ почтъ по китайскимъ владѣніямъ проходитъ въ теченіе мѣсяца (за исключеніемъ эстафетъ) восемь, т. е. по три такъ называемыхъ легкихъ почты и по одной тяжелой изъ Кяхты въ Тяньцзинъ и столько же изъ Тяньцзина въ Кяхту. Легкія почты доставляются между Кяхтою, Ургою и Калганомъ на 2-хъ верховыхъ лошадяхъ, при одномъ ямщикѣ-монголѣ; изъ Калгана же до Пекина и Тянь-цзина онѣ доставляются китайцами на мулахъ, или осликахъ. Съ легкими почтами отправляются только заказная и простая корреспонденціи, казенные простые пакеты и періодическія изданія; съ тяжелыми почтами уже рѣшительно всякаго рода корреспонденціи и посылки. Тяжелыя почты доставляются по Монголіи на верблюдахъ, во вьюкахъ, а по Китаю на мулахъ и тоже или вьюками, или на телѣгахъ. Между Пекиномъ и Тяньцзиномъ, по открытіи навигаціи (отъ Тунъ-чжоу) тяжелыя почты доставляются на лодкахъ по рѣкѣ Бай-хэ. Ради большей безопасности, тяжелыя почты сопровождаются еще на всемъ пути, кромѣ ямщиковъ, двумя казаками. По заключеннымъ нынѣ контрактамъ, срокъ доставки легкихъ почтъ между Кяхтою и Калганомъ исчисляется для лѣтняго времени въ 8, а въ зимнюю пору въ $9^1/_2$ сутокъ; для тяжелыхъ почтъ, лѣтомъ 21 сутки, а зимою 23; между Калганомъ и Пекиномъ легкія почты обязаны ходить какъ лѣтомъ такъ и зимою въ 2 сутокъ, а тяжелыя 4 сутокъ; между Пекиномъ и Тяньцзиномъ — легкія почты 1 сутки, а тяжелыя — 2. Плата за доставку почтъ въ мѣсяцъ: по Монголіи 750 серебряныхъ рублей, а по Китаю 156 сереб. рублей. Въ общемъ, движеніе почтъ по Китаю, за исключеніемъ періода наводненій, бываетъ въ настоящую пору довольно исправно, по Монголіи же почты очень часто запаздываютъ и иногда на срокъ до 5 сутокъ.

15-е Ноября. Воскресенье.

7 ч. утра —$21^1/_2°$; 1 ч. дня —13°; 9 ч. вечера —22°.

Двинулись въ 7 ч. 45 м. Поднялись на пологія горы Шàнду, за которыми послѣдовалъ цѣлый рядъ уваловъ. Мы то пробирались между ними, то переваливали черезъ нихъ, пока наконецъ, около 10 часовъ дня, не выѣхали на пространную долину, почва которой была твердо-песчанаго грунта, ровная какъ утрамбованныя дорожки нашихъ парковъ. По бокамъ видны небольшіе пригорки. Здѣсь встрѣтили мы два каравана съ русскими чаями, стоявшихъ неподалеку другъ отъ друга на привалѣ, и это была единственная встрѣча за весь день. Въ 12 ч. 35 м. мы прибыли къ урочищу Шарà-чжилгà. Это богатая травою ложбина; она имѣетъ общій наклонъ къ юго-востоку и огибаетъ конусообразно возвышающуюся гору

Мӯнхэ-тологӧй. Травы и корма здѣсь были отмѣнно хороши и мѣстами въ углубленіяхъ встрѣчалось довольно снѣгу. Здѣсь мнѣ припомнилось, что вообще горы по лѣвому берегу Тӧлы характеризовались у насъ какъ разграничивающія сѣверную, гористую степь Монголіи отъ внутренней полосы ея — пустынной гоби. «Переѣзжая Толу», говоритъ Пржевальскій, «путешественникъ оставляетъ за собою послѣднюю текучую воду и тутъ же на горѣ Хӑнъ-ӯла долженъ распроститься съ послѣднимъ лѣсомъ. Далѣе къ югу до окраины собственнаго Китая тянется та самая пустыня Гоби, которая залегла громадною полосою поперекъ восточно-азіатскаго нагорья». Все это не совсѣмъ точно. Мы проѣхали теперь отъ дабӑна уже болѣе 70 верстъ, а пустыня все еще не начиналась и въ крайнемъ случаѣ мѣста эти могутъ быть названы только переходною полосою къ гобійскимъ мѣстностямъ. Въ общемъ залегающія здѣсь урочища еще напоминаютъ мѣстности къ сѣверу отъ Урги и представляютъ собою тѣ же широкія, плоскія и котловинообразныя впадины, отдѣленныя одна отъ другой цѣпями плоскихъ горъ. Травянистая растительность этихъ мѣстъ даже теперь кажется довольно разнообразной и богатой; здѣсь, несомнѣнно, существуютъ правильные атмосферные осадки, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное количество выпадающихъ снѣговъ; одно только отсутствіе кустарниковъ нѣсколько отличаетъ эти мѣста, напримѣръ, отъ долины Кӯй-мӑндала; вопреки, наконецъ, увѣренію о полномъ отсутствіи здѣсь проточныхъ водъ, монголы называютъ не мало именъ мѣстныхъ ключей и ручьевъ, только не текущихъ въ линіи дороги.—Съ сопкою Мӯнхэ-тологӧй мы поровнялись въ 1 ч. 5 м. дня; она отстоитъ версты на $1\frac{1}{2}$влѣво отъ дороги, въ линіи которой за сопкою тянулась та же гладкая степь. День сегодня очень теплый: на солнцѣ даже жарко, но замѣчательно, что со стороны, противоположной солнцу, ухо замерзаетъ и его приходится отогрѣвать треніемъ. Въ 2 ч. 35 м. мы доѣхали до невысокой каменной гряды, именуемой Адӯнъ-чулӯ. Оба ската ея пологи и удобны для ѣзды, а на гребнѣ обнажившіеся камни стоятъ дорожкою, какъ будто уставленные человѣческою рукою. По южную сторону гряды, вправо отъ дороги, находится хорошій колодецъ. Это показалось мнѣ замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что вода въ этомъ колодцѣ, говорятъ, очень пріятная на вкусъ, а между тѣмъ въ линіи дороги непосредственно по спускѣ съ Адӯнъ-чулӯ залегаетъ обширный солончакъ, который, казалось бы, долженъ имѣть вліяніе на мѣстныя воды. За этимъ солончакомъ послѣдовала громадная долина, называемая Гунъ-худугы̆йнъ, миновавъ которую мы въ 6 ч. 15 мин. вступили въ холмы Ӱгӧмӯра и среди нихъ остановились для ночлега. Разговаривая съ подрядчикомъ о мѣстѣ нашей остановки, я замѣтилъ, что онъ показывалъ его мнѣ

издали не какъ обычно дѣлаемъ это мы, вытягивая указательный палецъ, а выпрямляя четыре пальца и пригибая большой къ ладони. Я спросилъ его объ этомъ обстоятельствѣ, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что именно такимъ образомъ нужно указывать мѣстность, чтобы не оскорбить духа-покровителя ея и не тыкать въ него однимъ пальцемъ какъ въ какую-нибудь домашнюю вещь. Замѣчательно, что на нашихъ старинныхъ иконахъ преподобные и святые основатели монастырей рисуются указывающими на основанныя ими обители также четырьмя, а не однимъ указательнымъ пальцемъ. Очевидно, это этикетъ общій всему востоку. На мѣстѣ своей стоянки я цѣлый вечеръ проговорилъ съ однимъ изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ. Онъ оказался для меня человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ въ томъ отношеніи, что носилъ званіе такъ называемаго «чиновника по милости», — хэшиктӯ-тӯшимэ̀ль». Предокъ его отличился передъ маньчжурскимъ правительствомъ еще въ войнахъ Галда̀нъ-цэрэ̀на и было убитъ въ сраженіи, за что сыну его и было пожаловано званіе «Хэрэглэкдэхӯ-тӯшимэ̀ль». Мой собесѣдникъ, Нэрэ̀нъ, былъ уже въ 5 колѣнѣ отъ этого своего предка. Онъ носилъ мѣдный шарикъ, и получалъ пенсію въ 25 ланъ, которая опредѣлена за его потомствомъ на вѣки (ӱрэ-тасура̀лъ-ӱгэ̀й). Нэрэ̀нъ подробно разказалъ мнѣ о постановленіяхъ богдоха̄нскаго правительства относительно «чиновниковъ по милости», изложеніе же этихъ постановленій читатели найдутъ въ III томѣ настоящаго труда, въ статьѣ о сословіяхъ у монголовъ.

16-е Ноября. Понедѣльникъ.

7 ч. утра —24°; 1 ч. дня —24°; 9 ч. вечера —21°.

Выѣхали въ 7 ч. 45 м. и первоначально слѣдовали между холмами Ӱгӧмӱр'а. Влѣво видно было небольшое озеро Хонго̀ръ-нӯръ, за которымъ съ восточной стороны дороги потянулись Эргэнэгӣйнъ-ӯла. Холмы Ӱгӧмӱр'а заканчиваются тремя горушками, именуемыми Гурбӯнъ-толого̀й. Переваливъ ихъ въ 9 ч. 45 м., мы вступили въ обширную степь, называемую въ ея сѣверной части Наранда̀й-аршда̄нту. Названіе это произошло, съ одной стороны, отъ протягивающихся здѣсь невысокихъ холмовъ Нара̀нъ, а съ другой — отъ находящагося у этихъ горъ минеральнаго источника, къ которому, говорятъ, въ лѣтнее время съѣзжается не мало больныхъ сифилисомъ и накожными сыпями. Какой составъ этого источника, мнѣ не удалось узнать въ точности, однако судя потому, что монголы разказывали о присущемъ ему отвратительномъ запахѣ, я предполагаю, что это сѣрный ключъ. Нѣсколько южнѣе та же долина носитъ названіе Тӱгӱрӣкъ. Въ этомъ урочищѣ оканчиваются земли хошӯна Пунъ-бэ̀йсэ и начинается хошӯнъ цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ цэцэ̀нъ-ха̄новскаго а̀ймака. Это назва-

ніе «цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ», собственно названіе временное и происходитъ оттого, что правитель этого хошӯна, имѣющій званіе бэ̀йлэ, отправляетъ теперь въ своемъ а̀ймакѣ должность цзя̀нь-цзюня. Болѣе постояннымъ можетъ быть признанъ титулъ его цэцэ̀нъ-бэ̀йлэ. Въ 1 ч. 30 мин. дня мы спустились отсюда въ пространную, круглую лощину, именуемую Шилѝйнъ-худу̀къ, отъ находящихся здѣсь колодцевъ. Здѣсь, въ сторонѣ, верстахъ въ двухъ отъ дороги, я увидалъ три табуна лошадей и, направившись къ нимъ, весьма счастливо нашелъ при нихъ завѣдующаго этими табунами та̀йчжія. Онъ разказалъ мнѣ, что табуны эти принадлежатъ хошӯну цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ и образовались не болѣе какъ лѣтъ десять назадъ по слѣдующему случаю. Въ ту пору у Китая были натянутыя отношенія съ Россіею; Монголія была объявлена на военномъ положеніи, въ Ургу былъ посланъ 500-ый отрядъ сначала сюань-хуа-фу'скихъ, а потомъ чаха̀рскихъ войскъ и наконецъ на должность ургинскаго маньчжурскаго амба̀ня былъ назначенъ славившійся своими способностями полководца, Си-чанъ. Прибывъ въ Ургу, новый администраторъ тотчасъ же замѣтилъ здѣсь массу безпорядковъ и несообразностей: дѣла велись медленно, страна истощалась отъ поборовъ, а командированные для охраны ея солдаты не получали своевременно жалованія и естественно вынуждаемы были или входить въ неоплатные долги у мѣстныхъ торговцевъ, или же заниматься мародерствомъ среди монголовъ. Основную причину всего этого, а особливо замедленій въ дѣлопроизводствѣ и полученіи содержанія военнымъ отрядамъ, Си-чанъ видѣлъ въ неправильной постановкѣ сообщенія Урги съ Пекиномъ и Улясутаемъ, т. е. резиденціей цзя̀нь-цзюня. Казенный почтовый трактъ изъ Урги въ Пекинъ идетъ на соединеніе съ Алтайскимъ въ урочищѣ Са̀ируъ-усу̀, а оттуда уже поворачиваетъ на юго-востокъ къ Калгану. Такимъ образомъ, разстояніе отъ Урги до Калгана по этой дорогѣ исчисляется minimum въ 1275 верстъ, тогда какъ по торгово-караванному тракту, оно едва достигаетъ 900 верстъ. Казенное сообщеніе съ Улясута̀емъ было еще болѣе поразительно по своему направленію. Слѣдуя изъ Урги въ Улясута̀й по казенному тракту, нужно сдѣлать 1635 верстъ, тогда какъ монгольскіе князья содержатъ между Ургою и Улясута̀емъ свое почтовое сообщеніе, дорога по которому исчисляется только въ 750 верстъ. Принявъ во вниманіе сказанныя обстоятельства, Си-чанъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ богдоха̄ну, въ которомъ излагалъ, что казенныя станціи алта̀йскаго тракта въ настоящую пору являются страшно истощенными отъ множества разъѣздовъ, а между тѣмъ пользы отъ ихъ дѣятельности собственно для восточной Халхи, и въ частности для Урги, очень мало, потому что алта̀йскій трактъ и по отношенію

къ Пекину, и по отношенію къ Улясутаю черезъ чуръ кружен̈ъ. Амбань предлагалъ поэтому устроить отъ Урги два новыхъ и прямыхъ почтовыхъ тракта: отъ Урги до Калгана и отъ Урги до Улясутая. Основаніе послѣдняго, по словамъ его, не представляло особенныхъ затрудненій тѣмъ больше, что сношенія съ Улясутаемъ не особенно велики: направленіе пути здѣсь было извѣстно, станціи готовы, нужно было только соединить вмѣстѣ составъ отбывающихъ почтовую повинность тушэтуй-хановцевъ и цэцэнъ-хановцевъ и трактъ былъ бы готовъ. Что касается прямаго сообщенія между Ургою и Калганомъ, то здѣсь амбань предлагалъ: а) избрать Чойринскій трактъ, какъ самый ближайшій; б) учредить на немъ 20 новыхъ станцій; в) въ виду имѣющаго быть сокращенія въ движеніи по алтайскому тракту, взять съ онаго 36 почтовыхъ семей западныхъ аймаковъ [1]) и перемѣстить ихъ на вновь открываемый трактъ; наконецъ, г) привлечь къ отбыванію почтовой повинности на этомъ трактѣ внутренніе хошуны, особливо Сунитовъ и Абага, которые нигдѣ не несутъ на себѣ этого рода обще-государственной службы. Докладъ этотъ былъ переданъ богдоханомъ на обсужденіе сановникамъ, при чемъ Ли-фань-юань почелъ долгомъ, прежде всего запросить объ удобствахъ и потребностяхъ этой реформы самихъ монгольскихъ князей. Между сеймовыми старшинами произошелъ первый расколъ: восточные аймаки, которымъ было выгодно отбывать повинность ближе, стояли за новый трактъ; западные, которымъ прямо заявлялось, что съ нихъ потребуютъ 36 семей (а можетъ быть и больше?) для отбыванія службы за 1000 верстъ отъ родины, были противъ него. Завѣдывавшіе самымъ алтайскимъ трактомъ князья писали, что хотя объединеніе на ихъ трактѣ путей изъ различныхъ городовъ и дѣйствительно тяжело, однако они полагаютъ, что эта трудность будетъ все-таки легче для страны, чѣмъ содержать лишній почтовый трактъ, потому что при перевозкѣ пакетовъ почтарю рѣшительно все равно везти ли одинъ пакетъ, или десять; а при перевозкѣ казенныхъ провіантовъ и посылокъ относительная величина каравановъ даетъ возможность сокращать число людей: если вмѣсто 20 извозчиковъ послать 15, то это не произведетъ особыхъ затрудненій. На всѣ эти отвѣты Си-чанъ написалъ соотвѣтствующую отповѣдь, указывая, что монголы лѣнивы и лукавы; что замедленіе въ дѣлахъ происходитъ какъ вслѣдствіе кружности дороги, такъ и въ силу того, что почтари, получивъ казенную бумагу, не пересылаютъ ее тотчасъ же дальше, а поджидаютъ другихъ пакетовъ, чтобы отправить ихъ вмѣстѣ и такъ далѣе. «Урга, говорилъ онъ, мѣстность пограничная съ

1) Сайнъ ноинновскаго и Цзасакту хановскаго.

Россіею и для безопасности Имперіи требуетъ скорѣйшихъ сношеній съ центральнымъ правительствомъ. Этимъ аргументомъ Си-чанъ надѣялся многое сдѣлать въ Пекинѣ, а имѣя свою поддержку въ министерствахъ, считалъ начатое имъ дѣло уже оконченнымъ и даже сдѣлалъ распоряженіе по восточнымъ àймакамъ, чтобы они готовились къ обоснованію станцій. Ли-фань-юань, впрочемъ, взглянулъ на дѣло иначе и доложилъ богдохāну, что въ виду, съ одной стороны, несомнѣнной важности и пользы проекта, а съ другой—возникшихъ несогласій по этому вопросу въ средѣ самихъ монголовъ, онъ опасается какъ бы внезапнымъ измѣненіемъ существующаго порядка не произвести бо̀льшихъ опущеній; а потому просилъ высочайшаго разрѣшенія командировать двухъ своихъ сановниковъ для разслѣдованія дѣла на самомъ мѣстѣ. Богдохāнъ далъ, конечно, разрѣшеніе, почему изъ Пекина были посланы въ Монголію амба̀ни Цянъ-си и Дугà̀ръ; но пока собирали они свои данныя, Си-чанъ былъ переведенъ изъ Ургѝ и дѣло это лишилось своего главнаго ходатая. Въ то же время, говорятъ, Сунѝты и Абага̀, а равно халхасы западныхъ àймаковъ дали взятку амба̀нямъ, и, возвратившись изъ командировки, они представили свои отзывы въ крайне невыгодномъ для Си-чана свѣтѣ. Старшій изъ этихъ амба̀ней, Цянъ-си, изложивъ мотивы, представленные Си-чаномъ, писалъ, что хотя проектъ этотъ заманчивъ и соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени, тѣмъ не менѣе Си-чанъ вовсе не открылъ новости. Алта̀йскій трактъ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ и не въ первый разъ испытываетъ онъ трудное время отъ множества дѣлъ. Си-чанъ заботился лишь объ Ургѣ; но онъ забылъ, что по алта̀йскому тракту идутъ также казенные пакеты и посылки, а равно ѣдутъ чиновники въ Улясута̀й, Кобдò, во всѣ мѣстности по Бэй-лу и далѣе въ Илѝ и Тарбагата̀й. Уменьшать поэтому число служащихъ на этомъ трактѣ, хотя бы 36 семьями невозможно. Урга—это ничтожная единица, на которую рѣдко и обращается вниманіе, между тѣмъ въ Кобдò и другихъ сѣверо-западныхъ городахъ требуется постоянное присутствіе охранныхъ войскъ; Или требуетъ также заботъ о благоустройствѣ на далекое будущее время; туда равнымъ образомъ нужно много перевозить и денегъ, и провьянта, для чего требуется военная охрана. Если обосновать два новыхъ тракта, то для пересылки денегъ въ Ургу по этимъ трактамъ нужно поставить на нихъ и соотвѣтственную охрану, содержать же таковую постоянно—выше силъ монголовъ. Въ настоящую пору при случаяхъ чрезвычайнаго движенія по алта̀йскому тракту, собираютъ лошадей и верблюдовъ со всѣхъ хошӯновъ; при основаніи новыхъ трактовъ не трудно дойти до того положенія, что и вспомоществовать станціямъ будетъ некому и нечѣмъ. Далѣе Си-чанъ, удостовѣряя трудность отбыванія почтовой гоньбы и не-

счастное положеніе почтосодержателей, указывалъ, что многіе почтари прямо разбѣжались, за невозможностью жить на станціяхъ и полнымъ неимѣніемъ для сего средствъ; но въ такомъ случаѣ лучше выдать имъ нѣсколько десятковъ тысячъ ланъ и привести ихъ въ должное состояніе. Си-чанъ, предусматривая это, говоритъ, что станціонные монголы алтайскаго тракта будутъ всегда страдать и нести службу не охотно, потому что, принадлежа главнымъ образомъ цэцэнъ-хановскому и тушэтуй-хановскому аймакамъ, они принуждены нести службу вдали отъ родины. Но на вновь основываемые тракты онъ уже теперь требуетъ 36 семей изъ западныхъ аймаковъ; развѣ они не будутъ точно также страдать, отбывая службу вдали отъ родины?

Другой командированный амбань, Дугаръ, доложилъ только, что, по его наблюденіямъ, западные аймаки Халхи за послѣднее время изъ года въ годъ подвергались различнымъ физическимъ бѣдствіямъ и никакое новое увеличеніе для нихъ налоговъ рѣшительно не возможно.

По такимъ донесеніямъ спеціальныхъ развѣдчиковъ, дѣло обоснованія трактовъ было отклонено на неопредѣленное время. Но мы видѣли уже, что Си-чанъ въ свою пору даже извѣстилъ восточные аймаки, чтобы они готовились къ отбыванію почтовой службы и устройству станковъ. Въ силу такого оповѣщенія, цзянь-цзюнь бэйлэ и собралъ въ своемъ хошунѣ эти три табуна лошадей, разсчитывая ими не только отбывать почтовую гоньбу за свой хошунъ, но еще и брать ацокъ съ западныхъ аймаковъ. Онъ посылалъ даже этого тайчжія въ цзасактуханновскій аймакъ для соотвѣтствующихъ переговоровъ, при чемъ было условлено, что хошунъ цзянь-цзюнь бэйлэ будетъ отбывать службу за 18 юртъ, или семей, съ платою за каждую юрту по 200 ланъ. Получить однако такой выгодный подрядъ ему не удалось и лошади, собранные съ хошунныхъ податныхъ, доселѣ гуляютъ на свободѣ какъ принадлежащія хошунному управленію и составляющія общественную собственность въ хошунѣ.

Въ этихъ бесѣдахъ я провелъ цѣлыхъ два часа съ тайчжіемъ, а засимъ, распростившись съ нимъ, отправился догонять свой караванъ. По разказамъ жены, они въ 2 ч. 10 м. поднялись на невысокій увалъ Цахаръ-уха, за которымъ послѣдовала для нихъ огромная слабо-волнистая степь, ограничиваемая на югѣ рядомъ горъ, носящихъ различныя названія, таковы, начиная съ востока къ западу: Цзара-ула, Сансаръ, Хутухту-ула и другія. Самая степь эта близъ Цахаръ-уха называется Цахаръ-тала. На половинѣ этой Цахаръ-тала я догналъ свой караванъ. Далѣе она смѣняетъ свое названіе на Тэрхэтыйнъ-тала, отъ имени колодца. Не доѣзжая этой Тэрхэтыйнъ тала, мы въ $6\frac{1}{2}$ ч. вечера остановились для ночлега.

17-е Ноября. Вторникъ.

7 ч. —26½°; 1 ч. дня —15°; 9 ч. веч. —21°.

Выступили въ 7 ч. утра и продолжали путь по той же степи, которая здѣсь начинаетъ носить названіе Тэрхэтыйнъ-талà; подобнымъ же образомъ она мѣняетъ свое названіе у колодцевъ Эбицэ и Гашӯнъ, называясь послѣдовательно Эбицэйнъ-талà и Гашӯнай-талà. Какихъ-либо видимыхъ знаковъ, уваловъ, или ложбинокъ, которыя отдѣляли бы степь одного названія отъ продолженія ея подъ другимъ названіемъ, не существуетъ: на всемъ этомъ пространствѣ тянется равнина гладкая какъ столъ и усѣянная щебнемъ и камешками кремнистой породы; повидимому, просто мѣстность, ближайшая къ колодцу Эбицэ, называется Эбицэйнъ-талà, а ближайшая къ Гашӯну, Гашӯнай-талà. Колодецъ Гашӯнъ лежитъ параллельно базальтовымъ горамъ Цзарā-ӯла, оттого онъ имѣетъ еще болѣе полное названіе Цзарāгійнъ-гашӯнъ. Ближе къ горамъ Цзарā имѣется небольшой ключъ, текущій потомъ незначительнымъ ручейкомъ и исчезающій подъ землею. Мы достигли этого колодца Гашӯнъ въ 1 ч. 30 м. дня. Отсюда начинается пологій скатъ къ югу, носящій названіе Ӱгӧмӱръ. Спустившись по нему, мы переѣхали по льду довольно значительный ручей, Ӱгӧмӱръ, проточная вода въ которомъ никогда не изсякаетъ лѣтомъ и не вымерзаетъ зимою. Отъ береговъ его въ 2 ч. 50 м. начали подниматься на увалъ, именуемый Арӯ-хӱтӱл'емъ. На вершинѣ его имѣется также колодецъ сажени въ двѣ глубиною и съ количествомъ воды, достаточнымъ для самыхъ большихъ каравановъ. Отсюда дорога становится каменистѣе и вскорѣ вступаетъ въ небольшое ущелье, образуемое пологими боковинами горы Сансàръ. Растительности въ этомъ ущеліи нѣтъ никакой и оно цѣликомъ наполняется мелкими обломками гранита. Сама гора Сансàръ кажется громадною для давно уже отвыкшаго отъ высокихъ горъ глаза, и во всякомъ случаѣ послѣ перевала черезъ отроги Гэнтэя мы не видали такой высокой горы. Въ сторону дороги она ниспускается ровною и мягкою возвышенностью, а на западѣ образуетъ коническую вершину, при чемъ обнаженные гранитные утесы по боковинамъ ея смотрятъ съ какимъ-то грознымъ величіемъ. Подрядчикъ мой сказывалъ мнѣ, что встарину владѣнія цзянь-цзюнь бэйлэ доходили на сѣверъ только до этой горы и лишь впослѣдствіи они увеличились на счетъ земель Пунъ-бэйсэ. До параллели Сансàръ-ӯлы мы дошли въ 4 ч. 10 м. Обогнувъ ее съ восточной стороны, дорога наша спустилась въ неширокую долину, по которой мы продолжали свой путь до урочища Гэрь-чулӯ, а въ этомъ послѣднемъ остановились для ночлега въ 6 ч. вечера. Во весь нынѣшній день мы не видали не только ни одного человѣка, но даже и ни одного живого существа.

18-е Ноября. Среда.

7 ч. утра —23½°; 1 ч. дня —16°; 9 ч. веч. —20½°.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра и продолжали путь по той же каменистой долинѣ. Щебнемъ усѣяна вся дорога и по сторонамъ ея безпорядочно располагаются камни въ видѣ отдѣльныхъ, громадныхъ валуновъ, сажени по три—четыре вышиною, съ соотвѣтственнымъ обхватомъ. Въ 8 ч. 30 м. достигли небольшой ложбинки, именуемой Цагàнъ-худугìйнъ-гӧлъ, а за этою рѣчушкой потянулась опять та же долина до ручья Ӯлцзӯрыйнъ-булӯкъ. Подъемомъ отъ этого ручья начинаются возвышенности массива Богдò-ӯлы. Въ общемъ массивъ этотъ имѣетъ, кажется, одинаковые составъ и строеніе съ видѣнною нами вчера Сансàръ-ӯлой, только онъ гораздо больше этой послѣдней. Тѣ же оголенные утесы крупнозернистаго гранита по сторонамъ горы, тѣ же обнаженные гребни на ея вершинахъ, въ нижней своей части окутанные какъ будто бахрамою осыпями мелкихъ камешковъ; отдѣльно отъ главной горы высятся еще цѣлыя массы каменныхъ массивовъ, являющихся то въ видѣ громадныхъ валуновъ, то въ видѣ продолговатыхъ увaловъ съ такими же каменными гребнями, какъ и на главной горѣ. Дорога лавируетъ между этимъ царствомъ гранита и порфировъ, изрѣдка переваливая черезъ невысокіе каменные же увалы. И вдругъ среди давно уже невиданныхъ признаковъ человѣческой жизни намъ предстало поразительное зрѣлище: это были груды заготовленнаго на топливо сушенаго навоза (аргàлъ), въ количествѣ не менѣе 15,000 кубическихъ саженей. Во всю свою поѣздку по Монголіи я не видалъ ничего подобнаго; но оказалось, что мы и подъѣзжаемъ къ необыкновенному для сравнительно безплодной степи пункту. Это былъ Чòйрайнъ-хӯрэ̄, живописный видъ котораго вскорѣ показался намъ при поворотѣ за одинъ изъ безчисленныхъ каменныхъ массивовъ. Чòйрайнъ-хӯрэ̄ раскидывается въ котловинѣ и по боковинамъ Богдò-ӯлы, имѣя въ окружности не менѣе двухъ верстъ. Масса глинобитныхъ бàйшиновъ, окрашенныхъ въ бѣлую краску и составляющихъ лѣтнія жилища ламъ, представляла собою превосходное зрѣлище, а среди ихъ, на полугорѣ высились три блестящихъ золотомъ и разноцвѣтными красками кумирни тибетской архитектуры. Такъ какъ подрядчикъ мой состоялъ ламою Чòйринскаго-хӯрэ̄ня, то мы въ 11 ч. 15 м. заѣхали къ нему и пробыли у него около 3 часовъ, успѣвъ за это время позавтракать и напиться чаю.

Чòйрайнъ-хӯрэ̄ является самымъ большимъ изъ монастырей хошӯна цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ и по времени своего основанія относится къ первымъ годамъ правленія Цянь-луна. Въ настоящую пору въ монастырѣ этомъ числится до 1500 ламъ и въ административномъ отношеніи онъ раздѣляется

на четыре а̀ймака, или, какъ зовутъ здѣсь, «чжисā»: Цанѝтъ-чжисā, Чжудъ-чжисā, До̀йнкоръ-чжисā и Манба̀-чжисā (= община лѣкарей). Замѣчательно, что при такомъ обиліи ламъ, всѣ они принадлежатъ исключительно хошӯну цзя̀нь-цзюнь бэ̀йлэ и, мало того, въ Чо̀йрайнъ-хӯрэ̄ даже существуетъ прямое постановленіе не принимать ламъ изъ другихъ хошӯновъ. Живетъ эта масса монаховъ, повидимому, совершенно безбѣдно, проводя лѣто въ ба̀йшинахъ, а зиму въ войлочныхъ юртахъ. Хубилга̀новъ или какихъ-либо особыхъ святынь здѣсь не имѣется, но монастырь, говорятъ, отличается строгостью своей жизни; съ внѣшней стороны это поддерживается воспрещеніемъ не только селиться, а даже пріѣзжать въ монастырь китайскимъ торговцамъ. Такимъ образомъ здѣсь нельзя найти ни нарядовъ, ни лакомствъ, ни водки; и это, конечно, значительно поддерживаетъ нравственность ламъ. Хура̀лы совершаются ежедневно; но расходы монастыря на эти хура̀лы поразительны по своей незначительности, какъ пришлось мнѣ узнать это изъ просмотра записей мѣстнаго нирбы̀, или казначея.

Вотъ, напримѣръ, расходы за истекшую девятую луну:

Шафрану и сахару-леденцу на 150 чеховъ.

10 связокъ курительныхъ свѣчей на 120 чеховъ.

Бумажекъ, сжигаемыхъ передъ кумирами, пистоновъ и китайскихъ булочекъ на 120 чеховъ.

На угощеніе ламъ при совершеніи хура̀ловъ (манцза): два кирпича чая — 1200 чеховъ.

1 мѣра (сӯлга) и 5 гарнцевъ (шэнъ) ячменной муки 690 чеховъ.

3 гина (4½ Ф. коровьяго масла 350 чеховъ).

3 гарнца соли — 330 чеховъ.

1 гинъ коноплянаго масла 135 чеховъ.

На угощеніе ламъ и расходы при служеніи въ цокчѝнѣ 25 числа:

22 гина пшеничной муки 792 чеха.

100 гиновъ коровьяго и бараньяго мяса 2700 чеховъ.

Дикаго луку (сонгина̀) и китайскаго уксусу на 60 чеховъ.

2 чи да̀бу — 80 чеховъ.

На отопленіе въ кумирняхъ — 2000 чеховъ.

На лампады, 11 гиновъ коровьяго масла — 300 чеховъ.

Всего слѣдовательно около 9000 чеховъ, или около 12 р. с. въ мѣсяцъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что запись эта представляетъ собою достовѣрную монастырскую отчетность казначея, но какимъ образомъ можно обходиться такими незначительными расходами, сказать положительно не могу, ибо нирба̀ могъ сказать только мнѣ, что расходы именно таковы, а пронаблюдать и провѣрить ихъ мнѣ не представлялось возможности. Другіе мѣсяцы

были почти подобны настоящему, за исключеніемъ лишь цагàнъ-сарà и мѣсяца круговращенія Мàйдари. Всѣ ламы Чòйрайнъ-хўрѣ живутъ въ монастырѣ на свой счетъ, или, лучше сказать, получаютъ пропитаніе и все необходимое для жизни отъ своихъ степныхъ родственниковъ. Чай, мануфактуры и другіе продукты, не производимые степью, но пріобрѣтаемые отъ китайцевъ, ламы Чòйрайнъ-хўрѣня предпочитаютъ получать изъ Калгана, основательно полагая, что хотя Калганъ и дальше отъ Чòйрана, тѣмъ не менѣе самые продукты продаются въ немъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Ургѣ.

Помимо этого Чòйрайнъ-хўрѣ, называемаго собственно «восточнымъ монастыремъ Чòй-ра» (ᠵᠡᠭᠦᠨ ᠵᠤ ᠬᠠᠢᠷ ᠬᠠᠷᠠ), въ хошўнѣ цзянь-цзюнь бэйлэ имѣется еще шесть большихъ хўрѣней, а именно: 1) Барўнъ-чòйра; 2) Шарнўтъ-ламримыйнъ-хўрѣ; 3) Наратўйнъ-хўрѣ; 4) Нўдўнэй-хўрѣ; 5) Цōройнъ-ламримàй-хўрѣ и 6) Дуншúкъ-хўрѣ; другихъ, малыхъ монастырей имѣется до 15-ти.

Изъ Чòйрайнъ-хўрѣня мы выѣхали въ 2 ч. 30 м. дня и первоначально выбрались изъ монастырской котловины на лобное мѣсто Мандалтў, а отсюда начали пробираться къ юго-востоку, по ущелью, образуемому развѣтвленіями Богдò-ўлы. По ущелью этому протекаетъ ручей живой воды, именуемый Халю̄тайнъ-гōл'омъ; изъ котораго ламы не берутъ однако воды, довольствуясь находящимися въ монастырѣ тремя колодцами. Берега Халю̄тайнъ-гōла весьма каменисты. Въ 3 ч. дня теченіе его уклонилось влѣво отъ дороги и тамъ, говорятъ, онъ скоро скрывается подъ землею. Продолжая лавировать между каменными глыбами, мы въ 3 ч. 30 м. спустились въ лощинку, именуемую Тāгыйнъ-тòйримъ. Посреди ея располагается небольшое озерко, воды котораго славятся у мѣстныхъ монголовъ своею доброкачественностью. Отсюда дорога поднимается на скалистую возвышенность, съ которой въ 3 ч. 50 мин. мы, по каменистому увалу, именуемому Хадàйнъ-дабāту, спустились въ песчано-каменистую долину потока Булингà-усў, протекающаго саженей 200 и засимъ сливающагося съ рѣчушкою Уянай-усў. Отсюда въ 4 ч. 20 м. поднявшись на кочковатую долину Хэльтэгэй-хонгòръ, мы вступили далѣе въ громадную степь Бильгúхъ, по которой ѣхали часа три, и, миновавъ Бильгихìйнъ-амà, образуемое двумя увалами, остановились для ночлега при колодцѣ Бильгúхъ-худўкъ въ 8 часовъ вечера.

19-е. Ноября. Четвергъ.

7 ч. утра —25°; 1 ч. дня —15¾°; 9 ч. вечера —20½°.

Выѣхали въ 9 ч. 15 м. и продолжали путь по той же долинѣ Бильгúхъ; мѣстами здѣсь попадаются розсыпи бѣлыхъ, очень красивыхъ камеш-

ковъ; тѣмъ не менѣе мѣсто это считается у монголовъ проклятымъ съ тѣхъ поръ, какъ на немъ лѣтъ 10 тому назадъ умеръ сопровождавшій русскую тяжелую почту казакъ Нѣмчиновъ. Дѣло это въ свою пору надѣлало много шума у монгольскихъ князей и амбаней, создавшихъ изъ него цѣлый и важный вопросъ, который въ отвлеченіи можно было бы назвать вопросомъ о правѣ русскихъ на погребеніе своихъ покойниковъ въ монгольской степи, на мѣстѣ ихъ смерти. Отчеты объ этомъ дѣлѣ въ свою пору проникли даже въ китайскую газету Шэнь-бао. Началось съ того, что, получивъ извѣщеніе о смерти Нѣмчинова, исправлявшій тогда должность нашего консула въ Ургѣ, В. М. Успенскій, обратился къ ургинскимъ амбанямъ за содѣйствіемъ къ погребенію покойнаго на мѣстѣ его смерти. Амбани отвѣтили на это, что въ трактатахъ подобныхъ случаевъ погребенія не предусмотрѣно и русскіе, проживающіе въ Монголіи, могутъ хоронить своихъ покойниковъ только на отведенномъ для нихъ мѣстѣ, въ Ургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Успенскій не особенно-то обратилъ вниманіе на это заявленіе, а послалъ своихъ людей и приказалъ имъ схоронить бѣднаго Нѣмчинова; но ургинскіе амбани не успокоились и обнародовали по всей Восточной Монголіи прокламацію, которою всѣмъ вообще князьямъ внушали, гдѣ и какъ нужно хоронить русскихъ покойниковъ, а ламамъ хошуна цзянь-цзюнь бэйлэ приказывали совершить освященіе мѣста, сдѣлавшагося зачумленнымъ со времени погребенія на немъ Нѣмчинова. «Въ Монголіи», писали они, «очень много мѣстностей священныхъ для народа, а свободныхъ для погребенія русскихъ почти нѣтъ. Если умретъ кто-нибудь изъ русскихъ, то вообще ихъ нужно хоронить къ востоку отъ Хурѣня, въ мѣстности, не особенно уважаемой монголами. Что касается мѣста погребенія настоящаго русскаго казака, то оно находится на дорогѣ между Пекиномъ и Хурѣнемъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. По дорогѣ этой туда и сюда проходитъ много народа и тутъ же лежатъ зимнія кочевья хошуна цэцэнъ-бэйлэ. Тамъ приносятся моленія о долголѣтней жизни царствующаго богдохана, а вблизи находятся священныя горы Оголъ и Хонгоръ, издавна назначенныя предками мѣстнаго князя для совершенія на нихъ жертвоприношеній. Погребеніе тамъ трупа весьма непріятно генію, покровителю этой мѣстности, которая посему должна будетъ погибнуть отъ засухи: тамъ будутъ дуть постоянные и сильные вѣтры, трава не будетъ расти, проѣзжіе люди непремѣнно будутъ падать съ лошадей и умирать на мѣстѣ, распространяя заразу». Какъ на грѣхъ, въ слѣдующемъ году въ хошунѣ цэцэнъ-бэйлэ дѣйствительно случился падежъ скота и засуха и все это было, конечно, приписано погребенію Нѣмчинова. Ламы, говорятъ, цѣлый мѣсяцъ служили здѣсь свои молебствія и только послѣ сего имъ удалось «подавить» буку,

наводившаго несчастія. Теперь объ этомъ событіи уцѣлѣли только слабыя воспоминанія, но они все же живутъ еще въ народѣ.

Въ 10 ч. 35 м. мы добрались до невысокой черной сопки, именуемой Ханы̀нъ; она отстоитъ вправо отъ дороги и даетъ свое названіе всей окружающей мѣстности. Дорога въ параллели этой сопки спускается въ неглубокую лощину, въ общемъ покатую къ югу, и слѣдуетъ по ней до новаго уклона въ ровную и совершенно круглую котловину Хабтага̀й (11 ч. дня). Поднявшись изъ этой послѣдней, мы вступили въ долину Бичжиту̀, славную своими розсыпями разноцвѣтныхъ камней. Это въ самомъ дѣлѣ поразительное зрѣлище. Пространство на цѣлыя пять, или шесть верстъ образуетъ какъ бы узорчатый каменный коверъ. Безчисленное количество разноцвѣтной гальки, отполированной въ самыя причудливыя формы, черные и темно-сѣрые кварциты, обломки яшмы, агата, халцедона, желтаго и краснаго сердолика, бѣлые кристаллическіе известняки съ чешуйками желѣзнаго блеска, красные песчаники, слюдистый кварцитъ, окаменѣвшіе кусочки красной, зеленовато-бѣлой и зеленовато-сѣрой глинъ, розовыхъ мергелей и другихъ камней, имени которыхъ я и назвать не умѣю, буквально устилаютъ всю степь въ самыхъ разнообразныхъ, конечно, сочетаніяхъ. Сначала мы набросились-было на эту диковинку, но потомъ стали собирать ее съ большимъ разборомъ и тѣмъ не менѣе жена моя въ теченіе какихъ-нибудь получаса собрала больше пуда причудливыхъ камешковъ. Долиною Бичжиту̀ мы шли до 12 ч. 40 м. Она смѣняется урочищемъ Шара̀-хо̄лой, на южномъ концѣ котораго находится колодецъ Булукту̀-гашӯнъ. Самое слово «гашӯнъ» — горько-соленый, не особенно рекомендовало достоинство его воды; тѣмъ не менѣе проводники наши говорили, что лучшей воды намъ сегодня не видать, а потому, въ 1 ч. 55 м. дня, мы забрали съ собою отсюда льда, чтобы растопить его къ чаю на мѣстѣ ночлега. Отсюда мы начали подниматься на длинный и пологій увалъ, Хада̄малъ; — въ верхней своей части увалъ этотъ очень каменистъ. Съ него мы въ 3 ч. 15 м. спустились въ каменистую, песчаную долину Хӯръ, а изъ этой послѣдней поднялись на увалъ Цага̀нъ-у̀нду̀ръ, за которымъ передъ нами открылась цѣлая группа холмовъ, имѣющихъ замѣчательно однообразныя, остроконечныя вершины. Такія мѣста монголы называютъ «хэцэ̀»; а какъ здѣсь къ западу̀ отъ дороги возвышается довольно высокая скала Балѝнъ, то мѣсто это вообще носитъ названіе Балѝнъ-хада̀йнъ-хэцэ̀. Мы пріѣхали сюда въ 5 ч. вечера и далѣе слѣдовали по долинѣ весьма каменистой. Особливо каменистымъ является урочище Табу̀нъ-хара̀, до котораго мы добрались въ 6 ч. 35 м. вечера. Оно получаетъ свое названіе отъ пяти едва замѣтныхъ, впрочемъ, сопокъ, стоящихъ къ западу̀ отъ дороги. Въ 7 ч. 35 м. прибыли въ уро-

чище Мöнгöтӯ и, миновавъ ограничивающій его съ юга, каменистый увалъ Мöнгöтӯйнъ урдӯ-дэ̀ль, въ 8 ч. 15 м. остановились для ночлега. Въ долинѣ Мöнгöтӯ находится небольшое прѣсное озеро.

20-е Ноября. Пятница.

7 ч. утра —24°; 1 ч. дня —15¾°; 9 ч. веч. —21½°.

Выѣхали въ 9 ч. 15 м. утра и продолжали путь по той же ровной степи. Мѣстности поразительно однообразны, почва песчано-каменистая, растительности почти никакой. Въ 10 ч. спустились въ котловину, окруженную низенькими пригорками мягкихъ очертаній, съ вершинами, усѣянными мелкимъ щебнемъ. Здѣсь имѣется два ключа, а посреди котловины располагается гучжӣрное озеро, простирающееся на 300 саженей въ окружности и называемое Мӯ-усӯ. Имя свое оно сообщаетъ котловинѣ и всей окружающей мѣстности. Пить воды изъ него нельзя и соли не добывается. Отсюда, поднявшись на небольшой пригорокъ, мы вступили въ Самба̀йнъ-гò̀би. Это совершенно безплодная степь, покрытая галькой. Она идетъ нѣсколькими увалами, за однимъ изъ которыхъ лежитъ въ котловинѣ озеро Самба̀й-гò̀бійнъ-нӯръ. Вода въ немъ прѣсная и годная для питья. Мы подъѣхали къ нему въ 12 ч. дня. Отъ береговъ этого озера начинается пологій подъемъ къ небольшой сопкѣ, носящей названіе Цзӯтӯгэ̀йхонгò̀ръ, отъ параллели которой дорога слѣдуетъ верстъ 8—9 по совершенно ровной и гладкой степи, пока не достигаетъ котловины съ небольшимъ озеромъ. Мѣстность эта называется Алтагана̀; мы добрались до нея въ 3 ч. пополудни. Въ слѣдующей котловинѣ, называемой, отъ имени находящихся въ ней двухъ озеръ, Хара̀-нӯрыйнъ-хонхò̀ръ, находится очень хорошая вода, мы поэтому забрали здѣсь себѣ въ 3 ч. 45 м. нѣсколько кусковъ льда для употребленія его на ночлегѣ. Подъемъ изъ этой котловины образуетъ террасу, первую ступень которой составляетъ урочище Уйцзанъ. Оно сплошь усѣяно бугорками и пригорками песчанаго образованія, но покрытыми сверху мелкою травою и дэрэсӯномъ. Вторую ступень той же террасы составляетъ урочище Будà̀ръ. Издали эта ступень кажется отвѣсно стоящимъ яромъ; но, по мѣрѣ приближенія, рѣзкія формы сглаживаются, казавшіяся каменными утесами стѣны оказываются отдѣльно разбросанными по степи валунами, самая же ступень террасы принимаетъ очертанія довольно мягкаго подъема. Къ урочищу Будà̀ръ мы подъѣхали въ 5 ч. 15 минутъ. Отъ него началась ровная, мѣстами каменистая степь, по которой мы и ѣхали, минуя урочища и колодцы Цзӯнъ-улāнъ и Чулӯнъ-онгоцò. Въ 8 ч. вечера, переваливъ черезъ каменистый увалъ, мы заночевали въ урочищѣ Цзамы̀йнъ-чулӯнъ-табà̀къ.

Во весь сегодняшній день мы опять-таки не повстрѣчали ни одного

живого существа и вообще онъ прошелъ какъ-то однообразно до скуки. Можетъ быть, этому угнетенному состоянію способствуетъ и утомленіе. Девять дней мы уже въ дорогѣ и за все это время ни разу никто изъ насъ не снялъ шубы, оставаясь въ ней такъ, какъ надѣлъ еще въ Ургѣ. О томъ, чтобы умыть лицо или руки, не можетъ быть и рѣчи. Да и какъ снять шубу, или умываться? Всѣ дни, какъ и сегодня, морозъ свыше 20°. Человѣческаго жилища, помимо Чойрана мы еще не видали. Останавливаемся среди обнаженной, оледенѣлой степи и разставляемъ свои колышки, прикрывая ихъ войлокомъ, чтобы на ночь защититься отъ вѣтровъ. Подъ этимъ покровомъ мы устанавливаемъ и свои сѣдалища, одновременно служащія и постелями. Дабы не ложиться спать прямо на снѣгъ или на промерзшіе камни, я приказалъ въ Ургѣ сдѣлать намъ складныя кровати изъ 4-хъ деревянныхъ кольевъ, съ парусинной простилкой; хотя эти кровати возвышаются надъ землею не болѣе четверти аршина, но все же по крайней мѣрѣ не соприкасаешься прямо съ землею. Засимъ мы разводимъ костеръ, растопляемъ ледъ и кипятимъ воду для чая; тѣмъ временемъ выпиваемъ по рюмочкѣ водки и закусываемъ отогрѣтою на огнѣ, жареной въ Ургѣ бараниной. Когда кипятокъ готовъ, мѣсто его на таганѣ замѣняетъ котелъ, въ которомъ варится нашъ супъ, а мы начинаемъ пить чай. Послѣ двухъ-трехъ стакановъ, немножко отогрѣваемся и каждый начинаетъ записывать впечатлѣнія своего дня; не желающіе дѣлать этого ведутъ разговоры. Черезъ $1\frac{1}{4}$ часъ готовъ супъ, единственное блюдо нашего ужина; ѣдимъ и укладываемся спать какъ были, въ шубахъ, шапкахъ и мѣховыхъ сапогахъ, только на ночь каждый раскидываетъ еще на кровать войлокъ, при чемъ одна половина его служитъ матрацомъ, а другая — одѣяломъ; словомъ, всѣ мы завертываемся въ войлока съ головою, оставляя лишь небольшое отверстіе для воздуха. Поутру это отверстіе оказывается всегда не только заиндевѣвшимъ, но даже обледенѣлымъ. Спимъ не болѣе 6, или $6\frac{1}{2}$ часовъ; такъ что, улегшись въ 11 часовъ, въ $5\frac{1}{2}$ уже всѣ на ногахъ. Снова разводится огонь и кипятится вода сначала для чая, а потомъ для пельменей, которые мы веземъ изъ Урги въ замороженномъ видѣ. Къ 7 часамъ чай и завтракъ обыкновенно бываютъ уже окончены и мы начинаемъ готовиться къ дальнѣйшей перекочевкѣ. Болѣе раннее или позднее выступленіе въ походъ зависитъ отъ количества травы на мѣстѣ ночлега. Много ея,—верблюды наѣдаются скоро, и мы выступаемъ въ $7\frac{1}{2}$ часовъ; мало, — приходится кормить дольше, да и верблюды разбредаются по степи, такъ что уходитъ полчаса времени на то только, чтобы собрать ихъ. Движемся цѣлый день, безъ остановки, при чемъ нерѣдко приходится больше итти, чѣмъ ѣхать. Къ 12-ти часамъ дня обыкновенно всѣ голодны; а потому въ адми-

ральскій часъ снова, хотя и на ходу, всѣмъ полагается стаканчикъ водки и ломоть хлѣба съ кускомъ оставшейся отъ вчерашняго ужина, вареной баранины, или ветчины. То и другое является, конечно, съ прослойками льда и иной разъ просто хруститъ на зубахъ, но этого никто и не замѣчаетъ: радуясь наступленію адмиральскаго часа, всѣ, напротивъ, дѣлаются какъ-то говорливѣе и какъ будто оживаютъ въ это время. Отъ завтрака и до ночлега движемся уже безъ всякихъ развлеченій, а на ночлегѣ ежедневно повторяется уже описанная исторія. Сегодня однако былъ ночлегъ съ непріятными открытіями: во-первыхъ, я съ женою открылъ, что мы обовшивѣли а во-вторыхъ, ѣхавшій съ нами Пентеговъ открылъ, что колеса его телѣги такъ разбились о здѣшніе камни, что при дальнѣйшемъ движеніи ему грозитъ опасность бросить свою телѣгу среди степи. Подрядчикъ нашъ объявилъ, что верстахъ въ 15 къ западу отъ дороги кочуетъ одинъ богатый тàйчжи, у котораго, несомнѣнно, можно найти колеса телѣги на прокатъ и мы отправили къ этому тàйчжію одного изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ.

21-е Ноября. Суббота.

7 ч. утра —24°; 1 ч. дня —15°; 9 ч. вечера —17°.

Сегодня до $8^1/_2$ ч. утра и совершенно безполезно прождали отправленнаго вчера къ тàйчжію нашего погонщика-монгола. Онъ возвратился только къ этой порѣ и сообщилъ, что у тàйчжія есть дѣйствительно даже двѣ пары колесъ; но отдать ихъ на прокатъ до Калгана онъ соглашается не иначе, какъ по уплатѣ ему за одну пару большихъ и новыхъ колесъ 30 ланъ серебра (66 р.), а за другіе, поменьше и похуже, 25 ланъ серебра (55 р. сер.), при чемъ отвѣтственность за исправную доставку колесъ обратно возлагаетъ на Пентегова. Пославъ этому тàйчжію заочно титулъ «сумасшедшаго дурака», мы укрутили колеса Пентегова веревками и въ 9 ч. 30 м. двинулись въ дальнѣйшій путь. Миновавъ долину Цзамы̀йнъ-чулӯнъ-табàкъ, мы перевалили черезъ небольшіе холмы и въ 10 ч. 45 м. вступили въ урочищѣ Цзамы̀йнъ-цагàнъ-ихѝръ. Дорога пролегаетъ отсюда ровною степью, которая постепенно повышается къ югу, поднимаясь на едва замѣтные увалы, раскинувшіеся будто волны великаго моря на десятки верстъ. Въ 11 ч. 30 м. мы подъѣхали къ урочищу Дàйнъ-табàкъ, по которому проходитъ граница кочевьевъ хошӯна цзя̀нь-цзюнь-бэ̀йлэ съ хошӯномъ Мэргэ̀нъ-вàна тӯшѣтӯ-хāновскаго-àймака. Граница эта ничѣмъ не отмѣчается и извѣстна мѣстнымъ жителямъ, кажется, по преданію. Окрестныя мѣста каменисты, трава небольшая, но, говорятъ, весьма питательная для скота. Монголы считаютъ лошадей этой мѣстности за лучшихъ во всей Монголіи въ отношеніи ихъ выносливости. Единственными недостатками

ихъ считается то, что у всѣхъ у нихъ очень маленькія копыта и засимъ всѣ онѣ черезчуръ скоро съѣдаютъ свои зубы, такъ что въ 10 лѣтъ лошадь приходится уже убивать, въ силу неспособности ея къ дальнѣйшему питанію себя. Оба эти явленія несомнѣнно обусловливаются каменистою почвой мѣстности. Въ 12 ч. 15 м. мы достигли увала Шарà-дабā̀ту, получившаго за свою сравнительную высоту даже названіе перевала, хотя въ существѣ дѣла это не болѣе какъ одно изъ тѣхъ волнообразныхъ повышеній степи, которыя начались еще отъ Цзамы̀йнъ-цагàнъ-ихѝр'а. Въ Шарà-дабā̀ту мы снова повстрѣчали монгола, везущаго русскую легкую почту. Изъ бесѣды съ нимъ для меня выяснилось, что онъ принадлежалъ къ хошӯну бывшаго цзасакà Цзамьѝнъ-хорлò и даже отправлялъ прежде обязанности цзангѝна въ этомъ хошӯнѣ; но засимъ, не будучи въ состояніи вести исправно и общественныя, и свои частныя дѣла, отказался отъ этой должности и нанялся въ работники къ содержателю русской почты. Хошӯнъ бывшаго цзасакà Цзамьѝнъ-хорлò лежитъ къ западу отъ хошӯна Мэргэнъвà̀на, и нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія объ его положеніи были уже помѣщены мною въ XXII томѣ Зап. И. Р. Г. Общ. по Общей Географіи «на стр. 185—186» подъ названіемъ хошӯна цзасакà Цэбэ̀ка. Сынъ этого цзасакà Цэбэ̀ка былъ Цзамьѝнъ-хорлò, въ періодъ управленія котораго хошӯнъ этотъ, и до того времени весьма незначительный и бѣдный, дошелъ до крайняго положенія. По прослушаннымъ мною теперь разказамъ цзангѝна, хошӯнъ ихъ началъ особенно падать со времени хойхòйскаго погрома. Хойхòйцы, нападавшіе на хошӯнъ Мэргэнъ-вà̀на, на обратномъ пути своемъ къ западу, угнали массу скота и изъ хошӯна цзасакà Цэбэ̀ка; начавшіяся вслѣдъ за симъ военныя дѣйствія и исполненія требованій китайскаго правительства по снаряженію войскъ отразились на хошӯнѣ также губительно; а когда вслѣдъ за симъ Цэбэ̀къ умеръ и хошӯну пришлось хлопотать объ утвержденіи цзасàкомъ сына его Цзамьѝнъ-хорлò, то съ народа было взято уже все, что только было возможно взять. Хлопоты эти стоили хошӯну около 8,000 ланъ, и такая сумма пала обложеніемъ приблизительно въ 60 ланъ на каждую платную душу. Самъ Цзамьѝнъ-хорлò былъ, по выраженію цзангѝна, «нӯгӯльтэй-ноѝнъ», т. е. грѣховный правитель; отъ этого умеръ онъ бездѣтнымъ и хошӯнъ за время его управленія страдалъ отъ постоянныхъ физическихъ бѣдствій. Засухи лѣтомъ, холода зимою, болѣзни на людяхъ, падежъ на скотъ повторялись изъ года въ годъ. Цѣлыми годами люди не ѣли ничего, кромѣ «шаральджѝна» [1]): соберутъ его зерна, поджарятъ въ котлѣ, истолкутъ въ муку, да

1) Точно назвать этого растенія европейскимъ именемъ не умѣю.

и пьютъ съ чаемъ. Мы дошли до того», говорилъ цзангѝнъ: «что у насъ на три человѣка была одна лошадь и двѣ овцы. А между тѣмъ скотъ нужно было посылать и въ казенные табуны, и на станціи, и на караулы, и на отбываніе внутреннихъ повинностей. Конечно, всѣ налоги наши уплачивались по раскладкѣ другими хошӯнами, а мы имъ должали. Для уплаты этихъ долговъ нойнъ отбиралъ все, что только возможно. Иной лама, думая хоть какъ-нибудь пропитаться, пойдетъ въ другіе хошӯны съ «бадàромъ» [1]); по дорогѣ — гдѣ служитъ, гдѣ прочтетъ номъ, гдѣ полечитъ, и принесетъ домой то кусокъ дàбу, или далянбу, то два, три амà (квадрата) чицюйчоу. Цзамьѝнъ-хорлò и это отниметъ. Пріѣдутъ изъ другихъ хошӯновъ долги спрашивать, онъ и посылаетъ эти кусочки, выставляя ихъ по цѣнѣ въ три, четыре цѝна. Хошӯны знаютъ, что съ насъ получить нечего, берутъ и это. Въ 4-мъ году правленія Гуанъ-сюй (1878-мъ) нужно было посылать верблюдовъ въ Кобдò; съ нашего хошӯна приходилось уплатить 3 лана 6 цинъ 9 фынъ (около 7 р. 38 к.), мы и этого не могли; заплатилъ за насъ На-бэйсэ и въ 7-мъ году правленія послалъ требовать этотъ долгъ. Цзасàкъ—ко мнѣ: очередь уплаты этого долга была съ моего бàка. Ни у кого и ничего нѣтъ. Схватили дѣвченку девяти лѣтъ, продали китайцамъ и уплатили долгъ. Родители и весь бàкъ—на меня: ты, говорятъ, цзангѝнъ, а не отстаиваешь насъ; а у меня тоже ничего нѣтъ. Подумалъ я, да и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Теперь вотъ уже восемь лѣтъ, какъ Цзамьѝнъ-хорлò умеръ бездѣтнымъ. Есть ближніе родственники, къ которымъ управленіе хошӯномъ могло бы перейти по праву; но хошӯнъ еще такъ бѣденъ, что принять на себя новыхъ хлопотъ совершенно не можетъ. Такъ вотъ и живемъ мы 8 лѣтъ безъ князя; хошӯномъ управляетъ тусалакчѝ». — Разставшись съ цзангѝномъ, я догналъ свой караванъ въ долинѣ Сàйнъ-усỳ, получившей свое названіе отъ мѣстнаго колодца, до котораго мы добрались въ 4 часа. Здѣсь насъ догналъ одинъ изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ, который заявилъ, что потерялъ шесть верблюдовъ и не могъ найти ихъ. Волей не волей пришлось остановиться на ночлегъ, такъ какъ монголы, прислуживавшіе при караванѣ, должны были отправиться на поиски пропавшаго скота.

Чтобы пояснить этотъ случай, я долженъ напомнить, что караванъ, при которомъ мы ѣхали, составляли верблюды, гонимые въ Калганъ, чтобы поднять оттуда русскіе чаи. Такъ какъ верблюды эти были безъ вьюковъ, то ихъ полагалось на одного монгола головъ по 15-ти, при чемъ погонщики вели ихъ по обычному способу караваннаго движенія, т. е. передового

1) Монашеская чашка для милостыни.

верблюда погонщикъ велъ въ поводу, а прочіе бурундуками привязывались вереницею за сѣдло одинъ къ другому. Такая привязка совершается обыкновенно очень слабо и дѣлается это въ виду того, чтобы споткнувшійся верблюдъ (а они спотыкаются очень часто) не могъ разорвать себѣ ноздрю, сквозь которую бурундукъ продѣвается. Монголъ настолько беззаботенъ, что, разъ привязавши верблюда и двинувшись въ походъ, онъ даже никогда и не оглянется, цѣлы ли его верблюды и не отвязался ли который изъ нихъ. Такъ, несомнѣнно, было и въ данномъ случаѣ. Верблюды отвязались и остановились на дорогѣ, а монголъ ѣхалъ послѣ того еще, можетъ быть, часа два. Увидавъ, что верблюдовъ нѣтъ, онъ воротился назадъ, говоритъ, что изъѣздилъ всю мѣстность верстъ на пять и не нашелъ, а потому предполагаетъ, что они украдены. Непріятно было останавливаться такъ рано, но о верблюдахъ мы не особенно безпокоились, ибо знали уже по опыту, какъ все это можетъ случиться. Беззаботность монгольскихъ извозчиковъ поразительна, и на нашемъ пути уже много разъ случались такіе казусы: ведетъ монголъ въ поводу верблюда, запряженнаго въ китайскую телѣгу. Поводъ въ рукахъ, телѣга громыхаетъ такъ, что шумъ ея движенія слышенъ за полверсты; вдругъ поводъ изъ рукъ монгола выпадаетъ, везущій телѣгу верблюдъ останавливается, въ степи водворяется мертвая тишина, а погонщикъ все движется на своемъ верблюдѣ, совершенно не замѣчая, что онъ потерялъ телѣгу. Чтобы прослѣдить эту особенность, мы много разъ, нарошно, давали въ такомъ случаѣ проѣхать монголу саженей 30, а то и больше и только тогда крикомъ выводили его изъ созерцанія. О чемъ думаютъ эти философы, — одному Богу извѣстно.

22-е ноября. Воскресенье.

7 ч. —22°; 1 ч. пополудни —14°; 9 ч. веч. —18½°.

Выѣхали въ 9 ч. утра и поднялись на столообразную возвышенность, именуемую Цзамынъ-ширэ. По ровной и твердо песчаной долинѣ ея мы ѣхали до 10 ч. 15 м., пока ни спустились въ неглубокую котловину, носящую названіе Ӱцзӯръ. То же самое имя носитъ находящійся въ этой котловинѣ колодецъ, а равно и ограничивающія ее на югѣ горы называются Ӱцзӯръ-чжалцàй. Мы поднялись на первую ступень этихъ возвышенностей въ 11 ч. 20 м. Характеръ степи здѣсь нѣсколько измѣняется: она дѣлается песчаною въ котловинахъ и имѣетъ твердо-хрящеватый грунтъ на возвышенностяхъ. За первою ступенью Ӱцзӯра послѣдовало въ 12 ч. 30 м. еще три. Поднявшись на послѣднюю изъ нихъ, дорога спустилась въ обширную котловину Хонхòръ, по которой ѣхали болѣе часу, пока въ 4 ч. 5 м. ни поднялись на пологій увалъ, именуемый Мӯрӯй-улāнъ. Съ вершины его открывается видъ на пространство, усѣянное множествомъ овраговъ,

а спускъ съ Мӯрӯй-улāна на югъ гораздо круче подъема съ сѣверной стороны. Здѣсь мой подрядчикъ сообщилъ мнѣ, что онъ оставитъ часа на два нашъ караванъ, такъ какъ верстахъ въ трехъ отъ дороги кочуетъ его знакомый цзалàнъ Мэргэнъ-вàновскаго хошӯна, Шатдӯбъ-гомпѝлъ, празднующій полученіе дархàнства. Я также изъявилъ желаніе поѣхать къ нему и мы отправились, конечно, напрямикъ, безъ дороги. Путь нашъ проходилъ по песчанымъ оврагамъ, поросшимъ тощею травкой, а индѣ попадались и мощные кусты хараганы. Черезъ 25 мин. мы были у становища Шатдӯбъ-гомпила, располагавшагося въ одномъ изъ широкихъ враговъ. Цзалàнъ жилъ довольно богато. У него было три юрты. Въ одной, средней величины, крѣпкой и бѣлой кибиткѣ жилъ онъ самъ и она же была пріемною для гостей; во второй, большой кибиткѣ, помѣщалась семья цзалàна,— это была, такъ сказать, хозяйская кибитка, въ которой текла собственно домашняя жизнь; третья кибитка, такая же большая какъ и вторая, но покрытая уже старыми и почернѣвшими отъ времени кошмами, назначалась для жилища прислуги и въ ней же помѣщалась, такъ сказать, провьянтская кухня хозяина. Яснѣе: ежедневный свой чай и обѣдъ семья цзалàна варила въ своей жилой, второй юртѣ; но когда требовалось дѣлать заготовленія, напримѣръ, кипятить молоко для ӯрмэ, вялить, для заготовки въ прокъ, мясо цѣлаго быка, то все это дѣлается въ третьей юртѣ, называемой «боронай гэ̀рь» — сѣрая юрта. Всѣ три юрты стояли врядъ въ указанномъ порядкѣ, такъ что жилая, хозяйская юрта находилась всреди нѣ. Разстояніе между ними было шаговъ по 20-ти. На всемъ протяженіи трехъ юртъ, впереди ихъ тянулся обычный для всѣхъ обитателей средней гòби овечій «хорòнъ», или загонъ, сдѣланный изъ хӯрцэ̀на, но вышина его, аршина въ два, и полная неприкосновенность свидѣтельствовали о зажиточности хозяина. Пока мы клали своихъ верблюдовъ близъ «моринàй уӣ», къ намъ подбѣжали уже два сына цзалàна, мальчики лѣтъ 15 и 11, и поздоровались съ подрядчикомъ, который приказалъ имъ сказать отцу, что пріѣхалъ русскій ноѝнъ. Такимъ образомъ, хотя и за нѣсколько секундъ, но хозяинъ былъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ. Когда мы вошли въ главную юрту, въ ней сидѣли хозяинъ и восемь человѣкъ его гостей, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ мѣстный тусалакчѝ. Главное мѣсто занималъ хозяинъ, по лѣвую сторону его сидѣлъ тусалакчѝ. Всѣ они сидѣли запросто, безъ шапокъ и были уже красноватые и вспотѣвшіе отъ выпитаго вина, но ни одинъ изъ нихъ не былъ пьянъ. Передъ каждымъ гостемъ находился особый столикъ, на которомъ стояла чашка для вина и деревянная тарелка съ наложеными на ней: бисльѝкомъ, ӯрмэ, китайскими бӧбӧ, сушеными жужубами и шепталою. Вошедши въ юрту, мы, по обычаю, присѣли по правую

сторону очага и начали вынимать свои хадакѝ; хозяинъ между тѣмъ засуетился, ища свою шапку, и наконецъ, увидавъ ее лежащею на сундукѣ, шагахъ въ пяти, отправился туда, надѣлъ ее и сталъ на свое мѣсто. Я подалъ ему хадàкъ, и, принимая его обѣими руками и согнувшись, хозяинъ началъ благодарить меня, говоря, что онъ и не думалъ, чтобы на его праздникъ заѣхалъ къ нему русскій нойнъ, а потому и не успѣлъ надѣть шапки. Я просилъ его, исполнивъ должный обычай, не церемониться дольше и снять шапку; но онъ согласился на это лишь при томъ условіи, что я буду съ нимъ также безцеремоненъ, стану въ его домѣ своимъ человѣкомъ и займу его мѣсто. Съ этими словами онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто и заставилъ сѣсть на него, какъ ни отговаривался я отъ этой чести. Самъ хозяинъ помѣстился по правую мою сторону, а слѣва у меня очутился тусалакчѝ. Передъ нами тотчасъ же поставили столики съ обычными угощеніями и налили въ одну чашку теплой монгольской архѝ, а въ другую чаю. Омѣниваясь табакерками, мы начали разговоръ, который пошелъ сначала о томъ, кто я, куда и зачѣмъ ѣду; въ это время выяснилось, что цзалàнъ этотъ видѣлъ меня еще въ 1878 г., когда я жилъ у Ганчò; онъ говорилъ, что даже припоминаетъ теперь мое лицо, хотя я его рѣшительно не помнилъ. Вспомянули по этому случаю о покойномъ Ганчò и разговоръ сдѣлался общимъ. Тусалакчѝ между тѣмъ объяснялъ мнѣ причину настоящаго торжества. «Мы празднуемъ теперь», говорилъ онъ, «дархàнство цзалàна. О, этотъ Шатдýбъ-гомпѝлъ, можетъ быть, сàмый лучшій человѣкъ во всемъ мэргэ̀нъ-вàновскомъ хошýнѣ да и не только въ хошýнѣ, а и во всей Халхѣ такихъ поискать. Въ службѣ онъ никогда не извертывался такъ и этакъ, подобно другимъ и никогда не задержалъ никакого дѣла. Много лѣтъ служилъ онъ и не однѣми только податями всему àймаку. Когда вызывались войска изъ Хэй-лунъ-цзяна, отъ Чахàръ, изъ Сюань-хуа-фу, изъ Дай-туна, всѣхъ перевозили подъ его присмотромъ; то же было и когда потребовалось потомъ доставлять провьянтъ этимъ войскамъ. На почтовыя станціи со всѣхъ хошýновъ были вызваны хабсургà, т. е. вспомогательные подводчики, а гдѣ они осѣли и на какой станціи ихъ сколько, этого никто не знаетъ. Цзангѝны пишутъ сеймовымъ начальникамъ, что на столько-то юртъ нужно жалованье и провьянтъ, а вѣрно ли они пишутъ,—опять неизвѣстно. Конечно, наши цзангѝны обманывать не станутъ; но имъ и ошибиться было не трудно, ибо время было тяжелое. Положимъ, нынче въ Дагàнъ-дэ̀лѣ стоитъ десять юръ хабсургà; цзангѝнъ и требуетъ жалованья на десять юртъ; но пока ходитъ бумага, двѣ юрты переведены на Баѝнъ; посылаютъ жалованье въ Дагàнъ-дэ̀ль на 10 юртъ, а ихъ уже тамъ восемь. Да когда бы деньги-то однѣ, а то есть и цэцэ̀нъ-хāновскія, есть и наши, тýшэ̄тý-хāнов-

скія. Вотъ разобраться съ этимъ дѣломъ и было поручено Шатдȕбъ-гомпȉлу. Шесть лѣтъ онъ приводилъ въ порядокъ эти счеты; все высчиталъ и вывелъ на видъ, да и доказалъ, что мы больше 10,000 ланъ переплатили за цэцэ̀нъ-хāновцевъ. Развѣ это не невиданная польза àймаку? Сеймовой старшина затребовалъ ему награды. Пошли спрашивать по хошȳнамъ и управленіямъ: какія бываютъ награды за такія дѣла? Прежде всѣхъ указали ургинскіе амбàни, что въ ямунѣ ихъ хранится дѣлопроизводство о нѣкоемъ цзангȉнѣ, Тогòсѣ, который еще въ года правленія Дао-гуана отличился ревностнымъ исполненіемъ казенныхъ дѣлъ и за это самъ онъ, Тогòсъ, и сыновья его въ одномъ поколѣніи были избавлены отъ всякаго рода податей. Вслѣдъ за симъ прислалъ свое извѣщеніе цзȉнь-цзюнь; онъ писалъ, что у нихъ когда-то, въ старые годы, было даже составлено особое постановленіе, по которому лицъ, отличившихся неуклонною ревностью на службѣ въ теченіе 20 лѣтъ, надлежитъ награждать освобожденіемъ какъ отъ постоянныхъ и общихъ, такъ и отъ случайныхъ и частныхъ налоговъ: въ домахъ ихъ не останавливаются казенные курьеры и гонцы, а равно не берутъ и подводъ съ ихъ скота. Такое освобожденіе относится какъ до самихъ заслужившихъ его, такъ и до дѣтей ихъ въ теченіе одного поколѣнія. Впослѣдствіи, въ силу обѣднѣнія страны, рѣшено было съ такихъ дархàновъ брать только $^1/_3$ податей. Обсудивъ такой отвѣтъ, сеймъ халхаскихъ князей, принимая во вниманіе, что Шатдȕбъ-гомпȉлъ не только ревностно трудился 20 лѣтъ, но еще и отыскалъ àймаку свыше 10,000 ланъ его денегъ, опредѣлилъ: освободить Шатдȕбъ-гомпȉла и дѣтей его въ одномъ поколѣніи отъ всякаго рода постоянныхъ и случайныхъ налоговъ: посланцамъ у него не останавливаться и подводъ у него не брать; дальнѣйшую службу общественную предоставитъ его личной волѣ, князю же, безъ спроса, его ни на какую службу не назначать и наконецъ предоставить Шатдȕбъ-гомпȉлу кочевать по волѣ, гдѣ хочетъ. Богдоханъ утвердилъ это представленіе Такой чести удостоиваются очень немногіе, а потому тусалакчȉ предложилъ выпить за здоровье Шатдȕбъ-гомпȉла. Трудно представить себѣ что-либо отвратительнѣе отдающей саломъ и теплой сывороткой монгольской водки; однако нужно было пить. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ тусалакчȉ разказалъ мнѣ, по секрету, что у нихъ въ хошȳнѣ идутъ теперь большіе поборы. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году пекинское правительство смѣнило князя ихъ Мэргэ̀нъ-вàна, за «неспособность» къ управленію и назначило цзасакòмъ старшаго сына его. Въ чемъ выразилась эта «неспособность» тусалакчȉ не сказалъ, но, по отзыву его, Мэргэ̀нъ-вàнъ оказывается человѣкомъ лѣтъ 45 и очень энергичнымъ, а сынъ еле имѣетъ 18 лѣтъ и совсѣмъ еще мальчикъ. Ссылаясь на это,

Мэргэнъ-ванъ возбудилъ въ Пекинѣ ходатайство о возстановленіи его въ званіи цзасака, а для вящшаго успѣха въ ходатайствѣ производитъ теперь поборы въ хошунѣ. Просидѣвъ въ гостяхъ всего часа $1^1/_2$, мы стали собираться. Радушный хозяинъ никакъ не хотѣлъ отпустить насъ безъ ужина, тѣмъ болѣе что время онаго для монголовъ уже приближалось, но я отказался наотрѣзъ, ссылаясь на необходимость догнать караванъ. Подрядчикъ мой, повидимому, остался не особенно доволенъ этимъ рѣшеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ ѣхать. Караванъ свой мы догнали уже въ глубокія сумерки, около $7^1/_2$ часовъ, чѣмъ доставили большую радость начинавшей уже безпокоиться моей женѣ. По словамъ ея, со времени моего отъѣзда, они, отъ вершины Мӯрӯй-улāна, спустились въ гладкую степь и ѣхали по оной до горы, называемой Багà-ӯдэ; за симъ въ 5 ч. 30 м. обогнувъ эту гору по восточной сторонѣ, продолжали свой путь по той же равнинѣ доселѣ. Въ 8 ч. вечера мы остановились на ночлегъ у колодца Ӱргӯнъ-улāнъ.

23-е Ноября. Понедѣльникъ.

7 ч. утра —24°, 1 ч. дня —13°; 9 ч. веч. —19°.

Выѣхали въ 9 часовъ. Дорога, довольно ровная, проходитъ по долинѣ, испещренной маленькими каменными сопками и невысокими плоскими грядами возвышенностей. Въ 9 ч. 45 м. спустились въ песчаную котловину Шубӯнъ-харà, на вершинѣ подъема изъ которой воздвигнуто обо. Собственно имя Шубӯнъ-харà дано здѣсь небольшой черной горушкѣ, стоящей неподалеку къ югу отъ этого подъема и по внѣшнему виду нѣсколько напоминающей птицу (шубӯнъ). Вблизи горъ дорога камениста, далѣе же она опять тянется по хрящеватой степи, которая получаетъ здѣсь названіе Сэнчжìйнъ-гòби. Пересѣкая эту гòби, мы въ 11 ч. 30 м. увидали влѣво отъ дороги, въ урочищѣ Дэрэсӯ-бӯлӯнъ, небольшое сӱмэ; нынѣ при немъ, говорятъ, не болѣе 3-хъ или 4-хъ ламъ, лѣтомъ же во время хурàловъ ихъ собирается здѣсь человѣкъ до 100. Въ 2 ч. 45 мин., перебравшись черезъ два пологихъ увала и двѣ небольшихъ лощины, вступили въ котловину Сэнчжìйнъ-гашӯнъ, иначе называемую Долōнай-гашӯнъ. Подобная двуименность здѣсь въ большомъ ходу и является слѣдующимъ образомъ. Собственно имя всему этому урочищу даетъ небольшое горькосоленое озерко, называемое «гашӯнъ»; но какъ подобныхъ горькосоленыхъ гашӯновъ въ степи и по дорогѣ много, то ихъ отличаютъ еще названіемъ прилежащихъ мѣстностей. Ѣдущіе съ сѣвера, проѣзжая передъ симъ Сэнчжìйнъ-гòби, называютъ поэтому помянутое горькосоленое озерко Сэнчжìйнъ-гашӯнъ; а ѣдущіе съ юга на томъ же основаніи зовутъ его Долōнай-гашӯнъ. Миновавъ котловину Сэнчжìйнъ-гашӯнъ, мы въ 4 ч. 20 мин. перевалили че-

резъ каменистый Долōнъ-хӯтӯль и засимъ вступили въ такую же каменистую долину Долōнъ, на которой послѣдовательно залегаетъ семь пологихъ увaловъ, именуемыхъ Долōнъ-дабā. Нѣтъ сомнѣнія, что мы сегодня не проѣхали бы этихъ семи увaловъ, если бы непосредственно впереди за ними не находились урочище Йэхэ-ӯдэ, въ которомъ, какъ намъ было извѣстно, проживалъ русскій торговый агентъ. Перспектива увидать русскаго человѣка и поговорить съ нимъ, наконецъ проспать ночь въ теплой юртѣ такъ манила насъ, что мы при полной темнотѣ ночи все двигались впередъ и наконецъ въ $9^1/_2$ ч. вечера прибыли въ Йэхэ-ӯдэ.

Въ отношеніи караванныхъ дорогъ урочище Йэхэ-ӯдэ замѣчательно какъ пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ главные пути, соединяющіе Калганъ съ Ургою, оттого-то, несомнѣнно, этотъ пунктъ и избранъ для мѣстопребыванія здѣсь русскаго торговаго агента. Учрежденіе этой должности относится лишь къ періоду 1885—1886 года и было вызвано постоянными исками русскихъ купцовъ, направленными противъ монголовъ за неисправность этихъ послѣднихъ въ срокахъ доставки чаевъ, подмочкѣ, порчѣ, а иногда и совершенной утратѣ товаровъ. Иски эти, доставлявшіе собою массу непріятныхъ сношеній чиновникамъ обѣихъ имперій, вызвали наконецъ заботу ихъ о контролѣ слѣдованія каравановъ и результатомъ этихъ заботъ обосновалось агенство въ Йэхэ-ӯдэ, въ составъ котораго вошли съ одной стороны назначаемый нашимъ ургинскимъ консульствомъ русскій чиновникъ, а съ другой — командируемый ургинскими амбàнями монгольскій тàйчжи. Послѣдній отбываетъ свою службу, какъ и всѣ почти монгольскіе чиновники, не получая за это никакого вознагражденія; что же касается русскаго агента, то на содержаніе его, какъ и на содержаніе мостовъ, установленъ въ ургинскомъ консульствѣ однокопеечный сборъ съ каждаго цибика провозимаго русскими чая, что должно составить въ отчетномъ году сумму свыше 3000 руб. с. Должность торговаго агента съ самаго основанія оной, была предоставлена консульствомъ войсковому старшинѣ забайкальскаго казачьяго войска А. Е. Петрову, который до 1891 года дѣйствительно проживалъ на Йэхэ-ӯдэ, получая содержанія по 800 р. въ годъ; въ помянутомъ же году онъ, по распоряженію ургинскаго консула, былъ вызванъ въ Ургу и, помимо должности консульскаго агента, сдѣланъ еще смотрителемъ зданій консульства, съ прибавкой ему содержанія за этотъ трудъ по 400 р. въ годъ. Что касается надзора за слѣдованіемъ каравановъ на станціи Йэхэ ӯдэ, то обязанность эту временно исполняетъ здѣсь въ настоящую пору отставной, бывшій урядникъ ургинскаго консульства, Каленовъ, получающій содержанія по разсчету 400 р. въ годъ[1]).

1) Въ проѣздъ мой черезъ Ургу въ іюлѣ 1893 г. я узналъ, что и Каленовъ оставилъ

Учрежденіе должности консульскаго агента, несомнѣнно, могло бы доставлять большую пользу русскому дѣлу. Главнѣйшая обязанность агента, — слѣдить за правильностью и быстротою движенія русскихъ чаевъ, — можетъ быть исполняема здѣсь очень легко тѣмъ болѣе, что задержка такого движенія относится только къ извѣстной порѣ года. Преимущественное опаздываніе въ доставкѣ чаевъ совершается весною, когда монгольскіе верблюды бываютъ уже утомлены зимними работами, а главное—ослабѣваютъ отъ безкормицы. Узнавать о медленно двигающемся, или вовсе остановившемся и сложившемъ свои чаи гдѣ-либо въ степи караванѣ здѣсь очень легко, такъ какъ подобное обстоятельство всегда извѣстно монголамъ и они не приминутъ довести о немъ до свѣдѣнія агента, безъ всякой заботы о томъ съ его стороны. Самимъ монгольскимъ извозчикамъ хорошо извѣстна эта болтливость ихъ собратій, оттого, видя своихъ изнуренныхъ животныхъ и невозможность дальнѣйшаго движенія, они обыкновенно сворачиваютъ съ дороги и сваливаютъ чаи гдѣ-либо въ оврагахъ и буеракахъ, надѣясь черезъ нѣкоторое время достать новыхъ животныхъ и двинуться далѣе. Но этого почти никогда не удается имъ выполнить, такъ какъ агентъ, получивъ извѣстіе о брошенныхъ въ степи чаяхъ, принимаетъ мѣры къ ихъ немедленной дальнѣйшей отправкѣ, посылаетъ своего разсыльнаго для освидѣтельствованія и храненія чая и, наконецъ, содѣйствуетъ найму новыхъ подводъ на счетъ провинившихся извозчиковъ. Такимъ образомъ, при участіи консульскаго агента доставка чаевъ несомнѣнно можетъ идти успѣшнѣе. Съ другой стороны сами монгольскіе извозчики дѣйствуютъ теперь уже не наугадъ, а съ полнымъ сознаніемъ: калганскіе коммиссіонеры сообщаютъ о положеніи дѣлъ консульскому агенту, и монголы поэтому всегда могутъ получить отъ сего послѣдняго въ самой глубинѣ монгольской степи достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о томъ, сколько именно находится въ Калганѣ чаевъ, предназначаемыхъ къ отправкѣ, какое количество животныхъ имѣется для этой отправки, сколько требуется таковыхъ еще и какія существуютъ въ данную пору цѣны за провозъ того или другого сорта чая и проч. Наконецъ консульскій агентъ, находясь постоянно на половинѣ дороги между Калганомъ и Ургою, можетъ слѣдить не за одною только исправностью движенія чаевъ, но также и за правильностью хода русской почты, за выдающимися событіями монгольской жизни и такъ далѣе. Въ настоящую пору, бесѣдуя съ консульскимъ агентомъ, я также нашелъ у него справочныя цѣны на доставку чаевъ, высланныя ему

Удэ и на мѣсто его былъ назначенъ простой казакъ, бурятъ по происхожденію, ламаитъ по вѣрѣ и не получившій ровно никакого образованія; словомъ, человѣкъ совершенно однородный полудикому монголу по степени своего развитія, взглядамъ и быту.

на ноябрь мѣсяцъ русскими коммиссіонерскими домами въ Калганѣ. По сличеніи, цѣны эти оказались слѣдующими:

	Ф И Р М Ы:		
	Шулынгина.	Батуева.	Коковина и Басова.
Байховый чай.	1 л. 80 ф.	—	1 л. 80 ф.
Плиточный легкій	1 » 90 »	—	—
Плиточный тяжелый.	2 » 10 »	—	—
Кирпичный черный, въ 52—56 досокъ.	1 » 90 »	1 л. 90 ф.	2 » — »
Кирпичный черный въ 60 досокъ	2 » 10 »	2 » 10 »	2 » 15 »
Кирпичный обыкновенный, легкій въ 36—45 кирпичей.	2 » 20 »	—	—
Кирпичный обыкновенный, тяжелый, въ 45 досокъ.	2 » 30 »	2 » 30 »	2 » 40 »

Къ этому заявленію о цѣнѣ провоза отъ Калгана до Урги фирма Коковина и Басова прибавляла еще, что извозчики, явившіеся къ ней до 10-го ноября, могутъ получить на доставку байховый чай.

Въ Йэхэ-ўдэнѣ, у русскаго агента мы не нашли конечно ничего русскаго, помимо самовара: но для насъ было счастіемъ уже одно то, что мы могли ночевать въ теплой юртѣ и наконецъ послѣ 12-ти дней ѣзды снять шубы и даже перемѣнить свое бѣлье. Нечего говорить, что мы приготовились по этому спать на славу.

24-е Ноября. Вторникъ.

7 утра —24°; 1 ч. дня —14°, 9 ч. веч. —19°.

Поутру, осмотрѣвшись, мы почувствовали самое горькое чувство скорби отъ той безотрадной жизни, которую долженъ былъ вести на Йэхэ-ўдэ нашъ торговый агентъ. Еще ночью мы, просыпаясь, сознавали, что юрта наша холодна, теперь же, днемъ, мы увидали, что въ войлокахъ ея не мало дыръ, заткнутыхъ кусочками шерсти, войлоковъ и разными тряпками, чтобы только не свисталъ въ нихъ вѣтеръ. Осматривая помѣщеніе и выслушивая объясненія г. Каленова, мы узнали, что первоначально сюда было выслано двѣ юрты, изъ коихъ одна назначалась для агента, а другая для его кухни и прислуги, но за симъ, въ теченіе семи лѣтъ обѣ юрты развалились. Правда, на поддержку ихъ въ разное время высылалось по три, четыре кошмы, но это мало помогало дѣлу,—требовался капитальный ремонтъ. На производство таковаго, по словамъ Каленова, было ассигновано 16 сер.

руб., но что можно было сдѣлать на эти деньги, если здѣсь одинъ войлокъ въ 4 маховыхъ сажени (алда) стоитъ 4 лана, т. е. 8 сер. рублей?

Каленовъ принялъ мѣры сформировать изъ двухъ юртъ одну и проживаетъ теперь въ этой дыравой юртѣ, тогда какъ бывшая кухня стоитъ совершенно раскрытой и представляетъ жалкій, полуразрушенный остовъ кибитки. Конечно, въ такомъ положеніи можетъ проживать здѣсь только забайкальскій казакъ, закаленный въ невзгодахъ и наполовину родившійся въ бурятской юртѣ. Онъ живетъ совершеннымъ монголомъ, чуждый духовнаго и физическаго труда; самоваръ является для него уже роскошью и онъ совершенно доволенъ, имѣя возможность цѣлый день спать, болтать съ проѣзжающими монголами и пить чай. Питается онъ исключительно ба-

Нашъ караванъ въ уроч. Йэхэ-ӯдэ.

раниной; изрѣдка изъ Урги, или изъ Калгана пришлютъ ему хлѣба знакомые казаки или купеческіе приказчики, и такъ уходятъ мѣсяцы и годы жизни. Впрочемъ, если хотите, такъ это и ученый наблюдатель, потому что Императорская Академія Наукъ содержитъ здѣсь отдѣленіе своей обсерваторіи. Въ юртѣ Каленова хранились барометръ и термометръ, а передъ юртою былъ установленъ дождемѣръ. Каковы достоинства этихъ наблюденій — объ этомъ должны лучше всего свидѣтельствовать личность наблюдателя и обстановка его жизни. Позавтракавъ и распростившись съ Каленовымъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь въ 10 час. утра. Дорога наша потянулась ровною степью со всѣхъ сторонъ окруженною, а мѣстами испещренною и въ самой своей срединѣ, плоскими холмами. Въ 11 ч. 20 м.

проѣхали мимо высокаго и усѣяннаго громадными валунами холма, именуемаго Эрдэни-обо, при которомъ имѣется хорошій колодецъ. Здѣсь повстрѣчали мы стоявшій на привалѣ станъ цзянь-цзюня тушэту-хановскаго аймака, О-вана, который недѣлею раньше насъ выѣхалъ изъ Урги въ Пекинъ и, очевидно, ѣхалъ по общему способу монгольскаго передвиженія, ночами. Фамилія О-вановъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся въ тушэту-хановскомъ аймакѣ и съ гордостью заявляетъ всегда во-первыхъ о томъ, что предки ея еще до времени подданства монголовъ Дайцинской династіи были признаны цзасаками, а во-вторыхъ о томъ, что искони состоятъ они въ родствѣ съ богдоханами. Дѣйствительно, предокъ О-вана, Сиддиши былъ объявленъ маньчжурами цзасакомъ еще въ 1686 году въ періодъ хурэнь-бэльчирскаго сейма и, начиная съ сына Сиддиши, Даньцзинь-дорчжія, фамилія О-вановъ неуклонно возводится въ званіе цзюнь-вановъ и женится на маньчжурскихъ принцесахъ. Сынъ Даньцзинь-дорчжія, Санцзай-дорчжи, въ свою пору даже и воспитаніе свое получилъ при дворѣ богдохана, въ Пекинѣ, а по достиженіи имъ совершеннолѣтія богдоханъ женилъ его на одной изъ своихъ родственницъ. Это былъ тотъ самый Санцзай-дорчжи, которому въ 1757 г. богдоханское правительство впервые поручило завѣдывать пограничными сношеніями съ Россіею и который по сему можетъ называться первымъ ургинскимъ амбанемъ. При немъ особливо увеличился торгъ Китая съ Россіею и по этому поводу Санцзай-дорчжи входилъ даже съ особымъ представленіемъ къ богдохану, указывая на выгоды, которыя можетъ получить Китай отъ обмѣна своихъ чаевъ и матерій на русскихъ лошадей. Преемникъ его Йондонъ дорчжи воспитывался также при богдоханскомъ дворѣ и носилъ званіе зятя богдоханова, а равно и завѣдывалъ сношеніями съ Россіею. Сынъ этого Йондонъ-дорчжи, Дорчжи-рабтанъ, внукъ — Насунъ-батуръ, и правнукъ, настоящій О-ванъ, всѣ были женаты на китайскихъ принцесахъ. Замѣчательно еще, что рѣшительно всѣ князья этой фамиліи, за исключеніемъ лишь Дорчжи-рабтана, постоянно назначались къ исполненію обязанностей тусалакчи цзянь-цзюня въ своемъ аймакѣ. Эту же обязанность отправлялъ и О-ванъ, которому помимо того много разъ поручалось и управленіе дѣлами всего ханъ-уласкаго-сейма. Сообразно своему высокому положенію, О-ванъ и ѣхалъ съ подобающимъ величіемъ. Станъ его состоялъ изъ шести прочныхъ и новыхъ юртъ, среди которыхъ юрта самого вана отличалась бѣлизною своихъ войлоковъ, расшитыхъ синими оторочками (хубо) и была какъ бы оградою обнесена чѣмъ-то въ родѣ синихъ дабувыхъ экрановъ. Такія ограды въ ходу у монгольскихъ князей. Къ двумъ кольямъ прибивается гвоздями нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ полотнищъ синяго полотна, при постановкѣ колья вби-

ваются въ землю и такимъ образомъ вокругъ юрты образуется полотняная стѣна приблизительно сажени въ четыре длиною. Караванъ вана, какъ сообщили намъ сопровождавшіе его чиновники, состоялъ изъ 125 верблюдовъ. Ванъ предполагалъ доѣхать отсюда до Калгана въ 18 дней, но какъ наше 12 декабря было несчастнымъ днемъ для переѣзда за Великую стѣну, то опредѣлено было вступить въ Калганъ 13-го нашего декабря. Отъ урочища Эрдэни-обо мы, переѣхавъ песчаную котловину, начали въ 12 ч. 30 минутъ переваливать черезъ кряжъ холмовъ, именуемый Цзабу̀къ. Онъ начинается небольшимъ и пологимъ уваломъ, за которымъ дорога потянулась далѣе въ цѣпи холмовъ, какъ бы въ одной громадной траншеѣ. Холмы эти состоятъ изъ сланцевъ дикаго цвѣта, громадные пласты которыхъ торчатъ какъ горы, изображенныя на рельефныхъ ландкартахъ. Здѣсь повстрѣчали мы два кривыхъ и изможденныхъ вяза. Въ 1 ч. 20 м. выѣхавъ изъ холмовъ Цзабу̀ка, мы вступили въ Гэцзыгэйнъ-гашӯнъ-го̀би, по которой двигались до 5 ч. вечера. Д-ръ Бретшнейдеръ на свой маршрутной картѣ 1891 г. показываетъ здѣсь соединеніе Чойрѝнъ-цза̀ма съ Дархà нъ-цзамомъ; но это невѣрно, ибо никакого соединенія здѣсь нѣтъ. Правда, какъ я говорилъ уже выше, монгольскіе караваны, вслѣдствіе недостатка кормовъ, часто измѣняютъ свое направленіе, переходя съ одной дороги на другую; и очень можетъ быть, что караванъ, по показаніямъ котораго г. Бретшнейдеръ составлялъ свою карту, перешелъ въ данномъ мѣстѣ съ Чо̀йринскаго тракта на Дархà нскій; но такого рода соединенія путей можно провести не только отъ каждаго колодца, а даже съ каждой версты и придавать имъ значеніе трактовъ рѣшительно невозможно. Го̀би Гэцзыгэйнъ гашӯнъ песчана и камениста, но во все не трудна для перехода не только во вьюкахъ, а даже и въ телѣгѣ. Около 5 ч. вечера мы подъѣхали къ горному кряжу Цзабугы̀йнъ улā нъ-хада̀ и начали переваливать оный. Въ горахъ этихъ добывается дымчатый топазъ, изъ котораго китайцы приготовляютъ табакерки, мундштуки для трубокъ, пуговицы и другія разнаго рода привѣски и принадлежности монгольскихъ и китайскихъ костюмовъ. Нѣсколько восточнѣе кряжа Улā нъ-хада̀ находятся горы Шāцзага̀йту, въ которыхъ мѣстные монголы добываютъ прекрасный точильный камень и отправляютъ его на продажу какъ въ Китай, такъ и на сѣверъ Халхи. Кряжъ Улā нъ-хада̀ довольно толстый и перевалъ черезъ него совершается путемъ нѣсколькихъ подъемовъ, спусковъ и короткихъ переходовъ между холмами. Выбравшись изъ горъ, мы вступили въ долину Аршā нту и за симъ въ южное продолженіе той же долины Шара̀-хада̀йнъ-булу̀къ, гдѣ и остановились для ночлега въ 8 ч. 30 м. вечера, получая прекрасную воду изъ мѣстнаго ключа.

25-е Ноября. Среда.

7 ч. утра —22°; 1 часъ дня —17°; 9 ч. веч. —22°.

Отъ долины Шара-хадàйнъ-булýка дорога проходитъ по границѣ кочевьевъ Мэргэ̀нъ-вàна къ западу и Цзýнъ-сунитовъ къ востоку. Сегодня мы выступили въ путь въ 8 ч. 50 м. Дорога въ теченіе первыхъ 50 мин. ѣзды проходила въ ущельи горъ Шарà-хадà, по которому струится незначительный ручей, вытекающій изъ ключа, бьющаго въ прилежащихъ горахъ. Скалистыя горы Шарà-хадà дики и величественны; онѣ состоятъ изъ черноцвѣтныхъ сланцевъ, громадные пласты которыхъ торчатъ наружу. Къ 10 часамъ горы мало-по-малу разступились и дорога наша незамѣтно перешла въ равнину Энгѝрь-хайласýй. По ея твердо песчаной глади мы ѣхали до 11 ч. 5 мин, когда подъѣхали къ урочищу Ширэ̄гійнъ гэцзыгэ̀йнъ гашýнъ. Здѣсь залегаетъ обширный солончакъ, окруженный грудами сыпучихъ песковъ. Отъ нихъ въ 12 ч. 15 м. мы поднялись на возвышенность Бýрцагы̀йнъ-ширэ̄; дорога по ней твердопесчаная и усѣяна мелкимъ щебнемъ. Съ вершины этой возвышенности виденъ въ направленіи къ востоку монастырь Цзýнъ-сунѝтовъ именуемый Цагàнъ-обо̄ной сýмэ̀. Говорятъ, въ немъ постоянно проживаетъ до 800 ламъ; но китайскихъ лавокъ и торговли вообще нѣтъ никакой: по нуждѣ торгуетъ только само монастырское казначейство. Отсюда въ 2 ч. 40 м. мы спустились въ обширную котловину, въ которой находится два колодца: въ сѣверной части котловины—колодецъ Амàнъ-усý, а въ южной—Чулýту-тýгýрѝкъ. Здѣсь увидали мы монгольскій àиль въ 6 юртъ и оказалось, что это была одна изъ временныхъ почтовыхъ станцій, ежегодно устроиваемыхъ теперь въ Халхѣ, на срокъ отъ $2^1/_2$ до 3-хъ мѣсяцевъ, съ спеціальною цѣлью переѣзда пословъ, командируемыхъ Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухтою для представленія богдохà̄ну такъ называемыхъ «девяти бѣлыхъ». Представленіе ургинскимъ гэгэ̀номъ этой, своѐго рода дани началось уже очень давно и для доставки ея въ Пекинъ искони откомандировывались одинъ цзàсайнъ-лама и два хà̄лгачи-ламы, всего съ состоявшею при нихъ свитою, до 20 человѣкъ. Встарину, по поводу каждаго ихъ проѣзда устроивались особыя сношенія съ лежащими по дорогѣ хошýнами, причемъ вѣдомство Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухты, отправляя ламъ на своихъ собственныхъ верблюдахъ, просило хошýнныя управленія объ оказаніи содѣйствія путникамъ. Содѣйствіе это выражалось въ постановкѣ для командированныхъ трехъ юртъ, (или, какъ говорятъ монголы, трехъ огней) на мѣстѣ ихъ полдниковъ и ночлеговъ, въ приготовленіи имъ на станціяхъ необходимаго кушанья, и засимъ въ высылкѣ на каждый ночлегъ особыхъ стражниковъ, для охраны хутухтинскихъ подводъ. Въ ту пору не были опредѣлены съ достаточною точностью ни срокъ выѣзда

этихъ пословъ, ни количество отправлявшихся при нихъ животныхъ; съ другой стороны сообщенія, разсылавшіяся хутухтинскимъ вѣдомствомъ монгольскимъ князьямъ, весьма часто запаздывали въ доставкѣ и князья или не успѣвали собрать и выслать должное количество стражниковъ, или даже умышленно дозволяли себѣ манкировать исполненіемъ этой просьбы. Опытъ постоянно случавшихся при этомъ замѣшательствъ и безпорядковъ побудилъ хутухтинское вѣдомство урегулировать это дѣло, почему на одномъ изъ сеймовъ халхаскихъ князей въ первые годы правленія Тунъчжи было опредѣлено, что бы количество животныхъ въ караванѣ, отправляемомъ хутухтою, исчислялось въ размѣрѣ отъ 160 до 170 головъ верблюдовъ и отъ 10 до 15 лошадей. Поѣздъ хутухтинскихъ пословъ съ этого времени долженъ былъ всегда выступать изъ Урги около 10 числа 9-й луны и къ 10-му числу 10-й луны достигать Пекина. По прибытіи въ Пекинъ, ламы должны были начинать дѣло о представленіи дани и въ то-же время производить покупки необходимаго для хутухтинскаго казначейства. Окончивъ закупъ, хāлгачи-ламы съ прислужниками, въ количествѣ человѣкъ пятьнадцати, должны были выѣзжать, приблизительно 10-го числа 11-й луны обратно въ Ургу; въ эту пору караванъ ихъ состоялъ изъ верблюдовъ, головъ въ 140 и лошадей, въ количествѣ 6, или 8-ми. Въ 20-хъ числахъ той же 11-й луны означенный караванъ обязывался достигнуть урочища Шāцзагàйту въ Мэргэнъ-вановскомъ-хошӯнѣ и отсюда снова могъ пользоваться тѣмъ же вспомоществованіемъ халхаскихъ князей, хотя на этотъ разъ, сообразно уменьшенію количества пословъ, князья выставляли только «два огня» и высылали нѣсколько меньшее число сторожей. Къ 10-му числу 12-й луны этотъ караванъ долженъ былъ приходить въ Ургу. Что касается остававшагося въ Пекинѣ цзàйсанъ-ламы, то онъ, по окончаніи дѣла представленія «девяти бѣлыхъ», вмѣстѣ съ четырьмя или пятью прислужниками, имѣя при себѣ верблюдовъ, головъ двадцать и пятьшесть лошадей, долженъ былъ выѣзжать изъ Пекина около 25-го числа 12-й луны, и, подобно первому каравану, могъ пользоваться по дорогѣ готовыми юртами и провьянтомъ. Одновременно съ такимъ урегулированіемъ дѣла движенія своихъ каравановъ, хутухтинское вѣдомство заявляло, что передній и обратный путь въ Пекинъ представляютъ собою не малую дорогу, и для совершенія ея нуженъ порядочный срокъ. При быстротѣ движенія и недостаточномъ питаніи, масса верблюдовъ на этомъ пути отощаваетъ и вовсе гибнетъ; поэтому хорошо было бы, чтобы на каждую изъ выставленныхъ станцій князья высылали бы хотя по одному верблюду, чтобы имъ можно было замѣнить наиболѣе ослабѣвшаго верблюда хутухтинскаго каравана. Сеймъ князей согласился и на это.

Въ сказанномъ порядкѣ дѣло велось лѣтъ двадцать, но засимъ и онъ оказался неудобенъ и на сеймѣ халхаскихъ князей 1882 г. цэцэнъ-хановскій цзянь-цзюнь бэйлэ выяснилъ, что если теперь имѣются уже достаточно опредѣленно установленные сроки для движенія хутухтинскихъ карабановъ, то тѣмъ не менѣе не установлено для нихъ опредѣленной дороги. Хутухтинскіе караваны каждый годъ слѣдуютъ по тому пути, который короче и на которомъ вмѣстѣ съ симъ совершено меньше потравы кормовъ. Конечно, такія мѣста болѣе или менѣе извѣстны; но взгляды на разстоянія и достаточность кормовъ различны, а отсюда опять происходятъ замѣшательства. Бывало нѣсколько разъ, что онъ, цзянь-цзюнь бэйлэ, предполагая, что караванъ пойдетъ по дарханскому тракту, выставлялъ свои станціи, черезъ весь хошунъ на сѣверѣ, а караваны между тѣмъ шли по Гунчжуйнъ-цзаму почему станціи требовались главнымъ образомъ на югѣ хошуна. По таковымъ-то основаніямъ цзянь-цзюнь бэйлэ ходатайствовалъ о назначеніи для этихъ карабановъ опредѣленнаго тракта. Хутухтинское вѣдомство вмѣстѣ съ симъ заявило, что назначеніе на смѣну по одному верблюду на каждой станціи недостаточно и что въ общемъ требуется смѣнять $^1/_2$ всего числа верблюдовъ, находящихся въ каравнѣ. Сеймъ рѣшилъ удовлетворить оба эти требованія и постановилъ, чтобы съ этой поры движеніе хутухтинскихъ карабановъ совершалось исключительно по Дарханскому тракту и, въ виду значительнаго количества верблюдовъ этого каравана, ночлежныя станціи, его располагались бы непремѣнно на слѣдующихъ, наиболѣе обширныхъ и лучшихъ урочищахъ и колодцахъ:

а) *въ Мэргэнъ-вановскомъ-хошунѣ*:
1) Шацзагайту.
2) Чулунъ-тугурикъ.
4) Аршанту.
4) Цаганъ-дэль.
5) Тингыйнъ-ширэ.
6) Сэрюнъ-булакъ.

б) *на границѣ хошуновъ Мэргэнъ-вана и цзянь-цзюнь-бэйлэ:*
7) Сайнъ-му-хутуль.

в) *въ хошунѣ Цзянь-цзюнь-бэйлэ:*
8) Уланъ-худугійнъ-ширэ.
9) Хошоту.

г) *въ хошунѣ гуна Гомбо-чжаба:*
10) Цзарагыйнъ-шанда.
11) Нидунъ.
12) Цаганъ-тологой.

д) *въ хошунѣ цзянь-цзюнь-бэйлэ:*
13) Гультугинту [1]).

е) *въ хошунѣ Шунъ-бэйсэ:*
14) Чжиргалантуй.
15) Гакца-худукъ.
16) Шибэни-гуя.
16) На Толѣ близъ Урги.
18) Урга.

1) У насъ со временъ Тимковскаго пишутъ «Гильтэгэнтэй».

Оставивъ станціонныхъ монголовъ, мы изъ котловины Чулӯту-тӯгӯрѝкъ, переваливъ черезъ два незначительные увала, въ 5 ч. вечера снова спустились въ котловину Мӯрӯ̀йнъ-гашӯнъ. Отсюда дорога дѣлается замѣтно каменистѣе особливо на вершинахъ уваловъ. Въ 8 ч. вечера остановились ночевать въ урочищѣ Хӯтӯ̀ль.

26-е Ноября. Четвергъ.

6 ч. —25°; 12 ч. —18°; 9 ч. —24½°.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и, миновавъ три плоскихъ, но каменистыхъ перевала, въ 10 ч. въѣхали въ долину, получающую свое имя отъ господствующаго надъ нею холма, Сӯль-шандà. Отсюда въ 11 ч. 20 м., переваливъ нѣсколько уваловъ, вступили въ долину съ колодцемъ Билӯтӯ, гдѣ нашли сравнительно очень хорошія травы. Въ 12 ч. 35 м. стали подниматься на увалъ Шāцзагà̀йту. Онъ былъ сплошь усѣянъ камнями темнодикаго цвѣта и дорога по нему крайне дурна и утомительна. Съ вершины его я усмотрѣлъ къ западу небольшой àиль монголовъ, о которомъ мнѣ сказали, что это была первая временная станція для проѣзда хутухтинскихъ каравановъ. Увалъ Шāцзагà̀йту служитъ границею для трехъ хошӯновъ: къ сѣверу и сѣверо-западу отъ него располагаются кочевья Мэргэ̀нъ-вà̀на; къ югу и юго-западу—Барӯнъ-сунѝтовъ, а къ юго-востоку—Цзӯнъ-сунѝтовъ. Такъ какъ мы ѣхали здѣсь прямо на югъ, то вступили въ Барӯнъ-сунѝтскія кочевья. Въ 1 ч. 15 м., миновавъ озеро Шāцзагà̀йту, начали подниматься на невысокій увалъ, отдѣляющій долину Шāцзагà̀йту отъ долины Ѣрэ̄нъ-дабасӯ нӯра. Это послѣднее озеро было ясно видно съ нашей дороги и находилось верстахъ въ восьми отъ нея. Въ параллели его мы были на своей дорогѣ въ 1 ч. и 50 м. Озеро имѣетъ въ окружности около 20 верстъ и, по словамъ монголовъ, изобилуетъ громадными пластами самосадочной соли, вкусъ и бѣлизна которой славятся не только въ Монголіи, но и по всему сѣверному Китаю. Правильной разработки соли въ этомъ озерѣ не ведется и окрестные монголы могутъ добывать ее по нуждѣ, сколько кому требуется. Въ прежніе годы и даже не болѣе какъ лѣтъ пять тому назадъ, соль Ѣрэ̄нъ-дабасӯна въ громадномъ количествѣ вывозилась Барӯнъ-сунѝтами въ Хӯхӯ-эрги, Хӯхӯ-хотò, Фынъ-чжэнъ и Лунъ-синъцзоръ, причемъ въ ту пору монголы мѣняли китайцамъ каждую доу (=мѣру) соли—на доу проса. Правда, что эти доу были различны: доу, по которой китайцы принимали соль, вѣсила 40 гиновъ (фунтовъ), тогда какъ монголамъ они выдавали просо другою доу, вмѣщавшею въ себѣ только 28 гиновъ; но монголы мирились съ этимъ, ибо таковъ былъ уже изстари установленный обычай. Въ послѣдніе годы рядъ неурожаевъ въ сѣверной Шань-си, при которыхъ цѣна на доу проса съ 400 чеховъ возросла до

1400, прекратилъ однако и мѣну на такія доу; оттого сунѝты за послѣдніе пять лѣтъ почти не вывозятъ соли въ Китай. За то китайцы уже сами во множествѣ пріѣзжаютъ теперь къ Ѣрэ̄нъ-дабасу̀ и разработываютъ здѣсь соль, уплачивая Барӯнъ-сунѝтскому хошӯну по 6 фынъ (около 12 коп. сер.) за доу добытой соли. Деньги эти собираются въ управленіи, причемъ одна треть ихъ выдѣляется въ пользу князя, а двѣ трети идутъ на нужды хошӯна. При озерѣ живетъ высылаемый хошӯномъ «да̄малъ», съ нѣсколькими солдатами, для охраны озера и взиманія платы. Что касается монголовъ, то Барӯнъ-сунѝты свободно предоставляютъ пользоваться Ѣрэ̄нъ-дабасу̀н-нӯрскою солью каждому желающему, къ какому бы ни принадлежалъ онъ хошӯну.

Поднявшись изъ котловины Ѣрэ̄нъ-дабасу̀-нӯра, мы вступили въ громадную степь, по которой, несмотря на пересѣкающіе ее увалы, дорога наша была видима верстъ приблизительно на 40. Степь эта вначалѣ, т. е. въ сѣверной своей оконечности, носитъ названіе Дабасуна̀й-ирмэ̀къ. Въ 4 ч. мы переѣхали первый, пролегающій по ней увалъ, отъ котораго та же степь получаетъ названіе Харангу̀йнъ-тала̀. Этою Харангу̀йнъ-тала̀ мы ѣхали до 8 часовъ вечера, когда остановились для ночлега въ урочищѣ Гӯнъ-тойримы̀йнъ-нӯръ. Находящееся здѣсь озеро имѣетъ не болѣе полуверсты въ окружности и обладаетъ совершенно вкусною прѣсною водою.

27-е Ноября. Пятница.

7 ч. —27°; 12 ч. —23°; 9 ч. —27°.

Выѣхали въ 8 ч. утра и продолжали путь по той же долинѣ, получающей здѣсь названіе Хо̄лтуйнъ-го̄би. Дорога имѣетъ тотъ же характеръ, слѣдуя по степи твердо-песчанаго грунта, съ невысокою и довольно бѣдною растительностью. Въ 11 ч. подошли и начали подниматься на громадную столообразную возвышенность, Хо̄лтуйнъ-ширэ̄; протяженіе ея захватываетъ собою добрую половину всей Хо̄лтуйнъ-го̄би, въ самой ея срединѣ. Въ 1 ч. 15 м. по такой же дорогѣ миновали мысъ и озеро Эрэ̄нъ-хошӯ, отъ котораго начинается подъемъ на небольшой увалъ, отдѣляющій долину Эрэ̄нъ-хошӯ отъ долины Борольчжѝ. По этой послѣдней мы ѣхали до 5 ч. вечера и засимъ, переваливъ невысокій, но длинный тянигусъ, Цзамы̀йнъ-даба̄, спустились въ равнину Табунгы̀йнъ-тала̀, въ которой и остановились для ночлега въ 6 ч. вечера, такъ какъ работники наши уѣхали искать снова потерявшихся верблюдовъ.

28-е Ноября. Суббота.

7 ч. —32°; 1 ч. —23°; 9 ч. веч. —29°.

Сегодня поутру оказалось, что жена моя отморозила себѣ за ночь лѣвую щеку. Завернувшись въ войлокъ и оставивъ небольшое отверстіе

для прохода воздуха, она нечувствовала какъ отверстіе это обледенѣло отъ застывавшаго дыханія и, вѣроятно, этотъ-то слой льда и повредилъ ей щеку. Двинулись въ 8 ч. 40 м. и продолжали путь по долинѣ Табунгы̀йнъ-тала̀. Въ 10 ч. 30 м. начали переваливать черезъ пологій увалъ Ухā-гы̀йнъ-усу̀, на широкой вершинѣ котораго стояло нѣсколько а̀илей придорожныхъ нищихъ. При страшномъ холодѣ, они полураздѣтые выходили на дорогу, становились на колѣна и земными поклонами выпрашивали у насъ милостыню. Сердце сжимается при видѣ этихъ несчастныхъ, испитыхъ и желтыхъ лицъ и, несмотря на холодъ, мы не могли не остановиться, чтобы развязать свои мѣшки и дать имъ остатковъ нашего вчерашняго мяса, предназначавшагося на завтракъ, а равно кусочка кирпичнаго чая. Послѣдній всегда нужно имѣть путнику, потому что это самый лучшій гостинецъ и подарокъ для монгола. Въ 12 ч. 45 м. достигли колодца Бухангы̀йнъ-усу̀, окрестности коего ничѣмъ не отличаются отъ предшествовавшихъ имъ пространствъ, только въ придорожныхъ холмахъ видно большее преобладаніе бѣлаго мергельнаго известняка. Далѣе степь получаетъ названіе Элису̀, хотя пески ея, впервые попавшіеся намъ въ 1 ч. 10 м., весьма незначительны; напротивъ, здѣсь преизобилуетъ галька, замѣчательная въ томъ отношеніи, что она отмѣнно хорошо округлена, несмотря на свою величину, доставляющую даже безпокойство при ѣздѣ въ телѣгѣ. Въ 2 ч. 15 м. намъ попался колодецъ, Сӯлы̀-усу̀, получившій свое названіе, несомнѣнно, отъ обильно произрастающаго здѣсь растенія «сӯлы̀», зерна коего, подобно шаральчжы̀ну, составляютъ для монголовъ пищевой суррогатъ въ голодные годы. Китайцы зовутъ это растеніе «ша-пэнъ-ми», т. е. степной рисъ. За колодцемъ Сӯлы̀ намъ начали болѣе часто попадаться пространства на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ саженей сыпучихъ песковъ; мѣстами песокъ этотъ навѣянъ въ груды, поросшія высокимъ дэрэсу̀номъ. Въ 5 ч. 20 м. мы проѣхали мимо Хо̄лтуйнъ-сӯмэ̀. Маленькій монастырь этотъ, съ однимъ только дуга̀номъ, располагается между холмами и едва замѣтенъ съ дороги. Обыкновенно въ немъ живетъ не болѣе двухъ, трехъ ламъ. Отсюда за уваломъ начинается мѣстность, именуемая Цахю̄ртайнъ-го̀би, проѣзжая которую мы въ 7 ч. вечера остановились для ночлега, не будучи въ состояніи ѣхать далѣе, ибо всѣ буквально коченѣли отъ холода.

29-е Ноября. Воскресенье.

7 ч. —32°; 1 ч. дня —23°; 9 ч. веч. —26°.

Поутру тотъ же невыразимо удручающій, страшный холодъ, къ которому сегодня присоединился еще сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Идти пѣшкомъ — нѣтъ возможности отъ вѣтра; сидѣть на верблюдѣ — холодно, особливо ногамъ; въ телѣгѣ — скучно, ибо ничего не видишь и не можешь

ни слова сказать относительно проѣзжаемыхъ мѣстностей; наконецъ нападаетъ какое-то раздраженіе, — способенъ только браниться изъ-за этого холода. Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и продолжали пу́ть по Цахю́ртайнъ-го̀би. Ровно черезъ часъ поднялись на увалъ Цахю́ртайнъ-эрмэктў и спустились въ Самъ-булугі̀йнъ-го̀би, по которой въ 11 ч. 5 м. добрались до небольшой рѣчушки Самъ-булу̀къ. Источникъ протекаетъ по солончаку, но вода въ немъ прѣсная. Мѣста эти хотя и принадлежатъ хошу́ну суни́товъ, однако не могутъ быть названы вполнѣ суни́тскими. Еще въ года правленія Юнъчжэна управленіе ша̀нду-дабасу̀-нӯрскихъ пастбищъ представляло всеподданнѣйшій докладъ Богдоха̄ну, въ которомъ ходатайствовало о разрѣшеніи ему перекочевывать сюда со своими верблюдами и лошадьми, при случаяхъ голодовокъ въ ихъ собственныхъ кочевьяхъ. Ходатайство это было удовлетворено, при чемъ видѣнная нами теперь рѣчушка Самъ-була̀къ была признана западною границею для мѣстностей, на которой можно было въ суни́тскомъ а̀ймакѣ пасти табуны богдоха̄на. Остальныя границы этого пространства опредѣлялись такъ: на югѣ Ноюнъ-лунъ; на юго-западѣ Була̄нъ-хуца̀ на сѣверо-западѣ Са̀ль; на сѣверѣ Са̀нту; на востокѣ — Голба̀йръ. Вся эта площадь представляетъ собою, говорятъ, мѣста степныя, широкія, открытыя, вполнѣ удобныя для скотоводства. Непосредственно отъ Самъ-булу̀ка мы поднялись на увалъ, за которымъ начинается такъ называемая Бӯтӯмчжі̀йнъ-го̀би. Желая сократить свою дорогу, подрядчикъ мой свернулъ здѣсь съ главнаго караваннаго тракта и это уклоненіе съ дороги сказалось намъ очень скоро: вмѣсто широкаго пути съ твердымъ грунтомъ дорога оказалась пробитою узенькой колеей по рыхло-глинистой почвѣ, изрытой кочками. Особливо неудобно было двигаться здѣсь телѣгамъ, колеса которыхъ постоянно задѣвали за эти кочки. Въ 3 ч. 55 м. поднялись на возвышенность Бӯтӯмчжі̀йнъ-ширэ̄ и отъ нея потянулась гладкая степь. Въ сѣверной своей части она называется, по имени находящагося въ ней колодца, Цага̀нъ-тала̀, а далѣе къ югу получаетъ названіе Са̀йнъ-го̄л'а отъ протекающаго здѣсь ручья, вверхъ по теченію котораго направляется здѣсь дорога. Остановились для ночлега въ долинѣ Са̀йнъ-го̄ла въ 8 ч. вечера.

30-е Ноября. Понедѣльникъ.

7 ч. —27°; 1 ч. дня —16°; 9 ч. веч. —20°.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и продолжали путь по долинѣ Са̀йнъ-го̄ла; сухое русло его песчано и имѣетъ ширины до 5 саженей. Въ 10 ч. 10 м. проѣхали долину Дэльгэ̀ръ-тала̀, съ твердо-песчанымъ щебневатымъ грунтомъ; повсюду на ней кочки, поросшія дэрэсу̀номъ. Дуетъ страшный западный вѣтеръ и пыль такая, что дорога едва видна на пространствѣ нѣ-

сколькихъ десятковъ саженей. Изъ долины Дэльгэръ-талà за небольшимъ уваломъ открылась громадная степь Цзадагàйту. Говорятъ, что здѣсь располагается озеро того же имени съ прекрасною водою; обычно оно служитъ мѣстомъ ночлега для каравановъ, мы же, достигнувъ до береговъ его въ 2 ч. 20 м., взяли изъ него льда, чтобы полакомиться чистою водою. Подвигаясь далѣе, въ 3 ч. 45 м. подъѣхали къ урочищу Эхинэ-усỳ, въ которомъ мы насчитали четыре колодца, а при нихъ располагалось до 10 юртъ бѣдныхъ сунѝтовъ, проживающихъ подаяніями проѣзжающихъ. Отъ этого урочища верстахъ въ $2^1/_2$ мы переѣхали земляной валъ, можетъ быть, границу Минъ-чана; вслѣдъ засимъ дорога начинаетъ подниматься къ горамъ Цзадагàй-ỹла. По ущельямъ, образуемымъ этими горами, мы ѣхали до 5 ч. 20 м. вечера, а далѣе, миновавъ горы Цагàнъ-хỳрѣ, вступили въ долину Харà-хадàйнъ-талà, получающую свое имя отъ горъ, возвышающихся на западной сторонѣ отъ нашей дороги. Неподалеку отъ горъ Цагàнъ-хỳрѣ стоитъ пограничная кумирня сунѝтовъ, именуемая Цагàнъ-хỳрѣнэй-сỳмэ. Къ югу отъ нея находятся два, рядомъ стоящіе пригорка, именуемые Тӧсỳлъ-обӧ и служащіе границею для сунѝтскихъ и чахàрскихъ кочевьевъ. Сѣверный пригорокъ составляетъ сунѝтскую землю, южный — чахàрскую. Пограничные знаки соблюдаются здѣсь весьма строго, ибо земли чахàровъ въ данномъ пунктѣ не принадлежатъ кочевьямъ простолюдиновъ, а отведены подъ пастбища богдохāнскихъ стадъ овецъ. Въ 7 ч. 30 м., замѣтивъ юрты этихъ пастуховъ при колодцѣ Адагы̀йнъ-усỳ и желая получить отъ нихъ свѣдѣнія о состояніи стадъ, я приказалъ остановиться на ночлегъ.

Пастьбищныя земли богдохāнскихъ овецъ занимаютъ собою самую сѣверную границу чахàрскихъ улỳсовъ и тянутся отсюда къ юго-востоку, до р. Богдòйнъ-гӧла. Общее число богдохàнскихъ овецъ весьма велико. Овцы раздѣляются на 80 сỳрỳковъ и въ каждомъ сỳрỳкѣ считается по 500 матокъ, иначе называемыхъ «безсмертными» головами животныхъ; это значитъ, что въ каждую данную минуту въ сỳрỳкѣ должно быть 500 матокъ, несмотря ни на какіе падежи и болѣзни. Ежегодный приплодъ отъ этихъ матокъ исчисляется въ 140 головъ, тогда какъ естественная убыль животныхъ опредѣляется въ 115 головъ въ сỳрỳкѣ. Назначеніе такой незначительной прибыли даетъ возможность чахàрскимъ пастухамъ не только имѣть въ наличности собственно штатное число скота, но и обогащаться на счетъ имуществъ своего богдохāна. Въ общемъ «хоничѝ», т. е. пастухи богдохāнскихъ овецъ, раздѣляются на два хошỹна «хỳбӧ-шарà», и «гỹли-шарà». Для управленія ими назначаются 40 *да* и 40 *мэ̀йрэней*; т. е. по одному дā и по одному мэ̀йрэню на два сỳрỳка. При представленіи богдохāну приплода,

каждый дā обязанъ въ 9-й лунѣ отправить въ Пекинъ 50 головъ отъ своихъ двухъ сӯрӯковъ. Посылаются исключительно кладеные бараны, въ возрастѣ по второму году («шӧдлӧнъ»), хотя могутъ быть отправляемы также и хорошіе первогодки (тӧлгӧнъ), если они отличаются достаточною крѣпостью и величиною.

Сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія чахàръ проживалъ въ хошӯнѣ «хоничѝ» только второй годъ и былъ сосланъ сюда, такъ сказать, на пониженіе, за пьянство, а до того времени онъ состоялъ въ вѣдомствѣ «ӱхӱрчѝновъ», т. е. пастуховъ рогатаго скота. По словамъ его, быть ӱхӱрчѝномъ гораздо выгоднѣе и лучше. Хошӯны ӱхӱрчѝновъ раздѣляются на четыре отдѣла: а) Чжӯнъ-ӱхӱрчѝнъ, б) Хӱбӧ̄-шарà-ӱхӱрчѝнъ, в) Барӯнъ-ӱхӱрчѝнъ и г) Гӱлишарà ӱхӱрчѝнъ. Основныя пастбища ихъ лежатъ къ западу и юго-западу отъ хоничѝновъ, близъ ст. Халютай почтоваго алтайскаго тракта. Разговаривавшій со мною чахàръ состоялъ на службѣ въ хошӯнѣ Хӱбӧ̄-шарà ӱхӱрчѝновъ, управляемомъ амбàнемъ [1]), живущимъ у Хāгыйнъ нӱра. Въ составъ ӱхӱрчѝнскаго хошӯна хӱбӧ̄-шарà входитъ всего 24 дā, причемъ вѣдѣнію каждаго дā поручается 30 дойныхъ коровъ, количество же быковъ и воловъ бываетъ различно, смотря по довѣрію амбаня и воззрѣнію его на личность и способности того или другого «дā»: есть личности, которымъ поручается по 60 быковъ, другимъ по восьмидесяти, по сту и болѣе. Взносы ко двору богдохāна отъ ӱхӱрчѝнскихъ хошӯновъ состоятъ въ поставкѣ ко двору хурӯта и масла. За сборомъ этихъ продуктовъ въ каждый хошӯнъ пріѣзжаетъ два раза въ годъ по 10 чиновниковъ придворнаго вѣдомства; лѣтомъ собираютъ они хурӯтъ, а осенью масло, по разсчету отъ каждой дойной коровы по 5 гиновъ масла и по 5 гиновъ хурӯта. Чины, пріѣзжающіе въ хошӯнъ хӱбӧ̄-шарà, останавливаются всегда въ Бордӧйнъ сӱмэ. Ко времени ихъ пріѣзда чахàры обязаны представить сюда коровъ, въ количествѣ двухъ-трехъ головъ отъ каждаго дā. Здѣсь, подъ присмотромъ этихъ чиновъ, чахàры обязаны пасти своихъ коровъ, ежедневно доить ихъ и доставлять молоко пріѣхавшимъ маньчжурамъ, а послѣдніе уже сами приготовляютъ изъ него хурӯтъ, или масло. Продукты ихъ приготовленія именно и назначаются къ столу богдохāна. Просидѣвъ мѣсяцъ, или нѣсколько больше и надѣлавъ того и другого продукта гинòвъ по 25, или 30, маньчжуры получаютъ остальное, по штату, количество хурӯта и масла уже приготовленнымъ отъ дā и уѣзжаютъ. Мой чахàръ, состоя въ числѣ дā хошӯна хӱбӧ̄-шарà, обязанъ былъ представлять ко двору 360 гиновъ хурӯта и столько же коровьяго масла.

1) Вѣроятно, это названіе «амбàнь» народное; ибо едва ли для управленія однимъ хошӯномъ ӱхӱрчиновъ назначается первостепенный чиновникъ.

1-е Декабря. Вторникъ.

7 ч. —23°; 1 ч. —17°; 9 ч. —22°.

Выѣхали въ 9 ч. утра и ѣхали однообразными ложками, пересѣкая увалы; по бокамъ дороги видно много бугорковъ и пригорковъ; вообще поверхность имѣетъ холмистое очертаніе. Долины изобилуютъ кормовыми травами. Часамъ къ 12-ти дня холмы начали дѣлаться выше и подступать ближе къ дорогѣ; вмѣстѣ съ симъ почва обнажается и по всему видимому пространству степи начинаютъ попадаться камни краснаго цвѣта до такой степени похожіе на кирпичъ, что приходилось брать ихъ въ руки и разсматривать, чтобы убѣдиться, что это не искусственный, а природный камень. Холмы эти составляютъ отроги Мингàнскаго хребта. Мы начали переваливать этотъ послѣдній въ 2 ч. дня и переваливали три, впрочемъ, весьма пологіе, кряжа его до 4½ час. вечера. Два увала стоятъ почти непосредственно одинъ за другимъ, а третій — въ нѣкоторомъ отдаленіи, впрочемъ, не болѣе какъ версты на полторы отъ второго. Долина отдѣляющая ихъ, носитъ названіе Олòнъ-худỳкъ, т. е. долина многочисленныхъ колодцевъ, хотя колодцевъ здѣсь только три и они-то, вмѣстѣ съ небольшимъ ключемъ, составляютъ все орошеніе здѣшнихъ мѣстъ. Въ 5½ ч. мы переѣхали долину Богдòинъ-гỏла, гдѣ окончились земли хоничѝновъ и начались пастьбищныя земли адỹчиновъ, т. е. пастуховъ богдохāнскихъ табуновъ. Въ 8 ч. вечера мы остановились для ночлега въ урочищѣ Чжончѝ-долỏнъ-худỳкъ, неподалеку отъ богатаго чахàрскаго àиля.

Отправляясь въ этотъ àиль, я надѣялся найти здѣсь какого-нибудь пастуха богдохāнскихъ лошадей и получить отъ него свѣдѣнія объ этой отрасли богдохāнскаго хозяйства; оказалось однако, что хотя хозяинъ этого àиля и принадлежалъ хошỹну адỹчиновъ, тѣмъ не менѣе пастьбою табуновъ не занимался: онъ передалъ свое пастьбищное дѣло младшему брату, самъ же занимался строительнымъ ремесломъ и былъ извѣстенъ за лучшаго подрядчика. Словоохотливый старикъ разказалъ мнѣ, что на своемъ вѣку онъ построилъ уже больше сотни домовъ различнымъ монгольскимъ князьямъ и ставилъ это себѣ въ особенную заслугу, ибо, по словамъ его, княжескій домъ построитъ не всякій подрядчикъ: здѣсь нужны знаніе дѣла и умѣнье объединить въ своей артели людей самыхъ различныхъ спеціальностей. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выснилось, что этотъ спеціалистъ домостроенія представлялъ собою дѣйствительно нѣчто вродѣ нашихъ военныхъ и статскихъ портныхъ, до мельчайшихъ подробностей знающихъ, гдѣ и какой долженъ быть кантикъ и сколько въ какомъ мѣстѣ нужно посадить пуговицъ и петличекъ. Повѣствуя мнѣ о постройкѣ княжескихъ дворовъ, онъ разказалъ, что княжескіе домы строятся въ Китаѣ сообразно

рангу ихъ владѣльцевъ. Домы цѝнь-вановъ строятся, напримѣръ, на фундаментахъ, тянущихся въ величину всего главнаго двора и возвышающихся надъ общимъ уровнемъ земли на вышину одного джàна. [1]) Парадное зданіе должно быть одно, величиною въ 5 дзя̀ней; находится оно у сѣверной стѣны двора и обращено фасадомъ къ югу, по сторонамъ же его можетъ быть воздвигнуто, также величиною въ 5 дзяней, по два зданія въ каждомъ крылѣ и за симъ, въ разстояніи двухъ джàновъ отъ этихъ боковыхъ пристроекъ, должны слѣдовать, посреди двора, внутреннія ворота. Всѣ эти зданія дозволяется покрывать зеленою муравленною черепицею и матица ихъ окрашивается краскою зеленаго цвѣта. Внутреннія ворота, если они устроиваются изъ деревянныхъ столбовъ, могутъ быть окрашены красною краскою. Всего во дворахъ цинь-вàновъ можно строить семь жилыхъ бàйшиновъ, причемъ, помимо вышеисчисленныхъ пяти, два остальныя зданія, равно какъ и наружныя ворота въ первый дворъ, дѣлаются на ровной землѣ, т. е. безъ возвышеннаго фундамента; покрыты главныя входныя ворота должны быть простою черепицею и только на гребень кровли можетъ быть положена муравленная черепица зеленаго цвѣта; что же касается двухъ бàйшиновъ, то они должны быть покрыты плоскою черепицею. На портикахъ главнаго зданія дозволяется ставить деревянныя колонны, которыя окрашиваются краскою краснаго, или чернаго цвѣтовъ; южныя наружныя стѣны этого зданія, равно какъ и ворота, могутъ быть украшаемы рисованными золотомъ и различными другими красками изображеніями драконовъ и различныхъ цвѣтовъ и травъ. Если бы въ главномъ своемъ зданіи цинь-вàнъ пожелалъ устроить для себя парадное мѣсто, то такое сѣдалище его должно быть вышиною въ 8 чи, длиною въ 1 джанъ и 1 чи, а шириною въ 9 чи. Сѣдалище это устанавливается на возвышенной площадкѣ, окрашенной въ красную краску и возвышающейся надъ общимъ поломъ зданія на $1^1/_2$ чи. За этимъ сѣдалищемъ, на задней стѣнѣ зданія рисуется золотой драконъ о пяти когтяхъ, парящій въ разноцвѣтныхъ облакахъ. Дѣлать изображеніе этого дракона выпухлымъ строго воспрещается.

Дома цзюнь-вàновъ строятся по тѣмъ же правиламъ, только фундаментъ ихъ дѣлается вышиною въ 8 чи; изъ числа построекъ только главное парадное зданіе и внутреннія ворота покрываются зеленою муравленою черепицею, тогда какъ остальныя, стоящія по сторонамъ зданія кроются уже

---

1) Китайскія мѣры протяженія англійскимъ тянь-цзинскимъ трактатомъ 1858 года опредѣлены такъ: низшая китайская мѣра протяженія — фынь. 10 фынь = 1 цунь, который русскіе называютъ вершкомъ, на который въ дѣйствительности = 1,41 рус. дюйма 10 цунь = 1 чи, т. е. около 14,1 рус. дюймовъ 10 чи = 1 джанъ, т. е. около 1 саж., 4 фут. 9 дюймовъ.

простою черепицею. Драконы, рисуемые на стѣнахъ, должны изображаться четырехъ когтевые и только красками, золото же дозволяется употреблять только при изображеніи цвѣтовъ.

Въ домахъ бэйлэ фундаментъ возвышается на 6 чи; зданія ихъ кроются простою круглою черепицею; вырисункахъ—драконовъ не полагается, дозволяется же имъ украшать стѣны своихъ воротъ и зданій только золотыми и разноцвѣтными изображеніями цвѣтовъ и травъ.

Въ домахъ бэйсэ и гўновъ фундаментъ долженъ быть вышиною въ два чи; самое зданіе во всемъ походитъ на зданіе бэйлэ, только украшается оно золотымъ и разноцвѣтнымъ рисункомъ болѣе мелкихъ цвѣтовъ и травъ.

2-е Декабря. Среда.

7 ч. —29°; 1 ч. дня —16°; 9 ч. веч. —23°.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. Съ ранняго утра небо было заволочено тучами, а въ 9 ч. пошелъ сильный снѣгъ. Окрестностей наблюдать было невозможно, видно было только, что мы движемся между холмами. Въ 10 час. 15 мин. миновали колодецъ Чжончѝ и въ дальнѣйшемъ движеніи путь нашъ пересѣкся нѣсколькими поперечными дорогами. Говорятъ, что по нимъ ѣздятъ китайскіе торговцы, направляющіеся изъ Хўхў-хотò и Лунъ-шэнъ-цзора въ Долōнъ-нўръ. Въ 11 ч. 55 м. мы достигли небольшой рѣчушки, именуемой Чонōйнъ-гōл'омъ; она течетъ узенькимъ потокомъ, въ глубокой разсилинѣ окружающей ея степи. Окрестныя мѣста представляютъ собою волнообразную долину, вѣроятно, сильно каменистую, ибо стоящій торчкомъ щебень выглядывалъ даже изъ-подъ значительной толщи снѣга. Миновавъ въ 1 ч. 20 м. озеро Бўридў-нўръ, мы начали подниматься на горы. Табўнъ ўла. Большую часть этого кряжа дорога проходитъ по ущельямъ, въ окаймляющихъ которыя горныхъ обнаженіяхъ чаще всего виднѣлась порода черныхъ кварцитовъ. Только къ 5 часамъ вечера мы оставили за собою эти ущелья и вступили въ громадную равнину, тянущуюся съ постепеннымъ повышеніемъ на югъ верстъ на 60. Въ 8 ч. вечера остановились для ночлега. Часовъ въ 10 мимо нашей стоянки прошло два русскихъ каравана съ чаемъ.

3-го Декабря. Четвергъ.

7 ч. —28°; 1 ч. дня —17°; 9 ч. веч. —26°.

Выступили въ 8 ч. 50 м. и продолжали путь по той же однообразной долинѣ. Въ 11 ч. 30 м. показался влѣво отъ нашей дороги большой холмъ Тўлга, у подножія котораго проходятъ колеи Гўнчжўинъ-цзàма. Въ разсматриваемой мѣстности Гўнчжўинъ-цзамъ, говорятъ, значительно ровнѣе и удобнѣе нашей дороги, которая все время тянется по увалàмъ и притомъ значительно каменистымъ. Въ полдень достигли мы урочища Гўдурихў,

гдѣ повстрѣчали два озера и нѣсколько чахàрскихъ àилей, заключавшихъ въ себѣ отъ 16 до 20 юртъ каждый. Такихъ большихъ àилей нельзя встрѣтить нигдѣ у халхасовъ и они, можно сказать, представляютъ исключительную особенность чахàрскихъ степей. Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это обусловливается прежде всего значительнѣйшимъ богатствомъ чахàрскихъ степей и самихъ чахàровъ, о чемъ мною уже было говорено въ другомъ мѣстѣ. Глядя теперь на эти юрты и àили, нельзя было не признать бо̀льшую культурность жизни чахàръ. Почти у каждой изъ ихъ юртъ пристроены деревянныя сѣни; это значительно защищаетъ ихъ, конечно, отъ холода. Еще больше такой защиты представляетъ то, что чахàрская юрта обнесена заваленкой и въ нее слѣдовательно не поддуваетъ вѣтеръ снизу. Помимо сего большинство чахàрскихъ юртъ обнесено оградами и хорбнами, передъ каждою изъ такихъ оградъ высятся цѣлые груды аргàлу, что, очевидно, свидѣтельствуетъ о заботливости домохозяевъ. Нельзя не упомянуть за симъ, что передъ весьма многими юртами чахàровъ можно встрѣтить еще поставцы, или, какъ называютъ они, «табю̀ры». Нехитрая постройка эта состоитъ изъ четырехъ вкопанныхъ столбовъ, вышиною аршина въ два; на нихъ ставится ларь и въ него чахàры складываютъ свою ежедневную провизію, а равно хранятъ здѣсь кожи убитыхъ животныхъ и пр. У халхасовъ все это валяется на полу въ юртѣ, пылится, обнюхивается, а иногда и грызется собаками, а главное, само по себѣ грязнитъ юрту; у чахàровъ одинъ этотъ поставецъ уже приноситъ много чистоты въ жилище. Много способствуетъ опрятности чахàрской юрты еще и то, что подъ своимъ очагомъ они въ большинствѣ случаевъ выкапываютъ небольшія ямки; такимъ образомъ пепелъ отъ сгарающаго на очагѣ навоза не лежитъ у нихъ грудами посрединѣ юрты, а скатывается въ ямку подъ очагомъ, внутренность же юрты, если хоть немного слѣдить за нею, бываетъ всегда чистою. Лаская свой глазъ чахàрскими жилищами, мы незамѣтно подъѣхали въ 2 часа дня къ урочищу Манитȳ, въ которомъ происходитъ соединеніе Гȳнчжȳинъ-цзàма и Шарà-номтȳйнъ-цзàма, который служилъ доселѣ нашей дорогою. Въ урочищѣ Манитȳ находятся два большія озера и нѣсколько чахàрскихъ àилей, очевидно, уже не ведущихъ кочевого быта а живущихъ осѣдло; объ этомъ ясно свидѣтельствовали построенные при юртахъ бàйшины, или глинобитныя зданія, въ которыхъ чахàры проживаютъ лѣтомъ. Отсюда къ 2 ч. 50 м. мы добрались до колодца Дȳлгȳрту, а еще черезъ часъ миновали урочище Харà-усȳ. Въ 5 ч. 30 м. мы подъѣхали къ древнему городищу Цагàнъ-балгасȳнъ и такъ какъ мнѣ хотѣлось непремѣнно взглянуть на него, то остановились на ночлегъ почти у самыхъ стѣнъ его. Идти для этого осмотра вечеромъ было, конечно, невозможно.

4-е Декабря. Пятница.

7 ч. —28°; 1 ч. —19°; 9 ч. —22°.

Въ 8 ч. отправились осматривать городище, но утро было такъ холодно, что объ обстоятельномъ осмотрѣ его нечего было и думать, я рѣшилъ отложить это до весны слѣдующаго года, теперь же, благодаря ясному утру, воспользовался имъ для снятія фотографій. Кургановъ въ Цагàнъ-балгасỳнѣ весьма немного и интереснѣйшими изъ нихъ являются: а) круглый валъ въ сѣверо-западномъ углу городища; онъ обложенъ каменными глыбами изъ сѣраго гранита съ выбитыми наверху оныхъ желобообразными углубленіями. Діаметръ круга этого вала равняется 10 арш. а длина каждой глыбы въ 2 арш.; что касается изсѣченныхъ въ нихъ желобовъ, то они, при ширинѣ 6 вершковъ, имѣли глубину въ 3 вер. Въ срединѣ этого кургана имѣется глубокая дира, расширяющаяся книзу; діаметръ ея по наружности 1 арш. и 2 вер. б). Въ сѣверной сторонѣ городища на самой срединѣ его имѣется 2-й курганъ, представляющій, вѣроятно, остатокъ главнаго дворцоваго зданія: нынѣ отъ него имѣется только груда мусора, въ которой мы отыскали нѣсколько любопытныхъ кусковъ глазированной черепицы. Фотографіею были сняты нами здѣсь: оба помянутые кургана, видъ южной стѣны Цагàнъ-балгасỳна, внутренность Цагàнъ-балгасỳна и общій видъ всего городища снаружи.

Окостенѣвъ отъ холода, мы возвратились въ свой станъ, когда онъ готовъ былъ уже двинуться въ дальнѣйшій путь. Выѣхали въ 10 ч. 30 м. и были поражены сразу измѣнившимся видомъ своей дороги. Къ югу отъ Цагàнъ-балгасỳна почти сплошною линіею идутъ пашни и поселки китайцевъ, домики которыхъ раскинулись то группами въ три, четыре бàйшина, то стоятъ одиночками, будучи осѣняемы купами деревьевъ. Дорога изъ широкой степи сразу превратилась въ узкій проселокъ, имѣющій не болѣе двухъ, а мѣстами сокращающійся до одной сажени въ ширину. Черезъ часъ мы достигли уже значительнаго поселка, Гурбỳнъ-тохòй; въ немъ насчитывается до 40 китайскихъ глинобитныхъ бàйшиновъ, принадлежащихъ мѣстнымъ земледѣльцамъ. По улицамъ показались продавцы фруктовъ и сластей: на лоткахъ ихъ были разложены яблоки, ши-цзы, виноградъ, кусочки сахара-леденца, китайскіе пряники и бòбо; все это, конечно, было заледенѣлое и совершенно невозможное къ употребленію. Далѣе за Гурбỳнъ-тохòй идутъ тѣ же виды полей, на которыхъ, по разказамъ, китайцы засѣваютъ пшеницу, ячмень, просо, гречу и множество различныхъ видовъ гороха. Справедливы ли эти разказы, судить теперь по совершенно оголеннымъ полямъ трудно; даже корни прошлогоднихъ посѣвовъ истреблены теперь населеніемъ и на бывшихъ нивахъ мы могли созерцать лишь

гробы умершихъ китайцевъ, нѣкогда работавшихъ на этихъ поляхъ, а нынѣ на нихъ и упокоившихъ свои кости. Извѣстно, что китайцы землевладѣльцы каждый имѣетъ свое кладбище на своей нивѣ. Въ 12 ч. 25 м. миновали рѣчку Аруйнъ-гол̀ъ; переѣхавъ ее по каменному мосту, длина коего около 5, а ширина не свыше 2-хъ саженей. Продолжая отсюда далѣе свой путь по такимъ же полямъ, мы въ 1 ч. 40 м. увидали верстахъ въ 4-хъ влѣво отъ дороги древнее городище Харà-балгасýнъ, а черезъ часъ послѣ сего достигли китайскаго поселка Борò-цэ̄чжи, или, какъ называютъ его теперь сами китайцы, По-ло цай-цза. Селеніе это, за исключеніемъ Шабартàя, считается теперь самымъ значительнымъ китайскимъ поселкомъ въ данной мѣстности и въ общемъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 200 дворовъ китайскихъ земледѣльцевъ, къ которымъ присоединилось и до 20 лавокъ китайскихъ торговцевъ. Помимо удовлетворенія нуждъ мѣстныхъ китайцевъ, торговцы эти содержатъ еще у себя достаточное количество товаровъ на монгольскую руку, хотя въ послѣднемъ отношеніи несравненно богатѣйшими ихъ лавокъ могутъ быть названы лавки шабартàйскія. Помимо означенныхъ торговцевъ, въ Борò-цэ̄чжи содержатъ небольшія отдѣленія своихъ складовъ нѣсколько китайскихъ солепромышленниковъ, перехватывающихъ у монголовъ покупкою соль, когда они везутъ ее для продажи въ Калганъ. Наконецъ въ поселкѣ Борò цэ̄чжи имѣютъ свои квартиры и нѣсколько русскихъ. Это низшій разрядъ приказчиковъ, высылаемыхъ нашими калганскими коммиссіонерами для встрѣчи монгольскихъ извозчиковъ, направляющихся со своими верблюдами въ Калганъ, чтобы поднять и перевезти чай, или другіе товары на сѣверъ Халхи, или даже до предѣловъ Россіи. Обычай этотъ—высылать приказчиковъ—русскіе, несомнѣнно, заимствовали отъ китайцевъ и установился онъ сравнительно въ недавнее время, когда вывозъ въ Россію чая и другихъ китайскихъ произведеній увеличился, а въ Монголіи между тѣмъ, въ силу періодически повторявшихся падежей, перевозочныя средства значительно сократились. Итакъ, желая поскорѣе заручиться себѣ извозчиками, русскіе коммиссіонеры начали высылать своихъ приказчиковъ верстъ за 40 на сѣверъ отъ Калгана, чтобы еще до вступленія монголовъ въ городъ законтрактовывать уже ихъ верблюдовъ подъ свозъ своихъ товаровъ. Порядки эти въ общемъ отзываются весьма невыгодно на русскомъ дѣлѣ, но объ этомъ будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ; теперь же я могу сказать только, что мы несказанно обрадовались, увидавъ въ Борò-цэ̄чжи русскаго человѣка. Жилъ онъ въ китайскомъ бàйшинѣ и совершенно по-китайски, а потому мы даже и не заѣхали къ нему тѣмъ больше, что онъ занятъ былъ угощеніемъ монголовъ. Послѣднимъ зданіемъ въ поселкѣ Борò-цэ̄чжи на нашемъ пути была монголо-

ламайская кумирня, Борò-цэ̄чжiинъ-сўмэ̀, построенная совершенно по типу китайскихъ кумирень, такъ что одно только присутствіе на кровлѣ ея ганчжѝра можетъ свидѣтельствовать, что это кумирня цзонхавинскаго толка. Далѣе дорога наша пошла по горному скату, имѣя вправо теченіе рѣчушки Борò-цэ̄чжи. Въ 4 часа мы переправились на правый берегъ этой рѣчки и засимъ вступили въ горы, а въ 5 часовъ остановились для ночлега въ ущельи Да-хань-гоу. Такъ какъ предстоявшій намъ съ завтрашняго утра перевалъ чрезвычайно труденъ для верблюдовъ въ силу своей величины и каменистости, то въ Да-хань-гоу обычно замѣняютъ верблюдовъ телѣгами, запряженными быками, лошадьми, или мулами (ло-цзы). Мы наняли для себя двѣ телѣги съ двумя лошадьми, за три ланы серебра, до Калгана и на этихъ двухъ телѣгахъ, помѣстилось у насъ все то, что до сего времени везли 6 верблюдовъ.

5-е декабря. Суббота.

7 ч. —26°; 1 ч. —20°; 9 ч. веч. —24°.

Проснулись, по обычаю, въ 5 ч. утра, но только къ 8 часамъ новые извозчики наши были готовы и мы двинулись въ путь. Дорога пошла прямо въ гору; она весьма камениста и тянется узенькою колеею по скатамъ горъ, постепенно повышаясь къ перевалу. Перевалъ этотъ носитъ названіе Сэнчжитў̄-даба̄ и по нему обычно слѣдуютъ купеческіе караваны, слѣдующіе въ Калганъ. Проѣхавъ по разсчету верстъ 6, мы въ 9 ч. 40 м., обогнувъ горный мысъ Сэнчжитў̄-ӯлы, должны были круто спуститься въ горную разсѣлину, отъ которой дорога снова начала подниматься къ перевалу уже по искусственно сдѣланной въ горѣ террасѣ. Почва здѣсь менѣе камениста и представляетъ собою порядочный суглинокъ. Такое достоинство ея было оцѣнено китайцами и, подѣлавъ себѣ искусственныя террасы, они расположили на нихъ уступами и свои жилища и свои пашни. Нѣсколько выше отсюда можно уже ясно видѣть древнюю Великую стѣну китайцевъ, отъ которой однако здѣсь остался теперь одинъ только невысокій валъ, да мѣстами еще на половину уцѣлѣли башни, имѣвшія съуживающуюся кверху четыреугольную форму. На многихъ изъ этихъ башень еще уцѣлѣла облицовка ихъ кирпичемъ, но большая часть изъ нихъ представляетъ только глиняные остовы, что также не менѣе удивительно послѣ болѣе чѣмъ 2000-лѣтняго существованія. Исторія замѣчаетъ, что по сѣвернымъ мѣстамъ провинціи Шань-си и въ области Шанъ-цзюнъ великая стѣна была построена княземъ Чжао-ва̀номъ еще при династіи Цинь: отъ Тай-чжоу и горы Инь-шань до Гао-гуань она построена была княземъ Ву-линъ-ваномъ при династіи Чжао; а отъ Чжао-янъ до Сянъ-пинъ построена при династіи Янь. Цинь Ши-хуанъ-ди, уничтоживъ 6 княжествъ, покоривъ сѣверныя

области и овладѣвъ мѣстностями къ югу отъ Желтой рѣки, отправилъ Мэнъ-тяна съ нѣсколькими сотнями тысячъ работниковъ и приказалъ имъ построить великую стѣну на пространствѣ отъ Линь-чжао до Ляо-дуна, т. е. на разстояніи болѣе 10-ти тысячъ ли (отъ этого-то великая стѣна и называется по-китайски «Вань-ли чанъ чэнъ, т. е. стѣна въ 10,000 ли длиною). Такъ какъ династіи Цинь, Чжао и Янь существовали еще во времена удѣловъ, то ясно, что мысль построенія Великой стѣны и самое начало этого дѣла относятся ко времени гораздо раньшему Цинь Ши-хуанъ-ди. Послѣдній только окончилъ постройку Великой стѣны и далъ ей настоящіе размѣры. Что касается до времени первоначальнаго основанія стѣны, видимой нами у Калгана, то, по объясненіямъ Ши-гу, древній Чжао-янъ находился внутри области Шанъ-гу, т. е. всецѣло заключалъ въ себѣ мѣста, сопредѣльныя Калгану. Наконецъ въ 10 ч. 20 м. мы поднялись на вершину хребта, откуда нашимъ глазамъ предсталъ поразительный видъ. Тысячи горъ самыхъ разнообразныхъ формъ и красокъ возвышались передъ нами и въ этомъ лабиринтѣ возвышенностей было что-то величественно гармоничное, доводящее до полнаго забвенія о человѣческой жизни и ея вліяніи на природу, а дающее созерцать эту природу въ ней самой. Стоило однако только оторвать глазъ отъ этого вида, чтобы погрузиться въ самыя неприглядныя мысли. Спускъ съ дабáна ужасенъ. Прежде всего онъ необычайно крутъ и, по произведеннымъ здѣсь измѣреніямъ, въ пространствѣ первыхъ пяти верстъ при спускѣ съ Сэнчжитў-дабáна общій уровень мѣстности падаетъ болѣе чѣмъ на 315 метровъ. Второе неудобство перевала—это его каменистость, описать которую въ сущности не хватаетъ и силы, ибо наше понятіе «каменистый» даже не подходяще сюда. Камни лежатъ здѣсь громадными валунами, вышиною отъ полу-аршина до 10 и болѣе вершковъ и черезъ нихъ то бѣдныя животныя должны перетаскивать свои телѣги съ кладью. Да, телѣга никогда не раскатится здѣсь подъ гору и только тогда, когда увидишь лóцзу съ вытянутыми ногами и дрожащими мускулами ляжекъ, поймешь всю трудность этаго перевала. Таково спускаться, и что же нужно сказать о подъемѣ?! А между тѣмъ дорога эта представляетъ великій торговый трактъ, соединяющій Китай съ Россіею. Избѣгая громадныхъ камней, лежащихъ посреди дороги, дорожныя колеи постоянно лавируютъ то въ ту, то въ другую сторону, хотя такая лавировка удается очень слабо, ибо мѣсто возможное для образованія дороги вообще очень узко, объ очисткѣ же и уравненіи пути никто и не думаетъ. На половинѣ разстоянія этихъ ужасныхъ 5 верстъ, или, можетъ быть, нѣсколько ближе къ вершинѣ дабáна, стоитъ кумирня Гэссэ́ра, построенная на вырытой въ горѣ площадкѣ. При ней съ прошлаго года поселено, говорятъ, 15 человѣкъ китайскихъ

солдатъ зеленаго знамени съ цѣлью охранять путниковъ отъ нападеній разбойниковъ, во множествѣ бродящихъ здѣсь вслѣдствіе военныхъ дѣйствій въ Жэ-хо и общаго возбужденія въ этой странѣ. Только въ 12 ч. 10 м. миновали мы самую крутую часть перевала и подъѣхали къ деревнѣ, именуемой Ту-динъ-цза. Отсюда ущелье дѣлается шире и дорога внизъ, въ направленіи къ Калгану, становится нѣсколько спокойнѣе. Дикія, утесистыя стѣны ущелья замѣтно сглаживаются и мѣстами, на горахъ, начинаютъ попадаться даже пашни. Чѣмъ ближе къ Калгану тѣмъ пашень встрѣчается больше. Онѣ располагаются по террасамъ, искусственно выдѣланнымъ уступами по крутымъ скатамъ, окаймляющимъ ущелье горъ. При болѣе внимательномъ обзорѣ почти у каждой пашни можно видѣть каменную плиту, на которой высѣчены и окрашены въ красную краску іероглифы, обозначающіе имя владѣльца пашни и количество принадлежащей ему здѣсь земли, а равно годъ, въ который поставлена эта плита. Такіе виды тянутся вплоть до калганскаго предмѣстья Янь-бо-шань, гдѣ имѣютъ свою осѣдлость русскіе обитатели Калгана. Ровно въ 2 ч. дня мы прибыли въ это предмѣстье и были радушно встрѣчены здѣсь семьею М. Д. Батуева, одного изъ значительныхъ коммиссіонеровъ московскихъ купцовъ по дѣлу транспортировки чая изъ Китая въ Россію.

X. Калганъ.

Калганъ, или по-китайски Чжанъ-цзя-коу (張 家 口) на языкѣ мѣстной администраціи и простыхъ китайцевъ, особливо ведущихъ торговлю съ Монголіею, называется еще Дунъ-коу (東 口), т. е. «восточный проходъ» черезъ Великую стѣну, въ отличіе отъ Си-коу (西 口), или «западнаго прохода», подъ которымъ разумѣется Гуй-хуа-ченъ (歸 化 城). Географическое положеніе Калгана достаточно извѣстно, чтобы я, неспеціалистъ, могъ говорить о немъ подробно; но мнѣ кажется, что въ настоящую пору, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, довольно трудно ограничивать этотъ городъ тою оффиціальною рамкою, въ которую мы, вмѣстѣ съ китайцами, привыкли уже включать его, т. е. Великою стѣною, и можно сказать, что современный Калганъ начинается по крайней мѣрѣ версты за $1^1/_2$ отъ воротъ Великой стѣны; другими словами, что къ городу необходимо причислить еще предмѣстье онаго, располагающееся по сѣверо-западному ущелью, называемому въ произношеніи мѣстныхъ жителей

Янь-бо̄-шань» (元寶山). Правда, китайцы до сей поры строго отдѣляютъ городъ отъ его предмѣстья въ Янь-бо̄-шани. Въ послѣднемъ у нихъ существуетъ даже особое и отдѣльное отъ городского управленіе, сосредоточенное въ Фу-минь-фу (撫民府), вѣдѣнію котораго подлежатъ еще всѣ китайскіе фермеры и землепашцы, вышедшіе за Великую стѣну и обосновавшіе свои поселенія, какъ мы уже видѣли, почти вплоть до Цаганъ-балгасу̀на. Но все это узнается только впослѣдствіи, когда поживешь въ городѣ и начнешь изучать его части въ деталяхъ, по первому же взгляду путешественника, современный Калганъ начинается, повторю снова, по крайней мѣрѣ версты за $1^1/_2$ отъ городской стѣны. По скаламъ Янь-бо̄-шаньскаго ущелья сплошною линіею лѣпятся здѣсь богатѣйшія лавки пекинскихъ и лаосѝрскихъ купцовъ, ведущихъ свою торговлю особливо съ пріѣзжающими въ Калганъ монголами; здѣсь же сосредоточены всѣ жилыя помѣщенія, равно какъ и чайные склады русскихъ торговцевъ, имѣющихъ свое дѣло въ Калганѣ; наконецъ въ Янь-бо̄-шани располагается и большая часть торговыхъ рынковъ на предметы первѣйшихъ продуктовъ для жизни и продовольствія всѣхъ вообще калганцевъ, таковы: мясо, мука, топливо и проч. Разсматривая именно такимъ образомъ Калганъ, я начну описаніе его съ Янь-бо̄-шани.

Въѣздъ въ Калганское предмѣстье рѣзко отдѣляется отъ прочихъ китайскихъ поселеній, располагающихся въ Янь-бо̄-шани. Версты за двѣ отъ калганской стѣны ущелье дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-востоку, паденіе его становится круче и само оно нѣсколько расширяется. Посреди ущелья течетъ небольшой ручей, превращающійся, впрочемъ, въ періоды таянія снѣговъ и паденія дождей въ стремительный потокъ и приносящій не мало зла мѣстнымъ обитателямъ. Неподалеку отъ вышеуказаннаго поворота Янь-бо̄-шани начинаются уже сплошныя поселенія калганцевъ. На первомъ планѣ здѣсь, на невысокомъ пригоркѣ возвышается теперь небольшое, но очень красивое зданіе православной русской церкви, постройка коей начата была въ 1892 году Екатеринбургскимъ купцомъ Михаиломъ Димитріевичемъ Батуевымъ. Мѣсто для построенія храма было пріобрѣтено г. Батуевымъ отъ мѣстныхъ китайцевъ первоначально въ размѣрѣ 3-хъ му[1]), за 500 ланъ серебра; впрочемъ, опасаясь, чтобы покой и святыня храма не были какъ-либо нарушены или оскорблены китайцами, строитель присоединилъ потомъ къ этой землѣ и еще 3 му, которыя ему удалось пріобрѣсти уже за 200 ланъ. Такимъ образомъ всего русскаго мѣста подъ зданіемъ храма и въ окружности его около 960 кв. саженей,

1) Кит. му = 159 саж. $46^1/_2$ кв. фут.

стоящихъ 700 ланъ, или около 1750 серебряныхъ рублей. Много труда было положено, конечно, чтобы пріобрѣсти эту землю подъ церковь, но еще больше усилій потребовалось, чтобы приспособить ее къ постройкѣ храма. Пріобрѣтенное пространство представляло собою крутой скатъ Яньбо-шани, на которомъ не мыслимо было возвести даже какое-либо маленькое зданіе. Строитель долженъ былъ скопать боковину горы и искусственно выдѣлать на ней террасу, углубившись внутрь горы саженей на 10—12-ть и на этой-то террасѣ расположилъ онъ свои постройки, на высотѣ приблизительно семи саженей въ отвѣсѣ отъ дна ущелья. Чтобы срытая боковина горы не обваливалась на террасу, онъ укрѣпилъ ее, обложивъ ее бутовою плитою и устроивъ такимъ образомъ со стороны горы какъ бы каменную стѣну; а отъ дна ущелья провелъ на террасу каменную лѣстницу. Самое зданіе храма сложено изъ обожженаго сѣраго кирпича, на фунда-

Новая православная церковь въ Калганѣ.

ментѣ облитомъ цоколемъ и крыто черепицею такого же сѣраго цвѣта. Въ верхней части наружныхъ храмовыхъ стѣнъ проходитъ вмѣсто бордюра линія выложенныхъ изъ кирпича крестовъ, а надпрестольная глава изящно и симметрично красуется надъ общимъ корпусомъ храма и завершается мирнымъ изображеніемъ золотого креста. Черезъ особливо при-

строенный къ зданію каменный притворъ входишь внутрь храма, гдѣ помѣщеніе его измѣряется въ 7 арш. ширины и 20 арш. длиною; храмъ предположенъ слѣдовательно на 70—80 человѣкъ, хотя едва ли скоро возрастетъ здѣсь до этого числа сумма православныхъ. Иконостасъ для церкви былъ исполненъ въ С.-Петербургѣ извѣстнымъ мастеромъ А. А. Сиговымъ. Необходимость переправлять его моремъ исключала возможность оклейки его дубомъ, какъ хотѣлось этого строителю; ибо вліяніе сырости легко могло попортить все сооруженіе; нужно было избѣгать всякой оклейки и дѣлать все изъ цѣльнаго дерева; поэтому-то иконостасъ былъ только отдѣланъ подъ дубъ, съ рѣзьбою, изъ липоваго дерева. Украшенный позолотою онъ представляется по изящной тонкости своей работы едва ли не лучшимъ всѣхъ другихъ иконостасовъ православныхъ церквей въ Китаѣ. Иконы для храма, всего въ количествѣ 23-хъ, были исполнены художникомъ Михаиломъ Семеновичемъ Виноградовымъ. Всѣ лики святыхъ писаны на холстахъ, на живописныхъ фонахъ и въ самомъ строгомъ византійскомъ стилѣ. Особеннаго вниманія изъ среды ихъ заслуживаетъ запрестольный образъ Воскресенія Христова, «Моленіе о чашѣ», стоящее у жертвенника, а равно и мѣстная икона Св. Троицы, во имя которой воздвигнутъ самый храмъ. Ихъ можно назвать истинно художественными произведеніями покойнаго живописца. Утварью церковь также вполнѣ достаточна. Сребро-позлащенные сосуды особенно хороши по своей работѣ, не менѣе изящны евангеліе и напрестольные кресты; вообще же въ утвари предусмотрѣны даже такія вещи, которыя не всегда можно встрѣтить и въ русскихъ храмахъ, таковы люстры, канделябры, хоругви, лампады на кронштейнахъ и проч.

На восточной сторонѣ церковнаго двора, близъ алтаря, строитель отвелъ особое мѣсто для кладбища; на западной — почти отъ дверей притвора разбитъ изящный цвѣтникъ; на сѣверной, по обѣимъ сторонамъ воротъ, ведущихъ въ храмовой дворъ, построено два маленькихъ флигеля, изъ коихъ одинъ предназначенъ для постояннаго проживанія въ немъ сторожа, а другой для временной остановки священника, на случай пріѣзда его въ Калганъ къ отправленію богослуженій. Устроивъ такимъ образомъ храмъ и прилежащія къ нему пристройки, г. Батуевъ передалъ все это въ вѣдѣніе Православной Россійской Миссіи въ Пекинѣ, приложивъ къ такому своему приношенію еще 2000 ланъ серебра (4 тыс. руб.), на проценты съ которыхъ миссія съ избыткомъ можетъ содержать сторожа, для храненія этого своего имущества. а при нуждѣ и ремонтировать оное.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый истинно русскій человѣкъ отнесется съ глубочайшимъ уваженіемъ къ христіанскому дѣлу и высокой личности М. Д. Батуева. Стоитъ припомнить, что больше 200 лѣтъ уже русскіе

посѣщаютъ Калганъ, свыше 30 лѣтъ русскія фирмы ведутъ въ этомъ городѣ свои торговыя дѣла; десятки лицъ, благодаря исключительно Калгану, нажили себѣ не тысячи, а сотни тысячъ рублей и теперь оставили его, владѣя уже милліонами. И гдѣ они? Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу? Мало того, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ объ удовлетвореніи религіозной потребности тѣхъ своихъ низшихъ служащихъ, которые осуждены безвыѣздно жить и работать въ Калганѣ въ теченіе цѣлыхъ годовъ. Честь и слава строителю храма Святой Троицы, православному христіанину и истинному сыну земли русской, возглашаемъ мы, зная, что до сей поры г. Батуеву, пришлось вынести только не мало болѣзненной горести прямо по поводу постройки этой церкви.

Отъ мѣста православнаго русскаго храма постройки китайцевъ и русскихъ тянутся уже непрерывною линіею. Русскіе купцы не имѣютъ здѣсь своихъ лавокъ, а только жилыя подворья, при которыхъ помѣщаются у нихъ кладовыя для храненія привозимыхъ изъ Россіи товаровъ, и отдѣльно еще склады для чаевъ, получаемыхъ ими изъ Китая, съ цѣлью переотправки въ Россію. Жилища всѣхъ нашихъ соотечественниковъ съ наружной стороны представляютъ собою странную смѣсь китайской и русской

Домъ купца М. Д. Батуева въ Калганѣ.

архитектуръ, а внутри въ большинствѣ случаевъ довольно сносно отдѣланы по-европейски. Лучшимъ по своему устройству представляется домъ М. Д. Батуева. Въ немъ найдете вы чистыя и изящно меблированныя комнаты, прекрасную, уставленную растеніями веранду, цвѣтникъ, оранжерею и всякаго рода хозяйственныя постройки для удобствъ и гигіены въ жизни. У другихъ помѣщенія хотя и не меньшія, а даже большія—чѣмъ у Батуева, но съ тою мѣщанскою обстановкой, которая отличаетъ жизнь нашихъ ветхозавѣтныхъ торгашей въ уѣздныхъ городахъ. Весьма вѣроятно, конечно, что все дѣло объясняется здѣсь тѣмъ, что у Батуева есть жена

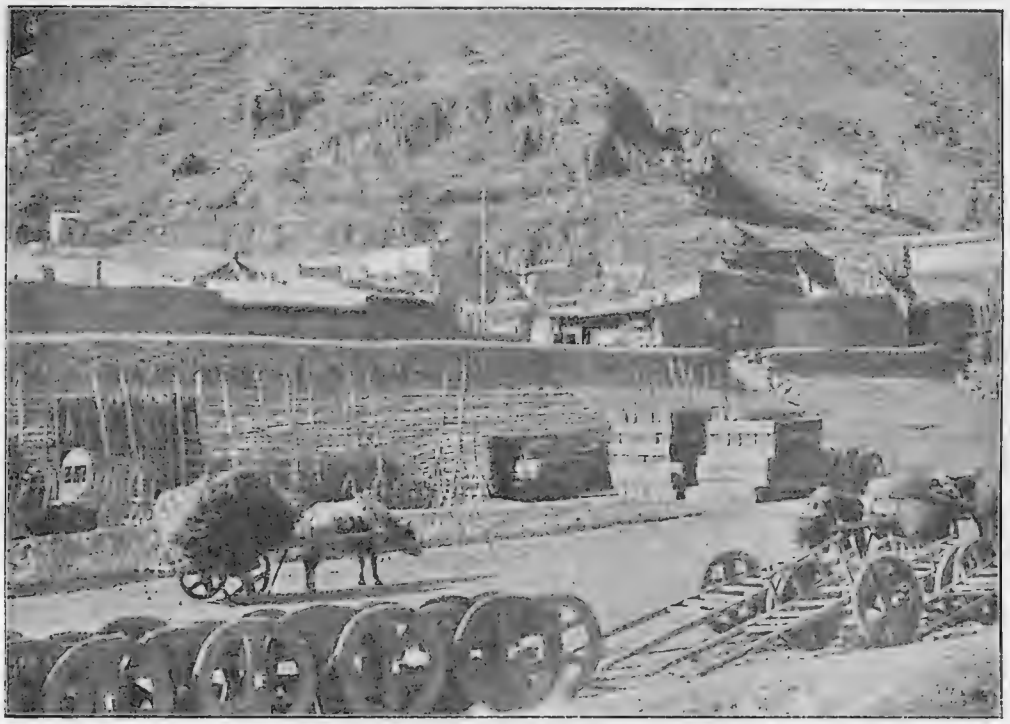
Типъ жилищъ и складовъ русскихъ коммиссіонеровъ въ Калганѣ.

и прекрасная хозяйка, тогда какъ всѣ другіе живутъ quasi холостяками. Въ отношеніи къ спеціальному дѣлу транспортировки товаровъ препятствуетъ здѣсь устроиться нашимъ соотечественникамъ съ надлежащимъ удобствомъ само калганское ущелье: благодаря крайне узкой и стѣсненной долинѣ онаго, рѣшительно ни одинъ изъ русскихъ не можетъ завести у себя хотя бы одинъ хорошій складъ, чтобы имѣть все подъ руками, но каждый изъ нихъ имѣетъ по 5—6 и даже по 10-ти отдѣльныхъ дворовъ, иногда значительно удаленныхъ другъ отъ друга.

Въ совершенную противоположность этому проживающіе въ Янь-бо̄шани китайцы рѣшительно всѣ ведутъ здѣсь мелочную торговлю и имѣютъ у себя открытые магазины, жилыя же помѣщенія ихъ представляютъ собою маленькія и грязныя каморки, располагающіяся обычно непосредственно позади лавокъ. По происхожденію торговцы эти раздѣляются на двѣ категоріи: пекинцевъ и лаосѝровъ, или выходцевъ изъ Западнаго Китая. Какъ и повсюду, лавки пекинскихъ торговцевъ выглядятъ наиболѣе изящными зданіями и кажутся богаче всѣхъ прочихъ, хотя такое мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи нѣкоторыхъ, должно почитаться весьма ошибочнымъ. Дѣло лишь въ томъ, что въ пекинской лавкѣ всегда можно встрѣтить товары разнообразнѣе и выборъ ихъ богаче: пекинцы торгуютъ и китайскими шелковыми матеріями и всевозможными продуктами привозимой въ Китай европейской производительности, тогда какъ лавки лаосѝровъ не гонятся за наружнымъ блескомъ, а изобилуютъ по преимуществу товаромъ на монгольскую руку: чай, дàбу, дàлянбу, юфть и пр. Помимо сего въ Янь-бо̄-шани имѣется еще нѣсколько лавокъ, ведущихъ лѣсное дѣло, а равно найдется десятка по два магазиновъ, спеціально торгующихъ желѣзнымъ, кожевеннымъ, и москательными товарами. Это, въ большинствѣ, уже торговцы мѣстнаго, калганскаго происхожденія.

Ниже, приблизительно за полверсты до городской стѣны, Янь-бо̄шань'ское ущелье образуетъ новое большое паденіе и значительно расширяется. Потокъ, стекающій съ вершины его, разливается по нему въ такомъ объемѣ и стремится внизъ съ такою силою, что въ пору разливовъ воды здѣсь рѣшительно не бываетъ проѣзда. Это неудобство побудило калганцевъ для безостановочнаго сообщенія Янь-бо̄-шани съ городомъ устроить въ указанномъ мѣстѣ по правой, западной сторонѣ ущелья особую дамбу. На языкѣ мѣстныхъ китайцевъ эта часть города, или его предмѣстья, называется «Па-ганъ-цзы», или «Па-га-рл», что въ буквальномъ переводѣ значитъ — «на плотинѣ»; монголы же называютъ эту площадь «дабàн'омъ». Здѣсь сосредоточивается у калганцевъ главнѣйшая торговля скотомъ. Въ теченіе всей зимы и осени быки и овцы цѣлыми сотнями головъ ежедневно пригоняются сюда какъ живущими за предѣлами Великой стѣны китайцами, такъ равно и южными монголами, особливо чахàрами и сунѝтами, и продаются по сравнительно недорогимъ цѣнамъ. Хорошій баранъ въ разное время года стоитъ отъ 1 л. 2 ц. до 2-хъ ланъ серебра; быкъ, смотря по вѣсу его, отъ 9 до 16 ланъ. Въ теченіе 5-й и 6-й луны па-ган-цзы представляетъ собою особенно бойкій торговый пунктъ: въ эту пору монголы пригоняютъ сюда лошадей и продаютъ ихъ въ собственный Китай. Въ послѣднее время ежегодно сбывается здѣсь отъ 15 до 30 ты-

сячъ головъ. Китайскіе торговцы пріѣзжаютъ по преимуществу изъ провинцій Ху-бэй, Ху-нань и даже болѣе южныхъ, при чемъ проживаютъ въ



Видъ калганскаго ущелья у Па-ган цзы.

Калганѣ довольно долгое время. Покупаютъ они главнымъ образомъ 3-хъ годовалыхъ кобылицъ, цѣна на которыхъ бываетъ различна, доходя, впрочемъ, даже въ самое дорогое время только до 8 ланъ; въ общемъ пониженіе или повышеніе цѣнности на этотъ скотъ обусловливается, какъ и повсюду, во-первыхъ, количествомъ пригона скота, во-вторыхъ, качествомъ животныхъ, а въ-третьихъ, количествомъ спроса и покупателей. Китайцы, съ которыми приходилось мнѣ говорить здѣсь о торговлѣ скотомъ, замѣчаютъ, что, при продажѣ въ розницу, рѣшительно всѣ виды скота являются въ Калганѣ дороже чѣмъ въ Пекинѣ и объясняютъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что монголы, находя для себя невыгодною продажу скота, всегда и съ большимъ удобствомъ могутъ угонять свой скотъ обратно домой, тогда какъ загнавъ животныхъ въ Пекинъ, они отдаютъ ихъ уже и по болѣе сходной цѣнѣ.

Площадь «Па-ган-цзы» доведена китайцами почти до самаго окончанія Янь-бо-шань'скаго ущелья. Саженяхъ въ 150 южнѣе дамбы двѣ горы подступаютъ близко одна къ другой и представляютъ собою какъ бы двѣ

каменныхъ стѣны, съ отвѣсными, вертикальными и, по образному выраженію китайцевъ, «точно разсѣченными сѣкирой» утесами. Въ западной половинѣ пространства между этими скалами, преграждая проходъ по ущелью, высится часть внѣшней Великой стѣны, возобновленной (хотя единственно въ этомъ пунктѣ) въ періодъ Минской династіи. Въ восточной половинѣ того же пространства между скалами образовалъ свое русло вышепомянутый потокъ, стекающій изъ ущелья Янь-бо̀-шань и подкрѣпляемый здѣсь еще другимъ ручьемъ, вытекающимъ изъ Цагàнъ-тологòйской пади. Соединенные ручьи образуютъ уже довольно значительную рѣчку. При началѣ нынѣшней династіи она носила названіе «Динъ-бянь-хэ», т. е. «рѣки, опредѣляющей границу», но въ настоящую пору это названіе уже не извѣстно и современные калганцы положительно не знаютъ для нея другого имени, помимо «Тунъ-цяо-хэ», т. е. рѣки проходнаго моста (通橋河). Разказываютъ что въ пору возобновленія стѣны и укрѣпленія здѣшняго

Великая стѣна и «Большія пограничныя ворота» въ Калганѣ.

прохода Минами, великая стѣна была устроена надъ этою рѣкою какъ бы въ висячемъ положеніи: она поддерживалась будто бы частію поднимавшимися со дна рѣки устоями, а частію упоромъ въ восточную скалу ущелья.

Дѣйствительно, на скалѣ этой донынѣ еще уцѣлѣли знаки какихъ-то сооруженій, хотя сказать, что именно было въ данномъ мѣстѣ, рѣшительно не возможно. Мины отдѣлали заново и проходъ черезъ эту стѣну, служащій вмѣстѣ съ симъ и городскими воротами Калгана. Китайцы зовутъ ихъ «Да-цзинъ-мынь» (大境門), т. е. «большими пограничными воротами». Вечеромъ, обыкновенно немного спустя послѣ захожденія солнца они ежедневно закрываются громадными, створчатыми, окованными желѣзомъ дверями и открываются лишь съ наступленіемъ утра при солнце-восходѣ. За состояніемъ воротъ наблюдаетъ особый чиновникъ, каютка котораго стоитъ тутъ же при входѣ въ городъ, по южную сторону воротъ и отмѣчена вывѣскою: «тинъ-гуань» (聽官), каковая должность, по нашимъ понятіямъ, должна означать не только дозорнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и шпіона. Здѣсь оффиціально полагается граница собственнаго Китая и начинается китайскій городъ Чжанъ-цзя-коу, или Калганъ. Необходимо замѣтить однако, что вообще Калганъ ни въ оффиціальномъ мірѣ, ни даже въ воззрѣніяхъ китайскихъ простолюдиновъ не имѣетъ значенія города: онъ признается только военною крѣпостью (堡), при которой раскинулось еще селеніе, почитающееся пригородомъ, или вѣрнѣе слободою, уѣзднаго города Ванъ-цюань-сянь, отстоящаго приблизительно верстъ на 20 къ западу отъ Калгана. По этой-то причинѣ въ Калганѣ имѣется два управленія. Какъ военная крѣпость, служащая притомъ центральнымъ пунктомъ для управленія чахарскихъ военныхъ знаменъ, Калганъ состоитъ въ верховномъ завѣдываніи Ду-туна, хотя власть его и весьма ограничена, такъ какъ de jure не простирается далѣе стѣнъ собственно военнаго, маньчжурскаго города. Какъ пригородъ, или слобода Ванъ-цюань-сяня, Калганъ управляется Вань-цюань'скимъ уѣзднымъ начальникомъ (чжи-сянь). Такъ какъ Вань-цюань-сянь самъ по себѣ не составляетъ и $^1/_{10}$ части Калгана, то мѣстному чжи-сяню естественно приходится имѣть гораздо больше дѣла въ этомъ послѣднемъ, чѣмъ въ своемъ городѣ; тѣмъ не менѣе постоянное мѣстожительство его находится все-таки въ Ванъ-цюани, въ Калганъ же онъ пріѣзжаетъ только два, или три раза въ недѣлю. Постояннымъ представителемъ власти чжи-сяня въ Калганѣ является чиновникъ, въ званіи бошко, въ просторѣчіи называемый «ди-фанъ» (地方), или лао-цзя-рл (老家兒).

Какъ торговый городъ, Калганъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна называется Шанъ-пу (上堡), т. е. «верхняя крѣпостца», а вторая — Ся-пу (下堡), или «нижняя крѣпостца». Слѣдуя изъ ущелья Янь-бо-шань, по пути лежитъ прежде всего Шанъ-пу, вступивъ въ которую черезъ ворота Да-цзинъ-мынь, тотчасъ находишь раздѣленіе дорогъ: первая, боль-

шая дорога ведетъ въ главную улицу, города, называемую «Да-мынь-цзе» (大門街), т. е. улицу большихъ воротъ; вторая дорога, уклоняющаяся влѣво, ведетъ въ калганскій маймачѣнъ. Эта послѣдняя часть города, хотя и находящаяся въ Шанъ-пу, но отдѣленная особою стѣною, на языкѣ оффиціальныхъ полицейскихъ объявленій называется «ши-цюань» (市圈) т. е. «рыночная изгородь», въ просторѣчіи же ее зовутъ «цюань-ли-тоу (圈俚頭), что значитъ «за стѣнами». Въ маймачѣнъ ведутъ двое воротъ: однѣ малыя, сѣверныя (小北門), а другія, черезъ которыя главнымъ образомъ совершается провозъ товаровъ, — южныя (南門). Послѣднія у монголовъ зовутся «мэлэхэй хаша», т. е. лягушечьими воротами. У сѣверныхъ воротъ находится мѣстное полицейское управленіе, въ которомъ проживаютъ и ночные сторожа маймачѣна: еженочно сюда назначается десять человѣкъ солдатъ, на обязанности которыхъ лежитъ обходить всѣ существующія въ маймачѣнѣ лавки. Внутри калганскій маймачѣнъ очень не великъ и едва ли превышаетъ въ длину 200 саж., а въ ширину не свыше 100. Онъ представляетъ собою общій дворъ, по восточной и западной сторонамъ кото-

Внутренній видъ калганскаго маймачѣна.

раго располагаются двухъэтажныя зданія торговыхъ конторъ и складовъ; на южной сторонѣ помѣщаются одни лишь склады въ видѣ большихъ каменныхъ сараевъ, да еще небольшое зданіе театра, находящееся какъ

разъ противъ кумирни въ честь Гэсэ̀ра, построенной на верху сѣверной стѣны. Театральныя представленія идутъ въ маймачѐнѣ, какъ и вообще въ Калганѣ, главнымъ образомъ лѣтомъ, зимою же сцена открывается очень рѣдко. Что касается маймачѐнской кумирни, то расположенная на верху стѣны, на высотѣ приблизительно 8 саженей, она представляетъ собою и ведущею къ ней лѣстницею очень красивую картинку. Воздвигнута она, какъ гласитъ о томъ надпись надъ ея дверями, въ 9 лунѣ 25-го года правленія Цзя-цина, т. е. приблизительно 85 лѣтъ тому назадъ. Калганскій маймачѐнъ можно назвать средоточіемъ китайской торговли съ Россіею. Почти вся масса русскихъ суконъ и различныхъ сортовъ плиса, равно и всѣ вывозимые изъ Россіи пушные товары привозятся прежде всего именно въ склады калганскаго маймачѐна и уже отсюда пріобрѣтаются оптовыми торговцами Ся-пу и вывозятся въ собственный Китай. Расположенныя здѣсь наилучшія и богатѣйшія лавки принадлежатъ фирмамъ: Да цюань-юй, Ту-чжэнъ, Юй-юань-юнъ и др. Здѣсь же сосредоточены и главные склады иныхъ товаровъ для заграничной торговли китайцевъ, ведущихъ свои дѣла какъ въ Кяхтѣ, такъ и производящихъ свою основную чайную торговлю въ сѣверной части Монголіи. Наиболѣе состоятельными изъ этихъ фирмъ въ настоящую пору являются: Сянъ-фа-фа-юнъ, Куанъ-цюань-тай. Хэнъ-лунъ-гуанъ, Да-шэнъ-юй, Юй-цинъ-чэнъ, Синъ-лунъ-юнъ, Вань-цинъ-тай, и Гунъ-хэ-цюань. Количество вывозимаго ими изъ маймачѐна въ Монголію чая должно быть признано довольно значительнымъ и именно, они отправляютъ кирпичнаго чая въ Кяхту до 30,000 мѣстъ, а въ Ургу и вообще сѣверную Монголію—кирпичнаго, толстаго ( ) до 30,000 ящиковъ и тонкаго ( ) до 15,000 ящиковъ.

По главной улицѣ Шанъ-пу, носящей, какъ уже было замѣчено, названіе «Да-мынь-цзе», начиная отъ воротъ Да-цзинъ-мынь и на всемъ протяженіи стѣнъ маймачѐна, идутъ самыя мелочныя лавки по преимуществу китайскихъ ремесленниковъ, проживающихъ въ Калганѣ. Саженяхъ въ 200 отъ городскихъ воротъ, гдѣ на главную улицу выходятъ южныя ворота маймачѐна, устроено отдѣленіе мѣстной китайской таможни, именуемой «шуй-у-сы» (稅務司). Оно помѣщается въ зданіи, имѣющемъ видъ простой китайской лавки, сидящіе въ которой чиновники досматриваютъ всѣ какъ привозимые въ городъ и маймачѐнъ, такъ и вывозимые изъ оныхъ товары, причемъ взимаютъ должную пошлину, производя здѣсь же и всѣ разсчеты съ торговцами. Такимъ образомъ у этой таможни въ теченіе цѣлаго дня можно видѣть большую толпу народа иособл иво мелочныхъ торговцевъ, жаждущихъ поскорѣе расплатиться и увезти свои товары; по утрамъ же, когда эти торговцы прогоняютъ скотъ, куплепный на «па-ган-цзы, улица

въ этомъ мѣстѣ буквально бываетъ запружена массою народа и прогоняемаго имъ скота. Многократныя наблюденія показали мнѣ однако, что таможенные чиновники довольно скоро справляются съ своимъ дѣломъ; такъ утромъ 9-го декабря 1892 г., слѣдя за кассиромъ, получавшимъ пошлину за прогоняемый скотъ, я нашелъ, что въ теченіе 5 минутъ имъ были получены и записаны пошлины съ 21-го торговца. Такой быстротѣ дѣла весьма способствуетъ то обстоятельство, что каждому торговцу напередъ извѣстно количество слѣдующихъ съ него пошлинъ и онъ всегда можетъ заготовить деньги впередъ, по разсчету, не затрудняя особливо чиновниковъ своимъ разсчетомъ. Мало того, чиновники такъ уже пріучили народъ, что каждый у нихъ идетъ съ готовымъ разсчетомъ; для тѣхъ же, которые не знакомы съ таможенными тарифами, вывѣшены особыя объявленія съ показаніемъ, какая именно пошлина должна быть уплачена за тотъ или другой товаръ. По сдѣланному мною списку и точному переводу этого документа оказывается, что въ калганской таможнѣ взимается:

Съ каждой прогоняемой лошади	800	чеховъ.
»	»	быка или коровы. . .	500	»
»	»	мула » » . . .	500	»
»	»	осла » » . . .	250	»
»	»	овцы » » . . .	60	»
»	»	верблюда » » . . .	60	фынъ серебра.
»	»	свиньи » » . . .	75	чеховъ.
»	»	поросенка» » . . .	37½	»

Провозимые европейскіе товары оплачиваются:

Русское сукно (哈喇) 4 фына 4 ли съ половинки, т. е. 25 арш.

Русскій плисъ (徊絨) 5 фынъ 6 ли съ куска 25 арш.

Чешуйка (徊布 родъ полосатаго тика) 2 фына 2 ли съ куска, около 20 арш.

Дриллингъ (達連布) 7 фынъ 6 ли съ куска въ 50 арш.

Шертингъ (粗洋布) 16 фынъ съ куска въ 50 арш.

Люстрингъ (羽綾) 12 фынъ съ куска въ 70 арш.

Родъ шертинга, называемый у китайцевъ янъ-бяо-бу (洋標布) 11 фынъ 2 ли съ куска въ 35 арш.

Китайское полотно, извѣстное подъ именемъ да-бу, или цу-бу (粗布) 16 фынъ съ 36 кусковъ, или иначе съ одного тюка, такъ какъ каждый тюкъ дабу заключаетъ въ себѣ, по обычаю, 36 кусковъ.

Китайская чи-цюй-ча (曲紬) 2 фына 2 ли за кусокъ около 25 арш., безъ различія цвѣта и окраски.

Остальные предметы китайской мануфактуры и суровскихъ товаровъ оплачиваются гуртомъ, съ вьюка лоцзы (мула), вѣсящаго, по закону, 200 гиновъ, при чемъ товары эти раздѣляются на двѣ категоріи:

Первая, къ которой причисляется разная мелочь (иголки, нитки, гребенки, трубки, зеркальца, шапки и т. п.), называемая у китайцевъ «цуцза хо (粗 集 貨), оплачивается суммою 1 ланъ 20 фынъ съ вьюка.

Вторая, къ которой причисляются всѣ, безъ различія, роды шелковыхъ матерій и предметы, выдѣланные изъ оныхъ, называется чоу-цза-хо (紬 集 貨) и оплачивается суммою въ 2 лана 40 фынъ съ вьюка.

Русская юфть, безъ различія достоинствъ, 1 фынъ 1 ли съ кожи.

Русскій сафьянъ, безъ различія достоинствъ, 2 фына 3 ли съ кожи.

Металлическія и другія произведенія китайцевъ:

Золото въ пескѣ (金 沙) 22 фына съ 1-го лана.

Серебро въ подѣлкѣ (銀 器) 22 фына съ 1 лана.

Мѣдные тазы и сосуды (同 盆) 33 чехи съ 1 гина.

Опіумъ, безъ различія достоинствъ, 22 фына съ 2 ланъ.

Гастрономическіе товары (каковы: ся-ми, морская капуста и проч.) 40 фынъ съ вьюка лоцзы.

Бѣлый сахарный песокъ и сахаръ леденецъ красный—13 фынъ 3 ли со 100 гиновъ.

Черный сахаръ (хэ-танъ), приготовляемый изъ леденца,—20 фынъ съ куклы въ 150 гиновъ.

Продукты, пріобрѣтаемые изъ Монголіи:

Поташъ () 18 фынъ съ телѣги въ 600 гиновъ.

Соль кристаллистая, привозимая монголами изъ хошуновъ Цзӯнъ хӯчитъ, Барӯнъ хӯчитъ, Абага и др.—по 120 чеховъ съ куля въ 120 гиновъ [1])

Лисья шкура—1 фынъ 1 ли за каждую

Волчья шкура 5 фынъ 5 ли.

Бобровая шкура большая 33 фын., малая—половину.

Соболья шкура 3 фына 3 ли.

Рысья шкура 5 фынъ, 5 ли.

Кошачья и козья шкура 2 ли 3 хао.

Лошадиная шкура 6 фынъ.

Верблюжья шкура 6 фынъ

Коровья шкура 6 фынъ.

Верблюжья шерсть 2 ли съ одного гина.

---

1) Бѣлая соль, привозимая изъ оз. Ирэнъ неподлежитъ оплатѣ.

Лошадиные хвосты и гривы — 3 фына съ 1 гина.

При вывозѣ за предѣлы Великой стѣны байховаго чая взимается: 60 ланъ серебра за билетъ на право вывоза 300 ящиковъ и 15 ланъ 31 фынъ пошлинъ въ дутун'скій ямунь.

При таковомъ же вывозѣ кирпичнаго чая уплачивается 60 ланъ за билетъ на право вывоза 150 ящиковъ и 15 л. 10 ф. пошлинъ въ ду-тунскій ямунь.

При вывозѣ зеленаго чая, употребляемаго монголами въ непресованномъ видѣ (мо-хэ-ча)— 1 ли съ ящика въ 10 гиновъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что означенное росписаніе далеко не охватываетъ всѣхъ предметовъ вывоза и ввоза калганскихъ китайцевъ; въ немъ, очевидно собраны и указаны только самые обыкновенные продукты, по тарифу же относительно остальныхъ предметовъ чиновники дѣлаютъ особыя справки, сообщая какой именно подлежатъ они оплатѣ. Далѣе необходимо замѣтить еще, что пошлина въ калганской таможнѣ взимается только съ китайцевъ, монголы же за ввозимые ими продукты не платятъ ровно ничего. Такое постановленіе служитъ источникомъ для множества мелкихъ злоупотребленій и обмановъ, такъ какъ китайцы весьма часто заставляютъ монголовъ провозить подъ видомъ ихъ собственныхъ уже купленныя китайцами вещи. Въ предотвращеніе такихъ злоупотребленій калганская таможня содержитъ у себя не мало сторожей и шпіоновъ, хотя это и не доставляетъ особенной пользы дѣлу. О дѣятельности калганской таможни для правительства слѣдуетъ сказать, что вообще сборъ пошлинъ въ ней за послѣднее 25-лѣтіе упалъ почти на половину и, по объясненію таможеннаго директора, такой недоборъ пошлинъ обусловливается исключительно упадкомъ въ Калганѣ китайской торговли чаемъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе начали вывозить этотъ продуктъ въ Россію сами. Дѣйствительно, еще въ 1867 году общій вывозъ китайцами изъ Калгана разнаго рода чаевъ простирался до 180 тыс. мѣстъ, тогда какъ въ 1892 году онъ едва превысилъ 73,000 хотя почти исключительно кирпичныхъ чаевъ, оплачиваемыхъ, какъ видно по представленной тарифной таблицѣ, дороже байховыхъ. Почти ежегодный результатъ сбора пошлинъ въ Калганѣ составляетъ теперь сумма около 40,000 ланъ серебра и только за послѣдніе три-четыре года она начала повышаться на $1^1/_2$— 2 тысячи ланъ въ годъ, благодаря упадку торговли въ Хўхў-хотò и развитію взамѣнъ сего калганскаго рынка.

Отъ мѣста таможни по улицѣ «Да-мынь-цзе» начинаются болѣе богатыя китайскія лавки, производящія розничную торговлю въ городѣ, но вообще нужно сказать, что по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны онѣ далеко не отличаются здѣсь такимъ изяществомъ, просторомъ и богатствомъ,

какое мы видимъ, напримѣръ, въ Ургѣ. О теплыхъ помѣщеніяхъ внутри дворовъ здѣсь нѣтъ и помина: всѣ лавки открытыя, выходятъ лицомъ на улицу, и заключаютъ въ себѣ не свыше 3-хъ — 4-хъ цзяней, такъ что самая богатая калганская лавка въ Шанъ-пу не превосходитъ по своей внѣшности средней ургинской. Товары въ нихъ, правда, разнообразнѣе, чему особливо способствуетъ масса мелочи европейскаго производства, но за то количество каждаго продукта гораздо меньше. Розничная торговля понимается китайцами въ такомъ узкомъ смыслѣ, что въ ихъ лавкахъ трудно даже

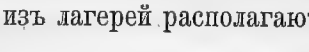
Общій видъ главной торговой улицы въ Шанъ-пу.

найти два куска одной и той же матеріи: все это розничпо и различпо. Весьма многія лавки представляютъ собою, повидимому, спеціальную торговлю, таковы лавки металлическихъ, фарфоровыхъ и стекляныхъ издѣлій, мускательныя лавки, атпекарскіе магазины и пр. Лучшій аптекарскій магазинъ принадлежитъ фамиліи Тянь-синь-хао (天新號), которая всѣ свои лекарственные товары пріобрѣтаетъ изъ города Ци-чжоу, чжи-лиской провинціи, славящагося своею спеціальною торговлею медикаментами. Всѣ лавки украшены китайскими и монгольскими вывѣсками, иногда вырѣзанными на деревѣ и раззолоченными, но чаще написанными просто на бѣломъ полотнѣ. Содержаніе надписей на вывѣскахъ, помимо обозначенія фамиліи

торговца, обыкновенно заключаетъ въ себѣ еще похвалу товарамъ и продавцамъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: ཁྱེད་ཀྱི་ཁྱིམ་ཚང་ནི་ཕྱི་ནང་གསང་ཆོས་ཀྱི་སྨན་ཐམས་ཅད་ཡོད་ཅིང་། ཁ་ཤས་ནི་བོད་ཀྱི་ཡིན་ཞིང་། ཁ་ཤས་ནི་སོག་པོའི་ཡིན་ཏེ། ཁ་ཤས་ནི་ཕྱི་ནང་གི་སྨན་ཐམས་ཅད་ཡོད་ཅིང་། ཁ་ཤས་ནི་ཕྱི་ནང་གི་སྨན་ཐམས་ཅད་ཡོད་ཅིང་། ཁ་ཤས་ནི་ཕྱི་ནང་གི་སྨན་ཐམས་ཅད་ཡོད་ཅིང་། ཁ་ཤས་ནི་ཕྱི་ནང་གི་སྨན་ཐམས་ཅད་ཡོད་ཅིང་། «Въ этой нашей лавкѣ находятся всевозможныя, тибетскія и монгольскія, деликатныя и грубыя, разнаго рода лекарства, священныя пилюли и прочее. Такъ какъ продаются они по дешевой цѣнѣ, а продавцы обходительны и честны, то братья монголы могутъ съ довѣріемъ вести торговлю».

Прямо насупротивъ вышепомянутаго лучшаго аптекарскаго магазина находится наиболѣе чествуемая въ Шанъ-пу китайская кумирня, посвященная духу вѣтра (風 神), и построенная въ 15-е лѣто правленія Цзяцина. Кумирня эта для своего содержанія владѣетъ обширными угодьями въ видѣ гостиницъ и подворьевъ. Такъ, на ряду съ нею и въ ся же подворьи помѣщаются единственныя солеварни верхняго Калгана или Шанъпу и склады каменнаго угля, въ которыхъ уголь впрочемъ продается исключительно въ розницу, по цѣнѣ 8 чеховъ за гинъ. Нельзя не сказать однако, что при всемъ обиліи Шанъ-пу'скихъ лавокъ, главная улица въ Шанъ-пу довольно однообразна; оттого ходить здѣсь много разъ, пожалуй, и утомительно, и скучно. Съ внѣшней стороны Да-мынь-цзе, являясь типичною для большинства главныхъ улицъ китайскихъ городовъ вообще, представляется поразительною на глазъ европейца. Ширина ея мѣстами не достигаетъ и двухъ саженей; мощена она только участками и телѣжная дорога, проходя по лессовому грунту, образуетъ на ней колеи, доходящія вершковъ до десяти глубиною; выбоины эти почти ежедневно засыпаются всякимъ навозомъ, хотя и совершенно безполезно, ибо къ полудню уже все приходитъ въ прежній видъ. Послѣ дождя, Да-мынь-цзе дѣлается буквально непроходимой отъ растворяющейся на ней грязи; въ сухую погоду на ней стоитъ невыразимая пыль, почему мнѣ ни однажды не пришлось снять съ нея порядочнаго фотографическаго снимка: вѣчно негативъ подернутъ пылью. Тянется эта улица не болѣе какъ на версту, но достаточно пройти ее въ одинъ конецъ, чтобы быть сплошь покрытымъ густымъ слоемъ мелкой и ѣдкой пыли. По общему обычаю, китайцы вываливаютъ на нее всякаго рода отбросы своей кухни и наконецъ поливаютъ не больше, не меньше какъ ушатами человѣческой урины; оттого вонь повсюду невообразимая. Трудно представить, какъ могутъ люди дышать этимъ воздухомъ, поистинѣ пропитаннымъ міазмами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога является мощеною, она, пожалуй, еще

менѣе удобопроѣзжаема, такъ какъ громадныя выбоины колей въ каменныхъ плитахъ исключаютъ всякую возможность свернуть съ дороги и объѣхать какую-нибудь колдобину: никакое животное не въ силахъ вытянуть телѣги изъ этой колеи и разъ попалъ въ нее экипажъ, онъ долженъ пройти ее до конца, добраться до немощнаго мѣста, гдѣ поворотъ представляется нѣсколько легче. Для пѣшеходовъ имѣются тротуары, линія которыхъ то низпускается на уровень проѣзжей дороги, то возвышается надъ нею аршина на $1\frac{1}{2}$. Ширина этихъ тротуаровъ рѣдко доходитъ до одного аршина и гораздо чаще ограничивается одною плитою вершковъ въ 10—12; итти по нимъ приходится постоянно или бокомъ, или же ежеминутно сталкиваться съ другими пѣшеходами.

Къ южной оконечности Шанъ-пу непосредственно примыкаетъ особая часть Калгана, занятая военнымъ поселкомъ мѣстнаго гарнизона, который составляется изъ маньчжурскихъ солдатъ 8 знаменъ. Время первоначальной постановки здѣсь этого гарнизона относится къ 32 году правленія Канси (1693 г.) и въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе о постройкѣ для этихъ откомандированныхъ въ Калганѣ охранныхъ войскъ казенныхъ помѣщеній, всего въ количествѣ 31-го офицерскаго двора и 1000 фанзъ для помѣщенія солдатъ. Съ тѣхъ поръ численность калганскаго гарнизона то увеличивалась, то уменьшалась, смотря по требованію времени; въ года правленія Цянь-луна она временами низпадала до 160 человѣкъ, включая въ это число и начальствующихъ; тѣмъ не менѣе лагерь, или помѣщенія солдатъ, всегда поддерживались въ полномъ ихъ составѣ. Въ настоящую пору поселокъ этотъ представляетъ собою три отдѣльныхъ, огороженныхъ стѣнами изъ сырцеваго кирпича лагеря, въ каждомъ изъ которыхъ домики знаменныхъ маньчжуровъ располагаются прямыми улицами съ востока на западъ, зданія же построены такъ, что всѣ они обращены лицемъ на югъ и каждое изъ нихъ смотритъ въ зады другого. Постройка каждаго домика приспособлена къ проживанію въ ней солдата съ женою и дѣтьми, сообразно чему на каждомъ дворѣ помимо главнаго покоя, обращеннаго на югъ, имѣются еще боковыя пристройки, для помѣщенія въ нихъ семьи солдата. Въ общемъ лагери расположены такъ, что два изъ нихъ, назначенные собственно для проживанія воиновъ, непосредственно соприкасаются Шанъ-пу и находятся одинъ по восточную сторону города, а другой по западную, третій же лагерь, южный, заключаетъ въ себѣ управленіе гарнизона, склады его оружія, провіантовъ и проч.; при входѣ въ него имѣется и соотвѣтствующая маньчжурская надпись:  . Проходы въ каждый изъ лагерей располагаются только въ стѣнахъ западной и во-

сточной. Между лагерями восточной и западной стороны находится громадная площадь, сѣверную оконечность которой занимаетъ ямунь и домъ дутуна, въ срединѣ же площади находится императорская кумирня, именуемая «Вань-шоу-гунъ» (萬 壽 宮), т. е. кумирня, въ которой молятся о долголѣтіи императора. Она воздвигнута въ 15-е лѣто правленія Канси (1676 г.) и представляетъ собою зданіе весьма значительной величины, ограда коего, равно какъ и самыя кумирни окрашены въ свѣтло-розовую краску. Вышепомянутая площадь служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и плацомъ для производства знаменными маньчжурами военныхъ упражненій, а равно здѣсь же дѣлаются имъ и смотры. Съ этою послѣднею цѣлью на восточной сторонѣ площади устроена бесѣдка, въ которой засѣдаютъ производящіе смотръ амбани.

Военная площадь маньчжурскаго гарнизона отдѣляетъ верхнюю часть Калгана, Шанъ-пу, отъ нижней его части, носящей названіе Ся-пу. По сѣвернымъ окраинамъ этой послѣдней, ограничивая плацъ своими заборами, располагается большая часть соляныхъ складовъ и солеварень важнѣйшихъ калганскихъ солепромышленниковъ. На соляное дѣло въ Калганѣ, насколько это мнѣ извѣстно, у насъ не обращалось еще никакого вниманія, между тѣмъ эта отрасль производительности является чрезвычайно важною, давая здѣсь средства къ жизни не одному десятку тысячъ семей. Соль доставляютъ въ Калганъ и китайцы изъ чахарскихъ кочевьевъ, и монголы изъ хошуновъ Абага, Цзунъ хучитъ, Барунъ хучитъ, Цзунъ Сунитъ, Барунъ сунитъ и др. Въ самомъ Калганѣ фирмъ, оффиціально производящихъ соляную выварку и торговлю и получающихъ для сего узаконенныя свидѣтельства отъ правительства, считается только десять: 1) Дэ-мо цзянь-дянь (德 懋 域 店); 2) Хэчэнъ цзянь-дянь (合 成 域 店); 3) Дэ-хэнъ цзянь-дянь (德 恆 域 店); 4) Юань-лунъ цзянь-дянь (元 隆 域 店); 5) Цюань-чэнъ цзянь-дянь (全 成 域 店); 6) Дэ-юань цзянь-дянь (德 元 域 店); 7) Тянь-хэ цзянь-дянь (天 合 域 店); 8) Юань-шэнъ цзянь-дянь (元 盛 域 店); 9) Тай-чэнъ цзянь-дянь (泰 成 域 店); 10) Юй-юань цзянь-дянь (裕 源 域 店). Всѣ они получаютъ гучжйръ, или неочищенную углекислую соду, изъ чахарскихъ кочевьевъ, гули-хухў и хўбўтў-цаганъ, и количество обработываемаго ими матеріала сравнительно весьма значительно. За 1892 годъ, напримѣръ, всѣ эти десять фирмъ ввезли на свои склады отъ 38 до 39 тысячъ телѣгъ гучжйра, вѣсомъ около 640 гиновъ каждая, т. е. количество пріобрѣтеннаго ими гучжйра было около 920 тысячъ русскихъ пудовъ. Относительно меньшее количество соли (хотя съ неуступающею выгодою) переправляютъ въ Китай другія фирмы, закупающія собственно соду (青 鹽), или, какъ называютъ ее монголы, черную соль (), привозимую ими въ формѣ пластовъ или плитъ изъ хошуновъ Абага. Фирмъ, занимающихся этимъ

видомъ промышленности, въ 1892 г. въ Калганѣ считалось 8, изъ числа ихъ за означенный годъ получили:

Ф И Р М Ы:

Ся-шэнъ-тай	4000	телѣгъ, вѣсящихъ	около	1,400,000	гинъ.
Юй-шунь чанъ . . .	2000	»	» »	700,000	»
Тай-хо-дэ	1000	»	» »	350,000	»
Юнъ-синъ-жуй . . .	1000	»	» »	350.000	»
Да-и-дэ	2000	»	» »	700,000	»
Дэ-цюань-юнъ . . .	1000	»	» »	350,000	»
Фу-шэнъ-юнъ . . .	1000	»	» »	350,000	»
Дэ-хо-чжунъ	1000	»	» »	350,000	»

Вывозомъ бѣлой соли, доставляемой въ куляхъ вѣсомъ по 120 гиновъ, въ томъ же году занимались три фирмы, изъ коихъ:

Фо-синъ-яо получила	4000	кулей или	около	480,000	гиновъ.
Юнъ-синъ-яо »	2500	»	» »	300,000	»
Тянь-тай-дэ »	3500	»	» »	420,000	»

Такимъ образомъ общее количество соли, поташу и соды, выпущенное изъ Калгана въ 1892 году должно превышать собою 1,200,000 русскихъ пудовъ. Я не имѣлъ у себя достаточно времени, чтобы изучить эту отрасль промышленности Калгана и, оставляя подробности изслѣдованія этого вопроса будущимъ путешественникамъ, замѣчу лишь, что главнымъ направленіемъ калганскаго солянаго вывоза должно признать, кажется, Пекинъ.

Миновавъ соляные склады и вступая въ главную улицу Ся-пу, вы прежде всего встрѣчаете здѣсь массу старьевщиковъ, продающихъ самыя низшіе сорты рабочаго платья. Они раскладываютъ свои товары прямо на землѣ, заслоняя ими проходы въ красильныя мастерскія, сгруппированныя исключительно въ этой части города. Всѣхъ красилень въ Калганѣ считается девять, но изъ нихъ только три ведутъ дѣйствительно большое дѣло. Надлежитъ замѣтить, что здѣшніе оптовые мануфактурные торговцы закупаютъ для своихъ оборотовъ какъ европейскіе, такъ и китайскіе полотнянные товары въ неокрашенномъ видѣ и уже у себя и на мѣстѣ окрашиваютъ ихъ по каждому данному требованію въ тотъ или другой цвѣтъ. Излюбленнымъ изъ цвѣтовъ какъ у китайцевъ, такъ и у монголовъ является синій; оттого потребленіе кубовой краски здѣсь составляетъ не менѣе какъ $^4/_5$ въ отношеніи всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Ся-пӯ представляетъ собою древнѣйшую и вмѣстѣ съ симъ богатѣйшую часть Калгана. Здѣсь сосредоточиваются всѣ помѣщенія и склады оптовыхъ калганскихъ торговцевъ. Главная улица, пересѣкающая эту часть города съ сѣвера на югъ, называется Ву-чэнъ-цзе (武城街) и служитъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ главнымъ образомъ помѣщаются какъ жилища всѣхъ этихъ оптовыхъ торговцевъ, такъ равно и ихъ заведенія. Въ сѣверной части Ся-пӯ сосредоточены кожевенныя заведенія

Общій видъ главной торговой улицы въ Ся-пӯ.

и лавки кожевенниковъ, которыя очень не трудно узнать по ихъ внѣшнему виду, такъ какъ всѣ продукты ихъ производства и торговли находятся налицо. Передъ дверями лавокъ и посреди улицы съ громадныхъ деревянныхъ рамахъ распялены бычьи и лошадиныя кожи, находящіяся въ выдѣлкѣ и распространяющія ужасное зловоніе на далекое пространство; а внутренность этихъ лавокъ сполна увѣшана уздечками, хомутами, шлеями, потфеями, чепраками и проч.; все это здѣсь же на улицѣ приготовляется, вырѣзывается изъ цѣлыхъ кожъ, сшивается, окрашивается въ различныя цвѣта и предлагается вниманію покупателей. Далѣе идутъ лавки деревян-

ныхъ издѣлій, лавки рогожъ и рогожныхъ издѣлій, экипажныя мастерскія, мучные лабазы и проч. Почти всѣ эти лавки въ Ся-пӯ спеціальныя, и хотя онѣ, несомнѣнно, торгуютъ и въ розницу; но, очевидно, ведутъ свои дѣла на широкую ногу, ибо помѣщенія ихъ не только обширнѣе шанъ-пӯскихъ, но и буквально завалены товаромъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ собою только опіумныя лавки, вошедши къ которую вы не отличите ее отъ простого дома и не признаете за торговое заведеніе: продуктъ ихъ сбыта хранится невидимо для покупателя въ кладовыхъ и, по нуждѣ, ему приносятъ потребное количество. Цѣна на обычно потребляемый массою опіумъ въ Калганѣ по 500 чеховъ за 1 лану.

Помѣщающіяся на Ву-чэнъ-цзѣ лавки оптовыхъ калганскихъ торговцевъ по своему внѣшнему виду не отличаются отъ богатыхъ лавокъ торговцевъ, ведущихъ розничную продажу и только во дворахъ ихъ домовъ имѣются громаднѣйшіе склады, гдѣ хранятъ они предметы своего торга оптомъ. Сами эти коммерсанты въ открытыхъ своихъ лавкахъ почти никогда не бываютъ, а обыкновенно просиживаютъ въ конторахъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ ведутъ переговоры съ пріѣзжающими къ нимъ покупателями изъ иныхъ городовъ и поселковъ. Подробное изученіе способовъ веденія ими своего дѣла должно представить громадный интересъ, хотя для такого изученія потребны цѣлые годы; мои собственныя изслѣдованія по сему вопросу войдутъ въ составъ VI тома этого труда.

Наиболѣе состоятельными изъ китайскихъ лавокъ, ведущихъ розничную торговлю, почитаются въ Калганѣ тѣ, которыя, помимо торговли въ городѣ, ведутъ еще свои коммерческія дѣла съ монголами. Какъ это ведется и вообще у китайцевъ, калганскіе торговцы подѣлили между собою торговлю въ прилежащихъ Калгану хошӯнахъ и такимъ образомъ каждая фирма имѣетъ уже свой опредѣленный районъ дѣятельности. Богатѣйшими изъ таковыхъ фирмъ считаются слѣдующія:

1) Да-синъ-дэ (大 新 德), ведущая свое дѣло въ различныхъ южныхъ хошӯнахъ халхасовъ сàйнъ-нойновскаго àймака. Фирма эта почитается какъ старѣйшею, такъ и наиболѣе состоятельною передъ другими фирмами. Далѣе за нею въ порядкѣ постепенности слѣдуютъ:

2) Да-хэнъ-юй (大 亨 玉), торгующая у Барӯнъ-сунѝтовъ.

3) Да-дэ-гунъ (大 德 公), которая ведетъ свое дѣло и въ Барӯнъ-сунѝтскомъ и въ Цзӯнъ-сунѝтскомъ хошӯнахъ.

4) Тянь-тай-дэ (天 太 德), также ведущая свое дѣло въ Барӯнъ-сунѝтскомъ и въ Цзӯнъ-сунѝтскомъ àймакахъ, хотя и въ другихъ сумӯнахъ чѣмъ Да-дэ-гунъ.

5) Фӯ-синъ-лунъ (復興隆), торгующая на одинаковыхъ условіяхъ съ предъидущей и

6) Юнъ-синъ-лунъ (永興隆), имѣющая свое главное дѣло въ кочевьяхъ Мэргэнъ-ваановскаго хошӯна.

Строго судя, нужно сказать однако, что всѣ означенныя фирмы хотя и продаютъ свои товары монголамъ, но, за исключеніемъ лишь двухъ фирмъ, Дэ-синъ-дэ и Юнъ-синъ-лунъ, не ведутъ своей торговли въ Монголіи. По установившимся обычаямъ, они даже не посылаютъ своихъ приказчиковъ съ товарами для разъѣзднаго торга; въ силу близости разстоянія монголы пріѣзжаютъ къ нимъ, въ Калганъ, за товарами сами. Пріѣздъ этотъ бываетъ обычно два раза въ годъ: въ Цаганъ-сарà, или въ мѣсяцѣ новолѣтія и въ 10-й лунѣ каждаго года. Богатымъ монгольскимъ общинамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ въ каждый изъ такихъ пріѣздовъ фирмы выдаютъ въ кредитъ товаровъ на 30, 50 и даже 100 ланъ; за сборомъ же долговъ они высылаютъ своихъ приказчиковъ, которые выѣзжаютъ въ степь въ 3-й лунѣ, а возвращаются въ 8-й. Замѣчательно, что даже при такихъ поѣздкахъ приказчики не берутъ съ собою товаровъ для продажи: на своихъ верблюдовъ они вьючатъ только свои майханы, постели, да муку и крупу для пищи. Съ этимъ скарбомъ приказчики разъѣзжаютъ по степямъ въ теченіе всѣхъ пяти мѣсяцевъ и занимаются исключительно сборомъ долговъ. Главнымъ образомъ они собираютъ въ уплату и пригоняютъ въ Калганъ овецъ, и хотя съ меньшею охотою, но берутъ также лошадей, быковъ и верблюдовъ. О размѣрахъ торговли означенныхъ калганскихъ фирмъ въ Монголіи трудно сказать положительное слово, но вообще она представляется весьма незначительной. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ 1892 году фирма Тянь-тай-дэ опредѣляла свой оборотъ полученіемъ около 1300 барановъ, до 200 лошадей, до 100 быковъ и до 60 верблюдовъ, слѣдовательно весь итогъ ея торговли сводится maximum къ 15,000 рублей. Правда, о другихъ калганскихъ торговцахъ въ Монголіи говорятъ, что дѣло ихъ представляется гораздо шире; но все же общій оборотъ всѣхъ показанныхъ шести фирмъ никоимъ образомъ не превыситъ суммы 250,000 руб. сер. Выгоды ихъ обусловливаются главнѣйше продажею продуктовъ монгольской степи въ собственномъ Китаѣ, такъ: овецъ они гонятъ для сбыта въ Пекинъ и въ Тай-юань-фу; лошадей отправляютъ черезъ Бао-динъ-фу, въ Хэ-нань и Шанъ-дунъ, верблюдовъ распродаютъ китайцамъ, занимающимся перевозкою чаевъ между Тунъ-чжоу и Калганомъ; а быки расходятся на мѣстѣ, будучи покупаемы для пищи и работъ окрестными землепашцами. Въ общемъ каждый изъ родовъ этихъ животныхъ продается не менѣе

какъ вдвое сравнительно съ цѣною, по которой пріобрѣтается онъ торговлею въ Монголіи.

Для услугъ и разъѣздовъ по Монголіи каждая изъ вышепомянутыхъ фирмъ содержитъ у себя сравнительно очень большое число приказчиковъ; такъ, напримѣръ, домъ Тянь-тай-дэ (съ дѣлами коего я познакомился болѣе подробно), производя торговлю по сунѝтскимъ хошӯнамъ на сумму 6 или 7 тысячъ ланъ, нанимаетъ себѣ до 40 приказчиковъ, и платитъ каждому изъ нихъ отъ 18 до 24 ланъ жалованья въ годъ, выдавая еще содержаніе пищею, но обязывая ихъ имѣть свою одежду. И на такое-то жалованье приказчики эти живутъ не только сами, но еще содержатъ свои семьи. Послѣднее обстоятельство лучше всего, конечно, свидѣтельствуетъ о неприхотливости китайскаго люда, а также и о дешевизнѣ жизни въ Калганѣ. Правда, весь этотъ людъ тѣснится по окраинамъ города и въ прилежащихъ Калгану слободахъ и деревняхъ; тѣмъ не менѣе дешевизна его жизни должна быть поразительна даже и для этихъ мѣстностей. Одинъ изъ старшихъ приказчиковъ фирмы Тянь-тай-дэ содержалъ, напримѣръ, свою семью въ прилежащей Калгану деревнѣ. За подворье въ 4 бàйшина, съ огородомъ и всѣми надворными постройками онъ платилъ въ годъ 10 ланъ, при чемъ одинъ бàйшинъ отдавалъ въ наймы за 2 ланы въ годъ, а съ огородовъ получалъ количество рѣшительно всѣхъ потребныхъ овощей, вполнѣ достаточное для годового потребленія семьи. Одинъ бàйшинъ былъ у него парадным̀ъ; въ двухъ другихъ отдѣльно помѣщались его мать и жена съ дѣтьми; сходились они вмѣстѣ только на работахъ въ огородѣ и ко времени обѣда.

Помимо большихъ лавокъ на главной улицѣ Ся-пӯ находится еще и масса мелочныхъ лавченокъ, а тротуары и боковыя части ея почти сплошь установлены столиками и сундуками коробейниковъ, продающихъ новые и старые гвозди, замочки, подсвѣчники, фонари и т. п. домашнюю рухлядь. На ряду съ ними помѣщаются уличные рабочіе и мастеровые: сапожники, всегда готовые починить сапоги, портные, исправляющіе платье, слесаря, сшивающіе проволокой разбитую посуду и проч. Еще больше здѣсь столовъ со всякаго рода кушаньями: у одного въ горячемъ котлѣ поджариваютъ блинчики, у другого торгуютъ уже испеченными кренделями, у третьяго можно найти вареное и жареное мясо и т. д. Движеніе въ Ся-пӯ необычайно большое. Вступаешь въ эту часть города и буквально еле-еле пробираешься сквозь толпу идущаго народа.

Кумирень въ Ся-пӯ насчитывается всего не менѣе 40 и самою красивенькою изъ нихъ является теперь кумирня Хэ-шэнь-мяо (河神); находящаяся въ сѣверной части улицы Ву-чэнъ-цзе. Построена она лѣтъ

15 тому назадъ на средства здѣшнихъ маньчжурскихъ солдатъ, въ честь духа Чжанъ-цзя-коу'ской рѣки. Старѣйшими изъ Ся-пӯ'скихъ кумирень почитаются кумирня Гэсэ́ра, называемая Чжэнъ-ву-мяо (貞武) и кумирня въ честь Юй-хуанъ-ѣ (玉皇), построенная еще въ царствованіе минскаго императора Цзя-цина. Обѣ эти кумирни находятся въ особой части Ся-пӯ, именуемой «Пӯ-ли-тоу». Это—ся-пу'скій кремль, воздвигнутый на холмѣ и, подобно шанъ-пӯ'скому маймачэ́ну, огороженный стѣнами. Здѣсь за этими стѣнами помѣщаются калганское казначейство, пакгаузы и большая часть присутственныхъ мѣстъ Калгана.

Наружный видъ входа въ Ся-пӯ'скій кремль и кумирни Гэсэ́ра.

Въ боковыхъ улицахъ Ся-пӯ самое видное мѣсто занимаютъ конторы калганскихъ банкировъ. Съ внѣшней стороны эти конторы походятъ до нѣкоторой степени на лавки, только двери ихъ бываютъ всегда закрыты, въ большинствѣ случаевъ стеганными на ватѣ синими занавѣсками. Внѣшнимъ отличіемъ этихъ лавокъ служатъ вывѣски, изображающія собою связку чеховъ. Внутри конторы представляютъ собою обширныя комнаты, перегороженныя прилавкомъ, на которомъ помѣщается нѣсколько вѣсовъ различной величины и засимъ установленныя отдѣльными столиками, за

которыми служащіе производятъ свои занятія. Разказываютъ, что число банковъ въ Калганѣ особливо увеличилось лѣтъ двадцать тому назадъ, когда многіе шаньсійцы перевели сюда свои капиталы изъ средняго Китая. Эти вновь открытые банки называются въ Калганѣ Инь-ханъ (銀 行) и обыкновенно имѣютъ отъ 5 до 20 тысячъ ланъ; старинныя же калганскія банковыя конторы шансійцевъ называются «пяо-ху» и считаютъ свои капиталы сотнями тысячъ ланъ. Банки «инь-ханъ» почему-то не пользуются расположеніемъ у здѣшняго торговаго люда, а мѣстные мандарины налагаютъ на нихъ такіе большіе налоги, что почти лишаютъ содержателей ихъ всей прибыли. Такимъ образомъ основная дѣятельность принадлежитъ здѣсь конторамъ «Пяо-ху» (票 戶), которыя имѣютъ еще за собою то преимущество для веденія своихъ операцій, что выпускаютъ ассигнаціи, вполнѣ замѣняющія собою наши кредитныя деньги. Всѣ калганскія Пяо-ху принадлежатъ исключительно шаньсійцамъ.

Другія лавки, помѣщающіяся въ боковыхъ улицахъ Ся-пӯ торгуютъ всевозможными товарами и отличаются отъ лавокъ улицы Ву-чэнъ-цзѣ только относительно меньшимъ богатствомъ своей обстановки и своихъ товаровъ.

По многочисленнымъ переулкамъ Ся-пӯ проживаютъ семьи мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ Калгана, въ числѣ которыхъ имѣется не мало магометанъ по вѣроисповѣданію. Послѣдніе почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ китайцевъ, входя съ ними въ самыя тѣсныя связи. Для обученія своей вѣрѣ калганскіе магометане-китайцы имѣютъ у себя три школы, учители которыхъ прибываютъ изъ самыхъ различныхъ областей Китая. Мнѣ не извѣстно, насколько знакомятся калганцы въ этихъ школахъ съ магометанствомъ теоретически, на практикѣ же они, повидимому, не особенно соблюдаютъ предписанія своей вѣры: они ѣдятъ свинину, пьютъ вино и даже курятъ опіумъ. По общимъ обычаямъ китайцевъ, калганцы никогда не строятъ своихъ домовъ лицемъ на улицу, а всегда во дворѣ, такъ что, проходя по переулкамъ, видишь только рядъ заборовъ изъ сырцеваго кирпича, съ узенькими и покрытыми широкимъ навѣсомъ калитками, да кое-гдѣ на заборахъ можно видѣть еще красную надпись, обозначающую сколько семей живетъ за извѣстной оградой. Увидѣть внутренность двора калганскаго китайца также невозможно, ибо передъ калиткою всегда водруженъ щитъ, заслоняющій домашнюю жизнь отъ нескромнаго наблюдательнаго глаза. Въ каменныхъ или глинобитныхъ щитахъ, по самой срединѣ ихъ, обыкновенно продѣлывается небольшая ниша, въ которую вставляется такъ называемый «ту-ди» (土 地), или кумиръ покровителя дома, а передъ этимъ ларомъ ставится глиняный сосудъ для сжиганія

въ немъ курительныхъ свѣчей. На калиткахъ почти всегда наклеены красныя или продолговатыя или круглыя, или наконецъ квадратныя четырехъугольныя бумажки съ надписями.

На ряду съ ними можно встрѣтить иногда наклеенными на калиткахъ и бѣлые листы; это обозначаетъ, что во дворѣ есть покойникъ; въ надписяхъ на этихъ листахъ сообщается, какого числа скончался усопшій, какихъ онъ былъ лѣтъ и отъ какой болѣзни умеръ. Другимъ знакомъ покойника является вывѣшенный надъ воротами пукъ бѣлой бумаги.

Обращаясь теперь къ обозрѣнію русской жизни въ Калганѣ, надлежитъ сказать прежде всего объ единственномъ существующемъ здѣсь правительственномъ учрежденіи — калганской почтовой конторѣ. Составъ ея ограничивается всего однимъ лицомъ, управляющимъ конторою и, конечно, бо́льшаго состава здѣсь и не требуется. Черезъ Калганъ проходитъ въ теченіе мѣсяца только 4 почты изъ Россіи въ Китай и столько же обратно изъ Китая въ Россію. Почты эти привозятъ корреспонденцію всего только въ три торговые русскіе домы. Чтобы собрать или разобрать и разослать такую почту, нужно времени maximum $1^1/_2$—2 часа и этимъ ограничивается все занятіе чиновника притомъ въ почтовые дни, т. е. 8 разъ въ мѣсяцъ, остальное время онъ положительно свободенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ чиновникъ могъ бы быть весьма полезнымъ нашему правительству въ другихъ отношеніяхъ. На него, напримѣръ, можно было бы возложить надзоръ за жизнью русскихъ, проживающихъ въ Калганѣ. Ниже мы увидимъ, что у нашихъ калганскихъ коммиссіонеровъ постоянно происходятъ взаимныя недоразумѣнія и раздоры, разслѣдованіе и прекращеніе которыхъ можно было бы съ удобствомъ поручить, хотя въ извѣстной степени, этому чиновнику; но само собою разумѣется, что для этого нужно имѣть человѣка съ достаточнымъ образованіемъ. Между тѣмъ образовательный уровень всѣхъ нашихъ почтовыхъ чиновниковъ въ Монголіи не превышаетъ курса низшей школы, такъ что по своему развитію они стоятъ несравненно ниже не только завѣдывающихъ и управляющихъ, а даже простыхъ конторщиковъ торговыхъ фирмъ. Привлечь на должность управляющихъ конторами людей болѣе развитыхъ и образованныхъ, впрочемъ, едва ли возможно при тѣхъ скудныхъ средствахъ содержанія, которыя ассигнуются нашими штатами по означенной должности. Въ Калганѣ, напримѣръ, на содержаніе управляющаго почтовою конторою отпускается звонкою монетою: жалованія 700 руб., на наемъ помѣщенія 300 руб. и на канцелярскіе расходы 100 руб. а всего 1100 руб. сер. (съ вычетомъ изъ этой суммы пересылочныхъ и пенсіонныхъ). Съ перваго раза сумма эта кажется порядочною; но стоитъ только принять въ разсчетъ стоимость содержанія въ Калганѣ,

чтобы сказать, что жить на нее почти невозможно. Подведу по сему случаю неизбѣжные и самые точные расходы.

1) За наемъ помѣщенія въ 4 небольшихъ комнаты съ кухнею, построенныхъ по китайскому образцу, не отдѣланныхъ, безъ печей, безъ половъ, безъ мебели, словомъ, за однѣ глиняныя стѣны и небольшое мѣсто земли (около 30 кв. саж.) въ годъ. . . . . 150 сер. руб.

Къ этому нужно присовокупить, что всякаго рода перестройки, передѣлки и ремонтъ всецѣло относятся китайцемъ-домохозяиномъ на счетъ квартировладѣльца; таковой расходъ не можетъ быть исчисляемъ менѣе 250 руб. единовременно и засимъ ежегодно. . . . . 25 руб.

2) На отопленіе такого дома потребно:

а) Въ помѣщеніи конторы, квартирѣ завѣдывающаго и находящейся при ней кухнѣ не можетъ быть менѣе трехъ печей (предположимъ ихъ даже всѣ желѣзныя, а не каменныя). Печи эти, по условіямъ климата и особенностямъ китайскихъ построекъ, приходится топить день и ночь въ теченіе почти 5 мѣсяцевъ каменнымъ углемъ, цѣна на который въ Калганѣ бываетъ обыкновенно отъ 6—9 чеховъ за гинъ. На каждую желѣзную печь выходитъ въ сутки отъ 40 до 60 гиновъ (на каменную отъ 60 до 80 гиновъ). Полагая среднее 50 гиновъ, получимъ расходъ каменнаго угля по 150 гиновъ на каждый день въ теченіе 150 дней. Въ теплое время, т. е. въ остальные семь мѣсяцевъ, когда приходится топить одну кухню ежедневно нужно того же угля около 35 гиновъ. Такимъ образомъ среднимъ числомъ на 3 желѣзныхъ печи потребуется около 30,000 гиновъ въ годъ. Разсчитывая пріобрѣсти ихъ по средней цѣнѣ, $7^1/_2$ чеховъ за гинъ, придется уплатить 225,000 чеховъ, каковые при переводѣ на серебряные рубли (по самому выгодному курсу 700 чеховъ за рубль) будутъ равняться minimum . . . . . 320 руб.

3) Сверхъ сего управляющій долженъ платить еще прислугѣ-китайцу за отопленіе его кана (лежанки) въ кухнѣ, гдѣ живетъ этотъ слуга, и въ проѣздъ почты за отопленіе кана въ помѣщеніи для казаковъ. . . 25 руб.

4) На наемъ одного разсыльнаго при конторѣ (50 руб.) одной прислуги (50 руб.), ночного сторожа (12 руб.) освѣщеніе (48 руб.) водоноса (12 руб.) и канцелярскіе расходы (28 руб.) въ годъ. . . . . 200 руб.

5) За очистку нечистотъ во дворѣ и на праздничные подарки прислугѣ. . . . . 30 руб.

Такимъ образомъ для управляющаго конторою получается обязательнаго расхода въ теченіе года отнюдь не менѣе 750 руб., а слѣдовательно на всѣ постороннія нужды, на содержаніе себя одеждою и главное пищею остается только 350 руб. въ годъ. Сумма эта, конечно, менѣе чѣмъ скром-

ная, особливо если принять во вниманіе, что, въ силу постоянныхъ неурожаевъ хлѣба въ Сѣв. Китаѣ, пищевые продукты въ Калганѣ стоятъ довольно дорого. Такъ, напримѣръ, пудъ муки не важнаго качества стоитъ около $2^1/_2$ серебряныхъ рублей; такая же цѣна за пудъ говядины; а пудъ бараньяго мяса стоитъ около 3 руб. Мы не говоримъ уже о необходимости для почтмейстера имѣть свою мебель, посуду, печи и проч. хозяйственные предметы первой необходимости. Удовлетворить всему этому изъ 350 руб. по истинѣ не возможно и понятно, какимъ жалкимъ представляется здѣсь положеніе управляющаго конторой. Нѣкоторые изъ занимавшихъ здѣсь эту должность поступали на службу въ мѣстныя чайныя фирмы русскихъ коммиссіонеровъ, и таковые жили дѣйствительно сносно; но для подобной конторской службы необходимо имѣть и извѣстную долю образованія и хорошій почеркъ, чего у нашихъ малограмотныхъ почтовыхъ чиновниковъ почти не встрѣчается и имъ приходится довольствоваться исключительно казеннымъ содержаніемъ. Положеніе настоящаго управляющаго Калганскою почтовою конторою, г. Бурдюковскаго, человѣка семейнаго и также точно не имѣющаго никакихъ побочныхъ работъ и доходовъ, должно быть признано по истинѣ плачевнымъ.

Всѣ остальные русскіе, проживающіе въ Калганѣ, причисляютъ себя уже къ торговому сословію, хотя собственно русской торговли, въ смыслѣ сбыта произведеній русскихъ мануфактуръ, или какихъ-либо другихъ отдѣловъ промышленности, въ Калганѣ нѣтъ рѣшительно никакой. Всѣ русскіе занимаются здѣсь исключительно коммиссіонерствомъ по переотправкѣ чаевъ, движущихся изъ Хань-коу и Фу-чжоу на Кяхту и нужно сказать, что, при полномъ соблюденіи русскихъ интересовъ, эта спеціальная дѣятельность ихъ представляется на столько широкою, обширною и разнообразною, что рѣшительно не оставляетъ времени для постоянныхъ коммерческихъ занятій въ лавкѣ, или даже въ складочномъ магазинѣ. Поэтому-то можно съ убѣдительностью сказать, что русская торговля въ Калганѣ можетъ развиться лишь тогда, когда сюда явятся люди отдѣльные, спеціально посвятившіе себя торговымъ занятіямъ и интересамъ; настоящіе же русскіе торговцы въ Калганѣ ограничиваются только тѣмъ, что помимо коммиссіонерства иногда, при избыткѣ денегъ, покупаютъ еще на наличное серебро китайскія шелковыя матеріи и отправляютъ ихъ въ Москву на продажу, при посредствѣ московскихъ коммиссіонеровъ.

Въ 1892—1893 гг. въ Калганѣ существовало три русскія фирмы коммиссіонеровъ, которыя одновременно съ симъ имѣли свои конторы и въ Ургѣ, а потому дѣятельность ихъ должна быть разсматриваема нераздѣльно какъ въ Калганѣ, такъ и въ Ургѣ. Одна изъ этихъ фирмъ, Шулынгинъ и К°,

почти бездѣйствовала. Правда, она считала въ ряду своихъ довѣрителей Губкина, Грибушина, Сибирякова и др.; тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлаго сезона ей едва ли удалось отправить болѣе 17 или 18 тыс. ящиковъ, какою дѣятельностью невозможно было окупить даже расходы по содержанію конторы и складовъ. Собственно нужно считать въ Калганѣ два русскихъ коммиссіонерскихъ дома: Батуевъ и К° и Коковинъ и Басовъ, каждый изъ которыхъ переправляетъ около 120 тысячъ ящиковъ въ годъ, а то и болѣе. Первый изъ этихъ домовъ, Батуева и К°, переправлялъ чаи Швецова, Губкина, Пяткова, Вогау, Боткина, наслѣдниковъ Грибушина, Молчанова, Расторгуевыхъ, Нѣмчинова, Н. И. Грибушина, Прорубникова, Колокольникова, М. А. Хаминова и др. У второго коммиссіонерскаго дома, Коковинъ и Басовъ, состояла прежде всего масса мелочныхъ довѣрителей, вродѣ Лушникова, Игумнова, Волосатаго, Чухина и др., нерѣдко выписывающихъ всего на всего двѣ, три сотни ящиковъ, да помимо того въ спискахъ его числились и почти всѣ солидные какъ московскіе, такъ и сибирскіе чаеторговцы. Вообще относительно этихъ наиболѣе значительныхъ коммерсантовъ чайнаго дѣла, каковы, напримѣръ, Губкинъ, Боткинъ, Вогау и др., слѣдуетъ сказать, что они никогда не отдаютъ переправку всѣхъ выписываемыхъ ими чаевъ въ руки одного изъ коммиссіонеровъ, а всегда дѣлятъ ихъ между различными коммиссіонерскими домами. Весьма вѣроятно, что поступаютъ они такимъ образомъ, во-первыхъ въ видахъ вообще невѣдѣнія о томъ, который изъ коммиссіонерскихъ домовъ долѣе просуществуетъ, а во-вторыхъ изъ-за желанія имѣть больше связей, которыя даютъ имъ возможность при неисправности одного коммиссіонера возложить исполненіе его обязанностей на другого. Надлежитъ замѣтить, что наши коммиссіонерскіе дома по переотправкѣ чаевъ въ Китаѣ вообще и въ частности въ Калганѣ обычно являются очень не долговѣчными, и составъ дѣятелей въ каждомъ изъ основныхъ пунктовъ нашего транзита, Тянь-цзинѣ, Калганѣ и Ургѣ, всегда и цѣликомъ измѣняется въ каждые десять лѣтъ. Объясняется это тѣмъ, что за дѣло коммиссіонерства берутся у насъ люди не богатые, а предпріимчивые: при неудачѣ въ дѣятельности, новенькій коммиссіонеръ закрываетъ свою контору, потому что въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ теряетъ все свое состояніе; при счастьи и умѣньи вести дѣло онъ въ теченіе семи, восьми много десяти лѣтъ успѣваетъ нажить капиталъ, исчисляемый сотнею и болѣе тысячъ рублей и опять-таки закрываетъ свою контору съ цѣлью возвратиться въ Россію и начать свое собственное дѣло. За послѣдніе годы условія наживы сдѣлались еще нѣсколько труднѣе, а лѣтъ двадцать тому назадъ, для начала коммиссіонерской дѣятельности не требовалось почти никакого капитала, нужно было имѣть только довѣріе чаетор-

говцевъ. Конечно, и до настоящей поры чайный коммиссіонеръ не расходуетъ на дѣло отправки чая собственно ни одной своей копѣйки: веревки, попоны и рогожи, потребныя для укупорки чая въ Калганѣ, онъ пріобрѣтаетъ на счетъ чаевладѣльца, его же деньгами онъ оплачиваетъ расходы по засвидѣтельствованію контрактовъ, даже обычныя канцелярскія принадлежности, какъ бумагу, чернила, перья, карандаши и почтовыя марки, все это пишется на счетъ чаевладѣльцу; но дѣло въ томъ, что прежде русскіе коммиссіонеры главную массу чаевъ отправляли черезъ посредство китайскихъ лавокъ. Русскій коммиссіонеръ входилъ тогда въ сношеніе съ какой-либо китайскою фирмой и предлагалъ ей доставить русскій чай изъ Калгана въ Ургу, положимъ, по цѣнѣ 5 р. с. за цибикъ; переотправщиками такимъ образомъ являлись тогда собственно китайцы: они пріискивали и нанимали извозчиковъ-монголовъ, имѣли съ ними дѣло и платили имъ за провозъ, конечно, уже не свыше 4 р., кладя пятый въ свой карманъ; что касается русскаго коммиссіонера, то онъ довольствовался тѣмъ, что безъ всякаго труда и затратъ получалъ отъ чаевладѣльцевъ свой коммиссіонный гонораръ. Но прошли года, и русскіе поняли, что они могутъ обходиться и безъ китайцевъ, а нанимать монголовъ и отправлять свои чаи сами. Съ этого времени коммиссіонеру вести дѣло безъ собственнаго, хотя бы и небольшого капитала стало уже нельзя, за послѣдніе же годы, когда конкурренція значительно возросла, а между тѣмъ многіе изъ довѣрителей переводятъ суммы, слѣдующія въ уплату за переотправку чая, черезъ полгода и даже черезъ годъ, — обходиться безъ собственнаго и даже порядочнаго капитала сдѣлалось очень трудно. Содержаніе каждой изъ дѣйствующихъ нынѣ въ Калганѣ конторъ и складовъ обходится теперь владѣльцамъ ихъ не менѣе 10 и даже 12 тыс. ланъ серебра, т. е. около 20—24 тыс. руб. въ годъ; понятно, что нужно быть прежде всего отвѣтственнымъ на эту сумму, да имѣть еще средства уплатить монголамъ-извозчикамъ, чтобы потомъ возвратить уже все это съ лихвою полученіемъ отъ чаевладѣльцевъ.

18-го декабря я оставилъ Калганъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Пекинъ, куда и прибылъ 21-го того же декабря. Такъ какъ дорогу между Калганомъ и Пекиномъ мнѣ пришлось пройти во второй разъ, возвращаясь въ Монголію въ 1893 году, причемъ въ этотъ второй разъ я естественно могъ смотрѣть съ большею основательностью на проходимыя пространства, то описаніе пути между Калганомъ и Пекиномъ будетъ представлено мною уже въ дневникахъ 1893-го года.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ПРЕДМЕТНЫХЪ И ЛИЧНЫХЪ.

А.

Абага (хошунъ) 602.
Абатай ханъ халхаскій 75, 78, 90, 91, 427, 428, 429. 438, 451, 472, 485—487.
Абида (бурханъ) 433, 434.
Абуракъ дарцакъ 433.
Агитуйнъ сумэ 235.
Адучины 590, 636.
Алтанъ ханъ (тумэтскій) 427.
Алтайскіе караулы 19, 355.
Алтайскій трактъ 601, 171—239, 281—303.
Амбань (общ. назв. генераловъ) 143, 287.
Амбани ургинскіе 67, 68, 97, 144, 158.
» улясутайскіе 249, 251, 276.
» кобдоскіе 287, 293, 307, 339.
Амбань тарбагатайскій 191, 287.
Амдунаръ (аймакъ въ Ургѣ) 64.
Амурсана 520.
Амуръ баясхуланту 23—50, 462, 509, 532.
Антроповъ (русск. торговецъ) 280.
Ань-динъ мынь 100, 505, 512.
Ань-дэ (маньчж. амбань) 563.
Аргалъ (сухой пометъ) 11, 133, 606.
Артасидда (лама созерцатель) 497, 509.
Артасидда (цэцэнъ-ханъ) 541, 542, 545.
Аршанъ (торговая фирма) 318.
Асаръ байшинъ 383.
Ахай-гунъ (цэц. хан. айм.) 141.
Аюръ-тушѣ гунъ 293.
Аюши (бурханъ) 164, 435, 501.
Аюши-тунчжанъ (фирма) 93.
Айгунъ (торгов. фирма) 317, 321.
Аймакъ (ламскій) 77.

Б.

Ба-цзунъ (низ. офиц. чинъ) 271, 316.
Бадма-йога 117.
Баинъ бобо (торгов. фирма) 267.
Баинъ дорчжи (торг. фирма) 265.
Баинъ мунку (кит. лавка) 104.
Баинъ чжиргалъ (торг. фирма) 414, 418.
Баиты (поколѣніе) 318.
Бакши лама 399.
Бакъ (отдѣл. хошуна) 15, 394, 396.
Балданъ (цз. С. Н. айм.) 179, 203.
Балданъ-брайбунъ (монаст. въ Тиб.) 484.
Бальчжинъ-хя 365, 370, 384.
Банцза-ракша (сочин.) 188, 253.
Банъ-бань-да-чэнь 297, 307.
Баньчэнь эрдэни 83, 94, 436, 537.
Бао-бинъ (уляс. цзянь-цзюнь) 244.
Барби-цзобо (хубилг. ург. хут.) 483.
Баринь (хошунъ) 584.
Барунъ орго (кумирня) 78, 90—92, 559.
Барунъ Со гунъ (цзасакъ) 40, 179.
Барунъ суниты (покол.) 630.
Барунъ-цзасакъ (т. ч. Урчжанъ цз.) 17.
Барунъ чойра (монастырь) 608.
Барынъ хаша 96.
Батуевъ М. Д. (рус. торгов.) 99, 623, 644, 673.
Батуръ-дянь 261.
Батуръ-цзасакъ (Т. х. айм.) 53, 57, 140.
Батуръ цзасакъ (Цз. х. айм.) 284, 291.
Бахарай хошигучи нолнъ 472.
Байдаровъ (рус. торг.) 324.
Байшинъ (глинобит. зданіе) 11, 14, 106, 143, 173. 251, 308, 384, 458, 577.

Березинъ (рус. торг.) 99.
Бинъ-бу (въ Кобдо) 309.
Бислыкъ 617.
Битуда (тайчжи) 467.
Битунъ лосы (торгов. фирма) 267.
Битхэши (т. ч. цзурганъ, дѣлопроизводитель) 309.
Бичэчи (секретарь и писецъ) 7, 45, 47, 139, 166, 173, 396.
Бишкуръ 84.
Боди субурга 434, 436.
Боди-муръ (сочиненіе) 436.
Бодисунъ (сынъ Даянъ-хана) 470.
Бодуновъ (рус. торг.) 324.
Бруква (буддійская секта) 481.
Буинъ-дэльгэръ (кит. фирма) 104.
Були 197.
Бурипскій караулъ 5.
Бурханъ (ламайск. идолъ) 4, 83, 95, 105, 277, 382, 399, 417, 434, 486.
Бурѣйнъ шата 84.
Бурятъ цэцэнъ цохоръ 472.
Бухэкъ (торгов. палатка) 108.
Буяни цзалбарихчи сумэ 589.
Буянту (кит. фирма) 19.
Бэлэдэсэнъ цэрикъ 401.
Бэхэ-очиръ (полководецъ) 157—160.
Бэчжинъ бату (торг. фирма) 265.
Бэй-лу 603.
Бянь-э 26.

В.

Вансу-бурлигу (лама) 489.
Ванчжалъ-дорчжи (туш. х.) 433.
Ва (нчикъ соронъ) гунъ 283.
Вапшукъ (цзасакъ) 467.
Вань-ли чанъ-чэнъ 643.
Вань-шэнъ-куй (торг. фирма) 384.
Вань-тунъ-хао (торг. фирма) 71, 100.
Вань-тай-хао (торг. фирма) 100.
Вань-шэнъ-хао (торг. фирма) 71.
Вань-шэнъ-цзинъ (торг. фирма) 100.
Васеневъ А. Д. (русск. торг.) 272.
Ваховичъ А. С. (драгом. рус. посол.) 251.
Вачжра-дара 428, 433, 486.
Вачиръ-ханъ 470.
Ву-дэ (правл. И-ра Танской дин.) 294.
Ву-линъ-ванъ 642.

Г.

Галданъ-бошокту 65, 210, 303—304, 466, 498.
Галданъ-дорчжи (князь) 497, 509.
Галданъ-цэрэнъ 600.
Ганданъ (часть Урги) 67, 69, 73, 99, 116—119, 122, 153 533, 537.
Ганданъ-даши-линъ (кумирня) 6.
Ганданъ-пунцукъ-линъ (саиръ-усу'ская кумирня) 177.
Ганчжиръ 80.
Ганчжуръ (энциклоп.) 6, 81, 95, 96, 177, 329, 501.
Ганчжуръ-гунъ (С. Н. айм.) 413.
Ганьчо (почтосодержатель въ Монголіи) 596.
Гацзарыйнъ-эцзэнъ (идолъ) 383.
Гарчжутба (буд. секта) 490.
Гарида (миѳол. птица) 12.
Гарма лама 428.
Гильгэръ-мэйрэнь урянх. 363.
Гинэгуй (уляс. цзянь-цзюнь) 244.
Гобійнъ-тушѣ-гунъ 140, 165. 166.
Голдобинъ И. Ф. (купецъ) 20.
Гомбоевъ (бурятскій ханбо-лама) 564.
Гонбо-гуру (бурханъ) 431, 434, 435, 461.
Гомбо-дорчжи (тайчжи) 422.
Гонбо-дорчжи (туш. ханъ) 487.
Гонбо-чжабъ (монголъ) 232.
Гоцохо-цэрикъ 362.
Грантъ (англичанинъ) 594.
Гуань-ди 245, 250—252.
Гуань-ло-ѣ 175.
Губаревъ (рус. торг.) 388.
Гудунъ (кумирня съ мощ. Илаг. х.) 382.
Гуми-нансу 427.
Гунга-долцокъ 484.
Гунга-чой-линъ (аймакъ въ Ганданѣ) 117.
Гунга-чжалцанъ 428.
Гунрикъ-дацанъ 415.
Гунцукъ (кит. фирма) 19.
Гунчжунъ цзамъ 583.
Гунь-лань-чай (торг. фирма) 100.
Гутумчжи 106.
Гуши-ханъ (олотскій) 490.
Гушикъ-дацанъ 415.
Гуя-сэбэгутъ (монголъ) 188.
Гэ-лугъ-ба (секта) 429, 490.
Гэндунъ-чжамцо 484.
Гэрэсэнцзэ-цзалаиръ-хунъ-тайчжи 472.

Д.

Да-гэскуй 39, 172.
Да-дэ-гунъ (кит. фирма) 665.
Да-лама 14.
Да-синъ-дэ (кит. фирма) 665.
Да-тушѣ-гунъ (Цз. Х. айм.) 375.

Да-цинъ-ванъ (Т. Х. айм.) 40, 129, 282, 390.
» (С. Н. айм.) 140, 204, 207, 214.
Да-шэ-ми (торг. фирма) 100.
Да-шэнъ-куй (торг. фирма) 19, 213, 275, 317, 318, 337, 341, 350, 361, 407.
Дакданъ-пунцукъ-линъ 485, 491.
Далай-гунъ С. Н. айм.) 207, 208, 214.
Далай лама 399, 412, 428, 490—493, 537.
Далай насуту (кит. фирма) 167.
Далай-чжононъ-бэйсэ 162, 187.
Дамалъ (завѣдующій) 631.
Дамба-дорчжи (монастырь) 119, 522, 523.
Дамба-дорчжи (хубилганъ) 426.
Дамба-дорчжи (настоятель Эрдэни-цзу) 435.
Дамнурчинъ (часть хурѣня) 99, 112.
Дамнуръ 95, 149.
Дамчой-чжанъ-чубъ-линъ 467.
Данчжуръ 95.
Даньцзинъ-гомбо 524.
Даньшикъ (жертвоприношеніе) 81.
Далай-ванъ (С. Н. айм.) 140, 235, 248, 252, 376, 377. 383, 388, 393—400, 405.
Дара-тала-дайчинъ цзасакъ 188.
Дара эхэ (богиня) 252—275, 382, 434, 492.
Дара-эхэ (гэгэнъ) 15.
Дараната 411, 481, 485, 490, 492.
Дарга 38, 418.
Дари-соронъ (гэлунъ) 22.
Дарма-раджа 481.
Дарханъ (кузнецъ) 107.
Дарханъ (сословіе) 617.
Дарханъ-цзамъ 583.
Дарханъ-эмчи (аймакъ въ Ургѣ) 64.
Даши (торг. фирма) 19.
Даши-балданъ 484.
Даши чойнилъ (аймакъ въ Ганданѣ) 117.
Дачинъ калбанъ сумэ 77, 86.
Даянъ ханъ халхаскій 470.
Дайчинъ тушѣ-гунъ 284.
Дайчинъ (сынъ Даянъ-хана) 470.
Джабъ (грамота) 16.
Джантыкэй (киргиз. родъ) 287.
Джонан'ская школа 491.
Дза-гунъ (Цз. Х. айм.) 376, 377.
Дзасрай-римбочэ 488.
Ди-кунгъ (монастырь въ Тибетѣ) 490.
Долонъ-хошунай надамъ 61.
Долонъ цугцэ 79.
Долонъ эрдэни 382.
Дондань дорчжи (туш. ханъ) 434.
Дондокъ (олотскій лама) 328.
Дондобъ дорчжи (дарханъ цинь ванъ) 507.
Допиръ 39.
Донкоръ (Донхоръ) маньчжушри хутухту 117, 153, 161, 519, 589.
Донъ-гунъ (Т. Х. айм.) 141.
Донъ дайчинъ-цзасакъ (Ц. Х. айм.) 188.
Дорги цзурганъ 271.
Дорги ямунь 250, 271.
Дорчжи-рабтанъ (монг. князь) 625.
Дуганъ 64, 153.
Дугаръ (кит. амбань) 603.
Дулдуй (посохъ) 48, 111.
Дунгане 70, 281, 595.
Дуншикъ хурѣ 608.
Дунъ-фу-ю (торгов. фирма) 100, 103.
Дурбэтскій ханъ.
Дурбэтскій ванъ 344, 349.
Дурбэты (поколѣніе) 268, 305, 309, 318, 327, 348, 352.
Дургэчи ванъ (Цз. Х. айм.) 140, 265, 373.
Дутуйнъ-хурѣ 235—238.
Дэдъ-да-ванъ (т. ч. Эрдэни ванъ) 213, 214.
Дэмчи-лама 380.
Дэмчокъ-бурханъ 416.

Ж.

Жэнь-хо-и (торг. фирма) 100, 103.
Жэнь-хо-хо (торг. фирма) 100, 103.

З.

Захайнъ найманъ орто 318.
Захальчжинъ-хошу 23.
Зайцевъ (русск. торговецъ) 408.

И.

И-фынъ-хао (торг. фирма) 100.
И-хэ-цзунъ (торг. фирма) 100.
И-хо-дунъ (торг. фирма) 317, 319.
Игнатьевъ (русск. торг.) 210, 227.
Идамъ (тайчжи С. Н. хошуна) 467.
Илагухсанъ гэгэнъ 235, 281, 328, 367, 373—385, 393, 482.
Ильдэнгійнъ суму 9.
Ильдэнъ-бэйлэ (С. Н. айм.) 140, 190.
Инъ-ду-куй (торг. фирма) 324.
Иши-дамба-нимъ 528.
Иши-пунцукъ (хубилганъ) 426.

К.

Кай-юань-тунъ-бао (монета) 294.
Кайдубъ-данцзанъ (ург. хутухта) 541.

Казенные табуны (въ Кобдо) 19.
» » (въ Ургѣ) 19.
» » (въ Улясутаѣ) 256, 362.
Каленовъ 621—624.
Канга 316.
Капси 304, 500—509.
Каракасъ (киргиз. родъ) 287.
Караулы алтайскіе 19.
Качитъ-сачжонъ 484.
Киргизы 287—290, 309, 327.
Коковинъ и Басовъ (фирма) 99, 623, 673.
Консульство въ Ургѣ 145, 480.
Котельниковъ (купецъ) 324.
Куанъ-чэнъ тай (торг. фирма) 100.
Кузнецовъ (русск. торговецъ) 324.
Кэшиктэнъ (хошунъ) 584.

Л.

Лабай 84.
Лабранъ 33, 416.
Ламайнъ гэгэнъ, 201, 204, 411.
Ламахай (хубилганъ) 17.
Ламримъ (айм. въ Ганданѣ) 117.
Ланъ-шунъ-чой-линъ 535.
Ли-фань-юань (въ Пекинѣ) 71, 309, 336, 401, 413, 602.
Ли-фань-юань (въ Кобдо) 309, 310.
Ли-хунъ-чжанъ 247.
Лобомба-санцзай-даши 431.
Лобсанъ-ванбо-чжалцанъ 430, 489.
Лобсанъ-дамба-донми 512.
Лобсанъ-намчжалъ (цзаинъ гэгэнъ) 413.
Лобсанъ-отсэръ 434.
Лобсанъ принлай 412.
Лобсанъ-тобданъ-ванцукъ 531.
Лобсанъ-цзамьянъ 482.
Лобсанъ-цолдамъ-чжигмэтъ 534.
Лобсанъ-чжамцо (ученикъ Цзонхавы) 417.
Лобсанъ-чжигмэтъ 412.
Лобсанъ-чойчжи-чжалцанъ 485, 490.
Лобсанъ-цэдэнъ 434.
Лобсанъ-яндакъ 412.
Лобунъ 177.
Лодой-чжалцанъ (Сакъя пандита) 428.
Лодой-шинду-намдакъ 483.
Лоръ (торг. фирма) 324.
Лу-гунъ 354.
Лубсанъ-дондобъ (цзасакъ) 129.
Лубсанъ-сайдубъ (цзасакъ) 39.
Лунпанъ 434.
Лунъ-синъ-хао (торг. фирма) 100.
Лунъ-хо-юй (торг. фирма) 100, 103.
Лунъ-чанъ-юй (торг. фирма) 71, 100.
Лунъ-шунъ-юй (торг. фирма) 100.
Лушниковъ (русск. торговецъ) 99.
Лэ-бинь (кит. амбань) 540.
Люнъ-цзасакъ 320.

М.

Ма-шэнъ-хао (торг. фирма) 100.
Майдари (божество и его кумиры), 70, 81, 88, 90—96, 139, 190, 226, 382, 431, 492, 461, 608.
Майханъ (палатка) 10.
Ма(ндорва) гунъ 60, 129, 142, 478.
Ма(ни-батуръ) цзасакъ (С. Н. айм.) 207, 208, 214, 425.
Максаръ (мэйрэнь Сартул. хош.) 173.
Макталъ (хвал. гимнъ) 9.
Маначи (сторожа) 113 635.
Манба (бурханъ) 461.
Манла (бурханъ) 89, 90, 398, 435.
Манлайнъ-сумэ 89.
Манцза 85, 86, 496.
Маньчжушри (бурханъ) 253, 436.
Мати-тайхалъ (халх. княгиня) 470.
Махагала (бурханъ) 178, 435.
Махаранцза 329, 382, 428.
Мацакъ (буддійскій постъ) 423.
Мезенцевъ (русск. торгов.) 210, 215.
Му-минганъ (хошунъ) 181.
Му-чжанъ 105.
Мухэлэ (тюрьма) 16.
Мигмаръ (тибетецъ) 541.
Мила лочжава (бурханъ) 436.
Мингаты 309, 310, 318, 328, 336, 340, 342—344, 364.
Митукъ (монголка) 423.
Миханъ-гунъ (хотохойтскій) 141.
Мишикъ (кит. лавка) 104.
Могва (торг. фирма) 317, 321.
Модочины (дровяники) 586, 589.
Молху (киргиз. родъ) 287.
Монголъ цзурганъ 254, 290.
Мэдэтэй 396.
Мэнъ-тянъ 643.
Мэргэнъ-ванъ 283, 596, 613.
Мэргэнъ-ноинъ-хутухту 196.
Мэргэнъ-цзасакъ (С. Н. аши) 140.
Мэйрэнь (хошунный) 173, 396.

Н.

Наванъ 490.
Наванъ-гунга-лодонъ 436.

Наванъ-лобсанъ (Донкоръ маньчж.) 512, 589.
Наванъ-ямпилъ-дань-цзинь 589.
Наганчжуна 484.
Накбо-чотба 484.
Намчжалъ-габчжу 116.
На-бэйсэ 141, 615.
Наратуйнъ-хурѣ 608.
Нару-баньчэнь хутухту 234, 238, 328, 471, 510.
Насутай (торг. фирма) 318, 378.
Найданъ-гунъ 142, 478.
Найманъ-тахиль (жертвы) 79, 382.
Нгакбо дацанъ 415.
Нинчжи-долби 15.
Нирба 47, 76, 607.
Ни-гунъ (хотохойтск.) 141.
Ноинъ лама (хубилганъ) 462.
Номохонь (ург. амбань) 67.
Номунъ ханай хитъ 15, 20.
Номунъ ханъ 15.
Номунъ ханъ (ургинскій) 83.
Норчжи ванбо 524.
Номунъ ханъ (Цз. Х. айм.) 204, 213.
Ньинмава (секта) 481.
Нунуху уйцзанъ поинъ 472.
Нудунэй хурѣ 608.
Нѣмчиновъ (рус. казакъ) 609.

О.

О-ванъ (Т. Х. айм.) 141, 142, 283, 625.
Обо 11, 474.
Обохой (палатка) 353, 475.
Огородниковъ (рус. торговецъ) 99.
Олбокъ (подушка) 4, 14, 83.
Олотъ-бэйсэ 140.
Олоты (поколѣніе) 309, 310, 318, 328, 336, 339, 340, 342.
Олоты-барлыки 287—289.
Оркимчжи 114, 542.
Оточи (бурханъ) 89.
Отсэръ бальчжій 484.
Оу-янь-сюнь (кит. ученый) 294.

П.

Павлиновъ (рус. консулъ) 261.
Па-ганъ-цзы 650, 651.
Падма-самбава 418, 428.
Пакба-лама 436, 490.
Пайлуръ 26.
Пентеговъ Е. А. (русскій купецъ) 586.
Петровъ (торговый агентъ) 621.
Поборы съ монголовъ 42, 256, 379, 554.
Пономаревъ (вице-конс. въ Хань-коу) 595.
Потанинъ (путешеств.) 303.
Потаповъ (рус. торговецъ) 217.
Почтовыя станціи (халхаскія) 19, 165, 238.
Пржевальскій (путешественникъ) 583, 587, 596.
Пунъ-бэйсэ 129, 141, 478.
Пунъ-цзы (тюрьма) 396, 403.
Пу-шоу (торгов. голова) 323.
Пѣвцовъ (путешественникъ) 583.

Р.

Рабнай 88.
Ранчжамба хубилганъ лама 178, 181.
Ратна бакула 484.
Ринсумъ гонбо 532, 631.
Ринсумъ чой-санъ 484.
Ринчинъ-дорджи габчжу 116.
Рафаиловъ (путешеств.) 303.
Ролба дорчжи 531.
Ролба (чжанчжа хутухту) 435.

С.

Сабашниковъ (русск. купецъ) 593.
Сабдакъ (шаман. божество) 7.
Сакъя (секта) 418, 426.
Сакъя-баньчэнь 418, 481.
Сакъямуни 483.
Самія (монастырь въ Тиб.) 484.
Сангай (айм. въ Ургѣ) 64.
Сангіинъ хото (часть Кобдо) 307, 313.
Санцуй (бурханъ) 416.
Санцзай-дорчжи 67, 75, 97, 526, 625.
Санчжи-рай-чинъ 484.
Санъ (казначейство) 19.
Сань-ху-и (торгов. фирма) 324.
Сань-цзы-цзинъ (сочиненіе) 310.
Сарлыкъ 20.
Сартулъ-гунъ 284, 299, 300, 350.
Сайнъ ноиновскій аймакъ 75.
Сайнъ ноинъ 140, 195, 204, 431, 436.
Сайтъ ванъ 140, 405, 408, 409.
Секретарь (см. бичэчи).
Сиддишри (монг. князь) 625.
Си-чанъ (ургин. амбань) 58, 601—604.
Синъ-лунъ-хо (торг. фирма) 267, 322, 324.
Синъ-хо-гунъ (торг. фирма) 103.
Соитъ (поколѣніе) 363.
Сономъ-гунъ (правитель хошуна) 409.
Сономъ-даши 530.
Сономъ цампилъ (лама) 435.

Сойоны 246.
Сойоты 318.
Сронцзанъ гапбо ханъ (тибетск.) 491.
Субурганъ 119, 178, 461.
Сумбумъ Чжанчжа хутухты (сочин.) 253.
Сундубъ-дорчжи (1-й ургин. шанцзотба) 68.
Сунпты (поколѣніе) 602.
Сури 151.
Суругіннъ тамага 166.
Суръ (мѣта для стрѣльбы) 9.
Сы-чуань (пров. Кит.) 540.
Сы-шу (сочиненіе) 310.
Сѣ-хо-гунъ (торг. фирма) 100.
Сэнгэ патара 484.
Сэндама (бурханъ) 383.
Сэчжунъ (бурханъ) 33.

Т.

Табунъ нигурту (бурханъ) 496.
Табуны кобдоскіе 19, 296.
» при амбаняхъ 19, 590.
» при сеймов. управ. 19.
Тамага 27, 141, 395—397.
Тамагаинъ сумэ 26.
Танну-урянхаи 282.
Тарковъ И. М. (почмейстеръ въ Ургѣ) 582.
Тарячи (отокъ шабинаровъ) 50.
Тарячины (кобдоскіе) 340, 341.
Тахаръ (см. мэдэчи) 396.
Тахилыинъ модо 146.
Тай-ванъ-мяо (кумирня) 326.
Тайчжи 16, 17, 197, 401, 613.
Тинъ-цзы ямунь 271.
Тинъ-цзинь 316.
Тогоцъ тэмуръ (ханъ) 428, 481.
Торгоуты (поколѣніе) 309, 327, 411.
Тохай 84.
Тойнъ (отокъ) 50.
Тугэмэль амурчжигулухчи сумэ 328.
Тумуръ сурукъ 365.
Тумэнхинъ хундулэнъ 472.
Тумэты (кобдоскіе) 296, 298.
» (улясутайскіе 362, 363.
Тункэ 95.
Тунши 166, 275.
Тунъ-синъ-и (торг. фирма) 100.
Тунъ-хо-хао (торг. фирма) 100.
Тунъ-цзянь-ганъ-му (сочиненіе) 476.
Тунъ-чжанъ 105.
Тунъ-чжи 311.
Тунъ-шанъ (торг. фирма) 317, 320.
Тусалакчи 13, 166.
Тусалакчи-холой 14.
Тусалакчи цзянь-цзюнь (улясут.) 67.
» » » (аймачный), 256.
Тушилгэ 82.
Тушѣту хановскій аймакъ 75, 139.
Тушѣту ханъ 91, 141, 187, 430—440, 559.
Тѣ-цзы 112.
Тэгусъ баясхуланту аганишта 433.
Тэлэнгитскій языкъ 363.
Тэмуръ вачиръ 188.
Тянь-дэ-тунъ (торг. фирма) 71.
Тянь-и-дэ 275, 317, 318.
Тянь-цзюй-дэ (торг. фирма) 100.
Тянь-тай-дэ (торг. фирма) 665.

У.

Угэдэй ханъ монгольскій 428, 476.
Уланъ хаша 399.
Улачинъ (подводчикъ) 187.
Улцзэйту 232.
Ундуръ гэгэнъ 12, 24, 64, 68, 81, 90, 461, 485—509.
Ундуръ модо (торг. фирма) 317, 321.
Унцзатъ 83.
Урлюдъ (айм. въ Ургѣ) 64.
Урмэ 4, 617.
Урушіѣли сойокчи сумэ 15.
Урчжанъ-цзасакъ (Т. Х. айм.) 17, 37, 40.
Урэчжиль-цэрикъ 401.
Урянхаи 241, 287—290, 309, 318, 327.
Урянхаинъ долонъ хошу 363.
Успенскій В. М. (русск. консулъ) 609.
Усунъ сумэ 325.
Усучины 291, 586.
Ухурчины 634.
Уйцзанъ То-гунъ 141, 162, 163, 168, 187, 190, 283.
Уйцзанъ-тайчжи 470.

Ф.

Федоровъ С. А. (секретарь консул.) 582.
Фу-кунъ-чай (торг. фирма) 100.
Фу-лай-хао (торг. фирма) 100, 103.
Фу-минъ-фу 644.
Фурдань (улясут. цз.-цзюнь) 244, 304.
Фу-синъ-лунъ (торг. фирма) 665.

Х.

Ха-юнъ (кит. вельможа) 95.
Хабсурга 173, 179.

Хадакъ 80, 111.
Хадзарчины 301.
Хамчжилга 6, 423.
Хана (рѣшетки юрты) 12.
Ханбо гэгэнъ 281, 386.
Ханбо гэгэнэй хурѣ 386.
Ханбо лама (бурятскій) 22, 564—567.
Ханбо номунъ ханъ (ургинскій) 83, 96, 163, 536.
Ханду чжамцо 432, 487.
Харагана растеніе 4, 341.
Хара-балгасунъ (городище) 641.
Харачины 179.
Хайдубъ чжамцо (ученикъ Цзонкавы) 417.
Хій морп 12.
Хла-бэйсэ (Ц. Х. айм.) 188.
Хлама (бурханъ) 416, 428, 462.
Хоничи 634.
Хоншимъ бодисатва 433.
Хороны (часть Урги) 140.
Хо-тай-хуй (торг. фирма) 267.
Хошунъ 112.
Хошучи (сынъ Даянъ-хана) 470.
Хошучи-бэйсэ (С. Н. айм.) 140, 220, 377.
Хойхойцы 614, 157—160.
Хуапъ-ди.
Хуанъ-тай-хоу 503.
Хубилай цэцэнъ-ханъ 428, 436, 490.
Ху-бу (въ Кобдо) 309.
Хубчинъ чжононъ бэйсэ (Ц. Х. айм.) 188.
Хуикъ (латникъ) 401.
Хундуй (званіе) 15, 203.
Хундуй (горная падь) 148.
Хунъ-тайчжи (званіе) 15.
Хуралъ (богослуженіе) 607.
Хурамалъ (мелочной торговецъ) 323.
Хурдэ 191, 461.
Хурулыйнъ сумэ 79, 90.
Хурѣ Цэ-цзасака 13.
» Номунъ-хана 22.
Хухэнъ ноянъ (айм. въ Ургѣ) 64.
Хэ-юнь-танъ (кит. вельможа) 532.
Хэнгэргэчи 84.
Хэнъ-хо-и (торг. фирма) 100.
Хэрэглэкдэху тушимэль 600.
Хэтуринга бату (улясут. цз.-цзюнь) 244.
Хя (адъютантъ).
Хя (управл. караулами) 355—356.

Ц.

Цаганъ аду 191, 199.
Цаганъ гэгэнъ 281, 287.
Цаганъ дара баярту 510.
Цаганъ-дара-эхэ 417.
Цаганъ-сара 92, 608.
Цаганъ хадайнъ сумэ 179, 181.
Цаганъ хурѣ 461.
Цакда 179, 349.
Цамъ 437.
Цанитъ 11. 32, 34, 35, 66, 116.
Цзаинъ гэгэнъ 357, 400, 411.
Цзалаиръ хунъ-тайчжи 470.
Цзалансэнь (кобд. амбань) 328.
Цзаланъ 182, 287, 394, 396, 617.
» кобдоскихъ пашень 345—348.
Цзалаханцза хутухту 328.
Цзамьянъ хорло (цзасакъ) 614.
Цзамьянъ цорчжи 484.
Цзанабацзаръ 489.
Цзангинъ 152, 166, 171, 188, 199, 203, 210, 396, 614.
Цзанданъ цзу (кумиръ будды) 591.
Цзарайсэкъ 329.
Цзаручэй (кяхтинскій) 5. 9, 19.
» ургинскій 70, 138.
» саиръ усускій 171—175, 187, 189, 193.
Цзасакту хановскій аймакъ 75.
Цзасакту ханъ 141.
Цзасакъ (родовой князь) 254.
Цзаха-дэрэ (часть Урги) 139.
Цзахачины 298, 301, 309, 318, 320.
Цзахайнъ найманъ орто.
Цзахайнъ чжунъ-ванъ (Ц. Х. айм.) 188.
Цзахирахчи 166, 396.
Цзая-пандита 411—423.
Цзайсанъ 418.
Цзогай (айм. въ Ургѣ) 64.
Цзонхава 93, 329, 399, 427.
Цзу (кумиры будды) 329.
Цзунъ суниты (покол.) 630.
Цзунъ цэрпкъ 5, 6, 19.
Цзурачи 105.
Цзурухайнъ сумэ 78, 89.
Цзурухайчи 75.
Цзя-тоу (торговые головы) 323.
Цзянь-цзюнь (улясут.) 197, 207, 243—276 355.
Цзянь-цзюнь бэйлэ (Ц. Х. айм.) 193, 601, 606, 613.
Цзянь-цзюнь ванъ (Т. Х. айм.) 129.
Цзюй-фынъ-хэнъ (торг. фирма) 100.
Цокту тайчжи 470.
Цокчинъ 76, 78—86, 88, 90, 381, 398, 461.
Цоройнъ ламримай хурѣ 608.
Цорчжи 177.
Цохоръ (сынъ Даянъ-хана) 470.

Цуругунъ цохту тайчжи 472.
Цу-цу-цза (торг. фирма) 324.
Цэ-гунъ (Т. Х. айм.) 141.
Цэ-гунъ (т. ч. Дайчинъ Цэрэнъ-гунъ С. Н. айм.) 188, 193, 194.
Цэ-цзасакъ (т. ч. Цэрэнъ-дондобъ) 13, 18, 19, 22.
Цэбдэнъ-чжабъ (улясут. цз.-цзюнь) 244.
Цэванъ-рабтанъ 507.
Цэнгунь-чжабъ (ул. цз.-цзюнь) 241.
Цэрэнъ-дондобъ (чжунгарскій) 65.
Цэрэнъ-дорчжи (Т. Х. айм.) 142.
Цэрэнъ (эфу) 241—244, 408.
Цэцэнъ-бэйлэ (Ц. Х. айм,) 601.
Цэцэнъ-ванъ 204, 214, 405.
Цэцэнъ хановскій аймакъ 75, 139, 169.
Цэцэнъ ханъ 169, 203, 541—545.
Цюань-цзюй-дэ (торг. фирма) 100.
Цянъ-си (кит. амбань) 603.
Цянь-лунъ 304, 311.

Ч.

Чагантай (торг. фирма) 317, 319.
Чанъ-дэ-тай (торг. фирма) 100.
Чанъ-синъ-хао (торг. фирма) 71, 100.
Чахары 246, 407, 596.
Чахунь-дорчжи 432.
Чжа-цзасакъ 281, 377, 388.
Чжабданъ 82.
Чжагаръ чой-чжунъ 485.
Чжалцанъ 191.
Чжамбалинъ 489.
Чжамсарангійнъ данрикъ 91.
Чжамсаранъ (бурханъ) 35, 91, 494.
Чжанчжа хутухта 64, 481, 620, 531.
Чжанъ-дэ-хуй (кит. путешественникъ) 475.
Чжао-ванъ 642.
Чжасрай хубилганъ 163.
Чжи-ганъ (маньчжур. амбань) 547.
Чжимисхэнъ хатунъ 470.
Чжинкини-да-лама 336.
Чжиса (сеймов. старшины) 19, 141, 167, 463.
» (албану малунъ) 256.
» (гурбунъ аймагунъ) 257.
» (кобдоскій) 298, 320.
» (цакда цэргунъ) 257.
» (цохоръ ортоной) 257.
» (цзянь-цзюня) 256.
» (стрѣлковъ) 141.
Чжиса (аймакъ въ Ургѣ) 64.
Чжово (Чжу) адиша 484.
Чжононъ-гунъ (Т. х. айм.) 181, 214.
Чжудыйнъ-сумэ 78, 89, 398.
Чжулунъ (т. ч. обохой) 475.
Чжэбцзунъ-дамба-хутухту 63, 164, 400 411, 426—459, 481—578, 628.
Чигулгану дарга 70, 380.
Чилхутъ (монголка) 188.
Чимэтъ гунъ 157—160.
Чингисъ-ханъ 75, 427.
Чирэучи (киргиз. родъ) 287.
Чой-гій нинчжитъ 484.
Чойнкоръ дуйчинъ 81.
Чойра 606—608.
Чойрайнъ сумэ 382, 398.
Чойчжи-раши (авторъ описанія Эрдэни цзу) 437.
Чойчжилъ (=Чой-чжалъ) 514.
Чойчжонъ 84.
Чугучакъ 191.

Ш.

Шабинары 38, 48, 66, 67, 162, 179, 353, 378, 418, 589.
Шабронъ (молодой хубилганъ) 336.
Шакдуръ амбань (Ша-да-жэнь) 287—290.
Шалсай (жертвоприношеніе) 431.
Шаманы 12, 135.
Шамба (сайнъ-ноинъ) 467.
Шанцзотба цзасакъ лама 374, 377, 380.
Шанцзотба 519, 525, 533, 538.
Шара сумэ (въ Долонѣ нурѣ) 111.
Шара сумэ (въ Кобдо) 328, 337, 376.
Шара-сумэ (въ Пекинѣ) 507.
Шаргайнъ голъ 199.
Шарнутъ ламримыйнъ-хурѣ 608.
Шатдубъ гимпилъ чжан-чуб-линъ 533
Шачжини бадарагулухчи 65, 528, 575—582.
Шачжинъ (полководецъ) 467.
Ши-хуанъ-ди 643.
Шибаганца 97, 113, 135.
Ширдыкъ 14.
Шишмаревъ (консулъ) 280.
Шоронъ (острогъ) 141.
Шулынгинъ Н. Н. (русскій купецъ) 623, 672.
Шулэнга 380.
Шунъ-чай (торгов. фирма) 317.
Шутэнэй орго (часть кумирни) 79, 90, 177.
Шухуръ (зонтъ) 191.
Шэнъ-юй-гуань-сюй (сочиненіе) 325.

Э.

Эбугэнъ-хурѣ 240, 254, 282, 364, 376.
Эльдурчинъ 106, 139.

Эмчійнъ-сумэ 78, 89.
Эрдэни-ванъ (т. ч. дэдъ-да-ванъ С. Н. айм.) 213.
Эрдэни уйцзанъ-гунъ (С. Н. айм.) 193—195, 203, 204.
Эрдэни шанъ тайчжи 394.
Эрихэй мэргэнъ ханъ 430.
Эрликъ-ханъ (божество) 252, 275, 325.
Эрхэ дорчжійнъ хубилганъ 238.
Эрхэлэхсэнъ субурга 434.

Ю.

Ю-санъ-чуй (торг. фирма) 324.
Ю-хунъ-дянь 261.
Юань-шэнъ-дэ 317, 318.
Юань минъ-юань (дворецъ) 534.
Юмъ (сочиненіе) 177, 253, 586.
Юнъ-дэ-куй (торг. фирма) 322.
Юнъ-синъ-лунъ (торг. фирма) 665.
Юнъ-фа-куй (торг. фирма) 3.
Юнъ-хо-танъ (торг. фирма) 267.
Юнъ-цзюй-чэнъ (торг. фирма) 322, 324.
Юнъ-чжэнъ 304, 512.
Юпъ-шоу-гунъ 3.
Юнъ-шоу-сянъ 3.
Юй-цзюй-гунъ (торг. фирма) 100.

Я.

Ямандага (бурханъ) 328, 435, 437.
Ямпилъ дорчжи 435.
Ямунь: амбаньскій 140.
» хошунный 7, 14—16, 394—396.
» шанцзотбы или хутухтинскій 15, 95, 111, 114.
» цзаргучейскій 113, 138.
Янъ-пай 88.
Яньчжиль хлама 531.
Яргачинъ 106—107, 139.

Ѳ.

Ѳедоровъ И. Ѳ. 87.

Й.

Йондонъ дорчжи (монг. князь) 535, 625.
Йэльдэпъ (сынъ Даянъ-хана) 470.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

А.

Абдаранту 181.
Абдарантуйнъ-торочи-хутуль 212.
Агиту 211.
Агойту ула 339.
Агойтуйнъ гэрь 232.
Адагыинъ булукъ 155.
Адагыйнъ усу 634.
Адарантуйнъ хутуль 214.
Адунъ чулу 599.
Акбашъ (гора) 340.
Алакъ-тала 182.
Алашань 216, 558.
Алдаръ (почт. ст.) 240, 241, 282, 283.
Алтагана 611.
Алтанъ хадасунъ 224.
Алтанъ хадасунъ (гора въ дол. р. Цэцэрликъ) 422.
Алтату-тала 180.
Алтату ула 180.
Алтай 305.
Амдо 64.
Амуръ баясхуланту 2, 12, 24—47, 48, 576.
Арагойнъ голъ 198.
Аралыинъ ама 404.
Аранчжуръ ула 345.
Аранчжуръ худукъ 345.
Аргалинту (почт. ст.) 293.
Аргалинту (хребетъ) 340, 349.
Аргалъ (гора въ долинѣ Ибэна) 48.
Аргалъ (горы въ дол. Хугэнэ-тарна) 467.
Аргалыинъ уланъ 184.
Аргалыинъ даба 478.
Аргалыинъ цаганъ хутуль 479.
Ару-боксо 192.
Ару-буриду 408.
Ару нуръ 422.
Ару усунай хутуль 163.
Ару хаирханай даба 362.
Ару хангайнъ даба 477.
Ару хохо чулу 163.
Ару хутуль 605.
Ару чжиргаланту (почт. ст.) 221, 224.
Ару элэсуту 499.
Аруйнъ голъ 641.
Аруладъ (долина) 168.
Арца или Арцату ула 200, 201.
Арцату голъ 425, 426.
Арцату ама (въ долинѣ Тамира) 410.
Аршанту (рѣка) 211.
Аршанту (гора) 228.
Аршанту (уроч.) 629.
Аршанъ голъ 367.
Асамъ эльчжинэй 21.
Асхамба (гора) 207.
Асхату ула 227.
Асхату (горная падь) 239.
Ачуту (притокъ Орхона) 58.
Ашигату (гора) 196.
Аюдсійнъ хутуль 151.
Аяга-шанага (уроч.) 59, 60.
Аяръ-нуръ 293.

Б.

Бага адацакъ 163.
Бага гацзарыинъ чулу 163.
Бага монголъ элэсу 466.
Бага модочины (нутукъ) 586.

Бага муруй гоби 182.
Бага нуръ (озеро и почт. ст.) 294.
Бага нурынъ дэль 294.
Бага нурынъ саиръ 295.
Бага тэнгрійнъ ама 74.
Бага удэ 620.
Бага холбо нуръ 403.
Бага хэсэгійнъ хутуль 214.
Бага цзэсъ (почт. ст.) 285, 286, 290.
Бадарга-тологой 187.
Баинъ булукъ (горная падь) 23.
Баинъ-булукъ (притокъ Тацы) 200.
Баинъ голъ (притокъ Хары) 58.
Баинъ нурынъ голъ 212.
Баинъ-тэкши 387.
Баинъ ула (въ долинѣ Ибэна) 49.
Баинъ ула (въ Тухумъ гоби) 171.
Баинъ ула 180.
Баинъ уланъ (гора) 198.
Баинъ уланъ (гора на Кунгуѣ) 354.
Баинъ уланъ (гора и сумун. почт. ст.) 425.
Баинъ уцзуръ 206.
Баинъ хаирханъ 218.
Баинъ хангай (гора бл. Урги) 53, 55.
Баинъ хошу (почт. ст.) 168, 182.
Баинъ хошу (горы) 217.
Баинъ худукъ 301.
Баинъ хутуль (горы) 73.
Баинъ хуцзубчи 590.
Баинъ цзурухэ 73, 75.
Баинъ цзурухэ (гора) 204.
Баинъ цокту (гора) 56.
Баинъ элэсу 5.
Балинъ хада 610.
Бао-динъ-фу 666.
Баркуль (городъ) 274, 279, 291.
Барсынъ долонъ даба 475.
Барунъ Алтай 292, 341.
Барунъ хурѣ 82, 459, 462, 490.
Барунъ цахиръ (горы) 286.
Барчинай хутуль 154.
Батыръ хаирханъ (бѣлокъ) 298.
Бау-тоу (городъ) 181, 371.
Баясхуланту (гора въ долинѣ Толы) 152.
Баясхуланту (почт. ст.) 153.
Баясхуланту (гора въ долинѣ Тэрхи) 402—403.
Бай-хэ (рѣка) 598.
Байдарикъ (рѣка и почт. ст.) 209, 213, 240, 241.
Билютайнъ чжиса 159.
Билюту ама (падь Ханъ-улы) 150.
Билюту (падь близъ г. Кобдо) 338.
Билюту тологой (въ долинѣ Чулуту) 405.
люту ула (т. ч. Баинъ хаирханъ) 218.
Бильгихъ (почт. ст.) 169, 188.
Бильгихъ (долина и колодезь) 608.
Бильгихъ ама (въ долинѣ р. Чулуту) 407.
Биру хото (городъ) 129, 130, 133.
Бируғіинъ хонхоръ 163.
Битудынъ дорольчжи 373, 380.
Битудыйнъ нуръ 374.
Бичикту даба 239.
Бичжиту 610.
Богдо ула (т. ч. Ханъ ула).
Богдо ула (въ Хангаѣ) 196, 202.
Богдо ула (близъ Чойра хурѣ) 606.
Богдо улаинъ хошу 179.
Богдоинъ голъ (притокъ Цзабхана) 226, 247, 270, 273, 276, 281, 283, 284, 365, 367.
Богдоинъ голъ (въ Чахаріи) 634—636.
Богдойнъ дунчжинъ гарбо 150.
Богопи ула 218.
Богочи 202.
Богочи (т. ч. Аргалынъ даба) 478.
Богочіинъ даба 208.
Бодунъ тала 473.
Бомботу (почт. ст.) 390.
Бомботу 161.
Бомботу (горн. перевалъ) 204.
Бомботу (горы въ долинѣ Шара-усу) 216.
Бомботу ула 296.
Бомботу хаирханъ 293.
Бомботуйнъ хундэй 208.
Бомыйнъ таря 10.
Боро (рѣка) 57.
Боро бургасу 50.
Боро бурінъ 168.
Боро дага (почт. ст.) 164, 165.
Боро-нуръ (въ хош. Батуръ цз.) 59.
Боро табцанъ 192.
Боро тологой (у ст. Чжиргаланту 155.
Боро тологой (на Кунгуѣ) 355, 357.
Боро ундуръ 189.
Боро уцзуръ 189.
Боро уцзуръ (мысъ на Кунгуѣ) 352.
Боро уцзуръ 591.
Боро хото (древ. крѣпость) 202.
Боро хошу 161.
Боро хошунай борольчжи 290.
Боро хутуль 192.
Боро цэчжи 641.
Боро ширэ 192.
Борокчинъ голъ (озеро) 165.
Борокчинъ голъ 474.
Борокчинъ нуръ 473.
Борольчжи (долина) 631.

Бороной тологой 466.
Борой чикиту (караулъ) 356.
Боройнъ сумэ (въ Чахаріи) 635.
Борхо (почт. ст.) 278.
Босога (почт. ст. алтайск. тракта) 150.
Босого (почт. ст. сумун. тракта) 226.
Ботогони холой 355.
Боцойскій караулъ 22.
Бугу (почт. ст.) 291.
Бугу хаирханъ 291.
Бугуйнъ тологой 404.
Бугуйнъ шара дорольчжи 387.
Будала 414, 491.
Будаланъ ула 5.
Бударъ (уроч.) 611.
Будунэй хутуль 207.
Буинту (горы) 168.
Буинту голъ т. ч. Буянту 302.
Буланъ хуца 633.
Булинга усу 608.
Булугунъ ула 414.
Булугыйнъ орой 216.
Булугыйнъ хубо 185.
Булукту 206.
Булукту гашунъ 610.
Булукъ (почт. ст.) 179, 181.
Бульчигинъ даба 388.
Булэнъ (рѣчка) 204.
Булэнъ хошу 203.
Бумба или Бомботу (почт. ст.) 218, 222.
Бунханту (уроч.) 368.
Бура голъ 5, 6, 8.
Бургасу голъ 296.
Бургасу ула 220, 223.
Бургасуту (уроч.) 389.
Бургасутай (уроч. въ Чахаріи) 500.
Бургу-бухэ (гора) 53.
Бургултай (притокъ Селенги) 23, 37, 38.
Бургултай (притокъ Хары) 60, 65, 129.
Бургултайнъ нуру 194.
Буриду (ключи) 153.
Буриду нуръ 53.
Буриду нуръ (въ долинѣ Гориды) 206.
Буриду нуръ (въ долинѣ Цзабхана) 285.
Буриду нуръ (въ Чахаріи) 638.
Бурндунэй голъ 197.
Бурндунэй хурунъ тологой 198.
Бурулъ-даба 588.
Бурулъ ула 293.
Бурунъ нуру 11 т. ч.
Бурунъ ханъ (горы) 24, 34.
Бурханту 195.
Бурханту ула 479.
Бурхантуинъ даба 151.
Бурцагійнъ ширэ 627.
Бусунъ ула (въ дол. Дзака) 216.
Бута (уроч.) 189.
Бутумчжіинъ гоби 633.
Бухангыйнъ усу 632.
Бухайнъ голъ (притокъ Орхона) 58.
Бухайнъ даба 279.
Бухайнъ хонхоръ 163.
Бухунъ нуру (горы) 54.
Бухэгіинъ даба 152.
Бухэкъ (почт. ст.) 152.
Буянту (или Буинту) голъ 216, 225, 226, 240, 305, 313, 327, 341, 343.

В.

Ванъ-цюань-сянь 653.
Вачирту оронъ (гора) 466.

Г.

Галцзанъ буриду (въ дол. р. Чулуту) 405.
Ганга (уроч. на Селенгѣ) 9, 17.
Ганга даба 199.
Гангъ (р. въ Индіи) 86.
Ганца тологой 196.
Ганца худукъ 629.
Гань-чжоу (городъ въ Гань-су) 106, 157, 216.
Гань-су (кит. пров.) 540.
Гао-гуань 642.
Гасха хаирханъ 225.
Гахайнъ тойримъ 186.
Гашунай тала 605.
Гиринь 287.
Гичжигиныйнъ голъ 404.
Гичжигиныйнъ даба 402, 405.
Голбайръ (уроч.) 633.
Голынъ уланъ (гора на Кунгуѣ) 354.
Горида (почт. ст.) 198.
Горидыйнъ голъ 198.
Гуанъ-дунъ (кит. пров.) 505.
Гу-бэй-коу 106.
Гудуриху (уроч.) 638.
Гультугинту 629.
Гумбумъ 177, 178, 491.
Гунчжуинъ цзамъ 583, 584, 590.
Гунъ буриду 197.
Гунъ тойримынъ нуръ 631.
Гунъ-худукъ 189.
Гунъ худугійнъ тала 599.
Гунъ-цаганъ нуръ 196, 197.
Гурбанъ сайханъ (горы) 157.
Гурбанъ угулцза 204.

Гурбанъ уцзуръ (на Кунгуѣ) 305.
Гурбунъ гувэ 186.
Гурбунъ салагіинъ улумъ 341.
Гурбунъ тологой 600.
Гурбунъ тохой 640.
Гурбунъ цэнкиръ 299.
Гурунцзату даба 58.
Гу-чэнъ (городъ) 274, 299, 305, 306.
Гучжирту 185.
Гушійнъ-цаганъ 203.
Гэ-гэ-ча-ганъ 476.
Гэдэгэръ тологой
Гэнтэй (горы) 463, 493, 605.
Гэрь-чулу 605.
Гэцзыгэйнъ гашунъ гоби 626.

Д.

Да-тунъ-фу 371.
Да-хурѣ (см. Урга).
Да-хань-гоу (ущелье) 642.
Дабанъ нуръ 390.
Дабхуръ ула (хребетъ) 53.
Дабхуръ ханъ ула 16.
Даганъ дэль (уроч.) 65.
Даганъ дэль 192.
Даганъ-дэль (гора въ долинѣ Буянту) 227.
Даганъ дэль (почт. ст.) 228.
Дагата 234.
Даинъ куль 287.
Даинъ табакъ 613.
Дала ула 367.
Даланъ ама улумъ 6, 50.
Даланъ дабхуръ (гора) 73.
Далю (горная падь) 367.
Дамбаинъ худукъ 345.
Дамъ хабирга (почт. ст.) 181.
Дамъ хашату 187.
Дамъ шакшурга (почт. ст.) 185.
Дамъ шили
Дарханъ ула 380, 385, 402.
Дарханъ цзамъ 583, 588.
Дархинъ хитъ 52.
Дарцоктай усу (притокъ Селенги) 58.
Даши хлумбо 491, 495.
Даши дорчжи 399.
Дай-тунъ (т. ч. Да-тунъ-фу) 618.
Дзагіинъ хара 215.
Дзакъ (рѣка и почт. ст.) 215, 221, 240.
Дзиндзиликъ 368.
Дзуръ (гора и почт. ст.) 286, 290, 291.
Дзэкъ (горн. мысъ) 182.
Дзэрэнъ (почт. ст.) 188—192.
Дзэрэнъ нуръ 277, 348—350.
Дзэсъ нохой 161.
Джирмантай (рѣка) 425.
Добокъ ула 186.
Доду хурѣ (Цзаннъ гэгэна) 415, 420.
Долонъ (почт. ст.) 153.
Долонъ даба (перевалъ на Селенгѣ) 11.
Долонъ даба (на Уляс.-Калг. трактѣ) 170.
Долонъ даба (въ хр. Дабхуръ ула) 53.
Долонъ даба (въ дол. Богдойнъ гола) 226.
Долонъ даба (перевалъ въ въ Ург. долинѣ) 590.
Долонъ нуръ (городъ) 65, 66, 74, 88, 93, 105, 109, 130, 133, 177, 499, 512, 519, 638.
Донкоръ-маньчжушрійнъ хитъ 588.
Дорольчжійнъ хутуль 283.
Дугунай буцанай дэрэсу 194.
Дугунтуйнъ голъ 232.
Дуланъ (хребетъ въ Хангаѣ) 359.
Дуланъ (сумун. почт. ст.) 478.
Дуланъ ханъ (гора) 4.
Дулганту 185.
Дулгурту 639.
Дунгойнъ (гора и рѣчка) 407.
Дунду тамиръ 408, 414, 421.
Дунду тэгъ 182.
Дунъ- коу (=Калганъ) 644.
Дурбэдыйнъ обо 349.
Дурбэльчжинъ ула 294.
Дурбэльчжинъ ула (въ дол. Тамира 421.
Дурбэльчжинъ уха 163, 179.
Дурга нуръ (озеро и почт. ст.) 295.
Дурсу-нарасу (уроч.) 53.
Дурсуйнъ тала 203.
Дэбтэръ нуръ 277.
Дэду ногойнъ хутуль 422.
Дэду хурѣ (цзаинъ гэгэна) 415.
Дэкдэнэ тологой 466.
Дэль 293.
Дэльгэръ тала — 633.
Дэльгэръ хангай 184.
Дэльгэръ ханъ (гора) 4.
Дэнъ (уроч.) 171.
Дэрби хаирханъ 296.
Дэрэнгійнъ хутуль 164.
Дэрэнгіинъ энгирь 164.
Дэрэсу (уроч.) 171.
Дэрэсу булунъ 620.
Дэрэсу холой 285.

Ж.

Жэ-хо (городъ) 65, 500, 644.

З.

Задагайту 192.
Зала-тологой 198.
Занту (горная падь) 389.
Занту аршанъ (минерал. источн.) 389.
Зара (горы) 168, 169.
Зоксо хаирханъ 349.
Зурма наринъ цзамъ 583.

И.

Ибицихъ ула (горы) 4.
Ибэнгійнъ адакъ (уроч.) 50.
Ибэнъ голъ 24, 38, 48, 65.
Идэрыйнъ голъ 279, 281, 367, 374, 385.
Или 603—604.
Иркутскъ 595.
Иро (рѣка сист. Селенги) 4, 9, 58.
Иро (рѣка сист. Цзабхана) 247, 281, 362, 364.
Ингирту тологой 292.
Ингитъ (притокъ Селенги) 58.
Инь-шань 642.
Инь-чжоу (гор. въ Шань-си) 105.
Исунъ цзуилъ 487.
Ихиръ ула 224.

К.

Каба (притокъ Иртыша) 289.
Калганъ 74, 105, 130, 133, 134, 259, 267, 371, 418, 582, 592, 601, 608, 644—674.
Камъ (пров. въ Тибетѣ) 524.
Киргизъ пуръ 351.
Кобдо (городъ) 149, 240, 279, 285, 287—290, 298, 301—337.
Кобдо (рѣка) 304, 339, 341, 343, 604.
Коко тохой (уроч. и рѣчка) 364.
Кошъ-агачь 348.
Кранъ (рѣка) 287, 289.
Куй (рѣка и почт. ст.) 61, 117, 129, 599.
Куйсу голъ 425.
Куку хото (т. ч. Хуху хото).
Кунгуй рѣка 351.
Кэмчикъ (рѣка) 268.
Кяктуйнъ голъ (притокъ Хары) 58.
Кяхта (городъ) 1—4, 8, 19, 63, 134, 268, 279, 284, 418, 482, 592.
Кяхта (рѣчка) 3, 52.

Л.

Линь-чжао 643.
Литанъ (пров. въ Тибетѣ) 524.
Лунъ-синъ-цзоръ 630, 638.
Лусъ (почт. ст.) 182.
Ляо-дунъ 643.

М.

Магада (въ Индіи) 483.
Мананъ 179.
Мангатъ уха 187.
Мангирту (уроч. на р. Хара) 53.
Мандалту (уроч.) 608.
Мандалъ (т. ч. Куй мандалъ) 65.
Мандалъ обо (на Кунгуѣ) 354.
Мандалъ тологой 202.
Мандахай (перевалъ) 407.
Маниту 193.
Маниту хурунъ 203.
Маниту 639.
Маннай цохо 186.
Манхатай (перевалъ) 55.
Марцакъ (уроч.) 189.
Марцайнъ даба 153.
Маймачэнъ (кяхтинскій) 2, 4, 9, 10.
» (ургинскій) 68 — 72, 73, 104, 119—140.
» (улясутайскій) 257—276.
» (кобдоскій) 306, 313.
Майханъ тологой 104.
Миниганскій хребетъ 636.
Минъ-чанъ 634.
Могой ула 22.
Могой голъ (прит. Орхона) 58.
Могу (горы) 170.
Модонъ (почт. ст. Ург.-Калг. тракта) 163.
Модонъ (почт. ст. Алтайск. тракта) 171, 179.
Монголъ элэсу 284, 286.
Монготу 611.
Монсонай (уроч.) 17.
Моринь тологой 475.
Морпнэй дэльгэрэкъ 364.
Мориту ула (на Цзабханѣ) 292.
Му-усу 611.
Мунгутэй дабанай усу 168.
Мунхэ-тологой 599.
Мургуцуннъ хабчиль 192.
Муруй гоби 182.
Муруй голъ 414.
Муруй уланъ 617, 620.
Муруйнъ гашунъ 630.
Мухуръ шили 192.
Мушка (уроч.) 170.
Мэнгэту (почт. ст.) 185.
Мэргэнъ-хутуль 279.
Мэргэнэй хутуль 207.

Н.

Намширъ (горная падь) 238.
Намъ-даба 156.
Намъ даба 300.
Наранъ (почт. ст.) 162.
Наранъ-усу (притокъ Селенги) 58.
Наранъ хутуль 207.
Наранай аршанту 600.
Нарасуту-даба 59.
Н'ари (тиб. провинція) 484.
Наринъ (перевалъ) 60.
Наринъ 181.
Наринъ (долина) 202.
Наринъ (долина на Кунгуѣ) 357.
Наринъ голъ 247.
Наринъ хамаръ 213.
Наринъ хаирту 364.
Нидунъ 629.
Ногонъ голъ 407.
Ногонъ даба 155.
Ногонай усу 155.
Ногойнъ дорольчжи 422.
Ноинъ ула 57.
Ноиханъ тала 463.
Номгонъ гоби 180.
Номгонъ ула 53, 59.
Номохонъ ула 465.
Номту булакъ (притокъ Хары) 58.
Номту горихонъ 24.
Номту тологой 387.
Ноюнъ-лунъ 633.
Нэмихэ (горы) 175.
Нуга (на р. Кунгуѣ) 355.

О.

Обольчжинъ хундэй 184.
Обоной гоцзогоръ 388.
Оботу (гора) 14.
Оботу (гора въ дол. Хоримту) 58.
Оботу хутуль 206.
Оголъ (гора) 609.
Огоцокъ ула 189.
Оликту 189.
Олинту даба 60.
Олiинъ даба 364.
Оло-ула 283.
Ологой нуръ (оз. и почт. ст.) 209, 209, 499.
Олонъ худукъ 636.
Олоту 211.
Олотъ тологой 232.
Олоинъ дабанъ 424.
Ольцзойту даба 463.
Онгiинъ (рѣка) 157, 158, 160, 193.
Онгiинъ (почт. ст.) 193.
Онгоной хутуль 200.
Онкойнъ даба 392, 403.
Опцокту ула 182.
Онцзонъ тологой 187.
Оронцакъ (гора) 187.
Ортодъ ула (въ дол. Шара-усу) 224.
Орулту 212.
Орхонъ (рѣка) 2, 6, 8, 50—52, 58, 109, 240, 279, 425, 427, 434.
Отхонъ тэнгри (бѣлокъ) 226.
Оши 299.
Ошикъ даба 362.

П.

Пекинъ 14, 65, 177, 193, 419, 592.
Пинданъ тологой 187.
По-ло-цай-цза 641.

Р.

Райбунъ (монастырь въ Тибетѣ) 64.
б) Райбунъ гэчжи ганданъ шат-дубъ линъ (т. ч. Барунъ-хурѣ) 460.
Райбунъ гэчжи (ганданъ шат-дубъ) линъ (т. ч. Урга) 63.
Ранбаша (пров. въ Индiи) 484.

С.

Сабангыинъ голъ 467.
Саиръ усу (почт. ст.) 169, 171—179, 601.
Салинъ (хребетъ) 476.
Сальхинту ула 150.
Саль (уроч.) 633.
Сальхинтуйнъ чжилга 392.
Самбаинъ гоби 611.
Сангiйнъ далай (т. ч. Дзэрэнъ-нуръ) 348.
Самъ булугiйнъ гоби 633.
Сансаръ ула 604, 606.
Санту (уроч.) 633.
Санту (долина на Селенгѣ) 22.
Сао-линь (хребетъ 476.
Сарайнъ голъ 460.
Сарiинъ голъ 234.
Сайнъ голъ 633.
Сайнъ усу 613.
Сайримъ (уроч. на Кунгуѣ) 355.
Сайханъ (гора) 52.
Селенга 6, 9, 13, 58, 133, 279, 405, 418.
Си-коу (= Хуху хото) 644.

Си-чэнъ (городъ въ Шань-си) 129.
Сологой (почт. ст.) 170.
Солонготу ама 392.
Солонъ-ама 367.
Солонъ-голъ 373.
Сонгина ула 73, 116, 150, 479.
Сонгинай булакъ 222, 479.
Соноръ (уроч.) 65.
Соносхоланту 150.
Субургату тологой 404.
Субэйнъ уланъ (гора на Кунгуѣ).
Сули усу 632.
Суль 194.
Суль-тологой 203.
Суль-шанда 630.
Сумдайрыкъ (рѣка) 287.
Сумуну (т. ч. Сумэйнъ) голъ 404, 405.
Сумуя (гора) 152.
Сундули (рѣка) 344.
Суокъ (караулъ) 356.
Суцзукту (падь) 59.
Сучжи (падь у р. Селенги) 13, 21.
Сучжи (горы въ хош. Пунъ-бэйсэ) 156.
Сучжи-худукъ 164.
Сучжи (почт. ст.) 171.
Сы-чуань (кит. провинція) 540.
Сэбчжинъ-балборъ (гора) 380.
Сэбэкту (горы) 215.
Сэльби (рѣка) 63, 65, 93, 116, 149.
Сэнчжи 204.
Сэнчжиту (горы) 196.
Сэнчжиту даба (въ Инь-шани) 642.
Сэнчжіинъ гоби 620.
Сэрбэнъ ула 175.
Сэрбэнъ (долина) 185.
Сэргэхчи ула (въ дол. Хары) 56.
Сэртэнъ (хребетъ) 168.
Сэртэнъ даба 359.
Сэртэнъ ула 203.
Сэрь (хребетъ) 340, 343.
Сэрь (см. Усунъ сэрь) 65, 97.
Сэрь-сэртэнъ 291.
Сэрюнъ-булакъ 629.
Сэрюнъ ула 182.
Сюань-хуа-фу 618.
Сянъ пинъ 642.

Т.

Табакъ 192.
Табунгійнъ тала 631.
Табунгстайнъ хутуль 151.
Табунъ модо (гора на Тамирѣ) 422.
Табунъ тологой 168.
Табунъ тологой 344.
Табунъ ула 638.
Табунъ хара 610.
Табунъ хара 179.
Табунъ чихиту 367.
Тагіинъ пуръ 373.
Тагійнъ тойримъ 608.
Тала булакъ (почт. ст.) 161.
Талайнъ-тологой 196.
Талбай 187.
Тамиръ (рѣка) 65, 240, 241, 410, 421.
Тангатъ хутуль 208.
Тансукъ тала 470.
Тарантуйнъ хиса 392.
Тарбагатайскій округъ 289, 305.
Тарбуга 186.
Тарнайнъ голъ 466.
Тарятуйнъ голъ 394.
Тарятуйнъ хурѣ 393.
Тарячіинъ сумэ 50.
Таря-хулусунъ (уроч.) 494.
Тахай (древ. городъ) 428.
Тахилакту 175.
Тахилга обо 203.
Тахилгату обо 179.
Тахилыйнъ даба 302.
Тахинъ нугайнъ голъ 201.
Таца (рѣка и почт. ст.) 199—201.
Ташигай 156.
Таширъ даба 561.
Тай-шань (горы въ Шань-дунѣ) 314.
Тай-чжоу (древ. обл. въ Китаѣ) 642.
Тай-юань-фу 666.
Тингыйнъ ширэ 629.
Тійрикъ (уроч. на Селенгѣ) 16.
Тогосколь-булукъ 4, 5.
Токтохо нуру 345.
Тола (рѣка) 53, 63, 65, 69, 72, 93, 119, 150, 477, 514, 515, 583—586, 588, 598.
Тологойту даба 61.
Тольби (рѣка и уроч.) 16, 22.
Тоно (гора) 281.
Тоно (гора въ дол. Идера) 385, 386.
Торонту ула 53.
Торхо уланъ (гора) 340.
Тосуинъ усу (притокъ Толы) 53.
Тосулъ обо 634.
Тойримъ (почт. ст.) 164.
Троицкосавскъ 1—3, 8, 63.
Ту-динъ-цза (поселокъ) 644.
Туги 349.
Тугурикъ (почт. ст.) 187.
Тугурикъ (на границѣ хош. Пунъ-бэйсэ) 600.

Тугурикъ усу 169
Тугурикъ усу (уроч. въ Гоби) 170.
Тулга 638.
Тулта (город. въ Чжунгаріи) 287, 289.
Тункэль-голъ 58.
Тунъ-чжоу 598.
Тургэнъ голъ (притокъ Толы) 151.
Тургэнъ голъ (притокъ Шара-усу) 219.
Турхунай голъ 364.
Тухумъ гоби 171, 186.
Тучжа (уроч.) 8.
Туй (рѣка и почт. ст.) 204, 240.
Тэгійнъ тала 182.
Тэгіинъ хутуль (въ дол. Тамира) 410.
Тэкши буянту голъ 386—388.
Тэлійнъ голъ 209, 232.
Тэль (гора въ дол. Шара-усу) 223.
Тэмурту (почт. ст.) 232.
Тэмуртуйнъ голъ 234.
Тэмэ хуцзу 217.
Тэмэнь-чжиримъ 185.
Тэмэрцзэту ула 283.
Тэнгріинъ мухуръ 215.
Тэрхійнъ бэльчиръ 402.
Тэрхійнъ голъ 392.
Тэрхіинъ цаганъ нуръ 399, 402.
Тэрхэтыйнъ тала 604.
Тэсъ (рѣка) 240.
Тянь-цзинъ 247, 592—598.
Тянь чжэнъ 129.

У.

У-тай-шань 105, 482.
У-чулутайнъ ама 224.
Убса-нуръ 268.
Убса нурыйнъ хара хира (горы) 351.
Убуръ улакчинъ (почт. ст.) 377.
Убуръ худукъ 359.
Убуръ цзэргэйнъ голъ 299.
Убуръ чжиргаланту 218.
Убуръ чжигаланту (почт. ст.) 220.
Убусуту нуру (хребетъ) 206.
Угэй нуръ 53.
Угомуръ (падь въ дол. Селенги) 21.
Угомуръ (уроч.) 65.
Угомуръ 161.
Угомуръ (холмы) 599.
Угомуръ (ручей близъ Цзара улы) 605.
Удуйнъ даба 283.
Удэльгэ (уроч.) 65.
Уланъ бакца 533.
Уланъ бэльчиръ 362.
Уланъ даба 590.
Уланъ дэль 163.
Уланъ дэль (холмы) 181.
Уланъ дэліинъ даба 361.
Уланъ комъ 268, 354.
Уланъ оботу 162.
Уланъ тологой 186.
Уланъ тологой (при р. Дзакъ) 215.
Уланъ тологойнъ тала 293.
Уланъ хада 393.
Уланъ хаирханъ (гора у р. Хары) 56.
Уланъ хаирханъ (въ дол. р. Богдо) 284.
Уланъ халга 368.
Уланъ хату 364.
Уланъ хошу (сумун. почт. ст.) 465.
Уланъ худукъ (почт. ст.) 284.
Уланъ худукъ (въ дол. Цзэрэ) 300.
Уланъ хуца 232.
Уланъ чжилга (въ дол. Цзака) 216.
Уланъ чихи 194.
Уланъ эрги (на Кунгуѣ) 353.
Улцзуръ (уроч.) 225.
Улцзурыйнъ булакъ 606.
Улцзэй тологой 195.
Улцзэй хошу 283.
Улцзэйту ундуръ 194.
Улцзэйту хангай 150.
Улцзэйту цаганъ нуръ 497.
Улясутай (городъ) 19, 169, 194, 239—282, 305, 306, 418, 601—604.
Улясутай (притокъ Толы) 65.
Улясутай ула (гора) 240.
Улясутайнъ голъ (нынѣ Богдойнъ) 247.
Улятай (рѣка) 74, 120, 132.
Ундуръ богочійнъ хутуль 212.
Ундуръ добо (почт. ст.) 156, 161.
Ундуръ уланъ 200.
Ундуръ хаирханъ 339.
Ундуръ хутуль 213.
Ундуръ чжиргаланту (уроч.) 224.
Ундуръ шили 192.
Унигэту (гора) 52.
Унигэту 162.
Унигэту (почт. ст.) 194.
Унигэту (горы на Кунгуѣ) 351.
Унигэту уланъ 340, 343.
Унигэту хада 183.
Унирту (горы) 232.
Урга (городъ) 1—3, 19, 63—149, 177, 222, 268, 279, 394, 418, 426, 601—603.
Ургату ула 380.
Ургату уланъ 345.
Ургунъ уланъ 620.
Ургунъ-ширѣгіинъ хутуль 227.

Уриду тамиръ 414, 420.
Уриду тэрхи голъ 402.
Урту голъ (притокъ Орхона) 58.
Урту ула 218.
Урту хара (рѣка и почт. ст.) 207.
Уруктуйнъ ула 467.
Усунь сэрь 16, 37, 58.
Усунъ цзуиль (сист. Цзабхана) 247, 361.
Ута (рѣка и почт. ст.) 212.
Уха-оботу 302.
Уха хутуль 162.
Уха хэрэмъ 164.
Уха ширэ (уроч.) 158.
Ухагынъ усу 632.
Ухукъ (= Укэкъ) 209.
Ухэръ чулу (утесъ на Селенгѣ) 21.
Ухэръ чулу (ущелье на Алт. трактѣ) 179.
Ухэръ чулу 196.
Уцзуръ чжалцай 116.
Учжикту даба 59.
Уйцзанъ 611.
Уянай усу 608.

Ф.

Фу-инъ (древ. наз. Кобдо) 307.
Фынъ-чжэнъ 630.

Х.

Хабангыйнъ ясу 216.
Хабирга (горы) 170.
Хабирга 211.
Хабтагай 610.
Хабтагай уланъ 218.
Хабцагай 200.
Хагыйнъ нуръ 635.
Хадамалъ 610.
Хадангыйнъ цохо 168.
Хаданъ зара 165.
Хаданъ хошу 163.
Хадасунъ (почт. ст.) 53.
Хадату (почт. ст.) 195.
Хадату-тологой 184.
Хадайнъ дабату 608.
Хаирханъ (утесы въ дол. Шара-усу) 224.
Хаирханъ 165.
Хаирханъ усу 202.
Хаирханъ худукъ (въ дол. Кунгуя) 357.
Халагайту 194.
Халдудунъ чжирухэпъ 470.
Халтаръ-даба 208.
Халунъ усу (притокъ Хочжула) 389.
Халцзанъ 165.
Халцзанъ 181.
Халцзанъ бурикту 284.
Халцзанъ даба 424.
Халютайнъ голъ 608.
Халютай (почт. ст. алтайск. тракта) 635.
Хамарыйнъ дабанъ 393.
Хана ула 417.
Ханай худукъ 247.
Ханга ула 169.
Хангалъ (притокъ Орхона) 58.
Хангай (горы) 590.
Хангайскій (хребетъ) 196.
Хандагайту (притокъ Селенги) 58, 129.
Хандагайту (караулъ) 356.
Хандайнъ дорольчжи 377.
Ханду ула 380.
Хануй (рѣка) 279, 407, 408.
Ханхарыйнъ хошу 22.
Ханъ обо 203.
Ханъ ула 62, 73, 150, 589, 599.
Ханынъ (сопка) 610.
Хань-коу 592—597.
Хапчикъ ула 387
Хара балгасунъ 641.
Хара-богочи 343.
Хара бургасуту 224.
Хара голъ 9, 52, 54, 58, 134.
Хара ирцысъ 287, 363.
Хара нидунъ (почт. ст.) 196.
Хара нидунъ (сумун. почт. ст.) 475.
Хара нидунъ (уроч.) 372.
Хара нуръ (часть Дурга нура) 296.
Хара нурыйнъ хонхоръ 611.
Хара обо 170.
Хара оботу (въ дол. Цзабхана) 286.
Хара тала 475.
Хара усу (притокъ Шара-усу) 216, 218.
Хара усу (оз. и почт. ст.) 297—302, 339.
Хара усунай бэльчиръ (на Кунгуѣ) 354.
Хара усунай тойримъ (уроч.) 343.
Хара-уцзуръ (при Тэрхи голѣ) 402.
Хара хадайнъ тала 634.
Хара хира 351.
Хара хучжиртуйнъ голъ 425.
Хара цаба 179.
Хара цохоной тала 180.
Хара чулу 232.
Хара чулу 171.
Хара чулунай даба 204.
Хара чулуту 207.
Хара яматуйнъ дорольчжи 478.
Харагана (уроч.) 172.
Харагана (гора) 209.
Харагана (почт. ст.) 296.
Хараганайнъ алтай 297.

Харагатуйнъ цзунъ 185.
Харалинъ (рѣчка) 466.
Харамъ 181.
Харангуинъ тала 631.
Харату (горы на Кунгуѣ) 355.
Хармыкту 350.
Харулту обо 180.
Харуха голъ 53, 466.
Хайнукъ тологой 228.
Хиванту ула 180.
Хидыйнъ даба 23.
Хилцзаха (гора) 404.
Хирай нуръ 162.
Хирай сонго 187.
Хирай чжиримъ (почт. ст.) 184.
Хирайнъ тугурикъ 163.
Хиса ула 388.
Хла-би-рай-цамъ (тиб. пров.) 484.
Хла-лунъ-ра-салъ (тиб. пров.) 484.
Хласса 177, 414.
Хобо (рѣчка и долина) 361.
Хоболъ (почт. ст.) 215.
Хобукъ сочжиръ (горы) 291.
Хобуръ (долина) 465.
Холбо (гора) 211.
Холбо 293.
Холбо-тологой 184.
Холбо уланъ 195.
Холбо-цаганъ 170.
Холтуйнъ гоби 631.
Холтуйнъ даба 588, 590.
Хонгильту ула 10.
Хонгоръ нуръ 600.
Хонгоръ нурынъ тала 590.
Хонгоръ ула 609.
Хондоту (уроч.) 189.
Хонхоръ цаганъ 170.
Хоримту (почт. ст.) 57.
Хормоцакъ (гора) 187.
Хоромчжійнъ хутуль 478.
Хорохойту булакъ (уроч.) 195.
Хоту булукъ 185.
Хотонту ула 195.
Хотонту улайнъ хабтагай 196.
Хотойнъ даба 239.
Хотойнъ уланъ хошу 338.
Хотойнъ хутуль 213.
Хотхоранту (долина) 227.
Хохо-бэри-усу 53.
Хохо даба 300.
Хохо обо 198.
Хохо сайръ нуру 212.
Хохо тологой 185.
Хохо тологой (въ долинѣ Тэкши) 387.
Хохо ула 338, 340.
Хохо ундуръ 184.
Хохо хошу 182.
Хохо цэгэль (озеро) 53.
Хочжула (рѣка) 386, 388.
Хошиго ула 283.
Хошоту 204.
Хошотуйнъ дабанъ 465.
Хошхорыйнъ худукъ 345.
Хойту тэрхійнъ голъ 392, 402.
Хойту тамиръ 408.
Хуа-шороту (почт. ст.) 238.
Хубилганъ ламайнъ сумэ 462.
Хубунэй дорольчжи 227.
Ху-бэй (обл. Кит.) 651.
Хугэнэй нуру 154.
Хугэнэй ула — 465 (т. ч. Хугэнэ Хаирханъ) 466.
Худа ула 186.
Худукъ урту (почт. ст.) 202.
Худукъ элэсуту 463.
Хулагай хонхоръ 179.
Хулату ула 182.
Хундулэнъ (горн. падь) 368.
Хундулэнъ булукъ 414.
Хундулэнъ даба 226.
Хунту холбо нуръ 377.
Хунцалъ (почт. ст.) 59, 65, 134.
Хурай 200.
Хурай наринъ 228.
Хурай худукъ 302.
Хурду тологой 48.
Хурдуни холой 195.
Хуримту (рѣка) 211.
Хурумту нуръ (озеро и долина) 424.
Хурѣнъ ачжиргайнъ цзамъ 583.
Хурѣнъ байшинъ (уроч.) 50.
Хурѣнь бэльчиръ 498.
Хурѣнъ тала 296.
Хурѣнъ тологой 345.
Хурѣнъ ундуръ 156.
Хурѣнъ хабтагай 156.
Хурѣнь (т. ч. Урга) 63—145.
Хуръ (долина) 610.
Хусуръ (уроч. на Кунгуѣ) 354.
Хусуту ундуръ 61.
Хутулыйнъ буца 208.
Хутуль усу 298.
Хутухту ула 604.
Хуху хото 109, 130, 134, 181, 258, 259, 267, 269, 279, 306, 318, 371, 375, 418, 630, 638.
Хуху нуръ 411, 558, 559.
Хухэ добо 53.

Хухэ оботу 181.
Хухэ эрги (городъ) 630.
Хуца-тологой 180.
Хуца тологой 213.
Хучжирту (почт. ст.) 236.
Хучжирту (рѣка) 281.
Хучжирту-булукъ 65.
Хучжиртуйнъ эхи (перевалъ) 408.
Хучжійнъ хутуль 48.
Хуйсунъ хундэй 203.
Хуйтунъ булакъ 152.
Хуйтунъ булакъ 165.
Хуйтунъ шара 16.
Хэ-нань 666.
Хэльтэгэй хошхоръ 608.
Хэрулэнъ (рѣка) 58.
Хэрэмъ нуръ 114.
Хэрэмыйнъ хошу 164.
Хэй 181.
Хэй-лунъ-цзянъ 618.

Ц.

Цаба ула 478.
Цабчирай цохо 186.
Цабчиръ (почт. ст.) 186.
Цаганъ аралъ 286.
Цаганъ даба (въ долинѣ Тамира) 410.
Цаганъ байшинъ 472.
Цаганъ булукъ (горнал падь) 238.
Цаганъ булунъ 343.
Цаганъ булунъ (на Кунгуѣ) 353.
Цаганъ дорочи 214.
Цаганъ дэль 161.
Цаганъ дэнчжи 406.
Цаганъ нуру (въ долинѣ Дзака) 215.
Цаганъ нуру (въ дол. Богдоинъ гола) 284.
Цаганъ нуръ 198.
Цаганъ нуръ 201.
Цаганъ нурынъ цзаха булукъ 299.
Цаганъ оботу (гора при р. Дзакъ) 215.
Цаганъ суль 240, 241.
Цаганъ сумэйнъ голъ 425.
Цаганъ тала 633.
Цаганъ турунъ 209.
Цаганъ туруту 212.
Цаганъ тэмэту 189.
Цаганъ ула (въ Муруй гоби) 182.
Цаганъ хаирханъ 196.
Цаганъ хира 181.
Цаганъ худукъ 169.
Цаганъ худугійнъ голъ 606.
Цаганъ хутуль 208.
Цаганъ хурѣ (горы) 634.
Цаганъ чулуту (горы въ дол. Дзака) 215.
Цаганъ чулутуйнъ дорольчжи 362.
Цалбуръ 192.
Цантайнъ адакъ 22.
Цанъ-ни-цзанъ (тиб. пров.) 484.
Цасуту богдо (бѣлокъ) 299.
Цасуту хангай 341.
Цахаръ (горы) 232.
Цахаръ уха 604.
Цахиръ даба (близъ Кобдо) 302.
Цахиръ даба 290.
Цахиръ ула 283.
Цахиръ ула (въ дол. Тэрхи) 392.
Цахюртуйнъ гоби 186.
Цахюртайнъ гоби 632.
Цацайнъ буриду 466.
Цзабилга ула 224.
Цзабукъ 626.
Цзабханъ голъ 216, 284, 290—349—353, 478.
Цзагасутайнъ голъ 368—373.
Цзагасутайнъ даба 279, 389.
Цзагасутайнъ даба 368.
Цзагацакъ ула 53.
Цзадагай 194.
Цзадагай хундуй 192.
Цзадагайту 634.
Цзаинъ хурѣ 410—420.
Цзаланъ (рѣка) 8, 9.
Цзамбулыгійнъ цзамъ 583.
Цзамія (перевалъ и рѣка) 339.
Цзамыинъ боро тологой 293.
Цзамыйнъ булакъ 152.
Цзамыинъ дорольчжи 293.
Цзамыинъ дэбсэнъ 163.
Цзамыинъ тологой 162.
Цзамыинъ тойримъ 193.
Цзамыинъ хада 208.
Цзамыинъ хобуръ 195.
Цзамыинъ хохо обо 170.
Цзамыинъ худукъ 359.
Цзамыинъ хундуй 206.
Цзамыинъ цаганъ ихиръ 613.
Цзамыинъ цахиръ 171.
Цзамыинъ чулунъ табакъ 611.
Цзанъ (туб. провин.) 484.
Цзара ула 604, 605.
Цзаринтай (индійск. пров.) 484.
Цзамыинъ ширэ 616.
Цзаха булакъ (почт. ст.) 296—301.
Цзахачинъ ула 299.
Цзайсанъ ама 73.
Цзодохо 169.
Цзоксо хаирханъ 338.

Цзолоту (рѣка) 211.
Цзунъ модонай элэсу 5.
Цзунъ модо (горная падь) 57.
Цзунъ уланъ (колодецъ) 611.
Цзунъ хабтагай 156.
Цзунъ хурѣ 79, 82.
Цзунъ цахиръ ула 285.
Цзурганъ тологой 187.
Цзурухэ хаирханъ 340.
Цзусланъ (горы) 292, 293.
Цзутугэй хонгоръ 611.
Цзэргэ (озеро и долина) 299.
Цзэргэнэ уха 189.
Цзянь-цзинъ-фу 157.
Ци-чжоу 659.
Цокту ула (въ дол. Цзабхана) 286.
Цокцулъ 181.
Цолмоту даба 460.
Цолхоръ голъ (притокъ Селенги) 58.
Цончжу (=Гучэнъ) 265, 268, 279.
Цохоной голъ 393.
Цохоной даба 422.
Цохоръ нурынъ бэль 344.
Цубуру голъ 247.
Цэгэйнъ даба 21.
Цэгэнъ цаганъ 476, 478.
Цэнгэчжіинъ уланъ уцзуръ 217.
Цэцэкъ нуръ (озеро) 320.
Цэцэрликъ голъ 422.

Ч.

Черный Иртышъ 289.
Чжанъ-цзя коу (=Калганъ) 644.
Чжао-янъ (древ. обл. Китая) 642.
Чжаргалъ булакъ 152.
Чжибуртуйнъ холой 206.
Чжигасутуйнъ голъ 247.
Чжида (рѣка) 14.
Чжинту 38.
Чжиранъ тологойнъ шинди 181.
Чжиргаланту (уроч.) 65.
Чжиргаланту (почт. ст.) 155.
Чжиргаланту (гора) 209.
Чжиргаланту (горы по р. Цзабхану) 292.
Чжиргаланту (горы и почт. ст. Ул-Кобд. тракта) 293, 296.
Чжиргаланту голъ (прит. Идэра) 386.
Чжиргаланту ула (въ дол. Селенги) 10.
Чжиргаланту ула (въ хош. Бат. цз.) 57.
Чжиргалантуйнъ гувэ 183.
Чжиргалантуйнъ даба (въ дол. Шара-усу) 216.
Чжиримыинъ удэ 185.
Чжиримыйнъ худукъ 478.
Чжончи долонъ худукъ 636, 638.
Чигирсутэй (караулъ) 356.
Чигистуйнъ голъ 281, 367.
Чигэту (горы) 343.
Чингиль (притокъ Орхона) 58.
Чингиль (рѣка быв. Чжунгаріи) 364.
Чингильту ула 61, 73, 75, 132.
Чингильтуйнъ тала 116, 480.
Чиндамани (гора) 351.
Чинъ тологой 474.
Чинъ хутуль 218.
Чойрайнъ хурѣ 606.
Чойринскій трактъ 583, 588, 602.
Чонойнъ голъ 638.
Чулунай хиръ 163.
Чулунъ обо 302.
Чулунъ онгоцо 60.
Чулунъ хороту 183.
Чулуту тугурикъ 627.
Чулутуйнъ голъ 279, 405.

Ш.

Шабактай 170.
Шабакту (почт. ст.) 390.
Шабакту обо 353.
Шабартайнъ тойримъ 193.
Шабартай (селеніе) 641.
Шабарту тологойнъ хонхоръ 183.
Шакдыйнъ орой 198.
Шанагайнъ хонду 184.
Шанда 195.
Шанданай хутуль 212.
Шанду ула 591.
Шанхагыйнъ оботу 162.
Шанхай ула 459.
Шанхайту ула 428.
Шанъ-цзюнъ (древ. обл. Китая) 642.
Шанъ-хай 592, 594, 597.
Шань-дунъ 314, 666.
Шара булукъ 408.
Шара булугіинъ даба 408.
Шара голъ 9.
Шара дабату (уроч.) 613.
Шара номтуйнъ цзамъ 583.
Шара хубу 463, 479.
Шара тойримыйнъ хойту усу 165.
Шара усу 217.
Шара усу (притокъ оз. Буриду) 53.
Шара хадайнъ булукъ 626.
Шара холой 610.
Шара усуту (горы) 215, 216.
Шара цзольгойнъ голъ 463.
Шара ширэгіинъ хутуль 463.
Шара чжилга 598.

Шара шубутай (почт. ст.) 168, 181.
Шаралинъ 466.
Шаргалынъ сучжи 164.
Шарга-ачжирга 628.
Шаргальчжутъ (рѣка и почт. ст.) 203, 204.
Шаргату холой 302.
Шархова ула 53.
Шацзагайту 626—630.
Шибаганцайнъ хонхоръ 163.
Шибаганцайнъ хутуль (на Кунгуѣ) 357.
Шибэ 202.
Шибэгіинъ гоби 170.
Шибэни гуя 629.
Шибэртыйнъ адагійнъ нуръ 393.
Шибэту ула 431.
Шибэту 162.
Шилiинъ нуръ 475.
Шилiинъ худукъ 601.
Шинь-чжоу 216.
Шинэ булукъ 362.
Ширгистуйнъ тала 185.
Ширдыктуйнъ даба 590.
Ширѣту цаганъ нуръ 430.
Ширэгійнъ голъ 226, 228.
Ширэгіинъ гэцзыгэйнъ гашунъ 627.
Ширь (уроч.) 590.
Шобхуданъ тологой 185.
Шонго ула 175.
Шоройнъ нуру (хреб. въ дол. Ибэна) 50.
Шоронъ байца.
Шубунъ хара 620.
Шубутай (горы) 53.
Шубуту (горы близъ Саиръ усу) 175.
Шубуту (почт. ст.) 181.
Шудыинъ даба 213.
Шуругіинъ голъ 234.
Шурукъ (почт. ст.) 221, 234.
Шурунъ чулу 187.
Шуту (падь близъ Кобдо) 338.
Шучжіинъ усу 460.

Ѣ.

Ѣръ хаирханъ 357, 359.
Ѣрыйнъ худукъ 357.
Ѣрэнъ дабасу нуръ 630, 631.
Ѣрэнъ модонай даба 393.

Э.

Эбдэрхэй балагасу (или хэрэмъ, въ ур. Чинъ тологой) 474.
Эбдэрхэй хитъ 204.
Эбдэрэсэнъ цаганъ байшинъ 467.
Эбугэнъ хурѣ (близъ Улясутая) 247, 281.
Эбицэйнъ худукъ 605.
Элису 632.
Элэсунъ даба 295.
Элэсутуйнъ дабанъ 465.
Элэсуту тологой 209.
Элэсуту хошу 478.
Эмту нуръ (колодецъ) 164, 166.
Эмэль тологой 212.
Энгирь-хайласу 627.
Энгэрыйнъ цзамъ 463.
Эргицэкъ 193.
Эргэнэгіинъ ула 600.
Эрдэни обо 22.
Эрдэни обо (въ гоби) 625.
Эрдэни цзу 52, 65, 79, 90, 109, 117, 157, 333, 426—459, 485, 492, 496.
Эрдэни хутуль 203.
Эрѣнъ хабирга 289.
Эрѣнъ хошу 631.
Эрхэту ула 54.
Эхинэ усу 634.

Я.

Ялату ула 220.
Ялту (уроч.) 372.
Яма тэргэчіинъ цзамъ 583.
Ямату голъ (притокъ Идэра) 374.
Ямату голъ (притокъ Тэкши) 387.
Ямату ула 223, 283.
Ямату уланъ 302, 339.
Ямату хундуй 283.
Янь-бо-шань 644, 645, 650.
Янгирцагіинъ хутуль 298.
Янъ-цзы-цзянъ 592.
Яргайтуйнъ дорольчжи 473.
Яргайтуйнъ хундуй 473.

Й.

Йэхэ адацакъ 163.
Йэхэ булукъ (горы) 232.
Йэхэ даба 213.
Йэхэ модочины (нутукъ) 589.
Йэхэ монголъ элэсу 466.
Йэхэ муруй гоби 182.
Йэхэ обо (гора) 5.
Йэхэ тэнгріинъ ама 74.
Йэхэ удэ 621.
Йэхэ хаирханъ 156.
Йэхэ-холбо нуръ 402, 403.
Йэхэ цубурай ама 234.
Йэхэ цэсъ (почт. ст.) 286.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
64	5—12	1649	1651
73	33	Сангійнъ	Сонгинà
77	11	растетъ	ростетъ
78	7	галбы̀инъ	галбà̀йнъ
101	12	ᠪᠠᠯᠪᠠᠰᠤ	ᠪᠠᠯᠪᠠᠰᠤ
106		обработанныя	обработанные
118	13	Чжебцзӯнъ	Чжэбцзӯнъ
215	18	Хобулъ	Хобòлъ
221	34	другаго	другого
223	16	таблицѣ	въ таблицѣ
225	6	ӯлцзӯръ	Ӯлцзӯръ
235	39	бэ̀йсэ	бэ̀йлэ
244	28	Цэньгунь	Цэнгӯнь
250	17	монгольскаго	маньчжурскаго
251	32	времена	времени
255	21	проходить	проходитъ
272	32	А. В. Васеневъ	А. Д. Васеневъ
318	3	тѣмъ ме менѣе	тѣмъ не менѣе
365	30	Далай àна	Далà̀й вà̀на
461	9	возрасталъ	возросталъ
466	6	неподолеку	неподалеку
506	19	Цэгэрлигунъ	Цэцэрлигӯнъ
528	3	отвѣты	обѣты
582	11	22-го числа	12-го числа

80 VR

Проверено
1953 г.

20.